П. А. Дружинин

ИДЕОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

ЛЕНИНГРАД, 1940-Е ГОДЫ

П. А. ДРУЖИНИН ИДЕОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

1

Новое
Литературное
Обозрение

П. А. Дружинин

ИДЕОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

ЛЕНИНГРАД, 1940-е ГОДЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

1

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА 2012

УДК 82.0(470.23-25) (091) "194"
ББК 83.3 т (2)62
Д76

Рекомендовано к печати
кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин
Историко-архивного института РГГУ

Рецензенты:
К. М. Азадовский,
кандидат филологических наук,
член-корреспондент Германской академии языка и литературы
Р. Ш. Ганелин,
доктор исторических наук,
член-корреспондент Российской академии наук

Дружинин, П. А.
Д76 Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. Т.1. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 592 с.: ил.

ISBN 978-5-86793-982-3 (т.1)
ISBN 978-5-86793-981-6

Книга П.А. Дружинина посвящена наиболее драматическим событиям истории гуманитарной науки XX века. 1940-е годы стали не просто годами несбывшихся надежд народа-победителя; они стали вторым дыханием сталинизма, годами идеологического удушья, временем абсолютного и окончательного подчинения общественных наук диктату тоталитаризма. Одной из самых знаменитых жертв стала школа науки о литературе филологического факультета Ленинградского университета. Механизмы, которые привели к этой трагедии, были неодинаковы по своей природе; и лишь по случайному стечению исторических обстоятельств деструктивные силы устремились именно против нее. На основании многочисленных, как опубликованных, так и ранее неизвестных источников автор показывает, как наступала сталинская идеология на советскую науку, выявляет политические и экономические составляющие и, не ограничиваясь филологией, дает большую картину воздействия тоталитаризма на гуманитарную мысль.

УДК 82.0(470.23-25) (091) "194"
ББК 83.3 т (2)62

Посвящается
памяти моего отчима
Евгения Николаевича Филинова
(15.III. 1932–15.V. 2006)

ВВЕДЕНИЕ

История отечественной гуманитарной науки в годы советской власти может быть охарактеризована как эпоха противостояния науки и идеологии. Это противостояние закончилось неминуемым подчинением науки идеологическому диктату, уничтожением как отдельных ученых, так и целых научных школ и направлений. Наука о литературе полностью разделила эти тяготы. До середины XX в. ей еще удалось просуществовать на дореволюционном наследии вкупе с плодами научного свободомыслия первых пореволюционных лет, в науке еще было место для таких ученых, как М. М. Бахтин, Г. А. Гуковский, В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум и др. Но после стерилизации 1949 г. наука о литературе превратилась в одну из отраслей политсхоластики, оказавшись если не в интеллектуальном вакууме, то в условиях, приближенных к таковому.

Немногочисленные ростки мысли, которые смогли взойти в столь невыносимых условиях, выжили и утвердились только лишь потому, что долгое время не воспринимались этой самой «наукой» всерьез. Именно по этой причине вторая половина XX в. представляется временем, когда наука о литературе развивалась не благодаря, а исключительно вопреки руководящей воле.

В результате ее символами стали Ю. М. Лотман, Н. Я. Эйдельман и другие ученые. Они — настоящие герои науки о литературе, по гамбургскому счету; и сейчас уже не имеет значения, что Ю. М. Лотман не имел академических лавров, а Н. Я. Эйдельман или В. Э. Вацуро не были докторами наук... Скорее это укор современникам и верный диагноз системе научной иерархии.

Таким образом, пройдя за 70 лет дантовы круги советской действительности, гуманитарная мысль не только смогла выжить, но и дождаться смерти последней. Но какова была цена! Наука о литературе вышла обескровленной, с извращенной системой ценностей, отягощенная методологическим и кадровым балластом.

Столь пессимистический взгляд лишь усиливается проблематикой, которой посвящена настоящая книга. 1940-е гг. стали не просто годами несбывшихся надежд; они стали вторым дыханием сталинизма, годами идеологического удушья, временем абсолютного и окончательного подчинения общественных наук диктату тоталитаризма. Цена победы режима была велика: из науки были выдавлены не только отдельные ученые, но уничтожены целые научные направления, с превеликим трудом сформировавшиеся в предвоенные годы.

Одной из самых знаменитых жертв, принесенных на алтарь сталинизма в 1940-е гг., стала школа науки о литературе филологического факультета Ленинградского университета. Механизмы, которые привели к уничтожению этой научной школы путем изгнания ее ведущих представителей, были неодинаковы по своей природе; и лишь уникальным стечением исторических обстоятельств можно объяснить то, что деструктивные силы оказались в конце 40-х гг. направлены именно против нее.

Естественно, столь печальный итог может быть лаконично объяснен той идеологической линией, которую проводило сталинское руководство. Но динамика этого процесса, в ходе которого на «идеологический фронт» поочередно вступали различные управляемые или спонтанные разрушительные силы, порой не всегда очевидно «идеологические», оказывается важной для осмысления истории советского общества и истории отечественной науки вообще.

Исследованию как самих механизмов идеологии советского тоталитаризма 1940-х гг., так и результата их воздействия на науку о литературе и отдельных ее представителей посвящена наша работа.

* * *

Поскольку мы рассматриваем различные и многочисленные аспекты как политической, так и интеллектуальной истории СССР 1940-х гг., то историография исследуемого вопроса оказывается достаточно обширной и неоднородной.

Непосредственному вопросу нашей книги — влиянию идеологии на развитие ленинградского литературоведения в первые послевоенные годы — посвящено не так много исследований. По сути, они исчерпываются знаменитой статьей К. М. Азадовского и Б. Ф. Егорова «Космополиты»[1], которая представляет собой расширенный вариант их более ранней работы «О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949»[2]. Основанные преимущественно на печатных источниках, с привлечением рукописных документов из архива К. М. Азадовского, эти публикации имели известный резонанс и давно стали хрестоматийными.

То обстоятельство, что за прошедшие годы к двум указанным текстам не прибавилось сколько-нибудь ощутимых работ по данной проблематике, где бы публиковались неизвестные ранее источники, нуждается в объяснении. По-видимому, связано это с тем, что 1940-е гг., особенно в отдельно взятой научной области (притом локализованной географически), не представляются уж настолько далеким прошлым, прикосновение к которому происходило бы безболезненно для современников. Учитывая то обстоятельство, что многие участники тех событий имеют ныне здравствующих учеников, последователей да и просто потомков, историки науки из числа филологов практически не касались в своих изысканиях подробностей конца 40-х гг., ограничиваясь картиной, данной К.М. Азадовским и Б. Ф. Егоровым.

Но многие вопросы, рассмотренные нами, к настоящему времени имеют фундаментальные исследования; особенно это касается работ, необходимых для осмысления общей идеологической атмосферы середины XX в. Таковы книги Д. Л. Бабиченко[3],

[1] *Азадовский К., Егоров Б.* «Космополиты» // Новое литературное обозрение. М., 1999. № 36. С. 83–135.

[2] *Азадовский К., Егоров Б.* О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. Л., 1989. № 6. С. 157–176.

[3] *Бабиченко Д. Л.* Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994.

Ю. Н. Жукова[4] и особенно Г. В. Костырченко[5]. Также необходимо отметить труды менее масштабные по тематическому охвату, но оттого не менее важные для осмысления эпохи и ее движущих сил — это книги В. М. Алпатова[6], В. Ф. Зимы[7], В. А. Иванова[8], В. Н. Сойфера[9] и некоторых других, которые являют собой примеры детально документированных и выверенных в своих выводах исторических исследований.

Источниковедческая направленность нашей работы, а также стремление представить верную и аргументированную картину происходившего поставили нас перед необходимостью направить максимальные усилия на формирование репрезентативной источниковой базы. Причем важно было не только хронометрировать события, происходившие в ленинградской науке, но и попытаться выявить их предпосылки, а также обозначить их место на общем фоне отечественной истории 1940-х гг.

Традиционно источники в историческом исследовании разделяются на печатные и рукописные (опубликованные и неопубликованные), причем использование рукописных (неопубликованных) источников почитается, особенно в квалификационных работах, показателем глубины исторического исследования. Несмотря на справедливость такого положения, оно все же не является аксиомой и требует специальной оговорки. Дело в том, что зачастую привлечение рукописных источников диктуется не столько отсутствием их печатных аналогов, сколько сложностью эвристики печатных источников вообще. Рукописные источники, ценность которых неоспорима, нередко дублируют те сведения, которые могут быть почерпнуты из книг, периодических и ведомственных изданий. Кроме того, на практике библиографическая эвристика в силу своей многогранности оказывается порой сложнее эвристики архивной, почему часто нахождение публикации какого-либо документа в печати оказывается даже более трудоемким, нежели выявление его в архивохранилище[10]. Причем это утверждение справедливо как для исследователя отечественной истории середины XX, так и XVIII столетия.

---

[4] *Жуков Ю. Н.* Сталин: тайны власти. М., 2005.

[5] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001; *Он же.* В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Документальное исследование. М., 1994.

[6] *Алпатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.

[7] *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. М., 1996.

[8] *Иванов В. А.* Миссия Ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг.: На материалах Северо-Запада РСФСР. СПб., 1997.

[9] *Сойфер В. Н.* Власть и наука: (Разгром коммунистами генетики в СССР). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002.

[10] В качестве примера этого явления приведем следующий. Многочисленные ведомственные издания середины XX в. — циркулярные письма, отдельные приказы наркоматов и министерств, своды ведомственных инструкций или распоряжений, агитационные и информационные листовки и брошюры, а также описания циклов лекций, программы конференций и совещаний, каталоги выставок и т. п. — в большинстве случаев оказываются не только не отражены в каталогах крупнейших библиотек, но и не сохранены наряду с книгами, газетами и журналами в их фондах. Такие издания не обрабатывались и не хранились традиционно (как книги или периодические издания), а поступали на хранение в так называемый сектор групповой обработки библиотек, где значительная их часть со временем сдавалась в макулатуру. Часть оставшегося (в РНБ или РГБ, например) сохраняется ныне перевязанной в пачки или картоны, будучи собрана по тематическому принципу; выдача же таких подборок в читальные залы сопряжена с большими трудностями и чаще всего не практикуется. Вполне очевидно, что многие исследователи даже не подозревают о существовании таких печатных материалов, группа которых действительно многочисленна, а ценность в качестве источника неоспорима.

Таким образом, в процессе написания этой работы мы со всем возможным вниманием отнеслись к печатным источникам, совокупность которых следует рассматривать в качестве нескольких больших комплексов.

Во-первых, это тематические документальные сборники, прежде всего — основанной А. Н. Яковлевым серии «Россия. XX век. Документы»[11], а также серии «Документы советской истории»[12]. Несмотря на неодинаковый уровень археографической подготовки различных томов, ценность опубликованных в них документов велика, а обстоятельства последних лет, когда наблюдается ужесточение допуска исследователей к архивным документам, лишь увеличивают ее.

Во-вторых, это публикации в периодических изданиях. Наиболее важными из них представляются газеты, как центральные, так и областные, городские и многотиражные, — значительное число их за 1945–1949 гг. было просмотрено полностью[13]. Также были просмотрены полностью многие журналы за 1941–1950 гг., общественно-политические, литературно-художественные и отраслевые[14]. Значительное число важных государственных документов — приказов и постановлений — было привлечено нами по публикациям в ведомственных изданиях[15].

В-третьих, значительную ценность в качестве источников имеют отдельные печатные издания изучаемого периода — публикации стенограмм совещаний в ЦК ВКП(б) и в других учреждениях[16], а особенно — многочисленные стенограммы выступлений

---

[11] Нами были использованы тома: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике, 1917–1953 / Сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М., 2002; Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953 / Сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М., 2005; Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 / Сост. Л. В. Максименков. М., 2005; Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации, 1938–1953 / Сост. Г. В. Костырченко. М., 2005; и др.

[12] Особенно нам были важны два тома этой серии: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953 / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002; Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «Коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 2007.

[13] В числе просмотренных полностью — «Правда», «Культура и жизнь», «Литературная газета», «Учительская газета», «Советское искусство», «Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград», «Смена», «Московский университет», «Ленинградский университет» и др.

[14] «Большевик», «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Крокодил», «Звезда», «Пропаганда и агитация», «Вестник Московского университета», «Вестник Ленинградского университета», «Вестник Академии наук СССР», «Известия Академии наук СССР: Отделение литературы и языка», «Вестник Высшей школы», «Литература в школе», «Народное образование», «Советская этнография», «Советская педагогика», «Славяне» и пр.

[15] В том числе таких, как «Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, издаваемое Управлением Делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР», «Собрание постановлений и распоряжений Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», «Бюллетень Министерства высшего образования СССР», «Министерство Просвещения РСФСР: Приказы и инструкции», «Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения»; «Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета» и т. д.

[16] Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). М., 1948; Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947: Стенографический отчет // Вопросы философии. М., 1947. № 1; Советская литература: Материалы совещания-семинара преподавателей советской литературы педагогических институтов. М., 1947; и др.

и лекций партийных и государственных деятелей, издававшиеся Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний[17].

Четвертая группа — это опубликованные эпистолярные источники. Она не столь многочисленна, но включает в себя один принципиально важный — переписку М. К. Азадовского с Ю. Г. Оксманом[18], благодаря которой можно оценить обстановку 1940-х гг. глазами участников событий.

Отдельным корпусом опубликованных источников является мемуарная литература. Имея возможность соотнести находящиеся в нашем распоряжении документы с фактологией мемуаров, особенно написанных на излете века, мы нередко испытывали к последним некоторое недоверие. В этой связи стоит вспомнить мнение Марка Блока относительно таких свидетельств: «Даже самые наивные полицейские прекрасно знают, что свидетелям нельзя верить на слово. Но если всегда исходить из этого общего соображения, можно вовсе не добиться никакого толку. Давно уже догадались, что нельзя безоговорочно принимать все исторические свидетельства. <...> Однако принципиальный скептицизм — отнюдь не более достойная и плодотворная интеллектуальная позиция, чем доверчивость, с которой он, впрочем, легко сочетается в не слишком развитых умах»[19].

Конкретизируем нашу мысль: часто нарочитая тенденциозность становится причиной того, что в некоторых мемуарах можно отметить как искажение или замалчивание определенных фактов, так и заведомую ложь. Например, в мемуарах К. М. Симонова[20] и Д. Т. Шепилова[21], несмотря на действительную ценность этих текстов как источников, многое оказывается изображенным в ином свете, что является следствием попыток авторов отгородиться от сталинизма, во времена которого они жили, работали и которому они преданно служили. По этой причине мы старались по возможности перепроверять фактическую сторону мемуарных свидетельств.

Завершить обзор опубликованных источников следует группой печатных изданий, которые хотя и были изначально изданы типографски, но печатались с грифом «Секретно» или «Совершенно секретно», то есть содержали сведения, составляющие государственную тайну, и хранились соответственно (в отличие от книг, имеющих гриф «Для служебного пользования», которые поступали в спецхраны библиотек). По прошествии же времени эти издания подлежали уничтожению. Как особенно ценные источники данной группы укажем изданный с грифом «Секретно» объемный справочник «Научные кадры ВКП(б)» 1930 г.[22], единственный известный нам экземпляр которого сохраняется в частном собрании (г. Москва), а также напечатанный с грифом «Совершенно секретно» подробный отчет Академии наук СССР за 1949 г.[23], который сохранился в архивном фонде В. М. Молотова[24].

---

[17] Перечень московских изданий Общества см.: Каталог стенограмм публичных лекций и брошюр, изданных с 1947 по 1953 год / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1954.

[18] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954 / Изд. подгот. К. М. Азадовский. М., 1998.

[19] *Блок М.* Апология истории. М., 1973. С. 47.

[20] *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1989.

[21] *Шепилов Д. Т.* Непримкнувший. М., 2001.

[22] Научные кадры ВКП(б): Персональный справочник о составе научных работников членов и кандидатов ВКП(б). М.: ЦК ВКП(б), 1930. [Издано с грифом «Секретно».]

[23] Отчет о деятельности Академии наук Союза ССР за 1949 год / Редакция — С. И. Вавилов, А. В. Топчиев. [М.]: Издательство Академии наук СССР, 1950. [Издано с грифом «Совершенно секретно».]

[24] РГАСПИ. Ф. 82 (В. М. Молотов). Оп. 2. Д. 935. (Экземпляр № 6.)

Значительную часть материалов для написания данной работы составляют неопубликованные источники. Круг документов и архивохранилищ оказался в результате довольно многочисленным, что объясняется как различной ведомственной подчиненностью рассмотренных вопросов, так и зачастую раздробленностью фонда одного учреждения между несколькими архивохранилищами. Также отметим, что необходимость репрезентативного поиска источников не позволила нам остановиться на «базовом», если так можно выразиться, архивохранилище; с другой стороны, это обстоятельство позволило выявить множество источников, без которых написание этой работы было бы невозможно во всей полноте. Неопубликованные источники также можно разделить на несколько групп, очертив лишь основные комплексы документов.

Первая группа — документы высших органов власти, союзных и российских министерств и ведомств. Прежде всего, это сохраняющиеся в РГАСПИ материалы ЦК ВКП(б), в числе которых отложились и кадровые решения, и обращения ленинградских ученых, и прочие важные для настоящей работы материалы. Значительная часть использованных документов сохраняется в ГА РФ, где мы пользовались фондами МВО СССР, ВАК при СМ СССР, Славянского комитета СССР, Министерства просвещения РСФСР и др. Кроме того, мы использовали материалы Секретариата ССП СССР, носившие директивный характер[25].

Вторая группа — документы, относящиеся к общественно-политической и научной жизни Ленинграда. В качестве дополнения к материалам, которые публиковались в газетах, оказалось возможным обратиться к достаточно специфическому и малоизвестному источнику, который существенно дополнил хроникальную часть работы. Речь идет о «Вестнике ленинградской информации», ежедневно рассылаемом Ленинградским отделением ТАСС и полностью сохранившемся за интересующие нас годы в фондах ЦГАЛИ СПб (фонд ЛенТАСС). В том же архиве сохраняется еще один важный и столь же мало используемый источник — это так называемые микрофонные материалы Ленинградского радиокомитета, представляющие собой цензурные экземпляры текстов, шедших в радиоэфир, причем как материалы прямого эфира, так и записанные для трансляции на специальные носители[26]. Наиболее важной частью этого комплекса являются сохранившиеся в максимальной полноте тексты новостных выпусков Ленинградского

---

[25] Секретариат ССП СССР, сформированный после постановления «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» и начавший работу в сентябре 1946 г., напоминал по своим методам и задачам отдел ЦК ВКП б), а протоколы его заседаний имели характер информационных бюллетеней ССП, которые размножались на ротаторе и рассылались циркулярно. Именно такой «комплект», направлявшийся из Москвы в ССП Татарской ССР и сохранившийся в его материалах (НА РТ. Ф. 7083), был нами использован в работе.

[26] Основным источником для радиотрансляций в те годы, за исключением прямого эфира и воспроизведения грампластинок, были записи на восковые носители (восковой оригинал пластинки допускает до пяти-шести качественных воспроизведений); таким способом записывались интервью, радиообращения, стихотворения и прочее. В 1931 г. на фабрике звукозаписи при Всесоюзном радиокомитете были сделаны первые опыты магнитной записи, но ее широкое использование началось по окончании Великой Отечественной войны, когда союзники получили возможность разделить между собой наиболее совершенную на то время германскую звукозаписывающую промышленность. В Ленинградском доме радио трофейное звукозаписывающее оборудование было установлено в августе 1947 г., с осени оно использовалось для стационарной записи с последующей передачей по радио; обычно в таких случаях на микрофонных материалах Ленрадиокомитета имеется пометка «Магнетофон» [sic!]. Удобством использования магнитная запись быстро вытеснила воск, крупные студии перешли на нее уже в 1948 г. (см.: *Волков-Ланнит В.Ф.* Искусство запечатленного звука: Очерки по истории граммофона. М., 1964. С. 45).

радио. Ценность этих материалов также велика по той причине, что они не подверглись чистке в связи с «ленинградским делом». Важным источником стали документы партийных организаций Ленинграда — обкома и горкома ВКП(б), а также некоторых райкомов, особенно Василеостровского, сохраняющиеся в ЦГАИПД СПб.

Третья группа — материалы по истории филологической науки, преимущественно ЛГУ и Пушкинского Дома. Документы Ленинградского университета сохранились с достаточной полнотой, но распределены по нескольким хранилищам — собственно Архив СПбГУ, ЦГА СПБ, а также ЦГАИПД СПб, где отложились материалы парторганизации ЛГУ (в том числе стенограммы проработочных собраний). Большая часть материалов Пушкинского Дома за указанные годы сохраняется в ПФА РАН (включая некоторые важные стенограммы, приказы дирекции, распоряжения Президиума АН СССР), здесь же в отдельном фонде отложились материалы академика А.С. Бушмина, по которым оказалось возможным восстановить его роль в событиях тех лет; документы парторганизации ИРЛИ также отложились в ЦГАИПД СПб. Значительная часть материалов по истории науки о литературе выявлена нами в фондах ЛО Союза советских писателей СССР и ЛО издательства «Советский писатель» (ЦГАЛИ СПб), а также в фондах их первичных парторганизаций (ЦГАИПД СПб).

Четвертая группа — биографические материалы, которые активно использовались нами как для установления либо уточнения биографических данных многочисленных персоналий, так и для максимально точной датировки кадровых решений[27]. Это, прежде всего, практически исчерпывающий комплекс приказов и распоряжений ректоров ЛГУ, сохраняющийся в архиве СПбГУ; там же находятся и бухгалтерские лицевые счета, которые велись на всех студентов и профессорско-преподавательский состав университета. Стоит отметить, что в процессе работы в архиве СПбГУ мы смогли прочувствовать происходившее ужесточение доступа к архивным документам этого вуза: началось с того, что в начале 2000-х гг. нам перестали выдавать личные дела студентов и преподавателей, но тогда для уточнения биографических сведений мы открыли для себя такой важный источник сведений как лицевые счета; однако с конца 2000-х гг., нам перестали выдавать и их, одновременно закрыв допуск ко всем приказам ректора. В настоящее время вопрос решен принципиально: в архиве СПбГУ закрыты для исследователей вообще все (!) документы после 1937 г. Учитывая сказанное, отрадно отметить тот факт, что еще до введения таких «новшеств» оказалось возможным воспользоваться как личными делами ленинградских филологов — членов Союза советских писателей (ЦГАЛИ СПб), так и произвести подробный просмотр большей части аттестационных дел филологов в фонде ВАКа (ГА РФ; дела находятся на хранении в ЦХСФ Росархива

[27] Особенно это стало актуальным тогда, когда оказалось, что в печатных изданиях по истории ЛГУ отсутствуют (либо приведены с ошибками) даже даты назначения ректоров и деканов, а вышедший недавно четвертым изданием массивный справочник «Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета» (СПб., 2008) не может восприниматься в качестве безупречного источника биографических сведений.

Кроме того, некоторые печатные источники оказываются поистине губительными для исследователя: например, в важнейшем справочнике «Диссертации, защищенные в Ленинградском ордена Ленина государственном университете имени А. А. Жданова, 1934–1954 гг.: Библиографический указатель» (Сост. Н. Н. Кирикова, Е. П. Таубина. Л., 1955), где представлены сведения о 2105 кандидатских и 173 докторских диссертациях, в действительности неверно указаны даты защит (sic!), которые установлены, по-видимому, исходя из даты регистрации текстов диссертаций в библиотеке ЛГУ, причем зачастую они оказываются даже более поздними, нежели утверждение диссертаций в ВАКе.

в г. Ялуторовске Тюменской обл.)[28]. Кроме того, с целью уточнения биографических сведений мы обращались к личным делам ученых-филологов в архивах вузов и академических институтов Москвы, Санкт-Петербурга и Казани, которые более доступны для исследователей.

Пятая группа — дневники и мемуары современников, написанные непосредственно в 40-х гг., до сих пор не увидевшие света. Мы пользовались лишь частично опубликованными дневниками Б. М. Эйхенбаума (РГАЛИ) и дневником Н. С. Державина (ПФА РАН). Но наибольшей ценностью, да и вообще едва ли не самым значительным неопубликованным источником для нашей работы являются записки профессора О. М. Фрейденберг, с машинописной копией которых мы могли ознакомиться благодаря Н. В. Брагинской. Дух этих записок во многом определил тональность настоящей работы[29].

Шестая группа — эпистолярий ленинградских ученых-филологов. Этот материал относится преимущественно к тому времени, когда ленинградские ученые были разбросаны войной по разным городам страны. Мы использовали в своей работе письма ученых из Архива РАН, ПФА РАН и ЦГАЛИ СПб.

Завершить обзор неопубликованных источников хотелось бы перечнем того, что было желательно, но по не зависящим от нас причинам не оказалось возможным использовать в нашей работе. Речь идет даже не о тех документах, доступ к которым для рядовых исследователей с 2004 г. был окончательно закрыт по политическим мотивам (от комплексов важнейших партийных документов, остающихся на хранении в Архиве Президента РФ, до следственных дел Г. А. Гуковского, А. А. Вознесенского и многих других в ЦА ФСБ)[30]. Хотя и здесь ужесточения с каждым годом все более напоминают спуск железного занавеса. В ЦА ФСБ, например, даже получение стандартных кратких справок по уголовным делам (дата и причина ареста, дата вынесения приговора и прочие краткие сведения), ранее не встречавшее сложностей, ныне сопряжено с серьезными трудностями, которые оказались для наших скромных возможностей, увы, непреодолимыми. Также органы ЗАГС, где ранее без особенного труда мы уточняли даты смерти, с некоторого времени перестали предоставлять такую информацию, мотивируя свой отказ «конфиденциальностью»[31]. Кроме того, в РГАСПИ и ЦГАИПД СПб в последние годы

---

[28] К сожалению, в фонде сохранились преимущественно дела докторов наук и профессоров; ср.: «С начала 80-х годов проводилась экспертиза составляющих большую часть фонда личных аттестационных дел, в процессе которой выделялись к уничтожению личные аттестационные дела кандидатов наук, доцентов и старших научных сотрудников, завершенные делопроизводством после 1 января 1945 г.» (Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. М., 1997. Т. 3. С. 219).

[29] Читатель сможет не раз убедиться в том, насколько точно и бесстрашно Ольга Михайловна диагностирует эпоху; вместе с тем необходимо оговорить то обстоятельство, что в личностных характеристиках она может быть излишне категоричной. (Хотя и не настолько, чтобы согласиться с мнением В. М. Алпатова, будто «принимать на веру оценки Фрейденберг (что в наши дни нередко делается) никак нельзя»; см.: *Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005. С. 95.)

[30] Законодательно это было закреплено в статье 24.4 Федерального закона РФ от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»: «Ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов...»

[31] Действующий Федеральный закон РФ «Об актах гражданского состояния» (№ 143-ФЗ от 15 ноября 1997 г., в том числе и в редакции с последними изменениями на 28 июля 2010 г.) в статье 9.1. устанавливает, что «повторное свидетельство о регистрации акта гражданского состояния выдается: <...> родственнику умершего или другому заинтересованному лицу в случае, если лицо, в отношении которого была составлена ранее запись акта гражданского состояния,

оказались закрытыми некоторые документы, которые беспрепятственно выдавались нам ранее[32], и т.д. Эти преграды могут быть объяснены обстоятельствами переживаемого нами периода борьбы с «фальсификацией истории» и носят всеобщий характер.

Говоря о неопубликованных источниках, необходимо упомянуть и те, которые оказались недоступными по иным обстоятельствам. Вероятно, эти документы и не столь важны для нашей работы, особенно с учетом уже выявленных материалов, но одно осознание того, что они существуют, но нет никакой возможности с ними ознакомиться, не дает нам покоя. Перечислим наиболее болезненную desiderata. Во-первых, в конце 1990-х гг. наследники Б. М. Эйхенбаума закрыли для доступа исследователей его личный фонд (РГАЛИ. Ф. 1527)[33]. Во-вторых, не обработаны и не выдаются рядовым читателям материалы личного фонда Л. Я. Гинзбург (ОР РНБ. Ф. 1377). В-третьих, долгие годы лежат без движения коробки с материалами журнала «Звезда» за послевоенные годы, которые также не выдаются исследователям (РО ИРЛИ РАН. Ф. 109). И, наконец, закрыт фонд стенгазет академических учреждений, в составе которого, согласно описи, имеются и стенгазеты Пушкинского Дома за 1940-е гг. (ПФА РАН, разряд VII)[34].

Важными для настоящей работы оказались аудиовизуальные источники: мы ознакомились с хранящейся в РГАКФД (г. Красногорск Московской обл.) практически исчерпывающей подборкой киножурналов 1940-х гг. и прочих киноматериалов, изготовленных Ленинградской студией кинохроники («Ленинградский киножурнал», документальные спецвыпуски и т. д.). На основании монтажных карт хроникальных кинолент, которые были просмотрены полностью за интересующие годы, оказалось возможным просмотреть в РГАКФД интересующие выпуски всесоюзных киножурналов («Новости дня», «Союзкиножурнал» и др.), выпущенных на Центральной студии документальных фильмов (г. Москва), в которых имеются киноматериалы по теме нашей работы[35]. Запись документальной ленты «Разгром» (Ленинградское телеви-

---

умерло»; однако после принятия в 2004 г. Закона об архивном деле РФ это выполняется только в том случае, если в заявлении указывается точная дата смерти.

[32] Некоторые документы для сверки текста нам удалось получить вновь лишь после процедуры рассекречивания; некоторые документы вновь получить так и не удалось.

[33] Оговоримся, что несколько единиц хранения, шифры которых были нам известны по ссылкам в литературе, были нам выданы; но прочие материалы, равно как и как опись фонда, остались недоступными.

[34] Некоторые материалы стенгазет, своевременно не переданных в 1950-х гг. в Архив АН СССР и оставшихся таким образом в ИРЛИ, были частично опубликованы в кн.: Пушкинский Дом в лицах: Неформальная история в фотографиях, рисунках и забытых текстах / Сост. В. С. Логинова. СПб., 2007.

[35] О роли документального кино как исторического источника мы скажем словами чехословацкого режиссера Петра Скалы (род. 1947): «Документальный фильм, на мой взгляд, как бы бомба с часовым механизмом. Поскольку, с одной стороны, мы обращаемся к современнику, к его жизни в нынешнем мире, а затем через столько-то лет рассказываем будущим поколениям о нашем времени и о нашем видении этого мира. История немилосердно выведет на свет все наши непоследовательности, слабости и неспособности. История проверит, говорили ли мы правду или нет. Если мы врали современникам, то наши дети простым сопоставлением фильмов с историческими фактами выяснят, как много мы врали. Они даже выяснят, зачем мы это делали. И таким образом документальный фильм скажет правду о времени и правду о нас. Это и есть незаменимая роль документального фильма, это и есть наша ответственность перед сегодняшним и завтрашним днем, поскольку документальный фильм говорит даже тогда, когда он умалчивает» (*Скала П.* Помнить о страшном суде / Правда времени и правда о времени, 1987 // Документальное кино: вчера, сегодня, завтра...: (По материалам международных симпозиумов документалистов. Город Юрмала, 1977–1989 гг.): Сборник стенограмм. Б. м. и г. С. 33–34).

дение, 1989 г.), использованная в настоящей работе, была нами получена из архива К. М. Азадовского.

Материалы РГАФД (бывший Архив звукозаписей СССР) использовались для уточнения цитат из выступлений руководителей партии и правительства, поскольку стенограммы зачастую серьезно редактировались перед выходом в свет (в меньшей степени такие различия между звукозаписями и печатными изданиями характерны для выступлений А. А. Жданова, в большей — для речей И. В. Сталина)[36]. Здесь же укажем, что наше обращение к фонотеке бывшего Ленинградского радиокомитета (ГТРК «Санкт-Петербург») не принесло результата, поскольку материалы за 1940-е гг. в ее фондах практически отсутствуют.

Подбор иллюстраций, которому мы уделили значительное внимание на последнем этапе работы, производился преимущественно в государственных хранилищах — РГАКФД, ЦГАКФФД СПб, ПФА РАН, фототеке Музея ИРЛИ РАН, фототеке ВМП; ряд фотографий почерпнут из частных собраний. В РГАКФД с целью подбора иллюстраций мы использовали как фотофонд, так и кинофонд архива, включая немые киноленты Центральной и Ленинградской студий документальных фильмов. При подборе иллюстраций мы не только стремились найти малоизвестные или совсем неизвестные кадры, но и не нарушить хронологических рамок работы. При этом подписи к иллюстрациям тщательно перепроверялись, а в большинстве случаев — делались нами заново.

* * *

Несколько слов о структуре работы и о принятом нами подходе к использованию источников. Книга состоит из 7 глав и заключения; в главах 1–2 рассматривается эволюция советской государственной идеологии 1940-х гг., а также различные политические и социально-экономические обстоятельства эпохи, без которых невозможно объективно воспринимать главы 3–6, где представлена картина наступления идеологии на филологию и хроника ленинградской науки о литературе второй половины 1940-х гг. Последняя глава повествует о судьбах основных участников описываемых в книге событий.

В тексте работы весьма значительное место занимают выдержки из источников, причем мы сознательно не передаем их содержание своими словами, а стараемся по возможности приводить в виде цитат. Хотя эстетика документов той эпохи достаточно неприглядна, и «мы разумеем риторику ее лганья, семантику полуслов и перифраз, неконтролируемые подтексты»[37], однако это разумение, как нам кажется, приходит лишь при общении непосредственно с источниками. Что же касается до того, что обилие цитат, причем довольно тяжелых по слогу, порой грозит раздавить читателя монотонностью трагической безысходности, то здесь также нужно сказать об умышленном характере такого приема. Постоянное давление эпохи на человека, «удушающий газ», как называла сталинскую «заботу» О. М. Фрейденберг, было настолько тягостно, что, быть может, нам удастся хотя бы посредством цитат передать толику той атмосферы, в которой вынуждены были существовать участники событий — «в это дикое время, среди этого мракобесия, лакейства и подлости»[38].

---

[36] К сожалению, среди звукозаписей РГАФД 1940-х гг. имеются лишь те, которые передавались полностью по Всесоюзному радио или издавались в виде грампластинок.

[37] *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто, 2005. С. 10.

[38] Слова Б. М. Эйхенбаума из дневника, 11 июля 1947 г.; цит. по: *Тоддес Е. А.* Б. М. Эйхенбаум

Кроме того, именно благодаря цитатам мы попытались избежать категоричности авторских суждений, предоставляя возможность говорить историческим источникам — не только более красноречивым и беспристрастным, но и более убедительным.

При цитировании документов мы старались по возможности сохранить в неприкосновенности их стиль, но несоответствия правилам современной орфографии, которые не несут смыслового или историко-культурного значения, равно и откровенные несообразности, описки и опечатки, исправлены нами при публикации без дополнительных оговорок.

Даже с учетом вынужденных сокращений наша работа может показаться громоздкой, перегруженной фактами, излишними подробностями, нарочито выверенными датами, точным указанием должностей и прочим. «Ваша работа переполнена материалом, фактов чересчур много, но ни одной мысли!»[39] Осознавая эту особенность, лишь скажем, что именно подробная фактологическая скрупулезность послужила твердым основанием для документального исследования и обоснованных выводов.

Также мы осознаем то обстоятельство, что многие из публикуемых нами фактов или документов достойны более подробных комментариев; однако ограниченность объема книги не позволила нам изложить свои мысли по многим вопросам во всей полноте.

* * *

Пользуясь такой возможностью, считаю необходимым поблагодарить всех, кто поощрял автора как помощью и добрым отношением, так и долготерпением.

Прежде всего, Елизавету Викторовну Дружинину и Александра Львовича Соболева, чью постоянную поддержку я чувствовал все годы работы над книгой; Марину Витальевну Бокариус и Михаила Пантелеевича Лепехина, которые искренне и безотказно помогали мне добрыми советами; Нину Владимировну Брагинскую за возможность воспользоваться неопубликованными материалами О. М. Фрейденберг; Марину Федоровну Румянцеву, Юрия Николаевича Жукова, Романа Борисовича Казакова и Александра Сергеевича Сигова за помощь и неизменное дружеское отношение.

Также спешу поблагодарить тех, кто внимательно и терпеливо прочитал рукопись книги и высказал свои мнения и замечания относительно прочитанного — моих рецензентов Константина Марковича Азадовского и Рафаила Шоломовича Ганелина, а также издателя Ирину Дмитриевну Прохорову. Не могу не отметить и значительную помощь, оказанную мне редактором Олегом Васильевичем Ивченко в процессе работы над книгой.

Отдельная благодарность — сотрудникам всех архивохранилищ, где мне представилась счастливая возможность работать, а особенно — Галине Рауфовне Злобиной (РГАЛИ), Нине Ивановне Абдулаевой и Людмиле Геннадиевне Киселевой (ГА РФ), Вере Игоревне Поповой и Наталии Викторовне Быковой (ЦГА-ИПД СПб), Ирине Георгиевне Таракановой (АРАН), Наталье Сергеевне Прохоренко

в 30–50-е годы: К истории советского литературоведения и советской гуманитарной традиции // Тыняновский сборник. М., 2002. Вып. 11. С. 687.

[39] Мы осмелились привести цитату из отзыва С. А. Жебёлева на одну из работ О. М. Фрейденберг (*Брагинская Н. В.* Филологический роман: Предварение к запискам Ольги Фрейденберг // Человек. М., 1991. Вып. 3. С. 143).

и Ирине Владимировне Тункиной (ПФА РАН), Ларисе Яковлевне Федулиной (ЦГА СПб), Ларисе Сергеевне Георгиевской (ЦГАЛИ СПб), Лесе Борисовне Кучер (Архив СПбГУ), Ларисе Александровне Тимохиной (ЦХСФ Росархива, г. Ялуторовск Тюменской обл.), Валентине Сергеевне Логиновой (Музей ИРЛИ РАН).

Москва, февраль 2011 г.

Глава 1
БОЛЬШАЯ ИДЕОЛОГИЯ

День роспуска Коминтерна, 15 мая 1943 г., казался многим современникам знаменательным: наконец-то большевики сами отказались от идеи мирового господства «пролетариев всех стран». На фоне победных новостей с фронтов роспуск Коминтерна казался еще одним из взятых городов или еще одной из выигранных кровопролитных битв, за которыми должны были последовать еще более масштабные и радостные свершения на идеологическом фронте. По крайней мере, как свидетельствуют агентурные сводки Наркомата государственной безопасности, именно такие мысли рождались в умах интеллигенции.

«Скоро нужно ждать еще каких-нибудь решений в угоду нашим хозяевам (союзникам), наша судьба в их руках. Я рад, что начинается новая разумная эпоха. Они научат нас культуре...»[1] — говорил К. И. Чуковский. В этом же ключе высказывался профессор-пушкиновед С. М. Бонди:

«Для большевиков наступил серьезный кризис, страшный тупик. И уже не выйти им из него с поднятой головой, а придется ползать на четвереньках, и то лишь очень короткое время. За Коминтерном пойдет ликвидация более серьезного порядка... Это не уступка, не реформа даже, целая революция. Это — отказ от коммунистической пропаганды на Западе, как помехи для господствующих классов, это отказ от насильственного свержения общественного строя других стран. Для начала — недурно... Вот вам то первое, творческое, что дали немцы и война с ними...»[2]

Более категоричен был Я. Э. Голосовкер:

«Советский строй — это деспотия, экономически самый дорогой и непроизводительный порядок, хищническое хозяйство. Гитлер будет разбит и союзники сумеют, может быть, оказать на нас давление и добиться минимума свобод...»[3]

Но не все были столь единодушны; тонко чувствующий конъюнктуру времени В. Б. Шкловский не отходил от трезвого пессимизма:

---

[1] Сообщение Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов». [Не позднее 24 июля 1943 г.] // Власть и художественная интеллигенция... С. 491.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 492.

«Все равно, у нас никто не в силах ничего изменить, если нет указки свыше... Меня по-прежнему больше всего мучает та же мысль: победа ничего не даст хорошего, она не внесет никаких изменений в строй, она не даст возможности писать по-своему и печатать написанное»[4].

Но лишь будущее могло подтвердить или опровергнуть начертанные перспективы внутриполитических изменений. В приведенных выше цитатах обращает на себя внимание то, что высказывания объединены одинаковым заблуждением, будто «спасение» придет извне. Именно преувеличением роли и влияния союзников на поступки сталинского руководства отличались настроения тех лет. Иногда такие настроения даже превращались, как, например, в словах К. А. Федина, в страх:

«Ничего мы сделать без Америки не сможем. Продав себя и весь свой народ американцам со всеми нашими потрохами, мы только тогда сможем выйти из этого ужаса разрушения... Отдав свою честь, превратившись в нищих и прося рукой подаяния, — вот в таком виде мы сейчас стоим перед Америкой. Ей мы должны поклониться и будем ходить по проволоке, как дрессированные собаки...»[5]

Трудящиеся тыла испытывали иное воздействие союзников: поступавшие из-за границы в качестве помощи продовольственные товары, предметы одежды и повседневного быта почти всегда превосходили по качеству и удобству отечественные; причем некоторые бытовые новинки казались иноземным чудом — например, застежки типа «молния» на бывшей в употреблении заграничной одежде. Вполне естественно, что это порождало непривычный для советского человека притягательный образ западных стран и соответствующие настроения. Даже на фронте, куда от союзников поступали медикаменты и перевязочные материалы, были заметны их значительные преимущества перед отечественными аналогами.

Действительно, примерно с момента заключения 23 августа 1939 г. Советско-германского договора о ненападении (пакт Молотова—Риббентропа) сталинское руководство оказалось отвлечено подготовкой войны с Германией, тем самым сила воздействия на идеологическом направлении несколько ослабла. Репрессии, волна которых уменьшилась в конце 1938 г., перестают носить сплошной и всепоглощающий характер; появляются намеки на свободу литературно-художественного творчества и научной работы. В общественных науках открываются возможности для обсуждения устоявшихся концепций и даже их критики. Одновременно война настолько мобилизовала моральные силы советских людей, что страна испытывала гигантский подъем патриотизма, а с переломом войны — все возрастающей национальной гордости.

Вместе с тем народ-победитель надеялся и на милость от власти; лелеялось и ожидание большей свободы. «Да и с фронта, — говорил в 1943 г. поэт И. Уткин, — придут люди, которые захотят, наконец, получше жить, посвободнее...»[6]

Все это были ожидания военного времени, которое, несмотря на все ужасы, казалось совершенно новой эпохой. Б. Л. Пастернак писал в романе «Доктор Живаго»:

«...По отношению ко всей предшествующей жизни тридцатых годов, даже на воле, даже в благополучии университетской деятельности, книг, денег, удобств, война явилась очистительною бурею, струей свежего воздуха, веянием избавления. <...> И когда

[4] Сообщение Управления контрразведки НКГБ СССР... С. 493–494.
[5] Там же. С. 495.
[6] Там же. С. 488.

возгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы».

Но именно «мессианские» настроения внутри страны, а также, начиная с освобождения Европы, рассказы демобилизованных солдат об условиях заграничной жизни, резко контрастирующие с традиционным, сформированным многолетней пропагандой представлением советского человека, заставили руководство страны задуматься о возможных последствиях. Поэтому с того самого момента, как ход войны был переломлен, активизируется работа сталинского идеологического аппарата. И если с началом войны целью пропаганды являлось усиление патриотизма и антинемецких настроений, то теперь идеологический вектор был направлен на разжигание национальной гордости с одновременной жесткой критикой прозападных настроений и симпатий. И эта идеология наступала широким фронтом с середины войны вплоть до конца 1940-х гг., когда она окончательно вытеснила какие-либо альтернативные настроения.

Еще до этого, 31 июля 1942 г., секретарь Московского обкома и горкома ВКП(б) и одновременно секретарь ЦК ВКП(б) по пропаганде А. С. Щербаков на заседании Бюро МГК ВКП(б) вдруг вспомнил об обсуждении в конце 1935 г. в ЦК вопроса о героизме Минина и Пожарского:

> «...Много было нигилизма к своей русской истории (непонимание наследства), а затем поняли. После постановления ЦК партии было издано много книг о Минине и Пожарском, об Александре Невском... Это указание ЦК партии было связано с разгромом троцкистских и бухаринских историков, с разгромом школы Покровского — вот это куда вело»[7].

Однако исходили подобные умонастроения, конечно, не от Щербакова, а от руководителя страны. Еще до войны Сталин верифицировал свои мысли; впервые во всеуслышание он высказал свою точку зрения 17 марта 1938 г. в Кремле на торжественном приеме в честь папанинцев:

> «За малоизвестных раньше, а теперь известных всему миру наших героев, за папанинцев! За то, чтобы мы, советские люди, не пресмыкались перед западниками, перед французами, перед англичанами и не заискивали перед ними! За то, чтобы мы, советские люди, усвоили, наконец, новую меру ценности людей, чтобы людей ценили не на рубли и не на доллары! Что такое доллар? Чепуха! За то, чтобы мы научились, как советские люди, ценить людей по их подвигам! А что такое подвиг, чего он стоит? Никакой американец, никакой француз, никакой англичанин вам этого не скажет, потому что у него есть одна оценка — доллар, стерлинг, франк. Только мы, советские люди, поняли, что талант, мужество человека — это миллиарды миллиардов презренных долларов, презренных стерлингов, презренных франков (слова Сталина покрываются бурной овацией всех присутствующих)»[8].

Осенью того же 1938 г. Сталин, по воспоминаниям Ю. А. Жданова, озвучил подобные мысли на праздновании 40-летия МХАТа:

> «Знайте, что в мире нет театра, подобного вашему, и, поверьте, французы подметки вашей не стоят. У нас, у русских, с дореволюционных времен сохранилось преклонение перед заграницей. Это рабская черта. На этом иностранные шпионы ловили русских людей»[9].

---

[7] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 252.

[8] *Сталин И. В.* Сочинения. Тверь, 2006. Т. 18. С. 153.

[9] *Жданов Ю. А.* Взгляд в прошлое: Воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, 2004. С. 159.

Но вряд ли эти высказывания вождя стали полной неожиданностью; еще летом 1936 г. в газетах получили отклик две кампании, знаменующие новую линию во внутренней политике. То были кампании по обвинению математика Н. Н. Лузина и сотрудников Пулковской обсерватории во главе с Б. П. Герасимовичем в антипатриотизме и преклонении перед иностранщиной. Тогда стал очевиден формирующийся политический вектор, и, видя аресты своих коллег, «советские ученые полагали неблагоразумным публиковать свои статьи за границей или участвовать в работе западных лабораторий»[10]. В те годы Большой террор окончательно отбил желание налаживать связи с заграницей.

Мысль Сталина была мгновенно подхвачена партийной печатью: 1 мая 1938 г. журнал ЦК ВКП(б) «Большевик» напечатал статью Б. М. Волина[11] «Великий русский народ», заголовок которой станет девизом советской идеологии следующих пятнадцати лет. Да и все основные идеи этой, тогда еще не вполне понятной, идеологии оказались сформулированы умелым пером Волина:

> «Советский патриотизм русского народа — это любовь к социалистической родине — отечеству трудящихся всего мира. Советский патриотизм неразрывно связан с пролетарским интернационализмом, с симпатиями к трудящимся всего мира, борющимся против фашизма, против империалистической буржуазии. <...>
>
> Нет такой отрасли мировой науки и культуры, где бы русский народ не был представлен своими талантливыми сынами.
>
> Гений русского народа неиссякаем. Он творил вопреки неистовствам и зверствам господствующих классов и их правительств. Гений русского народа в великую социалистическую эпоху творит свободно и радостно на свободной советской земле.
>
> Русская литература, русская наука, русское искусство являлись и являются образцом для всех народов нашей страны, для трудящихся всего мира. Культура народов СССР исторически связана с культурой русского народа, она неизменно испытывала и испытывает на себе благотворное влияние передовой русской культуры. Народы СССР с живейшим интересом и вниманием изучают русский язык, изучают искусство, литературу, науку, созданную русским народом. <...>
>
> Иуда-Бухарин в своей ненависти к социализму клеветнически писал о русском народе как о "нации Обломовых". Гончаровское понятие "обломовщины" этот гнусный фашистский выродок пытался использовать в своих контрреволюционных целях. Это была подлая клевета на русскую нацию, на мужественный, свободолюбивый русский

---

[10] *Александров Д. А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: Становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1996. № 3. С. 3. (Цит. фраза А. Вусинича.)

[11] Волин Борис Михайлович (настоящее имя Фрадкин Иосиф Ефимович; 1886–1957), — публицист и партийный деятель, член РСДРП с 1904 г., в 1918–1922 гг. близко общался с В. И. Лениным, делегат VIII, IX и XVI съездов партии. Уже в середине 20-х гг. встал на сторону Сталина, играл важную роль в системе политпросвещения. В 1931–1935 гг. директор ИКП, начальник Главлита и член Коллегии НКП, в 1935–1936 гг. руководил Отделом школ ЦК ВКП(б), в 1936–1937 гг. заместитель министра просвещения РСФСР, затем заведующий кафедрой марксизма-ленинизма в ИФЛИ (с 1939 г. — профессор). В 1941 г. ушел на фронт, участвовал в партизанском движении, после войны работал в ИМЭЛ и преподавал в МГУ. С 1931 по 1945 г. был главным редактором «Исторического журнала», позднее входил в редколлегию «Вопросов истории». См.: *Куйбышева К. С.* Борис Михайлович Волин // Воспитанники Московского университета — большевики дооктябрьского призыва: Биобиблиограф. словарь. М., 1977. С. 53–59.

народ, который в неустанных боях, в напряженнейшем труде выковал свое счастливое настоящее и создает еще более счастливое и прекрасное будущее»[12].

Эта программная статья без труда нашла отклик в историко-литературной области: здесь проводником идей патриотизма оказался Валерий Яковлевич Кирпотин, профессор Института красной профессуры и сотрудник ИМЛИ имени А. М. Горького (в 1932–1936 гг. секретарь Оргкомитета ССП СССР и заведующий сектором художественной литературы Отдела партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)). 15 июня 1938 г. в том же журнале «Большевик» вышла в свет его статья под нейтральным заглавием «Русская культура», однако она символично начиналась словами: «Русский народ — великий народ». Эта статья, подобно другим текстам этого тенденциозного литературного критика, выдает и неудовлетворенные амбиции самого Кирпотина, который претендовал на лавры идеолога в области литературы:

> «Неизбежное торжество социализма во всем мире подготовлено всей предшествующей историей человечества. Триумф учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина в нашей стране — воплощение в жизнь мечты лучших умов всех прошлых поколений, в том числе и лучших людей прошлой культуры русского народа. Русский народ уже в начале своей исторической жизни проявил высокие гражданские доблести и замечательную творческую энергию. Во времена феодальной раздробленности среди русского народа жило сознание национального единства. Летопись повествует об истории "русской земли", ставя понятие национального единства и национальный патриотизм выше антагонизма уделов. Русский народ населял территорию, веками подвергавшуюся нападениям воинственных кочевников. Воодушевлением в борьбе за единство русского народа, против врагов-иноземцев рождено "Слово о полку Игореве" <...>.
>
> То, что было не под силу даже гигантской и всевластной энергии Петра I, сделал гениальный русский ученый, крестьянский сын Михайло Ломоносов. <...> Ломоносов впервые сделал русский язык языком науки и литературы. В этом он является гениальным предшественником Пушкина. В среде, смотревшей на родной язык как на язык варваров, Ломоносов с истинно патриотической гордостью доказывает теоретически и практически полноценность и богатство русского языка. <...> Связанный кровными узами с русским народом, Ломоносов думал не о корысти или о карьере, а о благе народа и о величии своей страны <...>.
>
> Мировая роль русской культуры проявилась с особенной силой, в невиданном масштабе, когда во главе революционной борьбы русского народа стал рабочий класс. <...> Это обстоятельство и явилось причиной превращения России в очаг ленинизма — «высшего достижения» (Сталин) русской культуры.
>
> Деятельность вождей рабочего класса — Ленина и Сталина, — воспитанных на опыте мирового революционного движения и революционных традициях русского народа, превратила нашу страну в центр мировой культурной жизни. Народы всего мира смотрят на русский народ как на учителя борьбы и победы. Советский народ пользуется величайшей любовью и уважением среди всех народов мира. Труднейшие проблемы, над разрешением которых билось все человечество, впервые разрешены народами СССР во главе с русским народом, под руководством Ленина и Сталина»[13].

В качестве образца советского патриота Кирпотин выдвигает Горького:

[12] *Волин Б.* Великий русский народ // Большевик. М., 1938. № 9. 1 мая. С. 26–27, 34.
[13] *Кирпотин В.* Русская культура // Большевик. М., 1938. № 12. 15 июня. С. 47–49, 55, 57.

«А. М. Горький был патриотом своей социалистической родины, учеником, единомышленником, другом и соратником Ленина и Сталина. Он звал всех честных работников культуры всего мира под знамя Ленина — Сталина, он учил в каждом деле руководствоваться великими идеями Ленина и Сталина. <...>

Горький, этот величайший гуманист, страстно ненавидел врагов рабочего класса, врагов народа, врагов культуры. "Если враг не сдается — его уничтожают", — говорил Горький. Эти слова Горького продиктованы великой любовью к трудяшимся. Подлейшие из подлых, изменники и предатели, шпионы и наймиты фашистских контрразведок, троцкистско-бухаринские бандиты убили Горького, величайшего мастера русской и мировой культуры, ибо они являются злейшими врагами культуры, злейшими врагами трудящихся всего мира и русского народа, посягавшими на существование СССР — родины всего передового человечества»[14].

Однако маховик пропаганды советского патриотизма, готовый раскрутиться еще тогда, не был запущен: внешняя политика Сталина требовала попридержать великодержавные амбиции и продемонстрировать лояльность фашизму. Но осенью 1941 г., когда анестетическая оторопь от гитлеровского нападения отпустила руководство страны, идеологическая машина начала активно работать — тема русского героизма стала самой актуальной.

«Вероятно, он раньше и лучше других в партийном руководстве понял, что народ не будет воевать за колхозы, а за родину — будет, что война должна быть отечественной»[15].

7 ноября 1941 г. «Правда» напечатала речь Сталина, сказанную накануне на торжественном заседании Моссовета. В частности, глава государства сказал о фашистах:

«И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных, имеют наглость призвать к уничтожению великой русской нации — нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!»

А уже с начала 1943 г. газета «Литература и искусство», у руля которой стоял секретарь ССП СССР и член ЦК ВКП(б) А. А. Фадеев, начала масштабную кампанию по пропаганде русского патриотизма. Велась она достаточно тонко, особенно с учетом таланта главного редактора — а Фадеев был очень умелым политическим стратегом. Поэтому газета не так часто публиковала громкие редакционные передовые, делая упор на персональные выступления известных деятелей литературы и искусства — А. Н. Толстого, И. Г. Эренбурга, А. М. Герасимова и др.[16] Давая возможность высказаться представителям литературы и искусства, газета таким образом формировала новое мировоззрение коллег по цеху (газета «Литература и искусство» на несколько военных лет объединила «Советское искусство» и «Литературную газету»)[17].

---

[14] *Кирпотин В.* Русская культура. С. 58–59.

[15] *Ганелин Р. Ш.* СССР и Германия перед войной: Отношения вождей и каналы политических связей. СПб., 2010. С. 267. (Цитируется фраза из письма А. Х. Горфункеля Р. Ш. Ганелину, 2001 г.)

[16] Подробнее см.: *Жуков Ю. Н.* Сталин: тайны власти. С. 191–194.

[17] «Литература и искусство» — газета Союза советских писателей СССР и Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР, выходила с 1 января 1942 по 28 октября 1944 г.; начиная с 7 ноября 1944 г. «Советское искусство» и «Литературная газета» стали выходить по отдельности. См.: Газеты СССР, 1917–1960: Библиографический справочник. М., 1970. Т. 1. С. 35.

Стоит отметить, что именно в газете «Литература и искусство» 3 июля 1943 г. в статье И. Эренбурга «Долг искусства» появилось не слишком знакомое слово, которое через несколько лет станет клеймом:

> «...Мы знаем, что искусство связано с землей, с ее солью, с ее запахом, что вне национальной культуры нет искусства. Космополитизм — это мир, в котором вещи теряют цвет и форму, а слова лишаются их значимости» [18].

Да и сам Фадеев, выступая с весны 1943 г. в подобном ключе, не жалел сил для пропаганды советского патриотизма. Сделав в конце августа на созванном ГлавПУРом РККА совещании редакторов фронтовых и армейских газет доклад «О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР», он затем выступил с ним по радио, после чего в последние месяцы 1943 г. переработанный автором текст доклада был напечатан сразу в нескольких журналах («Под знаменем марксизма», «Знамя», «Краснофлотец» и др.) Столь массированное внедрение идей, доступно отраженных в названии доклада, в народные массы велось, несомненно, с ведома ЦК ВКП(б). Кроме непосредственной пропаганды, Фадеев указал и на явления, которым нет места в условиях нового идеологического курса:

> «Конечно, в нашей стране существует еще незначительное охвостье людей, враждебных нашему строю. Кроме того, враг засылает к нам своих агентов, которые могут пытаться путем разжигания националистических предрассудков и пережитков среди отсталых людей — вносить национальную рознь в братское содружество народов СССР или подрывать в наших народах чувство национальной чести и гордости раболепным преклонением перед всем, что носит заграничную марку, или ханжескими проповедями беспочвенного "космополитизма", исходящего из того, что все, дескать, "люди на свете", а нация, родина — это, мол, "отжившее понятие".
>
> Опыт войны наглядно показал, что в нашей стране нет почвы для того, чтобы эти вражеские попытки могли увенчаться сколько-нибудь серьезным успехом. Но эти попытки, рассчитанные на людей отсталых, могут причинять нам известный вред. Надо уметь вовремя разоблачать эти попытки и давать им жестокий отпор.
>
> У нас в прошлом были такие люди, которые думали, что перенесение на нашу почву из стран Западной Европы всевозможных упадочных, безыдейных, формалистических школок в области искусства является чем-то «левым». В результате таких влияний мы получили, например, в области архитектуры некоторое количество серых, некрасивых зданий — коробок, в которых при всей их "левизне", а вернее благодаря ей, совершенно невозможно жить. Чуждые влияния в свое время сказывались и в живописи, и в литературе, и в театре, и в музыке, и в кино.
>
> Отечественная война окончательно разоблачила и отбросила эти некритически перенесенные с Запада, застарелые и изрядно вылинявшие пережитки декаданса в искусстве, всевозможные лжетеории — "искусства для искусства", "формализма" — на основе которых за всю историю человечества, как известно, не было создано и не могло быть создано ничего подлинно великого.
>
> Отечественная война разоблачила их окончательно потому, что они, эти пережитки и лжетеории, совершенно лишены народной, национальной почвы; они порождены претенциозной, но по существу своему глубоко антихудожественной, импотентной мыслью» [19].

---

[18] Цит. по: *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 191–194.

[19] *Фадеев А.* За тридцать лет: Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М., 1957. С. 285–286.

Итак, представители так называемой творческой интеллигенции делались проводниками идей высшего руководства страны в борьбе с любыми порождениями той самой «глубоко антихудожественной, импотентной мысли», которая, несмотря на такое определение, в действительности была достаточно плодовитой.

Кроме того, уже с середины 1943 г. проводились различные совещания писателей, драматургов, кинематографистов, художников, где провозглашались всё те же идеи «русской национальной гордости», «великого русского патриотизма» и т. п. О таких совещаниях, а еще более об их идеологической составляющей тот же А. А. Фадеев писал в начале августа 1943 г. Вс. Вишневскому:

> «У нас закончилось на днях совещание, специально посвященное работе писателей на фронте. <...> Один из наиболее острых вопросов не только на нашем совещании, а и на пленуме Оргкомитета художников и на совещании композиторов по вопросам песни, был вопрос о сущности советского патриотизма, взятый в национальном разрезе. Есть люди, которые не очень-то хорошо понимают, почему мы так заостряем теперь вопрос о национальной гордости русского народа. Этому непониманию, к сожалению, способствуют некоторые деятели искусства, совершенно не понимающие глубоко советской сущности нашей национальной гордости, не понимающие того, что мы гордимся как раз тем, что история выдвинула нас в качестве передовой силы в освободительной борьбе человечества, и скатывающиеся к квасному “расейскому” патриотизму. Однако дело, конечно, не в них, поскольку корни шовинизма в русском народе да и в других народах СССР уже подрублены и им не на чем распуститься. А дело в том, что среди известных кругов интеллигенции еще немало людей, понимающих интернационализм в пошло-космополитическом духе и не изживших рабского преклонения перед всем заграничным. Именно из этой среды в первый период войны раздавались голоса о будто бы существующем преимуществе немцев перед нами в области организации, в области военной науки и т. п. Мне кажется, что Эренбург, при всей его несомненной ненависти к немцам, не вполне, однако, понимает всего значения национального вопроса в области культуры и искусства и, сам того не замечая, противопоставляет всечеловеческое значение подлинной культуры ее национальным корням»[20].

Результатом такой масштабной «артподготовки» явилось то, что к началу 1944 г., «всего за несколько месяцев не только взросло, но и окрепло, пышно зацвело древо исконного, насчитывающего не одно столетие русского государственного национализма или национальной государственности. Вновь стала реальностью, хотя пока лишь внешне, в отдельных чертах, старая официальная идеология великодержавности, прежде отождествлявшаяся с самодержавием, решительно осуждавшаяся как противоречащая марксизму-ленинизму, с которой боролись более двух десятилетий...»[21].

---

[20] *Фадеев А.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1971. Т. 7. С. 140. Хотя составители датируют это письмо мартом–маем 1943 г., это, конечно, ошибка — совещание по песенной тематике состоялось в июле 1943 г.; кроме того, в начале письма Фадеев пишет о большом интересе А. Я. Таирова к новой пьесе Вс. Вишневского, разумея «У стен Ленинграда». 13 августа 1943 г. Вишневский записал в дневнике: «Сегодня дал Оттену письма для передачи в ЦК, Комитету искусств <...> Фадееву, журналу «Знамя» и пьесу для Таирова. Ну, «У стен Ленинграда» двинулось в Москву...» (*Вишневский Вс.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1958. Т. IV. С. 317). А 18 августа отметил: «Получил телеграмму от Таирова — благодарит за пьесу» (Там же. С. 328). То есть письмо Фадеева датируется первыми числами августа 1943 г.

[21] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 189–190.

Кроме общего воздействия, требовались и точечные удары по наиболее важным идеологическим областям. Особенное внимание Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), читай высшее руководство страны, уделяло литературе и кинематографии.

Для более умелого руководства кинематографией в структуре Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) 17 февраля 1943 г. Секретариатом ЦК ВКП(б) был учрежден отдел кинематографии[22]. С этого времени процесс не только утверждения, но и всей подготовки киносценариев ведомства И. Г. Большакова перешел под строгий контроль ЦК.

Что касается идеологических установок, в качестве каковых обычно воспринимались передовицы «Правды», постановления ЦК или выступления высших руководителей государства, то наблюдалось странное молчание.

> «Даже летом 1943 г., когда изменения идеологического курса приобрели уже достаточно отчетливые очертания, Щербаков и тем более Александров не сочли возможным познакомить с ними деятелей кино. На совещании, созванном 31 июля на Старой площади, Щербаков сообщил писателям, драматургам, режиссерам не конкретные задания, не установки партии, а другое — сценаристы, мол, обязаны сами осознать, что же ждут от них. Он дал понять, что требуются не слепые исполнители чужой воли, а сознательные сторонники, люди, самостоятельно пришедшие к необходимым взглядам, сами занявшие определенную твердую позицию. И предложил пока единственную форму помощи — "совет"»[23].
>
> «Как может развиваться искусство без критики? — добавил Щербаков. — Это невозможно. Это значит поставить искусство в тепличные условия, под стеклянный колпак. Критика должна быть, во-первых, вокруг Союза советских писателей и вокруг Комитета по делам кинематографии. Они прежде всего должны организовать эту критику, критику товарищескую. Причем следует так разнести, чтобы камня на камне не осталось»[24].

Деятельность Комитета по делам кинематографии при СНК и его руководитель И. Г. Большаков фактически полностью были подчинены Управлению пропаганды и агитации ЦК, но личностная критика коснулась тогда по большей части одного А. П. Довженко. Сам режиссер в частной беседе по поводу критики его киноповести «Украина в огне» недоумевал: «Но почему у нас делается так, что сначала все говорят — "хорошо, прекрасно", а потом вдруг оказывается чуть ли не клевета на советскую власть»[25].

Удивительно, что руководство страны в лице «зама по идеологии» — начальника ГлавПУРа РККА А. С. Щербакова не озвучило новых идеологических настроений в традиционном докладе в годовщину смерти Ленина 21 января 1944 г.; о патриотизме Щербаков даже не обмолвился[26]. Тем не менее воздействие ЦК на идеологически важные сферы деятельности, оставшиеся без серьезного попечения в первые годы войны, продолжало усиливаться.

---

[22] Там же. С. 195.

[23] Там же. С. 197.

[24] Там же. С. 198.

[25] Информация наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о политических настроениях и высказываниях писателей. [31 октября 1944] // Власть и художественная интеллигенция. С. 525.

[26] *Щербаков А. С.* Под знаменем Ленина—Сталина советский народ идет к победе: Доклад 21 января 1944 года на торжественном заседании, посвященном XX годовщине со дня смерти В. И. Ленина. [М.; Л.], 1944.

Но литературу, совершенно иную по масштабам и централизации, нежели кино, быстро обуздать не представлялось возможным. При этом по силе воздействия на массы литература была уникальным и давно испытанным, привычным для Сталина инструментом, который было необходимо настроить на верный лад. В первую очередь досталось «толстым» литературным журналам, на страницы которых, как было тогда установлено Центральным Комитетом, проникают «антихудожественные, политически вредные и лживо изображающие советский народ» произведения. Именно поэтому уже в декабре 1943 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принимает два постановления.

2 декабря 1943 г. — «О контроле над литературно-художественными журналами», в котором осуждается повесть Зощенко «Перед восходом солнца» и стихи Сельвинского. На Управление агитации и пропаганды возлагается задача улучшения контроля над литературными журналами, причем ответственность за конкретные журналы распределена между руководителями Управления («Новый мир» — главе Управления Г. Ф. Александрову, «Знамя» и «Октябрь» — его заместителям А. А. Пузину и П. Н. Федосееву). А чтобы еще более повысить чувство личной ответственности, в постановлении подчеркивалось, «что наблюдающие за этими журналами несут перед ЦК ВКП(б) всю полноту ответственности за содержание журналов»[27].

Естественно, вслед за возросшей ответственностью контролирующего аппарата были предъявлены новые требования к редакциям, чему посвящено второе постановление (от 3 декабря 1943 г.) «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов», где редакторам выносится на вид их бездеятельность: «В результате безответственного отношения секретарей журналов к публикации художественных произведений, в печать проникают серые, недоработанные, а иногда и вредные произведения»[28]. В этом постановлении «Перед восходом солнца», напечатанная в журнале «Октябрь», характеризуется уже как «антихудожественная, пошлая повесть Зощенко», а стихотворение Сельвинского «Кого баюкала Россия» оценено как «политически вредное»[29].

Зощенко, узнав о постановлении, 8 января написал заявление в ЦК ВКП(б), где признал все свои ошибки и обещал загладить вину[30], чем в данном случае спас себя от последствий. Сельвинский же, не среагировавший в нужной форме, особенно учитывая наличие у него партбилета, удостоился персонального постановления Секретариата ЦК ВКП(б) «О стихах И. Сельвинского «Кого баюкала Россия»» от 10 февраля 1944 г., в котором отмечалось, что автор этим стихотворением «клевещет на русский народ»; вследствие чего было решено «освободить т. Сельвинского от работы военного корреспондента до тех пор, пока т. Сельвинский не докажет своим творчеством способность правильно понимать жизнь и борьбу советского народа»[31].

Оговоримся, что указанные постановления ЦК открыто не публиковались, не обсуждались в печати, а лишь были разосланы упоминавшимся в них авторам, редакциям и руководству ССП и имели, по сути, характер циркулярного письма. Удивительно, что о них особенно не вспоминали даже в 1946 г., когда уже одно их упоминание лишний раз доказывало бы правоту власти. «Причина того, что два столь важных партийных

[27] Власть и художественная интеллигенция. С. 507.
[28] Там же. С. 508.
[29] Там же.
[30] Там же. С. 509–510.
[31] Там же. С. 510.

постановления оказались на деле засекреченными, крылась в том, что они так и не могли решить до конца те задачи, ради которых и замышлялись»[32].

Конечно, ведавший в 1946 г. вопросами идеологии А. А. Жданов даже в блокированном Ленинграде, будучи секретарем ЦК, получал для ознакомления и согласования документы Секретариата ЦК, помнил о постановлениях 1943 г., однако о них с трибуны не упоминал. Это обстоятельство свидетельствует о внутреннем, секретном (как и все материалы Секретариата ЦК) характере этих документов.

В литературных же кругах о настроениях Центрального Комитета знали — как по последствиям, так и по разъяснительным собраниям. Например, вполне осведомленный литературовед Л. И. Тимофеев записал в дневнике 6 января 1944 г.:

> «В Союзе писателей — события. ЦК недоволен литературой: в ней еще не до конца поняли, что литература не только служение, но и служба. Асееву сказали, что в его стихах — голос врага (он писал об эвакуации — “Россия мучится, мочится, мечется” и т. п., говорят, впрочем, что там были и очень хорошие стихи). К журналам прикреплены “шефы” — к “Знамени” — Пузин, к “Октябрю” — Поспелов, к “Новому миру” — Александров. Фадеев выступил в Союзе с речью, в которой громил писателей “тунеядцев” и “молчальников” (в том числе Федина, Пастернака и др.)»[33].

Но идеологический маховик раскручивался — руководство страны не было готово обходиться локальными мерами. Сталину было очевидно, что требуется коренное «перевооружение» интеллигенции и поднятие массово-политической работы на совершенно иной уровень.

> «О необходимости усиления этой работы свидетельствует также то, что на идеологическом фронте вскрыт ряд ошибок, извращений и шатаний. Серьезные ошибки вскрыты в работах отдельных работников литературного фронта, которые, оторвавшись от жизни, в своих трудах допустили грубейшие исторические и политические ошибки», — констатировал тогда глава Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. В. Кафтанов[34].

Неожиданное наступление Советского государства на «литературном фронте» самим литераторам казалось пугающим. Происходящее довольно точно резюмировал тогда К. И. Чуковский:

> «...В литературе хотят навести порядок. В ЦК прямо признаются, что им ясно положение во всех областях жизни, кроме литературы. Нас, писателей, хотят заставить нести службу, как и всех остальных людей... В журналах и издательствах царят пустота и мрак. Ни одна рукопись не может быть принята самостоятельно. Все идет на утверждение в ЦК, и поэтому редакции превратились в мертвые, чисто регистрационные инстанции. Происходит страннейшая централизация литературы, ее приспособление к задачам советской империи»[35].

Окончательным свидетельством нового внутреннего курса СССР стало и исполнение в ночь на 1 января 1944 г. по Всесоюзному радио нового гимна СССР (утвержден

---

[32] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 202.

[33] *Тимофеев Л.* Дневник военных лет / Публ. О. И. Тимофеевой // Знамя. М., 2004. № 7. Июль. С. 153.

[34] *Кафтанов С. В.* Задачи высшей школы в 1944/45 учебном году: Обработанная стенограмма доклада автора на VII Пленуме ЦК Союза работников высшей школы и научных учреждений (август 1944 г.). М., 1944. С. 18.

[35] Информация наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову... // Власть и художественная интеллигенция. С. 523.

14 декабря на заседании Политбюро ЦК), который стал официально использоваться с 15 марта 1944 г. Ведь еще 28 октября 1943 г. на заседании Политбюро было отмечено, что «Интернационал» «по своему содержанию не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране»[36]. Зато в новом гимне линия высшего руководства была озвучена уже в двух первых строфах:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь[37].

ФИЛОСОФИЯ — ВАЖНЕЙШАЯ ОТРАСЛЬ ИДЕОЛОГИИ

Вслед за литературой взор руководства страны устремился на общественные науки, первой и основополагающей из которых традиционно была философия. Именно налаживанию этой отрасли было посвящено постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 мая 1944 г. «О недостатках в научной работе в области философии». Это постановление — одно из двух решений Политбюро ЦК по Академии наук СССР, принятых за все военные годы (другое, касающееся организации АН Армянской ССР, было принято 29 октября 1943 г.).

Основные постулаты советской философии к тому времени уже были определены в работе Сталина «О диалектическом и историческом материализме», впервые опубликованной 12 сентября 1938 г. в «Правде»; в том же году работа Сталина вошла в канонический «Краткий курс истории ВКП(б)», и многократно издавалась отдельно. Таким образом, поскольку в актуальных проблемах философии все было предельно ясно, большинство серьезных исследований перетекло в плоскость истории философии. Впоследствии, в 1947 г. в дискуссии по книге Г. Ф. Александрова, директор Института философии АН СССР профессор Г. С. Васецкий констатировал, что «за последние восемь-девять лет (т. е. после выхода «Краткого курса». — *П.Д.*) почти все докторские диссертации защищались на историко-философские темы и ни одной докторской диссертации не было на актуальную тему исторического материализма в связи с социалистическим строительством»[38]. Действительно, первой докторской диссертацией, защищенной в Институте философии (и вообще второй докторской диссертации по философии в СССР), была работа В. Ф. Асмуса «Эстетика классической Греции».

Конечно же, уход от актуальных проблем не мог стать панацеей от конфликта с властью ни в одной из областей науки, и рано или поздно идеологическая машина добиралась до всех. В этот раз баталии разразились вокруг многотомной «Истории философии», над которой с 1939 г. работал коллектив Института философии АН СССР. Первый том («философия античного и феодального общества») вышел весной 1941 г., в том же году появился второй («философия XV–XVIII вв.»), и в 1943 г. — третий («философия первой половины XIX в.»). Редакторами издания были Г. Ф. Александров, Б. Э. Быховский, М. Б. Митин и П. Ф. Юдин. В том же году авторский коллектив из восьми человек

[36] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 189.

[37] Сохранился рассказ выдающегося пианиста Э. Г. Гилельса, с которым Сталин беседовал на тему нового гимна: «"Тэбе нравится гимн?" — спросил Сталин Гилельса (сильно проступал акцент) и испытующе посмотрел на него. "Нравится, Иосиф Виссарионович". Сталин выждал небольшую паузу: "А мне — нэт!"» (*Гордон Г. Б.* Эмиль Гилельс: за гранью мифа. М., 2007. С. 157).

[38] Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947 г. С. 273.

(кроме перечисленных в это число вошли В.Ф. Асмус, М.М. Григорьян, М.А. Дынник и О.В. Трахтенберг) был выдвинут на соискание Сталинской премии. В комиссию по Сталинским премиям Г.Ф. Александров представил три вышедших тома, а также один в рукописи — посвященный русской философии (с конца XV по XIX в. включительно). Коллективу в 1943 г. была присуждена Сталинская премия I степени, но, что вполне логично, только за вышедшие тома.

Издание «Истории философии» было бы продолжено, и авторский коллектив, скорее всего, получил бы еще одну Сталинскую премию, если бы в дело не вмешался профессор МГУ имени М.В. Ломоносова З.Я. Белецкий[39]. С 1934 г. он был парторгом Института философии, откуда был уволен в 1943 г. и перешел заведовать кафедрой на философский факультет МГУ[40]. По-видимому, к такому шагу его подтолкнули личные причины: Белецкий, получив в 1929 г. звание профессора, не имел ученой степени, а когда после постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях» в ней возникла необходимость, то он, во-первых, не получил таковой «автоматически» распоряжением Президиума АН СССР (как большинство профессоров), а во-вторых, когда он подготовил в Институте философии диссертацию о развитии психики, то ее, несмотря на положительные отзывы, не допустили к защите соредакторы «Истории философии» Быховский и Юдин[41]. И тогда, в конце зимы 1943 г., хорошо

---

[39] Белецкий Зиновий Яковлевич (1901–1969) — член РКП(б) с 1919 г., в 1925 г. окончил 1-й МГУ (медицинский факультет) (см.: Научные кадры ВКП(б): Персональный справочник о составе научных работников членов и кандидатов ВКП(б). [Издано с грифом «Секретно».] М., 1930. С. 30; именно по причине медицинского образования он поименован в разделе «физиология»). Окончив в 1929 г. ИКП, где он переквалифицировался в философа, Белецкий был отправлен в Ростовский университет (в 1929–1932 гг. заведовал кафедрой философии, в 1932–1933 гг. был заместителем директора), затем назначен директором в Ростовский институт марксизма-ленинизма (1933–1934). В 1934 г. переведен в Москву парторгом Института философии АН СССР; в 1943–1953 г. руководил кафедрой диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ, затем был снят с занимаемой должности, а в 1955 г. уволен; стал преподавать в Московском инженерно-экономическом институте (в 1975 г. переименован в Институт управления). Им была инспирирована философская дискуссия 1947 г.; выступал с докладом на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Впрочем, он сам был проработан в МГУ в 1949 г. во время борьбы с космополитизмом (см.: Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Сост. Г.В. Костырченко. М., 2005. С. 324).

Философ Г.П. Щедровицкий (1929–1994) дал в 1981 г. ему следующую характеристику: «Заведующий кафедрой диалектического материализма Зиновий Яковлевич Белецкий — горбун, подлинный Квазимодо, как будто только спустившийся с башен Нотрдама. Горбун, который, когда он стоял на кафедре, почти не был виден за ней, и он должен был, чтоб мы его видели, так сказать, подтягиваться, но все равно он едва выступал из-за кафедры. Это был очень резкий мужик, который почти ничего не писал — в этом состояла его жизненная стратегия,— он только читал лекции и делал доклады, причем запрещал как-либо фиксировать, подробно записывать их. У него был лозунг: "Понимать надо живую душу марксизма". Но делалось это все просто для спасения. Это был человек, безусловно, очень сильный. У него было довольно много учеников, и до сих пор они существуют как такая компактная группа» (*Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... М., 2001. С. 251–252). Метафора мемуариста кажется нам удивительно точной.

Белецкий был автором многих объемных доносов «на высочайшее имя», в том числе «целого трактата», обличающего Ю.А. Жданова, который рассматривался комиссией М.А. Суслова (*Жданов Ю.А.* Указ. соч. С. 304).

[40] Подробности о работе Белецкого в МГУ: *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Дело профессора З.Я. Белецкого // Из истории отечественной философии, XX век. М., 1998. Кн. 1. С. 218–242.

[41] *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Советское философское сообщество в сороковые годы: Почему был запрещен третий том «Истории философии»? // Вестник РАН. М., 1993. Т. 63. № 7. С. 634.

сведущий в вопросах исторического и диалектического материализма Белецкий написал развернутое письмо Сталину, в котором обращал внимание вождя на серьезные идеологические и теоретические ошибки, допущенные в третьем томе издания[42].

Апелляция Белецкого к последней инстанции была смелым шагом, поскольку четыре соредактора критикуемого им издания были не просто цветом советской философской мысли. Г. Ф. Александров был кандидатом в члены ЦК ВКП(б) и руководил Управлением пропаганды и агитации ЦК (вскоре он станет членом Оргбюро ЦК и академиком); П. Ф. Юдин был директором Института философии и членом-корреспондентом АН СССР (членом ЦК и академиком он станет позднее); М. Б. Митин был членом ЦК, академиком АН СССР и директором ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). Единственный член редколлегии, не входивший в состав советской элиты, был Б. Э. Быховский, «которого в известном смысле можно считать соавтором едва ли не всех глав этих томов и архитектором издания в целом»[43]. «Только Б. Э. Быховский по-настоящему проводил редакционную работу. Остальные члены редколлегии были заняты своими партийно-государственными делами и в лучшем случае имели дело с корректурами издания»[44].

Основной ошибкой тома было объявлено то, что в издании «смазано противоречие между прогрессивной стороной философии Гегеля — его диалектическим методом — и консервативной стороной — его догматической системой»[45].

Почему же в 1943 г. руководство страны вдруг проявило столь серьезное внимание к вопросам немецкой классической философии? Несомненно, в то время перед страной стояло множество более насущных задач. Подобный вопрос уже волновал других исследователей: «Зная только текст постановления и сопоставляя его с концепцией третьего тома, невозможно понять, на кой черт партия заинтересовалась Гегелем в тяжелые годы войны»[46].

Но генезис постановлений Центрального Комитета далеко не всегда объяснялся здравым смыслом или насущной необходимостью. Здесь свою главную роль играли прежде всего настроение и мироощущение руководителя страны, которым сопутствовала непрекращаемая фракционная борьба в аппарате ЦК.

Почему претензии Белецкого были предъявлены именно к третьему тому? Во-первых, автор письма обладал действительно глубокими познаниями в области классической немецкой философии, а во-вторых, существованием недвусмысленной связи между немецкой философией и идущей войной, что в умелых руках делало обсуждение этой темы взрывоопасным.

В области немецкой философии неоспоримым авторитетом тогда был Б. Э. Быховский, который являлся еще и автором книги «Метод и система Гегеля» (М., 1941). Так вот, Э. Я. Кольман, еще один знаменитый советский философ, математик и сотрудник

---

[42] Само письмо до сих пор не выявлено, неизвестна и дата его написания. Судя по тому, что 25 февраля состоялось первое заседание совещания философов, то письмо было написано не позднее начала февраля.

[43] *Каменский З. А.* Из истории изучения русской философской мысли в 40-х годах XX века: Воспоминания. Материалы личного архива // Отечественная философия: Опыт, проблемы, ориентиры исследования. М., 1992. Вып. X. С. 210.

[44] *Каменский З. А.* Философская дискуссия 1947 года (преимущественно по личным воспоминаниям) // Там же. М., 1991. Вып. VI. С. 11.

[45] О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв. // Большевик. М., 1944. № 7/8. С. 14.

[46] *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Советское философское сообщество в сороковые годы. С. 635.

Института философии, убежденно заявил: «Я считаю, что Белецкий знает Гегеля лучше, чем Быховский»[47]. То есть речь идет о критике не издания в целом, а конкретной темы — немецкой философии. Именно этой темой автор письма к Сталину владел настолько, чтобы быть уверенным в своей правоте и показать замеченные им идеологические ошибки в наиболее невыгодном для редакторов свете. И Белецкий обвинил авторов в некритическом подходе к сочинениям Гегеля и других немецких философов, поскольку именно их воззрения были взяты на вооружение идеологией фашизма.

Ознакомившись с письмом Белецкого, Сталин внимательно изучил само издание и счел доводы Белецкого основательными. Дальнейшие действия были давно отработаны: Секретариат ЦК начал «разбираться» с таким положением дел.

Из Секретариата ЦК (с ведома Г. М. Маленкова и А. С. Щербакова) распоряжение Сталина поступило к начальнику Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александрову, который, таким образом, оказался в достаточно щекотливом положении. Однако, владея умением аппаратной игры намного более остальных своих обязанностей, он предпринял спасший его шаг: пользуясь своим положением, запросил письменный отзыв на письмо Белецкого от других двух редакторов — М. Б. Митина и П. Ф. Юдина. В ответ в ЦК на имя Александрова была направлена записка, в которой Белецкий обвинялся во всех возможных методологических ошибках, но, главное, Митин и Юдин «выступили против антинемецкой истерии, поразившей советскую пропаганду, и выразили опасение по поводу усиливающейся в ней из месяца в месяц тенденции возвеличить все русское»[48].

Таким ответом не прочувствовавшие новой идеологии Митин и Юдин подставляли себя под удар и тем самым непреднамеренно отводили огонь критики от Александрова. Дальнейшая механика была такова: снабженная соответствующим комментарием Александрова записка Митина и Юдина перешла к секретарю ЦК Маленкову, который ознакомил с ней Сталина[49]. Естественной реакцией Сталина было пожелание скорее навести порядок на этом участке идеологии.

Для этого в феврале–марте 1944 г. в ЦК ВКП(б) было созвано совещание по вопросам немецкой классической философии. Оно проводилось секретарем ЦК Г. М. Маленковым и состояло из трех заседаний — 25 февраля, 10 и 11 марта. На совещании присутствовало около 20 человек: секретарь ЦК А. С. Щербаков, авторский коллектив «Истории философии», ответственные работники идеологического аппарата ЦК, председатель ВКВШ С. В. Кафтанов... Сталин на совещании не присутствовал.

Митин и Юдин с самого первого дня совещания предстали в качестве главных виновных. Притом они поначалу продолжали настаивать на умеренности в проявлении ура-патриотизма, особенно в части «фрицев». Без сомнения, они апеллировали к высказыванию Сталина, известному по праздничному приказу наркома обороны от 23 февраля 1942 г.:

> «Но было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается. Сила Красной Армии состоит, наконец, в том, что у нее нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу, что она воспитана в духе равноправия всех народов и рас, в духе

[47] Там же. С. 634.

[48] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 255.

[49] Там же.

уважения к правам других народов. Расовая теория немцев и практика расовой ненависти привели к тому, что все свободолюбивые народы стали врагами фашистской Германии. Теория расового равноправия в СССР и практика уважения к правам других народов привели к тому, что все свободолюбивые народы стали друзьями Советского Союза»[50].

Но все эти доводы были отодвинуты выступлениями секретаря ЦК А. С. Щербакова и сотрудника аппарата ЦК (в будущем также секретаря ЦК) Н. Н. Шаталина. Щербаков заявил:

> «Наш враг — немцы. Выиграть такую небывалую войну нельзя без того, чтобы не ненавидеть наших врагов-немцев всем своим существом. В этом направлении известную работу проделали Толстой, Эренбург, Тарле. Разве не главное сейчас разбить немцев? А Юдин сидит в башне из слоновой кости, проповедует принцип "наука ради науки" и не хочет видеть, что творится в жизни»[51].

Шаталин на заключительном заседании был еще более резок:

> «Почему вы сейчас нашли время для того, чтобы защищать немцев? Немцы сами себя защищать будут, когда мы их будем вешать, а вы нашли время — на трех заседаниях все немцев защищаете. И это в Отечественную войну»[52].

К таким тезисам присоединились и коллеги-философы, что сыграло на руку Александрову. Ведь скрытая сторона дела состояла еще и в том, что Митин и Юдин находились в другом лагере, нежели Александров и «александровцы» — Кружков, Васецкий, Федосеев, Светлов, Ильичев, Поспелов, Иовчук... А Митин с Александровым вообще враждовали почти в открытую с конца 1930-х гг. И не воспользоваться таким численным и фактическим преимуществом было невозможно: вскоре основными последствиями философского совещания стало смещение Митина и Юдина с занимаемых постов и замена их выдвиженцами Александрова. Вместо первого — директором ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) был назначен В. С. Кружков, а второго на посту директора Института философии АН СССР сменил В. Н. Светлов; из Института философии был уволен заведующий сектором истории философии Б. Э. Быховский. А провокатор всего мероприятия, профессор З. Я. Белецкий, 4 ноября 1944 г. указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Трудового Красного Знамени[53].

Однако философское совещание в ЦК обсуждало не только «немецкий» том. Еще более серьезная опасность таилась для авторского коллектива в не вышедшем «русском» томе, который был подан в Комитет по Сталинским премиям вместе с тремя изданными в виде рукописи, но был впоследствии отозван[54]. В ходе обсуждения том не разбирался подробно, поскольку из инициаторов этого философского форума его мало кто видел, а для его авторов и редакторов это было невыгодно совсем, ведь том содержал намного более серьезные идеологические упущения, нежели неверная интерпретация философии Гегеля.

---

[50] *[Сталин И. В.]* Приказ народного комиссара обороны 23-го февраля 1942 года: [Ко дню XXIV годовщины РККА] // Правда. М., 1942. № 54. 23 февраля. С. 1.

[51] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 255.

[52] Там же.

[53] Постановления и распоряжения Правительства: Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями работников высшей школы // Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при Совнаркоме СССР. М., 1944. № 11. Ноябрь. С. 5.

[54] Не совсем понятно, в какой конкретно момент произошел отзыв тома — еще до обсуждения на экспертной комиссии или же в ходе обсуждения, когда стали очевидными большие идеологические недочеты. Подробнее о его содержании: *Каменский З. А.* Указ. соч. С. 204–216.

Кроме вопросов собственно содержания, до которых дело так и не дошло, участников совещания удивил другой факт, характеризовавший работу авторского коллектива: в ходе заседания выяснилось, что ни Александров, ни Юдин «русского» тома даже не читали; это обстоятельство удивило Маленкова и остановило обсуждение «русского» тома именно на этом факте. Спасать положение был вынужден Юдин, который взял всю вину на себя и впоследствии подал в ЦК объяснительную записку по этому поводу.

После совещания началась выработка итогового документа — собственно постановления ЦК ВКП(б), истинным автором основных положений которого был член ЦК и главный редактор «Правды» П. Н. Поспелов[55]. Причем Маленков умышленно не допустил Александрова к подготовке текста постановления; однако Поспелов не стал идти против Александрова, умело «подрессорив» тон документа. Таким образом, постановление, напечатанное в апрельском номере журнала «Большевик» за 1944 г., было выдержано в спокойных строгих тонах и носило сугубо научно-философский характер. Вот некоторые его тезисы:

> «В третьем томе “Истории философии” допущены серьезные ошибки в изложении и оценке немецкой философии. <...>
>
> Авторы <...> отошли от марксистско-ленинской оценки значения гегелевской диалектики, не показали ограниченность диалектики Гегеля, не подчеркнули ее противоположность материалистической диалектике, а в ряде случаев характеристика диалектики Гегеля почти не отличается от марксистской диалектики. Рассматривая философию Гегеля, авторы тома явно переоценивают заслуги Гегеля <...>. Не учли, что противоположность идеалистической диалектики Гегеля и марксистского диалектического метода отражает противоположность буржуазного и пролетарского мировоззрения. <...>
>
> Философия Канта, Фихте, Гегеля изображается преимущественно как прогрессивная, ввиду чего их консервативная философская система затушевывается. Классики марксизма-ленинизма резко критиковали консервативные политические воззрения немецких философов и подчеркивали преобладание в их мировоззрении консервативной стороны. <...>
>
> Совершенно обойдены молчанием <...> реакционные рассуждения Гегеля о войне из его “Философии права”.<...> Гегель самым определенным образом высказывается за необходимость войн. Он выступает в данном случае как проповедник, апологет войны. <...> Гегель в своих сочинениях проводил точку зрения немецкого национализма и чисто прусский принцип господства германского народа над другими народами. Авторы III тома обходят молчанием и тезис Гегеля о необходимости систематической колонизации других народов. <...> Не раскритикованы в томе и реакционные суждения Гегеля о славянских народах <...>.
>
> Таким образом <...> дается ошибочное значение истории немецкой философии, преувеличивающее ее значение, смазывающее противоречие между системой и методом философии Гегеля, вносящее путаницу в головы читателей»[56].

Уже в постановлении был указан «оргвывод», причем очень лояльный и, по сути, ничего не менявший, кроме замены дипломов лауреатов Сталинской премии:

---

[55] *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Советское философское сообщество в сороковые годы. С. 635.

[56] О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX в. С. 14–19.

«В 1943 году за три тома "Истории философии" была присуждена Сталинская премия. Комитет по Сталинским премиям вновь рассмотрел этот вопрос и решил, что Сталинская премия, присужденная за все вышедшие тома "Истории философии" не распространяется на третий том этого издания»[57].

Что касается выводов относительно «русского» тома (с рукописью которого могли ознакомиться участники совещания), то они также были сделаны, но в постановление не вошли; автором их также был П. Н. Поспелов. Они были озвучены новым директором Института философии В. Н. Светловым на собрании партактива АН СССР в дополнение к основному вопросу о постановлении ЦК. В этих выводах невооруженным взглядом можно видеть проводимую руководством страны идеологическую линию — отрицание западного влияния на развитие русской науки:

«Серьезные ошибки были обнаружены также в подготовленном Институтом философии VI томе "Истории философии". Этот том, посвященный истории русской философии, был представлен на соискание Сталинской премии в совершенно сыром, недобросовестно подготовленном виде. Он не был подвергнут никакому коллективному обсуждению даже в стенах Института, дирекцией и Ученым советом не рассматривался и не утверждался. Ни разу не был созван коллектив авторов тома. Больше того, авторы отдельных глав не знали, кто пишет соседнюю главу, а некоторые авторы даже не знали, что их старые работы включены в том: это было сделано без их разрешения.

Естественно, таким образом, что целый ряд положений в этом томе оказался ошибочным. Во многих главах тома русские философские системы рассматриваются с точки зрения влияния на них западноевропейских философских систем, и в то же время совершенно не показана преемственная связь между самими русскими философами, не показано, что всякая позднейшая русская философская система исходила не только из критической переработки всей суммы идей, накопленных западноевропейской философией, но и из богатейшего идейного материала, накопленного предшествующими русскими философами. Многие же главы тома были построены так, что в них разбираются только те идеи, которые были выдвинуты западноевропейскими философами. Почти совершенно отсутствует указание на самостоятельность и оригинальность русской философии. Вместо этого в ряде глав сквозит другая неправильная линия, — что русская философия стала передовой только благодаря немецкой философии.

В томе восхвалялись и превозносились такие философы, как Владимир Соловьев, который перенес на русскую почву западноевропейские реакционные философские взгляды. Восхвалялись и прямые изменники русской земли, как, например, князь Курбский, и в то же время умалялась роль Ивана IV.

Крупнейший недостаток тома состоит в том, что взгляды Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова не рассматриваются в нем как высшее развитие домарксовской философии, а между тем эти русские мыслители оставили позади себя Гегеля и Фейербаха, были на голову выше Гегеля и Фейербаха и ближе всех других подошли к диалектическому материализму. Ничего этого мы в томе не найдем»[58].

---

[57] О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX в. С. 19.

[58] *Светлов В. Н.* О недостатках в разработке вопросов истории западноевропейской и русской философии: (Из доклада на собрании партийного актива Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. [М.], 1944. № 7–8. С. 28–29.

Но расстановкой акцентов в философии совещание не завершилось, оно естественным образом повлияло и на другие общественные науки. Это вообще является характерной особенностью публиковавшихся партийных документов: они воздействовали не только на узкую область, которой они, казалось, были адресованы, но путем обсуждений они актуализировались и в остальных областях науки:

> «Вскрытые ЦК ВКП(б) ошибки и извращения, допущенные в 3-м томе "Истории философии", являются своевременным и серьезным предупреждением теоретическим работникам не только в области философии, но и политэкономии, истории и других общественных наук»[59].

УРОК ИСТОРИИ

После того как были даны установки в области философии, взор руководства страны пал на другую науку, традиционно прислуживающую власти, — историю. Еще в довоенные годы история привлекала к себе внимание Политбюро, что было совершенно естественно, поскольку, говоря словами С. М. Соловьева, «Отечественная история не могла остаться в забвении: самый блеск настоящего уже придавал значение прошедшему, великий народ должен быть велик всегда, от самой колыбели своей»[60].

Ход послевоенным событиям в области исторической науки был дан во время философского совещания, когда Г. Ф. Александров, стараясь отвлечь внимание Сталина от обсуждаемого вопроса, стал инициатором специальной записки «по затронутому в ходе обсуждений по истории философии вопросу о "школе Покровского"»[61], которая была подана Александровым, Поспеловым и Федосеевым секретарям ЦК ВКП(б) Маленкову и Щербакову.

> В документе «детально разбирались "несознательные рецидивы покровщины" в выступлениях Митина и Юдина в ЦК. С целью более основательного опорочивания последних <...> в документе приводился длинный перечень уже полузабытых прегрешений самого Покровского: отрицал прогрессивное значение крещения Руси, называл Петра I "неудачным реформатором" и "пьяницей", начало войны 1812 года охарактеризовал в том же духе, что "русские помещики напали на Наполеона"; утверждал, что патриотизма нет, а существует только национализм ("Наука не имеет никаких оснований проводить резкую черту между "несимпатичным" национализмом и "симпатичным" патриотизмом. Оба растут на одном корню")»[62].

Этой запиской косвенным образом наносился удар и по давнему оппоненту Г. Ф. Александрова — историку А. М. Панкратовой.

Докладная записка не осталась без движения в Секретариате ЦК: высшее руководство страны приняло ее к сведению, что послужило причиной дальнейших событий на «историческом фронте». В плане действий Управления пропаганды и агитации ЦК, озаглавленном «Мероприятия по улучшению пропагандистской и агитационной работы партийных организаций», который был направлен Г. Ф. Александровым Г. М. Маленкову 31 марта 1944 г., на состояние исторической науки обращается особое внимание.

---

[59] *Кафтанов С. В.* Задачи высшей школы в 1944/45 учебном году. С. 19.
[60] *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1995. Кн. XVI: Работы разных лет. С. 230.
[61] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 256.
[62] Там же. С. 256–257.

«В советской исторической литературе не преодолено еще влияние реакционных историков-немцев, фальсифицировавших русскую историю, доказывавших, что именно немцы принесли русским начала государственности и т. д. В отдельных трудах советских историков остались следы фальсификаторской деятельности реакционных немецких историков. <...> В учебниках СССР и других работах по истории весьма слабо освещены важнейшие моменты героического прошлого нашего народа, жизнь и деятельность выдающихся русских полководцев, ученых, государственных деятелей <...>. Присоединение к России нерусских народов рассматривается историками вне зависимости от конкретных исторических условий, в которых оно происходило, и расценивается как абсолютное зло»[63] и т. д.

Средством для исправления сложившегося в исторической науке положения было избрано уже опробованное на философах мероприятие — проведение совещания (оно было намечено на лето 1944 г.). В ходе подготовки последнего все материалы в Управлении пропаганды и агитации ЦК были обобщены в объемной записке, озаглавленной «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков»[64]. Эта записка, подписанная начальником Управления Г. Ф. Александровым, главным редактором «Правды» П. Н. Поспеловым и заместителем начальника Управления П. Н. Федосеевым, была подана 18 мая 1944 г. в Секретариат ЦК на имя Г. М. Маленкова и А. С. Щербакова. Вот ее начало:

«В организации научной работы в области истории имеют место крупные недостатки, а в появившихся за последнее время трудах некоторых советских историков содержатся крупные ошибки антиленинского характера. Среди советских историков имеют хождение сочиненные немецкими историками реакционные легенды о прошлом русского народа, проявляются рецидивы антиленинских взглядов, свойственных “школе Покровского”, выражающиеся в пренебрежительном отношении к истории русского народа; получили известное распространение буржуазно-националистические взгляды»[65].

Записка содержала три раздела. Первый — «О влиянии реакционных взглядов немецких историков на современную русскую историографию», — где указывается на ошибки,

«совершенные под влиянием реакционных идей немецких историков, в свое время подвизавшихся в России или писавших о ней, — Байера, Шлецера, Миллера, Гакстгаузена, Клейншмидта, имевших целью подчинить немецкому влиянию широкие слои русской интеллигенции и в конечном счете идеологически подготовить экспансию на Восток немецких захватчиков. Реакционные немецкие историки всегда проявляли большой интерес к России. Засылаемые в Россию с далеко идущими политическими и идеологическими целями, эти историки создавали и прибирали к своим рукам исторические архивы, собирали и систематизировали исторические материалы с целью доказательства якобы организующей и миссионерско-культурной роли немцев в создании государственности русского народа»[66] и т. д.

---

[63] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 523.

[64] Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) / Публ. И. В. Ильиной // Вопросы истории. М., 1991. № 1. С. 190–201.

[65] Там же. С. 190–191.

[66] Там же. С. 191.

Во втором разделе — «О пренебрежительном отношении некоторых советских историков к историческому прошлому нашей родины» — приводились исторические работы, в которых

> «умаляется и принижается великое историческое прошлое нашей Родины, замалчивается и искажается роль выдающихся деятелей русского народа»[67]; а также «культивируется старое, осужденное партией пренебрежительное отношение к прогрессивным явлениям русской истории и выдающимся деятелям России, непомерно раздувается значение реакционных деятелей России, что никак не содействует воспитанию чувства национальной гордости у советского народа, любви к историческому прошлому нашей Родины»[68].

Третий раздел — «Антиленинские взгляды некоторых историков по национальному вопросу» — содержал разбор ошибок в изданных недавно «Истории Казахской ССР» и «Очерках по истории Башкирии». Подчеркивалось, что в них

> «проводится точка зрения реакционного буржуазного национализма на историю нашей Родины <...>. Россия изображается в этих исторических работах как злейший и самый опасный враг нерусских народов, а присоединение указанных народов к России рассматривается как абсолютное зло для них. Вместе с тем в этих работах не показывается ведущая роль русского народа в образовании и развитии многонационального государства в России»[69].

Заключалась записка словами:

> «Ввиду явного неблагополучия в области исторической науки и вредного влияния на молодые кадры историков и на учащихся средней школы и вузов ошибочных взглядов некоторых советских историков, требуется основательно поправить положение дел в Институте истории Академии наук СССР и в “Историческом журнале”»[70].

Документ был снабжен дополнением «О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков». Здесь отмечалось, что пропаганда ура-патриотизма нашла столь сильный отклик, что некоторые (в том числе академики Е. В. Тарле и Б. Д. Греков) стали в своих выступлениях манкировать классовым подходом и классовой оценкой исторических явлений, перенося «отношения, сложившиеся в советской стране, — единство советского народа и советского государства — на историческое прошлое»[71]. Это также вызывало беспокойство авторов записки.

Кроме собственно аппаратной работы ЦК, созыв совещания историков, так же как и философское совещание, был инспирирован извне. И если роль детонатора для созыва философского совещания исполнил З. Я. Белецкий, то для исторической науки этим спусковым механизмом явилась инициатива одного из ведущих историков СССР, заместителя директора Института истории АН СССР, члена-корреспондента (впоследствии действительного члена) Академии наук СССР Анны Михайловны Панкратовой[72].

---

[67] Там же. С. 194.

[68] Там же. С. 197.

[69] Там же.

[70] Там же. С. 201.

[71] Там же. С. 202.

[72] Поводом, побудившим А. М. Панкратову осмелиться беспокоить секретарей ЦК, послужило следующее: написанная под ее руководством коллективная монография «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (Алма-Ата, 1943), выдвинутая на соискание Сталинской премии, получила отрицательные отзывы и лишилась премии. В таком повороте событий

Будучи специалистом по истории рабочего движения и членом ВКП(б) с 1919 г., она имела и некоторые пятна в биографии — в 1917–1918 гг. она входила в партию левых эсеров[73]. Из потока ее обращений в ЦК 1942–1944 гг. особенно важны два письма. Первое (от 2 марта 1944 г.) направлено на имя секретаря ЦК А. А. Жданова, который именно в связи с совещанием историков начинает в 1940-х гг. возвращаться на идеологическую арену; в письме Панкратова призывает вмешаться ЦК, «поскольку война требует ясности, принципиальности и твердости не только в политике, но и в пропаганде, а в последней — история в условиях войны занимает важное место»[74]; также она критикует Г. Ф. Александрова за плохое руководство «историческим фронтом». Второе письмо (от 12 мая 1944 г.), направленное на имя Сталина, Жданова, Маленкова и Щербакова, содержит пожелание, чтобы ЦК ВКП(б) собрал совещание историков[75].

Недаром на этом совещании она говорила:

> «Мы не раз уже имели со стороны ЦК нашей партии указания, помощь и внимание, облегчавшие нашу ориентировку в самых трудных и сложных исторических проблемах. Эту помощь мы всегда воспринимали с огромным энтузиазмом и благодарностью. Каждое указание руководителей партии, каждое их выступление по вопросам истории, каждое их критическое замечание по общим или конкретным историческим проблемам поднимало нашу советскую историческую науку на высшую ступень, обогащая теоретически каждого из нас в отдельности и всех вместе, вооружая нас методологией творческого марксизма. Последнее решение Центрального Комитета партии <...>, конечно, относится не только к философам, но также и к нам, советским историкам. Я уже не говорю о том, что реакционные стороны и отрыжки гегельянства, которые сейчас были продемонстрированы <...>, оказывали в прошлом известное влияние на развитие исторической науки»[76].

Совещание по вопросам истории в ЦК ВКП(б) проходило летом 1944 г. и состояло из шести заседаний: 29 мая оно было открыто выступлением Г. М. Маленкова, затем состоялись заседания 1, 5, 10 и 22 июня, а последнее заседание прошло 8 июля. На заседаниях присутствовали известные советские историки, в основном специалисты по истории СССР, в том числе С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, И. И. Минц, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, Е. В. Тарле, М. Н. Тихомиров, С. П. Толстов, А. Н. Удальцов[77], ключевые работники аппарата ЦК, а также секретари ЦК А. А. Андреев и Г. М. Маленков (не всегда оба), председательствовал на заседаниях А. С. Щербаков[78].

Первое заседание носило вводный характер; вступительное слово держал Г. М. Маленков, это было именно вступлением, а не докладом. «Он сказал, что ЦК обсудил этот

А. М. Панкратова видела (очевидно, не без оснований) личную неприязнь к ней со стороны некоторых историков, в том числе академика Е. В. Тарле, что и побудило ее взяться за перо. Естественно, в своих письмах она ставила вопрос шире личной обиды, да и сводить ее обращение в ЦК исключительно к сведению счетов было бы неверным.

[73] Научные кадры ВКП(б). С. 141.

[74] Письма Анны Михайловны Панкратовой / Публ. Ю. Ф. Иванова // Вопросы истории. М., 1988. № 11. С. 55.

[75] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году / [Публ. Ю. Н. Амиантова и З. Н. Тихоновой] // Вопросы истории. М., 1996. № 2. С. 50.

[76] Там же. С. 67.

[77] Некоторые историки были не на всех заседаниях; например, академик Е. В. Тарле еще в мае уехал на Кавказ для отдыха и чтения лекций (откуда был вызван правительственной телеграммой за подписью Г. Ф. Александрова, которая долго его искала) и смог присутствовать только на двух последних заседаниях.

[78] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. С. 47.

вопрос и счел необходимым встретиться с историками, чтобы обсудить спорные вопросы, а затем выработать принципиальные установки для всех историков»[79]. Маленков, как свидетельствует конспект его выступления, ограничился списком основных вопросов совещания, сформулированных на основании записки ЦК и отражавших волнующую ЦК проблематику[80].

На остальных заседаниях, судя по опубликованным стенограммам[81], А. С. Щербаков ограничивался лишь функциями ведущего, не участвуя в дискуссии. Несмотря на такую выжидательную (или наблюдательную) позицию секретаря ЦК, точка зрения руководства страны вполне отчетливо просматривалась по выступлениям сотрудников аппарата ЦК, поскольку подобные выступления готовились заранее и утверждались руководством. Для определения позиции ЦК и соответственно руководства страны особенно важно выступление заведующего отделом пропаганды Управления пропаганды и агитации С. М. Ковалева[82] на заключительном заседании совещания. То была речь о «великом русском народе»:

> «Я остановлюсь на одном вопросе, который в прениях не нашел достаточного отражения, — на вопросе о том, что до сих пор в советской исторической науке не преодолено до конца пренебрежительное отношение к великому прошлому нашей Родины, которое насаждалось длительное время не только "школой Покровского", но всей дворянской и буржуазной историографией <...>. Рецидивы такого рода взглядов сказываются в нашей исторической науке. Это проявляется, в частности, в том, что среди части советских историков укоренился совершенно неверный взгляд, согласно которому наука, литература, искусство в России всегда отставали в своем развитии от культуры Запада и не создали ничего самостоятельного. Дело представляется таким образом, что Россия и русские ничего не дали миру ценного, а находились как бы на иждивении Запада. <...>
>
> Представление о том, что Россия в своем духовном развитии слепо подражала Западу, противоречит важнейшему тезису марксистской науки о том, что идеи людей возникают на основе их общественного бытия, вырастают из условий материальной жизни общества. Ясно также, что, достигая вершин мировой культуры, русские выдающиеся деятели создали величайшие духовные ценности, которые явились замечательным вкладом в мировую культуру и оказали на нее огромное влияние»[83].

---

[79] Письма Анны Михайловны Панкратовой. С. 58.

[80] Текст выступления Маленкова см. в кн.: *Дубровский А. М.* Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории русской феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 443–445.

[81] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Указ. изд. 1996. № 2. С. 55–82 (1 июня); № 3. С. 82–110 (5 июня); № 4. С. 65–91 (10 июня); № 5/6. С. 77–105 (22 июня); № 7. С. 70–86 (8 июля, начало); № 9. С. 47–67 (8 июля, окончание).

[82] Сергей Митрофанович Ковалев (1913–1990), кандидат исторических наук, сотрудник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (с V курса МИФЛИ переведен в ВПШ, откуда без промедления в 1941 г. принят консультантом в Управление, с 17 февраля 1943 г. — заведующий отделом кинематографии, с 1944 г. — заведующий отделом пропаганды). После смерти А. А. Жданова направлен из аппарата ЦК в Курский обком ВКП(б) секретарем, в 1951 г. возвращен в Москву и назначен директором Госполитиздата, в 1954 г. защитил в АОН при ЦК КПСС диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук на тему «Коммунистическое воспитание трудящихся», впоследствии член редколлегии журнала «Проблемы мира и социализма» (1960–1965), редактор и член редколлегии газеты «Правда» (1965–1971), первый заместитель главного редактора БСЭ (1971–1980), в последние годы — профессор АОН.

[83] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Указ. изд. № 7. С. 70–72.

Проведя критический разбор трудов русских и советских историков, оратор завершил свое выступление следующим тезисом:

> «Марксистско-ленинская наука учит, что новый общественный строй не может утвердиться и развиться без использования всего лучшего, что создано предшествующими поколениями. <...> В этом случае становится непонятным, как могла победить социалистическая революция впервые в истории именно в России, почему ленинизм, который является вершиной передовой теоретической мысли всего человечества, вместе с тем является высшим достижением русской культуры, почему русскому народу и другим народам СССР удалось первыми в истории построить социалистическое общество»[84].

Впоследствии свое мнение о речи С. М. Ковалева высказал С. В. Бахрушин:

> «К русской культуре тов. Ковалев подошел очень упрощенно; он считает невозможным отмечать в ней что-либо отрицательное, не позволяет критически подходить к явлениям русской жизни XVII в., рекомендует голое восхваление. Такая голословная идеализация ненаучна»[85].

Но отнюдь не научность была главным мерилом и целью совещания в ЦК.

В русло выступления С. М. Ковалева вполне укладываются и многочисленные критические замечания участников совещания в адрес академика Е. В. Тарле: на совещании муссировался доклад «О роли территориального расширения России в XIX–XX вв.», сделанный им на юбилейном заседании Ученого совета ЛГУ в эвакуации в Саратове[86]. Кроме прочего, в докладе академика имелись и следующие слова:

> «Если мы встанем на точку зрения решительно патриотическую, точку зрения, имеющую очень много за собой, в особенности теперь, когда русское государство спасает человеческую цивилизацию, — очень извинительно увлекаться сейчас русским патриотизмом, которым сейчас увлекаются и в Англии, и в США, и в Швеции, и в Швейцарии. Это сейчас извинительно, но, даже принимая это во внимание, мы, как историки, обязаны палки не перегибать и должны удерживаться от слишком большого увлечения, которое может только повредить нашей правильной позиции»[87].

То есть необходимость здорового патриотизма, которого действительно недоставало в то время, стала к 1944 г. уже не тезисом, а фундаментом нарождающейся идеологической кампании. А поскольку важной характеристикой идеологических кампаний в нашей стране всегда являлась их необузданность, то все предостережения Тарле были восприняты как политическая близорукость, и доклад ученого получил соответствующую политическую оценку.

По результатам состоявшегося в ЦК совещания Управление пропаганды и агитации довольно быстро подготовило итоговый документ: 12 июля 1944 г. в секретариат Щербакова поступил подписанный Г. Ф. Александровым, П. Н. Федосеевым и П. Н. Поспеловым проект постановления Политбюро ЦК «О недостатках научной работы в области истории». Но на первом листе доклада А. С. Щербаков лаконично выразил свое, а может быть и не только свое, отношение: «Не годится»[88].

---

[84] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. С. 76.

[85] *Дубровский А. М.* Указ. соч. С. 460–461.

[86] *Тарле Е. В.* 1944 год: не перегибать палку патриотизма / [Публ. Ю. Н. Амиантова] // Вопросы истории. М., 2002. № 6. С. 3–13.

[87] Там же. С. 8.

[88] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. Указ. изд. № 2. С. 50, 54.

И тогда в процесс подготовки Постановления включился член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов. Несмотря на то что он не присутствовал на заседаниях, поскольку находился в Ленинграде, где занимал должность 1-го секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), он несомненно был в курсе дела, поскольку получал для ознакомления материалы Секретариата ЦК. А начиная с 19 июля 1944 г., даты его окончательного переезда в Москву, Жданов с энтузиазмом занялся вопросом истории, и «первое, чего он добился, было отклонение проекта постановления Политбюро»[89]. После этого вся работа по подготовке итогового документа по результатам совещания историков перешла к Жданову.

Итогом работы Жданова на «историческом фронте» стали тезисы «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР». Написание их представляло для Жданова некоторые трудности (в личном архиве Жданова сохранилось несколько вариантов этого текста), поскольку, возвратившись из Ленинграда, он еще не мог полностью понять точку зрения Сталина, которому он отправил 12 августа 1944 г. окончательный вариант тезисов[90]. В них Жданов пытался теоретически обосновать приоритет классового и политического над национальным, что входило в противоречие с установками самого Сталина, в голове которого уже сформировалась и выкристаллизовалась национальная и патриотическая линия. Именно этим и вызваны пометы Сталина на ждановском тексте: рядом с фразой «У трудящихся не было тогда настоящего отечества» Сталин пишет: «Не то»; напротив слов «Советский патриот любит свою страну и свою нацию» Сталин вопрошает: «Какую?» и т. д.[91]

После этого состоялась встреча Сталина со Ждановым, посвященная доработке документа. В числе сделанных в результате этой беседы перемен выделяется и обращение к дореволюционному прошлому как к источнику патриотизма.

> «Патриотизм есть присущее самым широким народным массам глубоко жизненное чувство любви к своей родине, чуждое враждебности к другим народам. Патриотизм рос и развивался задолго до появления интернационализма. Великие патриоты нашей родины, память о которых мы свято чтим и примеру которых мы стремимся подражать, не были, конечно, и не могли быть интернационалистами. Но мы, советские люди, являемся наследниками и преемниками их славных патриотических дел и традиций. Советский патриотизм представляет собой дальнейшее развитие и высшую ступень патриотизма, перерастание его в интернационализм»[92].

Кроме этого, окончательный текст Жданова, с которым были ознакомлены и другие работники аппарата ЦК (9 сентября 1944 г. он был направлен секретарям ЦК Щербакову и Маленкову), имел серьезные и еще непривычные для сотрудников аппарата ЦК отличия от того материала, который был подготовлен Управлением пропаганды и агитации ранее. Если текст Управления, где большая часть тяжких обвинений досталась А. М. Панкратовой и Е. В. Тарле, все-таки оставался, хотя и с соблюдением жанра эпохи, но в рамках исторической науки и научности, то документ Жданова беззастенчиво переводит вопрос науки в область идеологии. Поскольку Сталин участвовал в подготовке

---

[89] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 257.

[90] *Дубровский А. М.* Указ. соч. С. 480.

[91] Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств, апрель 1939 — январь 1948: Свод писем / Изд. подгот. В. В. Перхин. М., 2007. С. 103.

[92] *Дубровский А. М.* Указ. соч. С. 483.

документа и был, несомненно, его инициатором, то нужно считать его вдохновителем и соавтором этого текста.

> Постулаты в этом документе «были предельно актуализированы в идеологическом и политическом отношениях. Так, в обстановке либерализации режима деятельности православной церкви Жданов к стандартному набору критических определений школы Покровского добавил "нигилистические взгляды" на историческое значение крещения Руси, распространение христианства, цивилизаторскую роль монастырей. <...> Бросается в глаза еще одно обстоятельство. В проекте Жданова был даже для своего времени явный перебор грубых натяжек, политиканских построений, неверных с научной точки зрения характеристик и определений политических явлений»[93].

> «В тезисах Жданова критика участников совещания в адрес Тарле трансформировалась в прямые политические обвинения. Жданов писал, что Тарле и другие историки "идут на поводу у вражеской пропаганды, уверяющей, будто бы обширные пространства, морозы и грязь воспрепятствовали немцам завоевать нашу страну", сбиваются на "губительный путь расизма и национальной исключительности", пытаются "направить советских историков в русло чуждой идеологии"»[94].

То есть уже в тезисах 1944 г. можно видеть весь тот арсенал установок, который стал достоянием общественности в 1946 г. Однако документ не пошел дальше и не перерос в постановление ЦК, хотя отдельные его положения явно стали ориентиром для работников партийного аппарата[95]. Подлинные причины, по которым этот выстраданный руководством страны документ был «похоронен», неизвестны; но принципиальные моменты этих тезисов прослеживаются в последующих выступлениях партийных руководителей[96], да и участвовавшие в совещании историки смогли уяснить идеологические заповеди.

Кроме того, по-видимому, именно благодаря помощи Сталина Жданов сформулировал определение советского патриотизма, «который, согласно его трактовке, с одной стороны, "вырос на почве интернационализма", а с другой — "не имеет ничего общего с безродным и беспочвенным космополитизмом" и базируется на "любви всех советских народов к своему социалистическому отечеству — СССР"»[97].

Что же касается непосредственных результатов совещания историков, то они не вылились в решение ЦК ВКП(б), а лишь проявлялись лейтмотивом в рецензиях на исторические монографии, подвергнутые критике в ходе совещания. Единственным зримым воплощением, да и то с некоторой задержкой, было постановление Политбюро ЦК от 2 июля 1945 г. о реорганизации журнала «Исторический вестник» в журнал «Вопросы истории» и смене его редколлегии.

---

[93] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Указ. изд. № 2. С. 51.

[94] Там же. С. 52.

[95] Одним из примеров его воздействия является не допущенная в 1944 г. к изданию книга И. В. Сергеева для старшего школьного возраста «И. А. Крылов», в которой «автор неправильно освещает события 1812 г., говоря, что «без сопротивления французы лавиной катились в глубь страны». Героизм русского народа и русской армии совершенно не отражен автором» (Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 729). В переработанном виде книга увидела свет в 1945 г.

[96] *Дубровский А. М.* Указ. соч. С. 488–489.

[97] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 258.

Существует мнение, что причиной отсутствия какого-либо постановления ЦК по итогам работы совещания «было нежелание даже частично признать правоту Панкратовой. Партийному руководству не могло понравиться, что широкой постановкой в своих письмах в ЦК ВКП(б) вопроса о положении в исторической науке, а также своей ортодоксальной позицией Панкратова как бы взяла на себя то, что ЦК, и прежде всего Сталин, считал своей неотъемлемой прерогативой»[98]. Однако мы не склонны считать, что подобные опасения или же мысли в данном конкретном случае вообще имели место; возможно, тому причиной были какие-то другие обстоятельства.

Кроме того, что многочисленные участники совещания делали соответствующие выводы, новые партийные установки стали достаточно известны иным, необычным путем: ознакомлением с ходом совещания и его основными положениями занялась сама А. М. Панкратова, которая по ходу совещания составляла специальные отчеты. Эти тексты выросли в сочинение, озаглавленное «Записка о моих впечатлениях и выводах по поводу совещания историков в ЦК ВКП(б)»[99]; к экземплярам записки обычно прилагалась и копия второго письма автора на имя секретарей ЦК.

А вот подобная «просветительская работа» обычно заканчивалась для инициаторов плачевно, порой даже трагически. Несмотря на то, что первоначально в предваряющей совещание историков записке Управления пропаганды и агитации от 18 мая основные претензии предъявлялись именно Панкратовой, в ходе совещания она сумела перевести основной удар партийной критики на отсутствующего на первых заседаниях академика Тарле, цитируя стенограмму его саратовского доклада. Но распространение собственных впечатлений привело к оргвыводам: 30 августа 1944 г. Г. Ф. Александров подал на имя секретарей ЦК Жданова, Маленкова и Щербакова докладную записку, в которой обвинял Панкратову в антипартийных методах борьбы (здесь он привел в доказательство вышеуказанную «Записку о моих впечатлениях...»); также Александров припомнил ей не только принадлежность к левым эсерам (что не было большим секретом), но и участие в «антипартийных троцкистских группировках Фридлянда—Ванага»[100]. Это решило судьбу Панкратовой: 5 сентября, в день беседы по этому поводу между Ждановым и Щербаковым, она лишилась должности заместителя директора Института истории АН СССР[101].

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ СФОРМУЛИРОВАНА

Одновременно с совещанием в ЦК ВКП(б) в июне 1944 г. в Московском университете с большим размахом прошла конференция «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры». Это было не отраслевое мероприятие, а первый с начала войны научный форум, который уже за год до победы обозначил основную линию сталинского руководства:

---

[98] Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.). С. 189.

[99] Письма Анны Михайловны Панкратовой. С. 56–79.

[100] Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.). С. 190.

[101] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 258. Оговоримся, что автор видит особый, «неслучайный» подтекст в указанной Александровым последовательности имен секретарей ЦК, который может быть объяснен и вполне прозаически — последовательностью букв русского алфавита.

«И. В. Сталин — соратник Ленина, великий гений современности — обогащает науку положениями и выводами, соответствующими новым историческим условиям, руководит всей гигантской борьбой советского народа. Сталин возвеличил силу и мощь нашего государства, как никто другой в истории.

Сталин, сметая с нашего пути врагов ленинизма, глубже всех понимал и видел, что без социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства невозможно добиться экономической независимости нашей Родины, роста ее культуры, процветания ее народов.

Под руководством товарища Сталина созданы в нашей стране миллионные кадры советской интеллигенции, патриотов Родины, обогащающих новыми достижениями науку и технику, литературу и искусство.

Наши ученые всегда получают от товарища Сталина четкие и ясные указания о том, как ломать старое, устаревшее, и четко прислушиваться к голосу опыта, прокладывать новые пути в науке» [102].

Научная конференция в июне 1944 г. как раз была призвана довести до ученого сообщества «четкие и ясные указания о том, как ломать старое, устаревшее, и <...> прокладывать новые пути в науке». Новый путь был следующим:

«Научная сессия, посвященная роли русских ученых в развитии мировой науки, является весьма важным начинанием. Распространение у нас иностранных учебников и копирование западноевропейских образцов, имевшее подчас место до революции и полностью не изжитое и ныне, привели к недооценке роли русских ученых в создании современной культуры.

Не все работники нашей промышленности, не все наши студенты и даже крупные ученые помнят, что именно в России зародились задолго до Западной Европы такие идеи, как закон сохранения материи (Ломоносов), учение об условных рефлексах (Павлов), теория ассимиляции углекислоты растениями (Тимирязев) и ряд других открытий. Производство азотной кислоты, нержавеющего железа, синтетического каучука, крекирование нефти создано русской промышленностью и впоследствии копировалось за рубежом. Упомяну еще, что ведь главным образом на основе работ русских ученых Бутлерова, Марковникова, Зелинского, Лебедева и их учеников развивалась передовая промышленность переработки нефти в США. Таких примеров можно найти много.

Вскрыть крупную роль русской науки в создании современной культуры — значит показать советской молодежи силу нашей страны, внушить ей уверенность в своих возможностях, показать ей достойные образцы для подражания из славного прошлого русской науки» [103].

Профессор МГУ Н. К. Гудзий призван был на этой конференции «вскрыть» выдающееся значение русской литературы; в преддверии конференции он писал:

«Общепризнан тот факт, что русская литература обогатила и оплодотворила мировую литературу, оказав большое влияние на ее развитие, покорив своей художественной силой и идейной высотой.

Предстоящая в начале июня в университете конференция о роли русской науки в развитии мировой науки и культуры должна воочию показать тот большой вклад, какой внесла русская наука в общую сокровищницу научной культуры» [104].

---

[102] *Москалев М. А.* Ленин и Сталин — корифеи мировой науки // Московский университет. М., 1944. № 23/24. 5 июня. С. 1.

[103] *Фрост А. В.* Знаменательное событие // Московский университет. М., 1944. № 22. 26 мая. С. 1.

[104] *Гудзий Н. К.* Впервые в истории университета // Московский университет. М., 1944. № 22. 26 мая. С. 1.

Проблематика этой конференции не стала неожиданностью — еще в конце 1943 г. Московский университет начал готовить монументальное 14-томное издание по истории русской науки[105], где отводился отдельный том и для филологии (но поскольку в те годы невозможно было поспеть за политической конъюнктурой, то издание не осуществилось).

Конференция открылась 5 июня в Коммунистической аудитории МГУ.

> «В празднично украшенном зале — академики, ученые Москвы, профессора, студенты, представители партийных и общественных организаций. Конференцию открыл ректор университета проф[ессор] И. С. Галкин. Он рассказал о величайших русских ученых — Ломоносове, Менделееве, Пирогове, Тимирязеве и др., сделавших ряд замечательных открытий всемирно-исторического значения. <...> С докладом о великом русском ученом Д. И. Менделееве выступил акад[емик] Н.Д. Зелинский. Он обрисовал образ великого химика-новатора, отдельные этапы его жизни и деятельности. Второй доклад, заслушанный на первом заседании конференции, сделал член-корреспондент Академии наук СССР В. В. Голубев о роли русской механики в развитии мировой науки. Он охарактеризовал работы Чебышева, Ляпунова, Жуковского, Чаплыгина и Крылова. С большим подъемом участники конференции приняли приветствие товарищу Сталину, товарищам Молотову и Щербакову»[106].

6 июня на пленарном заседании конференции с докладом «Основные черты русской классической философии и ее всемирно-историческое значение» выступил профессор МГУ и заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. Т. Иовчук; затем о выдающейся роли русских физиологов доложил Х. С. Коштоянц, а о влиянии русской математики на мировую науку — П. С. Александров.

7 июня на пленарных заседаниях профессор А. К. Тимирязев выступил с докладом об основоположниках физики в России, а также были прочитаны два доклада по общественным наукам — лауреата Сталинской премии члена-корреспондента Академии наук СССР Е. А. Косминского «Русская историческая наука и ее достижения» и профессора Н. К. Гудзия «Мировое значение русской литературы».

Следующее пленарное заседание было уже заключительным, оно состоялось 12 июня в Большом зале Московской консерватории.

> «С большим вниманием был прослушан доклад академика А. Я. Вышинского на тему “Советское государство в дни Отечественной войны”. Затем конференция приняла приветствие Красной Армии. В заключительном слове ректор Московского университета проф[ессор] И. С. Галкин отметил значение прошедшей конференции для развития советской науки...»[107]

Наиболее информативный отчет о прошедшей конференции был напечатан в журнале «Славяне»:

> «Научная конференция, которая происходила в Московском университете с 5 по 12 июня 1944 года, привлекла к себе внимание широкой советской общественности. Она нашла отклики в иностранной печати. Знаменателен ее созыв во время войны. Знаменательна ее тема.

---

[105] *Азадовская Л. В.* Из научного наследия М. К. Азадовского: Замыслы и ожидания // *Азадовский М. К.* Статьи и письма: Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 208.

[106] Первые дни конференции // Московский университет. М., 1944. № 25. 9 июня. С. 1.

[107] Заключительное заседание конференции // Там же. М., 1944. № 26. 16 июня. С. 1.

Конференция собралась накануне трехлетия войны Советского Союза против гитлеровской Германии. Она как бы подвела некоторые итоги, да и сама вошла некоторым образом в состав этих итогов. На конференции речь шла о том месте, какое занимала, занимает и призвана занять в будущем русская наука в развитии мировой науки и культуры. Не подлежит сомнению, что место это очень велико и будет еще больше. Это ясно из того, что русский народ сыграл решающую роль в борьбе с гитлеровской Германией, и русскому, советскому народу предстоит важнейшая роль в предстоящем решении судеб Европы.

Это знает и чувствует каждый русский человек, гордый за свою родину. Русский воин нанес смертельный удар фашистскому зверю, ныне пытающемуся спасти свою шкуру, уползая в свою берлогу. Советское государство освободило мир от величайшей опасности, которая угрожала всему развитию культуры на земле. Победу Красной Армии некоторые иностранцы называют “русским чудом”. Это “чудо” совершено русскими, советскими людьми на фронте и в тылу. Однако в этом нет ничего сверхъестественного и необъяснимого.

Победила советская техника, победил советский человек. Одно неотделимо от другого. Нынешнюю войну называют войной моторов. Победил советский мотор в руках советского человека. Это значит, что победили советская наука и советская культура. За три года войны люди науки, люди труда и люди военного дела тесно спаялись в общем подвиге. Их всех объединила родина. Русский народ наново узнал себя в испытаниях Отечественной войны, в ее страде и в радостях ее успехов. Война, которая проверяет государства и народы, измерила величие русского духа. Русскому народу много дано его богатой историей, много он сделал, и многого ожидают от него все другие нации и племена. <...>

На конференции Московского университета было прочитано на пленарных заседаниях свыше 60 докладов. Был обрисован в общих чертах весь путь русской науки. В Европе сначала не замечают этого русского пути. Иным казалось, что он за пределами большой науки. Русские ученые еще не были “приняты” в нее. Русский язык был совсем чужд ученому миру Западной Европы. <...> Вплоть до 1917 года, до Великой Октябрьской социалистической революции, выдающиеся русские ученые входят в мировую науку большею частью как одиночки. Русские университеты и институты, скованные ограничениями царизма, еще не становятся мировыми центрами научной мысли. Мало того: в иных случаях выдающиеся русские ученые становятся известны за границей раньше, чем в России. Царский режим стесняет и ограничивает развитие русской науки, и это отражается на ее месте в науке мировой. Царское правительство не могло, да и не хотело доставить науке русского народа то положение, какого эта наука заслуживает. <...>

В советском государстве русская наука полностью развернула свои силы. В заключительном докладе академик А. Я. Вышинский показал, в чем заключается творческая сила советского государства. Оно покоится на науке и поощряет науку. Смелое научное исследование — в самой природе советской власти. Ленин и Сталин — великие мировые ученые и деятели. Советское правительство не только сняло все и всякие ограничения с научной мысли: оно предоставило в распоряжение науки огромные материальные средства.

Московская университетская конференция была смотром русской науки в советское время и, в частности, во время Отечественной войны. Мы не станем перечислять все достижения русских ученых. Это и невозможно в небольшой статье. <...>

> Роль русской науки в развитии мировой науки велика и заметна. Ей предстоит быть еще более видной. В некоторых областях знания русская наука должна занять ведущее место. Морально-политический разгром фашизма должен дополнить военную его ликвидацию. Вооруженная передовой философией, русская наука должна очистить мировую культуру от всего того, что было внесено в нее фашистским мракобесием, мистическим идеализмом, реакционными взглядами на общество»[108].

Значительное число докладов конференции было впоследствии напечатано в шести выпусках Ученых записок МГУ, объединенных в специальную серию «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры»[109].

---

[108] *Демидов К.* Русская наука и мировая культура / Научная конференция «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры» в Московском ордена Ленина государственном университете имени М. В. Ломоносова // Славяне. М., 1944. № 7. Июль. С. 27–29. Существует версия, что псевдонимом К. Демидов в 1940-х гг. пользовался Д. И. Заславский (ср.: *Блинов В. А.* Был лермонтовский год... // Уральский библиофил. Челябинск, 1989. С. 18–21).

[109] Ученые записки Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры: т. I–III: **Т. I. Кн. 1. [Математика. Механика. Астрономия.] Вып. 91. М., 1947.** (*Александров П. С.* Русская математика XIX и XX вв. и ее влияние на мировую науку, с. 3–33; *Бернштейн С. Н.* Чебышев, его влияние на развитие математики, с. 35–45; *Степанов В. В.* Московская школа теории функций, с. 47–52; *Колмогоров А. Н.* Роль русской науки в развитии теории вероятностей, с. 53–64; *Понтрягин Л. С.* Топология в Советском Союзе, с. 65–76; *Делоне Б. Н.* Развитие теории чисел в России, с. 77–96; *Голубев В. В.* Русские работы по механике и влияние их на развитие мировой науки, с. 97–104; *Космодемьянский А. А.* Основоположники современной аэромеханики: Н. Е. Жуковский и С. А. Чаплыгин, с. 105–128; *Моисеев Н. Д.* А. М. Ляпунов и его труды по теории устойчивости, с. 129–147; *Артоболевский И. И.* Русская школа теории механизмов и машин, с. 149–156; *Орлов С. В.* Роль Ф. С. Бредихина в развитии мировой науки, с. 157–185; *Блажко С. Н.* Астрономия в Московском университете, с. 187–194.) **Т. I. Кн. 2. [Физика.] Вып. 92. М., 1946.** (*Тимирязев А. К.* Основоположники физики в России М. В. Ломоносов, А. Г. Столетов, П. Н. Лебедев, с. 3–23; *Капцов Н. А.* Русские электрики, с. 24–37; *Семенченко В. К.* Роль периодического закона Д. И. Менделеева в развитии атомной физики, с. 38–45; *Конобеевский С. Т.* Роль русских исследователей в развитии учения о твердом теле (Федоров, Курнаков, Чернов), с. 46–57; *Акулов Н. С.* Роль русских физиков в развитии учения о магнетизме, с. 58–62; *Ильин Б. В.* Проблема молекулярных сил в работах П. Н. Лебедева и Б. Б. Голицына, с. 63–68; *Горшков Г. П.* Роль Б. Б. Голицына в развитии сейсмологии, с. 69–72.) **Т. II. Кн. 1. [Биология.] Вып. 103. М., 1946.** (*Коштоянц Х. С.* Школа русской физиологии и ее значение в развитии мировой физиологии, с. 3–34; *Матвеев Б. С.* Русская школа морфологов и ее роль в развитии дарвинизма, с. 35–46; *Завадовский М. М.* Основные этапы в истории экспериментальной биологии (зоологии) в России, с. 47–60; *Парамонов А. А.* Роль К. А. Тимирязева в развитии дарвинизма, с. 61–68; *Некрасов А. Д.* Александр Онуфриевич Ковалевский и его значение в мировой науке, с. 69–78; *Опарин А. И.* Роль русских ученых в развитии современных представлений о химизме дыхания растений, с. 79–84; *Алехин В. В.* История русской фитоценологии и ее особенности, с. 86–94; *Бреславец Л. П.* Значение работ русских цитологов (ботаников) в мировой науке, с. 95–104.) **Т. II. Кн. 2. [Естествознание.] Вып. 104. М., 1946.** (*Кадек М. Г.* Труды М. В. Ломоносова в области географии, с. 3–16; *Барков А.* Московская географическая школа, с. 17–23; *Орлов Б. П.* Юлий Михайлович Шокальский и его роль в развитии русской и мировой науки, с. 24–32; *Захаров С. А.* В. В. Докучаев — основоположник русской и мировой науки о почвах, с. 33–45; *Виленский Д. Г.* Влияние русской докучаевской школы почвоведения на развитие мировой картографии почв, с. 46–59; *Ремезов Н. П.* Влияние работ академика К. К. Гедройца и его школы на развитие генетического почвоведения, с. 60–77; *Мазарович А. Н.* История геологического изучения Русской платформы, с. 78–88; *Бокий Г. Б.* Очерк по истории развития кристаллографии в России, с. 89–97; *Кузнецов Е. А.* К истории русской петрографии: Федоровский метод, его возникновение в России и развитие на родине и за границей, с. 98–103.) **Т. III. Кн. 1. [Филология.] Вып. 106. М., 1946.** (*Обнорский С. П.* Итоги научного изучения русского языка, с. 3–21; *Виноградов В. В.* Русская наука о литературном языке, с. 22–147.) **Т. III. Кн. 2. [Филология.]**

Июньская конференция 1944 г. оказалась пробным шаром в продвижении новой идеологической линии в области науки «на местах». Вслед за ней, с 9 по 21 декабря 1944 г., в МГУ состоялось еще более масштабное мероприятие — конференция «Современные проблемы науки». «Она является естественным продолжением научной сессии "О роли русской науки в развитии мировой науки и культуры", состоявшейся 5–12 июня»[110], — писала университетская газета.

Чувствуя изменения политической конъюнктуры и явную актуальность вопроса для руководства страны, в конференции приняли участие ведущие проводники сталинской идеологии. Всего было заслушано 127 докладов, а на пленарных заседаниях выступили: начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров с докладом «100 лет марксистской философии», член ЦК ВКП(б) и главный редактор газеты «Правда» П. Н. Поспелов с докладом «И. В. Сталин и строительство партии», заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. Т. Иовчук с докладом «Философская и общественная наука СССР в борьбе за морально-политический разгром фашизма»[111].

Особенно стоит отметить тот факт, что на заключительном пленарном заседании 21 декабря с докладом «Свойства жидкого гелия» выступил академик П. Л. Капица[112], который лишь через год после этой конференции — 2 января 1946 г. — напишет Сталину свое, ставшее знаменитым, письмо об умалении роли отечественной науки.

НАЧАЛО ЭПОХИ ЖДАНОВА

После совещания историков Сталин в очередной раз оценил талант Жданова-идеолога, посчитав необходимым вернуть его на реальную работу в Секретариат ЦК, поближе к себе, и 4 января 1945 г. Политбюро ЦК провело распоряжение о переводе Жданова в Москву[113]. Присутствие Жданова в столице оказалось в тот момент еще и необходимостью: в декабре 1944 г. тяжело заболел главный идеолог партии А. С. Щербаков[114], и, кроме Жданова, в сталинском окружении не оказалось никого равновеликого, кому можно было доверить это важнейшее направление. В Ленинграде оставались выращенные Ждановым руководители, не понаслышке известные руководству страны, что давало возможность не беспокоиться за колыбель русской революции. Также важно

Вып. 107. М., 1946. (*Державин Н. С.* Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии, с. 3–24; *Петерсон М. Н.* Фортунатов и московская лингвистическая школа, с. 25–35; *Булаховский Л. А.* Потебня — лингвист, с. 36–62; *Дмитриев Н. К.* Труды русских ученых в области тюркологии, с. 63–70; *Миллер Б. В.* Труды русских ученых в области иранского языкознания, с. 71–85; *Сергиевский М. В.* Романо-германская филология в России и СССР, с. 86–98; *Крачковский И. Ю.* Очерки истории арабистики в России и СССР, с. 99–121; *Гудзий Н. К.* Мировое значение русской литературы, с. 122–138; *Благой Д. Д.* Советское литературоведение (новое в изучении русских классиков), с. 139–150; *Белецкий А. И.* Русская наука о литературах Запада, с. 151–160; *Соколов А. Н.* А. Н. Веселовский — основоположник исторической поэтики, с. 161–172.)

[110] Научная конференция // Московский университет. М., 1944. № 44. 7 декабря. С. 1.

[111] *Галкин И. С.* Научная конференция университета // Там же. М., 1944. № 43. 30 ноября. С. 1.

[112] Закрытие научной конференции // Там же. М., 1945. № 1. 1 января. С. 1.

[113] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 274.

[114] А. С. Щербаков был младшим братом жены А. А. Жданова Зинаиды Сергеевны, в девичестве Щербаковой, и именно Жданов обеспечил Щербакову выдающуюся карьеру.

учитывать личные отношения Сталина и Жданова: «Он больше всех любил Жданова»[115]; «Сталин Жданова больше всех ценил. Просто великолепно к Жданову относился»[116], — свидетельствует В. М. Молотов.

За первые месяцы 1945 г. Жданов уже занял главенствующее положение в аппарате ЦК, а возможный его конфликт с Щербаковым не состоялся: когда Щербаков, несколько восстановившись после инфаркта миокарда, выпросил у врачей разрешения приехать 9 мая из Барвихи в Кремль для празднования Победы, то не смог воздержаться от употребления спиртного и скончался на следующий день от «паралича сердца»[117].

Тем самым гордиев узел кремлевского закулисья Сталину в этот раз не потребовалось разрубать — он развязался сам собой, и Жданов без жертв оказался вторым человеком в партии, а возможный его конкурент Г. М. Маленков был слегка отодвинут в сторону[118].

Если говорить об окружении Сталина, как, впрочем, и любого политика подобного стиля правления, то определяющими качествами для сохранения доверия вождя являлись беспримерная личная преданность и четкое осознание своей второстепенной роли. Жданов для Сталина был именно таким человеком, причем между ними на протяжении долгих лет сохранялись действительно вполне дружеские отношения, что еще более подкреплялось умением Жданова работать инициативно, но оставаясь в русле неизреченных условий сталинского окружения. Началось это еще с 1930-х гг.

> «Партия поддерживает все передовое и прогрессивное в советском искусстве <...>. Огромную помощь партии в этом оказывал один из активных деятелей ее А. А. Жданов. Будучи на руководящей советско-партийной работе, в первые после социалистической революции годы он большое внимание уделял привлечению на сторону советской власти передовой части старой русской интеллигенции, выдвижению и воспитанию своих, плоть от плоти народных, творческих работников.
>
> Начиная с 30-х годов А. А. Жданов вел неослабную борьбу за торжество в советском искусстве метода социалистического реализма, ленинско-сталинского принципа партийности. Большое внимание он всегда уделял идейному росту и воспитанию деятелей советского искусства»[119].

Наиболее значительным вкладом Жданова в идеологическую работу была

> «проникнутая коммунистической партийностью, пламенным советским патриотизмом речь на первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году. В ней заложена целая идейно-творческая программа, выдвигавшаяся партией большевиков перед советской литературой и искусством в период борьбы за победу социализма в СССР. <...> А. А. Жданов дал исчерпывающую характеристику особенностей социалистического реализма, раскрыл его превосходство над деградирующим буржуазным искусством. Речь его явилась блестящим образцом умения сочетать разработку важнейших эстетических проблем с постановкой и разъяснением насущных творческих задач»[120].

---

[115] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 312.

[116] Там же. С. 322.

[117] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 277.

[118] Последовавший вскоре перевод в Москву А. А. Кузнецова еще более ослабил позиции Г. М. Маленкова, что стало причиной сплочения тандема Берия–Маленков в противодействии ленинградцам и привело к известным последствиям.

[119] *Бондарева Е. Л.* А. А. Жданов в борьбе за коммунистическую идейность советской литературы и искусства: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / БГУ им. В. И. Ленина. Минск, 1953. С. 6.

[120] Там же. С. 7.

В этом выступлении, многократно ссылаясь на руководителя страны, Жданов ставит перед литературой такие же цели, какие стоят перед всем советским обществом. В нем говорит бывший руководитель сельскохозяйственного и планово-финансово-торгового отделов ЦК ВКП(б) — он воспринимает литературу как еще одну отрасль народного хозяйства. В 1934 г. Жданов еще совсем не идеолог, он только учится. Но, имея квалифицированного педагога и способности, он вскоре станет таковым.

«Успехи советской литературы обусловлены успехами социалистического строительства. Рост ее есть выражение успехов и достижений нашего социалистического строя. Наша литература является самой молодой из всех литератур всех народов и стран. Вместе с тем она является самой идейной, самой передовой и самой революционной литературой. Нет и никогда не было литературы, кроме литературы советской, которая организовывала бы трудящихся и угнетенных на борьбу за окончательное уничтожение всей и всяческой эксплуатации и ига наемного рабства <...>.

Такой передовой идейной революционной литературой могла стать и стала в действительности только советская литература — плоть от плоти и кость от кости нашего социалистического строительства. (Аплодисменты.)»[121]

Заканчивал свой доклад Жданов словами:

«Для советской литературы созданы все условия, чтобы она могла создать произведения, отвечающие требованиям культурно выросших масс. Ведь только наша литература имеет возможность быть так тесно связанной с читателями, со всей жизнью трудящихся, как это имеет место в Союзе Советских Социалистических Республик. Настоящий съезд является особенно показательным. Съезд готовили не только литераторы, съезд готовила вместе с ними вся страна. В этой подготовке ярко сказались та любовь и внимание, которыми окружают советских писателей партия, рабочие и колхозное крестьянство, та чуткость и вместе с тем та требовательность, которые проявляют рабочий класс и колхозники к советским литераторам. Только в нашей стране литература и писатель подняты на такую высоту.

Организуйте же работу вашего съезда и работу Союза советских писателей так, чтобы творчество писателей отвечало достигнутым победам социализма.

Создайте творения высокого мастерства, высокого идейного и художественного содержания. Будьте активнейшими организаторами переделки сознания людей в духе социализма. Будьте на передовых позициях борцов за бесклассовое социалистическое общество. (Бурные аплодисменты.)»[122]

В подобной эстетике Жданов мог тогда вещать как о литературе, так и о любой отрасли социалистического хозяйства. Осуществляя в ЦК ВКП(б) наблюдение за работой водного транспорта, Жданов 30 мая 1935 г. говорил:

«Большевистская воля, большевистская организованность, умение двигать и поднимать людей, умение руководить людьми, умение сочетать революционный размах с деловитостью, — вот что придало силу нашим организаторам, вот что придавало и придает силу всем нашим мероприятиям во всех областях. Именно этим всегда побеждала и побеждает наша партия — сочетанием высокой идейности, высокой принципиальности с деловой практической работой, с организацией масс и проверкой исполнения. Этими же методами должен победить и водный транспорт»[123].

---

[121] *Жданов А. А.* Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире: Речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. М., 1934. С. 8.

[122] Там же. С. 14–15.

[123] *Жданов А. А.* Водный транспорт должен победить: Речь на совещании руководящих работников водного транспорта в ЦК ВКП(б) 30 мая 1935 года. [М.], 1935. С. 6.

Именно такими методами впоследствии «побеждали» и советская история, и советская философия, и советская литература, и советская музыка...

Однако обращение Жданова к вопросам культуры не является случайным: в Политбюро он, после Сталина, был одним из самых сведущих. Портрет Жданова — культуртрегера середины 40-х гг. оставил один из руководителей югославских коммунистов, Милован Джилас:

> «Жданов был небольшого роста, с каштановыми подстриженными усами, с высоким лбом, острым носом и болезненно красноватым лицом. Он был образованным человеком и в Политбюро считался крупным интеллектуалом. Несмотря на его общеизвестную узость и начетничество, я сказал бы, что его знания были достаточно обширны. Но несмотря на то что он понемногу разбирался во всем, даже в музыке, я не думаю, чтобы он обладал обширными знаниями в одной определенной области, — это был типичный интеллектуал, который накапливал сведения из разных областей посредством марксистской литературы. Он был вдобавок интеллигентом-циником, что еще более отталкивало, так как за подобной интеллигентностью неизбежно скрывался сатрап, "великодушный" к людям духа и литературы»[124].

Исторически и историографически сложилось так, что сталинская политика второй половины 40-х гг. в области культуры давно канонизирована под именем ждановщины, что в действительности противоречит исторической правде, поскольку Жданов был инициативным, ярким, умелым, но все-таки проводником и исполнителем. Тогда как генератором этих идей был только один человек — Сталин.

При аксиоматичности положения о верховенстве и диктаторстве Сталина, ближайшее окружение его, хотя и равнозначно с точки зрения соучастия в его преступлениях, было очень разнородным. Безусловно, у каждого из его соратников были те необходимые черты, которые позволяли им долгие годы быть приближенными к тирану и по мере сил потакать ему в геноциде собственного народа и укреплении единоличной власти. Однако одновременно каждый из членов «ближнего круга» имел собственную индивидуальность, которая позволяла ему приносить наибольшую пользу на определенном участке партийно-государственной работы. Жданов не исключение; а практически неограниченное доверие Сталина, которое он стяжал после смерти Кирова, позволяло раскрыть во всей полноте черты собственной индивидуальности.

Считаем важным указать на некоторые личные качества Жданова, как их представляют современные историки.

> «Жданов резко выделялся личностными свойствами и характеристиками из общего фона ленинградских руководителей. Его отличали: незаурядный здравый смысл, реалистическое мышление, умение быстро ориентироваться и адаптироваться к обстановке, неординарная память, способность из огромного потока информации извлекать главное, очень высокая деловая активность, внимательное отношение и неподдельный интерес к содержательным предложениям и идеям, от кого бы они ни исходили <...>. И хотя общее образование у него было обычным средним — реальное училище в Твери, меньше половины первого курса Московского сельскохозяйственного института да четырехмесячная школа прапорщиков в Тбилиси, — самообразование и природный талант, умение ладить с самыми разными людьми позволяли ему достаточно квалифицированно решать многие вопросы <...>. В среде ленинградского руководства военного времени А. А. Жданов, безусловно, играл роль авторитетного и уважаемого лидера.

[124] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 107.

Сложнее с определением его личного вклада в сугубо военные дела. Нам кажется, что Жданов вполне отдавал отчет в ограниченности своих знаний и опыта в этой области и знал свое место в решении специальных вопросов. <...> Однако и считать его отстранившимся от разработки и проведения оборонительных мероприятий мы никак не можем. Напротив. Вряд ли без активности Жданова, его напористости перед Сталиным, могли осуществиться столь быстро такие крупные оборонные проекты, как создание Лужского рубежа, армии народного ополчения. <...>

И последнее о роли Жданова в битве за Ленинград. Все его лучшие качества, вся его активность и весь здравый смысл заканчивались там, где начиналась воля Сталина. Страх перед Сталиным, безропотное, безоглядное подчинение ему сопровождали Жданова всю жизнь, включая, разумеется, и блокаду»[125].

Умелым и деятельным проводником сталинского курса Жданов зарекомендовал себя еще во время руководства Горьковской областью в 1929–1934 гг. (образована 14 января 1929 г. как Нижегородский край, с 1932 г. — Горьковский край). Именно благодаря работе Жданова в Нижегородском крае с таким успехом шла индустриализация.

1 января 1932 г. вступил в действие Нижегородский автомобильный завод, построенный по лицензии американской фирмы «Форд» силой более чем 5 тыс. человек за 18 месяцев; 29 января с его конвейера сошел первый автомобиль — полуторка Наз-АА. 1 февраля 1932 г. было запущено производство на Горьковском авиационном заводе (его строительство было выполнено также в рекордные сроки — 21 месяц, а в августе 1932 г. были выпущены первые истребители И-5). Одновременно был построен Нижегородский станкостроительный завод. В мае 1933 г. был открыт Окский мост в Нижнем Новгороде, в декабре 1933 г. — железнодорожный мост через Волгу. При Жданове в крае была ликвидирована безработица, почти вдвое возросло число рабочих мест, по уровню промышленного производства край вошел в число ведущих в стране; за успехи в развитии сельского хозяйства в январе 1934 г. Горьковский край награжден орденом Ленина.

В статье «Бороться и побеждать!», написанной навстречу XVII партсъезду для газеты «Правда», Жданов дает отчет о работе края:

«В итоге первого пятилетия мы ввели в действие 78 новых фабрик, заводов и цехов. <...> Мы построили за годы пятилетия такие гиганты советского машиностроения, как Автозавод, Станкозавод, Выксунский завод дробильно-размолочных машин и довели продукцию машиностроения в 1933 году до суммы свыше 500 миллионов рублей. Мы создали в крае новые отрасли промышленности, каковой является, прежде всего, основная химия в лице Чернореченского химического комбината. Мы построили крупнейшее в Европе предприятие бумажной промышленности — Балахнинский бумажный комбинат. Мы освоили ряд новых производств, обеспечивающих технико-экономическую независимость Советского Союза. Автомобили, фрезерные и токарные станки, дизеля, радио-телефония, высококачественный инструмент, качественная сталь, изделия химической промышленности, бумага. Все это в настоящее время дает Стране Советов промышленность Горьковского края»[126].

К этому серьезному прорыву Жданов имеет самое непосредственное отношение; его сын вспоминал, что отец, «будучи первым секретарем Нижегородского

[125] Блокада рассекреченная / Сост. В. Демидов. СПб., 1995. С. 137–138. Здесь излагается точка зрения историков В. И. Демидова и В. А. Кутузова.

[126] *Жданов А. А.* Бороться и победить! // Правда. М., 1934. № 15. 15 января. С. 2.

крайкома ВКП(б), буквально пропадал на строительстве Горьковского автозавода, «Красного Сормова», Дзержинского военно-химического комбината, Балахны, широковещательного радиоцентра, сети современных автотрасс (край держал первенство в стране)»[127].

Естественно, что такие успехи давались Нижегородскому краю и его руководителю, а точнее говоря, советским гражданам, огромной ценой, перед которой Жданов, как и все деятели того времени, конечно же не останавливался, руководствуясь в своей работе исключительно указаниями партии и «интересами дела».

Не менее активно Жданов проявил себя в «разгроме кулачества» в Нижегородском крае, провел значительную чистку в органах управления колхозами.

> «С помощью политотделов мы вытеснили из правлений и аппаратов правлений колхозов тысячи классово враждебных людей, рвачей, жуликов и расхитителей колхозного добра. Мы командировали в деревню несколько тысяч большевиков из города и среди них сотни лучших организаторов в политотделы»[128].

Жданов был оценен Сталиным: 10 февраля 1934 г. он был назначен секретарем ЦК ВКП(б), членом Оргбюро ЦК и переведен в Москву.

Но наиболее активным в проведении сталинского курса Жданов проявил себя в Ленинграде, куда 15 декабря 1934 г. он был назначен на должность 1-го секретаря обкома ВКП(б). Его тандем с начальником Ленинградского УНКВД Л. М. Заковским показал поистине выдающиеся результаты и оказался достойным наследником дел покойного Кирова. Ввиду того, что Жданов и Заковский успешно справились с репрессиями 1935–1936 гг., чем дали «другим республикам и областям образец беспощадного уничтожения и искоренения “замаскированных” оппозиционеров, шпионов и врагов»[129], то непосредственно на них, а не на центральное руководство НКВД в Москве Сталин возложил подготовку и проведение массовых репрессий в Ленинграде в 1937–1938 гг.

> «Решения на проведение массовых операций 1937–1938 гг. в Ленинграде и области принимались Управлением НКВД в точном соответствии с указаниями НКВД СССР, а вот методы их выполнения полностью отражали сложившуюся годами местную практику реализации подобного рода мероприятий»[130].

В результате усилий Заковского и Жданова «в период террора органами ОГПУ — НКВД было арестовано около 480 тыс. ленинградцев и жителей области, из которых 56 тыс. были уничтожены»[131]; число коммунистов в Ленинграде с 1934 по 1938 г. уменьшилось с 300 до 120 тыс. человек, причем абсолютное большинство лишенных партбилета были репрессированы[132].

Особенной оговорки требует тот факт, что во время руководства Ленинградом Жданов манкировал участием в составе «особой тройки» НКВД. Эти внесудебные инстанции, на которых лежит огромное число приговоров времени Большого террора, были учреждены по указу от 31 июля 1937 г.; в состав «особой тройки» входили

---

[127] *Жданов Ю.А.* Указ. соч. С. 155.

[128] *Жданов А.А.* Бороться и победить! С. 2.

[129] *Иванов В.А.* Миссия Ордена... С. 123.

[130] *Там же.* С. 135.

[131] *Иванов В.А.* Репрессии против ленинградской интеллигенции в 1920–1940-е годы // VI World Congress for Central and East European Studies, 29 July — 3 Aug. 2000, Tampere, Finland: Divergences, Convergences, Uncertainties: Abstracts. [Helsinki, 2000]. P. 177.

[132] «Ленинградское дело» / Сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л., 1990. С. 41–42.

местный начальник НКВД (в качестве председателя), прокурор области и секретарь обкома ВКП(б). Так вот, Жданов, пользуясь положением секретаря ЦК ВКП(б), старался не брать на себя роль последней инстанции, а перекладывал эти обязанности на вторых секретарей: в состав первой «тройки», назначенной в тот же день, 31 июля 1937 г., приказом НКВД СССР, вошли Л. М. Заковский (председатель, начальник УНКВД; расстрелян в 1938 г.), Б. П. Позерн (прокурор области; расстрелян в 1939 г.) и П. И. Смородин (2-й секретарь обкома ВКП(б); расстрелян в 1939 г.). По сути, работа «троек» сводилась к машинальному утверждению готовых решений УНКВД. С августа 1937 по ноябрь 1938 г. здесь было арестовано 90 555 человек, из них 53 658 по политическим мотивам; из общего числа арестованных 44 479 человек были приговорены к высшей мере[133].

И хотя Жданов публично выступал в печати с осуждением репрессий, заявляя в 1936 г., что «массовые репрессии дискредитируют руководство», а последовавший Большой террор называл провокацией НКВД[134], не с его ли согласия все это проводилось?

> «Выполняя волю партии, А. А. Жданов со свойственной ему большевистской страстностью воодушевляет и мобилизует ленинградскую партийную организацию на разгром и выкорчевывание троцкистско-зиновьевских двурушников и предателей, еще теснее сплачивает ленинградских большевиков вокруг ЦК ВКП(б) и товарища Сталина»[135].

Причем в юрисдикцию Жданова входили не только Ленинград и Ленинградская область:

> «До декабря 1936 г. в Карелии, до июня 1938 г. в Мурманской области, а до осени 1944 г. в Псковской и Новгородской областях руководство органами госбезопасности, милиции, суда и прокуратуры осуществлялось из Ленинграда. Все крупные репрессивные мероприятия на их территории в эти годы согласовывались с ОК ВКП(б), Леноблисполкомом и командованием ЛВО»[136].

Отдельного упоминания достоин тот факт, что с марта 1939 г. по декабрь 1941 г. в Ленинграде работал небезызвестный С. И. Огольцов — будущий первый заместитель министра госбезопасности СССР В. С. Абакумова. Он с 4 марта 1939 г. по 26 февраля 1941 г. был начальником УНКВД по Ленинграду, с 13 марта по 31 июля 1941 г. — заместителем начальника УНКГБ по Ленинградской области, а с августа по декабрь 1941 г. — заместителем начальника УНКВД по Ленинградской области.

Во время войны Жданов, по рассказам, стал сторониться подобных дел, да и вообще больше занимался работой как член Военного совета фронта, о чем вспоминали ответственные сотрудники УНКВД:

> «Он стал нас избегать, подставляя вместо себя — пользуясь положением секретаря ЦК партии — Кузнецова, Штыкова и других. У нас, в УНКВД, мы его и не видели. Кузнецов бывал часто — чуть не каждый день заезжал за начальником управления Кубаткиным на обед»[137].

---

[133] *Иванов В. А.* Миссия Ордена. С. 202.

[134] *Жданов Ю. А.* Указ. соч. С. 364.

[135] Андрей Александрович Жданов, 1896–1948. [М.], 1948. С. 6.

[136] *Иванов В. А.* Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг.: (На материалах Северо-Запада РСФСР) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1998. С. 3.

[137] «Ленинградское дело». С. 48. Петр Николаевич Кубаткин (1907–1950) занимал должность начальника УНКВД с 24 августа 1941 г. (был переведен по протекции Л. Берии с такой же долж-

А когда П. Н. Кубаткин, вообще очень активно трудившийся на вверенной ему ниве, докладывал лично Жданову компромат, то часто «Жданов никак не реагировал: распишется на информации — и все...»[138].

В 1995 г. ленинградские историки В. И. Демидов и В. А. Кутузов заявили относительно участия Жданова в репрессиях, что

> «среди тысяч имевших к нему отношение бумаг (включая материалы НКВД) <...> никто не обнаружил пока ждановских санкций и инициатив по политическому преследованию тех или иных конкретных граждан. Не попадались его автографы противоправного характера и опрошенным нами прокурорам и судьям, осуществлявшим реабилитацию жертв сталинского режима. Только что, наконец, мы получили и, можно считать, официальное заключение самых компетентных органов — прокуратуры Союза и КГБ СССР: "Документов о личной причастности А.А Жданова к репрессиям 30–50-х годов не обнаружено". Он очень многое знал о репрессиях — факт, не боролся против них, а всемерно восхвалял политику Сталина — тоже факт. Но назвать его даже одним из активнейших участников сталинского террора мы сегодня не можем»[139].

Затем они повторили: «Мы санкций и инициатив Жданова не обнаружили, хотя очень настойчиво их искали»[140].

Однако, факт отсутствия доказательств — не доказательство отсутствия факта. Кроме того, должность Секретаря ЦК действительно являлась серьезной причиной — получая ежедневно положенные по должности телефонограммы и шифрограммы, пакеты документов Секретариата ЦК (Сталин согласовывал с ним очень многие серьезные государственные, партийные и кадровые вопросы), Жданов был и без того перегружен.

Уже в военное время деятельность Жданова в Ленинграде не была публичной, а почти полное отсутствие его голоса в репродукторе объяснялось современниками тем обстоятельством, что война с Германией пошатнула позиции Жданова в глазах Сталина (поскольку Жданов якобы был сторонником Германии, то он старался не «высовываться», хотя это не очевидно[141]). Такое мнение бытовало в военном и послевоенном Ленинграде; обладающая удивительной политической проница-

ности из Москвы; в 1946 г. при помощи Кузнецова переведен в Москву; арестован по «ленинградскому делу», расстрелян).

[138] Там же. С. 48.

[139] Блокада рассекреченная. С. 138.

[140] Там же. С. 140.

[141] Стоит оговориться, что сын Жданова Юрий Андреевич в своих воспоминаниях показывает это иначе: «В июне 1941 года Политбюро приняло решение о предоставлении очередного отпуска для лечения моему отцу. 19 июня отец приехал в Москву из Ленинграда и отправился к Сталину. Там он поделился своей тревогой: в немецком консульстве какая-то возня, уничтожают документы, вскоре все может начаться. Сталин на это: "Нам известно, что немцы планировали нападение на 15 мая. Теперь они завязли на Балканах. Немцы в этом году упустили наиболее выгодное для них время нападения. Скорее всего, это случится в сорок втором. Поезжайте отдыхать. Правда, тревожит то, что немцы не опубликовали в своей прессе опровержение ТАСС". <...> Всей семьей мы отправились в Сочи. По дороге отец с тревогой говорил: "Успеем ли доехать". 21 июня мы были на месте. Утром 22 мать вошла в мою комнату и сказала: "Война»". Наступила новая эпоха. В Москву мы вернулись поздно, 25 июня. <...> Отец сразу же отправился к Сталину. Мы ждали его допоздна, он вернулся ночью. Вот его слова: «Пал Двинск. Горит Минск. Немцы наносят свой главный удар на Ленинград. Настроение Сталина тяжелое: "Мы не сберегли завещанное нам Лениным... Немедленно отправляйтесь в Питер"» (*Жданов Ю. А.* Указ. соч. С. 157–158).

тельностью О. М. Фрейденберг[142] писала в своем дневнике относительно отсутствия наместника власти в репродукторе: «Жданова совершенно не было слышно, потому что он был сторонником Германии против Англии, и со времени войны его держали на голосовой диэте»[143].

[142] Фрейденберг Ольга Михайловна (1890–1955) — филолог-классик, профессор ЛГУ. Родилась в Одессе в семье изобретателя автоматического телефона и наборной буквоотливной машины М. Ф. Фрейденберга и А. О. Пастернак, двоюродная сестра Б. Л. Пастернака. В 1908 г. закончила с серебряной медалью частную женскую гимназию Е. М. Гедда в Петербурге, на Высшие женские курсы не могла поступить из-за процентной нормы; занималась самообразованием, путешествовала, с началом Первой мировой войны стала сестрой милосердия; в 1917 г. поступила вольнослушательницей на Классическое отделение ФОН Петроградского университета, в 1919 г. зачислена в действительные студенты; окончила университет в 1923 г. (итоговая работа по греческой мифологии «Фамирид» выполнена под руководством С. А. Жебелева), 14 ноября 1924 г. защитила при поддержке Н. Я. Марра, под влиянием которого находилась в то время, магистерскую диссертацию по теме «Происхождение греческого романа». В 1925 г. зачислена «по словесному представлению Н. Я. Марра» (ПФА РАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 269. Л. 1) в штат НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока имени А. Н. Веселовского (впоследствии переименован в Государственный институт речевой культуры), где делает успешную научную и общественную карьеру: «В связи с директивами партии о перестройке учебного дела я была выдвинута общественностью данного Института на должность зав. учебной частью, в которой пробыла с 1932 по 1933 г. и организовала учебный процесс в том виде, как он существует сейчас. Одновременно, с 1931 г., председательствовала в секции по изучению худ. литературы в связи с мышлением (“антирелигиозной”) и вела исследовательскую работу в области фольклора и методологии литературы» (ПФА РАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 270. Л. 7); с 1 ноября 1932 г. она была заместителем директора, с 15 ноября — штатным профессором. В 1932 г. была приглашена организовать заново кафедру классических языков ЛИФЛИ (затем вошел в состав ЛГУ) с получением звания профессора кафедры, на которой проработала до 1950 г. В 1928 г. закончила написание докторской диссертации «Поэтика сюжета», которую защитила в 1935 г. («Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы»), а 23 ноября 1935 г. ВАК утвердил ее в ученой степени доктора литературоведения — она стала первой женщиной в СССР, получившей таковую. Вышедшая в следующем году в виде монографии диссертация подверглась «критике», продажа ее была приостановлена; в результате обращения на имя И. В. Сталина Наркомпрос РСФСР остановил травлю.

От идей Н. Я. Марра она отошла в начале 1930-х гг.: «Во мне накипело в душе от Марра. Чем влиятельней он становился, чем насильственней он заставлял принимать свое учение и подлаживаться под политику, тем громче поднимался во мне негодующий протест. Я желала сбросить с себя гнет его имени, тяготевший над моей научной индивидуальностью; мне надоело терпеть гонение за недостатки его теории и отдавать в его приходную книгу свои научные достижения. Его клика, его камарилья, ничтожества, выдвигавшиеся им в ущерб науке, его недоступность, вырождение былых взглядов и привычек, партийная лесть и деспотизм — это все раздражало меня, вызывало во мне стыд, и я хотела отмежеваться от марризма. Столько лет борясь за Марра, я боролась за передовую мысль и ее независимость; теперь я видела, что она сама стала деспотичной, нетерпимой, неумной» (цит. по: *Брагинская Н. В.* Мировая безвестность: Ольга Фрейденберг об античном романе / Препринт WP6/2009/05. М., 2009. С. 20–21).

Все годы войны оставалась в Ленинграде. Кроме греческого и латинского языков владела многими новыми — английским, французским, немецким, итальянским, испанским, шведским. В 1949 г. вынуждена была оставить руководство кафедрой, в 1950 г. прекратила преподавательскую деятельность.

[143] *Фрейденберг О. М.* Осада человека / Публ. К. Невельского // Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. [Вып.] 3. С. 18–19. (В действительности публикация подготовлена Ю. М. Каган, взявшей псевдоним К. Невельской. См.: *Глазырина [Костенко] Н. Ю.* Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых: (По материалам личного архива проф. О. М. Фрейденберг) / Дипломная работа студентки V курса Историко-архивного института РГГУ. М., 1994. Без пагинации. Гл. III. Ч. 1.)

Действительной же причиной было то, что Жданов испытывал панический страх, настоящую фобию перед налетами вражеской авиации, и почти всю войну, находясь в Ленинграде, он провел в бункере глубокого залегания на территории Смольного, который был построен метростроевцами в самом начале войны.

«Когда началась блокада, и немцы стали обстреливать город, Жданов практически переселился в бомбоубежище, откуда выходил крайне редко. Прилетая в Москву, он сам откровенно рассказывал нам в присутствии Сталина, что панически боится обстрелов и бомбежек и ничего не может с этим поделать. Поэтому всей работой "наверху" занимается Кузнецов. Жданов к нему, видимо, очень хорошо относился, рассказывал даже с какой-то гордостью, как хорошо и неутомимо Кузнецов работает, в том числе заменяя его, первого секретаря Ленинграда. Занимаясь снабжением города, я и мой представитель с мандатом ГКО [Д. В.] Павлов имели дело по преимуществу с Кузнецовым, оставляя Жданову, так сказать, протокольные функции.

Сталин питал какую-то слабость к Жданову, не спаивал его, поскольку знал, что тот склонен к алкоголизму, жена и сын удерживают его часто. Простил ему и это признание в трусости. Может быть, потому, что сам Сталин был не очень-то храброго десятка. Ведь это невозможное дело: Верховный Главнокомандующий ни разу не выезжал на фронт!» [144]

Но не следует полагать, что Жданов исключительно отсиживался — его деятельность в Ленинграде во время войны, несмотря на серьезные проблемы со здоровьем (во время блокады он перенес инфаркт), была очень активной, особенно в качестве члена Военного совета Ленинградского фронта и секретаря обкома. Он ежедневно разбирал сводки с фронтов, участвовал в работе бюро обкома, проводил совещания, периодически собирал партактив, выступал на собраниях политработников и агитаторов... Вся хозяйственная деятельность по Ленинграду и области лежала большей частью на А. А. Кузнецове и П. С. Попкове. Также никто не складывал с него обязанностей члена Политбюро и секретаря ЦК...

Об обстановке, в которой работал аппарат Жданова, повествует О. М. Фрейденберг, которая относила туда 30 мая 1943 г. свое прошение:

«Секретариат Жданова занимает в Смольном особое здание. Туда не только не пропускают народа-диктатора, но не позволяют даже стоять в преддверии. Все кишит откормленными, мрачными, звероподобными чекистами в военной форме. Обращение грубое, травмирующее. Чекист нажимает кнопку. Является злая и грубая баба, которая принимает письмо. На конверте должна быть фамилия просителя, иначе оно не принимается. Молчаливо, грубым движением руки, чекист заставляет уйти с порога в междверье. Кругом прекрасные, благоухающие чистой природой, сады. Ветхая старинная культура церквей и подворий. Угрюмые чекисты не спускают с тебя звериных глаз» [145].

Лишним доказательством активности Жданова в военные годы являются факты репрессивного контроля Смольного в отношении литературы — они зарегистрированы уже в 1942 г. В этой связи уместен рассказ об одном из персонажей этой книги — Г. П. Макогоненко, будущем профессоре филологического факультета ЛГУ, — содержащийся в письме Е. Р. Малкиной [146] к А. А. Фадееву от 27 июля 1942 г.:

---

[144] *Микоян А. И.* Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 562–563.

[145] *Фрейденберг О. М.* Записки // Машинописная копия в собр. Н. В. Брагинской.

[146] Малкина Екатерина Романовна (1899–1945) — литературовед, критик, переводчик; специалист по русской литературе начала XX в.

«Расскажу в двух словах, в чем дело: несколько времени тому назад я в качестве редактора Радиокомитета попросила З. К. Шишову[147] дать нам поэму “Дорога жизни”. 13 июля поэма передавалась по радио. Во время передачи позвонили из горкома и потребовали, чтобы поэма была немедленно снята[148]; передача была прервана.

Как выяснилось, поэма была предварительно отклонена горкомом; у нас порядок таков: подписывает сначала редактор (в данном случае я), потом Макогоненко, как начальник отдела и вместе главный редактор, потом председатель Радиокомитета Широков (будущий косвенный виновник постановления 1946 года о литературных журналах. — *П.Д.*), предварительно согласующий произведение с горкомом (с [Т. Г.] Паюсовой). Итак, поэма была отклонена, но ни я, ни Макогоненко об этом не знали, узнали уже post factum, так как Широков Макогоненку в известность не поставил (я думаю, без умысла, просто по забывчивости). О точке зрения горкома ни я, ни Макогоненко даже не подозревали.

24 июля я узнала, что Макогоненко снят с работы. Я считала, что это несправедливо, так как никакого нарушения требований горкома с его стороны не было (поскольку он об этих требованиях ничего не знал), считала, что по существу несу за случившееся совершенно такую же ответственность, как и Макогоненко (между тем никакие репрессии меня ни в какой мере не коснулись) <...>. Все это заставило меня позвонить в горком и добиться там разговора. К Маханову (А. И. Маханову, секретарю горкома. — *П.Д.*) я не попала (он с утра отсутствовал, а потом был на совещании), говорила с Лесючевским (часть разговора происходила в присутствии Паюсовой). Из разговора с Лесючевским я узнала, что поэма Шишовой была снята, как произведение в корне “порочное” и “одиозное” (слова Лесючевского). <...>

Что касается Макогоненки, то он снят постановлением горкома. На мои слова о том, что Макогоненко не знал о мнении горкома, на мой вопрос, почему же тогда не снята также и я с работы, — мне было сказано, что я как редактор сделала ошибку, пропустив поэму Шишовой (даже мягче — “упущение”), что же касается Макогоненко, то, если он не знал о запрещении горкома, это лишь удваивает его вину. <...>

Забыла еще Вам сказать, что в день, когда я была в горкоме, там проходило совещание, на которое был приглашен ряд писателей и на котором гвоздем была поэма Шишовой, но почему-то ни Шишова, ни Макогоненко, ни я на это совещание приглашены не были»[149].

Несомненно, терминология оценки художественного произведения — «порочное» и «одиозное» — вполне перекликается с характеристиками августа 1946 г., да и прервана трансляция была, скорее всего, по распоряжению Жданова. В результате критики поэма была переработана З. Шишовой, получив при этом новое заглавие — «Блокада»,

---

[147] Шишова Зинаида Константиновна (1898–1977) — поэтесса, прозаик; родилась в Одессе, участник одесского кружка «Зеленая лампа»; наибольшую известность ей принесли книги для детей и подростков.

[148] Смольный во время войны постоянно контролировал радиокомитет; исполняющий обязанности начальника Ленрадиокомитета в 1941–1942 гг. В.А. Ходоренко вспоминал: «Главные передачи просматривали в обкоме или прослушивали. Прямая связь со Смольным сохранялась все время, и там могли слушать даже репетиции. Это давало не только возможность контроля, но и вполне реальной помощи. Нам говорили о том, что сейчас наиболее важно» (цит. по: *Рубашкин А.* Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. СПб., 2005. С. 48).

[149] Александр Фадеев: Письма и документы (из фондов Российского государственного архива литературы и искусства) / Сост. Н. И. Дикушина. М., 2001. С. 224–225.

и издана единственный раз, в 1943 г., преодолев цензурные препятствия, чинимые даже в ЦК ВКП(б)[150]. В этой поэме не так уж много места отводилось радостному предвосхищению победы — этого в блокадном ленинградском сознании почти не было. Под натиском всепоглощающего голода, холода и смерти оптимизм — не первое чувство, что стремится лечь на бумагу:

А в нашей шестикомнатной квартире,
Где из шести — разрушено четыре,
Жильцов осталось трое: я да ты,
Да ветер, дующий из темноты...

Увозит смерть мужей, детей, отцов...
Что ж, мы хороним наших мертвецов, —
Ведь это тоже сила и победа —
В такие дни похоронить соседа![151]

<...>
Я обнимаю худенькие плечи, —
Ведь больше мне сейчас ответить нечем, —
И говорю тебе, как друг, как мать:
— Вставай, мой сын, сейчас нельзя лежать!

И ты поднялся. Так встают из гроба.
Ты зашагал. Ты зашагал как робот,
Механикой и волею ведом.
И вышагнул. А улица рябила,
А сердце молотом с размаху било,
И, как корабль, покачивался дом...

А я ходила в угол из угла
И все ждала тебя. Как я тебя ждала!

Вошел, с трудом переставляя ноги,
Вошел, времянку тронул по дороге, —
Холодная... Ты чаю не спросил.
Хлеб? Я тебе оставила немножко.
Ты ел, в ладоши собирая крошки,
Солил и ел, потом опять солил[152].

[150] 21 декабря 1942 г. Л. И. Тимофеев записал в дневнике: «Была Михайлова (Екатерина Михайловна, ответственный секретарь редколлегии журнала «Знамя». — *П.Д.*). Жаловалась, что не пропускают в печать хорошие вещи: "Блокаду" Шишовой, прозу Довженко. Все решает отдел печати ЦК. Таким образом, громко выражаясь, общественное мнение страны определяется только его мнением. Понятно, что при такой системе страна превращается в инкубатор дураков». (*Тимофеев Л.* Указ. соч. // Знамя. М., 2003. № 12. Декабрь. С. 150).

[151] *Шишова З.* Блокада. Поэма. Л., 1943. С. 7.

[152] Там же. С. 17–18.

Несколько ранее, в феврале 1942 г., порицание ленинградского руководства получил и «Февральский дневник» Ольги Берггольц, сочиненный ею к юбилею РККА и прочитанный в эфире Ленинградского радио 23 февраля[153].

В 1943 г., когда началось «сокращение» евреев с руководящих постов и вообще укрепление кадров коренной национальностью, Ленинград также старался не отставать от столицы. В том же Ленинградском радиокомитете 16 апреля 1943 г. была уволена группа сотрудников-евреев, без всякой мотивировки[154]. Среди них оказался и художественный руководитель радиокомитета Я. З. Бабушкин. Ольга Берггольц писала по этому поводу А. А. Фадееву 11 мая:

> «Но главное, о чем я хочу тебе написать — это о Яше Бабушкине. Его глупо и хамски уволили из Радиокомитета, — ни за что, без всяких мотивировок, — дико сказать, но гл[авным] обр[азом] за... неарийское происхождение, т. к. у нас по этой линии проверяют и реконструируют ряд пропагандистских учреждений. В общем, пошел обедать, приходит, а на стенке приказ: “сдать дела и освободить от работы в Радиокомитете”. Все-таки с коммунистом так поступать нельзя, тем более что Яшка не щадил жизни в полном и самом серьезном смысле слова на этой работе. Мы обязаны ему созданием оркестра, после того, как оркестр наполовину вымер, то же — с хором, он же поднял и создал ряд концертных ансамблей, исполнение “Седьмой симфонии” — это его дело, городской театр — тоже, — в общем, после той страшной зимы, ранней весной 42 г. он за все это принялся, когда люди еще вымирали, когда ничего не осталось»[155].

Нет сомнений, что все эти события отражают политическую волю, которая не могла проводиться без участия Жданова, а управление литературой вполне укладывается в постулаты, впоследствии верифицированные в постановлении ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Но пока это было лишь скрытое принуждение.

Ленинградский поэт Михаил Дудин в начале 1944 г. написал «в стол» стихотворение «Разговор с неназванным дядей о принципах нашей поэзии», которое как нельзя лучше отражает идеологические настроения, насаждавшиеся аппаратом Жданова в осажденном городе в соответствии с высочайшими указаниями. Начинается оно следующими строфами:

Сухая канцелярская доска,
Очередной переходящий дядя,
В мои стихи с какой-то стати глядя,
Сказал, что в них присутствует тоска,
Безвыходность, уныние, потеря
Того, сего. Что я живу, не веря
В грядущее. Что оптимизма мало.
А говоря короче, из журнала
Он вымарал стихи мои. И вот
Перед собраньем открывая рот,
В кипучих выражениях неистов,
Меня причислил к лику пессимистов...[156]

---

[153] Александр Фадеев: Письма и документы. С. 243.

[154] *Рубашкин А.* Указ. соч. С. 195.

[155] Александр Фадеев: Письма и документы. С. 242. После снятия брони Бабушкин работал на заводе, а в конце июня 1944 г. был мобилизован и, добравшись в 1944 г. до линии фронта, погиб в первый же день боев.

[156] *Дудин М.* Меня поэтом сделала война: Стихи / Публ. и предисл. Б. Г. Друяна // Нева. Л., 2006. № 11. С. 58.

То есть еще задолго до 1946 г. Андрей Александрович Жданов все «знал и умел».

Направив все свои силы на идеологический фронт и получив при этом от Сталина относительную свободу, Жданов продолжил ревностно претворять идеи вождя в жизнь советского общества.

1945-й и первая половина 1946 г. не были отмечены громкими постановлениями ЦК в области идеологии (руководство страны занималось вопросами внешней политики, и Жданов был в это время занят урегулированием отношений с Финляндией, которыми занимался с 1944 г.), а потому в историографии традиционно события на идеологическом фронте начитают отсчитывать с лета 1946 г. Однако Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) твердо шло выбранным курсом и свои обязанности исправляло ревностно.

> «Ибо из 150 с небольшим человек нашего аппарата Управления пропаганды, — писал в марте 1944 г. Г.Ф. Александров, — почти все от инструкторов и вплоть до зав. отделами — это пропагандисты-профессионалы, специально подготовленные для пропагандистской работы и работающие в течение ряда лет на этом поприще, сделавших делом своей жизни пропаганду»[157].

Характерным примером этой работы является брошюра «Великая заслуга советского народа перед историей человечества», вышедшая из-под пера уже упоминавшегося руководителя отдела пропаганды Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) С.М. Ковалева; она была издана Наркоматом обороны для проведения политзанятий в РККА. Название четко отражает суть. Кроме обсуждения военных подвигов, внимание красноармейцев обращалось и на вопросы культуры:

> «Но не только своими ратными подвигами заслужил наш народ уважение других народов мира. Народы нашей страны, и прежде всего великий русский народ, внесли неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры.
>
> Великий русский народ оказал громадное влияние на духовное развитие всего человечества. Плеханов и Ленин, Белинский и Чернышевский, Пушкин и Толстой, Глинка и Чайковский, Горький и Чехов, Сеченов и Павлов, Репин и Суриков, Суворов и Кутузов — это лишь наиболее славные имена гениальных творцов во всех отраслях знания, без которых невозможно представить себе всего величия современной культуры. Это — наиболее яркое свидетельство величия русской нации, нашего народа, по праву занимающего выдающееся место во всей мировой истории, истории цивилизации. Русская литература, искусство, наука оказали громадное благотворное влияние на духовное развитие всего человечества»[158].

По окончании войны законное чувство патриотизма выросло в народе необычайно, а вкупе с усилиями пропагандистской машины ЦК патриотизм получил статус национальной идеи. Естественно, что такое нагнетание эмоционально-идеологических сил неминуемо должно было найти выход; необходима была биполярная схема, в которой сложившейся идее «великого русского народа» можно было бы противопоставить идею-антагониста. Ее не нужно было долго искать, а уж придумывать вовсе не приходилось: чем ближе был конец войны, тем очевиднее вырисовывались разногласия между союзниками, а то обстоятельство, что СССР, победив ценой огромных жертв, в результате испытания американцами нового оружия оказался сам в положении поверженного,

---

[157] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 245.

[158] *Ковалев С.* Великая заслуга советского народа перед историей человечества. М., 1945. С. 6.

предопределили этот выбор. Уязвленность Сталина перерождением вчерашних союзников в мощных политических противников стала заметна и во внутриполитической линии руководства страны.

АТОМНАЯ БОМБА КАК ФАКТОР ИДЕОЛОГИИ

Создание атомной бомбы стало той сверхъестественной силой, о существовании которой подозревали, но явно не осознавали гигантского могущества, какое дает обладание ею. И, естественно, наличие такого противовеса одномоментно и окончательно превратило союзников во врагов.

12 октября 1941 г. академик П.Л. Капица заявил на митинге ученых в Колонном зале Дома союзов:

> «Одним из основных орудий современной войны являются взрывчатые вещества. Наука указывает принципиальную возможность увеличить их взрывчатую силу в полтора-два раза. Но последние годы открыли еще новые возможности — это использование внутриатомной энергии. Теоретические подсчеты показывают, что если современная мощная бомба может, например, уничтожить целый квартал, то атомная бомба, даже небольшого размера, если она осуществима, с легкостью могла бы уничтожить крупный столичный город с несколькими миллионами населения»[159].

Не позднее начала 1942 г. Сталин знал о ведущихся союзниками работах по созданию нового вида оружия, а в апреле к Сталину обратился с письмом лейтенант авиации и будущий академик Г. Н. Флеров, который до войны занимался вопросами расщепления атомов урана. Будучи в Воронеже, он зашел в научную библиотеку для просмотра новых статей по своей тематике в иностранных журналах, но ничего по искомой теме не нашел. Именно об этом он и написал Сталину:

> «Во всех иностранных журналах полное отсутствие каких-либо работ по этому вопросу. Это молчание не есть результат отсутствия работы <...>. Словом, наложена печать молчания, и это-то является наилучшим показателем того, какая кипучая работа идет сейчас за границей. <...> Нам всем необходимо продолжить работу над ураном»[160].

28 сентября 1942 г. Сталин подписал распоряжение ГКО «Об организации работ по урану»; 11 февраля 1943 г., как свидетельство возросшего интереса власти к атомной проблеме, было принято более детальное распоряжение ГКО, а также назначено руководство. Научное направление возглавил И. В. Курчатов, административное — член ЦК ВКП(б), заместитель председателя СНК СССР, нарком химической промышленности М.Г. Первухин и кандидат в члены ЦК, председатель ВКВШ С. В. Кафтанов.

16 июля 1945 г., накануне открытия Потсдамской конференции, американцы произвели в штате Нью-Мексико успешное испытание атомной бомбы; Сталин узнал об этом в начале 20-х чисел, а 24 июля президент Трумэн сообщил Сталину о новом оружии «необычайной разрушительной силы». Но истинную силу нового оружия Сталин смог оценить только после 6 и 9 августа 1945 г., когда американские бомбы были сброшены

[159] Ученые всего мира — на борьбу с гитлеризмом!: Антифашистский митинг в Москве // Правда. М., 1941. № 284. 13 октября. С. 3.

[160] *Смирнов Ю. Н.* Сталин и атомная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1994. № 2. С. 125.

на японские города Хиросима и Нагасаки. Как и после 22 июня 1941 г., Сталин все понял — поражение было очевидным.

После этого работа над созданием советской атомной бомбы приняла совершенно иной размах: 20 августа решением ГКО был создан Специальный комитет под руководством Л. П. Берии, а также 1-е Главное управление при СНК СССР. С августа 1945 до 29 августа 1949 г. — дня успешного испытания первой советской атомной бомбы в Семипалатинской области — разработка нового оружия была одной из важнейших задач руководства страны, с соответствующим в подобных случаях выделением материальных, человеческих и иных ресурсов.

Именно с разработкой атомного оружия связано серьезное ужесточение режима секретности в середине 1940-х гг., введенное еще в 1941 г. обстоятельствами военного времени; причем сковывал он не одну специальную область физики, а распространялся на все области советской науки. Об этом 19 сентября 1944 г. академик П.Л. Капица писал заведующему отделом науки ЦК С. Г. Суворову[161]:

> «Промышленность каждой страны пользуется всей суммой достижений, полученных в процессе развития мировой культуры, и уровень ее техники определяется уровнем развития мировой науки. Поэтому всякая культурная страна должна быть заинтересована в развитии большой науки и техники в мировом масштабе и всеми средствами содействовать их развитию.
>
> Узкий эгоизм, воображающий, что можно брать, не давая, может быть политикой только тупого человека. Недаром в священном писании сказано: "рука дающего не оскудеет". Жизненный опыт показывает, что узкий эгоизм как в жизни отдельного человека, так и в жизни государства никогда не оправдывается.
>
> Дело в том, что мы должны всевозможными путями уметь использовать достижения мировой культуры, претворять их в жизнь, поднимая тем самым культурную жизнь нашей страны. Если другой раз мы этого не умеем делать достаточно интенсивно, то мы должны винить в этом только себя и не воображать, что путем засекречивания мы можем обогнать Запад»[162].

Резюмирует академик следующими словами:

> «Развитие мировой культуры не под силу одной стране. Поэтому все, что хоть немного содействует развитию этой большой науки и техники, должно быть сделано общим достоянием. Не надо смущаться, что не только мы, но и кто-либо другой использует их раньше и пойдет дальше. Открытие радиотелеграфа Поповым было основано на работах Герца, Бранли, Риги и других. Потом после Попова был сделан большой шаг вперед Маркони, Флемингом и многими другими, и мы имеем в результате радио

---

[161] Суворов Сергей Георгиевич (1902–1994) — физик, окончил в 1928 г. физико-математический факультет 1-го МГУ, затем учился в ИКП, член ВКП(б) с 1924 г. (Научные кадры ВКП(б). С. 16.) В 1940–1947 гг. — заведующий отделом науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), впоследствии директор Физико-математического издательства, в 1954–1987 гг. был заместителем главного редактора журнала «Успехи физических наук». Вышедшая в 1948 г. в его переводе на русский язык книга А. Эйнштейна и Л. Инфельда предварялась предисловием в духе эпохи: *Суворов С. Г.* Об идеологических пороках в книге А. Эйнштейна и Л. Инфельда «Эволюция физики» // *Эйнштейн А., Инфельд Л.* Эволюция физики: Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квант. / Пер. с англ. М.; Л., 1948. С. 5–24.

[162] *Капица П.Л.* Указ. соч. М., 1989. С. 219. Капица в этом письме давал отрицательное заключение на вопрос о целесообразности наложения грифа «Секретно» на книгу С.А. Векшинского «Новый метод металлографического исследования сплавов».

сегодняшнего дня. Чем больше мы дадим мировой науке и технике, тем больше от нее и получим. Поэтому, мне кажется, в области техники следует секретить только частные процессы, конструкции и пр., как например, рецептуры, катализаторы, специальные машины и т. д., которые применяются в замкнутой промышленности и не входят в широкое употребление»[163].

Однако Капица, со свойственными ему либеральными взглядами, конечно, уже не мог остановить необратимого процесса, который подчинял себе не только советскую, усугублявшуюся мнительностью Сталина линию поведения, но и вообще общемировую науку; причем начался этот процесс тогда не в СССР. Выдающийся американский математик, основоположник кибернетики Норберт Винер, имевший отношение к военным исследованиям, пишет:

«Среди многих вопросов, которые меня волновали, одним из самых больных был вопрос о том, как сложится отношение общества к науке и к ученым после взрыва бомбы. Во имя войны — именно во имя этой цели, как думали многие из нас, — мы добровольно согласились соблюдать некоторую секретность и поступиться значительной долей своей свободы; воспользовавшись этим, нам навязали совершенно бессмысленную засекреченность, которая во многих случаях мешала прежде всего не вражеским агентам, а нам самим, препятствуя необходимым контактам ученых друг с другом. Мы надеялись, что такое непривычное самоограничение — временная мера, и ждали, что после этой войны, как и после всех предшествующих войн, возродится тот хорошо знакомый нам дух свободного общения внутри страны и между странами, который и составляет жизнь науки. На самом же деле вышло, что, помимо нашего желания, мы оказались стражами секретов, от которых, быть может, зависит наше национальное существование. У нас не было шансов на то, что в обозримом будущем мы снова сможем заниматься исследовательской работой, как свободные люди. Те, кто во время войны получил чины и забрал над нами власть, не выражали ни малейшего желания поступиться полученными правами. Так как многие из нас знали секреты, которые, попав к врагам, могли быть использованы во вред нашему государству, мы, очевидно, были приговорены отныне и вовеки жить в атмосфере подозрительности, тем более что не было никаких признаков ослабления полицейского надзора, установленного во время войны над нашими политическими взглядами»[164].

Очевидным доказательством необходимости соблюдения строгой секретности оказалось и обилие информации, приходившей по линии советской разведки. Именно разведка сыграла очень большую роль в создании Советским Союзом своей атомной бомбы.

После августа 1945 г. СССР оказался в щекотливом положении: из-за атомной бомбы он утрачивал кровью завоеванный статус великой державы, а нежелание делиться технологией создания нового оружия подталкивали вчерашних союзников к новому противостоянию. Добавляло тревог и заявление президента Трумэна, сделанное 29 октября 1945 г., в котором он осветил внешнеполитические амбиции США[165].

Впрочем, Сталин отдавал себе отчет в неминуемом соперничестве с Америкой и не обольщался. Чуть позже он оговорился об этом: «Американцы бомбили чехословацкую промышленность. Этой линии американцы держались везде в Европе. Для них было важно уничтожить конкурирующую с ними промышленность. Бомбили они со вкусом!»[166]

[163] *Капица П. Л.* Письма о науке, 1930–1980. С. 220.

[164] *Винер Н.* Я — математик. М., 1964. С. 294.

[165] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 313.

[166] Запись беседы И. В. Сталина, А. А. Жданова и В. М. Молотова с С. М. Эйзенштейном

Последовавший в середине сентября 1945 г. инсульт Сталина несколько сдвинул контрмеры СССР; но поскольку удар оказался не столь сильным, то уже в начале октября Сталин выехал на отдых в Сочи, откуда 17 декабря возвратился в Москву. Но и в отпуске он не снижал своей работоспособности и не изменял здравому восприятию мировой ситуации; об этом свидетельствует секретная телеграмма членам Политбюро, которая служит реакцией вождя на публикацию 9 октября в «Правде» речи английского премьер-министра:

> «Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалением России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР, в частности, замаскировать тот факт, что Черчилль и его ученики из партии лейбористов являются организаторами англо-американско-французского блока против СССР. Опубликованием таких речей мы помогаем этим господам. У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов этих господ. Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами. С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу. Но если мы будем и впредь публиковать подобные речи, мы будем этим насаждать угодничество и низкопоклонство»[167].

Отношение советской власти к союзникам, как минимум неблагодарное, замечалось еще во время войны. О. М. Фрейденберг писала тогда:

> «О помощи союзников умалчивалось. Нигде Сталин не выказывал благодарности ни за вооружение, ни за продовольствие, ни за отвлечение немецких сил. Мы узнавали об этом из кратких цитаций и речей Черчилля и Рузвельта, который говорил, между прочим, что никогда ни одна страна не получала от Америки такого огромного количества продовольствия, вооружения и медикаментов, как Россия. Черчилль, неизменно указывавший с благодарностью на помощь Англии со стороны Америки, приводил относительно России такие же факты, как и Рузвельт»[168].

Соперничество в области вооружений лишь подхлестнуло антагонизм руководства страны ко всему западному, который и так был виден невооруженным глазом. Вместе с этим Сталин прилагал все возможные усилия, чтобы приблизить решение атомного вопроса. И прежде всего с советскими попытками укрощения атома связаны заботы руководства страны об ученых и отечественной науке. Тем самым вопросы науки и борьба с влиянием Запада сковались в единой цепи идеологии.

25 января 1946 г. в кабинете Сталина состоялась беседа с научным руководителем атомного проекта И. В. Курчатовым. Ныне опубликована плохо разобранная запись, сделанная Курчатовым после беседы:

> «Беседа продолжалась приблизительно один час с 7. 30 до 8. 30 вечера. Присутствовали т. Сталин, т. Молотов, т. Берия. Основные впечатления от беседы. Большая любовь т. Сталина к России и В. И. Ленину, о котором он говорил в связи с его большой надеждой на развитие науки в нашей стране. <...>

и Н. К. Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный», 26 февраля 1947 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 615.

[167] Шифровка И. В. Сталина из Сочи членам Политбюро ЦК ВКП(б) В. М. Молотову, Л. П. Берии, Г. М. Маленкову, А. И. Микояну по поводу публикации в газете «Правда» речи У. Черчилля. Сочи, 10 ноября 1945 // Сталин и космополитизм. С. 31.

[168] *Фрейденберг О. М.* Осада человека. С. 35.

По отношению к ученым т. Сталин был озабочен мыслью, как бы облегчить и помочь им в материально-бытовом положении. И в премиях за большие дела, например, за решение нашей проблемы. Он сказал, что наши ученые очень скромны, и они никогда не замечают, что живут плохо — это уже плохо, и хотя, он говорит, наше государство и сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы (несколько? тысяч?) человек жило на славу, [?] свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина. <...>

(Затем?) были заданы вопросы об Иоффе, Алиханове, Капице и Вавилове и целесообразности работы Капицы. Было выражено (мнение?) на кого (они?) работают и на что направлена их деятельность — на благо Родине или нет. Было предложено написать о мероприятиях, которые были бы необходимы, чтобы ускорить работу, все, что нужно. Кого бы из ученых следовало еще привлечь к работе. Систему премий»[169].

А незадолго до этой памятной встречи Сталин получил очередное послание от П.Л. Капицы, написанное 2 января 1946 г.; академик, уловив конъюнктуру момента, в качестве отступления делится своими воззрениями на проблемы развития советской науки:

«Часто причина неиспользования новаторства в том, что обычно мы недооценивали свое и переоценивали иностранное. Обычно мешали нашей технической пионерской работе развиваться и влиять на мировую технику организационные недостатки. Многие из этих недостатков существуют и по сей день, и один из главных — это недооценка своих и переоценка заграничных сил. Ведь излишняя скромность — это еще больший недостаток, чем излишняя самоуверенность. Для того чтобы закрепить победу и поднять наше культурное влияние за рубежом, необходимо осознать наши творческие силы и возможности. Ясно чувствуется, что сейчас нам надо усиленным образом подымать нашу собственную оригинальную технику»[170].

Посвящено это письмо было представлению книги писателя Л.И. Гумилевского «Русские инженеры». Как писатель он не был даровит, а «Литературная энциклопедия» 1930 г. характеризует его следующим образом:

«Художественная ценность творчества Г. ничтожна. Язык — до крайности сер и штампован. "Герои" Г. менее всего могут быть названы живыми людьми. Внешне Г. пишет в жанрах психологического и социального реализма; в действительности же его творчество ходульно, даже явно халтурно. Несерьезность работы писателя над своими произведениями доказывается хотя бы количеством книг (40), выпущенных Г. за 11-летний период. За один 1925 им выпущено 13 книг. Г. — писатель явно приспособленческого типа с установкой на якобы общественную значимость содержания, а объективно — на дешевую обывательскую "сенсацию"»[171].

К тому времени он уже был осужден общественным мнением за роман «Собачий переулок», вышедший первым изданием в 1926 г. Этот роман, описывавший студенческие нравы, был, по сути, признан порнографическим. Интересны в этой связи слова одного из первых исследователей влияния выступлений А.А. Жданова на литературу:

«А.А. Жданов обобщает опыт советской литературы в борьбе против грубого натурализма, биологизации, объективизма, выражавшихся в самых различных формах — от лефовской "литературы факта" до клеветнических писаний Зощенко, до рецидивов

---

[169] *Смирнов Ю.Н.* Указ. соч. С. 118–119. Вопросительные знаки, круглые и квадратные скобки наличествуют в публикации.

[170] *Капица П.Л.* Указ. соч. С. 247–248.

[171] Литературная энциклопедия. [М.], 1930. Т. 3. Стб. 87. (Автор статьи Ан. Тарасенков.)

декадентско-порнографической санинщины у П. Романова, Л. Гумилевского, С. Малашкина»[172].

Но именно этого, осужденного мнением властей автора привлек Горький к сотрудничеству в серии «Жизнь замечательных людей», благодаря чему он нашел свое новое поле деятельности в написании популярных биографий деятелей науки и техники. В серии ЖЗЛ начинают выходить его книги об иностранных изобретателях: в 1933 г. — «Рудольф Дизель», в 1936 г. — «Густав Лаваль»; в том же году выходят его книги «Творцы паровых турбин» и «Творцы первых двигателей», в 1937 г. — «История локомотива». (Гумилевский не изменял своему принципу и был сильно плодовит в литературном творчестве.)

В 1943 г., обладая основами научно-технических познаний, Гумилевский, по совету Капицы, после конференций в Москве понявшего настроения власти, переключается на изучение биографий отечественных персонажей. В 1943 г. в серии «Великие люди русского народа» выходит его книга о Н. Е. Жуковском, год спустя — о металлурге Д. К. Чернове. В 1944 г. он начинает писать книги для популярной серии «Герои социалистического труда», в которой вышли книги: «Крылья истребителя» о конструкторе А. С. Яковлеве (1944) и «Строитель самолетов» о Н. Н. Поликарпове (1946). В 1945 г. выходит книга для детей старшего возраста по истории советской авиации «Крылья родины», выдержавшая несколько изданий[173].

Беседа Сталина с Курчатовым, несомненно, отражает умонастроения главы государства в тот момент; письмо же академика Капицы, как нам кажется, лишь попало в струю этих умонастроений[174]. А 9 февраля 1946 г. некоторые мысли были верифицированы Сталиным в выступлении на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. Особенно принципиальной идеологической установкой были слова в заключительной части выступления:

> «Теперь несколько слов насчет планов работы коммунистической партии на ближайшее будущее. Как известно, эти планы изложены в новом пятилетнем плане, который должен быть утвержден в ближайшее время. Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. Не говоря уже о том, что в ближайшее

---

[172] *Платонов Б. Е.* А. А. Жданов и некоторые вопросы советской литературы: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1952. С. 10.

[173] Впоследствии Гумилевский переработал и расширил некоторые биографии, которые превратились в книги для серии ЖЗЛ — А. М. Бутлерова (1951), В. И. Вернадского (1961), Н. Н. Зинина (1965), С. А. Чаплыгина (1969) и Д. К. Чернова (1975).

[174] Нельзя обойти вниманием тот факт, что писатель В. В. Кожинов является автором устоявшегося, благодаря широкой популярности его книг, мифа, будто борьба с низкопоклонством перед Западом была «начата по инициативе П. Л. Капицы» (см.: *Кожинов В. В.* Россия: Век XX-й (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. М., 1999. С. 262). Это утверждение нам кажется необоснованным, поскольку Сталин задолго до этого уже сформировал свою точку зрения. Впоследствии Капица получил ответ Сталина: «Все Ваши письма получил. В письмах много поучительного — думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них. Что касается книги Л. Гумилевского "Русские инженеры", то она очень интересна и будет издана в скором времени. И. Сталин» (*Капица П. Л.* Указ. соч. С. 258. 4 апреля 1946 г.). Книга Гумилевского вышла в свет в начале 1948 г. (на титульном листе указан 1947 г.), вторым изданием — в 1953 г.

время будет отменена карточная система (бурные, продолжительные аплодисменты), особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного и систематического снижения цен на все товары (бурные, продолжительные аплодисменты) и на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов (аплодисменты), могущих дать возможность науке развернуть свои силы.

Я не сомневаюсь, что, если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны. (Продолжительные аплодисменты.)» [175]

Что касается академика Капицы, то он, притесняемый Л. П. Берия, старался поддержать свой авторитет в глазах Сталина и высших руководителей. Одной из таких попыток является политически актуальное письмо академика к Г. М. Маленкову:

«Если нашим критерием всегда будет только то, что сделано и апробировано на Западе, и всегда будет пересиливать боязнь начинать что-нибудь свое собственное, то судьба нашего технического развития — «колониальная» зависимость от западной техники. Может быть, нам кое-чему в этом направлении следовало бы поучиться у англичан. Англичане говорят: "British is the best" (британское — это лучшее). Находясь в Англии, я пытался им возражать, я им говорил: это лучше у французов, это — у американцев и т.д. Они отвечали: поскольку это наше, оно всегда для нас является лучшим. В этой утрированной постановке вопроса есть своя сила и логика. Может быть, в ней чувствуется английская надменность, но, хотя в нашем кредо "все заграничное лучше" и есть скромность, но оно обрекает развитие техники на жалкое будущее» [176].

Февральское выступление Сталина и проводимая антизападническая линия оказались как никогда актуальны: 5 марта 1946 г. в городке Фултон (штат Миссури) состоялось публичное выступление английского премьер-министра Черчилля в присутствии президента Трумэна. Эта речь, ставшая знаменитой, изменила мировую политику: Черчилль клеймил внешнюю политику бывшего союзника, «обвинил СССР в экспансионизме, в уже совершенном захвате всей Восточной Европы, над которой опустился "железный занавес"» и «призвал англосаксонские страны объединиться, используя имевшуюся монополию на ядерное оружие, незамедлительно дать отпор агрессивным замыслам Советского Союза» [177].

Немного позже, 6 ноября 1946 г., Жданов сформулировал точку зрения руководства страны:

«Кампания по срыву международного сотрудничества, ведущаяся со стороны открытых и скрытых противников прочного мира, сопровождается оголтелой антисоветской шумихой. Разнузданная антисоветская "атомная" пропаганда, шантаж и угрозы новой войны, которые усиленно стараются создать военно-политические разведчики и их соратники,

---

[175] Приводится по грамзаписи: РГАФД. Е.х. Н-374. В отредактированном виде: *Сталин И. В.* Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. М., 1946. С. 28–29.

[176] *Капица П. Л.* Указ. соч. С. 268. 25 июня 1946 г. К сожалению, это письмо не смогло помочь Капице в отстаивании изобретенного им способа производства жидкого кислорода: 17 августа 1946 г. Сталин подписал постановление СНК СССР о увольнении его с должности директора Института физических проблем АН СССР и начальника Главкислорода при СНК; не спасли ученого от опалы и актуальные письма.

[177] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 344.

нужны лишь поджигателям новой войны вроде Черчилля и его единомышленников. Эта антисоветская кампания направляется реакционными империалистическими кругами, для которых война — доходное дело, которые не хотят прочного демократического мира, и потому лезут из кожи вон, чтобы раздуть клеветническую кампанию против Советского Союза, как действительного поборника демократического мира.

В основе пропаганды новой войны лежит боязнь реакционных кругов демократических устремлений народов. Советский Союз, как авангард демократического движения, является основной мишенью этой кампании. Оно и понятно. Советский Союз является самым последовательным борцом за демократию, против агрессии, против экспансионистской политики.

Нельзя не отметить, что за последнее время клеветническая кампания, ведущая[ся] против СССР, приобрела особый размах. Она ведется в больших масштабах и рассчитана на то, чтобы подорвать возросшее доверие и авторитет Советского Союза среди народов демократических стран. Нельзя не напомнить также, что настойчивое прививание ненависти к Советскому Союзу, к его режиму, к людям, которые его населяют, не ново и не однажды уже кончалось печально для его инициаторов. Известно, что многие газеты и журналы в таких странах, как Соединенные Штаты Америки и Великобритания, специализировались на разжигании вражды, недоверия и подозрения ко всему советскому, старались пропустить поменьше правды о жизни и положении в СССР. Известно, что от той "информации" о России, которая наполняет столбцы многих газет в США и Великобритании, начинает спирать дух даже у многих буржуазных деятелей, видавших всякие виды по части вранья. Теперь для того, чтобы написать что-либо о России, бывает достаточно смешать немножко клеветы, немножко невежества, немножко нахальства, и блюдо готово»[178].

МОБИЛИЗАЦИЯ НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Серьезные внешнеполитические перемены неумолимо должны были отразиться и на внутриполитическом курсе. 13 апреля 1946 г. состоялось знаменательное заседание Политбюро, на котором, кроме кадровых передвижений, Сталин обратил внимание и на обстановку в идеологической сфере, выразив свое недовольство ее состоянием; Жданову и Александрову было поручено разработать план мероприятий по оживлению «идеологического фронта».

На том же заседании было решено «создать при Управлении пропаганды ЦК ВКП(б) газету, основной задачей которой должна явиться критика недостатков в различных областях идеологической работы: критические разборы газет, журналов, кинофильмов, театральных постановок, литературных произведений и т.д.»[179]. Название для газеты было выбрано достаточно нейтральное — «Культура и жизнь»[180]. Редактором газеты был

[178] Приводится по грамзаписи: РГАФД. Е.х. 25391; в отредактированном виде: *Жданов А.А.* 29-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции: Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1946 года. М., 1946. С. 24–25.

[179] Сталин и космополитизм. С. 44.

[180] Стоит отметить, что ранее в Советской России уже выходило периодическое издание под таким названием — «Культура и жизнь: Еженедельник по вопросам просвещения, науки, искусства и литературы» (М., 1922), всего было выпущено четыре номера (три книжки) этого журнала.

назначен глава Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александров. Первоначально выход газеты планировался на 17 мая 1946 г. (тиражом 100 тыс. экземпляров), однако проект пробного номера датирован только 25 мая 1946 г., и 1 июня он был представлен Сталину, Жданову, Г. М. Попову и Н. С. Патоличеву. В свет первый номер газеты вышел 28 июня 1946 г., а постановлением Оргбюро ЦК от 26 июля 1946 г. тираж ее был увеличен вдвое — до 200 тыс. экземпляров[181].

Газета готовилась долго и кропотливо. Заведующий отделом информации «Правды» Л.К Бронтман записал 16 мая 1946 г. в дневнике:

> «ЦК решил издавать новую газету (газету для газет) "Культура и жизнь" (газета Управления пропаганды). Первый номер делают уже недели три. Вышло три пробных номера-варианта. Все переделали. Сегодня закончили четвертый вариант. Секретари ЦК уже видели. Завтра-послезавтра покажут Хозяину. Редактор — Александров»[182].

Употребленная формулировка «газета для газет» вполне отражает задачи нового печатного органа, сила воздействия которого оказалась столь внушительной, что газету окрестили «Александровским централом»[183]. Было очевидным, что «Культура и жизнь» выполняет роль политинформатора и является точкой зрения ЦК, недаром Д. Б. Кабалевский, выступая позднее на совещании деятелей советской музыки, говорил: «Мы не привыкли рассматривать точки зрения, высказанные в "Культуре и жизни", как точки зрения дискуссионные»[184]. Л. К. Бронтман писал о газете 21 августа 1946 г.: «Крепкая, резкая. Выходит раз в декаду. Писатели и артисты боятся ее страшно»[185].

Кроме создания газеты разрабатывался план мер по улучшению работы в области агитации и пропаганды; с этой целью в Управлении пропаганды и агитации было созвано специальное совещание, на котором 18 апреля 1946 г. Жданов начал свое выступление следующими словами:

> «Товарищи, нам предстоит доложить в Центральный комитет план мероприятий о значительном улучшении работы в области агитации и пропаганды и по укреплению аппарата агитационно-пропагандистской работы. <...> Все композиции плана должны исходить из указаний товарища Сталина, которые были даны в связи с поручением о плане. А указания товарища Сталина исходят из признания работы в области идеологии как работы, имеющей серьезные недостатки и серьезные провалы. Товарищ Сталин предложил все мероприятия по улучшению построить исходя именно из признания характеристики состояния работы как работы, страдающей крупными недостатками.
>
> Основной вопрос, который сейчас должен пронизать всю композицию плана, заключается в значительном укреплении партийного руководства различными областями идеологии, ибо совершенно очевидно самотеком этих недостатков не исправишь и указания товарища Сталина исходят из того, что лечение недостатков на идеологическом фронте должно идти отсюда сверху, из аппарата ЦК. Отсюда необходимость усиления руководящего влияния партии на все отрасли идеологической работы...»[186]

---

[181] Впоследствии редакторами газеты были Д. Т. Шепилов, П. А. Сатюков и В. П. Степанов; 8 марта 1951 г. Политбюро ЦК по предложению Сталина приняло постановление прекратить издание газеты; редакционный коллектив был присоединен к редакции «Правды».

[182] *Бронтман Л. К.* Дневники 1932–1947 // @ Журнал «Самиздат» (zhurnal.lib.ru). 2004.

[183] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 284.

[184] Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). С. 129.

[185] *Бронтман Л. К.* Указ. соч.

[186] Из стенограммы выступления секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова на совещании в Агитпропе ЦК по вопросам пропаганды // Сталин и космополитизм. С. 46–47.

Первым серьезным вопросом, который был поднят Сталиным на заседании 18 апреля, был вопрос о литературно-художественных журналах: Сталин долгие годы читал их почти все, притом внимательно, высказывая свои суждения. А потому первое направление усилий аппарата ЦК было определено:

> «Товарищ Сталин дал очень резкую критику нашим толстым журналам, причем он поставил вопрос насчет того, что наши толстые журналы, может быть, даже следует уменьшить. Это связано с тем, что мы не можем обеспечить того, чтобы они все велись на должном уровне. Товарищ Сталин назвал как самый худший из толстых журналов "Новый мир", за ним идет сразу "Звезда". Относительно лучшим или самым лучшим товарищ Сталин считает журнал "Знамя", затем "Октябрь", "Звезда", "Новый мир". Товарищ Сталин указывал, что для всех четырех журналов не хватает талантливых произведений <...>.
>
> Что касается критики, то товарищ Сталин дал такую оценку, что никакой критики у нас нет, а те критики, которые существуют, они являются критиками на попечении у тех писателей, которых они обслуживают, рептилии критики по дружбе. <...>
>
> Товарищ Сталин поставил вопрос о художественной литературе, о состоянии таких участков, как кино, театр, искусство, художественная литература. Товарищ Сталин поставил вопрос о том, что эту критику мы должны организовать отсюда — из Управления пропаганды, т. е. Управление пропаганды и должно стать ведущим органом, который должен поставить дело литературной критики. Поэтому тов. Сталин поставил вопрос о том, что нам нужна объективная, независимая от писателя критика, т. е. критика, которую может организовать только Управление пропаганды, объективная критика не взирая на лица, не пристрастная, поскольку тов. Сталин прямо говорил, что наша теперешняя критика является пристрастной»[187].

Поскольку за выполнение этих пожеланий Сталина взялся сам Жданов, то результат был практически гарантирован. Позднее Д. Т. Шепилов с некоторым пафосом вспоминал:

> «В осуществлении указаний Сталина Жданов был очень требователен и пунктуален. Но что за человек был сам Жданов, как он мыслил, как с ним работалось? Жданов принадлежал к тому замечательному поколению русской революционной интеллигенции, которое отдало всю свою кровь — каплю за каплей, все пламя своей души великому делу развития социалистического общества и торжеству идей марксизма-ленинизма во всемирном масштабе.
>
> Как партийному лидеру ему приходилось заниматься самыми разными вопросами <...>. Но была сфера, соприкасаясь с которой Жданов буквально преображался, становился одержимым, с вдохновенным горением искал ответы на мучившие его вопросы. Это была сфера идеологии: вопросы марксистско-ленинской теории, художественной литературы, театра, живописи, музыки, кино и т. д.
>
> Андрей Александрович Жданов был разносторонне образованным марксистом. Причем марксизм он, как и все интеллигенты — старые большевики, изучал не по шпаргалкам и цитатническим хрестоматиям. Он обогащал свой ум марксистской теорией постоянно и капитально, по первоисточникам. <...> Жданов мастерски обладал способностью пользоваться законами и категориями марксистской диалектики для освещения, анатомирования и обобщения самых различных явлений духовной жизни.

[187] Там же. С. 47–48.

Меня всегда очень привлекали манера и метод работы Жданова над сложными идеологическими проблемами. Он никогда не ждал от Агитпропа ЦК и своих помощников готовых речей для себя или высиженных ими проектов решений по подготавливаемому вопросу. Он сам всесторонне изучал назревшую проблему, внимательно выслушивал ученых, писателей, музыкантов, сведущих в данном вопросе, сопоставлял разные точки зрения, старался представить себе всю историю вопроса, систематизировал относящиеся к делу высказывания основоположников марксизма. На этой основе А. Жданов сам ставил Агитпропу ЦК задачи исследования вопроса, формулировал основные выводы и предложения»[188].

При этом Жданов и вправду старался участвовать во всех делах, касавшихся творческой интеллигенции. Типичен пример, описанный К. М. Симоновым, когда Сталин, Молотов и Жданов по ходу разговора с руководством Союза советских писателей обсуждали вопрос о литературных гонорарах:

«— Ну что ж, — сказал Сталин, — я думаю, что этот вопрос нельзя решать письмом или решением, а надо сначала поработать над ним, надо комиссию создать. Товарищ Жданов, — повернулся он к Жданову, — какое у вас предложение по составу комиссии?

— Я бы вошел в комиссию, — сказал Жданов.

Сталин засмеялся, сказал:

— Очень скромное с вашей стороны предложение.

Все расхохотались.

После этого Сталин сказал, что следовало бы включить в комиссию присутствующих здесь писателей»[189].

Эти характеристики Жданова важны еще и потому, что на заседании Политбюро 13 апреля 1946 г. было утверждено новое распределение обязанностей между секретарями ЦК ВКП (б); теперь именно Жданову, вместо Маленкова, было поручено «руководство Управлением пропаганды ЦК ВКП(б) и работой партийных и советских организаций в области пропаганды и агитации (печать, издательства, кино, радио, ТАСС, искусство, устная пропаганда и агитация); руководство отделом внешней политики»[190].

Кроме руководства идеологической машиной, Маленков в тот же день лишился и поста начальника Управления кадров ЦК ВКП(б), который перешел к ленинградскому выдвиженцу Жданова — секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову. Сталин оставил Маленкову вопросы руководства работой ЦК компартий союзных республик, подготовку вопросов к Оргбюро ЦК и председательствования на его заседаниях, тем самым резко настроив Маленкова против Жданова и Кузнецова. Таким образом, в высшем руководстве страны начиналось очередное инспирированное Сталиным противостояние, оказавшее очень большое влияние на политические события последующих лет.

Рабочие вопросы Управления пропаганды и агитации Жданов решал без всяких замешательств:

«В 1946 г. Жданов лично корректировал список кандидатов на Сталинские премии и был недоволен поэмой А. А. Прокофьева "Россия": страна показана "через соловьев и через черемуху. Воспевание России через природу. Воспевание березы". В перечне песен В. Г. Захарова член Политбюро вычеркнул "Стану лицом к западу" и вписал "Про Катюшу". Перед встречей со Сталиным Жданов инструктировал Храпченко. 13 марта 1946 г. в 8 часов 30 минут в приемной Сталина между ними состоялся диалог:

---

[188] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 95–96.
[189] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. С. 126. 13 мая 1947 г.
[190] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 32.

"Жданов: Готовы к докладу? — Не совсем. Я не имею всех материалов. Жданов: Каких? — Проекта постановления. Жданов: Быстро ознакомьтесь. И чтобы не было недоразумений. Вам придется докладывать!! — Мне кажется, лучше было бы поручить доклад тов. Ал[ександрову]. Жданов: Нет, надо вам докладывать". Но докладывать надо было то, что постановила комиссия Жданова. Вот еще характерная запись: "Большаков изложил решение комиссии [Жданова], а затем сказал: Кроме того еще мне разрешили выступить в защиту кинофильма "Во имя жизни". Раздались голоса: "А без разрешения нельзя? А сами вы разве не имеете права выступать?"» [191]

Приведенный рассказ очень любопытен, поскольку характеризует даже не столько стиль работы самого Жданова, сколько вообще послевоенные методы проведения решений членами Политбюро.

ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА АВГУСТА 1946 ГОДА

Он и праведный и лукавый,
И всех месяцев он страшней:
В каждом августе, Боже правый,
Столько праздников и смертей.
А. Ахматова, «Август», 1957

Пятница 9 августа 1946 г. оказалась траурным днем для советской культуры: в этот день в знаменитом Мраморном зале на пятом этаже здания ЦК ВКП(б) на Старой площади, где до войны проходили встречи Сталина с писателями, состоялось расширенное заседание Оргбюро ЦК ВКП(б). Именно на этом заседании рассматривались вопросы литературных журналов, кинофильмов и театров, вылившиеся впоследствии в три знаменитых постановления ЦК ВКП(б) по так называемым идеологическим вопросам. Этот печальный триумвират оказал огромное влияние на все дальнейшее развитие советской культуры. Эти решения были призваны, по словам самого Жданова, наверстать упущенное и мобилизовать силы на идеологические баталии:

«За годы войны мы не могли полностью в силу обстановки удовлетворить идейных и культурных запросов советского народа. Его идейный и культурный уровень вырос. Все это налагает огромную ответственность на тот отряд советской интеллигенции, который призван обслуживать нужды народа и государства в области воспитания, культуры и искусства.

Вы знаете, что Центральный комитет партии за последнее время вскрыл недопустимые факты безыдейности и аполитичности в нашей литературе и искусстве. Мы хорошо знаем природу этой безыдейности. Это те самые пережитки капитализма в сознании людей, которые еще приходится преодолевать и выкорчевывать. Последние решения ЦК ВКП(б) по вопросам идейно-политической работы имеют целью усилить большевистскую непримиримость ко всякого рода идеологическим извращениям и поднять на новый, более высокий, уровень все средства нашей социалистической культуры: печать, пропаганду и агитацию, науку, литературу и искусство. Нам нужно больше высокоидейных и художественных фильмов, беллетристических произведений, пьес и т.д.

Особенно большое значение имеет политическое воспитание нашего молодого поколения. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безыдейности,

[191] Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко. С. 106. Также стоит уточнить, что указанные Храпченко 8 часов 30 минут были вечерним временем.

в духе безразличия к политике. Необходимо оградить молодежь от тлетворных чуждых влияний и организовать ее воспитание и образование в духе большевистской идейности. Только так можно воспитать отважное племя строителей социализма, верящих в торжество нашего дела, бодрых и не боящихся никаких трудностей, готовых преодолевать любые трудности. <...>

Велики и благородны задачи, стоящие перед теми отрядами советской интеллигенции, которые призваны вести воспитательную работу в нашем народе, насаждать культуру, развивать в нашем народе новые вкусы и запросы, укреплять морально-политическое единство народа. Нет никакого сомнения в том, что армия наших пропагандистов, литераторов, работников искусства, учителей, работников науки, как и вся советская интеллигенция, достойно выполнит свой долг. (Бурные аплодисменты.)»[192]

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА» И «ЛЕНИНГРАД»

Еще 31 марта 1944 г. в пространной записке Управления пропаганды и агитации секретарю ЦК А.С. Щербакову отмечалось: «Слабо выполняют свою роль литературно-художественные журналы “Знамя”, “Новый мир”, “Октябрь”, «Звезда”»[193]. Достойно удивления, что аппарат ЦК констатирует такое положение всего через неполных четыре месяца после декабрьских постановлений 1943 г. о литературно-художественных журналах. То есть масштаб преобразований, проводимый редакциями этих журналов, совершенно не устраивал руководство страны. Именно поэтому Г.Ф. Александров тогда же предлагал «подготовить и внести на рассмотрение ЦК ВКП(б) предложения по коренному улучшению литературно-художественных журналов “Знамя”, “Октябрь”, “Новый мир”, “Звезда”»[194].

Поскольку такое положение констатировало невыполнение руководящих указаний ЦК партии, то уже намечались виновники сложившегося положения в литературных журналах: бывший руководитель идеологической сферой Г. М. Маленков и его креатуры в Управлении пропаганды и агитации — начальник Управления Г.Ф. Александров и заместитель — А.М. Еголин. Этот вывод следует из направлении критики Сталина на заседании Политбюро 13 апреля: ведь «Новый мир», признанный Сталиным наихудшим из журналов, относился как раз к их номенклатуре.

Неизвестно, как бы шло дальнейшее развитие событий, но в конце июля 1946 г. с опозданием вышел в свет сдвоенный (5/6) номер ленинградского журнала «Звезда». В заведенном впервые в этом номере разделе «Новинки детской литературы» был помещен рассказ Михаила Зощенко «Приключения обезьяны». К слову, Сталин в былые годы относился к Зощенко вполне терпимо, любил его рассказы, ценил их юмор, об этом свидетельствуют воспоминания приемного сына Сталина — А.Ф. Сергеева (сына погибшего в 1921 г. революционера Артема): «Мы были одногодки с Василием. Сталин любил нам читать вслух Зощенко. Однажды смеялся чуть не до слез, а потом сказал: “А здесь товарищ Зощенко вспомнил о ГПУ и изменил концовку!”»[195]

---

[192] *Жданов А.А.* 29-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. С. 17–19.

[193] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 527.

[194] Там же.

[195] *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 295.

Возможно, что редакция «Звезды», жившая, подобно другим редакциям литературных журналов, как на вулкане, всегда в напряжении ожидая отповеди за политическую близорукость, беспокоилась за свое детище, но уж точно не в связи с этим рассказом: то было проверенное произведение советской литературы. «Приключения обезьяны» впервые были напечатаны в 1945 г. в детском журнале «Мурзилка», после чего вошли в состав аж трех различных сборников произведений Зощенко. Но «Мурзилку»-то Сталин, по-видимому, не читал, а до сборников Зощенко ему досуга также в те годы уже недоставало. Но что касается «толстых» журналов, то они как раз находили в лице главы Советского государства своего постоянного и пытливого читателя.

И вот в первых числах августа 1946 г. Сталин читает в журнале «Звезда» рассказ некогда любимого им автора. И неожиданно рассказ, как тогда резюмировал его реакцию Г.Ф. Александров, «переполнил чашу весов»[196]. Недовольство вождя ленинградскими журналами, жупелом которых для Сталина оказался зощенковский рассказ, сразу привело в движение отлаженный партийный механизм немедленного реагирования — аппарат ЦК.

Крайне любопытно то, что всю хронологию этих событий опережает появившаяся 30 июля 1946 г. на последней полосе газеты «Культура и жизнь» статья «Безликий журнал»[197], в которой журнал «Ленинград» был подвергнут серьезной критике. Причем критика эта, вплоть до стихотворных цитат, совпадает с претензиями, которые вскоре были предъявлены журналу «Ленинград» в записке Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 7 августа 1946 г.[198] А о журнале «Звезда» в статье от 30 июля речи не идет совсем, ну и, конечно, не упоминаются будущие фигуранты постановления (Ахматова и Зощенко).

Поскольку «Культура и жизнь» издавалась Управлением пропаганды и агитации, то становится очевидным, что в конце июля 1946 г. никаких серьезных мероприятий по поводу ленинградских журналов в ЦК ВКП(б) не планировалось — был только вопрос журнала «Ленинград», аполитично-развлекательный характер которого не устраивал идеологических оруженосцев. Если бы в аппарате ЦК были иные мысли, то статью, скорее всего, не дали бы в печать, чтобы не упреждать удар.

И только реакция Сталина на журнал «Звезда» с рассказом Зощенко дает повод к мгновенному объединению ошибок двух ленинградских литературных журналов в одно «дело», поскольку ошибки нескольких изданий демонстрировали не просто слабость редколлегий, они говорили о «системе» — неудовлетворительном руководстве всей литературой города Ленина, которая лежала прежде всего на городском партийном руководстве. Так буквально за несколько дней обычная критика журнала «Ленинград» вкупе с вкусовыми пристрастиями одного, но самого главного читателя страны как на дрожжах стала всходить и разрастаться до самого громкого постановления партии в области культуры.

Для принятия мер было мобилизовано Управление пропаганды и агитации, которое в самые сжатые сроки изучило положение дел в журнале «Звезда» и подало 7 августа 1946 г. докладную записку секретарю ЦК А.А. Жданову; в нее были включены уже опубликованные материалы о неудовлетворительном положении в журнале «Ленинград», а также был приложен проект постановления ЦК по этому вопросу. Подписана докладная

---

[196] *Капица П.И.* Это было так // Нева. Л., 1988. № 5. С. 137.

[197] *Колосков А.* Безликий журнал // Культура и жизнь. М., 1946. № 4. 30 июля. С. 4.

[198] Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград», 7 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 563–565.

записка, как, собственно, и полагалось, руководителем Управления Г. Ф. Александровым и его заместителем А. М. Еголиным.

В «Докладной записке Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов “Звезда” и “Ленинград”» персонально были перечислены более десяти писателей, чьи произведения не отвечали идеологическим требованиям, а в заключении говорилось:

> «Правление Союза советских писателей СССР и Ленинградское отделение ССП отдали журналы на откуп группе литераторов, не руководили их работой и не оказывали им никакой помощи.
>
> Ленинградский горком ВКП(б) не уделяет достаточного внимания литературно-художественным журналам, не замечает крупных идейных ошибок в содержании произведений, опубликованных в “Звезде” и “Ленинграде”, не руководит работой редакций»[199].

Причем, вероятнее всего, первоначально на неудовлетворительное состояние литературных журналов работникам ЦК могли указать сами ленинградцы. Дело в том, что вопрос о ленинградской печати живо обсуждался 26 июля на Пленуме ленинградского горкома ВКП(б), повестка дня которого предварительно должна была согласовываться с ЦК. На пленуме выступил секретарь горкома по пропаганде И. М. Широков, который критиковал основные ленинградские газеты и журналы, и досталось тогда многим изданиям. Именно поэтому в итоговом докладе 1-й секретарь Ленинградского обкома П. С. Попков сказал:

> «Надо выправить также работу журналов “Ленинград” и “Звезда”, критика которых участниками пленума была совершенно справедливой. Широкий размах идеологической работы бесспорно сыграет важнейшую роль в решении поставленных перед ней ответственных задач»[200].

Но в итоговое постановление пленума вошли только названия общественно-политических изданий, на приведение которых в лучшее состояние стоит обратить внимание в первую очередь, — газеты «Ленинградская правда», «Смена» и журнал обкома и горкома партии «Пропаганда и агитация»[201]. По-видимому, новые ленинградские руководители (А. А. Кузнецов к тому времени уже был переведен в Москву) попросту побоялись внести в резолюцию критическую оценку литературных журналов — ведь те относились к ведомству Союза советских писателей СССР. А вторжение в сферу члена ЦК ВКП(б) А. А. Фадеева могло дать ненужные осложнения, и потому партийные органы Ленинграда ограничились исключительно самокритикой.

Что же касается основных будущих фигурантов постановления ЦК, то ленинградские власти особо пристального внимания на них не обращали — М. М. Зощенко, несмотря на постановление 1943 г., был утвержден горкомом ВКП(б) членом редколлегии «Звезды», А. А. Ахматова 28 мая триумфально участвовала в большом «Вечере поэтов» в филармонии[202], а 7 августа читала свои стихи в БДТ на вечере памяти А. А. Блока[203].

---

[199] Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б)... С. 565.

[200] *Попков П. С.* Об идейно-политическом воспитании партийных кадров и интеллигенции: Речь на пленуме Ленинградского городского комитета ВКП(б) 26 июля 1946 года // Ленинградская правда. Л., 1946. № 182. 4 августа. С. 2.

[201] Ленинградская правда. Л., 1946. № 183, 6 августа. С. 2.

[202] Вечер поэтов // Ленинградская правда. Л., 1946. № 123. 28 мая. С. 4.

[203] *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., 2008. С. 411–413.

Подготовленный ведомством Г. Ф. Александрова проект постановления ЦК оказался вполне сдержанным, что показалось руководству страны недостаточным. Именно по этой причине было назначено расширенное обсуждение этого вопроса на заседании Оргбюро ЦК, куда были приглашены члены редколлегий, руководители ЛО ССП, ленинградские партийные руководители.

Предположение о том, что вопрос о созыве такого расширенного заседания был решен почти накануне, подтверждается тем фактом, что заседание Оргбюро было проведено не в среду 7 августа в 8 часов вечера (этот распорядок был установлен постановлением Политбюро ЦК от 13 апреля 1946 г.[204]), а было перенесено на пятницу 9 августа. Аппарату ЦК было необходимо подготовиться к заседанию, а Секретариат ЦК должен был сформулировать оргвыводы и наметить проект постановления.

Ленинградцы же по вызову ЦК двинулись в столицу еще вечером 6 августа.

Член редколлегии «Звезды», парторг ЛО ССП П. И. Капица вспоминал:

> «В начале августа нас срочно вызвали в Москву. Выехали Прокофьев, Саянов и я, а от редакции "Ленинграда" — Борис Лихарев, Дмитрий Левоневский и Николай Никитин. В пути мы узнали, что в этой же "Красной стреле" едут секретари горкома партии — Попков и Широков.
>
> "Что же такое стряслось?" — принялись гадать мы. Обсудили многие материалы, напечатанные в последних номерах журналов, но никому и в голову не пришло вспомнить "Приключения обезьяны".
>
> Утром того же дня мы попали на прием к начальнику Управления пропаганды ЦК Александрову. Нам думалось, он начнет сразу распекать нас, но говорил он каким-то приглушенным тихим голосом, оба, мол, журнала печатали сырые, малохудожественные, а порой и идейно вредные произведения, но чашу весов переполнил рассказ "Приключения обезьяны", поэтому нас всех вызывают на Оргбюро ЦК.
>
> — Приготовьтесь к ответу, — посоветовал он. — Приходите к восемнадцати часам»[205].

Подробная и точная запись содержится в дневнике члена редколлегии журнала «Ленинград» Д. Левоневского:

> «Запомнился больше всего спешный вызов к секретарю обкома [П. С. Попкову]: явиться к 14.00. Получить командировочные документы, деньги на дорогу и билет. (Увы, билет не на "Красную стрелу" — по недавно восстановленному пути ходят только "простые пассажирские" и "специальные скорые", равно тихоходные, двигающиеся со "скоростью черепахи"). В обкоме нам не дают никаких объяснений, кроме: предстоит обсуждение работы ленинградских журналов. Отъезд — 21.00»[206].
>
> «7 августа мы проходим в бюро пропусков Центрального Комитета ВКП(б). Поднимаемся в отдел [sic!] агитации и пропаганды. Короткая встреча с А. Ждановым и Г. Александровым. Нам задают несколько вопросов об авторах.
>
> Получаем подтверждение, что предстоит обсуждение работы ленинградских журналов. Никаких подробностей. Лица спрашивающих непроницаемы.
>
> Одна реплика Александрова звучит в нашем сознании тревожно.
>
> — Просьба из гостиницы "Москва" никуда не уходить. На заседание вас вызовут.
>
> — А если нужно? — осторожно возражает А. Прокофьев.

[204] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 33.
[205] *Капица П. И.* Указ. соч. С. 137.
[206] *Левоневский Д.* История «большого блокнота» // Звезда. Л., 1988. № 7. Июль. С. 190.

— В обеденное время можно пройти в столовую ЦК. Талоны получите у коменданта, — отвечает Александров. — В остальное время быть на месте.

— Вдруг кто-нибудь придет? — спрашивает Саянов.

— По телефону не разговаривать. Никого из московских писателей не приглашать. Ни с кем в контакты не вступать.

Уходим из ЦК ошарашенные. Правда, в столовой мы отведали роскошный обед из четырех блюд. После ленинградских постных трапез обед этот кажется нам сказочным пиршеством. Наваристый борщ. Два вторых на выбор: свиная отбивная и еще бифштекс, на сладкое компот из каких-то «лендлизовских» фруктов. (Карточки будут отменены более чем через год. — *П.Д.*) Что же еще требуется молодому организму? Ешь и радуйся. А в душе тревога. Почему такие неслыханные строгости: никому не звонить... никого не приглашать...

К чему бы это?

Так, в вынужденной изоляции, протомились мы два дня в своих номерах третьего этажа гостиницы «Москва»[207]. Девятого августа раздался звонок Александрова.

— 19.30 явиться в бюро пропусков ЦК.

Явились, как приказано. Точно, минута в минуту.

Прошли через пять пунктов проверки. Каждый проверяющий выясняет имя, отчество, пристально вглядывается в фотографию паспорта. На погонах звездочки, не ниже капитана»[208].

Заседание Оргбюро не обещало быть легким: к тому времени сложная обстановка в высшем руководстве страны была еще более усугублена Сталиным. 4 мая 1946 г. постановлением Политбюро Маленков был заменен на посту секретаря ЦК Н.С. Патоличевым[209] (который 2 августа был назначен начальником Управления ЦК по проверке партийных органов). То же постановление Политбюро от 2 августа прибавило к полномочиям Жданова «председательствование на заседаниях Оргбюро»[210], еще раз подвинув тем самым Маленкова, положение которого было компенсировано назначением на должность заместителя председателя Совета министров СССР[211]. И, несомненно, географическая привязка вопроса была отнюдь не козырем Жданова — ему явно предстояло выходить из двусмысленного положения.

Заседание Оргбюро ЦК началось в пять часов пополудни 9 августа 1946 г.[212]; председательствовал Жданов. Обсуждение же вопроса о литературных журналах началось около восьми часов[213], а если точнее — в 20.05[214].

Вспоминал член редакции «Звезды» П. И. Капица:

«Как было принято в те времена, мы сначала зашли в бюро пропусков. Там нам сказали: “Проходите по списку”.

Списки были на контрольных пунктах у входа и внутри здания. Всюду сверяли фамилии с паспортами и, как бы ощупывая глазами, спрашивали: “Оружия не имеете?”

---

[207] По-видимому, они все-таки отлучались из гостиницы, переходя через площадь,— столовая ЦК располагалась тогда на улице 25-го Октября (ныне Никольская).

[208] *Левоневский Д.* Указ. соч. С. 191–192.

[209] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 206.

[210] Там же. С. 35.

[211] Там же. С. 37.

[212] *Бабиченко Д. Л.* Писатели и цензоры... С. 131.

[213] *Бронтман Л. К.* Указ. соч. Записано со слов присутствовавшего там Вс. Вишневского.

[214] *Левоневский Д.* Указ. соч. С. 192.

Нас удивило, что внутри здания на контроле стояли не старшины, а подполковники. Один из них провел всех шестерых в фойе с буфетом.

— Располагайтесь и ждите вызова, — сказал он. — Если есть желание — можете закусить. Буфет бесплатный.

Дмитрий Левоневский — замредактора журнала "Ленинград" — любил поесть. Он тут же пристроился к бутербродам с севрюгой и копченой колбасой. Мы открыли пару бутылок лимонада, похожего по шипучести на шампанское, и тоже принялись закусывать.

Вскоре к буфету подошли Николай Тихонов, Александр Фадеев, Всеволод Вишневский. Они тоже были приглашены на заседание.

Минут через двадцать нас впустили в зал, где небольшие столики были расставлены в шахматном порядке. За каждым мог сесть только один человек. Впереди был невысокий барьер, за ним — полированный стол и три кресла.

В зал вошли несколько членов Политбюро, секретари Ленинградского горкома партии и работники Управления пропаганды Центрального Комитета. Они уселись за столики впереди нас. Вскоре и за барьером появились трое солидных мужчин. Андрея Александровича Жданова мы, конечно, узнали сразу, так как не раз встречали в Ленинграде. Он занял председательское место. Двое усачей уселись по бокам.

У меня невольно возникла мысль: "Вон тот усач справа, будь лет на десять моложе, мог бы в каком-нибудь фильме выступать в роли Сталина". В те времена стоило лишь упомянуть имя Иосифа Виссарионовича, как люди на собраниях вскакивали с мест и бурно аплодировали. А если он появлялся сам, устраивали получасовую овацию. Этот же пожилой человек вошел и скромно уселся почти у краешка стола. Одет он был как-то по-домашнему: просторный темно-серый костюм полувоенного, полупижамного покроя. Брюки заправлены в мягкие сапоги с невысокими голенищами.

На красочных портретах, которые висели тогда повсюду, чуть серебристые на висках волосы Сталина росли густо, лицо изображалось без морщин, и усы не топорщились. А у этого старика сквозь редкие волосы просвечивала лысина, лицо было рябоватым и бледным.

За соседним столиком, слева от меня, сидел сотрудник аппарата ЦК. Я пригнулся к нему и шепотом спросил:

— А кто тот седой справа?

Сосед посмотрел на меня с недоумением и отстранился. И тут я сам понял, кто это. Просто здесь, в ЦК, когда входил Сталин, не принято было вскакивать и встречать его аплодисментами. Все происходило тихо, по-деловому.

Андрей Александрович Жданов открыл заседание...»[215]

Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 18 марта 1946 г., Оргбюро состояло из пятнадцати человек: секретари ЦК (И. В. Сталин, Г. М. Маленков, А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Г. М. Попов), а также Н. А. Булганин, Н. А. Михайлов, Л. З. Мехлис, Н. С. Патоличев, В. М. Андрианов, Г. Ф. Александров, Н. Н. Шаталин, В. В. Кузнецов, М. И. Родионов и М. А. Суслов[216]. Кроме перечисленных лиц, в этой части заседания точно присутствовали ленинградские писатели В. М. Саянов, Б. М. Лихарев, А. А. Прокофьев, Н. С. Тихонов, В. В. Вишневский, Н. Н. Никитин, Д. А. Левоневский, П. И. Капица, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде И. М. Широков

[215] *Капица П. И.* Указ. соч. С. 137. Второй «усач» — очевидно, Н. А. Булганин.

[216] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 26.

и 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попков; также на заседании присутствовал председатель Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства, будущий (с 13 сентября 1946 г.) генеральный секретарь правления ССП СССР А. А. Фадеев, министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов, заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК А. М. Еголин, сотрудники аппарата ЦК, кинематографисты... Всего не менее 53 человек[217].

Вопрос о литературно-художественных журналах обсуждался в первой части заседания Оргбюро, до перерыва, докладывал Г. Ф. Александров, затем выступал главный редактор «Звезды» В. М. Саянов, после чего в разговор вступил Сталин; затем тему творчества Зощенко поднял Жданов, а Сталин многократно выражал свое отрицательное отношение к Зощенко.

Особой оговорки требует вопрос хода упомянутого заседания: ответ на него не столь аксиоматичен, как принято считать, и не сводится к опубликованной и широко известной стенограмме заседания[218], к которой традиционно апеллируют исследователи. В этой машинописной стенограмме, отложившейся в материалах Секретариата ЦК ВКП(б), прежде всего, отсутствует начало — «начало не стенографировалось»; кроме этой важной лакуны можно констатировать, что некоторые части в ней перепутаны местами, а также отсутствует самое главное — собственно заключительное выступление Сталина. Такие выводы несложно сделать, сопоставив известную стенограмму с конспектом обсуждения, который велся на заседании Оргбюро ЦК ленинградским писателем Д. Левоневским[219]. «Цитируемая в статье запись сделана автором скорописью. Текст впоследствии был уточнен им с другими участниками заседания в ЦК»[220].

В 2003 г. исследователь Л. В. Максименков уже высказывал сомнения по поводу аутентичности стенограммы: «Опубликована вводная часть постановления Оргбюро от 9 августа, где в скобках перечислены выступавшие на обсуждении. Порядок выступавших по протокольному списку не совпадает с приведенными в стенограмме. Внутри стенограммы также заметны структурные отличия...»[221] Однако его вопросы в основном относились к отсутствующему в стенограмме выступлению Сталина, хотя не меньшее замешательство вызывает вообще сам ход обсуждения, отраженный в стенограмме.

Более того, сравнивая совпадающие места стенограммы и текста Левоневского, без труда устанавливается высокая точность сделанного писателем конспекта обсуждения. Запись велась Левоневским почти дословно, лишь иногда малозначимые по смыслу места обсуждения он заменял отточиями. Также, что крайне важно, Левоневский отмечал манеру выступающих, их настроение, иногда мимику. Хотя стоит учитывать, что и Левоневский не всегда был точен — ведь, несомненно, обстановка на заседании Оргбюро являлась для него стрессовой; возможно, именно этим объясняется тот факт, что он, публикуя по прошествии более чем 40 лет свой конспект, не указал наличия

[217] *Бабиченко Д. Л.* Указ. соч. С. 134–145. На заседании отсутствовал член Оргбюро Н. Н. Шаталин.

[218] Неправленая стенограмма заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», 9 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 566–581.

[219] *Левоневский Д.* Указ. соч. С. 192–199.

[220] Там же. С. 192.

[221] *Максименков Л. В.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946): Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. М., 2003. № 5. С. 279.

перерыва в заседании (что, конечно, не является фатальным, но заслуживает упоминания).

Таким образом, два важных источника не только дополняют друг друга, но и корректируют, причем зафиксированные свидетельства других присутствующих — воспоминания П. Капицы и рассказ Вс. Вишневского — также добавляют важных подробностей.

В этой связи важно отметить, что безоговорочное доверие опубликованной машинописной стенограмме как непоколебимому источнику должно быть оспорено: ведь прежде чем поступить в архив ЦК, эта стенограмма прошла несколько стадий обработки.

Во-первых, было бы неверным думать, вспоминая зарубежные фильмы той поры, что стенограммы печатались машинистками «слепым десятипальцевым методом» в ходе заседаний: напротив, они фиксировались стенографистками посредством карандашей и специальной системы записи — собственно, стенографической. Именно поэтому, описывая XII пленум ССП 1948 г., критик А. Борщаговский вспоминал о том, как «в замешательстве замерли карандаши стенографисток»[222]. Причем стенографисток на подобных заседаниях обычно было не менее двух (чаще даже двух пар, работавших посменно по 10 минут), чтобы не упустить сказанного; о наличии именно «стенографисток» на заседании Оргбюро пишет и Левоневский[223]. Для чего было несколько стенографисток? Для того, чтобы одна могла фиксировать ход обсуждения, а другая записывала только отдельные выступления (как было и в этом случае — иначе нельзя объяснить тот факт, что стенограммы выступлений Тихонова и Широкова и прения по ним, состоявшиеся в середине заседания, приложены в конце стенограммы и снабжены отдельными заголовками).

Во-вторых, лишь впоследствии эти рукописные стенограммы, записанные стенографическими знаками, превращались в машинопись — стенографистки, сменившись после 10-минутной записи, расшифровывая, диктовали их в отдельной комнате машинистке, либо (что в 40-х гг. в ЦК уже не практиковалось) перепечатывали сами. Причем некоторые стенограммы после этого правились ораторами и затем перепечатывались набело. И хотя при публикации указано, что воспроизводится текст неправленой стенограммы, неизвестно, насколько она была скорректирована стенографистками, которые традиционно вносили в фиксируемую речь серьезные исправления (как орфографические, так и смысловые: производили добавления и изъятия, сглаживали резкие места и крепкие выражения), причем еще на стадии ведения стенограммы, перед тем как она превращалась в первый вариант машинописи.

Таким образом, особенно с учетом стремления сталинского аппарата оставлять поменьше фактических доказательств своих непосредственных действий, доверие к стенограмме должно допускаться лишь с учетом многочисленных оговорок и учета специфических особенностей стенограммы как исторического источника.

Также стоит указать на прямые сбои в опубликованной стенограмме, неясные без привлечения конспекта Левоневского. Один из очевидных — странный переход в одной из реплик Вс. Вишневского во время его диалога со Сталиным, который при сличении является контаминацией слов Вишневского и Сталина:

---

[222] *Борщаговский А. М.* Записки баловня судьбы. М., 1991. С. 59.

[223] *Левоневский Д.* Указ. соч. С. 192.

Стенограмма ЦК	Конспект Левоневского
«ВИШНЕВСКИЙ: Да. Я хочу привести следующую справку. У нас 8 тыс. 600 авторов, работающих для театра, кино, эстрады, клубов и т.д. 93% из них получают 1 тыс. рублей и ниже. Это не инженерная ставка, это не ставка профессора, об этом надо подумать. Дальше, если разобраться во всех моментах, глубже разобраться во всем, то я должен сказать, что у меня лежат материалы с первого дня блокады Ленинграда. Могу я их сразу пустить в работу? Нет, не могу, потому что надо продумать ряд вещей. Когда Вера Инбер выступила со своим "Дневником", что вы сделали? Вы дали пародию на Веру Инбер, на человека, который стоял всю блокаду с вами, а вы ее так шарахнули, что она едва устояла на ногах. Сейчас у нее есть премия, теперь ее никто не будет критиковать, но это тоже неверная постановка. СТАЛИН: Правильно»[1].	«ВИШНЕВСКИЙ: У нас 8000 авторов. Из них большинство зарабатывает в месяц меньше тысячи рублей, это же ставка для начинающего инженера. СТАЛИН: А Инбер вы как встретили? Закатили злющую пародию. А теперь она получила премию. Но разве это исключает критику...»[2]

[1] Неправленая стенограмма заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу «О журналах "Звезда" и "Ленинград"». С. 573.

[2] *Левоневский Д.* Указ. соч. С. 196.

На этом примере ошибочность стенограммы вполне очевидна. Не стоит упускать из виду и того, что ошибки стенографисток могли происходить по нескольким причинам: во-первых, от невнятности речей некоторых выступавших, от их робости или страха, проявившихся в стрессовой обстановке, от тихого голоса, наконец. Во-вторых, стоит учесть, что даже в ЦК стенографистки имели отнюдь не филологическое образование, да и специфика каждодневной работы могла отражаться на восприятии ими отдельных слов и речевых оборотов, которые, будучи записанными по ходу заседания в краткой форме, при машинописном воспроизведении могли представать уже несколько иначе.

На примере стенографирования выступления П.С. Попкова можно наблюдать более серьезные метаморфозы:

Стенограмма ЦК	Конспект Левоневского
«ПОПКОВ: Как это получилось, что был орган Союза советских писателей, а потом неожиданно стал органом Ленинградских писателей? Кто в этом деле виноват и какое это имеет значение? Я считаю, что мы виноваты, что проглядели это. Во-вторых, кто здесь был инициатором? Инициаторами были тт. Тихонов и Саянов, но они об этом ничего не сказали, а это имеет очень существенное значение. В результате получилось так практически, что Союз советских писателей от этого журнала ушел в сторону и перестал ~~им~~ руководить, и перестал ему помогать. Это с точки зрения руководства.	«ПОПКОВ: Как получилось, что "Звезда" была органом Ленинградского отделения Союза писателей, а теперь, почему-то, Союзного Союза писателей? (Здесь явно путаница, в действительности — наоборот. — *П.Д.*) Это имеет существенное значение. Союз писателей перестал помогать своему журналу. Нам позвонил из ЦК А.А. Кузнецов, я проверил, оказалось, что это сделано по сговору между Тихоновым и Саяновым.

Почему изменили, — об этом были сведения из ЦК партии, в частности, я дал задание установить, как получилось и по чьей инициативе это произошло. Я давал по этому поводу справку т. Кузнецову, почему и с каких пор литературный журнал "Звезда" стал журналом Союза ленинградских писателей. Оказалось, что никакого решения по этому поводу нет, а по разговору между Саяновым и Тихоновым он был назван органом Союза ленинградских писателей. Это первая причина, почему именно так крепко упало значение этого журнала. Вторая причина. Я считаю, что [виновата] редакционная коллегия и, в частности, т. Саянов и тот состав редакции, который был. У них у всех очень большой авторитет имеет Зощенко. Между прочим, никто не сказал об этом, а, к сожалению, это на сегодняшний день так. Когда обсуждали последний состав редакции, я не был, но все они рекомендовали Зощенко»[1].	САЯНОВ: Я не сговаривался. Разрешите справку. ЖДАНОВ: Потом дадите. ПОПКОВ: Все чувствуют авторитет Зощенко. Сами его предложили в редколлегию. Он пишет ерунду, а вы боитесь сказать ему правду. Вы берете под защиту и Зощенко и Ахматову. ЛЕВОНЕВСКИЙ: В "Ленинградской правде" похвалили Зощенко безудержно. ПОПКОВ: Да, похвалили, и неправильно. У нас работает бригада по журналам. Но ЦК нас опередил»[2].

[1] Неправленая стенограмма заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу «О журналах "Звезда" и "Ленинград"». С. 574–575.
[2] *Левоневский Д.* Указ. соч. С. 196.

Как видно из сопоставления, даже если закрыть глаза на серьезную смысловую разницу между словами «разговор» и «сговор», из стенограммы с какой-то целью (как минимум для придания целостности выступлению Попкова) были изъяты реплики Жданова, Саянова и самого Левоневского. Причем, как можно заключить из сути изъятий, в результате оказалась усилена позиция Попкова (и, соответственно, Ленинградского обкома и горкома) в противовес писателям, тогда как у самих писателей были на этот счет серьезные возражения.

Таким образом, эта хрестоматийная стенограмма, даже на крохотных цитатах из которой, как на трех китах, базируется множество различных выводов и смелых предположений в обширной литературе вопроса (некоторых мы коснемся ниже), не может приниматься как бесспорный источник точных слов ораторов, а потому и все построения на ней должны рассматриваться с оговорками и особенностями, свойственными именно стенограмме, а не дословной записи.

Если же говорить о ходе заседания, то дошедшие до нас свидетельства по-разному трактуют не только очередность, но и содержание выступлений. Таких свидетельств четыре: собственно указанная стенограмма, конспект участника заседания Д. Левоневского, воспоминания участника заседания П. И. Капицы[224], а также запись рассказа присутствовавшего там В. Вишневского, сделанная сотрудником редакции «Правды» Л. К. Бронтманом в августе 1946 г.[225]

[224] Сам мемуарист делал при их публикации следующую оговорку: «Протокола этого заседания, как мне известно, нет. Читатель, конечно, понимает, что все дальнейшее — не стенографическая запись. Я восстанавливаю эти реплики и выступления отчасти по памяти, отчасти по торопливым записям, сделанным во время заседания. За общий смысл сказанного ручаюсь, но за то, что это было сказано именно так, ручаться, естественно, не могу» (*Капица П. И.* Это было так. С. 138).

[225] *Бронтман Л. К.* Указ. соч.

Началось обсуждение десятиминутным протокольным докладом начальника Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александрова, по сути повторившего в несколько иной композиции основные положения служебной записки Жданову от 7 августа[226]. Александров и другие выступавшие подходили для доклада к столу президиума (отдельной трибуны для выступлений в тот день не использовалось), все остальные — не имевшие слова для выступления — подавали реплики с мест.

Основным было выступление Сталина, который разразился более чем десятиминутной отповедью во второй половине обсуждения, перед перерывом, когда «провинившиеся» уже выступили и началось подобие прений. Речь Сталина отсутствует в опубликованной стенограмме ЦК, но в разных вариантах, кроме отредактированной машинописи в личном архиве Сталина, имеется в трех упомянутых источниках; все три варианты схожи, но наиболее полный — был схвачен основной смысл — зафиксирован в записи Левоневского:

> «Журналы не могут быть аполитичными. Некоторые думают, что политика дело правительства и ЦК. Написал человек красиво, и все. А там есть плохие, вредные места, мысли, которые отравляют сознание молодежи. В этом у нас и расхождение с писателями, занимающими руководящие посты в журналах. Мы требуем, чтобы наши писатели воспитывали молодежь идейную, а Зощенко — проповедник безыдейности. Почему я недолюбливаю людей вроде Зощенко? Потому что они пишут что-то похожее на рвотный порошок. Можем ли мы терпеть на посту руководителей людей, которые это пропускают в печать.
>
> Советский строй не терпит безыдейности.
>
> Зощенко пишет, другие заняты, мало пишут. Вот он и "воспитывает", а все это называется аполитичным отношением со стороны руководителей.
>
> Второе, мы видим, что отношения внутри редакции не политические, а приятельские. Из-за аполитичности в результате ее пропускают гниль. Все это идет за счет правильного воспитания молодежи. Спрашивается, что выше? Ваши приятельские отношения или вопросы воспитания?
>
> Человек, который не способен сам себя раскритиковать, такой человек не может быть советским человеком, руководителем — он трус. У него нет мужества, он боится сказать правду о себе, он боится критики. А мы приветствуем такую критику. Болезнь запускать нельзя — чем скорее и быстрее будет обнаружена болезнь, тем лучше. Критику надо встречать мужественно. Вечером подводить итоги за каждый день, а не мог ли я сделать лучше? Только при этих условиях можно совершенствоваться.
>
> Этого тоже не хватает у наших руководителей литературы. Практически, что вытекает из вышесказанного, — есть ответственный редактор, есть и безответственный, а кто главный? Кто отвечает за направление журнала?
>
> Должен быть главный редактор и при нем редакционная коллегия. У него и редколлегии должно быть чувство ответственности перед государством и партией. Нужно, чтобы редактором был человек, который имеет моральное право критиковать писателей, а если вы посадите туда олуха царя небесного, то ничего не получится. Нужен авторитетный человек. Пусть он скажет, что плохо и что хорошо, и чтобы ему поверили. Это поможет писателям улучшить работу. Чтобы это был человек, способный критиковать

---

[226] Докладная записка Управления Пропаганды и Агитации ЦК ВКП(б) Секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград». С. 559–565.

и помогать молодым. Не может быть правилом — никого не обижать. Если у Ахматовой есть чепуха, а у вас нет мужества прямо про это сказать, зачем поэтессу-старуху приспосабливать к журналу. У нас журнал — не частное предприятие. Есть в Англии лорды, которые содержат журналы, а у нас журнал государства, журнал народа, и он не имеет права приспосабливаться к вкусам людей, которые не хотят признавать наш строй. А кто не хочет перестраиваться, например Зощенко, пускай убирается ко всем чертям. Не нам же переделывать свои вкусы, не нам же приспосабливать свои мысли и чувства к Зощенко и Ахматовой. Пусть уж они перестраиваются сами.

Разве Анна Ахматова может воспитывать?

Разве этот балаганный рассказчик, писака Зощенко, может воспитывать?

Надо, не считаясь с авторитетом Зощенко и других, сказать им правду в глаза. Поэтому нужно и редакторов таких подобрать, которые считались бы с интересами государства. <...>

Что касается тех, кто возвращается с фронтов, — мы не должны их ставить на литературный пьедестал: ведь среди них есть и такие, что пишут плохо. Пусть это не смущает — не на ордена надо смотреть, а на то, как и что пишут.

Когда пишешь — учись уважать людей, а не научишься — и сам не будешь уважаем.

Вы думаете, они на фронте многому научились? У нас 12 с половиной миллиона стояло под ружьем, разве можно предположить, что они все ангелы? Пишешь хорошо — почет и уважение. Плохо — учись писать лучше.

Сталин закончил свою речь и остановился за спиной А. Жданова. Все заседание он ходил в мягких сапожках позади трибуны и президиума, чем явно смущал ораторов. Набив трубку табаком, он так и не закурил ее, ограничившись вдыханием запаха. Присутствующие заметили, что в руках у него не было никакого конспекта, говорил он раздумчиво, с привычными большими паузами»[227].

Стенограмма выступления Сталина в виде уже отредактированной машинописи, отложившейся в личном фонде вождя, был впервые опубликован в 2003 г.[228] и вполне соответствует конспекту Левоневского.

За выступлением Сталина последовал небольшой перерыв, после которого вопрос о литературных журналах был закрыт и началось обсуждение следующего — о кинофильме «Большая жизнь».

Вполне очевидно — и место рассмотрения вопроса о журналах «Звезда» и «Ленинград» лишнее тому подтверждение, — что серьезные идеологические поражения в работе литературных журналов воспринимались руководством страны не столько как проблема писателей, сколько как упущение ленинградской парторганизации. Именно поэтому в процессе заседания Оргбюро ЦК выслушивались объяснения 1-го секретаря обкома и горкома П. С. Попкова и секретаря горкома по пропаганде И. М. Широкова. Кроме «политической близорукости» на них лежала вполне конкретная вина: Ленинградский горком ВКП(б) утвердил 26 июня 1946 г. М. М. Зощенко, отмеченного прежде персональным порицательным постановлением ЦК, членом редколлегии журнала «Звезда».

И если Жданов, который вел заседание Оргбюро, не хотел особенно концентрировать внимание присутствующих, в том числе и Сталина, на просчетах близких ему ленинградцев (в его словах даже слышатся защитительные нотки), то Маленков был

[227] *Левоневский Д.* Указ. соч. С. 196–197.

[228] *Максименков Л. В.* Указ. соч. С. 289–294. Документ вошел также в состав сборника: Большая цензура... С. 573–576.

лишен всякого сочувственного отношения и попенял ленинградским коммунистам на халатность — он-то был в 1943 г. в Москве и без проблем восстановил в памяти постановление.

Без сомнения, новое партийное руководство Ленинграда спасовало перед ССП, проявив таким образом в глазах ЦК слабость. И хотя П. С. Попков, выступавший на Оргбюро, пытался сказать об этом и пенял на Я. Ф. Капустина, который непосредственно был ответственен за решение горкома, «вина» партийного руководства Ленинграда была и без того очевидной для всех присутствующих, а после слов Сталина (явно раздосадованного упорным нежеланием Попкова и Широкова публично раскаяться) всякая защита была тщетной. Напротив, теперь для того, чтобы поддержать главу государства, стоило бы заострить внимание на этом. Однако намного больше филиппик Сталин отвел Зощенко и Ахматовой — он направлял удар своих соратников.

Вместе с тем в постановление ЦК были включены слова о «грубой политической ошибке» Ленинградского горкома ВКП(б). То обстоятельство, что именно Г. М. Маленков, поддерживая Сталина, предъявил претензию к горкому, имеет свои причины. Он прекрасно знал, что ответственность за это лежала и на секретаре ЦК А. А. Кузнецове, некогда протеже Жданова, а в то время очевидном фаворите Сталина.

Алексей Александрович Кузнецов, работавший в ленинградских партийных органах с 1932 г., бывший впоследствии при Жданове 2-м секретарем Ленинградского горкома, сменил Андрея Александровича в январе 1945 г. на посту 1-го секретаря обкома. И хотя отношения Жданова и Кузнецова не были безоблачными, Жданов использовал способности Кузнецова, переложил на него взаимодействие с НКВД и НКГБ. Но 18 марта 1946 г. Сталин, который помнил и ценил Кузнецова за работу в Ленинграде, провел на пленуме ЦК решение о переводе Кузнецова в Москву с назначением на должность секретаря ЦК и члена Оргбюро ЦК. Более того: 13 апреля 1946 г. Кузнецов постановлением Политбюро утвержден вместо Маленкова начальником Управления кадров ЦК ВКП(б) и наделен полномочиями председателя на заседаниях Секретариата ЦК[229].

Так Сталин, подняв Кузнецова, противопоставил его Маленкову, умудрившись при этом не ущемить Жданова. И если против Жданова, в силу его исключительного положения, никто из членов Политбюро тогда не мог выступать, то на Оргбюро вдруг появилась четкая возможность поумерить пыл амбициозного Кузнецова: именно он, исходя из распределения обязанностей между секретарями ЦК, отвечал в том числе за «вопросы руководства работой обкомов партии областей, входящих в РСФСР»[230].

Да и сам Кузнецов, как видно из приведенных выше фрагментов записи заседания Оргбюро, уже заранее сильно беспокоился: сам звонил в Ленинград и наводил справки у ленинградского руководства по поводу литературных дел. Иными словами, в ЦК была традиционная рабочая ситуация — напряженное соперничество, где каждый подсиживал товарища и пытался использовать малейшую оплошность для его дискредитации. Однако Кузнецов — куратор партийных органов Ленинграда — вышел сухим из воды.

Вряд ли стоит за этим видеть тот факт, что Жданов, дабы оттенить вину горкома и обкома, умышленно акцентировал вопрос на идеологическом провале в писательской среде и в первую очередь на «пошлых» произведениях Зощенко и «безыдейной» поэзии

[229] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 32.
[230] Там же.

Ахматовой. Ведь Жданов, как и все остальные, лишь поддерживал то направление удара партийной критики, которое указал Сталин.

А Сталин изначально не стремился задействовать в этой игре партийные органы Ленинграда — он намеревался навести порядок именно в «загнивающей» писательской среде, и именно этому посвящена большая часть его выступления. И если бы Сталин хотел произвести перетряску в ленинградском руководстве, то он бы не оставил без внимания конфуз, случившийся на Оргбюро с П. С. Попковым, не отраженный в стенограмме ЦК, но сохранившийся в воспоминаниях П. И. Капицы:

> «Место занял первый секретарь ленинградского горкома Попков, темнокожий, похожий на цыгана. Он стоял с видом провинившегося комсомольца.
>
> — Должен признаться,— говорил,— заела текучка. Блокада, теперь восстановление... Не всегда удавалось прочитывать "Красную Звезду"...
>
> — Как? Как? — перебил его Сталин.
>
> Словно мальчишка, не выучивший уроков, Попков с просящим лицом повернулся к нам: "Подскажите-ка, как называется ваш проклятый журнал?" Чувствовалось, что до истории с обезьянкой ему не доводилось брать его в руки.
>
> Мы принялись шепотом подсказывать:
>
> — "Звезда"... просто "Звезда"!
>
> — Да фу-ты, господи, "Звезда",— подхватил Попков.— Перепутал с газетой "Красная звезда".
>
> Сталин, видимо, услышал подсказку, потому что понимающе ухмыльнулся в усы и неторопливо стал ломать папиросы, вытащенные из красной коробки, и набивать добытым табаком трубку.
>
> Попков сник, говорил упавшим голосом, и уже не было озорства в его темных глазах»[231].

Но так случилось, что оставленные Сталиным без особенного внимания попытки Маленкова заострить внимание главы государства на вине Ленинградского горкома впоследствии в историографии стали рассматриваться как нечто большее, даже зловещее. Именно в репликах Маленкова на заседании Оргбюро подавляющее большинство историков видит зарождение грядущего «ленинградского дела».

На наш взгляд, это лишь совпадение, так как именно это заседание Оргбюро было вообще очень памятным, было застенографировано, отражено в мемуарах несколькими его участниками и имело невиданно громкие последствия. О накале страстей в этот вечер говорит одно то, что редактор «Звезды» Виссарион Саянов, которому досталось на заседании едва ли не больше других, не смог долго сдерживаться и открыто плакал во время обсуждения[232].

Что же касается самого Маленкова, то он был настолько раздавлен «делом авиационной промышленности» (лишившись 4 мая поста секретаря ЦК)[233], что вряд ли наказание

---

[231] *Капица П. И.* Указ. соч. С. 139.

[232] *Бронтман Л. К.* Указ. соч.

[233] Постановление Политбюро от 4 мая 1946 г. гласило: «1. Установить, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б). 2. Признать необходимым вывести т. Маленкова из секретариата ЦК ВКП(б)» (Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 206). Философ Г. П. Щедровицкий со слов отца, директора Института организации авиационной

деятелей Ленинградского горкома его так сильно волновало. Его волновал вопрос о том, как бы остановить дальнейшее усиление роли Кузнецова, который уже обошел его в иерархии сталинского окружения. Кроме того, внимание Маленкова к неправомерным действиям Ленинградского горкома объясняется еще и чертами его характера и многолетней работой в аппарате ЦК.

Маленков, опытный партийный функционер, начальник Управления кадров ЦК с 1939 г., был вообще очень внимателен и скрупулезен в разборе подобных дел, «не стремился вникать в тонкости диалектики, зато очень интересовался фактами»[234] и, говоря словами Молотова, был «способный аппаратчик»[235]. Подобную въедливость, сведения о которой сохранила другая стенограмма, он обнаружил во время совещания по проблемам немецкой классической философии, проводимого им без участия Сталина в 1944 г. Тогда Маленков вывел на чистую воду Г. Ф. Александрова и М. Б. Митина — редакторов «Истории философии» (лауреатов Сталинской премии), даже не читавших сданного в печать тома[236].

Но вернемся на заседание Оргбюро ЦК. Тот факт, что Ленинградский горком утвердил Зощенко в составе редакции «Звезды», был озвучен в день заседания, 9 августа. Кузнецову и Жданову он, конечно же, был известен ранее, хотя бы по телефонным справкам из Ленинградского горкома. Но именно 9 августа датировано первое ознакомление сотрудников ЦК с копией протокола этого решения, согласно привычной процедуре доставленной 21 июля в Управление по проверке парторганов ЦК[237]. При этом некоторые исследователи связывают такой факт со «зловещей» ролью Маленкова: «Перед заседанием у Маленкова на руках оказался козырь — постановление Ленинградского горкома — кардинально переменивший ход заседания»[238].

Несомненно, во время предварительных рассмотрений на Секретариате ЦК этот «козырь» был общеизвестен, да и без всякого обращения к копии протокола было ясно, что утверждение членом редколлегии журнала фигуранта постановления ЦК без особого на то разрешения Секретариата ЦК — очевидный просчет горкома. И это было ясно абсолютно всем, без всяких копий протоколов. Единственное, с чем может быть связано ознакомление с копией решения именно 9 августа, — уточнение того, что под решением стоит именно подпись Капустина, а не самого Попкова (это было необходимо для подготовки оргвыводов), а также для того, чтобы увидеть этот документ, а не судить по многочисленным ссылкам на него.

Причем не важно даже, каким образом стал Зощенко членом редколлегии и знал или не знал ЦК об этом решении: пока Сталин не обругал писателя, это было безразлично абсолютно всем, но теперь необходимо было найти виновных. И, конечно, они найдены были на местах, а отнюдь не в ЦК.

промышленности П. Г. Щедровицкого, указывал, что снятие наркома А. И. Шахурина (29 декабря 1945 г.) и назначение на его место М. В. Хруничева (30 декабря 1945 г.) явилось следствием острейшей кулуарной борьбы Жданова с Маленковым и было инспирировано Ждановым (*Щедровицкий Г. П.* Я всегда был идеалистом... С. 221).

[234] *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Советское философское сообщество в сороковые годы... С 634.

[235] *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 323.

[236] *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Указ. соч. С. 633–635.

[237] *Бабиченко Д. Л.* Указ. соч. С. 131.

[238] Там же.

О решении горкома еще раз повторил на Оргбюро сам Попков: «Когда обсуждали последний состав редакции, я не был, но они все рекомендовали Зощенко»[239]. Собственно, именно после этих слов и последовал вопрос Маленкова: «Зачем Зощенко приютили?» Маленков задал вполне уместный, особенно с учетом его опыта в курировании работы партийных органов, вопрос.

Также сохраняется вероятность того, что 9 августа — еще до заседания Оргбюро — с документом были в протокольном порядке ознакомлены члены Оргбюро. Или же решение фигурировало в каких-то иных подготовительных действиях, предшествовавших заседанию Оргбюро. Ведь если писатели, приехавшие 7-го числа и утром узнавшие в ЦК о причине экстренного вызова, оставались два дня в гостинице и ждали вызова, то секретари Ленинградского горкома, приехавшие в тот же день и поселившиеся в той же гостинице, явно не поехали на обзорную экскурсию по столице, а отправились в ЦК. И конечно же, поскольку главная претензия была известна, зашла речь и о решении горкома. Словом, вопрос утверждения Зощенко решением горкома являлся, по сути, секретом полишинеля. В любом случае при такой вопиющей ситуации вина горкома имелась и без того, а решение об утверждении Зощенко лишь ее усугубило.

Кроме того, подлинник решения Бюро Ленинградского горкома № 253/2 от 27 июня 1946 г. указывает, что «выписки были посланы Широкову, Капице и т. Еголину ЦК ВКП(б)». Последнее подчеркнуто. Секретариат Управления пропаганды ЦК ВКП(б) взял этот вопрос под контроль 1 июля 1946 г. с пометкой: «Срок исполнения 7 июля». «То есть о ленинградском решении в Москве знали и в течение месяца никакого криминала в нем не видели»[240].

Все известные факты как раз укладываются не в зловещую подготовку «ленинградского дела», а в банальный поиск виноватых, вполне соответствующий как прежним, так и нынешним российским реалиям, безотносительно географической и хронологической заданности.

Также излишне надуманной нам кажется приписывание зловещего подтекста ситуации, произошедшей в перерыве заседания Оргбюро и описанной впоследствии П. И. Капицей:

> «...Мы направились покурить в фойе. Там к Саянову подошел секретарь ЦК по кадрам Алексей Кузнецов <...>. К нам подошли секретари ленинградского горкома, а потом присоединился и Жданов, решивший, видимо, нас подбодрить:
>
> — Не теряйтесь, держитесь по-ленинградски, мы не такое выдержали. Покажите, каким нужно журнал выпускать!
>
> В дверях показался Сталин. Видя толпящихся ленинградцев, шутливо удивился:
>
> — Чего это ленинградцы жмутся друг к дружке? Я ведь тоже питерский.
>
> Жданов отошел от нас.
>
> — Продолжим заседание! — произнес он»[241].

Пытаясь углядеть истоки «ленинградского дела» в этой сцене, некоторые историки пишут: «Через два с половиной года Сталин будет уже полностью уверен, что “ленинградцы” —

[239] Неправленая стенограмма заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», 9 августа 1946 г. С. 577.

[240] *Максименков Л. В.* Указ. соч. С. 284.

[241] *Капица П. И.* Указ. соч. С. 140.

опаснейшие "заговорщики", но естественно видеть зарождение этой уверенности в описанной сцене»[242]. На наш взгляд, подобные предположения — плоды фантазии.

Вернувшись к ходу самого заседания Оргбюро, любопытно сравнить параллельные места стенограммы ЦК с другими источниками, освещающими события того памятного заседания. Реплики Маленкова не кажутся столь «зловещими», а лишь доносят до нас то огромное внутреннее желание Маленкова участвовать со знанием дела в идущем обсуждении и, где возможно, вставить к месту реплику. Но еще важнее, что приведенное ниже сопоставление окончательно лишает стенограмму ЦК неприкосновенного статуса — уж очень очевидны сделанные стенографистками изъятия и сглаживания.

Стенограмма ЦК	Конспект Д. Левоневского	Мемуары П. Капицы
«СТАЛИН: Насчет журнала "Ленинград" ничего не расскажете? ПРОКОФЬЕВ: Журнал "Ленинград" имеет большие традиции. Он возник из журнала "Резец", этот журнал был органом рабкоровским и из него впоследствии стал журналом "Ленинград". Мы его мыслим как массовый журнал, журнал, который должен ориентироваться на короткий рассказ, в частности, редакция журнала допускала, когда из больших произведений выбирались куски. СТАЛИН: Вы это одобряете? ПРОКОФЬЕВ: Нет. Союзу советских писателей надо обратить внимание на рассказ. Жанр рассказа у нас очень не в большом почете у писателей. Мы обсуждали оба журнала наших в Союзе писателей не раз и не два, но критика наша не была столь суровой, как сейчас. Очевидно, у нас опять не хватает мужества в ряде случаев сказать правду, имея в виду, что люди, с которыми мы работаем, они находятся рядом с нами и будут обижены, а обида эта не прощается во веки веков. У нас некоторые очень болезненно обиды принимают. СТАЛИН: Мнительные и чувственные люди? ПРОКОФЬЕВ: Да и даже иногда небольшая критика оставляет глубокую царапину. СТАЛИН: Этого бояться не следует. Как же иначе людей воспитывать без критики. ПРОКОФЬЕВ: Критика была, но она не была такой действенной. СТАЛИН: Боялись, что обидно будет. Обиды бояться нельзя.	«СТАЛИН: А насчет журнала "Ленинград" ничего не скажете? ПРОКОФЬЕВ: Он возник из "Резца". Рассказов, к сожалению, мало печатает. Больше "филейчики" — вырезки из крупных вещей... СТАЛИН: Вы это одобряете? (Смех.) ПРОКОФЬЕВ: (Овладев общим настроением. Убежденно.) Нет, не одобряю! Мы обсуждали наши журналы, но критика у нас была не столь резкая, как здесь, слишком они, писатели, у нас нежные... СТАЛИН: Чувствительные... ПРОКОФЬЕВ: Обидчивые. СТАЛИН: Но этого бояться не надо. Обид бояться нельзя. (Набивает трубку табаком папирос "Герцеговина Флор".)	«Потом вышел Александр Прокофьев. Каким-то не своим, звенящим голосом он сообщил, что из писателей, оставшихся в осажденном городе, выжила только треть, остальные недавно прибыли в город с фронтов и из эвакуации, что не все еще всерьез уселись за стол. Чаще всего несут в журналы не готовые произведения, а отрывки, филейчики... — Это как на Кавказе... Подведет к висящей туше и спрашивает, какой кусок тебе нравится? — спросил с усмешкой Сталин. — Именно так, филейную часть предлагают, — ответил Прокофьев. Их разговор вызвал смех. Нависшие тучи как бы развеялись»[3].

[242] *Кожинов В. В.* Указ. соч. С. 259.

МАЛЕНКОВ: И обиженных приютили. Зощенко критиковали, а вы его приютили. ПРОКОФЬЕВ: Тогда надо обратить внимание на другое. Сейчас у Зощенко третья комедия идет. СТАЛИН: Вся война прошла, все народы обливались кровью, а он ни одной строки не дал. Пишет он чепуху какую-то, прямо издевательство. Война в разгаре, а у него ни одного слова ни за, ни против, а пишет всякие небылицы, чепуху, ничего не дающую ни уму, ни сердцу. Он бродит по разным местам, суется в одно место, в другое, а вы податливы очень. Хотели журнал сделать интересным, и даете ему место, а из-за этого вам попадает, и не могут быть напечатаны произведения наших людей. Мы не для того советский строй строили, чтобы людей обучали пустяковине. ПРОКОФЬЕВ: Я хочу поставить следующий вопрос об утечке людей из Ленинграда. Около 20 человек убыло. СТАЛИН: Вы предъявите счет в Москву, может быть, вернутся люди. Уходят, что ж поделать, они не крепостные. В Москве, видимо, дело получше обстоит»[1].	МАЛЕНКОВ (хмуро): Вы приютили обиженных: Зощенко и Сельвинского. СТАЛИН: Вся война прошла, а у Зощенко ни одного слова об этом (не зажигая трубку, Сталин уминает табак в трубке пальцем и, после паузы, продолжает). Суется он то в одно, то в другое место... Вот вы его даете. Печатаете. Хотите дать читателю что-то “интересное”, и за это вам попадает. (Смех.) ПРОКОФЬЕВ (как ни в чем не бывало): В Москву убыло двадцать влиятельнейших писателей Ленинграда... СТАЛИН (с неясной улыбкой): А вы предъявите счет. В Москве, видимо, спокойнее, благополучнее. Лучше работа налажена»[2].	

[1] Неправленая стенограмма заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», 9 августа 1946 г. С. 570–571.

[2] *Левоневский Д.* Указ. соч. С. 194.

[3] *Капица П.И.* Указ. соч. С. 139.

Приведем еще один сюжет из заседания Оргбюро ЦК 9 августа 1946 г. — выступление секретаря ЛГК по пропаганде И. М. Широкова:

Стенограмма ЦК	Конспект Д. Левоневского	Мемуары П. Капицы
«ШИРОКОВ: Я не могу сказать, что отдел пропаганды Ленинградского горкома не уделял никакого внимания журналам, не занимался журналами. Мы занимались, мы, конечно, не сумели вскрыть всех тех серьезных недостатков и ошибок, которые здесь отмечались, но мы ряд ошибок и недостатков сумели вскрыть сами и эти недостатки обсуждали на совещании редколлегий журналов “Звезда” и “Ленинград” в мае месяце в отделе пропаганды и агитации горкома. В июне месяце отдел пропаганды и агитации горкома созвал совещание писательского актива.	«ШИРОКОВ: Теперь о работе Отдела пропаганды. Я не могу сказать, что мы не занимались журналом, но не сумели вскрыть всех тех серьезных недостатков и ошибок, хотя некоторые из них все-таки сами вскрыли. Обсуждали это на совещании журналов “Звезда” и “Ленинград”. Отдел должен нести ответственность за то, что мы не сумели организовать в ленинградских газетах критику недостатков наших журналов.	

На этом совещании также обсуждались вопросы о работе ленинградских писателей в целом, но больше всего внимания было уделено вопросам работы над журналами. Мы говорили о недостатках этих журналов. Что не было сделано отделом пропаганды Ленинградского горкома партии и за что отдел несет ответственность? Мы не сумели организовать в ленинградских газетах критики недостатков наших журналов. Наша печать ленинградская мало уделяла внимания журналам. Мы не сумели своевременно решить вопрос о составе редакций. Редколлегии работают слабо. Скажем, в редколлегии журнала “Звезда” работают два человека — это Саянов и Прокофьев.	Нужно обсудить вопрос о составе редакционных коллегий. Фактически в редколлегиях работают два человека.	
СТАЛИН: Не умеют поставить работу. Не может быть, чтобы в Ленинграде людей не было.	И. СТАЛИН: Не может быть, чтобы в Ленинграде не было людей. Не умеете организовать...	
ШИРОКОВ: Есть люди, но плохо организована работа. В этом основная вина. Редакционная коллегия журнала “Ленинград” по своему составу многочисленная, но она составлена неправильно по принципу представительства: там и художники, там и писатели, там и архитекторы, а работают два человека — Лихарев и Левоневский. Я должен сказать, что Лихарев работает мало, он в значительной мере передоверяет работу Левоневскому. Я не могу сказать ничего плохого о Левоневском, он энергичный работник, но ответственный за журнал Лихарев.	ШИРОКОВ: В “Ленинграде” много членов редколлегии, но редактор Лихарев работает мало, всю работу передоверил Левоневскому. Я ничего плохого не могу сказать о Левоневском, он тянет всю работу, человек энергичный...	
ЖДАНОВ: Левоневский секретарь?	ЖДАНОВ: Левоневский, это секретарь?	«Заседание продолжалось. Секретарь Ленинградского горкома Широков, попросив слова, что-то мямлил, признавая критику в свой адрес, и жаловался на писателей, которые не посещают Университет марксизма-ленинизма. Сталин резко оборвал его: — Дайте им книги — сами разберутся. Они взрослые люди.
ШИРОКОВ: Секретарь, но по существу тянет работу на своих плечах. Что нужно сделать отделу пропаганды Ленинградского горкома партии для того, чтобы помочь журналу? Это лучше организовать и в больших масштабах идейно-политическую подготовку писателей. Мы в этом отношении пока сделали мало. Правда, мы организовали при университете марксизма-ленинизма отделение для работников искусства, в том числе и для писателей, но прямо должен сказать, что писатели туда не всегда охотно идут на это отделение учиться. Сейчас мы проводим набор на первый курс университета, должны принять 300 человек. Нам необходимо больше предоставить возможностей писателям попасть в университет марксизма.	ПРОКОФЬЕВ: Заместитель редактора. ШИРОКОВ: А ведь должен работать и сам редактор. Мы организовали Университет марксизма-ленинизма, но писатели мало занимаются...	

СТАЛИН: Чтобы в школу их таскать? Это трудно будет, они взрослые люди. Дать им пособия, они прочитают, сами поймут. Зачем в школу таскать? ШИРОКОВ: Не получается у них это. СТАЛИН: Заинтересуются, будут читать. ШИРОКОВ: И надо решить вопрос о составе редакционных коллегий журналов “Звезда” и “Ленинград”.	СТАЛИН: Они взрослые люди. Дайте им книги, будут сами заниматься...	В этой реплике почувствовалось, что Широкову больше не бывать в горкоме, судьба его решена. Широков что-то еще пробормотал в свое оправдание и ушел»[3].
МАЛЕНКОВ: Кто редактор сейчас? ШИРОКОВ: Саянов. МАЛЕНКОВ: Было решение о составе редакции? ШИРОКОВ: О новом составе редколлегии было решение. СТАЛИН: Кого выдвинули редактором? ШИРОКОВ: Выдвинули молодого писателя Капица. Из каких соображений мы исходили, может быть и ошибались. Мы исходили из следующих соображений. Тов. Саянов известный человек среди писателей, но он мало обладает организаторскими способностями, мало предъявляет требований к писателям. СТАЛИН: Что-то не слыхали о таком писателе. ШИРОКОВ: Капица молодой писатель, у него сейчас вышла работа «В открытом море». МАЛЕНКОВ: Писатели его признают? СТАЛИН: Авторитет будет у него среди писателей? ШИРОКОВ: В Ленинграде, когда обсуждали вопрос о редакторе, среди писателей ленинградских возражений не было. СТАЛИН: Может быть, подошли так, что слабого бояться нечего. В старое время царем сажали чужака, слабого человека, чтобы легче было нажимать на него. Может быть, так обстоит дело? ШИРОКОВ: Я не думаю. МАЛЕНКОВ: Но что же, эта редакция действует или старая? ШИРОКОВ: Пока старая. МАЛЕНКОВ: Два месяца тому назад назначили новую редакцию, а действует старая. ШИРОКОВ: Номер 6 очередной готовила старая редакция, и решили, чтобы она довела до конца начатое дело.	МАЛЕНКОВ: Кто редактор “Звезды”? СТАЛИН: Саянов. МАЛЕНКОВ: Назначили два месяца назад нового редактора, а действует старая редакция. Ввели Зощенко в редколлегию, а он и двинул свою “обезьянку”...	

ЖДАНОВ: В свое время места мокрого не оставили ленинградцы от Зощенко. СТАЛИН: А такие, как Зощенко, они имеют власть над журналом. Это что же — ленинградский журнал или журнал Союза советских писателей? ШИРОКОВ: Нет, не ленинградский. СТАЛИН: Вы хотите, чтобы было подтверждено ваше решение? ЖДАНОВ: Вы оформили новую редакцию или обе существуют? ШИРОКОВ: Мы решение приняли у себя. МАЛЕНКОВ: Приняли решение утвердить редакцию и ввели Зощенко. СТАЛИН: Ленинградский комитет осведомлен о вашем решении о новой редакции? МАЛЕНКОВ: Это ленинградский комитет решил. СТАЛИН: Вы что же требуете, чтобы мы утвердили это? ШИРОКОВ: Судя по тому, как вопрос ставится в ЦК, по-видимому, редактором “Звезды” надо утвердить более серьезного человека, которого не только в Ленинграде, но и в стране знают. Капицу знают в Ленинграде, но страна не знает. СТАЛИН: Агитпропу не было известно намерение закрыть? ШИРОКОВ: Нет»[1].	СТАЛИН: Это что, журнал ленинградский или Союза писателей? Если ленинградский, то Ленинград имеет свой голос... ЖДАНОВ: Сами ленинградцы избили Зощенко в годы войны, а сейчас вдруг ввели в редколлегию. СТАЛИН (вопрос к Широкову): А вам поручили утвердить редколлегию? ШИРОКОВ: По-видимому, нужно утвердить и новую редколлегию... БУЛГАНИН: А как насчет закрытия журнала “Ленинград”? ШИРОКОВ: Мы об этом решении не знали... ЖДАНОВ: Слово В. Вишневскому»[2].	

[1] Неправленая стенограмма заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», 9 августа 1946 г. С. 579–581.
[2] *Левоневский Д.* Указ. соч. С. 195–196.
[3] *Капица П.И.* Указ. соч. С. 139.

В контексте подозрений о будущем «ленинградском деле» намного более угрожающе звучит записанная Левоневским реплика самого Сталина: «Это что, журнал ленинградский или Союза писателей? Если ленинградский, то Ленинград имеет свой голос».

Конспект Левоневского позволяет также идентифицировать Маленкова как автора анонимной реплики — «голос», — смысл которой был в упреке обкому и горкому, ответственным за издание «Ленинградской правды»:

Стенограмма ЦК	Конспект Д. Левоневского	Мемуары П. Капицы
«ГОЛОС: “Ленинградская правда” похвалила [в статье] Германа. ПОПКОВ: Правильно, это было, хвалить хвалили, а критиковать — не критиковали, почему так и получается у нас. МАЛЕНКОВ: Зачем Зощенко утвердили?		«— Они там битых у себя в Ленинграде приютили! — вставил реплику член Политбюро Георгий Маленков. Глаза его были без улыбки,

ПОПКОВ: Я должен взять вину на себя, я это решение горкома партии проглядел, без меня это было, проводил заседание товарищ Капустин. Я не снимаю ответственности с себя, но я слишком поздно узнал, только на днях. Мы договорились с т. Ш[ироковым] о том, чтобы создать бригаду и проверить работу журналов, и внести этот вопрос на бюро горкома партии. Бригада такая работает, но Центральный Комитет в этом вопросе опередил горком партии, и это я должен сказать со всей ответственностью. И второе, почему на бюро горкома редакцию стали утверждать, ведь это не дело горкома партии. А почему получилось так, потому что журнал начал выходить с грифом Союза ленинградского Комитета писателей (так в тексте. — *Сост.*). Мы, в горкоме партии, не имели права утверждать редакцию, мы могли вносить на рассмотрение и утверждение ЦК партии, а это получилось потому, что он стал органом Союза ленинградских писателей.

И последнее насчет журнала "Ленинград". Я считал бы необходимым, как предлагает т. Александров, в целях того, чтобы поднять на должную высоту журнал "Звезда", "Ленинград", как журнал, ликвидировать и оставить в Ленинграде один журнал с тем, чтобы в нем дать больше возможностей шире участвовать писателям и печатать в этом журнале более квалифицированные с художественной точки зрения статьи.

И последнее. Андрей Александрович, я считаю необходимым решить серьезно вопрос насчет редактора журнала "Звезда". Кого же назвать можно было бы? Если из наших писателей ленинградских, я, например, считаю, что наиболее подходящей кандидатурой из наших писателей будет т. Прокофьев.

ЖДАНОВ: А Саянов как?

ПОПКОВ: Он очень культурный, знающий дело человек, но безвольный человек. Я прямо должен сказать, что он старается такое положение занимать, чтобы никого не обидеть, и мне кажется, что интересы журнала из-за этого проигрывали очень много, и в результате в такое положение пришла наша "Звезда". Считал бы необходимым дать в редакцию журнала в качестве заместителя одного из наших партийных работников, скажем из нашей "Ленинградской правды" или из журнала "Пропаганда и агитация", как организатора для работы в этой редакции

«ПОПКОВ: Теперь о журнале "Ленинград", я считаю также, что нужно оставить в Ленинграде один журнал, чтобы в одном журнале печатать более качественные произведения. О редколлегии журнала "Звезда" — наиболее подходящей кандидатурой является товарищ Прокофьев.

СТАЛИН: А Саянов?

ПОПКОВ: Он очень... безвольный человек. Он виноват во многом, что есть в журналах.

МАЛЕНКОВ: Ввели Германа, а зачем?

ПОПКОВ: Неправильно ввели.

СТАЛИН: Писатели думают, что они политикой не занимаются...

МАЛЕНКОВ: Они сдали "Звезду" Зощенко, утвердив его членом редколлегии».

вечно серьезное, как у евнуха. — Герман в "Ленинградской правде" так расхваливал Зощенко — тронуть не смей!»

МАЛЕНКОВ: Германа надо оставлять? СТАЛИН: Он хороший писатель, но они думают, что писатели политикой не занимаются, проповедуют аполитичность»[1].		

[1] Неправленая стенограмма заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», 9 августа 1946 г. С. 575–576.
[2] *Левоневский Д.* Указ. соч. С. 196.
[3] *Капица П. И.* Указ. соч. С. 138.

Кроме явного несоответствия стенограммы ЦК реальному положению вещей, важен еще один момент, который описан Капицей:

> «Кто же у нас возглавит "Звезду"? Тут Иосиф Виссарионович полистал какие-то бумажки на столе и, взглянув на одну, сказал:
>
> — Ленинградский горком рекомендует... <...>
>
> Тут к Иосифу Виссарионовичу склонился Жданов и что-то шепнул. Сталин приподнял брови, как бы что-то соображая, и вместо председательствующего сказал:
>
> — Сделаем на пять минут перекур!
>
> Вместе со Ждановым они ушли в соседнее помещение, а мы направились покурить в фойе. <...>
>
> Как я узнал позже от заместителя начальника Управления пропаганды ЦК Еголина, Жданов, выйдя в перерыве в другую комнату, сказал:
>
> — Иосиф Виссарионович, на секретариате решено Саянова освободить.
>
> Сталин, словно сдаваясь секретарям, приподнял обе руки и ответил: "Подчиняюсь большинству", — хотя это не часто с ним случалось»[243].

В этом рассказе есть два важных обстоятельства, на которые хотелось бы обратить внимание. Во-первых, вопрос о кандидатах на должность редактора «Звезды» уже обсуждался ранее, и сотрудники Ленинградского горкома привезли с собой «объективки» либо передали их в ЦК ранее.

Второе — более важное — что накануне[244] состоялось заседание Секретариата ЦК, где обсуждался вопрос о литературных журналах. Это вполне логично, поскольку практически все решения, рассматриваемые на заседаниях Оргбюро и Политбюро, должны были предварительно проходить через Секретариат ЦК; еще 2 августа 1946 г. Политбюро ЦК приняло постановление о функциях Секретариата:

> «Установить, что Секретариат ЦК ВКП(б) является постоянно действующим рабочим органом ЦК. Главной задачей Секретариата ЦК является подготовка вопросов, подлежащих рассмотрению Оргбюро, и проверка решений Политбюро и Оргбюро ЦК. Секретариат определяет повестку дня Оргбюро и предварительно рассматривает проекты решений по вопросам, вносимым на рассмотрение Оргбюро. <...> В соответствии с изложенным характером работы Секретариат не имеет регулярных заседаний и собирается по мере необходимости»[245].

[243] *Кожинов В. В.* Указ. соч. С. 140–141.
[244] По-видимому, заседание Секретариата ЦК происходило именно 8 августа, поскольку вечером 7 числа Жданов дважды побывал у Сталина в кремлевском кабинете, с 19:35 до 20:30 и с 23:20 до 23:35 (см.: Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. М., 1996. № 4. С. 129).
[245] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 34.

Значит, вопрос о ленинградских журналах уже был подробно рассмотрен на Секретариате ЦК (членами которого на тот момент были Жданов, Кузнецов, Попов и Патоличев), причем, согласно постановлению Политбюро от 13 апреля 1946 г., «подготовка вопросов к Секретариату ЦК ВКП(б) и председательствование на заседаниях последнего»[246] возлагались именно на Кузнецова.

Как свидетельствует конспект Левоневского, именно на Секретариате было подготовлено решение о создании специальной комиссии ЦК по разработке постановления:

«А. ЖДАНОВ. Предлагаю утвердить решение секретариата о создании комиссии.

И. СТАЛИН. Пусть в комиссию будут включены ленинградцы.

А. ЖДАНОВ. Троих достаточно? Прокофьев, Саянов, Капица.

И. СТАЛИН. Они обсудят, что надо записать в постановление.

А. ЖДАНОВ. Переходим ко второму вопросу. Товарищи, приглашенные по первому вопросу из Ленинграда, могут быть свободными.

И. СТАЛИН. А это кто? Писатели? Пусть они останутся, им же интересно послушать о кино?..

ГОЛОСА ЛЕНИНГРАДЦЕВ. Интересно, конечно»[247].

В результате обсуждения ситуации в ленинградских журналах постановлением Оргбюро ЦК было решено закрыть журнал «Ленинград», а также «поручить комиссии в составе т[оварищей]: Жданова А. А. (созыв), Кузнецова А. А., Патоличева Н. С., Попова Г. М., Маленкова Г. М., Александрова Г. Ф., Попкова П. С., Саянова В. М., Лихарева Б. М., Прокофьева А. А., Тихонова Н. С., Широкова И. М. и Вишневского В., на основе обмена мнениями на заседании Оргбюро, разработать проект постановления ЦК ВКП(б) о коренном улучшении журнала “Звезда”»[248].

Но пока вопрос только разрабатывался, уже на следующий день после заседания Оргбюро ЦК, 10 августа 1946 г., в «Культуре и жизни» было напечатано «Письмо в редакцию» одного из участников заседания Оргбюро — это был критический отзыв шедшего в ногу с партией Всеволода Вишневского «Вредный рассказ Мих. Зощенко». Сложно понять истинную цель автора: быть может, он хотел предупредить этой статьей о грядущих потрясениях, хотя, скорее всего, просто желал выслужиться перед властью. Ведь в тот момент — глубокой ночью с 9 на 10 августа, когда номер шел в печать, — резкого текста постановления ЦК еще не существовало. Заканчивал Вишневский свое «письмо в редакцию» следующими словами:

«Народ вправе требовать от литературы после всего свершенного им в последние годы и раздумий, и настоящего чувства, и нового юмора. Народ говорит ясно: следует писать не нелепицы, где все и вся обессмыслено, а произведения, помогающие жить и трудиться, расширяющие представление о жизни и о человеке.

Плохо поступила редакция журнала “Звезда”, напечатав рассказ Зощенко и обманув и обидев тем самым читателей. Не радость вызывает рассказ Мих. Зощенко у людей, а горечь, возмущение и сильный протест.

Спрашивается, до каких пор редакция журнала “Звезда” будет предоставлять свои страницы для произведений, являющихся клеветой на жизнь советского народа?»[249]

---

[246] Там же. С. 32.

[247] *Левоневский Д.* Указ. соч. С. 197.

[248] Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) по итогам рассмотрения вопроса о журналах «Звезда» и «Ленинград», 9 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 565.

[249] *Вишневский Вс.* Вредный рассказ Мих. Зощенко // Культура и жизнь. М., 1946. № 5. 10 августа. С. 4.

В том же номере «Культуры и жизни» была напечатана и статья работника Управления пропаганды и агитации ЦК Н. Н. Маслина, посвященная журналу «Звезда»[250], где доставалось уже и А. А. Ахматовой, и даже профессору ЛГУ Б. М. Эйхенбауму...

В день выхода статей в «Культуре и жизни», 10 августа, в аппарате ЦК началась подготовка резолюции, выработкой которой руководил Жданов. 12 августа постановление вчерне было готово. Жданов был весьма уязвлен всем происходящим, поскольку была затронута парторганизация Ленинграда.

> «Вишневский был введен в комиссию по выработке резолюции. Его вызвал Жданов, огласил документ и сказал:
>
> — Вы чувствуете боль и обиду ЦК на наш Ленинград? Все ли в резолюции сказано до конца, какие есть вопросы, поправки?
>
> И, обращаясь к ленинградцам, сказал:
>
> — Сидите в обороне, — а переходить надо в наступление!
>
> Потом он опять говорил Вишневскому:
>
> — У нас вековой фонд литературы, демократических традиций. Белинский, Чернышевский... Вспомните, как в этом самом Ленинграде, в рубашке, запачканной его кровью, он, умирающий, сидел и гневно писал. Вот — пример для всех нас. Единственный критерий — литература для народа. Нужно создать теорию советской литературы. Мы с вами, Вишневский, пережили три революции в Ленинграде, выстрадали революцию, а теперь какие-то отщепенцы ревизуют, уводят в сторону. Это — реакционная муть! Тянуть назад?! Это быть не может!»[251]

Текст постановления был подготовлен при деятельном участии секретарей ЦК Жданова и Кузнецова, отредактирован Сталиным (незначительно, поскольку составленный под руководством Жданова документ соответствовал ожиданиям вождя) и в окончательном варианте принят на заседании Оргбюро ЦК 14 августа 1946 г.[252]

Предварительно Жданов ознакомил с проектом постановления ленинградских писателей и секретарей Ленинградского горкома:

> «Через день в гостиницу “Москва” приехал Андрей Александрович Жданов. Нас пригласили в номер Попкова. Здесь Жданов зачитал проект постановления ЦК о журналах “Звезда” и “Ленинград”. В нем были нужные пункты о том, что советская литература не может быть безыдейной и аполитичной, что она обязана помочь государству воспитывать молодежь бодрой, верящей в свое дело, готовой преодолеть всяческие препятствия, но резкость формулировок и несправедливость по отношению к Зощенко, Ахматовой и другим писателям ошеломила меня. Ничего подобного мы не ждали. Нам казалось, что в конце заседания все отнеслись к нам со снисхождением и пониманием обстановки, сложившейся в городе, едва оправлявшегося после девятисотдневной блокады. После некоторого замешательства мы попытались смягчить формулировки, стали вносить поправки. Но Жданов не принимал их.
>
> — Подрессорить хотите? — спросил он. — Не выйдет!
>
> — Скажите, а товарищ Сталин видел этот проект? — упавшим голосом спросил Прокофьев.
>
> — Видел и согласен.

---

[250] *Маслин Н.* О литературном журнале «Звезда» // Там же.

[251] *Бронтман Л. К.* Указ. соч. Запись за 4 сентября 1946 г., сделана со слов Вс. Вишневского.

[252] Проект постановления с правкой Сталина опубликован в кн.: Сталин и космополитизм. С. 66–70; окончательный текст см.: Власть и художественная интеллигенция. С. 587–591.

Нам ничего не оставалось, как подняться с мест. Сталин своих решений не менял.

— Ну что ж, друзья, — сказал Жданов, — собирайтесь в путь. Сегодня выезжаем "Красной стрелой" в Ленинград»[253].

По сути, Жданов, хотя и включил по просьбе Сталина ленинградцев в комиссию по разработке постановления, лишь поставил их перед свершившимся фактом.

20 августа основная часть подписанного 14-го числа постановления была напечатана в газете «Культура и жизнь», а на следующий день — в «Правде».

«ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы "Звезда" и "Ленинград" ведутся совершенно неудовлетворительно.

В журнале "Звезда" за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений.

Грубой ошибкой "Звезды" является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции "Звезды" известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. <...> Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами. Предоставление страниц "Звезды" таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко, тем более недопустимо, что редакции "Звезда" хорошо известна физиономия Зощенко <...>.

Журнал "Звезда" всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, "искусстве для искусства", не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе. <...>

ЦК отмечает, что особенно плохо ведется журнал "Ленинград", который постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зощенко, для пустых и аполитичных стихотворений Ахматовой. Как и редакция "Звезды", редакция журнала "Ленинград" допустила крупные ошибки, опубликовав ряд произведений, проникнутых духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному. <...>

Как могло случиться, что журналы "Звезда" и "Ленинград", издающиеся в Ленинграде, городе-герое, известном своими передовыми революционными традициями, городе, всегда являвшемся рассадником передовых идей и передовой культуры, допустили протаскивание в журналы чуждой советской литературе безыдейности и аполитичности? <...>

Руководящие работники журналов и, в первую очередь, их редакторы тт. Саянов и Лихарев забыли то положение ленинизма, что наши журналы, являются ли они научными или художественными, не могут быть аполитичными. Они забыли, что наши журналы являются могучим средством советского государства в деле воспитания совет-

[253] *Капица П. И.* Указ. соч. С. 142. По-видимому, автор путает дату, в Ленинград Жданов и ленинградцы выехали в ночь с 14 на 15 августа.

ских людей и в особенности молодежи и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, — его политикой. <...>

Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, "искусства для искусства" чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства и не должна иметь места в наших журналах. <...>

ЦК устанавливает, что Правление Союза советских писателей и, в частности, его председатель т. Тихонов, не приняли никаких мер к улучшению журналов "Звезда" и "Ленинград" и не только не вели борьбы с вредными влияниями Зощенко, Ахматовой и им подобных несоветских писателей на советскую литературу, но даже попустительствовали проникновению в журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов.

Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов, устранился от руководства журналами <...> Не имея на то права, утвердил решением горкома от 28.I. с. г. новый состав редколлегии журнала "Звезда", в который был введен и Зощенко. Тем самым Ленинградский горком допустил грубую политическую ошибку. <...> Управление пропаганды ЦК ВКП(б) не обеспечило надлежащего контроля за работой ленинградских журналов»[254].

В качестве оргвыводов было решено прекратить доступ в журналы произведений Зощенко и Ахматовой и «им подобных», что и так было очевидным; журнал «Ленинград» был закрыт, а у «Звезды» сменен состав редколлегии (главным редактором стал А. М. Еголин, совмещая эту должность с работой в качестве заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК). Своего места лишился секретарь Ленинградского горкома по пропаганде И. М. Широков (он был снят с работы и отозван в распоряжение ЦК); за утверждение Зощенко членом редколлегии был объявлен выговор второму секретарю горкома Я. Ф. Капустину. Последним, 13-м пунктом оргвыводов, вписанным лично Сталиным, было решение «Командировать т. Жданова в Ленинград для разъяснения настоящего постановления ЦК ВКП(б)». 14 августа А. А. Жданов прибыл в Ленинград.

Постановление предначертало и путь советской литературе:

«Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия.

Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, "искусства для искусства" чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства и не должна иметь места в наших журналах»[255].

Стоит отметить, что из всех персонально поименованных в тексте постановления «фигурантов» наиболее благополучно все дело закончилось для уволенного Ивана Михайловича Широкова (1899–1984), члена партии с 1917 г., выпускника ИКП, специалиста по историческому материализму[256], профессора ЛГУ. После постановления

[254] Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) О журналах «Звезда» и «Ленинград», 14 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 587–590.

[255] Там же. С. 589.

[256] Научные кадры ВКП(б)... С. 225.

он был направлен в распоряжение ЦК и определен в штат ВПШ при ЦК ВКП(б), где занял профессорское место и мирно дожил свою жизнь, избежав жерновов «ленинградского дела».

Жданов параллельно с подготовкой постановления работал и над написанием доклада, который ему предстояло произнести с привычной трибуны Смольного. До сих пор обилие записных листочков, частично сделанных со слов Сталина, раскладываемых Ждановым во время подготовки своих докладов и распоряжений, сохраняется в его архиве (из-за краткости и афористичности один и тот же листочек зачастую «пришивается» исследователями одновременно к различным событиям). Для Жданова (как и для Сталина) было характерно написание своих докладов и речей самостоятельно, чему он за время руководства Ленинградом обучил и своих помощников, многие из которых уже работали в Москве и использовали тот же метод — «особый, у Жданова почерпнутый способ подготовки докладов и выступлений ленинградскими руководителями»[257].

Монументальный доклад, обкатанный Ждановым 15 августа на заседании партактива Ленинграда, — «не по писанному, а лишь заглядывая в листки»[258], — на следующий день был прочитан перед собранием ленинградских писателей, проходившим под председательством А. А. Прокофьева. В действительности это были два разных доклада на одну тему, впоследствии объединенные воедино для публикации. Доклад произвел ошеломляющий эффект: внезапность и категоричность постановления были непривычными и ужасающими.

Стоит отдельно сказать, что ораторский стиль Жданова не был ни харизматическим, ни тем более истерическим. Как свидетельствуют грамзаписи и кинофотодокументы, секретарь ЦК говорил на хорошем русском языке, грамотно и спокойно, хотя иногда казалось, что монотонно. Тембр голоса его был слегка пронзительным, «ядовитым», но не отталкивающим. В целом он был действительно хорошим оратором и говорил очень убедительно, чем разительно отличался от коллег по Политбюро, особенно таких косноязычных, как Г. М. Попов, Н. А. Булганин и др.

Сталину стенограмма доклада понравилась: «Читал Ваш доклад. Я думаю, что доклад получился превосходный. Нужно поскорее сдать его в печать, а потом выпустить в виде брошюры. Мои поправки смотри в тексте. Привет!»[259]

Конечно, такая ожесточенность постановления по отношению к писателям была призвана лишний раз оттенить партийное руководство Ленинграда. Сын Жданова писал впоследствии: «Мне давно не дает покоя мысль, что отец интуитивно чувствовал приближение "ленинградского дела" и решил как-то предупредить и смягчить удар шумным отвлекающим маневром»[260]. Однако слова Ю. А. Жданова нам кажутся субъективными — его отец в тот момент выполнял волю Сталина и вряд ли мог помыслить о будущей кровавой интриге.

Что касается инициатора и вдохновителя постановления — самого И. В. Сталина, то его роль в подготовке документа Жданов озвучил 15 августа на собрании партактива Ленинграда, и в этом можно видеть истинную роль человека, долгие годы вершившего судьбу страны:

---

[257] «Ленинградское дело». С. 36.

[258] *Капица П. И.* Указ. соч. С. 143.

[259] Сталин и космополитизм. С. 72. 19 августа 1946 г.

[260] *Жданов Ю. А.* Указ. соч. С. 110.

«Мне поручено Центральным Комитетом партии дать разъяснения решения ЦК от 14 августа о журналах "Звезда" и "Ленинград" Должен сказать, что этот вопрос на обсуждение Центрального Комитета поставлен по инициативе товарища Сталина, который лично ознакомился с состоянием этих журналов, читает их и предложил Центральному Комитету обсудить вопрос о недостатках в руководстве этих журналов. Товарищ Сталин лично принимал участие в Оргбюро ЦК, обсуждавшем этот вопрос, и дал руководящие указания, которые легли в основу решения Центрального Комитета партии, которые я обязан вам разъяснить»[261].

Когда вслед за постановлением формировался состав редколлегии журнала «Звезда», то этим также руководил А. А. Жданов. Еще в Москве он разговаривал по этому поводу с А. А. Прокофьевым и П. И. Капицей:

«— Мне с вами нужно посоветоваться о новом составе редколлегии "Звезды", — сказал Андрей Александрович. — В постановлении указано, что главным редактором будет Еголин с сохранением за ним должности заместителя начальника Управления пропаганды ЦК. Он сможет только наездами бывать в Ленинграде. Кто из ваших будет его замещать?

Прокофьев предложил мою (т. е. П. И. Капицы. — *П. Д.*) кандидатуру, но, оказывается, меня уже определили в ответственные секретари. Сталин брал за основу редакции партийных газет, в которых вторым лицом был ответственный секретарь.

— Хорошо, — согласился Жданов, — пусть исполняет две должности.

В редколлегию вошли еще Прокофьев, Борис Лавренев, драматург Борис Чирсков и философ Евгений Кузнецов.

— Надо еще кого-то из литературных критиков ввести, — предложил Жданов. — Только с русской фамилией.

Мы принялись перебирать имена ленинградских критиков. Из блокадников никого не осталось. Те, что эвакуировались с университетом, не годились. О них фронтовики говорили: "Они защищали не Родину, а свои диссертации". Многие еще служили в армии и находились за пределами Советского Союза. Прокофьев вспомнил Валерия Друзина, который когда-то писал стихи, потом стал критиком и преподавателем литературы. Он был на войне, в армии вступил в партию.

— Хорошо, — согласился Жданов. — Мы попросим его демобилизовать и направим в Ленинград»[262].

30 августа 1946 года Секретариат ЦК утвердил состав редколлегии журнала «Звезда»: главный редактор А. М. Еголин, секретарь редакции П. И. Капица, члены редколлегии Б. А. Лавренев, А. А. Прокофьев, Б. Ф. Чирсков, Е. М. Кузнецов, В. П. Друзин[263]. Таким образом, из утвержденных Ленинградским горкомом 16 июня 1946 г. членов редколлегии в новый состав не попали не только Зощенко и упоминавшийся в постановлении Юрий Герман, но и обладатель нерусской фамилии, член ВКП(б), литературовед и критик Б. С. Мейлах.

Постановление ЦК навело порядок не только в ленинградских журналах, но и в советской литературе вообще. К. М. Симонов писал позднее:

«...В конце войны, и сразу после нее, и в сорок шестом году довольно широким кругам интеллигенции, во всяком случае, художественной интеллигенции, которую

---

[261] *Черных В. А.* Указ. соч. С. 416.

[262] *Капица П. И.* Указ. соч. С. 142–143.

[263] Власть и художественная интеллигенция. С. 598.

я знал ближе, казалось, что должно произойти нечто, двигающее нас в сторону либерализации, что ли, — не знаю, как это выразить не нынешними, а тогдашними словами, — послабления, большей простоты и легкости общения с интеллигенцией хотя бы тех стран, вместе с которыми мы воевали против общего противника. Кому-то казалось, что общение с иностранными корреспондентами, довольно широкое во время войны, будет непредосудительным и после войны, что будет много взаимных поездок, что будет много американских картин — и не тех трофейных, что привезены из Германии, а и новых, — в общем, существовала атмосфера некой идеологической радужности, в чем-то очень не совпадавшая с тем тяжким материальным положением, в котором оказалась страна, особенно в сорок шестом году, после неурожая.

Было и некое легкомыслие, и стремление подчеркнуть пиетет к тому, что ранее было недооценено с официальной точки зрения. Думаю, кстати, что выбор прицела для удара по Ахматовой и Зощенко был связан не столько с ними самими, сколько с тем головокружительным, отчасти демонстративным триумфом, в обстановке которого протекали выступления Ахматовой в Москве, вечера, в которых она участвовала, встречи с нею, и с тем подчеркнуто авторитетным положением, которое занял Зощенко после возвращения в Ленинград. Во всем этом присутствовала некая демонстративность, некая фронда, что ли, основанная и на неверной оценке обстановки, и на уверенности в молчаливо предполагавшихся расширении возможного и сужении запретного после войны. Видимо, Сталин, имевший достаточную и притом присылаемую с разных направлений и перекрывавшую друг друга, проверявшую друг друга информацию, почувствовал в воздухе нечто, потребовавшее, по его мнению, немедленного закручивания гаек и пресечения несостоятельных надежд на будущее»[264].

Но произошло иное:

«ЦК указал советским писателям и деятелям искусства на необходимость правдиво отображать жизнь советского общества в его непрестанном движении к коммунизму, горячо поддерживать все новое, коммунистическое, бичевать пережитки, мешающие советским людям идти вперед. При этом подчеркивалась необходимость повысить требовательность к художественному мастерству писателя. ЦК призвал мастеров художественного слова к разоблачению реакционной буржуазной идеологии, лживых теорий апологетов капитализма»[265].

Результат этого воздействия общеизвестен.

ЦК ПАРТИИ О КИНОФИЛЬМЕ «БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ»

9 августа 1946 г., в день обсуждения ленинградских журналов, Оргбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело и вопрос о кинофильме «Большая жизнь». Вот запись обсуждения со слов Вс. Вишневского, присутствовавшего на заседании:

«После перерыва с докладом о кинофильме "Большая жизнь" ч. 2 (реж[иссер] Луков) выступил т. Жданов. Когда он говорил о подборе героев картины, Сталин бросил реплику:

— В фильме один старый рабочий, и того ухитрились споить!

---

[264] *Симонов К.* Указ. соч. С. 109–110.

[265] О журналах «Звезда» и «Ленинград» — постановление ЦК ВКП(б) // БСЭ. 2-е изд. / Гл. редактор Б. А. Введенский. М., [1954]. Т. 30. С. 265.

Затем он выступил с речью и сказал:

— Отношение к теме и предмету, которые берут мастера, несерьезное, безответственное. Возьмем настоящих художников. Чаплин по три года молчит. Изучает до деталей. Так же работали и наши классики. А у нас? Легкость нетерпеливая в работе Пудовкина. Не потрудился изучить тему. Как он рассуждал? Черное море — живописное море, я — Пудовкин, сойдет! Не понял Синопский бой, не знал даже, что мы победили тогда! Что же получилось? Недобросовестное отношение к своим обязанностям на глазах всего мира (речь идет о картине "Адмирал Нахимов". — *Л. Б.*). Эйзенштейн тоже внес в историю что-то свое. Показал дегенератов, а не опричников (речь идет о 2-й части "Ивана Грозного". — *Л. Б.*). Россия была вправе карать врагов. Грозный — умный, государственный муж, государственный деятель. Что же на экране? Грозный — не то Гамлет, не то убийца. Нам необходимо научить наших людей добросовестно относиться к своим обязанностям.

"Большая жизнь" — обязывающее название. Больно смотреть! Показано ли восстановление Донбасса, где механизация Донбасса? Это — не сегодняшний Донбасс.

Вишневский рассказывает, что на заседании выступал инженер-угольщик и резко критиковал картину за безграмотность. Сталин встал и очень внимательно слушал.

Режиссеры просили разрешения исправить картины.

Сталин: Сколько израсходовали?

Калатозов: 4500 тысяч.

Сталин: Плакали денежки!

Когда режиссеры настаивали, Сталин встал, подумал две-три минуты и сказал, как бы решая вслух:

— Вот просят поправить. Вот Пудовкину дали шесть месяцев — не успевает. Трудно вам будет — новых лиц... Это трудно будет сделать... Запишем тогда так: пусть художественный совет представит нам еще раз проект деловых исправлений. Вернемся еще раз»[266].

4 сентября Оргбюро ЦК приняло постановление «О кинофильме "Большая жизнь"». 10 сентября оно было опубликовано в «газете для газет» — «Культуре и жизни», а 14 сентября — в «Литературной газете». Его основные положения суть:

«ЦК ВКП(б) отмечает, что подготовленный Министерством кинематографии СССР кинофильм "Большая жизнь" (вторая серия, режиссер Л. Луков, автор сценария П. Нилин) порочен в идейно-политическом и крайне слаб в художественном отношении. <...>

В фильме извращается перспектива послевоенного восстановления нашей промышленности, основанного на передовой технике и на высокой культуре производства. <...> Изображение отношений между государственными организациями и коллективом рабочих является насквозь фальшивым и ошибочным, так как известно, что в нашей стране всякая инициатива и почин рабочих пользуются широкой поддержкой со стороны государства.

В этой связи в фильме фальшиво изображены партийные работники. <...> Постановщики фильма изображают дело таким образом, будто бы партия может исключить из своих рядов людей, проявляющих заботу о восстановлении хозяйства. <...>

Фильм "Большая жизнь" проповедует отсталость, бескультурье и невежество. Совершенно немотивированно и неправильно показано постановщиками фильма

[266] *Бронтман Л. К.* Указ. соч. Запись за 4 сентября 1946 г., сделана со слов Вс. Вишневского. Стенограмму выступления Сталина на заседании см.: Сталин и космополитизм. С. 56–59.

массовое выдвижение на руководящие посты технически малограмотных рабочих с отсталыми взглядами и наслоениями. Режиссер и сценарист фильма не поняли, что в нашей стране высоко ценятся и смело выдвигаются люди культурные, современные, хорошо знающие свое дело, а не люди отсталые и некультурные, и что теперь, когда Советской властью создана собственная интеллигенция, нелепо и дико изображать в качестве положительного явления выдвижение отсталых и некультурных людей на руководящие посты.

В фильме "Большая жизнь" дано фальшивое, искаженное изображение советских людей. <...> Большую часть своего времени герои фильма бездельничают, занимаются пустопорожней болтовней и пьянством. Самые лучшие по замыслу фильма люди являются непробудными пьяницами. <...>

Фильм свидетельствует о том, что некоторые работники искусств, живя среди советских людей, не замечают их высоких идейных и моральных качеств, не умеют по-настоящему отобразить их в произведениях искусства.

Художественный уровень фильма также не выдерживает критики. Отдельные кадры фильма разбросаны и не связаны общей концепцией. Для связи отдельных эпизодов в фильме служат многократные выпивки, пошлые романсы, любовные похождения, ночные разглагольствования в постели. Введенные в фильм песни <...> проникнуты кабацкой меланхолией и чужды советским людям»[267].

Однако одной кинокартиной ЦК не ограничился:

«ЦК ВКП(б) устанавливает, что Министерство кинематографии (т. Большаков) за последнее время подготовило, кроме порочной картины "Большая жизнь", ряд других неудачных и ошибочных фильмов — вторая серия фильма "Иван Грозный" (режиссер С. Эйзенштейн), "Адмирал Нахимов" (режиссер В. Пудовкин), "Простые люди" (режиссеры Г. Козинцев и Л. Трауберг).

Чем объясняются столь частые случаи производства фальшивых и ошибочных фильмов? Почему потерпели неудачу известные советские режиссеры тт. Луков, Эйзенштейн, Пудовкин, Козинцев и Трауберг, создавшие в прошлом высокохудожественные картины?

Дело в том, что многие мастера кинематографии, постановщики, режиссеры, авторы сценариев легкомысленно и безответственно относятся к своим обязанностям, недобросовестно работают над созданием кинофильмов. Главный недостаток в их работе заключается в том, что они не изучают дело, за которое берутся. <...> В незнании предмета, в легкомысленном отношении сценаристов и режиссеров к своему делу заключается одна из основных причин выпуска негодных фильмов»[268].

«О РЕПЕРТУАРЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕАТРОВ...»

Третьим идеологическим вопросом на заседании Оргбюро 9 августа 1946 г. было обсуждение проекта постановления «О мерах по улучшению репертуара драматических театров». Секретариату ЦК получили окончательно отредактировать проект, который был утвержден 26 августа 1946 г. под названием «О репертуаре драматических

[267] Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь». 4 сентября 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 598–600.

[268] Там же. С. 600–601.

театров и мерах по его улучшению». Оно было опубликовано в № 16 журнала «Большевик» за 1946 г. Основные положения этого постановления продолжали линию двух предыдущих:

«Значительная часть поставленных в театрах пьес на современные темы антихудожественна и примитивна, написана крайне неряшливо, безграмотно, без достаточного знания их авторами русского литературного и народного языка. К тому же многие театры безответственно относятся к постановкам спектаклей о советской жизни. Нередко руководители театров поручают ставить эти спектакли второстепенным режиссерам, привлекают к игре слабых и неопытных актеров, не уделяют должного внимания художественному оформлению театральных постановок, вследствие чего спектакли на современные темы получаются серыми и малохудожественными. Все это приводит к тому, что многие драматические театры не являются на деле рассадниками культуры, передовой советской идеологии и морали. Такое положение дел с репертуаром драматических театров не отвечает интересам воспитания трудящихся и не может быть терпимо в советском театре»[269].

«ЦК ВКП(б) считает, что одной из важных причин крупных недостатков в репертуаре драматических театров является неудовлетворительная работа драматургов. Многие драматурги стоят в стороне от коренных вопросов современности, не знают жизни и запросов народа, не умеют изображать лучшие черты и качества советского человека. Эти драматурги забывают, что советский театр может выполнить свою важную роль в деле воспитания трудящихся только в том случае, если он будет активно пропагандировать политику советского государства, которая является жизненной основой советского строя»[270].

«ЦК ВКП(б) считает, что Комитет по делам искусств ведет неправильную линию, внедряя в репертуар театров пьесы буржуазных зарубежных драматургов. Издательство "Искусство" по заданию Комитета по делам искусств выпустило сборник одноактных пьес современных английских и американских драматургов. Эти пьесы являются образцом низкопробной и пошлой зарубежной драматургии, открыто проповедующей буржуазные взгляды и мораль. <...> Постановка театрами пьес буржуазных зарубежных авторов явилась, по существу, предоставлением советской сцены для пропаганды реакционной буржуазной идеологии и морали, попыткой отравить сознание советских людей мировоззрением, враждебным советскому обществу, оживить пережитки капитализма в сознании и быту. Широкое распространение подобных пьес Комитетом по делам искусств среди работников театров и постановка этих пьес на сцене явились наиболее грубой политической ошибкой Комитета по делам искусств»[271].

«Учитывая важное значение театра в деле коммунистического воспитания народа, ЦК ВКП(б) обязывает Комитет по делам искусств и Правление Союза советских писателей сосредоточить внимание на создании современного советского репертуара.

ЦК ВКП(б) ставит перед драматургами и работниками театров задачу создать яркие, полноценные в художественном отношении произведения о жизни советского общества, о советском человеке. Драматурги и театры должны отображать в пьесах и спектаклях жизнь советского общества в ее непрестанном движении вперед, всячески

[269] Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». 26 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 592.

[270] Там же. С. 593.

[271] Там же. С. 592.

способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека, с особой силой выявившихся во время Великой Отечественной войны. Наши драматурги и режиссеры призваны активно участвовать в деле воспитания советских людей, отвечать на их высокие культурные запросы, воспитывать советскую молодежь бодрой, жизнерадостной, преданной Родине и верящей в победу нашего дела, не боящейся препятствий, способной преодолевать любые трудности. Вместе с тем советский театр призван показывать, что эти качества свойственны не отдельным, избранным людям, героям, но многим миллионам советских людей»[272].

Триумвират идеологических постановлений ЦК обсуждался на всех уровнях — в министерствах, академиях, институтах, фабриках, заводах и школах. Широкое обсуждение этих документов охватило все слои населения страны, и та политинформационная волна, с которой эти постановления проникали в массы, была подобна идеологическому цунами.

Такая сила воздействия была совершенно необходима партии власти: постановления «вытеснили из массового сознания более значимые для страны, крайне злободневные задачи — внешнеполитические и экономические, решение которых все отдалялось и отдалялось»[273].

Отдельного разъяснения требует тот факт, что постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», в отличие от двух остальных, получило во сто крат больший резонанс. Причина состоит в том, что только для него одного был мобилизован идеологический ресурс ЦК — в его разъяснении участвовал лично секретарь ЦК А. А. Жданов, оно единственное было опубликовано в «Правде», главной газете страны, а доклад Жданова был размножен в миллионах экземпляров, причем допечатывался на протяжении нескольких лет. В 1952 г., когда вышел в свет последний значительный завод, его тираж составил полмиллиона экземпляров.

В 1953 г. генеральный секретарь ССП и член ЦК А. А. Фадеев, обращаясь в Президиум ЦК КПСС к Г. М. Маленкову и Н. С. Хрущеву с программным посланием «Об улучшении методов партийного, государственного и общественного руководства литературой и искусством», специальный раздел озаглавил «Почему целесообразней руководить литературой и искусством непосредственно партийным органам, а не через посредство государственного аппарата?». В частности, там он писал следующее:

> «Например, известное постановление ЦК ВКП(б) конца 1946 года о журналах “Звезда” и “Ленинград” способствовало большому подъему и расцвету советской литературы. А постановление о кинофильме “Большая жизнь” и о репертуаре драматических театров при всем том, что их принципиальное значение столь же высоко и сохраняет свою силу и до сих пор, не послужило столь же кардинальному улучшению дела в области кино и театра. Почему? Потому что постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград” разъяснялось и претворялось в жизнь общественным путем при непосредственном участии партии и лучших представителей литературы. Постановления же о кинофильме “Большая жизнь” и о репертуаре драматических театров проводились в жизнь не силами партии и творческих союзов, а проводились в жизнь административными методами Министерством кинематографии и Комитетом по делам искусств»[274].

Относительно роли Жданова, вложившего весь свой талант идеолога в эти погромные постановления, уместно привести слова Н. С. Хрущева:

---

[272] Там же. С. 594.
[273] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 364.
[274] Александр Фадеев: Письма и документы. С. 161.

«...К Жданову наша интеллигенция питала большое недружелюбие за его памятные доклады о литературе и музыке. Конечно, Жданов сыграл тогда отведенную ему роль, но все-таки он выполнял прямые указания Сталина. Думаю, если бы Жданов лично определял политику в этих вопросах, то она не была бы такой жесткой»[275].

«ДЕЛО КР» КАК СИМВОЛ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Удушающее воздействие, которое произвели на граждан Страны Советов постановления ЦК, сочеталось с ухудшением внешнеполитической обстановки. 12 марта 1947 г. президент США Трумэн выступил перед конгрессом с программным посланием. Он не только повторил основные тезисы речи Черчилля в Фултоне, но и перешел от декларации к действиям: он просил конгресс о выделении специальных ассигнований на военную помощь Греции и Турции для сдерживания коммунистической экспансии в этих станах.

Такие резкие, хотя отчасти и ожидаемые, события на «внешнеполитическом фронте» требовали от руководства СССР неотложных действий и во внутренней политике. 18 апреля 1947 г. Управление пропаганды и агитации в лице Г. Ф. Александрова, П. Н. Федосеева и С. М. Ковалева направило секретарю ЦК А. А. Жданову «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма», который однозначно определяет партийные установки этого времени:

«Партийные организации, все работники печати, пропаганды, науки и культуры должны постоянно разъяснять, что советский патриотизм означает глубокое понимание превосходства социалистического строя над буржуазным, чувство гордости за советскую родину, беззаветную преданность делу партии Ленина—Сталина. <...>

В основу работы по воспитанию советского патриотизма должно быть положено указание товарища Сталина, что даже "последний советский гражданин, свободный от цепей капитализма, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства". <...>

Следует разъяснить, что наш народ сделал неоценимый вклад в мировую культуру. Необходимо раскрыть всемирно-историческое значение русской науки, литературы, музыки, живописи, театрального искусства и т. д., вести решительную борьбу против попыток принижения заслуг нашего народа и его культуры в истории человечества, против антинаучных теорий об ученической роли русского народа в области науки и культуры перед Западом. <...>

В целях самого широкого привлечения к пропаганде идей советского патриотизма писателей, работников киноискусства и театра считать необходимым:

а) Президиуму, партгруппе Союза советских писателей разработать и внести на обсуждение пленума Правления ССП развернутую программу идейно-творческой и организационной работы с различными группами членов Союза — прозаиками, поэтами, драматургами, литературными критиками, литературоведами и переводчиками, предусмотрев в этой программе создание художественных произведений, публицистических и литературно-критических работ, популяризирующих достижение советской культуры и посвященных критике буржуазной культуры. <...>

---

[275] *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть: Воспоминания: В 4 кн. М., 1999. Кн. 2. С. 91.

Поручить Президиуму Академии наук СССР совместно с Министерством высшего образования СССР организовать выступления важнейших деятелей науки с лекциями и докладами, посвященными критике буржуазной идеологии и достижениям советской науки и культуры, о мировом значении советской науки и культуры»[276].

Показательным примером борьбы с пресмыкательством перед заграницей стало так называемое «дело КР». Образовалось оно подобно тому, как для воздействия на творческую интеллигенцию свет клином сошелся на Зощенко и Ахматовой — в общем-то чисто случайно и лишь по настроению главы государства. В данном случае такими же без вины виноватыми стали два советских профессора — микробиолог Н. Г. Клюева и гистолог Г. И. Роскин. Хотя кампанией была охвачена не столь широкая аудитория — «дело КР» было достаточно локальным, не обсуждалось открыто в прессе и затрагивало преимущественно научную общественность, — но круги, шедшие от него по глади советского общества в виде так называемых судов чести, ощущались и позднее.

Суть дела состояла в следующем. В 1931 г. заведующий кафедрой гистологии МГУ профессор Г. И. Роскин и его коллега Е. В. Экземплярская, занимаясь проблемами воздействия на рост саркомы (раковой опухоли) инфекции простейшего паразита — трипаносомы, совершили научное открытие: введение трипаносомы круци в организм животного тормозит рост саркомы. А когда в 1939 г. профессор Г. И. Роскин познакомился с врачом-микробиологом Н. Г. Клюевой, то они принялись вместе целенаправленно работать над созданием противоракового препарата, получив к началу 1946 г. в своих исследованиях положительные результаты.

В марте 1946 г. ученые доложили на общем собрании Академии медицинских наук СССР о получении ими препарата, позволяющего бороться с саркомой: это стало сенсацией в отечественной и мировой науке. После сообщений по Всесоюзному радио в советской и заграничной прессе поднялся ажиотаж, который свидетельствовал не только о чаяниях, связанных с известием о таком чудодейственном изобретении, «но и о том, что в дело вмешалась большая политика»[277].

«Действительно, трудно найти в современной медицине более актуальную, более животрепещущую проблему, чем лечение рака, в особенности тогда, когда оперативные или лучевые способы лечения неприменимы или уже испытаны и оказались безуспешными», — писала газета «Правда»[278].

Открытием заинтересовались все, в том числе и американцы, причем на самом высоком уровне. В июне 1946 г. лабораторию ученых посетил посол США и будущий директор ЦРУ Уолтер Смит, вполне осознававший важность открытия. Смит предложил совместное проведение дальнейших исследований и готов был гарантировать поставку из США столь необходимого для работы лабораторного оборудования. Это предложение не встретило противодействия ни со стороны руководства Минздрава, ни у кураторов в ЦК; даже напротив, показалось им привлекательным:

«20 июня Политбюро утвердило решение Секретариата ЦК командировать в США академика-секретаря АМН СССР В. В. Парина, которому были переданы рукопись

[276] План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма: Документ Агитпропа ЦК, 18 апреля 1947 г. // Сталин и космополитизм. С. 110–112, 114–115.

[277] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 293.

[278] *Петров Н. Н.* Выдающийся успех советской науки // Правда. М., 1947. № 72. 24 марта. С. 3.

подготовленной Клюевой и Роскиным книги "Биотерапия злокачественных опухолей", ампулы круцина ("КР")»[279].

Но пока академик-секретарь В. В. Парин был в Америке, Сталин поручил разобраться с подозрительным посещением московской лаборатории Клюевой и Роскина послом Соединенных Штатов. В. В. Парин, не подозревавший о таких переменах, 26 ноября 1946 г. передал ампулы препарата и рукопись книги американской стороне. Не останавливаясь подробно на аспектах этого дела, скажем, что 17 апреля 1947 г. на приеме в Кремле Сталин завел разговор об академике, спросив поочередно у Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина, доверяют ли они В. В. Парину; услышав утвердительные ответы, «как бы подводя итог, Сталин сказал: "А я не доверяю"»[280]. Этого было более чем достаточно для того, чтобы в ту же ночь ученый был арестован по обвинению в шпионаже. И только отмена 26 мая 1947 г. смертной казни спасла ему жизнь. 8 апреля 1948 г. ОСО МГБ СССР приговорило его к 25 годам тюремного заключения.

Поскольку секрет создания противоракового препарата был таким образом утерян и уже не мог служить козырем во внешней политике (а именно такая роль была ему уготована), то Сталин решил использовать этот случай как показательный. 28 марта 1947 г. принимается совместное постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах и ведомствах», которым создается новый орган общественного порицания, отличающийся от обычных для тех времен проработок на партсобраниях как масштабом, так и более солидной процедурной организацией. Одним из первых судов чести был суд в Минздраве СССР, который рассматривал как раз «дело Клюевой и Роскина». И хотя это был не уголовный, а так называемый товарищеский суд, готовился он непосредственно А. А. Ждановым, а потому и масштабы судилища были беспрецедентны.

Результаты суда, проходившего в июне 1946 г. в клубе Совета министров СССР на Берсеневской набережной (ныне Театр эстрады), были изложены Ждановым в «Закрытом письме ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина» от 16 июля 1947 г.

Хотя ныне «дело КР» исследователи пытаются трактовать как «громкое», в действительности оно, к счастью, не имело масштаба и последствий, сопоставимых с постановлениями 1946 г. по идеологическим вопросам или с докладом Лысенко на сессии ВАСХНИЛ в 1948-м. Причина состоит, прежде всего, в самом названии итогового партийного документа — «Закрытое письмо». Оно было издано под грифом «Секретно» и за рамки обсуждения на закрытых партсобраниях не выходило. Что же касается судов чести, то они также, в силу сложной процедуры их организации, не прижились. Но, несомненно, хотя «Закрытое письмо» и не пошло «в народ», а суды просуществовали недолго, воздействие «дела КР» на научную интеллигенцию было значительным.

Приведем фрагменты партийного документа:

«Центральным Комитетом ВКП(б) за последнее время вскрыт ряд фактов, свидетельствующих о наличии среди некоторой части советской интеллигенции недостойных для наших людей низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада. Особенно характерным в этом отношении является дело об антипатриотических и антигосударственных проступках профессоров

[279] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 295.
[280] *Рапопорт Я.* Дело «КР» // Наука и жизнь. М., 1988. № 1. С. 104.

Клюевой и Роскина, вскрытое ЦК ВКП(б) и рассмотренное в июне текущего года Судом чести при Министерстве здравоохранения СССР.

Центральный Комитет считает необходимым, ввиду большого политического значения этого дела, обратиться к партийным организациям, а также к министрам и парторганизациям министерств с настоящим письмом, в котором изложены как обстоятельства дела, так и вытекающие их него выводы и уроки. <...>

ЦК ВКП(б) считает, что дело профессоров Клюевой и Роскина является не единичным и, стало быть, не случайным явлением и свидетельствует о серьезном неблагополучии в морально-политическом состоянии некоторых слоев нашей интеллигенции, особенно работающей в области культуры.

Такого рода факты тем более должны приковать наше внимание, что еще в прошлом году в известных постановлениях о журналах “Звезда” и “Ленинград” и о репертуаре драматических театров ЦК ВКП(б) обратил особенное внимание на вред низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада со стороны некоторых наших писателей и работников искусства. Однако и после этих серьезных предупреждений ЦК ВКП(б) пресмыкание перед иностранщиной имеет распространение, и притом в среде даже таких ученых, как Клюева, которая всем — своими званиями, условиями работы, общественным положением — обязана советскому государству. Это с особой силой подчеркивает, что дурная опасная болезнь низкопоклонства перед заграницей может поражать наименее устойчивых представителей нашей интеллигенции, если этой болезни не будет положен конец. <...>

Корни подобного рода антипатриотических настроений и поступков заключаются в том, что некоторая часть нашей интеллигенции еще находится в плену пережитков проклятого прошлого царской России. Господствующие классы царской России, в силу зависимости от заграницы, отражая ее многовековую отсталость и зависимость, вбивали в головы русской интеллигенции сознание неполноценности нашего народа и убеждение, что русские всегда-де должны играть роль “учеников” у западноевропейских “учителей”. <...> Наука в России всегда страдала от этого преклонения перед иностранщиной.

Неверие в силу русской науки приводило к тому, что научным открытиям русских ученых не придавалось значения, в силу чего крупнейшие открытия русских ученых передавались иностранцам и жульнически присваивались последними. Великие открытия Ломоносова в области химии были приписаны Лавуазье, изобретение радио великим русским ученым Поповым было присвоено итальянцем Маркони, было присвоено иностранцами изобретение электролампы русского ученого Яблочкова и т. д.

Все это было выгодно для иностранных капиталистов, поскольку облегчало им возможность воспользоваться богатствами нашей страны в своих корыстных целях и интересах. Поэтому они всячески поддерживали и насаждали в России идеологию культурной и духовной неполноценности русского народа. <...>

Вторым источником раболепия и низкопоклонства является влияние на наименее устойчивую часть нашей интеллигенции капиталистического окружения. Американские и английские империалисты и их агентура не щадят сил для того, чтобы иметь внутри СССР опорные пункты для своей разведки и антисоветской пропаганды. Известно, какие усилия предпринимают иностранные разведчики, чтобы иметь какие-либо очаги влияния внутри нашей страны. Зная, что наши рабочие, крестьяне и солдаты умеют постоять за интересы советского государства и не позволят себе совершить поступки,

умаляющие честь и достоинство нашей Родины, агенты иностранных разведок усиленно ищут слабых и уязвимых мест и находят их в среде некоторых слоев нашей интеллигенции, зараженных болезнью низкопоклонства и неверия в свои силы.

Огромное значение, как показывает опыт, в деле воспитания советского патриотизма приобретают Суды чести. Сочетание разбора конкретных поступков людей с политической и воспитательной работой в процессе суда, широкая публичность судов чести придают огромную моральную силу судебному процессу и делают из Судов чести мощный рычаг нашего политического воздействия, с которыми не могут сравниться пропагандистские кампании общего, отвлеченного типа. Это значит, что в лице Судов чести найдена новая, и притом острая и действенная форма воспитания нашей интеллигенции, которую необходимо поощрять и развивать»[281].

О роли Сталина в «деле КР» наиболее подробно пишет в своих воспоминаниях К. М. Симонов:

«Тринадцатого мая [1947 г.] Фадеев, Горбатов и я были вызваны к шести часам вечера в Кремль к Сталину. Без пяти шесть мы собрались у него в приемной в очень теплый майский день, от накаленного солнцем окна в приемной было даже жарко. Посередине приемной стоял большой стол с разложенной на нем иностранной прессой — еженедельниками и газетами. Я так волновался, что пил воду.

В три или четыре минуты седьмого в приемную вошел Поскребышев и пригласил нас. Мы прошли еще через одну комнату и открыли дверь в третью. Это был большой кабинет, отделанный светлым деревом, с двумя дверями — той, в которую мы вошли, и второй дверью в самой глубине кабинета слева. Справа, тоже в глубине, вдали от двери стоял письменный стол, а слева вдоль стены еще один стол — довольно длинный, человек на двадцать — для заседаний.

Во главе этого стола, на дальнем конце его, сидел Сталин, рядом с ним Молотов, рядом с Молотовым Жданов. Они поднялись нам навстречу. Лицо у Сталина было серьезное, без улыбки. Он деловито протянул каждому из нас руку и пошел обратно к столу. Молотов приветливо поздоровался, поздравил нас с Фадеевым с приездом, очевидно, из Англии, откуда мы не так давно вернулись, пробыв там около месяца в составе нашей парламентской делегации.

После этого мы все трое — Фадеев, Горбатов и я — сели рядом по одну сторону стола, Молотов и Жданов сели напротив нас, но не совсем напротив, а чуть поодаль, ближе к сидевшему во главе стола Сталину.

Все это, конечно, не столь существенно, но мне хочется напомнить эту встречу во всех подробностях.

Перед Ждановым лежала докладная красная папка, а перед Сталиным — тонкая папка, которую он сразу открыл. В ней лежали наши письма по писательским делам. Он вслух прочел заголовок: «В Совет Министров СССР» — и добавил что-то, что я не до конца расслышал, что-то вроде того, что вот получили от вас письмо, давайте поговорим. <...>

— А вот есть такая тема, которая очень важна, — сказал Сталин, — которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, — сказал

[281] Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина, 16 июля 1947 г. // Сталин и космополитизм. С. 123–126.

Сталин, строя фразы с той особенной, присущей ему интонацией, которую я так отчетливо запомнил, что, по-моему, мог бы буквально ее воспроизвести,— у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Это традиция отсталая, она идет от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Посмотрите, как было трудно дышать, как было трудно работать Ломоносову, например. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами,— сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал: — засранцами,— усмехнулся и снова стал серьезным. <...>

— Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет ломать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше. Теперь нет, теперь они и хвосты задрали. <...>

— Почему мы хуже? В чем дело? В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо вдалбливать. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает,— и он снова заговорил о профессоре, о котором уже упоминал.— Вот взять такого человека, не последний человек,— еще раз подчеркнуто повторил Сталин,— а перед каким-то подлецом-иностранцем, перед ученым, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет свое достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничижения у многих наших интеллигентов.

Сталин повернулся к Жданову.

— Дайте документ.

Жданов вынул из папки несколько скрепленных между собой листков с печатным текстом. Сталин перелистал их, в документе было четыре или пять страниц. Перелистав его, Сталин поднялся из-за стола и, передав документ Фадееву, сказал:

— Вот, возьмите и прочитайте сейчас вслух.

Фадеев прочитал вслух. Это был документ, связанный как раз со всем тем, о чем только что говорил Сталин. Пока не могу изложить здесь его содержание <...>.

Документ, содержание которого тогда, 14 мая 1947 года, я считал невозможным для себя излагать, был опубликованным затем в печати письмом о так называемом деле Клюевой и Роскина[282]. Появление этого письма в печати было началом той борьбы с самоуничижением, самоощущением не стопроцентности, с неоправданным преклонением перед заграничной культурой, о которой Сталин сказал, что в эту точку надо долбить много лет.

Борьба эта очень быстро стала просто и коротко формулироваться как борьба с низкопоклонством перед заграницей и так же быстро приняла разнообразные уродливые формы, которыми почти всегда отличается идейная борьба, превращаемая в шумную политическую кампанию, с одной стороны, подхлестываемую, а с другой — приобретающую опасные элементы саморазвития. Многое из написанного и напечатанного тогда стыдно читать сейчас, в том числе и появившееся из-под твоего пера или за твоей редакторской подписью. Однако при всем том, что впоследствии столь уродливо развернулось в кампанию, отмеченную в некоторых своих проявлениях печатью варварства, а порой и прямой подлости, в самой идее необходимости борьбы с самоуничижением,

[282] Здесь К. М. Симонов неточен — документ в открытой печати опубликован не был.

с самоощущением не стопроцентности, с неоправданным преклонением перед чужим в сочетании с забвением собственного, здравое зерно тогда, весной сорок седьмого года, разумеется, было. Элементы всего этого реально существовали и проявлялись в обществе, возникшая духовная опасность не была выдумкой, и вопрос, очевидно, сводился не к тому, чтобы отказаться от духовной борьбы с подобными явлениями, в том числе и средствами литературы, а в том, как вести эту борьбу — пригодными для нее и соответствующими ее, по сути говоря, высоким общественным целям методами или методами грубыми и постыдными, запугивавшими, но не убеждавшими людей, то есть теми, которыми она чаще всего впоследствии и велась.

Фадеев начал читать письмо, которое передал ему Сталин. Сталин до этого, в начале беседы, больше стоял, чем сидел, или делал несколько шагов взад и вперед позади его же стула или кресла. Когда Фадеев стал читать письмо, Сталин продолжал ходить, но уже не там, а делая несколько шагов взад и вперед вдоль стола с нашей стороны и поглядывая на нас. Прошло много лет, но я очень точно помню свое, не записанное тогда ощущение. Чтобы не сидеть спиной к ходившему Сталину, Фадеев инстинктивно полуобернулся к нему, продолжая читать письмо, и мы с Горбатовым тоже повернулись. Сталин ходил, слушал, как читает Фадеев, слушал очень внимательно, с серьезным и даже напряженным выражением лица. Он слушал, с какими интонациями Фадеев читает, он хотел знать, что чувствует Фадеев, читая это письмо, и что испытываем мы, слушая это чтение. Продолжая ходить, бросал на нас взгляды, следя за впечатлением, производимым на нас чтением.

До этого с самого начала встречи я чувствовал себя по-другому, довольно свободно в той атмосфере, которая зависела от Сталина и которую он создал. А тут почувствовал себя напряженно и неуютно. Он так смотрел на нас и так слушал фадеевское чтение, что за этим была какая-то нота опасности — и не вообще, а в частности для нас, сидевших там. Делал пробу, проверял на нас — очевидно, на первых людях из этой категории, на одном знаменитом и двух известных писателях, — какое впечатление производит на нас, интеллигентов, коммунистов, но при этом интеллигентов, то, что он продиктовал в этом письме о Клюевой и Роскине, тоже о двух интеллигентах. Продиктовал, может быть, или сам написал, вполне возможно. Во всяком случае, это письмо было продиктовано его волей — ничьей другой.

Когда Фадеев дочитал письмо до конца, Сталин, убедившись в том, что прочитанное произвело на нас впечатление, — а действительно так и было, — видимо, счел лишним или ненужным спрашивать наше мнение о прочитанном. <...>

Сталин был вчера одет в серого цвета китель, в серые брюки навыпуск. Китель просторный, с хлястиком сзади. Лицо у Сталина сейчас довольно худощавое. Большую часть беседы он стоял или делал несколько шагов взад и вперед перед столом. Курил кривую трубку. Впрочем, курил мало. Зажигал ее, затягивался один раз, потом через несколько минут опять зажигал, опять затягивался, и она снова гасла, но он почти все время держал ее в руке. Иногда он, подойдя к своему стулу, заложив за спинку большие пальцы, легонько барабанил по стулу остальными. Во время беседы он часто улыбался, но когда говорил о главной, занимавшей его теме — о патриотизме и о самоуничижении, лицо его было суровым и говорил он об этом с горечью в голосе, а два или три раза в его вообще-то спокойном голосе в каких-то интонациях прорывалось волнение»[283].

[283] *Симонов К. М.* Указ. соч. С. 124–125, 129–132, 141–142.

Любопытно в данной связи привести и воспоминания Б. Л. Горбатова об этой встрече, рассказанные им 17 мая заведующему отделом информации «Правды» Л. К. Бронтману, который 20-го числа занес их в свой дневник:

«Он [Горбатов] рассказал, что руководство Союза написало письмо Хозяину о своих делах — о гонораре, тиражах, жилье и проч. Неожиданно их вызвали туда: Фадеева (генсека), Симонова (зам) и Горбатова (зам и секр[етаря] партгруппы правления).

Дело было в понедельник, 12 мая[284]. Борис страшно волновался, чтобы не опоздать, и чтобы не было какого-нибудь недоразумения. Назначено было на 6 ч. вечера. Он приехал в бюро пропусков к 5 ч. Там выписали пропуск. Дали провожатого. Пришел он к Александру Николаевичу[285]. Извинился, что рано. Тот засмеялся:

— Вы можете подождать вот в той комнате.

Большая комната, мягкая мебель. Стол, заваленный новейшими иностранными журналами, в том числе и "Лайфом" и газетами. Без 15 минут шесть приехал Фадеев. Время подходит, а Симонова нет. Они страшно нервничали. Без 10, без 5... Он появился без 2-х минут шесть. А в 5 минут седьмого А. Н. Поскребышев вышел и сказал: "Вас ждут".

Они построились по старшинству — Фадеев, Горбатов, Симонов и вошли. За столом сидели Сталин, Молотов и Жданов. Сталин встал навстречу, с трубкой в руке, поздоровался с каждым и жестом пригласил садиться. Поздоровались и остальные. Молотов сразу сказал:

— Мы получили ваше письмо. Прочли. Ваши предложения правильны. Надо будет составить комиссию для выработки практических мер и утвердить их. Вот вы и будете нашей комиссией.

Это посетителей сразу ошарашило. Уж очень все неожиданно. Первым опомнился Фадеев.

— Мы думали — будет комиссия ЦК.

Сталин улыбнулся и ответил:

— Вот вы и будете комиссией ЦК, нашей комиссией.

— Мы бы хотели, — сказал Фадеев, — чтобы туда вошли государственные деятели, — и посмотрел на Жданова.

Жданов сказал:

— Я согласен им помочь и могу войти в комиссию.

— Хорошо, — сказал Сталин. <...>

— Тогда у меня к вам есть вопрос, — сказал Сталин. — Над чем сейчас работают писатели?

<...> Сталин внимательно слушал, потом сказал:

— Все это хорошо. И, все же, нет главного. А главная задача писателей, генеральная задача — это борьба с низкопоклонством перед заграницей.

И в течение получаса т. Сталин развивал эту мысль (между прочим, впервые он ее высказал на приеме папанинцев в 1938 г.)[286]. Он обрисовал исторические корни.

---

[284] Хотя день 12 мая 1947 г. действительно был понедельником, здесь вкралась ошибка: встреча проходила 13 мая. См.: Деятели литературы и искусства на приеме у И. В. Сталина: Из журналов записи лиц, принятых генеральным секретарем ЦК ВКП(б) // Власть и художественная интеллигенция. С. 691.

[285] Александр Николаевич — Поскребышев, заведующий Особым сектором Секретариата ЦК и заведующий канцелярией генерального Секретаря ЦК, фактически — личный секретарь Сталина.

[286] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 18. С. 152–156.

Петр I, несмотря на то, что был выдающимся деятелем и многое сделал для России, но не доверял способностям русских. Он наводнил Россию немцами, отсюда пошло низкопоклонство перед немцами. Следующая волна — это начало 19 века. Русские разбили наголову Наполеона, который считался непобедимым, завоевал всю Европу, завоевать хотел весь мир. А, все-таки, пошло низкопоклонство перед французами.

Сейчас мы разбили немцев, спасли всю цивилизацию Европы, справились с противником, перед которым трепетал весь мир. В этой войне советский человек показал, что он на три головы выше других. А, между тем, наблюдается низкопоклонство перед англосаксами. У военных этого уже нет, а среди интеллигенции — сильно развито это чувство. Вот Клюева. Сделала великое изобретение. А из-за низкопоклонства сама отдала в руки американцев, и они его присвоили. Вот вам и тема для литературы, острая, очень нужная.

— Какая тема для пьесы! — воскликнул Симонов. (Борис говорит, что он и подумать не успел, как Симонов поставил заявочный столб). <...>

Беседа продолжалась в очень дружелюбном духе, очень непринужденно и просто. <...>

Фадеев сказал, что в Союзе есть еврейская секция. Есть отделения в Киеве, Минске. А журнала нет, был до войны, а сейчас нет. И сейчас еврейским писателям негде печататься.

— А почему не пишут на русском языке? — задал вопрос Сталин.

Фадеев ответил, что большинство еврейских писателей пишут на русском. Но есть старики писатели — Перец Маркиш, Фефер — которые пишут на еврейском.

— Это правильно, — сказал Сталин. — Им надо печататься. Но для журнала не хватит вещей. А надо выпускать альманах — пусть там печатают свои произведения. (Борис говорит, что еврейские писатели после этого известия прямо ликуют.)

На этом беседа закончилась. Продолжалась она 1 час 10 минут»[287].

О том, какие надежды были связаны с обсуждением «Закрытого письма», говорил в отсутствие Жданова секретарь ЦК А. А. Кузнецов на заседании Оргбюро ЦК 15 октября 1947 г. Подводя итог заседания, он с откровенностью коснулся важных вопросов, поставленных Сталиным перед страной:

«Если не положить предел низкопоклонству, раболепию перед буржуазной культурой Запада, то к чему все это может привести? Я считаю, что, во-первых, это приведет к тому, что мы с вами не выполним указания, данного товарищем Сталиным в его речи на собрании избирателей, когда он говорил о том, что мы обязаны не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей Родины. Как же мы выполним это указание, которое проходит через наш пятилетний план, если наша интеллигенция будет раболепствовать перед заграницей, если мы будем в открытиях в области науки, техники терять свой приоритет. Безусловно, эту генеральную линию, это указание товарища Сталина мы не выполним при этом. Это должны понять наши хозяйственные руководители, руководители партийных организаций министерств и ведомств.

В письме Центрального Комитета сказано, что это может привести к ослаблению нашего государства и идейно-политическому разложению наименее устойчивых советских граждан. Поэтому и поставлена перед нашей партией задача — развернуть широко

[287] *Бронтман Л. К.* Указ. соч.

и глубоко работу по воспитанию нашей интеллигенции в духе патриотизма с тем, чтобы эта работа проводилась не от случая к случаю, а чтобы она была повседневной, чтобы она была видна на конкретных примерах, на конкретных фактах и т. д. Ведь товарищ Сталин дал указание о том, что мы обязаны сейчас во всей нашей стране — в партийной, в нашей административной, хозяйственной работе, в политической, культурно-просветительской и т. д. развернуть широкую кампанию поднятия патриотизма среди нашего народа. <...>

Все считают Суд чести наказанием. Таких криминальных дел, как дело Клюевой и Роскина, быстро мы находить не можем, да и наша задача сводится к тому, чтобы не было этих дел, а чтобы не было этих дел, нужно проводить заседания Суда. Вот как надо делать. Чтобы наши ученые не посылали свои труды за границу, прежде не опубликовав их в нашей стране, мы судим таких людей для того, чтобы предупредить всех остальных. Если мы хотим сохранить секретность, а мы обязаны сохранить секретность в наших учреждениях и министерствах, ударить по болтливости, мы обязаны болтливых людей судить в Судах чести, — пусть остальные учатся»[288].

О масштабах обсуждения «Закрытого письма», проведенного по дополнительному указанию ЦК, говорится в докладной записке Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б), направленной 9 декабря 1947 г. секретарям ЦК А. А. Жданову и А. А. Кузнецову:

«Обсуждение закрытого письма проведено на собраниях партийных организаций министерств и центральных ведомств Союза ССР и РСФСР, академий, научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений, областных партийных школ и редакций областных, краевых и республиканских газет. Кроме этого, письмо обсуждалось на областных, краевых и республиканских собраниях комсомольского актива и на собраниях партийного актива Вооруженных Сил СССР, войск МВД, МГБ и Министерства путей сообщения по гарнизонам»[289].

Кроме обсуждения этого письма, посвященного самому громкому суду чести, непосредственно сами суды чести прошли в более чем 80 министерствах и ведомствах, в том числе и в ЦК ВКП(б)[290]. Впрочем, они уже не готовились в Кремле и не имели такого

---

[288] Выступление А. А. Кузнецова на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) при рассмотрении вопроса о мерах, принятых в Министерствах авиационной и электропромышленности по закрытому письму ЦК ВКП(б) о деле профессоров Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина // Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 234–235.

[289] Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина, 16 июля 1947 г. // Сталин и космополитизм. С. 128. Примеч. 4.

[290] «Чтобы окончательно растоптать Александрова и заодно очистить аппарат в Управлении пропаганды от его сторонников, Суслов вкупе со ждановской группировкой, к которой он временно примкнул, организовал в ЦК в конце сентября — октябре 1947 г. заседания “суда чести”. Суслов был председательствующим, в президиум избрали Сталина, Жданова, Поскребышева, Попова, Шепилова, Шкирятова и др. Разбирались проступки бывших подчиненных Александрова по Агитпропу <...>. В частности, Александрова обвиняли в том, что он в 1943 г. принял на работу Б. Л. Сучкова. В 1947 г. последний, будучи уже директором Государственного издательства иностранной литературы, был арестован как шпион за передачу американцам секретной информации о разработке в СССР атомной бомбы и сведений о послевоенном голоде в Молдавии. <...>

А. А. Кузнецов, выступивший на заседании “суда чести” с докладом, заклеймил Александрова как покровителя политически сомнительных кадров. Этот “ждановец”, сменивший Маленкова на посту начальника управления кадров ЦК, закончил свое выступление зловещим призывом: “Бдительность должна явиться необходимым качеством советских людей. Она должна являться, если хотите, нашей национальной чертой, заложенной в характере русского советского человека”» (*Костырченко Г. В.* плену у красного фараона. С. 71–72).

серьезного резонанса. К 1949 г. суды чести прекратились вовсе, поскольку поставленная ими цель была достигнута.

Свое мнение о результатах «дела КР» обронил Сталин 11 июня 1948 г. на заседании Политбюро ЦК:

> «Дело Клюевой и Роскина показало, что у некоторых наших ученых нет чувства национальной гордости, патриотизма. <...> У нас разглагольствуют об "интернационализации науки". Даже в книгу Кедрова эта идея проникла. (Имеется в виду книга Б. Кедрова «Энгельс и естествознание». — *Примеч. автора* [Д. Шепилова].) Идея об интернационализации науки — это шпионская идея. Клюевых и Роскиных надо бить»[291].

Понятно, что советская наука оказалась в незавидном состоянии, о чем свидетельствует академик П. Л. Капица:

> «Сейчас та изоляция, в которой находятся наши ученые, не имеет прецедента. Теперь даже переписка строго под контролем. Академик С. И. Вавилов мне пишет, что Вы, конечно, можете ответить такому-то ученому, но, "разумеется, при условии правильного (в политическом отношении) освещения вопроса". Естественно, что нечего отвечать, если индивидуальный подход запрещен; требуется трафарет, и нет веры в лояльность ученого?
>
> Конгрессы, свидания, поездки, переписка — это все является необходимыми элементами развития науки. <...> Если развитие науки будет продолжаться в таком же плане дальше, то с уверенностью можно сказать, что у нас не будет действительно сильной и здоровой науки»[292].

Несомненно, именно «дело КР» стало причиной ужесточения режима секретности в учреждениях и принятия нормативных актов, относящихся к так называемой государственной тайне. 8 июня 1947 г. Совет министров СССР принял постановление «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону», а на следующий день, 9 июня, был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну», заменявший указ от 15 ноября 1943 г. Логическим завершением масштабной программы «засекречивания» стало постановление Совета министров СССР от 1 марта 1948 г., которым были утверждены два подробных документа — «Перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну» и «Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны в учреждениях и на предприятиях СССР». Кроме прочих основополагающих для данной «отрасли» формулировок, именно этой инструкцией были установлены три степени секретности — «Секретно», «Совершенно секретно», «Совершенно секретно Особой важности», а также был изложен порядок определения указанных степеней.

О той плотине для научной мысли, краеугольным камнем в основание которой Сталин положил «дело КР», пишет в своих воспоминаниях академик А. Д. Сахаров:

> «Незадолго до этого прошло шумное дело об имевшем якобы место рассекречивании информации о методах лечения рака (на самом деле в основе лежала абсолютная пустышка, но это выяснилось потом, а тогда Сталин был в гневе; в нормальном обществе вся эта история представляется абсурдной). Тогда очень обострилась вся обстановка в издательском мире, а вскоре появились те ужасные правила публикации

[291] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 117.

[292] *Капица П. Л.* Указ. соч. С. 276. (Неотправленное письмо Жданову.)

научных и технических статей, которые действуют до сих пор, пережив все смены руководства. Эти правила предусматривают на каждую статью сложную систему оформления — представление справок и многостраничных анкет, акта специальной постоянной комиссии учреждения, в котором работает автор (если автор по тем или иным причинам не работает в научном учреждении, то он и вовсе не может публиковать статью). В акте комиссии должно быть указано, что в статье нет секретных данных или запатентованных предложений, имеющих важное прикладное значение. Затем все эти документы отсылаются в так называемый Главлит (условное название для ведомства цензуры, работа которого окружена таинственностью — никто из простых смертных не должен знать его сотрудников). У Главлита свой — необъятный — список запретных тем — не только по соображениям секретности, а, главным образом, по "политическим" (запрещается, например, публикация данных о преступности, алкоголизме, эпидемиях, состоянии здравоохранения и образования, водоснабжении, самоубийствах, запасе и производстве цветных металлов, реальных данных о питании населения и его доходах, о посещаемости кино и театров, демографических данных, о состоянии охраны среды, о стихийных бедствиях и катастрофах без специального разрешения данного случая и т. д. и т. п. Главлит должен также давать санкции на публикации художественных произведений и вообще всего, что публикуется в стране, вплоть до рекламы и этикеток спичечных коробков). Лишь после разрешения Главлита научная или техническая статья попадает в редакцию журнала.

Легко представить, насколько при этом замедляются все публикации, в том числе посвященные самым абстрактным темам, вроде теории чисел или астрофизики»[293].

Стоит отметить, однако, что Главлит в то время еще не занимался ни идейной, ни художественной стороной печатаемых текстов — это входило в прерогативу Управления пропаганды и агитации ЦК, ССП и прочих организаций; только при Н. С. Хрущеве Главлит становится всемогущей структурой по удушению мысли[294].

Симптоматичное «дело КР» сопровождалось многими менее значительными событиями на идеологическом фронте. Важным фрагментом этой картины изменений — спуском «железного занавеса» — явились преобразования в системе печатных СМИ.

---

[293] *Сахаров А.Д.* Воспоминания. М., 2006. Т. 1. С. 182–184.

Статья в первом издании «Литературной энциклопедии» гласит: «Главлит — главное управление по делам лит-ры и издательств, орган Наркомпроса, создан декретом СНК от 6 июня 1922. Стоит на страже политических, идеологических, военно-экономических и культурных интересов Советской страны и соответственно этому осуществляет предварительный и последующий контроль над издательской деятельностью в целом, за исключением хозяйственных вопросов, финансовых и торговых» (Литературная энциклопедия. Т. 2. Стб. 543).

[294] Ср.: «При Сталине, в 1952 году, когда я впервые пришел в "Новый мир", Главлит фактически наблюдал за тем, за чем ему и положено наблюдать,— за сохранением военной и прочей тайны (нельзя упоминать эту военную школу... это месторождение,— список того, что нельзя, и так достаточно велик и непрерывно пополнялся: сборники этих запретительных правил — целая книга, свыше трехсот страниц!).

И тогда, при Сталине, мы смогли напечатать знаменитый очерк В. Овечкина "Районные будни", отвергнутый всеми органами печати, в том числе и "Правдой", и Главлит и не подумал что-либо сказать об этом очерке: он не входил в их компетенцию, поскольку не содержал никакой подводимой под параграф тайны,— и весь риск за публикацию мы брали на себя. С 1957 года, точнее с романа В. Дудинцева "Не хлебом единым", Главлит приобрел непомерную власть над литературой: как это ни парадоксально, значительно большую, чем при Сталине» (*Кондратович А. И.* Новомирский дневник (1967–1970). М., 1991. С. 60).

16 июля 1947 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О журналах Академии Наук СССР “Доклады Академии наук СССР”, “Физико-химический журнал”, “Журнал по физике”, издающихся на иностранных языках». Приведем его текст:

> «ЦК ВКП(б) отмечает, что издание советских научных журналов на иностранных языках наносит ущерб интересам советского государства, предоставляет органам иностранной разведки в готовом виде результаты достижений советской науки. Издание Академией наук СССР на иностранных языках в то время, когда ни одна страна не издает научных журналов на русском языке, роняет достоинство Советского Союза и не отвечает задаче воспитания ученых в духе советского патриотизма.
>
> Ввиду этого ЦК ВКП(б) постановляет: прекратить с июля с. г. дальнейшее издание журналов Академией наук СССР на иностранных языках — “Доклады Академии наук СССР”, “Физико-химический журнал”, “Журнал по физике”»[295].

Кроме того, менялся «формат» внутренних изданий. Наиболее важным в контексте нашей темы является постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 31 июля 1947 г. «О “Литературной газете”». И без того достаточно политизированная, как и вся советская периодика, «Литературная газета» должна была стать рупором партийной идеологии, переняв многие черты газеты «Культура и жизнь»:

> «“Разрешить Союзу Советских писателей СССР реорганизовать “Литературную газету” в газету общественно-политическую и литературную, сохранив то же название”. Далее четко определялись задачи газеты: “Пропаганда советской социалистической культуры и ее мирового значения. Разоблачение реакционной сущности современной буржуазной культуры. Утверждение идей советского патриотизма и национальной гордости советских людей. Борьба со всеми явлениями низкопоклонства перед заграницей. Освещение вопросов советской демократии и показ ее превосходства перед антинародной буржуазной демократией. Показ роста национальных культур в свободном содружестве народов СССР и ведущей роли великой русской культуры. Мобилизация общественного мнения во всем мире против поджигателей войны, против буржуазных теорий расового превосходства, против всех идеологических агентов империализма. Разоблачение буржуазной лжи и клеветы на советский народ, его социалистическое государство, его культуру. Утверждение коммунистической морали советских людей. Поддержка передового и новаторского решительно во всех областях социалистической культуры и строительства. Борьба со всеми явлениями косности, рутины, бюрократизма, мешающими развитию нового, коммунистического. Утверждение всепобеждающей силы учения Ленина–Сталина в общественном развитии человечества, в мировой науке. Разоблачение лженаучных буржуазных теорий и борьба со всеми искажениями учения Ленина–Сталина. Освещение мировой роли советской литературы как провозвестницы новой коммунистической морали человечества. Борьба за большевистскую партийность советской литературы и искусства. Укрепление связи советских писателей и всех деятелей искусств с народной жизнью, с современностью. Борьба за повышение идейного и художественного уровня советской литературы и искусства...” Для реализации столь обширных задач редакции разрешалось создать большую корреспондентскую сеть, в десять раз — до 500 тысяч экземпляров, увеличивался тираж, в два раза периодичность. Газета получала доступ ко “всем видам общей и специальной информации”. Создавались четыре раздела — внутренней жизни, международной жизни, науки и техники, литературы и искусства»[296].

---

[295] Сталин и космополитизм. С. 129.

[296] *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954 гг. М., 1999. С. 78–79.

18 августа Секретариат ССП, собравшийся под председательством А. А. Фадеева, оформил это решение[297], оставив во главе редакции В. В. Ермилова, назначенного в январе, но подняв его на серьезную идеологическую и политическую высоту, с которой он деятельно и весьма эффективно руководил работой газеты.

Позднее И. Г. Эренбург так определил цель создания обновленного печатного органа:

> «Задача была воспитать презрение, воспитать ненависть к нашим сегодняшним недоброжелателям и нашим завтрашним противникам, — воспитать эту ненависть у огромного количества людей. Какова должна быть основная мишень? Ясно, — Америка и американский образ жизни, который американцы стараются навязать миру»[298].

Министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов по итогам «дела КР» сделал следующие выводы:

> «Советская наука имеет огромные успехи. Она имеет все основания в ближайшее время превзойти достижения науки за рубежом. Современная империалистическая буржуазия пытается возродить прежние легенды об отсталости России, с тем чтобы, как это было раньше, обкрадывать русских ученых, присваивать себе их открытия, добывать для своих империалистических хозяев приоритет в науке, нужный им как оружие эксплуатации, как средство личного обогащения.
>
> Некоторые наши ученые, поддаваясь этим домогательствам, проявляя низкопоклонство перед буржуазной наукой, иногда исходя из псевдогуманистических целей или личных интересов, в погоне за личной славой стараются скорее сообщить о своих научных достижениях за границу, пренебрегая интересами своего государства.
>
> В результате таких антипатриотических и антигосударственных поступков достижения и открытия наших ученых нередко становятся известными и используются за границей раньше, чем в нашей стране, а это ведет к потере приоритета наших ученых и потере прав советского государства на новые открытия, что наносит серьезный ущерб нашей стране. Антипатриотический и антигосударственный характер подобных действий совершенно очевиден.
>
> Некоторые ученые считают, что, поступая таким образом, они проявляют гуманизм и помогают всему человечеству использовать новое открытие. Это, конечно, — ошибочное представление.
>
> Прежде всего, научные открытия, как только они попадают в капиталистические страны, становятся достоянием не трудящихся, не народа, а капиталистов и империалистов. Не следует забывать, что только в нашей стране все научные достижения и открытия служат народу, являются его достоянием. За рубежом достижения ученых становятся собственностью фирм, концернов, крупных капиталистов, которые исходя из своих корыстных интересов применяют эти достижения для эксплуатации трудящихся, получая на них огромные прибыли, или используют их в целях империалистической экспансии <...>.
>
> Поэтому совершенно недопустимыми, достойными сурового осуждения являются факты, когда отдельные ученые, открыв то или иное явление, тот или иной препарат или создав ту или иную машину, не заботятся о сохранении приоритета нашей страны,

---

[297] Циркулярные копии протокола рассылались на места (см.: НА РТ. Ф. 7083 (ССП ТАССР). Оп. 1. Д. 197. Л. 142–143).

[298] *Фатеев А. В.* Указ. соч. С. 79.

не соблюдают необходимой секретности в работе, а часто даже стремятся немедленно опубликовать об этом в печати — и даже не в нашей печати, а за границей, — нанося тем самым большой урон советскому государству.

Нет необходимости доказывать, что пренебрежительное отношение отдельных ученых к вопросу о том, где будет использовано их научное открытие — у нас или за границей, — ничего общего не имеет с советской идеологией, с советским патриотизмом»[299].

Как можно видеть, «дело КР» имело серьезнейшие последствия, но всесоюзного резонанса еще не получило. Закрытые обсуждения письма ЦК, пьеса К. Симонова «Чужая тень», созданная по мотивам дела, оставались локальными мероприятиями, тогда как руководству страны не терпелось донести свои мысли до каждого. И тогда был задействован последний, важнейший инструмент советской пропаганды — кинематограф.

Именно кинофильм «Суд чести», являющийся пересказом реальных событий, притом необыкновенно близким, стал заключительным аккордом этой идеологической кампании. Картина была поручена сценаристу А. П. Штейну и режиссеру А. М. Роому, которые в процессе работы посетили и сам суд над учеными. Осенью 1947 г. готовый сценарий был направлен в ЦК, а в начале 1948-го, после внесения корректив, утвержден министерством. В марте на «Мосфильме» начались съемки, и к ноябрю фильм был готов. Руководство страны осталось довольно: 8 января 1949 г. Министерство кинематографии СССР выдало разрешительное удостоверение на демонстрацию фильма[300], 25 января состоялась его премьера, и в том же году создатели картины и исполнители главных ролей были удостоены Сталинской премии I степени.

Весь смысл идеологической кампании — как предтечи борьбы с космополитизмом — выражен в словах общественного обвинителя на суде чести, роль которого исполнил Б. П. Чирков:

«Я один из членов семьи советских ученых, облаченный доверием Суда Чести, вами избранного, обвиняю тех, кто забыл о своей национальной гордости, кто унизил честь и достоинство нашей родины. Нет большего срама для советского гражданина!

Кому хотели вы отдать сокровища науки нашей? Ее благородные открытия... ее прекрасные дерзания? Тому, кто стремится ввергнуть человечество в адское пекло новой войны. Тому, кто размахивает над земным шаром атомной бомбой. Не позволим! Во имя счастья человечества, не позволим!

У кого искали вы признания? У кого вымаливали на коленях мировую славу? У заокеанских торговцев смертью... У лавочников, у наемных убийц! Жалкая, копеечная ваша слава. Все человечество взирает на нас, мы его надежда, мы его совесть, и это правда. Вы это знаете. Тот, кто завоевал славу здесь, в Советском Союзе, тот завоевал ее и во всем мире.

Как же вы могли, как вы посмели поступиться славой нашей родины. Нам ли, советским ученым, быть беспачпортными бродягами в человечестве? Нам ли быть безродными космополитами? Нам ли быть Иванами, не помнящими родства?

---

[299] *Кафтанов С. В.* О патриотическом долге советской интеллигенции: Стенограмма публичной лекции, прочитанной 10 июля 1947 года в Лекционном зале в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1947. С. 17, 19.

[300] Н. Л. Кременцов, в подробностях передающий историю создания кинокартины, указывает другую дату разрешения на выпуск — 8 декабря 1948 г. (*Кременцов Н.* В поисках лекарства против рака: дело «КР». СПб., 2004. С. 191), тогда как мы приводим ее по официальному документу «Мосфильма» (Суд чести: Монтажная запись звукового художественного кинофильма / Производство киностудии «Мосфильм». М., 1949. С. 1).

Дорогие друзья мои, нам, советским людям, обращено слово вождя народов. Мы должны догнать и в ближайшее время превзойти достижения науки за пределами нашей родины... Как же решать эту большую ответственную задачу, не отряхнув с колен пыль старого мира, не отрешившись от всей скверны прошлого...

Да будет этот Суд Чести напоминанием всем тем, кто еще не излечился от постыдной и дурной болезни низкопоклонства. Кто унижает себя и всех нас холопским коленопреклонением перед заграницей»[301].

НОВЫЙ УРОВЕНЬ БОРЬБЫ С НИЗКОПОКЛОНСТВОМ

Следующим в череде событий в сфере идеологии стало еще одно «направляющее» мероприятие, получившее серьезный резонанс в области общественных наук. То была «Философская дискуссия по книге Г. Ф. Александрова “История западноевропейской философии”».

Для послевоенного времени это мероприятие было необычно по нескольким причинам: во-первых, Александров был видным партийным деятелем (кандидат в члены ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б), с 1940 г. он возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК, был соавтором бестселлера «Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография»), во-вторых, именно за «Историю западноевропейской философии», вышедшую в 1946 г.[302], Александров был удостоен Сталинской премии II степени, а 30 ноября был избран действительным членом Академии наук СССР.

Формальным поводом к развертыванию философский дискуссии, как и в 1944 г., послужило письмо профессора МГУ З. Я. Белецкого Сталину. В этом письме, датированном 18 ноября 1946 г., профессор Белецкий не только делал множество выпадов в адрес заправил советской философской науки, но и предъявлял ряд конкретных, аргументированных обвинений, одно из которых касалось книги Г. Ф. Александрова, которому вменялись обвинения в академическом, некритическом изложении истории философии, непозволительном для одного из главных идеологов партии. С письмом были ознакомлены секретари ЦК, и 26 декабря было принято постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «Об организации обсуждения книги т. Александрова Г. Ф. “История западноевропейской философии”»[303].

Обсуждение книги Г. Ф. Александрова проходило в Институте философии АН СССР в течение трех дней — 14, 16 и 18 января 1947 г., а в конце месяца материалы обсуждения были направлены в секретариат А. А. Жданова. Хотя в постановлении от 26 декабря и говорилось об ошибочности книги, но конкретных указаний о тоне критики, по-видимому, дано не было; а поскольку критиковали книгу главы Управления пропаганды и агитации ЦК, за которую он получил Сталинскую премию, то автора попросту пожурили, сведя обсуждение к актуальным проблемам философии. По сути, это обсуждение было простым подобием заседания Ученого совета Института философии

[301] Суд чести: Монтажная запись звукового художественного кинофильма... С. 80–82.

[302] *Александров Г. Ф.* История западноевропейской философии / Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для университетов и гуманитарных факультетов высших учебных заведений; Академия наук СССР, Институт философии. 2-е изд., доп. М.; Л., 1946.

[303] *Есаков В. Д.* К истории философской дискуссии 1947 г. // Вопросы философии. М., 1993. № 3. С. 87.

АН СССР. А неспешное поступление стенограмм обсуждения в Секретариат ЦК говорит о том, что острота момента к тому времени уже спала.

Когда стенограммы обсуждения поступили в секретариат А. А. Жданова, то попытки подготовить из них удовлетворительный итоговый материал для заседания Секретариата ЦК оказались тщетными: секретари ЦК А. А. Жданов и А. А. Кузнецов не смогли одобрить ни один из вариантов. Причина того может быть лишь одна: Сталин, ознакомившись с материалами, счел их совершенно неудовлетворительными. По сути, постановление Секретариата ЦК, ввиду служебного положения Г. Ф. Александрова, было спущено на тормозах; Сталин же ожидал иного.

> «Центральный Комитет рассмотрел итоги дискуссии, которая происходила в январе месяце в Академии наук, и пришел к выводу, что как организация самой дискуссии, так и способы подведения итогов ее оказались неудовлетворительными. <...> Центральный Комитет пришел к выводу, что дискуссия в том виде, в каком она была проведена, оказалась бледной, куцой, неэффективной, а потому и не имела должных результатов. В связи с этим ЦК решил организовать новую дискуссию»[304], — констатировал А. А. Жданов.

В результате 22 апреля 1947 г. по предложению Сталина Политбюро ЦК приняло постановление «О дискуссии по книге тов. Александрова "История западноевропейской философии"», а организацию и проведение мероприятия возложило на секретаря ЦК А. А. Жданова. Таким образом, Сталин определил задачу и избрал наиболее умелого ее исполнителя.

Активность Жданова в осуществлении сталинского поручения стимулировалась еще и иными причинами: самому Жданову также было что сказать тов. Александрову. Ведь, получив 13 апреля 1946 г. Управление пропаганды и агитации вместе со всей идеологической сферой в наследство от Г. М. Маленкова, Жданов видел в фигуре Александрова «троянского коня» Маленкова[305], что в условиях скрытого противостояния Жданова и Маленкова было важным обстоятельством для более принципиальных действий. Так что при подготовке философской дискуссии при ЦК ВКП(б) А. А. Жданов не жалел ни сил, ни здоровья; результат этого импульса очевиден до сих пор: «Философская дискуссия 1947 года была и до сих пор остается явлением беспрецедентным в истории советской философии. Это был единственный в нашей истории всесоюзный съезд работников философии»[306].

Списки участников дискуссии (даже присутствующих) определялись в аппарате ЦК, причем согласно волеизъявлению Сталина туда вошли секретари ЦК, руководители отделов аппарата ЦК, руководители республиканских, областных, местных парторганизаций, партактив Москвы и Ленинграда... Кроме практически всей партийной номенклатуры, двумя отдельными списками перечислены представители Академии наук СССР и ее институтов, писатели, сотрудники редакций... По своему составу это был общенародный идеологический форум.

Философская дискуссия проходила с 16 по 25 июня 1947 г., открывал ее кратким выступлением А. А. Жданов. 16, 17, 18, 19, 21 и 23 июня под председательством А. А. Жданова обсуждалась книга Г. Ф. Александрова и сложившееся положение на «философском фронте»;

---

[304] Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16—25 июня 1947: Стенографический отчет. С. 5.

[305] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 292.

[306] *Каменский З. А.* Философская дискуссия 1947 года (преимущественно по личным воспоминаниям). С. 8.

24 июня председательствовавший в этот день секретарь ЦК А.А. Кузнецов пригласил для доклада А.А. Жданова; на следующий день с заключительным словом выступил сам Г.Ф. Александров, после чего прения были закрыты. Всего в дискуссии, кроме основного докладчика А.А. Жданова, выступило 46 человек; в опубликованную стенограмму вошли также тексты еще 36 участников, не успевших выступить из-за прекращения прений.

Здесь стоит учесть то обстоятельство, что философская дискуссия хронологически шла вслед за судом чести при Минздраве СССР над профессорами Клюевой и Роскиным («дело КР»), происходившем с 5 по 7 июня 1947 г. А заклеймил этот суд чести прежде всего «низкопоклонство и раболепие перед буржуазной культурой Запада»[307], на основании чего ЦК признал, что «важнейшей задачей партии является воспитание советской интеллигенции в духе советского патриотизма, преданности интересам советского государства...»[308]. То есть ура-патриотические призывы стали обретать вполне ощутимую, навязчивую и угрожающую форму. И, естественно, именно эта линия получила в философской дискуссии свое дальнейшее развитие.

В дискуссии предметом обсуждения стали несколько вопросов.

Во-первых, собственно о книге Г.Ф. Александрова. Основной претензией были не столько конкретные ошибки, на которые пеняли многие выступавшие, сколько вообще аполитичность в изложении и критическом анализе материала. Профессор Б.М. Кедров сформулировал эту претензию в первый день дискуссии следующим образом:

> «Выступавшие товарищи отметили ряд недостатков в работе т. Александрова. Я не буду их повторять. Я хочу поставить один вопрос, который мне кажется главным, — вопрос о марксистском, диалектическом методе как методе научного исследования. Ведь привести некоторые цитаты из работ классиков марксизма — это не означает действительно применить марксистский метод; а вот как применяется этот марксистский метод, об этом можно и нужно поговорить, когда мы рассматриваем книгу т. Александрова.
>
> Перед советской философией стоит задача — создать подлинно марксистский обобщающий труд по истории философии. Решает ли эту задачу книга т. Александрова? Мне кажется, нет, не решает. Более того, в ряде случаев автор не приближается, а отдаляется от решения этой задачи, делая уступку старой, немарксистской историографии. Это не только личная ошибка автора, а следствие неверных взглядов на историю философии, которые до сих пор в нашей среде не изжиты и не раскритикованы. Они, эти взгляды, нашли свое отражение в трех вышедших томах по истории философии, из которых третий том был осужден ЦК <...>.
>
> В чем состоят коренные ошибки, которые делают ряд работ по истории философии, в том числе и работу т. Александрова, не вполне марксистской? Я бы сказал — в том, что они изложены преимущественно в духе простого описания событий, а не их объяснения, не их марксистского освещения. Следовательно, здесь имеется тот же дефект, который был вскрыт товарищем Сталиным в отношении прежних учебников по истории партии. <...>
>
> Как должен подходить марксист к истории философии? Какова должна быть руководящая нить в его исследованиях? Очевидно, в центре его внимания всегда должен стоять марксизм. С момента возникновения марксизма в него вошло все ценное, прогрессивное, лучшее, что было создано в домарксовой философии от древних греков

[307] *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Сталинские «суды чести»: «Дело “КР”». М., 2005. С. 240.
[308] Там же.

до Фейербаха; все это вошло в него в критически переработанном виде и выступило как один из идейных источников марксизма. <...> Историку философии — марксисту нужно показать, что марксизм не только не стоял в стороне от столбовой дороги развития мировой науки и философской мысли всего человечества, но прямо продолжил и завершил это развитие»[309].

Были и более резкие слова в адрес Г. Ф. Александрова, особенно в этой связи нужно отметить выступление его давнего оппонента М. Б. Митина, который в своем выступлении, одном из наиболее продолжительных и детальных, подробно «вскрывал» факты несоответствия книги Г. Ф. Александрова принципам партийности в науке[310].

Вторым вопросом, который проистекал из первого, был вопрос критического анализа европейской философской мысли и культуры вообще. И состоял он в том, что необходимо еще раз, и принципиально, не только обозначить отношение к буржуазным тенденциям, но и усилить борьбу с ними. Еще за несколько дней до итогового выступления Жданова это озвучили несколько ораторов, занимающих серьезное положение в номенклатуре партийного аппарата.

18 июня академик М. Б. Митин заявил:

«Одной из важнейших задач нашей идеологической борьбы в современный период является борьба с проявлением элементов низкопоклонства перед буржуазной культурой.

Низкопоклонство перед буржуазной культурой может выражаться не только в отношении к современной западной культуре. Оно может также выражаться и в преувеличенной, неправильной оценке предшествующих явлений буржуазной культуры — философских систем, теорий, произведений литературы и искусства. <...>

Пусть данная дискуссия послужит переломом во всей работе на философском фронте. Надо основательно прочистить мозги. Надо организовать настоящий поворот наших кадров к практике социалистического строительства. Надо в серьезных исследованиях, боевых публицистических статьях и выступлениях отображать живительные силы социализма, могущество нашего государства, моральную силу нашей идеологии, величие нашей советской системы, их преимущества перед разлагающейся буржуазной идеологией и буржуазным миром»[311].

В этом же ключе 23 июня выступил М. Т. Иовчук:

«Исходя из указаний товарища Сталина по вопросам истории западноевропейской философии, мы должны сделать серьезные выводы и в деле научного исследования и преподавания истории русской философии. Многие товарищи здесь уже затрагивали вопрос о научной работе в области русской философии. Этот вопрос приобретает тем более важное значение, что он теснейшим образом связан с задачей преодоления одного из самых вредных и опасных пережитков капитализма — низкопоклонства перед Западом, раболепия перед буржуазной культурой. <...>

В разработке истории русской философии нам приходилось и приходится сталкиваться с неправильными взглядами на историю русской теоретической мысли, идущими от старой буржуазно-помещичьей историографии и реакционной истории философии. В чем состоят эти взгляды?

---

[309] Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947. С. 38–39.

[310] Там же. С. 120–130.

[311] Там же. С. 123, 129.

Во-первых, в литературе по истории философской и экономической мысли, в трудах по истории русской литературы долгое время усиленно пропагандировались идущие от буржуазных космополитов теорийки, будто русская философская мысль — плод исключительно западноевропейских влияний, результат перенесения на русскую почву различных теорий Запада. Некритические последователи Плеханова, меньшевиствующие идеалисты в философии, историческая школа Покровского, представители национального нигилизма в литературе и искусстве усиленно распространяли эту противоречащую исторической правде версию.

Можно ли сказать, что легенда о полной зависимости русской теоретической мысли от Запада окончательно развенчана? Нет, нельзя еще этого сказать. Подвергнутые в последнее время критике в печати теории Нусинова, Эйхенбаума, отдельные лекции и диссертации свидетельствуют о том, что низкопоклонство перед Западом пустило известные корни среди некоторой части интеллигенции. <...>

Нам придется немало потрудиться для того, чтобы до конца выкорчевать корни низкопоклонства перед Западом, восстановить историческую правду, которая говорит о том, что передовые русские мыслители, деятели культуры народов СССР, критически усваивая достижения западноевропейской мысли, не были учениками Запада и решали творчески, самостоятельно теоретические задачи»[312].

А 24 июня, перед докладом А. А. Жданова, председатель правления ВОКС В. С. Кеменов в своей речи от призывов к критике перешел к практике:

«История развития капитализма и художественной практики буржуазного искусства в эпоху империализма полностью подтвердила глубокий прогноз Маркса. Упадок и гибель буржуазного искусства стали очевидным фактом, наблюдаемым нами в современных капиталистических странах. Раскрывается отвратительная картина полного патологического разложения и маразма буржуазного искусства, зашедшего в тупик формализма и мистики, провозглашающего психическое состояние душевнобольных в качестве высшего проявления “свободы”. Бред психопата давно признан образцом свободы творчества. “Параноик, — говорит сюрреалист Сальвадор Дали, — пользуется реальной действительностью для утверждения идеи, которой он одержим”. <...>

Сейчас Пикассо выдвинул новые “принципы”. Он пишет портреты, в которых человеческие лица то сплющены, то разорваны, все черты лица и части тела уродливо вывернуты, представляя собой не живопись, а патологический кошмар. <...> Пикассо в живописи в гораздо большей степени, чем Сартр в литературе, стал сейчас знаменем самого упадочного буржуазного искусства. Влияние его в странах Европы и Америки огромно.

Даже среди советской художественной интеллигенции есть люди, которые из чувства низкопоклонства перед последним словом заграничной моды почтительно восхищаются идиотскими кривляниями Пикассо, усматривая в них образы “свободного творчества”. Замечу попутно, что советская печать Пикассо не критикует. Многие советские художники стараются не затрагивать Пикассо из соображений “как бы чего не вышло”. Мне кажется, это совершенно неверно. Можно найти соответствующую форму критики, но нельзя из факта вступления Пикассо в члены французской компартии устраивать стену, защищающую Пикассо от критики. Такое отношение к Пикассо является более чем странным. Все это бредовое, гримасничающее буржуазное искусство — от пикассовщины до сюрреализма и экзистенциализма — смеет критиковать наше молодое, здоровое советское искусство, обвиняя его в покорном следовании за действительностью, в фотографизме и т. п. <...>

[312] Там же. С. 216–217.

На фоне разнузданной реакции, мистицизма, полного маразма современного буржуазного искусства особенно ярко выступает всемирно-историческое значение советского искусства, развивающегося по пути, указанному товарищем Сталиным, по пути социалистического реализма»[313].

В тот же день, 24 июня 1947 г., с итоговым докладом выступил А. А. Жданов. Накануне текст доклада был одобрен Сталиным и по его просьбе разделен на две составные части: «глава 1-я = критика учебника, глава 2-я = о философ[ском] фронте»[314].

Уже вводная часть доклада показала, что цель форума, сформулированная его устроителями, была достигнута:

«Товарищи! Дискуссия о книге т. Александрова не ограничилась рамками обсуждаемой темы. Она развернулась вширь и вглубь, поставив также более общие вопросы положения на философском фронте. Дискуссия превратилась в своего рода всесоюзную конференцию по вопросам состояния научной философской работы. Это, конечно, совершенно естественно и закономерно»[315].

Первая часть выступления — «Недостатки книги тов. Александрова» — не только суммировала мнения выступивших, но и отразила собственную точку зрения Жданова-марксиста.

Наше внимание привлекли попытки Жданова выступить знатоком вопросов естествознания.

«Бросается в глаза крайняя бедность, убогость и абстрактность характеристики уровня естествознания того или иного периода. <...> При этом в книге допускаются вопиющие ошибки, поражающие своей безграмотностью в вопросах естествознания. Чего стоит, например, описание развития науки в эпоху Возрождения: “Ученый Герике построил свой знаменитый воздушный насос, и существование атмосферного давления, заменившее собой представление о пустоте, было доказано практическим путем, вначале в виде опыта с полушариями в Магдебурге. Люди в течение веков спорили о том, где находится “центр мира” и можно ли считать им нашу планету. Но вот приходит в науку Коперник, а затем Галилео Галилей. Последний доказывает существование пятен на Солнце и изменение их положения. Он видит в этом и в других открытиях подтверждение учения Коперника о гелиоцентрическом строении нашей солнечной системы. Барометр научил людей предсказывать погоду. Микроскоп заменил систему догадок о жизни мельчайших организмов и сыграл большую роль в развитии биологии. Компас помог Колумбу опытным путем доказать шарообразное строение нашей планеты” (стр. 135).

Здесь почти каждое предложение — абсурд. Как могло атмосферное давление заменить представление о пустоте; разве существование атмосферы отрицает существование пустоты? Каким образом движение пятен на Солнце подтвердило учение Коперника?

Представление о том, что барометр предсказывает погоду, относится к самым ненаучным представлениям. К сожалению, люди и сейчас еще не научились как следует предсказывать погоду, что всем нам хорошо известно из практики нашего Бюро погоды. (Смех.)

---

313 Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947. С. 250–252.

314 *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Указ. соч. С. 224.

315 Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947. С. 256.

Далее. Разве может микроскоп заменить систему догадок, и, наконец, что такое "шарообразное строение нашей планеты"? До сих пор казалось, что шарообразной может быть только форма.

Перлов, аналогичных перечисленным, в книге Александрова много»[316].

Таким образом, А. А. Жданов сразился с Г. Ф. Александровым не только как философ. Причем даже если допустить, что Г. Ф. Александров является единоличным автором «Истории западноевропейской философии» (во что мы решительно не можем поверить), то вряд ли он мог сам выдумать что-либо из области естествознания. Кроме того, академик имел не только штат скрытых соавторов, но и умелых редакторов (кроме титульного редактора — директора Института философии АН СССР Г. С. Васецкого). Что же касается Андрея Александровича, то он, еще раз повторимся, писал свои тексты самостоятельно, а в качестве его редактора зачастую выступал только один человек. Таким образом, если книга Г. Ф. Александрова представляется нам текстом компилятивным по части источников и синтетическим по части авторства, то речь Жданова — подлинный текст главного партийного идеолога.

Если оставить в стороне явные стилистические огрехи книги Г. Ф. Александрова — о «шарообразном строении» Земли или же о микроскопе, «заменившем систему догадок», то в этом пассаже из доклада Жданова можно выделить три «вопиющие ошибки, поражающие своей безграмотностью в вопросах естествознания».

Первая — об ученом Герике, или «Как могло атмосферное давление заменить представление о пустоте?».

Немецкий ученый-экспериментатор Отто фон Герике (1602–1686) был одним из тех, кто пытался путем экспериментов преодолеть само понятие пустоты — той самой «Horror Vacui» (буквально — «боязнь пустоты»), которая страшила многие века умы испытателей природы. Это понятие ввел еще Аристотель для обозначения «логического противоречия», ставшего, с одной стороны, основой Аристотелевой физики, а с другой — предметом постоянной полемики, принципиально разрешившейся лишь с эпохой Возрождения, когда многие постулаты физики философской стали разрушаться физикой экспериментальной.

Для развенчания утверждения Аристотеля о том, «что не существует пустоты ни в отдельности (ни вообще, ни в редком), ни в возможности»[317], нашелся итальянец Евангелиста Торричелли (1608–1647). Он задумался по поводу одного из наблюдений Галилея — что водопроводчики не могут добиться поднятия воды в трубах выше определенного уровня — и, производя эксперименты на жидкой, но более тяжелой, а значит, и требующей меньших экспериментальных масштабов ртути, смог сделать важные открытия. Им в результате экспериментов с трубкой и ртутью в 1644 г. был изобретен ртутный барометр, а образующаяся в трубке пустота (впоследствии названная Торричеллиевой) опровергала тезис Аристотеля о том, что «природа боится пустоты». Но факт существования атмосферного давления не был воспринят современниками в качестве безусловного. «Для публики вопрос окончательно выяснился только после того, как Паскаль открыл связь между барометрической высотой и высотой места, а еще более после опытов с магдебургскими полушариями, противопоставившими давлению воздуха лошадиные силы»[318].

---

[316] Там же. С. 266.

[317] *Аристотель.* Физика // *Аристотель.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 145.

[318] *Розенбергер Ф.* История физики. М.; Л., 1933. Ч. II. С. 119.

Именно Герике, по-видимому, еще не зная об открытии Торричеллиевой пустоты, осуществил указанный эксперимент, пройдя собственным путем,— он изобрел воздушный насос, посредством которого и продемонстрировал 6 мая 1654 г. в Магдебурге силу, обусловленную атмосферным давлением: два спроектированные им полушария после откачки из них воздуха не могли быть разомкнуты силой впряженных 24 лошадей, тогда как после наполнения полушарий вновь воздухом они разжимались безо всяких серьезных усилий. Таким образом, публичный эксперимент Герике с магдебургскими полушариями не только со всей очевидностью доказал существование атмосферного давления, но и подвел черту под многовековым спором о пустоте.

Вторая «ошибка» книги Г. Ф. Александрова, также проистекающая из открытия Торричелли: «Представление о том, что барометр предсказывает погоду, относится к самым ненаучным представлениям».

Опыты Торричелли с давлением воздуха нашли последователей: это был и Рене Декарт (1596–1650), обративший внимание на изменение уровня столба жидкости, а в большей степени — Блез Паскаль (1623–1662), который открыл зависимость высоты ртутного столба от давления воздуха снаружи (посредством наблюдения изменений барометра на вершине и у подножия горы), окончательно развеяв миф о «боязни пустоты». Одновременно он смог отметить изменения высоты ртутного столба в стационарно расположенном барометре, а также зависимость этих изменений от погодных условий. К утверждению «метеозависимости» пришел и много экспериментировавший с жидкостными барометрами Герике. И хотя они еще не могли правильно объяснить эту зависимость, начало исследованиям в этой области было положено.

В 1667 г. прибор получил от английского физика Роберта Бойля (1627–1691), также пытавшегося в наблюдениях соотнести высоту столба с погодой, название барометра. С начала XVIII столетия барометр стал непременным физическим прибором для наблюдения погоды, а в 1843 г. французский инженер-теплотехник Люсьен Види (1805–1866) изобрел безжидкостный барометр, дав ему название анероид (букв. «безжидкостный»), но долго не мог убедить современников в его действенности. После того как была определена зависимость погоды от изменения атмосферного давления, барометр стал неотъемлемым метеорологическим прибором. Исключительное значение барометра для прогнозирования погоды сохраняется до сего дня.

Третья «ошибка» касается одного из наиболее знаменитых споров в истории науки — гелиоцентризма как системы мироздания, или же, словами секретаря ЦК, «Каким образом движение пятен на Солнце подтвердило учение Коперника?».

Солнечные пятна, о которых говорит А. А. Жданов, он наверняка мог бы наблюдать и сам, если бы обратил свой взор от светила земного к светилу небесному. Солнечные пятна были известны еще ученым Античности и Древнего Китая. В современной Галилею научной мысли главенствовала позиция Аристотеля, выраженная им в трактате «О небе». Суть ее состояла в том, что Солнце представляется совершенным, покрытым твердой оболочкой небесным телом, которое не может иметь на себе пятен или иных признаков несовершенства. Вследствие этой теории солнечные пятна объяснялись совмещением проекций движущихся планет с солнечным диском.

Но в 1610 г. внимание к пятнам на солнце проявил Галилео Галилей:

> «По собственному утверждению Галилея, он впервые заметил их в конце 1610 г., но, по-видимому, не обратил тогда на них особенного внимания; и хотя он показывал их нескольким друзьям как любопытный объект, однако не делал формального объявления

о своем открытии до мая 1612 г., когда это открытие было сделано, независимо от него, Гарриотом в Англии, Иоганном Фабрицием (1587–1615) в Голландии и Христофором Шейнером (1575–1650) в Германии и обнародовано Фабрицием (июнь 1611 г.). Солнечные пятна наблюдались уже раньше невооруженным глазом, но их обыкновенно объясняли прохождением Меркурия по диску Солнца. Присутствие на Солнце "позорных" темных пятен, "изменчивость" их формы и положения, их внезапное появление и исчезновение — все это было весьма не по нутру сторонникам старого взгляда, по которому небесные тела нетленны, совершенны и неизменны. <...> В трех письмах к своему другу Вельзеру, богатому аугсбургскому купцу, написанных в 1612 году и напечатанных в след'ующем году, Галилей, изложив полностью свои открытия, беспощадно разрушает эти воззрения; он доказывает, что солнечные пятна должны находиться поблизости или на самой поверхности Солнца; что наблюдаемые движения точно таковы, какими они должны быть, если пятна неразрывно связаны с Солнцем, которое обращается на своей оси приблизительно раз в месяц»[319].

Вскоре открытие вращения Солнца подтолкнуло ученого к более серьезным выводам, которые Галилей представил в своем знаменитом письме к Бенедетто Кастелли от 21 декабря 1613 г.:

«В самом деле, как я обнаружил и неопровержимо доказал, Солнце вращается вокруг себя, делая свой полный оборот примерно в течение лунного месяца; таким же образом происходят обращения и других небесных тел. Далее, с большой вероятностью и с большим основанием можно полагать, что Солнце, как величайшее орудие природы, являющееся как бы сердцем мира, сообщает всем планетам не только свет, который они излучают затем вокруг себя, но и движение. Если теперь, согласно с учением Коперника, мы припишем Земле в первую очередь суточное обращение, то кому же не станет ясно, что для того, чтобы остановить всю систему, не нарушая дальнейшего взаимного обращения планет, но лишь увеличив продолжительность дневного освещения, для этого достаточно остановить Солнце»[320].

А в 1615 г. Галилей, уже полностью уверенный в том, какое небесное тело стоит в центре мироздания, пишет об этом со свойственной ему метафоричностью слога в «Послании Кристине Лотарингской»:

«...Оно, будучи властелином природы, является также сердцем и душой мира и сообщает окружающим телам не только свет, но и движение, вращаясь само по себе; так как при остановке сердца прекращается движение частей тела животного, то, если бы Солнце остановилось, прекратилось бы и вращение планет»[321].

В «Диалоге о двух главнейших системах мира» Галилей представил в окончательном виде свою гипотезу о том, что характер движения пятен по солнечному диску косвенно доказывает вращение Земли вокруг Солнца, а не наоборот[322]. И хотя эта гипотеза оказалась ошибочной (для доказательства указанного тезиса было более чем достаточно открытых Галилеем спутников Юпитера), она придавала Галилею больше убежденности в борьбе за учение Коперника.

---

[319] *Берри А.* Краткая история астрономии. М.; Л., 1946. С. 139–140.

[320] *Выгодский М. Я.* Галилей и инквизиция. М.; Л., 1934. Ч. I. С. 101.

[321] *Фантоли А.* Галилей: В защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви. М., 1999. С. 155.

[322] *Галилей Г.* Диалог о двух главнейших системах мира — птоломеевой и коперниковой. М.; Л., 1948. С. 250–257.

Но доказательство принадлежности пятен самому светилу, опровергающее господствовавший тогда тезис Аристотеля о совершенстве небес, имело чрезвычайное значение для доказательства несостоятельности всей прежней системы мира. Именно поэтому доказательство движения пятен на солнце, оказавшееся одним из важнейших астрономических открытий Галилея, имело столь серьезное значение для доказательства учения Коперника. Галилей, как справедливо указано в приведенных А. А. Ждановым словах из книги Г. Ф. Александрова, «видит в этом и в других открытиях подтверждение учения Коперника о гелиоцентрическом строении нашей солнечной системы».

Таким образом, познания секретаря ЦК ВКП(б) по основополагающим вопросам естествознания оказались не столь глубокими, как ему казалось, а стремление проявить эрудицию — не слишком обоснованными.

При этом показателен именно сам факт того, как А. А. Жданов без тени сомнения обращается к совершенно неведомым ему областям науки с твердым осознанием собственной правоты. Безусловно, в этом он был отражением «корифея всех наук», который, прочитав заранее ждановский доклад, внес свои исправления.

Одновременно А. А. Жданов является и наследником тех, кто за несколько столетий до него посчитали доказательства гелиоцентрической системы мира абсурдными: как Инквизиция в 1633 г. осудила Галилея лишь за попытку толкования Святого Писания, не вникая в суть его аргументации и не обращая внимания на прогресс естествознания первой трети XVII столетия, так и главный сталинский идеолог послевоенной эпохи не обращает никакого внимания на основное завоевание научной революции XVII в. — доказательство гелиоцентризма, отстаивая завоевания совершенно другой революции.

Учитывая сказанное, небезынтересен другой вопрос — каким образом эти перлы партийного идеолога, которые можно охарактеризовать не только употребленным им словом «абсурд», но даже как откровенная ересь, оказались не только не забыты, но и канонизированы — суммарный тираж изданий этого выступления за 1947–1953 гг. намного превысил миллион экземпляров[323].

Такое обстоятельство требует объяснения. Дело в том, что отдельным пунктом постановления ЦК ВКП(б) от 22 апреля 1947 г. «О дискуссии по книге тов. Александрова "История западноевропейской философии"» было указано следующее: «Все выступления должны быть застенографированы и после дискуссии стенограммы должны быть опубликованы отдельным изданием»[324]. И действительно, первый номер нового журнала «Вопросы философии» оказался невиданного для журнала объема; он содержал стенограмму «Философской дискуссии», причем выступление А. А. Жданова сохранило в себе и приведенные выше перлы по вопросам естествознания. Это кажется удивительным — ведь среди участников дискуссии было немало действительно выдающихся

[323] Кроме полной стенограммы дискуссии на страницах журнала «Вопросы философии» (15 000 экз.), речь А. А. Жданова вышла и отдельными брошюрами: *Жданов А. А.* Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г. М., 1947 (300 000 экз.); То же. Магадан: Советская Колыма, 1947 (10 000 экз.); То же. Горький, 1948 (10 000 экз.); То же. М., 1951 (200 000 экз.); То же. М., 1952 (500 000 экз.); То же. М., 1953 (300 000 экз.) и т. д.

[324] Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б), 1922–1952 / Сост. В. Д. Есаков. М., 2000. С. 345.

знатоков естествознания (во главе с президентом АН СССР С. И. Вавиловым). Кроме того, главным редактором «Вопросов философии» был утвержден подлинный титан в этой области — Бонифатий Михайлович Кедров (1903–1985). Несомненно, они понимали всю несостоятельность высказываний секретаря ЦК, но предпочли не акцентировать на этом внимание.

Естественно, Б. М. Кедров сгладил бы эти слова при публикации, но тому неожиданно возникло серьезное препятствие, о котором он позднее вспоминал:

«Помощники А. А. Жданова передали мне полный текст материалов философской дискуссии для помещения их в No. 1 журнала, причем строго-настрого запретили вносить какие-либо изменения, поскольку, как они сказали, по указанию И. В. Сталина дискуссия была совершенно свободной и каждому была предоставлена возможность говорить все, что он хотел или считал нужным сказать. Мне было дано несколько дней на то, чтобы выпустить в свет весь этот материал в No. 1 журнала. Я не стал перечитывать устных выступлений, которые я слышал все до единого, но тексты приложенных речей прочитал очень внимательно. Среди них я обнаружил несколько речей, в которых, на мой взгляд, содержались совершенно недопустимые вещи; публиковать такие вещи, по-моему, было нельзя, даже несмотря на указание Сталина. Сейчас я помню два таких случая. Во-первых, в тексте речи проф[ессора] А. К. Тимирязева обливались буквально грязью наши советские ведущие физики — А. Ф. Иоффе, В. А. Фок, С. И. Вавилов и другие, как в философском, так и в идейно-политическом отношении. Во-вторых, не годился весь текст от начала до конца речи некоего Аджемяна, который проводил идею о необходимости союза между философией диалектического материализма и православием. Он писал, что подобно тому, как при наличии трактора нужна и лопата, так в борьбе против католицизма и Ватикана может пригодиться нам (как “трактору”) и православная церковь в качестве идейного союзника (“лопаты”).

Я написал Жданову письмо, что, будучи главным редактором, не могу подписать к печати подобные вещи, так как они позорят нашу философию, и просил разрешения вычеркнуть из текста речи А. К. Тимирязева клеветнические выпады против ведущих физиков, а текст речи Аджемяна снять совсем.

Через несколько дней Жданов пригласил меня к себе и прочитал свое письмо к Сталину по поводу моих предложений. Он пояснил при этом, что так как от Сталина исходило указание провести дискуссию как совершенно свободную, то теперь для любого ограничения чьего бы то ни стало места требуется личное разрешение от Сталина. В ответ же на письмо Жданова, по его словам, Сталин ему позвонил и дал согласие на предложенные мною изменения»[325].

Естественно, что никто даже и не думал в таких условиях пытаться что-либо исправлять в выступлении А. А. Жданова, а потому его речь, вместе с высказываниями по вопросам естествознания, стала достоянием общественности.

Вернемся к выступлению А. А. Жданова. Вторая часть его доклада — «О положении на нашем философском фронте» — уже носила характер программного партийного документа. Начиналась она констатацией удручающего положения в главной партийной науке:

«Если вышло так, что книга т. Александрова получила признание у большинства наших руководящих философских работников, что она была представлена к Сталинской

[325] *Кедров Б. М.* Как создавался наш журнал // Вопросы философии. М., 1988. № 4. С. 96–97.

премии, была рекомендована в качестве учебника и вызвала многочисленные хвалебные рецензии, то это означает, что и другие философские работники, очевидно, разделяют ошибки т. Александрова. А это говорит о серьезном неблагополучии на нашем теоретическом фронте.

То обстоятельство, что книга не вызвала сколько-нибудь значительных протестов, что потребовалось вмешательство Центрального Комитета и лично товарища Сталина, чтобы вскрыть недостатки книги, означает, что на философском фронте отсутствует развернутая большевистская критика и самокритика»[326].

Отметив недостатки на «философском фронте» — групповщину, слабую актуальность научных работ, плохое руководство, отсутствие большевистской критики и самокритики, А. А. Жданов коснулся и злободневных вопросов идеологии:

«Конечно, причина отставания на философском фронте не связана ни с какими объективными условиями. Объективные условия, как никогда, благоприятны, материал, ждущий научного анализа и обобщения, безграничен. Причины отставания на философском фронте надо искать в области субъективного. Эти причины в основном те же самые, которые вскрыл ЦК, анализируя отставание на других участках идеологического фронта.

Как вы помните, известные решения ЦК по идеологическим вопросам были направлены против безыдейности и аполитичности в литературе и искусстве, против отрыва от современной тематики и удаления в область прошлого, против преклонения перед иностранщиной, за боевую большевистскую партийность в литературе и искусстве. Известно, что многие отряды работников нашего идеологического фронта уже сделали для себя надлежащие выводы из решений ЦК и на этом пути добились значительных успехов.

Однако наши философы здесь отстали. Видимо, они не замечают фактов беспринципности и безыдейности в философской работе, фактов пренебрежения современной тематикой, фактов раболепия, низкопоклонства перед буржуазной философией. Они, видимо, считают, что поворот на идеологическом фронте их не касается. Теперь всем видно, что этот поворот необходим»[327].

Затронув вопросы внешней политики, А. А. Жданов в своих рассуждениях пошел несколько далее привычного:

«Надо торопиться наверстать потерянное время. Задачи не ждут. Одержанная в Великой Отечественной войне блестящая победа социализма, которая явилась также блестящей победой марксизма, стала костью поперек горла империалистов. Центр борьбы против марксизма переместился ныне в Америку и Англию. Все силы мракобесия и реакции поставлены ныне на службу борьбы против марксизма. Вновь вытащены на свет и приняты на вооружение буржуазной философии — служанки атомно-долларовой демократии, истрепанные доспехи мракобесия и поповщины: Ватикан и расистская теория; оголтелый национализм и обветшалая идеалистическая философия; продажная желтая пресса и растленное буржуазное искусство. Но сил, видимо, не хватает. Под знамя "идеологической" борьбы против марксизма рекрутируются ныне и более глубокие резервы. Привлечены гангстеры, сутенеры, шпионы, уголовные преступники. <...>

---

[326] Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947. С. 267.

[327] Там же. С. 268–269.

Кому же, как не нам — стране победившего марксизма и ее философам, — возглавить борьбу против растленной и гнусной буржуазной идеологии, кому, как не нам, наносить ей сокрушающие удары!»[328]

Речь Жданова оказалась главным событием философской дискуссии:

«Она оказала длительное влияние на последующее развитие советской философской мысли, особенно истории философии и ее теоретико-методологических установок. Это влияние было глубоко консервативным, надолго затормозило развитие науки истории философии, философской историографии в СССР»[329].

Самому же Александрову досталось множество упреков. Как шутил на дискуссии В. С. Кеменов, «доза критики, которую получил т. Александров, мне кажется, во много раз превосходит ту, которая приходилась на долю любого из философов древности или нового времени»[330]. Такого числа обвинений, да еще и предъявленных в эстетике того времени, было бы вполне достаточно для серьезных оргвыводов в отношении провинившегося.

25 июня, в последний день дискуссии, в повестке дня было единственное выступление — заключительное слово самого Г. Ф. Александрова. Признавая ошибки, он в основном уделил внимание состоянию советской философии вообще. Закончил он словами:

«Тов. Жданов! Товарищи секретари Центрального Комитета!

Партия вырастила и воспитала нас. Мы хотим быть достойными нашей партии, которая поручила нам великое дело. Я думаю, что выражу мнение всех присутствующих здесь товарищей, если скажу: мы хотим, т. Жданов, в вашем лице заверить нашу партию, мы хотим дать свое искреннее твердое слово большевиков нашему родному товарищу Сталину, что со всей страстью, всем коллективом возьмемся мы за подъем философской работы в стране, за организацию широчайшей пропаганды марксизма — ленинизма. (Аплодисменты.)»[331]

17 октября 1947 г. академик Александров был снят с должности главы Управления пропаганды и агитации ЦК (его сменил М. А. Суслов) и назначен директором Института философии АН СССР.

Редакция журнала «Вопросы философии» (по-видимому, в лице главного редактора Б. М. Кедрова) резюмировала итоги дискуссии, расставив необходимые акценты:

«Вполне понятно, что тот, кто не руководствуется в своей работе ленинским принципом партийности философии, кто заражен низкопоклонством перед буржуазными философами и пытается излагать философские вопросы с позиций буржуазного объективизма, тот не способен вести борьбу против растленной идеологии империалистической реакции, тот легко попадает сам в плен к буржуазным философам. Аполитизм, раболепие перед иностранщиной, отказ от проведения ленинского принципа партийности философии или неумение проводить его на деле — таковы те коренные пороки, к которым прямой дорогой ведут ошибки наших философов, вскрытые на дискуссии 1947 г.»[332]

---

[328] Там же. С. 271.

[329] *Каменский З. А.* Философская дискуссия 1947 года (преимущественно по личным воспоминаниям). С. 13–14.

[330] Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947. С. 256.

[331] Там же. С. 299.

[332] *Сонин А. С.* «Космополиты» от философии // Архив истории науки и техники. М., 2007. Вып. III. С. 114.

Резонанс философской дискуссии был очень широк. По сути, именно она позволила провести по всей стране открытое обсуждение новых идеологических установок, развернуть «на местах» борьбу с низкопоклонством перед заграницей, начать поиски и искоренение аполитичности в разных отраслях отечественной науки и общественной жизни. Именно с философской дискуссии берет свое начало активная фаза такой борьбы. «Философская дискуссия показала, что забвение развернутой большевистской критики и самокритики пагубным образом сказалось на состоянии научной работы»[333].

Все отрасли науки, включая и литературоведение, начали с этого момента совершенно иной период своего существования. А по своему воздействию, в силу полной открытости и отражения в печати, философская дискуссии намного превосходила «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина», явившись по масштабу идеологического охвата достойным преемником постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

КАДРОВАЯ ПОБЕДА А. А. ЖДАНОВА

В результате выполнения еще одного поручения Сталина — проведения «философской дискуссии» — Жданов одержал и большую кадровую победу. На смену Александрову пришел М.А. Суслов, а в его заместители Жданов пригласил Д. Т. Шепилова. Даже несмотря на лукавство, порой допускаемое Шепиловым в своих мемуарах, приведенные ниже строки важны для характеристики действительной ситуации в высшем партийном руководстве в 1947 г.:

> «...Пятый этаж в доме на Старой площади. Огромный кабинет, отделанный светло-бежевым линкрустом. Письменный стол в стиле барокко и большущий стол для заседаний. Книжные шкафы. Многочисленные книги, газеты, журналы. Тоже на столе.
>
> Передо мной стоял человек небольшого роста с заметной сутулостью. Бледное, без кровинки лицо. Редкие волосы. Темные, очень умные, живые, с запрятанными в них веселыми чертиками глаза. Черные усики. Андрей Александрович был в военном кителе с погонами генерал-полковника. Не помню, по какому поводу, возможно, в этот день у меня были занятия с моими адъюнктами в Военно-политической академии, где я оставался преподавателем, но я тоже оказался в генеральской форме.
>
> Внешний облик, его манера держаться и говорить, его покоряющая улыбка — все это очень располагало к себе. Этот первый разговор был очень продолжительным и впечатляющим. Жданов очень откровенно изложил положение дел на идеологическом фронте и свои соображения — как следовало бы решать назревшие вопросы. Говорил он живо, остроумно, интересно, с взволнованной страстностью. Он все время прохаживался по кабинету и помогал своей речи выразительными жестами. Иногда он вплотную подходил ко мне и пытливо заглядывал в глаза, словно желая убедиться, что аргументы его убедили собеседника. Время от времени он останавливался, чтобы отдышаться: все знали, что у Жданова больное сердце.
>
> Главное, что сказал Жданов в этой первой беседе со мной, сводилось к следующему: у нас сложилось очень неблагополучное положение в Агитпропе ЦК. Война закончилась.

---

[333] *Кафтанов С.В.* О патриотизме советской интеллигенции: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1950. С. 32.

Перед нами встали гигантские хозяйственные задачи. Замысел товарища Сталина таков: в ближайшее время не только полностью восстановить социалистическую промышленность, но и серьезно двинуть ее вперед. То же — сельское хозяйство. Но для того чтобы решить такие задачи, нужно провести огромную идейную работу в массах. Без этого мы не сможем продвинуться вперед ни на один вершок.

Положение достаточно серьезное и сложное. Намерение разбить нас на поле брани провалилось. Теперь империализм будет все настойчивей разворачивать против нас идеологическое наступление. Тут нужно держать порох сухим. И совсем неуместно маниловское прекраснодушие: мы-де победители, нам всё теперь нипочем. Трудности есть и будут. Серьезные трудности. Наши люди проявили столько самопожертвования и героизма, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Они хотят теперь хорошо жить. Миллионы побывали за границей, во многих странах. Они видели не только плохое, но и кое-что такое, что заставило их задуматься. А многое из виденного преломилось в головах неправильно, односторонне. Но, так или иначе, люди хотят пожинать плоды своей победы, хотят хорошо жить: иметь хорошие квартиры (на Западе они видели, что это такое), хорошо питаться, хорошо одеваться. И мы обязаны все это людям дать.

Среди части интеллигенции, и не только интеллигенции, бродят такие настроения: пропади она пропадом, всякая политика. Хотим просто хорошо жить. Зарабатывать. Свободно дышать. Хорошо отдыхать. Вот и все. Им и невдомек, что путь к хорошей жизни — это правильная политика.

Товарищ Сталин постоянно твердит нам в последнее время: политика есть жизненная основа советского строя. Будет правильная политика партии, будут массы воспринимать эту политику как свое кровное дело — мы всё решим, создадим и достаток материальных и духовных благ. Не будет правильной политики, не воспримут массы политику партии как свое кровное дело — пропадем.

Поэтому настроения аполитичности, безыдейности очень опасны для судеб нашей страны. Они ведут нас в трясину. А такие настроения ощутимы в последнее время. В литературе, драматургии, кино появилась какая-то плесень. Эти настроения становятся еще опаснее, когда они дополняются угодничеством перед Западом: “Ах, Запад”, “Ах, демократия”, “Вот это литература”, “Вот это урны на улицах”. Какое постыдство, какое унижение национального достоинства! Одного только эти господа воздыхатели о “западном образе жизни” объяснить не могут: почему же мы Гитлера разбили, а не те, у кого урны красивые на улицах.

В последнее время товарищ Сталин, Политбюро ставят один идеологический вопрос за другим. А что в это время делает Агитпроп: Александров и его “кумпания”? Не знаю. Они приходят ко мне и восторгаются решениями, которые ЦК принимает, чтобы духовно мобилизовать наш народ. И никакой помощи от них ЦК не видит.

И это не случайно. Ведь все эти александровы, кружковы, федосеевы, ильичевы, окопавшиеся на идеологическом фронте и монополизировавшие всё в своих руках, это — не революционеры и не марксисты. Это — мелкая буржуазия. Они действительно очень далеки от народа и больше всего озабочены устройством своих личных дел.

Вы человек военный и знаете, что такое “запасные позиции”. Создается впечатление, что по части квартир, дач, капиталов, ученых степеней и званий они подготовили себе первые запасные позиции, вторые, третьи — так, чтобы обеспечить себя на всю жизнь. В ЦК несколько писем насчет этих деятелей поступило. Они словно чуют, что

всплыли наверх случайно, и их лихорадит: могут прогнать, надо обезопаситься. Какие же это духовные наставники. Какая уж тут идеология.

Вот почему в Политбюро пришли к выводу, что мы не сможем вести успешное наступление на идеологическом фронте, не почистив и не укрепив Агитпроп ЦК. Есть такие соображения, чтобы и вас привлечь к этому делу: назначить вас пока заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК. Начальником предполагается оформить М. А. Суслова, но он будет отвлечен другими делами, так что фактически вам придется вести все дело. <...>

— Уберите с идеологического фронта всю эту мелкую буржуазию, привлеките свежих людей из обкомов, из армейских политработников, и дело пойдет наверняка.

Так с 18 сентября 1947 года началась новая полоса моей жизни»[334].

«В этот период Сталин особенно много занимался идеологическими вопросами и придавал им первостепенное значение. Агитпропу давалось одно поручение за другим. Они излагались Сталиным на заседаниях Политбюро или Секретариата, по телефону, а часто — в неофициальной обстановке.

Обычно после заседания Политбюро Сталин приглашал своих соратников на "ближнюю дачу". Здесь просматривали новый (или полюбившийся старый) фильм. Ужинали. И в течение всей ночи велось обсуждение многочисленных вопросов. Иногда сюда дополнительно вызывались необходимые люди. Иногда здесь же формулировались решения Политбюро ЦК или уславливались к такому-то сроку подготовить такой-то вопрос.

Более или менее регулярно Жданов около полудня приглашал меня с 3-го этажа к себе на 5-й. Лицо у него было очень бледным и невероятно усталым. Глаза воспалены бессонницей. Он как-то прерывисто хватал раскрытым ртом воздух, ему явно его не хватало. Для больного сердцем Жданова эти ночные бдения на "ближней даче" были буквально гибельными. Но ни он, ни кто другой не мог пропустить ни одного из них, даже больным: здесь высказывалось, обсуждалось, иногда окончательно решалось абсолютно все»[335].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ — В МАССЫ!

Главной целью еще одного масштабного пропагандистского мероприятия было не только приведение в надлежащее идейно-политическое состояние деятелей науки и культуры, но и включение творческой и научной интеллигенции в активный процесс сталинской агитации и пропаганды среди населения. Возобновлялась «в новой редакции» упраздненная ВАРНИТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР, сыгравшая в довоенные годы «выдающуюся роль в переделке психологии интеллигенции, в ликвидации кастовой замкнутости и аполитичности ученых»[336]. Но если в 1927 г. «создание ВАРНИТСО знаменовало начало важного этапа в развитии советской науки, связанного

[334] *Шепилов Д. Т.* Непримкнувший. М., 2001. С. 87–90.

[335] Там же. С. 92–93.

[336] *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция: Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972. С. 396.

с идейным завоеванием деятелей естествознания и техники, с переходом их на позиции социалистической идеологии»[337], то задачи новой организации были намного шире[338].

2 февраля 1947 г. Политбюро ЦК приняло постановление о преобразовании Всесоюзного лекционного бюро «в политико-просветительскую организацию общественного типа — Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний с Правлением из видных представителей науки, литературы, общественно-политических и военных деятелей»[339], а на Секретариат ЦК была возложена подготовка соответствующих решений.

29 апреля 1947 г. Политбюро приняло постановление о создании общества, и в тот же день Председатель Совета министров СССР И. В. Сталин подписал постановление № 1377 «О Всесоюзном обществе по распространению политических и научных знаний»:

«Совет Министров СССР постановляет:

1. Одобрить обращение группы ученых и общественных деятелей ко всем деятелям советской науки и культуры о создании Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний и разрешить опубликовать обращение в центральной печати.

2. Утвердить рекомендованный инициативной группой ученых организационный комитет Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в составе: акад[емика] Вавилова С. И. (председатель), акад[емика] Бруевича Н. Г., акад[емика] Варга Е. С., акад[емика] Мусхелишвили Н. И., акад[емика] Лысенко Т. Д., акад[емика] Сатпаева К. И., акад[емика] Грекова Б. Д., акад[емика] Артоболевского И. И., акад[емика] Опарина А. И., акад[емика] Минца И. И., проф[ессора] Галкина И. С., проф[ессора] Вознесенского А. А., проф[ессора] Докукина В. И., Поповой Н. В., Кафтанова С. В., Калашникова А. Г., Зуевой Т. М., Симонова К. М., Галактионова М. Р.

3. Поручить Оргкомитету: а) Организовать прием членов-учредителей, а также действительных членов Общества; б) Созвать в июле с. г. общее собрание членов-учредителей и действительных членов для принятия Устава Общества и избрания Правления.

4. Сохранить заместителям председателя и работникам аппарата Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний все виды снабжения и заработную плату, установленную для аппарата Всесоюзного лекционного бюро при Министерстве высшего образования СССР.

5. Поручить Государственной штатной комиссии при Совете Министров СССР установить штат Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

6. Передать в ведение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний Московский Политехнический музей[340].

---

[337] *Есаков В. Д.* Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971. С. 69.

[338] Попытки вовлечения ученых в активную просветительскую работу среди населения предпринимались и в 1931 г., во время активной коммунизации АН СССР. См.: Протокол заседания Президиума АН СССР от 3 июня 1931 г. (протокол № 31, п. 1): «Постановлено: 1) Признать необходимым организовать при Президиуме АН особый Комитет по научной консультации и пропаганде. В обязанности Комитета входит: <...> б) Организация массовых лекций и экскурсий; в) разработка плана издания научно-популярной литературы; г) организация популярных выставок; д) руководство общественно-политической работой музеев и Библиотеки АН» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1931 г.). Д. 82. Л. 137).

[339] Сталин и космополитизм. С. 398. Примеч. 3.

[340] Кроме Политехнического музея Обществу также передавались Политехническая библиотека, Лесной музей, Музей труда, Выставка контрольно-измерительных приборов, Центральная станция юных техников, Московский дом техники речного флота.

7. Передать Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний все наличное имущество, оборудование и фонды Всесоюзного лекционного бюро при Министерстве высшего образования СССР.

8. Финансирование по смете расходов на содержание аппарата и дотацию на проведение лекций, утвержденные Министерством финансов для Всесоюзного лекционного бюро на 1947 год, оставить в силе для Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

9. Печатание стенограмм лекций, организуемых обществом по распространению политических и научных знаний, возложить на издательство "Правда". Установить, что 75% прибыли от стенограмм лекций должно поступать в фонд Общества.

10. В связи с тем, что функции Союза воинствующих безбожников по распространению научных и материалистических знаний передаются Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний, прекратить дальнейшее существование Союза воинствующих безбожников, передать все материальные средства Центрального Совета Союза воинствующих безбожников Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний»[341].

1 мая главная газета страны поместила на второй полосе «Обращение ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, к научным, общественным и другим организациям и учреждениям Советского Союза»:

«Дорогие товарищи!

Успешное осуществление великой задачи построения коммунистического общества требует систематической и широкой работы по поднятию культуры трудящихся, усилению работы по коммунистическому воспитанию советского народа, неутомимой борьбы за полное преодоление пережитков капитализма в сознании людей.

Советская интеллигенция, подлинно народная интеллигенция, неразрывными узами связанная с рабочими и крестьянами, считает неустанную работу по политическому и культурному просвещению широких масс трудящихся своим первейшим священным долгом.

Поставленная товарищем Сталиным задача поднятия культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда, необходимость решительного подъема культуры советского крестьянства требуют от работников советской науки, культуры, искусства еще больших усилий по распространению среди населения политических и научных знаний. <...>

Мы предлагаем создать Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Задача этого общества должна заключаться в том, чтобы организовать широкую пропаганду научных и политических знаний путем проведения публичных лекций в области международной политики, советской экономики, науки, культуры, литературы и искусства, а также путем издания и распространения стенограмм лекций.

Мы призываем всех деятелей науки и культуры еще более активно работать для повышения социалистической сознательности трудящихся. В публичных лекциях члены общества должны разъяснять внешнюю политику Советского государства, решительно разоблачать провокаторов новой войны и агрессии, показывать лживость и ограниченность буржуазной демократии, вскрывать реакционную сущность идеологии современной империалистической буржуазии и ее реформистских прислужников.

---

[341] 60 лет обществу «Знание» // Наша власть: дела и лица: [Спецвыпуск журнала]. М., 2008. С. 32.

В лекциях необходимо раскрывать преимущества советского общественного и государственного строя перед капитализмом, показывать успехи хозяйственного строительства в СССР, достижения советской науки, литературы и искусства и стоящие перед советским народом задачи. Мы должны показывать величие нашей социалистической Родины, воспитывать у советских людей чувство гордости за советскую страну, за наш героический советский народ, ведя решительную борьбу против низкопоклонства отдельных граждан СССР перед современной буржуазной культурой. Долг членов Общества — разъяснять важнейшие вопросы марксистско-ленинской идеологии, пропагандировать материалистическое мировоззрение, борясь против всяких ненаучных воззрений и пережитков чуждой идеологии в сознании людей. <...>

Мы призываем всех деятелей советской науки, литературы и искусства поддержать нашу инициативу и принять активное личное участие в создании и деятельности Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний...»[342]

Под обращением стоят 70 подписей: первой — президента Академии наук СССР С. И. Вавилова, затем президентов республиканских академий, ниже группы академиков, членов-корреспондентов, писателей, профессоров и даже доцентов. Удивляет значительное количество аппаратных сотрудников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), причем все перечисленные доценты (С. М. Ковалев, С. Г. Суворов, Н. Н. Яковлев и Ф. Н. Олещук) являлись штатными сотрудниками ЦК[343], лишь их непосредственный начальник Д. Т. Шепилов поименован в группе профессоров. Вообще, основу этого «списка семидесяти» составили деятели политпросвещения — Н. А. Михайлов, Г. Ф. Александров, А. М. Еголин, Л. Ф. Ильичев, В. С. Кружков, М. Б. Митин, А. А. Вознесенский, И. В. Шикин, М. Б. Храпченко, С. В. Кафтанов, А. А. Фадеев...

7 июля 1947 г. в Большом театре в Москве открылся учредительный съезд Общества, а 10 июля его главой был избран президент Академии наук СССР С. И. Вавилов.

Постепенно налаживалась деятельность Общества в регионах: к концу года отделения Общества открылись в 15 союзных республиках и 18 краях и областях РСФСР. И хотя такая масштабная агитационная сеть требовала немалых вложений, государство не скупилось; выделявшиеся средства кажутся просто огромными: в одном только 1948 г. на деятельность Общества из государственных фондов было выделено 36 млн руб.[344] Председатель Общества С. И. Вавилов констатировал:

«Пользуясь неограниченной поддержкой большевистской партии и правительства, объединяя передовую часть нашей интеллигенции, Всесоюзное общество может выполнить большую работу по внедрению в народные массы марксистско-ленинского мировоззрения, политических и научных знаний»[345].

В состав Общества, созданного силами Центрального Комитета ВКП(б), включались все наиболее лояльные или вынужденно лояльные власти ученые. Одним из тех, кто оказался активно вовлечен в деятельность Общества, был академик Е. В. Тарле. Его

[342] Обращение ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, к научным, общественным и другим организациям и учреждениям Советского Союза // Правда. М., 1947. № 106. 1 мая. С. 2.

[343] Список работников Управления (Отдела) пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (1945–1953) // Сталин и космополитизм. С. 656.

[344] Докладная записка Агитпропа ЦК Г. М. Маленкову «О работе Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний», 25 апреля 1949 г. // Там же. С. 390.

[345] *Вавилов С. И.* Политические и научные знания — в массы! // Наука и жизнь. М., 1948. № 2. С. 15.

участию Ленинградское радио посвятило 11 июля 1947 г. специальный раздел «Последних известий»:

> «Академик Евгений Викторович Тарле, входящий в состав Бюро секции Международной политики Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, выступил на днях в лектории Ленинградского горкома ВКП(б) и Дворце культуры имени Кирова. Сегодня ученый читает лекцию в Выборгском доме культуры. На очереди несколько докладов в Высшей партийной школе.
>
> В беседе с нашим корреспондентом академик Тарле сказал:
>
> — Надо признать счастливой мысль об образовании Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.
>
> Сосредоточивая в своих руках общее направление деятельности, общество в то же время предоставляет самую широкую самостоятельность своим местным организациям.
>
> Одной из важнейших задач новое общество считает подготовку лекторских кадров, которые могли бы удовлетворить большую тягу к знаниям, проявляемую советским народом. Наш читатель и слушатель необычайно вырос за 30 лет, прошедших после Октябрьской революции, значительно повысились его требования.
>
> Огромный интерес, в частности, наблюдается к вопросам международной политики.
>
> Члены нашей секции надеются, что им удастся повысить уровень лекционной работы, и рассчитывают, что историческая секция со своей стороны поможет им в этом. У меня лично намечены следующие темы выступлений: “Происхождение и развитие североамериканского кризиса”, “Причины усиления агрессивности империалистических кругов Америки”, “Изменения, вносимые в мировую обстановку событиями в Индии, Египте и других странах, связанных с Британской империей”, “Роль Советского Союза как главной опоры всех свободолюбивых народов земного шара в их борьбе за демократию и сохранение мира”»[346].

Искусственность создания Всесоюзного общества, казенность поставленных задач были очевидными для трезвомыслящих современников. Удивительным по своей точности является диагноз, поставленный новой организации бесстрашной О. М. Фрейденберг в своем дневнике:

> «Сталин бросил лозунг “превзойти иностранную науку”. Как логическое завершение, создано тайной полицией, по приказу Сталина, “Общество по распространению политических и научных знаний”. Изготовить швабру или метлу, выпустить в продажу чайник, кастрюлю, чулки — это никак не удается. Об этом только горячо восклицают в ярусе бумаг и слов. Но, когда это нужно для трона, моментально организуются сложнейшие институты. Что такое это “общество”? Всесоюзная осведомиловка, но не пассивного, а активного характера. Работники умственного труда сделаны полит-агентами, массово напущенными на народ. Своими титулами они должны довершать дело обмана, которое не под силу невежественным агитаторам»[347].

Председателем оргкомитета Ленинградского отделения Всесоюзного общества стал ректор Ленинградского университета А. А. Вознесенский, поскольку его организатор-

---

[346] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2528. Л. 13–14. Последние известия: 11 июля 1947 г. (21:15–21:29).

[347] *Фрейденберг О.* Будет ли московский Нюрнберг? (Из записок 1946–1948 годов) / [Публ. Ю. М. Каган] // Синтаксис: Публицистика. Критика. Полемика. Париж, 1986. [Вып.] 16. С. 155.

ские способности все больше ценились А. А. Ждановым. 29 июля 1947 г. ректор ЛГУ выступил в эфире Ленинградского радио:

«Товарищи! Недавно в Москве состоялось многолюдное общее собрание членов Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Создание этого общества — большое патриотическое начинание советской интеллигенции, деятелей советской науки и культуры.

Никогда и нигде в истории человечества, ни при каком общественном строе, наука не занимала такого места и не имела такого значения, как в советском социалистическом обществе. <...>

Участвуя вместе со всем народом в героическом труде по построению коммунистического общества, наша советская интеллигенция призвана сыграть решающую роль в выполнении великой и благородной задачи — сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными.

Серьезным врагом социализма являются всевозможные пережитки капитализма в сознании людей. Они мешают нашему движению вперед. Без преодоления этих пережитков невозможно построить коммунистическое общество.

Вот почему именно сейчас так важно расширить и углубить работу по коммунистическому воспитанию и образованию советского народа...»[348]

Завершалось выступление А. А. Вознесенского словами:

«Осуществляя свою деятельность в духе подлинного советского патриотизма, борясь с пережитками капитализма в сознании людей и обогащая их научными знаниями, Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний окажет серьезную помощь Советскому Правительству и нашей партии в их борьбе за дальнейший могучий экономический и культурный расцвет нашей Родины»[349].

Причем перед эфиром по распоряжению цензора Ленгорлита был изъят фрагмент выступления, показавшийся слишком откровенным в контексте декларируемой научной направленности новой организации:

«Общество по распространению политических и научных знаний берет на себя такие задачи: разъяснять внешнюю политику советского государства; разоблачать происки поджигателей и организаторов новой войны; показывать лживость и ограниченность буржуазной демократии и реакционную сущность современной буржуазной идеологии; раскрывать преимущества нашего общественного и государственного строя, нашей культуры; вести решительную борьбу против низкопоклонства перед современной буржуазной культурой; показывать величие исторического дела советского народа»[350].

Огромные государственные средства, брошенные в топку нового идеологического бронепоезда, разразились шквалом идеологической агитации: с июля по декабрь Всесоюзное общество провело 3907 лекций, из которых 2464 были прочитаны в Москве[351], а в 1948 г. «Всесоюзное общество и его местные организации провели 85 000 лекций.

---

[348] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2557. Л. 82, 85. (Выступление председателя Организационного комитета Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, ректора Ленинградского университета А. А. Вознесенского, 29 июля 1947 г., 18:00–18:15.)

[349] Там же. Л. 89–90.

[350] Там же. Л. 85.

[351] Во Всесоюзном обществе по распространению политических и научных знаний // Наука и жизнь. М., 1948. № 1. С. 47.

За первый квартал 1949 г. прочитано лекций 52360. Всесоюзное общество с момента своего образования издало 429 стенограмм лекций общим тиражом 19,5 млн экземпляров»[352].

Судя по всему, руководство страны к концу 1947 г. было вполне удовлетворено деятельностью новой общественной организации советской интеллигенции. Общество справлялось с поставленными задачами воспитания патриотизма, которые с начала 1948 г. стали озвучиваться совсем открыто:

> «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, имея своей целью всемерное содействие дальнейшему укреплению советского патриотизма, работает над широким показом достижений советской науки, пропагандирует лучшие достижения передовых ученых дореволюционной России, внесших величайший вклад в развитие мировой науки, доводит до сознания всех советских людей превосходство нашего общественного строя и нашей советской социалистической культуры»[353].

Истинным идеологическим апофеозом стал I съезд Общества, прошедший 26–27 января 1948 г. в Доме ученых в Москве. О том, настолько важным руководство страны считало деятельность Общества, говорит состав президиума этого съезда: академики С. И. Вавилов, М. Б. Митин, Т. Д. Лысенко, А. Я. Вышинский, Е. С. Варга, министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов, министр просвещения РСФСР А. А. Вознесенский, заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д. Т. Шепилов, начальник ГлавПУРа Вооруженных сил генерал-полковник И. В. Шикин и др. В первый же день А. А. Вознесенский огласил приветствие съезда А. А. Жданову.

Именно на этом съезде Общества были расставлены все необходимые акценты — оно провозглашалось откровенно политической организацией. Председатель Общества С. И. Вавилов особенно остановил на этом внимание присутствующих:

> «Нельзя забывать, что цель нашего Общества — помочь большевистской партии и советскому государству в деле коммунистического воспитания и подъема культурного уровня народных масс. Наша работа — это не отвлеченное “насаждение культуры”. Она — часть большой работы, проводимой в стране по повышению политического уровня народа. Поэтому вся пропагандистская деятельность Общества должна быть проникнута идеями ленинизма, политически заострена, наступательна против чуждой эксплоататорской идеологии, против пережитков капитализма и худшего из них — преклонения перед растленной буржуазной культурой Запада»[354].

На этом же съезде сталинское руководство соизволило принять непосредственное участие во Всесоюзном обществе: 27 января были избраны шесть почетных членов, первым из которых был корифей науки. В своей речи, посвященной избранию главы государства первым почетным членом, С. И. Вавилов, в частности, сказал:

> «Деяния Сталина, как великого преобразователя человеческого общества, записаны на страницах мировой истории. Мудрая сталинская мысль и сталинская воля направляют народ наш к вершинам коммунизма, вдохновляют советских людей на новые трудовые подвиги во имя дальнейшего укрепления советской Родины.

---

[352] Докладная записка Агитпропа ЦК Г. М. Маленкову «О работе Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний», 25 апреля 1949 г. // Сталин и космополитизм. С. 391.

[353] От редакции // Наука и жизнь. М., 1948. № 1. С. 3.

[354] *Вавилов С. И.* Политические и научные знания — в массы! С. 15.

Члены Всесоюзного общества ставят своей задачей изучение жизни, деятельности и великих идей товарища Сталина, чтобы по мере сил своих следовать его примеру, глубже внедрять и шире пропагандировать идейные и теоретические богатства, содержащиеся в творениях Сталина. Мы ставили себе задачу учиться сталинскому искусству сочетать глубину мысли, научность содержания с изложением, понятным миллионам. Такое сочетание — признак истинной науки, науки народной, науки советской. Мы ставим себе задачу стать пропагандистами научных знаний в высоком смысле слова, как учат Ленин и Сталин, неустанно повышать идейность и качества наших лекций, непримиримо разоблачать упадническую культуру и вырождающуюся идеологию буржуазного мира. Наша цель — бороться со всеми проявлениями низкопоклонства перед капиталистическим Западом.

Наша задача — бороться за то, чтобы вся работа Всесоюзного общества содействовала великому делу построения коммунизма в нашей стране, той великой цели, к которой нас неуклонно ведет товарищ Сталин»[355].

Постановление съезда, подписанное 29 членами общества (С. И. Вавиловым, Т.Д. Лысенко, А.Я. Вышинским, Д.Т. Шепиловым, С.В. Кафтановым, Б.Д. Грековым, А.А. Вознесенским, Н.Н. Семеновым, А.Н. Несмеяновым, Е.В. Тарле и др.), было направлено И.В. Сталину. В тот же день академик А.Н. Несмеянов предложил избрать почетным членом Общества В.М. Молотова, а Б.Д. Греков — А.А. Жданова. Кроме трех корифеев науки в тот же день почетными членами были избраны три ученых, утвержденные предварительно аппаратом ЦК: академик Н.Д. Зелинский (его представлял академик Н.Н. Семенов), академик В.А. Обручев (предложен академиком А.Н. Заварицким) и академик Д.Н. Прянишников (предложен академиком А.И. Опариным).

Таким образом, Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний вошло в 1948 г. триумфально. Издававшийся Академией наук СССР журнал «Наука и жизнь» был с этого года передан в ведение Общества и сильно изменил свое содержание (но лишь благодаря С. И. Вавилову состав редакции практически не изменился, на своем посту был оставлен и главный редактор — профессор Ф. Н. Петров). Особенно любопытно в контексте нашей работы выглядит обращение редакции в первом номере обновленного журнала:

«Хорошо известно, что лучшие представители передовой русской науки всегда, даже в самые мрачные периоды реакции, не ограничивали свою работу стенами университетских кабинетов и лабораторий. Преодолевая гонения и цензурные запреты, они боролись за просвещение народа, выступали с научно-популярными лекциями на различных курсах и собраниях»[356].

Но постепенно Д.Т. Шепилов, курировавший дела Общества, проявлял все меньшую политическую активность, и мощно стартовавшее идеологическое движение стало постепенно снижать обороты. Это было связано как с болезнью и затем смертью А.А. Жданова, так и с безынициативностью самого Д.Т. Шепилова. Результат не заставил себя ждать: к началу 1949 г. деятельность Общества перестала устраивать Центральный Комитет партии.

Свою роль сыграло и отсутствие подлинного лидера требуемой политической формации — номинальный глава Общества академик С.И. Вавилов был полностью

---

[355] *[Вавилов С. И.]* Товарищ И. В. Сталин избран первым почетным членом Общества: Речь академика С. И. Вавилова // Наука и жизнь. М., 1948. № 2. С. 19.

[356] От редакции // Там же. М., 1948. № 1. С. 3.

поглощен работой в Академии наук и ограничивался лишь нечастым чтением лекций и протокольными выступлениями. Перед аппаратом ЦК за деятельность Общества отвечал заместитель председателя правления Общества профессор политэкономии В. И. Докукин, который хотя и являлся одним из активных лекторов[357], явно не в силах был совладать с такой огромной идеологической машиной. Первый заместитель председателя Общества, член ЦК ВКП(б) академик М. Б. Митин также не особенно участвовал в деятельности Общества. К началу 1949 г. стало очевидным, что Общество не стало массовым, а лекторы (по многолетней привычке работы в других лекторских структурах) воспринимали Общество лишь как дополнительное место заработка.

И хотя вопросом «оздоровления» Общества в 1949 г. занимался секретарь ЦК Г. М. Маленков, оно с трудом выполняло поставленные идеологические задачи, все более скатываясь к научно-просветительской роли. Уместно привести основные претензии, предъявлявшиеся к Обществу весной 1949 г.:

> «Общество не превратилось еще в массовую организацию советской интеллигенции и не преодолело еще своей известной замкнутости. В стране имеется огромное количество научных работников, учителей, врачей, агрономов, деятелей литературы и искусства, военных специалистов, инженеров, которые могут вести лекционную работу. Однако на 1 апреля 1949 года в Обществе объединено только 31 558 действительных членов и членов-соревнователей. В обществе состоит 16,5 тысячи научных работников из общего числа 100 тысяч, имеющихся в стране.
>
> Большинство членов Общества не принимает активного участия в его деятельности. Существующие секции по различным областям знаний работают слабо и не оказывают необходимого влияния на качество лекционной пропаганды. Секции не превратились в творческие коллективы, они не привлекают своих членов к активному участию в повседневной деятельности Общества. Большая часть членов Общества с лекциями совершенно не выступает. В 1948 году 50 процентов членов общества не выступило ни с одной лекцией, прочитали 1—2 лекции 30 процентов членов и только 20,9 процента членов прочитали свыше 2 лекций. <...> Таким образом, основной принцип организации Общества — активность и самодеятельность членов в распространении политических и научных знаний — нарушается. <...>
>
> В направлении и содержании лекционной работы Общества имеются серьезные недостатки. Не находят отражения в лекционной пропаганде ряд актуальных вопросов советской экономики, развития советского государства, внутренней политики партии. Слабо ведется пропаганда экономических знаний, истории СССР, философии и недостаточно связывает лекционную пропаганду с насущными задачами коммунистического строительства. Очень мало лекций организуется Обществом по коммунистическому воспитанию трудящихся, по вопросам советского патриотизма. В отдельных лекциях имело место протаскивание антимарксистских идеалистических и космополитических взглядов»[358].

---

[357] Обществом изданы в том числе следующие его публичные выступления: *Докукин В. И.* Мировое значение Великой Октябрьской социалистической революции: Стенограмма публичной лекции... / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1947; *Он же.* Москва — столица Советского государства: Стенограмма публичной лекции... / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1947. Сам Владимир Игнатьевич Докукин вплоть до 1948 г. возглавлял кафедру основ марксизма-ленинизма во 2-м Московском медицинском институте.

[358] Докладная записка Агитпропа ЦК Г. М. Маленкову «О работе Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний», 25 апреля 1949 г. С. 391–393.

Журнал «Наука и жизнь» также никак не удавалось перевести на прямые идеологические рельсы:

> «...Материалы, помещаемые в журнале, носят узкоспециальный характер и не представляют интереса для широких слоев советской интеллигенции. Тематика статей журнала случайна, статьи не отражают актуальные вопросы развития советской науки и страдают академичностью»[359].

Вышеизложенные факты побудили ЦК ВКП(б) принять 20 июня 1949 г. постановление «О мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний», готовившееся при деятельном участи секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Суслова, который взял деятельность Общества под свой контроль.

Меры со стороны ЦК способствовали поддержанию требуемого идеологического уровня в работе Общества — активизировалась работа в провинции, в 1951 г. при обществе было даже образовано собственное издательство, получившее название «Знание». Кроме того, работе Общества в требуемом партией ключе также способствовал и поставленный в 1951 г. после смерти С. И. Вавилова новый его председатель академик А. И. Опарин. Этот верный соратник академика Т.Д. Лысенко, уже испытанный руководством страны в качестве душителя биологической науки, вполне отвечал идеологическим задачам, возлагаемым Центральным Комитетом на Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Недаром что в 1950 г. он выступил с лекцией «Значение трудов товарища И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской биологической науки», стенограмма которой затем была издана Обществом тиражом 150 тыс. экземпляров[360].

Вообще, именно издательская деятельность Общества ныне выглядит особенно впечатляюще. Благодаря поддержке Центрального органа ЦК ВКП(б) «Правда» за период с июля 1947 по 1953 г., то есть за весь сталинский период деятельности Общества, головной московской организацией было издано 1370 наименований стенограмм публичных лекций по различным отраслям знаний (из них 105 по вопросам литературы и семь по вопросам языкознания), которые печатались гигантскими тиражами[361]. Причем в это число не вошли многочисленные издания региональных отделений и республиканских обществ.

Впоследствии, когда идеологическое давление снизилось, Общество несколько (насколько это было вообще возможно в советских условиях) деполитизировалось и в июне 1963 г. было переименовано во Всесоюзное общество «Знание», существующее в очередном перевоплощении до сего дня.

«ОБ ОПЕРЕ “ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА” В. МУРАДЕЛИ»

Начало наступившего 1948 г. было ознаменовано обращением ЦК ВКП(б) к проблемам музыки. Уже более десяти лет — после редакционной статьи в «Правде» от 28 января 1938 г. «Сумбур вместо музыки» — эта область советского искусства не удостаивалась

[359] Там же. С. 397.

[360] *Опарин А. И.* Значение трудов товарища И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской биологической науки: Стенограмма публичной лекции... / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1951.

[361] См.: Каталог стенограмм публичных лекций и брошюр, изданных с 1947 по 1953 год...

столь пристального внимания[362]. Ожидалось, что происходящее бурление в идеологической сфере затронет и советское музыкальное творчество, но этого не происходило: «...Вопреки тем указаниям, какие были даны Центральным Комитетом ВКП(б) в его решениях о журналах "Звезда" и "Ленинград", о кинофильме "Большая жизнь", о репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению, в советской музыке не было произведено никакой перестройки»[363], — констатировало руководство страны.

Как и прочие идеологические кампании, постановление об опере «Великая дружба» было подготовлено исключительно по воле Сталина. В понедельник 5 января 1948 г. он вместе с другими членами Политбюро отправился в Большой театр, где в тот вечер давали оперу Вано Мурадели на либретто Георгия Мдивани «Великая дружба». Эта опера была поставлена главным театром страны к 30-летию советской власти, премьера ее состоялась 7 ноября 1947 г. Говоря словами А. А. Жданова, «Центральный Комитет принял участие в общественном просмотре новой оперы тов. Мурадели»[364].

Эта опера была обречена на успех. Помимо того, что ей была уготована Сталинская премия I степени, ее авторы уже к тому времени буквально озолотились на присылаемых со всех концов страны гонорарах: «Великая дружба» одновременно была поставлена почти в 30 театрах страны. В Ленинграде премьера ее состоялась в Малом оперном театре, а «Ленинградская правда» 18 ноября 1947 г. напечатала статью профессора Ленинградской консерватории композитора Г. П. Таранова, которая заканчивалась словами: «Постановка "Великой дружбы" — ценный подарок коллектива Малого оперного театра советскому слушателю ко дню тридцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Это — яркий, красочный и жизнеутверждающий спектакль, который бесспорно будет иметь успех»[365].

Газета «Советское искусство» была несколько сдержанней, но также заканчивала свой очерк об опере оптимистически: «"Великая дружба" — не только удачный спектакль, но и значительный творческий успех коллектива Большого театра на трудном пути создания советской оперы»[366].

Планы Мурадели создать очередной шедевр увенчались успехом. Еще в декабре 1946 г. композитор писал: «Не знаю, насколько удастся мне мой замысел, но я буду счастлив, если в образах моей оперы правдиво воплотится большая идея патриотического единства советских народов, ведомых к коммунизму по ленинскому пути великим Сталиным»[367].

В марте 1947 г. о новой опере сообщало Ленинградское радио:

> «Лауреат Сталинской премии композитор Вано Мурадели по заданию Театра оперы и балета имени Кирова работает над оперой. Ее тема — дружба народов Советского Союза.

---

[362] Совещание по проблемам массовой песни, прошедшее летом 1943 г. в Оргкомитете Союза советских композиторов, а также прочие подобные мероприятия носили характер внутренних дел ССК СССР. Также стоит упомянуть о редакционной статье «Балетная фальшь», напечатанной 6 февраля 1936 г. в «Правде».

[363] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели», 10 февраля 1948 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 631.

[364] Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП (б). С. 5.

[365] *Таранов Г.* «Великая дружба»: Премьера в Малом оперном театре // Ленинградская правда. Л., 1947. №_269. 18 ноября. С. 3.

[366] *Хохловкина А.* Опера о дружбе народов // Советское искусство. М., 1947. № 46. 15 ноября. С. 3.

[367] *Мурадели В.* Опера о советской дружбе // Там же. М., 1946. № 50. 5 декабря. С. 2.

В беседе с нашим корреспондентом композитор Мурадели рассказал:

— В опере, которую я сейчас пишу, действие происходит в первые годы после Великой Октябрьской Социалистической революции. В 1919 году Ленин и Сталин направили Серго Орджоникидзе, как посланца большевистской партии, на Северный Кавказ для объединения горских народов и терских казаков. Там был созван великий сход горских народов и терских казаков, который положил начало установлению дружбы и братства народов Северного Кавказа. Вокруг этой основной темы и развертывается действие оперы, либретто которой написано драматургом Мдивани, а стихотворный текст поэтом Стреминым. <...>

Я буду счастлив, если в образах моей оперы правдиво воплотится большая тема дружбы народов Советского Союза и историческая роль большевистской партии в осуществлении ленинско-сталинской национальной политики»[368].

Но все общественное мнение огромной страны зависело тогда от вкуса одного человека. И, несмотря на комплиментарность прессы, «общественный просмотр» закончился не так, как ожидалось, — опера Сталину очень не понравилась.

И тогда в мгновение ока вдруг оказалось, что «Великая дружба» «является порочным как в музыкальном, так и в сюжетном отношении, антихудожественным произведением»[369]. Уже 6 января 1948 г., на следующий день после просмотра Сталиным и членами Политбюро ЦК оперы, Жданов провел в Большом театре «совещание», после чего началась подготовка постановления ЦК ВКП(б).

Внимание Сталина к музыке не было неожиданностью: он всегда был меломаном, если так можно выразиться. Известно его покровительство басу Большого театра Марку Рейзену, часто приезжавшему к вождю на ближнюю дачу для услаждения его слуха; а Светлана Аллилуева, описывая быт отца на ближней даче, пишет: «В другом углу была радиола с пластинками, у отца была хорошая коллекция народных песен, — русских, грузинских, украинских»[370]. Известно, что когда в СССР в 1943 г. вернулся А. Вертинский, то некоторые члены ЦК пытались навязать ему новый репертуар; эти мысли резко парировал Сталин: «У него есть свой репертуар, а кому не нравится — тот пусть не слушает»[371], что свидетельствует об отношении вождя к творчеству этого исполнителя.

Молотов вспоминал о даче Сталина в Кунцеве:

«Патефон. Часто он приводился в действие. Пластинки разнообразные, но он любитель классической музыки. Часто в Большой театр ходил, на середину оперы, на кусок из оперы. Хорошо относился к Глинке, Римскому-Корсакову, Мусоргскому — к русским преимущественно композиторам. Ему нравились песни хора Пятницкого. <...> У стенки было пианино. Жданов играл. Он немного пианист, домашнего типа»[372].

Дирижер Б. Э. Хайкин уже в 1972 г. вспоминал в письме к М. Б. Храпченко:

«В конце войны, когда Кировский театр уже вернулся в Ленинград, однажды в праздники А. А. Жданов приехал на "Ивана Сусанина".

---

[368] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2557. Л. 80, 80 об. (Новости литературы и искусства, 2 марта 1947 г., 13:00–13:15.)

[369] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели», 10 февраля 1948 г. С. 630.

[370] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. Иркутск, 1992. С. 15.

[371] *Вертинская Л. В.* Синяя птица любви. М., 2004. С. 132.

[372] *Чуев Ф.* Указ. соч. М., 1991. С. 296.

Я был вызван в ложу, А. А. был в хорошем настроении, но я запомнил такую фразу; воспроизвожу ее в точности: "Товарищу Сталину в 'Иване Сусанине' музыка у товарища Пазовского понравилась больше, чем у товарища Самосуда. Учтите это обстоятельство".

Вспоминаю эту фразу, когда говорят, что А. А. Жданов был музыкально образованным человеком, прекрасно играл на фортепиано. Я этого не знаю, может быть это и так. Но мне кажется, что музыкант для изложения подобной мысли или подобного факта найдет несколько иную формулировку»[373].

И если этот исторический анекдот выявляет подлинную музыкальную эрудицию А. А. Жданова, то по поводу вкусов Сталина, затронутых им, можно получить еще одно уточнение в дневнике правдиста Л. К. Бронтмана:

«Я поехал к Сергею Лапину, зампреду Всесоюзного Радиокомитета, консультироваться к передовой. Разговор перепрыгивал с одного на другое, шел откровенно и непринужденно. <...>

Рассказал о Хозяине любопытные вещи. Он очень внимательно относится к вещанию, часто слушает.

— Мы знаем совершенно точно, что он любит. Он превосходно разбирается в музыке. К примеру, как-то нам позвонили и сказали, что он просит поставить "Полонез" Шопена в исполнении оркестра п[од] у[правлением] Голованова. Поставили. Новый звонок: тот же "Полонез" в исполнении оркестра п[од] у[правлением] Орлова. Поставили. И начались сердитые звонки слушателей: что у вас там не смотрят, одну и ту же пластинку ставите два раза подряд!

— А какой приемник у него?

— Дома — не знаю, а в кабинете — тарелка.

— То есть?

— Обыкновенный репродуктор сети. Да-да! Иногда нам заказывают целый концерт. Как-то ночью, часиков в 11 нам позвонили и сказали, что на даче гости, и просят дать концерт. Заказывали — и мы ставили. Самое трудное было заполнить паузы. Концерт длился часа два. Потом нам позвонили от его имени и благодарили. Иногда мы посылаем запись на пленку или пластинки домой. Посылали в дорогу в Берлин. И всегда нам аккуратным образом возвращает.

— Почему вы рано кончаете передачи? — спросил я.

— Не рано, а в 2 часа. Правда, сеть кончает в час. Это тоже имеет свою историю. Раньше у нас сеть кончала в полночь. Однажды, это было, кажется, в 1941 году, позвонили от него и сказали, что он просит — нельзя ли кончать в 3. Так и сделали. Посыпались звонки и письменные проклятия от москвичей. Оказывается, многие не выключали на ночь радио, чтобы слышать воздушную тревогу или вставать на работу. А как отменить? И вот однажды в кулуарах, как раз перед выступлением Хозяина, за три-четыре минуты до начала, Пузин (председатель Радиокомитета) стоял с Поскребышевым и объяснял ему это. Хозяин услышал и обернулся.

— Чем вы недовольны? — спросил он.

— Да вот, мы сейчас даем программы до 3 ч. ночи. Москвичи жалуются, что мешает спать.

— А как вы предлагаете?

— До часу, двух.

[373] Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко... С. 546–547.

— Делайте, как знаете, — ответил он и пошел на трибуну»[374].

Знаменитый пианист Эмиль Гилельс — «рыжее золото», как его назвал Сталин, — вспоминал о происшествии во время Потсдамской конференции. Эту историю он поведал своему приятелю пианисту А. Л. Каплану:

«Ночью, неожиданно, вызывает Гилельса к себе Сталин. Человек в военной форме "доставил" его. Сталин один. "Понимаешь, — встречает он Гилельса, кивнув в сторону рояля, — у Шопена... есть такой... с переливом..." Последнее слово он особо подчеркнул характерным жестом. Гилельс сел за рояль и стал наигрывать — наобум — тему Первой баллады... "Нет", — сказал Сталин. Потом — тему Первого концерта ("Где здесь перелив?" — постоянно сверлит мысль). "Нет", — снова сказал Сталин. Тогда As-dur'ный экспромт... "Нет, не то", — сказал Сталин уже раздраженным тоном, явно теряя терпение. Многое перепробовал Гилельс. "Нет, нет", — повторял Сталин, порывисто дыша ему в затылок. А время идет. Дело принимало нехороший оборот — что-то будет?! И вдруг случайно, можно сказать, в последний момент Гилельс набрел на тему A-dur'ного Полонеза, где после первого мотива (и второго) — краткий отыгрыш. "Вот!" — воскликнул Сталин, ткнув указательным пальцем в клавиатуру»[375].

Таким образом, Жданову, как можно понять из вышецитированного, пришлось нелегко в процессе подготовки постановления об опере Мурадели — необходимо было повысить свой уровень как музыкального слушателя, по крайней мере до уровня «главного уха страны». Музыку Жданов любил, но разбирался в ней не особенно:

«"Василий Павлович, — позволял он себе, стоя за спиной сидевшего у рояля композитора Соловьева-Седого, — а не лучше ли этот аккорд взять несколько иначе?.." — "Да-да, конечно, Андрей Александрович, как я этого не заметил!.." Хотя знал: музыкальная образованность Жданова — миф, умение играть на баяне не уравнивает с профессионалами»[376].

Но именно с музыкой, как Жданов рассказывал сыну, связано его самое первое партийное поручение:

«Меня вызвали в партийный комитет и сказали: купи гармонь и в течение месяца научись играть. Когда через месяц я пришел и сказал, что гармонь купил и играть научился, меня направили в Тверь вести пропагандистскую работу среди молодежи»[377]. Да и впоследствии, как писал Ю. А. Жданов, «он лихо, с увлечением играл на гармошке...»[378]

В 30-х гг. обращения Жданова к музыке были случайными; результатом одного из них стала премьера оперы Глинки «Иван Сусанин», состоявшаяся 21 февраля 1939 г. на сцене Большого театра. Его сын вспоминал:

«Отцу посчастливилось сыграть важную роль в истории нашей музыки. Однажды в далекие 30-е годы я обнаружил среди его бумаг брошюру Главреперткома, в которой были перечислены музыкальные произведения, запрещенные к исполнению. На первой странице значилось: Опера "Жизнь за царя". Дальше шли забытые мною оперетты, а потом — множество романсов.

---

[374] *Бронтман Л. К.* Указ. соч. Запись за 4 мая 1947 г.

[375] *Гордон Г. Б.* Эмиль Гилельс: за гранью мифа. М., 2007. С. 156.

[376] «Ленинградское дело». С. 47. Речь идет о ленинградском периоде.

[377] *Жданов Ю. А.* Указ. соч. С. 84.

[378] Там же.

Я показал это отцу. Он ахнул. Раньше, видно, руки не доходили, а теперь он взялся за важное дело: вернуть русскому народу его жемчужину. Поэту С. Городецкому было поручено обновить либретто. Дирижер Самосуд вместе с чудесным ансамблем восстановили на сцене Большого театра "Ивана Сусанина". <...> Ввести в заключительной сцене "Славься", выезд Минина и Пожарского верхом на лошадях — это была инициатива Сталина»[379].

Но основные музыкальные познания Жданова связаны уже с послевоенным временем. Первоначально он стал серьезнее интересоваться музыкой для формирования собственного мнения о произведениях, выдвигаемых на Сталинскую премию, особенно это было важно еще и потому, что последней инстанцией рассмотрения вопроса о присуждении премий было заседание Политбюро. В этой связи Д. Т. Шепилов вспоминал:

«Агитпроп работал и над подготовкой присуждений Сталинских премий <...>.

Официально порядок подготовки здесь был таков: кандидаты на Сталинскую премию выдвигались государственными и общественными организациями, а также отдельными учеными, литераторами, работниками искусств. Затем выдвинутые кандидатуры обсуждались общественностью. С учетом материалов обсуждения Комитет по Сталинским премиям тайным голосованием принимал решение по каждой кандидатуре. После этого все материалы поступали в Агитпроп ЦК.

Агитпроп давал свое заключение по каждой работе и каждому кандидату, составлял проект постановления Политбюро (Президиума) ЦК и направлял все материалы Сталину. Но до этого у Андрея Александровича Жданова тщательно обсуждалось и взвешивалось каждое предложение. Мы обсуждали вышедшие за год художественные произведения. Просматривали некоторые кинокартины. Председатель Радиокомитета Пузин организовывал в кабинете Жданова прослушивание грамзаписей симфоний, концертов, песен, выставленных на премию.

Андрей Александрович очень детально и всесторонне оценивал каждое произведение, взвешивал все плюсы и минусы. Мне было приятно сознание того, как глубоко, своеобразно разбирался он в сложных и тонких вопросах науки, литературы, искусства. Обсуждение представленных работ в Политбюро проходило обычно в рабочем кабинете у Сталина. <...>

Сталин приходил на заседания, посвященные присуждению премий, пожалуй, наиболее подготовленным из всех. Он всегда пытливо следил за выходящей социально-экономической и художественной литературой и находил время просматривать все, имеющее сколько-нибудь существенное значение. Причем многочисленные факты убеждали, что все прочитанное ложилось у него в кладовые мозга очень крепко и со своими своеобразными оценками и характеристиками»[380].

Весной 1947 г. обсуждался вопрос о выдвижении на Сталинскую премию оратории Е. К. Голубева «Герои бессмертны»:

«В своей комиссии Жданов говорил об этом произведении: "По-моему, оратория Голубева 'Герои бессмертны' как раз в мелодийном отношении вещь слабая. Во второй части музыка какофоническая, первая и вторая часть повторяют друг друга и вторая часть не развивает первой. <...> Содержание оратории глубоко патетическое, но между содержанием и формой нет единства". Особенно Жданов подчеркнул: "Я не сторонник

---

[379] *Жданов Ю. А.* Указ. соч. С. 83.

[380] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 107–109.

какофонической музыки. В этом отношении я консерватор. Я воспитывался на 'могучей кучке', Бетховене, Шопене, Моцарте, Верди. Быть может, я отстал от новейших течений в музыкальном мире, может, теперь ценится какофоническая музыка?"»[381]

Словом, Жданов, как можно заключить из его рассуждений, чувствовал в себе особенную силу для приведения в надлежащее состояние советской музыки. Он включился в подготовку постановления ревностно, с привычной энергией и напором: это было последнее сражение, которое, едва отойдя от перенесенного в декабре 1947 г. очередного инфаркта, дал Жданов на «идеологическом фронте». Основная работа по подготовке постановления легла на недавно назначенного заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК Д. Т. Шепилова:

«С образом Жданова в моей памяти всплывают сейчас все события, связанные с постановкой оперы Вано Мурадели "Великая дружба". <...> Жданов сразу же после ее прослушивания сказал мне, что Сталин остался недоволен новой оперой. По его мнению, это — какофония, а не музыка. К тому же Сталин считает, что фабула оперы искажает историческую правду. Андрей Александрович предложил мне, чтобы Агитпроп разобрался, каково положение в советской музыке, и подготовил ЦК свои предложения.

Мы привлекли большую группу ведущих музыковедов Москвы, подготовили записку и проект постановления ЦК о музыке. Мне казалось, что все это сделано вполне квалифицированно и может послужить организующей основой для дальнейшего подъема советской музыкальной культуры и развития ее по правильному руслу. <...>

Всю жизнь я относился к музыке, к настоящей музыке, благоговейно, как истый христианин к своему божеству. Вот почему, когда с Запада начали проникать в советскую страну всякие модернистские течения, я воспринимал их не только отрицательно, но и с болью, как что-то святотатственное, как немузыку.

Конечно, я понимал огромную значимость новаторства Александра Скрябина, "Весны священной" или "Петрушки" Игоря Стравинского, выдающихся творений Дмитрия Шостаковича. И я стоял за такое новаторство. Но вместе с тем я был убежден в необходимости оградить советское музыкальное творчество от таких западнических течений, которые олицетворяли собой по существу распад музыкальной формы, патологическое ее перерождение.

В таком духе и составлены были агитпроповские документы по музыке. Однако Андрей Александрович ими не воспользовался. Он счел их "академическими". Он подготовил все сам, со своими ближайшими помощниками и привлеченными консультантами. В результате появились известная речь Жданова на совещании деятелей советской музыки и Постановление ЦК партии об опере "Великая дружба" от 10 февраля 1948 года»[382].

«Жданов всегда самостоятельно со всей тщательностью готовил каждую речь, вкладывал в это дело все силы своей души. Помню, в каком состоянии творческой одержимости вынашивал он свое выступление по вопросам музыки. Он собирал по крупицам и всесторонне продумывал высказывания Маркса и Энгельса, штудировал эстетические работы Плеханова, статьи, записи бесед, письма Ленина. На столе у него лежали стопки книг В. Стасова, А. Серова, письма П. Чайковского с закладками, пометками, подчеркиваниями.

[381] Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко... С. 107.
[382] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 99–100, 104–105.

Найдя в литературе какой-нибудь поразивший его образ или формулировку, он горел желанием поделиться своими мыслями и чувствами. Он нередко звонил мне на 3-й этаж в самое неожиданное время — утром, глубокой ночью:

— Вы можете зайти сейчас?

Я приходил.

— Слушайте: "Музыка должна высекать огонь из сердец людей". Бетховен. По поводу его Пятой симфонии. Представляете себе, какое высочайшее предназначение музыки: высекать огонь из сердец людей.

Или:

— Вы штудировали "Критические статьи" Серова о музыке? Ну, батенька, какие же здесь золотые россыпи. Слушайте: "В мелодии — главная прелесть, главное очарование искусства звуков; без нее все бледно, бесцветно, мертво, несмотря на самые принужденные гармонические сочетания, на все чудеса контрапункта и оркестровки". А модернисты изгоняют мелодию, то есть умерщвляют душу музыки!

Всегда поражал широкий круг интересов Жданова в сфере духовной жизни и та страстность, с которой он относился к изучаемому в данный момент вопросу, словно более важного вопроса и не было на свете. И он освобождался от этой околдованности теми или иными идеями только тогда, когда создавал законченную концепцию и средства решения назревших проблем.

Вот почему его речи и подготовленные им решения имели такую огромную впечатляющую силу. Теперь, бросая ретроспективный взгляд на прошлое, можно не соглашаться с некоторыми существенными положениями Жданова по ряду идеологических проблем. Но нельзя отказать им ни в силе аргументации, ни в страстной направленности — обеспечить торжество коммунистической идеологии»[383].

Сохранилось еще одно свидетельство о работе Жданова над этим постановлением:

«Александр Николаевич Кузнецов, самое доверенное его лицо и бессменный помощник, допускал иногда "утечку информации" — загадочно улыбаясь, сообщал узкому кругу: "А вы знаете, чем сейчас занят Андрей Александрович?.. Он нацелен на серьезную перестройку в нашей музыкальной культуре... Вот уже вторую неделю сидит и прослушивает пластинки — с классикой, народной, эстрадной музыкой"»[384].

Таким образом и было подготовлено постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели». Принято оно было на заседании Политбюро ЦК 10 февраля 1948 г., а 11-го числа было опубликовано в «Правде», что дополнительно подчеркивало важность и директивность постановления.

Вот увертюра к нему:

«ЦК ВКП(б) считает, что опера "Великая дружба" (музыка В. Мурадели, либретто Г. Мдивани), поставленная Большим театром Союза ССР в дни 30-й годовщины Октябрьской революции, является порочным как в музыкальном, так и в сюжетном отношении, антихудожественным произведением.

Основные недостатки оперы коренятся прежде всего в музыке оперы. Музыка оперы невыразительна, бедна. В ней нет ни одной запоминающейся мелодии или арии. Она сумбурна и дисгармонична, построена на сплошных диссонансах, на режущих слух звукосочетаниях. Отдельные строки и сцены, претендующие на мелодичность, внезапно прерываются нестройным шумом, совершенно чуждым для нормального человеческого

[383] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 96–97.
[384] «Ленинградское дело». С. 49.

слуха и действующим на слушателей угнетающе. Между музыкальным сопровождением и развитием действия на сцене нет органической связи. Вокальная часть оперы — хоровое, сольное и ансамблевое пение — производит убогое впечатление. В силу всего этого возможности оркестра и певцов остаются неиспользованными.

Композитор не воспользовался богатством народных мелодий, песен, напевов, танцевальных и плясовых мотивов, которыми так богато творчество народов СССР и, в частности, творчество народов, населяющих Северный Кавказ, где развертываются действия, изображаемые в опере.

В погоне за ложной "оригинальностью" музыки композитор Мурадели пренебрег лучшими традициями и опытом классической оперы вообще, русской классической оперы в особенности, отличающейся внутренней содержательностью, богатством мелодий и широтой диапазона, народностью, изящной, красивой, ясной музыкальной формой, сделавшей русскую оперу лучшей оперой в мире, любимым и доступным широким слоям народа жанром музыки.

Исторически фальшивой и искусственной является фабула оперы, претендующая на изображение борьбы за установление советской власти и дружбы народов на Северном Кавказе в 1918–1920 гг. Из оперы создается неверное представление, будто такие кавказские народы, как грузины и осетины, находились в ту эпоху во вражде с русским народом, что является исторически фальшивым, так как помехой для установления дружбы народов в тот период на Северном Кавказе являлись ингуши и чеченцы.

ЦК ВКП(б) считает, что провал оперы Мурадели есть результат ложного и губительного для творчества советского композитора формалистического пути, на который встал т. Мурадели.

Как показало совещание деятелей советской музыки, проведенное в ЦК ВКП(б), провал оперы Мурадели не является частным случаем, а тесно связан с неблагополучным состоянием современной советской музыки, с распространением среди советских композиторов формалистического направления»[385].

Отдельно в постановлении досталось и музыкальным критикам:

«ЦК ВКП(б) констатирует совершенно нетерпимое состояние советской музыкальной критики. Руководящее положение среди критиков занимают противники русской реалистической музыки, сторонники упадочной, формалистической музыки. Каждое очередное произведение Прокофьева, Шостаковича, Мясковского, Шебалина эти критики объявляют "новым завоеванием советской музыки" и славословят в этой музыке субъективизм, конструктивизм, крайний индивидуализм, профессиональное усложнение языка, т.е. именно то, что должно быть подвергнуто критике. Вместо того, чтобы разбить вредные, чуждые принципам социалистического реализма взгляды и теории, музыкальная критика сама способствует их распространению, восхваляя и объявляя "передовыми" тех композиторов, которые разделяют в своем творчестве ложные творческие установки.

Музыкальная критика перестала выражать мнение советской общественности, мнение народа и превратилась в рупор отдельных композиторов. Некоторые музыкальные критики, вместо принципиальной объективной критики, из-за приятельских отношений стали угождать и раболепствовать перед теми или иными музыкальными лидерами, всячески превознося их творчество.

---

[385] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели», 10 февраля 1948 г. С. 630–631.

Все это означает, что среди части советских композиторов еще не изжиты пережитки буржуазной идеологии, питаемые влиянием современной упадочной западноевропейской и американской музыки.

ЦК ВКП(б) считает, что это неблагоприятное положение на фронте советской музыки создалось в результате той неправильной линии в области советской музыки, которую проводили Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР и Оргкомитет Союза советских композиторов»[386].

Как говорится в тексте постановления, 10–13 января 1948 г. в ЦК ВКП(б) было спешно организовано совещание деятелей советской музыки, подготовкой которого занимался Д. Т. Шепилов, а непосредственно проводил А. А. Жданов. После сурового доклада главного партийного идеолога (однако не такого зубодробительного, как его ленинградский доклад по постановлению от 14 августа 1946 г.), присутствующие деятели — партийные и музыкальные — в течение трех дней обсуждали проблемы своей «отрасли». Кроме более чем 70 участников-музыкантов в совещании приняли участие и четыре секретаря ЦК ВКП(б) — А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, М. А. Суслов и Г. М. Попов.

«Андрей Александрович ярко, правдиво, глубоко раскрыл организационное и внутреннее содержание всего музыкального процесса, охарактеризовал те нездоровые явления, которые тормозят развитие советской музыкальной культуры, и наметил пути ее дальнейшего расцвета»[387].

Композиторы держались достаточно дружно и критиковали себя и коллег сдержанно. Наиболее резкие слова о современной музыке, полностью разделяющие точку зрения Жданова и ЦК, были сказаны профессором Московской консерватории А. Б. Гольденвейзером:

«Когда я слушаю грохочущие фальшивые сочетания современных симфоний и сонат, я с ужасом чувствую — страшно сказать, — что этими звуками более свойственно выражать идеологию вырождающейся культуры Запада, вплоть до фашизма, чем здоровую природу русского, советского человека»[388].

На этом совещании прозвучали попытки переложить ответственность с композиторов на музыкальных критиков (что впоследствии удастся А. А. Фадееву и спровоцирует так называемую борьбу с космополитизмом).

Ю. А. Шапорин в своем выступлении говорил об идущих от критиков модернистских веяниях и констатировал, что «некоторые наши критики недостаточно ценят наше музыкальное искусство» и «допускают неверную оценку произведений»[389]. Музыковед Т. Н. Ливанова отметила, что в музыкальной критике «дело обстоит катастрофически»[390] и критика существует лишь в виде «бюро по захваливанию»[391]. Ей вторил дирижер Симфонического оркестра СССР К. К. Иванов:

«Спит наша музыкальная критика. За последние годы свелась эта критика к тому, что к некоторым нашим маститым композиторам прикрепились некоторые критики и поют им дифирамбы — только о них, только о них, а о других ни слова. <...> Имена

---

[386] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели», 10 февраля 1948 г. С. 632–633.

[387] Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). С. 153.

[388] Там же. С. 55.

[389] Там же. С. 13, 15.

[390] Там же. С. 48.

[391] Там же. С. 51.

таких критиков, как [Д. А.] Рабинович, Матиас [М. А.] Гринберг, [С. И.] Шлифштейн, всем хорошо известны — это те, которые покрупнее»[392].

Но поскольку основная проблема критиков, по словам Жданова, была в том, что они были «подхалимского типа»[393], то их пока не рассматривали в качестве самостоятельного деструктивного сообщества, как впоследствии было с критиками литературными. Хотя и здесь, как следует из перечисления фамилий, была намечена определенная национальная линия.

В своем заключительном выступлении на совещании А. А. Жданов коснулся пресмыкательства перед Западом:

«Что касается современной буржуазной музыки, находящейся в состоянии упадка и деградации, то использовать из нее нечего. Тем более несуразным и смешным является проявление раболепия перед находящейся в состоянии упадка современной буржуазной музыкой. <...> Интернационализм в искусстве рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродными космополитами»[394].

Постановление ЦК ВКП(б), как всегда, повлекло за собой и неминуемые персональные оргвыводы. В случае с постановлением об опере «Великая дружба» выбор прежде всего пал на М. Б. Храпченко — председателя Всесоюзного комитета по делам искусств. Еще на заседании 6 января Жданов спустил собак на М. Б. Храпченко и его ведомство:

«Опера готовилась в тайне от ЦК и правительства. <...> Мы в ЦК смотрим каждый фильм, прежде чем допустить его на экран, а тут оперу от ЦК скрыли. Разве коллектив Большого театра не заинтересован в нашей помощи — в помощи ЦК и правительства? <...>

Вы впустили в искусство людей, которые топчут искусство. <...> Если вы будете действовать так дальше, то вы забьете все таланты. Вы не даете развернуться наклонностям композитора, вы сковываете его творчество, навязываете ему так называемую "современную" музыку. <...> Увлечение модой — вот что характерно для Комитета. Вы поддерживаете эту музыку, но она не наша, не народная, это аристократическая музыка. Вы разделили музыку на два рода: одну для народа, в которой вы допускаете и напевность, и мелодийность, это — музыка советских песен. Другую — для "Олимпа", для музыкальных гурманов. Комитет хочет сидеть между двумя направлениями — реалистическим и псевдофутуристическим»[395].

Поняв, какая роль отведена Храпченко, его уже мало кто защищал, в основном же его делали главным виноватым и повторяли безапелляционную точку зрения Жданова (особенно здесь старался Т. Н. Хренников); неблаговидную докладную записку Жданову подал позднее все тот же А. Б. Гольденвейзер... Лишь только В. М. Городинский (по некоторым сведениям, именно он был автором бестселлера 1936 г. — статьи «Сумбур вместо музыки») заступился: «...Никто так резко не критиковал оперу Мурадели, как Храпченко. Ему принадлежит самая резкая критика, которой я был свидетелем: я находился в Комитете по делам искусств, я выступал до его речи и после и знаю это хорошо»[396].

[392] Там же. С. 70.
[393] Там же. С. 10.
[394] Там же. С. 139–140.
[395] Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко... С. 118.
[396] Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). С. 67.

Но исход дела был предрешен: 26 января 1948 г. Политбюро ЦК приняло постановление «О смене руководства Комитета по делам искусств при СМ СССР и Оргкомитета Союза Советских композиторов СССР», где первым пунктом было записано решение: «Освободить т. Храпченко М. Б. от обязанностей председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, как не обеспечившего правильного руководства Комитетом по делам искусств»[397]; на его место был назначен П. И. Лебедев. Также было обновлено руководство ССК: А. И. Хачатурян, В. И. Мурадели и Л. Т. Автомьян освобождены от работы в руководстве Союза; Оргкомитет ССК возглавил Б. В. Асафьев, а во вновь образованный секретариат Оргкомитета ССК в качестве генерального секретаря был назначен послушный и исполнительный Т. Н. Хренников (про назначение которого Сталиным точно выразился Шостакович: «Рыбак рыбака видит издалека»).

Стоит отметить, что М. Б. Храпченко повезло. По-видимому, он уже достаточно намозолил глаза Жданову, который в процессе разработки постановления занес в блокнот: «Наказать Мдивани и Мурадели материально. Храпченко под партийным судом. Отдельное следствие по опере Мурадели»[398]. Но до суда (очевидно, суда чести) — дело тогда не дошло.

БИОЛОГИЯ — ЭТО ТОЖЕ ИДЕОЛОГИЯ

Одним из важнейших в цепи описываемых «идеологических» событий стала сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, проходившая в Москве с 31 июля по 7 августа 1948 г. и получившая печальную известность под названием Августовская сессия ВАСХНИЛ.

Лаконично рисуют ее суть слова министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова:

> «В биологической науке партия всегда поддерживала передовое, материалистическое мичуринское направление. За последние годы неизмеримо выросли силы мичуринского фронта в биологической науке. Но чем шире и крепче становился этот фронт, тем агрессивней выступали против него сторонники другого, антимичуринского направления — сторонники реакционного вейсманизма.
>
> Партия не могла дальше терпеть такого положения, когда идеалистическое, реакционное вейсманистское направление в биологии препятствовало развитию истинно передового, материалистического мичуринского направления. Вмешательство Центрального Комитета и лично товарища Сталина положило конец затянувшейся борьбе между двумя направлениями в биологии»[399].

---

[397] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о смене руководства Комитета по делам искусств при СМ СССР и Оргкомитета Союза советских композиторов СССР, 26 января 1948 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 629.

[398] РГАСПИ. Ф. 77 (А. А. Жданов). Оп. 3. Д. 177. Л. 51 об. Подчеркивания в тексте принадлежат А. А. Жданову. В обоих случаях Жданов пишет «Мурадели» с двумя «л». Запись не датирована, лишь на Л. 53 об., где столь же кратко упоминается о Храпченко и финансовой составляющей постановки, стоит дата — 21 января 1948 г.

[399] *Кафтанов С. В.* За безраздельное господство мичуринской биологической науки: Стенограмма публичной лекции, прочитанной по поручению Общества в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1948. С. 5.

Несмотря на то что эта сессия явилась, по сути, сведением личных счетов амбициозного «народного академика» Трофима Денисовича Лысенко со своими оппонентами-биологами, вылилась она в трагедию многих. И если постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» оказало сильнейшее воздействие на общественные науки, то результаты Августовской сессии ВАСХНИЛ сотрясли не только естественные науки и медицину, но и в очередной раз ударили по гуманитарной сфере.

Трагедия под названием Августовская сессия ВАСХНИЛ берет свое начало еще в довоенные годы[400]; старт послевоенным событиям дал суд чести над президентом Белорусской академии наук и профессором кафедры генетики Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева А. Р. Жебраком, известным советским генетиком и оппонентом Лысенко.

В 1945 г. в октябрьском номере американского журнала «Science» была опубликована небольшая статья А. Р. Жебрака «Советская биология»[401], в которой присутствовала и критика деятельности Лысенко, поименованного агрономом. Статья эта была подготовлена А. Р. Жебраком с ведома членов Политбюро ЦК Г. М. Маленкова, В. М. Молотова и Н. А. Вознесенского, а разрешение на отправку ее в США было получено от Секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова[402].

Но к 1947 г. ситуация изменилась, отношения между СССР и США стали более чем прохладными, и этой публикацией А. Р. Жебрака решил воспользоваться Т. Д. Лысенко для сведения личных счетов. 6 марта в «Ленинградской правде» была напечатана статья пособника Лысенко профессора ЛГУ И. И. Презента с нападками на генетику, где среди прочего говорилось: «Загнивающий капитализм на империалистической стадии своего развития породил мертворожденного ублюдка биологической науки, насквозь метафизическое, антиисторическое учение формальной генетики»[403], а затем, пройдясь по «мракобесу и злопыхателю» Карлу Саксу, профессору Гарвардского университета, упомянул Жебрака, который «по существу солидаризируется с профашистом Саксом в оценке теоретических достижений нашей советской передовой школы биологов, мичуринской школы, возглавляемой академиком Лысенко»[404].

И если в марте эта статья казалась случайной, то летом ситуация стала усугубляться: почти одновременно в центральных изданиях появляются две аналогичные статьи. 30 августа в «Литературной газете» напечатано письмо под заглавием «На суд общественности», а 2 сентября 1947 г. по поручению М. А. Суслова в «Правде» появляется статья И. Д. Лаптева «Антипатриотический поступок под флагом “научной критики”»[405].

Вследствие изменения идеологической обстановки вдруг оказалось, что Жебрак «потерял чувство патриотизма и научной чести <...> ослепленный буржуазными предрассудками, презренным низкопоклонством перед буржуазной наукой он встал на позицию враждебного нам лагеря»[406]. Вскоре Министерством высшего образования СССР был организован Суд чести, впрочем не столь громкий, как в «деле КР», но с неминуемыми оргвыводами — в октябре 1947 г. А. Р. Жебрак был снят с поста президента Белорусской АН.

---

[400] См.: *Сойфер В. Н.* Власть и наука...
[401] *Zhebrak A. R.* Soviet Biology // Science. 1945. Vol. 102. Is. 2649. 5 October. P. 357–358.
[402] *Сойфер В. Н.* Указ. соч. С. 581–582.
[403] Там же. С. 596.
[404] Там же.
[405] Там же.
[406] Там же. С. 598.

Но даже после расправы над Жебраком Лысенко не чувствовал себя защищенным, поскольку его серьезно критиковала часть коллег-биологов. В связи с этим любопытна запись из дневника заведующего отделом информации газеты «Правда» Л. К. Бронтмана от 28 ноября 1947 г.:

«Вчера был у меня (зашел в кабинет) Василий Иванович Поляков из сельхозотдела. Рассказал две занятных истории:

1) За последнее время сельхоз. ученые довольно сильно наваливаются на Лысенко за его теоретические работы по генетике, утверждая, что он практик, а науке не дал почти ничего. Лысенко взял и написал в Сочи Хозяину: так и так, идут у генетиков споры, какого направления придерживаться, говорят, что я — не генетик. Хозяин ответил, что настоящим ученым, работавшим для науки и для народа, был Мичурин. Вот и понимай, как знаешь!

2) Хозяин достал где-то на Кавказе семена зонтичной пшеницы (на одном стебле — несколько колосьев) и прислал Лысенко, советуя попробовать разводить и акклиматизировать в других (не кавказских) местах. Лысенко написал, что думает испытать ее в двух пунктах: в Горках и в Одессе (в Горках у него Институт, в Одессе — опытная станция). Хозяин написал в ответ, что пшеницу надо разводить "не там, где Вам удобнее, а там, где ЕЙ удобнее. В Одессе — много солнца и мало осадков, в Горках — много осадков и мало солнца. Надо — где достаточно и солнца и влаги, например, где-нибудь в районе Киева"»[407].

Несмотря на то что рассказ о ветвистой пшенице описывает события 1946 г., первая история важна для понимания положения Лысенко осенью 1947 г. Причем его позиции, казалось, лишь ухудшались.

Но в июле 1948 г. президент ВАСХНИЛ Лысенко (по рангу этот пост соответствовал должности заместителя министра сельского хозяйства), находившийся под напором критики, осознававший свое довольно шаткое положение, был вызван к Сталину для беседы. Раскрыв ему радужные перспективы развития отрасли, в том числе поведав и о ветвистой пшенице (посевы которой якобы повысят урожаи зерна по стране в пятьдесят раз), президент ВАСХНИЛ пообещал исправить сложившееся положение.

«Но выставил одно условие: чтобы его не травили, не позорили, а хотя бы немного помогали, и чтобы всякие критиканы, всякие теоретики и умники, не о благе Отечества пекущиеся, а лишь на Запад ежеминутно оглядывающиеся, больше ему не мешали. Лысенко назвал несколько иностранных фамилий, особенно часто упоминаемых критиканами, — такие как Моргана и Менделя, и настойчиво повторил, что если вместо мичуринского учения по-прежнему основывать биологические учения на той, формальной генетике, то страна потерпит огромный ущерб. А вот если формальную генетику отменить как науку идеалистическую, буржуазную, крайне вредную для дела социализма, то мичуринцы воспрянут, быстро свое дело развернут и смогут пойти в бой за повышение урожайности всех культур»[408].

Сталин поддержал Лысенко, поскольку после засухи и голода 1946–1947 гг. был готов пойти практически на все ради увеличения урожая. Наиболее важным для Лысенко был вопрос устранения оппонентов, которые у него еще оставались; тем более что он и его сторонники не обладали большинством в ВАСХНИЛ, а предстоявшие там выборы еще более бы ослабили их позиции. Здесь как раз и проявилась основная помощь: несмотря на списки предложенных кандидатов и сопутствующие предвыборные мероприятия, 28 июля 1948 г. в газете «Правда» было опубликовано постановление

---

[407] *Бронтман Л. К.* Указ. соч.

[408] *Сойфер В. Н.* Указ. соч. С. 645–646.

Совета министров СССР от 15 июля за подписью И. В. Сталина. В постановлении сообщалось о директивном утверждении сразу 35 действительных членов ВАСХНИЛ, большинство из которых составляли ставленники Лысенко[409]. При таком подспорье планам «народного академика» уже ничего не угрожало.

Сессия ВАСХНИЛ открылась 31 июля докладом Лысенко «О положении в биологической науке». Доклад, предварительно просмотренный и отредактированный Сталиным, был неожиданно резким, очень политизированным, пугал своей наглой безапелляционностью. Основным нападкам со стороны Лысенко подверглись основоположники и приверженцы «буржуазной, антисоветской, антинародной реакционной генетики»[410]. В центральной части доклада, озаглавленной «Два мира — две идеологии в биологии», оратор проводил черту между агробиологией и «чуждыми» детищами трех ученых — основоположника генетики Грегора Менделя, впервые предложившего идею хромосомной наследственности Августа Вейсмана и основателя теории гена Томаса Моргана:

> «Возникшие на грани веков — прошлого и настоящего — вейсманизм, а вслед за ним менделизм-морганизм своим острием были направлены против материалистических основ теории развития. Ныне, в эпоху борьбы двух миров, особенно резко определились два противоположные, противостоящие друг другу направления, пронизывающие основы почти всех биологических дисциплин <...>. Не будет преувеличением утверждать, что немощная метафизическая моргановская "наука" о природе живых тел ни в какое сравнение не может идти с нашей действенной мичуринской агробиологической наукой»[411].

Закончил Лысенко свой доклад направляющим пассажем:

> «В. И. Ленин и И. В. Сталин открыли И. В. Мичурина и сделали его учение достоянием всего народа. Всем своим большим отеческим вниманием к его работе они спасли для биологии замечательное мичуринское учение»[412].

Для ученых антилысенковского лагеря такой доклад был по меньшей мере удивителен. Особенно это было непонятно потому, что 10 апреля 1948 г. Лысенко, казалось, был почти повержен. В этот день начальник отдела науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Юрий Андреевич Жданов (сын А. А. Жданова) выступил на семинаре лекторов обкомов ВКП(б) в лектории Политехнического музея с докладом на тему «Спорные вопросы современного дарвинизма», в котором начисто разгромил «народного академика» со всеми его идеями; однако, что не было известно, сделал это исключительно по своей инициативе (хотя выступление и было предварительно одобрено его непосредственным начальником, секретарем ЦК М. А. Сусловым[413]).

Ученым было невдомек, что 31 мая на заседании Политбюро Сталин уже выразил в резкой форме свое недовольство этим докладом, и было решено сформировать комиссию Политбюро для вынесения решения по инциденту, а Ю. А. Жданов подал в ЦК на имя Сталина письмо с объяснениями. Это письмо, которое он написал не без помощи отца[414], было вскоре зачитано Сталиным на заседании Политбюро ЦК. Юрий Жданов вспоминал:

---

[409] Там же. С. 652.

[410] *Шноль С. Э.* Герои, злодеи, конформисты российской науки. 2-е изд. М., 2001. С. 465.

[411] *Сойфер В. Н.* Указ. соч. С. 654.

[412] Там же.

[413] Там же. С. 644.

[414] В. Н. Сойфер приводит факт, что было подготовлено даже два варианта этого текста: «Мне довелось слышать в 1978 году от ранее близкого к Ю. А. Жданову сотрудника, кандидата

«Отец рассказывал, что оно произвело впечатление “недостаточного разоружения”. Так считал Молотов. Берия бросил реплику: “Это, конечно, неприятно, но нужно быть выше отцовских чувств”»[415].

Дополнительную остроту ситуации придавало еще и закулисное участие во всем этом действе Г. М. Маленкова, курировавшего сельское хозяйство и стоявшего на стороне Лысенко. А поскольку соперничество Маленкова и Жданова является неоспоримым, то несомненно, что не без участия Маленкова была так разыграна карта Жданова-младшего.

Ход сессии ВАСХНИЛ жестко контролировался Политбюро: каждый вечер туда, персонально к Г. М. Маленкову, приезжал лысенковский коллега В. Н. Столетов (в будущем министр высшего образования СССР) с отчетом о «проделанной работе»; он же согласовывал с Лысенко список выступавших в прениях. Нет нужды говорить, в каком русле шла большая часть этих выступлений, особенно недавно «назначенных» академиков, что вполне соответствовало духу эпохи и конкретному моменту надругательства над биологической наукой.

Лысенко до последнего дня не давал понять аудитории, откуда у него набралось столько смелости, тем самым провоцируя представителей оппозиции на резкие высказывания, которые, без сомнения, впоследствии должны были быть употреблены против их самих. Если немногочисленные знатоки аппаратных игр уже в первый день догадались, что причина такой дерзости Лысенко в высочайшем покровительстве, то другие стали догадываться в процессе — начиная с 4 августа «Правда» стала ежедневно печатать сокращенные стенограммы выступлений. А утром последнего дня сессии, 7 августа, это смогли понять и все остальные: в «Правде» была напечатана объяснительная записка Ю.А. Жданова Сталину, поданная им при разборе инцидента с его лекцией в Политехническом, где сын главного идеолога партии каялся в своих ошибках.

Скорее всего, если бы А. А. Жданов был в состоянии, он бы предпринял активные действия в защиту сына, но еще 6 июля Политбюро по настоянию врачей отправило его в двухмесячный отпуск[416]. Сперва он поехал на юг, но там было очень жарко, после чего

биологических наук А. Гапоненко, что Ждановым было подготовлено два варианта покаянного письма. В первом из них он якобы свел “покаяние” лишь к пустым формальным фразам. Гапоненко утверждал, что когда эта покаянка была принесена Сталину, тот будто бы написал в верхнем углу одну фразу — “Ишь, какой прыткий!”, чего было достаточно, чтобы молодой заведующий Отделом науки ЦК партии написал то, что от него ждали» (*Сойфер В. Н.* Указ. соч. С. 709. Примеч. 121).

[415] *Жданов Ю. А.* Указ. соч. С. 258. В другом варианте Ю. А. Жданов приводит слова Берии несколько иначе: «Все это, Андрей, конечно, крайне неприятно, но надо быть выше отцовских чувств» (Там же. С. 310).

[416] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 163. Д. 1513. Л. 51 (Постановление Политбюро ЦК, Протокол 64, пункт 103). Накануне И. В. Сталин получил от начальника Лечсанупра Кремля профессора П. И. Егорова «Медицинское заключение о состоянии здоровья Секретаря ЦК ВКП(б) тов. Жданова А. А.», которое обязывало Сталина принять неотложные меры:

«Состоявшимся сегодня 5.VII с[его] г[ода] консилиумом в составе действительных членов Академии медицинских наук СССР Гринштейн А. М. и Виноградова В. Н., профессора Егорова П. И. и доктора Майорова Г. И. констатировано:

За последнее время в состоянии здоровья тов. Жданова А. А. наступило значительное ухудшение — усилились явления сердечной недостаточности настолько, что уже при обычных движениях возникает одышка. Сердце значительно расширено, имеются явления застоя в легких и печени.

В связи с ослаблением сердечной деятельности значительно упало кровяное давление.

Жданова перевезли в санаторий «Долгие бороды» на Валдай; при этом все его служебные полномочия по Секретариату ЦК ВКП(б) передавались Г. М. Маленкову. 23 июля ему позвонил Д. Т. Шепилов: разговор был продолжительный, Жданов кричал в трубку в состоянии крайнего возбуждения; в ночь после разговора у Жданова случился тяжелый приступ стенокардии[417]. Возможно, речь шла именно о положении сына. «Думается, что этот сюрприз, подготовленный Сталиным, немало способствовал приближению последовавшей вскоре кончины Жданова»[418]. После публикации письма Ю. А. Жданов приехал к отцу на Валдай; Жданов встретил сына с грустной иронией: «Ну вот, мне пора на пенсию. Ты будешь писать и публиковать опровержения, на гонорар от них и будем жить»[419]. 31 августа 1948 г., по-видимому, по причине неоказания квалифицированной медицинской помощи А. А. Жданов скончался[420].

Президент Академии наук СССР С. И. Вавилов был вынужден написать такие строки:

> «Советская интеллигенция и весь передовой культурный мир потеряли со смертью Андрея Александровича замечательного теоретика новой, советской культуры, давшего блестящие примеры широчайших обобщений по вопросам советской философии, литературы, музыки. Поразительные по своей остроте, сосредоточенности и меткости выступления А. А. Жданова по вопросам культуры навсегда останутся для нас руководящими.
>
> Глубокую скорбь вызывает весть о смерти Андрея Александровича Жданова у советских ученых. С удивительной ясностью и отчетливостью Андрей Александрович понимал дух советской науки в целом и ее особенности в отдельных отраслях. По всем важнейшим принципиальным вопросам существа и организации науки наши ученые и научные учреждения получали у Андрея Александровича Жданова указания, советы

Кроме того, на почве происшедшего интенсивного спазма сосудов головного мозга в ограниченном участке его развилось нарушение питания, выразившееся в нарушении чувствительности на правой руке и правой половине лица.

Необходимо теперь же предоставить тов. Жданову А. А. отпуск на 2 месяца, из которых месяц должен уйти на лечение при условии строгого постельного режима и месяц для отдыха» (Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 268–269).

[417] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 638–639.

[418] Там же. С. 309.

[419] *Жданов Ю. А.* Указ. соч. С. 258.

[420] Нет оснований не доверять письму кардиолога Л. Ф. Тимашук, впоследствии использованного для фабрикации «дела врачей-вредителей» (см.: Государственный антисемитизм в СССР. С. 430–431). Обстоятельства, изложенные Л. Ф. Тимашук 31 марта 1966 года в письме в президиум XXIII съезда КПСС, убеждают в этом (Там же. С. 488–491; также см.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 638–642). Как писал Д. Т. Шепилов, он «нисколько не удивился бы, если бы узнал, что Берия приложил руку к тому, чтобы жизнь А. Жданова во время нахождения его на Валдае преждевременно оборвалась» (*Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 136). По-видимому, сыграли свою роль традиционные советские реалии: «В борьбе с недугом Жданова система номенклатурной медицины показала свою неэффективность. Несмотря на тяжесть заболевания, требовавшего постоянного контроля, в течение трех недель, начиная с 7 августа 1948 г., у Жданова не снимались электрокардиограммы, но зато регулярно производился только вредивший ему массаж конечностей. Лечащий врач Г. И. Майоров, вместо того чтобы организовать правильный уход и надлежащее лечение, передоверил все медицинской сестре, а сам часами занимался рыбной ловлей. В итоге 27 августа у Жданова произошел еще один сердечный припадок. <...> 29 августа у Жданова, которому [профессор П. И.] Егоров и лечащий врач разрешили вставать с постели и гулять в парке, вновь случился сердечный приступ...» (*Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона. С. 311).

> и тончайшие замечания, попадавшие всегда в самую суть вопроса. От нас ушел выдающийся друг науки»[421].

Но вернемся к последнему дню сессии ВАСХНИЛ, точнее, к заключительному слову «народного академика». «Смелый новатор в науке академик Т.Д. Лысенко — славный воспитанник советской власти и большевистской партии»[422] только в самом конце сессии расставил точки над i, чтобы чувство победы было более упоительным, превосходство несомненным, а коварство — очевидным:

> «Меня в одной из записок спрашивают: каково отношение ЦК партии к моему докладу. Я отвечаю: ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его»[423].

В. М. Молотов вскоре также во всеуслышание заявил: «Научная дискуссия по вопросам биологии была проведена под направляющим влиянием нашей партии. Руководящие идеи товарища Сталина и здесь сыграли решающую роль, открыв широкие перспективы в научной и практической работе»[424].

Спустя пять лет после смерти Сталина академик поместил в «Правде» хвалебную статью «Корифей науки», где написал, что Сталин «непосредственно редактировал проект доклада "О положении в биологической науке", подробно объяснил мне свои исправления, дал указания, как изложить отдельные места доклада. Товарищ Сталин внимательно следил за результатами работы Августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина»[425].

После Августовской сессии ВАСХНИЛ последовало августовское же расширенное заседание Президиума АН СССР, на котором достижения Лысенко обретали уже вполне директивную форму. С. И. Вавилов[426], брат гонимого и уничтоженного Лысенкой академика Н. И. Вавилова, уже не говорил о различных точках зрения в биологии: «Речь идет не о дискуссии <...>. Нужно также, как и всюду, на биологическом участке научной работы искоренить раболепие и низкопоклонство перед заграницей»[427].

Министр высшего образования С. В. Кафтанов, близкий к Лысенко[428], в своем выступлении говорил, что «та борьба, которую вели мичуринцы <...>, имела огромное научное, идейное и политическое значение, ибо они отстаивали марксистско-ленинское мировоззрение»[429]. Остальные выступавшие также приводили вопрос к политическому знаменателю.

Примечательно, что в сессии ВАСХНИЛ принимал участие и заведующий кафедрой диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ профессор З. Я. Белецкий — инициатор обсуждений в ЦК ВКП(б) философских

---

421 *Вавилов С. И.* Друг науки // Андрей Александрович Жданов, 1896–1948. [М.], 1948. С. 65–66.

422 *Кафтанов С. В.* Комсомол в борьбе за передовую науку и культуру: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве/Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1949. С. 22.

423 *Сойфер В. Н.* Указ. соч. С. 663.

424 *Молотов В. М.* 31-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции: Доклад на Торжественном заседании Московского совета 6-го ноября 1948 г. [М.], 1948. С. 20.

425 *Сойфер В. Н.* Указ. соч. С. 663.

426 Рамки настоящего издания, увы, не позволяют нам остановиться на трагической личности С. И. Вавилова, которому премного обязана отечественная наука и который вынужден был занимать столь почетное место в столь ужасное время.

427 *Сойфер В. Н.* Указ. соч. С. 679.

428 Там же. С. 600.

429 Там же. С. 680.

вопросов. Его филиппики в адрес окопавшихся в МГУ вейсманистов завершались словами:

> «Наша партия тем и сильна, что она знает, за что она борется, и знает, под знаменем каких идей, какой теории она побеждает. Учение И. В. Мичурина и Т.Д. Лысенко оказалось проверенным практикой социалистического строительства. Теоретическим фундаментом этого учения является диалектический материализм. За этим учением будущее. (Аплодисменты.)»[430]

Собственно говоря, кроме разгрома в биологии — трагического, но все же локального события — уже для всей страны была выведена общая, универсальная мораль. Повсюду стали ругательными определения «менделисты-вейсманисты-морганисты», еще опаснее и резче стали обвинения в антипатриотизме.

Решения Августовской сессии ВАСХНИЛ хотя и не имели грифа решения ЦК ВКП(б) и не являлись, соответственно, одним из постановлений ЦК по идеологическим вопросам, но имели огромный, чрезвычайный резонанс. Конечно, этому способствовало и то общеизвестное обстоятельство, что доклад Лысенко был рассмотрен и одобрен этой высшей инстанцией. На это постоянно обращалось всеобщее внимание, это же обстоятельство было особо отмечено в постановлении Президиума АН СССР от 26 августа 1948 г.:

> «Одобренный Центральным Комитетом ВКП(б) доклад академика Лысенко ставит перед учеными Советского Союза и прежде всего перед биологами и представителями других отраслей естествознания ряд новых, принципиальных вопросов...»[431].

В сентябре—октябре 1948 г. в подавляющем большинстве научных и учебных учреждений страны (даже далеких от биологических проблем) состоялись обсуждения решений Августовской сессии и доклада Т.Д. Лысенко, и везде осуждались сторонники буржуазной реакционной науки, а Мичурин и Лысенко, используя терминологию того времени, были подняты на щит. Стенограмма сессии (более чем 500 стр.) была издана в самые сжатые сроки (подписана в печать 21 августа 1948 г.) огромным тиражом — 200 тыс. экземпляров.

Даже за границей стали издаваться многочисленные труды Лысенко — статьи и монографии; в свою очередь, апологетический труд английского пропагандиста мичуринской биологии Джеймса Файфа «Лысенко прав», изданный в Лондоне в 1950 г., вскоре появился в русском переводе[432]; а в 1952 г., публикуется в СССР работа Алана Мортона «Советская генетика»[433].

АПОФЕОЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ 1940-Х ГОДОВ

Но наиболее знаменитой из всех послевоенных идеологических кампаний стала так называемая борьба с космополитизмом. Подобно раскату грома она оглушила современников: началась внезапно и так же внезапно закончилась, оставив за собой шлейф

---

[430] О положении в биологической науке: Стенографический отчет сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина, 31 июля — 7 августа 1948 г. М., 1948. С. 163.

[431] Постановление Президиума АН СССР // Правда. М., 1948. № 240. 27 августа. С. 1.

[432] *Fyfe J.* Lysenko is Right. London, 1950; *Файф Дж.* Лысенко прав. М., 1952.

[433] *Morton A.G.* Soviet Genetics. London, 1951; *Мортон А.* Советская генетика. М., 1952.

многолетнего антисемитизма. Начало ей было дано 28 января 1949 г.: в этот день главная газета страны «Правда» поместила редакционную статью под названием «Об одной антипатриотической группе театральных критиков».

Почему же в начале 1949 г. свет сошелся клином на разборе деятельности театральных критиков? Почему эти разбирательства, бывшие внутренним делом Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Союза советских писателей и Всесоюзного театрального общества, оказались на слуху у всей страны?

Как и прежде, фигуранты громкой кампании, в данном случае «по борьбе с космополитизмом», были лишь заложниками невидимых, но крайне ожесточенных баталий и попались (правильнее сказать — были подставлены) под руку Сталину, который сделал их жертвами своего большого замысла.

Причины, побудившие партийное руководство в конце 1948 г. дать ход делу театральных критиков, разобраны в исторических работах последних лет[434]. Традиционно они сводились к конфликту между драматургами и театральными критиками, причем чисто производственному по своей сути. Но поскольку высшим органом был Центральный Комитет ВКП(б), то автоматически такой конфликт свидетельствовал о сбое в работе контролирующего органа, в данном случае — Отдела пропаганды и агитации ЦК (что само по себе уже было явлением неординарным).

Но прежде чем говорить о непосредственном развертывании кампании по борьбе с космополитизмом, необходимо обратиться к неизвестным, но важным событиям, как предвосхитившим саму кампанию, так и предопределившим выбор ее основных фигурантов.

В этой связи важно отметить, что сталинский метод руководства — «жесткая вертикаль власти», иными словами — полная непререкаемость его волеизъявления как единственного руководства всеми действиями высшего аппарата, царившая в Политбюро ЦК, уже к середине 30-х гг. экстраполировалась и на прочие партийные и государственные и структуры, где каждый из руководителей насаждал единовластие и жесткое подчинение своей воле. Причин тому несколько, но главная, несомненно, состояла в том, что руководителю ведомства приходилось отвечать перед сталинским руководством за работу свою и подчиненных исключительно собственной головой, а такой риск производил цепную реакцию — жестокости, единоначалия, подозрительности, недоверия, нетерпимости к малейшему разномыслию, безынициативности.

Наряду с такой отлаженной системой, заставляющей всю партийно-государственную машину выполнять волю одного человека, главный устроитель этой системы органически не мог доверять даже самым близким людям, а потому он, не терпевший даже малейшего двоевластия рядом с собой, искусственно насаждал его в нисходящих структурах. Эта система получила в историографии нейтральное и неадекватное наименование «системы сдержек и противовесов».

Никто из членов высшего руководства, кроме самого Сталина, не мог чувствовать себя уверенно — всегда невдалеке, а то и совсем близко был соперник, подсаженный мудрой рукой. И если даже в Секретариате ЦК ВКП(б) просматривается постоянное противостояние, то и иные ведомства не были исключением; система же политического сыска, тотального наушничества и доносительства еще более усугубляла ситуацию.

---

[434] Наиболее внятно и достаточно подробно (впрочем, несколько отличаясь в оценках) данный вопрос рассмотрен в кн.: *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 477–491; *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 319–347. Подробны и информативны, хотя и довольно эмоциональны мемуары одного из главных фигурантов этих событий: *Борщаговский А. М.* Записки баловня судьбы. М., 1991.

Безусловно, такая перманентная аппаратная война приводила зачастую к серьезным, вполне заметным противостояниям, и в этих случаях верховным арбитром выступал Сталин, локализуя эти конфликты и выбирая, согласно своим интересам, победителя. Поверженный в таких схватках мог лишиться как должности (это в самом благоприятном случае), так и жизни (как вышло в случае с «ленинградским делом»). Нередко первое было предвестником второго, хотя иногда Сталин и миловал, опять же исходя исключительно из своего прагматического ви́дения.

Не было исключением для подобных аппаратных баталий и важнейшее идеологическое ведомство сталинской машины — Союз советских писателей СССР. Не далее как весной 1946 г. руководству страны пришлось прибегнуть к здесь к «системе сдержек и противовесов», локализовав конфликты вокруг ставленника аппарата ЦК ВКП(б) Д.А. Поликарпова, в результате чего А.А. Фадеев, заслуживший благодаря своей безукоризненной исполнительности как доверие Сталина, так и товарищеское отношение А.А. Жданова, был в сентябре 1946 г. утвержден генеральным секретарем правления ССП СССР.

Но поскольку сталинская система не могла доверять ведомство одному, хотя бы и проверенному человеку, то в том же 1946 г. вместо Д.А. Поликарпова в качестве «присматривающего» от аппарата ЦК ВКП(б) в руководстве ССП появился новый ответственный секретарь правления — Л.М. Субоцкий. Именно с его фигурой связано зарождение антикосмополитической кампании.

Лев Матвеевич Субоцкий (1900—1959) был личностью необычной как для руководства ССП, так и вообще для писательской организации: долгое время он де-факто совмещал свою литературную работу с прокурорской. Причем это же касалось и его родного брата, поскольку Субоцких на литературной ниве начала 1930-х гг. было двое — братья Лев и Михаил. «Близнецы. Отличить их друг от друга редко кто мог. Оба служили в армии. Лев Субоцкий состоял на должности военного прокурора довольно высокого ранга. Оба принимали участие в ЛОКАФе (Литературное объединение Красной армии и Флота). Лев Субоцкий писал критические и критико-агитационные статьи на литературные темы»[435].

Л.М. Субоцкий к началу 1930-х гг. уже занимал высокое место в иерархии функционеров советской литературы, а в 1932 г. В.Я. Кирпотин привлек его в Оргкомитет по проведению Всесоюзного съезда писателей на должность литературного секретаря; именно в этом качестве Субоцкий присутствовал 20 октября 1932 г. на встрече писателей со Сталиным в особняке Горького, где В.Я. Кирпотин предложил ввести Л.М. Субоцкого в Оргкомитет на правах полноправного его члена[436]. 22 марта 1933 г. Оргбюро

---

[435] *Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. М., 2006. С. 184.

[436] В.Я. Кирпотин вспоминает в тот вечер и Сталина: «...Неожиданно он прервал свои литературные размышления и сказал, сделав шаг в мою сторону:

— Хочу выпить с Кирпотиным.

Тут же он подозвал к столу Гронского (И.М. Гронский — редактор «Известий». — *П.Д.*) и Субоцкого. Мы все трое не просто были в составе Оргкомитета, а занимали в нем рабочие должности. Поэтому Сталин и выделил нас из общего числа, так сказать, аппарат. Своей рукой налил нам в огромные бокалы коньяку.

— Предлагаю, товарищи, выпить за успешную работу Оргкомитета!

Я поглядел с ужасом на порцию коньяка, которую мне предстояло выпить, и неожиданно для самого себя сказал:

— Товарищ Сталин, а вы с нами выпейте тоже.

Сталин налил себе сухого грузинского вина. Мы выпили до дна. Он только пригубил.

Разговор снова пошел о литературных делах...» (*Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. С. 200—201).

ЦК ВКП(б) приняло постановление «О Всесоюзном съезде писателей», утвержденное на Политбюро ЦК 27 марта, где Л. М. Субоцкому отводилось выступление по вопросу Устава Союза советских писателей[437]. Позднее Л. М. Субоцкий был назначен заведующим Отделом литературы и искусства Центрального органа ЦК ВКП(б) «Правда», а в декабре 1935 г. утвержден на должности ответственного редактора «Литературной газеты», возглавив печатный орган ССП.

Одновременно с работой на поприще советской литературы Лев Матвеевич занимал высокое положение в системе советской военной юриспруденции. В 1925 г. при организации Военной прокуратуры Московского гарнизона он был назначен первым военным прокурором Москвы, затем начальником 4-го отдела Главной военной прокуратуры РККА по войскам НКВД СССР и погранохраны. В 1935–1937 гг. был помощником Главного военного прокурора РККА по пограничной и внутренней охране НКВД СССР в звании диввоенюриста (соответствовало общевойсковому званию комдива). Летом 1936 г. он исполнял обязанности Главного военного прокурора СССР; именно в таком качестве он активно участвовал в процессе антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра, проводившемся Военной коллегией Верховного суда СССР в Доме союзов СССР с 19 по 24 августа 1936 г., по которому были приговорены к высшей мере наказания Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и др. А в 1937 г. он участвовал в допросах по делу «антисоветской военной троцкистской организации» (М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич и др.) в качестве помощника Главного военного прокурора РККА по надзору за законностью.

29 сентября 1937 г. Субоцкий был арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде[438]. На следствии ему вменялось то, что он «враждебно оценивал внутрипартийный режим, клеветнически обвинял руководителей партии в бюрократизме, казенщине, праздности, в зажиме активности масс и запрете свободного высказывания политических взглядов»; говорил о «зверствах ГПУ, чиновникам которого законы не писаны»; объяснял голод на Украине и Северном Кавказе «жестокой политикой руководителей партии, которые, проводя насильно коллективизацию сельского хозяйства, истребляют наиболее культурных крестьян»[439]. Также его винили в том, что, «будучи привлеченным прокурором СССР А. Я. Вышинским к допросам М. Н. Тухачевского и других «военных заговорщиков», уклонился от присутствия на приведении в исполнение вынесенных им смертных приговоров»[440].

Конечно, арестованный Л. М. Субоцкий сразу стал получать «сочувственные» отзывы некоторых литераторов: Ф. И. Панферов, например, 4 ноября 1937 г. в письме И. В. Сталину даже ставил себе в заслугу то, что он в течение ряда лет боролся с врагами народа, в том числе с «Субоцким и прочей сволочью»[441].

---

[437] Власть и художественная интеллигенция. С. 190–191, 758.

[438] Возможно, арест Л. М. Субоцкого связан с тем, что 11 июня 1937 г. в Севастополе особым отделом НКВД Черноморского флота был арестован его брат-близнец Михаил. С мая по сентябрь 1917 г. М. М. Субоцкий состоял в партии левых эсеров, в 1919 г. вступил в РКП(б), с 1935 г. до момента ареста был начальником политотдела бригады крейсеров Черноморского флота в звании бригадного комиссара. Обвинен в участии в подпольной военно-эсеровской организации и подготовке военно-фашистского заговора, а спустя пять дней — 16 июня 1937 г. — расстрелян.

[439] *Роговин В. З.* Партия расстрелянных. М., 1997. С. 246.

[440] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 321.

[441] Панферов — Сталину о своей борьбе с «врагами народа» // Большая цензура. С. 484.

Но произошло чудо, которое, возможно, свидетельствует об особом отношении руководства страны к Субоцкому: 31 декабря 1939 г. дело было прекращено за недоказанностью и Л. М. Субоцкий был освобожден, восстановлен не только на литературной работе, но и в рядах ВКП(б) и в военной прокуратуре, а в 1941 г. был назначен заместителем военного прокурора Южного фронта.

После войны Л. М. Субоцкий по-прежнему принимал участие в работе ССП СССР, а весной 1946 г. выступил на закрытом партсобрании ССП с резкой критикой ответственного секретаря ССП Д. А. Поликарпова. В докладной записке Г. М. Маленкову по поводу этого собрания отмечалось, что «т. т. Нусинов и Субоцкий, имея в виду т. Поликарпова, требовали от Правления Союза писателей широкого, умного и квалифицированного подхода в деле руководства литературой и критикой»[442]. В результате развернувшейся критики, в том числе и упомянутых выступлений И. М. Нусинова и Л. М. Субоцкого, 3 апреля на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) было принято решение об освобождении Д. А. Поликарпова от должности (9 апреля это решение было утверждено Политбюро ЦК)[443]. На его место был назначен Л. М. Субоцкий.

Отвечая за идеологию в Союзе советских писателей, Субоцкий имел достаточно устойчивое собственное мнение, к тому же обладал смелостью и твердостью. Любопытна характеристика, данная ему «критиком-космополитом» Даниилом Даниным:

> «Предшественник Софронова на посту оргсекретаря Союза писателей, был он правой (или левой) рукой Фадеева. Он всегда пребывал на посту. Была в нем черта, которую можно без всяких двусмыслиц определить как мужскую женственность. Тем непредвиденней бывала его властность. Невысокий, красивый, благоухающий, вежливый, безотказный, он вершил делами писательского департамента. А еще печатал изредка критические статьи. Бесцветные — партийно-выверенные до последней точки. <...>
>
> Кажется, нас исключали на одном (но двухдневном) собрании в Дубовом зале (Центрального дома литераторов, в феврале 1949 г. — *П. Д.*). Мой черед был раньше. Я признал за собою ошибки аполитичного эстетизма, дабы повиниться по правилам игры хоть в чем-нибудь. И жалел потом, что дал Николаю Грибачеву повод мстительно ухмыльнуться: “А король-то голый!” Но воистину уличенным в малодушии я почувствовал себя, только когда с той же трибуны слово самозащиты произносил Лев Субоцкий, знавший более сложные правила политической игры.
>
> Он отводил все обвинения: никакой вины перед партией!
>
> И грубейшие реплики из президиума не могли его сбить. Он прокурорствовал! Оскорбленно и надменно. И все бы хорошо, — все бы просто замечательно! — не впади он к концу в якобинско-чекистскую гордыню.
>
> — Я заявляю! — обвел он нас всех зачеркивающим жестом маленькой волевой руки. — И прошу занести это в протокол! Трибуналы революции... Трибуналы войны... Я отправил на расстрел больше нечисти, чем сидит сейчас в этом зале! Понятно?!
>
> Погребальным холодком повеяло от его карательной риторики. И была в ней надежда на великодушие обязанного восхититься партийного собрания... Да-да, обязанного! Вот потому это и про него: о стыд, ты в сладость мне!

---

[442] Докладная записка Агитпропа ЦК Г. М. Маленкову о закрытом собрании партийной организации Союза советских писателей СССР, 2 апреля 1946 г. // Сталин и космополитизм. С. 43.

[443] Сталин и космополитизм. С. 43. Примеч. 2. Также отметим, что одним из важных факторов, повлиявших на снятие Д. А. Поликарпова, стало письмо в ЦК по этому поводу от А. К. Тарасенкова (см.: *Бабиченко Д. Л.* Указ. соч. С. 112–113).

И все мы отлично понимали — чувствовали: не окажись ключевая позиция оргсекретаря Союза писателей жадно-надобной Анатолию Софронову, исправнейший Лев Матвеевич мог бы уцелеть, даже несмотря на свое рязанское еврейство. И больше того — сам явил бы образец беспощадного палачества от имени и по поручению...»[444]

Таков был Л. М. Субоцкий, сменивший Д.А. Поликарпова: и был он для Фадеева не легче предшественника, поскольку серьезный дискомфорт от такого «ординарца» ощущался постоянно. И Фадеев попытался устранить «пятую колонну» в своей вотчине, затеяв интригу. Результатом должна была стать замена Л. М. Субоцкого на избранного в 1947 г. секретарем партбюро ССП прозаика А. В. Софронова, в то время откровенно заискивавшего перед Фадеевым и всецело подчиненного его воле (именно поэтому поэт И. Л. Сельвинский характеризовал тогда Софронова однозначно — «существо лица не имеющее»[445]).

По сути, открытая атака Фадеева против Субоцкого началась на XI пленуме ССП в июне 1947 г., на котором Фадеев выступил с речью «Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах “Звезда” и “Ленинград”». Генеральный секретарь вел речь не столько о писателях, сколько о критиках, — именно поэтому при последующих публикациях это сочинение А. А. Фадеева и фигурирует под заглавием «Задачи литературной теории и критики». Обвинения Фадеева неминуемо задевали и Л. М. Субоцкого, который руководил работой Комиссии по критике и теории литературы ССП, к тому же основным фигурантом своей речи Фадеев сделал близкого к Субоцкому литературоведа И. М. Нусинова.

Но формальным поводом для непосредственного удара по Л. М. Субоцкому стала развернутая в конце 1947 г. по воле Сталина кампания по осуждению Ф. М. Достоевского. Так совпало, что в это время в Комиссии по критике и теории литературы ССП рассматривалась рукопись книги М. М. Поляковой о Достоевском; в октябре 1947 г. рукопись получила одобрительный отзыв заместителя председателя Комиссии Д. С. Данина, а в январе 1948 г. — заведующего теоретической секцией Комиссии по критике доктора филологических наук Д. Е. Тамарченко; таким образом, рукопись была рекомендована для публикации в издательстве ССП «Советский писатель». Именно этим обстоятельством и воспользовался А. А. Фадеев, инспирировав письмо своего верного товарища по партии, редактора «Литературной газеты» В. В. Ермилова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову.

Личность Ермилова была характерна как внешне («страшный Владимир Ермилов — карлик, а с посадкою головы как у жабы»[446]), так и внутренне. Поддерживавший и пользовавшийся его услугами Фадеев сам порой остерегался этого человека. Вениамин Каверин дал ему следующую характеристику:

«Пожалуй, именно на этих страницах следовало бы рассказать о том, что представлял собой В. Ермилов, тем более что справедливое время, без сомнения, уничтожит самый след этого имени в литературной истории. А жаль! Среди преступников, которые десятилетиями отравляли духовную жизнь страны, он по праву занимает одно из первых мест. Не лишенный таланта, он был зол, болезненно честолюбив, беспощаден, опасен. От него, если можно так выразиться, на десять шагов несло предательством, стремлением унизить, жаждой показать свою власть. Не знаю, в ком нравственное

---

[444] *Данин Д. С.* Бремя стыда. М., 1996. С. 349–350.
[445] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 125. Д. 567. Л. 29.
[446] *Солженицын А.* Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 76.

уродство выразилось с большей силой. Его единодушно ненавидели все — думаю, что и друзья, то есть те, кто притворялся (из трусости) его друзьями. Недаром же, когда он умер, среди писателей не нашлось никого, кто согласился бы нести гроб, — редкий случай»[447].

27 февраля 1948 г. В. В. Ермилов переслал в ЦК ВКП(б) письмо на имя А. А. Жданова, в котором критически оценивал работу Комиссии ССП по критике и теории литературы, а в большей степени — позицию ее руководителя Л. М. Субоцкого, ставя ему в вину одобрение книги о Достоевском. Однако, кроме частных обвинений, это письмо содержит и ряд важных обобщений, фактически отражая позицию А. А. Фадеева и его верных помощников, которая в результате и вылилась в огромную кампанию начала 1949 г.:

«Для исчерпывающей идейно-политической характеристики деятелей, которым секретариат Союза писателей доверил идеологическое руководство работой критиков и литературоведов, я считаю необходимым, Андрей Александрович, остановиться на следующем факте, который нельзя назвать иначе, как чудовищным»[448].

После рассказа об одобрении Комиссией книги о Достоевском Ермилов наконец называет и виновника:

«Секретарь правления Союза писателей Л. Субоцкий, отвечающий за идеологическое направление деятельности Комиссии по критике и теории литературы, энергично обороняет Комиссию от какой бы то ни было критики.

Роль Л. Субоцкого, "шефа" Комиссии по критике и фактического лидера известной части критиков, — с моей точки зрения, является глубоко вредной (такова же точка зрения секретаря партийной организации Союза писателей тов. А. Софронова и ряда других товарищей). Л. Субоцкий возглавляет "космополитическую" часть критиков, чуждую понимания сущности советского патриотизма, национальной гордости советских народов и их лучших национальных традиций.

Именно от этой группы критиков исходят такие, например, статьи, как напечатанная в газете "Труд" статья Е. Усиевич о романе молодого украинского писателя А. Гончара "Знаменосцы", в которой Е. Усиевич по-левацки, в чисто космополитическом духе, объявила чувство морально-идейного превосходства советских людей над буржуазной западной культурой — "национальной исключительностью" (!) и "вычеркнула" из литературы, — как говорится, "уничтожила", — талантливое произведение молодого украинского писателя только за то, что автор осмелился показать чувство советской национальной гордости и морально-идейного превосходства!

Только отсутствие советского патриотизма и русской национальной гордости могло позволить Д. Данину и Д. Тамарченко восхвалять сочинение о Достоевском М. Поляковой, в котором клевета на русскую передовую общественную мысль изображается, как "бичевание пороков нашего (русского!) гражданского развития"!

Борьба "Литературной газеты" против низкопоклонства перед буржуазной культурой, за утверждение советского патриотизма вызывает неуклонное раздражение у части критиков, чувствующих себя в настоящее время "не у дел" в виде своего глубокого внутреннего расхождения с партийной линией борьбы за советский патриотизм, против низкопоклонства. <...> Лидерство Л. Субоцкого является одним из тормозов на пути развития советской критики.

---

[447] *Каверин В. А.* Эпилог: Мемуары. М., 1989. С. 298–299.
[448] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 628. Л. 46.

> Таковы, Андрей Александрович, некоторые вопросы, о которых я хотел Вас информировать. С коммунистическим приветом главный редактор "Литературной газеты"
>
> В. Ермилов»[449].

Основные обвинения, высказанные в письме, впоследствии сделаются газетными штампами. Но пока что целью было лишь убрать Л. М. Субоцкого из руководства ССП, что и было достигнуто: 14 апреля 1948 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), проходившем под председательством А. А. Жданова и при участии секретарей ЦК А. А. Кузнецова, Г. М. Попова и М. А. Суслова, было приняло решение «О Субоцком Л. М. и Софронове А. В.»:

> «Освободить т. Субоцкого Л. М. от обязанностей секретаря Правления Союза советских писателей СССР.
>
> Утвердить т. Софронова А. В. секретарем Правления Союза советских писателей СССР»[450].

А 21 апреля состоялось заседание правления ССП, где было подтверждено партийное решение, причем в прениях, с поддержкой точки зрения руководства, с критикой Л. М. Субоцкого выступили М. С. Шагинян и В. П. Катаев[451]. Был обновлен и состав Комиссии по критике и теории литературы, во главе которой встала ответственный секретарь газеты «Культура и жизнь», специалист по советской литературе, доктор филологических наук и профессор МГУ Е. И. Ковальчик.

Причем, по принятой в аппарате ЦК скрупулезной процедуре рассмотрения поступающих документов, уже после решения о снятии Л. М. Субоцкого заведующий отделом Управления пропаганды и агитации Н. Н. Маслин отчитался А. А. Жданову о рукописи, которая была избрана в качестве предлога для письма: «Рукопись М. Поляковой о Достоевском рассматривалась Управлением пропаганды, было установлено, что оценка рукописи как произведения "контрреволюционного" не имеет оснований; однако, она содержит ряд ошибок и к печати не может быть рекомендована»[452].

Таким образом, А. А. Фадеев достиг своей цели и освободился от Л. М. Субоцкого. Эта замена для литературной организации не только внесла корректировку в области идеологии, но и знаменовала расстановку акцентов в национальном вопросе: именно нагнетаемые сообразно сталинскому волеизъявлению антиеврейские настроения сделали выбор А. А. Фадеева еще более прагматичным. А благодаря такой рокировке не только возросла роль А. В. Софронова, но и усилилось положение сторонников нового ответственного секретаря — прежде всего драматургов А. А. Сурова, М. С. Бубеннова и других, знаменитых не столько литературным дарованием, сколько зоологическим антисемитизмом.

Иначе говоря, благодаря умелой интриге и покровительству А. А. Жданова Фадеев серьезно укрепил свое положение в глазах Сталина, и без того доверявшего главе советских писателей. Сам же А. А. Фадеев, общаясь в случае надобности напрямую со Ждановым, совершенно перестал считаться с аппаратом ЦК. Он уже мог затыкать рот даже секретарю ЦК и начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

---

449 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 628. Л. 50–52.
450 Там же. Ф. 17. Оп. 116. Д. 347. Л. 25.
451 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 628. Л. 102.
452 Там же. Л. 53.

М. А. Суслову[453]. Не особенно считался А. А. Фадеев и с его замом Д. Т. Шепиловым, который в результате реорганизации аппарата ЦК возглавит 7 июля 1948 г. Отдел пропаганды и агитации. Но аппарат ЦК вынужден был сносить такое поведение Фадеева, поскольку Жданова все устраивало.

Однако к осени 1948 г. ситуация изменилась: 31 августа 1948 г. Жданов умирает, начинается дележ его политического наследства, и многие его выдвиженцы оказываются уязвимы. Пришедшему на место второго человека в партии Г. М. Маленкову, как и прежним сотрудникам аппарата ЦК, казалось необходимым наконец-то урезонить и А. А. Фадеева. Именно с этим и связано аппаратное начало того процесса, который приведет к появлению 28 января 1949 г. знаменитой статьи в «Правде».

Первым звонком стала докладная записка первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову, поданная 16 ноября 1948 г., в которой речь шла «о крупных недостатках в работе советских театров», причину чего автор видел в низком уровне ставящихся пьес. Дополнительную актуальность этому вопросу добавляло и то, что такая жалоба указывала на невыполнение постановления ЦК «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г.

Учитывая то обстоятельство, что Михайлов был, по сути, подручным Маленкова, то можно предполагать, что Маленков ждал эту записку, тем самым готовя удар по генеральному секретарю ССП Фадееву.

На следующий день, 17 ноября, Маленков переслал это письмо заведующему Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д. Т. Шепилову с требованием разобраться, но сразу получил ответ от сотрудников Отдела, что уже готовится отчет о выполнении постановления от 26 августа 1946 г., и письмо Михайлова будет учтено при работе.

Тогда же, в ноябре 1948 г., сектор искусств Отдела «решил привлечь группу критиков для подготовки материала о состоянии драматургии и театров»[454], вызвав 27 ноября на совещание тех критиков, чьи фамилии потом станут известны всей стране. Уже 4 и 6 декабря критики с готовыми материалами еще раз собрались в ЦК для обсуждения. На всех этих заседаниях, ознакомившись с позицией ЦК, резко (и часто вполне справедливо) критикующего современную драматургию, критики, чувствуя поддержку, перестали стесняться в своих оценках.

Именно в таком «приподнятом» состоянии, полном ощущения дозволенности и высочайшего покровительства, один из критиков — А. М. Борщаговский — 29 ноября 1948 г. выступил на объединенной конференции, проводимой Комитетом по делам искусств при Совете министров СССР, Комиссией по драматургии ССП и секцией театральных критиков ВТО. Она была посвящена обсуждению спектаклей, поставленных театрами Москвы к прошедшей годовщине Великого Октября.

Выступление было резким, особенно в отношении пьес упоминавшихся выше А. В. Софронова и А. А. Сурова, которые тремя днями ранее также критиковались и сотрудниками ЦК; не забыл оратор и руководства Малого театра и МХАТа, ставивших плохие пьесы, и даже Комитет по делам искусств, который всему попустительствовал.

---

[453] Ср.: «Как-то на одном из заседаний Комитета по Сталинским премиям Суслов поставил под сомнение кандидатуру малоизвестного татарского поэта, выдвинутого в лауреаты Фадеевым. Реакция последнего была мгновенной и довольно резкой: “Товарищ Суслов, а вы читали его стихотворения? Читать нужно, товарищ Суслов, а уже потом высказывать свое мнение”» (цит. по: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 322).

[454] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 479.

Именно смелость речи Борщаговского дала недвусмысленно понять маститым авторам и театральным чиновникам, что такая же точка зрения на их творчество сформировалась в секторе искусств ЦК. И они были правы: сектор искусств уже подготовил Д. Т. Шепилову записку, где вина за состояние драматургии возлагалась на руководство ССП, то есть прежде всего на генерального секретаря ССП и члена ЦК ВКП(б) А. А. Фадеева.

Драматурги, почуяв неладное, обратились за поддержкой в сектор художественной литературы того же Отдела пропаганды и агитации ЦК, имея козырной картой национальную однородность фамилий театральных критиков, которых обвиняли в формализме и буржуазном эстетстве.

Группа Фадеева–Софронова мобилизовала все свои аппаратные ресурсы — А. А. Фадеев заручился не столь авторитетной для ЦК, но все-таки поддержкой председателя Комитета по делам искусств П. И. Лебедева, для которого защита ССП была важна по роду службы, а А. В. Софронов привлек к этому делу своего покровителя — предводителя столичных коммунистов и секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Попова. Кроме того, явно не без участия руководителей ССП до Сталина было донесено «общественное мнение» в форме письма журналистки Анны Бегичевой о «замаскированных космополитах» в лице ведущих театральных критиков[455], напоминавшее по своей эстетике письмо В. В. Ермилова А. А. Жданову.

Претензии А. А. Фадееву выглядели на этом фоне довольно бледно: 14 декабря Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) подал Г. М. Маленкову записку о неудовлетворительном состоянии дел в издательстве «Советский писатель», подписанную Д. Шепиловым, Ф. Головенченко и Н. Маслиным. В этой записке указывалось на грубую ошибку издательства, выразившуюся в переиздании романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», а также прочих порочных изданий типа романа Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», книг В. Кирпотина и А. Долинина о Достоевском и т. д. Была охарактеризована и роль Фадеева: «Одновременно следует указать Секретариату Союза писателей (т. Фадееву) на грубую ошибку, допущенную Секретариатом, принявшим постановление о включении романов Ильфа и Петрова в юбилейную серию. Проект постановления ЦК ВКП(б) прилагается»[456]. Именно по этой причине проект постановления Секретариата ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1948 г., озаглавленный «О грубой ошибке издательства “Советский писатель”» содержал и оргвыводы в отношении Фадеева: «Указать Секретариату Союза советских писателей СССР (т. Фадееву) на неудовлетворительный контроль с его стороны за издательской деятельностью Союза советских писателей»[457].

Таким образом, руководству страны надлежало поддержать одну из сторон делавшегося явным конфликта: либо члена ЦК ВКП(б) А. А. Фадеева с группой писателей, «затираемых» критиками с нерусскими фамилиями; либо же заведующего Отделом ЦК Шепилова с группой тех самых критиков. Очевидно, для решения этого вопроса Сталину не потребовалось серьезных размышлений: во-первых, он уже ранее высказал свое мнение, одобрив замену Л. М. Субоцкого на А. В. Софронова, а во-вторых, он был знаком с пьесами Софронова и Сурова и даже остался ими доволен[458].

---

[455] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 325–326.

[456] «Пошлые романы Ильфа и Петрова не издавать» // Источник: Документы российской истории. М., 1997. № 5 (30). С. 94.

[457] Там же.

[458] Сталин, как и всегда, оставался последней инстанцией, и то, что критикуемые пьесы ему

Г. М. Маленков, таким образом, лишь осуществлял высочайшую волю. Заодно, впрочем, он решил разобраться и с ждановским наследием в Отделе пропаганды и агитации: 15 декабря Секретариат ЦК, проходивший под председательством Г. М. Маленкова, не одобрил подготовленный ведомством Шепилова проект постановления, а распорядился «заслушать на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) отчет о работе издательства "Советский писатель" за 1948 год. Поручить Отделу пропаганды и агитации ЦК подготовить заключение по отчету издательства...»[459]

Тем самым, всякие инициативы Д. Т. Шепилова были погашены, а Фадеев получил карт-бланш.

Решительный бой был дан на XII пленуме правления ССП (причем ведомство Шепилова, почуяв недоброе, даже требовало отложить пленум по причине плохой готовности). Доклад Софронова об актуальных проблемах советской драматургии на вечернем заседании 17 декабря 1948 г. хотя и сопровождался выпадами в адрес критиков, но был в этом достаточно сдержан и содержал больше упреков в адрес драматургов; на следующий же день все окончательно переломилось. Если доклад председателя Комитета по делам искусств Лебедева был посвящен критике периодических изданий, то доклад Фадеева, с переходами на личности, был столь резок, что к нему вполне применима формулировка «зубодробительный»: здесь он выступал не хуже, чем Лысенко в биологии.

В резолюции пленума, принятой 20 декабря, говорилось, что среди критиков «культивируется низкопоклонство перед буржуазной культурой, игнорируется богатейшее наследство русской классической драматургии», особенно отличившиеся критики были названы поименно. 22-го числа в «Литературной газете» напечатали сокращенную стенограмму речи Фадеева, а 23 декабря в «Правде» контролируемая Отделом пропаганды и агитации ЦК театральная периодика подверглась нападкам в статье Софронова «За дальнейший подъем советской драматургии».

Кроме того, руководство ССП 25 и 31 декабря обратилось к Г. М. Маленкову с просьбой разрешить публикацию материалов пленума в «Правде». Поскольку просьбы эти проходили через Отдел пропаганды и агитации, то его руководство всячески пыталось избежать публикации (именно объяснению нецелесообразности обнародования резолюций была посвящена записка Отдела пропаганды Г. М. Маленкову от 8 января 1949 г.). Но выбор в пользу А. А. Фадеева был уже давно сделан, и 13 января Маленков распорядился напечатать в «Правде» резолюции XII пленума.

Действия Г. М. Маленкова следует определить характеристикой, данной ему тем же Д. Т. Шепиловым: Георгий Максимилианович «был идеальным и талантливым исполнителем чужой воли <...>. Когда он получал какое-либо указание от Сталина, он ломал любые барьеры <...>, чтоб исполнить это задание молниеносно, безукоризненно, и доложить об этом Сталину»[460].

понравились, имело ключевое значение. Поскольку если произведение ему не нравилось, то бывало и ровно наоборот: когда Сталину не понравилась опера «Великая дружба» и были попытки перевести обвинения на музыкальных критиков с нерусскими фамилиями, то слова главного редактора музыкального вещания Радиокомитета были услышаны: «Мне кажется, что некоторые композиторы здесь настолько все сваливают на критику, что получается впечатление, будто сами критики писали плохую музыку» (Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). С. 158).

[459] «Пошлые романы Ильфа и Петрова не издавать». С. 95.

[460] Цит. по: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 330.

А когда уязвленный Шепилов пришел после этого на доклад к Сталину и завел речь о ситуации в Союзе писателей, то глава государства моментально отрезал: «Антипатриотическая атака на члена ЦК Фадеева!»[461]

Теперь Шепилову для спасения собственного положения оставался только один, но верный способ — самому употребить все силы для разоблачения критиков. Поскольку разбор дела о критиках был поручен Сталиным Маленкову[462], то ему же Шепилов и А. Н. Кузнецов (его заместитель, бывший многолетний помощник А. А. Жданова и заведующий его секретариатом) направили 23 января докладную записку о неблагополучии в области литературной критики:

> «Здесь сложилась антипатриотическая буржуазно-эстетская группа, деятельность которой наносит серьезный вред делу развития советского театра и драматургии. Эта группа, в состав которой входят критики Ю. Юзовский, А. Гурвич, Л. Малюгин, И. Альтман, А. Борщаговский, Г. Бояджиев и др. заняла монопольное положение <...>. Критики, входящие в эту группу, последовательно дискредитировали лучшие произведения советской драматургии, лучшие спектакли советских театров, посвященные важнейшим темам современности...»[463]

При этом не был упущен и национальный вопрос:

> «Следует отметить, что национальный состав секции критиков ВТО крайне неудовлетворителен: только 15% членов секции — русские»[464].

24 января 1949 г. состоялось заседание Оргбюро ЦК ВКП(б), где выступил Шепилов, предложивший принять разработанный его Отделом проект постановления ЦК, но Маленков отклонил это предложение. Оргбюро ЦК решило осудить критиков в редакционной статье «Правды». Несомненно, в этом была воля Сталина, но, по-видимому, такое решение было принято как минимум по двум причинам: во-первых, было бы явно лишним таким образом поощрять Шепилова; а во-вторых, необходимо было локализовать конфликт в аппарате ЦК, переведя решение этого вопроса в иную плоскость.

По-видимому, именно на этом заседании Маленков произнес ставшую знаменитой фразу, определившую судьбу литературных критиков: «Не подпускать на пушечный выстрел к святому делу советской печати!»[465]

Редакционную статью для газеты «Правда» писали, что называется, всем миром: ответственный за статью главный редактор П. Н. Поспелов, публицист Д. И. Заславский, писатель В. М. Кожевников (возможно, и кто-то еще) взяли за основу доклад А. В. Софронова и записку Д. Т. Шепилова и А. Н. Кузнецова; также участвовали «в процессе» А. А. Фадеев, К. Н. Симонов и А. В. Софронов. В 3 часа 55 минут ночи 27 января Г. М. Маленков, в непосредственном ведении которого находилась главная партийная газета, принял Поспелова; без сомнения, перед этим окончательный вариант статьи был показан Сталину. По результатам этой беседы главный редактор сделал следующую запись:

> «С тов. Маленковым. 3 ч. 55 м. Поправки к статье "Об одной антипатриотической группе театральных критиков". Для разнообразия дать три формулировки: в первом

---

[461] *Борщаговский А. М.* Указ. соч. С. 69.

[462] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 330.

[463] Там же. С. 331.

[464] Там же.

[465] *Борщаговский А. М.* Указ. соч. С. 69.

случае, — где упоминается слово “космополитизм” — уракосмополитизм; во втором — оголтелый космополитизм, в третьем — безродный космополитизм. После внесения этой поправки можно печатать в завтрашнем номере “Правды”[466].

«Статья действительно появилась 28 января и послужила основанием, точнее, инспирировала тут же начавщуюся шумную, разнузданную кампанию, более всего напоминавшую то, что происходило в 1937–1938 гг. Позволила проявиться самым низким инстинктам, предоставив возможность начать новую охоту на ведьм, заняться поиском очередного врага — космополитов, облегчавшуюся тем, что достаточно было просто выбрать из своего окружения противников с “нерусскими” фамилиями. Кампания быстро охватила все творческие союзы и организации, научные учреждения, приняв откровенно антисемитский характер»[467].

В связи с изложенным удивительно читать в воспоминаниях Д. Т. Шепилова, который как никто другой причастен к развертыванию борьбы с космополитизмом, те короткие строки, которыми он ее описывает:

«Тогда же начала развертываться омерзительная по своей сущности кампания против космополитизма, во многих случаях принимавшая характер открытого антисемитизма. Началом ее была опубликованная 28 января 1949 года в “Правде” статья на четыре полные колонки “Об одной антипатриотической группе театральных критиков”. До сих пор не знаю, как и почему родилась идея этой позорной кампании <sic!>. Но не подлежит сомнению, что она причинила огромный ущерб нашей партии и стране»[468].

Аналогичным способом обходит события со своим участием и К. М. Симонов:

«Борьба с низкопоклонством, о котором шла речь в сорок седьмом году, приобрела новые и тягчайшие формы. Рубежом в этом смысле оказалась напечатанная в “Правде” редакционная статья “Об одной антипатриотической группе театральных критиков”. Статья эта имела тяжелейшие последствия для литературы, а инициатива ее появления в “Правде” принадлежала непосредственно Сталину.

Я не могу в данный момент входить в то, что происходило в литературе в конце сорок восьмого и на протяжении сорок девятого года. Изложение всего этого должно включать целый ряд моих старых записей, которых у меня сейчас нет перед собой, и, чтоб два раза не возвращаться к одному и тому же, будем считать, что между написанным в этой рукописи раньше и тем, к чему я перехожу сейчас, пропущено по крайней мере несколько десятков страниц, которые мне предстоит восполнить. Оговорив это, перехожу в пятидесятый год»[469].

Повсеместно проводились специальные собрания, посвященные борьбе с космополитизмом в отдельно взятой области искусства, науки, производства. Т. Н. Хренников поднимал на дыбу музыковедов-космополитов[470],

---

[466] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 491.

[467] Там же.

[468] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 140.

[469] *Симонов К. М.* Указ. соч. С. 191–192. Кроме упреков в адрес литературных и театральных критиков, перу Симонова принадлежит и большая статья «“Теории” и практика космополитов в кинокритике» (Советское искусство. М., 1949. № 10. 5 марта. С. 2).

[470] «Т. Н. Хренников, который в течение 43 лет руководил Союзом советских композиторов, позднее вспоминал, что его поведение было во многом вынужденным. Несмотря на его возражения, Агитпроп ЦК, и в первую очередь Суслов и Шепилов, настойчиво “рекомендовал” ему очистить Союз от музыкантов-евреев. При этом они ссылались на потоком хлынувшие, как будто

И. Г. Большаков — кинокритиков-космополитов, Г. Ф. Александров — философов-космополитов... Этот перечень можно продолжать долго.

Но эта бурная кампания по линчеванию евреев неожиданно даже руководству страны, привыкшему и не к таким тыловым сражениям, вдруг показалась чрезмерной. Идеологическая машина стала «подрессоривать» ситуацию. 10 марта заместитель начальника Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. А. Суслов собрал редакторов центральных газет и журналов на совещание «по вопросу о борьбе с космополитизмом и об ошибках некоторых наших газет в связи с освещением этого вопроса»[471].

Датой окончания печатной борьбы с космополитизмом является 7 апреля 1949 г. В этот день в «Правде» была опубликована статья Ю. Павлова «Космополитизм — идеологическое оружие американской реакции»[472], которая переводила всю борьбу с космополитизмом во внешнеполитическое русло. Под этим псевдонимом скрывается Ю. П. Францов, утвержденный 3 апреля 1948 г. Секретариатом ЦК ВКП(б) на должности заведующего отделом печати МИД. Без всяких сомнений, такое одномоментное сворачивание громкой кампании происходило по распоряжению руководства страны:

> «Узнаем ли мы когда-нибудь, где и какая фраза была брошена Сталиным, прервав печатные поношения? Но как и лицемерный окрик в пору коллективизации мало что изменил в существе дела, так и в конце марта 1949 года высокая команда не изменила реального положения вышвырнутых из жизни людей»[473].

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АНТИСЕМИТИЗМ ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Каждая из послевоенных идеологических кампаний имела свою направленность и, кроме персонально обозначенного идеологического антипода власти, всегда

по команде, подметные письма, содержавшие угрозы разделаться с Хренниковым за покровительство, которое он якобы оказывал евреям. Для молодого главы творческой организации это было непосильным испытанием. Оказавшись между молотом Агитпропа и наковальней юдофобствовавшей «музыкальной общественности», он тяжело заболел и дошел до полного истощения нервной системы, что, впрочем, позволило ему в дальнейшем не участвовать в антисемитской кампании» (*Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона. С. 199).

[471] ГА РФ. Ф. 9170 (Журнал «Славяне»). Оп. 1. Д. 18. Л. 30 («Протокольная запись заседания редколлегии журнала "Славяне" от 11 марта 1949 г.»). Именно в этот день главный редактор С. Н. Пилипчук «сделал сообщение о совещании у тов. Суслова по вопросу о борьбе с космополитизмом и об ошибках некоторых наших газет...». Поскольку традиционно совещания в ЦК проходили во второй половине дня, то наиболее вероятно, что направляющее совещание состоялось накануне редакционного заседания, т. е. 10 марта.

Таким образом, мы имеем возможность скорректировать датировку этого важного совещания, поскольку днем его проведения считалось 29 марта: «В третьей декаде марта антикосмополитическая кампания пошла на спад. За время ее проведения было "разоблачено" столько "космополитов", что возникла угроза существованию одной из основополагающих идеологических догм — о морально-политическом единстве советского общества. <...> В результате 29 марта 1949 г. на совещании редакторов центральных газет М. А. Суслов предложил газетчикам "осмыслить" ситуацию и прекратить публиковать "крикливые" статьи» (*Фатеев А. В.* Указ. соч. С. 113–114); также см.: *Ганелин Р. Ш.* Ученые-гуманитары — жертвы борьбы с космополитизмом // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: Европейские традиции и российский контекст: Труды Международной научной конференции 23–25 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 433–434.

[472] Сталин и космополитизм. С. 370–376.

[473] *Борщаговский А. М.* Указ. соч. С. 239.

подразумевала более широкую аудиторию, по которой эта кампания должна была нанести удар — то были значительные пласты советского общества. Персоналии были случайными попавшимися под руку жертвами, тогда как неизмеримо большая по масштабу цель выбиралась с тонким расчетом. Так было и с так называемой борьбой с космополитизмом, начало которой фактически провозгласило эпоху неприкрытого антисемитизма.

Некогда именно советская власть дала долгожданную свободу тому народу, который в различной степени, но постоянно притеснялся в Российской империи. Если ранее он был закован в кандалы многочисленных запретов, процентных норм, а главное, черты оседлости, то новая власть уничтожила все это.

«Большинство евреев, оставшихся в революционной России, не остались у себя дома: они переехали в Киев, Харьков, Ленинград и Москву и продвинулись вверх по советской общественной лестнице. Евреи по рождению и, возможно, по воспитанию, они были русскими по культурной принадлежности и — многие из них — советскими по идеологической склонности. Коммунизм не был исключительно или даже преимущественно еврейской религией, но из всех еврейских религий первой половины XX века он был самой важной: более динамичной, чем иудаизм, более популярной, чем сионизм, и гораздо более способной, чем либерализм»[474].

«Путешествие из черты оседлости в Москву и Ленинград [sic!] было миграцией не в меньшей степени, чем переезд из Одессы в Палестину или из Петрограда в Нью-Йорк. На него могло уйти почти столько же времени, и в первые послереволюционные годы оно было гораздо более опасным. Рожденное революцией, оно было очень велико по количеству участников, привело почти к волшебному преображению и стало одной из наиболее важных и наименее известных вех в истории России, европейского еврейства и современного мира.

В 1912 году в Москве жило около 15 353 евреев, или меньше 1 % населения города. К 1926 году это число выросло до 131 000, или 6,5 % населения. К 1939 году еврейское население Москвы достигло четверти миллиона человек (около 6 % всего населения, вторая по величине этническая группа столицы). В Ленинграде число евреев выросло с 35 000 (1,8 %) в 1910 году до 84 603 (5,2 %) в 1926-м и 201 542 в 1939-м (также вторая по величине, и со значительным отрывом, этническая группа города)»[475].

Поскольку большинство евреев не принадлежало до 1917 г. к классу «эксплуататоров», то на них не налагались никакие новые запреты, которым подвергалась значительная часть русского населения, и они получили в том числе право беспрепятственно получать образование. Результат оказался уникален:

«Евреи оставались — без перерыва и со значительным отрывом — самой грамотной национальной группой Советского Союза (85 % в сравнении с 58 % у русских в 1926-м; и 94,3 % в сравнении с 83,4 % у русских в 1939-м). Относительно свободный доступ к образованию в сочетании с уничтожением дореволюционной российской элиты и официальной дискриминацией детей ее членов создал для еврейских иммигрантов в советские города беспрецедентные социальные и профессиональные возможности (по меркам любой страны) <...>.

---

474 *Слезкин Ю. Ю.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2005. С. 268–269.

475 Там же. С. 281–282.

К 1939 году 26,5% советских евреев имели среднее образование (по сравнению с 7,8% у населения Советского Союза в целом и 8,1% у русских граждан Российской Федерации). В Ленинграде доля выпускников средних школ составляла среди евреев 40,2% (28,6% по городу в целом). Доля евреев-учеников двух старших классов средних школ в 3,5 превышала долю евреев среди населения СССР. Образование было одним из главных приоритетов марксистского режима, пришедшего к власти в стране, которую он считал “отсталой” <...>.

Между 1928 и 1939 годами число студентов вузов в Советском Союзе выросло более чем в пять раз (с 167000 до 888000). Евреям за такими темпами было не угнаться <...>. Тем не менее, масштабы еврейского успеха оставались непревзойденными. За десять лет, прошедших с 1929 по 1939 год, число студентов еврейской национальности увеличилось в четыре раза — с 22518 до 98216 (11,1% всех студентов вузов). В 1939 году на долю евреев приходилось в Москве 17,1% всех студентов, в Ленинграде — 19%, в Харькове — 24,6% и в Киеве — 35,6%. Доля выпускников вузов среди евреев (6%) была в десять раз выше, чем среди населения в целом (0,6%), и в три раза выше, чем среди городского населения страны (2%). Евреи составляли 15,5% всех советских граждан с высшим образованием; в абсолютном исчислении они шли за русскими впереди украинцев. Треть всех советских евреев студенческого возраста (от 19 до 24 лет) были студентами. Соответствующий показатель для Советского Союза в целом — от 4% до 5%»[476].

Вторым важнейшим преимуществом была возможность занимать руководящие должности и работать во многих отраслях, куда не допускались русские «из бывших».

«С первых дней советской власти уникальное сочетание высокого уровня грамотности с высокой степенью лояльности (“сознательности”) сделало евреев опорой советской бюрократии. Царских чиновников — и вообще небольшевиков, получивших дореволюционное образование,— партия считала неисправимо неблагонадежными. Их приходилось использовать (в качестве “буржуазных спецов”), пока они оставались незаменимыми; их следовало вычищать (как “социально чуждые элементы”), как только они переставали быть необходимыми. Лучшими кандидатами на замену (пока пролетарии “овладевали знаниями”) были евреи — единственные представители образованных классов, не запятнавшие себя службой царскому государству (поскольку их к этой службе не подпускали) <...>.

Советское государство остро нуждалось не только в чиновниках, но и в профессионалах. Евреи — особенно молодые выдвиженцы из бывшей черты оседлости — откликнулись на его зов. В Ленинграде в 1939 году евреи составляли 69,4% всех дантистов, 58,6% всех фармацевтов и провизоров, 45% адвокатов, 38,6% врачей, 34,7% юрисконсультов, 31,3% писателей, журналистов и редакторов; 24,6% музыкантов и дирижеров, 18,5% библиотекарей, 18,4% научных работников и преподавателей вузов; 11,7% художников и скульпторов и 11,6% актеров и режиссеров. Московская статистика была почти такой же. Чем выше в советской статусной иерархии, тем выше процент евреев. <...> Особенно существенным и — по определению — заметным было присутствие евреев в культурной элите Москвы и Ленинграда»[477].

---

[476] *Слезкин Ю. Ю.* Указ. соч. С. 288–290. Отдельно отметим тот факт, что, по данным Комитета по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР, в мае 1929 г. аспиранты-евреи (по официальным анкетным данным) составляли 30% от числа всех аспирантов (см.: Опыт на социалистическую стройку: Просвещение нацмен // Бюллетень Народного Комиссариата по Просвещению РСФСР. М., 1930. № 21, 20 июля. С. 28).

[477] Там же. С. 290–291.

Такая свобода неминуемо подняла волну антисемитизма[478]. Как писал профессор ЛГУ С.Я. Лурье,

> «...наступили события весны 1917 года, когда казалось, что антисемитизм, а вместе с ним и весь еврейский вопрос, канул в вечность вместе с другими призраками старого режима. <...> Ход событий показал, что весенние настроения 1917 года были пустой иллюзией, и блестяще подтвердил верность сделанных мною прежде выводов о причинах и происхождении антисемитизма: несмотря на полное отсутствие официальных еврейских ограничений, антисемитизм вспыхнул с новой силой и достиг такого расцвета, какого нельзя было и представить себе при старом режиме»[479].

И в конце 1930-х гг. антисемитизм, ранее сдерживаемый государством, получил путевку в жизнь.

> «Курс сталинского руководства на возрождение имперского шовинизма, последовательное уничтожение в партии интернационалистского духа и ленинских кадров, курс, увенчавшийся официальной проповедью примиренчества с нацистской идеологией на международной арене и жестокой расправой с противниками этой идеологии у себя в стране, в конечном итоге обернулся переходом к негласной политике государственного антисемитизма»[480].

Ситуация, которая сложилась к октябрю 1940 г., была описана видным деятелем еврейского движения, доктором филологических наук И.М. Нусиновым[481] в личном

---

[478] Здесь необходимо оговорить следующий факт: «Традиционные упреки, адресованные русскому еврейству и в двадцатые, и в последующие годы, состояли в том, что евреи горазды в "непыльной", престижной и хорошо оплачиваемой работе, но чураются физического труда, особенно труда сельскохозяйственного. Это обвинение было попросту абсурдным уже потому, что по царским законам даже в черте оседлости евреям запрещалось покупать землю и вести на ней свое хозяйство» (*Ваксберг А.И.* Из ада в рай и обратно: Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М., 2003. С. 92).

[479] *Лурье С.Я.* Антисемитизм в древнем мире, попытки объяснения его в науке и его причины. Пг., 1922. С. 6.

[480] *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина... С. 196.

[481] Нусинов Исаак Маркович (1889–1950) — литературовед, критик, активный деятель еврейского движения. Родился в местечке Чернихов Волынской губернии в еврейской семье; из-за невозможности поступить в гимназию учился самостоятельно, в том числе изучал литературу за границей (1912 — Италия, 1914 — май 1917, вернулся на так называемом «Экстерриториальном поезде»). С пятнадцати лет участвовал в рабочем движении, с 1906 по 1919 г. состоял в Бунде, в 1920 г. вступил в РКП(б); в 1920–1922 гг. работал в Киевской организации РКП(б), редактировал еврейскую газету «Коммунистише-фон», с декабря 1920 г. — председатель еврейского литературно-художественного объединения «Культур-Лига»; осенью 1922 г. переведен в Москву в еврейский сектор Коммунистического университета народов Запада, с осени 1923 г. — аспирант Института литературы и языка РАНИОН, в январе 1925 г. защитил диссертацию на тему «Проблемы исторического романа: Виктор Гюго и Анатоль Франс», 17 июня 1938 г. присвоена ученая степень доктора филологических наук. Преподавал в Коммунистическом университете народов Запада (1922–1926), на литературном факультете 1-го МГУ (1925–1927 гг. — доцент, 1927–1932 гг. — профессор, заведующий кафедрой западной литературы), в ИКП (1929–1933 гг. — профессор литературы), в Институте литературы Комакадемии (1926–1936 гг. — председатель секции западной литературы), МГПИ (1926–1930 гг. — доцент еврейского отделения педагогического факультета, 1930–1939 гг. — профессор, заведующий кафедрой литературы; 1939–1945 гг. — профессор, заведующий кафедрой всеобщей литературы, в 1945–1947 гг. профессор-совместитель); МГПИИЯ (1945–1949) (см.: Личное дело И.М. Нусинова — Архив МПГУ, дела выбывших в 1946 г.). Редактор Литературной энциклопедии, ряда еврейских изданий, в том числе журнала «Советише», активный член ЕАК, 12 января 1949 г. арестован по делу ЕАК и скончался в Лефортовском следственном изоляторе МГБ СССР во время следствия.

многостраничном обращении, которое он направил секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову. Этот документ не был передан в архив ЦК и отложился в его личном фонде. Приведем выдержки.

> «В настоящее время в ряде республик нашей страны, где проживают основные массы еврейских трудящихся, как, например, в Белоруссии, в Крыму, полностью ликвидированы еврейские школы. Большинство еврейских школ закрыто на Украине. Это мероприятие было проведено в 1938–1939 годах. За те же годы ликвидированы все учительские техникумы, все еврейские педагогические факультеты, все имевшиеся при гос. пединститутах кафедры по еврейскому языку и еврейской литературе. Таким образом, в стране нигде больше не готовят ни еврейских учителей, ни еврейских культработников.
>
> При Академии наук БССР существовал Институт еврейской культуры. Он закрыт. <...> При Академии наук УССР в Киеве существовал Институт еврейской культуры. Он закрыт. <...> Сокращена сеть еврейских библиотек. Закрыты многие еврейские клубы. Закрыт ряд еврейских театров. <...>
>
> В одной Москве не используется по своей непосредственной специальности около 20 профессоров и доцентов, специалистов по истории еврейской литературы и фольклору, по еврейской филологии и по общей еврейской истории. Такие же кадры, не используемые по своей специальности, имеются в Минске, Киеве, Одессе, Виннице, Витебске и многих других городах СССР»[482] и т. д.

Но особенно расцвел антисемитизм в военное время; тому было несколько причин. Во-первых, антисемитизм еще с дореволюционных времен идет рука об руку с великодержавностью, которая приняла во время войны характер великодержавного шовинизма[483]. Во-вторых, немецкая пропаганда, прежде всего на оккупированных территориях, оставила у многих находившихся под оккупацией уверенность, что причина их невзгод — именно евреи. В-третьих, эвакуированные евреи, отличные внешне и зачастую не приспособленные к трудностям военного времени, но, тем не менее, изо всех сил помогавшие друг другу, оказались серьезным раздражителем в тылу. В-четвертых, антинемецкие настроения в армии дали вспышку невиданного антисемитизма на фронте, на что командование упорно закрывало глаза.

Вполне естественно, что возрастание шовинистических настроений было заметно, но воспринималось во время войны как неизбежность, условие поднятия боевого духа армии. Пушкиновед С. М. Бонди летом 1943 г. говорил:

> «Жалею вновь и вновь о происходящих у нас антидемократических сдвигах, наблюдающихся день ото дня. Возьмите растущий национальный шовинизм. Чем он вызывается? Прежде всего, настроениями в армии — антисемитскими, антинемецкими, анти по отношению ко всем нацменьшинствам, о которых сочиняются легенды, что они недостаточно доблестны, и правительство наше всецело идет навстречу этим настроениям армии, не пытаясь ее перевоспитать, менять ее характер»[484].

---

[482] РГАСПИ. Ф. 77 (А. А. Жданов). Оп. 3. Д. 120. Л. 1–3.

[483] Отдельно следует сказать о том, что мы не смогли найти подтверждения версии о существовании секретного постановления Политбюро ЦК 1943 г., носившем антисемитский характер и положившем начало борьбе за «чистоту кадров».

[484] Сообщение Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов». [Не позднее 24 июля 1943 г.] // Власть и художественная интеллигенция. С. 491.

Более прямолинеен был В. Б. Шкловский:

> «Наш режим всегда был наиболее циничным из когда-либо существовавших, но антисемитизм коммунистической партии — это просто прелесть»[485].

Во всеуслышание идея главенства русской нации была провозглашена Сталиным 24 мая 1945 г. на приеме в Кремле по случаю Победы. Вот начало этой здравицы:

> «Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.
>
> Я, как представитель нашего Советского Правительства, хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура».)
>
> Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.
>
> Я пью за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне и раньше заслужил звание, если хотите, как руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны.
>
> Я пью за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется здравый смысл, ясный ум, стойкий характер и терпение»[486].

Не зря в тот момент уязвленный Эренбург заплакал — «что-то показалось ему в этом обидное»[487]. И здесь Илья Григорьевич оказался трагическим провидцем: уже в процессе подготовки документов о борьбе с критиками-космополитами в Отделе пропаганды и агитации ЦК и в ССП начинают расставлять акценты — появляются непрозрачные указания на национальную характеристику критикуемых. И, по-видимому, именно эта цель оправдывает то обстоятельство, что начало кампании положила именно статья в «Правде», а не специальное постановление ЦК ВКП(б). Ведь подобное постановление («О репертуаре...»), где значительная роль была отведена критикам, уже было принято 26 августа 1946 г., и не было смысла его дублировать; вместе с тем прописывать столь деликатные национальные нотки в постановлении ЦК также было вызывающе.

Борьба за превосходство всего русского, проводившаяся уже несколько лет, принимала гипертрофированные формы. Резюме этой кампании, предшествующей борьбе с космополитизмом, ярко начертал Владимир Тендряков в рассказе «Охота»:

> «Все русское стало вдруг вызывать возвышенно болезненную гордость, даже русская матерщина. Что не по-русски, что напоминает чужеземное — все враждебно. Папиросы-гвоздики “Норд” стали “Севером”, французская булка превращается в московскую булку, в Ленинграде исчезает улица Эдисона[488]... Кстати, почему это считают, что Эдисон изобрел электрическую лампочку? Ложь! Инсинуация! Выпад против русского приоритета! Электрическую лампочку изобрел Яблочков! И самолет не братья Райт, а Можайский. И паровую машину не Уатт, а Ползунов. И уж, конечно, Маркони не имеет права считаться изобретателем радио... Россия — родина закона сохранения веществ

---

[485] Там же. С. 494.

[486] Сталин и космополитизм. С. 23.

[487] *Чуковский К. И.* Дневник (1936–1969) // *Чуковский К. И.* Собрание сочинений: В 15 т. М., 2007. Т. 13. С. 171. К. И. Чуковский приводит рассказ К. Федина, присутствовавшего на этом приеме.

[488] Говоря о событиях осени 1948 г., В. Тендряков допускает неточность, впрочем, допустимую в художественном произведении. Улица Грязная на Петроградской стороне, с 1925 г. также именовавшаяся Слаботочной, была 26 мая 1928 г. переименована в улицу Эдисона, а 15 декабря 1952 г. — в улицу Яблочкова, существующую и поныне.

и хлебного кваса, социализма и блинов, классового самосознания и лаптей с онучами. Ходили слухи, что один диссертант доказывал — никак не в шутку! — в специальной диссертации: Россия — родина слонов, ибо слоны и мамонты произошли от одного общего предка, а этот предок в незапамятные времена пасся на "просторах родины чудесной", а никак не в потусторонней Индии.

Мы были победителями. А нет более уязвимых людей, чем победители. Одержать победу и не ощутить самодовольства. Ощутить самодовольство и не проникнуться враждебной подозрительностью: а так ли тебя понимают, как ты заслуживаешь?»[489]

Теперь же «враг» стал выкристаллизовываться по специфическому национальному признаку, переведя кампанию по борьбе с преклонением перед иностранщиной в националистическое русло. Этой метаморфозе как нельзя кстати способствовали и события вокруг Еврейского антифашистского комитета, который оказался ненужным руководству страны после окончания Отечественной войны[490].

Тучи над ЕАК начали сгущаться еще осенью 1946 г., когда ЕАК перешел из подчинения Совинформбюро в ведение Отдела внешней политики ЦК, возглавляемого М.А. Сусловым. Тогда же в дело активно включилось МГБ СССР и его министр В.С. Абакумов: был арестован и вывезен в МГБ архив ЕАК, исследование которого дало ход спецсообщению МГБ Сталину «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета»[491]. 19 ноября 1946 г. М.А. Суслов подал в Секретариат ЦК записку с предложением закрыть ЕАК, которая заканчивалась словами:

«Деятельность и само существование Еврейского антифашистского комитета в СССР, безусловно, способствует искусственному обособлению еврейского населения, в особенности еврейской интеллигенции, и распространению среди нее чуждой и враждебной сионистской идеологии. <...>

В своей деятельности Еврейский антифашистский комитет исходит не из ленинско-сталинских идейных позиций, а из позиции буржуазного еврейского сионизма и бундизма, ведя линию на обособление и консервацию всего еврейского, обособление еврейского населения от других народов СССР. Объективно ЕАК в советских условиях продолжает линию буржуазных сионистов и бундовцев и по существу вместе с ними борется за реакционную идею единой еврейской нации»[492].

Здесь Суслов давил на давнишнюю сталинскую мозоль — недоверие к евреям. Несмотря на то что Сталин пытался хотя бы внешне оставаться лояльным, его недоверие к этой нации было для окружающих очевидным. Как писал впоследствии Хрущев,

«Сталин тоже поддерживал антисемитскую бациллу и не давал указаний, чтобы в корне ликвидировать ее. Он внутренне сам был подвержен этому гнусному недостатку, который носит название антисемитизма. <...> Если говорить об антисемитизме в официальной позиции, то Сталин формально боролся с ним как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в узком кругу, подстрекал к антисемитизму»[493].

[489] *Тендряков В.* Охота: Рассказ / Публ. Н. Асмоловой // Знамя. М., 1988. Кн. 9. Сентябрь. С. 89.

[490] В годы войны ЕАК был серьезным источником валютных поступлений: «В ходе Второй Мировой войны Советский Союз получил около сорока пяти миллионов долларов от различных еврейских организаций, по большей части американских. Самой крупной акцией по сбору средств было турне по США, предпринятое летом и осенью 1943 года Михоэлсом и членом президиума ЕАК Ициком Фефером» (*Слезкин Ю. Ю.* Указ. соч. С. 375).

[491] Государственный антисемитизм в СССР. С. 84.

[492] Там же. С. 91.

[493] *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. С. 50–51.

Но тогда Сталин не закрыл ЕАК — помогло заступничество В. М. Молотова, объяснявшего необходимость существования ЕАК внешнеполитическими факторами, проявившимися в открытой поддержке Советским Союзом создания независимого еврейского государства на Ближнем Востоке. Как можно усмотреть по волне поощрений представителям избранного народа, и сам Сталин в 1947 г. делал ставку на Израиль.

Перечислим лишь те решения ЦК ВКП(б), которые касались еврейской литературы и затем были продублированы решениями Секретариата ССП СССР. 10 января 1947 г. Секретариат ССП принял по докладу А. А. Фадеева решение об образовании специальной комиссии ССП: «Поручить Бюро Национальной комиссии [ССП СССР] оформить комиссию Еврейской литературы»[494]; 22 августа — «О выходе московского альманаха на еврейском языке»: «Разрешить выпуск литературно-художественного альманаха на еврейском языке в г. Москве. Принять название альманаха “Геймланд” (“Родина”). Объем альманаха установить — 10 печатных листов, формат по образцу альманаха “Дружба народов” с периодическим выходом 6 раз в год. В 1947 г. выпустить два номера с тем, чтобы первый номер альманаха вышел к 30-й годовщине Октябрьской революции»[495] (в редакцию вошли ответственный секретарь ЕАК И. С. Фефер, П. Д. Маркиш, Д. Р. Бергельсон и др.); тогда же: «Поддержать перед московскими государственными и партийными организациями ходатайство издательства “Дер Эмес” об освобождении принадлежавшего ранее издательству помещения, в связи с расширением объема работы издательства»[496] и «Сообщить председателю Правления ССП Украины тов. Корнейчуку А. Е. об указании ЦК ВКП(б) издавать также альманах на еврейском языке в г. Киеве через Государственное издательство Украины»[497]; 12 сентября Секретариат обсудил вопрос «О созыве Всесоюзного совещания критиков и редакторов альманахов еврейской литературы», постановив: «Разрешить Бюро секции еврейских писателей созвать совещание критиков и редакторов альманахов на еврейском языке в октябре 1947 г.»[498]

Несмотря на временное благоволение главы государства, В. С. Абакумов с прозорливостью и со свойственным ему обостренным чутьем тайных страхов Сталина продолжил активную разработку еврейского вопроса, в результате чего удалось «обнаружить» сионистские следы в ближайшем окружении вождя.

<...> Пример мне нужен был
Чтоб вне закона царь Израиль объявил.
Я ложью действовал, не брезгал клеветою,
Представил их царю мятежною ордою
Могущественных, злых, отъявленных врагов,
Чей бог не признает ничьих иных богов.
«Зачем, — я восклицал, — терпеть тебе коварство
Людей, стремящихся твое разрушить царство?
Чужие Персии, обычаям страны,

[494] Цит. по циркулярной копии прот.: НА РТ. Ф. 7083 (ССП ТАССР). Оп. 1. Д. 197. Л. 55.
[495] Там же. Л. 151.
[496] Там же.
[497] Там же.
[498] Там же. Л. 156.

От человечества всего отщеплены,
Они повсюду смут и козней сеют семя
И, презирая всех, равно презренны всеми.
Обезоружь врагов, разоблачив их ложь,
Свои сокровища богатством их умножь!»
Картиной устрашен предсказанных несчастий,
Царь перстень мне вручил, верховной символ власти,
И молвил: «Обеспечь спокойствие мое,
Всех истреби дотла, а что возьмешь — твое».
Так он обрек на смерть израильское племя.
Мы вместе с ним резни установили время[499].

В результате был «раскрыт» заговор, а многие родственники Н. С. Аллилуевой оказались в застенках МГБ. Со слов арестованного 19 декабря 1947 г. знакомого Е. А. Аллилуевой И. И. Гольдштейна, следствию с применением «мер физического воздействия» удалось установить, что главной фигурой в деле был глава ЕАК С. М. Михоэлс. Показания допрошенного по этому делу Гринберга о том, что Михоэлс завербован американской разведкой и проявляет большой интерес к подробностям личной жизни Сталина, вызвали надлежащую реакцию вождя: в беседе с руководителями МГБ СССР 27 декабря 1947 г. Сталин дал распоряжение о физическом устранении Михоэлса; в ночь с 12 на 13 января 1948 г. Михоэлс погибает в Минске «в результате наезда автомашины, которая ехала с превышающей скоростью»[500].

На этом Абакумов, уже освоивший тонкую механику воздействия на Сталина и потакания тайным желаниям и страхам вождя, не успокоился: он и дальше разрабатывал «еврейскую» жилу (тем более что сотрудники МГБ за ликвидацию Михоэлса были достойно поощрены орденами и внеочередными званиями). Аресты и «физическое воздействие» на подозреваемых продолжились с новой силой, в результате 26 марта 1948 г. министр госбезопасности подал пространную секретную записку, где были подытожены выявленные «в результате проводимых чекистских мероприятий» сведения о незаконной и антисоветской деятельности членов ЕАК[501]. Совокупность представленных в этом документе сведений, сфабрикованных в конце 1947 — начале 1948 г., легла краеугольным камнем в основание дела ЕАК, закончившегося расстрелом членов комитета в 1952 г.[502]

Однако внешнеполитическая ситуация еще не давала возможность спустить курок уже готового громкого дела: это могло усложнить взаимоотношения с провозглашенным 14 мая 1948 г. государством Израиль. А СССР не только первым признал новопровозглашенное государство, но и проводил через Чехословакию поставки оружия, чем оказал Израилю решительную помощь; Сталин возлагал на Израиль надежды как на советского союзника на Ближнем Востоке. Вместе с тем признание Советским Союзом нового государства всколыхнуло невиданный доселе подъем еврейского самосознания, носящий характер эйфории.

---

[499] *Расин Ж.* Есфирь / Перевод Б.К. Лившица // *Расин Ж.* Сочинения. М., 1984. Т. 2. С. 293.
[500] Государственный антисемитизм в СССР. С. 106.
[501] Там же. С. 120–130.
[502] Неправедный суд: Последний сталинский расстрел / Предисл. и отв. ред. В. П. Наумова. М., 1994. С. 6.

Особенно это было очевидным в сентябре 1948 г., когда в качестве посланника нового государства в Москву 3 сентября прибыла Голда Меир (будущий премьер-министр Израиля). Ее встречали, как папанинцев в 1937 году! В субботу, 11 сентября, она посетила московскую хоральную синагогу, где собралась ликующая толпа людей; то же самое произошло 16-го числа при посещении ею Московского еврейского театра; такие массовые акции в Москве, а также приезд делегаций евреев из провинции не могли оставить Сталина равнодушным[503].

События октября 1948 г. казались просто-таки революционными:

> «...4 октября 1948 г. В тот день в московской хоральной синагоге началось празднование еврейского Нового года (Рош ха-Шана). По такому знаменательному случаю туда прибыли израильские дипломаты во главе с Меир. По “приблизительному подсчету” чиновников из Совета по делам религиозных культов, в этом богослужении, по сути ставшим празднованием возрождения еврейской государственности, участвовало до 10 тыс. человек, многие из которых не вместились в помещении синагоги. Нечто подобное имело место и 13 октября, когда Меир посетила синагогу по случаю праздника судного дня (Йом Киппур)»[504].

Для многих, понимавших действительное значение подобных массовых действ, неминуемость высочайшего гнева была очевидной. Недаром после событий 4 октября ответственный секретарь ЕАК И. С. Фефер, негласно связанный с «органами», сказал жене: «Этого нам никогда не простят»[505].

Последней каплей была речь президента США Гарри Трумэна, переизбранного на второй срок 7 ноября 1948 г., произнесенная в конгрессе. В своей речи Трумэн «подтвердил готовность следовать старому своему курсу по отношению к Израилю, поддержать все его устремления»[506]. После этого прозорливому Сталину уже было легко перейти от фазы раздумий к решительным действиям:

> «Немедля распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот Комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого Комитета закрыть, дела Комитета забрать. Пока никого не арестовывать»[507].

Это решение Бюро СМ СССР было утверждено Политбюро ЦК 20 ноября 1948 г. и имело наивысшую степень конфиденциальности — гриф «Строго секретно. Особая папка». 3 января 1949 г. ЦК разослал специальное письмо в обкомы, крайкомы и ЦК союзных республик, где сообщалось: «Советское правительство решило Еврейский антифашистский комитет закрыть, а лиц, уличенных в шпионаже, арестовать»[508].

---

[503] «Похоже, впрочем, что эти симпатии (по отношению к Г. Меир. — *П.Д.*) были если не официально разрешенными, то вызванными попустительством самого Сталина, вероятно, намеренным. А затем он обрушился на советскую еврейскую общественность в соответствии со ставшими теперь известными заранее заготовленными материалами МГБ» (*Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. 2-е изд. СПб., 2006. С. 62).

[504] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 413.

[505] Там же. С. 414.

[506] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 466.

[507] Государственный антисемитизм в СССР. С. 138.

[508] Там же. С. 138. Примеч. 1.

Вместе с закрытием ЕАК Сталин окончательно решил для себя «еврейский вопрос»:

> «Во-первых, евреи, как советская национальность, стали этнической диаспорой, потенциально лояльной враждебному государству. После создания Израиля и начала "холодной войны" они обратились в подобие греков, немцев, поляков, финнов и прочих "некоренных" национальностей, этнически связанных с заграничной родиной и, следовательно, неисправимо чуждых. <...>
>
> Во-вторых, согласно новому советскому определению национальной принадлежности и политической лояльности, русская советская интеллигенция, созданная и вскормленная товарищем Сталиным, была, как выяснилось, не русской — а значит, не вполне советской. Русские люди еврейского происхождения оказались замаскированными евреями, а замаскированный еврей — вдвойне изменник.
>
> Все сталинские чистки боролись с ползучим проникновением невидимых вредителей — и вдруг оказалось, что существует национальность, которая повсюду и нигде; национальность, которая так удачно стала незаметной, что стала заметной в рядах элиты (и, может быть, стала элитой); национальность, которая не имеет собственной территории (вернее, имеет, но отказывается на ней жить); национальность, у которой нет собственного языка (вернее, есть, но никто не хочет на нем говорить); национальность, которая состоит почти исключительно из интеллигенции (вернее, отказывается заниматься физическим трудом); национальность, которая пользуется псевдонимами вместо имен (причем это относится не только к старым большевикам, беллетристам и журналистам, но и к большинству иммигрантов из черты оседлости — всем детям Борухов, Гиршей и Мойш, поменявших отчества на Борисович, Григорьевич и Михайлович). Еврейство стало преступлением: те, кто исповедовал отдельную еврейскую культуру, превратились в "буржуазных националистов", те, кто отождествляли себя с русской культурой, — в "безродных космополитов"»[509].

Таким образом, разыгранная в «Правде» 28 января 1949 г. «космополитическая» карта оказалась как нельзя более актуальной и объясняется злободневностью «еврейского вопроса» для самого Сталина. Ключевым исполнителем его воли в борьбе с космополитизмом был секретарь ЦК Г. М. Маленков, «руководивший по поручению Сталина деятельностью ЦК по борьбе с еврейскими националистами и космополитами»[510]; естественно, он был в курсе и раскручивающегося дела ЕАК (основные аресты по нему были проведены с 13 по 28 января 1949 г.).

Несмотря на то что большинство решений по еврейскому вопросу не были оформлены юридически актами, разгром еврейской литературы оказался официально зафиксирован: 21 февраля 1949 г. Секретариат ССП СССР, выслушав доклад А. В. Софронова «Об объединении еврейских писателей», постановил:

> «В связи с тем, что еврейские организации строятся чисто по национальному признаку, распустить объединение еврейских писателей и предложить еврейским писателям работать в жанровых секциях. Поручить тов. Софронову созвать собрание объединения еврейских писателей и доложить им об этом решении. На тех же основаниях предложить ССП Белоруссии распустить объединение еврейских писателей в Минске»[511].

---

[509] *Слезкин Ю. Ю.* Указ. соч. С. 382–383.

[510] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 444.

[511] Цит. по циркулярной копии протокола: НА РТ. Ф. 7083 (ССП ТАССР). Оп. 1. Д. 231. Л. 47.

Суть проводимой кампании по борьбе с космополитизмом сформулировал профессор-литературовед Ф. М. Головенченко, занимавший тогда должность заместителя заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК: «Вот мы говорим — космополитизм. А что это такое, если сказать по-простому, по-рабочему? Это значит, что всякие мойши и абрамы захотели занять наши места!»[512] Впрочем, эти слова, сказанные во время апогея антикосмополитического буйства, стоили оратору должности в ЦК. И хотя Головенченко подвергся нареканию за проведение столь вызывающих параллелей, для рядового гражданина СССР вряд ли ассоциации были иными[513].

Если же говорить об общеупотребительном значении слова «космополит» для конца 1940-х гг., то его раскрывает поговорка того времени: «Чтоб не прослыть антисемитом — зови жида космополитом». А для наглядного примера 20 марта 1949 г. на первой стороне обложки издаваемого газетой «Правда» журнала «Крокодил» была опубликована цветная карикатура К. С. Елисеева «Беспачпортный бродяга»[514]. Среди прочего, на чемодане персонажа имелись надписи с именами и фамилиями писателей, говорящими сами за себя, например — «АНДРЕ ЖИД».

Кампания по борьбе с космополитизмом оказалась краном, открыв который власть дала возможность хлынуть скопившемуся в стране (не только внизу, но и наверху) антисемитизму. Типичным примером проявления таких настроений были и некоторые заголовки газетных статей первых месяцев 1949 г. Например, разгромная рецензия на очередную книжку «Театрального альманаха» называлась «Заповедник махрового эстетства»[515].

Совпав хронологически с антиизраильскими настроениями в руководстве страны, кампания по борьбе с космополитизмом затронула взрывоопасные чувства во всех слоях населения и моментально переросла из локальной акции против группы каких-то «отраслевых» критиков в самую масштабную идеологическую кампанию послевоенного времени.

Антисемитизм, прятавшийся в потаенных уголках души русских, не очень русских да и совсем нерусских людей, оказался воспламенен подобно сухому пороху. Тяготы фронтовых лет, постоянный недостаток продуктов, трудности с одеждой, обувью, товарами первой необходимости — словом, все невзгоды советского человека конца 40-х гг. вдруг получили возможность, пусть единственную и не очень справедливую, для изъявления. Именно свобода без особенного стеснения исторгнуть из себя все накопившееся, хотя и к незнакомым, не заслужившим того людям, оказалась причиной больших невзгод для тех, кто, казалось, давно стал частью братской Страны Советов[516].

---

[512] Там же. С. 416.

[513] Стоит напомнить слова И. А. Гончарова, которыми он почти за сто лет до описываемых событий нарисовал доктора в романе «Фрегат “Паллада”»: «У этого мысль льется так игриво и свободно: видно, что ум не задавлен предрассудками; не рядится взгляд его в английский покрой, как в накрахмаленный галстух: ну, словом, всё, как только может быть у космополита, то есть у жида» (*Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем. СПб., 1997. Т. 2. С. 150).

[514] Крокодил. М., 1949. № 8, 20 марта.

[515] *Фролов В.* Заповедник махрового эстетства // Советское искусство. М., 1949. № 6. 5 февраля. С. 3.

[516] «В России, — писал Е. Г. Эткинд, — жила давняя традиция антисемитизма, который был свойственен не только малограмотной массе и казакам, охотникам до безнаказанного кровопролития, но и немалой части русской интеллигенции — от Гоголя до Розанова, от Блока до Куприна. Как только евреи оказались *другими*, вековые инстинкты вспыхнули снова; они позволили осуществить антисемитскую “культурную революцию” 1948–1953 годов, лукаво названную борьбой против космополитизма <...>. Все это происходило в многомиллионной России — происходило

Евреям, безотносительно того, какая национальность писалась ими в пятой графе анкеты и в паспорте, напомнили об их крови:

> «Многие из них никогда не были в синагоге, не видели меноры, не говорили на идише, не слышали о Касрилевке[517] и не пробовали фаршированной рыбы. Но они знали, что они евреи и в советском смысле, который был также, в конечном счете, нацистским и традиционно еврейским. Они были евреями по крови.
>
> Когда пришли нацисты, они принялись убивать евреев согласно их крови»[518].

Спустя всего несколько лет после Нюрнбергского процесса вдруг оказалось, что Сталин, победив и осудив нацизм, сберег для себя и своей страны в качестве трофея его самое страшное зло — ненависть к евреям.

при поддержке населения. Забывать об этом нельзя: эти сдвиги и повороты определили судьбу нескольких поколений...» (цит. по: *Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 2001. С. 430).

[517] Касриловка была прославлена в одноименном цикле рассказов Шолом-Алейхема («Город маленьких людей, куда я ввожу тебя, друг читатель, находится в самой середине благословенной “черты”. Евреев туда натолкали — теснее некуда, как сельдей в бочку, и наказали плодиться и множиться; а название этому прославленному городу — Касриловка»).

[518] *Слезкин Ю. Ю.* Указ. соч. С. 368.

Глава 2
ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО «КЛАССА» И «ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИТУАЦИЯ»

220-ЛЕТИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Летом 1945 г. было отпраздновано 220-летие Академии наук СССР; и хотя это не самая круглая дата, праздновалась она с широким и невиданным для послевоенного Ленинграда размахом. По сути, пришедшаяся на победный год круглая дата Академии была отмечена как праздник победы в советской науке:

> «Совершенно особый характер, совершенно волнующий смысл придало празднованию то, что оно совпало со знаменательными днями в истории нашей Родины — с великими и торжественными днями победоносного завершения Отечественной войны против фашистской Германии»[1].

Приуроченная к 220-летию Юбилейная сессия Академии прошла в Москве и Ленинграде с 15 июня по 3 июля 1945 г.

Руководство страны выразило свое отношение к юбилею 10 июня. В этот день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло ряд постановлений о награждении сотрудников Академии наук орденами и медалями, а наиболее выдающимся ученым, в том числе и профессору филологического факультета ЛГУ академику И. И. Мещанинову, было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Торжественные мероприятия начались еще накануне Юбилейной сессии: в мае месяце состоялись сессии в институтах Отделения литературы и языка, в том числе и в Институте литературы:

> «11–12 мая в Ленинграде состоялась сессия Института литературы (Пушкинского Дома), посвященная 220-летию Академии Наук СССР. На сессии были подведены итоги изучения русской и западных литератур, а также намечены дальнейшие задачи в этой области. <...>
>
> Сессия открылась докладом доктора филологических наук Л. А. Плоткина на тему “Ленин и Сталин и советское литературоведение”. Охарактеризовав домарксистское литературоведение, докладчик показал, что литературоведение стало подлинной наукой лишь после того, как виднейшие представители его положили в основу исследований

[1] Юбилейная сессия: (220-летие Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. М., 1945. № 7/8. С. 36.

учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Только на базе гениального наследия Маркса, Энгельса, Ленина, на базе трудов величайшего продолжателя Ленина — И.В. Сталина стало возможно создание фундаментальной истории русской и западноевропейской литератур, над которой трудятся коллективы двух литературоведческих институтов Академии Наук СССР.

На тему "Изучение древней русской литературы в Академии Наук" сделал доклад академик А. С. Орлов. В докладе были обстоятельно освещены достижения в изучении памятников древней русской литературы, которое велось в Академии Наук с конца XVIII века и достигло особенного размаха в советские годы. <...> В заключение академик Орлов подробно остановился на работах отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР (Пушкинского Дома) и поставил перед советскими литературоведами ряд конкретных задач по дальнейшему исследованию идейного и художественного богатства русской литературы XI–XVII веков.

Доклад доктора филологических наук Б. С. Мейлаха был посвящен проблемам советского пушкиноведения.

"Изучение творчества Л. Толстого в советские годы" явилось темой доклада проф[ессора] Б.М. Эйхенбаума. Докладчик подчеркнул основополагающее значение для советского литературоведения прославленных статей Ленина о Льве Толстом. Статьи эти дают основу для всестороннего раскрытия творческой проблематики Толстого во всей ее сложности и противоречивости.

Докладом "Горький и наука о литературе", сделанным проф[ессором] В. А. Десницким, закончились заседания сессии, посвященные русской литературе. На особом заседании подводились итоги изучению западноевропейских литератур. Член-корр[еспондент] АН СССР В. М. Жирмунский охарактеризовал роль академика А. Н. Веселовского в создании западного литературоведения в России как самостоятельного предмета изучения, осветил развитие западного литературоведения в советские годы. Проф[ессор] А. А. Смирнов рассказал об итогах изучения творчества Шекспира на Западе и в Советском Союзе.

Сессия вызвала широкий интерес среди научных работников Ленинграда»[2].

В Москве накануне Юбилейной сессии, 12 июня, состоялось открытое заседание Ученого совета Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР. Выступил и директор института, профессор Ленинградского университета В. Ф. Шишмарев:

«Обширный доклад на тему "Александр Веселовский и русская литература" сделал член-корр[еспондент] АН СССР В. Ф. Шишмарев.

Докладчик отметил громадное значение этого выдающегося русского ученого в изучении истории русской литературы. Принадлежа к представителям сравнительно-исторической школы литературоведения, основанной у нас Ф. И. Буслаевым, А. Н. Веселовский значительно расширил охват материала. В своих сравнительно-исторических исследованиях в области древнерусской литературы и фольклора он привлек большое количество памятников западной литературы. Построенная на материале западноевропейских, славянских и отчасти восточных литератур, историческая поэтика А. Н. Веселовского охватывает вопросы происхождения поэзии, генезиса и эволюции поэтических жанров, литературных сюжетов, поэтического языка и стиля. Сопоставлением

[2] Отделение литературы и языка: (220-летие Академии наук СССР) // Там же. С. 131–132.

различных видов мировой литературы А. Н. Веселовский разработал схему исторической поэтики, установив закон стадиальности в истории развития литературы»[3].

Профессор Н.К. Гудзий, сделавший обзор деятельности Отделения русского языка и словесности Петербургской академии наук, отметил, что важнейшим событием в жизни Отделения было «вхождение в 1877 году А. Н. Веселовского, проработавшего в Академии около 30 лет и возглавлявшего Отделение в 1901–1906 годах»[4].

15 июня начались официальные торжества. Эпицентром празднования стало заседание 16 июня 1945 г. в Большом театре Союза ССР, а на следующий день состоялось пленарное заседание в Колонном зале Дома союзов, где кроме докладов зачитывались приветствия, поступившие в адрес Академии наук.

«Церемония оглашения приветствий завершилась внушительным и многозначительным актом: Ордена Ленина и ордена Суворова I степени Краснознаменная военная академия имени М.В. Фрунзе по-своему отдала дань уважения юбиляру, по-своему выразила признание его заслуг — в зал четким строем вошла колонна слушателей Военной академии, которые выстроились в почетный караул, когда Герой Советского Союза генерал-полковник Н.Е. Чибисов, начальник Академии имени М. В. Фрунзе, зачитывал ее приветствие Академии Наук СССР»[5].

Отделение литературы и языка Академии наук СССР собралось на торжественное заседание 18 июня в большом зале Музея А. М. Горького, где были заслушаны три доклада: академик С. П. Обнорский выступил с докладом «Культура русского языка», академик А.С. Орлов сделал доклад «Героические темы древней русской литературы», а директор Института литературы Академии наук, член-корреспондент Академии наук П. И. Лебедев-Полянский «в докладе о Чехове осветил творчество писателя на грани двух эпох»[6].

Кульминацией первой части торжеств было присутствие участников Юбилейной сессии Академии наук на Параде Победы 24 июня 1945 г. Вечером этого дня с Ленинградского вокзала отправился состав, в котором участники Юбилейной сессии двинулись в Ленинград.

В городе Ленина ученых ожидал пышный прием: уже на последней остановке поезда перед Ленинградом — станции Любань — поезд стоял больше обычного:

«25 июня утром в Любани на вокзале ученых приветствуют руководящие работники и представители от населения города. Ученые беседуют с ними о восстановлении городского хозяйства, колхозов, школ. Из окон вагонов виднеются поля недавних сражений. Разрушенные вокзалы и города, сожженные и уничтоженные леса, тысячи воронок, разбитые траншеи и дзоты рисуют картину грандиозных битв с германскими захватчиками, свидетельствуют о силе советского оружия, остановившего немцев на окраинах Ленинграда и изгнавшего их из пределов Союза.

Ленинград ожидает прибытия участников Юбилейной сессии. Здание Московского вокзала и площадь перед ним украшены флагами, транспарантами, плакатами. “Да здравствует наша передовая наука — созидательная сила советского государства!” — гласит транспарант на фасаде вокзала. Привокзальная площадь и Невский проспект запружены ленинградцами.

---

[3] Там же. С. 133.

[4] Там же.

[5] Юбилейная сессия... С. 44.

[6] Отделение литературы и языка... С. 130.

Прибывших с первым экспрессом президента Академии Наук СССР Героя Социалистического Труда В.Л. Комарова, вице-президентов Л.А. Орбели, В.П. Волгина, академика-секретаря Академии Наук академика Н. Г. Бруевича и других советских ученых и иностранных гостей встречают на перроне секретари Горкома ВКП(б) тт. Капустин, Бадаев, Широков, секретари Обкома ВКП(б) тт. Ефремов и Харитонов, заместители председателя Ленсовета тт. Лазутин, Решкин, Федоров, делегации научных институтов Академии наук СССР, заводов и фабрик, работники театра, художники, писатели, представители печати.

Возгласами сердечного привета, букетами живых цветов встречают ленинградцы прибывших. Вице-президент АН СССР Герой Социалистического Труда академик Л.А. Орбели приветствует ленинградцев от имени участников Юбилейной сессии. Секретарь Горкома ВКП(б) т. Капустин горячо поздравляет Академию Наук, ее руководителей и участников Юбилейной сессии с торжественными днями празднования 220-летия Академии Наук. Он говорит: "Свыше двух веков деятельность Академии наук была связана с нашим великим городом... Советские ученые внесли огромный вклад в дело социалистического строительства. В дни беспримерной борьбы Ленинграда с вражескими полчищами, осадившими наш город, ученые вместе со всеми ленинградцами были в рядах его героических защитников... Я надеюсь, что и теперь люди науки помогут успешно решить задачу полного возрождения Ленинграда".

Президент Академии Наук СССР В.Л. Комаров в ответной речи сказал: "Мы рады продолжить работу Юбилейной сессии в городе, где все свидетельствует о величии нашей Родины, нашего народа. Да здравствует Сталин — великий друг советских ученых, корифей передовой науки, гениальный вождь, который привел нас к победе!"

С приветствием выступил французский ученый профессор Андрэ Мазон.

Участники Юбилейной сессии были заботливо и быстро размещены в великолепных покоях восстановленных и вновь отремонтированных гостиниц Ленинграда. В тот же день, 25 июня, они посетили замечательную выставку "Героическая оборона Ленинграда". Ученые подробно ознакомились с основными этапами боев под Ленинградом, боев, сорвавших коварные замыслы немцев и финнов ворваться в Ленинград и разрушить его. Большое впечатление произвели документы и экспонаты, иллюстрирующие оборону Ленинграда и общую обстановку в нем в трудную зиму 1941/42 г. и в период жесточайших артиллерийских обстрелов его»[7].

Особенным вниманием, как свидетельствует и приведенный текст, был отмечен приезд крупнейшего французского слависта Андре Мазона — одного из отцов-основателей «Revue des études slaves» и с 1928 г. иностранного члена Академии наук СССР[8]. В этот раз Мазон подарил Публичной библиотеке свою книгу «Грамматика русского языка» (1943), достоинства которой были отмечены научной общественностью. «Вечерний Ленинград» сообщал: «По окончании войны Андре Мазон в июне этого года был нашим гостем на

[7] Приезд участников Юбилейной Сессии в Ленинград // Юбилейная сессия Академии наук СССР, 15 июня — 3 июля 1945 г.: В 2 т. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 157–158.

[8] «Из Франции приехал неугомонный Андрей Альбинович Мазон. После революции он приезжал в Москву неоднократно. За время войны заметно постарел, но еще бодр. Лицо гнома: веселые, ласковые глазки, бородка клинышком, румяные щечки» (*Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 71).

Юбилейной сессии Академии наук СССР. В Ленинграде он познакомился с русскими друзьями — филологами Университета»[9].

Именно в этот приезд французский ученый многократно приглашал коллег во Францию: «Мы с нетерпением ждем русских ученых у себя в Париже. И я скажу, как говорят гостеприимные русские: “Милости просим к нам!”»[10]

Позднее, когда иностранные ученые воспринимались уже без эйфории, Мазону было поставлено в вину то, что он был многолетним оппонентом подлинности «Слова о полку Игореве»[11].

Одним из основных мест академических торжеств был Ленинградский университет. 15 июня 1945 г., в день подписания Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении сотрудников Академии наук по случаю ее 220-летия, были отмечены наградами и многие преподаватели филологического факультета, одновременно работающие в академических учреждениях. Орденом Ленина были награждены В. М. Алексеев, Н. С. Державин, И. Ю. Крачковский, С. П. Обнорский, А. С. Орлов и И. И. Толстой; орденом Трудового Красного Знамени — М. П. Алексеев, В. В. Виноградов, В. А. Десницкий, Д. В. Бубрих, В. М. Жирмунский, Д. К. Зеленин, А. А. Смирнов, Б. М. Эйхенбаум... Все они во главе с ректором университета А.А. Вознесенским были активными участниками празднований. 26 июня днем, как сообщали «Последние известия» Ленинградского радио, «группа гостей посетила также ордена Ленина Государственный университет. Они были приняты ректором университета проф[ессором] Вознесенским, рассказавшим об ученой и научной работе крупнейшего вуза страны»[12].

А самое главное из ленинградских торжественных мероприятий прошло в тот же день:

> «Вечером 26 июня состоялось очередное заседание Юбилейной Сессии Академии Наук СССР в Колонном зале Ленинградской филармонии.
>
> Зал был залит огнями, сцена художественно украшена. В глубине сцены — скульптура великого Сталина. Партер и ложи заполнены участниками Юбилейной Сессии, общественными, научными и государственными деятелями Ленинграда, представителями Армии и Флота. В Президиуме президент Герой Социалистического Труда В. Л. Комаров, академики, руководители Академий Союзных Республик, руководители ленинградских партийных и советских организаций, представители Красной Армии и Флота, крупнейшие иностранные ученые. Заседание открывается исполнением гимна Советского Союза»[13].

С приветственной речью от ЛГУ выступил ректор А.А. Вознесенский:

---

[9] *В.Т.* «Грамматика русского языка»: Книга Андре Мазона // Вечерний Ленинград. Л., 1945. № 15. 30 декабря. С. 2.

[10] Славяноведение во Франции: Беседа корреспондента журнала «Славяне» с профессором Андре Мазоном — президентом Института славяноведения Парижского университета // Славяне. М., 1945. № 7. С. 42.

[11] На волне патриотизма газеты скоро вовсю будут поносить «этого клеветника, пытавшегося доказать, что русский народ не был в состоянии создать “Слово о полку Игореве”!» (Против буржуазного космополитизма в литературоведении // Литературная газета. М., 1949. № 23. 19 марта. С. 3).

[12] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 1813. Л. 28.

[13] Приезд участников Юбилейной Сессии в Ленинград. С. 161.

«Ленинградский государственный ордена Ленина университет приветствует Академию наук Союза ССР в связи с 220-летием со дня ее основания. Этот замечательный юбилей — поистине всенародный праздник, ибо Академия Наук является главным штабом советской науки, а в нашей стране наука и культура пользуются любовью и уважением всех народов и всех слоев населения. <...>

Ленинградский университет приветствует Академию наук с особым чувством. По мысли учредителя Академии — Петра I — Академия и Университет должны были составлять единое целое. Академический университет, созданный в Петербурге одновременно с Академией, существовал недолго, но замысел Петра оказался, хотя и в несколько иной форме, впоследствии реализованным: вторично родившийся Петербургский университет в течение всех 126 лет, прошедших с момента его основания, был связан с Академией теснее, чем какой бы то ни было другой университет нашей страны. <...>

Ленинградский университет всегда был крупнейшим питомником, из которого Академия наук широко черпала научные кадры высокой квалификации для постоянной работы в своих многочисленных филиалах, институтах, лабораториях и научных комиссиях. Члены Академии наук, с другой стороны, нередко на долгие годы вливались в коллектив преподавателей и научных сотрудников Ленинградского университета и передавали свой опыт и знания молодым поколениям студентов и ученых. Связь Университета с Академией поддерживалась также непрерывным научным общением работников обоих учреждений путем повседневного контакта и совместного участия во многих конференциях, сессиях, публикациях и других научных предприятиях»[14].

Вознесенский оказался едва ли не единственным, кто в конце выступления обошелся без упоминания корифея науки: «Да здравствует Академия Наук Союза ССР, твердыня нашей культуры, научный центр мирового значения, гордость и слава русского народа и социалистического государства!»[15]

На смену Вознесенскому вскоре на трибуну поднялся профессор филологического факультета, Герой Социалистического Труда, академик И.И. Мещанинов, который сделал доклад на свою традиционную тему — «Новое учение о языке»: «Он излагает новую языковедческую теорию, возникшую и сложившуюся на базе марксистской методологии трудами академика Н.Я. Марра и его школы»[16].

Вечером 28 июня участники Юбилейной сессии двинулись в обратный путь, поблагодарив ленинградцев.

Апофеоз празднования состоялся в Кремле с участием И. В. Сталина:

«30 июня правительство устроило прием в честь участников Юбилейной сессии Академии наук СССР. На этом приеме было до тысячи участников. На приеме присутствовали члены Президиума Академии во главе с ее Президентом В. Л. Комаровым, почетные академики, академики — Герои Социалистического Труда, лауреаты Сталинской премии, выдающиеся ученые, представляющие все отрасли советской науки...»[17]

Как сообщалось на следующий день,

---

[14] Приветствие Ленинградского Государственного ордена Ленина Университета: (Выступление ректора Университета профессора А.А. Вознесенского на торжественном заседании 26 июля) // Там же. С. 254–255.

[15] Там же. С. 256.

[16] Приезд участников Юбилейной Сессии в Ленинград. С. 166.

[17] Прием в Кремле в честь участников Юбилейной Сессии Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1945. № 7/8. С. 49.

«радостной и волнующей была вчерашняя историческая встреча великого вождя и полководца, руководителя партии и правительства с деятелями советской науки, ее лучшими представителями. В нашей стране наука окружена отеческой заботой правительства и всеобщей народной любовью. В нашей стране звание ученого поднято на небывалую высоту. В нашей стране мы видим нерушимое единство людей труда и науки, которых вдохновляет одна благородная цель — служение своему народу, служение своей Отчизне»[18].

Для ученых Ленинградского университета, для научной общественности, да и вообще для всей советской науки Юбилейная сессия была беспрецедентным событием, которое знаменовало поворот власти к науке, которому в следующем 1946 г. будет задано четкое направление — «догнать и перегнать». Но пока эта сессия лишь символизировала переход от войны к мирному научному строительству. «Вестник Академии наук СССР» так ее и резюмировал: «Юбилейные торжества окончились. Они не просто совпали по времени с триумфальными победами советского оружия. Они вошли составным элементом в общее торжество победы советского народа»[19].

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ 1946 ГОДА

9 февраля 1946 г. Президиум Академии наук СССР направил Председателю СНК СССР И. В. Сталину письмо, которое заканчивалось словами: «Академия наук СССР просит Совет Народных Комиссаров СССР разрешить провести в 1946 году довыборы 25 академиков и 62 членов-корреспондентов»[20].

С этого момента государственная машина начала работать — вопрос уже носил не столько академический, сколько государственный и политический характер. Разработка его была поручена Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), которое по результатам переговоров с руководством Академии не только советовало увеличить число вакансий, но и подготовило ко 2 марта 1946 г. как проект постановления ЦК ВКП(б) по этому вопросу, так и свои рекомендации по персоналиям, которые могли бы заполнить вакансии, в том числе и по Отделению литературы и языка («в академики — члены-корреспонденты АН СССР Толстой И. И., Шишмарев В. Ф., Пиксанов Н. К., действительный член АН Укр. ССР Белецкий А. И.; по литературе и языку в члены-корреспонденты — действительный член Академии педагогических наук Еголин А. М., доктора и профессора Бродский Н. Л., Благой Д. Д., Десницкий В. А., Бархударов С. Г., Виноградов В. В., Смирнов А. А., Сергиевский М. В.»)[21].

4 апреля подготовленный Управлением вопрос был рассмотрен на Оргбюро ЦК и вынесен на заседание Политбюро, которое 11 апреля приняло постановление «О выборах академиков и членов-корреспондентов Академии Наук СССР в 1946 г.»:

«Принять предложение Президиума Академии наук СССР (т. Вавилова С. И.):

а) о проведении на сессии Академии наук в октябре 1946 г. довыборов 32 академиков и 73 членов-корреспондентов;

---

[18] Там же. С. 55.

[19] Юбилейная сессия: (220-летие Академии наук СССР). С. 46.

[20] Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б), 1922–1952. С. 318.

[21] Там же. С. 320.

б) о распределении вакансий академиков и членов-корреспондентов по специальностям»[22].

Отделению литературы и языка по трем специальностям — русская литература, классическая литература, восточная филология — отводилось восемь вакансий — три для академиков и пять для членов-корреспондентов.

По ходу подготовки выборы в Академию наук СССР приобретали все более помпезный характер; они продолжали традиции недавних выборов в Верховный Совет СССР, состоявшихся 10 февраля 1946 г. По сути, они были звеном в череде общегосударственных выборных событий, предвосхищая выборы в Верховный Совет РСФСР 9 февраля 1947 г. Объединяло их и то обстоятельство, что процесс подготовки и проведения этих выборов жестко контролировался руководством страны. А идеологизированность академических выборов 1946 г. однозначно свидетельствовала о том, что руководство страны не допустит на этих выборах никакой самодеятельности.

6 июля 1946 г. Президиум Академии наук СССР направил секретарю ЦК А. А. Жданову письмо, в котором настаивал на учреждении специальной правительственной комиссии по выборам (по аналогии с выборами 1943 г.). 11 сентября 1946 г. Политбюро ЦК ВКП(б) своим постановлением учредило эту специальную комиссию «для рассмотрения вопросов, связанных с проведением довыборов академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР в октябре с[его] г[ода]», назначив ее руководителем А.А. Жданова[23]. В комиссию вошли секретари ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов и Г. М. Попов, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров, заместитель начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) Е.Е. Андреев, президент АН СССР С. И. Вавилов, академик-секретарь АН СССР Н. Г. Бруевич и министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов.

По ходу подготовки выяснилось, что вакансий опять недостаточно. Еще 10 августа 1946 г. глава Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александров и его заместитель, заведующий Отделом науки С.Г. Суворов, направили секретарям ЦК А. А. Жданову и А. А. Кузнецову служебную записку, в которой настаивали на увеличении мест, в том числе по Отделению литературы и языка.

«По русскому языку не объявлено вакансий; после смерти акад[емика] Щербы и тяжелого заболевания акад[емика] Обнорского возникла опасность серьезного ослабления работ Академии наук по русскому языку; между тем, в стране имеются крупные ученые, которые могли бы развивать деятельность Академии наук в этой области и далее, например, декан филологического факультета Московского университета проф[ессор] Виноградов. Не представлена в составе академиков специальность мировая литература, по которой также не объявляется вакансий; крупные специалисты в стране имеются, например, член-корреспондент АН В.Ф. Шишмарев»[24].

Согласно этому предложению, Политбюро ЦК ВКП(б) 13 сентября приняло постановление «О дополнительных вакансиях в академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР в 1946 г.», согласно которому на Отделение литературы и языка выделялось две вакансии академиков (по специальностям мировая литература и русский язык), а также одна вакансия члена-корреспондента[25].

---

[22] Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б), 1922—1952. С. 316.
[23] Там же. С. 328.
[24] Там же. С. 334.
[25] Там же. С. 331—332.

Тем временем комиссия Политбюро ЦК подготовила итоговый рекомендательный документ, поданный на рассмотрение членам высшего руководства, а 22 ноября 1946 г. представленный И.В. Сталину. В документе, в частности, говорилось:

> «В связи с предстоящими выборами действительных членов Академии наук СССР Комиссия Политбюро ЦК в составе т.т. Жданова, Вавилова, Кузнецова А. А., Бруевича и Александрова рассмотрела всех кандидатов в академики, выдвинутых научными учреждениями и организациями. На объявленные 43 вакансии в действительные члены Академии наук СССР было выдвинуто от 14 ноября с.г. 173 кандидата, из них комиссия рекомендовала Президиуму Академии наук поддержать через экспертные комиссии 93 кандидата в академики. Комиссия считала целесообразным рекомендовать к баллотировке по 2—3 кандидата на каждую вакансию в академики с тем, чтобы собрание Академии наук имело возможность сделать выбор наиболее достойных из них.
>
> В итоге работы комиссии ПБ по отделениям и специальностям Академии наук СССР выдвигаются следующие кандидаты:
>
> <...> Отделение литературы и языка.
>
> а) по специальности русская литература — 1 вакансия. Выдвинуто на эту вакансию 3 кандидата: Белецкий А. И., Лебедев-Полянский П. И., Пиксанов Н. К.; всех этих кандидатов комиссия считала возможным поддержать;
>
> б) по специальности классическая филология — 1 вакансия. Выдвинуто на эту вакансию 2 кандидата: Соболевский С. И. и Толстой И. И.; обоих этих кандидатов комиссия считала возможным поддержать;
>
> в) по специальности восточная филология — 1 вакансия. Выдвинуто на эту вакансию 7 кандидатов. Комиссия считала возможным поддержать следующих кандидатов: Гордлевского В. А., Дмитриева Н. К., Конрада Н. И., Малова С. Е.;
>
> г) по специальности русский язык — 1 вакансия. Выдвинуто на эту вакансию 3 кандидата: Булаховский Л. А., Виноградов В. В., Чернышев В. И.; всех этих кандидатов комиссия считала возможным поддержать;
>
> д) по специальности мировая литература — 1 вакансия. Выдвинуто на эту вакансию 2 кандидата в академики: Жирмунский В. М., Шишмарев В. Ф.; обоих этих кандидатов комиссия считала возможным поддержать.
>
> Кандидаты в члены-корреспонденты Академии наук также рассмотрены Комиссией Политбюро.
>
> Все эти вопросы рассмотрены семеркой.
>
> Просим Ваших указаний»[26].

Мнение руководителя страны на документе начертал заведующий его канцелярией А. Н. Поскребышев: «Тов. Сталин согласен»[27].

Таким образом, подготовка академических выборов в недрах ЦК ВКП(б) серьезно переменила их окраску. Они уже не были тем академическим «междусобойчиком», каковым могли казаться предыдущие выборы, проходившие в сентябре 1943 г. или же в январе 1939 г. Выборы 1939 г. были еще компромиссными (на этапе предварительного отбора кандидатов академики еще оказывали сопротивление проведению членов ВКП(б)

---

[26] Там же. С. 329–331. В публикации С. Е. Малов ошибочно назван Масловым.

[27] Там же. С. 331.

в состав Академии)[28]; а к 1943 г. утверждение кандидатов в ЦК было уже обязательным, но обозначились и другие сложности, отмеченные тогда М. К. Азадовским:

> «Личные симпатии, приятельские отношения, абсолютное пренебрежение к голосу и мнению филологической общественности, пренебрежение к задачам науки, особенно советской, и пр[очая] и пр[очая] — дошли здесь до апогея»[29].

Непривычной была не только явная идеологизированность академических выборов, но и невиданное число вакансий:

> «Выборы 1946 года, — сказал академик С.И. Вавилов, — по числу вакансий будут весьма велики. Правительство разрешило избрать 43 действительных члена и 81 члена-корреспондента, что превосходит число академиков и членов-корреспондентов, имевшихся в дореволюционной Академии наук»[30].

Беспрецедентным оказалось и число кандидатов на пожизненные лавры, ценность которых была всем очевидна: на 43 вакансии академиков претендовало 202 человека, а на 81 вакансию члена-корреспондента — 627. Научные учреждения Ленинграда выставили на академические выборы 1946 г. в общей сложности 176 кандидатов. Выдвижения начались еще в мае: 15 мая состоялось заседание Ученого совета Института литературы Академии наук, где выдвигались кандидаты по специальности «русская литература». Б. М. Эйхенбаум записал тогда в дневнике: «Вопрос о выдвижении в академики и члены-корреспонденты. Выдвинуты: в акад[емики] — Лебедев-Полянский и Пиксанов, в члены-корр[еспонденты] — Азадовский, Десницкий, Томашевский и я»[31].

Затем эти кандидатуры были подтверждены и на заседании Ученого совета ЛГУ. Примерно в то же время выдвигались кандидаты от других отраслей филологии. Кроме того, до осени списки сильно изменились и увеличились.

На звание академиков по Отделению литературы и языка к 31 августа 1946 г. были выдвинуты: Р. А. Ачарян (армянский язык), Е. Э. Бетельс (иранистика), В. А. Гордлевский (тюркология), Н. И. Конрад (японская филология), П. И. Лебедев-Полянский (русская литература), С. Е. Малов (тюркология), Н. К. Пиксанов (русская литература), С. И. Соболевский (классическая филология), И. И. Толстой (классическая филология), А. А. Фрейман (иранистика), А. Г. Шанидзе (грузинский язык) и В. Ф. Шишмарев (западноевропейская филология). К концу ноября, непосредственно перед выборами, добавилось еще четверо — В. В. Виноградов (русский язык) и В. М. Жирмунский (западноевропейская литература), Н. К. Дмитриев (тюркология), В. И. Чернышев (русский язык). Притом, что было открыто только пять вакансий, конкурс на место действительного члена составлял более трех человек на место (что, в свою очередь, было меньше, чем в целом по Академии, — 4,7 человека на одно место академика).

Список кандидатов на звание членов-корреспондентов также был внушителен — в числе ленинградских филологов там присутствовали В. А. Десницкий, Б.В. Томашевский, М. К. Азадовский, М. П. Алексеев, Д. В. Бубрих, С. Г. Бархударов и другие; кандидатура Б. М. Эйхенбаума была снята — последовавшие за августом 1946 г. события

[28] *Блюм А. В.* Как выбирали в академики: (По секретным сообщениям госбезопасности) // Звезда. СПб., 2001. № 8. С. 156–163. В указанной работе частично публикуется спецсообщение начальника УНКВД С. А. Гоглидзе в Смольный от 16 января 1939 г., в котором описана подготовка к академическим выборам в Отделении литературы и языка.

[29] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954. С. 39–40.

[30] Беседа с президентом Академии академиком С. И. Вавиловым: (Академия наук СССР перед выборами) // Известия. М., 1946. № 271. 19 ноября. С. 1.

[31] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 10 об.

не могли не отразиться на его судьбе. Несмотря на то что конкурс на звание члена-корреспондента был высок (7,7 человека на место), в процессе выборов он несколько снизился — после избрания академиков освободились 33 места, что увеличило чисто вакантных мест до 114 — и в среднем по Академии составил 5,5 человека на одно место.

Отдельно стоит упомянуть то обстоятельство, что для причисления освободившихся после избрания академиков 33 мест членов-корреспондентов к вакантным С. И. Вавилов в день выборов академиков, 30 ноября, обратился по этому вопросу к начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК Г. Ф. Александрову, избранному в тот день академиком по специальности философия. Г. Ф. Александров сразу же направил записку секретарю ЦК А. А. Кузнецову:

> «Президент Академии наук СССР академик Вавилов С. И. ходатайствует о разрешении дополнительно избрать 33 члена-корреспондента на вакансии, освободившиеся вследствие состоявшегося избрания членов-корреспондентов в академики. Акад[емик] Вавилов прилагает распределение этих вакансий по специальностям.
>
> Ходатайство акад[емика] Вавилова следовало бы поддержать, так как установилась уже традиция, что Академии наук СССР всегда разрешалось использовать вакансии членов-корреспондентов, открывающиеся вследствие избрания ряда членов-корреспондентов в академики. <...> Комиссия Политбюро, утверждая список кандидатов, рекомендуемых к баллотированию, учитывала возможное увеличение вакансий»[32].

Это вопрос был рассмотрен 2 декабря на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) и вынесен на заседание Политбюро, которое 3 декабря приняло постановление «О дополнительных вакансиях в члены-корреспонденты на выборах в Академию наук СССР в 1946 г.»[33]. Лишь после этого ученые смогли приступить к выборам, которые состоялись на следующий день.

Сессия Академии наук СССР начала свою работу 29 ноября 1946 г. 30 ноября состоялись выборы академиков: всего было избрано 43 человека — ровно по числу вакансий. По Отделению литературы и языка действительными членами АН СССР стали В. В. Виноградов, В. А. Гордлевский, П. И. Лебедев-Полянский, И. И. Толстой и В. Ф. Шишмарев.

4 декабря проходили выборы членов-корреспондентов. В результате на 114 мест было выбрано 112 человек — два места оказались не занятыми по процедурным причинам (одно из них, как можно будет видеть ниже, мог получить М. К. Азадовский). По Отделению литературы и языка на девять мест было избрано восемь человек: М. П. Алексеев (русская и западноевропейская литературы), С. Г. Бархударов (языкознание), А. И. Белецкий (русская и украинская литературы), Д. В. Бубрих (финно-угорское языкознание), Л. А. Булаховский (славянское языкознание), А. М. Еголин (русская литература), П. В. Ернштедт (языки коптский и греческий) и Г.В. Церетели (арабистика).

О том, как членом-корреспондентом Академии наук СССР не стал М. К. Азадовский, он подробно повествует в своем письме к Г. Ф. Кунгурову от 21 декабря 1946 г.:

> «Чуть-чуть не пришлось Вам нынче и меня поздравлять, — но именно “чуть-чуть” помешало. Имею в виду выборы в чл[ены]-кор[респондент]ы Ак[адемии] н[аук]. <...> Отборочная комиссия поместила в качестве основных кандидатов Лурье, М. П. Алексеева

[32] Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б), 1922–1952. С. 340.

[33] Там же. С. 339.

и меня (кроме того, А. М. Еголина, С. Г. Бархударова, Л. А. Булаховского и ряд восточников — всего 9 человек). Но Лурье — несмотря на мощную поддержку его кандидатуры самим Президентом, который ценит в Лурье знатока истории математики и древней механики, очень плохо проходил. Боюсь, что сыграли при этом роль имя и отчество, — и он так и не добрал (очень не добрал) нужного количества голосов[34].

Со мной же дело обстояло так: из 9 голосовавших я получил 7 положительных, что составляет больше $^2/_3$, т.е. абсолютное большинство. Но... по уставу счет $^2/_3$ ведется не от количества голосовавших, а от общего количества членов Отделения. У нас же их 11; из них три писателя, двое из которых (Шолохов и Сергеев-Ценский) никогда не принимают никакого участия в делах Академии, ни разу не переступали ее порога и свою связь с ней ограничивают, очевидно, лишь получением зарплаты, которая им аккуратно ежемесячно переводится. Причем отсутствующие голоса засчитываются как отрицательные. Таков закон! С[ергеев]-Ценский даже не приезжал нынче в Москву — он живет в Крыму, — а Шолохов был в этот день в Москве, обещал прийти на заседание и принять участие в голосовании, но не счел нужным это обещание выполнить. А две трети из одиннадцати составляют 7 $^1/_3$ голосов. Первоначально полагали, что $^1/_3$ не будет приниматься в расчет, и уже по всей филологической Москве пронесся слух о моем избрании, и я начал получать поздравления. Но затем Президиум сделал общее для всех отделений разъяснение, что дробь — какова бы она ни была — должна считаться как целый голос, — другими словами две трети для нашего Отделения определились в 8 голосов. Произошел ряд перебаллотировок, — М. П. Алексеев получил не хватающий ему также вначале дополнительный голос, а я так и остался со своими семью голосами. Очевидно, какие-то два академика твердо решили воспрепятствовать мне войти в состав членов Отделения.

Мое неизбрание явилось для всех полнейшей неожиданностью, и тут в связи с моим именем произошло совершенно беспрецедентное обстоятельство. По закону чл[ены]-кор[респондент]ы не избираются общим собранием (как академики), а только утверждаются им, — подобно тому, как, скажем, Ученый совет Университета (в больших городах) утверждает постановление Ученого совета факультета о предоставлении кандидатской степени. И вот — в противовес всей существующей практике на общем собрании выступил вице-президент (ак[адемик] В.П. Волгин) и предложил утвердить меня дополнительно, в виду таких-то и таких причин, т. е. учитывая мое значение в науке и недохват всего лишь $^1/_3$ голоса, явившийся результатом постоянного отсутствия некоторых членов Отделения. Он выступал очень настойчиво и даже дважды. Но его предложение не встретило поддержки по формальным причинам самого Президента, к[ото]рый боялся, что т[аким] о[бразом] возникает опасный прецедент для будущего — и что каждое общее собрание будет вносить коррективы в выполнении устава. Поэтому он рекомендовал соблюдать букву устава во всей полноте. Т[аким] о[бразом,] Ваш покорный слуга

[34] Речь идет о профессоре Ленинградского университета Соломоне Яковлевиче Лурье (1890—1964), ученом-энциклопедисте, специалисте по античной истории, литературе, естествознанию; докторе исторических (1934 г.) и филологических (1943 г.) наук, профессоре кафедры классической филологии ЛГУ; его труды по истории науки действительно очень ценил С. И. Вавилов, сам много потрудившийся в этой области. При публикации письма в 1988 г. ошибочно указано, что речь здесь идет об Анатолии Исааковиче Лурье (1901—1978), двоюродном брате Соломона Яковлевича, который хотя и был известным специалистом в области теоретической механики (избран членом-корреспондентом АН СССР в 1960 г.), однако никак не мог баллотироваться в 1946 г. в Академию наук по Отделению литературы и языка.

оказался если и не забаллотирован, то, во всяком случае, не избранным. Было это, конечно, очень обидно и тяжело. Но что поделать?! Мне, кажется, даже было бы легче, если бы сразу меня не включила в число рекомендуемых кандидатов отборочная комиссия, председательствовал в которой ак[адемик] И. И. Мещанинов, а членом был ак[адемик] И. Ю. Крачковский и др., руководили же работой всей (общеакадемической) комиссии высокие люди из ЦК. Таковы мои печальные новости»[35].

Относительно оговорки М. К. Азадовского об «имени и отчестве» Соломона Яковлевича Лурье необходимо сказать особо. То обстоятельство, что на выборах 1943 г. национальность будет иметь существенное значение, писал 23 мая 1943 г. из Москвы директор Пушкинского Дома П. И. Лебедев-Полянский в Алма-Ату И. И. Мещанинову:

«О выборах. Вам, как члену Президиума, как секретарю Отделения и председателю экспертной комиссии по выборам, следует свои соображения по выборам сообщить в Президиум. Возможно, что такие фамилии, как Кюнер, Булаховский, Эйхенбаум отпадут, не по личным соображениям, а в силу общей тенденции»[36].

Именно об этой «тенденции» писал впоследствии почетный академик АН СССР Н. Ф. Гамалея И. В. Сталину:

«Антисемитизм идет сверху и направляется чьей-то “высокой рукой” <...>. Если где-нибудь низовые организации или отдельные лица выдвигают куда-нибудь евреев, то вышестоящие органы (обычно соответствующие отделы ЦК) отводят кандидатуры евреев. Это можно было видеть во время выборов и в Верховные Советы, и в Академию наук СССР, и в Академии наук союзных республик, и в Академию медицинских наук, и в Академию педагогических наук, и т.д. <...> Только благодаря явному антисемитизму выдающиеся ученые нашей страны, составляющие ее гордость и славу, остались за бортом разных Академий, в то время как разные бездарности, порою неизвестные даже специалистам, оказывались “избранными” в действительные члены Академий наук»[37].

Состоявшиеся академические выборы наглядно продемонстрировали преимущество ленинградской филологии: из избранных академиков лишь В.А. Гордлевский не имел прямого отношения к Ленинграду. Три академика (В. В. Виноградов, И. И. Толстой и В.Ф. Шишмарев) и три члена-корреспондента (М. П. Алексеев, С. Г. Бархударов и Д. В. Бубрих) были профессорами Ленинградского университета. (Для сравнения, из профессоров-филологов Московского университета академиком был избран один В. В. Виноградов, который совмещал работу в двух столицах, а членами-корреспондентами — А. И. Белецкий и А. М. Еголин.)[38]

«Вестник Ленинградского университета» писал в этой связи:

«Новое большое и прекрасное пополнение Академии наук СССР вместе с прежним составом Академии достойно возглавит мощное движение советской научной мысли, призванное, по указанию лучшего друга и вдохновителя ученых — товарища Сталина, догнать и затем опередить достижения зарубежной науки в тех областях, в которых мы еще отстаем.

---

[35] Литературное наследство Сибири / Сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск, 1988. Т. 8. С. 244–245.

[36] ПФА РАН. Ф. 969 (И.И. Мещанинов). Оп. 1. Д. 425. Л. 23–23 об.

[37] *Ваксберг А. И.* Из ада в рай и обратно: Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М., 2003. С. 344–345. (Письмо от 4 февраля 1949 г.)

[38] Ширятся ряды наших выдающихся ученых // Московский университет. М., 1946. № 39. 16 декабря. С. 2.

Украшенный новой плеядой блестящих имен, получивших всесоюзное признание, Ленинградский университет с тем большей энергией и ответственностью будет разрешать интересные и важные научные проблемы, предусмотренные в его пятилетнем плане и направленные на дальнейшее развитие советской науки и культуры»[39].

Удивительно, что академические выборы 1946 г., даже несмотря на жесткий отбор кандидатов в ЦК, на фоне последующих выборов кажутся «демократическими», что объясняется беспрецедентным числом вакансий. Впоследствии вакансий было меньше, и заполнялись они людьми, чье место в науке по преимуществу не соответствовало званию члена Академии. Такая практика сохраняется до сего дня.

Свое мнение о выборах 1946 г. оставила О.М. Фрейденберг:

«Трудно себе представить, что такое были эти выборы, в Академию, или в [Верховный] Совет. Гнусный гротеск! <...> Толстой был сделан Мещаниновым академиком; Толстой так и называл того "своим шефом". Сделавшись академиком, Толстой целые дни разъезжал и агитировал за выборы в Верховный Совет Мещанинова.

Марья Лазаревна [Тронская] молила бога, чтоб Толстого провалили. Но, когда тот прошел, Тронские послали ему в Москву поздравленье, поехали встречать, первыми поздравили на квартире и у себя устроили вечер с каким-то особым крэмом, который был очень оценен тронутым Толстым. Тронский[40] составлял рекомендации и отзывы о Толстом непосредственно после всех оскорблений, полученных на защите Моревой. Теперь он дал хвалебную статью в "Правду", изобретательно найдя в Толстом черты крупного ученого. Ему вменилось в заслугу "использование русского народного творчества", сказки. Сам Толстой был уверен, что он первый привлек к изучению античных мифов русскую сказку...

Удивительны эти люди! Они узурпировали все наши методы, достижения, даже термины — после того, как столько травили нас за них. Это было новаторство, когда мы с Хоной [Франк-Каменецким] заговорили о фольклоре, и тогда нас били и презирали за это[41]. Я первая ввела понятие долитературности. В меня бросали камни за это, издевались. А Жирмунский! Все они, одной рукой душа, другой отнимали сейчас то, за что душили. <...>

---

[39] К выборам новых академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР // Вестник Ленинградского университета. Л., 1946. № 4/5 (ноябрь–декабрь). С. 200.

[40] Тронский (до 1938 г. — Троцкий) Иосиф Моисеевич (1908–1970), филолог-классик, профессор кафедры классической филологии филологического факультета ЛГУ, доктор филологических наук (1941 г., тема — «История античной литературы»).

[41] Уместно привести слова профессора И. М. Тронского из хвалебной статьи по поводу новоизбранного академика: «Впоследствии основной задачей научных изысканий И.И. Толстого стало раскрытие фольклорных истоков античной культуры и античного культа; в фольклоре нашей страны, в особенности в русском фольклоре, И. И. Толстой нашел богатейший, почти никем не использованный для целей классической филологии материал, привлечение которого способствовало разрешению ряда темных вопросов этой отрасли науки» (цит. по: *Тронский И. М.* Академик И. И. Толстой // Вестник Ленинградского университета. Л., 1946. № 4/5 (ноябрь–декабрь). С. 205).

И. И. Толстой, действительно, оказался «узурпатором» в области античного фольклора, причем даже посмертно: этому отчасти способствовал подготовленный В.Я. Проппом том его работ (*Толстой И. И.* Статьи и фольклоре. М.; Л., 1966); как писала в этой связи Б.Л. Галеркина, ученица О.М. Фрейденберг: «Античный фольклор был отдан "на откуп" академику Толстому» (*Галеркина Б. Л.* Минувшее — сегодня / Судьбы филологов: Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955) // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., [1998]. Т. 2. № 4. С. 419).

Толстой считал себя высшим арбитром во всех вопросах классики[42]. Он стал важен, алчен, самоупоен. Простота совсем оставила его. Он находился в вечной жажде поздравлений, приветствий, аплодисментов, оваций. Научно он совсем пал»[43].

В связи с выборами 1946 г. важно акцентировать внимание на истинном отношении руководства страны, т. е. Сталина, к Академии наук. Это отношение — лишь как к подсобному механизму огромной машины тоталитарной власти — особенно очевидно на примере именно этих выборов. Его однозначно демонстрирует ситуация с наделением министра иностранных дел и первого заместителя Председателя Совета министров СССР В.М. Молотова званием «Почетного академика Академии наук СССР», заново учрежденным Постановлением Совнаркома СССР от 29 марта 1945 г.[44]

Идея избрания Молотова, курировавшего долгие годы в Совнаркоме вопросы Академии наук, возникла в преддверии выборов. К тому времени избранных ранее почетных академиков оставалось лишь двое — микробиолог Н.Ф. Гамалея и корифей всех наук И.В. Сталин. А потому для избрания Молотова было необходимо высочайшее соизволение. 12 ноября Академия наук вышла с этим вопросом к Сталину, который 14-го числа отправил находившемуся на заседании сессии ООН Молотову следующее послание:

«Академики Вавилов, Бруевич, Волгин, Лысенко и другие просят меня убедить тебя, чтобы ты не возражал против их предложения насчет избрания тебя почетным членом Академии наук СССР. Я поддерживаю академиков и прошу тебя дать согласие.

И. Сталин»[45].

Сессия Академии наук СССР рассмотрела этот вопрос 29 ноября:

«Выдвигая кандидата в почетные члены Академии наук, советские ученые единодушно назвали одно имя — имя Вячеслава Михайловича Молотова. С речью о выдающихся заслугах Вячеслава Михайловича Молотова выступил вице-президент Академии наук академик Волгин. Он говорил о Молотове — ученом и друге науки, замечательном государственном деятеле, ближайшем помощнике товарища Сталина в разработке и осуществлении сталинских пятилеток, блестящем проводнике сталинской внешней политики. Советские ученые единогласно избрали почетным академиком Всесоюзной Академии наук Вячеслава Михайловича Молотова»[46].

Растроганный Молотов послал в адрес АН СССР благодарственную телеграмму:

«Приношу глубокую благодарность Академии наук и лично Вам за оказанную мне советскими учеными высокую честь — избрание меня почетным членом Академии наук СССР. Поставленные нашим великим вождем И.В. Сталиным задачи "превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны" достойны ученых, путь которых вперед освещен светом учения марксизма-ленинизма и расчищен от пережитков прошлого великими завоеваниями нашей Советской Родины.

---

[42] Профессор И.М. Тронский писал тогда: «Все ленинградские ученые, работающие в области античной философии, являются его учениками» (см.: *Тронский И.* Академик И.И. Толстой / Выдающиеся деятели советской науки: Ленинградские ученые, избранные действительными членами Академии наук СССР // Вечерний Ленинград. Л., 1946. № 282. 2 декабря. С. 1).

[43] *Фрейденберг О.М.* Записки.

[44] *Виноградов Ю.А.* Почетные академики и «корифеи науки» // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1999. № 1. С. 179–180.

[45] *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Указ. соч. С. 77.

[46] РГАКФД. Киножурнал «Новости дня», 1940. № 70 (Центральная студия документальных фильмов, г. Москва). Сюжет «В штабе передовой советской науки». Инв. № 5332.

Служа своему народу, мы испытываем тем большее удовлетворение, что в теперешних условиях этим мы служим всему делу прогресса и лучшим целям науки.

Ваш В. Молотов»[47].

Телеграмма Молотова с восторгом была принята участниками сессии Академии наук и 4 декабря была опубликована в главной газете страны. Казалось бы, этим все должно было бы закончиться; но 5 декабря Сталин прочитал в «Правде» текст телеграммы Молотова и незамедлительно ответил:

«Я был поражен твоей телеграммой в адрес Вавилова и Бруевича по поводу твоего избрания почетным членом Академии наук. Неужели ты в самом деле переживаешь восторг в связи с избранием в почетные члены? Что значит подпись "Ваш Молотов"? Я не думал, что ты можешь так расчувствоваться в связи с таким второстепенным делом, как избрание в почетные члены. Мне кажется, что тебе как государственному деятелю высшего типа следовало бы иметь больше заботы о своем достоинстве. Вероятно, ты будешь недоволен этой телеграммой, но я не могу поступить иначе, так как считаю себя обязанным сказать тебе правду, как я ее понимаю»[48].

Молотов вынужден был униженно ретироваться:

«Твою телеграмму насчет моего ответа Академии наук получил. Вижу, что сделал глупость. Избрание меня в почетные члены отнюдь не приводит меня в восторг. Я чувствовал бы себя лучше, если бы не было этого избрания. За телеграмму спасибо.

5.XII.46 г. Молотов. Нью-Йорк»[49].

На этом примере недвусмысленно не только определяется отношение Сталина к Академии наук, но и становится очевидным место, которое он отводил Академии в своем государстве.

Однако для всех остальных граждан Страны Советов Академия наук СССР продолжала оставаться Олимпом, чему немало способствовало то обстоятельство, что членство в Академии сполна обеспечивалось различными благами.

Возвращаясь к успеху ученых Ленинградского университета на этих выборах, отметим, что такой успех был достигнут во многом благодаря ректору: пять академиков (Л.С. Берг, К.М. Быков, В.Ф. Шишмарев, И.И. Толстой и В.В. Виноградов) и 18 членов-корреспондентов. Причем трое из пяти академиков — представители филологических наук.

После выборов по Ленинградскому радио прошел цикл передач «Новые советские академики», в рамках которого 15 декабря выступил проректор ЛГУ профессор С. В. Калесник, также позднее ставший академиком[50]:

«Товарищи!

Недавно закончившиеся выборы новых академиков и членов-корреспондентов во Всесоюзную Академию наук были для советской науки одновременно и большим праздником и демонстрацией ее неиссякаемых сил и возможностей. Выборы были

[47] *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Указ. соч. С. 77.

[48] Там же. С. 78.

[49] Там же.

[50] Калесник Станислав Викентьевич (1901–1977) — доктор географических наук, профессор географического факультета ЛГУ, проректор ЛГУ по научной работе; впоследствии член-корреспондент АН СССР (1953), академик (1968), президент Географического общества СССР (1964).

новым ярким свидетельством того, насколько богата наша Родина первоклассными научными кадрами.

Не всякое государство может открыть в свою Академию сразу 120 дополнительных вакансий, и не всякая страна может выдвинуть на эти вакансии почти тысячу заслуженных кандидатов в академики и члены-корреспонденты.

Главный штаб советской науки получил большое и прекрасное пополнение. Можно не сомневаться, что оно, вместе с прежним составом Академии, достойно возглавит мощное движение советской научной мысли и практики, призванное, по указанию товарища Сталина, догнать и затем опередить достижения зарубежной науки в тех областях, в которых мы еще отстаем.

Радостно отметить, что наш Ленинградский университет, славный своим квалифицированным коллективом и передовыми научными традициями, оказался на должной высоте во время минувших выборов в Академию. Из числа научных работников Университета избрано в действительные члены Академии 5 человек, в члены-корреспонденты — 18 человек. Таким образом в Ленинградском университете работает, вместе с прежними, 28 академиков и 39 членов-корреспондентов Академии наук»[51].

Далее проректор охарактеризовал и новых действительных членов Академии, в том числе и трех представителей филологического факультета:

«Академик Владимир Федорович Шишмарев — крупнейший в Советском Союзе специалист по истории романских языков и литератур. Его перу принадлежат капитальные работы по истории западноевропейских литератур и языков. Превосходно владея всеми романскими и германскими языками, академик Шишмарев сделал очень много в области изучения и научной разработки таких литератур, как французская, румынская, итальянская, испанская.

В списке многочисленных печатных работ Владимира Федоровича Шишмарева мы находим и обширные монографии по средневековой французской литературе, и фундаментальную книгу об испанском языке, и изыскания в области текстологии, и исследования финского фольклора, и этюды по теории литературы, и этимологические исследования, и статьи о грузинской литературе. Диапазон научных интересов академика Шишмарева огромен.

Владимир Федорович Шишмарев является также превосходным знатоком русской культуры, литературы и языка.

Блестящий стилист, он обогатил русскую литературу рядом прекрасных переводов западных классиков и дал целую серию великолепных текстологических работ.

Воспитанник Ленинградского университета и ученик великого русского филолога академика Веселовского, Владимир Федорович продолжил и углубил теорию своего учителя и создал целую школу советских специалистов в области языкознания и литературоведения.

Как ученый, академик Шишмарев отличается и широтой, и глубиной своей исследовательской мысли. Это не только филолог, но и историк, автор обширной работы о романских поселениях в нашей стране. Владимир Федорович в совершенстве владеет методом синтетического изучения явлений культуры, с одинаковой свободой привлекая и литературный, и исторический, и лингвистический, и этнографический, и фольклорный материал. Замечательный педагог, академик Шишмарев вот уже пятый десяток

[51] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2212. Л. 11. Передача из серии «Новые советские академики», 15 декабря 1946 г. (18:00–18:16).

лет непрерывно читает лекции в Ленинградском университете, пользуясь неизменной любовью и симпатией своих многочисленных слушателей.

По разряду гуманитарных дисциплин в академики избраны также профессора Ленинградского университета Иван Иванович Толстой и Виктор Владимирович Виноградов.

Питомец университета, окончивший его 45 лет тому назад, Иван Иванович Толстой является теперь ведущим специалистом по классической филологии, в одинаковой мере сильным как в области изучения античных литератур и языков, так и в области исследования античного фольклора, мифологии, религии и этнографии. Особая ценность его работ, позволившая осветить многие темные вопросы классической филологии, заключается в привлечении к исследованию русских фольклорных материалов, которые до этого почти вовсе не использовались.

Исключительно большое значение имеют труды Ивана Ивановича, посвященные изучению греческой лирики, греческой драмы и соотношению между живым греческим языком и различными литературными стилями.

В лице академика Толстого советская филологическая наука имеет ученого выдающейся эрудиции, большого литературного вкуса, научно-художественной тонкости и изящества. Имя Ивана Ивановича Толстого пользуется мировой известностью в широких кругах специалистов.

Виктор Владимирович Виноградов также питомец нашего университета. Всю свою творческую жизнь он отдал исследованию русского языка и литературы, в особенности — изучению литературного языка в его истории, современном состоянии и художественно-стилистических проявлениях.

Изучение стиля в широком смысле слова привело академика Виноградова к анализу истории русского литературного языка, к исследованию языка и стиля крупнейших русских писателей — Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, а также к постановке общих вопросов русского языкознания. Ему принадлежит разработка учения о фразеологии, исследования по исторической лексикологии и многие труды, подтверждающие социальный характер определенных стилистических образований.

Научные труды академика Виноградова, который, вместе с академиком Обнорским, является самым крупным представителем русского языкознания, пользуются широкой популярностью у нас и за рубежом, в особенности — в славянских странах»[52].

А 27 декабря 1946 г. у микрофона выступил избранный членом-корреспондентом Академии наук СССР декан филологического факультета профессор М. П. Алексеев, который, ведя свой рассказ о новых академиках, еще раз отметил влияние академика Веселовского на жизнь и научную деятельность В. Ф. Шишмарева:

«Свою научную подготовку Владимир Федорович получил под руководством великого русского ученого — академика Александра Николаевича Веселовского, одного из крупнейших филологов мира. Один из лучших и любимейших учеников академика Веселовского, Владимир Федорович Шишмарев стал хранителем его научного наследия, привел в порядок и выпустил в свет его незаконченные труды, среди них — знаменитую "Историческую поэтику" и был одним из главных редакторов издававшегося Академией наук "Собрания сочинений" академика Веселовского.

Первыми самостоятельными научными шагами Владимир Федорович также обязан своему великому учителю: академик Веселовский оставил его при университете для

[52] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2212. Л. 14–16. Передача из серии «Новые советские академики», 15 декабря 1946 г. (18:00–18:16). .

приготовления к профессорскому званию, исхлопотал ему продолжительную заграничную командировку для завершения его образования, определил в значительной степени область его научных интересов и специальных занятий»[53].

НАУЧНАЯ ЭЛИТА В ПЛЕНУ ПРИВИЛЕГИЙ

Преследование отдельных ученых или целых научных школ в послевоенные годы характеризуется тем, что нарастающие акции обрушивались на них не только «сверху» — со стороны руководства страны, идеологов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), функционеров Академии наук или Министерства высшего образования.

Серьезной опасностью было постоянное и изматывающее давление «снизу» — от своих же коллег по университетам или академическим институтам, от коллег по Союзу советских писателей, от аспирантов и кафедральных сотрудников учебных заведений, от членов парткомов, комсомольских комитетов, от доносителей-студентов и т. д. А постоянно нагнетаемый страх оказывал не меньшее деструктивное психологическое воздействие, нежели громкие «проработочные» собрания. Результатом этой атмосферы были многочисленные инфаркты и прочие болезни среди профессорско-преподавательского состава.

Если гнет «сверху» был заведомо очевиден и воспринимался как «всеобщее зло», то гнет «снизу», спровоцированный внутренней политикой партии и правительства страны, был ежедневно осязаем и оказывался горькой реальностью жизни и работы советского ученого. А политика эта недвусмысленно насаждала еще одно классовое разделение в советском обществе 40-х гг. — согласно волеизъявлению руководства страны или, вернее, сообразуясь с мироощущением вождя, отца и учителя, корифея всех наук.

Подлинная профессура, точнее говоря, ее жалкие остатки, еще не замещенные представителями господствующего класса, были отданы на растерзание этому классу:

> «Обезглавив Россию, убив всю интеллигенцию, Сталин создал из страны одно туловище. Города забиты крестьянством, тем крестьянством, деды которых еще были крепостными и во многих случаях живы. Крепостная Россия, с рабством в крови, темная, забитая и жестокая, стала у всех рулей. Она официально возводится в “великий русский народ”, которому кадят в устрашающих, догматических формулах, выработанных тайной полицией»[54].

В Ленинградский университет, в аспирантуру Академии наук СССР, особенно после войны, абитуриенты зачислялись, по большей части состязаясь на поле анкетных данных; то же можно сказать и о профессорско-преподавательском составе. Именно поэтому безошибочно определяется направленная агрессия молодых научных кадров против своих же блестящих учителей, заботе и знаниям которых они всецело были обязаны своими аспирантурами, диссертациями, местами на кафедрах...

Это началось сразу после войны, но именно война открыла людям глаза на то, что же является действительным залогом жизненного благополучия: и это не знания и не уважение... Залог успеха в глазах послевоенного научного работника — это ученые степени, ученые звания, ордена, должности; верх же всего — академические звания (многие

[53] Там же. Л. 20. Передача из серии «Новые советские академики», 27 декабря 1946 г. (18:00–18:15).

[54] *Фрейденберг О.М.* Записки.

лжеученые, особенно в области общественных наук, удостоились чести видеть свои имена внесенными навечно в списки Академии наук). После войны уже все понимали, говоря словами Л. Я. Гинзбург[55], что «не между хижинами и дворцами располагается шкала благ, но между комнатой в коммунальной квартире и отдельной квартирой из трех комнат»[56]. А блага эти распределялись и напрямую зависели от официального статуса ученого.

Процесс бюрократизации научного сообщества зародился еще задолго до войны, в голодные 20-е гг., но наиболее резко вопрос снабжения ученых встал в военное время. Именно во время войны научно-педагогическая среда была окончательно разделена огромными пропастями, пролегавшими между рядовым научным работником-литературоведом, с одной стороны, и членом Союза советских писателей или доктором наук — с другой; между доктором наук и членом-корреспондентом Академии наук, между членом-корреспондентом и академиком... Именно война закончила градуирование научного сообщества, а пиетет рядовых граждан к венчавшим эту номенклатурную пирамиду ступеням сохранился на долгие десятилетия. Причина столь резко врезавшегося в сознание граждан разделения опять же не в том, что кому-то перепадало больше почета, признания или уважения... Военное время почти не давало ученым этих благ, напротив, оно даже несколько принизило научные заслуги на фоне ратных подвигов современников. Но военное время установило иную, много высшую меру, нежели почет, уважение или даже деньги. Это была мера хлеба, а значит — вопрос жизни и смерти.

Если до войны наука еще как-то пыталась сохранять чувство достоинства, то к началу 50-х гг. она оказалась еще одной отраслью народного хозяйства, в которой безраздельно властвует господствующий класс, причем столь же жестоко, как и в других сферах. Ученые, которые отказывались активно участвовать в проводимых партийной организацией действах, сами становились мишенью для сногсшибательной критики и притеснений. Только при содействии чудовищным деморализующим силам, порождаемым сталинским руководством, ученый мог рассчитывать на признание, движение по карьерной лестнице, а зачастую и просто на существование.

О. М. Фрейденберг со свойственной ей бесстрашной категоричностью пишет:

> «Когда говорят о крепостничестве, имеют в виду рабов. Но оно ужасно и угнетателями. Крепостничество породило жестоких, грубых зверей, начальников над своим же братом-горемыкой. Дело не в диктатуре пролетариата — ее и в помине нет. Дело не в господстве "низших". Нет, господствуют потомки крепостничества, жестокая, хамская, бездушная сила тех мужиков, которые били и будут бить народ. Сталин призвал к власти этих управителей, помещичьих хозяйчиков, жандармерию, становых, кулаков, кабатчиков. Сейчас они стали заведующими столовыми и магазинами, управляющими столовыми и магазинами, управляющими домами и начальниками учреждений. Они организуют наш быт. Мы даны на откуп этой грубой силе. Они наши инструкторы, судьи, критики нашей духовной продукции. То, с чем боролась культура в течение

[55] Гинзбург Лидия Яковлевна (1902–1990) — литературовед, текстолог, эссеист и литератор, кандидат филологических наук (1940 г., тема — «Творческий путь Лермонтова»); впоследствии доктор (1958 г.; тема «Творчество А. И. Герцена в 1830–1850-х гг.»), лауреат Государственной премии СССР (1988). С 1922 г. работала под руководством Б. М. Эйхенбаума, с 1 октября 1926 по 1 декабря 1927 гг. состояла штатным аспирантом ИЛЯЗВ, но была отчислена «ввиду недостаточного применения марксистского метода» (ПФА РАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 62. Л. 14).

[56] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 234–235. Запись 1950–1960-х гг.

веков, вся жестокая невежественная сила этих ростовщиков и кабатчиков — наши цензоры, бытоустроители, воспитатели наши.

Этих взяточников, воров и жуликов переигрывают Алексеевы, Мещаниновы, Жирмунские. В жалком раболепии перед почестями, они одной своей стороной лижут подметки негодяям, другой — смеются над ними и тащат в карман куски добра»[57].

Ученые звания, степени и различные членства свою первостепенную роль сыграли во время войны, прежде всего в распределении и обеспечении продовольственных и товарных карточек, а также дополнительного питания. Многие члены Союза советских писателей, к которому относилась большая часть литературоведов, обеспечивались по так называемой рабочей карточке (самой высокой в системе), причем благодаря ведомственному «прикреплению» эти карточки почти всегда нормально отоваривались; то же касалось и профессуры. Все эти ставшие привилегированными «классы» имели и свои столовые, где можно было брать обеды, туда же можно было «прикреплять» и членов семьи. Члены-корреспонденты и действительные члены Академии наук снабжались еще лучше. Кроме питания, «прикрепленные» снабжались предметами первой необходимости и одеждой.

Сперва приведем некоторые строки из переписки критика и литературоведа В.Я. Кирпотина:

«Я питаюсь в Клубе. Обед: закуска, щи, мясо и стакан чаю с пирожком. Видишь, вполне сытно. Прикрепили к распределителю на Петровке, где по рабочей карточке все будут обеспечивать» (5 апреля 1942 г.); «Сейчас для писателей проблема питания в Москве не стоит. Я сыт и даже вновь пополнел» (3 мая 1942 г.); «В продовольственном отношении вы бы со мной в Москве прожили легче. Жен и детей прикрепляют в Клубе и к распределителю, и к столовой» (3 июня 1942 г.); «Обед в столовой по-прежнему совершенно сытный» (13 января 1943 г.); «На май месяц я получил, как и многие писатели, карточку на ужин, сухим пайком. Эта карточка равна примерно рабочей» (3 мая 1943 г.); «Между прочим, Союз писателей получил право (с разрешения наркомторга Любимова) регистрировать жен некоторых писателей как секретарей. Это освобождает их от работы в учреждениях и дает карточку служащего. Это только по Москве, конечно, а не по другим городам... Если ты захочешь воспользоваться этим по приезде, то это можно будет оформить» (24 июля 1943 г.)[58].

«О том, на каком я снабжении, я тебе писал. Не знаю, что у вас подразумевается лимитом. Лимит в Москве — высшая категория (на 300 и 500 рублей). Союз писателей получил 150 лимитов на весь СССР. Мне Фадеев лимита не дал, зато дал Ермилову, Усиевич, Гурвичу, то есть дал людям, с которыми связан по персональной линии. Таковы чисто “благородные особи”. Подавив отвращение, я пошел с ним объясняться. Глазки у него становятся оловянными, лепечет, что Ермилов работает на радио. Я ни у кого ничего не хочу отнимать, но вопиющий характер исключения меня из лимита бросается в глаза. Лимита я не получил, но получил абонемент. Абонементы даны всем докторам и профессорам. Фадеев сказал, чтоб никому из ученых в Союзе писателей лимитов не давали, а направляли их в учреждения Академии наук за абонементами. <...> Я перекрепился [sic!] в Институт [мировой литературы имени] Горького. Таким образом, я буду иметь литерные обеды, обыкновенную рабочую карточку и абонемент» (9 августа 1943 г.)[59].

[57] *Фрейденберг О.М.* Записки.

[58] *Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. С. 488, 494, 499, 512, 518, 525.

[59] Там же. С. 526.

В Ташкенте, куда были эвакуированы многочисленные научные учреждения, находилась его жена, которая также пишет о «главном военном вопросе»:

«В последние дни началась канитель (конец месяца) с получением столовой. Академики и членкоры никак не могут успокоиться, что в столовой питаются "люди не 1-й категории". Они хлопочут все время об откреплении от столовой людей, не входящих в 1-ю категорию. Нас, живущих на Пушкинской, они вроде бы не хотят открепить. Во всяком случае, не настаивают. Но зато доктора, живущие в других местах (Благой, Нечкина и другие), хотят, чтоб прикреплены были все или никто. Но, конечно, лучше бы всех прикрепили»[60] (июль 1942, Ташкент).

«Интересный случай был со мною в Союзе писателей. В конце апреля бытовая комиссия Союза собирала деньги на закупку продуктов в Казахстане. Закупка проводилась за наличные деньги желающих. Люди внесли деньги, кто сколько мог. Я внесла 500 рублей. Эта сумма считалась значительной. Корифеи денег не вносили, считая, что из этой затеи ничего не выйдет. <...> В июне продукты прибыли. И тут встал вопрос, как распределять. Когда деньги вносили, нам обещали выдать продукты соответственно внесенной сумме. А так как многие денег не внесли совсем, особенно крикуны, то они не должны были ничего получить. Но это их не устраивало, особенно тех, кто денег не вносил совсем. И тогда под председательством Лежнева создали комиссию и всех разделили на 4 категории. 1-я категория. Творчески и общественно активные писатели. 2-я категория. Творчески активные, но общественно малоактивные писатели. 3-я категория. Творчески и общественно малоактивные писатели. И не члены Союза, но общественно активные. 4-я категория. Не члены Союза писателей и не ведущие общественной работы. Внесение суммы больше 300 рублей давало преимущество. Волнения, дрязг было много вокруг. <...> В день, когда начали раздавать продукты, я пошла в Союз писателей и выяснила: 1-я категория — 1 паек. 2-я категория — $^3/_4$ от 1 пайка. 3-я категория — $^1/_2$ от 1 пайка. 4-я категория ничего не получает. Стоимость пайка 1-й категории — 260 рублей. Меня, конечно, внесли в 3-ю категорию.

Меня просто взорвало. Дело не в продуктах, а в безобразном распределении. В комиссии было 9 человек. Я пошла к Лежневу. Он долго и пространно мне объяснял, что я должна быть во 2-й категории, но никак не в 3-й категории. Тогда я наугад назвала несколько жен, не подозревая, что они в первой категории. И сказала, что я должна быть там, где они. И что мой муж и по общественной линии Союза писателей, и по творческой работе, и по внесенной сумме денег должен быть в 1-й категории. <...> Получила я паек 1 категории, но глядеть на них всех мне было противно. Кто-то сказал очень точно: — Обидели тех жен, чьи мужья в Москве»[61].

В Ленинграде, где дело со снабжением продовольствием обстояло неизмеримо хуже, наблюдались те же процессы, и достигался тот же результат: возрождалось казалось бы изжитое «классовое» чувство:

«Как радовались профессора, особенно жены профессоров, когда прошел слух о том, что на Михайловской [улице] доцентов и кандидатов больше прикреплять не будут. Соображения о лучшем снабжении или о меньших очередях здесь были на заднем плане. Человек вовсе не так грубо утилитарен. Человек грубо утилитарен, только пока он простодушно голоден. Здесь же был крик души изголодавшихся по чувству привилегированности»[62].

---

[60] *Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 501–502.
[61] Там же. С. 502–503.
[62] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. С. 179.

Дополнительное обеспечение члены ССП получали также по линии Литфонда СССР. Например, в 1944 г. в Ленинград в большом количестве поступала американская продовольственная и вещевая помощь, распределявшаяся лишь среди привилегированных граждан и членов их семей. Поскольку члены ССП входили в группу избранных, то всем им также полагались такие «подарочные наборы», но не все вовремя успевали их получить. Именно по этой причине Совет правления Ленинградского отделения Литфонда 23 сентября 1944 г. рассматривал следующий вопрос: «Слушали: о выдаче американских подарков члену ССП тов. Эйхенбауму. Постановили: обратиться с ходатайством в Литфонд СССР о выдаче члену ССП тов. Эйхенбауму Б. М. полного комплекта подарков»[63].

Специальное распределение среди писателей сохранилось и впоследствии: в пору голода 1946–1947 гг. ленинградские литераторы получали специальные пайки, в том числе осенью 1947 г. — вагон картофеля от белорусских писателей, который оказался распределен не столько между самими писателями, сколько между сотрудниками аппарата. Именно поэтому 29 ноября 1947 г. Совет правления ЛО Литфонда отдельным пунктом рассматривал вопрос «О распределении картофеля писателям», поскольку «полученный из Белоруссии картофель по решению ЛО ССП был распределен среди писателей и сотрудников ЛО ССП, ЛО Литфонда, Охр[аны] Авт[орских] прав и др.», и в результате не все писатели его получили, тогда как «при распределении картофеля необходимо в первую очередь учитывать интересы писателя. Ставить в одинаковые условия писателей и сотрудников неправильно, так как белорусские писатели посылали картофель для писателей Ленинграда»[64].

Еще одной преференцией членов ССП стали дачные участки и путевки в Дом творчества писателей в поселке Келломяки (в 1948 г. переименован в Комарово), где выделение участков под дачи и строительство Дома творчества началось в 1945 г.; в конце того же года первые отдыхающие получили путевки в Дом творчества; с лета 1946 г. отдыхающие распределялись по сменам (стандартная путевка предоставляла право на 15 дней отдыха). Кроме того, ленинградские писатели имели возможность пользоваться Домом творчества писателей в Риге. Однако возможность отдыхать в Домах творчества открывалась не для всех: летом 1946 г. там было лишь 22 комнаты (из них 8 двойных), т. е. размещалось только 30 человек[65], хотя желающих было значительно больше. Именно поэтому списки кандидатов многократно рассматривались и выносились на утверждение совета ЛО Литфонда. Из профессоров филологического факультета Ленинградского университета летом 1946 г. в Доме творчества отдыхали В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, А. А. Смирнов, В. Г. Адмони и др.

Естественно, что такая система поощрения избранных, функционировавшая как в писательской, так и в академической системе, имела серьезные последствия. О том, что началось в академической науке, пишет в своих воспоминаниях известный физик, декан физического факультета Ленинградского университета М. Э. Фриш:

> «Возможность непосредственно наблюдать жизнь Академии наук у меня появилась с 1946 года, когда я был избран членом-корреспондентом. Это были годы послевоенного сталинского периода, отличавшегося, впрочем, как и все остальные годы культа личности, глубочайшими противоречиями. С одной стороны — подхалимство,

[63] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО Литфонда СССР). Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

[64] Там же. Л. 213.

[65] Там же. Л. 96.

чинопочитание, казенщина, с другой — самоотверженный труд людей, который, несмотря на все препятствия, приводил к большим успехам. Можно было бы не вспоминать об отрицательных сторонах жизни того времени, но дело в том, что они существовали не только из-за роковых ошибок Сталина и его ближайших сотрудников. Они находили благоприятную почву среди огромного числа более мелких представителей власти и рядовых работников. Сталинская система развращала и портила людей. Она оставила тяжелое наследство, последствия которого чувствуются до сих пор. <...> Обязательное восхваление Сталина приняло такие размеры, что люди потеряли всякое чувство меры. <...> Восхваление превратилось в привычное дело, восхваляли не только Сталина, но и любое лицо, стоящее ступенькой выше других на иерархической лестнице.

В среде ученых чванливость и порождаемое ею подхалимство тоже нашли себе место. Они начали появляться еще в годы эвакуации. <...> Имелась целая система столовых, буфетов, распределителей — "только для академиков". Доступ в них простым смертным запрещался. <...> Я услышал разговор двух шедших передо мной женщин, судя по одежде, жен академиков. Одна говорила другой:

— Подумай, раньше в распределитель пускали только академиков, теперь пустили и членов-корреспондентов; пожалуй, скоро пустят и просто профессоров! Какой ужас!

По возвращении из Казани в Москву в академических учреждениях, в соответствии с общим стремлением "назад к прошлому", завели стариков швейцаров с декоративными бородами и дореволюционной подобострастностью. Швейцары быстро разбирались, кто в каком звании и какую степень вежливости следует проявлять. <...>

Деление лиц, причастных к Академии, по чинам и званиям, которое так бросилось мне в глаза в Казани, осталось в силе и в Москве. Звание академика было вознесено на небывалый пьедестал. Оно означало несомненное, официальное признание и удостоверенное превосходство над прочими смертными. Академики получали один из самых больших окладов в стране и пользовались многими другими привилегиями. Сталин "подарил" академикам под Москвой и Ленинградом дачи с полгектаром земли. <...> Ученых принято представлять людьми скромными. Но устоять против почестей и пренебрегать привилегиями трудно. <...> Чувство меры теряли особенно те, у которых за душой было мало. Среди физиков таких псевдоученых, пожалуй, не имелось. Но в Академии в целом их число выражалось внушительной цифрой»[66].

НЕВИДАННОЕ ПОВЫШЕНИЕ ОКЛАДОВ УЧЕНЫМ

Формировалась система материальных привилегий постепенно, достигнув к началу 1946 г. своего пика, на котором оставалась последующие десятилетия[67].

---

[66] *Фриш С. Э.* Сквозь призму времени. М., 1992. С. 331–334.

[67] Штатные оклады и штатные должности в вузах были введены вместо так называемых платежных единиц еще в 1923 г. в результате работы комиссии из представителей Наркомпроса, Наркомфина, Наркомтруда и Цекпроса под председательством зампредсовнаркома А.Д. Цюрупы — «в целях улучшения материального положения работников высших учебных заведений» (см.: Новая система оплаты персонала в высших учебных заведениях и научных учреждениях // Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Народного Комиссариата Просвещения. М., 1923. № 25. 12 мая. С. 10–11).

С помощью официальных документов можно проследить этапы ее формирования: наиболее показательна в данном случае динамика роста заработной платы профессорско-преподавательского состава вузов СССР за десятилетие с 1937 по 1946 г. В эти годы правительство приняло три важных законодательных акта:

1. Постановление Совнаркома СССР № 2000 от 11 ноября 1937 г. «О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах»[68].

2. Постановление Совнаркома СССР № 1532 от 13 сентября 1942 г. «О повышении должностных окладов профессорско-преподавательского состава...» с 1 сентября 1942 г. (приводим сведения в доступной редакции — циркулярного приказа С. В. Кафтанова по ВКВШ при СНК СССР № 223 от 14 сентября 1942 г.)[69].

3. Постановление Совнаркома СССР № 514 от 6 марта 1946 г. «О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий» с 1 апреля 1946 г. (сведения приведены в редакции опубликованного приказа Министерства просвещения РСФСР № 293 от 19 марта 1946 г.)[70].

На основании указанных документов мы составили таблицы, наглядно демонстрирующие рост благосостояния работников вузов (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Должностные оклады профессорско-преподавательского состава вузов СССР, 1937–1946 гг.

Штатная должность, ученая степень или образование		Должностной оклад, в руб.								
		Постановление СНК СССР								
		от 11 ноября 1937 г.			от 13 сентября 1942 г.			от 6 марта 1946 г.		
		Стаж в занимаемой должности								
		Менее 5 лет	От 5 до 10 лет	Свыше 10 лет	Менее 5 лет	От 5 до 10 лет	Свыше 10 лет	Менее 5 лет	От 5 до 10 лет	Свыше 10 лет
Профессор, заведующий кафедрой	Имеющий ученую степень доктора наук	1 100	1 300	1 700	1 500	2 000	2 300	4 000	5 000	6 000
	Не имеющий ученой степени доктора наук	900	1 100	1 300	1 200	1 500	1 800	3 000	3 750	4 500

[68] Постановление Совета Народных Комиссаров: О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, издаваемое Управлением Делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР. М., 1937. № 73, 1 декабря. С. 751–752.

[69] О повышении должностных окладов профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений, директоров вузов и их заместителей по учебно-научной работе: Приказ № 223 от 14 сентября 1942 г. / Приказы и инструкции ВКВШ при СНК СССР // Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР. М., 1942. № 6/7. Сентябрь–октябрь. С. 3–4.

[70] О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий: Приказ № 293 от 19 марта 1946 г. // Приказы и инструкции / Министерство Просвещения РСФСР. М., 1946. Сб. 6. С. 3–4. Этот приказ дублирует приказ ВКВШ при СНК СССР № 111 от 9 марта 1946 г.

Профессор кафедры	Имеющий ученую степень доктора наук	1 000	1 150	1 500	1 300	1 750	2 000	3 500	4 500	5 500
	Не имеющий ученой степени доктора наук	800	900	1 200	1 000	1 350	1 500	2 800	3 500	4 000
Доцент кафедры и старший преподаватель	Имеющие ученую степень кандидата наук	700	800	1 050	900	1 200	1 400	2 500	2 800	3 200
	Не имеющие ученой степени кандидата наук	600	700	800	700	1 000	1 100	2 200	2 300	2 700
Ассистент кафедры и преподаватель	Имеющие ученую степень кандидата наук	600	700	900	800	1 000	1 200	1 750	2 000	2 300
	Не имеющие ученой степени кандидата наук	500	600	700	600	800	900			

Таблица 2

Должностные оклады руководителей вузов СССР, 1937–1946 гг.

Штатная должность, ученая степень или образование		Должностной оклад, в руб.								
		Постановление СНК СССР								
		от 11 ноября 1937 г.			от 13 сентября 1942 г.			от 6 марта 1946 г.		
		Категория вуза								
		1	2	3	1	2	3	1	2	3
Директор вуза	Имеющий ученую степень доктора наук или ученое звание профессора	1 300	1 100	1 000	2 000	1 750	1 500	8 000	7 000	6 000
	Имеющий ученую степень кандидата наук или ученое звание доцента	1 300	1 100	1 000	2 000	1 750	1 500	7 000	6 000	5 000
Заместитель директора по учебно-научной работе	Имеющий ученую степень доктора наук или ученое звание профессора							6 000	5 000	4 000
	Имеющий ученую степень кандидата наук или ученое звание доцента							5 000	4 000	3 000

Повышение окладов 1946 г. оказалось беспрецедентным: оно окончательно установило исключительное положение советских ученых и вполне доступно объясняет тот факт, что профессура послевоенного времени возводилась в ранг небожителей.

Кроме такого гигантского повышения окладов, в 1946 г. правительство СССР приняло еще ряд важных решений об улучшении материально-бытовых условий ученых.

Не последнюю роль в этом сыграли титанические усилия руководства страны, направленные на создание атомной бомбы, которые отразились на всей советской науке и системе Академии наук СССР в частности. 6 ноября 1945 г. В. М. Молотов в традиционном докладе по случаю годовщины Октябрьской революции выразил уверенность, что Советскому Союзу удастся догнать-таки США в атомном вопросе:

> «Мы наверстаем все, как это нужно, и добьемся, чтобы наша страна процветала. Будет у нас и атомная энергия, и многое другое. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают)»[71].

В конце 1945 г. президент Академии наук С. И. Вавилов огласил государственную программу в области науки:

> «Наша наиболее последовательная советская демократия полностью гарантирует использование науки в интересах всего человечества, в интересах мира и прогресса.
>
> Перед учеными Советского Союза, перед нашими академиями, университетами, институтами и лабораториями встала новая задача, и несравнимо более важная, чем во все предшествующие времена. Нашей науке необходимо в кратчайший срок дать своему советскому народу, его городам, его промышленности, его полям такие научные результаты, такие средства техники, которые позволили бы продолжать великое дело построения социалистического общества с максимальным использованием естественных богатств и с полным спокойствием и уверенностью в том, что никто не посмеет нарушить нашу созидательную работу»[72].

Довольно точно, хотя и несколько субъективно, такой поворот власти к ученым, произошедший в 1946 г., объясняет известный исторический анекдот:

> «После атомной бомбардировки Хиросимы Сталин спросил президента Академии наук Вавилова:
>
> — Ну что, просрали бомбу ваши ученые?
>
> — Нет, товарищ Сталин, в очередях простояли.
>
> Дерзкий ответ спас президента. В науку были брошены большие средства»[73].

Чтобы оценить масштаб заработков профессуры относительно доходов других граждан, достаточно сравнить их с максимальными окладами учителей городских средних школ. При этом необходимо учитывать, что учителя в те годы были отнюдь не самой низкооплачиваемой категорией советских трудящихся, а получаемая ими заработная плата превышала месячную оплату труда квалифицированных рабочих.

10 февраля 1948 г. И.В. Сталин как Председатель Совета министров СССР и А.А. Жданов как секретарь ЦК ВКП(б) подписали совместное постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) № 245 «О повышении заработной платы и пенсий учителям начальных, семилетних и средних школ». Заметим, что принятое постановление всего лишь

---

[71] *Молотов В. М.* 28-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции: Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1945 г. М., 1945. С. 28–29.

[72] *Вавилов С. И.* Советская наука на службе Родине. М.; Л., 1946. С. 21. (Подписано в печать 29 декабря 1945 г. На обороте титульного листа напечатано: «Брошюра академика С. И. Вавилова «Советская наука на службе Родине» издается в связи с выборами в Верховный Совет Союза ССР и предназначается для пропагандистов и агитаторов».)

[73] *Борев Ю.* Власти-мордасти. [СПб.], 2003. С. 130.

на 15% повышало прежние ставки, установленные постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 875 «О повышении заработной платы учителям и другим работникам начальных и средних школ» от 11 августа 1943 г. С 1 февраля 1948 года учителям устанавливались новые оклады[74] (см. табл. 3).

Таблица 3

Заработная плата учителей начальных, семилетних и средних школ СССР, 1948 г.

Категория работника		Должностной оклад, руб. с педагогическим стажем		
		до 5 лет	от 5 до 10 лет	свыше 10 лет
Учитель начальной школы и I–IV классов семилетних и средних школ	1-го разряда (имеющие среднее педагогическое образование)	575	635	690
Учитель V–VII классов семилетних и средних школ	1-го разряда (с высшим образованием)	690	735	795
	2-го разряда (окончившие учительские институты и приравненные к ним учебные заведения)	660	710	765
Учитель VIII–X классов средних школ	Учитель русского и родного языка, литературы, математики, физики, химии, географии, истории, Конституции СССР, естествознания, физической подготовки и иностранных языков: 1-го разряда (с высшим образованием)	710	765	850

Зарплата рабочих, как мы сказали, была еще ниже. Кроме того, следует обратить особое внимание на тот факт, что если оклады работников науки и высшей школы росли как на дрожжах, то оплата большей части рабочих, наоборот, стремительно снижалась. Это было связано с тем, что огромное число промышленных предприятий, переориентированных с началом войны на выпуск продукции для нужд фронта, постепенно конверсировалось, а гражданская продукция оплачивалась совершенно по другим статьям бюджета страны; к тому же в мирное время сократилась трудовая неделя; постоянные внеурочные работы, оплачиваемые дополнительно, также прекратились. Все это существенным образом отразилось на заработной плате:

«Среднемесячная зарплата рабочих на заводах и предприятиях г. Москвы, составлявшая в мае 1945 г. 680 руб., снизилась до 480 руб. На отдельных предприятиях сокращение

[74] О повышении заработной платы и пенсий учителям начальных, семилетних и средних школ: Приказ № 73 от 18 февраля 1948 г. // Приказы и инструкции / Министерство Просвещения РСФСР. М., 1948. Сб. 2. С. 5. Этот приказ министра просвещения РСФСР А.А. Вознесенского дублирует указанное постановление от 10 февраля 1948 г.

оплаты труда было еще больше, примерно в 1,5–2 раза. На Краснопресненском силикатном заводе в I квартале 1945 г. она составляла 561 руб., а во II-м — всего 207 руб., на механическом заводе треста Мосжилстрой, соответственно, 510 и 320 руб. Заработки уборщиц, вахтеров, истопников и других не менялись с 1937 г. и были на уровне 200 руб. в месяц, а минимум заработной платы, не облагавшийся налогами, был установлен в размере 150 руб. При заработке в 200 руб. удержания составляли: по подоходному налогу — 5 руб., военному — 30 руб., за бездетность — 12 руб., заем — 20 руб. Итого — 67 руб. На руки выдавалось 133 руб. Рабочие, имевшие огороды, платили в среднем по 450 руб. за землю в год. По август 1945 г. включительно все работающие продолжали оплачивать военный налог. Значительная часть трудящихся получала на руки зарплату в размере, недостаточном для оплаты стоимости нормированного питания и жилья»[75].

Это речь о столице; в сельской местности ситуация была хуже:

«Размер хлебного пайка с начала 1947 г. постоянно сокращался. Заработная плата у трактористов в зимние месяцы снижалась с 456 руб. до 256 руб., у комбайнеров — с 411 руб., до 305 руб. в месяц. Много меньше зарабатывали в совхозе скотники, доярки и телятницы. Работники всех категорий в 1947 г. получили за год на 1 тыс. руб. больше, чем в 1946 г., главным образом за счет хлебных надбавок, но это не могло компенсировать роста цен. Маленькая зарплата была у сезонных и временных рабочих — 260–270 руб. Директора совхозов и их заместители получали примерно столько, сколько зарабатывали ударники труда, — от 800 до 900 руб. в месяц. Со времен 1-й пятилетки оплата труда рабочих зерновых и животноводческих совхозов была выше, чем в остальных, но и она никогда не превышала среднемесячной зарплаты промышленного рабочего»[76].

Ухудшение экономического положения городского населения совпало с постановлением ЦК ВКП(б) о литературных журналах:

«В начале сентября 1946 г. пайковые цены на хлеб в государственной торговле были повышены в 2 раза. Новая цена ржаного хлеба составляла в среднем 3 руб. 40 коп. за 1 кг, пшеничного — 5 руб. Повышение цен вызвало возмущение рабочих промышленных предприятий. На общих фабрично-заводских собраниях они выражали свое несогласие с этой мерой правительства. <...>

Рабочие отказывались от дорогостоящих завтраков и обедов в столовых, от диетического питания стоимостью в 400–450 руб. в месяц на одного человека. В школах дети не могли покупать подорожавшие завтраки, состоявшие из бублика и конфеты общей стоимостью в 1 руб. 05 коп. По г. Москве количество школьников, прекративших покупку завтраков, составляло 16 сентября 1946 г. 32,4 тыс. человек, 17 сентября — 53,6; 18 сентября — 71,1 тыс. человек из общего числа в 549 тыс. школьников. В связи с этим во многих московских школах была введена продажа белого и черного хлеба с сахаром. В некоторых школах стоимость завтраков оплачивали профсоюзы. Впоследствии порядок продажи хлеба и сахара был распространен на ряд школ других городов Союза»[77].

Дополнением к уже сформированной к 1946 г. системе привилегий ученым стоит рассматривать постановление Совета Министров СССР от 28 сентября 1949 г. «О пенсионном обеспечении работников науки». Неудивительно, что оно было принято несколько позднее, чем повышены оклады, — И.В. Сталин должен был убедиться в

---

[75] Там же. С. 41.
[76] Там же. С. 42.
[77] Там же. С. 51–52.

эффективности создаваемой им системы поощрения. Когда же в результате успешных испытаний советской атомной бомбы был получен реальный результат гигантских денежных вливаний, то ученым достался еще один бонус — И. В. Сталин гарантировал им если не безбедную, то явно не нищенскую старость. Указанным постановлением Совет министров вводил новое положение исчисления и выплаты пенсий новому «классу» советского общества.

Оно заменяло постановления ЦИК и СНК СССР от 21 декабря 1928 г.[78] и от 4 ноября 1939 г.[79], причем согласно последнему ученые не получали пенсию автоматически по достижении пенсионного возраста, а в каждом отдельном случае «назначение пенсий за выслугу лет научным работникам высших учебных заведений и научных учреждений» было необходимо процедурно провести через Комиссию по назначению персональных премий при СНК СССР.

Приведем основные положения указанного документа в редакции приказа министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова от 5 октября 1949 г.:

«1. Правом на получение пенсий в порядке настоящего Положения пользуются:

а) действительные члены и члены-корреспонденты академий наук, академий архитектуры и академий художеств, доктора и кандидаты наук, работавшие в высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях;

б) профессора, доценты, старшие научные сотрудники, старшие преподаватели, ассистенты, младшие научные сотрудники и преподаватели, работавшие в высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях;

в) директора и заместители директоров по научной и учебной части высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений;

г) работники министерств и ведомств по научному и учебно-методическому руководству высшими учебными заведениями или научно-исследовательскими учреждениями, если они имеют установленное ученое звание или ученую степень и если этой работе предшествовала научно-педагогическая или научно-исследовательская работа;

д) лица, работающие на выборных должностях в государственных органах и общественных организациях, если выборной работе предшествовала педагогическая работа в высших учебных заведениях или работа в научных учреждениях в должностях, указанных в настоящем пункте положения.

2. Пенсии в соответствии с настоящим Положением назначаются:

а) мужчинам по достижении 60-летнего и женщинам — 55-летнего возраста и при наличии общего стажа работы в должностях, указанных в пункте 1 настоящего Положения, 25 лет для мужчин и 20 лет для женщин;

б) при отнесении к I, II или III группе инвалидности вследствие трудового увечья или профессионального заболевания <...>.

---

[78] Постановление ЦИК и СНК СССР «О пенсиях за выслугу лет научным работникам высших учебных заведений и научных учреждений, находящихся в ведении органов Союза ССР» // Организация советской науки в 1926–1932 гг.: Сборник документов. Л., 1974. С. 348. № 258. Это постановление, по сути, лишь подтверждало республиканские нормативные акты о пенсиях в связи с переподчинением ряда учреждений союзным ведомствам.

[79] О порядке назначения и выплаты пенсий за выслугу лет научным работникам высших учебных заведений и научных учреждений, находящихся в ведении органов СССР // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. М., 1937. Отдел I. № 71. 21 ноября. С. 732–733, ст. 337.

3. В случае смерти или безвестного отсутствия лиц, получавших пенсию или имевших право на пенсию согласно пунктам 1 и 2 настоящего Положения, право на пенсию приобретают следующие находившиеся на иждивении указанных лиц члены семьи:

а) дети, братья, сестры и внуки моложе 16 лет, а учащиеся моложе 18 лет; <...>

в) супруг, родители, дед и бабка, достигшие не позже двух лет со дня смерти кормильца: мужчины — 60 лет, а женщины — 55 лет <...>.

4. Пенсии по старости (по достижении мужчинами — 60 лет и женщинами — 55 лет) назначаются пожизненно. <...>

5. Действительные члены и члены-корреспонденты академий имеют право на пенсию в соответствии с настоящим Положением независимо от выплаты им окладов за звание, установленных положением Совнаркома СССР от 6 марта 1946 г. № 514.

6. Пенсии в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящего Положения назначаются в следующих размерах (в процентах к должностному окладу перед переходом на пенсию);

а) по старости — 40%; б) по инвалидности от трудового увечья или профессионального заболевания и от общих причин: по I группе инвалидности — 40%; по II группе инвалидности — 30%; по III группе инвалидности — 20%.

Для исчисления пенсий установить следующие предельные размеры должностных окладов:

а) действительным членам и членам-корреспондентам академий — 6000 руб.;

б) профессорам и докторам наук — 4000 руб.;

в) доцентам, лицам, имеющим ученое звание старшего научного сотрудника, и кандидатам наук — 2000 руб.

г) лицам, имеющим ученое звание младшего научного сотрудника, а также лицам, не имеющим ученого звания или ученой степени, — 1000 руб.; <...>

19. Пенсионеры пользуются в соответствии с действующим законодательством о льготах для работников науки правом на дополнительную жилплощадь.

20. При административном выселении в предусмотренных законом случаях исполнительные комитеты местных Советов депутатов трудящихся обязаны представить пенсионерам годную для жилья площадь размером не менее той, которую они занимали до выселения.

21. Пенсионеры и члены их семей имеют право на внеочередной прием в учреждения социального обеспечения и здравоохранения (дома инвалидов, интернаты, лечебные учреждения и т. д.)»[80].

Получив эту привилегию, уже пожизненную, ученые оставались в исключительном положении вплоть до 14 июля 1956 г., когда был подписан Закон СССР «О государственных пенсиях», закреплявший систему всеобщего пенсионного обеспечения.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТУДЕНТОВ

Если вновь избранные академики и члены-корреспонденты начинали получать дополнительные оклады и талоны в магазины системы Особторга, то обычным гражданам жилось очень тяжело. Студенчество относилось к одной из наименее обеспеченных

[80] О пенсионном обеспечении работников науки: Приказ министра высшего образования СССР № 1276 от 3 октября 1949 г. М., [1949]. С. [3–6].

категорий населения. Постановления партии по идеологическим вопросам совпали с неурожаем 1946 г. и последовавшим за ним продовольственным кризисом. Удушье идеологическое сопровождалось реальным голодом.

В данном контексте показательно секретное сообщение министра госбезопасности СССР В. С. Абакумова, направленное 25 января 1947 г. И. В. Сталину как Председателю Совмина СССР, в котором министр сообщает, что «в результате негласного контроля гражданской корреспонденции МГБ СССР зарегистрированы письма с отрицательными высказываниями студентов высших учебных заведений города Ленинграда в связи с продовольственными затруднениями»[81].

Далее министр сообщает выдержки из наиболее характерных писем, которые отражают умонастроения в студенческой среде Ленинграда:

«...На демонстрацию ходил с предварительным концертом. Из нашей комнаты никто не хотел идти. Ну, раз разрешили не идти, значит, не пойдем. В институте отметились, что были, и удрали обратно домой. Все надоело убийственно. Представь себе, весь голодный и холодный, какая тут, к черту, учеба. У нас многие уходят из института, не уходят, прямо бегут. В начале в группе было 45 человек, а сейчас осталось 20–25, да и многие плохо посещают институт.

Укажи мне такую обитель,
Я такой институт не видал,
Где бы будущий врач и строитель,
Где бы русский студент не страдал»[82]

(студент Ленинградского технологического института имени В. М. Молотова).

«12.XII.46 г. Живу в общежитии, целый день и большую часть ночи в воздухе стоит страшный мат. И я втянулся в него, частенько materишь свой голодный желудок, но ведь это говорится с такой душой. Занимаешься мало, и то больше тогда, когда придет посылка, а в остальное время живешь от одного дня к другому, мечтая о еде... С лекций бегут повально, особенно с марксизма (сейчас проходим третью главу истории ВКП(б))»[83] (студент Ленинградского государственного университета).

«24.XII.46 г. Настроение у всех какое-то паршивое. Многие бросили учебу и не меньше бросят на днях. В настоящее время учиться очень трудно, а на стипендию и вообще невозможно, на день приходится всего 7 рублей, а “обед” в столовой 10–12 рублей. При таких условиях существовать можно, а учиться нельзя»[84] (студент Ленинградского военно-механического института).

«...Не скрывая, скажу прямо, что иногда день-два ходишь голодный, без копейки денег. Преобразования, которые были, начиная с 16 сентября, в торговле, сильно

[81] Лубянка: Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953. М., 2007. С. 41.

[82] Там же.

Четверостишие представляет собой переработку фрагмента «Размышлений у парадного подъезда» Н.А. Некрасова 1858 г. (ср.: «Назови мне такую обитель, / Я такого угла не видал, / Где бы сеятель твой и хранитель, / Где бы русский мужик не стонал?»); еще до революции фрагмент стихотворения, начинающийся этим четверостишием, был распространен в студенческой и демократическо-интеллигентской среде в качестве песни (на мотив Г. Доницетти из оперы «Лукреция Борджиа»), причем песня наиболее известна с первой строкой «Укажи мне такую обитель...»; также известны переработки песни времен Гражданской войны («Укажи мне такую обитель, / Где бы зверь Калмыков не бывал...»).

[83] Лубянка: Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953. С. 42.

[84] Там же. С. 42.

ударили по студентам. По продуктовой карточке мы получаем сейчас в столовой вдвое меньше, а ценой в 3 раза дороже. Был дополнительный рацион — 100 грамм хлеба на день, сахара 30 грамм, но его отменили. Недаром у нас в институте, да и во всех тоже, началось бегство студентов»[85] (студент Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта).

«...Очень плохо сейчас студентам. Ведь мы получаем всего 240 рублей в месяц. Не хватает денег выкупить продукты, приходится продавать конфеты, мясо, жить впроголодь. Многие бросают учебу, жить невозможно. Не посещают институт 40%»[86].

Важно напомнить, что в те годы образование было бесплатным только до 7-го класса средних школ. Дальнейшее обучение было платным:

«Плата за обучение введена с 1 сентября 1940 года в 8, 9 и 10-х классах средних школ и в высших учебных заведениях.

Для учащихся 8–10-х классов средних школ установлены следующие размеры платы за обучение:

а) в школах Москвы и Ленинграда — 200 рублей в год;

б) во всех остальных городах, а также в селах — 150 рублей в год;

Указанная плата за обучение в 8–10-х классах средних школ распространена на учащихся техникумов, педагогических училищ, сельскохозяйственных, медицинских школ и других специальных средних учебных заведений.

В высших учебных заведениях установлены следующие размеры платы за обучение:

а) в высших учебных заведениях, находящихся в городах Москве и Ленинграде, — 400 рублей в год;

б) в высших учебных заведениях, находящихся в других городах, — 300 рублей в год;

в) в высших учебных заведениях художественных, театральных и музыкальных — 500 рублей в год.

Плата за обучение вносится в соответствующие учебные заведения равными долями два раза в год: к 1 сентября и 1 февраля»[87].

Однако были и послабления: учащиеся вузов, не достигшие 25 лет, освобождались от уплаты серьезного налога «на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР», вычеты по которому составляли для не имеющих детей 6% от месячного заработка; на аспирантов налоговая льгота не распространялась; также в том случае, если стипендия не превышала 260 руб., учащиеся освобождались и от подоходного налога[88].

---

[85] Там же.

[86] Там же.

[87] О плате за обучение в ВУЗ'ах, техникумах и в 8–10-х классах средних школ и льготах по плате за обучение: Инструктивное письмо Министерства финансов РСФСР от 28 января 1949 года № 43 // Сборник приказов и инструкций Министерства финансов РСФСР. М., 1949. № 4. С. 4.

Льготы по плате за обучение в вузах имели только две категории граждан: «Лица, возвратившиеся из Армии и Военно-Морского флота после ранения, контузии, увечья или болезни. <...> 2. Остро нуждающиеся студенты из числа стипендиатов, получивших в экзаменационную сессию за предыдущий семестр не менее $^2/_3$ оценок “отлично” и остальные “хорошо”». (Там же. С. 4–5).

[88] Подоходный налог и налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР с рабочих, служащих, литераторов и работников искусств. М., 1947. С. 16, 29.

СПЕЦОБЕСПЕЧЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЕРХУШКИ И НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

Кроме большой зарплаты работники науки имели специальное обеспечение, уровень которого зависел от статуса ученого. В военном Ленинграде начало этому было положено еще в конце 1941 г. Хронологически одним из первых документов является «Справка горисполкома о мерах продовольственной помощи академикам и членам-корреспондентам АН СССР», в которой подробно расписывалось — кому и сколько:

«26 декабря 1941 г. дано указание Ленинградской конторе "Гастроном" организовать с доставкой на дом единовременно продажу без продовольственных карточек академикам и членам-корреспондентам Академии наук СССР: масла животного — 0,5 кг, консервов мясных или рыбных — 2 коробки, яиц — 3 десятка, сахара — 0,5 кг, печенья — 0,5 кг, шоколада — 0,3 кг, муки пшеничной — 3 кг, и виноградного вина 2 бутылки»[89].

Вскоре все подобные ведомственные и местные распоряжения обрели законодательную базу: 2 июля 1942 г. народный комиссар торговли СССР А.В. Любимов подписал приказ № 170 «Об упорядочении снабжения работников науки, искусства и литературы». Вот некоторые его положения:

«1. Выдавать академикам и членам-корреспондентам Академии наук СССР, Академий наук союзных республик, Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина и Академии архитектуры СССР, лауреатам Сталинской премии, заслуженным деятелям науки, техники и искусства, лауреатам международных конкурсов, народным артистам СССР, союзных и автономных республик продовольственные товары по карточкам <...> по нормам, установленным для рабочих и ИТР (инженерно-технических работников. — *П.Д.*) предприятий особого списка, а также шоколад в количестве 300 граммов, какао или кофе в количестве 500 граммов в месяц.

2. Выдавать работникам науки, искусства и литературы, указанным в приложении к настоящему приказу (профессора, доценты и действительные члены институтов, непосредственно занимающиеся научно-исследовательской деятельностью. — *П.Д.*) продовольственные товары по карточкам <...> по нормам, установленным для рабочих промышленных предприятий.

3. Отпускать работникам науки, искусства и литературы, указанным в пп. 1 и 2 настоящего приказа, обеды в столовых закрытого типа без зачета талонов, хлебных и продовольственных карточек <...>. Отпуск нормированных продуктов для столовых, обслуживающих работников науки, искусства и литературы, производить в размерах, равных снабжению по продовольственным карточкам <...>. В городах, где не организованы специальные столовые для работников науки, искусства и литературы (при наличии в городах контингентов этих работников менее 200 человек), прикреплять их к столовым закрытого типа при предприятиях и учреждениях»[90].

Причем, как гласило одно из приложений к приказу, «к закрытым магазинам прикрепляются как работающие, так и не работающие члены семей работников науки, искусства и литературы (жена, муж, дети и родители)».

---

[89] ЦГА СПб. Ф. 7384 (Ленгорсовет). Оп. 4. Д. 60. Л. 189. Цит. по: *Петров Г.А.* Век — ХХ-й, век — XXI-й, или Былое и настоящее: Документальное повествование о жизни, о войне, о бытие. СПб., 2008. С. 67–68.

[90] Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. М., 1944. С. 154.

Впоследствии усилия руководства страны в деле повышения благосостояния работников науки и высшей школы лишь набирали обороты. Председатель ВКВШ при СНК СССР С.В. Кафтанов писал в 1944 г.:

> «В 1943–44 гг. правительство, по представлению Комитета по делам высшей школы, разрешило целый ряд вопросов, связанных с улучшением материально-бытового положения студентов и работников высших учебных заведений. <...> В вузах Союза в настоящее время функционирует 170 орсов (отделов рабочего снабжения. — *П.Д.*). При организации этих орсов органами Наркомторга были переданы вузам сеть магазинов, столовых, оборудование, инвентарь и т. п.
>
> Значительно улучшилось питание и снабжение профессоров и преподавателей вузов. Лица, имеющие степени и звания, с июля 1943 г. получают специальные литерные пайки и абонементы сухого пайка; в некоторых городах абонементы сухого пайка выданы также младшим научным сотрудникам. В течение 1944 г. профессорско-преподавательскому составу вузов была также оказана значительная помощь в порядке снабжения промтоварами»[91].

В 1944 г. вступил в силу приказ наркома торговли А.В. Любимова № 480 от 7 октября 1944 г. «О снабжении работников науки, искусства и литературы»[92]. В нем не только было оговорено «усиление» питания, но и еще больше дифференцированы «классы» работников, причем верхний уровень был уменьшен — многие из него отправились этажом ниже. Верхний уровень был пополнен лишь обладателями звания народного художника СССР, введенного 16 июля 1943 г.:

> «1. Отпускать обеды по норме литер "А" и на 500 руб. продовольственных товаров в месяц каждому: действительным членам Академии наук СССР, академий наук союзных республик, Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, Академии архитектуры СССР и Академии педагогических наук РСФСР, народным артистам СССР, народным художникам СССР, выдающимся писателям и выдающимся мастерам искусств и спорта — по персональным спискам за счет лимитов, выделенных Комитетом по делам искусств, по делам кинематографии, по радиофикации и радиовещанию, по делам физкультуры и спорта, по делам архитектуры и Союзу советских писателей СССР.
>
> 2. Отпускать обеды по норме литер "Б" и на 300 руб. продовольственных товаров в месяц каждому: членам-корреспондентам Академии наук СССР и академий наук союзных республик, Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, Академии архитектуры СССР и Академии педагогических наук РСФСР, заслуженным деятелям науки и искусства, народным артистам и народным художникам союзных республик, писателям и мастерам искусств и спорта — по персональным спискам за счет лимитов, выделенных комитетом по делам искусств, по делам кинематографии, по радиофикации и радиовещанию, по делам физкультуры и спорта, по делам архитектуры и Союзу советских писателей СССР.
>
> 3. Отпускать работникам науки, искусства и литературы, перечисленным в прилагаемом перечне № 1, обеды по норме литер "Б" и сухие пайки по нормам, согласно приложению № 4.

---

[91] *Кафтанов С.В.* Задачи высшей школы в 1944/45 учебном году. С. 28–28.

[92] О снабжении работников науки, искусства и литературы: Приказ Народного комиссара торговли Союза ССР № 480 от 7 октября 1944 г. // Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Л., 1945. С. 119–124.

(К ним относились: "1. Профессоры и докторы [sic!] наук; доценты и кандидаты наук, работающие в вузах и научно-исследовательских учреждениях; заслуженные учителя и заслуженные врачи союзных республик; директоры вузов, научно-исследовательских институтов, государственных библиотек и музеев союзного и республиканского значения, их заместители по научной и учебной части; заведующие кафедрами (утвержденные приказом ВКВШ в должности зав. кафедрами). <...> 8. Члены союзов советских писателей, художников, композиторов и архитекторов, а также кандидаты в члены Союза советских писателей СССР". — *П.Д.*)

4. Отпускать работникам науки, искусства и литературы, перечисленным в прилагаемом перечне № 2, без зачета талонов карточек, обеды по нормам, установленным для рабочих предприятий особого списка, и 200 грамм хлеба к обеду. <...>

(Сюда включены: "2. Старшие научные сотрудники вузов и научно-исследовательских учреждений, имеющие утвержденные ученые звания; заведующие кафедрами марксизма-ленинизма вузов, не имеющие ученого звания или степени. 3. Лекторы лекционных бюро обкомов и крайкомов ВКП(б), имеющие утвержденные степени или звания и ведущие постоянную лекционную работу. 4. Докторанты — сталинские стипендиаты. 5. Директоры лабораторий союзного и республиканского значения, научные руководители лабораторий вузов и научно-исследовательских институтов, не имеющие ученых степеней и званий". — *П.Д.*)

7. Работникам науки, искусства и литературы, перечисленным в п.п. 1, 2 и 5, выдавать карточки на хлеб по группе рабочих 1 категории и карточки на продовольственные товары по нормам особого списка, а лицам, указанным в п.п. 3, 4 и 6, — карточки на хлеб по группе рабочих 2 категории и карточки на продовольственные товары но нормам рабочих промышленности, транспорта и связи.

В гг. Москве и Ленинграде и в районах Крайнего Севера указанные работники снабжаются по группе рабочих.

8. Отпуск продовольственных товаров по денежным лимитам производить через закрытую сеть Главгастронома, а в местах, где сеть Главгастронома отсутствует, через сеть Главспецторга.

9. Для получения продовольственных товаров по карточкам прикреплять работников, указанных в пп. 1–6, а также членов их семей, к специальным закрытым магазинам для научных работников, а в городах, где не организованы специальные закрытые магазины для снабжения работников науки, искусства и литературы, — к другой закрытой сети». В этом приказе сохранялось и прежнее примечание относительно прикрепления родственников.

Приближение мирного времени несло деятелям науки новые блага. Например, весной 1945 г. в Москве «для ученых, деятелей искусств и т. под. ввели такси по вызову. Их — 70 штук, но к маю будет шестьсот»[93]. Это записал в своем дневнике известный литературовед Л. И. Тимофеев.

Также еще во время войны началось награждение ученых орденами. В области литературоведения первым орденоносцем стал ленинградец, профессор филологического факультета ЛГУ В. Е. Евгеньев-Максимов, получивший в 1943 г. орден Трудового Красного Знамени в связи с 60-летием. О впечатлении, которое произвела эта

[93] *Тимофеев Л.* Дневник военных лет // Указ. изд. 2005. № 5. Май. С. 175.

награда в филологических кругах, свидетельствует запись того же Л. И. Тимофеева от 19 сентября 1943 г.:

«В жизни литературной произошло событие: первый литературовед к 60-летию получил орден — Евгеньев-Максимов. До сих пор у нас ордена получали главным образом три категории: охранители (военные), производители (рабочие и ученые технического свойства) и развлекатели (артистки и артисты). То, что теперь вспомнили дисциплину, которую “ни съесть, ни выпить, ни поцеловать[94], — я считаю прямо новым этапом нашего культурного развития!”[95]

Но основные блага, как и в случае с должностными окладами, золотым дождем пролились на ученых весной 1946 г. В уже упоминавшемся Постановлении Совмина СССР и ЦК ВКП(б) № 111 от 9 марта 1946 г. содержались несколько специальных разделов, посвященных их обеспечению. Наиболее емкий назывался «О снабжении промышленными и продовольственными товарами»[96]:

«Обязать Наркомторг СССР (т. Любимова):

1. Установить с 1 апреля 1946 г. работникам науки, взамен существующих дополнительных видов снабжения (литерные обеды, продлимит, сухие пайки), следующее более повышенное снабжение продовольственными и промышленными товарами:

а) действительным членам Академии наук СССР отпускать продовольственные товары на сумму 1200 руб. в месяц и промышленные товары на 10 000 руб. в год;

б) членам-корреспондентам Академии наук СССР, действительным членам Академии медицинских наук, сельскохозяйственных наук, педагогических наук, Академии архитектуры и академий союзных республик отпускать продовольственные товары на сумму 750 руб. в месяц и промышленные товары на 6000 руб. в год;

в) членам-корреспондентам Академии медицинских наук, сельскохозяйственных наук, педагогических наук, Академии архитектуры и академий союзных республик, директорам высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, имеющим ученые звания или степени, отпускать продовольственные товары на сумму 550 руб. в месяц и промышленные товары на 4000 руб. в год;

г) отпускать профессорам и докторам наук продовольственные товары на сумму 450 руб. в месяц и промышленные товары на 4000 руб. в год;

д) отпускать доцентам и кандидатам наук академий, научно-исследовательских институтов и вузов продовольственные товары на сумму 300 руб. в месяц и промышленные товары на 3000 руб. в год;

е) отпускать старшим преподавателям, ассистентам и преподавателям высших учебных заведений и младшим научным сотрудникам научно-исследовательских учреждений литерные обеды по нормам литера «Б» и промышленные товары на 1500 руб. в год.

2. Предоставить право работникам науки, перечисленным в п. 1, решать вопрос — полностью получать продукты на дом или часть направлять в столовые для получения обедов.

---

[94] Цитата из стихотворения Н. С. Гумилева «Шестое чувство» (1921 г.).

[95] *Тимофеев Л.* Дневник военных лет // Указ. изд. 2003. № 12. Декабрь. С. 157. (Вместо «Евгеньев-Максимов» ошибочно напечатано «Евгений Максимов».)

[96] О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий: Приказ № 293 от 19 марта 1946 г. С. 5.

3. Допускать при отпуске продовольственных товаров из специально выделенных для этой цели магазинов Главгастронома, отпуск промышленных товаров — из магазинов Главунивермага. В городах, где нет магазинов Главгастронома и Главнунивермага, отпуск продовольственных и промышленных товаров производить из существующей сети магазинов по ценам нормированного снабжения».

В этом же постановлении имелось еще два важных раздела:

«О строительстве жилых домов.

В целях улучшения жилищных условий работников науки построить и сдать в эксплоатацию не позднее IV квартала 1947 г. 19 домов: в Москве — 2 дома и Ленинграде 1 дом по 100 пятикомнатных квартир;

в Киеве, Минске, Ташкенте, Тбилиси, Риге, Таллине, Вильнюсе, Свердловске, Казани, Молотове, Ростове, Баку, Ереване, Харькове, Алма-Ата, Томске — по одному дому по 30—40 пятикомнатных квартир.

Строительство домов возложить на Народный Комиссариат по строительству предприятий тяжелой индустрии (т. [П. А.] Юдина)» [97].

«О выделении легковых машин.

Обязать Народный Комиссариат автомобильной промышленности (т. [С. А.] Акопова) выделить в 1946 г. и 1947 г., равными частями по кварталам, для приобретения в личное пользование действительным членам и членам-корреспондентам Академии наук, профессорам и докторам наук высших учебных заведений и научных учреждений 2000 легковых машин марки "М-1" и "Победа", Народному Комиссару Вооруженных Сил (т. [А. В.] Хрулеву) выделить в I и II кварталах 1946 г. для этой же цели 1000 легковых машин из числа трофейных, годных к эксплоатации.

Поручить Комитету по делам высшей школы при Совнаркоме СССР (т. Кафтанову) и Академии наук СССР (т. Вавилову) утвердить список работников науки, которым передаются в собственность указанные машины»[98].

ГОНОРАРЫ ЗА ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

6 ноября 1946 г. А. А. Жданов говорил:

«Советское государство придает особую важность развитию науки. Товарищ Сталин подчеркивает все значение развертывания сил науки в планах коммунистической партии на ближайшее будущее. Известно, какие энергичные меры предпринимает Советское правительство для создания нашим ученым всех необходимых условий для развертывания научной деятельности, для решения сталинской задачи: не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны. Могу сообщить, что количество научно-исследовательских учреждений и их научных работников уже значительно обогнало довоенный уровень. Неуклонно повышается количество и качество научной продукции. Советские ученые должны и впредь смело идти по пути новаторства и решительного внедрения достижений науки в производство. Следует пожелать также, чтобы уровень развития общественных наук не отставал от уровня наук естественных и технических»[99].

---

[97] О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий: Приказ № 293 от 19 марта 1946 г. С. 5.

[98] Там же.

[99] *Жданов А. А.* 29-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. С. 18—19.

Общественные науки не только «подтянулись» к естественным и техническим наукам, но и наука в целом основательно вошла в состав советской номенклатуры, была поглощена ею.

«Сталин создавал элиту не только в среде чиновников, но также из писателей, академиков, профессоров и проч. Профессорам не возбранялись никакие совместительства, и многие имели запросто по три оклада. Элита задумана была как опора власти, но она же первая и погибала, потому что то и дело попадалась под руку»[100].

Во второй половине 40-х гг. профессура, не говоря уже о членах-корреспондентах и академиках, имела серьезный уровень дохода. Приведенное ниже описание ситуации в советской философии характерно и для других общественных наук:

«Должностной оклад кандидата наук, старшего научного сотрудника академического института составлял 3 тыс. руб., доктора наук и заведующего сектором — соответственно 4 и 5 тыс. руб. Многие философы работали по совместительству в нескольких местах на полставки, получали немалые гонорары за пропагандистские лекции и публикации. Доходы особенно активных профессоров исчислялись десятками тысяч рублей. Так, в доносе замсекретаря парторганизации Института философии М. А. Скрябина на имя Л. П. Берия в декабре 1950 г. приводятся сведения, что за учебник "Исторический материализм" Ф. В. Константинов получил от издательства 27 тыс. руб. плюс еще 100 тыс. от распространения тиража. Средний советский служащий зарабатывал тогда примерно 800 руб. в месяц, да и партноменклатура не могла тягаться с философами по зарплате. Об основной массе народа нечего и говорить. Люди голодали, и снижения цен на продукты питания и одежду были настоящим праздником. Эти обстоятельства небесполезно учитывать, когда речь идет об угнетении философии в СССР»[101] .

Конечно, филология не могла состязаться с философией, но еще с 1937 г. 100-летней годовщины смерти Пушкина — стало очевидным, насколько неисчерпаема поистине золотая жила всякого рода юбилейных торжеств: написание различных тематических сочинений, а в особенности газетных статей и брошюр было денежным занятием. Конкуренция на этом фронте была особенно жесткой; именно этим объясняется то обстоятельство, что подавляющее число юбилейных очерков и статей пишется литературоведами, аффилированными с ЦК или состоявшими в его штате.

Кроме того, щедрая заработная плата позволяла многим ученым-литературоведам намного меньше заниматься собственно литературным трудом; к тому же от написания книг и статей многих отталкивала мысль о том, что за их опубликованные работы (а иногда, как показывает знаменитое саратовское выступление Е.В. Тарле, даже за публичные лекции) авторы могли стать объектом проработок. Именно поэтому подавляющее большинство печатной продукции тех лет в области историко-филологических наук отражает предмет крайне тенденциозно и политизированно. В этом контексте любопытны строки 1930 г. из записной книжки Л. Я. Гинзбург:

«...Об этом любопытно говорил Гриша [Гуковский]. После революции литературный труд был один из самых выгодных. Еще год-два назад оплата даже в 150–180 рублей за лист казалась нам высокой. Сейчас это вообще небольшие деньги, но главное, литературный способ добывания этих денег перестал казаться выгодным и соблазнительным сейчас, с прекращением безработицы, с огромным повышением спроса

---

[100] *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. С. 286.

[101] *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Советское философское сообщество в сороковые годы / Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 7. С. 630.

на интеллигентный труд, с необычайным улучшением оплаты педагогического труда (на рабфаках, вечерних курсах и т. п.). У Гриши очень простой и убедительный расчет: при четырехрублевой оплате академического часа, 16 часов в декаду дают 190 рублей с лишним, притом это гораздо легче, чем написать печатный лист. Прибавьте сюда еще всяческие подробности: неудобство всегда неверной гонорарной системы заработка, неаккуратную выплату; опасность того, что вас не напечатают, уверенность в том, что вас обругают и что во всяком случае вы не услышите ни одного доброго слова.

— Представьте, — говорил Гриша, — что вы выпускаете книгу. Всерьез научной книги вы сейчас не напишете, а если напишете, ее не возьмут. Но вот книга, которую вы можете напечатать... Что она вам даст? Чести она вам не прибавит. Вряд ли доставит удовлетворение. Она даст деньги, которые вы можете заработать менее хлопотливым способом. В сущности, что она вам принесет? Я: — Неприятности»[102].

С другой стороны, если ученые могли преподавать, то собственно писатели были поставлены в более жесткие условия: литературный труд был почти единственным средством их заработка. Однако многие литературоведы и критики (по преимуществу шедшие в ногу с советской идеологией) не испытывали мук творчества, выпуская сочинение за сочинением. За свой литературный труд они также щедро вознаграждались.

1940-е гг. отличаются серьезным ростом сумм, которые выплачивались писателям в качестве гонораров. Особенно важно в этом ключе подписанное А. Н. Косыгиным постановление Совета министров РСФСР № 540 от 12 июля 1944 г. «Об авторском гонораре»[103], которое вводило со дня его подписания новые ставки (окончательная тарификация по суммам гонорара происходила после выхода произведения в свет, т. е. ранее заключенные договоры с издательствами подлежали корректировке по части выплат авторам). Приведем фрагмент из этого постановления (см. табл. 4).

Таблица 4

Ставки авторского гонорара за литературное творчество, 1944 г.

Вид литературы	Ставка гонорара за авторский лист (40 тыс. знаков), руб.
Теоретические работы по социально-экономическим и естественно-научным вопросам, по литературоведению, искусствоведению и критике	1 500–3 000
Научно-популярная литература	1 000–3 000
Агитационно-массовая литература, массовая производственно-техническая и популярная сельскохозяйственная литература	1 000–3 000
Учебники для высших учебных заведений	1 500–2 500
Статьи для энциклопедии и словарей	1 500–4 000

[102] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. С. 93–94.

[103] Собрание постановлений и распоряжений Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М., 1944. № 8. 10 октября. С. 124–127.

Составление лексических словарей	800–1 500
Составление хрестоматий по художественной литературе	300–600
Составление прочих хрестоматий	200–500
Отбор литературы и материалов для собраний сочинений, однотомников, предметных и иных указателей и библиографических справочников	150–400
Комментарии и примечания	500–1 200

Если постановление 1944 г., указывая широкий диапазон оплаты произведений в одной группе, не дает необходимых комментариев, оставляя окончательную ставку выплат авторам на усмотрение издательств, то в 1947 г., на волне идеологических кампаний, необходимая ясность была внесена. 15 июля 1947 г. Совет министров РСФСР принял постановление № 521 «Об авторском гонораре за литературно-художественные произведения»[104]. На сей раз правительство указывало основные критерии оценки произведений:

> «В целях упорядочения существующих ставок авторского гонорара за литературно-художественные произведения и критические работы, ликвидации обезлички в оплате литературного труда и поощрения писателей, создающих произведения высокой художественной ценности, Совет Министров РСФСР постановляет:
>
> I. Установить три категории оплаты литературно-художественных произведений, в зависимости от их идейно-художественной ценности. По высшей категории оплачивать только выдающиеся произведения, по второй категории — хорошие произведения, удовлетворяющие высоким идейно-художественным требованиям, по третьей — удовлетворительные произведения, а также произведения начинающих писателей».

Вместе с тем были несколько скорректированы в сторону увеличения ставки гонораров, а также отдельной графы удостоились многочисленные в те годы рецензии (см. табл. 5).

Таблица 5

Ставки авторского гонорара за литературно-художественные произведения, 1947 г.

Вид литературы	Ставка гонорара за авторский лист (40 тыс. знаков), руб.	Ставка гонорара в рублях аккордно за все произведение, руб.
Работы по литературоведению, искусствоведению и критике	1 500, 3 000, 4 000	–
Литературно-критические рецензии	–	1 000, 1 500, 2 000
Составление хрестоматий по художественной литературе	300–800	–
Составление сборников литературных материалов	100–400	–

[104] Там же. М., 1947. № 9. 10 сентября. С. 156–160.

Отбор литературы и материалов для собраний сочинений, однотомников, предметных и иных указателей и библиографических справочников по художественной литературе	150–400	–
Комментарии и примечания	500, 800, 1 200	–

Здесь стоит сказать, что в действительности это постановление не изменило гонораров, которые получали ученые-литературоведы за свои печатные работы. Если раньше они чаще всего получали по верхней границе гонорара, то с 1947 г. они могли претендовать, за редким исключением, лишь на вторую категорию, ставка по которой как раз равнялась бывшей максимальной величине. Ведь мало какое издательство осмеливалось считать тексты ученых-литературоведов «выдающимися произведениями», ибо так могли быть названы только сочинения политических или литературных классиков.

Особенно интересна в этом контексте позиция руководства страны, т. е. Сталина. Весной 1947 г. группа советских писателей, недовольная суммами взимаемого с них подоходного налога, обратилась к Сталину с жалобой на Министерство финансов СССР. Потребовалось, чтобы министр финансов А. Г. Зверев, заместитель Председателя Совмина Н. А. Вознесенский, генеральный секретарь правления ССП А. А. Фадеев пришли к единому мнению по этому вопросу.

Суть состояла в том, что литераторов беспокоила не столько ставка налога, сколько прогрессивный налог с сумм, превышающих налогооблагаемую базу. Начальник отдела финансов Госплана СССР Д. С. Бузин докладывал А. А. Фадееву, что «средняя месячная заработная плата рабочих и служащих по всему народному хозяйству в 1946 году составляет менее 500 рублей в месяц, или 6000 рублей в год»[105]. При этом подоходный налог, взимаемый с различных слоев населения при заработной плате в 2500 руб. в месяц (высшей на то время заработной плате работников народного хозяйства), был следующим: 11,1% с рабочих и служащих, 11,7% с литераторов и работников искусств, 31,4% с лиц, занимающихся частной практикой, и 40% с некооптированных кустарей[106]. Максимальная ставка в 13% взималась с литераторов начиная с 3000 руб. годового дохода. Но в 1946 г. более двадцати членов ССП получили за год более 100 000 руб. совокупного дохода, причем возглавили этот список писатели, чей годовой доход перевалил за миллион. Конечно, деятели литературного фронта оказались недовольны, поскольку кроме снятия общей ставки налога со всей суммы, Министерство финансов взимало дополнительно 18% с суммы, превышающей 50 000 руб., и 55% с суммы, превышающей 300 000 руб. Именно эти 55%, взимание которых не производилось более ни с одной из налогооблагаемых групп, побудило их написать Сталину и потребовать их — граждан Страны Советов — приравнять по всем правам, в том числе и по налогообложению, к рабочим и служащим; особенно они напирали на то, что облагаются налогом как кустари (к которым, к слову, применялась еще большая ставка). А поскольку в 1943 г. никто

[105] *Бузин Д. С.* Александр Фадеев: Тайны жизни и смерти. М., 2008. С. 85–86. Особо отметим, что среднемесячная заработная плата более чем 10-миллионной части населения СССР составляла в 1946 г. 200–250 рублей.

[106] Там же. С. 81.

даже и не думал прописать в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля налогообложение таких гигантских сумм у рабочих и служащих, то ход литераторов стоит признать очень хитрым.

Одновременно была введена ставка выплаты за звание действительного члена Академии наук СССР — их тогда насчитывалось 164 человека; для них государство выделяло наивысшую в масштабах страны сумму месячной оплаты — 10 тыс. руб.[107], таким образом было реализовано постановление СНК СССР № 512 от 6 марта 1946 г., которым вводились оклады за академические звания. Что касается различных премий (в особенности Сталинской), то они подоходным налогом не облагались.

Вопрос о налогообложении литераторов рассматривался в присутствии Сталина, причем позиция членов ЦК и правительства в лице А. А. Жданова, Н. А. Вознесенского, А. Г. Зверева была однозначной — сохранить уже имеющуюся прогрессивную шкалу налогообложения. Кроме соображений здравого смысла в этом их укрепляли и слова Ленина из проекта программы РКП(б): «В области финансов РКП будет проводить прогрессивный подоходный и поимущественный налог во всех случаях, когда к этому представляется возможность»[108]. Руководитель ССП А. А. Фадеев занял в этом обсуждении, подробно описанном начальником отдела финансов Госплана СССР Д. С. Бузиным[109], нейтральную позицию.

Но глава государства пренебрег сторонним мнением:

> «Вот что... — нарушил тишину Сталин, <...> — считаю нужным приравнять литераторов и работников искусств к рабочим и служащим. Безоговорочно. Те два десятка человек — стотысячников — не делают погоды в доходах государства. <...> Что же до товарища Ленина, то, товарищ Вознесенский, думаю, он нас не укорит за небольшой грех перед ним в части прогрессивного налога. Это первое.
>
> Второе: надо поручить товарищу Жданову разобраться с пристрастием, как случается у нас, о чем говорил товарищ Вознесенский, что за серые и малопригодные произведения некоторые горе-писатели гребут деньги лопатой»[110].

Таким образом, именно Сталин всячески поддерживал, «прикармливал» представителей науки и литературы, создавая не просто обеспеченный слой, а действительно элиту в нищей послевоенной стране. Решение о присоединении литераторов и работников искусств к армии рабочих и служащих (правда, лишь по части налогообложения) было проведено постановлением Совета министров СССР № 2533 от 15 июля 1947 г.

Что касается профессоров-филологов, то их доходы также облагались по шкале рабочих и служащих, и лишь литературные заработки — гонорары за книги и статьи — облагались налогом по шкале литераторов (что не составляло для них основного заработка, а потому не было столь критично, как для писателей). А доходы их были достаточными: профессор имел такой же месячный оклад, как рабочий за год (около 5–6 тыс. руб.), а конкретно — профессора филологического факультета ЛГУ, занимавшие одновременно посты заведующих кафедрами, с марта 1946 г. получали заработную плату в размере 6000 руб. в месяц, и это без учета совместительств в других учреждениях, авторских гонораров и других выплат.

[107] Там же. С. 94.
[108] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 38. С. 122.
[109] *Бузин Д. С.* Указ. соч. С. 71–157.
[110] Там же. С. 153–154.

СОВМЕСТИТЕЛЬСТВО И ПРОЧИЕ ВЫПЛАТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ

О совместительствах, как об одном из распространенных способов увеличения заработной платы профессуры, необходимо сказать особо.

Дело в том, что благожелательное отношение власти к науке вообще и к профессуре в частности предполагало и возможность увеличения заработка — чтобы, как говаривал Сталин, были «свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина...»[111]. Именно для этого власть продолжала лояльно относиться к т. н. совместительству, когда ученый, числясь на службе, например, в ведомстве Академии наук, имел возможность совмещать эту работу с преподаванием в вузе, и наоборот.

Однако само понятие совместительства привлекало внимание государства еще с начала 1920-х гг., причем тогда совместительство было лишь возможностью выжить[112]. Первым шагом к упорядочению такой практики увеличения заработка учеными стало принятие 23 июня 1923 г. Президиумом Государственного ученого совета «Временной инструкции по тарификации работников вузов, рабфаков и учреждений, подведомственных Главнауке», уже вводная часть которой расставляет точки над i:

> «Одновременное получение полных штатных окладов научными работниками по нескольким учреждениям, подведомственным Главнауке, или нескольким вузам и факультетам одного и того же вуза или рабфака, а равно при совместительствах по означенным учреждениям Главнауки и вузам или рабфакам признается недопустимым»[113].

Исключения были предусмотрены только с разрешения Коллегии НКП. Но, несмотря на такие строгости Наркомпроса, нехватка специалистов вынуждала вузы идти в обход инструкции, к тому же под ее действие не подпадало совместительство в других ведомствах. Но когда государство в процессе осуществления первого пятилетнего плана, главной задачей которого было превращение страны из аграрной в индустриальную, столкнулось с катастрофическим бюджетным дефицитом, последовали более строгие меры.

В конце 1928 г. вводится карточная система, правительством принимаются многочисленные меры, направленные как на изыскание новых источников доходов (типа постановления СНК СССР от 28 января 1928 г. «О мерах к усилению экспорта и реализации за границей предметов старины и искусства»), так и на усердное сбережение имеющихся (например, постановление Совета труда и обороны при СНК СССР «О разработке обязательных для учреждений и предприятий правил экономного расход вания бумаги» от 28 ноября 1928 г.); одновременно развернулась и борьба за рационализацию госаппарата — «его упрощение, удешевление и приспособление к нуждам рабоче-крестьянских масс»[114].

В связи с этой политикой 20 сентября 1927 г. Совнарком РСФСР принял и постановление «О государственном нормировании заработной платы», призванное в

---

[111] *Смирнов Ю.Н.* Сталин и атомная бомба. С. 128.

[112] В 1925 г. бюджетное обследование научных работников СССР, предпринятое Секцией научных работников, констатировало факт «значительной перегруженности научных работников, вынужденных для получения культурного минимума заработной платы работать с повышением нормальной нагрузки иногда до 400%» (цит. по: *Канчеев А.А.* Бюджетное обследование научных работников // Научный работник. М., 1925. Кн. 3. С. 112).

[113] ГА РФ. Ф. 298 (ГУС). Оп. 1. Д. 1. Л. 81.

[114] О рационализации аппарата // Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения РСФСР. М., 1929. № 39. 30 сентября. С. 7.

действительности снизить выплаты гражданам, после чего в министерствах и ведомствах, в том числе и Наркомпросе, началась работа по составлению штатных расписаний и упорядочению кадров. В этой связи 20 марта 1928 г. Главпрофобр НКП принял циркуляр «О предоставлении списка научных работников вузов»[115], которым обязал подведомственные учреждения подать сведения на своих сотрудников по специально разработанной форме. Однако в процессе дальнейшей работы Наркомпроса возник вопрос о так называемом совместительстве, поскольку многие фамилии оказывались одновременно и в списках вузов, и в списках научно-исследовательских институтов ведомства Главнауки и т. д.

Преследуя цель внесения ясности уже в этот вопрос, 3 сентября 1928 г. заведующий отделом вузов НКП и начальник Главпрофобра НКП подписывают циркулярное письмо, в котором руководству вузов предлагается обратить особенное внимание на «полноту сведений о совместительстве научных работников как в других вузах, так и во всякого рода учреждениях»[116], а вскоре в недрах НКП начинает разрабатываться документ «О мерах к устранению недопустимых форм совместительства службы научных работников вузов».

29 января 1929 г. Коллегия Наркомпроса РСФСР приняла следующее постановление:

> «1. Работа более чем в двух учреждениях, подведомственных Главнауке, не допускается, за исключением случаев, когда участие работника в том или ином учреждении абсолютно необходимо.
>
> 2. Совместительство во втором учреждении разрешается с оплатой в половинном размере при половинном количестве часов работы.
>
> 3. Всякое совместительство может быть допущено лишь после представления учреждения по занимаемой основной должности с последующим утверждением Главнауки»[117].

С 1 апреля 1929 г. Наркомпрос сделал сведения о совместительстве обязательными при подаче документов для утверждении в должностях[118]. А когда научные работники успели сделать выбор и определиться с основными местами работы, то 22 августа 1930 г. было принято и постановление СНК СССР, утвердившее «Положение о штатно-окладной системе оплаты преподавательского состава вузов», в котором почасовая оплата была заменена должностным окладом с нормированием нагрузки. Однако надо заметить, что попытки упорядочить работу профессорско-преподавательского состава были не слишком результативны, поскольку еще наблюдалась серьезная нехватка кадров:

[115] Правлениям всех вузов: О представлении персональных списков научных работников // Там же. М., 1928. № 13. 30 марта. С. 15.

[116] Правлениям всех вузов: О представлении персональных списков научных работников // Там же. № 45. 3 ноября. С. 19.

[117] О совместительстве в учреждениях Главнауки // Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения РСФСР. М., 1929. № 18. С. 45–46. Историография вопроса традиционно отсчитывается от постановления СНК СССР от 22 августа 1930 г. (см.: *Маврин С. П., Смирнов В. Н.* История нормативного регулирования штатного совместительства в высшей школе // Правоведение. Л., 1984. № 6. С. 87–91; *Богомазов Г. Г., Благих И. А., Мельник Д. В.* Формирование структуры науки и высшей школы СССР в 1920–1940-е гг.: (На примере экономических научно-образовательных центров Ленинграда) // Социальные проблемы: Научно-практический журнал. СПб., 2008. № 3. С. 76–95; и др.).

[118] О сообщении сведений о совместительстве кандидатов, представляемых к утверждению в должности научных работников вузов // Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения РСФСР. М., 1929. № 18. 26 апреля. С. 22.

согласно переписи работников просвещения 1933 г., 69,2% профессоров являлись совместителями[119].

Постепенное насыщение вузов преподавательскими кадрами привело к принятию 11 ноября 1937 г. постановления Совнаркома № 2000 «О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах», где отдельно оговаривался вопрос совместительства и определялось понятие основного места работы:

«2. Установить, что каждый профессор, доцент и другой преподаватель высшей школы должен состоять в штате только одного высшего учебного заведения, которое является основным местом его работы и в котором он должен вести все виды учебной и научно-исследовательской работы, вытекающей из занимаемой должности и учебного плана, отдавая на эту работу в высшем учебном заведении в среднем пять часов в день.

Указанная выше учебная и научно-исследовательская работа охватывает следующие ее основные виды: чтение лекций, ведение семинаров и практических занятий, проведение экзаменов и зачетов, руководство проектированием и производственной практикой, консультационную работу со студентами и аспирантами, контрольное посещение профессорами лекций и других занятий, проводимых доцентами и другими преподавателями, разработку учебных планов и программ, научно-исследовательскую работу.

3. Установить, в пределах пятичасовой работы профессора, доцента или другого преподавателя в высшем учебном заведении, следующий объем его учебных занятий со студентами и аспирантами по выполнению учебного плана: для профессора — заведующего кафедрой — от 2 до 2,5 часов, для профессора кафедры — от 2,25 до 2,75 часов, для доцента кафедры, старшего преподавателя, ассистента кафедры и преподавателя — от 2,5 до 3 часов.

4. <...> Установить, что штатный работник высшего учебного заведения может занимать в нем только одну штатную должность. <...>

8. Установить, что профессора, доценты и другие преподаватели, состоящие в штате высшего учебного заведения, могут дополнительно вести учебную или научно-исследовательскую работу в других высших учебных заведениях или в научно-исследовательских учреждениях, не занимая в последних штатной должности.

Установить, что профессор — заведующий кафедрой, профессор кафедры и доцент кафедры, допущенные Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы к исполнению обязанностей заведующего кафедрой в другом высшем учебном заведении по совместительству, получают за такую работу дополнительно 50 процентов должностного оклада, установленного по их основной должности, а допущенные к исполнению обязанностей профессора, доцента или другого преподавателя — в соответствии с объемом работы, но не свыше 50 процентов основного должностного оклада. <...>

10. Установить дополнительную, сверх должностного оклада, оплату за работу, выполняемую сверх штатной должности в том же высшем учебном заведении:

а) директору высшего учебного заведения и его заместителю по научно-учебной работе за одновременное выполнение работы профессора, доцента кафедры или преподавателя — почасно в соответствии с выполняемой работой.

б) профессору — заведующему кафедрой или профессору кафедры за одновременное исполнение обязанностей декана факультета — 50 процентов его основного оклада. <...>

[119] *Маврин С. П., Смирнов В. Н.* Указ. соч. С. 87.

13. Установить для лиц, привлекаемых в виде исключения на почасовую работу в высшем учебном заведении, следующую оплату: 1. Лекции по специальным дисциплинам, консультации по дипломному проектированию, консультации аспирантов по диссертациям (рублей за час работы): профессору — 30, доценту — 25, специалисту, не имеющему ученого звания, — 15. 2. Лекции по прочим дисциплинам (рублей за час работы): профессору — 25, доценту — 20, специалисту, не имеющему ученого звания, — 15»[120].

Это постановление было дополнено Инструкцией ВКВШ от 19 ноября 1939 г., в которой было определено, что совместитель может иметь лишь одно дополнительное место преподавания, а все дополнительные совместительства возможны только с разрешения ВКВШ. «Объявлена война совместительству профессоров», — писал тогда В. В. Виноградов[121]. Но привыкшие к работе в нескольких учреждениях преподаватели, с одной стороны, и руководители вузов и научно-исследовательских учреждений — с другой, не смогли втиснуться в рамки этих документов, тем более что ВКВШ обычно утверждал многостраничные списки совместительств. Война и последовавшая нехватка кадров лишь усугубили эту практику.

Причем совместительств могло быть сколь угодно много — два, три и более... Пятичасовой рабочий день преподавателя допускал достаточную свободу. Количество совместительств зависело от ранга ученого, его общественного положения, а также от свойств его личности. Но часто в совместительстве был заинтересован не только сам ученый, но и администрация того или иного учреждения, которая хотела видеть в списке своих сотрудников большее число профессоров, академиков, заслуженных деятелей науки[122].

В ленинградской филологии, как и везде, в таких совместительствах были свои скрытые правила (преподаватели ЛГПИ, например, совсем не часто зачислялись в Пушкинский Дом и т.п.), но наиболее распространенным для литературоведов ЛГУ было совместительство в Институте литературы АН СССР — Пушкинском Доме. В первые послевоенные годы работу в Пушкинском Доме и преподавание на филологическом факультете ЛГУ совмещали профессора М. К. Азадовский, М. П. Алексеев, Г. А. Бялый, П. Н. Берков, Г. А. Гуковский, В. А. Десницкий, В. Е. Евгеньев-Максимов, И. П. Еремин, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, Б. С. Мейлах, А. С. Орлов, Л. А. Плоткин, В. Я. Пропп, М. О. Скрипиль, А. А. Смирнов, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум...

Даже в области науки такая вольница долго продолжаться не могла. 8 января 1947 г. министр С. В. Кафтанов подписал приказ «Об устранении фактов нарушения постановления СНК СССР от 11 ноября 1937 года в части совместительства профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений»:

«Проверкой, проведенной Министерством высшего образования и ЦК [профессионального] союза работников высшей школы и научных учреждений, установлено грубое нарушение постановления Правительства о порядке зачисления и оплаты профессоров и преподавателей, привлекаемых на работу по совместительству.

---

[120] Постановление Совета Народных Комиссаров: О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах. С. 751–754.

[121] *Никитин О. В.* Из истории лингвистической науки 1930–1960-х гг.: (Переписка С.А. Копорского с коллегами) // Вопросы языкознания. М., 2002. № 5. С. 80. (Письмо С.А. Копорскому от 30 декабря 1940 г.)

[122] В контексте данного вопроса см.: Академики-филологи и Ленинградский университет // Ленинградский университет. Л., 1945. № 24. 1 июля. С. 4.

Несмотря на запрещение законом занимать более одной штатной должности, директора вузов допускают зачисление на полный должностной оклад совместителей, состоящих в других вузах на штатной работе и получающих полные ставки заработной платы.

В нарушение инструкции ВКВШ при СНК СССР о порядке применения постановления СНК СССР от 11 ноября 1937 г. за № 2000, которой установлено, что профессора и преподаватели могут вести работу по совместительству только в одном вузе, директора вузов допускают зачисление в качестве совместителей (на полставки) лиц, уже работающих по совместительству.

В большинстве случаев профессора и преподаватели, работающие по совместительству, не имеют письменных разрешений от директоров вузов по месту их основной работы.

Главные управления и отделы Министерства высшего образования, а также главные управления учебных заведений других министерств и ведомств самоустранились от контроля за выполнением вузами постановлений Правительства о порядке совместительства профессорско-преподавательского состава»[123] и т. д.

Министр устанавливал этим приказом жесткие правила совместительства, причем разрешения на совместительство профессоров, доцентов и заведующих кафедрами должно было утверждаться в самом министерстве, по ходатайству ректора вуза, а действовало это разрешение только на протяжении одного учебного года. Приказ С. В. Кафтанова завершался словами: «Предупреждаю, что во всех случаях незаконного совместительства профессоров и преподавателей в вузах и в связи с этим незаконной выплаты заработной платы виновные будут привлечены к строгой ответственности»[124].

Что же касается совместителей Ленинградского университета, то могущественный ректор А. А. Вознесенский позаботился заранее о том, чтобы приказ министра не повлиял на работу его учебного заведения. Именно 8 января 1947 г., в день подписания сурового приказа о запрещении бесконтрольного совместительства, С. В. Кафтанов подписал еще один приказ. Согласно этому документу, группе профессоров филологического факультета ЛГУ (И. П. Еремину, В. Н. Орлову, П. Н. Беркову, В. Е. Евгеньеву-Максимову, В. Я. Проппу) разрешалось совместительство в Пушкинском Доме (но уже на половину оклада, а не на полную ставку)[125].

Лишь год спустя МВО СССР распорядилось с 1 сентября 1948 г. перевести «с полной ставки на половинный оклад, как не получивших разрешения Министерства высшего образования на работу в Университете по совместительству на полном окладе» профессоров М. К. Азадовского, Г. А. Гуковского, Л. А. Плоткина, Б. В. Томашевского, Б. М. Эйхенбаума и других, а профессоров В. В. Виноградова и В. А. Десницкого вообще уволить из штата, оставив только на почасовой оплате[126].

Отдельно необходимо оговорить тот факт, что не всегда легко понять, в каком из учреждений ученый имел основное место работы, а в каком был совместителем, — положение часто менялось, и преимущественно на полной ставке ученые состояли там,

---

[123] Приказы и распоряжения Министерства высшего образования СССР // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1947. № 1. Январь. С. 3.

[124] Там же. С. 4.

[125] Упоминание приказа см.: ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 450 от 8 марта 1947 г.

[126] Упоминание приказа см.: Там же. № 1923 от 24 сентября 1948 г.

где занимали административные должности (декана, заместителя декана, заведующего кафедрой, заведующего сектором, заведующего аспирантурой, ученого секретаря и т. п.).

Кроме Пушкинского Дома совместителей с филологического факультета ЛГУ имели в своем штате и другие учебные и научные учреждения в обеих столицах. Особенно в этой связи стоит отметить таких «граждан мира», как академики Н. С. Державин, В. В. Виноградов, И. И. Мещанинов...

Но еще раз подчеркнем, что наибольшее число совместительств сближало филологический факультет Ленинградского университета именно с Пушкинским Домом. Ни с каким другим академическим учреждением у филологического факультета не было столь прочной связи, они словно были обручены. И потому цвет ленинградской филологической науки на протяжении длительного времени предстает двуедино, а события, происходившие в этих заведениях, находящихся на сторонах стрелки Васильевского острова, постоянно перекликаются и переплетаются между собой. Не последнюю роль в таком тесном союзе сыграло и то, что оба учреждения также относились к ведению одного и того же Василеостровского райкома ВКП(б), который регулировал идеологический климат этих заведений. Такая монолитность филологического факультета и Пушкинского Дома отразилась на судьбах ученых, а публикуемые в настоящем издании материалы — лишнее тому подтверждение.

Система совместительств, позволяющая получать почти двойные оклады, гонорары за публикации, усиленное питание всей семьи посредством обслуживания в специальных распределителях и закрытых столовых, — все это сделало советских ученых к середине 40-х гг. (особенно отчетливо — после академических выборов 1946 г.) несомненной элитой советского общества.

Именно по причине небывалого финансового благоприятствования со стороны сталинского руководства ситуация в филологии 40-х гг., как и вообще в советской науке, отражала новую тенденцию, когда в науку уже шли не ради самой науки, а ради карьеры. В результате собственно наука увядала и превращалась в безликую идеологически наполненную субстанцию, ибо служение мамоне почти не оставляло места для занятия наукой.

Старая профессура, принявшая блага от власти как данность, как должное и необходимое признание своих заслуг, с трудом, но продолжала научную жизнь, одновременно ведя привычные клановые игры и наслаждаясь достатком после долгих лет нужды. Ничего не предвещало скорого краха этого благополучия. Для ленинградских профессоров он наступил в 1949 г.

> «Гуманитарная интеллигенция, занятая собой, самонадеянная и безрассудная, думала смутно: так себе, неотесанные парни... А там шла между тем своя внутренняя жизнь — к ней никто не считал нужным присмотреться, — исполненная злобы и вожделений. Интеллигенты думали сквозь туман: ну, при всей неотесанности, они не могут не понимать, что науку делают образованные. Эту аксиому пришлось как-никак признать.
>
> Доверие к неприязненной аксиоме погубило многих. Своевременно не угадавших, что люди 49-го не были самотеком, но людьми системы, которая, включив гуманитарию в свой идеологический механизм, меньше всего нуждалась в ее научной продукции. <...>
>
> Люди фланировали над бездной, кишевшей придавленными самолюбиями. Пробил час — они вышли из бездны. Проработчики жили рядом, но все их увидели

впервые — осатаневших, обезумевших от комплекса неполноценности, от зависти к профессорским красным мебелям и машинам, от ненависти к интеллектуальному, от мстительного восторга... увидели вырвавшихся, дорвавшихся, растоптавших»[127].

ОТМЕНА КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ И СНИЖЕНИЕ РОЗНИЧНЫХ ЦЕН

Окончание войны не принесло рядовым гражданам значительных облегчений в быту, а засуха и последовавший на ней голод 1946–1947 гг. лишь усугубили тяжесть положения. На этом фоне зияла разница между профессурой, членами Академии наук и рядовыми сотрудниками научных учреждений, «рабочими и служащими». О. М. Фрейденберг даже проводит параллель между высокопоставленными учеными и военными:

«Имущественная разница была колоссальна: народ жил в голоде и нужде, а академики и члены-корреспонденты, потеряв доверие к деньгам, скупали картины, антики, дорогую мебель. Военщина (так называемый "генералитет") представляла собой замкнутую спесивую касту, о невежестве которой ходило много анекдотов. <...> Позорное неравенство существовало и среди ученых, всецело построенное на ранге»[128].

Казалось бы, положение рядового населения должны были изменить очередные меры партии и правительства: в декабре 1947 г. было объявлено об отмене карточной системы и денежной реформе, а в апреле 1948 г. снижены цены на ряд товаров. Снижения цен, которые ставятся в заслугу сталинскому руководству, в действительности оказали свое положительное действие только в 1949 г., когда совместным постановлением СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 28 февраля 1949 г. с 1 марта снижались государственные розничные цены на хлеб и муку, крупу и макароны (на 10%), другие товары первой необходимости, в том числе ткани[129]. Тогда как мероприятия 1947 и 1948 гг. были откровенно популистскими.

14 декабря 1947 г. Председатель Совета министров СССР И.В. Сталин и секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов подписали Постановление № 4004 «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Истинные результаты этого шага, который ныне преподносится как беспримерная забота руководства страны о своем народе (в Англии, например, карточная система окончательно отменена была только в 1954 г.), исследует В.Ф. Зима в своей работе о голоде 1946–1947 гг.:

«Благодаря пайку (нормированному снабжению по фиксированным, ниже рыночных, ценам. — *П.Д.*) многим удалось пережить буйство цен в 1946–1947 гг. Урожай 1947 г. способствовал понижению рыночных цен на хлеб, картофель, овощи, но с ноября того же года цены снова поползли вверх. Потребление хлеба, картофеля и других продуктов питания снизилось. Большинство народа материально было не готово к отмене карточек, а тем более к обмену денег. <...>

Начиная с 16 декабря до 22 декабря включительно, а в отдельных районах в течение двух недель, вся денежная наличность, находившаяся у населения, государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и учреждений, а также колхозов, была обменяна, за исключением разменной монеты, на новые деньги

---

[127] *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. С. 322.

[128] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[129] Известия. М., 1949. № 49. 1 марта. С. 1.

по соотношению 10 руб. в деньгах старого образца на 1 руб. в деньгах образца 1947 г. После займов 1946 и 1947 гг. это было второе, более крупное по размерам изъятие денег у населения.

За счет снижения народного потребления государство подготовилось к отмене карточной системы. В течение года товары придерживались, а после обмена денег и "стабилизации" цен товары выбросили на рынок. Сработал эффект показного "изобилия" за счет снижения покупательной способности населения. За месяц до 14 декабря 1947 г. правительством было принято решение о разбронировании товаров из госрезерва на сумму 1,7 млрд руб. для торговли после отмены карточек, в том числе в городах — на сумму 1,1 млрд руб., в сельской местности — 0,6 млрд руб. Переход к открытой торговле сопровождался установлением единых государственных розничных цен, когда пайковые цены были приближены к коммерческим, т. е. были повышены в среднем в 3 раза. Действовавшие высокие розничные цены на промтовары в сельской местности были сохранены, и на их уровне были установлены цены для городских магазинов»[130].

Как часто бывает, наименьший урон от денежной реформы понесли самые обеспеченные слои населения, имевшие накопления. Это указывалось особо:

«Денежные вклады в сберегательных кассах и государственном банке будут переоцениваться на более льготных условиях, чем обмен наличных денег, причем вклады до трех тысяч рублей будут переоцениваться рубль за рубль. Это означает, что вклады, принадлежащие подавляющему большинству вкладчиков, сохраняются в прежней сумме»[131].

Вклады свыше 3 тыс. руб. пересчитывались в соотношении три старых рубля к двум новым, свыше 10 тыс. — два к одному. Такой шаг имел свое объяснение:

«Эта переоценка произведена на льготных условиях. Учитывая, что вкладчики предоставляли свои сбережения Советскому государству для финансирования общенародных нужд, партия и правительство ограждают их интересы и сбережения»[132].

«Неэквивалентный обмен наличных денег вывернул карманы трудящихся и позволил правительству за счет этой операции искусственно на короткое время поднять курс рубля. Так называемая денежная реформа в СССР носила более пропагандистский, чем экономический характер. Ее "успех" выдавался за преимущество социализма над капитализмом»[133].

Последовавшее через несколько месяцев весеннее постановление 1948 г. о снижении цен также можно рассматривать как издевательство над подавляющим большинством населения страны:

«Совет Министров СССР постановил: снизить с 10 апреля 1948 г. единые государственные розничные цены на следующие товары в среднем:

Автомобили легковые "Москвич" — на 10%

Мотоциклы — на 20%

Велосипеды — 20%

Охотничьи ружья — на 15%

Швейные машины — на 10%

Радиоприемники "Рекорд" и "Родина" — на 10%

---

130 *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 57–59.

131 Там же. С. 59.

132 Денежная реформа 1947 года // Бухгалтерский учет. М., 1948. № 1. С. 2.

133 *Зима В. Ф.* Указ. соч. С. 59.

Репродукторы динамические — на 20%
Патефоны — на 20%
Баяны — на 10%
Аккордеоны — на 12%
Фотоаппараты "Москва" — на 10%
Бинокли театральные — на 10%
Часы металлические карманные и наручные — на 12%
Ювелирная серебряная и металлическая галантерея — на 20%
Ряд товаров широкого профиля из пластмасс — 20%
Папиросы, сигары и сигареты — на 10%
Парфюмерно-косметические товары — на 10%
Примусы, керогазы и электроплитки — на 10%
Водка, ликеро-водочные изделия, вина, пиво и безалкогольные напитки — на 20%
Икра черная — на 10%
Икра кетовая — на 20%
Витамины — на 20%»[134].

«Это мероприятие — новое проявление сталинской заботы о трудящихся. Оно будет с благодарностью и радостью встречено всеми советскими людьми. Оно вдохновит тружеников города и деревни на новые подвиги во славу Родины»[135], — писалось в редакционной статье по этому поводу.

Однако полный перечень товаров, приведенный выше, заставил трудящихся усомниться в столь благостных намерениях. Поскольку в преамбуле говорится «в среднем», то даже в единичных группах, где указаны особо спрашиваемые товары (алкоголь, табак), цены снижались отнюдь не на обычную водку и папиросы, а на дорогостоящие ликеры и сигареты. Словом, снижение цен 1948 г. вообще не коснулось нуждающихся слоев населения, которые не имели возможности покупать ни охотничьи ружья, ни театральные бинокли, ни часы, не говоря уже об икре и автомобилях...

На фоне всеобщего голодного существования трудящихся такие снижения цен оказывались ко двору обеспеченным слоям населения, к которым, кроме номенклатуры, военных, работников торговли, уже смело можно было причислить и «остепененных» тружеников науки.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ

Другой стороной «заботы» партии и правительства о трудящихся были займы денежных средств у населения. И если так называемое снижение розничных цен изящно обходило нужды подавляющего большинства обнищавших граждан страны-победительницы, то займы били в самую точку — поголовная подписка на облигации внутреннего займа для малообеспеченных слоев населения была особенно чувствительной.

Изъятие государством денежных средств у собственного народа проводилось с особенной помпой и обычно на фоне майских праздников.

Начало такой практике систематических «подарков государству» было положено еще до войны, в 1922 г. Советская система займов «выгодно» отличалась от

[134] Известия. М., 1948. № 85. 10 апреля. С. 1.
[135] Там же.

дореволюционных: «Наши займы рассчитаны на широкие круги населения, в то время как займы царские были рассчитаны на капиталистов и помещиков. В соответствии с этим, наши займы выпускаются в облигациях мелкого достоинства, доступных рабочему и крестьянину»[136]. Кроме того, декларировалась неосуществимая в реальности возможность обратного обмена: «Эти деньги даны государству без всякого риска их утраты; в любое время их можно получить обратно путем продажи или залога облигаций»[137].

О том, насколько декларируемая добровольность подписки контролировалась государством, говорят инструктивные документы Наркомата финансов:

> «Размещение займа должно проводиться на основе широкой разъяснительной работы и добровольного участия каждого трудящегося в займе. <...>
>
> Подписка на заем среди рабочих и служащих проводится под лозунгом: "Двух-трехнедельный заработок — взаймы государству трудящихся".
>
> Размещение займа в коллективах рабочих и служащих организуют и проводят комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу под руководством партийных и профсоюзных организаций при широком участии общественности. <...>
>
> Комиссия содействия должна заблаговременно получить от бухгалтерии предприятия или учреждения точные сведения о количестве рабочих и служащих и о фонде их заработной платы как по предприятию в целом, так и по отдельным цехам и отделам. Сведения эти нужны для того, чтобы следить за степенью охвата подпиской на заем членов данного коллектива. <...>
>
> При этом, однако, какое бы то ни было принуждение ни в каком случае не должно допускаться. Успех советских государственных займов основан на высокой политической сознательности трудящихся. Малейшее принуждение, в какой бы форме оно ни проявлялось, противоречит основному принципу размещения советских займов — полной добровольности, дискредитирует советские займы и тем самым вредит им.
>
> Нельзя забывать, что кое-где еще сохранилось неразоблаченное до сих пор вражеское охвостье. Враг безусловно не решится открыто выступить против займа. Однако это ни в какой степени не означает, что он не попытается помешать успешному размещению займа. Нужна неослабная большевистская бдительность для того, чтобы вскрыть и разоблачить вражеские действия, направленные к подрыву займа»[138].

Приведем и фрагмент сочинения профессора ЛГУ С. Я. Лурье «Об общих принципиальных основах советского строя» 1947 г., в котором этот выдающийся специалист в области античной литературы, истории и естествознания исчерпывающе характеризует указанную процедуру:

> «Характерной особенностью советского строя является его своеобразная, не повторяющаяся нигде в истории, двуплановость: граждане Союза не только ведут тяжелую и безрадостную жизнь, но еще и обязаны в течение всей своей жизни непрерывно выступать актерами в веселом праздничном представлении о земном рае, несовместимом с будничной действительностью.
>
> С точки зрения марксистской методологии истории, советский строй является рабовладельческим. Этот строй характеризуется прикреплением производителя

[136] Вопросы и ответы по государственным займам. М., 1926. С. 6.

[137] Там же.

[138] Памятка комиссиям содействия госкредиту и сберегательному делу о размещении государственного займа... / Народный Комиссариат финансов Союза СССР. М., 1938. С. 9–13.

к определенному предприятию и отсутствием свободы передвижения, переброской производителя с одного места на другое без его согласия, установлением зарплаты без согласия производителя, отсутствием у производителя собственных орудий производства. Все эти элементы налицо в разбираемом строе. <...>

Самым специфическим, характерным для всего советского строя, казалось бы, внутренне противоречивым понятием является понятие "добровольно-принудительного". Это один из наиболее ярких образцов той "двуплановости", того глубоко укоренившегося ханжества, которое, как мы уже говорили, составляет самую сущность данного режима. Займы, на которые каждый гражданин государства подписывается каждую весну, равняются от 8,5 до 12% всего заработка, причем принимаются самые действенные меры, чтобы истинный размер заработка не остался скрытым. <...>

Когда началась война и стали пропагандироваться "подарки государству", все стали очень охотно жертвовать в любых количествах облигации займа. Это привело в ярость официальных лиц, которые прекрасно понимали, что от таких "харта каката" (то есть бумага для подтирки) никакой пользы государству нет; такие пожертвования стали рассматриваться как антипатриотические, имеющие целью подорвать доверие к государственным денежным бумагам!

Подписка на облигации займа — акт юридически добровольный. Административным органам, партийным и профессиональным организациям лишь вменяется в обязанность вести энергичную агитацию за подписку на заем. Как же обстоит дело в действительности? Каждому рабочему, служащему и т. д. точно указывается, на какую сумму ему надлежит подписаться (от 100 до 150% месячного жалованья), и все граждане точно подписываются на эту сумму, исключая немногочисленных холуев и карьеристов, которые подписываются на сумму гораздо большую, чем им указано, чтобы снискать благоволение начальства»[139].

Отметим, что указанный С.Я. Лурье процент — не самый высокий. В 1946 г. сумма подписки почти не опускалась ниже полуторамесячного оклада. Причем, говоря о жалованье, Соломон Яковлевич подразумевает ставку оклада, тогда как выдавался он далеко не полностью. Кроме прогрессивного подоходного налога из оклада вычитался «налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР», которым облагались как одинокие и бездетные граждане (6%), так и имевшие одного (1%) и двоих детей (0,5% от среднемесячного заработка соответственно).

Как показывают документы бухгалтерии Пушкинского Дома, в 1946 г. «подарок государству» не опускался ниже 150% среднемесячного оклада, а с учетом налоговых вычетов составлял в среднем две месячные выплаты, только в следующем году он пришел в указанные границы[140].

---

[139] *Лурье Я.С., Полак Л.С.* Судьба историка в контексте истории: (С.Я. Лурье: жизнь и творчество) // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1994. № 2. С. 15–16.

Отдельно стоит оговориться о том способе, к помощи которого вынужден был прибегнуть С.Я. Лурье, чтобы в 1947 г. зафиксировать столь смелые соображения: «Пожелтевшая от времени тетрадка, без обложки, с текстом, написанным частью каким-то особым письмом, напоминающим иероглифы, частью латинским шрифтом. Загадочный текст — слоговое письмо, существовавшее на острове Кипр в V–IV вв. до н. э. и близкое к крито-микенскому письму. Для того чтобы расшифровать текст тетрадки, пришлось обратиться к своеобразной азбуке — так называемому "кипрскому силлабарию"» (Там же. С. 14).

[140] Приведем в доказательство цифры, взяв для примера сотрудников Пушкинского Дома

Поскольку единовременно удержать из зарплаты такие суммы было невозможно, то вычеты за подписку распределялись на десять месяцев и вычитались из равными долями до февраля следующего года включительно, в марте и апреле обычно вычетов на подписку не было (такой механизм вычетов был установлен специальной инструкцией Наркомата финансов СССР)[141]. При следующей подписке в мае–июне уже определялась очередная сумма, которая и вычиталась в следующие десять месяцев равными долями.

Если первый послевоенный заем 1946 г. лишь отобрал у населения значительную часть средств, то следующий, в мае 1947 г., реализовывался в самый разгар голода 1946–1947 гг. и оказался особенно болезненным:

> «Мероприятие было организовано как социалистическое соревнование в предельно сжатые сроки. Второй послевоенный заем, выпущенный 4 мая 1947 г. на сумму 20 млрд. руб., был размещен уже к исходу дня 5 мая того же года на 20 млрд 258 млн руб.

(в том числе и совместителей), указав вычеты за заем в сравнении с их среднемесячным окладом (указана сумма в рублях, копейки не учитываются).

В 1946 г. вычитались за подписку следующие суммы: В. П. Адрианова-Перетц — 6000 (среднемесячный заработок 2600), М. К. Азадовский — 7500 (3083), М. П. Алексеев — 5000 (2275), А. М. Астахова — 6000 (2275), Д.С. Бабкин — 1200 (1000), П.Н. Берков — 4800 (2275), Г.А. Бялый — 4800 (2275), И. И. Векслер — 2466 (4800), Б. П. Городецкий — 3600 (2100), Г. А. Гуковский — 4000 (2275), К. Н. Державин — 3000 (1629), В. А. Десницкий — 7500 (3050), И. П. Еремин — 4000 (2525), В. М. Жирмунский — 7500 (3000), И. С. Зильберштейн — 3000 (2025), П. И. Лебедев-Полянский — 8000 (3885), Д. С. Лихачев — 4000 (1936), В. А. Мануйлов — 3600 (1463), Б. С. Мейлах — 7200 (2330), Н. И. Мордовченко — 3600 (2025), А. С. Орлов — 8100 (3125), В. Н. Орлов — 3750 (2133), Н. К. Пиксанов — 8000 (2290), Л .А. Плоткин — 8000 (3125), В. Я. Пропп — 5000 (2466), М. О. Скрипиль — 4800 (2288), А. А. Смирнов — 4800 (2275), Б. В. Томашевский — 7200 (2790), Б. М. Эйхенбаум — 4800 (2540), И. Г. Ямпольский — 3750 (2058) (ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 3 (1946 г.). Д. 26. Л. 1–221).

В 1947 г. (можно видеть динамику в повышении среднемесячных окладов после постановления 1946 г.; иногда видимая разница объясняется тем, что некоторые профессора основным местом работы имели ЛГУ или другие вузы, а в ИЛИ получали только половинный оклад): В. П. Адрианова-Перетц — 9000 (4146), М. К. Азадовский — 6500 (5592), М. П. Алексеев — 5000 (3096), А. М. Астахова — 4500 (3753), Д.С. Бабкин — 1350 (1250), П. Н. Берков — 2200 (2061), Г.А. Бялый — 4500 (3754), И. И. Векслер — 4200 (3752), Б. П. Городецкий — 3200 (2883), Г. А. Гуковский — 4400 (3746), К. Н. Державин — 3000 (2401), В. А. Десницкий — 3000 (3588), И. П. Еремин — 4000 (3901), В. М. Жирмунский — 6000 (5813), И.С. Зильберштейн — 3000 (2881), П. И. Лебедев-Полянский — 12000 (7403), Д. С. Лихачев — 3000 (2858), В. А. Мануйлов — 2200 (2250), Б.С. Мейлах — 6500 (5592), Н.И. Мордовченко — 3300 (2881), В.Н. Орлов — 3000 (2861), Н. К. Пиксанов — 8000 (3765), Л. А. Плоткин — 7500 (6500), В. Я. Пропп — 2200 (2260), М. О. Скрипиль — 4000 (3764), А. А. Смирнов — 2000 (2096), Б. В. Томашевский — 6500 (5547), Б. М. Эйхенбаум — 5000 (3804), И. Г. Ямпольский — 1200 (1417) (ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 3 (1947 г.). Д. 1. Л. 1–342).

В 1948 г.: В. П. Адрианова-Перетц — 10000 (5749), М. К. Азадовский — 7500 (5976), М. П. Алексеев — 6000 (3884), А. М. Астахова — 5000 (3988), Д. С. Бабкин — 1500 (1449), П. Н. Берков — 2500 (2008), А. С. Бушмин — 900 (979), Г. А. Бялый — 5000 (3988), И. И. Векслер — 4300 (3945), Б. П. Городецкий — 3500 (3002), Г. А. Гуковский — 4500 (3782), К. Н. Державин — 3000 (2926), В. А. Десницкий — 3000 (3113), И. П. Еремин — 4500 (3947), В. М. Жирмунский — 9000 (5992), И. С. Зильберштейн — 3000 (3001), Д. С. Лихачев — 3400 (3205), В. А. Мануйлов — 2000 (1988), Б. С. Мейлах — 10000 (5592), Н. И. Мордовченко — 4000 (3001), В. Н. Орлов — 3300 (2989), Н. К. Пиксанов — 10000 (3990), Л. А. Плоткин — 7000 (6500), В. Я. Пропп — 2000 (2823), М. О. Скрипиль — 4500 (3764), А. А. Смирнов — 2000 (2028), Б. В. Томашевский — 7000 (5969), Б. М. Эйхенбаум — 5000 (3996) (ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 3 (1948 г.). Д. 6. Л. 1–370).

[141] Инструкция № 169 об условиях и порядке размещения государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР среди рабочих и служащих в городах и сельских местностях, а также среди кустарей и другого сельского населения в городах и поселках городского типа / Народный Комиссариат финансов Союза СССР. М., 1946. С. 4.

"Правда" за 7 мая т. г. под заголовком «Блестящий успех нового займа» давала любопытные факты: «В 1945 г. за первые сутки после начала подписки заем был реализован в размере 83%. В 1946 г. за такой же срок заем был размещен в размере 94%. В нынешнем году в течение суток заем был размещен на 101,3%. Это подлинный триумф советских государственных займов. Ни одно зарубежное государство не знало и не знает подобных примеров». И действительно, не всякое государство решилось бы на реализацию займов волюнтаристскими методами во время массового голода в стране»[142].

Ученые, обладавшие едва ли не высшей заработной платой в стране, были в числе первых:

«С большой активностью проходит подписка на заем среди ученых Ленинграда.

Находящийся в Ленинграде президент Академии наук СССР академик Вавилов дал взаймы государству сто тысяч рублей. Академики Павловский и Струве подписались на 12 тысяч рублей каждый, академик Баранников и члены-корреспонденты Академии наук СССР Боровков и Фрейман — по 7 тысяч. Подписка в Институте языка и мышления имени Марра, Зоологическом институте, Институте этнографии уже превысила месячный фонд зарплаты»[143].

Сотрудники Пушкинского Дома и филологического факультета ЛГУ, как и работники прочих советских учреждений, узнавали о суммах, данных ими взаймы собственной стране, только из списков, которые были составлены бухгалтерией, а порой — уже при получении зарплаты.

3 мая 1948 г. было подписано очередное постановление Совета министров СССР о выпуске третьего государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР. В тот же день постановление было озвучено по Всесоюзному радио, а бухгалтерии государственных учреждений поставили в известность своих работников о том, какие суммы они «добровольно» дали взаймы государству.

Новостная лента Ленинградского отделения ТАСС сообщала 3 мая:

«Во всех ленинградских институтах Академии наук СССР сразу же после того, как было передано по радио постановление правительства, сотни научных работников изъявили желание стать подписчиками нового займа.

На полуторные оклады подписались академики И. И. Толстой и В. Ф. Шишмарев. Член-корреспондент Академии наук СССР Д. В. Бубрих дал взаймы государству 8 тысяч рублей.

Быстро и организованно прошла подписка на заем в Институте литературы. В отделах прошли короткие митинги. Выступавшие говорили о займе, как мощном источнике финансирования больших работ третьего года послевоенной сталинской пятилетки. На 10 тысяч рублей подписался лауреат Сталинской премии проф[ессор] Б. С. Мейлах, на столько же член-корреспондент Академии наук СССР В. П. Адрианова-Перетц, на 9 тысяч рублей — член-корреспондент Академии наук СССР В. М. Жирмунский.

На полуторные оклады подписались виднейшие востоковеды академики В.В. Струве, А. П. Баранников, член-корреспондент Академии наук СССР П.В. Ернштедт, профессоры А. К. Боровков, И.Н. Винников и другие»[144].

«Дружно началась подписка на новый заем у ленинградских писателей. <...> На 15 тысяч рублей подписался поэт А. А. Прокофьев. Литературовед Б. Мейлах подписался

[142] *Зима В. Ф.* Указ. соч. С. 47.
[143] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2520. Л. 10.
[144] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 130. Л. 11–12: «Подписываются ученые».

на 17 тысяч рублей, профессор Б. Эйхенбаум — на 11 тысяч рублей, писатель Е. Шварц — на 10 тысяч рублей»[145].

Причем подписка на заем производилась не только по основному месту работы, но в любом месте, где гражданину причитались денежные выплаты.

В мае 1949 г. традиция займов не могла прерваться. Последние известия Ленинградского радио сообщали 3 мая:

«Слушайте записанное на пленку выступление члена-корреспондента Академии наук СССР, заслуженного деятеля науки и техники, профессора Ленинградского университета имени Жданова Ивана Ивановича Жукова:

— Отличительной чертой больших русских ученых было то, что они всегда стремились связать теорию с практикой, науку с жизнью. Ярким примером тому служит деятельность таких великих представителей русской науки, как Ломоносов, Менделеев и других, которые подчиняли свою исследовательскую работу развитию производительных сил родной страны.

В наше советское время деятельность научных учреждений подчинена великой задаче укрепления экономического могущества и культуры страны, строительству коммунизма. Советское государство развивается на основе самой передовой науки и вдохновляется бессмертными идеями Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Наше родное советское государство ведет вперед величайший гений человечества, корифей науки Иосиф Виссарионович Сталин.

Наш коллектив — Ленинградского государственного Университета имени Жданова — считает своим долгом еще крепче связать научную деятельность с практическими задачами строительства. Выражением этого является творческое содружество с производством, которое ширится с каждым днем.

Горячо приветствуя новый заем, понимая его громадное значение для развития социалистической экономики и культуры, мы, ученые, убеждены, что он позволит еще шире и плодотворнее развернуть нашу работу во всех областях науки и тем внести новый вклад в развитие производительных сил страны, еще более укрепить могущество нашего государства.

Коллектив Университета всегда встречал выпуск займов с исключительным подъемом. С таким же единодушием мы подписываемся и на новый четвертый государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР. Дружная подписка на заем является новой яркой демонстрацией нашей преданности Родине, великой партии большевиков, товарищу Сталину»[146].

Обязательства по облигационным займам принудительно размещались среди рабочих и служащих вплоть до 1957 г., когда сумма их стала столь велика, что было принято совместное постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза», после чего размещение займов было прекращено, но и перестали производиться выигрыши, а погашение выпущенных займов было отсрочено на двадцать лет. Выкуп облигаций, причем по совершенно несопоставимым ставкам, начался лишь в 1974 г., а закончен был в 1980-х гг.

---

[145] Там же. Л. 15–16: «У писателей».

[146] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 3300. Л. 13–14. Последние известия: 3 мая 1949 г. (19:59–20:14).

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА ВЫСТРЕЛИВАЕТ «ЛЕНИНГРАДСКИМ ДЕЛОМ»

Ведя речь о Ленинграде 1940-х гг., нельзя не остановиться на так называемом «ленинградском деле». Эта печально знаменитая акция Сталина, в результате которой была ликвидирована часть высших руководителей СССР и практически все руководство Ленинграда, не только изменила баланс политических сил в сталинском окружении, но и трагическим образом отразилась на самом Ленинграде.

Большой энциклопедический словарь дает следующую его формулировку:

> «"Ленинградское дело" — серия дел, сфабрикованных в кон. 40-х — нач. 50-х гг. по обвинению ряда видных партийных, советских и хозяйственных работников в измене Родине, намерении превратить ленинградскую парторганизацию в опору для борьбы с ЦК и т. п. Среди привлеченных — Н.А. Вознесенский, М.И. Родионов, А.А. Кузнецов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин. Указанные шестеро подсудимых приговорены к расстрелу, остальные — к длительным срокам тюремного заключения. Следствие велось незаконными методами, судебный процесс проведен тенденциозно. Одновременно был осуществлен массированный разгром ленинградского партийно-административного руководства. В последующем все были реабилитированы, большинство посмертно»[147].

Фабрикация «ленинградского дела» имеет причину — борьбу в высшем руководстве страны за возможность стать наследником Сталина. Несмотря на болезненность и 70-летний возраст, Сталин, в силу характера и личностных качеств, даже самым ближайшим окружением неизменно воспринимался как незыблемый атрибут действительности, а потому возможность его смерти в конце 40-х гг. если и учитывалась в умах членов Политбюро, то лишь как трагическое, почти апокалиптическое событие; мало кто верил в то, что Сталин может вот так просто взять и умереть. Именно поэтому основная борьба в высшем руководстве страны, давно и умело срежиссированная самим диктатором, велась за возможность быть его фаворитом, а отнюдь не наследником. (Тем более что наследник — «должность» крайне уязвимая.)

Борьбой за похвалу Сталина, за возможность служить ему советчиком в партийных и государственных вопросах, за право оказаться наилучшим исполнителем его воли могут быть объяснены громкие послевоенные события. Каждый старался выполнить поручение с блеском, однако, проводя очередную идеологическую кампанию, любой из секретарей ЦК неминуемо преследовал и личные, конъюнктурные интересы, одновременно пытаясь если не дискредитировать, то хотя бы умалить заслуги соперников в глазах патрона.

> «Партийное чиновничество не было некой аморфной, безликой массой, слепым орудием вождя. Под внешним, обманным слоем единодушия в верхних слоях партийно-советской бюрократии сосуществовало множество различных группировок, противоборствовавших друг другу и имевших свои специфические интересы. И Сталин не только не опасался этой внутриноменклатурной грызни, а, наоборот, в интересах укрепления собственного единовластия периодически стравливал своих придворных и чужими руками устранял тех, кто, как ему казалось, в наибольшей степени стремился стать его наследником»[148].

[147] Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1998. С. 636.
[148] *Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона. С. 23.

К 1945 г. у подножия сталинского трона сложились две наиболее крупные группировки высшей партийно-государственной номенклатуры; и даже те члены высшего руководства, которые интуитивно сторонились «групповщины», вынуждены были в этой фракционной борьбе примыкать к одной из групп.

Возвращение А. А. Жданова в Москву и смерть А. С. Щербакова превратили в хаос сложившееся во время войны равновесие в высших структурах власти. Происходившее по воле Сталина возвышение роли А. А. Жданова оказалось болезненным для Г. М. Маленкова: он не без оснований почувствовал себя обойденным. А с переводом в Москву на пост секретаря ЦК ВКП(б) ленинградца А.А. Кузнецова крен еще более усилился. Тогда уже стали окончательно распадаться налаженные за годы войны связи будущих соперников, такие, например, как дружба Г. М. Маленкова и Н. А. Вознесенского. Тогда же началось зарождение двух фракций: «москвичей» (Маленков, Берия, Каганович, Молотов, Булганин, Попов...) и «ленинградцев» (Жданов, Вознесенский, Кузнецов, Ворошилов, Косыгин...). Причем именно Жданов, выдвигая близких ему людей, провоцировал идейное объединение ленинградцев — с приходом в ЦК А. А. Кузнецова это стало бросаться в глаза. Также необходимо подчеркнуть тот факт, что сам А. А. Жданов Г. М. Маленкова не жаловал. «Недаром внутри ждановского окружения за Маленковым прочно закрепилась презрительная кличка “Маланья”, прозрачно намекавшая на полубабий облик и малоинтеллигентность»[149].

Согласимся, что «ключевую роль в разжигании идеологических кампаний 40-х гг., безусловно, играл Маленков. Демонстрируя свою бдительность, он постепенно укреплял свои позиции на вершинах власти»[150]. Но эта мысль нуждается в объяснении — ибо Маленков был тогда отброшен на обочину политического руководства, а потому прилагал все свои силы к тому, чтобы оказаться вновь по правую руку от Сталина. Любой из членов высшего руководства, окажись он в подобной ситуации, стремился бы вернуть расположение вождя. При этом не стоит забывать, что все они были исполнителями воли одного человека, который был чуток, прозорлив, требователен и никогда не допускал превращения подчиненного ему партийно-государственного аппарата в камарилью.

Каждый из оказывавшихся в свое время в сталинском фаворе, или, как говорили в России XVIII столетия, «в случае», неизменно тянул за собой вереницу выдвиженцев. Это вполне очевидно: в такой обстановке, когда один неверный шаг мог стоить не кресла, а головы, требовались люди, которым можно было доверять. Они могли быть найдены, что называется, «на местах» (так Жданов в свое время выдвинул своего нижегородского помощника Щербакова), а если фаворит работал прежде в аппарате ЦК, то он давно присматривал и «прикармливал» верных людей (каковыми были, к примеру, В. М. Андрианов, Н. А. Михайлов, С. В. Кафтанов и прочие для Г. М. Маленкова). Но, конечно, пути «наверх» были неисповедимы, поскольку не последнюю роль в этом играл сам Сталин — на очередном заседании он мог поставить вопрос о переводе кого-то в Москву, и зыбкое равновесие в аппарате ЦК опять нарушалось.

Ко второй половине 40-х гг. в высшем руководстве страны оказалось большое число выдвиженцев ленинградской парторганизации. Ключевую роль в этом сыграл Жданов,

---

[149] *Волков В.* За кулисами: Некоторые комментарии к одному постановлению // Аврора. Л., 1991. № 8. С. 44.

[150] *Бабиченко Д. Л.* ЦК ВКП(б) и советская литература: Проблемы политического влияния и руководства, 1939–1946 гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук в виде научного доклада. М., 1995. С. 34.

долгое время руководивший ею. А поскольку Жданов с 1930-х гг. был одним из самых близких к Сталину людей, его конфидентом и просто другом, то и доверие его выдвиженцам выказывалось особенное.

Клан ленинградских выдвиженцев в середине 40-х гг., действительно, был очень силен. Наибольшим уважением Сталина пользовался Н. А. Вознесенский — член Политбюро ЦК, председатель Госплана и заместитель Председателя Совета министров СССР (т. е. самого Сталина); также очень серьезное положение в сталинской свите занимал А. А. Кузнецов — секретарь ЦК, начальник Управления кадров ЦК, курировавший работу МГБ. Крупнейшая Ленинградская парторганизация и ее руководство были теснейшим образом связаны со Ждановым. Ждановский соратник по работе в Горьком, бывший там впоследствии 1-м секретарем обкома, М. И. Родионов был членом Оргбюро ЦК и занимал пост Председателя Совета министров РСФСР; значительную роль в руководстве советской экономикой играл бывший председатель Ленгорисполкома А. Н. Косыгин — член Бюро Совета министров СССР и кандидат в члены Политбюро ЦК (сразу после смерти Жданова, 4 сентября 1948 г., он был введен в состав Политбюро); кроме того, Косыгин приходился свояком А. А. Кузнецову. Близко с ленинградцами за годы войны сошелся и Ворошилов.

Все они (за исключением Ворошилова, конечно) представляли собой ждановскую гвардию. Именно Жданов, проводя репрессивные чистки прежнего ленинградского руководства, оперативно расставил их в свое время на ключевые посты во второй столице Союза.

И хотя между ними с годами начались некоторые разногласия, особенно между Ждановым и Кузнецовым (еще с начала войны), но никто из них не перешел из неофициальной группировки Жданова, не «переметнулся», поскольку они всегда понимали, от кого зависит их положение и кто может действительно быть их ходатаем в глазах всемогущего Хозяина. Показательно, что когда в 3 часа 55 минут 31 августа 1948 г. А. А. Жданов в скончался в санатории «Долгие бороды» от разрыва сердца, то вечером этого дня на Валдае оказались и А. А. Кузнецов (он присутствовал на вскрытии тела), и Н. А. Вознесенский[151] (он был послан Политбюро в самом конце августа, «чтобы навестить больного»[152]), и первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попков... Это ли не доказательство их сплоченности вокруг ушедшего Жданова[153]? Вознесенский и Кузнецов сопровождали тело Жданова в Москву[154].

---

[151] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 135.

Ср. также: «Помню дошедший до меня, вероятно через Мавродина, исходивший от Вознесенских рассказ о том, как умер Жданов. Известно, что он находился в санатории на Валдае и имел все основания (дело происходило в конце августа) считать себя впавшим в немилость у Сталина, который, однако, послал Н. А. Вознесенского его проведать. Когда тот приехал, жена Жданова усомнилась в возможности визита — больной плохо себя чувствовал. Однако Вознесенский сказал, что приехал по поручению “хозяина”, тогда она пошла к мужу, чтобы его подготовить, но стоило ей сообщить о приезде посланца Сталина, как Жданова не стало. По-видимому, хороших для себя вестей он от гостя не ждал» (*Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. С. 60–61).

[152] Здесь мы вынуждены указать на некоторое разночтение: Л. А. Вознесенский (по-видимому, ошибочно) утверждал, что «Н. А. Вознесенский и Г. М. Попов — первый секретарь МК и МГК, секретарь ЦК ВКП(б) прибыли туда по указанию Сталина уже после смерти А. А. Жданова и сопроводили его тело в Москву», но никаких ссылок на источники при этом не привел (см.: *Вознесенский Л. А.* Истины ради. М., 2004. С. 131. Примеч. 1).

[153] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 641.

[154] Здесь отметим, что при выносе тела Жданова из Дома союзов для погребения у крем-

То, что Жданов был тяжело больным человеком, не являлось секретом. Начались болезни в 1926 г., Жданов тогда довольно тяжело переболел скарлатиной, которая в качестве осложнения оставила ему порок сердца. С того времени больное сердце стало основным поводом для беспокойств; в дни блокады Ленинграда он перенес инфаркт миокарда, в 1948 г., незадолго до смерти, еще один инфаркт (возможно, далеко не второй). Юрий Жданов пишет: «За год до кончины, в 1947 году лечащие врачи сказали, что А. А. Жданову осталось жить не более года, если он не изменит характер работы. Узнав об этом, отец заявил: “Лучше физическая смерть, чем смерть политическая”. Через год его не стало»[155].

Болезнь Жданова стремительно прогрессировала после неудачной терапии на Черноморском побережье Кавказа осенью 1947 г.; нервное перенапряжение от текущей работы и ночных бдений на даче Сталина снималось алкоголем, что только усугубляло стенокардию. В июне 1948 г. московская жара резко ухудшила здоровье Жданова; именно с этим обстоятельством связано постановление Политбюро ЦК от 1 июля 1948 г. о наделении Г. М. Маленкова и П. К. Пономаренко полномочиями секретарей ЦК ВКП(б). Приехавший из Минска Пономаренко[156] получил объяснение Маленкова:

> «Секретарь ЦК ВКП(б) Жданов, руководивший работой Секретариата ЦК, тяжело болен и освобожден от работы для лечения. <...> На другой день состоялось и последнее под председательством Жданова заседание Секретариата ЦК, на котором он передавал Маленкову документы по наиболее важным вопросам, требовавшим оперативных решений»[157]. Во время лечения Жданова в ЦК «приходили тревожные вести: тяжелые приступы грудной жабы и усилившиеся астматические удушья...»[158].

Стоит отметить, что в ходе готовившейся реорганизации аппарата ЦК ВКП(б), завершенной постановлением Политбюро ЦК от 10 июля 1948 г., Жданов и /или Кузнецов пытались ввести в состав ЦК еще одного ленинградца, впоследствии расстрелянного по «ленинградскому делу»: в первоначальном тексте постановления на должность заведующего Отделом машиностроения ЦК предполагалось поставить Я. Ф. Капустина — 2-го секретаря Ленинградского горкома ВКП(б)[159]. Но в окончательном варианте постановления это место было отдано первому секретарю Харьковского обкома В. М. Чураеву[160], креатуре Хрущева.

левской стены, происходившем 2 сентября, Кузнецов не получил высочайшего соизволения на несение гроба. Его несли Берия, Молотов, Каганович, Вознесенский, Шкирятов и Суслов (Правда. М., 1948. № 246. 2 сентября. С. 1). Траурные речи были произнесены В. М. Молотовым (от ЦК ВКП(б) и СМ СССР), Г.М. Поповым (от трудящихся Москвы и Московской области) и П. С. Попковым (от трудящихся Ленинграда)).

[155] *Жданов Ю.А.* Указ. соч. С. 363.

[156] В 1949 г. секретарь ЦК Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (1902–1984), который был близок к Г. М. Маленкову, также принял участие в фабрикации «ленинградского дела»: 18 августа 1949 г., когда главные фигуранты уже были арестованы, он подал Сталину донос на замминистра морского флота СССР по политической части, бывшего секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) А.Д. Вербицкого — одного «из участников политически и морально разложившейся группы Кузнецова, Попкова, Капустина и др.» (цит. по: *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 204). Вербицкий впоследствии был расстрелян по «ленинградскому делу» одновременно с А.А. Вознесенским.

[157] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 58–59.

[158] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 135.

[159] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 62.

[160] Там же. С. 61.

Эта победа, в пику Жданову, указывала на усиление в руководстве страны позиций Маленкова и его сторонников — Берия и Хрущева (который в 1949 г. вернется в Москву и будет «избран» секретарем ЦК); усиливал их позицию и член Политбюро, министр вооруженных сил Н.А. Булганин. Публичное покаяние Жданова-младшего в деле ВАСХНИЛ (а сельское хозяйство курировал Маленков) свидетельствует о том же. Недаром Н.А. Вознесенский, беседуя в августе 1948 г. на Валдае с сыном Жданова, «говорил о сложности судьбы политика»[161] и дал Жданову-младшему совет не идти на работу в ЦК (которого тот, амбициозный и честолюбивый, конечно же не послушал)[162]. Последовавшая 31 августа 1948 г. смерть Жданова, наступившая из-за ошибки (или умысла) лечащих врачей, необычайно укрепила позиции Маленкова, сделав его вторым человеком в партии. Эта ситуация, по сути, копировала выдвижение Жданова после смерти Щербакова. Смерть Жданова была большим подарком Берии и Маленкову, и они даже не потрудились имитировать скорбь:

> «На следующий день (1 августа 1948 года. — *П.Д.*) — вспоминал Юрий Жданов — поезд с его телом прибыл в Москву. От Белорусского вокзала по улице Горького к Колонному залу Дома Союзов двинулась траурная процессия. Непосредственно за гробом шли родные Андрея Александровича, а также члены руководства партией и страной. Траурная процессия медленно двигалась по улице, и вдруг внезапно я слышу громкий смех. О чем-то оживленно разговаривая с Маленковым, смеялся Берия. Видимо, он уже преодолел боль утраты, чувство потери товарища, скорбь об умершем»[163].

Но смерть Жданова летом 1948 г. мало ослабила напряженную обстановку — напротив, она еще более ее накалила. Поскольку к Жданову Сталин несколько охладел еще за несколько месяцев до его смерти, о чем недвусмысленно свидетельствовала публичная порка Жданова-младшего, то его кончина была лишь сигналом для активных действий. Маленков опасался, и не без оснований, что в случае бездействия он будет «подвинут» рвавшимся на первые роли А.А. Кузнецовым. Кроме того, Кузнецов оказался единственным из «ленинградцев», кого Сталин внедрил непосредственно в область, являвшуюся вотчиной Маленкова и Берии, — Кузнецов как секретарь ЦК был куратором МГБ СССР.

По своим амбициям и внешнему лоску Кузнецов невольно напоминал Абакумова, однако без присущей Абакумову смелости мысли, если так можно выразиться. Воспарив на пост секретаря ЦК, он демонстрировал привычки, выработанные во времена руководства Ленинградом. Самую, пожалуй, безобидную наблюдал у него на аудиенции один из высоких чинов авиационной промышленности П.Г. Щедровицкий: «...В течение всего разговора [Кузнецов] чистил пилочкой ногти, вычищал грязь из-под ногтей, полировал их, приводил к правильной форме и — давал урок социальности»[164].

И если положение Жданова в руководстве страны было наиболее прочным — и как единственного близкого друга Сталина, и как его ближайшего соратника, — то осталь-

---

[161] *Жданов Ю.А.* Указ. соч. С. 258.

[162] Решающую роль в судьбе Ю.А. Жданова сыграл симпатизировавший ему И.В. Сталин. «Именно Сталин предложил молодому химику возглавить сначала сектор, а затем и отдел науки в аппарате ЦК партии. Хотя отец не одобрял такого пути для своего сына, сталинское желание перевесило, и в декабре 1947 года Ю.А. Жданов приступил к работе в аппарате ЦК» (*Сойфер В.Н.* Власть и наука. С. 615).

[163] Там же. С. 310–311.

[164] *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... С. 228.

ные такого «иммунитета» не имели; это было немаловажным в центре такой серьезной политической интриги, как сталинское Политбюро. О том, насколько сложным было положение А. А. Кузнецова, говорит такой случай.

Когда 9 сентября 1946 г. Политбюро ЦК утверждало состав комиссии ЦК ВКП(б) «для рассмотрения вопросов, связанных с проведением довыборов академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР», то состав комиссии во главе с А. А. Кузнецовым, предварительно утвержденный на заседании Секретариата ЦК и завизированный А. А. Ждановым, не прошел «автоматическое», как казалось, утверждение. Против секретаря ЦК и члена Оргбюро А.А. Кузнецова выступил Л. П. Берия, но сделал это довольно тонко, что подтверждает его несомненные качества мастера придворной интриги: «Считаю необходимым возглавить комиссию тов[ари]щем Ждановым А. Л. Берия»[165]. К мнению Л. П. Берии (по-видимому, подкрепленному некоторыми доводами) присоединились К. Е. Ворошилов, А. А. Андреев, А. И. Микоян, Л. М. Каганович и, конечно, Г. М. Маленков, а в окончательном виде решение было утверждено и Сталиным. То есть противостояние Берии и Кузнецова иногда, как вершина айсберга, выходит на поверхность даже в сохранившихся документах. Кузнецов стал тем орудием, посредством которого Жданов боролся с Берией, и даже протежирование Жданова (во многом вынужденное) не могло скрывать очевидную остроту отношений между Кузнецовым и Берией.

А. И. Микоян вспоминал:

> «...Сталин сделал ошибку, слишком быстро подняв Кузнецова над другими секретарями ЦК. Не думаю, что он хотел с самого начала сознательно подставить ему ножку, но получилось именно так. С 1946 г. Кузнецов стал секретарем ЦК ВКП(б) по кадрам. А вскоре Сталин ему поручил и контроль над работой МГБ, над Абакумовым. Кузнецов для Кремля был наивным человеком: он не понимал значения интриг в Политбюро и Секретариате ЦК — ведь кадры были раньше в руках у Маленкова. А МГБ традиционно контролировал Берия в качестве зампреда Совмина и члена Политбюро. Видно, Сталин сделал тогда выбор в пользу Жданова, как второго лица в партии, и Маленков упал в его глазах. А к Берия начинал проявлять то же отношение, что и к Ягоде и Ежову: слишком "много знал", слишком крепко держал "безопасность" в своих руках. Все же Кузнецову следовало отказаться от таких больших полномочий, как-то схитрить, уклониться. Но Жданов для него был главный советчик. Жданов же, наоборот, скорее всего, рекомендовал Сталину такое назначение, чтобы изолировать вообще Маленкова и Берия от важнейших вопросов. Конечно, у Кузнецова сразу появились враги: Маленков, Берия, Абакумов. Пока был жив Жданов, они выжидали. Да и ничего не могли поделать»[166].

Кроме того, масла в огонь явно подлила и следующая коллизия, описанная тем же А. И. Микояном:

> «Кажется, это был уже 1948 год. Как-то Сталин позвал всех, кто отдыхал на Черном море в тех краях, к себе на дачу на озере Рица. Там при всех он объявил, что члены Политбюро стареют (хотя большинству было немногим больше 50 лет и все были значительно младше Сталина, лет на 15–17, кроме Молотова, да и того разделяло от Сталина 11 лет). Показав на Кузнецова, Сталин сказал, что будущие руководители должны быть молодыми (ему было 42–43 года), и вообще, вот такой человек может когда-нибудь стать

---

[165] Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б), 1922–1952. С. 328; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 239.

[166] *Микоян А.И.* Так было. С. 563–564.

его преемником по руководству партией и ЦК. Это, конечно, было очень плохой услугой Кузнецову, имея в виду тех, кто втайне мог мечтать о такой роли.

Все понимали, что преемник будет русским, и вообще, Молотов был очевидной фигурой. Но Сталину это не нравилось, он где-то опасался Молотова: обычно держал его у себя в кабинете по многу часов, чтобы все видели как бы важность Молотова и внимание к нему Сталина. На самом же деле Сталин старался не давать ему работать самостоятельно и изолировать от других, не давать общаться с кем бы то ни было без своего присутствия. Потом, как я говорил, он сделал ставку на Вознесенского в Совмине»[167].

Удивительным по искренности и простоте повествования является отрывок из мемуаров Н. С. Патоличева[168], который оказывается важнейшим не только для изучения «ленинградского дела», но и для характеристики механизма принятия решений руководством страны вообще:

«4 мая 1946 года вечером позвонил мне А. Н. Поскребышев.

— Срочно приезжай в Кремль на квартиру к товарищу Сталину, — сказал он и положил трубку. <...>

Открываю дверь. В комнате у стола стоит Сталин, а за столом два секретаря ЦК — Андрей Александрович Жданов и Алексей Александрович Кузнецов. Поздоровавшись, Сталин предложил сесть. А сам, как всегда, продолжал стоять и ходить. По выражению лиц Жданова и Кузнецова вижу, что обстановка спокойная. Постепенно улеглось и мое волнение.

Сталин сразу обращается ко мне:

— Скажите (он всем говорит “вы”), ведь вы заведующий организационно-инструкторским отделом ЦК? Вот и расскажите, как Центральный Комитет руководит местными партийными организациями? <...>

А. А. Жданов и А. А. Кузнецов почему-то не принимали никакого участия в нашей беседе. То ли они уже знали, о чем будет идти речь, то ли из каких-то еще соображений. И Сталин не вовлекал их в беседу.

Он задал мне много вопросов о работе партийных организаций. Не торопил с ответом. Остановится, спросит, затем опять продолжает медленно ходить. Так продолжалось довольно долго. Я впервые такое продолжительное время наблюдал за Сталиным. Груз, лежавший на его плечах всю войну, дал о себе знать. Движения Сталина стали более медленными, левая рука несколько согнута, казалось, что он стал ниже ростом. Слушал, не перебивая, ни разу не возразил. Говорил неторопливо, четко. Когда хотел что-нибудь подчеркнуть, останавливался.

---

[167] *Микоян А.И.* Так было. С. 565.

[168] Патоличев Николай Семенович (1908–1989) — член ВКП(б) с 1928 г., в 1939–1941 гг. 1-й секретарь Ярославского обкома ВКП(б), в 1942–1946 гг. — Челябинского обкома ВКП(б). 18 марта 1946 г., на мартовском пленуме ЦК ВКП(б), избран членом Оргбюро ЦК (одновременно с секретарями Горьковского обкома ВКП(б) М.И. Родионовым, Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андриановым, председателем Бюро ЦК ВКП(б) по Литве М.А. Сусловым и др.). С 13 апреля 1946 г. — заведующий Организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) (2 августа в ходе реорганизации аппарата ЦК переименовано в Управление по проверке партийных органов). С 4 мая 1946 г. по 24 мая 1947 г. — секретарь ЦК ВКП(б); с 3 марта по 21 июля 1947 г. секретарь, член Политбюро и Оргбюро ЦК КП(б) Украины; с 1 августа 1947 г. по июнь 1950 г. — первый секретарь Ростовского обкома ВКП(б). Впоследствии первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, заместитель министра иностранных дел СССР, министр внешней торговли СССР.

Когда я ответил на его последний вопрос, он после некоторого молчания остановился, посмотрел на нас всех по очереди и сказал:

— Надо восстановить права ЦК контролировать деятельность партийных организаций.

Это заявление, сделанное Сталиным со свойственной ему категоричностью, было для нас неожиданным.

Вот, оказывается, какое решение вынашивал Сталин. Я не помню этой формулировки в каких-либо документах. Разумеется, речь шла не о восстановлении, а об усилении контроля со стороны ЦК.

Затем, обращаясь ко мне, он сказал:

— Давайте подумаем, как перестроить работу аппарата ЦК? Какие новые организационные формы должны быть введены в структуре ЦК, чтобы более успешно осуществлять наши задачи.

И через несколько минут добавил:

— Давайте создадим специальное управление ЦК и назовем его Управлением по проверке партийных органов.

Мы согласились. Предложение было, конечно, разумным.

Считая вопрос решенным, Сталин добавил:

— А вас назначим начальником этого управления.

Я не успел что-либо сказать, как он задал вопрос:

— Сколько вам нужно заместителей и кого вы хотели бы иметь в качестве заместителей?

— Хорошо бы иметь трех заместителей, товарищ Сталин, — ответил я.

— Кого?

Я назвал С.Д. Игнатьева, В.М. Андрианова и Г.А. Боркова.

Сталин согласился, но добавил:

— А порядок такой — Андрианов, Игнатьев, Борков.

Это означало, что первым заместителем будет Андрианов. <...>

“Чем же закончится эта беседа?” — думал я.

Сталин продолжал ходить. Потом, остановившись напротив меня, спросил:

— Сколько вам лет?

— Тридцать семь.

Сталин внимательно всматривается.

— С какого года в партии?

— С 1928-го.

Сталин опять пошел и снова остановился:

— А что, если мы утвердим вас секретарем ЦК? — Посмотрел на меня и снова пошел.

Когда он повернулся к нам спиной, я оглянулся на Жданова и Кузнецова. Жданов, улыбаясь, развел руками, как бы говоря: “Сам решай, сам отвечай”.

Поравнявшись со мной, Сталин сказал:

— Ну скажите же что-нибудь!

— Товарищ Сталин, решайте, как вы считаете нужным, — был мой ответ.

После этого Сталин подошел к телефону, набрал номер и, видимо Поскребышеву, сказал:

— Запишите второй пункт проекта решения ЦК — утвердить секретарем ЦК товарища Патоличева.

Каким был первый пункт, я не знал. Это стало известно несколько позднее. Он гласил, что Г. М. Маленков освобождался от обязанностей секретаря ЦК.

На другой день решение ЦК было принято.

Наша беседа подходила к концу. Это было для меня большим испытанием. Сталин, видимо, меня изучал.

— Ну что ж, — обращаясь к нам, спросил Сталин, — может быть, мы поужинаем?

Андрей Александрович сказал:

— Времени — час ночи.

Алексей Александрович Кузнецов, улыбаясь, как бы в шутку заметил:

— Но ведь завтра воскресенье, товарищ Сталин.

Сталин все понял. Он нажал на электрическую кнопку. Вошел какой-то мужчина.

— Давайте ужин, — сказал Сталин»[169].

Более важной фигурой, уже давно стоявшей Маленкову и Берии костью в горле, был Н. А. Вознесенский. Он почти не был занят на партийной работе, хотя и являлся членом Политбюро ЦК — он занимал важнейшие посты в экономике и промышленности, во время войны был заместителем председателя ГКО СССР (т. е. Сталина), с 1943 г. был академиком АН СССР. Вознесенский был как минимум на равных с Маленковым и Берией. Сталин, по словам Хрущева, к Вознесенскому «относился очень хорошо, питал к нему большое доверие и уважение»[170].

Но Вознесенский обладал также некоторыми уникальными для окружения вождя качествами; он позволял себе то, чего осмотрительно боялись другие подручные Сталина, — противоречить вождю, — по-видимому, этим он поначалу даже несколько импонировал престарелому Сталину. Вот каким Н. А. Вознесенский запомнился в июне 1947 г. К. Симонову:

«Это было бы неправдой, если б я сказал, что этот человек, которого я видел впервые, мне понравился, как говорится, лег на душу. Было другое: он запомнился мне не потому, что понравился, а потому, что чем-то удивил меня, видимо, тем, как резковато и вольно он говорил, с какой твердостью объяснял, отвечая на вопросы Сталина, разные изменения, по тем или иным причинам внесенные в первоначальные решения Комитета по премиям в области науки и техники, как несколько раз настаивал на своей точке зрения — решительно и резковато. Словом, в том, как он себя вел там, был некий диссонанс с тональностями того, что произносилось другими, — и это мне запомнилось»[171].

Он же приводит слова Сталина о Н. А. Вознесенском, пересказанные ему бывшим министром путей сообщения И. В. Ковалевым:

«Вот Вознесенский, чем он отличается в положительную сторону от других заведующих, — как объяснил мне Ковалев, Сталин иногда так иронически “заведующими” называл членов Политбюро, курировавших деятельность нескольких подведомственных им министерств. — Другие заведующие, если у них есть между собой разногласия, стараются сначала согласовать между собой разногласия, а потом уже в согласованном виде довести до моего сведения. Даже если остаются не согласными друг с другом, все равно согласовывают на бумаге и приносят согласованное. А Вознесенский, если не согласен, не соглашается согласовывать на бумаге. Входит ко мне с возражениями, с разногласиями.

[169] *Патоличев Н. С.* Испытание на зрелость. М., 1977. С. 280–284.
[170] *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. С. 25.
[171] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. С. 158–159.

Они понимают, что я не могу все знать, и хотят сделать из меня факсимиле. Я не могу все знать. Я обращаю внимание на разногласия, на возражения, разбираюсь, почему они возникли, в чем дело. А они прячут это от меня. Проголосуют и спрячут, чтоб я поставил факсимиле. Хотят сделать из меня факсимиле. Вот почему я предпочитаю их согласованиям возражения Вознесенского»[172].

Маршал Василевский вспоминал о заседаниях Политбюро военного времени:

«...На Политбюро высказывались различные мнения о возможности производства удовлетворить запросы Генштаба. Вносились различные предложения. Но самым авторитетным являлось слово члена ГКО, председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского. Он нередко не соглашался с мнением И. В. Сталина, других членов Политбюро и точно называл количество материально-технических средств, которые может дать промышленность для рассматриваемой операции. Его мнение являлось решающим. Н. А. Вознесенский прекрасно знал народное хозяйство, имел точные сведения и в своих суждениях, оценках почти никогда не ошибался»[173].

А. А. Фадеев вспоминал, что Сталин «очень уважал Николая Алексеевича. Это было заметно простым глазом. Он не боялся тактично полемизировать со Сталиным по вопросам, в правильности своего мнения в котором не сомневался [sic!], и отстаивал его с достоинством»[174].

Именно Вознесенский был организатором послевоенной денежной реформы. «Подготовка денежной реформы была начата Госпланом по инициативе Н. А. Вознесенского еще во второй половине 1945 года и практически завершена к концу 1947 года», — писал начальник Отдела финансов Госплана Д. С. Бузин[175].

И если Вознесенский имел смелость противоречить Сталину, то его стычки с Кагановичем и Берией происходили, особенно в силу характера Вознесенского, намного чаще (особенно — при распределении Госпланом ресурсов, которые требовались Берии для контролируемых им отраслей). В Госплане сотрудники его боялись, но и сильно уважали.

«Николай Алексеевич был строг и последователен в своих действиях, требуя от работников дисциплины, ясной логики, быстроты и гибкости мышления. Важна была не внешняя дисциплина, точнее, не столько она, сколько дисциплина как внутренняя организация ума и характера. Он добивался того, чтобы все его поручения выполнялись не по приказу, а по убеждению», — вспоминал нарком нефтяной промышленности и будущий глава Госплана СССР Н. К. Байбаков[176].

Но нельзя было воссесть одесную Сталина, особенно с учетом качеств старой сталинской гвардии, не обладая действительными политическими способностями. Кроме того, Вознесенский, хотя и был членом Политбюро, старательно избегал собственно политических вопросов, пытаясь заниматься именно вопросами государства и экономики. Также бросалась в глаза его привычка избегать панибратства, столь культивируемая некоторыми членами высшего руководства; и если первое время это обстоятельство объяснялось относительной молодостью Николая Алексеевича, то впоследствии такая отчужденность стала лишней причиной для сталинских подозрений.

---

172 Там же. С. 160–161.

173 *Василевский А.* Дело всей жизни. М., 1975. С. 538.

174 *Бузин Д. С.* Указ. соч. С. 155.

175 Там же. С. 72.

176 *Байбаков Н.* Из воспоминаний о Н. А. Вознесенском // Вопросы экономики. М., 2003. № 11. С. 142.

Одним из тех, кто заметил эту особенность поведения, был член руководства коммунистов Югославии Милован Джилас, в начале 1948 г. посетивший Москву:

> «Вознесенский, председатель Госплана СССР, которому едва перевалило за сорок, был типичным русским, блондином с широкими скулами, довольно высоким лбом и вьющимися волосами. Он оставлял впечатление аккуратного, культурного и прежде всего замкнутого человека, который мало говорил, но все время радостно внутренне улыбался. Я уже читал его книгу о советской экономике во время войны, и у меня осталось впечатление об авторе как о добросовестном и думающем человеке, — позже эту книгу в СССР раскритиковали, а Вознесенский был ликвидирован...»[177]

Нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что Вознесенский, подобно любому крупному руководителю 30-х гг., сыграл свою роль в репрессиях. Очень любопытна в этой связи агитационная брошюра 1938 г. Тогда Вознесенский баллотировался в депутаты Верховного Совета РСФСР по Ефремовскому избирательному округу его родной Тульской области. Среди прочих сведений там указано:

> «С 1935 года тов. Вознесенский работает в Ленинграде, сначала в качестве председателя городской плановой комиссии, потом заместителем председателя Ленсовета.
>
> Николай Алексеевич Вознесенский, как непоколебимый большевик, преданный делу Ленина — Сталина, беспощаден к врагам народа. При его активном участии в Ленинграде были разоблачены вредители на оборонном строительстве, в системе общественного питания и на других объектах»[178].

В доказательство качеств Вознесенского приводится и выдержка из письма работников Ленсовета:

> «Николай Алексеевич Вознесенский — председатель Госплана СССР — около двух лет работал в Ленинграде в качестве председателя Ленплана и заместителя председателя Ленсовета. Особенная черта тов. Вознесенского — большевистская принципиальность в больших и малых делах. Этому он учил всех работников Ленсовета. Высокий теоретический уровень тов. Вознесенского давал возможность ему с глубоким знанием дела решать сложные и важнейшие вопросы народного хозяйства огромного города. <...>
>
> При участии тов. Вознесенского было разоблачено вредительство в Ленгортопе, который срывал снабжение топливом трудящихся Ленинграда.
>
> Тов. Н.А. Вознесенский — преданный сын народа, непоколебимый большевик, государственный деятель ленинско-сталинского стиля. Он умеет дорожить доверием народа и с честью оправдает звание депутата Верховного Совета РСФСР»[179].

Вполне понятно, что для того, чтобы оказаться в «обойме» политического руководства страны, невозможно было стоять в стороне он проводимой государством политики: каждый, кто поднимался на вершину власти, был одержимым или равнодушным, но все равно деятельным участником всего происходившего в стране.

---

[177] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. С. 108.

[178] Товарищи избиратели Ефремовского избирательного округа! Голосуйте за верного сына партии Ленина—Сталина, непоколебимого большевика Николая Алексеевича Вознесенского кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР по Ефремовскому избирательному округу: [Агитационная брошюра]. Тула, 1938. С. 8–9.

[179] Там же. С. 10.

Однако, переехав в Москву, Вознесенский начал сторониться подобных мероприятий. О событиях послевоенного времени повествует заведующий его секретариатом В. В. Колотов:

«Однажды, поздно ночью, я получил пакет от Берия на имя Вознесенского. Я, как всегда, вскрыл пакет и извлек из него толстую пачку скрепленных между собой листков бумаги. На первом листе было напечатано: "Список лиц, подлежащих..." В моих руках был большой список лиц, обреченных на расстрел. <...> В конце списка по диагонали собственноручно расписались Берия, Шкирятов, Маленков.

Список был прислан для получения визы Вознесенского. Это было впервые за время моей долголетней работы в Кремле. До этого никогда чего-либо подобного на имя Вознесенского не поступало.

Я тут же пошел в кабинет к Николаю Алексеевичу и передал ему обжигающий мне руки список.

Вознесенский стал внимательно его читать. Прочтет страницу, другую — остановится, подумает, снова вернется к прочитанной странице и опять продолжает читать. Закончив чтение списка и рассмотрев стоявшие под ним подписи, Николай Алексеевич возмущенно сказал:

— Верни этот список с нарочным туда, откуда ты его получил, а по телефону передай кому следует, что я подписывать подобные списки никогда не буду. Я не судья и не знаю, надо ли включенных в список людей расстреливать. И чтобы такие списки мне больше никогда не присылали.

Этот категорический отказ Вознесенского подписывать приговоры "врагам народа" не мог не запомнить Берия. У Берия появятся впоследствии "основания" приписать Вознесенскому отказ от борьбы с "врагами народа"»[180].

Кроме того, у Вознесенского, как и у любого человека, имелись и явные отрицательные черты. Наиболее характерным из его недостатков была грубость.

«Разумеется, Николай Алексеевич был большим умницей, и под его руководством страна бы далеко шагнула вперед, по крайней мере в экономическом отношении. Уж его дела никак не шли бы в сравнение с тем, что наворотил бездарный и злобный Хрущев. Но есть одно "но": Вознесенский был большим грубияном. Я вам приведу лишь небольшой эпизод, свидетелем которого был. Шло заседание Совмина. Мы, начальники служб правительственной охраны, дожидались своих шефов в приемной, у секретаря. Я тогда как раз стоял у окна. И вдруг неожиданно распахивается дверь и выходит Николай Алексеевич с двумя министрами. Эх, как он их начал материть. И в хвост и в гриву. Мне стало не по себе, я хотел выйти, но не мог пройти, так как они загораживали проход и надо было их просить отойти. А перебивать Вознесенского я не решался. Так что я стал невольным свидетелем этого разговора, и мне стало как-то не по себе. Ей-Богу, я бы не выдержал такой грубости со стороны своего начальства и не знаю, что бы сделал. Хотя я был человеком достаточно выдержанным»[181], — вспоминал Г.А. Эгнаташвили.

«...Как человек Вознесенский имел заметные недостатки, — писал А.И. Микоян. — Например, амбициозность, высокомерие. В тесном кругу узкого Политбю-

---

[180] *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 85. (По-видимому, отсылка этого списка Вознесенскому не была случайной. — *П.Д.*)

[181] *Логинов В.М.* Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М., 2000. С. 54.

ро это было заметно всем. В том числе его шовинизм. Сталин даже говорил нам, что Вознесенский — великодержавный шовинист редкой степени. “Для него, — говорил, — не только грузины и армяне, но даже украинцы — не люди”»[182].

В 1946 г. академик Вознесенский написал книгу «Военная экономика в СССР в период Отечественной войны»:

«Рукопись, размноженная на машинке, была передана для ознакомления Сталину и другим членам Политбюро ЦК ВКП(б). Шли дни, месяцы... От членов Политбюро замечаний не поступало, можно было сделать вывод, что они с автором “Военной экономики” согласны. Сталин держал у себя рукопись почти год. В сентябре 1947 года, перед самым своим отпуском, Вознесенский <...> протянул мне солидную пачку машинописных листов в знакомом переплете. Ничего не понимая, я стал листать страницы, пробегая глазами уже несколько раз читанный текст. Но вот на листах появились поправки синим карандашом... Я понял, чьи это поправки, внимание мое обострилось. По всему было видно, что Сталин тщательно прочел рукопись, сделал вставки, внес некоторые исправления...<...> На последней странице рукописи стояли знакомые мне по резолюциям на документах две крупные буквы — “ИС”... Хоть карандаш и был синим, но это означало для книги “зеленую улицу”»[183].

В 1947 г. осенью Вознесенский впервые за десять лет ушел в отпуск, большую часть которого он провел в Сочи, где к нему присоединился брат, профессор политэкономии и ректор Ленинградского университета А. А. Вознесенский. «Время отпуска Вознесенский решил использовать для окончательной доработки рукописи книги “Военная экономика в СССР в период Отечественной войны”. И работал увлеченно... <...> Строгий и размеренный режим нарушали лишь частые вызовы Вознесенского к Сталину, который в то время находился в Сочи, на даче»[184].

В октябре книга была в наборе, в 12 декабря была подписана в печать, несколько дней спустя были отпечатаны и переплетены сигнальные экземпляры, которые были разосланы Вознесенским всем членам Политбюро, а два — доставлены в секретариат Сталина. Не получив никаких замечаний, Н. А. Вознесенский распорядился начать печать основного тиража.

Завершалась книга главой «Послевоенная социалистическая экономика», в которой последним абзацем было набрано курсивом напутствие советской экономике:

«Таким образом, задача послевоенного развития советской экономики заключается в том, чтобы в ближайшие годы восстановить в освобожденных районах СССР хозяйство, разрушенное немецкими оккупантами, и существенно превзойти на всей советской территории довоенный уровень производства. Решая задачу восстановления и дальнейшего мощного развития народного хозяйства СССР, мы делаем значительный шаг вперед в строительстве коммунистического общества и в осуществлении генеральной хозяйственной задачи — догнать и перегнать в экономическом отношении главные капиталистические страны»[185].

---

[182] *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 559.

[183] *Колотов В. В.* Николай Алексеевич Вознесенский. М., 1976. С. 316–317.

[184] Там же. С. 310.

[185] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. [М.], 1947. С. 191.

Книга была награждена в 1948 г. Сталинской премией I степени. Председатель Комитета по Сталинским премиям в области науки и изобретательства академик А. Н. Несмеянов так характеризовал труд Н. А. Вознесенского в мае 1948 г.:

> «Книга академика Вознесенского глубоко научно, ярко и убедительно раскрывает решающие источники силы советского строя, обеспечившей всемирно-историческую победу в Великой Отечественной Войне. Этот труд является большим вкладом в развитие политической экономии социализма»[186].

Книгу Вознесенского характеризует еще одно необычное обстоятельство: она, являясь отнюдь не пропагандистской брошюрой, а монографией по экономике, была напечатана воистину гигантским для подобного издания тиражом. Первоначально был запланирован тираж 250 тыс. экземпляров[187]; первый завод, вышедший в 1947 г. (30 тыс. экземпляров) был подписан в печать 12 декабря 1947 г., а второй — 220 тыс. экземпляров (30 001–250 000) — 10 января 1948 г. Но этого оказалось недостаточно. 27 февраля 1948 г. был подписан в печать третий завод — 250 тыс. экземпляров (250 001–500 000), а 18 мая 1948 г. — четвертый — еще 250 тыс. экземпляров (500 001–750 000). Итого к середине 1948 г. Первая Образцовая типография в Москве выпустила в свет 750 тыс. экземпляров книги. Чтобы не везти книгу на Дальний Восток, в 1948 г. издательство «Советская Колыма» в Магадане получило задание напечатать книгу — «Военная экономика» была набрана по изданию 1947 г. и напечатана тиражом 5 тыс. экземпляров (подписана в печать 19 марта 1948 г.). Таким образом, общий тираж составил 755 тыс. экземпляров, не считая изданных в Москве переводов — в 1948 г. на английский, французский и испанский, а в 1949 г. — немецкий языки.

Для сравнения, первые одиннадцать томов сочинений И. В. Сталина, вышедшие в 1946–1949 гг., печатались тиражом 500 тыс. экземпляров. Несомненно, такой большой тираж книги Вознесенского мог быть тогда напечатан только по личному указанию главы государства. Кроме того, не без участия ЦК книга Вознесенского оказалась рекомендованной в качестве учебного пособия по курсам политэкономии и основ советской экономики[188].

Исходя из сказанного видно, что Н. А. Вознесенский занимал в Политбюро конца 40-х гг. совершенно особенное положение. Он настолько импонировал Сталину, что в 1947–1948 гг. это было очевидно всем членам Политбюро: «В последние полтора года перед снятием со всех постов Николая Алексеевича Сталин чуть ли не ежедневно вечерами и ночами работал с ним (говорили даже — только с ним) в Волынском-1, на “Ближней” даче, всерьез, видимо, готовя его в качестве своего преемника по государственной линии. Это была работа и в кабинете, и во время ужина и прогулок в саду»[189]. Но в какой-то момент Сталин понял, что этот честный обмен мнениями пора заканчивать: «Свобода слова в такой форме была нужна и диктатору, но традиционный расстрел за нее представлялся ему полезнее»[190].

---

[186] Советская наука на новом подъеме // Ленинградская правда. Л., 1948. № 127. 30 мая. С. 2.

[187] «Ленинградская правда», сообщая о выходе в свет книги, указывала: «Тираж книги — 250 000 экземпляров» (Книга тов. Н. Вознесенского // Ленинградская правда. Л., 1947. № 303. 28 декабря. С. 1).

[188] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 301.

[189] *Вознесенский Л. А.* Указ. соч. С. 100.

[190] *Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. С. 26.

Также никто не забыл и брошенной осенью 1945 г. серьезно больным Сталиным фразы: «Своими заместителями оставляю Жданова — по партии и Вознесенского — по государству»[191]. А впоследствии Сталин настаивал на Вознесенском даже как на единоличном преемнике. Г.А. Эгнаташвили — начальник личной охраны председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверника и приближенный к семье вождя, вспоминал разговор, произошедший в его присутствии между Шверником и заместителем Председателя КПК Шкирятовым ранним утром 22 декабря 1948 г. Они возвращались в одной машине с Ближней дачи Сталина, где накануне, в день рождения вождя, был организован праздничный ужин; оба горячо обсуждали главную новость прошедшего торжества. По ходу застолья, уже за полночь, Сталин завел речь о своем преклонном возрасте и о необходимости сообща, прямо там, выбрать человека, который бы заменил его на посту главы государства, и начинать сообща готовить его к этой сложной работе. После затяжной паузы первой кандидатурой, которая была озвучена (по-видимому, Берией), был Маленков, на что Сталин ответил решительным отказом. «А ты видел, Николай Михайлович, лицо Маленкова, когда Сталин сказал, что нет?»[192], восклицал пораженный Шкирятов и продолжал смаковать категорический отказ Сталина. Затем была предложена кандидатура Молотова, которому польстила такая перспектива: «"А ты видел, как радостно заулыбался Молотов?" — снова съехидничал Шкирятов»[193].

Сталин согласился с тем, что Молотов очень подходящий кандидат, но, по его мнению, в кандидатуре Молотова было одно принципиальное противоречие — Молотов не сильно моложе самого Сталина; нужно было выбрать того, кто мог бы руководить государством минимум лет 20–25; так что Молотов, младше вождя на десять с половиной лет, также был отведен. Воцарилась тишина. Все сидели молча и не решались предложить кого-либо. Выждав необходимую в столь важный момент паузу, Сталин сказал:

> «Хорошо. Теперь я предложу вам человека, который может и должен возглавить государство после меня. Имейте в виду, что этот человек должен быть из нашего круга, хорошо знающий нашу школу управления и которого не надо ничему учить заново. Он должен быть хорошо натаскан во всех государственных вопросах. И поэтому я считаю таким человеком Вознесенского. Экономист он блестящий, государственную экономику знает отлично и управление знает хорошо. Я считаю, что лучше его кандидатуры у нас нет»[194].

Эгнаташвили добавил вслед за этой цитатой:

---

[191] «Ленинградское дело». С. 28.

[192] *Логинов В.М.* Указ. соч. С. 49.

Запись беседы с Г.А. Эгнаташвили, которая приводится в книге, не содержит указания на конкретный год: «Год я точно не помню: где-то между сорок шестым и сорок девятым. А день помню отлично — день рождения Сталина отмечали на Ближней. Мы с Шверником на каждый его день рождения приезжали. Но ни на одном таком мероприятии я Матвея Федоровича Шкирятова ни до, ни после этого дня не видел, хотя должность у него была высокая. <...> Он был "ти-ти-ти", по голосу противным. Я терпеть его не мог» (Там же. С. 48). В 1946 г. такая ситуация еще невозможна (Вознесенский не был членом Политбюро, а Маленков — в опале), в 1949 г. (опала Молотова и арест Вознесенского) уже невозможна, остаются 1947 и 1948 гг., из которых наиболее вероятен 1948 г., в котором Маленков в конце концов реабилитировался перед Сталиным и был восстановлен на посту секретаря ЦК; также в пользу 1948 г. говорит и то, что в описанной ситуации вообще никак не фигурирует Жданов, умерший 31 августа 1948 г.

[193] Там же.

[194] Там же. С. 50.

«В ответ, как я понял из разговора, было гробовое молчание. Сталин оглядел всех присутствующих и неожиданно спросил: "Может, кто-то хочет сказать что-либо против? И у кого-нибудь есть какие-то возражения?" И опять никто не проронил ни слова. Причем Шверник отнесся тогда в машине к словам Большого (т. е. Сталина. — *П.Д.*) вполне положительно, да и Шкирятов ничего плохого о Вознесенском не говорил, хотя он был таким человеком, что мог у кого угодно изъяны найти. Обсудив этот сенсационный эпизод, они долго хвалили вечер, продлившийся до рассвета, и были очень довольны, что так хорошо провели время»[195].

Итак, Вознесенский для Маленкова и его сторонников был ключевым противником. Но поколебать его авторитет в глазах Сталина было делом многотрудным. Нужно было искать малейшие поводы и мало-помалу расшатывать его авторитет. Этим стремлениям способствовали заносчивость и вспыльчивость Вознесенского, относительная молодость. К тому же он был большим раздражителем не только для Маленкова и Берии, но и для всех старых членов сталинского руководства:

«Вознесенского не любили. Став еще до войны первым зампредом СНК, он сохранил этот пост и тогда, когда Молотов из председателя СНК превратился в заместителя. Вознесенский лез в гору, был самоуверен, чванлив и хамоват (к слову сказать, был он еще и отменным матерщинником, но не это, конечно, коробило его высокопоставленных коллег). Старые члены Политбюро рассматривали Вознесенского как выскочку, которого надо было остановить. Для Маленкова и Берии он был опасным конкурентом. Сталина настраивали против него, подбрасывая все новые и новые факты»[196].

Кроме собственно членов высшего руководства, Вознесенский отнюдь не был любимцем министров и прочих высоких государственных чиновников: он был скрупулезен в рассмотрении народнохозяйственных вопросов, чрезвычайно требователен как к себе, так и к коллегам. Описанный выше случай выволочки двум министрам явно не единичен, он отражает стиль его руководства — требовательность, поскольку с иным подходом руководить тогда было невозможно. А с Вознесенского еще более твердо (хотя и без крика) требовал Сталин. А. В. Хрулев, начальник тыла армии, говорил об особенностях отчетов Сталину: «Интересуется детально. Общими фразами не отделаешься. Как вы знаете, ему нельзя сфальшивить. Ей-ей, сразу же разоблачит»[197].

Одним из первых поводов к недовольству стала книга Вознесенского. Как писал его секретарь В. В. Колотов: «Были в книге и недостатки. Один из самых крупных, пожалуй, — это преувеличение роли Сталина как личности в судьбах социалистического государства. Но частные недостатки не в состоянии были умалить научное значение труда»[198]. Однако для некоторых членов Политбюро ЦК этот недостаток отнюдь не был очевиден, а одно то, что в процитированных выше последних словах книги нет здравицы вождю Страны Советов — несомненное тому доказательство. В связи с этим важно привести в свидетели довольно известный рассказ, якобы исходящий от М. Б. Храпченко:

[195] Там же.

[196] *Перченок Ф.Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 155. Автор цитирует рукопись «Несколько рассказов о вожде» из собрания М. Я. Гефтера.

[197] *Бузин Д. С.* Указ. соч. С. 194.

[198] *Колотов В. В.* Указ. соч. С. 321.

«Николай Алексеевич Вознесенский выпустил книгу об экономике СССР в Великой Отечественной войне. Работа получила Сталинскую премию. На правительственном банкете в честь новых лауреатов присутствовал Сталин и все члены Политбюро. В конце банкета его участники выстроились полукругом, чтобы сфотографироваться. В этот момент Берия подошел к Вознесенскому, обнял его за плечи и сказал: “Молодец, хорошую книгу написал. Смотрите, товарищ Сталин, какие у нас есть молодые члены правительства. Книги пишут. Хорошие книги, умные, ученые книги. Премии получают. Вот только на товарища Сталина мало ссылаются в своих ученых книгах”. Все застыли. Сталин помрачнел, резко повернулся и на глазах у всех ушел в узкую потаенную дверь, скрытую в стене. Установившаяся тишина несколько минут держала всех в оцепенении, потом все стали тихо расходиться...»[199]

Трудно сказать, как в голове Маленкова начал складываться план устранения Вознесенского. По-видимому, этому помогло стечение обстоятельств, а также несдержанность самого Вознесенского, поскольку изначально не было никакого «ленинградского дела», а был амбициозный, рвавшийся к власти и уже курировавший органы МГБ, МВД и юстиции секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов вкупе со скверной хозяйственно-экономической ситуацией в Ленинграде. При действительном таланте Маленкова обращать внимание на мелочи и беспредельной фантазии Берии, повод устранения Кузнецова скоро нашелся, причем связан он был с Ленинградом, что еще более усиливало «сторону обвинения».

Отношение Сталина к Ленинграду всегда было очень неоднозначным; К. Симонов справедливо писал: «К Ленинграду Сталин и раньше, и тогда, и потом относился с долей подозрений, сохранившихся с двадцатых годов и предполагавших, очевидно, наличие там каких-то попыток создания духовной автономии»[200].

К Ленинграду (к Питеру, как он выражался) Сталин и вправду относился противоречиво: с одной стороны, с осознанием действительного революционного значения этого города, с другой — с немеркнущим подозрением. Бурное революционное прошлое, несомненно, делало Ленинград в глазах Сталина тем городом, который еще может сказать свое решающее слово. Хрущев пишет: «Он вообще считал, что Ленинград — заговорщический город»[201].

Но этот страх, по-видимому, произрастал и из уважения. В 1934 г. Сталин в разговоре с Ждановым и Кировым говорил: «В 1918 году в Москву правительство переехало под давлением внешних обстоятельств. Немцы угрожали Питеру. Но переезд правительства был временной мерой. Да и какая Москва столица! Ленинград — вот столица: революционная традиция и культура. Но это дело далекого будущего. Сейчас не до этого. Тридцать верст до Сестрорецка»[202]. (Сестрорецк до 12 марта 1940 г., когда Карельский перешеек был присоединен к СССР, был пограничным городом.)

И хотя, по словам Жданова, «ленинградцы — люди, сделанные из большевистского теста»[203], боязнь того, что это тесто вот-вот прокиснет, не покидала Сталина. А уж повышенное самомнение ленинградцев всегда много кого раздражало; причем

---

[199] *Борев Ю. Б.* Сталиниада: Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора. М., 1991. С. 366.

[200] *Симонов К. М.* Указ. соч. С. 110.

[201] *Хрущев Н. С.* Указ. соч. С. 24.

[202] *Жданов Ю. А.* Указ. соч. С. 149.

[203] *Жданов А. А.* Речь на предвыборном собрании избирателей Володарского избирательного округа гор. Ленинграда 6 февраля 1946 г. [Л.], 1946. С. 14.

это чувство «особенности» еще больше укоренилось в ленинградцах после блокады. В этой связи уместно привести строки Л. Я. Гинзбург из записи 1940-х гг., названной «Ленинградская ситуация»:

«...Изнутри трудно чувствовать себя героем (это особенно не в русском характере), пока человеку не объяснили, что он герой, и не убедили его в этом. В 1941–1942 годах было не до того, чтобы вслушиваться в объяснения. Сейчас оно дошло, люди поверили. Они уже устраняют из сознания, что колебались, что многие оставались в городе по внешним, случайным или личным причинам, что боялись и отчаивались, что месяцами интересовались только едой, что были злы, безжалостны или равнодушны, что прошли через самые унизительные и темные психологические состояния.

Они стирают в своем сознании побуждения и состояния и оставляют чистое действие, результат — беспримерное общее дело. Оборону Ленинграда, в которой действительно участвовали. И они правы. Ибо по каким бы причинам они ни остались, но они делали то, что нужно было городу; думая, как им казалось, только о еде, они в то же время работали; они боялись (меньше всего как раз боялись), но ходили по улицам и стояли на крышах; они бранились, но копали рвы. Казавшееся принудительным оказалось в конечном счете внутренне подтвержденным, актом общей воли.

Это приобретенная ценность, которая останется. Из нее будут исходить, на нее будут ссылаться. Слишком много будут ссылаться. Люди Большой земли уже раздражаются. Конечно, этим будут злоупотреблять, хвастать, что вообще свойственно человеку. Но лучше, чтобы он хвастал этим, нежели всякой дрянью. <...>

Ленинградская ситуация — одна из характерных групповых ситуаций, отправляющихся от всеобщей. Ситуация эта проходит через несколько стадий. Беру предпоследнюю. Ее основные слагаемые: обретенная ценность и желание извлечь из нее все, что возможно (блага, всеобщее признание и чувство превосходства).

Но трагедия уже потускнела, уже все всё начинают забывать, тема надоедает постепенно. Надо усиленно напоминать, вообще напрягаться вокруг нее...»[204]

Именно указанное «напряжение» вокруг подвига Ленинграда неизменно раздражало Сталина, который вообще не слишком поощрял чувства «особенности» у небольших по сравнению со всем советским народом групп.

Пока был жив А. А. Жданов, он старался подчеркивать руководящую роль Сталина в деле обороны Ленинграда:

«Вся тяжелая, трудная, героическая и славная борьба ленинградцев против вражеской блокады связана с именем товарища Сталина.

В самое трудное для Ленинграда время ленинградцы черпали бодрость духа в сталинской заботе об обороне города. Товарищ Сталин направлял все дело обороны города, и благодаря его руководству Ленинград был спасен. Товарищ Сталин был творцом, организатором плана прорыва блокады под Шлиссельбургом и плана окончательного освобождения города от блокады в январе 1944 года.

Товарищ Сталин впитал в себя весь передовой военный опыт. Он не только является продолжателем самой передовой военной науки, представителями которой являлись великие русские полководцы Суворов и Кутузов. Товарищ Сталин является созидателем советской военной науки и организации, перед которой оказалась бессильна военная наука и организация врагов советского государства. Фашизм выдвинул против нас свою систему военной науки и военной организации. Социализм во главе с товарищем

[204] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. С. 184–185.

Сталиным выдвинул свою военную науку, свою военную организацию. Победила сталинская военная организация, сталинская военная наука. (Бурные аплодисменты.)»[205]

Но после переезда Жданова из Ленинграда в Москву, а особенно после его смерти, опасения Сталина насчет Ленинграда возобновились, группировка же Маленкова тщательно подогревала их, и опасения переродились в подозрения[206].

Сегодня, ввиду скудости сохранившихся (вернее сказать, доступных) документов, трудно найти действительный исток «ленинградского дела». Кроме того, часто формальные причины и инкриминировавшиеся обвинения не отражают действительной сути, поскольку огромный вес имела подаваемая лично Сталину специальная информация по линии МГБ (ее напрямую докладывал министр госбезопасности Абакумов или же начальник ленинградского УНКГБ—УМГБ Родионов), важные сведения поступали Сталину по линии КПК (их поставлял секретарь партколлегии КПК Шкирятов). Перечисленные конфиденты пользовались как своей агентурой, так и обычными анонимными доносами, не брезгуя ложными обвинениями.

Кроме того, сбор материалов на партийную верхушку Ленинграда — Кузнецова, Капустина, Попкова и других — производился в середине 30-х гг. начальником Ленинградского УНКВД Л. М. Заковским, однако Жданова он тогда о сборе этих документов не информировал[207], а сам Заковский в 1938 г. совершил мертвую петлю: в январе был назначен заместителем наркома внутренних дел, в апреле арестован и в августе расстрелян; часть собранных им бумаг сохранялась в ленинградском УНКВД и, возможно, использовалась Д. Г. Родионовым.

Так или иначе, но 28 января 1949 г. А. А. Кузнецов был лишен поста секретаря ЦК и номинально назначен секретарем Дальневосточного бюро ЦК[208], причем о своем будущем «назначении» Кузнецов знал еще в конце 1948 г.[209] (Последнее обстоятельство вообще сложно укладывается в привычную картину, поскольку основные инкриминируемые впоследствии Кузнецову деяния относятся к началу 1949 г.)

Во-первых, Маленков инициировал разбирательство о якобы незаконно проведенной с 10 по 20 января в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарке, в действительности организованной Министерством торговли РСФСР «по решению правительства»[210], утвержденному постановлением Бюро СМ СССР[211], но из-за участия в ней представителей союзных республик фактически ставшей всесоюзной. Во-вторых, после проведенных в Ленинграде 25 января 1949 г. выборов руководства ЛК и ЛГК ВКП(б) в ЦК поступило анонимное письмо о подтасовке результатов выборов (все были объявлены переизбранными единогласно, хотя в единичных бюллетенях фамилии оказались вычеркнутыми)[212].

---

[205] *Жданов А. А.* Речь на предвыборном собрании избирателей Володарского избирательного округа... С. 8.

[206] Некоторые документы поступали Сталину по линии МГБ от В. С. Абакумова, по-видимому, с ведома Л. П. Берии. См.: Из спецсообщения В. С. Абакумова И. В. Сталину об аресте группы студентов в г. Ленинграде,. 5 ноября 1948 // Лубянка: Сталин и МГБ СССР, Март 1946 — март 1953. С. 236—237.

[207] *Иванов В. А.* Миссия Ордена. С. 132.

[208] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945—1953. С. 64.

[209] «Ленинградское дело». С. 59.

[210] *Макаров М.* Всероссийская оптовая ярмарка // Ленинградская правда. Л., 1949. № 10. 13 января. С. 1.

[211] Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 313—314.

[212] Подробности инцидента впоследствии передавала 2-й секретарь ВО РК ВКП(б) М. А. Плюхина, одна из членов счетной комиссии, во время рассмотрения ее персонального дела на

Этих двух поводов оказалось вполне достаточно, чтобы Маленков начал стремительно действовать, притом включив в процесс КПК в лице Шкирятова и МГБ в лице Абакумова. А такой триумвират мог добиться выдающихся результатов.

> «Видимо, Абакумов (по заданию Берия или по собственной инициативе) начал собирать компромат на Кузнецова, как в безопасности говорили тогда, “разрабатывать его”. <...> К концу 1948 г. в Политбюро стало известно, что Сталин согласился на то, чтобы снять Кузнецова с работы в ЦК. Это был дурной знак: было понятно, что дело принимает плохой оборот»[213], — вспоминал А. И. Микоян.

15 февраля 1949 г.[214] на заседании Политбюро ЦК принимается постановление «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А.А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М.И. и Попкова П.С.», где вина за организацию ярмарки возлагается на трех поименованных лиц и квалифицируется как «антигосударственное действие». Но постановление идет и дальше, указывая, что эти действия

> «явились следствием того, что у тт. Кузнецова А.А., Родионова, Попкова имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает ленинградской организации, в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и ленинградской организацией и отдалить таким образом ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)»[215].

Таким образом, судя по формулировкам, фигуранты этого постановления вынуждены были ожидать и более серьезных последствий. По-видимому, именно в ходе принятия постановления, когда обсуждался вопрос о таком пагубном явлении, как «шефство», которое негласно взяли над Ленинградом Кузнецов и Родионов, вспыльчивый Н.А. Вознесенский, выступая на заседании, сам того не ведая, положил голову на плаху. Об этом свидетельствуют строки постановления: «В этом же свете следует рассматривать ставшее только теперь известным ЦК ВКП(б) от т. Вознесенского предложение “шефствовать” над Ленинградом, с которым обратился в 1948 году (после смерти Жданова. — *П. Д.*) т. Попков к т. Вознесенскому Н.А.»[216], что и было отражено в итогах постановления: «Отметить, что член Политбюро ЦК ВКП(б) т. Вознесенский, хотя и отклонил предложение т. Попкова о “шефстве” над Ленинградом, указав ему на неправильность такого поло-

---

заседании бюро ВО РК 28 февраля 1949 г.: «Я считаю, что я проявила малодушие. У меня не хватило смелости задать вопрос председателю комиссии тов. Тихонову почему он, знакомя нас с черновиком протокола не назвал цифру голосования “за” и “против” по кандидатурам Попкова, Капустина и почему был употреблен термин “единодушно”. Ни я, ни другие члены комиссии об этом не спрашивали. Я представила себе, что очевидно, по этому поводу имеется соответствующее указание и что под словом “единодушно” не понимается единогласное голосование, а о голосах против он не считает нужным комиссии говорить и сколько их было комиссия не знала. <...> В чем я считаю себя виноватой еще? В том, что будучи на конференции и услышав, что тов. Тихонов доложил делегатам, что голосование за Попкова, Капустина и других прошло не только единодушно, но и единогласно, я не обратилась в ЦК ВКП(б) и в ГК партии...» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (ВО РК ВКП(б)). Оп. 5. Д. 578. Л. 56–57).

[213] *Микоян А. И.* Указ. соч. С. 566.

[214] В действительности заседание состоялось поздно вечером 14 февраля, поскольку 15-м датировано оправдательное письмо Н.А. Вознесенского Сталину (см.: *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 134).

[215] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 66–67.

[216] Там же. С. 67.

жения, тем не менее все же поступил неправильно, что своевременно не доложил в ЦК ВКП(б) об антипартийном предложении “шефствовать” над Ленинградом, сделанном ему т. Попковым»[217].

Судя по тому обстоятельству, что Сталин собственноручно вписал в выводах слова «указав ему на неправильность такого положения»[218], он еще сомневался в виновности Вознесенского. К тому же Сталин явно был в курсе, что наряду с прочими прозвищами именно его в ЦК нередко именовали «шефом», да и вообще это было распространено тогда в качестве нарицательного имени для руководителей. 15-го числа Вознесенский написал Сталину письмо, которое тогда же было передано Поскребышевым главе государства. Испуганный Вознесенский находился в совершенно несвойственной ему роли — он в страхе оправдывался:

> «Товарищ Сталин! В связи с сомнением, которое Вы высказали по моему адресу на прошлом заседании Политбюро по вопросу о “шефстве”, мне хочется еще раз сказать Вам, что вчера, как и раньше, я сказал Вам, конечно, чистую правду. <...> Моя партийная совесть перед ЦК и лично перед Вами абсолютно чиста. Доверие товарища Сталина и преданность товарищу Сталину для меня святая святых»[219].

Хотя Сталин явно был раздосадован таким «поступком» Вознесенского, одного обвинения в шефстве было мало: «Факты, факты мне надо!»[220] — эта особенность Сталина, доверявшего представленным ему фактическим доказательствам, была известна окружению. Но предоставление фактов для доказательства вины Вознесенского было уже делом Маленкова.

Кузнецов 18 февраля также отправил Сталину традиционное в таких ситуациях покаянное письмо:

> «Товарищ Сталин!
>
> Искренне заявляю, что Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г., в котором мои действия квалифицируются как антипартийные, и снятие меня за это с поста секретаря ЦК ВКП(б) с объявлением выговора считаю правильным <...>.
>
> Прошу ЦК ВКП(б) дать мне возможность на любой работе искупить свою вину перед ЦК и Вами, товарищ Сталин»[221].

Но если по поводу судьбы Вознесенского Сталин еще не принял окончательного решения, то по поводу Кузнецова и ленинградского руководства выбор был сделан:

> «— Накопилось слишком много опасных сигналов о деятельности ленинградского руководства, чтобы можно было дальше не реагировать. Поезжайте, товарищ Маленков, и хорошенько разберитесь во всем. У товарища Берии еще есть некоторые данные...
>
> — Хорошо, товарищ Сталин, сегодня же выезжаю ночным поездом»[222].

21 февраля 1949 г. Г.М. Маленков с В.М. Андриановым[223] и прочими приехал в Ленинград. Одно то обстоятельство, что Маленков не остановился ни в Смольном, ни в

[217] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 66–67.

[218] Там же. С. 68.

[219] *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 134. (Приводятся только выдержки из письма.)

[220] *Аллилуева С.* Указ. соч. С. 21.

[221] *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 143. (Приводится лишь процитированный фрагмент.)

[222] *Волкогонов Д.* Сталин: Политический портрет. М., 1996. Кн. 2. С. 464.

[223] Василий Михайлович Андрианов (1902–1978), член ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б). С 1946 г. заместитель начальника Управления по проверке партийных органов при ЦК ВКП(б) (занималось инспектированием обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик и контролировало

резиденции Ленинградского обкома, а жил в том же специальном вагоне, в котором приехал из Москвы, уже свидетельствовало о многом. В тот же день было проведено заседание бюро обкома ВКП(б), а 22-го числа — объединенный пленум обкома и горкома, на которых секретарь ЦК выступил с докладом о постановлении Политбюро. Выступление Георгия Максимилиановича, несмотря на спокойный тон, произвело сильнейшее впечатление и казалось от монотонности оратора еще более убедительным: «Товарищ Маленков выступал на пленуме очень спокойно, но чрезвычайно веско, так что Попков чернел»[224].

Расчет Сталина оказался верен, и создававшийся им долгие годы механизм — «вертикаль власти» — сработал безукоризненно: многие согласились с точкой зрения Политбюро ЦК и стали каяться в том, о чем впервые слышали. Таким образом, под давлением Маленкова была достигнута и цель пленума — единогласно принята заранее подготовленная и привезенная из Москвы резолюция, сняты с должностей почти все руководители обкома и горкома, а в качестве первого секретаря обкома и горкома был утвержден ближайший соратник Маленкова — член Оргбюро и бывший заместитель начальника Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) В. М. Андрианов. Именно под четким и очень умелым руководством Андрианова проходила «большая чистка» в Ленинграде и области в последующие годы.

В контексте данного события — выезда секретаря ЦК «на место» для разъяснения позиции ЦК ВКП(б) — вспоминается точно такой же выезд А. А. Жданова в 1935 г. после постановления ЦК от 23 июня 1935 г. «Об ошибках Саратовского крайкома ВКП(б)». Последним пунктом этого постановления было решено «командировать в Саратовский край секретаря ЦК ВКП(б) т. Жданова, которому поручить проверить работу Саратовского крайкома и горкома и состояние актива в Саратовском крае»[225].

Тогда против саратовских партийных органов были выдвинуты серьезные обвинения: «опрокидывание основ устава партии», «грубое нарушение линии партии в деле воспитания и выращивания кадров», «грубые политические ошибки»; в вину вменялся даже впоследствии распространенный в сталинском руководстве механизм решения крупных вопросов в порядке «опроса»...

Реакция коммунистов была аналогичной. «Подавляющее большинство членов бюро крайкома свои ошибки признало и искренне желает их исправить и начать работать по новому», — констатировал Жданов на пленуме крайкома[226]. На самом пленуме, за исключением единичных выступлений, также были признаны все указанные в постановлении ЦК ошибки, а решение пленума начиналось словами:

выполнение ими директив ЦК ВКП(б); начальник Н. С. Патоличев, с 1947 г. — М. А. Суслов), но в июле 1948 г. был переведен в Совмин СССР на пост заместителя председателя Совета по делам колхозов при СМ СССР (председатель — заместитель председателя СМ СССР А. А. Андреев). Этот, казалось бы, второстепенный пост, напротив, был ключевым и свидетельствовал об исключительном доверии, которое руководство страны оказывало Андрианову: в СССР свирепствовал голод 1946–1947 гг., и выполнение плана по сдаче хлеба государству надлежало решить железною рукою (подробнее см.: *Зима В. Ф.* Указ. соч.).

[224] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 15. Л. 63. (Цитата из выступления Ответственного секретаря Правления ЛО ССП и члена партбюро ЛО ССП А. Г. Дементьева на заседании партбюро ЛО ССП 17 декабря 1949 г.)

[225] *Жданов А. А.* Уроки политических ошибок Саратовского крайкома: Доклад и заключительное слово на пленуме Саратовского крайкома ВКП(б) 5–7 июля 1935 г. М., 1935. С. 66.

[226] Там же. С. 32.

«Пленум Саратовского крайкома ВКП(б) признает совершенно правильным постановление Центрального Комитета ВКП(б) от 23 июня “Об ошибках Саратовского крайкома ВКП(б)”. Это постановление и работа, проведенная секретарем ЦК ВКП(б) товарищем Ждановым, являясь образцом руководства сталинского ЦК ВКП(б), оказывает огромную помощь...»[227]

Самым частым оборотом в итоговом постановлении является «Пленум крайкома признает...». Достойными удивления являются оргвыводы — с должности был снят только противящийся Жданову и постановлению ЦК заведующий сельхозотделом крайкома, а остальное руководство отделалось испугом. Мало того, Жданов даже выступил против неоправданных репрессий крайкома на местах, и отдельно в своем заключительном слове выразил мнение руководства партии:

«ЦК хочет не развенчания авторитета руководства, а, наоборот, укрепления его на основе исправления ошибок и методов руководства. <...> Тот факт, что Центральный Комитет доверил данному руководству исправить свои ошибки, — это вытекает из линии партии в отношении к своим работникам. ЦК терпеливо помогает товарищам, совершившим ошибки и осознавшим их, исправляться и загладить вину перед партией. ЦК оказывает вам величайшее доверие, поручая вам самим поправить дело. В этом сказывается величайшее внимание и забота ЦК и товарища Сталина о большевистских кадрах, великая мудрость сталинского руководства, которое, поправляя наши ошибки, поднимает нас на все высшую и высшую ступень. (Аплодисменты.)»[228]

Такое «вегетарианское» отношение ЦК ВКП(б) к саратовскому руководству удивительно, и в данном случае несомненна роль самого Жданова, еще недавно руководившего Горьковским крайкомом, знакомого с саратовским руководством и понимавшего последствия большой кадровой чистки.

Но в 1949 г. было все иначе — партийное, государственное и хозяйственное руководство Ленинграда и области было вычищено самым жесточайшим образом.

2 апреля 1949 г. в «Правде» было напечатано Открытое письмо товарищу Сталину «от работников промышленности, деятелей науки и техники города Ленинграда и Ленинградской области». Оно было первым подобным обращением, подхваченным впоследствии всей страной, и одновременно символизировало поворот всей сталинской государственной политики к наращиванию военно-промышленного комплекса. Это письмо стало и иллюстрацией деятельности нового ленинградского руководства уже в русле идей, проводимых Л. П. Берией и Г. М. Маленковым. Вот некоторые его тезисы:

«Свое первое слово сердечного привета мы обращаем к Вам, мудрый вождь и учитель!

Ваша повседневная отеческая забота и внимание к ленинградцам вдохновляют нас на самоотверженный труд по восстановлению и дальнейшему развитию родного города, как крупнейшего промышленного и культурного центра страны. Мы гордимся тем, что с каждым годом возрастает роль Ленинграда в развитии народного хозяйства страны, в укреплении могущества нашей великой Родины. В решении задач послевоенной сталинской пятилетки большевистская партия и Советское Правительство отвели Ленинграду ответственную и почетную роль важнейшего центра технического прогресса страны. <...> Ленинградцы восприняли эту почетную задачу как знак огромного доверия партии,

[227] *Жданов А. А.* Уроки политических ошибок Саратовского крайкома. С. 45.
[228] Там же. С. 40, 42.

Правительства и лично Вашего, товарищ Сталин. В выполнение этой задачи ленинградцы вложат всю свою творческую инициативу, большевистскую настойчивость, энергию и волю, воспитанную партией Ленина—Сталина. От имени всех рабочих и работниц, инженеров и техников, ученых и научных работников Ленинграда и Ленинградской области обещаем Вам, дорогой наш вождь и учитель, с честью выполнить возложенную на нас задачу. <...> Ленинградцы знают, что душой, организатором, вдохновителем борьбы за технический прогресс ленинградской промышленности, как и всего народного хозяйства нашей страны, являетесь Вы, дорогой Иосиф Виссарионович. <...>

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Этим письмом мы хотим от всего сердца еще раз выразить Вам глубокую благодарность за Вашу отеческую заботу о Ленинграде, за Ваше доверие к ленинградцам <...>. Все ленинградцы — партийные и непартийные большевики — приложат свои силы и энергию для того, чтобы с честью выполнить поставленную Вами перед Ленинградом задачу — идти в первых рядах борцов за технический прогресс, за построение коммунизма. <...>

Да здравствует гениальный кормчий страны социализма, корифей науки великий Сталин!»[229]

Это письмо наглядно продемонстрировало его адресату новую линию ленинградского руководства (окончательный текст письма был утвержден 25 марта 1949 г. постановлением бюро Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) под председательством В.М. Андрианова[230]). Причем при обращении к документам обкома оказывается, что это обращение было задумано еще прежним руководством — 5 февраля 1949 г. было принято специальное постановление бюро обкома «О проекте письма к товарищу Сталину от колхозников и колхозниц, работников МТС и совхозов, сельскохозяйственных специалистов и ученых Ленинградской области»[231], но до публикации и обсуждения дело не дошло: в Москве было решено повременить с этим.

23 апреля 1949 г. закончила свою работу V сессия Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. В последний день председатель Ленгорисполкома «тов. Лазутин признал справедливыми критические высказывания депутатов по адресу управлений, отделов и руководящих работников исполкома Ленгорсовета»[232], после чего были рассмотрены оргвопросы. П. Г. Лазутин пока был оставлен на своем месте, но были освобождены от должностей его заместители — В. М. Решкин и В. П. Галкин, секретарь исполкома А.А. Бубнов; также «сессия постановила освободить т.т. П. С. Попкова и Я.Ф. Капустина от обязанностей членов исполкома Ленгорсовета»[233], «в связи с переходом на другую работу вне Ленинграда»[234] был освобожден от обязанностей член исполкома Ленгорсовета

---

[229] От работников промышленности, деятелей науки и техники города Ленинграда и Ленинградской области письмо товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу. Л., 1949. С. 5–7, 11, 14–15.

[230] Проект письма был одобрен совместным постановлением бюро обкома и горкома (Протокол № 26 заседания бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 25 марта 1949 г., п. 32 — «Проект письма товарищу Сталину от работников промышленности, деятелей науки и техники г. Ленинграда и Ленинградской области» // ЦГАИПД СПб. Ф. 24 (Ленинградский ОК ВКП(б)). Оп. 49. Д. 105).

[231] Утверждено на заседании бюро Ленинградского обкома от 6 февраля 1949 г., протокол № 10, п. 1г (Там же. Д. 54).

[232] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 170. Л. 77.

[233] Там же. Л. 78.

[234] Там же.

начальник Управления МВД по Ленинградской области генерал-майор Е. С. Лагуткин, которого перевели на должность заместителя начальника УМВД по Калужской области. То есть старое ленинградское руководство целенаправленно устранялось.

А первого мая 1949 г. В. М. Андрианов, который несколько месяцев избегал публичности, впервые предстал перед ленинградцами — во время первомайской демонстрации он занял почетное место на центральной трибуне на Дворцовой площади[235]. Пока еще в его окружении на трибуне стояли секретарь горкома Н. Д. Синцов, секретарь обкома Г. Ф. Бадаев, председатель Ленгорисполкома П. Г. Лазутин... Но скоро и они будут удалены.

Параллельно со сменой ленинградского руководства Маленков, который и в частной жизни славился как заядлый охотник, «нашел» первые доказательства вины Вознесенского. Здесь Маленкову помог приближенный к нему Л. М. Каганович: в середине февраля первый заместитель Кагановича на посту председателя Госснаба СССР М. Т. Помазнев (который в 1953 г. по поручению Хрущева установит по материалам Госплана, что Берия является «врагом народа») представил докладную записку, в которой указывалось на ошибки Госплана в планировании валовой промышленной продукции на I квартал 1949 г., рассчитывавшего рост производства без учета сезонных отраслей, что привело к снижению плана среднесуточного производства на 0,07%. По сути, Вознесенский обвинялся в действии, известном впоследствии как «приписки»[236]. «Для тех времен — это серьезное обвинение, хотя сезонные колебания производства неизбежны»[237]. Вопрос был рассмотрен на заседании Бюро Совмина, а доклад направлен главе государства [238]. 5 марта состоялось решение Политбюро ЦК, где было утверждено суровое постановление Совмина «О Госплане СССР».

В преамбуле постановления приводится фраза Сталина о недопустимости подгонки цифр, «ибо попытка подогнать цифры под то или другое предвзятое мнение есть преступление уголовного характера»[239]. Вывод был неутешителен:

---

[235] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 171. Л. 2.

[236] А.И. Микоян описывает ситуацию следующим образом:

«...Берия достает бумагу заместителя председателя Госплана, ведающего химией, которую тот написал Вознесенскому как председателю Госплана. В этой записке говорилось, что “мы правительству доложили, что план этого года в первом квартале превышает уровень IV квартала предыдущего года. Однако при изучении статистической отчетности выходит, что план первого квартала ниже того уровня производства, который был достигнут в четвертом квартале, поэтому картина оказалась такая же, что и в предыдущие годы”.

Эта записка была отпечатана на машинке. Вознесенский, получив ее, сделал от руки надпись: “В дело”, то есть не дал ходу. А он обязан был доложить ЦК об этой записке и дать объяснение. Получилось неловкое положение — он был главным виновником и, думая, что на это никто не обратит внимания, решил положить записку под сукно. Вот эту бумагу Берия и показал, а достал ее один сотрудник Госплана, который работал на госбезопасность, был ее агентом. И когда мы были у Сталина, Берия выложил этот документ.

Сталин был поражен. Он сказал, что этого не может быть. И тут же поручил Бюро Совмина проверить этот факт, вызвать Вознесенского.

После проверки на Бюро, где все подтвердилось, доложили Сталину. Сталин был вне себя: “Значит, Вознесенский обманывает Политбюро и нас, как дураков, надувает? Как это можно допустить, чтобы член Политбюро обманывал Политбюро? Такого человека нельзя держать ни в Политбюро, ни во главе Госплана!”» (*Микоян А. И.* Указ. соч. С. 560–561).

[237] *Байбаков Н.* Указ. соч. С. 145.

[238] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 274–278.

[239] Там же. С. 281; также в кн.: Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. С. 317.

«Т. Вознесенский неудовлетворительно руководит Госпланом СССР, не проявляет обязательной особенно для члена Политбюро партийности в руководстве Госпланом СССР и в защите директив Правительства в области планирования, неправильно воспитывает работников Госплана СССР, вследствие чего в Госплане СССР культивировались непартийные нравы, имели место антигосударственные действия, факты обмана Правительства, преступные факты по подгону цифр и, наконец, факты, которые свидетельствуют о том, что руководящие работники Госплана хитрят с Правительством»[240].

Вознесенский был освобожден этим постановлением от обязанностей главы Госплана, а 7 марта решением Политбюро он был лишен поста заместителя председателя Совмина, выведен из состава Политбюро и отправлен в месячный отпуск «по собственному желанию»[241].

«По рассказу бывшего работника Госплана, экономиста, непосредственных поводов было два. Существовал порядок, согласно которому план первого квартала всегда должен был быть больше, чем реальное производство последнего квартала предшествовавшего года. А тот год (видимо, 1948) был удачливый: и урожай ничего, и промышленность. Осторожный Вознесенский дал указание "утаить" часть произведенного в конце года, дабы сделать более реальным план на следующий год. Это дало возможность обвинить его в обмане правительства. Берия выудил соответствующее признание у одного из руководящих работников Госплана и преподнес его Хозяину. Вдобавок Вознесенский имел привычку уничтожать черновики плановых разработок, что строжайше запрещалось. Всякая бумажка подлежала передаче специальным службам, где ее регистрировали, уничтожение же следовало актировать. Так Вознесенский оказался виновным в нарушении режима секретности»[242].

Причем, по-видимому, сам Вознесенский почувствовал беду раньше. Начальник отдела финансов Госплана Д. С. Бузин вспоминал:

«Он умел ценить хорошо во всех отношениях — и в экономическом и в техническом — подготовленный материал. И лучшей оценкой служило подписание документа без поправок. Даже без вопросов. Никогда не забуду — то был один из последних доложенных ему документов — заключение Госплана СССР по Государственному бюджету СССР на 1949 год, подготовленное Отделом финансов на 16 листах. Я докладывал это заключение в его кабинете в Кремле. Он внимательнейшим образом прочитал документ, не раз возвращаясь к написанному на предыдущих страницах. И без поправок, без вопросов подписал его. Так бывало редко, очень редко. Не скрою, он казался уставшим, не таким подвижным, как всегда. Может быть, это стало ясно впоследствии, то были первые признаки обреченности»[243].

Ни в одном из источников не указана причина взятия этой фразы в кавычки; она состоит в том, что цитата, правда приведенная с ошибками (очевидно, по памяти), взята из доклада Сталина (Политического отчета ЦК) на XIV съезде ВКП(б) 18 декабря 1925 г.: «Мы считаем, что ЦСУ должно давать объективные данные, свободные от какого бы то ни было предвзятого мнения, ибо попытка подогнать цифру под то или другое предвзятое мнение есть преступление уголовного характера. Но как можно верить после этого цифрам ЦСУ, если оно само перестает верить своим цифрам?» (*Сталин И.* Сочинения. М., 1952. Т. 7. С. 329).

[240] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 283.

[241] Там же. С. 69–70, 285.

[242] *Перченок Ф.Ф.* Указ. соч. С. 155. Автор цитирует рукопись «Несколько рассказов о вожде» из собрания М.Я. Гефтера.

[243] *Бузин Д.С.* Указ. соч. С. 102.

Значительную роль в подготовке компромата на Вознесенского сыграл сотрудник Госплана СССР, экономист Б.М. Сухаревский, обязанный всей своей карьерой Н.А. Вознесенскому. Приведем цитату из воспоминаний племянника главы Госплана Л.А. Вознесенского, где он не называет полной фамилии доносчика:

> «Дело происходило вскоре после Отечественной войны. Однажды председатель Госплана, вызвав к себе начальника Сводного отдела С-го, показал тому жестокую резолюцию Сталина на документе, который незадолго перед тем был ему направлен. Он представлял собой аргументированные, подкрепленные расчетами соображения Госплана о невозможности и нецелесообразности дополнительного и весьма значительного налогообложения крестьян, идею которого выдвинул Сталин. Позиция Госплана и его председателя вызвала явное раздражение у "корифея", и он своей резолюцией потребовал немедленно исполнить его первоначальное указание.
>
> — Что будем делать, товарищ С-й? — спросил председатель у своего, как считали не без оснований в аппарате, любимца, которого он всячески поддерживал и выдвигал.
>
> — Как что? Выполнять указание товарища Сталина, — бодро ответил тот.
>
> — Но ведь документ, над которым мы с Вами так основательно работали, — не формально-бюрократическое послание: в него вложен наш разум ученых, приведены неопровержимые доказательства того, что вступить на предложенный путь — значит окончательно погубить деревню. И теперь мы должны написать нечто прямо противоречащее нашим аргументам и выводам?
>
> — Да, и сделать это можно.
>
> — Каким образом?
>
> — Надо взять за исходный пункт наших размышлений позицию, диаметрально противоположную той, которая была у нас, и логически ее развернуть.
>
> — И Вы можете это сделать?
>
> — Конечно.
>
> И С-й изложил свою новую концепцию, которая формально полностью оправдывала идею Сталина. Председатель молча выслушал своего сотрудника, подошел к окну, открыл его, несколько раз глубоко вдохнул морозный воздух Моховой улицы и сказал:
>
> — Ну и б... же Вы, С-й! Вон из кабинета!
>
> К сожалению, жизнь очень скоро показала, что эта нелицеприятная характеристика была совершенно точной: С-й предал своего шефа, подтвердив ложные обвинения, использованные при фабрикации так называемого "ленинградского дела", в связи с которым тот был расстрелян»[244].

Образ Сухаревского живо описывает типичного чиновника сталинской эпохи — карьериста, готового проводить любую линию и менять собственное мнение в зависимости он малейших пожеланий Хозяина.

Кроме событий в Госплане, Маленков со товарищи организовали еще ряд заявлений на Вознесенского. 3 марта Сталину подал кляузу министр внутренних дел С.Н. Круглов, где жаловался на непомерно высокие требования Вознесенского к строительным подразделениям МВД. А новый ленинградский руководитель В.М. Андрианов некстати

[244] *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 23–24. Фамилия Сухаревского раскрыта по кн.: *Шепилов Д.Т.* Указ. соч. С. 142–143. Не изменился Сухаревский и в 60-х гг., работая в руководстве Государственного комитета по вопросам труда и заработной платы СМ СССР. См.: *Кондратович А.И.* Новомирский дневник (1967–1970). М., 1991. С. 169; запись от 24 января 1968 г.

обнаружил в корректуре своей статьи о колхозных кадрах, готовящуюся к публикации в журнале «Большевик», добавленную редакцией ссылку на книгу Вознесенского; это положило начало расследованию нарушений в журнале «Большевик»[245], в результате чего была заменена редколлегия журнала. Но что еще важнее — Сталину пытались представить дело таким образом, что книга Вознесенского стала цитироваться наряду с классиками марксизма.

Все основные фигуранты будущего дела оставались до августа месяца в тени — отдыхали, лечились, учились в Военно-политической академии, ВПШ или АОН, Вознесенский писал книгу по политэкономии... Они надеялись на лучшее, искренне верили, что вождь и учитель простит их и примет назад в свои объятия.

Вскрывшиеся факты окончательно охладили отношение Сталина к их покойному покровителю — А.А. Жданову. Отрывок из воспоминаний Д.Т. Шепилова, где автор ставит несколько иной акцент, характеризует настроения Сталина тех месяцев:

> «...Известно было, каким благожелательством пользовался в правительственных кругах народный художник СССР, президент Академии художеств А. М. Герасимов. И вот уже после смерти Жданова на заседании Политбюро 26 марта 1949 года рассматриваются предложения Комитета по Сталинским премиям насчет полотна Герасимова «И. В. Сталин у гроба А. А. Жданова» и портрета В. М. Молотова.
>
> Сталин:
>
> — Ничего особенного в этих картинах нет. Герасимов немолодой художник. Поощрялся. Нужны ли еще поощрения? Надо как следует подумать и оценить — достоин ли он еще премии. <...>
>
> — Потом, нельзя же так: всё Сталин и Сталин. У Герасимова — Сталин, у Тоидзе — Сталин, у Яр-Кравченко — Сталин.
>
> Но это Сталин говорил неискренне. Ибо и после наигранного разноса "за Сталина" литературные произведения, полотна, кинокартины, в которых прославлялся Сталин, без сучка и задоринки проходили на Сталинские премии»[246].

Секретность, покрывавшая раскручивание «ленинградского дела»[247], не могла скрыть очевидных перестановок в руководстве страны и Ленинграда. Всегда вникавшая в политическую суть событий О. М. Фрейденберг была удивительно прозорлива, записав в апреле 1949 г. в своей тетради вывод, сделанный лишь на основании газет и Ленинградского радио:

> «За этот месяц пали Попков, Капустин, Кузнецов, Ник. Вознесенский <...>. По-видимому, развалина (т. е. Сталин. — *П.Д.*) вскрыл дворцовую "ориентацию" на его смерть, но едва ли он когда-нибудь сгинет; кажется, такой мысли он и сам не допускает»[248].

---

[245] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 286–293.

[246] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 114–115. Здесь скажем, что Герасимов все-таки был удостоен Сталинской премии 1949 г. за указанные полотна.

[247] Не более чем фантазией являются мнения некоторых исследователей о гласности «ленинградского дела». Например: «20 февраля 1949 года в "Правде" было опубликовано "Постановление ЦК ВКП(б) об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) Кузнецова А.А., Родионова М. М. [sic!], Попкова П. С.", обвинявшихся в "сепаратизме" ленинградской партийной организации» (цит. по: *Солдатова Л. М.* Традиция памяти Пушкина на виражах политической истории России // Русская литература. СПб., 2006. № 1. С. 184).

[248] *Фрейденберг О. М.* Записки.

Решительный перелом наступил 21 июля 1949 г.: на стол Сталина легла записка Абакумова о шпионской деятельности недавно едва не переведенного на работу в ЦК 2-го секретаря Ленинградского обкома Я. Ф. Капустина. 23 июля Капустин был арестован (санкция прокурора получена только 1 августа). Выбитых Абакумовым из Капустина показаний оказалось предостаточно, чтобы не только представить Сталину его самого как шпиона и заговорщика, но и арестовать тех, кого он оговорил: 4 августа вместе с большим протоколом допроса Капустина Сталин получил от В. С. Абакумова «Список лиц, проходящих по показаниям арестованного Капустина Я. Ф.»[249], в котором поименованы многие будущие жертвы «ленинградского дела».

Сталин одобрил работу Абакумова, лично распорядившись судьбой ленинградцев: 13 августа в кабинете Маленкова без санкции прокурора были арестованы А.А. Кузнецов, П.С. Попков, М.И. Родионов, председатель Ленгорисполкома П.Г. Лазутин и выходец из Ленинграда Н. В. Соловьев, первый секретарь Крымского обкома ВКП(б). Дальнейшее следствие КПК и МГБ велось уже не в целях изобличения отдельных лиц, а для раскрытия преступной организации, иначе говоря, заговора; такой ход был вполне очевиден — у следствия оказывается намного меньше работы по сбору «доказательств» — обвиняемые оговаривают друг друга, а эффект от произведенных следственных действий (раскрытие организованной группы) много выше единичных изобличений. Способ этот был хорошо отработан еще в довоенные годы.

> «С целью получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группы Г.М. Маленков лично руководил ходом следствия по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия, мучительные пытки, побои и истязания»[250].

После первых арестов «ленинградцев» Сталин вызвал в Москву Н.С. Хрущева — у вождя на руках уже были компрометирующие документы и на московское руководство: «Мы тут считаем, что вам надо опять занять пост первого секретаря Московского городского и областного партийных комитетов. У нас плохо обстоят дела в Москве и очень плохо — в Ленинграде, где мы провели аресты заговорщиков. Оказались заговорщики и в Москве»[251]. И хотя впоследствии в Москве дело ограничилось только снятием и опалой Г. М. Попова, именно подозрение в заговоре привело Хрущева обратно в Москву.

Вознесенский был подавлен, хотя еще оставался вхож к Сталину. Но он уже находился в таком состоянии, какое однажды описал Булганин: «Вот едешь к нему [Сталину] на обед и вроде бы как другом, а не знаешь, сам ли ты поедешь домой или тебя повезут кое-куда»[252].

Хрущев, отнюдь не поклонник личности Николая Алексеевича, вспоминал Вознесенского того периода[253]:

> «Помню дни, когда Вознесенский, освобожденный от прежних обязанностей, еще бывал на обедах у Сталина. Я видел уже не того человека, которого знал раньше: умно-

---

[249] *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 197–198.

[250] Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. С. 317–318.

[251] *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 22.

[252] Там же. С. 158.

[253] По-видимому, Хрущев видел угнетенного Вознесенского на даче у Сталина в конце мая — начале июня 1949 г. (по крайней мере, именно в это время Хрущев приезжал в Москву и присутствовал на заседаниях Политбюро. См.: Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Указ. изд. № 5/6. С. 54–55).

го, резкого, прямого и смелого. Именно смелость его и погубила, потому что он часто схватывался с Берией <...>.

А за обедами у Сталина сидел уже не Вознесенский, но тень Вознесенского. Хотя Сталин освободил его от прежних постов, однако еще колебался, видимо, веря в честность Вознесенского. Помню, как не один раз он обращался к Маленкову и Берии: "Так что же, ничего еще не дали Вознесенскому? И он ничего не делает? Надо дать ему работу, чего вы медлите?". "Да вот думаем", — отвечали они. Прошло какое-то время, и Сталин вновь говорит: "А почему ему не дают дела? Может быть, поручить ему Госбанк? Он финансист и экономист, понимает это, пусть возглавит Госбанк". Никто не возразил, но проходило время, а предложений не поступало.

В былые времена Сталин не потерпел бы такой дерзости, сейчас же заставил бы Молотова или Маленкова взять карандаш, как обычно делал, и продиктовал бы постановление, тут же подписав его. Теперь же только говорил: "Давайте, давайте ему дело", но никто ничего не давал. Кончилось это тем, что Вознесенского арестовали. Какие непосредственно были выдвинуты обвинения и что послужило к тому толчком, я посейчас не знаю [sic!]. Видимо, Берия подбрасывал какие-то новые материалы против Вознесенского, и, когда чаша переполнилась, Сталин распорядился арестовать его.

Организовать это Берия мог с разных сторон. По партийной линии подбрасывал материалы Маленков, по чекистской линии — Абакумов. Но источником всех версий был Берия, умный и деловой человек, оборотистый организатор. Он все мог! А ему надо было не только устранить Вознесенского из Совета Министров. Он боялся, что Сталин может вернуть его, и Берия преследовал цель уничтожить Вознесенского, окончательно свалить его и закопать, чтобы и возврата к Вознесенскому не состоялось. В результате таких интриг Вознесенский и был арестован. Пошло следствие. Кто им руководил? Конечно, Сталин. Но первая скрипка непосредственной "работы" находилась в руках Берии, хотя Сталин думал, что это он лично всем руководит»[254].

При этом стоит учитывать некоторую тенденциозность Хрущева по отношению к Берии, из-за которой умаляется роль Маленкова.

После ареста ленинградцев Вознесенского уже перестали допускать до Сталина. Именно поэтому 17 августа Николай Алексеевич подал на его имя просьбу дать работу, «какую найдете возможной, чтобы я мог вложить свою долю труда на пользу партии и Родины. Очень тяжело быть в стороне от работы партии и товарищей»[255]. Эту записку Сталин распорядился передать Маленкову, который вскоре и воссоединил Вознесенского с его товарищами.

Маленков, как уже говорилось, был очень умелым аппаратным работником. Как замечал Д.Т. Шепилов,

«при даче поручений, в особенности когда они связаны были с выполнением указаний, полученных от Сталина, Маленков ставил фантастически короткие сроки исполнения. Не успевал Сталин высказать то или иное пожелание, как буквально вздыбливалась вся страна и партия, в движение приводились все рычаги государственного и партийного аппаратов. И при очередной встрече Маленков докладывал: — Товарищ Сталин, ваше поручение выполнено»[256].

---

[254] *Хрущев Н. С.* Указ. соч. С. 31–32.
[255] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 293.
[256] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 134.

А в случае с «ленинградцами» Маленков тем более не терял времени. К делу оказались подключены пришедшие в марте 1949 г. в Госплан СССР ставленники Маленкова — Е. Е. Андреев, уполномоченный ЦК по кадрам в Госплане, и автор доноса на Вознесенского М. Т. Помазнев, который в награду за это был 13 марта назначен управляющим делами Совмина вместо Я. Е. Чадаева. 22 августа 1949 г. Е. Е. Андреев подал секретарям ЦК записку «О пропаже секретных документов в Госплане СССР», согласно которой за 1944–1948 гг. в Госплане пропало 236 секретных и совершенно секретных документов. 1 сентября Вознесенский был вызван в КПК к М. Ф. Шкирятову, где ему и объявили об этом факте; в тот же день Вознесенский отправил Сталину свои оправдания. Но хода назад уже не было: 11 сентября Политбюро рассмотрело расследование КПК о пропаже секретных документов Госплана и вынесло на утверждение пленума ЦК вопрос о выводе Вознесенского из состава ЦК (утверждено 12–13 сентября). Дальнейшее расследование этого дела было передано Генеральному прокурору СССР.

26 октября 1949 г. Н. А. Вознесенский был арестован. Позднее, 23 марта 1950 г., министр госбезопасности СССР В. С. Абакумов подал Сталину «Список арестованных МГБ СССР изменников родины, шпионов, подрывников и террористов», где среди перечисленных 85 человек — основных фигурантов «ленинградского дела», дела ЕАК и т. д. — почетное первое место принадлежало Н. А. Вознесенскому; этот, по сути, расстрельный список был тогда же утвержден руководителем государства. В нем же указаны основные инкриминировавшиеся бывшему заместителю Сталина преступления:

> «Обвиняется в том, что проводил подрывную деятельность против ЦК ВКП(б) и Советского правительства.
>
> Имел преступную связь с ленинградцами Попковым и Лазутиным и скрывал от ЦК ВКП(б) враждебные проявления со стороны Попкова. Подрывая государственную дисциплину, выделял ленинградцам без разрешения правительства различные фонды, а также поддерживал их рваческие стремления другими незаконными действиями.
>
> Обманывая ЦК ВКП(б) и Советское правительство, скрывал преступления, творившиеся в Госплане СССР, и в частности, допущенное по его вине занижение плана первого квартала 1949 года, утрату большого количества секретных документов и засорение аппарата Госплана лицами, не внушающими политического доверия.
>
> Изобличается показаниями арестованных Кузнецова, Попкова, Лазутина и других своих сообщников»[257].

Кроме этого фантастического обвинения, по некоторым источникам, свою роль в аресте Вознесенского сыграла и почти оконченная им книга «Политическая экономия коммунизма», которую он писал с момента отстранения от дел и вчерне закончил к октябрю месяцу:

> «Находясь в опале, Вознесенский продолжал работать над новой книгой об экономике нашего общества. Через полгода Сталин пригласил его к себе на дачу. В присутствии членов Политбюро Сталин провозгласил тост за дорогого товарища Вознесенского — нашего ведущего экономиста. <...> Вознесенский возликовал и был обнадежен. Радостный он вернулся домой. Однако той же ночью его арестовали. Арестована была и рукопись Вознесенского о закономерностях социалистической экономики. В отредак-

---

[257] АП РФ. Оп. 57. Д. 100. Л. 4. Электронная публикация: stalin.memo.ru/spiski/pg16004.htm.

тированном Сталиным виде эта работа вышла под именем вождя в начале 50-х годов в форме статьи в "Правде" и отдельной брошюрой»[258].

Такая версия устранения Вознесенского — из-за ревности Сталина по поводу канонизации его экономических работ — выглядит несколько субъективной, хотя нельзя не уделить ей должного внимания. По крайней мере, опубликованные 3–4 октября 1952 г. в «Правде» статьи Сталина по экономическим вопросам, объединенные вместе под заглавием «Экономические проблемы социализма в СССР», вышли воистину гигантским тиражом. Эта брошюра объемом в 96 стр. была напечатана общим тиражом в 20 млн 300 тыс. экземпляров (!), сверх того по 20 тыс. экземпляров напечатали издательства «Советская Колыма» в Магадане, Амурское областное издательство в Благовещенске и Дальневосточное издательство в Хабаровске. Эти цифры, приведенные без учета огромных дополнительных тиражей 1953 г., вполне красноречивы; они призваны продемонстрировать величие того, кто действительно являлся гением советской экономики. А ситуация со снятием А. Н. Поскребышева, описанная Хрущевым в мемуарах, когда причиной гнева Сталина стало то, что одна из его мыслей совпала с мыслью критикуемого им экономиста Л. Д. Ярошенко, очень показательна в качестве демонстрации истинного сталинского честолюбия: «Ведь никто не имел права думать так, как Сталин, только он был единственным гением. Поэтому все новое должен сказать только он, а другие должны повторять и распространять открытые им законы»[259].

И хотя «прикрутить» своего друга военных лет Н. А. Вознесенского к «ленинградскому делу» оказалось для Маленкова труднее всего, он смог превозмочь трудности. Кроме того, еще до ареста самого Вознесенского, летом, были арестованы его сестра и брат. 23 июля — секретарь Куйбышевского РК ВКП(б) Ленинграда Мария Алексеевна Вознесенская, от которой добивались показаний на братьев[260]. В июле же был снят с поста министра просвещения РСФСР его старший брат, бывший ректор ЛГУ А. А. Вознесенский, а 19 августа арестован во время отпуска.

«Для создания видимости о существовании в Ленинграде антипартийной группировки по указанию Г. М. Маленкова были произведены массовые аресты среди ленинградского партийного актива и руководящих партийных работников, выходцев из Ленинградской партийной организации. В Ленинграде развернулась массовая кампания по замене кадров и всех звеньев, многие из снятых с работы тут же исключались из партии. В своих действиях первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии В. М. Андрианов ссылался на установки ЦК и указания лично И. В. Сталина»[261].

По-видимому, столь жесткая расправа как с самими ленинградцами, так и с выходцами из ленинградской парторганизации связана с тем, что Маленкову после февральской поездки 1949 г. в Ленинград удалось вселить в Сталина серьезные подозрения о том, что ленинградцы вынашивали идею создания компартии РСФСР и имели план дальнейших действий. В действиях правительства РСФСР было усмотрено стремление к сепаратизму, пал и председатель Совмина РСФСР, «ленинградец» М. И. Родионов.

---

[258] *Борев Ю. Б.* Сталиниада... С. 366.

[259] *Хрущев Н. С.* Указ. соч. С. 110.

[260] «Ленинградское дело». С. 316. Секретариат ЦК под председательством Г. М. Маленкова уже задним числом, 29 июля 1949 г., принял постановление № 448 — «Вопросы Ленинградского горкома ВКП(б)», в котором рекомендовалось «принять предложение Ленинградского горкома ВКП(б) об освобождении <...> Вознесенской М. А. — от обязанностей первого секретаря Куйбышевского райкома ВКП(б)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 448. Л. 16).

[261] Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. С. 318.

Проблема хотя бы малой самостоятельности РСФСР всегда была довольно болезненной и разрешилась лишь в 1991 г. Но тогда Сталин был явно испуган сфабрикованной для стимуляции его фобий специальной информацией. В этой связи интересен тот факт, что летом 1949 г. неожиданно было прекращено издание единственного свода законов РСФСР — «Собрания постановлений и распоряжений Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», которое выходило с 1917 г. Последний номер (№ 3 за 1949 г.) был издан 1 июля 1949 г. — в самый разгар следствия, а возобновилось издание только в 1958 г.

Следствие же велось столь «прогрессивными» методами, что доказательства серьезной вины Вознесенского и других участников антипартийной группы были найдены, и Сталин воспринял их как должное. Вспоминаются его будто бы полные искреннего негодования слова по поводу ареста М. Кольцова, сказанные в разговоре с Фадеевым: «А я, думаете, верил, мне, думаете, хотелось верить? Не хотелось, но пришлось поверить»[262].

Про ударный труд, которым Маленков и Берия сфабриковали «ленинградское дело», распространялся Хрущев в разговоре с А.Т. Твардовским:

«Про Маленкова этого (о честности) не скажу. Это — глиста. Он умеет нравиться, культурен, обходителен, к месту может и пошутить, и все. Он втерся в доверие к Сталину. С Берией так дружили, что, как говорится в народе, в нужник вместе ходили. Ленинградское дело — это дело рук столько же Маленкова, сколько Берии. Берия — авантюрист, Маленков — карьерист»[263].

Материалы по ленинградцам оказались объединены в одно производство:

> «Обвинения, в которых они признались (конечно, не добровольно), были собраны в переплетенный том, который разослали членам Политбюро. Основная суть была незатейливой: он и его сообщники были якобы недовольны засильем кавказцев в руководстве страны и ждали естественного ухода из жизни Сталина, чтобы изменить это положение, а пока хотели перевести Правительство РСФСР в Ленинград, чтобы оторвать его от московского руководства. Были еще обвинения в проведении в Ленинграде какой-то ярмарки без соответствующего оформления через ЦК, попытке Кузнецова возвеличить себя через музей обороны Ленинграда и прочая чепуха. Видно, очень стойко они держались, если не было записано “намерение устранить Сталина” — излюбленное обвинение 30-х годов»[264].

С того момента, как все изобличающие материалы на фигурантов «ленинградского дела» были сформированы, Сталин был безжалостен по отношению к ленинградцам, а в городе Ленина воцарился страх, пережитый в 1937—1938 гг.

Арестованы были все участники и пособники «антипартийной группы» — ключевые руководители города, все секретари райкомов партии; кличка «попковец» была клеймом не только в Ленинграде; второй секретарь ЛГК ВКП(б) Н.А. Николаев покончил с собой, оставив записку с текстом «я ни в чем не виновен». Впоследствии было подсчитано, что за 1949—1952 гг. в городе было «освобождено от работы свыше 2 тыс. руководителей, в том числе 1,5 тыс. партийных, советских, профсоюзных

---

[262] *Симонов К.М.* Указ. соч. С. 72. Конечно, слепо верить в искренность таких слов тоже трудно.

[263] *Твардовский А.* Из рабочих тетрадей (1953–1960) / Публ. и примеч. М.И. Твардовской // Знамя. М., 1989. № 8. Август. С. 139.

[264] *Микоян А.И.* Указ. соч. С. 567–568.

и комсомольских работников»[265]. Решающую роль в этом сыграли Г. М. Маленков в ЦК и В. М. Андрианов в Ленинграде. О масштабах деятельности по обновлению Ленинградского партийного руководства красноречиво говорит решение Секретариата ЦК ВКП(б), заседавшего под председательством Г. М. Маленкова 25 июля 1949 г.: «Увеличить штаты особого сектора Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) на два инструктора и 6 технических работников»[266].

Арестовывались не только сами «заговорщики», но и члены их семей, дети определялись в интернаты. Все «ленинградское дело» было развернуто с большой, непривычной для послевоенного времени жестокостью. Здесь уместно вспомнить слова Сталина, сказанные им в 1947 г.:

> «Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким.
>
> Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее»[267].

Сталин был решителен как никогда. 12 января 1950 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ, в котором говорилось: «В виде изъятия из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года об отмене смертной казни допустить применение к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам смертной казни как высшей меры наказания», а 18 января Абакумов подал Сталину список из 44 таковых фигурантов — участников «ленинградского дела», которых предполагалось судить Военной коллегией Верховного суда СССР, 23 марта он подал другой список (туда вошли и осужденные по делу ЕАК). Возглавил список Н. А. Вознесенский. 4 сентября 1950 г. Сталину был представлен проект судебного решения, где предполагалась смертная казнь для шести из девяти обвиняемых на специальном процессе. Сценарий этого судебного процесса был лично утвержден Сталиным[268]. Отдельно стоит сказать о том, что, подписывая необходимые Сталину признательные показания, «ленинградцы» до самого суда оставались в неведении о восстановлении смертной казни.

29–30 сентября 1950 г. в Ленинградском доме офицеров прошел закрытый суд над девятью обвиняемыми. Он проходил без участия государственного обвинителя и защитников. Все представшие на скамье были сильно изнурены, и все признавали свою вину по заранее заученному тексту. Единственным, кто не признавал за собой вины, отмежевался от остальной группы, оказался Н. А. Вознесенский. Он не признал обвинения в участии в «антипартийной группе» и просил «великого Сталина» сохранить ему жизнь и дать закончить написание курса политэкономии[269]. «Сталину несомненно это передали. Все помнят огромную, многочасовую паузу в процессе...»[270]

Только поздно вечером 30 сентября 1950 г. Сталин дал распоряжение озвучить приговор, которым Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков,

---

[265] Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. С. 318.

[266] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 447. Л. 20. Пост. № 82.

[267] Запись беседы И. В. Сталина, А. А. Жданова и В. М. Молотова с С. М. Эйзенштейном и Н. К. Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный», 26 февраля 1947 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 613.

[268] «Ленинградское дело». С. 151.

[269] Там же. С. 157.

[270] Там же.

Я. Ф. Капустин и П. Г. Лазутин приговаривались к высшей мере наказания — расстрелу, остальные трое — к длительным срокам тюремного заключения. Оглашение приговора было закончено за полночь — в 0 часов 59 минут уже 1 октября, прямо в зале суда приговоренным к расстрелу на головы были надеты мешки, а час спустя, без возможности ходатайствовать о помиловании, приговор был приведен в исполнение. Тела, как свидетельствуют документы следствия, были захоронены в Левашово.

О суде над «ленинградцами» пишет и Хрущев (который, по-видимому, также сыграл свою роль в описываемых событиях):

> «Сталину рассказывали (я присутствовал при этом), что Вознесенский, когда было объявлено, что он приговаривается к расстрелу, произнес целую речь. В своей речи он проклинал Ленинград, говорил, что Петербург видел всякие заговоры — и Бирона, и зиновьевщину, и всевозможную реакцию, — а теперь вот он, Вознесенский, попал в Ленинград. Там он учился, а сам-то родом из Донбасса. И проклинал тот день, когда попал в Ленинград. Видимо, человек уже потерял здравый рассудок и говорил несуразные вещи. Дело ведь не в Ленинграде. <...>
>
> Не помню, что говорили в последнем слове Кузнецов и другие ленинградцы, но, что бы они там не говорили, фактически их приговорили значительно раньше, чем суд оформил и подписал приговор. Они были приговорены к смерти Сталиным еще тогда, когда их только арестовывали. Много людей погибло и в самом Ленинграде, и там, куда выехали из Ленинграда для работы в других местах...»[271]

В октябре были проведены еще несколько «рядовых» процессов, на которых к расстрелу были приговорены многие ленинградские руководители, в том числе бывший ректор ЛГУ А. А. Вознесенский и его сестра М. А. Вознесенская. Аресты по «ленинградскому делу» продолжались до лета 1952 г., а расстреляно было около 200 человек. Ход репрессий контролировал лично И. В. Сталин: 18 октября 1950 г. усердный В. М. Андрианов просил Сталина «дать указание МГБ СССР о выселении из Ленинграда семей враждебной антипартийной группы — Кузнецова, Попкова, Лазутина, Капустина и других осужденных как предателей и врагов советского народа»[272].

Интенсивность чисток партийно-государственного аппарата Ленинграда была чрезвычайной и чрезмерной, «попковское охвостье» выжигалось каленым железом. В качестве рядового и отнюдь не самого страшного примера приведем запись из дневника К. И. Чуковского, сделанную со слов министра торговли СССР Д. В. Павлова: «Один директор кондитерской фабрики был арестован только за то, что Попков приходил к нему на фабрику принимать душ. Павлов защитил директора, но все же его уволили и исключили из партии»[273].

Про смерть Н. А. Вознесенского существуют дополнительные версии. Начальник управления Госплана С. И. Семин «утверждает, что, по некоторым сведениям, Н. А. Вознесенского еще три месяца после приговора продержали в тюрьме (может быть, “вождь” колебался — всю войну проработали вместе в ГКО; никто так много не сделал для развития экономики, как его заместитель). А в декабре, по чьей-то команде, рассказывал мне Сергей Ильич, Вознесенского в легкой одежде повезли в грузовой машине в Москву.

---

[271] *Хрущев Н. С.* Указ. соч. С. 34–35.

[272] Записка В. М. Андрианова И. В. Сталину о высылке из Ленинграда семей осужденных «врагов народа» // Лубянка: Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953. С. 314.

[273] *Чуковский К. И.* Дневник (1936–1999). С. 299.

Дорогой он то ли замерз, то ли его застрелили...»[274]. А самая невероятная версия изложена Ю. Б. Боревым: «В конце концов Вознесенский был казнен страшной средневековой казнью: ему в живот была зашита голодная крыса»[275].

Так Сталин, говоря словами Молотова, «отшил» ленинградцев[276]. Это емкое определение говорит и о роли вождя в истории «ленинградского дела»:

> «В последний период у него была мания преследования. Настолько он издергался, настолько его подтачивали, раздражали, настраивали против того или иного — это факт. Никакой человек бы не выдержал. И он, по-моему, не выдержал. И принимал меры, и очень крайние. К сожалению, это было. Тут он перегнул. Погибли такие, как Вознесенский, Кузнецов... Все-таки у него была в конце жизни мания преследования. Да и не могла не быть. Это удел всех тех, кто там сидит подолгу»[277].

Но многие выходцы из Ленинграда счастливым образом избежали страшной участи. По большей части это касалось тех, кто перебрался из Ленинграда в ЦК вместе с Ждановым в 1945 г. или ранее; практически не пострадали литераторы и ученые.

В крайне щекотливой ситуации оказался обладатель ленинградского «провенанса», член Политбюро ЦК ВКП(б) А. Н. Косыгин, которого нетрудно было присоединить к «ленинградскому делу»; не говоря уже о его дружеских отношениях с Вознесенским и Кузнецовым. Кроме того, Косыгин был предшественником М. И. Родионова на посту предсовмина РСФСР, также, несомненно, имел, как занимавшийся легкой промышленностью, отношение к Всероссийской оптовой ярмарке. Хотя Косыгин еще в 1939 г. был переведен с поста председателя Ленгорисполкома в Москву и назначен наркомом текстильной промышленности, связи с Ленинградом он не прерывал: «В период вражеской блокады Ленинграда Алексей Николаевич по поручению правительства провел большую работу по эвакуации из осажденного города населения и промышленного оборудования, а также по снабжению трудящихся Ленинграда топливом»[278]. В 1946 г. он был избран в Верховный Совет СССР по Ленинградскому сельскому округу (включавшему тогда Ленинградскую и прилегающие области).

Хрущев вспоминает:

> «Косыгин тоже висел на волоске. Сталин рассылал членам Политбюро показания арестованных ленинградцев, в которых много говорилось о Косыгине. Кузнецов состоял с ним в родстве: их жены состояли в каких-то кровных связях[279]. Таким образом, уже подбивались клинья и под Косыгина. Он был освобожден от прежних постов и получил назначение на должность одного из министров[280]. Раньше он был близким человеком к

---

[274] *Волкогонов Д.* Указ. соч. С. 468.

[275] *Борев Ю.* Власти-мордасти. С. 169.

[276] *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 326.

[277] Там же. С. 474.

[278] Алексей Николаевич Косыгин // Наши кандидаты: [Кандидаты от Псковской области на выборах в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 года]. Псков, 1946. С. 16–17.

[279] Если быть точнее, сестра жены Косыгина была замужем за братом Кузнецова.

[280] Здесь вкралась неточность: никаких должностных понижений Косыгин не испытал и оставался как членом Политбюро ЦК, так и заместителем председателя и членом Бюро Совета министров (30 июля 1949 г. преобразовано в Президиум Совета министров), а то обстоятельство, что 28 декабря 1948 г. он перестал быть министром финансов и занял должность министра легкой промышленности, вполне укладывается в рабочие рамки (и более относится к опале министра финансов А. Г. Зверева, тем более что Косыгин и ранее был министром текстильной промышленности). Но что действительно свидетельствует об угрозе, нависшей над Косыгиным, так это фактическое временное отстранение его от присутствия на заседаниях Политбюро и

> Сталину, а тут вдруг все так обернулось и такое получилось сгущение красок в "показаниях" на Косыгина, что я и сейчас не могу объяснить, как он удержался и как Сталин не приказал арестовать его. Косыгина, наверное, даже допрашивали, и он писал объяснения. На него возводились нелепейшие обвинения, всякая чушь. Но Косыгин, как говорится, вытянул счастливый билет, и его миновала чаша сия»[281].

«Ленинградское дело», позволившее Маленкову и Берии освободиться от серьезных конкурентов в сталинском окружении, не только вычистило Ленинград и освободило аппарат руководства страны от многих ждановских выдвиженцев, но и лишило страну того человека, который, возможно, мог бы принести немало пользы, — Николая Вознесенского. Здесь мы согласимся с осторожным выводом Г. В. Костырченко, заключавшим, «что "ленинградская" политическая ветвь <...>, так безжалостно обрубленная с древа национальной государственности, могла бы в перспективе стать для страны весьма плодоносной»[282].

Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что «ленинградское дело» носило не только кулуарный характер, отражающий беспрецедентную межклановую борьбу в окружении Сталина, в которой диктатор сам был наблюдателем и судьей. Важно отметить, что «ленинградское дело» отражает борьбу двух внутриполитических направлений в послевоенной политике СССР и демонстрирует выбор, который сделал Сталин, вырезав ленинградцев. По сути, Сталин, принося в жертву одну из двух крупных групп своего окружения, делал не только и не столько личностный выбор, сколько выбирал между двумя перспективами развития СССР, которые для него ассоциировались с каждой из этих группировок[283].

Ленинградская группа и Н.А. Вознесенский как наиболее яркий ее представитель олицетворяли своей деятельностью не только наследие Жданова в области пропаганды и агитации, но и попытки изменений в вопросах партийного строительства (разработки новой программы партии с элементами либерализма); и если всякие партийные изменения были табуированы Сталиным, то в социальной политике послевоенных лет — главной заслуги ленинградцев — происходили робкие изменения к лучшему: государственное планирование с социальной направленностью, развитие легкой и текстильной промышленности, денежно-ценовая политика с ориентацией на рядовых граждан...

Что касается группы Маленкова–Берия, то Маленков был, по сути, заместителем Сталина по партии и постоянно представлял вождю доказательства своей исполнительности и понимания целей и принципов партийного строительства. В руках Берии же было сконцентрировано все то, что и ныне ассоциируется с системой власти, — так

Бюро Совмина, относящееся как раз к разгару следствия — лету 1949 г.; это доказывается тем, что, посетив Сталина в Кремле в числе других членов Политбюро 23 июня 1949 г., он в следующий раз был туда допущен только 29 августа (см.: Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Указ. изд. № 5/6. С. 56, 59); а на Бюро Совмина Косыгин заседал 23 июня 1949 г. и после большого перерыва возобновил свое участие в его работе 1 сентября (см.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 533, 535). Даже если допустить, что А. Н. Косыгин в этот промежуток времени брал отпуск, то он не мог быть столь продолжительным. А осенью 1949 г., когда состав обвиняемых авангарда «ленинградского дела» был определен, А. Н. Косыгин в качестве министра легкой промышленности к 70-летию Сталина выступил в печати с работой «Нашими успехами мы обязаны Великому Сталину» (М., 1949), суть которой отражена в заглавии.

[281] *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 35.

[282] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 289.

[283] См.: *Пыжиков А. В.* Ленинградская группа: Путь во власти (1946–1949) // Свободная мысль — XXI. М., 2001. № 3. С. 89–103.

называемые силовые ведомства и военно-промышленные организации, в числе которых — Спецкомитет по созданию атомной бомбы. Когда же 29 августа 1949 г. в Семипалатинской области Казахской ССР произошло успешное испытание первой советской атомной бомбы, то серьезное доверие Сталина к группе Маленкова–Берии кристаллизовалось. Л. П. Берия и И. В. Курчатов в том же году были пожалованы званием «Почетный гражданин СССР», оставшись первыми и последними обладателями такого титула.

Не зря арест Вознесенского последовал позднее других членов «антипартийной группы» — 26 октября 1949 г., когда авторитет Маленкова и Берии возрос в глазах Сталина до немыслимых ранее высот. Именно тогда, создав «свою» атомную бомбу, Сталин лишний раз убедился в эффективности созданной им репрессивной партийно-государственной машины — безошибочной «вертикали власти». Именно этот успех во многом предопределил столь трагический исход не только «ленинградского дела», но и всего направления советской послевоенной политики: создание вооружений, укрепление силовых ведомств и органов государственной безопасности как средств подавления внешнего и внутреннего «врага», идеи мирового господства и призрачного построения коммунизма.

Одним из последствий «ленинградского дела», важным в контексте нашего сюжета, явилось выкорчевывание сведений о его фигурантах, в результате чего чрезвычайно сильно пострадали документы, освещающие историю Ленинграда 40-х гг., включая блокаду. Было уничтожено огромное количество архивных документов не только политического, но и хозяйственного характера. Был закрыт Музей обороны Ленинграда, большая часть пленок в фонотеке Ленинградского радиокомитета была размагничена; 17 февраля 1950 г. бюро Ленинградского горкома ВКП(б) приняло секретное постановление «Об изъятии политически вредных книг и брошюр из библиотек Ленинграда», согласно которому книги о фигурантах дела (или же книги с их упоминанием или цитатами из их речей) изымались из библиотек[284]. Библиотеки союзного и республиканского подчинения, которые не могли уничтожать издания, переводили книги в спецхран; повсеместно были запрещены к выдаче читателям даже ленинградские газеты прошлых лет. В ГПБ была уничтожена созданная во время блокады и войны уникальная картотека (более 100 тыс. карточек), в которой были подробно расписаны не только отдельные ленинградские издания, но и газетные и журнальные статьи[285]. Память о тех, кто долгие годы стоял у руля, выкорчевывалась испытанными способами. Сведения о Ленинграде 40-х гг. сохранились полностью лишь в центральных ведомственных архивах — Министерства обороны и ФСБ, где они доступны лишь в малой степени.

Реабилитация жертв «ленинградского дела» началась сразу после смерти Сталина, еще до XX въезда КПСС: 30 апреля 1954 г. Военная коллегия Верховного суда СССР постановила приговор от 30 сентября 1950 г. относительно Вознесенского Н. А., Кузнецова А. А., Родионова М. И., Попкова П. С., Капустина Я. Ф., Лазутина П. Г. и остальных «по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело прекратить за отсутствием

[284] *Блюм А. В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003. С. 278.

[285] Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945: Дневники, воспоминания, письма, документы. СПб., 2005. С. 189–190.

в их действиях состава преступления и их реабилитировать»[286]. А 51-й, дополнительный том второго издания Большой советской энциклопедии, вышедший в 1958 г., уже включал статьи о «видном партийном и советском государственном деятеле» Н. А. Вознесенском и секретаре ЦК А. А. Кузнецове.

Важно упомянуть особо, что жернова «ленинградского дела» работали отнюдь не слепо, уничтожая политически или физически представителей и выдвиженцев Ленинградской парторганизации. Если в Ленинграде страдали не только партийные, но и государственные органы, профессора университета и так далее, то в Москве аресты по «ленинградскому делу», даже среди ближайших сотрудников А. А. Кузнецова и Н. А. Вознесенского, были из ряда вон выходящим событием. По-видимому, решившись уничтожить Н. А. Вознесенского, Сталин не дал Маленкову начать кровавое дело в Москве. Назовем в качестве примера двух очень близких к Н. А. Вознесенскому людей — известного экономиста К. В. Островитянова и заведующего секретариатом Госплана В. В. Колотова.

Член-корреспондент Академии наук СССР, директор Института экономики Академии наук Константин Васильевич Островитянов был ближайшим коллегой Н. А. Вознесенского, одновременно он заведовал кафедрой политэкономии экономического факультета МГУ. Хотя институт этот сохранял свое место в системе Академии наук СССР, но руководство его деятельностью лежало на Госплане СССР — т. е. на Н. А. Вознесенском[287]. Естественно, что с падением Вознесенского последовал удар по Институту экономики и лично по К. В. Островитянову. 15 июля 1949 г. Секретариат ЦК под председательством Г. М. Маленкова принял решение № 119 «Об Институте экономики Академии наук СССР»:

> «1. Отметить, что в Институте экономики Академии наук СССР имеют место крупные недостатки <...>.
>
> Дирекция Института в угоднических целях неправильно направляла работу Института, положив в основу исследований и статей, публикуемых в журнале "Вопросы экономики" по проблемам советской экономики, книгу Н. Вознесенского "Военная экономика СССР в период Отечественной Войны", подменяя этой книгой произведения классиков марксизма-ленинизма.
>
> 2. Госплан СССР неудовлетворительно руководит Институтом экономики...»[288]

Тогда же, летом 1949 г., в процессе реформирования структуры Президиума Академии наук, ЦК ВКП(б) учредил Секретариат Президиума Академии наук, назначив на должность Главного ученого секретаря Академии профессора А. В. Топчиева, бывшего заместителем министра высшего образования СССР. Но А. В. Топчиев был профессором, а по положению он все же должен был быть академиком. Этот вопрос решался просто: были объявлены промежуточные выборы, где вакансий было всего две: по химии — для

---

[286] «Ленинградское дело». С. 8.

[287] 18 сентября 1947 г. Политбюро ЦК приняло Постановление № 220 «Об Институте экономики и Институте мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР», которое гласило: «1. Объединить Институт экономики и Институт мирового хозяйства и мировой политики в единый Институт экономики, оставив его в системе Академии наук СССР. 2. Научно-организационное руководство институтом возложить на Госплан СССР. 3. Утвердить директором Института экономики тов. Островитянова К.В.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1504. Л. 68). Предварительно вопрос был решен 12 сентября на заседании Секретариата ЦК, проходившего под председательством А. А. Жданова (№ 319/418гс).

[288] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 446. Л. 29.

А. В. Топчиева — и по экономике — для исполняющего обязанности академика-секретаря Отделения экономики и права К. В. Островитянова. Было два кандидата на два места — предстояли самые малочисленные академические выборы. Естественно, что заранее, еще 13 апреля 1949 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальные постановления о принятии их на ближайшей сессии Академии наук в действительные члены[289].

Но над вторым кандидатом сгустились тучи:

> «В период подготовки к выборам академиков в стране возникла острая политическая ситуация — было вскрыто "ленинградское дело". Академика Н. А. Вознесенского вывели из состава Политбюро ЦК ВКП(б), освободили от должности председателя Госплана СССР, а затем и арестовали. К. В. Островитянов был близок с Н. А. Вознесенским, и, по-видимому, угроза нависла и над ним. За два дня до общих собраний двух отделений С. И. Вавилову позвонил секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков и сообщил, что по решению И. В. Сталина выборы отменяются. Легко было представить, каково было состояние А. В. Топчиева и особенно К. В. Островитянова. Однако для Александра Васильевича, как оказалось, еще не все было потеряно. Он долго обсуждал ситуацию с П. А. Борисовым (начальником Управления кадров АН СССР. — *П.Д.*), который затем пошел к С. И. Вавилову и уговорил позвонить по кремлевскому телефону Г. М. Маленкову, чтобы уточнить, распространяется ли запрет на избрание Александра Васильевича. В тот же день Маленков сообщил, что А. В. Топчиева можно избирать. Через день — 4 июня 1949 г. — состоялось Общее собрание Академии наук СССР»[290].

Как оказалось впоследствии, отстранение от академических выборов стало самым серьезным наказанием для К. В. Островитянова, а выборы А. В. Топчиева в Академию наук стали уникальным примером[291]. Окончательно тучи над К. В. Островитяновым рассеялись в 1952 г. — когда сразу после публикации в «Правде» статей Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» сам автор позвонил экономисту и спросил его мнение о прочитанном; на выборах 1953 г. Островитянов был избран академиком[292].

Еще одним, намного более близким к Н. А. Вознесенскому человеком был Василий Васильевич Колотов — выпускник Ленинградского промышленного института, затем сотрудник Госплана. С 1938 по 1939 гг. он заведовал Секретариатом председателя

---

[289] Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б), 1922–1952. С. 406–408.

[290] *Виноградов В. А.* Мой XX век: Воспоминания. М., 2005. С. 76.

[291] Профессор ЛГУ С. Э. Фриш в своих воспоминаниях касается некоторых подробностей этого академического мероприятия: «В 1949 году распоряжением свыше Топчиев был назначен на вновь учрежденную должность главного ученого секретаря Академии наук. В том же году Академия провела внеочередные выборы, на которых фигурировала одна кандидатура в академики — кандидатура Топчиева. Выборы чуть не сорвались: на общем собрании не хватало кворума. По решению президиума баллотировка все же началась. Счетная комиссия с урной в руках объехала квартиры отсутствующих академиков и набрала необходимый минимум голосов. С этого дня никто больше не должен был сомневаться, что Александр Васильевич Топчиев — выдающийся ученый» (*Фриш С.Э.* Указ. соч. С. 343).

[292] Г. В. Костырченко, приводя сведения о чистке Института экономики АН СССР в 1949 г. от евреев и о деятельном участии в этом процессе Д. Т. Шепилова, считает, что его отстранение от выборов было следствием кампании по борьбе с космополитизмом (*Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона. С. 257). Этот вывод, не учитывающий подоплеку в виде «ленинградского дела» (причем с указанием не о недопущении к выборам, а о том, что он был забаллотирован), свидетельствует еще и о том, насколько порой переплеталось «ленинградское дело» с антикосмополитической кампанией.

Госплана СССР, а с 1939 по 1949 г. — Секретариатом заместителя Председателя Совета министров СССР. То есть более десяти лет он оставался в служебном отношении едва ли не самым близким к Н. А. Вознесенскому, был в курсе большинства его дел, в том числе секретной переписки. Именно В. В. Колотов впоследствии стал автором единственной биографической книги о Н. А. Вознесенском, выдержавшей два издания.

Когда Н. А. Вознесенский был снят с государственных должностей, то его секретариат и заместители также потеряли свои места, но не были арестованы, не вызывались на допросы, и даже в связи с фактами пропажи в Госплане секретных документов для них не было сколько-нибудь серьезных последствий. В. В. Колотова перевели на работу в Главное управление по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли при Совете министров СССР на должность заместителя начальника планового отдела. Конечно, это было серьезное понижение, но он оставался в Москве и, главное, на свободе. Чтобы исключить всякие кривотолки, его было решено убрать из Москвы. Но В. В. Колотов, вполне осознавая происходящее, не робеет и 1 июля 1949 г. пишет письмо секретарю ЦК Г. М. Маленкову, с которым, несомненно, был знаком по службе, сделав вверху листа пометку «Личное»:

> «После освобождения меня т. Помазневым от работы в аппарате Совета Министров СССР я поступил на работу в Главное управление полиграфической промышленности в качестве зам[естителя] начальника планово-экономического отдела, где сейчас и работаю.
>
> Отдел плановых кадров ЦК ВКП(б) (т. Сазонов) не известно по какой причине рекомендует мне поехать на статистическую или плановую работу в одну из областей.
>
> Убедительно прошу Вас тов. Маленков дать мне возможность трудиться по своей специальности там, где я сейчас работаю.
>
> Я был бы счастлив т. Маленков, если бы вы смогли меня принять и выслушать»[293].

Маленков не стал с ним встречаться, поручив заведующему Планово-финансово-торговым отделом ЦК ВКП(б) С. В. Сазонову (который занимался в тот момент также и вопросом пропажи в Госплане секретных документов) еще раз переговорить с В. В. Колотовым. 5 июля 1949 г. С. В. Сазонов докладывал Секретарю ЦК П.К. Пономаренко, что «тов. Колотов вызывался в отдел ЦК ВКП(б) для беседы, согласия поехать на статистическую работу в область не дал»[294]. В результате 8 июля 1949 г. Секретариат ЦК, заседание которого проходило под председательством Г. М. Маленкова, все равно принял решение № 149: «Направить т. Колотова В.В. в распоряжение ЦСУ СССР для использования на работе в качестве заместителя начальника областного статистического управления»[295].

Таким образом, были примеры, когда даже не просто близкие, а вопиюще близкие к Н. А. Вознесенскому люди не были затронуты активными репрессивными мерами (причем В. В. Колотов еще и раздражал Г. М. Маленкова). То обстоятельство, что фигуры А. А. Кузнецова, Н. А. Вознесенского и, наконец, А. А. Вознесенского, находившихся к тому времени в Москве, удалялись без уничтожения окружения, довольно показательно для определения цели основного удара — именно Ленинграда как политического и даже географического образования. Даже можно сказать более определенно — Ленинград стал жертвенным городом ради низложения Н. А. Вознесенского и А. А. Кузнецова.

---

[293] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 455. Л. 37.

[294] Там же. Л. 35.

[295] Там же. Л. 30.

Также стоит отметить тот факт, что «ленинградское дело» практически не затронуло военных — в худшем случае их перевели в другие округа. Это легко объяснимо: деятельность Министерства Вооруженных сил СССР контролировалась Сталиным лично[296].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ «КОЛЫБЕЛИ РЕВОЛЮЦИИ»

О социально-экономической обстановке, сложившейся в блокадном и послевоенном Ленинграде, было хорошо известно руководству страны и лично Сталину. Ведь Ленинград имел не только ментальные особенности; ужасной была и экономическая,

[296] Сталин занимал пост министра вооруженных сил СССР до 1947 г.; 26 февраля Пленум ЦК постановил: «Удовлетворить просьбу тов. Сталина И. В. от освобождении его от обязанностей министра вооруженных сил СССР, ввиду перегруженности его работой» (см.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 45); 3 марта 1947 г. на этот пост был назначен заместитель министра вооруженных сил Н. А. Булганин. Когда же 7 марта 1949 г. от обязанностей одного из заместителей председателя и члена Бюро Совмина был освобожден Н. А. Вознесенский, то Сталин передал Н. А. Булганину, занимавшему в Совмине аналогичные посты, значительную часть его обязанностей, и 24 марта 1949 г. Политбюро приняло решение «1. Освободить заместителя Председателя Совета Министров СССР т. Булганина Н.А. от обязанностей Министра Вооруженных Сил СССР с переводом его в Бюро Совета Министров СССР на общегосударственную работу. 2. Назначить Министром Вооруженных Сил СССР Маршала Советского Союза т. Василевского А. М.» (Там же. С. 71). В тот же день Политбюро еще раз подтвердило контроль главы государства над военным ведомством: «Наблюдение за Министерством Вооруженных Сил поручить т. Сталину И. В.» (Там же. С. 72).

«Назначив Булганина, которого военные не уважали, министром Вооруженных Сил, Сталин достиг цели и стал вершителем судеб как настоящих командующих — таких, как Василевский, Жуков, Штеменко, Конев, Рокоссовский и Баграмян, — так и самого Булганина. Булганин никогда бы не взял ответственность за любое серьезное решение, даже входящее в его компетенцию...» (*Судоплатов А. П.* Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце. М., 1998. Кн. 2. С. 323).

Таким образом, вовлечение военных чинов в жерло «ленинградского дела» не было столь однозначным ходом. По-видимому, Сталин решил военных все-таки не трогать, хотя сперва предпосылки явно были: командовавший войсками ЛВО с 27 апреля 1946 г. (после Л. А. Говорова) генерал-полковник Д. Н. Гусев (1894–1957) 26 сентября 1949 г. был снят с должности, а на его место был назначен заместитель главнокомандующего Группой советских войск в Германии генерал-полковник А. А. Лучинский (1900–1990), командовавший войсками ЛВО до 1953 г. Сам же Д. Н. Гусев был направлен в Москву, на Высшие академические курсы при Академии Генерального штаба, что (как видно на примере А. А. Кузнецова и др.) не предвещало ничего хорошего; но арестован он не был и, благополучно окончив курсы, был в октябре 1950 г. направлен командовать войсками Восточно-Сибирского военного округа. Что же касается более высокопоставленных чинов, теснейшим образом связанных с А. А. Ждановым и А. А. Кузнецовым в годы войны, — Маршала Советского Союза, Главного инспектора Сухопутных войск и командующего ПВО Л. А. Говорова и начальника ГлавПУРа Вооруженных сил СССР генерал-полковника И. В. Шикина, то они не были потревожены вовсе.

О судьбе военного руководства города в контексте «ленинградского дела» имеется и такой отзыв: «...Все секретари обкомов, горкомов, райкомов, председатели советов всех звеньев были освобождены от должностей. Настоящие репрессии против военных руководителей еще только готовились. С ними обошлись по-иному. Значительная часть генералов и офицеров — ленинградцев (сняты были даже все военкомы города и области) отправились служить в дальние внутренние округа» (*Лурье В. М., Калёнов П. А.* Александр Александрович Лучинский / Командующие войсками Ленинградского военного округа // История Петербурга. СПб., 2004. № 4 (20). С. 92). Думается, что в сравнении с судьбами осужденных по «ленинградскому делу» переводы в другие военные округа вряд ли могут именоваться «репрессиями».

и криминогенная обстановка. Формирование такого неприглядного облика города Ленина, мерцающего ореолом до сегодняшнего дня, имело серьезные причины, ответственность за которые лежит на руководителях города и страны[297]. Несомненно, что городская обстановка оставила неизгладимый след на всех сторонах жизни Ленинграда.

После блокады город представлял собой удручающее зрелище, но еще больше оно усугубилось с окончанием военного времени и отменой многих жестких требований и нормативных актов военной поры:

> «Разрушения, транспортные и жилищные проблемы дополнялись отвратительным снабжением населения продовольствием, одеждой, обувью и медикаментами. Немалое число искалеченных людей, попрошаек и нищенствующих, как и затравленных беспризорников, теперь можно было постоянно наблюдать не только на вокзалах, но и на главных улицах Ленинграда. Грязь и антисанитария способствовали заметному увеличению числа инфекционных заболеваний горожан, сведения о которых тщательно скрывались властями»[298].

Уголовная преступность набирала обороты: в первом квартале 1946 г. было зафиксировано 8346 преступлений, из которых более половины составляли разнообразные кражи; входили в обыденность вооруженные грабежи, в городе действовали банды; на улицах города, особенно в темное время суток, было по-настоящему страшно: за тот же период задержано более 4,5 тыс. уличных хулиганов, причем большая часть была вооружена холодным оружием; росли и активизировались банды беспризорных и безнадзорных подростков: с октября 1945 по март 1946 г. в Ленинграде было задержано 42 356 подростков, из которых 11% уже имели криминальный опыт; по сравнению с довоенным временем заметно возросло число изнасилований и самоубийств[299]. Официальное число беспризорных детей, зарегистрированное в Ленинграде органами прокуратуры во втором полугодии 1946 г., было рекордным для страны — 3042 человека[300].

> «Но особенно зловещими в послевоенном городе выглядели факты убийств людей с целью употребления их в пищу. <...> Анализ архивных уголовных дел арестованных по обвинению по ст. 19-59-3 УК РСФСР (особый вид преступлений) за этот период показал, что людоедство и трупоедство в Ленинграде было массовым явлением. Только с октября 1941 по февраль 1943 г. в городе было арестовано 1979 чел., совершивших эти преступления. Продолжалось людоедство и в 1946–1947 гг.»[301].

---

[297] В силу специфики вопроса и нынешней позиции государства важнейшие архивные источники НКВД и МГБ (а именно они могут показать фактическую, а не эмоциональную сторону дела) закрыты для абсолютного большинства исследователей. В связи с такой ситуацией большое значение приобретают печатные работы Виктора Александровича Иванова (род. 1952, доктора исторических наук (1998), полковника милиции, в 1991–2008 гг. начальника кафедры истории Санкт-Петербургского университета МВД России, с 2008 г. профессора кафедры новейшей истории России СПбГУ), имевшего в 1990-х гг. доступ к архивным материалам и сумевшего их частично опубликовать; к сожалению, некоторые из его работ недоступны, поскольку изданы под грифом.

[298] *Иванов В.А.* «Скорпионы»: Коррупция в послевоенном Ленинграде: (Операция органов госбезопасности по ликвидации организованной группы преступников в январе 1946 года) // Политический сыск в России: История и современность. СПб., 1997. С. 238.

[299] Там же. С. 238–241.

[300] *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 119.

[301] *Иванов В.А.* «Скорпионы». С. 240.

Стоит отметить, что после войны людоедство встречалось и во многих других районах страны, в том числе на Украине и в Молдавии[302].

Если людоедство в военном Ленинграде было следствием голода в блокаду и недоедания, то людоедство 1947 г. было вызвано масштабным голодом 1946—1947 гг., причем здесь Ленинград не выделялся на фоне остальных регионов СССР: «Исчезновение людей, особенно детей и подростков было зарегистрировано в 1947 г. в Воронежской, Курской, Ленинградской и других областях»[303].

> «Послевоенный Ленинград стал другим городом. Печать деградации и нравственного опустошения, еще мало заметная в конце 20-х годов, особенно заявила о себе в середине 40-х»[304].

В уже послевоенном Ленинграде люди продолжали пухнуть от голода и умирать от истощения; и даже в 1946 г. современники писали в своих письмах из Ленинграда:

> «Народ голодует, а это все ведет к преступности. Кражи пошли невыносимые. Даже с рук отнимают днем, особенно у детей и старых. <...> Народ стонет от голода и безработицы. Народ пухнет, смертность с каждым днем растет от голода...»[305]

А один из пленных немцев, умерший в Ленинграде в марте 1946 г. от истощения, писал незадолго до кончины: «Петербург разорен. Всюду следы нищеты и бедности <...> неприятно видеть нищих подростков. Люди озлоблены, мрачны...»[306]

Обнажившаяся в послевоенное время ситуация была прямым следствием не только военных тягот, но и социальной политики советского правительства. Блокада Ленинграда оказалась уникальным в своем роде экспериментом во всей советской истории, проводившимся руководством страны над собственным народом в отдельно взятом городе. И именно блокада с поразительной очевидностью продемонстрировала несостоятельность этого самого руководства.

Указанные выше 1979 арестов по случаям людоедства в период с октября 1941 по февраль 1943 г. — это только зафиксированные факты, по которым производилось следствие, вершина айсберга, причем «в подавляющем большинстве задержание преступников осуществлялось гражданами, ведущими самостоятельно розыск пропавших родственников»[307], а отнюдь не в результате работы милиции. Причем этим «особым видом преступности были подвержены все районы города и пригороды Ленинграда»[308]. То есть людоедство (не говоря уже о трупоедстве) было массовым явлением.

Основа для таких явлений, как и для их последствий середины – второй половины 40-х гг., была заложена еще задолго до начала войны. (Здесь еще раз скажем, что город Ленина, как часть большой Страны Советов, отражая сущность всего государства, в условиях войны и блокады лишь более отчетливо и жестоко показал его проблемные и темные стороны.) Как ни удивительно, но Ленинград столкнулся с проблемой нехватки продовольствия отнюдь не с началом блокады, даже не с началом войны, а много раньше:

> «Еще в середине 30-х годов невозможно было приобрести хорошую кожаную обувь, верхнюю одежду, белье, домашнюю утварь и многое другое. <...> Вместе с этим на

[302] *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 11.
[303] *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 85.
[304] *Иванов В.А.* «Скорпионы». С. 240.
[305] Там же.
[306] Там же. С. 241.
[307] *Иванов В.А.* Миссия Ордена. С. 271.
[308] Там же.

большинстве баз и перерабатывающих участках залеживались и гнили сырье и полуфабрикаты. Только весной 1936 г. на сырьевой базе Ленхлоппрома под дождем полностью испортилось 10,5 тыс. тюков хлопка, а в городских мясокомбинатах и магазинах пропали тысячи тонн мяса, рыбы, масла и табака.

В продуктах питания была особенно острая потребность. Между тем, только за июль в городскую канализацию было спущено свыше 70 тонн соленых помидор и вывезено на свалку свыше 60 тонн тушек гусей с окислившимся жиром. С апреля 1937 г. в г. Ленинграде и области по нормам, установленным властями, в одни руки отпускались не более 4 кг муки на месяц. Да и те выкупить было достаточно проблематично. <...>

В условиях бесхозяйственности и некомпетентности властей пышно расцвели на Северо-Западе России должностные преступления, хищения государственной собственности и растраты. Особенно массовый характер они приняли в системе ОРСов — территориальных снабженческих организаций»[309].

Таким образом, уже к концу 1930-х гг. в Ленинграде произошел резкий всплеск уголовной преступности, коррупции в среде чиновников различных государственных учреждений; подобные проблемы поразили и население: «отличительной особенностью этого времени являлось массовое участие граждан региона в мелких спекуляциях и хищениях»[310].

«Партийное, советское и военное руководство Ленинграда знало, что даже накануне войны в Ленинграде отсутствовал полноценный стратегический запас провианта, энергоносителей и медикаментов. В апреле 1939 года начальник УНКВД по Ленинграду и Ленинградской области докладывал в Смольный о состоянии неприкосновенных и мобилизационных запасов, констатируя категорическое невыполнение плана укомплектования этих фондов; параллельно управление по гос. резервам информировало об этом Москву, причем только по хлебо-фуражу областные базы имели недозаклад от 20 до 50%. <...>

Тяжелое положение с провиантом отмечалось с самого начала финской кампании: по сведениям УНКВД, очереди в ленинградские булочные и молочные магазины зачастую насчитывали от 400 до 2000 человек; реакция Москвы последовала 21 января 1940 года: Л.П. Берия распорядился "организовать борьбу с очередями за продовольственными товарами в Ленинграде"»[311].

Но борьба с очередями не означала насыщения рынка продуктами — очереди просто разгонялись милицией. Этот пример характерен для той помощи, которую Ленинград, как и остальные регионы, получал от сталинского руководства. На основании многочисленных источников можно увидеть, что такие закономерности — требование беспрекословного выполнения плана по сдаче продукции и полное равнодушие в ответ на мольбы о помощи в социальной сфере — были характерной чертой сталинского руководства[312].

Еще до начала войны — последний раз в начале июня 1941 г. — УНКВД систематически докладывало в Смольный о возросшем увеличении числа беспризорников,

---

309 *Иванов В.А.* Миссия Ордена. С. 155.

310 Там же. С. 154.

311 Там же. С. 266.

312 О тщетности подавляющего большинства просьб о продовольственной помощи или снижении плана сдачи продукции подробно описано в работе о послевоенном голоде: *Зима В.Ф.* Указ. соч.

нищих и попрошаек. «Многие горожане и гости города могли ежедневно наблюдать, например, у церкви на площади Коммунаров толпы (от 200 до 300 чел.) нищих, а у кинотеатра “Рот фронт” безнадзорников, избивающих детей, посещающих кино, и обворовывающих их»[313].

Таким образом, еще до блокады в городе (как, собственно говоря, и в стране) создалось недопустимое положение с обеспечением населения продовольствием, одеждой, товарами народного потребления. Выросшая на этой почве коррупция управленцев всех уровней доводит до полноты картину предвоенного Ленинграда.

С началом войны недостаток продуктов усугубила паника, которая проникала всюду. Ленинградский фронт лихорадило, в начале сентября сдача в плен и переход на сторону врага обрели массовый характер. Только за пять месяцев войны карательными органами НКВД РККА на Ленинградском фронте было задержано свыше 87 тыс. солдат и офицеров, дезертировавших с передовых; из них арестовано было лишь около 2 тыс., а 85,5 тыс. были отправлены снова на фронт; 1569 человек было расстреляно[314]. (Всего до конца войны особыми органами Ленинградского фронта было задержано свыше 203 тыс. дезертиров[315].)

Прибывшая в конце августа 1941 г. «кризисная комиссия» уполномоченных ГКО во главе с Молотовым заботилась не столько об эвакуации населения, сколько об эвакуации промышленных предприятий и минировании города и кораблей КБФ на случай сдачи. Уполномоченные ГКО Молотов, Маленков, Косыгин и Жданов испрашивали 29 августа по спецсвязи личного разрешения Сталина на эвакуацию из Ленинградской области немцев и финнов общим числом 96 тыс. человек (успели вывезти только часть, а к остальным, кто выжил, вернулись в марте 1942 г.); курировал эту операцию А. Н. Косыгин[316].

Эвакуация городского населения началась массово в июле 1941 г. О. М. Фрейденберг описывает в дневнике этот момент:

> «В условиях нараставшей опасности и тревоги, наши головотяпы из Ленсовета “организовали” эвакуацию детей. Десятки тысяч детей, эшелон за эшелоном, отправлялись со школами, с жактами (объединениями домов), с детскими домами и учреждениями. Это было поветрие. Детей массами отправляли, отрывая от матерей, и пустели дома и улицы. Вскоре выяснился характер этой эвакуации. Он определялся полной дезорганизацией и злостным головотяпством. Расквартирование не было подготовлено. Детей поселяли в грязных крестьянских избах, в деревнях тех местностей, которыми немец шел на Ленинград; уже в пути начинались массовые детские заболевания. Сотни детей погибли. Одни навсегда потеряли родителей, другие умерли от болезней и недосмотра. Те, что могли, стали слать домой отчаянные письма; и опять, за отсутствием открытой правды, начали ползти за окнами слухи. Пошло обратное течение: массово стали матери догонять и отбирать своих детей, и вновь дома и улицы наполнились маленькими обитателями»[317].

Слова университетского профессора хотя и эмоциональны, но вполне отражают истинную картину. Подтверждение ее слов нашлось в докладе И. М. Аншелеса, который в годы войны руководил противоэпидемическим отделом Ленгорздрава:

---

[313] *Иванов В. А.* Миссия Ордена. С. 267.

[314] Там же. С. 246.

[315] *Иванов В. А.* Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. С. 46.

[316] *Иванов В. А.* Миссия Ордена. С. 257.

[317] *Фрейденберг О. М.* Осада человека. С. 10–11.

«С первых же дней военных действий было приступлено к эвакуации из Ленинграда детских контингентов. Следует признать, что избранные маршруты и санитарное обеспечение в пути следования, а также из пунктов назначения не были достаточно продуманы. Естественно, что допущенные дефекты не могли не сказаться отрицательно прежде всего на возникновении среди детей инфекционных заболеваний в пунктах назначения. Речь идет главным образом о вспышках там дизентерии, скарлатины и дифтерии.

По ходу оперативной обстановки, с приближением фронта к Ленинграду потребовалось произвести частично реэвакуацию детей в Ленинград из западных районов Ленобласти. Реэвакуацию пришлось выполнять в тяжелых условиях. Были случаи отсутствия должной изоляции во время перевозок заболевших от здоровых детей. Поэтому август 1941 г. оказался довольно неблагополучным в Ленинграде по капельным инфекциям, особенно скарлатине. В этот период начался поворот к росту летальности, пока только по скарлатине и дифтерии, что вполне объясняется теми тяжелыми условиями, в которые попадали дети при транспортировке»[318].

Несмотря на сдержанно-строгий тон этого доклада, совершенно очевидны тяжелые условия, в которые попали дети по вине городского руководства, а уж эвакуация в западные районы области более чем ярко характеризует уровень понимания обстановки штабом Ленинградского фронта.

Пожар на Бадаевских продовольственных складах, произошедший 8 сентября 1941 г., не был в действительности столь ужасным в масштабах городского хозяйства, но он был зловеще симптоматичен: с едой становилось все хуже. А ведь только в августе месяце в Смольный поступило два донесения — из пожарного надзора и УНКВД, — в которых обращалось внимание на вопиющие нарушения пожарной безопасности на Бадаевских складах и требование немедленного их устранения[319]. Кроме частично отсутствовавших там приспособлений для пожаротушения, в момент пожара оказалось, что

«люди из пожарной команды, переведенные на казарменное положение, не оказавшиеся во время пожара в городе, покупали себе еду, так как столовая складов была закрыта. Воздушная тревога застала их в городе и прибыть к месту своей работы, не имея специальных пропусков, своевременно они так и не смогли»[320].

Кроме того, задолго до этого УНКВД требовало от городских властей рассредоточить запасы на более мелких складах и предприятиях. Огонь уничтожил около 5 тыс. т сахара, 18,5 т ржи, 45,5 т гороха, около 300 т растительного масла, 2 т муки. Причем арестованная на следующий день дирекция складов уже 14 сентября была приговорена военным трибуналом, но не к высшей мере, как поступали с вредителями и террористами, а к 10 годам исправительно-трудовых лагерей: их осудили за халатность; в Смольном вообще никого не тронули[321].

Решение отстаивать город, стоившее жизни сотням тысяч человек, только впоследствии, когда невозможно было повернуть историю вспять, стало восприниматься как подвиг:

---

[318] *Аншелес И.М.* Эпидемиологическая характеристика Ленинграда за год Отечественной войны // Работы ленинградских врачей за год Отечественной войны. Л., 1943. Вып. III. С. 81.

[319] *Иванов В.А.* Миссия Ордена. С. 267.

[320] Там же. С. 268.

[321] Там же. С. 268–269.

«Часто приходило в голову: кто безжалостней, — те ли, что заперли живых людей в ящик смерти, или те, что стреляли и убивали? Гонконг сдали из-за нехватки воды[322]; сдавали города и области, когда кончались запасы продовольствия, когда обстрелы стреляли беспрерывно по городам. Был целый ряд таких случаев у англичан и американцев. Но у нас! Никакие муки живых людей, ни убийства, ни голод — ничто никогда не побудило наши власти к сдаче города, или к каким-либо переговорам, соглашеньям, к подаче какой-либо помощи жертвам. Здесь действовал обычный закон истаптыванья человека. Он именовался отвагой, доблестью, геройством осажденных, добровольно-де отдавших жизнь "отчизне"»[323], — писала О. М. Фрейденберг.

Некоторые распоряжения городского руководства, согласно ее же воспоминаниям, были особенно нелепы и в результате стоили многим жизни:

«Было издано новое распоряжение: чтобы предохранить стекла от бомб, снять вторые рамы в квартирах, на лестницах и в учреждениях, а также не замазывать окон. Все кинулись снимать вторые рамы. На лестницах, в учреждениях, в квартирах стоял жестокий холод. Топлива в городе не было. Я казалась чудачкой, потому что не вынимала рам и решилась на обычную заклейку окон. Но в квартире под нами, где жильцы эвакуировались, гулял ветер»[324].

«С декабря пошло двойное усиленье: морозов и голода. Такой ледяной зимы еще никогда не было. Город не имел топлива. Ни дрова, ни керосин не выдавались; электроплитки были запрещены и контролировались лимитами. Ожидалось какое-то улучшенье; ходили слухи о громадном подвозе продуктов день и ночь, о транспортных самолетах. Нормы все уменьшались. Большинство населения получало на целый день 125 гр. хлеба. Уже давно, впрочем, это был не хлеб. Подозрительное полумокрое месиво состояло из дуранды (т. е. жмыха. — *П.Д.*) и всяких пустых суррогатов, пропитанных изнутри отголосками керосина. Чем меньше было хлеба, тем больше очереди. На морозе 25–30° истощенные люди стояли часами, чтоб получить свой убогий паек. Дезорганизация и недобросовестность подрывали эту скудную выдачу. <...> Завмаги и продавцы были воры и казнокрады. Девки в кооперативах, с беретами набоку и с клоками завитых грязных буклей, были по-извозчичьи грубы; они обвешивали, обкрадывали голодного. Убийственная медлительность, работа спустя рукава, неразбериха, блат, нарушение элементарной законности, грубость <...>. Голодный гражданин был мухой в паутине, а паутину создавала сама система моральной грязи или, что то же, презренье к человеку и уничтоженье человеческой личности.

Уже в декабре люди стали пухнуть и отекать с голода. Хлебали суп из столовых (воду с крупинками), ели соевую кашу, пили целыми днями кипяток, именуемый чаем; пили, чтоб согреться, пили, чтоб наполнить чем-то желудок, пили и отекали. <...>

Бодро, с огромными радостными ожиданьями мы вступили в январь. Кто мог знать, гадалка или пророк, какие страшные нечеловеческие бедствия готовила нам история?

---

[322] Речь идет о блокаде английской крепости Гонконг японцами в 1941 г. — 8 декабря началась блокада крепости с моря и суши, сопровождаемая ударами авиации и продвижением японских частей; 21-го числа японцами были захвачены господствующие высоты и водохранилища. 25 декабря губернатор Гонконга согласился на капитуляцию «после доклада командиров о том, что дальнейшее сопротивление невозможно», и крепость была занята японцами. См.: *Исаков И. С.* Приморские крепости // *Исаков И.С.* Избранные труды: Океанология, география и военная история. М., 1984. С. 285.

[323] *Фрейденберг О. М.* Осада человека. С. 14.

[324] Там же.

Чисто античный рок повис над этой антитезой надежд и действительности, обещаний и их выполнения... Каким трагическим шутом гороховым показал себя в эти исторические дни Попков, эта эмблема нашей жизни!»[325]

Норма по 125 г хлеба (по карточкам 2-й и 3-й категории — служащим и иждивенцам) была введена с 19 ноября 1941 г., но уже до ее введения начались голодные смерти, по рабочей карточке выдавалось 250 г хлеба в день; других продуктов, кроме хлеба, до конца декабря не выдавалось вовсе.

Побывавший в блокадном Ленинграде К. А. Федин писал:

«Я рассматривал сухие колонки цифр, и сердце мое томилось болью за человека, его страдания, скрытые этими цифрами.

Вот состав хлеба, который выдавался в зиму 1941–42 года жителям Ленинграда в количестве 125 грамм в день на человека: дефектная ржаная мука — 50%, солод и жмыха — по 10%, соевая мука, обойная пыль, отруби — по 5%, целлюлоза — 15%. Вот меню крупнейших столовых города: суп дрожжевой, содержащий в одной порции на человека дрожжей 50 грамм, картофеля 7 грамм, соли 5 грамм; суп из альбумина, содержащий в порции на человека альбумина — 10 грамм, соли — 5 грамм, лаврового листа — 4 грамма.

По данным Главного управления Ленинградских столовых Народного Комиссариата торговли, общий вес всех продуктов, отпускавшихся столовыми на едока в течение месяца, равнялся в январе 1942 года — 920 граммам. Сюда входили жиры, мясо, крупы, кондитерские изделия. Это был худший месяц блокады. С февраля норма была удвоена, то есть доведена до 60 грамм в день. Среди заменителей продуктов в то время фигурировали мука из кокосовой и хлопковой жмыхи, желатин, корьевая мука, столярный клей.

Человек, питавшийся такими продуктами, в таких рационах, на протяжении такого длительного времени, человек, живший без топлива, в неслыханные даже у нас, в России, морозы, продолжал трудиться, обстреливаемый беспрерывным артиллерийским огнем врага»[326].

«Начались, — писала О. М. Фрейденберг, — повальные смерти. Никакая эпидемия, никакие бомбы и снаряды немцев не могли убить столько людей. Люди шли и падали, стояли и валились. Улицы были усеяны трупами. В аптеках, в подворотнях, в подъездах, на порогах лестниц и входов лежали трупы. Они лежали там, потому что их подбрасывали, как когда-то новорожденных. Дворники к утру выметали их словно мусор. Давно забыли о похоронах, о могилах, о гробах. Это было наводнение смерти, с которым уже не могли справиться. Больницы были забиты тысячными горами умерших, синих, тощих, страшных. По улицам молчаливо тащили на санках покойников. Их зашивали в тряпки или так просто накрывали, и все они были длинные, какие-то высохшие, как скелеты. Эти покойники, валявшиеся на снегу и влекомые на санях, были самым массовым явлением, бытовым.

А еды не выдавали и не выдавали. Была введена перерегистрация карточек, чтоб живые не могли пользоваться карточками умерших. Пустые бумажки, не имевшие реальной значимости, требовали большой возни. К концу месяца, за счет покойников, прибавили толику дурандового мокрого хлеба.

---

[325] *Фрейденберг О. М.* Осада человека. С. 15–16, 18.

[326] *Федин К. А.* Во времена блокады / Свидание с Ленинградом // Новый мир. М., 1944. № 4/5. С. 45.

Все население страдало запорами и разными желудочными заболеваниями. Желудок не варил, потому что, говорили врачи, он и кишечник не имели работы. Хлеб был так ужасен, что выходил в испражнениях непереваренными крупинками, как крупная манная, и целыми кучками той самой структуры, которая у него была до пищеваренья, с соломой, отсевами, месивом, — словом, это был хлеб, но не экскременты. Ели бадаевскую землю (где горели склады)[327], суп из клея, ели кошек и собак (многие наши преподаватели). На моих глазах <...> ели, употребляя взамен муки, порошок для травли клопов. Знаю совершенно достоверно, из нескольких источников, об еде человеческих трупов; одна ассистентка в анатомическом кабинете вырезывала у покойников печенку и куски мяса, которые меняла на хлеб; на рынке подсовывали студни из человеческого тела. Об этом говорили с ужасом, бледнея и содрогаясь, но я не испытывала ничего страшного. Подумаешь, резать и продавать трупы! Насколько ужаснее была наша реальность, наше русское мучительство живого человека, наши НКВД, ежовщины, моральные скальпели и ножи»[328].

О людоедстве писал в своем блокадном дневнике Н. П. Горшков — бухгалтер Института легкой промышленности, арестованный органами НКГБ 26 декабря 1945 г. за антисоветскую агитацию; дневник был приобщен к делу как несомненное доказательство его вины:

«...Упорный слух о случаях людоедства на почве голода. Говорят, что на рынках из-под полы продают подозрительный студень, сваренный, как полагают, из... Б-р-р-р.

<...> Заметил верхнюю часть трупа женщины, отрубленная голова лежала отдельно на расстоянии около 1 метра. Нижняя часть туловища от талии на месте преступления не находилась и была, видимо, увезена. Остатки трупа без одежды, лоскутки которой и обрывки были разбросаны рядом. По местам разруба было видно, что труп был разрублен в замороженном уже виде, т. к. внутренности не выпали и были заметны следы топора»[329].

«Сегодня сослуживец <...> в уголовном розыске видел двенадцать человек арестованных женщин, пойманных с поличным и обвиненных в людоедстве. Все они не отрицают обвинения, из-за голода они не могли справиться даже с отвращением. Одна женщина говорила, что когда ее муж, умирая, потерял сознание, то она отрезала ему часть тела от ноги, чтобы сделать варево и накормить голодных детей, тоже умиравших, и себя, уже совершенно отчаявшуюся и обессиленную. Другая говорила, что она отрезала часть от трупа на улице, замерзшего от голода, но за ней следили и поймали на месте преступления. Женщины среднего возраста, около 30 лет. Малокультурные, грубые. Сознавая свою вину, плачут и сокрушаются, уверенные, что их приговорят к расстрелу. Все это слишком ужасно.

Сегодня говорили о многих случаях кражи продуктовых и хлебных карточек у женщин и, в особенности, у малолетних, посланных матерями в булочную или магазин.

---

[327] Об этом же упоминается в дневнике сотрудницы ГПБ М. В. Машковой: «...Горели знаменитые Бадаевские склады. Этот пожар дорого обошелся ленинградцам, которые потом за безумные деньги приобретали метр за метром, покупали землю, пропитанную сахаром и патокой, и ели ее, приготовляя изысканные вещи. Я с наслаждением ела <...> желе, приготовленное из земли. <...> Приготовление подобных блюд очень сложное, требуется сложная лабораторная работа, а главное, терпение и терпение» (*Машкова М. В.* Из блокадных записей // Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945: Дневники, воспоминания, письма, документы. СПб., 2005. С. 47. Запись от 21 апреля 1942 г.).

[328] *Фрейденберг О. М.* Осада человека. С. 20–21.

[329] Блокадные дневники и документы / Архив Большого Дома. 2-е изд., доп. и испр. СПб., 2007. С. 62. Дневник Н. П. Горшкова. Запись от 24 января 1942 г.

Воруют из карманов и сумочек, но более просто вырывают из рук <...>. О случаях людоедства и бандитизма в городе говорят уже открыто, без стеснения»[330].

Поскольку еще с 25 августа 1941 г. было запрещено пребывание на улице без пропуска с 10 часов вечера до 5 часов утра, то самым распространенным способом охоты на людей стали «хлебные ловушки» — людоеды зазывали на свой адрес объявлениями об обмене имущества на хлеб и продукты. Самыми доступными жертвами оказывались дети, которых заманивали под различными предлогами в квартиры, убивали и съедали; нередким явлением было употребление в пищу и собственных детей. Симптоматично, что обычно люди делали это от голода, лишь в редких случаях человеческое мясо «добывали» для заработка — варили и меняли или продавали на рынке под видом конины[331].

Васильевский остров так и называли «Остров людоедов», а один из ленинградских профессоров-филологов оказался невольно участником дела о людоедстве. Речь идет о Г. А. Гуковском:

> «Эвакуируясь, он оставил в Ленинграде доверенное лицо — почтенную старушку, которую Ольга [Берггольц] по доброте своей поддерживала и намеревалась взять в домработницы»[332]. Так вот, оставаясь во время блокады в квартире Гуковского в деревянном домике на 23-й линии, эта «старушонка Гуковского съела своего 3-х летнего племянника (получила 16 лет после суда)»[333].

Животных не было уже осенью. Профессор Ленинградского мединститута имени Павлова академик И. Д. Страшун констатировал: «Осенью 1941 г. исчезли подопытные животные, так как для них не хватало пищи»[334]. К февралю 1942 г. в городе были съедены почти все животные:

> «...Ее муж <...> нашел во дворе замерзшую дохлую кошку, которую он принес домой и приготовил в пищу себе и жене. Через несколько дней ему удалось найти такую же кошку, они ее тоже съели после соответствующей обработки и приготовления. Таких случаев в городе, конечно, бесчисленное множество, т. к. голод заставляет обратить в пищу всех собак и кошек, и голубей, и в городе их сейчас почти нигде не встретишь, даже породистых, т. к. их нечем кормить»[335].

Учитель географии А. И. Винокуров, арестованный за антисоветскую агитацию и расстрелянный 19 марта 1943 г. в Ленинграде, писал 28 января 1942 г.:

> «Большую часть дня стоял в очереди за хлебом. Какая-то женщина, стоя в очереди, уверяла своих соседок, что из столярного клея получается чудесное заливное. Клей в большом количестве употребляют в пищу, на рынках его продают по 40 рублей за плитку весом около 100 г»[336].

---

[330] Блокадные дневники и документы С. 68. Дневник Н. П. Горшкова. Запись от 24 февраля 1942 г.

[331] Подробнее о людоедстве в Ленинграде см.: *Иванов В. А.* Миссия Ордена. С. 269–274.

[332] *Машкова М. В.* Указ. соч. С. 66. Запись от 11 марта 1943 г.

[333] Там же. С. 77. Запись от 28 марта 1943 г.

[334] *Страшун И. Д.* Вместо предисловия: (Научная работа I ЛМИ им. акад. Павлова за 2 года Отечественной войны) // Алиментарная дистрофия и авитаминозы: Научные наблюдения за два года Отечественной войны. Л., 1944. С. 4.

[335] Блокадные дневники и документы. С. 71. Дневник Н. П. Горшкова. Запись от 12 февраля 1942 г.

[336] Там же. С. 223. Дневник А. И. Винокурова. Запись от 6 февраля 1942 г.

«Около Петропавловской больницы видел три голых трупа. Они упали из автомобиля — грузовика, перевозящего трупы из покойницкой на кладбище, и валяются на улице целый день (никто ими не интересуется). Только изредка какая-нибудь любознательная женщина, остановясь на минуту и глядя на вздутые сине-зеленые животы, выразит сожаление жертвам неслыханной, бессмысленной жестокости, происходящей на наших глазах»[337].

Приведем еще фрагмент записей О. М. Фрейденберг:

«...Говорили не о бомбах и разрушенных домах, а исключительно о смертях и сиротах. Встречаясь, передавали последние новости, последние имена. Ни о чем другом не говорили.

Осталась масса несчастных детей. В нашем доме пустела квартира за квартирой. Над нами умерла дама, ее мать, ее сын-летчик; рядом умер здоровенный молодой мужик и его четверо детей. Почти все мужья умирали первыми. Потом шли прислуги, тетки, матери, бабушки. Умирали поколениями, пластами. И бедных детей забирали в детские дома, а имущество грабили соседи. Трупы стаскивали прямо за ноги на санки, а там отвозили в районные морги, где их тысячами наваливали на грузовики и сбрасывали горой на кладбище. Это были похороны, это была жизнь и смерть, подобно тем, в далекой ссылке, наших родных, жертв тайной полиции. <...>

Трамваев не было (они встали 8 декабря 1941 года. — *П. Д.*), света не было, звонков не было. Телефон был выключен. Голод и страшный мороз парализовали жизнь.

Замерзли трубы, остановилась вода, прекратился отлив и канализация. Выбыли из строя уборные. Стала вся живая жизнь. Газеты не вывешивались и не разносились. Стали аптеки. Прекратились службы. Перестали работать почта и телеграф. Замолчало радио.

Люди не раздевались ночью из-за холода, не мылись из-за отсутствия воды. Запертые в самых маленьких комнатах, где жили разные знакомые и родные (которые не могли жить у себя в разоренных, разбитых квартирах), они утопали в копоти коптилок, дыму буржуек; в грязных ватниках и валенках, с выпачканным лицом и черными пальцами, они на паркете рубили и кололи доски, заборы, мебель, щепки; стук раздавался целый день, — буржуйки требовали подтопки; в мисках стояла грязная вода, в которой наспех мыли руки все поколения комнаты. Резкий, удушливый запах шел с лестницы и обратно в лестницу. Двор, пол, улица, снег, площадь — все было залито желтой вонючей жижей»[338].

В начале февраля перестала подаваться вода. Ее отсутствие было особенно тягостно:

«...Воды в доме нет совсем, даже в нижних этажах, и не только у нас, но везде. Я пришла домой в безотрадном раздумьи. Вот он, предел. Впервые у меня по-настоящему опустились руки...

В тот же день я увидела, что люди несут по улицам ведра с водой. Оказалось, ее черпали прямо на улице, угол Садовой и Гороховой! Этакую даль? Да, ближе не было.

Я взяла большой чайник, который мы называли бурмилой, и пошла. Десяток домов до угла, потом через мост, потом всю Гороховую до Садовой. Смотрю: картина во вкусе описания какого-нибудь Котошихина или Олеария. Прямо на улице выкопан ров, во рву пущена с пожарного шланга вода, — грязная, земляная. Сотни людей с санками, с кадками, чайниками, кастрюлями, ведрами. На коленях, на корточках, среди криков и

---

[337] Там же. С. 224. Дневник А. И. Винокурова. Запись от 6 февраля 1942 г.

[338] *Фрейденберг О. М.* Осада человека. С. 23–24.

гула, толкая и обливая друг друга, женщины и дети, мужики и старухи загребали грязными сосудами земляную воду. Вокруг образовалось скользкое поле мокрого льда. <...> Все было соединено с риском на этом ледяном поле. Можно было упасть, низко нагибаясь за водой. Можно было переломать ноги на мокром льду. Случайно одна знакомая девушка зачерпнула мне воды. <...>

Я думала: слава Богу, что воды нет нигде, что с таким трудом ее добывают; значит, это дело 1–2 дней, — не будет же город без воды!

Увы, я была наивна. Я думала, что существуют границы цинизма, что даже у Попковых есть известное приличие. Я пишу это 20 мая, а город все еще без воды и отлива!

Вскоре на санках стали возить не одних покойников, но и воду. Возили ее с Невы, с Мойки, за тридевять земель. С непосильной ношей, с полными ведрами, голодные люди брели в жестокий мороз, брели и останавливались и снова брели. Сейчас же стали спекулировать водой, продавая ведро за 5 руб. и дороже. Целыми днями возили на санках ведра с водой, чайники, жбаны. Это была обычная уличная картина»[339].

Самым частым медицинским диагнозом в блокадном Ленинграде была алиментарная дистрофия, или, как ее тогда называли, «ленинградская болезнь» — «патологическое состояние или, вернее, патологический процесс, обусловленный количественным и качественным недостатком питания»[340].

Невольно складывается впечатление, что над целым городом проводился гигантский и беспримерный по жестокости и цинизму эксперимент:

«В блокированном и осажденном Ленинграде в течение почти года на грандиозном фоне Великой Отечественной войны развертывались события, которые показали, с одной стороны, непреодолимую силу духа нашего народа, а с другой стороны, предел биологической устойчивости человеческого организма»[341].

Можно бесконечно приводить свидетельства того, как страдали и гибли люди из-за фанаберии Сталина и его подручных, которые ради «идеи» погубили сотни тысяч жизней. Но серьезная вина за обеспечение людей продовольствием и предметами первой необходимости лежит и на руководстве города. Все эти события — изматывающий голод, убийство родных и незнакомых людей ради употребления в пищу, постоянные лишения, отсутствие медикаментов, воды, тепла и прочее — были спровоцированы самими властями, а стойкость жителей была навязанным, вынужденным героизмом. Причем наиболее активным сторонником такого губительного для жителей варианта развития событий следует признать не столько А. А. Жданова, сколько А. А. Кузнецова, любыми средствами стремившегося показать Сталину несгибаемость Ленинграда:

«Известно, что в пору тяжелых боев под Ленинградом, в трудные блокадные дни И. В. Сталин неоднократно звонил А. А. Жданову и А. А. Кузнецову, ставя перед ними важные, принципиальные вопросы, выдвигаемые Ставкой. В самый трудный момент обороны Ленинграда И.В. Сталин написал письмо А. А. Кузнецову, в котором выразил свое одобрение проявляемой им решительности и активности»[342].

---

339 *Фрейденберг О. М.* Осада человека. С. 25.

340 Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде / Под ред. М. В. Черноруцкого. Л., 1947. С. 38.

341 *Черноруцкий М. В.* Проблема алиментарной дистрофии // Работы ленинградских врачей за год Отечественной войны. Л., 1943. Вып. III. С. 12.

342 *Базовский В. Н., Шумилов Н. Д.* Самое дорогое: Документальное повествование об А. А. Кузнецове. 2-е изд., доп. М., 1985. С. 91.

Но неужели руководство не знало реального положения дел в Ленинграде?

«По обобщенным данным органов НКВД Ленинграда, отправляемым в Смольный, власти на местах знали истинное положение дел в городе с обеспечением продовольствием и медикаментами, потери среди мирного населения. Только за период с октября 1941 г. по апрель 1943 г. в городе умерло почти 544 тыс. ленинградцев. Особенно массовой смертность была зимой 1942 г. Только в январе в городе умерло 96 571 чел. (из них мужчин 70 853 чел. (73,2%)), в феврале — 96 015 чел. (мужчин — 60,4%), в марте — 81 507 чел. (муж. — 47,4%; жен. — 52,6%). За 10 дней апреля умерло от голода и болезней еще 23 367 чел.»[343]

Без сомнений, такие факты должны были в виде докладных записок ложиться и на стол Верховного главнокомандующего.

Зафиксированные уже в начале блокады случаи людоедства и трупоедства в городе и на Ленинградском фронте рассматривались властями, в частности А. А. Кузнецовым, «как случайные эпизоды со стороны неуравновешенных граждан, с одной, и преднамеренные провокации вражеских лазутчиков, с другой стороны»[344].

Кроме того, почти не принимается в расчет тот факт, что при введении в начале сентября 1941 г. продовольственных карточек их получили только прописанные в городе граждане, а многочисленные беспризорные, беженцы с оккупированных территорий, нахлынувшие в Ленинград, попросту оказались лишены возможности выжить. Именно они оказались первыми жертвами блокады.

Чем же было озабочено городское руководство? Осознавая, что жизнь в обстановке осадного положения приближается к критической отметке, особые усилия были направлены на создание агентурной сети:

«В таких условиях А. Жданов все больше задумывался об организации нелегальной работы даже в условиях, когда город находился в руках РККА и ополченцев. В этих целях командование Ленфронта и местные партийно-советские власти обязали Управление НКВД ЛО перевести часть подчиненных ему подразделений на нелегальное положение. Выполняя эти указания, оно уже 15 ноября 1941 г. спешно организовало негласный секретно-политический отдел (СПО) УНКВД ЛО. <...> Из трех важнейших задач, поставленных перед Отделом, лишь последняя была нацелена на борьбу с немецкими и финскими разведслужбами. Остальные ориентировали его на “проникновение в глубокое вражеское подполье для вскрытия организованной контрреволюционной деятельности по всем линиям работы”. Так, на 1 отделение <...> возлагалась задача тщательного контроля и разработки троцкистов, правых и зиновьевцев. 2-ое отделение <...> меньшевиков, эсеров и анархистов. <...> руководитель 3-го отделения “наблюдал” за церковниками и сектантами <...>. Занимались молодежью, интеллигенцией, работниками искусства и литературы»[345].

Наиболее масштабную деятельность для контроля армии и гражданского населения Ленинграда вел Особый отдел НКВД Ленинградского фронта: за время Отечественной войны его силами было завербовано свыше 196 тыс. (!) негласных агентов, осведомителей и резидентов[346].

---

[343] *Иванов В.А.* Миссия Ордена. С. 390. Примеч. 59.

[344] Там же. С. 269.

[345] Там же. С. 276. Автор ссылается на мнение историка Н. Ломагина.

[346] Там же. С. 279.

Руководитель НКВД П. Н. Кубаткин (чей карьерный рост начался с физического устранения Карла Радека)[347], был назначен в Ленинград 23 августа 1941 г. и занял фактически третье руководящее место в городе после Жданова и Кузнецова:

> «На третьем месяце войны, когда обозначилось основное направление гитлеровского наступления и когда над городом Ленина нависла угроза тяжелейших испытаний, Петр Николаевич Кубаткин был направлен к нам, чтобы стать во главе ленинградских чекистов. Вряд ли можно было найти тогда более трудный, ответственный и почетный участок работы. Под руководством и при помощи ленинградской парторганизации, возглавляемой товарищами Ждановым и Кузнецовым, ленинградские чекисты развернули огромную работу по выявлению и искоренению агентуры врага.
>
> По мере приближения немецко-фашистских армий к городу, все больше активизировались, оживали и готовились к бою враги советской власти, притаившиеся внутри Ленинграда. Готовились поднять голову все отребье разбитых эксплуататорских классов, все темные уголовные элементы, все агенты и пособники фашизма. <...>
>
> Нужно было обладать качествами подлинного большевика-чекиста, чтобы успешно руководить борьбой на этом фронте и наголову разгромить вражеские силы. <...> В городе были вскрыты отдельные антисоветские группы. В них входили и старые немецкие шпионы, бывшие купцы, кулаки, титулованные дворяне»[348].

12 октября 1941 г. руководство города и УНКВД в целях создания масштабной сети осведомителей учредило должность «политорганизаторов при домохозяйствах». Ответственность за формирование этой системы наушничества легла на райкомы ВКП(б) при содействии органов милиции. Мало того, что этим «политорганизаторам» было выдано табельное оружие, они еще и были освобождены от работы на производстве, причем обеспечение их карточками и продовольствием осуществлялось за счет учреждений, где они работали ранее, т. е. у них не прерывался стаж, и с наступлением мирного времени они смогли вернуться к исполнению своих прежних обязанностей. Эти новые особи дублировали функции домоуправов и участковых милиционеров и имели права «повально проверять документы и квартиры, задерживать и доставлять в органы милиции лиц, вызывающих подозрение "как агентов иностранных разведок"»[349].

Кроме своих охранительных функций эти политдомоуправы оказались моментально вовлечены в процесс грабежа, происходившего в Ленинграде, — квартиры эвакуированных и вымирающих ленинградцев были огромным полем криминальной деятельности. Дошло до того, что их активность «на местах» стала реальной угрозой для деятельности исправно работающей с довоенного времени паутины органов госбезопасности.

Также, согласно приказу ставки Верховного главнокомандования за подписью Сталина от 17 ноября 1941 г., где говорилось о том, чтобы «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск», серьезные силы были брошены на минирование городских объектов на случай сдачи города: оно производилось вплоть до августа 1943 г. Для запланированного одновременного подрыва города было заложено

---

[347] *Петров Н. В.* Сталинский заказ: Как убивали Сокольникова и Радека // Новая газета. М., 2008. № 40. 5 июня. Вкладка «Правда ГУЛАГа». С. 3.

[348] Петр Николаевич Кубаткин / Наши кандидаты в Верховный Совет СССР // Ленинградская правда. Л., 1946. № 14. 17 января. С. 3.

[349] *Иванов В. А.* Миссия Ордена. С. 280.

более 300 тыс. тонн расчетных взрывчатых веществ; на 25 августа 1943 г. в городе насчитывалось 270 заминированных объектов[350].

Кроме этих мер, масштабные силы были брошены на перлюстрацию писем. Например, в период с мая 1943 г. по декабрь 1945 г. ленинградской цензурой было обработано 252 млн единиц корреспонденции, из числа которой было полностью конфисковано свыше 109 тыс. писем, телеграмм и бандеролей, а из 2,5 млн текстов писем были произведены изъятия фрагментов текста[351]. И хотя эта титаническая работа объяснялась «необходимостью сохранения военной тайны», в условиях блокадного Ленинграда фильтровалась и совершенно иная информация. За пределы Ленинграда не выпускалась информация о блокаде, голоде, переживаемых ленинградцами тяготах. По наиболее значительным с точки зрения органов нарушениям НКВД (в случае гражданских лиц) и Смерш (в случае военнослужащих) арестовывали авторов, якобы таким образом распространяющих панические настроения. О чем же они писали? Вот отрывки из двух солдатских писем, написанных под стенами Ленинграда:

> «...Не знаю, сестра, уцелею я или нет, уже стал пухнуть и много убивают наших немцы. Когда мы идем в наступление нами не дорожат, который не убит, а ранен, истекает кровью на морозе, на холоде и умирают. Людей убитых горы, ходим через них, падаем, никто нами не дорожит»[352].
>
> «...Нахожусь на передовой, вижу много муки и горя. Кормят [нецензурное слово] и гоняют как собак. Одеты одни шинелишки, да ботинки, надоело мне такая жизнь. Нас ограбили, взяли корову, да и послали защищать родину. За что? [Нецензурное слово]. Я не хочу, я, наверное, жив не вернусь. Придется погибнуть за коммунистов, или за что [sic!], которые мучили меня...»[353]

Перлюстрация писем была очевидной для жителей:

> «Голод и убийства людей в Ленинграде составляли строгую тайну для Москвы и провинции. Цензура на законном (военном) основании перлюстрировала наши письма. Нельзя было ни говорить, ни жаловаться, ни взывать. В газетах и радио кричали о бесстрашии и отваге осажденных; смерти глухо назывались "жертвами на алтарь отечества". О, мы-то города не сдадим! Нет тех условий, которые могли бы требовать капитуляции. Когда-то мы сдавали крепости, когда иссякало продовольствие. Мы знали, что гибель от голода запертых в ящик 5 миллионов людей не ослабит героизма наших сытых главарей»[354].

Слова о «сытых главарях», увы, не вызывают особенного внутреннего протеста и отчасти объясняют обстановку в городе, ибо «сытый голодного не разумеет»:

> «Уже в первый блокадный год Управление НКВД ЛО неоднократно информировало НКВД СССР и НКГБ СССР о фактах хищения некоторыми городскими аппаратчиками продовольственных посылок из Узбекистана и Казахстана для ленинградских детей и стариков. В донесениях указывались фамилии руководителей, отправляющих через "воздушный мост" в Новосибирск, Свердловск и Омск "яблочно-шоколадные" посылки своим эвакуированным семьям. Да и здесь у них было неплохое питание и

[350] *Иванов В. А.* Механизм массовых репрессий... С. 47.
[351] *Иванов В.А.* Миссия Ордена. С. 283.
[352] Там же. С. 285.
[353] Там же.
[354] *Фрейденберг О. М.* Осада человека. С. 23.

медицинское обслуживание. Так, например, один из влиятельных исполкомовских чиновников Ш. всю блокаду питался в ресторане (естественно, ведомственном. — *П.Д.*), заказывая нередко себе домой хорошие вина, шоколад и папиросы»[355].

Поразительны были не методы и размеры воровства, не меню обкомовской столовой, не парное молоко, подсобное свиноводство и коровник в резиденции руководства области на Каменном острове... Ведь это же неудивительно и было при любом руководстве и в любых условиях. Поразительной оказалась та гигантская пропасть, которая пролегла между сытым партийным и государственным руководством, их обслугой, спецслужбами, торговыми работниками и — с противоположной стороны — голодными, умирающими людьми, варящими студень из мяса собственных детей. Никогда еще обычные люди не были доведены властью до такого физически и морально ничтожного состояния.

Обычные голодающие на скудной пайке дурандового хлеба горожане даже не могли себе представить, что в одном городе с ними кто-то мог не отказывать себе ни в чем. Как, например, председатель Ленгорисполкома и будущий 1-й секретарь обкома ВКП(б) П.С. Попков, который в самые голодные месяцы блокады привозил своему коту по 200 г свежего мяса, а черствый хлеб выбрасывал в мусорную корзину на общей лестнице[356]. В этом контексте показателен рассказ сотрудницы Физико-технического института М. В. Гликиной, разработавшей во время блокады антибиотик для лечения газовой гангрены — самого страшного осложнения ран военного времени. 3 марта 1942 г. вместе с руководившим работой института П. П. Кобеко она была вызвана в Смольный:

> «...Нас встретил целый синклит генералов, в том числе и начальник Сануправления фронта. Нас обвинили в непонимании актуальности препарата, хотя мы оба считали, что опыт на двух раненых явно недостаточен, все кончилось тем, что с этого дня нам предоставлялись рабочие условия в сортировочном эвакогоспитале... <...>
>
> Выйдя из кабинета в горкоме, мы получили два талона на обед, видимо, в столовой для руководящих кадров[357]. Там подали добротный суп; хлеб просто стоял на столе, что уже было удивительным для нас, на второе — бифштекс с жареным картофелем и какой-то зеленью. Павел Павлович начал есть это чудо, а у меня было нечто вроде спазма, я просто не могла глотать. Павел Павлович заметил это, начал ругать меня, но ничего не помогало. Тогда он стал меня уговаривать, что, мол, отсюда я не пойду с ним в институт, а зайду домой (это близко), и вот я приду сытая, довольная, и то, что было бы отделено мне от еды моих родителей и Якова Давыдовича (Гликина, мужа М. В. — *П.Д.*), останется им, и хлеб тоже. Наконец, я смогла глотать. Мы все съели, потом была, кажется, земляника или другие ягоды с кремом или сметаной, а затем — сладкий чай, не помню, с чем. А передо мной, все заполняя, стоял бифштекс!»[358]

---

355 *Иванов В. А.* Миссия Ордена. С. 269.

356 *Глинка В. М.* Воспоминания о блокаде. СПб., 2010. С. 220. Указанные факты приводятся автором со слов жены А.Н. Толстого Н. В. Крандиевской-Толстой (Толстые в годы войны были соседями семьи Попковых по дому на набережной Карповки).

357 Во время войны в Смольном работали две столовые — в северном (правительственном) крыле и в южном, которой пользовались сотрудники обкома и горкома ВКП(б), ВЛКСМ, руководящие работники Леноблисполкома и штаба Ленинградского фронта. См.: *Кутузов А. В.* Проблемы жизнеобеспечения населения блокадного Ленинграда: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1995. С. 133. В рассказе, таким образом, идет речь о столовой в южном крыле Смольного.

358 *Гликина М. В.* Физико-технический институт в дни блокады // Чтения памяти А. Ф. Иоффе, 1991. СПб., 1993. С. 66.

Неудивительно, что мозг изголодавшегося человека не мог даже физиологически вместить то, что совсем рядом возможна такая еда. Особенно сложно было связать обкомовскую столовую с реальной жизнью: в ноябре 1941 г. ее муж Я.Д. Гликин был потрясен произошедшим с ним:

> «Н.А. Тырса, талантливый, интересный художник, хорошо знавший Якова Давыдовича, подошел к нему в столовой с просьбой позволить ему облизать тарелку после той жалкой еды, которая в ней была. Муж с ужасом сказал мне, что на тарелке не было ничего, абсолютно ничего! Эта мысль мучила мужа, он узнал, что большинство художников не имело работы и жило по иждивенческим карточкам, и это означало голод, тяжелый голод. <...> К сожалению, Н.А. Тырса, переехав (21 января 1942 г. — *П.Д.*) Ладогу, погиб очень скоро (10 февраля. — *П.Д.*) — есть такая степень истощения, от которой поправиться уже нельзя»[359].

Люди, безотносительно возраста, оказались настолько по разные стороны добра и зла, что у многих стиралась грань реального и нереального, дозволенного и недозволенного... Безграничная власть и достаток одних и неспособность жить других производили необратимую химическую реакцию в мозгу всех. Условия войны и блокады, упав зерном в почву советского общества, взрастили нравственных чудовищ.

> «Деморализация народа, расшатанного за эти 25 лет во всех устоях и взглядах, обескровленного, выпотрошенного чекизмом, сказывалась не в одном воровстве, взяточничестве и спекуляции. Никогда люди так не лгали, с таким ангельским видом; никто не считал зазорным обмануть человека, соврать ему, нарушить слово и честь, оболгать ближнего»[360].

Продукты расхищались немилосердно: в декабре 1941 г. подразделения НКВД произвели сплошной обыск домов и строений Новоладожского участка Октябрьской железной дороги. У каждого (!) местного жителя оказалось обнаружено по 6–7 мешков запасенной муки, которые были захвачены из затонувших судов и застрявших на Дороге жизни машин[361]. Практически все продукты приходили с поврежденной упаковкой, причем учитывались они не по весу, а по числу мест в вагонах.

Летом 1942 г., когда люди продолжали умирать от голода, продукты портились на складах Ленинградского фронта: «...Под открытым небом стояли несколько дней платформы с мукой, сахаром, горохом и крупами. Пропало много овса, сахара, табака. В 2-х штабелях сушеной вишни, подмоченных и гниющих, были замечены черви. То же происходило с изюмом. Полностью был испорчен американский шпик и сухой картофель. Начали вздуваться и бродить бочки с мясом и рыбой и др.»[362]. В этом всегда наша страна имела неоспоримое первенство; в 1946–1947 гг., когда свирепствовал голод, а затем его последствия, было, по неполным подсчетам, начисто загублено около 1 млн тонн зерна из-за хранения в неприспособленных условиях[363].

Воровство вкупе с бесхозяйственностью приводили к тому, что большая часть продуктов не доходила до рядовых жителей. Прав был будущий академик И.И. Толстой, который сказал в декабре 1941 г.: «Русский человек — вор, воровство и ложь — две его

[359] Там же. С. 62–63.
[360] *Фрейденберг О.М.* Осада человека. С. 34.
[361] *Иванов В.А.* Миссия Ордена. С. 274.
[362] Там же. С. 275.
[363] *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 178.

черты. О, если б то, что дают для нас, доходило до нашего рта! Но страшная драма в том, что то, что предназначено голодному, попадает к вору!»[364]

В декабре 1941 г. килограмм блокадного хлеба, «сделанного» из непривычных ингредиентов, продавался на рынке по 450–500 руб. — сумме, превышающей месячную зарплату большинства ленинградцев.

Воровство расцвело в городе Ленина с неимоверной силой. Смольный, не в силах справиться с голодом, не мог, конечно, победить воровство и спекуляцию. И чем дальше шло время, тем более воровство ширилось, метастазируя во все области муниципальной жизнедеятельности. Бесправие воцарилось. Процветали взятки. Те из руководителей города и области, которые не участвовали в коррупционном процессе, делали вид, что ничего не происходит.

Поступавшие как помощь союзников продовольствие, одежда и обувь доходили до граждан мизерной частью; в хищениях были замечены не только чиновники средней руки, но даже такие крупные руководители, как глава УНКВД П. Н. Кубаткин. С началом поступления репарационного имущества из Германии воровство еще более усилилось, и все присланное частью оседало в домах чиновников и работников торговли, а в основном — поступало на рынки. Стекавшаяся в Смольный информация находила там свое упокоение. Отдельной отраслью коррупции стала жилплощадь.

> «Ленинградцы, путем взяток, возвращались. Железные дороги и жилищные управления, милиция и НКВД открыто и нагло продавали билеты, право на въезд и прописку. Масса людей, никогда не живших в Ленинграде, просачивались изо дня в день. Что же до закона, то он красовался в неумолимости, и даже академики не могли по закону приехать на свое пепелище. Квартиры эвакуированных были ограблены и заселены посторонними за взятки. Существовала торговля комнатами, как торгуют хлебом или мясом. Управхозы и милиция совершенно открыто грабили и вымогали. Ограбление и отнятие комнат было делом всей государственной системы. Учредили суды для разбора таких массовых дел, что уже указывает на правовое их признание. Судьи и прокуратура брали взятки. Дела тянулись из месяца в месяц. Человек, который добирался до Ленинграда, сутками, днями, неделями выстаивал в обморочных очередях и свалках в прокуратурах, в жилищных органах, в милиции, в бюро по распределению труда. Это была ленинградская топь, великое мучительство, затягивающее людей с головой, опустошавшее их квартиры и выматывавшее душу до дна. То, что в блокаду представляло собой получение продовольственных карточек, то теперь было получение своей личной квартиры, своего имущества, ордера на право работы»[365].

Коммунальное хозяйство не выходило из полуобморочного состояния; даже в так называемой «писательской надстройке» на канале Грибоедова — доме, далеко не обделенном заботой городских властей, — водоснабжение полностью восстановилось лишь после Победы, а положение жильцов описано в выступлении профессора Б. М. Эйхенбаума на заседании Ленинградского отделения Литфонда 28 июня 1945 г.:

> «Надстройка в отчаянном состоянии и есть несколько квартир, где если ничего не будет сделано, то возможны серьезные физические события. У меня две комнаты висят над холодной лестницей, зимой пол в них представляет собой каток, к которому нельзя

[364] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[365] Там же.

прикоснуться рукой. Для того чтобы там жить, надо иметь адское здоровье и жить и работать вторую зиму в таких условиях невозможно...»[366]

Что же касается домов рядовых граждан, то у них столь влиятельных заступников, как Союз советских писателей, не было, и положение там было еще хуже:

«Буквально душил горожан жилищный кризис. Это была пора поистине великой тесноты. Высокие темпы восстановления экономики достигались за счет социальной сферы. Многие тысячи работников реэвакуированных предприятий, люди, направленные на невские берега по разного рода разнарядкам, жили в ужасающих условиях»[367].

Голод 1946–1947 гг. воскресил недавно пережитый ужас у тех, кто оставался в городе во время блокады: вместе со всей остальной страной Ленинград и область опять погружались в еще не забытый кошмар.

«Из закрытых донесений правительству видно, что в конце 1946 г. — начале 1947 г. заболевания алиментарной дистрофией распространились на территории Российской Федерации, охватив многие районы», в том числе и Ленинградской области[368].

Власти всячески скрывали информацию о голоде; мало того, в новостных лентах встречаются даже такие сообщения:

«В дни предоктябрьского соревнования среди колхозников области развернулось новое патриотическое движение за сверхплановую сдачу государству картофеля и овощей из личных запасов»[369].

Весной 1947 г. председатель исполкома Леноблсовета И. С. Харитонов и секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Г.Ф. Бадаев телеграфировали в Москву Г. М. Маленкову:

«В связи с отсутствием каких-либо продовольственных ресурсов большое количество колхозников области находится в состоянии дистрофии. В Оредежском, Тихвинском, Подпорожском, Киришском и Пашском районах зарегистрировано свыше 3000 человек взрослого и детского населения, имевшего I–II-ю степень дистрофии. Значительная часть больных госпитализирована. Это обстоятельство подрывало усилия по обеспечению подготовки и проведения весеннего сева и последующих полевых работ. Без оказания немедленной государственной помощи хлебом сельскому населению области, мы не можем предотвратить нежелательные последствия»[370].

Они просили выделить 800 тонн зерна в качестве продовольственной ссуды, которая должна была быть возвращена с нового урожая; но ответа не последовало (если не считать ответом то, что оба были впоследствии расстреляны по «ленинградскому делу»).

Минздрав РСФСР в апреле 1947 г. зафиксировал в республике 372,3 тыс. больных алиментарной дистрофией, а в мае эта цифра возросла до 507,7 тыс.[371] Ситуация в Ленинграде была хуже, чем во многих других регионах:

«В марте того же года на предприятиях Ленинграда при медицинском обследовании рабочих установлено, что заболеваемость алиментарной дистрофией и авитаминозом превышала 30%. На заводе "Севкабель" из 300 обследованных рабочих выявлено 128 (42%) больных дистрофией и 31 (10%) — авитаминозом; на Ижорском заводе — 38% рабочих с дистрофией и 14% с авитаминозом; на заводе им. Сталина соответственно — 20 и 14%.

---

[366] ЦГАЛИ СПб. Ф. 372 (ЛО Литфонда СССР). Оп. 1. Д. 11. Л. 69 об.

[367] *Ваксер А. З.* Ленинград послевоенный, 1945–1982 годы. СПб., 2005. С. 91.

[368] *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 68.

[369] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 71. Л. 193: «Овощи из личных запасов — государству» (26 окт. 1946 г.).

[370] *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 71.

[371] Там же. С. 72.

Подобное положение с голодной заболеваемостью было вскрыто на заводе им. Марти, «Линотип», им. Жданова и комбинате им. Кирова.

Ленинградское руководство 29 марта приняло строго секретное постановление о предупреждении развития заболеваемости населения г. Ленинграда авитаминозами и алиментарной дистрофией. Виновниками голода были объявлены хозяйственные, партийные, профсоюзные работники заводов и Ленгорздравотдела, которые проявляли бездушие и безразличие к нуждам трудящихся. Постановление рекомендовало всем предприятиям общественного питания шире практиковать витаминизирование приготовляемой пищи, а в буфетах закрытого и открытого типа организовать продажу витаминов, фруктовых, ягодных и овощных соков. С этой целью надо было подготовиться и с начала весны проводить сбор ранней дикорастущей зелени — щавеля и крапивы для использования ее на приготовление блюд в предприятиях общественного питания.

Более конкретной была задача организовать с 5 апреля 1947 г. во всех заводских столовых под наблюдением врачей усиленное рационное питание для рабочих и служащих больных алиментарной дистрофией по следующим нормам питания (гр. в день): Нормированные продукты за счет продовольственной рабочей карточки: 1. Крупа — 67; 2. Мясо–рыба — 60; 3. Жиры — 27; Сахар — 30. Итого — 184. Ненормированные продукты: 1. Картофель — 120; 2. Овощи — 80; 3. Мука пшеничная — 5; 4. Соевая колбаса — 100; 5. Творожно-соевая сырковая масса — 100; 6. Кефир соевый — 150. Итого — 555. Всего — 739.

По плану «усиленное» питание рабочего должно было составлять 739 г в день. Если бы к этому еще 200–400 г хлеба, то общая калорийность всех названных продуктов питания была бы около 2000 ккал, т. е. чуть больше половины нормальной потребности взрослого человека, но о хлебе в постановлении не упоминалось. При этом необходимо учесть, что в приведенном выше рационе преобладали растительные белки, а основную долю калорий давали соевые продукты. Ни калорийное содержание, ни качественная структура набора продуктов не являлись достаточными для излечения больных дистрофией.

Для обеспечения запланированного питания больных был утвержден план производства и распределения дополнительной ненормируемой продукции на апрель и май 1947 г. В нем предусматривалось произвести на предприятиях Ленинграда 1500 т соевого кефира, 900 т творожно-соевой сырковой массы, 850 т мясного бульона, 60 т плавленого сыра, 80 т овощной икры, 100 т рыбных отходов. Этими продуктами предполагалось накормить 100 тыс. рабочих и служащих, 273 тыс. школьников, 55 тыс. ремесленников и 57 тыс. детей в садах, яслях и детдомах. Проблема была в том, что в Ленинграде не было этих продуктов питания. Спустя два дня после принятия постановления было подготовлено письмо на имя заместителя председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. В нем секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попков обращался за срочной помощью, ссылаясь на то, что у населения Ленинграда, перенесшего тяжелые испытания в дни блокады, повторные массовые заболевания дистрофией вызвали тяжелые последствия. Он просил увеличить до июня включительно лимит лечебно-диетического питания с 10 тыс. до 25 тыс. человек и усиленного детского питания с 22 тыс. до 40 тыс. человек. Выделить сухого картофеля — 1000 т, сои или соевого жмыха — 1000 т, 500 т сухофруктов, а также увеличить завоз молока из Эстонии на 2000 т и освободить подсобные хозяйства промышленных предприятий от сдачи государству 50% вылова рыбы, чтобы во II квартале 1947 г. всю рыбу использовать на дополнительное питание рабочих»[372].

[372] *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 75–77.

Об ответах на указанные просьбы ленинградского руководства ничего не известно. То есть именно в то самое время, которое описывает В. Ф. Зима, когда шло идеологическое наступление по всем фронтам, когда «советский народ находился на переходном этапе от социализма к коммунизму», подавляющее большинство людей продолжало голодать и терпеть лишения — пик голода в СССР пришелся на весну и лето 1947 г.[373] И в таком социально-экономическом положении трудящихся, без всякого сомнения, состоит одна из причин небывалого по силе идеологического гнета тех лет.

Многолетнее полуголодное положение ленинградцев и удаленность от союзных и республиканских властей не могли не привести к тому, что городское руководство скатывалось к злоупотреблениям. Огромный размах должностные преступления приобрели во время блокады, но и позже они не прекратились, а только нарастали угрожающими темпами. Действовали не только одиночки, но даже большие преступные сообщества с участием руководителей различного ранга:

> «Во второй половине 1945 г. в Ленинграде резко возросло количество жалоб со стороны населения на действия некоторых работников суда, прокуратуры и милиции. О их содержании постоянно информировали и Кузнецова. Не получив никакого ответа, некоторые граждане обратились в Управление НКГБ СССР по Ленобласти и в Москву. В ходе проверок этих жалоб Управление госбезопасности установило, что в городе уже длительное время действует преступная группа»[374].
>
> «Используя свое служебное положение, эти лица незаконно за взятки: освобождали из-под стражи уголовных преступников и прекращали на них следственные дела; выдавали паспорта, прописывали в городе и устраивали на работу лиц, не имевших право на въезд в Ленинград; освобождали военнослужащих от дальнейшей службы в Советской Армии; выдавали пропуска на право въезда и выезда лицам, не имевшим преимущества в ее получении перед остальными гражданами; оформляли пенсии по нетрудоспособности и освобождали от трудовых работ и др.»[375].

За достаточно короткий срок сотрудниками Управления МГБ было выявлено свыше 700 связей этой организации. Когда оказалось, что уровень городской коррупции поистине огромен, органами МГБ было решено присвоить этому делу название «Скорпионы», а «обмен информацией по делу с Управлением милиции Ленинграда, прокуратурой и штабом ЛВО, как и с обкомом партии и Ленгорисполкомом временно не вести»[376].

Это было вполне оправданно, поскольку в ходе расследования в сеть «Скорпионов» оказались вовлеченными очень многие административные работники. Всего по

---

[373] «Голод 1946–1947 гг. полностью вписывается в разряд рукотворного, то есть произошедшего в основном по вине правящих структур как в центре, так и на местах. Этот факт был основной причиной его всемерного засекречивания. Правительство СССР официально не признало голода, тем самым снимало с себя ответственность за организацию помощи голодающим. <...> Голода 1946–1947 гг. в СССР могло не быть, поскольку государство располагало достаточными запасами зерна. Одна его часть, не самая крупная, экспортировалась. В течение 1946–1948 гг. экспорт составлял 5,7 млн т зерна, что на 2,1 млн т больше экспорта трех предвоенных лет. Другая, основная часть запасов никак не использовалась. На не приспособленных для хранения складах зерно портилось настолько, что не годилось к употреблению. По неполным подсчетам, за 1946–1948 гг. в целом по СССР было начисто загублено около 1 млн т зерна, которого могло бы хватить многим голодающим» (*Зима В. Ф.* Указ. соч. С. 128, 178).

[374] *Иванов В. А.* «Скорпионы». С. 242.

[375] Там же.

[376] Там же. С. 244.

делу, не сфабрикованному, а, что еще чудовищнее, вполне реальному, было арестовано 316 человек, в том числе 59 сотрудников милиции, 47 сотрудников прокуратуры, суда и адвокатуры и так далее... Причем выяснилось, что в их числе

> «12 человек из районных и городской прокуратур Ленинграда за взятки от 5 до 10 тыс. рублей незаконно освобождали из-под стражи уголовников и прекращали на них дела. Следствию стало также известно, что об этих безобразиях знало городское руководство, но мер никаких не предпринимало. По большинству прекращенных дел проходили скупщики драгоценностей и редких художественных произведений»[377]. «Хотя за 1946 г. из органов ленинградской милиции было уволено 1775 чел., должностные преступления людей в погонах продолжали расти»[378].

Когда масштабы операции «Скорпионы» обрели контуры, а основные участники были установлены, 8 февраля 1946 г. один из заместителей начальника УНКВД по Ленинграду и Ленинградской области доложил А. А. Кузнецову о ходе операции, но никакой реакции не последовало. Лишь после одновременного перевода А. А. Кузнецова в Москву на пост секретаря ЦК (26 марта 1946 г. его в качестве 1-го секретаря обкома и горкома сменил П.С. Попков), а начальника Управления НКГБ генерала-лейтенанта П. Н. Кубаткина 15 июня 1946 г. — на должность начальника 1-го Главного управления (внешняя разведка) МГБ СССР оказалось возможным начать аресты и следствие.

Причем сам Кубаткин, как выяснилось из следственных материалов, получил в подарок от одного из будущих арестованных по этому делу трофейный автомобиль[379]. По-видимому, именно фигурирование Кубаткина в столь неблаговидном деле вызвало его снятие 19 ноября 1946 г. с высокой должности в МГБ СССР и перевод начальником управления МГБ в Горький (откуда он будет тоже снят, в марте 1949 г. уволен из органов, направлен заместителем председателя Саратовского областного совета и лишь после этого арестован и расстрелян по «ленинградскому делу»).

На смену Кубаткину из Москвы для руководства Управлением МГБ прибыл генерал-лейтенант Д. Г. Родионов. До перевода он занимал пост заместителя начальника 2-го Главного управления МГБ (контрразведка), а в 1941–1943 гг. был заместителем начальника Экономического управления НКВД. Именно Родионов сумел начать активные действия по делу «Скорпионов», в ходе которых были произведены самые масштабные в уголовной практике послевоенного Ленинграда аресты. Естественно, что неординарная ситуация в Ленинграде привлекала внимание высшего руководства страны, и именно в качестве «свежего» взгляда на обстановку в Ленинграде использовался Д. Г. Родионов.

Заместитель начальника УМГБ М. Н. Евстафьев вспоминал:

> «Родионов с самого начала обратил внимание на всякие неприятные моменты в ленинградском руководстве, особенно во взаимоотношениях Попкова и второго секретаря горкома Капустина <...>. “Как быть? Я должен об этом информировать...” <...> Информацию давал систематически: несколько сот информаций послал за три года — в том числе и о непорядках в ленинградском руководстве. И не только нашему министру Абакумову. Помню, я был вместе с ним в Москве в командировке. В гостинице он вдруг достал из портфеля объемистую — 30–40 машинописных страниц — докладную

---

[377] *Иванов В. А.* «Скорпионы». С. 245–246.

[378] Там же. С. 244.

[379] *Старков Б. А.* Борьба с коррупцией и политические процессы во второй половине 1940-х годов // Исторические чтения на Лубянке 2001 г.: Отечественные спецслужбы в послевоенные годы 1945–1953 гг. М.: Великий Новгород, 2002. С. 87.

и протянул мне из нее два или три листочка: “Прочтите”. Это касалось Кубаткина Петра Николаевича — всякие отрицательные моменты в его характере и поведении <...>. “А куда пойдет доклад?” — спрашиваю. — “Доклад пойдет Иосифу Виссарионовичу Сталину”. — “С согласия министерства?..” — “Нет, я представлю его сам”. Вот так. Кубаткин когда-то работал с Абакумовым в одном отделении, так Родионов, очевидно, боялся, что министр прикроет бывшего товарища»[380].

Таким образом, ситуация в Ленинграде, в том числе и коррупция в среде городского руководства, была хорошо известна руководству страны начиная с лета 1946 г. По-видимому, непосредственных показаний было достаточно лишь для наложения взыскания на генерала П. Н. Кубаткина. Впрочем, Д. Г. Родионов оказался очень бдительным чекистом и отличался усердием в деле информирования как своего непосредственного начальника В. С. Абакумова, так и главы государства. Кроме того, примечателен сам факт приглашения Сталиным к себе на доклад Родионова, что говорит об особом интересе вождя к положению в Ленинграде.

Именно с действиями Родионова связан и первый арест по «ленинградскому делу»:

«Родионов представил Абакумову справку, сохранившуюся в оперативных учетах, в которой говорилось о том, что в 1935–1936 годах Капустин, находясь в Англии, куда был направлен на предприятие одной фирмы в качестве помощника начальника цеха турбинных лопаток Путиловского завода, якобы вступил в близкие отношения с местной жительницей, преподававшей ему английский язык. В лондонской резидентуре нашей внешней разведки возникло предположение, что эта женщина являлась агентом английской контрразведки. Об этом было доложено Жданову, но он оценил сообщение как сомнительное, и последствий оно не возымело. Об этом в сообщении Родионова умалчивалось. Зато он отметил, что в 1945 году Кубаткин, узнав об этих материалах, распорядился их уничтожить (чего, кстати, и требовала действовавшая в то время инструкция).

Абакумов переадресовал сообщение Родионова Сталину. Реакция вождя была незамедлительной: он дал указание арестовать Капустина, подозреваемого в связях с английской разведкой, и Кубаткина, допустившего служебное преступление. Оба они — депутаты Верховного Совета СССР — оказываются в тот же день (23 июля 1949 г. — *П.Д.*) в тюрьме без санкции прокурора. В постановлении об аресте Кубаткина говорилось, что, “работая в 1941–1944 годах на руководящих должностях в Ленинграде, он поддерживал преступную связь с группой лиц, враждебно настроенных против партии и правительства”»[381].

Хотя оба «ленинградца» уже были к тому времени лишены руководящих должностей, сведения о шпионской деятельности Капустина и о прикрытии его Кубаткиным оказались для Сталина последней каплей.

Учитывая сказанное выше, «ленинградское дело», по крайней мере относительно собственно ленинградского руководства, не представляется нам однозначным. И если инкриминировавшиеся политические обвинения были вымышленными, то реальные преступления имели место.

---

[380] «Ленинградское дело». С. 62–63.

[381] *Федосеев С.* Тайна гибели генерала МГБ // Калейдоскоп. СПб., 1998. № 5. С. 28.

И хотя Н. А. Вознесенский представляется нам едва ли не самым непричастным из «главарей», обвиненных по «ленинградскому делу», стоит помнить, что каждый руководитель высокого уровня в сталинскую эпоху был либо палачом, либо молчаливым свидетелем уничтожения собственного народа. И для нас несомненно, что любой из осужденных по «ленинградскому делу» «стоил лютых бед несчастья своего».

Кроме того, закрытость архивных материалов, отсутствие многих политических и хозяйственных документов (как времени блокады и войны, так и последующих лет) делает написание объективной истории «ленинградского дела», да и не только его, очень трудной. Факт уничтожения Маленковым ряда документов ЦК, которым традиционно оправдывается невозможность серьезного исследования, не может быть признан действительной причиной, поскольку важнейшие документы до сих пор недосягаемы. Они сохраняются в архиве Президента РФ и архивах ФСБ (по крайней мере, донесения Д. Г. Родионова, как свидетельствует упоминание о них в статье С. П. Федосеева о Кубаткине[382], уж точно существуют).

Также стоит отметить тот факт, что сын А. А. Вознесенского Лев Александрович, приложивший много сил к исследованию «ленинградского дела» и имевший в счастливые для историка 1990-е гг. доступ ко многим, впоследствии закрытым, источникам и все равно сетовавший на недоступность остальных важных документов, сам, в свою очередь, закрыл доступ исследователей к следственным делам Николая Алексеевича и Александра Алексеевича Вознесенских[383]. Посему если и будет написана подробная история «ленинградского дела», то не в ближайшем будущем.

Таким образом, если в 1940-х гг. ситуация в стране была крайне тяжелой как в морально-политическом, так и в экономическом смысле, то в Ленинграде она отягощалась свойственной только ему спецификой, ставя Ленинград в совершенно исключительное, крайне уязвимое положение.

---

[382] Автор указанной статьи — тоже не простой историк-исследователь. Сергей Михайлович Федосеев (1915–1998) — полковник госбезопасности, кандидат экономических наук, с 1941 г. начальник службы контрразведки УНКВД по Москве и Московской области, с 1944 г. начальник контрразведывательной службы УНКВД в Ленинграде; с 1946 г. руководитель Отдела зарубежной контрразведки МГБ СССР; с 1951 г. заместитель начальника 1-го Главного управления МГБ СССР (внешняя разведка), до 1966 г. начальник кафедры Высшей школы КГБ СССР.

[383] В этой связи Л. А. Вознесенский, комментируя интервью начальника Центрального архива ФСБ Н.П. Михейкина, пишет: «Уважаемый генерал в весьма неудачном контексте упоминает о том, что родные братьев Вознесенских (на самом деле так поступил лишь автор этой книги и только по отношению к "делам" своих родителей) "попросили без их разрешения никогда и никого с этими делами не знакомить". Оставляя в стороне конкретные замечания, возникающие при ознакомлении с этой частью текста, напомню читателям, включая и Николая Петровича, что личная жизнь человека, ее тайна оберегаются законом. <...> И я не думаю, что <...> он поступил бы иначе и согласился бы на тиражирование заведомой лжи и грязи в адрес своих родных и близких. Это было бы еще одним, уже посмертным оскорблением людей, всю жизнь отдавших своей стране, государству и уничтоженных от его же имени» (цит. по: *Вознесенский Л. А.* Истины ради. С. 222). Подобная аргументация Л. А. Вознесенского кажется нам неубедительной.

Глава 3
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ «ОЗДОРОВЛЕНИЕ» ФИЛОЛОГИИ

История филологической науки в 40-х гг. является лишь фрагментом большой картины трагического сосуществования в Советском Союзе науки и тоталитаризма. На примере событий в филологии, которая, в отличие от биологии или философии, не была непосредственной мишенью в идеологических баталиях тех лет, можно видеть, как стальным воинским клином (иначе именуемом «свиньей») внедрялась большая идеология в отдельно взятую область советской науки и что с этой наукой происходило в результате такого воздействия.

Кроме проецирования на эту научную область описанных в первой главе глобальных идеологических кампаний, в филологии происходили и собственные идеологические схватки — «бои местного значения». При этом действия на «филологическом фронте» не укладываются в привычные процедуры, которые испытали история или философия. Удары по филологической науке одновременно наносили несколько различных сил, по различным ее областям и подчас даже не согласуясь между собой. Однако к лету 1949 г. это боевое наступательное движение привело к необратимой трагической развязке.

До весны 1947 г. в филологии наблюдались лишь отзвуки грандиозных «общесоюзных» кампаний, поддерживая необходимый идеологический тонус, постоянное ощущение внимания со стороны власти. Еще 31 марта 1944 г. начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров в плане мероприятий по улучшению пропагандистско-агитационной работы, направленном секретарю ЦК А. С. Щербакову, констатировал:

> «Сильно сократилась в годы войны работа в области методологии и теории литературы. В трудах по истории литературы господствуют узкие темы, ученые исследуют совершенно неактуальные, малозначительные вопросы («Комическое у Раблэ», «Творчество Саллюстиля» [sic!] и т. п.). Нет настоящего партийного руководства научной работой в области теории и истории литературы»[1].

Поскольку в те годы теория и история литературы воспринимались как часть самой литературы, а литературоведы составляли значительную часть Союза советских писателей СССР, то и руководство литературоведением входило де-факто не столько в номенклатуру Академии наук, сколько ССП. Именно поэтому в качестве контрмер

[1] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 527.

для устранения недостатков в литературоведении в названном документе аппарата ЦК предлагалось: «Заслушать доклады институтов Академии наук (Института мировой литературы им. М. Горького и Ленинградского института литературы) на заседании правления ССП»[2].

Уже с 1944 г. начинаются и мероприятия, направленные на «оздоровление» филологии. Наиболее впечатляющим событием лета 1944 г. была конференция «Роль русской науки и культуры в истории развития мировой науки и культуры», прошедшая в Московском университете с 5 по 12 июня, о которой упоминалось в первой главе. Филолог-славист, профессор МГУ С. Б. Бернштейн заносил в дневник:

> «В эти дни в университете проходит научная сессия, посвященная вкладу русской науки в мировую науку. Тематика определена настроениями сегодняшнего дня. Сравнительно с представителями естественнонаучных дисциплин мы находимся в более благоприятных условиях <...>.
>
> Однако и наш факультет плохо подготовился к сессии. Не подготовлен доклад о вкладе русских ученых в изучение русского языка. Молодой математик <...> спросил меня: "Неужели русский язык в России не изучали?" Прочитанные доклады готовились наспех, много существенных пропусков, много фактических ошибок»[3].

Этим же годом датируется первый публичный удар, нанесенный в 1940-х гг. по крупному представителю историко-литературной науки.

17 ноября 1944 г. главная газета страны «Правда» выступила с резкой критикой профессора Ленинградского и проректора Саратовского университетов Г.А. Гуковского. В газете была напечатана статья литературного критика М. Котова[4] «Глупая стряпня о великом баснописце», в которой ученый был грубо «проработан» за вступительный очерк к Полному собранию стихотворений И.А. Крылова 1935 г. Это было вдвойне удивительно, поскольку внимание рецензента было обращено к книге почти десятилетней давности (такая привычка появится лишь в эпоху настоящих проработок). Формальная причина появления газетной публикации — включение статьи Гуковского о Крылове в рекомендательный список литературы, изданный к 100-летию со дня смерти баснописца[5].

Как упоминалось выше, на фоне нагнетаемого патриотизма у руководства страны выработалось трепетное отношение к лучшим представителям «великого русского народа»: в 1944 г. не была допущена к печати рукопись книги для юношества И. В. Сергеева «И.А. Крылов», которую автору пришлось сильно переработать, чтобы цензура в 1945 г. все-таки разрешила выпустить ее в свет. Что же тогда ставилось в вину автору? Вот некоторые претензии:

> «Он дает излишние биографические подробности, которые снижают образ великого баснописца. "Летом Крылов гостил в подмосковном имении графа Татищева. Хозяева

---

[2] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 527.

[3] *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти. С. 47. Запись от 9 июня 1944 г.

[4] Возможно, в газете умышленно неверно напечатан инициал, и автором статьи является Котов Анатолий Константинович (1909–1956), литературовед, критик, выпускник литературного факультета 2-го МГУ (1931 г.) и аспирантуры МГПИ (1936 г.); член ВКП(б) с 1940 г., заведующий редакцией русской классической литературы Гослитиздата (1939–1947 гг.), директор Гослитиздата (1948–1956 гг.), с 1951 г. ответственный секретарь Государственной комиссии по наблюдению за изданием академического собрания сочинений Л. Н. Толстого.

[5] Иван Андреевич Крылов, 1768–1844: К 100-летию со дня смерти: Рекомендательный указатель литературы и материалы для библиотек / Под ред. Н.Л. Степанова // Великие русские писатели. М., 1944. Вып. I.

уехали в Москву, оставив в распоряжении Крылова библиотеку и повара. Больше ему ничего не требовалось. Он перестал бриться, стричь волосы и ногти и проводил время в огромном запущенном парке. Татищевы уехали весною. Через несколько месяцев они вернулись, когда Крылов совсем не ожидал. Перед изумленной графской семьей появился первобытный человек; завидя блестящее общество, волосатый дикарь с лохматой бородой и длинными ногтями, перепоясанный бараньей шкурой, пустился наутек и скрылся в каких-то зарослях, где у него была вырыта пещера. Татищев устроил облаву, разыскал первобытного дикаря, велел его выбрить, вымыть, одеть и снова вверг в цивилизацию". Причину смерти Крылова автор объясняет так: "5 ноября Иван Андреевич поужинал по обыкновению весьма плотно. Велел приготовить себе тертых рябчиков, щедро полил их маслом и заболел. Он испробовал не раз испытанное средство — начал усиленно читать глупые романы, они всегда почти помогали ему. Но тут пришлось звать врачей. К ним Иван Андреевич относился иронически. И на этот раз его ирония оправдалась: врачи развели руками. Медицина была бессильна помочь больному — утомленный желудок его отказался работать". Допущен и целый ряд хронологических неточностей»[6].

Подобные претензии предъявлялись и к жизнеописаниям других великих русских[7], однако если нарисованный Сергеевым облик живого Крылова не соответствовал Крылову мифологизированному, то к Гуковскому предъявляются уже более серьезные претензии, которые в контексте военного времени кажутся откровенно опасными. Приведем некоторые тезисы:

«Надо совершенно потерять всякое чувство любви к отечественной литературе, чтобы так глумиться над памятью лучших ее представителей.

Гуковский не только подтасовывает известные биографические факты, но и всемерно старается создать видимость правдоподобия своей "концепции". В этих целях он опорочивает и искажает смысл целого ряда известных произведений Крылова. <...>

Наделив великого писателя отнюдь не присущими ему чертами, автор приходит далее к явно клеветническим выводам. Он делит басни Крылова на "официальные" и неофициальные. Первые Крылов пишет из "низкопоклонства", а вторые якобы рождает второе "я" Крылова, которое Гуковский определяет как "грубо скрытую злобу плебея".

И вся эта пошлая, клеветническая псевдо-ученая болтовня написана о том, кого Белинский назвал "честью, славою и гордостью нашей литературы".

Достойно удивления, что подобная чушь, прикрытая авторитетом профессорского звания, до сих пор не была разоблачена никем из литературоведов и критиков. Больше того, нашлись люди, осмелившиеся рекомендовать стряпню Гуковского в качестве пособия к Крылову для массового читателя к крыловским дням»[8].

Такое обвинение для находящегося в эвакуации Г. А. Гуковского было совершенно неожиданным, и только благодаря ректору А. А. Вознесенскому, за которым весь

[6] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 729–730.

[7] Например, тогда же был наложен запрет на распространение напечатанного тиража книги «Иван Михайлович Сеченов в жизни»: «Как известно, И. М. Сеченов является великим русским ученым, которого справедливо называют отцом русской физиологии и ее гениальным пионером. <...> Авторы вольно или невольно превратили Ивана Михайловича Сеченова в заядлого картежника. Они явно принижают роль И. М. Сеченова тем, что он будто бы являлся лишь учеником западноевропейских ученых, а не самостоятельным гениальным творцом науки в области физиологии. В России в то время якобы "почетными и знаменитыми" представителями науки в области физиологии являлись немцы...» (Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 731–732).

[8] *Котов М.* Глупая стряпня о великом баснописце // Правда. М., 1944. № 276. 17 ноября. С. 3.

профессорско-преподавательский состав ЛГУ находился тогда как за каменной стеной, всякие последствия такого выступления были быстро ликвидированы. Причем если даже в столицах подобная статья могла дорого стоить ее герою, то в Саратове по отношению к Гуковскому сразу были применены санкции. Именно по поводу этой публикации высказывается М. К. Азадовский в одном из писем:

> «Закон провинции — это другая сторона местной (областной) культуры. Когда появилась статья о Гуковском в "Правде", саратовские Михал Михалычи сняли его даже со снабжения (т. е. лишили обкомовской столовой), и понадобился телефонный звонок из ЦК, чтоб мозги местных вождей вправились куда следует»[9].

Но для того, чтобы раздался звонок из ЦК, несомненно, были предприняты конкретные действия. Одним из таких шагов стало письмо Гуковского, которое было им написано в ЦК по совету ректора. Причем оклеветанный ученый направил свое письмо не главному редактору «Правды» П. Н. Поспелову, а начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову.

Письмо это сохранилось, и оно иллюстрирует ту характерную реакцию, которую вызывал у ученых новый курс руководства страны на «приведение в чувство» гуманитарной интеллигенции. Используемые для этого методы казались варварскими: Григорий Александрович не мог взять в толк того, как можно вырвать из контекста малозначимый факт и исполосовать этой мелочью известного всей стране ученого.

Но наука о литературе должна была вновь уяснить, что ей, как и многим другим наукам (причем не только общественным), в жизни страны-победительницы уготовано место прислуги партийной идеологии; а любые противоречия, которые будут обнаруживаться между ними, будут причиной серьезных «оргмер» со стороны последней — «чтобы и прочие страх имели». Но пока — в 1944 г. — это не казалось настолько очевидным и обыденным, а потому Г. А. Гуковский пытался объяснить свою позицию:

> «Неправильно нападать на советского ученого за статью, написанную десять лет назад, не учитывая ни того, каковы были общераспространенные в те годы взгляды науки на Крылова, ни работ того же ученого о том же Крылове, написанных и опубликованных в последние годы и заключающих установки другого характера, отменяющие то ошибочное, что было в прежних»[10].

Вполне доходчиво и лаконично объясняя свою роль в исследовании творчества баснописца, профессор завершает письмо следующими словами:

> «Не знаю, зачем понадобилось М. Котову так грубо нападать на меня, пользуясь оружием, мною же в значительной степени выкованным, зачем надо было публично оскорблять меня — во имя идей, мною же выдвигаемых и защищаемых, — забывая и мою двадцатилетнюю работу в советской науке и в советских ВУЗ'ах вообще, и в частности мои работы о Крылове, небесполезные именно в борьбе с фальсификаторами его, к которым М. Котов счел возможным причислить и меня. Ведь когда М. Котов пишет: "Достаточно известно, что Крылова отличала демократичность взглядов" и т.д., — то ему известно это главным образом от меня же. И какие основания имеет М. Котов говорить обо мне, как об "ученом" в кавычках?
>
> Каждому ясно, что подобного рода заметка, появившись именно в "Правде", бросает тень не только на данную мою статью, но и на всю мою деятельность, опорочивает меня и не может не привести к тому, что моя последующая работа в науке будет чрезвычайно затруднена; достаточно ощутительные признаки этого обнаружились немедля

[9] Литературное наследство Сибири. С. 232. Письмо М. К. Азадовского к Г. Ф. Кунгурову, 25 сентября 1945 г.

[10] ЦГАЛИ СПб. Ф. 146 (Г. А. и З. В. Гуковские). Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

после появления статьи М. Котова. Поэтому я считаю себя вправе возражать против заметки, несправедливой и в то же время являющейся вполне реальной угрозой невозможности продолжать мою работу в науке и в печати»[11].

К счастью для Г.А. Гуковского, брань в «Правде» не имела последствий, и атака против него была остановлена А.А. Вознесенским почти сразу, оказавшись «одиночным выстрелом», а окончание войны принесло надежды на серьезные послабления для изможденного народа-победителя, в том числе в области идеологии.

Но надеждам не суждено было стать реальностью. Недаром 9 февраля 1946 г. Сталин провозгласил под занавес своей речи перед избирателями:

«Говорят, что победителей не судят (веселое оживление, аплодисменты), что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить (оживленные возгласы, аплодисменты), можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей (одобрительные возгласы, аплодисменты): меньше будет зазнайства, больше будет скромности. (Оживленные возгласы, аплодисменты.)» [12]

Именно для решения поставленных задач в начале 1946 г. началась всеобщая мобилизация на идеологическом фронте. Наука о литературе также была затронута начавшимися событиями. Например, 2 апреля 1946 г. на закрытом собрании парторганизации ССП СССР «были отмечены вредные тенденции ряда критических работ: вульгаризация ленинского понимания творчества Л. Толстого (в работах Мейлаха), эстетство и формализм (в статьях о поэзии и театре Зелинского и Юзовского)»[13]. Но общая тенденция еще не была столь очевидной.

Первым предвестником трагических событий был выход 28 июня 1946 г. первого номера газеты Управления пропаганды и агитации ЦК «Культура и жизнь», газеты, постоянно «интересовавшейся» вопросами теории и истории литературы. «Газета специализировалась на разгромах и разносах (писатель Б. В. Шергин называл ее «Культура и смерть»)»[14].

В воспоминаниях В.Г. Адмони[15] и Т.И. Сильман[16] описывается поначалу легкомысленное отношение филологов к этому органу:

---

[11] Там же. Л. 2 об.

[12] *Сталин И. В.* Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа... С. 30.

[13] Докладная записка Агитпропа ЦК Г. М. Маленкову о закрытом собрании партийной организации Союза советских писателей СССР, 2 апреля 1946 г. // Сталин и космополитизм. С. 42.

[14] *Алпатов В. М.* История одного мифа. С. 155.

[15] Адмони Владимир Григорьевич (наст. ф. Красный-Адмони; 1905–1993) — литературовед, лингвист и переводчик, поэт; родился в Петербурге в семье помощника присяжного поверенного, в 1926 г. окончил среднюю школу, в 1930 г. — немецкий цикл иностранного отделения ЛГПИ имени А. И. Герцена, после чего преподавал немецкий язык и немецкую литературу в ГАИС, ЛГПИ, ЛГПИИЯ и ЛГУ. В 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Творчество Жан-Поля Рихтера». В марте 1942 г. эвакуирован из Ленинграда, в декабре 1942 г. принят в докторантуру ИМЛИ и писал диссертацию о творчестве Г. Ибсена под руководством В. М. Жирмунского; с сентября 1943 г. по сентябрь 1944 г. жил в Москве, после чего откомандирован в Ленинград для работы над диссертацией. По окончании аспирантуры ИМЛИ в мае 1946 г. зачислен на должность младшего научного сотрудника ИМЛИ, в мае 1947 г. там же защитил докторскую диссертацию «Путь Ибсена к реалистической драме». После защиты диссертации — заведующий кафедрой немецкой филологии в ЛГПИИЯ. В 1964 г. выступил на процессе И. А. Бродского в Дзержинском суде г. Ленинграда свидетелем стороны защиты (наряду с Н. Н. Грудининой и Е. Г. Эткиндом, особенное внимание судья обратила на необычную фамилию свидетеля — по паспорту он носил двойную фамилию). Одновременно с приговором суда свидетели защиты были удостоены частного определения, за что по линии Союза писателей РСФСР В. Г. Адмони был объявлен выговор.

[16] Сильман Тамара Исааковна (1909–1974) — литературовед-германист, переводчик, драматург,

«Особенно поучительными и явными были статьи в недавно основанной газете “Культура и жизнь”. Резкостью тона, использованием политических ярлыков она воскрешала проработки начала 30-х годов. Само собой, эти статьи были полны передержек, оставляли в стороне художественную ценность критикуемых произведений, доходили порой до прямых нелепостей. Но вместо того, чтобы усмотреть в этом надвигающийся поворот к прежней жестокости, наши друзья, да и мы скорее воспринимали их — именно из-за их очевидной нелепости, как комическую несуразицу. И в Комарове, когда приходил очередной номер газеты, его наиболее сокрушительные статьи читались вслух и юмористически комментировались. Это происходило обычно после обеда или ужина, возле столовой, и все веселились — особенно от кратких, но убийственно точных замечаний Бориса Михайловича Эйхенбаума»[17].

Но вскоре стало не до смеха. И связано это было с постановлением ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». В первой главе об этом постановлении написано подробно; здесь же мы приведем рассказ о впечатлении, произведенном этим постановлением на литературоведов. Наиболее красочно об этом говорится в тех же воспоминаниях супругов-германистов.

«16 августа мы собирались вернуться из Дома творчества в Ленинград. Накануне, как и все другие члены Союза писателей, жившие в Доме творчества, мы получили красивое приглашение в Смольный — на 16 августа, кажется, на 4 или на 5 часов вечера. Как раз в эти дни у нас всех заканчивались путевки. И большинство писателей отправилось в город еще вечером 15-го. <...>

Мы оказались — впервые — в огромном и знаменитом актовом зале. В том самом, где когда-то был оформлен переход власти в руки большевиков. Народу было уже множество. Среди них немало знакомых. Но никто не знал, для чего нас сюда пригласили. Оставалось ждать. И мы ждали. Затем двери были закрыты. На трибуне появилось несколько человек. Среди них одного мы узнали сразу. По портретам, появлявшимся в газетах и развешивавшимся по городу в праздничные дни. Это был Андрей Александрович Жданов. Он был огромным. Все остальные на трибуне рядом с ним казались маленькими. И он стал словно еще огромнее, когда начал читать постановление ЦК КПСС [sic!] о журналах “Звезда” и “Ленинград” — постановление, клеймящее и ставившее вне литературы Ахматову и Зощенко. Затем он произнес длинную речь, в которой все то, что было сказано в постановлении, повторялось, — но только пространнее и, пожалуй, еще резче. Говоря о Зощенко и вообще о зловредности “Серапионовых братьев”, он порой прочитывал какую-нибудь цитату; брал для этого одну из книг, лежавших на столе, и затем, кончив цитату, швырял книгу на пол.

Он словно становился еще огромнее. Мы, а наверное и большинство присутствовавших в зале, сидели оцепенев. После первоначального ужаса, властно овладевшего нами, когда мы поняли, о чем идет речь и что все это означает, мы впали в некое

скульптор; окончила немецкий цикл иностранного отделения ЛГПИ имени А. И. Герцена (1930, заведующим кафедрой немецкого языка и литературы в то время был В. М. Жирмунский), в 1931 г. поступила в аспирантуру ГИРК, в 1936 г. защитила в ГИИИ кандидатскую диссертацию (тема — «“Буря и натиск”. Из истории буржуазной драмы»), в 1942 г. в Ташкенте в эвакуированном ИМЛИ — докторскую (тема — «Ч. Диккенс: Очерк творчества»), профессор ЛГПИИЯ. В 1946 г. — старший научный сотрудник ИМЛИ. Жена В. Г. Адмони. В 1961 г. А. А. Ахматова жила у Т. Сильман и В. Адмони на ул. Плеханова, в это время Тамара Исааковна выполнила скульптурный портрет А. А. Ахматовой.

[17] *Сильман Т., Адмони В.* Мы вспоминаем. СПб., 1993. С. 283.

"шоковое состояние". Ужас уже не нарастал. Очевидно, ему уже некуда было расти. А сострадание к друзьям, которых прямо, поименно, раздавливало постановление, сразу же соединилось с чувством, что постановление забирает куда шире и глубже, чем то, о чем в нем непосредственно говорится. Оно начисто перечеркивало всю пору идиллии и иллюзий. Оно возвращало нас к той повадке повседневного страха, которая владела нами долгие годы перед войной и которую я предощущал еще с середины 20-х годов. Шок был так силен потому, что он был неожиданным»[18].

Некоторые, напротив, видели в постановлении иное; для характеристики части настроений характерна запись К. И. Чуковского от 26 августа в дневнике:

«Неделя об Ахматовой и Зощенко. Дело, конечно, не в них, а в правильном воспитании молодежи. Здесь мы все виноваты, но главным образом по неведению. Почему наши руководители Фадеев, Тихонов — не указали нам, что настроения мирного времени теперь неуместны, что послевоенный период — не есть передышка, что вся литература без изъятия должна быть боевой и воспитывающей?»[19]

Б. М. Эйхенбаум записал по тому же поводу 17 августа:

«Теперь начинается новый трудный сезон. Он открылся вчера общегородским собранием писателей в актовом зале Смольного. Этому предшествовало совещание в Москве, в ЦК: были вызваны редактора наших журналов (Саянов, Лихарев, Левоневский, Капица), Прокофьев, Никитин. С ними беседовал Сталин! Была поставлена резолюция, которую вчера огласил А. А. Жданов со своими комментариями (говорил 1,5 часа). Главное в этой резолюции, подробно разъясненное Ждановым, — решение о Зощенке (по поводу его рассказа "Приключение обезьяны", напечатанное в 5–6 "Звезды") и об Ахматовой. Они предаются изгнанию из литературы и будут исключены из Союза. О Зощенке — сплошная ругань, самая резкая: "подонки литературы", пошляк, хулиган: мерзость, ничего не сделал для народа во время войны и т. д. "Он хочет, чтобы мы приспособились к нему, этого не будет, а если он не хочет работать с нами, пусть идет ко всем чертям" (буквально так). Было сказано и о "Серапионовых братьях" в тоне глубокого презрения. Об Ахматовой — буржуазно-дворянская поэтесса, декаденствующая, пессимистичная, бродит между будуаром и молельней и пр. Самым резким образом о символистах. Одним словом — обоим смертный приговор. Секретарь Горкома Широков снят, Капустину — выговор, журнал "Ленинград" закрыт (довольно и одного журнала для такой литературы), Лихареву — выговор, Саянову — выговор, редактором "Звезды" назначен А. М. Еголин (он присутствовал, но не выступал). После доклада Жданова были выступления разных людей, о которых умолчу: зрелище жалкое. Итак, Зощенку постигла судьба его же обезьяны. В дальнейшем будут, очевидно, еще всякие последствия. Тихонов не будет председателем Лен. отд[еле]ния Союза. Обо мне не упоминали — только Григорьев что-то пробурчал мельком о моей статье — о той самой, про которую Н. Маслин написал в № 5 "Культуры и жизни" (совершенно извратив ее смысл). — Надо полагать, что теперь будет собрание (и не одно) в Союзе, где опять все это будет обсуждаться и где будет произведена церемония исключения Зощенки и Ахматовой из Союза. Возможно, что там придется не только голосовать, но и выступать...»[20]

[18] Там же. С. 282–283.

[19] *Чуковский К. И.* Дневник (1936–1969). С. 87–88.

[20] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года // Петербургский журнал. СПб., 1993. № 1/2. С. 189–190.

Борис Михайлович умолчал о том, что он не просто присутствовал на этом знаменательном собрании. Он как член правления ЛО ССП оказался избранным в президиум и наблюдал сидящий в оцепенении зал[21].

Председательствующий на собрании А. А. Прокофьев сразу после выбора президиума пригласил на трибуну А. А. Жданова, тот начал с главного:

> «Товарищи, мне поручено Центральным Комитетом партии доложить о решении ЦК в отношении журналов "Звезда" и "Ленинград".
>
> Инициатива постановки вопроса о положении в журналах "Звезда" и "Ленинград" принадлежит товарищу Сталину. Равным образом по инициативе товарища Сталина этот вопрос был обсужден на заседании Центрального Комитета, при личном участии товарища Сталина, как один из основных вопросов заседания ЦК, состоявшегося на днях. То же самое необходимо сказать о том решении, которое я имею честь вам доложить.
>
> Разрешите сначала доложить решение, а потом сделать некоторые комментарии.
>
> Я оглашаю решение Центрального Комитета: "Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа о журналах 'Звезда' и 'Ленинград' "»[22].

Несмотря на то что во второй половине своего доклада Жданов переключился от М. М. Зощенко, А. А. Ахматовой и ленинградских журналов на общие вопросы культуры, коснувшись даже футбола, зал не мог оправиться от удара. Особенно резкими казались характеристики, которые раздавал секретарь ЦК. Мало того, что А. А. Жданов назвал М. М. Зощенко «подонком литературы» (в конспекте доклада он обозначил для себя писателя «пакостник, мусорщик, слякоть»[23] и развил это уже по ходу доклада), что воскрешало характеристики подсудимых на политических процессах 30-х гг., но он еще и недвусмысленно обвинил его в приверженности к фашистской идеологии[24]. Переходя же к личности А. А. Ахматовой, секретарь ЦК не стал выбирать выражений и обозначил Анну Андреевну с трибуны Смольного более крепким словом[25].

---

[21] ЦГАИПД СПб. Ф. 25 (ЛГК ВКП (б)). Оп. 2. Д. 5876. Л. 2. Состав президиума был проголосован списком. В него вошли: секретарь ЦК А. А. Жданов, 1-й секретарь ОК и ГК П. С. Попков, заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК А. М. Еголин, председатель Правления ЛО ССП А. А. Прокофьев, секретарь парторганизации ЛО ССП П. И. Капица и члены Правления ЛО ССП — Б. М. Эйхенбаум, Н. Л. Браун, В. А. Лифшиц, В. М. Саянов, Т. А. Кожемякин, Н. Н. Никитин и О. М. Форш.

[22] ЦГАИПД СПб. Ф. 25 (ЛГК ВКП (б)). Оп. 2. Д. 5876. Л. 3. Преамбула о роли т. Сталина в разработке постановления ЦК не вошла в общеизвестный опубликованный вариант доклада А. А. Жданова.

[23] РГАСПИ. Ф. 77 (А. А. Жданов). Оп. 1. Д. 978. Л. 112.

[24] Ср.: «"Приключения обезьяны" тянет нас к звериному, в то время как одна из основных задач советской культуры заключается в том, чтобы ликвидировать зверя в человеке, чтобы развернуть полностью человеческие качества и свести к минимуму то, что является атавизмом или давно прошедшим. Мы ведь знаем, какие люди культивировали возврат к звериному, мы знаем, какие люди насаждали звериное и истребляли все человеческое. Вот и теперь Зощенко призывает нас к обезьяне, провозглашает теорию обратного развития — от человека к обезьяне, "как высшему судье советских порядков и советского быта"» (ЦГАИПД СПб. Ф. 25 (ЛГК ВКП (б)). Оп. 2. Д. 5876. Л. 9–10).

[25] А. А. Жданов употребил такое выражение, что при диктовке стенографисткой расшифровки стенограммы машинистка вынуждена была оставить пустое место вместо одного слова: «Второй <*пропуск слова*> ленинградской литературы является Анна Ахматова» (оба экземпляра стенограммы имеют этот пропуск — Там же. Л. 13; РГАСПИ. Ф. 77 (А. А. Жданов). Оп. 1. Д. 803. Л. 14). Учитывая то обстоятельство, что обороты типа «подонок» в стенограмме отражены, а сама стенограмма выполнена на очень высоком уровне, то пропуск слова в ней может означать только лишь то, что оратором было употреблено непечатное слово или выражение. И хотя в кратком

Участники прений по докладу секретаря ЦК были определены заранее, в большинстве это были те же ораторы, которые выходили на трибуну накануне, на собрании актива ленинградской парторганизации. Единственным специалистом по истории литературы, кто поднялся на трибуну с выступлением, был заместитель директора Пушкинского Дома Л.А. Плоткин. Он не переходил на личности, выступая лишь потому, что ему по рангу полагалось выступить. В своем кратком слове он коснулся сути постановления, а также без умысла отметил особенность периодической печати 40-х гг. в области истории литературы:

> «Но дело идет не только о Зощенко и Ахматовой. Дело идет о том, что мы переживаем процесс становления в области искусства; в области кино и театра происходит своеобразный отсев, своеобразная дифференциация. И надо сказать, что огромной нашей ошибкой является то, что мы допустили и допускали в своей работе христианское всепрощение. Это христианское всепрощение, это забвение нашей партийной, советской идеологии проявлялось не только в художественном творчестве, оно проявлялось и в историко-литературной работе. Возьмите статьи на литературные темы в нашей газете “Ленинградская правда”. Это — сплошь юбилейное славословие, которое имеет нечто оскорбительное, ибо благодаря ему не отличишь Пушкина от Салтыкова-Щедрина, Аксакова от Тургенева, — все они стандартизованы как нечто одинаковое»[26].

Лишь один из выступавших, Н.Ф. Григорьев[27], коснулся не писателя, а литературоведа — это обстоятельство отмечено в приведенной дневниковой записи Б.М. Эйхенбаума. Речь шла о статье Бориса Михайловича «Поговорим о нашем ремесле», которая была помещена в «Звезде». Кроме того, оратор без умысла доносит до нас информацию о том, что вопрос о литературных журналах возник еще до выхода в свет в «Звезде» «Приключений обезьяны»:

> «Хочу сказать о “Звезде”. Мне пришлось ее недавно прочитывать. Я ее читал мельком и раньше <...>. А вот месяц тому назад я по поручению горкома партии должен был прочитать ее. Вижу, дело ответственное, стал читать. И удивительно, что, читая статью Б. Эйхенбаума, думаешь — как же эта статья могла быть напечатана, а ведь я ее раньше читал»[28].

К счастью для Бориса Михайловича, в резолюции собрания он не был отмечен персонально. Но даже если бы вышло иначе, он вряд ли бы стал просить собрание изменить что-то в тексте в свою пользу. Поименованные же, прекрасно понимая значение такого упоминания, напоминавшего волчий билет, пытались спасти себя. Некоторым

конспекте доклада А.А. Жданова на собрании писателей, в самом начале раздела об А.А. Ахматовой имеется фраза: «Вторым персонажем, “персона грата” стала Ахматова» (РГАСПИ. Ф. 77. (А.А. Жданов). Д. 978. Л. 112); но если бы было произнесено именно это выражение, то в стенограмму должно было попасть хотя бы слово «персона» или «персонаж».

[26] Стенограмма общегородского собрания писателей, работников литературы и издательств / Публ. В.В. Иофе // Звезда. Л., 1996. № 8. С. 17.

[27] Григорьев Николай Федорович (1896–1986) — прозаик, член ВКП(б) с 1942 г., накануне он присутствовал на собрании партактива.

[28] ЦГАИПД СПб. Ф. 25 (ЛГК ВКП (б)). Оп. 2. Д. 5876. Л. 100. В публикации в 1996 г. стенограммы прений «с незначительными сокращениями» выступление Н.Ф. Григорьева оказалось сокращено полностью (Стенограмма общегородского собрания писателей, работников литературы и издательств. С. 6–24). Судя по хронологии, Григорьев просматривал журнал «Звезда» к обсуждению, состоявшемуся на пленуме Ленинградского горкома ВКП(б) 26 июля 1946 г.

это удалось. Когда был зачитан текст резолюции, подготовленный накануне секретарем горкома ВКП(б) Н.Д. Синцовым[29], произошло следующее:

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [А.А. Прокофьев]: Товарищи, есть предложение принять резолюцию за основу. Кто за это, прошу поднять руки. (Голосование).

Какие есть дополнения или изменения к резолюции?

Тов. КЕТЛИНСКАЯ: У меня поправка такого порядка. Там, где перечисляются отдельные произведения, которые не были упомянуты в докладе и в выступлениях ораторов, мне кажется, их не надо упоминать, а то получается чрезвычайно субъективный подбор материала. Например, там указана моя повесть “Золотой мост”. Мне кажется, что нужно придерживаться того, что обсуждалось на данном собрании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [А.А. Прокофьев]: Товарищи! Вера Кетлинская внесла следующее предложение: чтобы в проект резолюции были включены в смысле отрицательной оценки только те произведения, о которых на собрании упомянули докладчик или ораторы. Вот это предложение я голосую. Кто за это предложение, прошу поднять руки. Кто против? Придется считать голоса. (Шум в зале.)

Тов. ЖДАНОВ: Надо, чтобы Вера Кетлинская сказала, какие конкретно фамилии она предлагает снять, потому что в такой общей форме нельзя голосовать. Я бы, например, если бы был писателем, не голосовал бы ни за, ни против. Пусть Вера Кетлинская с трибуны скажет, кого конкретно необходимо снять с этой резолюции.

Тов. КЕТЛИНСКАЯ: Я, товарищи, считаю, что будет правильнее, объективнее, вернее, если сегодня в таком очень ответственном документе будут включены, как слабые идейно, или слабые художественно, произведения, которые здесь подвергались обсуждению или критике или хотя бы получили общую отрицательную оценку до того в печати. Я не могу сейчас бегло указывать точно, но, во-первых, я очень удивлена, увидев свою фамилию и повесть, которая никак не обсуждалась сегодня, в то время как она имела и хорошую и отрицательную оценку в печати. И другая вещь “Ленинградская симфония” Берггольц. Еще некоторые просто не упомнишь. Но ведь это очень важный документ, и я считаю, что будет правильным, если мы поручим президиуму отредактировать этот пункт, приведя его в соответствие с докладом и прениями на данном ответственном совещании»[30].

И тут произошел очень любопытный момент — А.А. Прокофьев, вопреки воле А.А. Жданова, отвел удар от В.К. Кетлинской и О.Ф. Берггольц, причем смелость его кажется удивительной и, возможно, имеет какие-то неизвестные нам основания:

---

[29] Резолюции собраний 15 и 16 августа (как и сделанные А.А. Ждановым доклады) отличались между собой. Резолюция собрания партактива от 15 августа, составленная комиссией из секретарей обкома и горкома А.Д. Вербицкого, Г.Ф. Бадаева, И.М. Турко и Н.Д. Синцова, была заранее, в 11 часов утра 15 августа, утверждена на заседании бюро обкома и горкома (*Волков Вит.* За кулисами / Аврора. Л., 1991. № 8. С. 49). Автором текста резолюции был новый секретарь ОК по идеологии Н.Д. Синцов (автограф — ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 5877. Л. 2–6); окончательный вариант опубликован 22 августа (Резолюция собрания актива Ленинградской партийной организации по докладу тов. Жданова о постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» // Ленинградская правда. Л., 1946. № 197. 22 августа. С. 2). Н.Д. Синцовым был подготовлен и проект резолюции собрания от 16 августа (машинопись с его подписью — ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 5877. Л. 7–14), опубликовано также 22 августа (Резолюция общегородского собрания ленинградских писателей по докладу тов. Жданова // Ленинградская правда. Л., 1946. № 197. 22 августа. С. 2).

[30] Стенограмма общегородского собрания писателей, работников литературы и издательств. С. 22–23.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [А. А. Прокофьев]: Я считаю, что это предложение Веры Кетлинской можно принять — поручить президиуму уточнить список произведений.

Тов. ЖДАНОВ: Здесь речь идет о "Золотом мосте" Кетлинской и "Ленинградской симфонии" Берггольц. Я считаю, что этот вопрос нельзя голосовать без предварительного очень тщательного разбора.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [А. А. Прокофьев]: Кто за то, чтобы принять поправку, внесенную тов. Кетлинской в отношении этих произведений, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Прошу поднять руки, прошу опустить. Кто воздержался? Поправка принимается»[31].

Причем это кажется странным вдвойне, если знать, что накануне на собрании партактива А. А. Прокофьев, говоря о «Поэме без героя», выступил с публичным доносом на Ольгу Федоровну:

«Последняя поэма Анны Ахматовой, в которой она признается, что пишет симпатическими чернилами, даже и для неопытного литератора становится ясным, что тут много зашифровано... <...> Я забраковал ее и не допустил к изданию, но дальше ничего не двигалось. Вот в чем наша ошибка. Мы недостаточно боролись за то, чтобы снизить авторитет Анны Ахматовой. Я перед партийным активом заверяю, что писательница коммунистка Ольга Берггольц стояла за то, на заседании Президиума [ЛО ССП], чтобы выдвинуть Анну Ахматову на Сталинскую премию»[32].

Эта победа вдохновила выйти на трибуну тех, кто был перечислен в числе «раздувавших авторитет М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой и пропагандировавших их писания», — Ю. П. Германа и литературоведа В. Н. Орлова; однако их порыв был нейтрализован В. М. Саяновым (он был уже снят постановлением ЦК с поста ответственного редактора «Звезды», и терять ему было нечего). Виссарион Михайлович не собирался молча наблюдать за тем, как его коллеги по цеху избегают партвзысканий:

«Здесь выступают товарищи с требованием исключить их фамилии из резолюции, требуют разграничения своей вины. Но суть дела не в этом. Мы должны признать свою вину перед ЦК партии и товарищем Сталиным. Мы совершили серьезные идеологические ошибки, и мы должны это признать. Нам надо признать сейчас, что все наши попытки оправдаться никому не нужны. Нам надо признать, что мы навредили и напортили в своей работе. А в дальнейшем нас, советских писателей, никто не опорочивает. Партия указывает на наши ошибки, — исправьте своей работой. Вот о чем идет речь. Поэтому я думаю, что не стоит продолжать разговоры о снятии фамилий. Нам указывают, надо признать свои ошибки, честно исправить, от этого будет польза литературе, искусству, и мы честно ответим партии, честно выполним свой долг, как большевики»[33].

В проекте резолюции собрания 16 августа, подготовленном Н. Д. Синцовым, отдельный абзац был отведен литературоведам:

«Снижение идейного уровня работы писательской организации объясняется также примиренческим отношением критиков к современным произведениям, уходом их от современных тем в "чистое" литературоведение»[34].

---

[31] Там же. С. 23.
[32] РГАСПИ. Ф. 77 (А. А. Жданов). Оп. 1. Д. 802. Л. 149.
[33] Там же. С. 24.
[34] ЦГАИПД СПб. Ф. 25 (Ленинградский горком ВКП (б)). Оп. 2. Д. 5877. Л. 11.

Но в окончательный текст[35] этот абзац не вошел. Не совсем понятно, когда именно произошло его изъятие: в имеющемся в нашем распоряжении первоначальном варианте вычеркнуты те фрагменты, по которым происходило обсуждение и голосование (что отражено в стенограмме собрания), а также указанный абзац, по которому никакого обсуждения не проводилось. Единственным, кто после утверждения резолюции мог вносить (и вносил) изменения в текст, был А. А. Жданов. По крайней мере, резолюция собрания партактива им редактировалась вплоть до 19 августа (этим числом датирована записка заведующего особым сектором Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), приложенная к окончательному варианту: «Поправки карандашом сделаны на основе указаний тов. Жданова. В. Агапов. 19.VIII.1946»[36]).

Метаморфозы происходили и с текстом доклада А. А. Жданова — он был сильно отредактирован перед тем, как его напечатала главная газета страны[37]. Вероятно, одним из тех, кто был неприятно удивлен окончательным вариантом доклада, напечатанным в «Правде», был все тот же Б. М. Эйхенбаум. Дело в том, что в числе прочих корректив оказался видоизмененным и один из разделов об А. А. Ахматовой. В стенограмме он выглядит следующим образом:

> «Тематика Ахматовой, ее поэзия — это поэзия индивидуалистическая, поэзия, диапазон которой расположен между будуаром и моленной. Там основное — грусть, тоска, смерть, причем любовь всегда трактуется наряду со смертью. Основная тема — это личная жизнь, личные увлечения. Эта ахматовская поэзия совершенно далека от народа, это поэзия десяти тысяч верхних, которые уже чувствовали свою обреченность, чувствовали, что им недолго жить. Поэтому в некоторых местах, когда Ахматова пытается изложить свои политические взгляды, то эти ее политические взгляды на стороне прошлого, ее политические взгляды на стороне периода помещичьих усадеб времен Екатерины»[38].

В «каноническом» же газетном варианте абзац выглядит уже иначе:

> «Тематика Ахматовой насквозь индивидуалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии, — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной. Основное у нее — это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности. Чувство обреченности, — чувство, понятное для общественного сознания вымирающей группы, — мрачные тона предсмертной безнадежности, мистические переживания пополам с эротикой — таков духовный мир Ахматовой, одного из осколков безвозвратно канувшего в вечность мира старой дворянской культуры, “добрых старых екатерининских времен”. *Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой.* <...> Такова Ахматова с ее маленькой, узкой личной жизнью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистической эротикой»[39].

---

[35] Резолюция общегородского собрания ленинградских писателей по докладу тов. Жданова // Ленинградская правда. Л., 1946. № 197. 22 августа. С. 2.

[36] *Волков Вит.* За кулисами: Некоторые комментарии к одному постановлению. С. 50.

[37] Существует версия, что при объединении двух стенограмм в один печатный текст А. А. Жданов пользовался дружеской помощью Вс. Вишневского.

[38] ЦГАИПД СПб. Ф. 25 (Ленинградский горком ВКП (б)). Оп. 2. Д. 5876. Л. 11.

[39] *[Жданов А. А.]* Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде // Звезда. Л., 1946. № 7/8. Июль–август. С. 11.

Посреди этого текста, и без того серьезно усиленного, Борис Михайлович увидел, что Жданов буквально говорит его собственными словами, цитирует его... Жданов распинал Ахматову скрытой цитатой из книги Эйхенбаума «Анна Ахматова. Опыт анализа» 1923 г.:

> «При отсутствии метафор, естественно обогащающих язык, Ахматова должна была ввести в свою поэзию новый словесный слой, чтобы выйти за пределы разговорной речи, уже достаточно использованной. Этим новым слоем и оказалась речь церковно-библейская, речь витийственная, которая вступила в сочетание с разговорной и частушечной. В "Четках" уже есть зародыш этого движения, как видно по приводившимся выше примерам. <...> Тут уже начинает складываться парадоксальный своей двойственностью (вернее — оксюморонностью) образ героини — *не то "блудницы" с бурными страстями, не то нищей монахини, которая может вымолить у Бога прощенье*»[40].

Если Б. М. Эйхенбаум и был отмечен в окончательном варианте доклада скрытой цитатой, то ни его имя, ни вопрос литературоведения вообще в докладе не упоминались. Но это случайное обстоятельство, конечно же, не могло уберечь область истории литературы от сокрушительных последствий. Иллюзий никто не испытывал — ни в Ленинграде, ни в Москве.

Московский славист С. Б. Бернштейн отметил постановление ЦК в своих записях:

> «Вчера провел вечер у Леонида Петровича Гроссмана. Были еще Г. О. Винокур, А. Я. Таиров и актер А. Н. Глумов. У всех похоронное настроение. Вызвано это последним постановлением партии от 14 августа. <...> Мрачный А. Я. Таиров говорит: "Это только начало. Нас всех ждут тяжелые времена". Гроссман пытался развеять мрачные предчувствия, но это звучало наивно и неубедительно. Неожиданно Глумов встал и очень сильно прочитал "Пророк" Пушкина. Все долго молчали. После великих пушкинских слов нельзя было говорить. Домой возвращался с Винокуром. Григорий Осипович сказал: "Мы еще будем вспоминать счастливые времена военного времени". Не хочу в это верить»[41].

Лингвист Г. О. Винокур оказался тогда трагически прав: в филологии, да и вообще во всех областях науки и общественной жизни, наступила новая эпоха.

Постановление повсеместно обсуждалось, в том числе и на филологических факультетах университетов: «Уже 30 августа наши университетские литературоведы широко на кафедрах обсуждали постановление о журналах "Звезда" и "Ленинград"»[42], — записал С. Б. Бернштейн.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ И. М. НУСИНОВА

Первым послевоенным идеологическим мероприятием непосредственно в области истории литературы стала «критика» крупного советского литературоведа, члена ВКП(б), доктора филологических наук, профессора МГПИ, деятельного участника

---

[40] Цит. по: *Кралин М.* Победившее смерть слово: Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках. Томск, 2000. С. 183. (Именно автор этой книги отметил факт скрытой цитаты, однако он не подозревал, что цитата включена в текст уже на этапе редакционной обработки доклада.)

[41] *Бернштейн С. Б.* Указ. соч. С. 82. Запись от 2 сентября 1946 г.

[42] Там же. С. 83. Запись от 5 сентября 1946 г.

еврейского литературного движения и активного члена Еврейского антифашистского комитета Исаака Марковича Нусинова (1889–1950), развернутая в мае 1947 г.

Почему был избран именно он, ведь преследование членов ЕАК и открытый антисемитизм начались позднее? Ответ прост: нашелся человек, замолвивший за него «словечко» перед ЦК.

Во многих отраслях советской науки можно наблюдать таких людей-детонаторов (иначе говоря, провокаторов), усилиями которых различные области науки подверглись серьезному деструктивному воздействию со стороны действующей власти. В философии таким человеком-детонатором явился, без всяких сомнений, профессор З. Я. Белецкий; в истории — академик А. М. Панкратова. В филологии процесс был более сложным в силу нескольких «очагов возгорания», но первым таким детонатором стала ученица И. М. Нусинова, доцент МГПИ Е. Б. Демешкан.

> «...Фанатичная антисемитка — Демешкан, которая была преподавателем Ленинского пединститута <...>, славилась тем, что писала заявления-доносы на всех подряд: на своих учителей, на соучениц, на сотрудников и просто людей, которые были ей подозрительны и вызывали ее ненависть, как евреи. Говорили, что у нее в начале революции был расстрелян отец, и она почему-то считала, что виновны в этом были те же евреи. Она ходила на защиты диссертаций и выступала с разгромными речами, имевшими большой успех у определенной части аудитории. Некоторые считали ее ненормальной, и, видимо, такой она и была, но факт тот, что ее “ненормальность” в данный момент получила высокую поддержку»[43].

Более предметно Елену Демешкан описывает Г. В. Костырченко:

> «Дочь полковника царской пограничной охраны, расстрелянного в Крыму красными, она, скрыв свое дворянское происхождение, в 1934 году поступила в Московский государственный педагогический институт, где после получения диплома осталась на кафедре западной литературы, возглавлявшейся Нусиновым. В 1941 году защитила под его руководством кандидатскую диссертацию. Потом была эвакуация в Ульяновск, из которой Демешкан в 1943 году помог возвратиться обратно в МГПИ тот же Нусинов, устроивший ее доцентом на своей кафедре. Однако, чутко уловив нагнетавшиеся сверху антисемитские настроения, молодая специалистка направила в ЦК ВКП(б) донос на своего благодетеля, уличив его в придании руководимой им кафедре “известного национального профиля”. Вскоре приехала комиссия со Старой площади, и в начале 1945 года Нусинов был снят с работы. Такой результат окрылил Демешкан, которая, заявляя теперь, что ее поддерживают видные работники из ЦК, открыто стала проповедовать в институте антисемитские взгляды. В частности, она убеждала коллег в том, что в институте “орудует” “еврейская лавочка” и, вообще, “евреи хуже, чем фашизм”, что “еврейская нация повредила русскому народу, так как они повинны в том, что захирело производство там, где они заполонили управленческий аппарат”. Неоднократные попытки администрации и общественных организаций МГПИ как-то урезонить Демешкан только еще больше распаляли антисемитку, сетовавшую на то, что ее преследуют за правду. С каждым годом ее юдофобская агитация становилась все более вызывающей, а попытки “разоблачить антипатриотическую деятельность в институте троцкистско-бундовского охвостья” более масштабными. В мае 1948 года терпение руководства МГПИ наконец истощилось и оно, решив власть употребить, уволило

[43] *Евнина Е.* Из книги воспоминаний: Во времена послевоенной идеологической бойни // Вопросы литературы. М., 1995. Вып. IV. С. 252.

Демешкан из института. И вот тогда та написала Сталину <...>. Не надо обладать особой проницательностью, чтобы предугадать дальнейший ход событий. Как и следовало ожидать, Демешкан через какое-то время по указанию заведующего ОПиА ЦК Ф. М. Головенченко была восстановлена на работе в МГПИ»[44].

Впоследствии антисемитизм Демешкан еще более усилился, перейдя в откровенную юдофобию, и усмирить ее оказалось возможным лишь после смерти Сталина. 15 декабря 1953 г. она с ведома М. А. Суслова была уволена из МГПИ, но умудрилась по суду восстановиться на работе, хотя Верховный суд РСФСР вскоре отменил такое решение, поскольку в дело вынужден был вмешаться Хрущев[45]. После XX партсъезда Демешкан была выдворена из Москвы и переехала в Кострому, где преподавала в местном désинституте античную литературу и вела себя довольно мирно. Как вспоминала одна из ее первокурсниц 1957 г., «Е. Б. Демешкан, только что изгнанная за какие-то прегрешения из Москвы; через год она уже проследовала на Дальний Восток»[46]. Демешкан переехала в Магадан и там преподавала в пединституте, вышла замуж, сменив фамилию (теперь она стала Калаповой), но привычек своих не изменила[47]. В 1964 г., уже по возвращении в Москву, в издательстве «Высшая школа» трехтысячным тиражом была напечатана ее небольшая книга «В. Г. Белинский о Шекспире. К вопросу о месте В. Г. Белинского в истории русского и зарубежного шекспироведения». В том же году, юбилейном для Шекспира, в газете «Советская Россия» была напечатана ее статья, главное отличие которой — вульгарно-политизированный стиль[48].

Воинствующий антисемитизм Демешкан пытался оправдать Лев Аннинский в своих мыслях по поводу книги Г. В. Костырченко:

> «Я отнюдь не склонен думать, что, отъезжая на Дальний Восток, Е. Демешкан “заметала следы”. Не та натура! Я даже не готов счесть эту женщину сумасшедшей, хотя ее ненависть к евреям явно перехлестывает в манию. Но тогда откуда, откуда это? А вы перечитайте начало. “Дочь полковника... расстрелянного в Крыму красными...” На глазах у девочки, что ли, расстреливали? Запросто. Кто расстреливал — конкретно? То есть не в смысле: кто целился и стрелял — да кто угодно! Но кто приговаривал? Я сильно подозреваю, что комиссар, поставивший царского полковника к стенке, был евреем. Остальное экстраполируйте»[49].

Вряд ли это эмоциональное объяснение может компенсировать тот урон, который невинные люди понесли от ее действий.

Но вернемся к роли Демешкан в разоблачении И. М. Нусинова. Причем к роли публичной, поскольку она своих взглядов не скрывала; например, на заседании коллегии Министерства высшего образования СССР 23 марта 1949 г. — в момент наивысшего накала борьбы с космополитизмом — она заявляла:

> «Меня хорошо знают и по моим статьям и по тому, что первый удар Нусинову был нанесен мною, что он убежденный враг народа, русских за людей не считает и в таком духе воспитывал молодежь. Он внушал русской части студентов, что они не способны

---

[44] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 317.

[45] Там же. С. 318.

[46] *Хомякова Г. Н.* Я ненавижу этот ход событий // Литературная Россия. М., 2006. № 13. 31 марта. С. 12.

[47] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 318.

[48] *Калапова Е.* Наш давний друг: К 400-летию со дня рождения Вильяма Шекспира // Советская Россия. М., 1964. № 96. 23 апреля. С. 4.

[49] *Аннинский Л. А.* На краю Отечества // Нева. Л., 2003. № 7. С. 202.

учиться. Студенты и говорят — не пойдем в аспирантуру по западной кафедре, потому что говорят, что мы не так способны. Эту группу точно можно назвать, что это диверсионная группа. Большинство членов этой группы происходило из крупной еврейской дореволюционной буржуазии, большинство побывало за границей, вышли из троцкистов, из бунда. Они связаны друг с другом с детских лет. Аникст знает Нусинова еще со Швейцарии, вместе приехали в 191[7] г. Они совершенно откровенно проводили свою вредительскую деятельность. Профессора Нусинова никто не пытался разоблачить, и они это прекрасно понимали. Раскусила его молодежь, но с нами, только что вошедшими в литературу представителями молодежи, мало кто считался. Он говорил, что книга Стефана Цвейга о Толстом стоит всех работ Ленина о Толстом — это говорилось на кафедре в 1945 г. Трудно передать всю ту пакость, которую мы слышали с кафедры в эти годы»[50].

Эти слова Демешкан произносила уже после 12 января 1949 г. — дня ареста И. М. Нусинова по делу ЕАК. А начало его послевоенных невзгод приходится, как было указано, на 1945 г. Причем тогда, когда он был уволен по рекомендации ЦК ВКП(б) с должности заведующего кафедрой всеобщей литературы МГПИ, оставшись там на должности профессора-совместителя, одновременно по ходатайству ВКВШ он был принят на ставку профессора в МГПИИЯ, где работал до самого ареста. Таким образом, усилия Демешкан в 1945 г. принесли свой результат, но он вряд ли он мог ее устроить: Нусинов не только избежал более серьезных последствий, но и дистанцировался от своей воинствующей ученицы[51].

Кроме того, Демешкан активно общалась с Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); по крайней мере, именно об этом говорит ее сотрудничество с газетой «Культура и жизнь». 20 ноября 1946 г. в этом издании была опубликована пространная рецензия Демешкан на «Программу по новой западной литературе» профессора Я. М. Металлова, наиболее известного ученика И. М. Нусинова, озаглавленная «Аполитичность в учебной программе по литературе». Кроме прочего, она заметила в работе Якова Михайловича следующие идеологические промахи:

«Аполитичность программы проявляется и в характеристике литературы империалистической реакции. Трудно поверить, что эта программа составлена для советского вуза и появилась в свет после долгих лет напряженной борьбы с фашизмом. <...> Крупнейший порок программы — в игнорировании благотворного и мощного влияния русской литературы и русской общественной мысли на зарубежную литературу»[52].

И вот весной 1947 г., на вздымающейся волне борьбы с пресмыкательством перед иностранщиной, Демешкан наконец-то находит верный способ для дискредитации своего бывшего научного руководителя (этим несложным способом впоследствии воспользуются многие ее «коллеги по цеху»). Она снабжает компрометирующими материалами более высокопоставленное лицо. Этим лицом оказался заместитель генерального секретаря правления ССП СССР Николай Тихонов, уступивший 13 сентября 1946 г. (после постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград») руководство писатель-

---

[50] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 226. Л. 36.

[51] 21 июня 1947 г. он все-таки будет вынужден подать заявление об уходе и навсегда оставит кафедру всеобщей литературы МГПИ (Архив МПГУ. Личное дело И. М. Нусинова (1946 г.). Л. 24).

[52] *Демешкан Е.* Аполитичность в учебной программе по литературе // Культура и жизнь. М., 1946. № 14. 20 ноября. С. 4.

ской организацией А. А. Фадееву. Именно по материалам, предоставленным Демешкан, Николай Тихонов написал статью под громким заглавием «В защиту Пушкина», напечатанную 9 мая 1947 г. в газете «Культура и жизнь».

Статья оказалась вполне своевременной: в эти дни даже гипотезы о заимствовании русскими писателями сюжетов для своих произведений из зарубежных источников уже безапелляционно считались ущербными и идеологически опасными. А потому Тихонов, приправив статью цитатами из Сталина и Жданова, без особенного труда разнес в щепки книгу Нусинова «Пушкин и мировая литература», увидевшую свет в 1941 г., книгу, в которой, по его словам, «все настоящее русское, народное, пушкинское принесено в жертву безудержному, некритическому преклонению перед Западом»[53].

Вот некоторые положения статьи:

> «Старательно окружая свои выводы ворохом цитат из различных источников, домыслами и ловкими пируэтами ложнонаучных фраз, проф[ессор] Нусинов тщится установить, что Пушкин и вместе с ним вся русская литература являются всего лишь придатком западной литературы и лишены самостоятельного значения. Преклонение перед Западом заставляет проф[ессора] Нусинова сделать этот чудовищный вывод. <...>
>
> По Нусинову выходит, что русский народ ничем не обогатил мировую культуру, а его лучшие представители сидели на парте и списывали то, что добыто западными учителями. <...>
>
> Кто позволил Нусинову так оскорбительно и пренебрежительно зачеркивать славные имена русской литературы, так попирать национальное чувство народа? <...>
>
> Вся книга Нусинова, отвергающая все замечательное наследие “великой русской нации” (Сталин), является со своей проповедью “моцартианского жизнелюбия”, хотел или не хотел того проф[ессор] Нусинов, тяжким поклепом на прошлое и будущее нашей великой литературы»[54].

Неудивительно, что генеральный секретарь правления ССП А. А. Фадеев счел эту тему достойной для дальнейшей разработки. Фадеев изучил вопрос и построил на развенчании клеветнических идей И. М. Нусинова очень яркий раздел своей речи на пленуме ССП в июне 1947 г. Более подробно на этой знаменательной речи мы остановимся ниже, в разделе о судьбе школы академика Веселовского, но основные моменты критики в адрес Нусинова стоит привести:

> «Имеются ли у нас явления низкопоклонства перед Западом в литературе? Да, они имеют место. Совершенно правильно выступил Н. Тихонов в газете “Культура и жизнь” со статьей против книги И. Нусинова “Пушкин и мировая литература”. Эта книга издана в 1941 году, долго жила, не встречая никакой критики, а это очень вредная книга. <...>
>
> Основная мысль этой книги, что гениальность Пушкина не есть выражение особенностей исторического развития русской нации, что обязан был бы показать марксист, а задача этой книги — показать, что величие Пушкина состоит в том, что он “европеец”, что на все вопросы, которые поставила Западная Европа, он, дескать, находил свои ответы. Очень характерно, как Нусинов объясняет не такую широкую известность Пушкина в Европе в свое время. Он объясняет это вовсе не тем, что зазнавшаяся невежественная Европа не видела, что происходило в это время с великой русской нацией и поэтому наплевательски относилась к такому гению русского народа, как Пушкин. А он это

[53] *Тихонов Н.* В защиту Пушкина // Культура и жизнь. М., 1947. № 13 (32). 9 мая. С. 4.

[54] Там же.

объясняет тем, что Пушкин — это "европеец", свой брат среди западноевропейских гениев и поэтому он там не мог звучать. <...>

"...Толстой и Достоевский отрицали Запад, противопоставляя ему свои восточные идеалы, идеалы России". Так и сказано: "восточные идеалы, идеалы России"! На этой концепции, что свет идет с Запада, а Россия страна "восточная", стоит эта книга.

Пушкин сделан безнационально-всемирным, всеевропейским, всечеловеческим. Как будто можно быть таким, выпрыгнув из исторически сложившейся нации, к которой ты принадлежишь, как будто можно быть всечеловеческим вне нации, помимо нации.

Как и во всякой дрянной книжке, здесь, конечно, выставлены всякие заградительные щиты. Говорится о Пушкине черт знает что, а потом, между строк, что Пушкин — великий русский гений. Но, по Нусинову, все дело в том, что Пушкин "продолжал и углублял западную культуру", поскольку будущее русского народа было для Пушкина "немыслимо вне путей Запада". <...> Эта книга, помимо всего прочего, ужасно вульгарна»[55].

И так далее...

Нет ничего удивительного, что Фадеев стал использовать в своей пропагандистской речи критику Нусинова: ведь Фадеев сам был рупором пропаганды и искренне держался сталинского курса. А роль, сыгранная Фадеевым в истории советской литературы и советской филологической науки, — ключевая. Без рассказа о нем невозможно понять картину воздействия сталинского руководства как на саму литературу, так и на науку о литературе.

А. А. ФАДЕЕВ — ВОЖДЬ И УЧИТЕЛЬ ПИСАТЕЛЕЙ И ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

Генеральный секретарь правления Союза советских писателей СССР, член ЦК ВКП(б) Александр Александрович Фадеев (1901–1956) был важнейшей политической фигурой советского литературоведения второй половины 40-х гг. Это объясняется уже указанным обстоятельством, что подавляющее большинство литературоведов входило в ССП, а потому все происходившее в рассматриваемые нами годы в советской литературе и вокруг нее (в истории литературы, теории литературы, литературной критике) невозможно рассматривать в отрыве от фигуры А. А. Фадеева. Насколько оказалась важна его роль в начатом летом 1947 г. разгроме идей А. Н. Веселовского, повлекшем за собой сокрушительный удар по филологии, настолько же было определяющим и его участие в развернутой 28 января 1949 г. борьбе с космополитизмом. Политическая прозорливость Фадеева была удивительной и общеизвестной: «Умение Фадеева нащупывать и вскрывать в гуще привычных явлений черты нового и притягивать к нему всеобщее внимание было известно всем»[56].

---

[55] *[Фадеев А.]* Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Доклад генерального секретаря ССП СССР тов. А. Фадеева / XI пленум правления Союза советских писателей СССР // Литературная газета. М., 1947. № 26. 29 июня. С. 1.

[56] *Караваева А. А.* Звездная столица: Записки и воспоминания современника. М., 1968. С. 183.

Однако роль Фадеева в советской идеологической политике тех лет все равно недооценена. Ведь для Сталина Фадеев был не просто рупором власти, но и талантливым генератором идей, отточенным скальпелем в руках опытного хирурга:

> «Фадеев был фанатически предан партии. Слово партии, слово Сталина, указания аппарата ЦК — были для него абсолютно непреложными. Может быть, я ошибаюсь (я не настолько близко и долго знал Александра Александровича), но для Фадеева, как и для многих других коммунистов, Сталин был олицетворением величия, мудрости и моральной силы партии. И он не позволял себе даже перед самим собой ставить под сомнение действия Сталина. Партия — всегда права. Сталин — это партия. Значит — так нужно. И Фадеев был безупречен в своем исполнительстве на посту Генерального секретаря Союза советских писателей, как безупречны были тысячи и тысячи других коммунистов, абсолютная честность которых неоспорима», — вспоминал Д. Т. Шепилов[57]. И. Г. Эренбургу Фадеев сказал однажды полушутя: «Я двух людей боюсь — мою мать и Сталина. Боюсь и люблю...»[58]

Власть, сосредоточенная в руках главы ССП, была очевидна всем, а особенно тем, кто Фадеева этой властью наделил. Когда Жданов уговаривал Шолохова после смерти Горького возглавить ССП, а тот отказывался, секретарь ЦК задал писателю лукавый вопрос: «Неужели властишки не хочется?»[59], на что Шолохов улыбнулся и отрицательно покачал головой... Но были те, кто этой «властишки» жаждал; и Фадеев в этом списке жаждущих — не исключение.

Неизбежно, что такое подобострастие постепенно уничтожало в Фадееве и писателя, и человека. 29 марта 1943 г. Чуковский записал в дневнике:

> «Вчера в зале Чайковского читал воспоминания о Горьком (день его 75-летия). <...> Фадеев (председатель) собрал все затасканные газетные штампы, смешал их в одну похлебку, и — речь его звучала как пародия. Она и есть пародия, т. к. единственное его стремление было — угодить не читателю, не слушателю, не себе, а начальству. Это жаль, п[отому] ч[то] есть же у него душа! Федин мне рассказывал, что, когда из ЦК позвонили Фадееву, чтобы он написал похвалу Ванде Василевской, он яростно выругался в разговоре с Фединым и сказал: "Не буду, не буду, не буду писать", а потом на другой день написал и позвонил Федину: "Знаешь, 'Радуга' не так и плоха". Написать-то он написал, а заказчики не взяли. Все же что-то есть в нем поэтическое, и сильное»[60].

Но в этом носителе «поэтического и сильного» был такой круговорот различных материй, что разглядеть его глубины души было уже невозможно. Фадеев, утвержденный 25 января 1939 г. постановлением Политбюро ЦК в должности секретаря Президиума ССП, а 21 марта 1939 г. избранный на XVIII съезде ВКП(б) членом ЦК, оказался наделен огромными для писателя полномочиями. Чтобы кратко охарактеризовать стиль работы

---

[57] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 179.

[58] *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. Воспоминания. М., 1990. Т. 3. С. 127.

[59] *Жданов Ю. А.* Указ. соч. С. 319.

[60] *Чуковский К.* Указ. соч. С. 67. Что касается В. Л. Василевской, то, делая 5 ноября 1946 г. в Праге доклад «О традициях славянской литературы», Фадеев упомянул и ее: «Можно назвать и еще большое количество прозаических художественных произведений, частью известных, частью неизвестных здесь, но которыми зачитывается наш советский читатель. Я имею в виду такие книги, как "Радуга" Ванды Василевской...» (*Фадеев А. А.* Собрание сочинений. Т. 5. С. 435). В контексте рассказа Федина «наш советский читатель» может здесь показаться прозрачным эвфемизмом.

А. А. Фадеева на своем посту, приведем конкретные документы. Первый — письмо Николая Асеева, написанное А. А. Жданову 9 октября 1940 г.:

> «Вчера, 8-го октября я был поставлен товарищем Фадеевым в тяжелое и глупое положение на Правлении ССП по вопросу о книжке Тихона Чурилина.
>
> Тов. Фадеев, зная мое положительное суждение о талантливости Чурилина вообще и не предупредив меня о том, что книжка резко осуждена вами, нашел нужным вовлечь меня в длительный спор о ней, спор, имевший очевидной целью противопоставить мою скромную литературную убежденность вашему непререкаемому политическому авторитету. В конце концов, дело здесь не в книжке Тихона Чурилина. Защищать ее в том виде, в каком она была представлена, я не собирался. Но судьба старого поэта, не бездарного, но ведущего голодное существование, забытого всеми и поэтому несколько одичалого в своем творчестве, — меня волновала. Тов. Фадеев решительно настаивал на полной бездарности Чурилина и ненужности его. Вот против этого я и возражал. Меня в моем мнении поддержали столь разные по вкусам люди, как К. А. Тренев, В. Б. Шкловский, С. Я. Маршак. Тогда тов. Фадеев предъявил нам ваши отметки на страницах книги Чурилина, тем самым ставя меня, да и остальных товарищей в необходимость либо спрятать в карман наше мнение, либо оспаривать ваш отзыв о книге.
>
> Но вопрос был подменен. Книгу никто не защищал в ее настоящем виде. Защищали и высказывались писатели о человеке, в котором они видели искру таланта, несколько болезненного и искривленного, но тем более нуждающегося во внимательном к нему отношении.
>
> Растерявшись от неожиданно предъявленных обвинений и чувствуя подмену одного вопроса другим, я в горячке спора не нашел нужных доводов, вспылил, расстроился от этого, в результате чего получил от тов. Фадеева нравоучение о том, что нужно уважать мнение и любить своих вождей. На это я, кажется, ответил, что любовь свою я не привык выставлять наружу. Вообще, разговор принял неприятный и постыдный для взрослых людей характер. Я не знаю, для чего нужно его было переводить в такой план, возможно для того, чтобы дискредитировать мои вкусы и литературные убеждения, лишний раз показав мою непригодность к организационной работе.
>
> Но я и не добивался никогда участия в руководстве Союзом советских писателей. И мне очень бы хотелось не из обиды и не из желания остаться в гордом одиночестве, а просто потому, что мне очень хочется писать стихи, отстраниться от всякого участия в той игре страстей и тщеславий, которая кипит вокруг руководства Союзом советских писателей и которая для меня глубоко непонятна и антипатична»[61].

Конечно же, письмо Асеева не повлияло на судьбу книги: сборник «Стихи Тихона Чурилина», напечатанный в 1940 г. в Москве издательством «Советский писатель» тиражом 3 тыс. экземпляров, был пущен под нож; уцелели только сигнальные экземпляры[62]. По-видимому, Жданов прочитал сборник Чурилина не позднее сентября; по крайней мере, когда 25 сентября 1940 г. управляющий делами ЦК подал Жданову записку о вышедшем в издательстве «Советский писатель» сборнике Ахматовой «Из шести книг» (не разошедшаяся часть 10-тысячного тиража которого разделила судьбу сборника

[61] *Бабиченко Д. Л.* Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994. С. 44.

[62] См.: Русские поэты XX века: Материалы для библиографии / Сост. Л. М. Турчинский. М., 2007. С. 587.

Чурилина), то секретарь ЦК уже был знаком со сборником Чурилина. В резолюции Жданова сказано:

> «...Вслед за "стихами" Чурилина "Советский писатель" издает "стихи" Ахматовой. <...> Просто позор, когда появляются в свет, с позволения сказать, сборники. Как этот Ахматовский "блуд с молитвой во славу божию" мог появиться в свет? Кто его продвинул? Какова позиция Главлита?»[63]

Однако Жданов был удивлен и поведением Фадеева; он наложил на письмо Асеева резолюцию: «т. Поликарпову. Выясните, как дело было и доложите. Жданов». Последствий этого письма мы не знаем, но даже одно то, что оно зачем-то хранилось долгие годы в личном архиве Жданова, — примечательно.

Хотя вольности такого рода, как и нередкие запои, обычно прощались Фадееву, но иногда Сталин все-таки оказывался недоволен, и тогда на Фадеева сыпались неприятности. 23 сентября 1941 г. Политбюро ЦК приняло секретное постановление, осудившее Фадеева за пьянство с вынесением выговора[64]. А летом 1942 г., когда Сталин привечал в Кремле М. А. Шолохова, характеристика Фадеева также была не из лестных:

> «...Собрались: хозяин, Мол[отов], Вор[ошилов], Бер[ия], Маленков, Щербаков. Маленький, военного времени банкет, разговор о войне, литературе. Хозяин спрашивал мнение Шол[охова] о некоторых писателях, и когда он сказал, что Фадеев неважный писатель, то хоз [яин] поправил: "Никчемный писатель и разложившийся, литература любит тружеников. Хороших писат[елей] надо беречь..."»[65]

Однако когда в 1943 г. Фадеев начал работать над «Молодой гвардией», отношение Сталина к нему улучшилось, а после написания романа — кристаллизовалось в серьезное доверие, напоминавшее покровительство. С 1946 г. Фадеев не только был наделен значительными полномочиями — он занял пост генерального секретаря Союза советских писателей СССР (13 сентября 1946 г.). Эти кадровые решения, вкупе со званием члена ЦК ВКП(б), свидетельствовали о серьезном доверии со стороны руководства страны.

Конечно, и сам Фадеев практиковал в своей работе методы сталинского руководства. В качестве примера приведем письмо Ильи Сельвинского, написанное семь лет спустя после письма Асеева — в начале декабря 1947 г. Оно адресовано тому же Жданову и сохраняется в материалах Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б):

> «Глубокоуважаемый Андрей Александрович!
>
> Пользуясь правом коммуниста писать в Центральный Комитет по поводу тех или других неполадок идейно-политического характера, я хотел бы информировать Вас о стиле работы А. Фадеева в Союзе писателей.
>
> Стиль этот представляется мне антипартийным. Это опять то самое хищное администрирование, за которое рапповцы вызвали против себя ненависть всех советских писателей. Линия руководства РАППа всегда сводилась к тому, что угодные этому руководству писатели возводились до небес, а неугодные закапывались в землю. Для того, чтобы сия последняя операция не бросалась в глаза, рапповцы систематически

---

[63] Докладная записка управляющего делами ЦК ВКП(б) Д. В. Крупина А. А. Жданову «О сборнике стихов Анны Ахматовой» // Власть и художественная интеллигенция. С. 456. В алфавитном указателе поэт определен как «М. Т. Чурилин» (с. 835).

[64] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о наказании А. А. Фадеева // Власть и художественная интеллигенция. С. 475.

[65] *Князев Ф. С.* 7 июля 1942 г. / Три дня из жизни М. А. Шолохова / Публ. В. В. Васильева // Шолохов на изломе времени: Статьи и исследования. Материалы к биографии писателя. Исторические источники «Тихого Дона». Письма и телеграммы. М., 1995. С. 164.

"пугали" партию тем, что-де в недрах литературной среды кишмя кишит контрреволюция — но, пока существует РАПП — партия может спать спокойно. Если у рапповцев не было обвинительного материала, они его выдумывали, придравшись к тому или другому неловкому выражению своей жертвы, если же и выдумать было невозможно, они буквально впадали в панику. Я никогда не забуду, как блаженной памяти Авербах метался по комнате, цинически восклицая: "Где мне найти правую опасность? До зарезу нужна правая опасность!"

Руководство Фадеева во многом напоминает эти старые, знакомые всем нам ненавистные приемы. Та же манера "пугать" партию несуществующими опасностями, чтобы нажить на этом политический капиталец. Та же система возвеличивания одних и унижения других. То же циничное отношение к демократии, в том числе и к внутрипартийной.

У нас в Союзе Писателей уже и забыли, что такое тайное голосование. Даже открытое голосование, но поименно — большая редкость: беспартийным предлагают принимать список целиком. Список этот подготовляется якобы коммунистами той секции, в которой происходят "выборы", но и это лишь фикция. Секретарь партбюро Софронов, существо лица не имеющее, зачитывает нам список, и если мы хотим его как-нибудь видоизменить, он смущенно, но настойчиво дает понять, что список согласован с т. Фадеевым. В дальнейшем, перед тем, как список, принятый коммунистами под таким нажимом, выносится на общее собрание — некоторые отдельные партийцы подходят к некоторым отдельным беспартийным и говорят: "Не называйте имени того-то: он имеет указание парторганизации и все равно вынужден будет отказаться. Товарищ Фадеев хочет, чтобы этот человек хотя бы год не фигурировал" (случай с коммунистом Жаровым и беспартийным Кирсановым).

Но бог уж с ними, с выборами. В конце концов не они определяют развитие литературы. Беда, однако, в том, что вся оценка современной литературной продукции проходит через фадеевское "нравится" или "не нравится". Однажды критик З. Кедрина предложила журналу "Октябрь" статью о моей книге "Крым. Кавказ. Кубань". Член коллегии журнала В. Кирпотин (не читавший моей книги) спросил:

— В каком духе будете вы о ней писать?

— Я буду ее хвалить.

— Не подойдет. Товарищ Фадеев дал указание критиковать Сельвинского.

— Да, но это относилось к его старым стихам, это же книга новая.

— Все равно. Товарищ Фадеев не дал указания хвалить эту книгу.

О какой же критике, как движущей силе нашей науки, может идти речь при такой ситуации? Ведь это значит, что движущей силой нашей литературы является... Фадеев? Единственный! Не слишком ли этого мало?

Но даже и это было не так ужасно, обладай Фадеев широким политическим кругозором и более или менее прочной марксистской подготовкой. К сожалению, этого нет. Фадеев не в состоянии переубедить писателя даже тогда, когда он, Фадеев, прав. Не хватает, видимо, ни ума, ни культуры. Зная в себе эту слабость, Фадеев и не пытается кого бы то ни было переубеждать. Его "критика" с места в карьер превращается в директиву. Он никогда не работает с писателем, а всегда ставит его перед фактом, причем т. к. ему страшновато разговаривать с писателем наедине (тот ведь может кое-что и возразить!), то он выносит свою "критическую директиву" на трибуну, где в случае чего его всегда поддержат свои ребята, готовые к этому совершенно независимо от того, прав ли Фадеев

или неправ. В своем выступлении с трибуны Фадеев, как правило, применяет резкие и грубые выражения (об одном писателе он сказал, что в его произведении наличествуют "вонючие тенденции") и тем создает в аудитории буквально панику. Что бы ни сказал сейчас Фадеев — ни у кого не хватит духа что-либо ему возразить. Когда я однажды сказал критику Ф. Левину, что пора бы выступить с оценкой положения в Союзе Писателей, Левин сказал мне: "Это неудобно. Ведь Фадеев — неофициальный представитель ЦК в Союзе Писателей".

Но как и когда в таком случае ЦК узнает, хорошо или плохо работает его неофициальный представитель?

Критика "Молодой гвардии", имевшая место на страницах нашей печати, говорит о том, насколько мудро и бережно подходит партия к произведениям, пусть и несовершенным, но таким, в которых есть хоть что-нибудь ценное. Неудача Фадеева в изображении большевиков не зачеркнула в глазах партии его удачу в изображении комсомольцев. К сожалению, сам Фадеев никогда не подходит с такой же теплотой и заботой к произведениям других писателей. Напротив, если в поэме, состоящей из 1000 строк, ему не понравятся 10, он отвергает всю поэму, да еще подымает по этому поводу такой шум, будто поймал за руку карманного вора.

За последние несколько лет в Фадееве проснулись сугубо славянофильские черты, которые мешают ему правильно оценить обстановку в современной поэзии. Он любит говорить, что война показала, что у русского народа "тоже есть половой орган" (извините, но это цитата!). Однако мысль партии о том, что "мы уже не те русские, что были в 1917 г.", Фадеев никогда и нигде не цитирует, а ведь сейчас, когда шовинизм снова подымает голову, эта мысль должна была бы стать одной из основных линий нашей литературной политики. Именно этим рецидивом хомяковщины нужно объяснить то обстоятельство, что Фадеев всячески раздувает талантливое, но консервативное творчество Твардовского, объявляя его "новаторским" и "ведущим". Но что же "ведущего" в творчестве Твардовского? Все его герои — Моргунок и даже Теркин — это люди, которых нужно вести самих! В творчестве Твардовского отсутствует именно ведущее начало: оно лишено станового хребта большевистской целеустремленности. В нем очень легко прощупается психологический нерв единоличника, лирика человека, лишенного возможности посадить хоть "бубочку", да свою. "Русское" для Твардовского существует вне времени и пространства. Никакому социалистическому влиянию это "русское" не поддается. Можно ли, например, сказать, что Василий Теркин — это советский крестьянин, которого партия воспитывала четверть века? Нет ли тут, кстати сказать, связи с тем, что и в "Молодой Гвардии" молодежь оказалась вне прямого партийного воспитания? Один из друзей Твардовского писал о нем, что в его поэзии подчеркнуты "устойчивые черты русского народа". Устойчивые! Против чего? Не против большевистского ли воспитания? Не только содержание, но и форма поэзии Твардовского консервативна. Русская поэзия, начиная от Пушкина, решительно преодолела стиль рюсс, свойственный Ершову. Русская поэма, трагедия, роман в стихах давно стали явлением мировой культуры. Твардовский же снова возвращает нашу молодежь к балалаечной традиции Ершова, Сурикова, Дрожжина, Есенина и прочей эсерствующей музе, подменяя народное — "простонародным". Прогрессивное ли это направление, т. Жданов? И если ведущее, то куда? Надо же понимать, что существует разница между национальной по форме культуре [sic!], допустим, калмыков и национальной по форме культуре русских, за которыми Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский,

Горький. И разве трехструнная трымба-дрымба — это именно то, к чему должна стремиться социалистическая поэзия с ее изобилием культуры?

Я не хочу сказать, что Твардовский не имеет права писать так, как он пишет. Это честный художник, и может он писать только так, как чувствует. Мои претензии не к нему, а к Фадееву, именно как к неофициальному представителю ЦК. Вместо того, чтобы, печатая Твардовского, в то же время критиковать его и тем самым содействовать правильному пониманию того, какие процессы происходят в нашей поэтической жизни, Фадеев ставит его вне критики, каждое произведение проводит через Комитет по Сталинским премиям, делает председателем комиссии по работе с молодежью — короче говоря, превращает его совершенно искусственно в вождя современной советской поэзии, тогда как "вождь" этот ведет совсем не туда, куда должен был бы вести поэт сталинской закалки. Но Фадеев этого не замечает. Даже внутри партии вместо того, чтобы пытаться объединить поэтов-коммунистов и тем самым дать им возможность вести за собой беспартийных, Фадеев громогласно противопоставляет членов партии Твардовского и Исаковского членам партии Антокольскому и Сельвинскому — вещь совершенно неслыханная в традиции коммунистической партии. Т. о., даже внутри партии рапповский рефлекс не покидает Фадеева, который по-прежнему делит литературу на "свою" и "попутническую".

Ставленники Фадеева, в особенности бывшие рапповцы, ощущая снова привычную для них атмосферу, воскрешают свое заржавленное оружие и реставрируют приемы РАППа. Так, например, сотрудник "Литературной газеты" некто Паперный дал журналисту Лиходееву следующее задание: написать разгромную рецензию на мою книгу "Крым. Кавказ. Кубань", затем найти такого читателя, который был бы согласен подписать ее, и потом напечатать в "Л. Г." от имени этого читателя. (Так погибла моя пьеса "Умка — белый медведь", на которую террорист Бергавинов написал рецензию, дав подписать ее трем неграмотным чукчам.)

Можно было бы умножить количество примеров, но и этого, мне кажется, достаточно. Вывод напрашивается сам собой: о т. Фадееве можно сказать то же, что говорили французы о Бурбонах, вернувшихся к власти: "Они ничего не забыли и ничему не научились".

С коммунистическим приветом, И. Сельвинский»[66].

Если письмо Асеева в 1940 г. послужило поводом для проверки, то семь лет спустя доверие к Фадееву было почти неограниченным. Именно поэтому Жданов послал письмо не куда-нибудь, а самому Фадееву, причем в тот же день. А. Н. Кузнецов (заведующий секретариатом и личный помощник Жданова) со слов своего патрона начертал записку генеральному секретарю ССП: «т. Фадееву А. А. Посылаю по поручению тов. Жданова письмо Сельвинского. По миновании надобности прошу вернуть»[67].

Кроме того, как раз в 1947 г. — когда Фадеев выступил с осуждением А. Н. Веселовского — Жданов со стороны казался едва ли не покровителем Фадеева. Когда в самом начале лета на Ближней даче Сталина за ужином обсуждался вопрос о гонорарах писателей, подавших Сталину жалобу на Министерство финансов по поводу взимающегося с них подоходного налога, Фадеев оказался не в самом выгодном положении — он не «предусмотрел» возникновения такой проблемы и не принял своевременных мер.

[66] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125 (Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б)). Д. 567. Л. 29–31. Машинопись, подпись — автограф. Датируется по входящему штемпелю Технического секретариата Оргбюро ЦК ВКП(б) — 11 декабря 1947 г.

[67] Там же. Л. 32.

Так вот, на заседании Жданов пытался открыто защищать Фадеева. Это нашло свое отражение в резюмирующих это заседание словах Сталина, переданных впоследствии Фадеевым: «Товарищу Фадееву как члену ЦК партии следовало бы поставить по меньшей мере на вид за то, что он во всей этой истории неприглядно выглядел. Но у него, оказывается, есть и смягчающие вину обстоятельства, и знатные защитники, — съязвил он в адрес Андрея Александровича Жданова»[68].

По-видимому, Жданов, видя отношение Сталина к Фадееву, и сам по достоинству оценил его партийные качества. Естественно, что при таком покровительстве 22 февраля 1947 г. Фадеев вновь был назначен на пост председателя Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства[69].

Именно умение Фадеева быть точным и деятельным исполнителем роли Сталина было основной причиной его феноменальной для писателя политической карьеры. Но важно еще раз подчеркнуть, что Фадеев оставался лишь винтиком сталинской политической машины. Для характеристики Фадеева как исполнителя воли Сталина важны строки из дневника В. Я. Кирпотина, написанные на следующий день после смерти Фадеева. Автор, некогда обладавший очень высоким положением в иерархии советской литературы, хорошо знавший политическую «кухню» и долгие годы бывший невдалеке от Фадеева, довольно точно описывает его роль. Быть объективным Кирпотину позволяет и собственная критическая оценка, поскольку Фадеева он считал одним из виновников своего «низложения» в 1949 г.:

«Фадеев был не только одаренный человек, но в основе своей человек идейный. Он был участником предреволюционных кружков молодежи. Он яркий представитель коммунистов первых лет революции, поднявшихся для того, чтобы установить справедливость на земле, готовых в любой момент отдать жизнь за идеал. И в РАППе Фадеев был идеен — он понимал путь вхождения пролетариата в художественную литературу, так он понимал и свой путь писателя и активиста.

Постепенно он, как и все мы, стал отождествлять партию с лицом Единственным, со Сталиным. Он вполне мог подписаться обеими руками под словами Барбюса:

— Сталин — это Ленин сегодня.

Фадеев поверил в Сталина больше, чем в Ленина, как в первоучителя и пророка, поверил в Сталина, не оглядываясь, не рассуждая, как в непогрешимого папу. А потом, когда уже что-нибудь казалось не вполне верным или не вполне приемлемым, то это неверное или неприемлемое казалось частностью или даже мелочью, из-за которой не стоит навлекать на себя гнев Сталина, или, как это субъективно представлялось, расходиться с партией, с которой единомышлен и за которую по-прежнему готов был отдать жизнь.

К тому же Фадеев был честолюбив — и честь сана, положения, близости к вождю хмелем ударила ему в голову, создавая обманчивую иллюзию вершителя художественных событий, кормчего литературы, обещая бессмертное имя в будущем.

Но все имеет свою логику, при культе личности — неумолимую логику. Партийную убежденность постепенно съела слепая дисциплина перед Сталиным, и уже думать

---

[68] *Бузин Д. С.* Указ. соч. С. 156.

[69] Постановление Совета Министров СССР № 339 «О составе Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1948. № 2. С. 22. Постановление подписано И. В. Сталиным.

не хотелось. Нарушение дисциплины грозило реальными неудобствами, понижениями, карами, а порой и просто уничтожением. Где-то в подсознании постоянно билась эта мысль. Но Фадеев гнал ее, вытеснял как унизительную и недостойную, могущую затемнить добровольное и сознательное подчинение всевластной воле диктатора.

Подчинение — без рассуждения, без промедления — Сталину влекло за собой подчинение Щербакову, Юдину[70] и далее по цепочке самому последнему чиновнику вроде, например, пьянчужки-нуля Маслина. Фадеев не был косноязычен, как Грибачев, Фадеев был идеологическая голова. Он получал директиву, теоретически обосновывал, подводил под нее марксистско-ленинскую, сталинскую аргументацию. Оперял все это возвышенными словами и эмоционально, с выразительными, размашистыми жестами и позами докладывал на том или ином собрании. Сталин высоко ценил эту способность Фадеева. Формулируя главные положения, вождь иногда добавлял:

— Ну, дальше вы сами разовьете.

Противоречия не останавливали Фадеева. Сегодня он перед большой аудиторией развивал мысль о том, что нужно писать, не преувеличивая, как Гоголь и Щедрин, что в качестве образца годится Чехов. А через несколько лет с тем же энтузиазмом начинал доказывать, что нужно преувеличивать, нужно писать, как Гоголь и Щедрин. Оба раза автором директивы был Сталин. <...>

Хорошо, когда одну точку зрения от другой разделяли годы (до войны, после войны). Но порой говорить одно и доказывать прямо противоположное приходилось в течение одной недели и даже в течение одного дня. Тут уж зарубка на сердце была неизбежна, развивался цинизм.

Помню эпизод. Во время юбилея Низами[71] я оказался в одном машине с Фадеевым и Тихоновым. В колхозе зарезали барана. По восточному обычаю барана резали у ног Фадеева, главного гостя. У барана выкатились печальные глаза. Фадеев наклонился и внимательно следил за происходящим.

Я сказал:

— Гляди, он смотрит!

— Подумаешь, если надо, я кого угодно зарежу, — сказал Фадеев.

Шутка прозвучала мрачно. На самом деле резал, конечно, Сталин, а Фадеев должен был держать "баранов" за горло. Вождь был коварен. Он требовал, чтобы каждый ордер на арест был подкреплен визой или даже характеристикой руководителя учреждения.

---

[70] Юдин Павел Федорович (1891–1968) — выдвиженец Жданова и Щербакова (работал с ними с 1924 г. в Нижегородском губкоме РКП(б)—ВКП(б)); в 1932–1938 гг. директор ИКП, в 1937–1947 гг. заведовал ОГИЗом, т.е. по сути руководил всей издательской деятельностью РСФСР. Одновременно в 1938–1944 гг. директор Института философии АН СССР, доктор философских наук, член-корреспондент АН (1939), с 1953 г. — академик. В 1946–1947 гг. главный редактор журнала «Советская книга», в 1946–1947 гг. главный редактор газеты «Труд». В 1947–1953 гг. шеф-редактор газеты «За прочный мир, за народную демократию». В 1952–1961 гг. член ЦК КПСС.

[71] 800-летие со дня рождения Низами праздновалось в Баку осенью 1947 г. На юбилейном пленуме правления ССП СССР совместно с правлением СП Азербайджана Фадеев 22 сентября 1947 г. выступил с речью «Торжество разума и справедливости», после чего совершил автомобильную поездку по Азербайджану (вместе с Н. Тихоновым, С. Вургуном, В. Кирпотиным и другими, всего восемь человек). Столь почетный прием, оказанный гостям в совхозе имени Камо, был впоследствии описан Н. Тихоновым, правда, совсем в ином ключе (*Тихонов Н.* Пути-дороги // Фадеев: Воспоминания современников. М., 1965. С. 427); Кирпотин упомянут среди спутников, но анонимно, как «ученый муж» (Там же. С. 421).

Медлить или задумываться было нельзя. Надо было отдавать чужую голову или класть свою. Приходилось отрекаться и выдавать на заклание своих давних друзей и закадычных приятелей. Приходилось отказываться от мыслей, от книг, от людей. И все это стало пахнуть кровью.

После войны пришлось проводить мероприятия, зажмурив глаза, подстегивая себя мыслью о партии, о ее воле, на деле сознавая, что антисемитизм, например, не имеет ничего общего с партией. У Фадеева в "Разгроме" действует любимый герой Левинсон, а он стал поддерживать Сурова[72], Софронова и таких фальшивых старателей, как Озеров. Фадеев потерял различия между идеей и лицом. Если Сталин требовал, он поддерживал тех, которые ему были противны, и травил тех, которых ценил. Фадеев стал говорить в глаза одно, а за глаза другое, или, во всяком случае, помалкивал в нужном месте и в нужное время. Случилось так, что большой человек, понимающий, чуткий, стал ответственен за политиканство, за литературный разбой, за обезличивание искусства. <...>

Фадеев высоко ценил себя как писателя и общественного деятеля. Пьянящий напиток славы, бессмертие на доске почета великой страны — это было посильнее, чем богатство и влияние. Ключ к будущему он видел в Сталине, который и сам полагал, что диктует свою волю столетиям, определяет навечно мнение и мышление будущим поколениям.

— История нас оправдает, — передавали слова Сталина.

Постепенно Фадеев перестал считаться со всем тем, что делается внизу, под ним, ибо не было ни писательского общественного мнения, ни писательской демократии. Доходило до того, что большие писательские собрания тщетно ожидали его часами и расходились, а он не приходил по прихоти, из-за водки.

При диктатуре Сталина отдельные размолвки с раздробленным и бессильным общественным мнением Фадеев ликвидировал легко — когда он хотел, он был обаятелен.

Но вот Сталина, деформировавшего Фадеева морально, не стало. Атмосфера изменилась. Оказалось: все, чему Фадеев насильственно молился, не нужно, осуждено. За высокое положение любимчика вождя приходилось расплачиваться репутацией, внутренним личным судом. Поддержка сверху, «всемирно-исторические» санкции ушли, и общественное мнение обозначилось и с каждым днем выражалось все громче и громче.

Фадеев был чуток, он умел судить по симптомам. История оказалась не дамой, приятной во всех отношениях, а особой бесцеремонной, путающей карты. Фадеев был уверен, что история им займется, и не мог не понимать, что на него ляжет тень ответственности за все, что делалось при Сталине. Он знал, что отвечать придется за все несправедливости, за погубленные жизни, за исковерканные и ненаписанные книги.

Для Фадеева сложилась трагическая ситуация. Выйти из нее можно было двумя способами. Он мог раскаяться на пленуме ЦК или на 2-м съезде писателей в 1954 году. На это его не хватило. Тогда он решился на самоубийство. Это был не минутный аффект, а обдуманное решение. Он готовился к самоубийству как к общественному акту. Он осудил себя неумолимо и бесповоротно и сам привел в исполнение приговор.

[72] Прозаик Анатолий Алексеевич Суров (1911–1987) был исключен в 1952 г. из ССП за плагиат. «Автор "Белой березы" Михаил Бубеннов и автор "Зеленой улицы" Анатолий Суров были самыми злостными антисемитами в Союзе Писателей. А может быть, даже и во всем СССР» (*Сарнов Б. М.* Перестаньте удивляться!: Непридуманные истории. М., 2006. С. 85).

Из орудия культа личности Фадеев превратился в жертву, и уже не только моральную, но и физическую. Он завоевал себе трагическое место в истории литературы»[73].

Общеизвестен и тот факт, что в 1949 г. сам А.А. Фадеев сумел ощутить на себе все прелести идеологического давления. Приведем его рассказ, опубликованный недавно в мемуарах бывшего замминистра финансов СССР Д. С. Бузина:

«В конце одной из бесед со Сталиным он совершенно неожиданно для меня сказал:

— А на вас жалуются. Говорят, вы в романе "Молодая гвардия" не показали руководство со стороны партийной ячейки комсомольской борьбой и воспитанием молодежи в условиях подполья. Так ли это?

Я ответил <...>. Сталин молча ходил, а потом как-то неопределенно, безадресно сказал:

— Кто его знает? Вот жалуются!

У меня сложилось впечатление от этой беседы со Сталиным: либо он не читал романа, что маловероятно; либо не хотел высказать свое мнение по поводу тех недостатков в романе, на которые ему "жаловались".

Так или иначе, спустя короткое время после этой беседы появились критические статьи на роман "Молодая гвардия". Вначале в газете "Культура и жизнь", а затем и в "Правде". Мне было рекомендовано дополнить и переработать роман с учетом критических замечаний, что я охотно и сделал»[74].

Уже после смерти Сталина, в августе 1953 г., Фадеев, дабы защитить творческие союзы, и в первую очередь ССП, в своем письме Маленкову и Хрущеву пытался умерить описанные выше раскаты внезапного и непредсказуемого воздействия руководства страны на творческие силы:

«В работе партийных и государственных органов, органов печати, а также правлений творческих союзов слишком часто имеют место факты, когда важнейшие идейно-художественные указания разрабатываются без участия передовых сил литературы и искусства, преподносятся сверху в недоработанном виде, но в такой директивной форме, когда оспорить или поправить их в той или иной части уже невозможно. Писатели и деятели искусств, даже их руководящие кадры остаются в таких случаях неубежденными, они бывают вынуждены присоединиться к таким указаниям — против своей совести. Нужно ли говорить о том, как вредно отражается на самом творчестве и на критике и на деятельности творческих союзов такое положение, когда виднейшие деятели литературы и искусства перестают быть правдивыми и волей-неволей "подлаживаются" под директивы.

Приведу некоторые примеры.

Что может быть лучше хорошей редакционной статьи в "Правде" или в другой центральной газете, статьи, разъясняющей ту или иную ошибку писателя, ставящей новые идейно-художественные вопросы? Но в течение многих лет подобные статьи пишутся без всякой предварительной разработки их с передовыми писателями и критиками, с руководящими деятелями творческих союзов, без всякой предварительной дискуссии, а в то же время носят непреложный директивный характер. К такого рода статьям принадлежат, например, статьи с критикой детской книги К. Чуковского

---

[73] *Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 636–640.

[74] *Бузин Д. С.* Указ. соч. С. 256.

"Одолеем Бармалея" (1944 г. — *П.Д.*), с критикой романа А. Фадеева "Молодая гвардия" (1949 г. — *П.Д.*) <...>.

Статьи эти служили предметом бурных обсуждений на заседаниях президиума Союза писателей и даже пленума правления Союза писателей, многих писательских собраний, особенно партийных, сопровождались покаянием большинства "виновников". И действительно, основное направление этих статей было правильным, и я не хочу подвергать их ревизии в этом отношении. А между тем у всех думающих, честно работающих и подлинно талантливых писателей и критиков эти статьи и способ их обсуждения неизменно вызывали чувство какого-то разочарования, горечи и унижения. Почему? Потому что от этих статей зависело направление творчества всех писателей. А между тем ни один из авторов книг, подвергавшихся критике, ни один из деятелей культуры, виновный в появлении той или иной книги, содержащей ошибки, ни один из руководителей Союза писателей и вообще ни один из серьезных, думающих, подлинно талантливых литераторов не был ни до, ни после напечатания любой из этих статей вызван в ЦК или в редакцию "Правды", выслушан и убежден. Статьи были написаны келейно, зачастую неизвестными руками, иногда неквалифицированными, невежественными и грубыми руками. Эти статьи при общем правильном направлении пестрели передержками и существенными ошибками, непониманием многих важнейших сторон затрагиваемого вопроса. Однако они носили столь непреложный и директивный характер, что ничего уже нельзя было делать, как только присоединяться и каяться, в первую очередь»[75].

Фадеев сам, как знаток механики появления таких статей, пытается, ввиду смерти их первопричины, остановить порочную практику. Хочет если не упразднить подобное, то хотя бы, говоря словами Жданова, «подрессорить». Но тщетно: после ознакомления секретарей ЦК письмо было похоронено в архиве.

К. И. Чуковский записал в своем дневнике в день смерти Фадеева:

«Мне очень жаль милого Александра Александровича — в нем — под всеми наслоениями — чувствовался русский самородок, большой человек, но боже, что это были за наслоения! Вся брехня Сталинской эпохи, все ее идиотские зверства, весь ее страшный бюрократизм, вся ее растленность и казенность находили в нем свое послушное орудие. Он — по существу добрый, человечный, любящий литературу "до слез умиления", должен был вести весь литературный корабль самым гибельным и позорным путем — и пытался совместить человечность с гепеушничеством. Отсюда зигзаги его поведения, отсюда его замученная СОВЕСТЬ последние годы. Он был не создан для неудачничества, он так привык к роли вождя, решителя писательских судеб — что положение отставного литературного маршала для него было лютым мучением. Он не имел ни одного друга — кто сказал бы ему, что его "Металлургия" никуда не годится, что такие статьи, какие писал он в последнее время — трусливенькие, мутные, притязающие на руководящее значение, только роняют его в глазах читателей, что перекраивать "Молодую гвардию" в угоду начальству постыдно, — он совестливый, талантливый, чуткий — барахтался в жидкой зловонной грязи, заливая свою Совесть вином»[76].

После смерти Сталина Фадеев начал вслух признавать многие перегибы. В случае с темой низкопоклонства перед заграницей, пропаганде которой Фадеев посвятил нема-

[75] Александр Фадеев: Письма и документы. С. 162–163.
[76] *Чуковский К. И.* Указ. соч. С. 215. Запись от 13 мая 1956 г.

ло творческих сил, он также давал ход назад. Когда в 1955 г. саратовский писатель Г. И. Коновалов поднял вопрос о переиздании своего знаменитого идеологического романа «Университет», выходившего огромными тиражами в пору борьбы с низкопоклонством перед Западом (Б. М. Эйхенбаум характеризовал его как «чудовищный роман»[77]), то Фадеев писал ему 7 мая 1955 г.:

«...Посмотрите все места, направленные против низкопоклонства, не в том смысле, чтобы изменить их принципиально, — нет, этим-то книга и сильна, — но, может быть, есть излишества? Тогда, естественно, жали в одну сторону, в деталях не разбирались. А не нужно было бы, чтобы вовсе отрицалась необходимость учиться у Запада тому, чему следует учиться»[78].

В качестве наиболее важного тезиса стоит привести предсмертное письмо Фадеева:

«Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли, благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет.

Литература — это святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых "высоких" трибун — таких как Московская конференция или XX партсъезд — раздался новый лозунг "Ату ее!" Тот путь, которым собираются исправить положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, — выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой, все той же "дубинкой".

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожили, идеологически пугали и называли это — "партийностью". И теперь, когда все это можно было бы исправить, сказалась примитивность, невежественность — при возмутительной доле самоуверенности — тех, кто должен был бы все это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Единицы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находятся в роли париев и — по возрасту своему — скоро умрут. И нет никакого стимула в душе, чтобы творить...

Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, одаренный богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеалами коммунизма.

Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто

[77] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 81 об. Запись от 16 августа 1947 г.
[78] *Фадеев А.* Собрание сочинений. Т. 7. С. 498.

идеологических порок, которые обрушились на меня, — кем наш чудесный народ вправе был бы гордиться в силу подлинности и скромности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература — это высший плод нового строя — унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды.

Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни.

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение трех лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей. А. Фадеев»[79].

ШКОЛА А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО: ФОРМАЛИЗМ, КОМПАРАТИВИЗМ, КОСМОПОЛИТИЗМ

Наиболее крупная кампания 40-х гг., развернувшаяся исключительно в области филологии, — это осуждение академика А. Н. Веселовского и его школы. Зародилась она в Москве, по-видимому, в недрах Института мировой литературы АН СССР имени А. М. Горького, после чего прошлась серпом по всей науке.

Институт мировой литературы долгие годы был форпостом ЦК в вопросах литературоведения. Исключением не стала и вторая половина 1940-х гг. За военные годы коллектив ИМЛИ смог психологически оправиться от ареста летом 1940 г. директора института академика И. К. Луппола; до 1944 г. исполняющим обязанности директора ИМЛИ был профессор Л. И. Пономарев; в конце 1944 г., по возвращении эвакуированного в Ташкент института в Москву, Общее собрание Академии наук СССР избрало на должность директора ИМЛИ почти 70-летнего члена-корреспондента АН СССР В. Ф. Шишмарева — ленинградца, ученика А. Н. Веселовского, крупного ученого, специалиста в области романской филологии.

Но деятельность В. Ф. Шишмарева довольно скоро перестала устраивать начальников в ЦК — он не стал для литературоведения тем, кем был И. И. Мещанинов для языкознания. К тому же В. Ф. Шишмарев обладал не самым крепким здоровьем, быстро утомлялся, что еще более выявилось после возвращения из Ташкента. Поработав недолго в Москве, В. Ф. Шишмарев из-за резкого ухудшения здоровья все реже бывал в столице (его мобильности, кроме прочего, препятствовали серьезные урологические проблемы). В конце 1945 г. заместителем В. Ф. Шишмарева стал известный московский литературовед, критик и общественный деятель В. Я. Кирпотин — один из организаторов I съезда советских писателей (секретарь Оргкомитета ССП в 1932–1934 гг.), бывший в 1932–1936 гг. заведующим сектором художественной литературы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Но в должности заместителя директора Кирпотин, бывший во время войны парторгом ИМЛИ, пробыл чуть более года: в начале февраля 1947 г. он перешел на должность старшего научного сотрудника, поскольку занял место

[79] Предсмертное письмо Александра Фадеева // Гласность: Еженедельное приложение к журналу «Известия ЦК КПСС». М., 1990. № 15. 20 сентября. С. [14].

профессора в образованной в феврале 1946 г. АОН при ЦК ВКП(б). В. Ф. Шишмарев, занимавший высокий академический пост, в 1946 г. был избран действительным членом Академии наук СССР.

Наблюдая, как сгущаются тучи, академик В. Ф. Шишмарев в июне 1947 г. подал заявление об уходе с поста директора ИМЛИ, поскольку, как тогда констатировали его коллеги, он «не смог обеспечить перелома в работе, как по своему преклонному возрасту и болезненному состоянию, так и из-за недостаточной ориентировки в марксистско-ленинской методологии и запросах современной литературной жизни»[80]. Тот факт, что причина отставки крылась в серьезных идеологических требованиях, предъявляемых к ИМЛИ, подтверждает и следующее обстоятельство: через месяц, 18 июля 1947 г., в «Правде» появилась статья «Институт, оторванный от жизни». Несмотря на заглавие, тон статьи довольно сдержан, без переходов на личности. По поводу обстановки в ИМЛИ автор пишет:

> «Институт мировой литературы стал на ложную дорогу. Он ушел от своей главной, жизненно важной для страны задачи, он до сих пор не отвечает требованиям жизни. И это больше всего характеризует аполитичность в его деятельности. Он не выпустил в свет ни одной серьезной работы по теории советской литературы, не издал ни одного труда ни по вопросам социалистического реализма и социалистической эстетики, ни по вопросам партийности литературы, ни о ведущей роли советской литературы в мировой литературе»[81].

Словом, академик В. Ф. Шишмарев не видел никакой возможности оставаться руководителем института при подобных требованиях и, сославшись на нездоровье, перестал выезжать из Ленинграда. В. Я. Кирпотин, его бывший заместитель по научной работе, записал в дневнике:

> «23 июня 1947 года. Шишмарев ушел в отставку. Поставленную в жизни цель он выполнил — достиг предела своих желаний. Он — академик, что для него все! Выпустил ничтожную книжонку, которую Фадеев походя выругал на партсобрании в Союзе писателей вместе с книгой Нусинова, которая была в центре его обстрела»[82].

Меньше чем через неделю, 26 июня 1947 г., А. А. Фадеев выступил с программной разгромной речью на XI пленуме правления ССП СССР, основные тезисы которой были уже «обкатаны» на партсобрании ССП (а в первоначальном варианте — без упоминания Нусинова и Веселовского — еще 20 февраля на сессии в ИМЛИ). Выступление Фадеева, озаглавленное «Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах “Звезда” и “Ленинград”», касалось не столько писателей, сколько литературоведов и критиков.

---

[80] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП (б)). Оп. 125. Д. 563. Л. 66.

[81] *Потапов К.* Институт, оторванный от жизни // Правда. М., 1947. № 184. 18 июля. С. 3.

[82] *Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 546. Ревность к В. Ф. Шишмареву терзала В. Я. Кирпотина долгие годы, особенно после избрания того в 1946 г. академиком (сам Кирпотин многократно баллотировался в члены-корреспонденты, но не преуспел). В 1957 г., узнав о смерти Владимира Федоровича, он записал в дневнике: «Умер Шишмарев, рядовой профессор цехового толка. Знал лингвистику, вероятно, старославянскую литературу, но совершенно не знал философии, истории, социологии. Не имел ясного представления о русской литературе. Он не был ни марксистом, ни социологом. Советскую власть принял, так как она дала ему карьеру не хуже той, что у него могла сложиться до революции. При советской власти даже получилось лучше. Недавно получил Ленинскую премию, некролог в “Правде”» (Там же. С. 674).

В разделе речи, посвященной борьбе с низкопоклонством перед заграницей, Фадеев не только резко обругал книгу И. Нусинова «Пушкин и мировая литература», но и пошел дальше, остановившись подробно на источнике подобных заблуждений:

«Эта книга не только не имеет ничего общего с марксизмом. Эта книга далеко не доросла до наших русских революционных демократов. “Пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское”, — писал Белинский.

“Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении. Из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство, и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спасаться от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннему развитию, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль...”

“Признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки; беспачпортные бродяги в человечестве”, — писал Белинский.

Вот этих “беспачпортных бродяг в человечестве” советская литературная критика должна выводить на свежую воду.

Встает вопрос: откуда могут возникнуть концепции русской литературы, подобные концепции Нусинова, кто их родоначальник?

Их родоначальник — Александр Веселовский, основатель целой литературной школы в России, последователи которой и до сих пор подвизаются в наших университетах. Я бы сказал, что школа Александра Веселовского, выкристаллизовавшаяся в конце прошлого и начале нынешнего века (он начал писать в шестидесятых годах), — это та школа, которая противостоит великой русской революционно-демократической школе Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Она является главной прародительницей низкопоклонства перед Западом в известной части русского литературоведения в прошлом и настоящем.

В 1946 году издательство Ленинградского университета выпустило небольшую книжечку “Александр Веселовский и русская литература” В. Шишмарева. Профессор Шишмарев является в настоящее время директором Института мировой литературы имени Горького в Москве, т. е. руководителем самого крупного научного учреждения в области советского литературоведения. Редактором книги является проф[ессор] М. Алексеев, руководитель литературного образования в Ленинградском университете.

Автор книжечки и не пытается скрыть, что он находится в плену самых худших сторон учения Веселовского. Вспоминая прежнюю свою работу о Веселовском, В. Шишмарев пишет: “Мы стремились тогда вскрыть то новое, что внес Веселовский в метод историко-литературного исследования и в постановку вопросов; мы подчеркивали, по преимуществу, его разрыв с усвоенными им на родине приемами работы и новыми навыками, приобретенными им в западноевропейской школе”.

Оговоримся сразу: Веселовский — крупный ученый по накопленным им фактическим знаниям в области западноевропейских литератур, особенно филологии и лингвистики. Но это не снимает того обстоятельства, что Веселовский в шестидесятых годах прошлого века целиком и полностью порвал с великой русской революционно-демократической литературной традицией и стал рабом романо-германской школы.

В. Шишмарев, благоговея перед иностранными фамилиями, с упоением перечисляет всех тех немецких псевдоученых, среди которых Веселовскому удалось сказать “свое”

слово в области "поэтики сюжетов" (как-то — Шерер, Карьер, Ваккернагель, Баумгарт, Э. Вольф, Л. Якубовский, Э. Гроссе, К. Боринский, К. Брухман, К. Бюхер и т. д. и т. д.!). Но В. Шишмареву невдомек, что пресловутая "поэтика сюжетов" Веселовского при всем изобилии в ней фактических данных глубоко антинаучная по своей методологии, "идеалистическая" и антиисторическая, хотя и рядится в тогу "историзма".

В. Шишмарева умиляет, что в университете Веселовский увлекался "лекциями Леонтьева по философии мифологии", ибо, как легко догадаться, "Леонтьев читал по Шеллингу", затем его умиляет увлечение Веселовского Буслаевым, который читал, "вооруженный методом Гримма".

Но уж совсем благоговеет наш автор, комментируя приезд Веселовского в Берлин. "Берлинская мудрость, — игриво замечает В. Шишмарев, — должна была пополнить недостаточные познания в области западной филологии, германистики, скандинавистики и романистики, к которым обращался Буслаев и ряде своих специальных работ, опубликованных в 'Очерках' и 'Народной поэзии', вроде, например: 'О сродстве славянских вил, русалок и полудниц с немецкими эльфами и валькириями'; 'Песни древней "Эдды" о Зигурде и Муромская легенда' " и пр. и пр.

В. Шишмареву очень нравится, что в процессе своего дальнейшего путешествия "Веселовский так освоился в Италии, настолько проникся местными интересами, что у него появилась даже идея, а затем и возможность совсем устроиться в Италии, тем более, что в Москве о нем как-то забыли".

В другом месте В. Шишмарев называет Италию просто "соперницей родины". Поэтому уже трудно удивиться, читая такие строки: "К речи о Пушкине Веселовский готовится серьезно, т.к. Пушкин был его любимым русским поэтом, в какой-то мере напоминавшим ему его итальянского любимца Боккаччо"...

В. Шишмарев целиком и полностью принимает фальшивую теорию Веселовского об иностранном происхождении древних русских былин, а уж об апокрифических сказаниях и говорить нечего. Так , "Послание новгородского архиепископа Василия к тверскому епископу Федору, относящееся к XIV веку" "носит на первый взгляд вполне русский характер", но потом выясняется, что это "вроде... немецкой поэмы (XIII век) Генриха Нейенштадтского".

Повторяю, работы Веселовского, благодаря его огромному знанию фактов, могут послужить полезным источником для человека, владеющего марксистской научной методологией. Но горе-последователи Веселовского молятся на его худшие стороны, пропагандируют их и внедряют в умы молодежи самое ложное представление о месте и роли западноевропейской литературной науки.

Не должны ли Президиум Академии наук и Министерство высшего образования поинтересоваться тем, что у нас в Институте мировой литературы им. Горького и в Московском и в Ленинградском университетах возглавляют все дела литературного образования молодежи попугаи Веселовского, его слепые апологеты?»[83]

Об истинной причине нападок Фадеева на А. Н. Веселовского мы можем только догадываться: наиболее вероятно, что покойного академика ему «подсунул» тот самый Валерий Кирпотин (подобно тому, как Е. Демешкан снабдила Н. Тихонова материалами о И. Нусинове). О специфике, возникающей иногда в служебно-товарищеских

[83] *[Фадеев А.]* Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». С. 1–2.

(друзьями они никогда не были) взаимоотношениях Фадеева и Кирпотина, говорит текст телефонограммы Фадеева от 11 мая 1948 г.:

> «Дорогой Валерий Яковлевич! Извини, что посылаю тебе телефонограмму. Нахожусь в Барвихе. 7 июня мне предстоит доклад о Белинском в Большом театре. Мне хотелось бы осветить в докладе борьбу вокруг Белинского в общественной мысли России после его смерти до наших дней.
>
> Я очень прошу тебя, учитывая исключительно малый срок, а также и ограниченность библиотеки в Барвихе, помочь мне в следующем:
>
> Не можешь ли ты мне назвать наиболее характерные имена мракобесов, буржуазных либералов и кадетствующих всякого рода эстетов в России, для которых характерно замалчивание Белинского или приспособление его в своих целях, искажение его наследства в интересах мракобесных и либеральных, а также прямые враждебные выступления против него.
>
> Мне не нужно много имен, но нужны наиболее характерные представители каждого из взглядов. Был бы благодарен тебе за очень краткое, в несколько фраз, изложение характера выступлений и несколько наиболее характерных цитат. <...>
>
> Заранее благодарный, с сердечным приветом. А. Фадеев»[84].

Эта просьба была исполнена Кирпотиным уже на следующий день. При сравнении развернутого ответа Кирпотина[85] и окончательного текста выступления Фадеева в Большом театре, озаглавленного «Белинский и наша современность»[86], можно сделать некоторые выводы. Кирпотин представил Фадееву девять пунктов, из которых наиболее акцентирован был вопрос о «страшно резких выпадах» против Белинского со стороны Достоевского (зачем нужно было так заострять внимание Фадеева на «реакционности» Достоевского, автором книг о котором являлся сам Кирпотин, объяснить сложно). Но Фадеев построил речь по-своему, использовав для «обвинения» лишь два пункта из предложенных Кирпотиным. Причем если вопрос о ленинских статьях Фадеев упомянул походя, то из последнего пункта — о преувеличении Плехановым влияния на Белинского западноевропейской философии — Фадеев сочиняет едва ли не центральную часть своей речи — «Белинский — корифей русской философии». Фадеев осознавал, что после философской дискуссии 1947 г. именно вопрос о влиянии немецкой классической философии на Белинского наиболее актуален для политически-грамотного слушателя.

Организационная близость Фадеева и Кирпотина также отражена в рассказе писателя Б. А. Галина:

> «Кирпотин как-то приехал к Фадееву. Тот пьет. Бутылка водки, стопки, закуски. Вдруг звонок по “вертушке”. Фадеев пьян, трубку взял Кирпотин. Слышен голос Поскребышева: “Товарищ Фадеев? Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин!”
>
> Испуганный Кирпотин шепчет:
>
> — Саша, это Сталин!
>
> Фадеев спокойно берет трубку, говорит смело, звучно:
>
> — Не могу, товарищ Сталин!
>
> Видимо, Сталин звал его к себе.
>
> — Почему?

---

[84] *Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 554–555.

[85] Там же. С. 555–559.

[86] *Фадеев А. А.* Собрание сочинений. Т. 6. С. 7–32.

— Пьян.

— И долго вы еще будете пьяным?

— Три дня.

— Ну приезжайте через три дня, — миролюбиво сказал Сталин»[87].

Вполне вероятно, что именно Кирпотин в свое время инспирировал нападки Фадеева на школу Веселовского; особенно если учитывать не лучшее отношение Кирпотина к Шишмареву.

Когда же через два года после начала «дискуссии о Веселовском» Кирпотина самого обвиняли в космополитизме, тогда он, обращаясь за помощью все к тому же Фадееву, писал: «Докладчик по моему делу Пруцков просто назвал меня "учеником Веселовского". Люди, которых я за уши оттаскивал от веселовщины, промолчали. Я прошу тебя дать справку о моей роли в борьбе со школой Веселовского, о моей позиции по сравнению с другими участниками полемики»[88]. Дополнительным доказательством вовлеченности Кирпотина в антивеселовистские настроения служит, конечно, и его статья «О низкопоклонстве перед капиталистическим Западом, об Александре Веселовском, о его последователях и о самом главном»[89].

Так или иначе, но в июне 1947 г. Фадеев выбрал на роль вдохновителя «мракобесов, буржуазных либералов и кадетствующих всякого рода эстетов» выдающегося русского ученого, одного из столпов русской филологической науки, академика Петербургской академии наук Александра Николаевича Веселовского (1838–1906). Говоря словами того же Кирпотина, «А. А. Фадеев с трибуны писательского пленума указал на связь, существующую между низкопоклонством перед иностранщиной и школой Веселовского. Ему принадлежит в этом деле честь почина»[90].

Причем непосредственным поводом для начала кампании против «веселовщины» послужила, как следует из первого упоминания Фадеева о Веселовском, именно та самая «ничтожная книжонка» В. Ф. Шишмарева[91], по-видимому, переданная ему Кирпотиным. Поэтому мы не склонны поддержать распространенное мнение, что первоначально Александра Веселовского перепутали с его родным братом, тоже филологом, почетным академиком Петербургской академии наук Алексеем Веселовским (1843–1918), автором выдержавшей пять изданий книги «Западное влияние в русской литературе»[92]. Алексею — как представителю «либерального лакейства перед "образованным Западом"»[93] — досталось уже после осуждения брата.

Отдельного упоминания достойно и обращение Фадеева к самому В. Ф. Шишмареву: генеральный секретарь ССП умышленно принижает его в своей речи, много-

---

[87] *Василевский В.* «Нет леса — нет дров» / Публ. А. В. Василевского // Литературная газета. М., 2002. № 37. 11–17 сентября. С. 14.

[88] *Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 577. Автор датирует события началом мая 1949 г.

[89] *Кирпотин В. Я.* О низкопоклонстве перед капиталистическим Западом, об Александре Веселовским, о его последователях и о самом главном // Октябрь. М., 1948. Кн. 1. Январь. С. 3–27.

[90] Там же. С. 23.

[91] *Шишмарев В. Ф.* Александр Веселовский и русская культура. Л., 1946. (Подписана в печать 21 мая 1946 г., ответственный редактор — профессор М. П. Алексеев, тираж 10 тыс. экз.)

[92] *Азадовский К., Егоров Б.* «Космополиты». С. 90.

[93] Против буржуазного либерализма в литературоведении: По поводу дискуссии об А. Веселовском // Культура и жизнь. М., 1948. № 7 (62). 11 марта. С. 3.

кратно называя профессором вместо академика, дабы не задевать авторитет пантеона советской науки.

Поскольку доклад Фадеева на пленуме был довольно громоздкий, то в многочисленных прениях по докладу тема литературоведения была затронута лишь в выступлении все того же Кирпотина, прошедшегося по Веселовскому, и в речи Мариэтты Шагинян (которая была еще и доктором филологических наук[94]), напомнившей о статье в «Правде» 1944 г.:

> «В докладе тов. А. Фадеева прямо и остро поставлены узловые вопросы литературы. Лично для меня огромное значение имеет сказанное о нашем литературоведении. <...> Тов. Фадеев не зря упомянул о значении двенадцатого года для творчества Пушкина. <...>
>
> Вот как характеризует войну 1812 года один из крупнейших филологов. Я говорю о книге, о которой уже писали три года назад, но которая не была тогда разобрана в достаточной мере. Профессор Г. Гуковский пишет в предисловии к первому тому полного собрания стихотворений Крылова <...>: «Крылов казенно-шовинистичен, если это надо, и во время войны 1812 года он делается казенным агитатором».
>
> Это чудовищно! Захватническая война Наполеона отождествляется с революцией. Подвиг всего русского народа, вставшего на защиту родной земли, объявляется походом феодалов против революции. Басни Крылова, такие, как "Волк на псарне", сразу вошедшие в народ, обратившиеся в пословицы, в народные поговорки, объявлены казенной шовинистической агитацией. И это издается, читается, изучается, на этом воспитываются тысячи советских студентов, это не изъято! Вот вам образчик вреднейшего влияния западнической школы в нашей филологии, о котором очень правильно говорил А. Фадеев в своем докладе»[95].

Невольно вспоминаются слова В. Лидина военного времени: «...я мечтаю о том, что когда-нибудь Сталин позовет писателей для душевного разговора. Только выйдет ли разговор? Шагинян в качестве партийной неофитки произнесет трактат с цитатами из Маркса...»[96]

3 июля 1947 г. в своей заключительной речи Фадеев в первую очередь остановил всеобщее внимание на прениях по поводу Веселовского, добавив в список «попугаев Веселовского» ленинградских профессоров В. М. Жирмунского и Б. М. Эйхенбаума:

> «Раздел доклада о работах Александра Веселовского не занял большого места в обсуждении на пленуме, но товарищи должны учитывать, что это один из самых серьезных вопросов, глубоко затронувший известные академические круги. <...> В работах Александра Веселовского заложена главная основа некритического отношения к западноевропейской литературной науке, главным образом, к романо-германской школе.

---

[94] 18 февраля 1944 г. М. С. Шагинян защитила в ИМЛИ имени А. М. Горького докторскую диссертацию по теме «Т. Г. Шевченко», которая 7 апреля 1945 г. утверждена ВАКом (Бюллетень Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. М., 1945. № 6. Июнь. С. 16).

[95] *Шагинян М.* [Выступление в прениях] / XI пленум Правления Союза Советских писателей СССР. Прения по докладу тов. Фадеева и содокладам // Литературная газета. М., 1947. № 28. 8 июля. С. 2.

[96] Информация наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о политических настроениях и высказываниях писателей, 31 октября 1944 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 529.

Формалистическая школа, к которой принадлежат Б. Эйхенбаум, В. Жирмунский и другие, унаследовала худшие стороны А. Веселовского. Она и сейчас является последовательницей его. <...>

Необходимо решительно разоблачить его антинаучные концепции и смело пойти в наступление на апологетов худших сторон его взглядов. Это будет долгожданный, освежающий ветер во всей нашей литературной науке и в деле литературного образования в стране»[97].

Естественно, что первым дуновение этого «освежающего ветра» почувствовал на себе академик В. Ф. Шишмарев — родственник, душеприказчик, последователь и верный ученик А. Н. Веселовского. Впрочем, можно сказать, что Владимиру Федоровичу относительно повезло: начнись эта кампания годом раньше, то не видать ему звания действительного члена Академии наук, каковым он был почтен на выборах 30 ноября 1946 г.

Безапелляционная речь Фадеева была расценена им и вообще филологами как неприкрытое оскорбление. Профессор М. К. Азадовский писал 25 августа:

«Кстати, о пресловутой речи А. А. Фадеева, — т. е. не о самой речи — она-то не вызывает сомнений и споров — а о том образе, который посвящен Веселовскому и который поразил всех своей необоснованной категоричностью. Этот образ вызвал волну протестов»[98].

Шишмарев, уязвленный поношением своего учителя, да и себя самого, пренебрег преклонным возрастом, болезненным состоянием и решил побороться за правду. Именно инспирированное Шишмаревым «сопротивление веселовистов» привело к большой дискуссии, закончившейся впоследствии их окончательным разгромом.

Первоначально В. Ф. Шишмарев решил сам написать письмо в последнюю инстанцию: в его архиве хранится неотправленное письмо «Глубокоуважаемому Иосифу Виссарионовичу» по поводу нападок Фадеева, датированное 5 июля 1947 г.[99] Некоторые отрывки из него стоит привести:

«Прошу Вас простить меня за мое обращение к Вам, человеку, перегруженному делами гораздо более важными, чем то, о котором я Вам пишу. Но как советский ученый и просто как советский человек я не могу молчать. Вы это легко поймете.

В своем выступлении на 11 пленуме правления Союза советских писателей тов. Фадеев коснулся, между прочим, низкопоклонства перед Западом в нашем литературоведении. Виновник его, наконец, найден. Это Александр Н. Веселовский, порвавший с литературными традициями наших революционных демократов и насадивший у нас целую школу таких же, как он, низкопоклонников.

Конечно, всякий, кто знал или читал В[еселовского], воспримет это открытие т. Ф[адеева] как нелепость. Но беда в том, что благодаря широкой огласке выступления его в прессе идеи т. Ф[адеева] могут дезориентировать неосведомленного читателя, и одно из крупнейших имен русской науки окажется запятнанным из-за невежества и недобросовестности человека, положение которого должно было обязывать его к большей осторожности в суждениях»[100].

---

[97] *Фадеев А.* Заключительное слово / XI пленум Правления Союза советских писателей СССР // Литературная газета. М., 1947. № 28. 8 июля. С. 4.

[98] Литературное наследство Сибири. С. 251. Письмо М. К. Азадовского Г. Ф. Кунгурову.

[99] Движение души: Неотправленное письмо академика В. Ф. Шишмарева И. В. Сталину / Публ., вступ. заметка и примеч. М. Д. Эльзона // Звезда. СПб., 1997. № 6. С. 183–185.

[100] Там же. С. 183–184.

После того раздела письма, где Шишмарев приводит доказательства своих слов, он заключает:

> «В[еселовского], человека своего времени, можно и должно критиковать с точки зрения марксистской теории, но столь же важно указать на близость его позиции нашим, как это и было отмечено на посвященном его памяти академическом заседании в 1938 г. Что же касается упреков в "антинаучности" и "антиисторизме", то их следует вернуть т. Фадееву.
>
> Я считаю эту часть выступления генерального секретаря Союза сов[етских] пис[ателей] не только легкомысленной, необдуманной, но и вредной, вредной общественно и политически.
>
> Выступая со своим дешевым и легковесным памфлетом дурного тона, он показал свое неуважение прежде всего к своей аудитории <...>. Он уронил свое достоинство руководителя объединением советских писателей, так как его положение требует от него серьезного, подлинно марксистского отношения к серьезному вопросу. <...>
>
> Удар нанесен и подлинной русской интеллигенции, которой дороги золотые имена истории нашей научной мысли — людям, которые кровно связаны со своей родиной и с тем, что в ней светлого в прошлом и настоящем.
>
> И так говорит представитель русской литературы, претендующий на защиту благородных заветов Белинского. И так говорит член партии, забывая о том, что партия не забывает таких имен, как Менделеевы, Павловы, Чебышевы и им подобные.
>
> В глазах другого русского писателя, который, конечно, не меньше Ф[адеева] любил и ценил русскую культуру и русскую науку — А. М. Горького, В [еселовский] был "нашим знаменитым Александром Веселовским» <...>"[101].

Столь резкий тон академика, по-видимому, явился причиной того, что четыре экземпляра этого письма так и остались лежать в столе В. Ф. Шишмарева[102].

Кроме этого письма Шишмарева, вероятно, так и не достигшего адресата, сторонники Веселовского инициировали несколько попыток апелляции к руководству страны.

Во-первых, академик Шишмарев решил прибегнуть к помощи своего коллеги по ИМЛИ, заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. М. Еголина — литературоведа, действительного члена АПН, редактора журнала «Знамя», члена Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы, недавно избранного членом-корреспондентом Академии наук СССР. Александр Михайлович Еголин активно участвовал в исследованиях ИМЛИ в области советской литературы и был в институте на правах представителя ЦК[103].

Именно настойчивостью Шишмарева, по всей видимости, вызвано написание Еголиным письма А. А. Жданову. О существовании этого документа упоминает Кирпотин в письме А. А. Фадееву: «Еголин, писавший письмо покойному Жданову, инспирировавший сопротивление веселовистов»[104]. И хотя содержание письма Его-

[101] Там же. С. 184–185.

[102] Пятый экземпляр сохранился в архиве С. И. Вавилова (АРАН. Ф. 596. Оп. 4. Д. 64. Л. 1–5).

[103] Позднее А. М. Еголин будет назначен директором ИМЛИ имени А. М. Горького. 23 января 1948 г. Оргбюро ЦК ВКП(б), заседание которого проходило под председательством А. А. Жданова, приняло постановление № 443-г: «Утвердить т. Еголина А. М. директором Института мировой литературы им. М. Горького Академии наук СССР, освободив его от обязанностей заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 337. Л. 76).

[104] *Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 577.

лина неизвестно, по всей вероятности, оно было написано под воздействием точки зрения Шишмарева.

Во-вторых, университетские профессора обратились за помощью к ректору ЛГУ профессору А. А. Вознесенскому, который, по словам М. К. Азадовского, позвонил напрямую начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову, «указав ему, между прочим, и на ту реакцию, какую, возможно, вызовет это заявление в кругах дружественных нам славянских ученых»[105]. Этот звонок был достаточно важен по нескольким причинам: а) Александров находился в прямом подчинении у Жданова, а ректор ЛГУ был неплохо знаком со Ждановым; б) наличие у ректора «могучего брата» невозможно не учитывать; также стоит допускать «неравнодушие» самого Александрова к Фадееву. То есть, вне всяких сомнений, Жданов узнал о мнении ректора ЛГУ в изложении Александрова, который, возможно, был согласен с мнением ленинградцев.

В-третьих, «на эту тему говорил с А. А. Ждановым президент Академии наук С. И. Вавилов»[106].

В-четвертых, как писал М. К. Азадовский сибирскому писателю и литературоведу Г. Ф. Кунгурову, «было послано тому же лицу большое мотивированное письмо, подписанное академиком И. И. Мещаниновым, академиком Ю. И. Крачковским и академиком И. И. Толстым, — составлялось же это письмо двумя-тремя учеными, среди которых есть и не безызвестные Вам имена»[107].

Именно это письмо удалось найти в делах Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Хотя письмо не имеет даты, поступило оно в секретариат Жданова 20 августа 1947 г. Подписано письмо четырьмя академиками — И. Ю. Крачковским, В. М. Алексеевым, И. И. Мещаниновым и И. И. Толстым[108]. Написано же оно было, по-видимому, не без участия В. Ф. Шишмарева и В. М. Жирмунского.

В «письме академиков» констатировалось:

> «Тов. Фадеев дискредитирует творчество великого русского ученого, трудами которого по праву гордилась и гордится русская и советская филологическая наука. Такая неправильная критика, отрицающая лучшие достижения русской науки и культуры прошлого, принесет только вред развитию нашей советской литературной науки и может быть только на руку враждебным советскому народу и советской культуре кругам за рубежом нашей страны»[109].

Вместе с этим авторы вступались и за последователей Веселовского:

> «Мы считаем также необходимым отметить, что огульное, несправедливое и бездоказательное обвинение в отсутствии советского патриотизма и “низкопоклонства перед Западом”, брошенные тов. Фадеевым многочисленной группе частично названных по именам, частично даже не названных советских ученых, которых тов. Фадеев нашел нужным причислить к “школе Веселовского”, к “попугаям Веселовского” и его “слепым апологетам”, имело характер оскорбительной и нетоварищеской критики, в корне противоречащей заботливому и бережному отношению правительства

[105] Литературное наследство Сибири. С. 251. Письмо М. К. Азадовского Г. Ф. Кунгурову от 25 августа 1947 г. Александров, указанный в письме без инициалов, неверно определен при публикации как будущий президент АН СССР А. П. Александров.

[106] Там же. Также см. письмо В. Ф. Шишмарева к С. И. Вавилову про его обещание переговорить с А. А. Ждановым — АРАН. Ф. 596 (С. И. Вавилов). Оп. 3. Д. 413. Л.1–1 об. (31 авг. 1947).

[107] Там же. И. И. Толстой при публикации указан как Н. И. Толстой.

[108] РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 125. Д. 567. Л. 34–40.

[109] Там же. Л. 35.

и партии и лично тов. И. В. Сталина к честным советским ученым. В частности, мы глубоко возмущены грубыми и необоснованными нападками тов. Фадеева на академика В. Ф. Шишмарева. Академик Шишмарев — один из крупнейших советских филологов, старейший по возрасту литературовед нашей страны, проработавший около 50 лет как ученый и преподаватель высшей школы, заслуживший самое глубокое уважение своих многочисленных учеников и товарищей, советский патриот, который в годы Великой Отечественной войны, несмотря на свой преклонный возраст, проявил себя не только как передовой ученый, но как глубоко преданный нашей родине общественный деятель»[110].

Кроме того, в письме описана реакция на речь Фадеева в советском обществе. Указанные последствия, когда подвергнутые критике направление или персона сразу оказывались во вражеском стане, были характерны для большинства подобных решений и выступлений:

«Мы считаем особенно необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что положения тов. Фадеева, выдвинутые им (по его собственным словам) как личная "творческая точка зрения", а не как "обязательная программа", были высказаны им в официальном программном и ответственном докладе генерального секретаря Союза советских писателей и доклад этот был напечатан не только в "Литературной газете", но и в таких высоко авторитетных и руководящих органах советской печати, как Ц[ентральный] О[рган] "Правда" и "Культура и жизнь". Мысли, высказанные тов. Фадеевым от собственного имени и затем повторенные в передовых статьях "Литературной газеты", фактически становятся уже директивными. Мы имеем сведения о том, что редакции ряда московских и ленинградских издательств и журналов предлагают авторам пересмотреть свои находящиеся в печати работы в духе высказываний тов. Фадеева или вовсе исключить из них упоминания о Веселовском, что литературные и культурные работники на периферии и в национальных республиках упрощенно и механически рассматривают эти высказывания как запрет, налагаемый на всю совокупность научных тем, разработка которых связана с именем Веселовского. До сих пор многие работы Веселовского, созвучные нашему времени и сыгравшие в свое время видную роль в развитии литературоведения, использованы в программах высших учебных заведений и в преподавании западноевропейских литератур, древнерусской и других славянских литератур, фольклора и этнографии»[111].

Завершалось «письмо академиков» следующими словами:

«Крайне озабоченные всеми изложенными обстоятельствами, мы решили обратиться к Вам, глубокоуважаемый Андрей Александрович, с просьбой дать руководящие указания о более бережном отношении к научному наследию великого русского ученого академика А. Н. Веселовского. Зная Ваше исключительно заботливое и внимательное отношение ко всем вопросам советской науки и культуры, мы просим Вас оградить культурное достояние советского народа от вредных последствий поспешной и необоснованной критики»[112].

Такое серьезное давление заставило задуматься даже Жданова. Казалось, Фадеев оставался в меньшинстве, а внушительный перечень его оппонентов, хочешь не хочешь,

[110] Там же. Л. 38–39.
[111] Там же. Л. 39.
[112] Там же. Л. 40.

заставлял Жданова не спешить с тем, чтобы сразу встать на сторону Фадеева и задушить сопротивление «веселовистов» в корне. Тут уже Жданов справедливо опасался того, что точка зрения ученых — оппонентов Фадеева найдет отклик у главы государства, а тогда уже достанется именно Жданову, отвечающему за идеологические вопросы, чье ведомство утверждало текст доклада Фадеева на пленуме ССП.

Фадеев был в курсе ситуации: 20 августа, в день поступления «письма академиков» в секретариат Жданова, оно было не только рассмотрено лично А. А. Ждановым, но и без промедлений было направлено для ознакомления А. А. Фадееву.

Тем не менее вопрос становился настолько важным, что нужно было докладывать Сталину. Но по стечению обстоятельств 16 августа 1947 г., за четыре дня до поступления «письма академиков» в секретариат Жданова, Сталин отправился в отпуск, который продлился до середины сентября. А дело А. Н. Веселовского было хотя и важным, но явно не таким острым, чтобы сообщать письменно докладной запиской или передавать суть вопроса по правительственной связи.

Жданов оказался в затруднительном положении: он явно не мог решиться на резкий шаг самостоятельно, без указания Сталина, и «отбрить» сторонников Веселовского. И тогда Жданов решил «подрессорить». С его ведома обсуждение Веселовского было переведено из обвинительного в дискуссионное русло, вследствие чего в нескольких номерах журнала «Октябрь» развернулось широкое обсуждение работ и научной школы А. Н. Веселовского.

Причем факты свидетельствуют о том, что А. А. Жданов был серьезно озадачен столь массированным сопротивлением еще до получения «письма академиков»: в двух журнальных вариантах публикации текста доклада Фадеева на пленуме, последовавших за газетой, имеются важные разночтения с первоначальным текстом. Две журнальные публикации — «О литературной критике» в № 13 журнала «Большевик» от 15 июля 1947 г. (подписан в печать 13 июля) и «Задачи литературной критики» в июльской книжке журнала «Октябрь» за 1947 г. (подписан в печать 8 июля), в отличие от газетных публикаций речи А. А. Фадеева, уже не содержат и следов упоминаний о Веселовском. Глава доклада «О низкопоклонстве перед заграницей», которая завершалась испепеляющей критикой Веселовского, заканчивается филиппиками в адрес И. Нусинова. Б. М. Эйхенбаум, прочитав эту статью, записал: «О Веселовском пришлось ему убрать — торчат швы, смешно читать. Сам себя высек...»[113]

Словом, первоначально Жданов еще не получил указаний вождя о необходимости «разоблачения» школы Веселовского и даже поубавил пыл Фадеева, но впоследствии (когда, по-видимому, Сталину надоело муссирование этой темы в прессе) руководитель государства принял «единственно верное решение».

Вместе с тем сдерживание «веселовистов» также можно отметить. Это не только симптоматичная мгновенная отправка «письма академиков» для ознакомления Фадееву, но и отсутствие в печати статей сторонников Веселовского. А они, по словам профессора ЛГУ М. К. Азадовского, готовились: «На днях должна появиться в “Лит[ературной] Газ[ете]” статья А. И. Белецкого[114] о Веселовском, и кроме

---

[113] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 76 об.

[114] Белецкий Александр Иванович (1884–1961) — литературовед, действительный член Украинской АН (1939), член-корреспондент АН СССР (1946; с 1953 г. — академик). С 1944 г. — профессор филологического факультета ЛГУ, в 1946–1949 гг. вице-президент Украинской АН. Его статья о Веселовском не появилась ни в «Литературной газете», ни в других изданиях.

того аналогичная статья заказана «Звездой» В. М. Жирмунскому, т. е. тому самому В. М. Жирмунскому, который, по Фадееву, является одним из "университетских попугаев Веселовского"»[115].

Застрельщиком развернутой дискуссии о Веселовском выступил тот же В.Я. Кирпотин: в сентябрьской книжке журнала «Октябрь» была напечатана его статья «Об отношении русской литературы и русской критики к капиталистическому Западу»; она представляет собой дополненный и исправленный вариант выступления Кирпотина на пленуме ССП, когда он участвовал в прениях по докладу Фадеева. Но критике Веселовского отводилось уже намного больше места; причем Кирпотин отдельно сказал и об Алексее Веселовском.

Собственно «дискуссия» развернулась в декабрьском номере журнала, где были опубликованы четыре большие статьи, в том числе и статья академика В.Ф. Шишмарева «Александр Веселовский и его критики». Однако исход боев был уже предрешен: еще 20 сентября в «Литературной газете» была дана статья профессора Л. А. Плоткина «Александр Веселовский и его эпигоны», заканчивающаяся оптимистически: «Руководствуясь учением Ленина и Сталина мы преодолеем ложные и порочные принципы сравнительного литературоведения — этой теоретической основы низкопоклонства перед Западом в литературе»[116].

А в программные статьи министра высшего образования С. В. Кафтанова «Итоги развития высшей школы и ее задачи»[117] и ректора МГУ И. С. Галкина «За боевую научную критику, против низкопоклонства в науке»[118], опубликованные в «Вестнике высшей школы», критика школы Веселовского входила уже как обязательная часть.

Итоговая статья «дискуссии о Веселовском» была написана тем же Кирпотиным, и появилась она в январской книжке журнала «Октябрь» за 1948 г. Название ее звучит с большой претензией: «О низкопоклонстве перед капиталистическим Западом, об Александре Веселовском, о его последователях и о самом главном». В этой статье Кирпотин фиксирует промежуточные итоги кампании:

> «Дискуссия о путях преодоления низкопоклонства перед капиталистическим Западом, вовлекшая в свою орбиту рассмотрение ложного метода компаративистов, ведущих свой род от Веселовского, идет в Союзе писателей, в Академии общественных наук, в Московском университете, в Ленинградском университете, в институтах Академии наук, на страницах "Октября", "Литературной газеты", она приобрела значение большого общественного явления, а некоторым защитникам пережившей себя теории все кажется, что она вызвана «посторонними науке соображениями». Дискуссия происходит на открытом форуме, она всем доступна для проверки и по своему содержанию и по своему литературоведческому, и политическому смыслу»[119].

Кирпотин, что не является неожиданностью, предстает в виде литературного критика, претендующего на статус идеолога и теоретика советского литературоведения,

[115] Литературное наследство Сибири. С. 251.

[116] *Плоткин Л.А.* Александр Веселовский и его эпигоны // Литературная газета. М., 1947. № 39. 20 сентября. С. 4.

[117] *Кафтанов С.В.* Итоги развития высшей школы и ее задачи // Вестник высшей школы. М., 1947. № 12. Декабрь. С. 1–10.

[118] *Галкин И.С.* За боевую научную критику, против низкопоклонства в науке // Вестник высшей школы. М., 1947. № 12. Декабрь. С. 11–18.

[119] *Кирпотин В.Я.* О низкопоклонстве перед капиталистическим Западом... С. 24.

а объемная статья напоминает диссертационные тезисы. Именно в таком духе он пишет в заключительной части:

«Советское литературоведение, вдохновляемое идеями ленинизма, стремится освободиться от проявляющегося еще кое-где в его рядах низкопоклонства перед капиталистическим Западом.

Апологеты школы Веселовского, руководимые цеховыми интересами или худо скрываемым волнением за спокойствие тихих заводей "чистой истины", "чистой науки", не хотят принять участие в этой исторически оправданной и исторически необходимой работе. Тем самым они тянут назад, тем самым они все еще защищают отживший, неверный и реакционный тезис о русском народе как ученике Европы.

Русский народ вместе со всей семьей советских народов стал учителем и вождем современного человечества. Эта историческая роль обязывает»[120].

Но «историческая роль» обязывала не только Кирпотина, но и многих других. Одним из главных «обязанных» оказался литературный критик Анатолий Кузьмич Тарасенков, который выступил в февральском номере журнала «Новый мир» с большой статей «Космополиты от литературоведения»[121], в которой довольно определенно высказался и по вопросу о А. Н. Веселовском:

«Исторически Веселовский противостоит всей линии Белинского—Чернышевского—Добролюбова. Веселовский — один из столпов буржуазно-либеральной науки. Как философ Веселовский находился под огромным влиянием спенсеровского позитивизма.

Марксистско-ленинский метод познания литературы исходит прежде всего из того, что литературные образы рождаются в ходе конкретной, исторически сложившейся классовой борьбы. Веселовский стоит на прямо противоположной точке зрения. Его теория историко-сравнительного анализа приводит к тому, что любое литературное произведение начинает рассматриваться как результат многих, самых разнообразных слагаемых — и сословных, и хозяйственных, и моральных, и этнографических, и национальных факторов. Этот эклектизм равноправия различных факторов приводит к тому, что главное, определяющее в генезисе литературы — классовая борьба — выпадает из поля зрения исследователя.

Веселовский был влюблен в Запад и западную литературу, и ему казалось, что русское народное искусство, русская литература складывались под их коренным воздействием. Эта грубо ошибочная антиисторическая концепция привела Веселовского к благоговейному преклонению перед иностранными источниками.

Наше марксистско-ленинское литературоведение считает своими предшественниками революционно-демократических философов и критиков — Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Веселовский же является отцом теорий декадентов и формалистов, основоположником многочисленных антинаучных разысканий о так называемом "западном влиянии" на русскую культуру»[122].

Вместе с ширившимся обсуждением «реакционной школы Веселовского» в круговорот дискуссии попадали все новые и новые последователи его идей, которые тоже неизбежно «пресмыкались перед Западом». Почти сразу к академику В. Ф. Шишмареву

[120] *Кирпотин В. Я.* О низкопоклонстве перед капиталистическим Западом... С. 27.

[121] *Тарасенков Ан.* Космополиты от литературоведения // Новый мир. М., 1948. № 2. Февраль. С. 124–137.

[122] Там же. С. 124–125.

прибавился В. М. Жирмунский, затем М. П. Алексеев, Б. М. Эйхенбаум, В. Я. Пропп, С. С. Мокульский и т. д.; список этот увеличивался постоянно. Основной фигурант доклада Фадеева на пленуме И. М. Нусинов побивался хотя и несколько обособленно, но с невероятной силой.

В январе 1948 г. отношение власти к Веселовскому окончательно определилось. 16 февраля А. М. Еголин выступил на Всероссийском совещании заведующих кафедрами литературы с докладом, где отдельно коснулся опального академика; вскоре точка его зрения была опубликована и для более широкой аудитории:

> «Усваивая ценное наследство в историко-литературной науке, мы должны отвергнуть все еще имеющие распространение взгляды школы Александра Веселовского, как научно несостоятельные. Веселовский является знаменем безыдейной, объективистской науки. Восхваление его приемов исследования представляет собой пережиток буржуазных взглядов на теорию и историю литературы; попытки со стороны некоторых идейно и методологически отсталых ученых вернуть нашу науку к традициям буржуазного литературоведения должны встретить самый решительный отпор»[123].

Слабые голоса, раздавшиеся тогда в защиту Веселовского, были сразу заглушены. Именно в этом контексте стоит рассматривать реплику «Литературной газеты», которая, сообщая 3 марта о Всероссийском совещании преподавателей литературы, отметила, что «доц[ент] Демешкан выступила с неожиданным славословием по адресу А. Н. Веселовского»[124]. Похоже, Е. Б. Демешкан не сумела сориентироваться и похвалила не подпадающего под ее антисемитские воззрения академика Веселовского.

Окончательный приговор власти А. Н. Веселовскому был оглашен через несколько дней. Таковым стала редакционная статья в «газете для газет» — «Культуре и жизни», которая 11 марта 1948 г. подводила жирную черту под затянувшейся дискуссией. Название статьи — «Против буржуазного либерализма в литературоведении: По поводу дискуссии об А. Веселовском» — вполне вписывалось в русло дискуссии, но основные положения статьи исключали всякое продолжение таковой:

> «В течение нескольких месяцев в журнале “Октябрь” и некоторых других литературных органах ведется дискуссия о значении историка литературы Александра Веселовского и его школы в русской науке. Чем объяснить, что такая фигура, как Веселовский, давно покрытая архивной пылью, стала предметом спора на страницах советской печати? Является ли в самом деле спорным вопрос о взглядах этого буржуазного ученого, давно отвергнутых марксизмом? <...>
>
> Эта фигура извлечена на поверхность не случайно. Веселовский является ныне знаменем безыдейной, либерально-объективистской науки, а восхваление его научных приемов есть не только пережиток буржуазных взглядов на историю литературы, но и активная попытка со стороны некоторых ученых вернуть советскую науку к традиции буржуазного литературоведения. <...>
>
> “Деятельность” школы Веселовского является проявлением того низкопоклонства перед иностранщиной, которое ныне представляет собой один из самых отвратительных

---

[123] *Еголин А. М.* Итоги философской дискуссии и задачи литературоведения: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1948. С. 7. (Тираж издания 100 тыс. экземпляров.)

[124] За партийность в преподавании литературы // Литературная газета. М., 1948. № 18. 3 марта. С. 4.

пережитков капитализма в сознании некоторых отсталых кругов нашей интеллигенции. <...> Все мировоззрение А. Веселовского враждебно нам»[125] и т. д.

Как часто бывало и ранее, глава государства — один из самых преданных читателей «толстых» литературных журналов — одним своим словом подвел итог этой дискуссии.

Хотя статья в «Культуре и жизни» носит характер редакционной, т. е. опубликована без всяких подписей, являясь таким образом точкой зрения редакции (Управления пропаганды и агитации ЦК), писалась она в отделе художественной литературы ЦК под руководством его заведующего Н. Н. Маслина (бывшего главного редактора Ленгослитиздата). Известно, что для написания этой статьи также привлекался и обвиненный впоследствии в космополитизме известный критик и философ М. А. Лифшиц (1905–1983)[126].

Вместе с однозначным отношением, сформулированным предельно ясно в этой директивной статье, уже были намечены «оргвыводы» в отношении участников шумной дискуссии.

До появления этой статьи дискуссия воспринималась с иронией, о чем пишет в своих мемуарных набросках Наталья Леонидовна Трауберг:

> «Летом или осенью 1947-го Ефим Григорьевич Эткинд[127] уже купил для Жирмунских, у которых родилась дочь, гуттаперчевого попугая — мы думали, еще можно смеяться над тем, что Виктора Максимовича назвали “попугаем Веселовского”»[128].

Но после приговора 11 марта стало очевидным, что грядут серьезные перемены. Шишки посыпались не только на вынужденных смириться со своим положением «попугаев Веселовского» — Нусинова, Шишмарева, Жирмунского и всех остальных, но и на самих критиков — участников дискуссии:

> «Тов. А. Фадеев в своем докладе на пленуме правления Союза писателей в июне 1947 г. своевременно поставил вопрос о вредной возне вокруг Веселовского. Совершенно правильным было выступление А. Тарасенкова в журнале “Новый мир” со статьей “Космополиты от литературоведения”, в которой разоблачается реакционная сущность концепции Веселовского и его современных эпигонов. Нашлись, однако, литературные “деятели”, которые не только не поняли политического смысла этой вредной возни вокруг Веселовского, но и способствовали ее усилению. Журнал “Октябрь” затеял целую дискуссию по этому поводу — ненужную, беспринципную, от начала и до конца

---

[125] Против буржуазного либерализма в литературоведении: По поводу дискуссии об А. Веселовском. С. 3.

[126] В 1950 г., когда Н. Н. Маслина отстранили от работы в ЦК и «сослали» в ИМЛИ (традиционное прибежище для сотрудников ЦК), то ему, в частности, вменяли в вину следующее: «На протяжении последних лет он постоянно привлекал к составлению партийных документов, а также в [sic!] работе над редакционными статьями газеты “Культура и жизнь” космополитов: Бялика, М. Лифшица, Юнович, Гринберга и др. Только беспринципностью и аполитичностью т. Маслина можно объяснить тот факт, что для составления редакционной статьи в “Культуре и жизнь” “Против буржуазного либерализма в литературоведении” был привлечен М. Лифшиц» (Докладная записка Агитпропа ЦК Г. М. Маленкову о роли Сектора художественной литературы Агитпропа ЦК в кампании против космополитизма, 20 апреля 1950 г. // Сталин и космополитизм. С. 572–573).

[127] Эткинд Ефим Григорьевич (1918–1999) — литературовед, переводчик, кандидат филологических наук (1948 г.; тема — «Роман Золя 70-х годов и проблема реализма»); впоследствии доктор наук (1965 г.; тема — «Стихотворный перевод как проблема сопоставительной стилистики»). В 1974 г. лишен степеней и званий, эмигрировал.

[128] *Трауберг Н. Л.* Целебная радость // Истина и жизнь. М., 2005. № 3. С. 14.

ошибочную. Ни один из участников "дискуссии" не сумел достаточно ясно определить политическую сущность этой гальванизации Веселовского. <...>

Александр Веселовский является буржуазным либералом, ярым противником революционно-демократического направления, направления Белинского и Чернышевского.

Казалось бы, этого обстоятельства вполне достаточно, чтобы раз и навсегда прекратить пустые и праздные разговоры о каких-то положительных итогах научной деятельности Веселовского, о его мнимых заслугах перед русской наукой. Однако участники дискуссии в журнале "Октябрь" и некоторых других литературных органах заняли совершенно неправильную позицию. Примечательна с этой точки зрения статья В. Кирпотина. Характеризуя Веселовского как буржуазного либерала, Кирпотин тут же, словно испугавшись собственной "смелости", поспешно ретируется; он в своей статье "растекается мыслью по древу", пускается в пустопорожние рассуждения "о специальных ученых заслугах" Веселовского, обнаруживает в его "наследстве" нечто такое, что может "действительно сослужить пользу". Буржуазный либерализм был одним из врагов революционно-общественной мысли XIX века. Об этой истине забыл, очевидно, Кирпотин.

Столь же шатким является выступление Л. Плоткина в "Литературной газете" от 20 сентября 1947 г. В представлении этого автора Веселовский оказывается "фигурой противоречивой". "В своем творческом развитии он испытал воздействие двух факторов, глубоко различных по своему характеру. Это, с одной стороны, передовая русская философия, а с другой — позитивизм и сравнительно-историческая школа, так называемый компаративизм". <...> Критика Л. Плоткина, так же как и критика Кирпотина, носит половинчатый, двусмысленный характер. <...>

Дискуссия, прошедшая в журнале "Октябрь", отдельные выступления "Литературной газеты" не принесли ничего, кроме вреда. Защитники Веселовского лишний раз показали, что под сенью юбилейного славословия в честь "гиганта русской науки" скрывается попытка возродить чуждые нам традиции безыдейного и антипатриотического буржуазного литературоведения. "Критики" Веселовского боялись сказать это прямо, они пожелали остаться в рамках "академической объективности". Тем самым они отступили от принципа большевистской партийности в литературе — главного принципа для каждого советского литературоведа»[129].

23 марта 1948 г. редактор журнала «Октябрь» Федор Панферов писал М.А. Суслову:

«Я и все члены редколлегии журнала "Октябрь" статью "Против буржуазного либерализма в литературоведении", опубликованную в "Культура и Жизнь", признаем целиком и полностью правильной. Наша грубая ошибка заключается в том, что нужно было не дискутировать о Веселовском, а разоблачать буржуазно-либеральное, реакционное существо его концепции. Наша дискуссия явилась вредной шумихой, от начала до конца ошибочной»[130].

Таким образом, инициатива оказалась наказуемой, и весь идеологический порыв Кирпотина обратился против него самого. Фадеев решил отойти в сторону и за Кирпотина не вступился. С этого момента начался закат лучезарной карьеры этого партийного литературоведа. Впоследствии он был обвинен в космополитизме и 18 апреля 1949 г. уволен из ИМЛИ, причем уволил его новый директор — «тестообразный, но величе-

[129] Против буржуазного либерализма в литературоведении... С. 3.

[130] Сталин и космополитизм. С. 170.

ственный А. М. Еголин»[131], который вышел сухим из «дискуссии о Веселовском». Также Кирпотин был исключен из рядов ВКП(б) и лишен профессорского места в АОН при ЦК ВКП(б).

Что же касается Фадеева, то он специальным пакетом с грифом «Секретно» вернул 3 апреля 1948 г. в секретариат А. А. Жданова лежавшие у него бумаги, в том числе и «письмо академиков». Примечателен текст сопроводительной записки заведующему секретариатом Жданова А. Н. Кузнецову: «Возвращаю Вам заявление академиков <...> по поводу Веселовского и письмо поэта Сельвинского: что касается первого, то вопрос ясен, а в отношении второго, я имел устную беседу с Андреем Александровичем»[132].

Вопрос, действительно, был предельно ясен. И Фадеев смог без лишних опасений вернуть филиппику в адрес Веселовского и его приспешников в текст своего выступления на пленуме, после чего доклад вошел в переработанном виде в сборник «За тридцать лет»[133] и остался во всех дальнейших публикациях этого монументального текста, вплоть до полных собраний сочинений Фадеева.

А имя Веселовского, став жупелом, притягивало огонь большевистской критики, выискивалось в книгах и статьях, служа поводом для проработок авторов[134].

Даже впоследствии, когда громились «космополиты от литературоведения», «веселовщина» была им инкриминирована наряду с прочими грубыми идеологическими ошибками. Одним из обвинителей был «организатор советской науки», министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов:

> «Буржуазные искусствоведы и литературоведы рассматривают литературу не как общественное явление, не как форму проявления самобытности народов, их традиций, не как отражение их духовных чаяний, а изображают ее как нечто надклассовое, не связанное с жизнью народа, с его национальным самосознанием, как проявление какого-то абсолютного духа человека вообще.
>
> Для этого создаются космополитические теории о якобы едином общемировом потоке развития литературы, о бродячих сюжетах литературы, которые, ничем не отличаясь друг от друга, с одинаковым успехом приживаются в литературе всех народов мира. Для подкрепления этих концепций, имеющих совершенно определенную политическую направленность, из исторических архивов вытаскиваются всякого рода ушедшие уже в прошлое школы и школки. Достаточно указать на Оскара Уайльда, у которого все высказывания по вопросам литературы пронизаны духом космополитизма.
>
> На руку космополитам пришлись взгляды русского буржуазного литературоведа Веселовского, рассматривавшего историю русской литературы не в связи с историей русского народа, конкретной исторической обстановкой, а лишь как проявление

---

[131] *Агранович Л.* Воркута // Искусство кино. М., 2003. № 5. С. 148.

[132] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125 (Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)). Д. 567. Л. 33. На бланке правления ССП. Машинопись, подпись — автограф.

[133] *Фадеев А.* За тридцать лет. С. 396–435.

[134] Например, горячие похвалы изданному Пушкинским Домом очередному тому «Истории русской литературы» (т. II. Ч. 1: Литература 1220–1580-х годов / Ред. А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц и Н. К. Гудзий) оказались едва ли не приговором: «В ряде глав по-новому разрешен вопрос о взаимоотношениях древнерусской литературы с литературами других стран. <...> Это воскрешает лучшие стороны сравнительной исторической поэтики А. Н. Веселовского и является большой заслугой и бесспорной творческой удачей авторов данного тома — крупнейших советских специалистов по истории древней русской литературы» (*Кузьмина В.Д.* [Рецензия на кн.]: История русской литературы. Т. II. Ч. 1. М.; Л., 1945 // Советская книга. М., 1947. № 2. С. 106).

мирового потока в русской литературе, и усматривавшего задачу литературоведения в сопоставлении произведений русских классиков с зарубежными произведениями, в изыскивании сходства, единства сюжета, образа, то есть в отрицании самобытности русской литературы. Русская литература рассматривалась Веселовским и его последователями как подражательная, произведения Пушкина — как результат влияния байронизма. Лермонтов, Островский, Гоголь, Чехов, Толстой и другие выдающиеся деятели русской литературы, прославившие русский народ, оказывались не более, как только выучениками западной литературы.

Эти буржуазные идеи, лженаучные по своему содержанию и выгодные врагам нашего народа, как известно, нашли распространение среди некоторых советских литературоведов»[135].

Что же касается самого Веселовского, то окончательная, идеологически выдержанная оценка его биографии была сформулирована во втором издании Большой советской энциклопедии — беспрецедентном по масштабам памятнике сталинского идеологического удушья. Приведем эту статью полностью:

«Веселовский, Александр Николаевич (1838–1906) — русский буржуазный ученый, историк литературы. Родился в Москве в дворянской семье. Окончил Московский университет. В 1858–69 жил с перерывами в Западной Европе, где примкнул к либерально-буржуазной культурно-исторической школе в литературе. По возвращении из-за границы Веселовский — профессор Петербургского университета, с 1880 — академик. Руководил отделением русского языка и словесности Академии наук и сыграл неблаговидную роль в отмене избрания А. М. Горького в академики.

В своей научной деятельности, явившейся выражением взглядов русского дворянско-буржуазного либерализма, Веселовский выступил в качестве противника передовых патриотических традиций русской революционно-демократической критики 19 в. Революционным идеям В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского Веселовский противопоставил взгляды западной либерально-позитивистской науки (Г. Спенсер, Т. Бенфей, В. Шерер) с ее стремлением отгородить науку от политики и превратить ее в область узкоспециальных абстрактных филологических изысканий.

В своих работах Веселовский исходил из отрицания классовой борьбы и национального своеобразия исторической жизни народов, проводил буржуазно-космополитическую идею развития "общечеловеческой" мировой литературы, в едином потоке которой исчезают национальные различия и классовые противоположности в каждой национальной культуре. Веселовский идеалистически отрывал явления литературы от их национально-исторической почвы, от условий классовой борьбы и путем абстрактных формальных сопоставлений, выдвижения теории "заимствований", "влияний" сводил неисчерпаемое многообразие и богатство форм литературного развития к небольшому числу международных стандартов — т. н. "бродячих сюжетов" и якобы раз навсегда сложившихся образов и мотивов.

В своих работах "Три главы из исторической поэтики" (1899), "Поэтика сюжетов" (1897–1906) и других Веселовский провозглашал отрыв содержания от формы, сводя последнюю к совокупности независимых от исторического развития постоянных сюжетов и стилистических приемов. Это делает Веселовского одним из теоретических предшественников формализма.

---

[135] *Кафтанов С. В.* О патриотизме советской интеллигенции. С. 27.

Реакционное, космополитическое содержание взглядов Веселовского сказалось особенно резко в его работах по истории средневековой литературы и народной поэзии "Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе" (1872), "Южнорусские былины" (1880–84). Веселовский отрывает сюжеты русских былин и произведений средневековой литературы от русской национальной жизни, их породившей, и рассматривает их как продукт международных "влияний" и "скрещиваний", как варианты "бродячих" сюжетов, занесенных с Запада. Этот антинаучный взгляд Веселовского был справедливо высмеян М. Е. Салтыковым-Щедриным уже в момент появления работы Веселовского. В исследованиях по литературе западноевропейского Возрождения — "Боккаччьо, его среда и сверстники" (1893–94), статьи о Данте (1866), Петрарке (1904), Рабле (1878) и др. — Веселовский изображает Возрождение в духе буржуазного эволюционизма как результат медленного, непрерывного развития, главным содержанием которого было "освобождение личности", не вскрывая классовой борьбы и противоречий эпохи. Не понимая буржуазной природы складывавшихся в эпоху Возрождения общественных отношений, Веселовский изображает ее великих писателей с отвлеченной, внеклассовой, культурно-исторической точки зрения. Последняя крупная работа Веселовского — монография "В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения" (1904), которую он считал подготовкой к биографии Пушкина, — явилась применением его буржуазной компаративистской методологии к русской литературе 19 в. Жуковский рассматривается Веселовским вне связи с русской общественной жизнью на фоне "традиций" и "влияний" западноевропейского сентиментализма и романтизма. В своих работах Веселовский принижал великую роль русской культуры и фактически отрицал ее национально-самобытный характер.

Взгляды Веселовского явились в области истории литературы одним из источников низкопоклонства перед буржуазным Западом, характерного для дореволюционной либерально-буржуазной интеллигенции. Советская литературная наука с передовых позиций марксистско-ленинского учения показала антинародный, антипатриотический смысл работ Веселовского, вскрыла полную несостоятельность его либерально-позитивистской методологии и подвергла уничтожающей критике взгляды его учеников и последователей — буржуазных космополитов и формалистов»[136].

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ ВОСПИТЫВАЕТ СОВЕТСКУЮ МОЛОДЕЖЬ

Активным проводником партийной идеологии в филологии было и Министерство просвещения РСФСР. Эта его роль совершенно не изучена, однако крайне важна: в качестве воздействия на подрастающее поколение действия Министерства было подобно психотропному оружию. И хотя может показаться, будто в послевоенные годы

[136] БСЭ / Гл. ред. С. И. Вавилов. 2-е изд. М., [1951]. Т. 7. С. 543–544. Его брат Алексей Николаевич характеризуется следующими словами: «Русский буржуазный историк литературы. Веселовский, как и его брат Александр Веселовский,— представитель буржуазного космополитизма в литературоведении, сторонник антинаучной теории заимствований. Веселовский рассматривал русскую литературу в отрыве от конкретной истории национального развития России и занимался схоластическими сопоставлениями ее с литературой Запада. Книга Веселовского "Западное влияние в новой русской литературе" (1882) является "образцом" низкопоклонства перед Западом» (Там же. С. 544).

Министерство просвещения уже не обладало такими исключительными идеологическими функциями, как его предшественник Наркомпрос, роль этого ведомства оставалась определяющей. Причина исключительного внимания партии к деятельности Министерства просвещения состоит в том, что первоочередной целью идеологических кампаний послевоенного времени было не только и не столько перевоспитание научной и творческой интеллигенции, сколько воспитание советской молодежи. Именно поэтому центральным, наиболее принципиальным с точки зрения идеологии местом в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» являются следующие слова:

> «Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия.
>
> Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, "искусства для искусства" чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства и не должна иметь места в наших журналах»[137].

И если литература должна была помочь государству воспитывать молодежь, то роль непосредственного государственного воспитателя принадлежала Министерству просвещения. Именно поэтому в послевоенные годы оно находилось под пристальным вниманием ЦК ВКП(б) — ключевые вопросы деятельности министерства решал Секретариат ЦК. В Секретариате этим занимались лично А. А. Жданов и А. А. Кузнецов (последний был вовлечен в работу министерства больше прочих секретарей ЦК), а с середины 1948 г. — Г. М. Маленков; текущими вопросами руководило Управление пропаганды и агитации ЦК, в структуре которого имелось специальное подразделение — отдел школ.

Принципиально важную роль в контроле идеологической политики министерства играл и ЦК ВЛКСМ, поскольку воспитание молодежи было его основной задачей. Причем если до смерти А. А. Жданова Центральный Комитет ВЛКСМ в лице его первого секретаря, члена Оргбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Михайлова вел себя сдержанно, не создавая собой буфер между Министерством просвещения и ЦК ВКП(б), то с осени 1948 г. положение изменилось: поскольку Н. А. Михайлов был креатурой Г. М. Маленкова, то он уже не контролировал, а наравне с Отделом школ ЦК формировал идеологию. Кроме того, деятельность Главного управления вузов (ГУВУЗ) Министерства просвещения, которому были подчинены педагогические и учительские институты РСФСР, контролировалась Министерством высшего образования СССР (в юрисдикцию которого летом 1946 г. перешли университеты, до этого также подчинявшиеся Министерству просвещения).

Находясь в эпицентре идеологического насилия, Министерство просвещения РСФСР, хотя и оставалось республиканским по своему формальному положению, фактически находилось на уровне союзных ведомств, а по идеологической значимости превосходило большинство из них.

Именно поэтому постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам стали для Министерства просвещения РСФСР непосредственным руководством к действию.

---

[137] Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»», 14 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 589.

На постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» министерство отреагировало моментально, возобновив журнал «Литература в школе». Этот печатный орган издавался с 1936 г. Наркомпросом и имел периодичность шесть номеров в год, но на четвертом номере 1941 г. издание его прекратилось; не возобновилось оно и с наступлением мирного времени. Только после августовского постановления 1946 г. в авральном порядке Министерство стало наверстывать упущенное: первый номер журнала за 1946 г. был подписан в печать только 3 декабря 1946 г.[138] Редакционная передовица сообщала читателям:

> «Министерство просвещения РСФСР возобновляет издание литературно-методического журнала "Литература в школе" для преподавателей-словесников.
>
> В годы Великой Отечественной войны Советского Союза с немецко-фашистскими захватчиками наша молодежь вместе со всем народом показала изумительные примеры моральной стойкости, доблести и геройства, которые останутся в веках, вызывая благоговейное преклонение и подражание. Война явилась проверкой не только несокрушимой крепости советского государственного строя, но и силы нашей воспитательной системы. <...>
>
> Общие задачи нашего журнала и преподавателей литературы приобретают особую ответственность в свете постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах "Звезда" и "Ленинград". <...> Это постановление, имеющее огромное принципиальное значение не только для развития советской литературы, но и для всей работы, связанной с изучением литературы, отчетливо напоминает нам, что преподавание художественной литературы не может быть аполитичным. Оно должно быть пронизано духом самой передовой идейности, т.е. коммунистической убежденностью и большевистской партийностью.
>
> В основе изучения и преподавания художественной литературы должно лежать марксистско-ленинское учение о классовой борьбе. Марксизм-ленинизм учит нас рассматривать писателя, как совокупность общественных отношений, как представителя социально-политических интересов, а художественное произведение, как отражение и выражение социальной борьбы, идейных симпатий и антипатий.
>
> В последнее время и в учебных пособиях, и в школе идея патриотизма нередко дается вне социальной направленности и окрашенности, часто почти все писатели-классики зачисляются в народные, проявляется вредная тенденция затушевывать идейно-политические срывы писателей прошлого и настоящего и даже так или иначе реабилитировать писателей, явно враждебных нам по всему духу и форме их творчества (Ахматова, Зощенко). Со всем этим необходимо покончить.
>
> Преподаватели литературы и предназначенный для них журнал "Литература в школе" обязаны воспитать новые поколения жизнерадостными, преданными советской родине, исполненными безграничной веры в свое дело, способными преодолеть любые преграды. В свете этих задач всякая попытка осуществления проповеди аполитичности, безыдейности, "искусства для искусства" должна встретить в нашей школе самый энергичный отпор. Любая тенденция приглушить остроту социально-политической борьбы, проявляющейся в историко-литературном процессе, а вопросы классового анализа художественного произведения отнести на второй и на третий план, должна находить решительное противодействие. Вопросы содержания произведения, его классовой

[138] В том же месяце были подписаны в печать № 2 и сдвоенный № 3/4 за 1946 г. № 5/6 был подписан только 17 марта 1947 г.; 29 марта 1947 г. подписан в печать № 1 1947 г., и к концу года журнал уже выходил без опозданий.

идейно-политической направленности являются первостепенными для преподавателя-марксиста. Нужно вести преподавание художественной литературы таким образом, чтобы оно давало учащимся подлинно научную историко-литературную перспективу, чтобы оно было утверждением советской государственности.

По силе воздействия на чувства, мысли и волю учащихся с литературой не может соперничать ни один школьный предмет. Художественная литература является неиссякаемым источником идейно-политического, нравственного и эстетического воспитания учащихся. Исключительную роль ее в воспитании высоких моральных качеств советского человека необходимо использовать максимально. <...>

Возобновляемый журнал призван помочь преподавателям русского языка и литературы средних школ в улучшении постановки преподавания литературы, в изучении и освоении литературного наследства, в воспитании у учащихся чувства советского патриотизма и беззаветной преданности делу коммунистической партии»[139].

Таким образом, и преподавание литературы в школе, как важнейшая часть идеологической работы сталинского аппарата, ставилась под неусыпный контроль. О том исключительном значении, которое придавалось изучению литературы, говорят приведенные выше слова, которые мы считаем уместным повторить: «По силе воздействия на чувства, мысли и волю учащихся с литературой не может соперничать ни один школьный предмет».

Первым министром просвещения РСФСР после скончавшегося 23 февраля 1946 г. наркома просвещения В. П. Потемкина стал физик Алексей Георгиевич Калашников (1893–1962). Он вступил в должность на основании указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 апреля 1946 г.[140]

С точки зрения партийного руководства страны, Калашников был удобным министром — при действительных знаниях в вопросах образования он был начисто лишен политических амбиций и легкоуправляем. Калашников быстро сработался с президентом Академии педагогических наук РСФСР И. А. Каировым (с которым они были еще и однокурсниками по физико-математическому факультету МГУ). Этих двух деятелей просвещения объединяли важные качества — исполнительность, покладистость и безынициативность. Таким образом, все наиболее важные рабочие, а тем более идеологические вопросы, которыми занималось Министерство просвещения РСФСР в 1946–1947 гг., решались в ЦК ВКП(б) и не встречали в министерстве ни малейших возражений. В 1948 г., когда министром просвещения стал А. А. Вознесенский, ситуация несколько изменилась — министерство вдруг стало инициативным. Но до этого момента, о котором речь пойдет в следующих главах, А. Г. Калашников был лишь исполнителем воли секретарей и аппарата ЦК, внося на рассмотрение ЦК ВКП(б) только те предложения Министерства, которые были инспирированы самим Центральным Комитетом[141].

---

[139] О задачах нашего журнала // Литература в школе. М., 1946. № 1. С. 1–3.

[140] О вступлении Калашникова Алексея Георгиевича в отправление обязанностей Министра просвещения РСФСР // Приказы и инструкции / Министерство просвещения РСФСР. М., 1946. Сб. 7. С. 3.

[141] Например, в 1947 г. А. Г. Калашников готовил письма в Политбюро ЦК по предложению А. А. Жданова о введении 11-летнего срока обучения в школах РСФСР; неоднократно министр обсуждал вопросы высшего педагогического образования с начальником Управления кадров ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецовым. В документах Министерства просвещения (ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 71. Д. 5851) сохранилась переписка министра с секретарями ЦК А. А. Ждановым и А. А. Кузнецовым,

Кроме возобновления журнала «Литература в школе», Министерство просвещения уже в сентябре откликнулось на постановление ЦК ВКП(б), выступив застрельщиком первой локальной кампании в литературоведении.

Поводом для «большевистской критики и самокритики» послужило только что вышедшее тиражом 215 тыс. экземпляров учебное пособие «Современная литература» для 10-го класса средней школы, подготовленное известным литературоведом Л. И. Тимофеевым, членом редколлегии журнала «Знамя», профессором филологического факультета МГУ и заведующим отделом советской литературы ИМЛИ имени А. М. Горького.

Даже при всей своей лояльности к действующей власти, Леонид Иванович не смог укрыться от суровой критики. Суть вопроса была позднее изложена в приказе министра просвещения А. Г. Калашникова от 14 сентября 1946 г.:

> «Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР допустило серьезную ошибку, издав в качестве учебного пособия для X класса средней школы книгу проф[ессора] Л. И. Тимофеева “Современная литература”.
>
> Указанная книга проф[ессора] Тимофеева содержит грубейшие политические ошибки и антинаучные положения. В число образцов современной русской литературы включены стихи А. Ахматовой, которая совершенно справедливо была оценена в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа с. г. о журналах “Звезда” и “Ленинград”, как “типичная представительница чуждой нашему народу, пустой, безыдейной поэзии”.
>
> В книге содержится совершенно антинаучное и политически ошибочное утверждение, что стихи А. Ахматовой реалистичны, так как, якобы, “правдиво отражают жизнь в ее типических чертах через человеческие переживания, вызванные жизнью”. В бездарном стихотворении А. Ахматовой “Мужество” автор учебного пособия находит характернейшие черты советского человека в эпоху Великой Отечественной войны, что является совершенно неправильным и клеветническим утверждением.
>
> Проф[ессор] Тимофеев не раскрывает сущности салонной поэзии А. Ахматовой, не желающей идти в ногу со своим народом, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, проникнутых духом пессимизма и упадничества.
>
> Вместе с тем, проф[ессор] Тимофеев в своем учебном пособии пытается представить значительным советским писателем пошляка Зощенко, дающего в своих произведениях злостно-хулиганское изображение нашей действительности.
>
> Совершенно неправильная оценка дана литературной группе “Серапионовы братья”, которая принесла немалый вред развитию советской литературы. Путано и неправильно охарактеризованы также и другие литературные группы 20-х годов»[142].

Кроме приказа министра, хрестоматия Л. И. Тимофеева удостоилась целого потока однотипных обвинительных рецензий в советской печати, почему вышедший в середине ноября номер журнала «Советская книга» вынужден был констатировать, что

председателем СМ РСФСР М. И. Родионовым, проекты постановлений ЦК ВКП(б), в том числе «Об 11-летнем сроке обучения в средней школе», «О подготовке научно-педагогических кадров через аспирантуру высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений» и прочие документы, свидетельствующие о механизме подготовки наиболее серьезных решений ведомства.

[142] Об учебном пособии по литературе для X класса средней школы профессора Л. И. Тимофеева: Приказ № 791 от 14 сентября 1946 г. // Приказы и инструкции / Министерство просвещения РСФСР. М., 1946. Сб. 11. С. 5.

«недавно вышедший в свет учебник Л. И. Тимофеева "Современная литература" сразу приобрел печальную известность»[143].

Авторы рецензии в «Советской книге», политически грамотные литературные критики С. А. Трегуб и И. И. Бачелис, недоумевали:

> «Действительно, трудно было предположить, что известный литературовед, руководитель отдела советской литературы Института мировой литературы имени Горького Академии наук СССР, может преподнести школьникам в качестве единственного примера реализма в поэзии, в лирике не что иное, как стихи... Ахматовой. Но ничего лучшего в качестве образца для воспитания литературных суждений и вкусов молодежи проф[ессор] Тимофеев не нашел»[144].

Развернутая рецензия М. Н. Рякина в журнале «Литература в школе» (открывал этот номер знаменитый доклад Жданова) заканчивалась словами:

> «Таким образом, новое учебное пособие по современной литературе содержит крупные политические ошибки и требует серьезной и вдумчивой переработки в свете постановления ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград"»[145].

Так и поступил Л. И. Тимофеев: в рекордные сроки он переработал свою хрестоматию, и в следующем году Учпедгиз издал ее вторым «исправленным и дополненным» изданием, которое не вызвало подобных нареканий. Теперь в хрестоматии уже не было места для «ложно и антинаучно изложенной концепции символизма», а тем более для фигурантов постановления ЦК.

По следам школьного учебника Л. И. Тимофееву досталось и в Московском университете, где в учебном плане стояла его программа по советской литературе. 25 ноября 1946 г. состоялось общее собрание профессоров, преподавателей и научных работников МГУ, посвященное задачам перестройки учебной и научной работы университета. Оно происходило при большом стечении идеологического руководства: в президиуме сидели глава московских большевиков, секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Попов, министр высшего образования С. В. Кафтанов, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров и др.[146] Ректор МГУ И. С. Галкин выступал с основным докладом «О задачах перестройки учебной и научной работы университета в связи с решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам».

> «Докладчик вскрыл недочеты в работе профессоров и преподавателей университета и на характерных примерах показал, что в университете далеко не все обстоит благополучно в организации идеологической работы»[147].

Особенно досталось Л. И. Тимофееву:

> «Автор программы по курсу советской литературы профессор Тимофеев забыл об основных ленинских положениях в трактовке развития советской литературы, обошел молчанием, игнорировал роль партии в развитии советской литературы. Отсюда антинаучность, вредный аполитизм пронизывает всю эту программу»[148].

---

[143] *Трегуб С., Бачелис И.* [Рецензия на кн.]: Л. И. Тимофеев. Современная литература // Советская книга. М., 1946. № 8/9. С. 139. Номер подписан в печать 2 ноября 1946 г.

[144] Там же.

[145] *Рякин М.* [Рецензия на кн.]: Л. И. Тимофеев. Современная литература // Литература в школе. М., 1946. № 2. С. 79.

[146] Из зала собрания // Московский университет. М., 1946. № 37. 29 ноября. С. 2.

[147] Там же.

[148] *Галкин И. С.* О перестройке учебной и научной работы университета в связи с решениями ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии // Московский университет. М., 1946. № 37. 29 ноября. С. 1.

Лишним доказательством постоянного участия партийных органов в деятельности Министерства просвещения была и описанная выше ситуация, поскольку отнюдь не само министерство поставило себя под удар, начав критиковать книгу своего же издательства, а лишь было вынуждено пойти на этот шаг под серьезным давлением. Инициатором же был первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов, который таким образом продемонстрировал свое рвение. Именно его записка, поданная в Секретариат ЦК, послужила причиной того, что идеологическая машина заработала, и силами Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) было инициировано подписание вышеизложенного приказа министра просвещения и осуществлены публикации в печати[149].

Наряду с такими «точечными ударами», как критика конкретных учебников, пособий или хрестоматий, Министерство просвещения РСФСР занималось организацией и проведением мероприятий, имевших намного более серьезные последствия. Речь идет о практике проведения совещаний преподавателей и учителей. Эти республиканские слеты были намного масштабней, нежели расширенные заседания коллегии министерства. Роль совещаний особенно возросла в 1948 г. — с приходом на министерский пост А. А. Вознесенского. Стремление нового министра проводить любое мероприятие с помпой привело к тому, что на заседаниях коллегии министерства присутствовало до 150–200 участников, а численность делегатов на совещаниях превышала 500 человек.

Совещания преследовали также и вполне определенную цель: изменения идеологических требований к преподаванию литературы были столь безотлагательны и одновременно быстротечны, что программы и учебники оказывались несостоятельными и запрещались, а новые даже не успевали выйти. Именно по этим причинам на совещаниях в Министерстве просвещения проводились специальные секционные занятия, где излагались директивные требования по программам.

Значимость этих совещаний, которые начиная с 1947 г. проводило Министерство просвещения под четким контролем ЦК ВКП(б), усиливалась и тем обстоятельством, что в них постоянно принимали участие руководители Союза советских писателей СССР, чаще всего лично А. А. Фадеев; подробно о них будет рассказано в следующих главах.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В РУСЛЕ ЛОКАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ

В условиях жесточайшей вертикали власти любое решение руководства страны могло сиюминутно превратиться в твердое основание для обвинений ученого, писателя или иного человека в политической близорукости или неблагонадежности. Не имело значения, принято ли это решение руководством по политической необходимости или же по прихоти, поскольку результат был часто одинаков: человек в один

[149] О мерах, принятых по записке Н. А. Михайлова (которая также была направлена секретарям ЦК А. А. Жданову и А. А. Кузнецову), докладывал 1 октября 1946 г. глава Управления пропаганды и агитации ЦК Г. Ф. Александров секретарю ЦК Н. С. Патоличеву (см.: Докладная записка Агитпропа ЦК секретарю ЦК ВКП(б) Н. С. Патоличеву о «серьезных политических ошибках» в учебнике «Современная литература», 1 октября 1946 г. // Сталин и космополитизм. С. 87–88).

момент превращался в идеологического врага. Не были исключением и те, кто трудился в области филологии, причем чем больше следов своей деятельности оставлял ученый, тем уязвимее он становился: никогда нельзя было наперед усмотреть, какая вожжа попадет кому под хвост и какая тема, взгляды или личность окажутся под огнем партийной критики.

Очень показателен в данном контексте пример с классиком русской литературы Федором Михайловичем Достоевским и его исследователями. Не останавливаясь на характеристике литературоведческих работ, качество которых было далеко не равноценным, важно увидеть на примере осуждения Достоевского механизм локальных кампаний второй половины 40-х гг.

В случае с Достоевским это, как почти всегда, случилось внезапно: в конце декабря 1947 г. из центральной прессы вдруг посыпались статьи с резкой критикой вновь вышедших книг о творчестве классика. Основными фигурантами гневных статей оказались литературоведы В. Я. Кирпотин и А. С. Долинин. Первый обладал значительным политическим весом, являлся автором книги «Молодой Достоевский» (М., 1947) и опубликованного юбилейного доклада «Ф. М. Достоевский» (М., 1947); второй, более уважаемый как исследователь, — ленинградец А. С. Долинин (Искоз) — автор работы «В творческой лаборатории Достоевского: История создания романа “Подросток”» (Л., 1947).

Поскольку довольно часто волна критики рождалась и стихала вне зависимости от здравого смысла, то современникам трудно было понять, чем вызвано такое ожесточение прессы. И хотя еще в 1914 г. Ленин выразил в письме к Инессе Арманд свое однозначное отношение к классику русской литературы — «архискверному Достоевскому»[150], письмо его впервые было опубликовано только в 1950 г., а потому не может рассматриваться в рамках разворачивающейся кампании в качестве краеугольного камня.

Если А. С. Долинин критиковался и до войны за свои исследования о Достоевском[151], то нападки на книгу члена ВКП(б) В. Я. Кирпотина «Молодой Достоевский» казалась парадоксом: ведь незадолго до этого она собрала много положительных отзывов. Как позднее писал Кирпотин В. М. Молотову: «Книга обсуждалась в Институте мировой литературы им. Горького и в Союзе советских писателей. В обеих инстанциях мою работу одобрили»[152].

30 августа 1947 г. в той же «Литературной газете» была опубликована положительная, хотя и довольно сдержанная по тону, рецензия коллеги автора по ИМЛИ К. П. Полонской, завершавшаяся словами:

> «...Возражения не изменяют общей положительной оценки работы, в которой творчество одного из корифеев критического реализма XIX века рассмотрено во всей своей противоречивости и в тесной связи с идейной борьбой его эпохи»[153].

---

[150] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 48. С. 295. «Печатается по рукописи. Впервые напечатано в 1950 г. в 4 издании Сочинений В. И. Ленина, том 35».

[151] Например, на закрытом пленуме парторганизации АН СССР 11 февраля 1935 г. сотрудник ИРЛИ Н. П. Аникин отмечал: «Продукция, не одобренная парторганизацией [Пушкинского Дома], проходит без ее ведома (работа Беркова о Козьме Пруткове, книга о Достоевском, со статьей Долинина, содержащей большие ошибки)» (ЦГАИПД СПб. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 148. Л. 66). Речь идет о ст.: *Долинин А. С.* К истории создания «Братьев Карамазовых» // Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1935. С. 9–80.

[152] *Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 614. Письмо к В. М. Молотову от 24 апреля 1955 г.

[153] *Полонская К.* Книга о Достоевском // Литературная газета. М., 1947. № 36. 30 августа. С. 2.

Через три месяца в той же «Литературной газете» за подписью «Р. Уралов» появилась уже более развернутая рецензия, которая не могла не учесть сказанное К. П. Полонской, но сводилась к неприкрытому восхвалению:

> «Плодотворность марксистско-ленинского метода в литературоведении сказывается в этой работе В. Кирпотина с особенной ясностью. Сороковые годы сыграли выдающуюся роль в формировании всего творческого облика великого писателя. Но, увлекшись анализом этого периода, В. Кирпотин недостаточно четко проводит линии связи между ранним и зрелым Достоевским. <...>
>
> Можно бы поспорить по ряду частных вопросов, но не они определяют характер книги, ее пафос.
>
> Знание фактов и умение их истолковать, четкая аргументация и обдуманная концепция, любовь и уважение к писателю, не закрывающие перед исследователем его пороков, идейная целенаправленность и большевистская принципиальность — все это делает книгу В. Кирпотина "Молодой Достоевский" ценным вкладом в советскую науку о литературе»[154].

По-видимому, действительный автор этой хвалебной рецензии (если это вообще не сам Кирпотин) был в курсе мнения главы советской литературы о книге, в подготовке которой к печати, кстати сказать, Фадеев принимал деятельное участие.

Еще 14 октября 1947 г. А. А. Фадеев отправил в Гослитиздат свой пышный отзыв:

> «Считаю работу В. Кирпотина "Молодой Достоевский" одной из лучших работ по литературоведению, вышедших за последние годы.
>
> Достоинство книги состоит, во-первых, в том, что она рассматривает молодого Достоевского, т. е. Достоевского периода его близости к петрашевцам, в связи с конкретной историей общественного развития России его времени. Поэтому анализ ранних литературных произведений Достоевского, сам по себе сделанный блестяще, естественно вытекает из общественно-политической борьбы того времени и обнимает собою не только литературный процесс, а и реальную историю.
>
> Достоинство книги состоит, во-вторых, в том, что многие политические и литературные проблемы, поставленные в книге, живо перекликаются с наиболее насущными литературными и политическими вопросами нашего времени. Поэтому работа Кирпотина глубоко современна.
>
> Эту работу вполне можно назвать новаторской. Не только в том смысле, что он раскрывает наименее исследованное, наиболее "темное" место в литературоведении. Работа новаторская и в том смысле, что она принадлежит к не столь еще многим литературоведческим трудам, показывающим, сколь плодотворно применение в деле литературного исследования подлинного марксистско-ленинского метода»[155].

Но вдруг Достоевскому, что называется, «не повезло» — на него обратил внимание Сталин. По-видимому, произошло это оттого, что работа Кирпотина, благодаря стараниям автора и помощи Фадеева, была очень хорошо разрекламирована; по-видимому (а рецензия «Р. Уралова» написана в подобающем ключе), речь шла о выдвижении ее на Сталинскую премию.

---

[154] *Уралов Р.* Правда о Достоевском // Литературная газета. М., 1947. № 58, 26 ноября. С. 3. В книге «Ф. М. Достоевский. Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем, 1917–1965» (М., 1968) автор статьи ошибочно указан как «Удалов Р.» (С. 172).

[155] *Фадеев А.* Собрание сочинений. Т. 7. С. 171.

Поскольку Сталин вообще следил за тем, что выходит в советских издательствах, внимательно читал центральную прессу, а все претендующее на премию его имени изучал более подробно, то и обратил свое внимание на книгу Кирпотина; тем более что ее автор был Сталину знаком. И вот тогда «Молодой Достоевский» не понравился далеко не молодому вождю.

По такой же причине немного ранее пострадал К. И. Чуковский; приведем в этой связи строки из дневника того же Кирпотина:

> «В 1943 году в "Советском писателе" вышла в роскошном для военных лет издании сказка Корнея Чуковского "Одолеем Бармалея". Сказка аллегорическая, приноровленная к военному времени и потому несколько деревянная <...>. Сказка как сказка, печатались и печатаются неизмеримо хуже. Однако Чуковский принадлежал к переделкинской элите, и потому счел само собой разумеющимся, что он должен получить Сталинскую премию за новую сказку. Он поговорил с кем надо, и детская секция, и Президиум ССП выдвинули ее в рекомендованный список. Тоже ничего особенного. Сталинские премии в это время выдавались пачками, премировались произведения и похуже, и тоже по всяким признакам, не только литературным.
>
> И вдруг разразился скандал. В "Правде" с разносной статьей выступил П. Юдин. В "Литературной газете" С. Бородин писал: "Великую тему он ухитрился так изложить, что осквернил и опоганил ее... Пошлые выверты К. Чуковского возбуждают чувство отвращения..." Был созван специальный Президиум Союза писателей, и Фадеев в большом докладе разносил "Бармалея" по всем направлениям. Чуковскому было сказано много слов, совершенно лишних, и о нем самом и о его поэме. Критика вышла за пределы необходимого и возможного, и — выдвижение было взято назад.
>
> Что же произошло? Что крылось за ожесточенным разносом? <...> Сталинские премии присуждались в итоге лично Сталиным. Узнав, что Чуковский выдвинут, вождь рассердился. Он дал соответствующий сигнал, и сказочника всенародно начали топтать за ремесленную сказку, но не по литературным причинам, а по политическим: за то, что так отзывался о революции, за то, что отговаривал Репина вернуться в Россию. Азарт и степень критики, переходившей в ругательства, оставляло чувство недоумения [sic!]» [156].

По-видимому, именно таким же образом Сталин обратил внимание на идеологически неверное восприятие творчества Достоевского «некоторыми литературоведами». Ничтоже сумняшеся Сталин поделился своей точкой зрения с А. А. Ждановым. И не позднее чем на следующий день, около полудня, А. А. Жданов вызвал к себе на пятый этаж Д. Т. Шепилова и сказал:

> «Вчера товарищ Сталин обратил внимание на то, что в выходящей новой литературе очень односторонне, а часто и неправильно, трактуется вопрос о творчестве и социологических взглядах Федора Достоевского. Достоевский изображается только как выдающийся русский писатель, непревзойденный психолог, мастер языка и художественного образа. Он действительно был таким. Но сказать только это — значит подать Достоевского очень односторонне и дезориентировать читателя, особенно молодежь.
>
> Ну, а общественно-политическая сторона творчества Достоевского? Ведь он написал не только "Записки из мертвого дома" или "Бедные люди". А его "Двойник"? А знаменитые "Бесы"? Ведь "Бесы" и написаны были для того, чтобы очернить революцию,

[156] *Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 529–530.

злобно и грязно изобразить людей революции преступниками, насильниками, убийцами; поднять на щит людей раздвоенных, предателей, провокаторов.

По Достоевскому, в каждом человеке сидит "бесовское", "содомское" начало. И если человек — материалист, если он не верит в Бога, если он (о, ужас) социалист, то бесовское начало в нем берет верх, и он становится преступником. Какая гнусная и подлая философия.

Да и Раскольников-убийца является порождением философии Достоевского. Ведь "Бесы" только по своей грязно-клеветнической форме отталкивали либералов. А философия в "Преступлении и наказании" по существу не лучше философии "Бесов".

Горький не зря называл Достоевского "злым гением" русского народа. Правда, в лучших своих произведениях Достоевский с потрясающей силой показал участь униженных и оскорбленных, звериные нравы власть имущих. Но для чего? Для того, чтобы призвать униженных и оскорбленных к борьбе со злом, с насилием, тиранией? Нет, ничуть не бывало. Достоевский призывает к отказу от борьбы, к смирению, к покорности, к христианским добродетелям. Только это, по Достоевскому, и спасет Россию от катастрофы, которой он считал социализм.

А наши литераторы кропят творчество Достоевского розовой водицей и изображают его чуть ли не социалистом, который только и ждал Октябрьской революции. Но это же прямая фальсификация фактов. Разве не известно, что Достоевский всю жизнь каялся в своих "заблуждениях молодости" и замаливал свои грехи — участие в кружке Петрашевского? Чем замаливал? — поклепами на революцию, рьяной защитой монархии, церкви, всяческого мракобесия.

Товарищ Сталин сказал, что мы, конечно, не собираемся отказываться от Достоевского. Мы широко издавали и будем издавать его сочинения. Но наши литераторы, наша критика должны помочь читателям, особенно молодежи, правильно представлять себе, что такое Достоевский»[157].

После такой «политинформации», как вспоминал руководитель Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д. Т. Шепилов, «немедленно приводилась в движение "Правда", газета Агитпропа ЦК "Культура и жизнь", критики, издательства, театры и все соответствующие рычаги идеологического воздействия»[158].

Так произошло и в этом конкретном случае: весь отлаженный механизм пришел в движение. Судя по хронологии, изустное высочайшее повеление Жданов получил не позднее начала 10-х чисел декабря 1947 г., и тут, говоря словами Чичикова: «Пошла писать губерния!» Фадеев, конечно же, был в курсе надвигавшихся событий, но в таких случаях он моментально оказывался на стороне руководства и даже не думал противодействовать публикациям в подведомственной ему «Литературной газете». Погромные статьи отражали точку зрения Сталина, зафиксированную Ждановым и продвигаемую Шепиловым.

Первой вышла 20 декабря в «Культуре и жизни» статья правдиста Давида Заславского. Ее громкое заглавие «Против идеализации реакционных взглядов Достоевского» уже однозначно характеризовало изменение позиции действующей власти к классику. Прошедшись по самому писателю, автор — знаменитый публицист сталинской эпохи — переходил и на здравствующих литераторов:

---

[157] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 93–94.
[158] Там же. С. 95.

«Достоевский — выдающийся русский писатель, мастер художественного образа и слова. Он в то же время один из самых страстных противников социализма, революции, демократии. Это дало возможность буржуазным критикам, публицистам и литературоведам развести вокруг Достоевского злонамеренную путаницу.

Можно приветствовать каждый новый труд, разоблачающий эту путаницу и помогающий лучшему пониманию сложного и противоречивого творчества Достоевского, не приукрашивая его и не уменьшая его достоинств, не пытаясь высокой художественной формой оправдать реакционную сущность мировоззрения писателя.

Этого нельзя сказать, к сожалению, о книгах А. Долинина и В. Кирпотина. Они не только не разоблачают буржуазную путаницу, а еще больше способствуют ей. Мало того, они фальсифицируют подлинный художественный и идейный облик Достоевского, пытаясь подкрасить его "под социалиста". <...>

Хорошо известно, что реакционное учение Достоевского используется и ныне врагами советского народа, врагами рабочего класса и социализма для клеветнических нападок на Советский Союз, на социалистическую культуру. Германский фашист Розенберг в Раскольникове находил разгадку пресловутой "загадочной русской души". Он клеветал на русский народ как на народ Раскольниковых.

Достоевский — духовный отец двурушничества. Не удивительно, что реакционные стороны его творчества были одним из источников, питавших двурушников и предателей.

Вся зарубежная реакция, все проповедники упадочничества, разложения, политической мертвечины, все мистики разных толков в реакционных страницах Достоевского ищут и находят оправдание для своей подлой работы, предательства и провокации. Советская литература призвана вести непримиримую борьбу со всеми попытками заразить общественность гнилостными продуктами идейно-политического разложения и маразма. Нет ничего вреднее желания навести розовый глянец на реакционный облик Достоевского. Его мировоззрение глубоко враждебно марксизму-ленинизму, социалистической демократии, отличительной чертой которых является оптимизм, вера в человека-труженика, человека-мыслителя, человека-творца. Марксизм-ленинизм клеймит и преследует реакционную проповедь аморальности. Борьба за социализм создает высокую этику душевной чистоты, цельности и благородства»[159].

Статья Ермилова в «Литературной газете», озаглавленная «Ф. М. Достоевский и наша критика», была лишь немного мягче, но заканчивалась словами:

«Всем нашим исследователям и критикам, работавшим над творчеством Достоевского, необходимо многое пересмотреть в своих оценках, отказаться от либерального сахарина, чтобы продвинуть вперед марксистско-ленинское изучение сложного, противоречивого, крупного писателя, поставившего немало острых социальных проблем, в том числе проблему "углов", трущоб, язв капиталистического города, — но поставившего эти проблемы неверно, на основе ложной, реакционной идеологии и субъективно-психологического художественного метода, порывавшего с рядом важнейших реалистических традиций русской литературы.

Критика и самокритика прежних работ о Достоевском необходима в свете реальной социальной практики сегодняшнего дня, когда творчество Достоевского особенно активно служит на потребу мировой реакции.

---

[159] *Заславский Д.* Против идеализации реакционных взглядов Достоевского // Культура и жизнь. М., 1947. № 35 (54). 20 декабря. С. 3–4.

Суровая, беспощадная критика всего неправильного, традиционно-"либерального" в оценке Достоевского — насущная задача нашего литературоведения»[160].

Вскоре, 3 января наступившего 1948 г., в той же «Литературной газете» была напечатана статья «Апологеты реакционных идей Достоевского»; она ввергает в водоворот событий других литературоведов — Б. В. Томашевского и А. Л. Слонимского. Сперва автор расправляется с Томашевским:

«...От изданий сочинения Достоевского, в особенности массовых, мы вправе требовать не только высокого уровня текстологической работы, но и критического освещения наследия великого писателя, правильного, научного истолкования его творчества. К сожалению, последние издания произведений Достоевского совершенно не отвечают этому требованию.

Перед нами вышедший в конце 1947 года в Гослитиздате однотомник сочинений Достоевского[161]. Предисловия в этой книге нет, в ней имеются лишь краткие примечания Б. В. Томашевского. Написаны эти примечания в духе того претенциозного и, к счастью, уже отживающего академического объективизма, при котором автор не только боится современности, но даже по отношению к идейной борьбе прошлого остерегается высказать свою точку зрения»[162].

А затем переходит к Слонимскому:

«Еще более грубую ошибку, чем Гослитиздат, допустил Детгиз, напечатав в "Библиотечке школьника" отрывки из "Братьев Карамазовых" под названием "Мальчики".

Порочна уже самая попытка дать юному читателю фрагменты из этого романа. Разговоры мальчиков совершенно непонятны, если читатель не имеет представления об основных идейных и сюжетных коллизиях романа и его центральных образах.

Разумеется, что сущность романа явно недоступна читателям Детгиза. Тем не менее, А. Слонимский в предисловии пытается сообщить школьнику недостающие ему сведения о романе и об Алеше Карамазове. <...> Издание Детгиза следует признать идейно вредным»[163].

Неудивительно, что для всех поименованных в центральной прессе «идеологических слепцов» эта локальная кампания начала приносить вполне ощутимые неприятности. Наибольшие достались главному виновнику — критику Кирпотину, который подвергался обстрелу из всех орудий. В начале февраля 1948 г. его идеологически порочные книги были вынесены на публичное обсуждение открытого партийного собрания Института мировой литературы. Отчет об этом собрании опубликовала 11 февраля «Литературная газета»:

«Несколько дней тому назад в Институте мировой литературы на открытом партийном собрании состоялось обсуждение книг проф[ессора] В. Кирпотина "Ф. М. Достоевский" и "Молодой Достоевский". Выступивший в начале обсуждения В. Кирпотин признал правильной критику "Культуры и жизни" и "Литературной газеты".

Б. Бялик справедливо отметил, что основным пороком книг Кирпотина является забвение им принципа партийности в литературе. Для книг В. Кирпотина характерна

---

[160] *Ермилов В.* Ф. М. Достоевский и наша критика // Литературная газета. М., 1947. № 66. 24 декабря. С. 2.

[161] *Достоевский Ф. М.* Избранные сочинения / Ред. текста и примеч. Б. В. Томашевского. М., 1947.

[162] *Буров Н.* Апологеты реакционных идей Достоевского // Литературная газета. М., 1948. № 1. 3 января. С. 3.

[163] Там же.

замена точных терминов и понятий, раскрывающих классовое содержание литературы, неясной и нечеткой фразеологией.

Проф[ессор] Н. Бродский критикует положение Кирпотина о том, что творчество молодого Достоевского, взятое в целом, соответствовало идеологии передовых людей 40-х годов.

Проф[ессор] Д. Благой считает, что книга В. Кирпотина написана слишком спокойно, объективистски. Мы не находим в книге Кирпотина, представляющей собою первую часть исследования о Достоевском, ключа к общей концепции творчества писателя. <...>

Выступивший в заключение обсуждения член-корреспондент Академии наук А. Еголин отметил, что собрание было плодотворно. Книги Кирпотина были подвергнуты серьезной и принципиальной критике. Печальным, однако, является то обстоятельство, что критика книг Кирпотина началась не по инициативе коммунистов института. В связи с этим А. Еголин говорит о неудовлетворительной работе партийной организации института и призывает ученых-коммунистов к строгой, принципиальной критике в самокритике»[164].

Апофеозом критики Кирпотина, уже ставшего «козлом отпущения», стала статья «Против буржуазного либерализма в литературоведении: По поводу дискуссии об А. Веселовском» в «Культуре и жизни» от 11 марта 1948 г., о которой уже говорилось в связи с кампанией против А. Н. Веселовского. Естественно, учитывая национальность Валерия Яковлевича (а он был евреем), что в следующем году — в разгар борьбы с космополитизмом — он уже с веским набором аргументов был причислен к космополитам.

Уместно опять привести слова Чуковского о подобной ситуации:

«После ударов, которые мне нанесены из-за моей сказки, — на меня посыпались сотни других — шесть месяцев считалось, что “Искусство” печатает мою книгу о Репине, и вдруг дней пять назад — печатать не будем — вы измельчили образ Репина!!! Я перенес эту муку, уверенный, что у меня есть Чехов, которому я могу отдать всю душу. Но оказалось, что рукопись моего Чехова попала к румяному Ермилову, который, фабрикуя о Чехове юбилейную брошюру, обокрал меня, взял у меня все, что я написал о Чехове в 1914 году накануне первой войны и теперь — во время Второй, — что обдумывал в Ленинской библиотеке уединенно и радостно, — и хотя мне пора привыкнуть к этим обкрадываниям: обокрадена моя книга о Блоке, обокраден Некрасов, обокрадена статья о Маяковском, [И. В.] Евдокимов обокрал мою статью о Репине, но все же я жестоко страдаю. Если бы я умел пить, то я бы запил»[165].

Не думая сравнивать Чуковского с Кирпотиным, мы пытаемся здесь представить лишь типическую ситуацию для человека, по какой-либо причине, чаще всего по совершенно случайной, попавшего в немилость к власти. И нет различия между тем, действительного ли дарования этот человек или умелый компилятор и последователь конъюнктуры: он будет доходчиво вразумлен, а при малейшем сопротивлении — раздавлен. И хотя в послевоенной практике аресты и судебные приговоры были распространены в значительно меньшей степени, нежели в 1930-х гг., перспектива остаться без средств к существованию казалась угрожающей. Тем более что обычно на иждивении у творче-

---

[164] О книгах В. Кирпотина «Ф. М. Достоевский» и «Молодой Достоевский» // Литературная газета. М., 1948. № 12. 11 февраля. С. 4.

[165] *Чуковский К. И.* Указ. соч. С. 72–73. Запись от 28 июня 1944 г.

ских работников имелось большое семейство вкупе с привычкой к обеспеченной жизни; лишение же возможности печататься, преподавать, работать по специальности являлось для некоторых из них синонимом крайней нужды.

«Да, страшно жить в условиях, когда от благорасположения или неприязни, от каприза или приязни одного человека зависит твоя работа, твоя свобода, твоя жизнь, жизнь или смерть сотен, тысяч, миллионов людей»[166] — эти слова Д. Т. Шепилова, знавшего об этом не понаслышке, вполне справедливы.

Газетными статьями, как часто бывало, дело не ограничилось: их сменили статьи журнальные. Против книги ленинградца А. С. Долинина статьей «Грубая фальсификация» в марте 1948 г. в журнале «Знамя» разразился критик И. Л. Альтман, который сам ровно через год окажется на месте жертвы подобных статей как один из главных представителей побиваемого космополитизма. Но в тот момент Альтман еще мог себе позволить выносить приговоры:

> «Книга А. С. Долинина "В творческой лаборатории Достоевского", враждебная марксистско-ленинской идеологии, грубо искажает сущность творчества великого писателя. <...>
>
> Мы видим возмутительную попытку извратить основную задачу советского литературоведения. Основываясь на ленинской теории отражения, литературовед обязан показать, насколько художественные образы соответствуют реальной действительности, насколько глубоко они показывают жизнь в ее разнообразии, противоречиях, изменениях, движении. <...> Долинин обязан был вскрыть порочность творческого метода Достоевского, а не прикрываться тогой мнимого объективизма. <...>
>
> Это с начала до конца ложь! Ложь, выдаваемая за научное исследование, перепевы книги Георгия Чулкова, вышедшей в 1939 году и прошедшей мимо нашей критики. <...> И Долинин, и Чулков в модифицированной форме излагают и "углубляют" антимарксистскую, меньшевистскую статью о Достоевском, помещенную в свое время в "Литературной энциклопедии"»[167] и т. д.

Завершал И. Альтман словами:

> «Книга А. Долинина наносит вред советской литературной науке и делу социалистического воспитания читателя»[168].

После такой уничтожающей статьи брошюра В. Ермилова «Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского», представляющая собой стенограмму лекции во Всесоюзном обществе по распространению политических и научных знаний, кажется тонкой научной полемикой. Ермилов лишь походя критикует Кирпотина, несколько больше — Долинина, а в завершение повторяет пассаж из своей статьи 1947 г. в «Литературной газете»[169].

Ермилов наверстает упущенное лишь в следующем, 1949 г. и, не упоминая литературоведов, поставит позорное клеймо на самом Достоевском:

> «Враги коммунизма безобразны морально и эстетически, формы их борьбы против сил демократии и социализма уродливы, мерзки. Но художник, стоящий на позициях социалистического реализма, не может стыдливо обходить эту область безобразного

[166] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 157.
[167] *Альтман И.* Грубая фальсификация // Знамя. М., 1948. Кн. III. Март. С. 181, 183–184.
[168] Там же. С. 184.
[169] *Ермилов В. В.* Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского. М., 1948. С. 18.

на том основании, что она антиэстетична. Он обязан раскрывать всю мерзость, всю глубину падения врагов человечества. Что же сделает эстетическим его изображение безобразного и уродливого? Что предохранит его от влияний декадентской эстетизации безобразного, от объективистской фиксации мерзости, от такого изображения уродства и зла, при котором художник капитулирует перед силой зла, стирает грани между злом и добром, как это случилось с Достоевским и Флобером, которые в своем объективизме вплотную подошли к эстетизации безобразного...»[170]

Кроме того, что в процессе таких кампаний страдали сами авторы исследований и критических сочинений, издание их «идеологически вредных» работ мгновенно ставилось на вид и тем, кто участвовал в выпуске книг: от редакторов и рецензентов до руководителей издательств. По случайному стечению обстоятельств обе книги о творчестве Достоевского были выпущены издательством «Советский писатель», директор которого, бывший комсомольский деятель Г. А. Ярцев, получил нарекание со стороны ЦК. Об этом упоминается в записке, поданной Д. Т. Шепиловым и его заместителями Г. М. Маленкову:

«В мае 1948 года на совещании работников центральных издательств, созванном Отделом пропаганды ЦК ВКП(б), отмечались серьезные идеологические ошибки в работе издательства "Советский писатель". Издательством были выпущены такие идейно-порочные книги, как работы В. Кирпотина "Ф. М. Достоевский", А. Долинина "В творческой лаборатории Достоевского"...»[171]

Но еще до совещания, 11 января 1948 г., газета «Культура и жизнь» напечатала статью литературоведа И. В. Сергиевского[172] «Улучшить работу издательства "Советский писатель"». Если учесть то обстоятельство, что перу этого же автора принадлежит статья в журнале «Звезда» под названием «Об антинародной поэзии А. Ахматовой»[173], то можно предположить и тональность статьи об издательстве «Советский писатель». По поводу книг о классике он пишет вкратце: «Грубо ошибочны работы В. Кирпотина и А. Долинина о Достоевском, идеализирующие наиболее темные, реакционные стороны его мировоззрения и творчества»[174].

До редакторов также дошла речь. А редактором книги А. С. Долинина был не кто иной, как один из апологетов партийного литературоведения в Ленинграде — заместитель директора Пушкинского Дома, профессор филологического факультета ЛГУ Л. А. Плоткин. Руководитель Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» Г. Э. Сорокин особо отметил это обстоятельство на заседании правления Ленинградского отделения ССП 28 мая 1948 г.:

---

[170] *Ермилов В. В.* Прекрасное — это наша жизнь: За боевую теорию литературы. М., 1949. С. 29.

[171] «Пошлые романы Ильфа и Петрова не издавать». С. 93.

[172] Вполне откровенно о нем пишет С. А. Волков: «...Символисты были изумительно талантливы. Грустно, что наша советская современность их не знает, не понимает и не ценит. Достаточно вспомнить, сколько глупостей, не уступающих чепухе в пресловутой книжке М. Нордау, написали о символистах советские "ученые"; большинство этих "литературоведов" только и заслуживает того, чтобы их имена заключали в кавычки. К сожалению, среди них оказывается и мой бывший ученик И. В. Сергиевский...» (*Волков С. А.* Возле монастырских стен: Мемуары, дневники, письма. М., 2000. С. 338).

[173] *Сергиевский И.* Об антинародной поэзии А. Ахматовой // Звезда. Л., 1946. № 9. С. 192–195.

[174] *Он же.* Улучшить работу издательства «Советский писатель» // Культура и жизнь. М., 1948. № 1. 11 января. С. 3.

«Грубейшей редакционной ошибкой явилось, конечно, подписанная к печати книга Долинина “В творческой лаборатории Достоевского” Плоткиным, опытным и одним из квалифицированнейших наших редакторов.

Льву Абрамовичу выпала нелегкая задача изменить идейно-порочную концепцию автора, некритически рассматривающего последний период творчества Достоевского и не желающего видеть политическо-реакционные тенденции писателя. Исправления Плоткина могли только приглушить точки зрения Долинина, но не изменить их. Вступив в творческую лабораторию Достоевского, Долинин всей концепции Достоевского о миссии России, его реакционным суждениям о фактах истории России и Запада не противопоставил критику советского исследователя. Долинин остается как бы внутри Достоевского, пытаясь сблизить его с демократическим лагерем. В результате, вместо правильного философского анализа писателя подполья, мы получили вредную книгу, ненаучно решающую важную литературную задачу»[175].

Позднее постановлением секретариата ЦК ВКП(б) от 12 октября 1949 г. Георгий Алексеевич Ярцев был освобожден от должности директора издательства, причем с устрашающими последствиями: материалы на него поступили в КПК при ЦК ВКП(б)[176]. Неудивительно, что он скончался в том же году... Не лишним будет в связи с этим рассказ писателя-очеркиста В. С. Василевского (1908–1991):

«Ярцев был снят с поста директора изд[ательст]ва “Советский писатель”. В ожидании приезда Фадеева на заседание секретариата СП в приемной сидят рядом на диване [писатель Б. А.] Галин и Ярцев. Входит Фадеев, здоровается со всеми за руку, говорит Ярцеву:

— Здравствуй, Юрочка.

Галин затем спросил Ярцева:

— Какие у тебя отношения с Фадеевым?

— Ну ты же слышал! — улыбнулся с удовольствием Ярцев.

Через 10 минут на заседании секретариата А. А. Фадеев предложил исключить Ярцева из членов Союза писателей как не имеющего ничего общего с этой организацией и ходатайствовать перед соответствующими организациями об отмене решения о награждении Ярцева партизанской медалью.

Предложение Фадеева было принято единогласно»[177].

Таким образом, при сопоставлении различных, причем преимущественно опубликованных источников становится не только ясна первопричина, но и пошагово

---

[175] ЦГАЛИ СПб. Ф. 344 (ЛО издательства «Советский писатель»). Оп. 1. Д. 169. Л. 28.

[176] «Пошлые романы Ильфа и Петрова не издавать». С. 95. Г. В. Костырченко приводит другую дату постановления Секретариата ЦК — 28 октября (*Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 324), Н. А. Громова — третью: «Агитпроп также пытался добраться и до Фадеева через подчиненное ему издательство “Советский писатель”, и, если в течение 1947 и 1948 годов Фадеев отражал нападение, то к 26 января 1949 года он был вынужден снять директора издательства Г. Ярцева, согласно постановлению» (*Громова Н. А.* Распад: Судьба советского критика в 40-е — 50-е годы. М., 2009. С. 253).

[177] *Василевский В.* Указ. соч. Этот рассказ, впрочем, вполне соответствует поведению Фадеева тех лет; общеизвестен отзыв Б. Л. Пастернака на этот счет: «Фадеев лично ко мне хорошо относится, но если ему велят меня четвертовать, он добросовестно это выполнит и бодро об этом отрапортует, хотя потом, когда снова напьется, будет говорить, что ему меня жаль и что я был очень хорошим человеком» (цит. по: *Ивинская О. В.* Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. М., 1992. С. 166. Эта же фраза цитируется в дневнике Н. Я. Эйдельмана).

прослеживается динамика одной из крупных идеологических кампаний 40-х гг. в области литературоведения[178]. Особенно поразительной кажется простота самого процесса: мнение Сталина — молниеносная реакция идеологической машины — вразумление виновных. Вертикаль власти работает идеально.

Остается удивляться прозорливости директора Пушкинского Дома академика П. И. Лебедева-Полянского, который сказал как-то Кирпотину по поводу планов написания книги про Достоевского: «Зачем это вам? Кроме трудностей, неприятностей и битья вы ничего не добьетесь»[179].

Но бывало и так, что мнение Сталина могло быть по некоторым поводам и положительным, т.е. вождь не всегда «казнил», а иногда и «миловал». Д.Т. Шепилов вспоминает:

> «В другой раз, вынув из кармана свою изрядно замусоленную записную книжку, Жданов сказал:
>
> — Вчера товарищ Сталин рекомендовал не забывать Куприна. Он дал “Молоха” — яркое обличение капиталистического свинства, буржуазной морали[180]. Он дал “Поединок” — правдивое полотно о царской армии, с ее духом бесправия, палочной дисциплины и иными тяжкими пороками»[181].

---

[178] Фантазийную версию зарождения кампании против Достоевского в качестве исторического анекдота «Нос по ветру» приводит Ю. Б. Борев. Для полноты повествования приведем ее:

«Однажды главный редактор “Литературной газеты” критик Владимир Владимирович Ермилов выступил на редколлегии с новой идеей.

— Пора покончить с нигилизмом по отношению к великому русскому писателю Достоевскому...

Через несколько дней он опубликовал на эту тему большую статью, которая вызвала недовольство Сталина. Сталин сказал об этом Жданову, Жданов — Фадееву, Фадеев — Ермилову.

На другом заседании редколлегии “Литературной газеты” Ермилов предложил покончить с ошибочным апологетическим отношением к реакционеру и мракобесу — Достоевскому.

— Я напишу статью, где все это объясню!

— Вы?

— Да, жизнь сложна!

Ермилов торопился: узнав мнение Сталина, все газеты и журналы готовили разнос Достоевского, а заодно и “Литературной газеты” вместе с Ермиловым.

Однако критик всех опередил. При этом упоминалось, что сам автор статьи ранее допускал неточности в оценках» (*Борев Ю. Б.* Сталиниада. С. 297–298).

Эта «версия» несостоятельна: самые последние сочинения В. В. Ермилова о Достоевском датируются 1941 и 1942 гг. В 1941 г. Ермилов посвятил Достоевскому отдельную статью в «Литературной газете» — «Тема Достоевского: (К 60-летию со дня смерти писателя)» (9 февраля 1941 г.), но наибольшую опасность для него представляла объемная глава «Горький и Достоевский» в книге «О гуманизме Горького» (М., 1941. С. 99–254); в 1942 г. в газете «Литература и искусство» (5 сентября) он поместил статью «Великий русский писатель Ф. М. Достоевский». По-видимому, именно эта статья — последняя до разгромной — послужила почвой для этой «версии».

Любопытно, что В. Ермилов в статье 1947 г. извиняется не за объемную работу 1941 г., а за небольшую статью 1939 г., тем самым ускользая от удара. Кроме этого, как мы указали выше, статья Ермилова в «Литературной газете» была предварена статьей Д. Заславского в «Культуре и жизни».

[179] *Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. С. 614.

[180] Кроме собственно чтения, Сталин мог слышать произведения Куприна — его повести в то время довольно часто передавались по радио.

[181] *Шепилов Д. Т.* Указ. соч. С. 94.

Каков же был результат? Вполне ожидаемый: 21 марта 1948 г. газета для газет «Культура и жизнь» поместила статью о Куприне, озаглавленную вполне в соответствии с поставленной задачей — «Выдающийся писатель-реалист»[182].

Автором этой литературоведческой работы был доктор филологических наук, специалист по русской литературе XX в., будущий профессор кафедры русского языка и литературы ВПШ Анатолий Андреевич Волков, защитивший в 1935 г. кандидатскую диссертацию на тему «Поэтический стиль русского империализма». А высочайшее повеление, явившееся причиной написания этой статьи, превратило Волкова в специалиста по творчеству Куприна: через полгода он к десятилетию со дня смерти писателя написал статью «Писатель-реалист»[183]; в 1950 г. его объемная статья «Выдающийся писатель-реалист» предваряла сборник ранее неизданных произведений писателя[184]; в 1959 г. была напечатана отдельной брошюрой написанная им биография Куприна[185], а вершиной исследований стала монография «Творчество А. И. Куприна» (М., 1962).

НЕЗАВИДНАЯ РОЛЬ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Советская фольклористика, расцветшая как самостоятельная наука в 1920–1930-х гг., претерпела в послевоенные годы едва ли не больше, нежели остальные филологические дисциплины. По сути, в конце 1940-х гг. фольклористика перестала существовать в довоенном виде: она оказалась преимущественно сведена к изучению советского фольклора.

Первая причина этого — междисциплинарность фольклористики среди «больших» гуманитарных наук и вытекающая отсюда «межведомственность». Фольклором занимались и академические заведения — Институт этнографии, Институт мировой литературы, Пушкинский Дом, секции других научно-исследовательских институтов, фольклорные секции ССП, комиссия Географического общества... В 1934 г. была организована кафедра фольклора в Ленинградском, а в 1938 г. — Московском университете.

В 1940-х гг. фольклористика, которая уже была готова оформиться в качестве отдельного, крупного направления отечественной науки, так и не смогла обособиться в достаточной мере и в результате оказалась между тремя огнями — собственно литературой, филологией и этнографией.

О том положении, в которое попала фольклористика в годы войны, писал М. К. Азадовский. Находясь в 1942 г. в Иркутске, придя в себя после тяжелейшей блокадной зимы, он пытался изменить положение своей науки, находя момент вполне благоприятным. 1 октября он изложил свои мысли в письме директору Института литературы, члену-корреспонденту Академии наук и заместителю академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР П. И. Лебедеву-Полянскому, который находился в то время в Москве:

---

[182] *Волков Ан.* Выдающийся писатель-реалист // Культура и жизнь. М., 1948. № 8. 21 марта. С. 4.

[183] *Волков Ан.* Писатель-реалист: К 10-летию со дня смерти А. И. Куприна // Литературная газета. М., 1948. № 68. 25 августа. С. 4.

[184] *Волков Ан.* Выдающийся писатель-реалист // *Куприн А. И.* Забытые и несобранные произведения / Подгот. Э. М. Ротштейна. [Пенза], 1950. С. 3–45.

[185] *Волков Ан.* А. И. Куприн. М., 1959.

«О положении фольклора в Академии наук.

В настоящее время происходит невероятное распыление сил и полный разброд. Вопросами фольклора ведает Отделение языка и литературы и Отделение истории; существуют три секции фольклора в трех институтах. [Е. В.] Гиппиус поднимает вопрос о четвертой. Фольклорную секцию переводили из одного института в другой, и каждый раз она являлась неким привеском к основной работе института. Это отражалось и на ассигнованиях, на штатах, на аспирантуре, на характере очередности изданий, их количестве и проч. <...> Я прекрасно понимаю, что все это неизбежное следствие того общего положения, какое занимает фольклор в системе институтов Академии наук. Но советская фольклористика уже переросла такое положение; советская фольклористика сформировалась в особую дисциплину; к работам советских фольклористов внимательно прислушиваются передовые деятели западноевропейской науки о фольклоре, наконец общественное внимание, каким пользуется фольклор в нашей стране, — все позволяет поставить вопрос о иных организационных формах. <...>

Мне кажется, Вам, как одному из руководителей гуманитарных дисциплин в Академии наук, следовало бы обратить на это внимание. Я говорю, конечно, не о закрытии той или новой фольклористической ячейки, не об ущемлении их интересов, но о полной реорганизации дела, т. е. об объединении их в единую мощную фольклорную организацию, которая обладала бы достаточным количеством работников, значительными материальными средствами, объединила бы все разбросанные по разным местам фольклорные рукописные материалы (в том числе и материалы Литературного архива), создала бы единую центральную библиотеку по фольклору, фольклорно-справочный отдел и проч. Не предрешая вопрос, в какой форме мыслимо такое объединение: в форме ли Института Фольклора (как это было на Украине), в форме ли особой Фольклорной комиссии при Отделении и с филиалом в Ленинграде; но в той или иной форме такую ячейку, думается мне, уже пора создать и это легко сделать, объединив все три ячейки, которые существуют в настоящее время, их людской состав, материальные средства и проч.

Это даст возможность создать в системе Академии наук такой фольклористический центр, который явится теоретическим центром для фольклористов всего Союза»[186].

Однако в 1944 г. никаких решений не последовало, даже напротив, с усилением идеологического давления фольклористика становилась все менее привлекательной для научных разработок: с 1947 г., когда была осуждена школа Веселовского, сравнительные методы, а тем более принятие в расчет трудов финских и скандинавских ученых-фольклористов являлись уже крамолой.

Именно в связи с этими обстоятельствами начал происходить вынужденный уход фольклористов во второй половине 1940-х гг. в «смежные», и менее зыбкие с точки зрения идеологии, научные области. Наиболее ярким примером стали как раз профессора Ленинградского университета: М. К. Азадовский вернулся к литературоведению, В. М. Жирмунский — к языкознанию, В. Я. Пропп вообще был вынужден перейти к преподаванию немецкой грамматики и т. д.

То русло, в которое в 1940-х гг. была направлена отечественная фольклористика, привело к результату, изложенному в 1977 г. в статье «Фольклористика» Большой советской энциклопедии:

«Современная марксистская Ф[ольклористика] в СССР и социалистических странах изучает фольклор как социально обусловленный, исторически развивающийся

[186] Архив РАН. Ф. 597 (П. И. Лебедев-Полянский). Оп. 4. Д. 1. Л. 9–10.

специфический вид творческой деятельности народных масс, исследует национальное своеобразие и взаимодействие фольклора разных народов, особое внимание уделяет отражению в народном творчестве действительности, национально-освободительной и революционной борьбы, судьбам фольклора в современных условиях, способствует усвоению прогрессивных народных традиций в искусстве социалистического общества»[187].

Советская этнография 1940-х гг., едва ли не более всего связанная с работой фольклористов, заслуживает упоминания в контексте нашей работы еще и потому, что ее положение было особенно тяжелым. Мало того, что, как и всякая другая научная область, этнография находилась под мощным идеологическим прессом, но это серьезно усугублялось еще и личностью главного советского этнографа — С. П. Толстова — директора Института этнографии АН СССР, декана исторического факультета МГУ, члена-корреспондента Академии наук СССР (с 23 октября 1953 г.) и главного ученого секретаря Президиума АН СССР.

Поскольку сам Толстов уже перешел к занятию археологией (он изучал Древний Хорезм, за монографию о котором удостоился Сталинской премии 1949 г.), то речь шла даже не столько о фольклористике как части этнографии, сколько уже о судьбе самой этнографии. А в качестве научного администратора Сергей Павлович был выдающимся прозорливцем в исполнении линии партии в завоеванной им научной области.

Еще учась на этнологическом факультете 1-го МГУ, С. П. Толстов шел широкими шагами к вершине своей карьеры. Профессор С. Б. Бернштейн рисует его портрет той поры:

> «В 1929 г. на факультете начался поход против этнологии и, естественно, против профессора [П. Ф.] Преображенского. Для этого нужно было среди студентов найти толкового человека, который возглавил бы этот поход. Обратились к [студенту] Алексееву, но он с возмущением отверг это. Тогда решили бороться не только с Преображенским, но и с его учениками. Уже речь пошла об организованной антимарксистской группе во главе с антимарксистом Преображенским. Весь этот поход возглавил подонок Толстов, о котором мне еще придется писать не один раз. В нашей университетской газете от 24 декабря 1929 г. была опубликована его заметка под красноречивым названием “Правая профессура в блоке с чуждыми”. Вот ее текст: “На этнографическом отделении этнологического факультета группа сынков ‘бывших людей’ в союзе с оппозиционерами, ‘обиженными’ за фракционную борьбу, свила крупное антисоветское гнездо. <...> Свою антимарксистскую сущность они выявили на ленинградской конференции, блокируясь с профессором Преображенским, занимающим антимарксистское крыло в этнографии. Эта четверка голосовала за взгляды Преображенского”. Вся фактическая сторона заметки — ложь от начала до конца»[188].

Не вызывает удивления, что к 1947 г. С. П. Толстов стал одним из «организаторов науки»:

> «Вчера слушал доклад С. П. Толстова, думал о Сергее Павловиче, анализировал его поступки... Плохой, очень плохой человек. Скверно, когда плохой человек наделен талантом, а Толстов, бесспорно, талантлив. Это делает его очень опасным. Трудно поверить в то, что этот человек теперь является директором Института этнографии Академии

[187] БСЭ. 3-е изд. М., 1977. Т. 27. С. 517.

[188] *Бернштейн С. Б.* Указ. соч. С. 66–67. Запись от 14 февраля 1945 г.

наук. В течение длительного времени он всеми дозволенными и недозволенными средствами истреблял этнографию и этнографов. Наши студенческие годы почти совпали. Я имел возможность наблюдать Толстова в длинной кавалерийской шинели, громящего врагов марксизма. От него всегда шел терпкий запах винного перегара, махры и грязного белья. Его хриплый голос часто гремел на всевозможных сборищах и митингах. Главной его мишенью был Д. К. Зеленин, которого он обвинял во всех смертных грехах. Доставалось и нашим факультетским этнографам и этнологам, главным образом Преображенскому. Он остерегался трогать лишь Б. М. Соколова, который, будучи директором Музея народоведения, пользовался большой поддержкой в Наркомпросе, Главпрофобре и других подобных организациях. Однако в начале лета 1930 г. еще совсем в молодом возрасте Борис Матвеевич скончался от болезни почек. Это неожиданно открыло перед Толстовым широкие возможности. И он ими воспользовался. Позже он воспользовался событиями 30-х годов. И не без его помощи некоторые способные московские этнографы (например, [М. Т.] Маркелов, [Ю. А.] Самарин и др.) вынуждены были перебраться в места не столь отдаленные. Несколько лет Толстов провел в Ленинграде, где также успешно истреблял этнографов и этнографию. И вот теперь он директор Института этнографии. Примечательно, что сам он этнографией не занимается»[189].

Кроме проблем рабочего и революционного фольклора, фольклора Великой Отечественной войны официальная фольклористика послевоенных лет занималась преимущественно критикой методов, применяемых теми, кто изучает фольклор более раннего периода. Наибольшую негативную волну вызвали работы профессора ЛГУ В. Я. Проппа. В 1946 г. в свет вышла его книга «Исторические корни волшебной сказки», которая представляет собой изложение докторской диссертации, защищенной им в Ленинградском университете в 1939 г. И если даже на самой защите В. Я. Проппу предъявлялись претензии в формализме, то к вышедшей в столь сложные годы монографии они уже вменялись в качестве политических обвинений.

12 июля 1947 г. книга В. Я. Проппа удостоилась статьи «Реставрация отживших теорий», которую написал для «Литературной газеты» фольклорист С. Г. Лазутин. В ней научные воззрения В. Я. Проппа рассматривались в ключе идеологических требований к фольклору:

> «Фольклор, устное поэтическое творчество народа, является своеобразным видом искусства, одной из форм идеологии. Советская фольклористика на основе марксистского изучения истории фольклора пришла к ряду выводов, опровергающих “теорию” буржуазных фольклористических школ. <...>
>
> Советские фольклористы вскрыли несостоятельность утверждений формалистов, видящих в произведениях фольклора не определенное идейное содержание, а лишь деформацию отдельных поэтических формул и композиционных схем.
>
> На широком конкретном материале было показано, что фольклор, как и другие виды искусства, — отражение реальной действительности, что творцом и носителем его является трудовой народ. Наши ученые доказали, что на протяжении всей истории фольклор непрерывно развивался: обогащался идейно, обретал новую художественную форму. Невиданный размах получило народное творчество в условиях нашей советской действительности. Советский фольклор — явление совершенно новое, принципиально отличное от старого, традиционного фольклора. <...>

[189] Там же. С. 98. Запись от 18 февраля 1947 г.

Однако отдельные фольклористы до сих пор с удивительной беспечностью относятся к фольклору и к судьбам своей науки и под маркой "научных трудов" иногда печатают всякого рода вредные домыслы.

Так, Ленинградский университет в 1945 году вместе с рядом очень ценных и интересных работ издал путаные, формалистические и философски ошибочные "труды" фольклориста профессора В. Проппа — книгу "Исторические корни русской волшебной сказки" и статью "Специфика фольклора" ("Труды юбилейной научной сессии". Л., 1946). <...>

Для Проппа история развития фольклора состоит не в создании новых фольклорных произведений, отражающих конкретную реальную жизнь, а в непрерывном, бесконечном переосмыслении когда-то возникших композиционных схем. "Процесс переработки старого в новое, — пишет проф[ессор] Пропп, — есть основной творческий процесс в фольклоре, прослеживаемый вплоть до наших дней".

Проф[ессор] Пропп считает, что "путем переноса нового на старое могут создаваться целые сюжеты". Доказательству этого формалистического положения он посвящает целую книгу в 340 страниц под названием "Исторические корни волшебной сказки". Книга не оправдывает своего широковещательного названия. Вся она состоит из множества сопоставлений отдельных сказочных мотивов с обрядами и мифами. На основе общих моментов, наличествующих в сказке, мифе и обряде, проф[ессор] Пропп выдвигает ничем не обоснованное предположение, что волшебная сказка через миф восходит к обряду, причем совершенно конкретному обряду посвящения и похорон. <...>

Но если мы вспомним, что в самом начале своей "монографии" проф[ессор] Пропп откровенно заявил, что его исследование исторических корней волшебной сказки "все же не то же самое, что историческое исследование", то несправедливо было бы упрекать автора, что он не выполнил обещанного.

Проф[ессор] Пропп в завуалированной форме пытается реставрировать вредные положения мифологов и формалистов в искусстве»[190].

За громкими статьями последовали «обсуждения» 1947–1948 гг., которые стоили ученому места в Пушкинском Доме (где он был совместителем) и обширного инфаркта миокарда. Но В. Я. Проппу, несмотря на это, невероятно повезло в будущем: он не попал в жернова 1949 г. Это объясняется двумя причинами: во-первых, он был не евреем, а немцем, и, во-вторых, в отличие, например, от М. К. Азадовского, не имел такого научного авторитета (мировая слава, которой ныне овеяно имя В. Я. Проппа, пришла к нему много позднее — после выхода в 1966 г. в Турине его «Morfologia della fabia» и в связи с высокой оценкой его концепций структуралистами).

Также особенно настойчиво критиковались М. К. Азадовский за его упорные поиски источников пушкинских сказок и В. М. Жирмунский за компаративистские работы в области эпоса.

Об удручающей обстановке, совершенно не способствующей написанию книг и вообще здравой научной работе, которая сложилась в филологии середины 40-х гг., можно судить по одному из писем М. К. Азадовского начала 1947 г. Речь в нем идет о подготовке к печати его книги «Очерки литературы и культуры Сибири», изданной в Иркутске летом 1947 г.:

«Я давал свою книгу читать Плоткину — он зам[еститель] дир[ектора] нашего инст[иту]та и председатель секции критиков Союза [советских писателей] — и Мейлаху.

[190] *Лазутин С.* Реставрация отживших теорий // Литературная газета. М., 1947. № 29. 12 июля. С. 4.

Просил их читать так — как будто бы им поручено меня проработать и усиленно искать того, к чему можно придраться.

Они указали мне ряд вещей, согласно теперешнему usus'y и который, признаться, ни мне, ни, видимо, Вам в голову не приходил. В общем, пришлось снять (или сократить) некоторые цитаты, даже из Чернышевского. Я цитирую Кропоткина, к[ото]рый, восторгаясь Иркутском, пишет: "...Здесь много кружков, от картежного вплоть до либерального" (примерно так). Мейлах говорит: "Имейте в виду: Вам могут сказать, что Вы считаете картежный кружок явлением культурного порядка". Это, м[ожет] б[ыть], и чересчур, — но я решил учесть все эти замечания (хотя некоторыми и пренебрег).

Оба они были правы, указывая на необходимость максимального сокращения мест, где можно усмотреть апологетический тон и кое-что, наоборот, усилить.

Полагаю, что лучше все предусмотреть и немного затруднить корректуру, чем давать повод к таким упражнениям, пример которых я уже слышал при обсуждении первого очерка в Союзе (осенью 1944 г.)»[191].

Впрочем, о сложностях при издании книг еще в начале 1930-х гг. очень ярко писала Л. Я. Гинзбург:

«Если когда-либо люди кровью сердца писали книги, то сейчас они печатают книги кровью сердца. Писательские муки, подъемы и катастрофы, непредвиденные аспекты вещей, карусель надежды и унижения — все это покинуло процесс творчества и начинается с момента представления рукописи в редакцию»[192].

Несмотря на все предосторожности, уже прежних работ М. К. Азадовского по фольклору оказалось достаточно, чтобы поставить на этом знаменитом ученом политическое клеймо. Самым «неакадемичным» выпадом против него была ругательная статья фольклориста и преподавателя Литературного института ССП В. М. Сидельникова[193] под угрожающим заглавием «Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике», появившаяся 29 июня 1947 г. в «Литературной газете».

Причем для Сидельникова этот опус отнюдь не был единственным: за месяц до того, 30 мая 1947 г., в газете «Культура и жизнь» он разразился статьей со столь же вызывающим заголовком: «Против опошления народного творчества», которая была направлена против провинциальных фольклористов, а главные персональные обвинения выдвигались знаменитому поморскому сказителю и знатоку фольклора Б. В. Шергину:

«Книга Шергина псевдонародна. С каждой страницы ее пахнет церковным ладаном и елеем, веет какой-то старообрядческой и сектантской "философией" <...>. Фальси-

---

[191] Литературное наследство Сибири. С. 246–247. Письмо М. К. Азадовского Г. Ф. Кунгурову, 28 февраля 1947 г.

[192] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки... С. 113. (Запись 1932 г.)

[193] Сидельников Виктор Михайлович (1906–1982?) — фольклорист и литературовед, поэт и очеркист, доктор филологических наук, выпускник Тверского пединститута (1930), после чего работал Москве в Фольклорном архиве ГЛМ, член ССП СССР. «Ученый-просветитель, он на протяжении многих лет вооружал знаниями поэтов, прозаиков, литераторов, журналистов не только России, но и многих зарубежных стран. У В. М. Сидельникова всегда есть чему учиться фольклористам, литературоведам, писателям. Научный опыт его педагогической деятельности не стареет. Он вошел в лучшие традиции академической и педагогической науки XX столетия» (*Шестопалова Г. А.* Духовный потенциал русской литературы и фольклора: К 100-летию профессора Виктора Михайловича Сидельникова // Духовный потенциал русской классической литературы. М., 2007. С. 175). С 1961 г. до конца жизни — заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Университета дружбы народов имени П. Лумумбы.

фикаторской деятельности и грубой стилизации раз и навсегда должен быть положен конец»[194].

Что же до научных талантов самого Сидельникова, специалиста по советскому фольклору, то его статью в составе московского фольклорного сборника весной 1946 г., как писал М. К. Азадовский, «Пропп разнес вдребезги (и, кажется мне, справедливо, хотя я сборника не читал)»[195].

Так что уровень профессионализма еще более помогал фольклористу, который выступил со страниц «Литературной газеты» с программной статьей:

«Фольклор советского народа отражает новые коммунистические идеи, является острым орудием социальной борьбы.

Мифология, фантастика мало характерны для советского фольклора, его отличают реалистичность, жизненность, правдивость. Новый фольклор по своему содержанию совсем не похож на традиционное народное творчество. Да и создатели современных песен, сказок и легенд теперь другие. Это — не калики перехожие со своими духовными стихами, не знахарки, не плакуши, а грамотные колхозники, рабочие, воины-победители, школьники и т. д. Раньше фольклор создавался только устно, а теперь сказитель часто пишет свои произведения. В этом огромное отличие современного фольклора от устной поэзии прошлых времен. И странно, что некоторые литературоведы и фольклористы-этнографы до сего времени не могут понять этого, не замечают жизненности фольклора и продолжают твердить об его увядании и отмирании, смотрят на фольклор, как на архаику, как на примитив.

Народное творчество надо рассматривать прежде всего как составную часть художественной литературы. Каждая сказка, песня должны восприниматься нами, как вполне законченное самостоятельное произведение. Требования к ним нужно предъявлять такие же, как и к произведениям писателей. Нельзя воспринимать фольклор целиком, без разграничения подлинно народного от лженародного»[196].

Кроме принятия новой концепции фольклористики как науки Сидельников высказался и по поводу некоторых порочных фольклористов, причем крепко связав при этом представителя «извращения и низкопоклонства» в фольклористике профессора М. К. Азадовского с фигурантом постановления ЦК 1946 г. о литературных журналах:

«Анна Ахматова, например, в своей статье “Последняя сказка Пушкина”, опубликованной в 1933 году в ленинградском журнале “Звезда”, возводя пушкинскую “Сказку о золотом петушке” к западноевропейскому источнику, обвиняет великого русского писателя в том, что он “простонародностью” снизил лексику и все персонажи западноевропейского источника. Может ли быть более яркий пример низкопоклонства перед иностранщиной! Лженаучную, в корне порочную “теорию” Ахматовой повторял на все лады ленинградский фольклорист М. Азадовский. Он возвел и другие сказки Пушкина к иностранным источникам, в частности к немецким. В ряде своих статей он пытается снизить значение Арины Родионовны для творчества Пушкина. <...>

[194] *Сидельников В.* Против опошления народного творчества // Культура и жизнь. М., 1947. № 15. 30 мая. С. 3.

[195] Из писем М. К. Азадовского (1941–1954) / Публ. Л. В. Азадовской // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 239. Письмо М. К. Азадовского В. Ю. Крупянской от 6 апреля 1946 г.

[196] *Сидельников В.* Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике // Литературная газета. М., 1947. № 26. 29 июня. С. 3.

Любовь Пушкина к русской народной сказке проф[ессор] Азадовский всецело приписывает влиянию сборников бр[атьев] Гримм и произведений американского писателя Вашингтона Ирвинга, следуя в этом рабски “доводам” Анны Ахматовой. <...>

Возведение сказок Пушкина к иностранным источникам — вредная теория, требующая всяческого порицания и осуждения. Однако подобное преклонение перед западноевропейской культурой имеет место и в других работах проф[ессора] Азадовского»[197].

Несмотря на то что группа видных фольклористов, в которую вошли П. Г. Богатырев, Н. К. Гудзий[198] и др., написали в ЦК ВКП(б) письмо-опровержение, никаких последствий оно не вызвало[199].

Еще одним известным проработчиком в области фольклора был соавтор В. М. Сидельникова[200], доцент и заместитель декана филологического факультета МГУ, знаток атеистического фольклора С. И. Василенок[201]. 15 ноября 1947 г. «Литературная газета» поместила его статью «Министерство высшего образования поощряет низкопоклонство»[202], главной мишенью критики которой был профессор филологического факультета МГУ, известный славист П. Г. Богатырев, после появления этой статьи уволенный из Московского университета. Отметим, что в этой статье С. И. Василенок не касался профессоров Ленинградского университета, зачищая лишь свое высшее учебное заведение. По-видимому, важной причиной этого было то обстоятельство, что в тот момент А. А. Вознесенский был еще «в силах» и, занимая пост вице-президента Общеславянского комитета, играл большую роль в советском славяноведении и по этой линии был автору хорошо знаком[203].

Но это была лишь передышка. В результате серьезного идеологического давления ленинградская фольклористика испытала наиболее серьезный удар: основанная в 1934 г. кафедра фольклора ЛГУ была в 1949 г. ликвидирована и не восстановлена до сего дня[204].

---

[197] Там же.

[198] Гудзий Николай Калинникович (1887–1965) — литературовед, профессор филологического факультета МГУ, академик Украинской АН (1945), специалист по древнерусской литературе, составитель книги «Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв.» (4-е изд. — М., 1947).

[199] Письмо было адресовано начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК Г. Ф. Александрову; в письме, в частности, говорилось: «В статье В. Сидельникова путем выдернутых из контекста цитат концепция проф[ессора] М. К. Азадовского предстает перед читателем как в кривом зеркале <...> редакция “Литературной газеты” была введена в заблуждение и опубликовала статью В. Сидельникова, изобилующую принципиальными и фактическими ошибками» (цит. по: «Удастся ли прорубить эту стену»: Из писем М. К. Азадовского к Н. К. Гудзию 1949–1950 годов / Публ. К. М. Азадовского // Русская литература. СПб., 2006. № 2. С. 67).

[200] Ими была подготовлена книга: Устное поэтическое творчество русского народа: Хрестоматия / Сост. С. И. Василенок, В. М. Сидельников. М., 1954.

[201] См.: *Василенок С. И.* Как попасть в рай: Русские, украинские, белорусские атеистические сказки. М., 1963; Народ о религии. На материалах русского, украинского и белорусского фольклора / Сост. С. И. Василенок. М., 1961; он также является одним из соавторов кн.: Словарь атеиста. М., 1964 (2-е доп. изд. М., 1966).

[202] *Василенок С.* Министерство высшего образования поощряет низкопоклонство // Литературная газета. М., 1947. № 55. 15 ноября. С. 3.

[203] С. И. Василенок был энергичным участником работы Славянского комитета СССР, и именно в это время его культурно-пропагандистские статьи печатал издаваемый Славянским комитетом журнал «Славяне»: *Василенок С. И.* Певец белорусского народа: К 30-летию со дня смерти белорусского поэта Максима Богдановича (1891–1917) // Славяне. М., 1947. № 5. Май. С. 48–49; *Он же.* Народный поэт Белоруссии: [О Я. Коласе] // Славяне. М., 1947. № 6. Июнь. С. 47–50.

[204] Лишь в 1998 г. при кафедре истории литературы филологического факультета ЛГУ был организован кабинет фольклора и теории литературы.

В 1950 г. М. К. Азадовский констатировал: «Не стало науки о фольклоре. Недаром же никто не хочет заниматься ею»[205]. Год спустя он еще более укрепился в своем мнении: «Более жалкое зрелище, чем то, в каком находится сейчас наша наука, трудно представить»[206].

ВАК В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

Не могла оставаться безучастной в деле формирования нового облика советского ученого и Высшая аттестационная комиссия при Совете министров СССР (ВАК). Утверждение ученых степеней и званий, как и в настоящее время, оставалось прерогативой ВАКа.

Учрежден ВАК был в 1932 г., а фактически его деятельность началась в 1934 г.; с самого основания ВАК примыкал к системе высшего образования и входил в подчинение органу, высшим образованием руководившему, — сперва Всесоюзному комитету по высшему техническому образованию при ЦИК СССР (так с мая 1934 г. именовался Комитет по высшей технической школе), преобразованному в мае 1936 г. во Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР (ВКВШ), а после его реорганизации в 1946 г. — Министерству высшего образования СССР. Подчинение ВАКа системе высшего образования было прекращено (и то на время) только в 1976 г., когда комиссия была объявлена межотраслевым органом. До 1976 г. руководителем ВАКа обычно был глава системы высшего образования, а в рассматриваемые годы неизменным председателем ВАКа был министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов (1905–1978) — известный трибун сталинской эпохи.

Подчиненность ВАКа Министерству высшего образования СССР оказывается достаточно важным обстоятельством в контексте нашей работы. Фактическая и идеологическая сторона деятельности ВАКа, благодаря сохранившимся протоколам и стенограммам, а также значительной части аттестационных дел, оказывается намного более информативной, нежели довольно скудные по объему документальные материалы МВО СССР[207]. Однако деятельность МВО, как и прочих союзных ведомств, контролировалась партийным аппаратом — Управлением (с 1948 г. — Отделом) пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а с 30 декабря 1950 г. — выделенным из его состава Отделом науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б) во главе с Ю. А. Ждановым. Летом 1948 г. предполагалось создать в составе ЦК Отдел школ и вузов[208], но это предложение не было реализовано, и все руководство высшим образованием оставалось в Отделе пропаганды и агитации ЦК. Таким образом, в рассматриваемые годы проводимая в ВАКе идеологическая линия, особенно жесткая в 1948–1949 гг., зависела всецело от линии партийного руководства страны, а наиболее важные вопросы решались С. В. Кафтановым как с Д. Т. Шепиловым, так и с Г. М. Маленковым.

---

[205] «Удастся ли прорубить эту стену». С. 79. Цитируется фраза из письма от 3 октября 1950 г.

[206] Там же. С. 85. Цитируется фраза из письма М. К. Азадовского к В. Ю. Крупянской от 7 ноября 1951 г.

[207] В фонде ВАКа в ГА РФ (хранилище в г. Ялуторовске Тюменской обл.) сохранилось подавляющее большинство докторских аттестационных дел, а также кандидатские дела тех, кто впоследствии стал доктором наук (поскольку оба дела после докторских защит объединялись), также хранились и дела профессоров, к которым подшивались дела доцентов; что же касается абсолютного большинства дел доцентов и кандидатов наук, то они впоследствии были уничтожены.

[208] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 62.

ВАК не являлся настолько однородной структурой как МВО, поскольку де-юре был коллегиальным органом. Но если при решении научных вопросов на заседаниях ВАКа и присутствовала дискуссионность, то вопросы с идеологической подоплекой, как свидетельствуют документы ВАКа, решались однозначно и без всяких прений, согласуясь с идеологическими установками текущего момента. К тому же в состав ВАКа входили и такие известные деятели, как академик Т.Д. Лысенко, занимавший с 1948 г. должность заместителя председателя, что, несомненно, накладывало отпечаток на результаты рассмотрения диссертаций и утверждения в званиях.

Как следует из списка ВАКа, члены его представляли собой срез советского общества: здесь были не только ученые, но и сотрудники МВО СССР, работники ЦК, функционеры из Академии наук СССР... Состав комиссии периодически утверждался Советом министров СССР по представлению МВО СССР. Чтобы иметь представление о том, кто входил в ВАК, приведем списки 1941 и 1947 гг.

27 января 1941 г. Совнарком Союза ССР утвердил следующий состав ВАКа при ВКВШ[209]:

> «Т. т. Кафтанов С. В. (председатель), Агроскин И. И. (заместитель председателя), Суханов А. Ф. (заместитель председателя), Бруевич Н. Г. (заместитель председателя), Борисов М. Ф. (ученый секретарь), Акулов Н. С., Бардин И. П., Благонравов А. А., Бушинский В. П., Вавилов С. И., Веденисов Б. Н., Веснин В. А., Галеркин Б. Д., Герцен П. А., Герцензон А. А., Грабарь И. Э., Греков Б. Д., Григорьев А. А., Еголин А. М., Каиров И. А., Кирпичев М. В., Кляцкин И. Г., Колмогоров А. Н., Кончаловский М. П., Кулебакин В. С., Леонидов Л. М., Лискун Е. Ф., Линде В. В., Лысенко Т. Д., Маркус Б. Л., Мендельсон А. С., Мещанинов И. И., Наметкин С. С., Образцов В. Н., Орбели Л. А., Привалов И. И., Ротерт П. П., Сенюков В. М., Скрябин К. И., Трайнин И. П., Фейнберг С. Е., Юдин П. Ф., Юрьев Б. Н.». (Всего 44 человека.)

29 апреля 1947 г. С. В. Кафтанов огласил вновь утвержденный состав ВАКа:

> «Т. т. Кафтанов С. В. (председатель), Самарин А. М. (заместитель председателя), Благонравов А. А. (заместитель председателя), Борисов М. Ф. (ученый секретарь), Агроскин И. И., Александров А. П., Алабян К. С., Аничков Н. Н., Бардин И. П., Блохинцев Д. И., Бруевич Н. Г., Бушинский В. П., Вавилов С. И., Веденисов В. Н., Виноградов В. В., Грабарь И. Э., Гращенков Н. И., Голяков И. Т., Греков Б. Д., Григорьев И. Ф., Григорьев А. А., Григорьев М. С., Еголин А. М., Заварицкий А. Н., Иваненко Д. Д., Ильюшин А. А., Каиров И. А., Каргин В. А., Кирпичев М. В., Кляцкин И. Г., Кочергин И. Г., Конобеевский С. Т., Кружков В. С., Кузьминых И. Н., Лискун Е. Ф., Лысенко Т. Д., Мещанинов И. И., Наметкин С. С., Немчинов В. С., Опарин А. И., Орбели Л. А., Островитянов К. В., Поспелов П. Н., Светлов В. Н., Сепп Е. К., Скрябин К. И., Степанов В. В., Терпигорев А. М., Трайнин И. П., Цицин Н. В., Шебалин В. Я., Юдин П. Ф., Юрьев Б. Н.»[210]. (Всего 53 человека.)

Многие вопросы ВАК, как и сейчас, решал заранее на заседаниях отраслевых экспертных комиссий, а затем осуществлялось голосование согласно подготовленным ими заключениям. Самой большой тайной в работе этих комиссий, непосредственно

[209] Об утверждении Высшей аттестационной комиссии Комитета по делам высшей школы при Совнаркоме СССР // Вестник высшей школы. М., 1941. № 4. Февраль. С. 41–42.

[210] О составе Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования СССР // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1947. № 5. Май. С. 6.

влияющей на окончательное решение ВАКа, было привлечение для рецензирования диссертаций ангажированных референтов. Причем объяснялось это не столько злым умыслом, сколько распределением хорошо оплачиваемой работы среди лиц, приближенных к ВАКу и МВО. Некоторые из таких референтов были нередко сотрудниками аппарата ЦК, что еще больше добавляло идеологического давления на решение вопроса об утверждении в ученой степени или звании.

Чаще всего невозможно было предугадать, к кому из рецензентов ВАК направит диссертацию и какого мнения будут придерживаться члены отраслевой экспертной комиссии. Важную роль в этом процессе играло не только (а иногда и не столько) качество самой диссертационной работы, сколько анкетные данные диссертанта, авторитет его официальных оппонентов, место защиты диссертации...

Кроме того, в послевоенные годы уже отнюдь не препоны конкретных референтов, рецензентов и экспертов представляли наибольшую сложность при утверждении соискателей в ВАКе. Главным противником было время: оно в те годы неумолимо работало против диссертантов. Длительная бюрократическая система утверждения в ВАКе составляла обычно не менее года (мы здесь ведем речь о филологических диссертациях рядовых ученых, не связанных с ЦК ВКП(б) или МВО), а впоследствии, в связи с усилением бдительности — уже не менее полутора-двух лет; докторские диссертации в основном утверждались за год. Поскольку политический климат стремительно менялся, то и требования, предъявляемые к диссертациям, претерпевали изменения: после очередного постановления ЦК или развенчанного научного авторитета даже, казалось бы, безупречные диссертации в один миг оказывались обреченными.

Бывали и уникальные по части хронологии случаи; наиболее продолжительные будут описаны ниже, а вот одним из рекордно коротких сроков является утверждение в ВАКе докторской диссертации заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М.Т. Иовчука на тему «Из истории русской материалистической философии XVIII–XIX вв.», защищенной им 15 ноября 1946 г. в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Оппонентами на защите выступали доктор философских наук О.В. Трахтенберг, член ЦК ВКП(б) академик М.Б. Митин, директор ИМЭЛ профессор В.С. Кружков. Спустя всего две недели (30 ноября) ВАК своим решением утвердил М.Т. Иовчука в звании «доктора филосовских [sic!] наук»[211]. Такая опечатка в «Бюллетене МВО» выглядит очень символично.

Наиболее суровыми решениями ВАКа, как и ныне, являлись отказы в присвоении ученых званий или кассирование кандидатских или докторских диссертаций. Наиболее ответственно ВАК подходил к вопросу утверждения докторских диссертаций. Эту ситуацию описывает член ВАКа И.Г. Кляцкин:

> «Хотя целью работы Высшей аттестационной комиссии и экспертных комиссий является исправление недочетов в системе защиты диссертаций, все же это полностью не удается. ВАК не имеет возможности проверять все кандидатские диссертации. В ряде случаев, когда после проверки выясняется неполноценность диссертации, если она уж не очень плоха, ВАК все же пропускает ее, руководствуясь либо тем, что защита состоялась давно, либо нежеланием уронить авторитет совета вуза, одобрившего ее громадным большинством голосов. Именно поэтому мы так редко читаем в печати сообщения

[211] Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1947. № 1. Январь. С. 20.

об отмене Высшей аттестационной комиссией решения совета о присуждении ученой степени кандидата наук»[212].

После постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам ситуация в ВАКе начала изменяться: если в 1946–1947 гг. случаев кассирования диссертаций было не так много, то в 1948–1949 гг. количество неутвержденных кандидатских диссертаций сильно возрастает (как сообщал в декабре 1948 г. ученый секретарь ВАКа А.Д. Данилов, «такие факты нередки»[213]); причем обычно если кандидатскую диссертацию не утверждали сразу, с первого захода, то процесс ее рассмотрения в ВАКе растягивался на три года и более, но в большинстве случаев заканчивался все равно плачевно для соискателя. Докторские же диссертации отправляли «под нож» в ВАКе намного реже, что, возможно, объясняется их меньшей численностью. По сути, для каждой области наук, подконтрольных ВАКу, случаи отмены решений о присуждении докторской степени немногочисленны; но они получали известность, поскольку зачастую носили показательный, демонстративный характер. Иногда, как в случае с М. М. Бахтиным, пока его диссертация мариновалась в ВАКе, на идеологическом небосклоне происходили столь серьезные изменения, что утверждением такой диссертации ВАК сам себя ставил бы под удар.

Основные изменения в работе ВАКа в свете послевоенных идеологических новаций отражает, в частности, постановление, принятое на пленуме Комиссии 11 октября 1948 г. Оценивая свою работу за 1947/48 учебный год, ВАК отмечал:

«В некоторых диссертациях не отражалась борьба материалистической прогрессивной науки с идеалистическими реакционными теориями, не изжито вредное преклонение перед иностранщиной. Ученые советы институтов, официальные оппоненты, а иногда и экспертные комиссии ВАК слабо подвергали критике такие диссертации и необоснованно рекомендовали к утверждению соискателей в ученой степени. <...>

Официальные оппоненты иногда ограничиваются только пересказом содержания диссертаций, не критикуют недостатки работы и не оценивают значимости новых идей и практических выводов диссертантов для советской науки и социалистического строительства.

Секретариат ВАК и экспертные комиссии слабо контролировали деятельность ученых советов высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений по присуждению ученых степеней и званий.

Секретариат ВАК, главные отделы министерства недостаточно руководили экспертными комиссиями. В составе экспертных комиссий и среди референтов ВАК имелись сторонники реакционного антимичуринского направления в биологии и лица, примиренчески относящиеся к вейсманизму»[214].

Первый пункт постановления ВАКа гласил:

«Ученым советам высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений повысить требования к диссертациям в соответствии с успехами и ростом советской

---

[212] *Кляцкин И. Г.* За качество кандидатских диссертаций отвечает руководитель // Вестник высшей школы. М., 1947. № 1. С. 27. Исай Герцович Кляцкин (1895–1978) — один из ведущих специалистов по радиотехнике, профессор, доктор технических наук, генерал-майор технических войск.

[213] *Данилов А.Д.* Новое в аттестации научных кадров // Вестник высшей школы. М., 1948. № 12. С. 16.

[214] Об итогах работы Высшей аттестационной комиссии: Постановление Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования СССР от 11 октября 1948 г. // Вестник высшей школы. М., 1948. № 12. С. 17.

науки и техники, требовать от диссертантов представления работ, посвященных актуальным проблемам советской науки и народного хозяйства и проникнутых большевистской партийностью».

Для более тщательного контроля уровня кандидатских диссертаций следовало:

«Экспертным комиссиям ВАК рассматривать и давать заключения по всем кандидатским диссертациям, защищенным в институтах с сентября 1948 г.

При необходимости детального рецензирования диссертаций направлять работы на отзыв крупным специалистам в порядке, установленном для докторских диссертаций»[215].

Глава ВАКа С. В. Кафтанов неоднократно и сам высказывался по актуальным вопросам развития науки, в том числе и литературоведения. Особенно усерден он был в канонизации утверждения о всемирном влиянии русской литературы:

«Факт систематического и плодотворного воздействия русской литературы на зарубежную культуру должен был поставить перед нашими литературоведами задачу его глубокого анализа. Но, к сожалению, если наши литературоведы и пытались разрешить вопрос о взаимодействии русской литературы с западной, то больше в аспекте воздействия западной литературы на русскую, почти совсем не затрагивая обратного процесса. Конечно, великие русские писатели восприняли все лучшее, что было создано до них в мировой литературе, как это делали и делают все выдающиеся писатели и поэты мира. Но разве это может умалить то великое и самобытное, соответствующее духу русского человека, русской культуре, природе, что было создано ими? Между тем, в результате "обобщений" некоторых литературоведов глубоко национальное творчество гениальных русских мастеров слова оказывается лишь талантливым претворением иноземных влияний, начиная с античных авторов!»[216]

Стоит отметить, что внимание к докторским диссертациям постепенно возрастало еще и по другой причине — лица, которые уже были докторами наук, начали (и не без причины) опасаться конкуренции, которая после войны постоянно возрастала. Ведь докторская степень открывала путь к административным должностям, что влекло за собой увеличение числа претендентов на высокие административные посты и членство в Академии наук СССР. Именно с этих позиций написана статья профессора филологического факультета ЛГУ Н. К. Пиксанова «Повысить требования к докторским диссертациям», в которой он настаивает на «избранности» степени доктора наук.

Перед тем как привести эти, казалось бы, разумные строки, напоминающие по тону речь патриарха науки, напомним читателю, что сам-то Николай Кирьякович никакой докторской диссертации не защищал, а был утвержден в докторской степени в 1934 г. «по совокупности трудов»:

«Я высоко ставлю советское литературоведение, основывающееся на единственно научном, марксистском мировоззрении и методе, применяющее совершенные новаторские приемы изучения, охватывающее огромные массивы архивных и иных неопубликованных материалов, выдвинувшее много даровитых молодых ученых. Бывает, что защита диссертации превращается в праздник науки. Советским литературоведам

---

[215] Об итогах работы Высшей аттестационной комиссии. С. 18.

[216] *Кафтанов С. В.* О задачах высшей школы в области идейно-политического воспитания молодежи: Стенограмма доклада, прочитанного на совещании руководителей кафедр общественных наук высших учебных заведений в лекционном зале в Москве/Всесоюзное лекционное бюро при Министерстве высшего образования СССР. М., 1947. С. 20.

есть чем гордиться. Тем настойчивее, думается мне, следует критиковать не изжитые еще недостатки. <...>

Доктор — не подмастерье, а учитель науки. <...> Вместе со степенью доктора приобретаются большие права в научно-административной деятельности. Доктору науки [sic!] легче стать заведующим кафедрой, редактором "Ученых записок", деканом факультета, руководителем докторантов. Такое лицо становится распорядителем научной и педагогической деятельности целого коллектива. Своим докторским авторитетом оно может воспрепятствовать продвижению смелого молодого научного дарования или дать ход посредственности. Получение докторской степени — дело не только личного благополучия, но и огромной общественной значимости. Итак: необходимо повысить требования к докторским диссертациям»[217].

Конечно, ВАК был уже девятым кругом ада, до которого доползали лишь немногие, поскольку основные и наиболее трагические баталии разыгрывались совсем не в стенах ВАКа, а на заседаниях ученых советов, которые не допускали до защиты готовые диссертации, отправляли их на доработку, заставляли переписывать почти полностью, задерживали отзывы, заменяли оппонентов, голосовали против присвоения степени и так далее... Причем ужесточения ВАКа лишь усугубляли сложности при рассмотрении диссертаций на местах.

Нельзя не сказать о том, что существует мнение, будто на заседаниях ВАКа бушевали страсти:

«Не следует думать, что политические установки <...> являлись для ВАКа неукоснительным руководством к действию. Все было не так просто. Крупные ученые, имеющие свое мнение по самым острым вопросам, вообще трудно поддаются управлению. Большинство членов ВАКа в этом отношении не составляли исключение, и часто на заседаниях возникали острые дискуссии. Об этом свидетельствуют письма Кафтанова Секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову. <...> Эти письма говорят о том, что, хотя в рядах членов ВАКа существовала оппозиция официальной политике, она в конце концов подавлялась теми или иными способами. В конечном итоге руководству ВАКа всегда удавалось проводить нужные ему решения»[218].

На наш взгляд, несмотря на подкрепление документами, выводы о существовании в ВАКе оппозиции официальной политике и о том, что крупные ученые «трудно поддаются управлению», являются по меньшей мере необоснованными, а в контексте сталинской суровой реальности — просто фантастическими.

Действительно, упомянутые письма министра С. В. Кафтанова секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову существуют; они отложились в фонде МВО СССР в ГА РФ. Все три письма датированы одним числом — 23 сентября 1949 г., причем первые два аннулируют посланные прежде:

«Письмом от 30 марта 1949 г. я просил Вас об исключении академика Грабаря И. Э. из состава членов Высшей Аттестационной Комиссии за примиренческое отношение к формалистическому направлению в искусстве и за недооценку роли актуальных высоко идейных художественных произведений.

---

[217] *Пиксанов Н. К.* Повысить требования к докторским диссертациям // Вестник высшей школы. М., 1948. № 1. Январь. С. 14–15.

[218] *Сонин А. С.* ВАК СССР в послевоенные годы: Наука, идеология, политика // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2004. № 1. С. 20–21.

Ввиду того, что академик Грабарь И.Э. осознал свои ошибки, продолжает свою работу в АН СССР и за последнее время принимает активное участие в работах Высшей Аттестационной Комиссии, Министерство высшего образования СССР снимает свое ходатайство об исключении его из состава ВАК»[219].

Второе аналогичное:

«Письмом 30 марта 1949 г. я просил Вас об исключении из состава членов Высшей Аттестационной Комиссии академика Виноградова Виктора Владимировича, как сторонника старого языкознания, отстаивающего отжившие традиции русской дореволюционной лингвистики и проповедующего чуждые советской науке формалистические теории соссюрианства и структурализма.

Ввиду того, что академик Виноградов В.В. осознал свои ошибки и в практической работе их исправляет, Министерство высшего образования СССР снимает свое ходатайство об исключении академика Виноградова В.В. из состава членов Высшей Аттестационной Комиссии»[220].

Третье письмо, касающееся К.С. Алабяна, известного архитектора и мужа знаменитой актрисы Л.В. Целиковской, дает, кроме всего прочего, схему первоначальных писем Маленкову о Грабаре и Виноградове:

«Прошу Вас об исключении из состава членов Высшей Аттестационной Комиссии бывшего вице-президента Академии архитектуры СССР доктора архитектуры Алабян Каро Семеновича, как не обеспечившего государственной линии и должного идейно-политического направления в архитектуре и покровительствовавшего идеологам формалистических теорий архитектуры.

В Академии архитектуры за время руководства ею К.С. Алабян господствовали идеи "историзма" и низкопоклонства перед современной капиталистической архитектурой.

За последние 10 лет в своих официальных докладах и статьях К.С. Алабян некритически относился к американской системе строительства и превозносил упадочную американскую архитектуру. <...> В своей деятельности по проектированию Сталинграда К.С. Алабян не оправдал доверия партии и правительства, оторвался от местных органов и недобросовестно относился к работе по восстановлению города-героя»[221].

Но эти официальные письма С.В. Кафтанова в действительности никак не связаны с позицией трех упомянутых академиков на заседаниях Высшей аттестационной комиссии. Конечно, и И.Э. Грабарь, и В.В. Виноградов, и К.С. Алабян в силу их высокого положения в науке, в обществе и в номенклатурной табели о рангах нередко отстаивали на заседаниях ВАКа свое мнение (здесь необходимо отдать дань особого уважения И.Э. Грабарю, который, как показывают документы ВАКа, вел себя очень достойно). Но гонения на этих трех членов ВАКа последовали отнюдь не после их выступлений в кулуарах или на заседаниях.

Для прояснения вопроса стоит обратить внимание на период времени, к которому относятся эти письма. Письма о Грабаре и Виноградове датированы 30 марта 1949 г. — апогеем кампании против космополитизма. Причем всем троим — Грабарю, Виноградову и чуть позже Алабяну — серьезные идеологические ошибки вменялись в вину задолго

---

[219] ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 186. Л. 134. Машинописная копия. Выдержки цитируются по: *Сонин А.С.* Указ. соч. С. 20.

[220] Там же. Л. 135. Машинописная копия. Выдержки цитируются по: *Сонин А.С.* Указ. соч. С. 20–21.

[221] Там же. Л. 136. Машинописная копия. Выдержки цитируются по: *Сонин А.С.* Указ. соч. С. 21.

до написания этих посланий, и ко времени отправки этих писем Кафтановым в Секретариат ЦК к каждому из фигурантов уже были применены административные санкции.

Академик Виноградов еще в сентябре 1948 г. под натиском суровой критики вынужден был подать заявление об уходе с поста декана филологического факультета МГУ (по представлению МВО СССР он был заменен Н. С. Чемодановым). Академика Грабаря критиковали за лояльное отношение к «формалистам», а также за двухтомную монографию о Репине (за которую он, кстати, был удостоен Сталинской премии 1941 г.). К тому времени, говоря словами К. И. Чуковского, «имя Репина стало знаменем реакции»[222]; 24 января 1949 г. на общем собрании сессии Академии художеств директор Третьяковской галереи А. К. Лебедев разносил в щепки не только взгляды самого академика, но даже брошюру В. Лобанова об И. Э. Грабаре, «полную неумеренных похвал»[223]; присоединился к нему и профессор МГУ и АОН при ЦК ВКП(б) А. А. Федоров-Давыдов[224]. А вице-президент Всесоюзной академии архитектуры и ответственный секретарь правления Союза советских архитекторов К. С. Алабян пострадал отчасти потому, что «в течение многих лет <...> потворствовал вредной деятельности космополитов»[225]. 14 марта 1949 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) его освободили от исполняемых обязанностей «как не обеспечившего проведения государственной линии в вопросах архитектуры»[226].

Одним словом, письма С. В. Кафтанова носили второстепенный, констатационный характер и были лишь стандартной мерой, следовавшей за уже свершившимися событиями (С. В. Кафтанов в проведении подобных мероприятий был крайне исполнительным[227]). Такую судьбу разделяли почти все оказавшиеся под огнем критики — в случае увольнения из одного места они постепенно выдавливались отовсюду. И если вопрос

---

[222] *Чуковский К. И.* Указ. соч. С. 408.

[223] *Лебедев А.* Состояние и задачи художественной критики // Советское искусство. М., 1949. № 5. 29 января. С. 2.

[224] *Федоров-Давыдов А. А.* Задачи создания марксистско-ленинских трудов по истории русского искусства // Советское искусство. М., 1949. № 5. 29 января. С. 2.

[225] Против космополитизма в архитектурной науке и критике // Советское искусство. М., 1949. № 12. 19 марта. С. 2.

[226] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о смене руководства Академии архитектуры СССР, 14 марта 1949 // Власть и художественная интеллигенция. С. 649.

Отметим, что во время предвоенной кампании по борьбе с формализмом К. С. Алабян, выступая в едином потоке обвинителей, вполне удовлетворял требованиям руководства страны (см.: *Алабян К. С.* Против формализма в архитектуре: Доклад на собрании архитекторов, посвященном обсуждению статей газеты «Правда» о формализме // Против формализма и натурализма в искусстве: Сборник статей. [М.], 1937. С. 62–70).

[227] В. Н. Сойфер приводит сведения о том, как после разгрома в августе 1948 г. оппонентов Т. Д. Лысенко, окончательный приговор которым был вынесен 9 августа решением Политбюро ЦК, в начале сентября из отпуска вышел С. В. Кафтанов: «Вернувшись в Москву, надо было проявлять себя хоть задним числом, и он стал ревностно это делать, начал строчить одно за другим длинные послания Маленкову с осуждениями в адрес каждого упомянутого в постановлениях Политбюро ученого. Всех их по приказу Политбюро уволили, трудовые книжки им уже в отделах кадров вручили, но Кафтанов теперь, будто не зная этого, предлагал отстранить уволенных от преподавания, заведования кафедрами, лабораториями и научными станциями. То, что он посылал свои письма вдогонку за совершившимися актами партийного начальства, видимо, никого не коробило. Все письма оказались в надлежащем порядке подколоты к уже состоявшимся решениям, как будто впрямь партийные начальники обосновывали свои решения на основании этих предположений» (*Сойфер В. Н.* Власть и наука. С. 672–673).

о снятии Алабяна рассматривало Политбюро ЦК, то в его отношении действия могли быть еще жестче.

То есть ВАК лишь продолжал цепочку «оргмер» отлаженной партийно-бюрократической машины, и никаких идеологических сбоев в ее работе быть не могло по определению.

Самым знаменитым делом ВАКа послевоенного периода в области филологических наук считается обсуждение диссертации М. М. Бахтина «Ф. Рабле в истории реализма». Этому вопросу посвящено изрядное число публикаций[228]. Не касаясь деталей этого вопроса, резюмируем лишь суть. 15 ноября 1946 г. на заседании Ученого совета ИМЛИ имени А. М. Горького, проходившем под председательством члена-корреспондента АН СССР, директора института В. Ф. Шишмарева, заведующий кафедрой всеобщей литературы Мордовского педагогического института имени А. И. Полежаева (г. Саранск) Михаил Михайлович Бахтин представил свою диссертацию о Рабле на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ученый совет ИМЛИ единогласно присудил диссертанту эту ученую степень, но поскольку все официальные оппоненты в лице И. М. Нусинова, А. А. Смирнова и А. К. Дживелегова высказали мнение, что диссертация явно заслуживает присуждения не кандидатской, а докторской степени, то было проведено дополнительное голосование, в результате которого с перевесом в один голос (7 против 6) Ученый совет ИМЛИ принял решение о возбуждении перед ВАКом ходатайства о присуждении диссертанту ученой степени доктора филологических наук. Как показывают результаты второго голосования, в Ученом совете были и противники такого решения, об этом же свидетельствует и стенограмма диспута. (Кроме того, если бы в тот момент уже действовала принятая впоследствии норма о принятии решения двумя третями членов Ученого совета, а не простым большинством, то вопрос бы вообще не возник, и М. М. Бахтин получил бы в короткий срок диплом кандидата наук.)

20 июня 1947 г. экспертная комиссия ВАКа по филологическим наукам под председательством будущего директора Пушкинского Дома Н. Ф. Бельчикова постановила передать диссертацию на рассмотрение референтов ВАКа С. С. Мокульского и М. П. Алексеева. 1 марта 1948 г. М. П. Алексеев представил отзыв об исключительном значении работы Бахтина и свое мнение о необходимости присуждения автору докторской степени. 12 апреля 1948 г. состоялось заседание экспертной комиссии ВАКа по романо-германской и классической филологии под председательством Я. М. Металлова, которая, выслушав все за и против (докладывала В. А. Дынник), постановила направить диссертацию для отзыва В. М. Жирмунскому. 25 ноября 1948 г. комиссия под председательством Я. М. Металлова собралась вновь, на ее заседании «ввиду сложности вопроса» было решено просить самого Металлова ознакомиться с текстом диссертации. 30 декабря на заседании той же комиссии было принято решение пригласить соискателя в ВАК для участия в обсуждении (это означало, что один из экспертов

---

[228] *Паньков Н. А.* М. М. Бахтин: ранняя версия концепции карнавала: В память о давней научной дискуссии // Вопросы литературы. М., 1997. № 5. С. 87–122; *Он же.* «Рабле есть Рабле...»: Материалы ВАКовского дела М. М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп: Ежеквартальный журнал исследователей, последователей и оппонентов М. М. Бахтина. Витебск; М., 1999. № 2. С. 50–137; *Сонин А. С.* Указ. соч. С. 28–31; и др. Указанная работа А. С. Сонина содержит наряду с широким архивным материалом и обильные неточности.

ВАКа дал отрицательное заключение)[229]. 24 февраля 1949 г. экспертная комиссия ВАКа по западной филологии под председательством А. И. Смирницкого заслушала мнение С. С. Мокульского о диссертации, отметила несомненное научное значение работы, но посчитала необходимым, чтобы автор внес коррективы и представил диссертацию в исправленном виде. 15 марта 1949 г. дело рассматривал президиум ВАКа, на котором с критикой работы выступила В. А. Дынник, в результате чего президиум постановил отклонить ходатайство ИМЛИ о присуждении докторской степени. 15 мая 1949 г. перед президиумом ВАКа предстал М. М. Бахтин, вынужденный давать объяснения по претензиям; 21 мая 1949 г. пленум ВАКа, опять в присутствии М. М. Бахтина, после серьезной полемики между членами комиссии, своим решением предложил Бахтину переработать диссертацию и снова представить в ВАК. 19 апреля 1950 г. переработанный текст диссертации (748 страниц машинописи) поступил в ВАК. 11 мая 1950 г. комиссия по западной филологии под руководством А. И. Белецкого отправила диссертацию для отзыва Р. М. Самарину; 22 февраля 1951 г. экспертная комиссия по литературоведению рассмотрела дело Бахтина, но поскольку еще не было письменного отзыва, то заседание было перенесено. 10 мая 1951 г. комиссия по литературоведению под председательством Д. Д. Благого рассмотрела отрицательный отзыв Р. М. Самарина и постановила отклонить ходатайство ИМЛИ о присуждении докторской степени. 9 июня 1951 г. пленум ВАКа подтвердил решение комиссии и отклонил ходатайство ИМЛИ. 31 мая 1952 г. президиум ВАКа принял решение выдать М. М. Бахтину диплом кандидата филологических наук.

Эта хронологическая цепь более чем пятилетних мытарств даже в кратком изложении производит впечатление. Формально ВАК имел право на все эти процедуры (хотя в отношении тяжело больного Бахтина это выглядело издевательством), ведь Ученый совет ИМЛИ не присуждал докторскую степень, а лишь возбудил ходатайство перед ВАКом о ее присвоении; кандидатской же степени, единогласно присужденной Бахтину, никто не касался — она была очевидна. Но напрашивается вопрос: не легче ли было сразу отказать Бахтину в дипломе доктора наук?

Если бы результат был известен заранее, то никто и не пытался бы об этом ходатайствовать, но в ноябре 1946 г. все выглядело лучезарно: директор ИМЛИ Шишмарев через две недели после защиты Бахтина избирается академиком, отзывы Смирнова, Нусинова и Дживелегова восторженны, к ним присоединяется и референт ВАКа член-корреспондент АН СССР М. П. Алексеев.

Но время идет, и политическая обстановка меняется, неумолимо нагнетается удушающий газ эпохи: сперва в диссертации находят крамольную мысль о влиянии Рабле на творчество Гоголя, затем не менее крамольную ссылку на Веселовского, затем внимание привлекают и «сомнительные» оппоненты — с 1947 г. Нусинова не критикует только ленивый (в 1949 г. он вообще арестован).

Подключилась к общему хору и партийная печать: 20 ноября 1947 г. в газете «Культура и жизнь» появляется статья инструктора ЦК ВКП(б) В. Н. Николаева «Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения», где диссертации посвящены следующие строки:

---

[229] Ср.: «Установить как правило, что при отрицательных заключениях референтов ВАК по диссертациям (кандидатским и докторским) экспертная комиссия ВАК обязана рассмотреть вопрос о качестве диссертации в присутствии соискателя» (Об итогах работы Высшей аттестационной комиссии. С. 18).

«В ноябре 1946 г. Ученый совет института [мировой литературы имени А. М. Горького] присудил докторскую степень за псевдонаучную фрейдистскую по своей методологии диссертацию Бахтина на тему "Рабле в истории реализма". В этом "труде" серьезно разрабатываются такие проблемы, как "гротескный образ тела" и "образы материально-телесного низа" в произведениях Рабле и т. п.»[230].

Вслед за Нусиновым теряли доверие власти и другие оппоненты и рецензенты бахтинской диссертации: референт ВАКа М. П. Алексеев попадает под огонь критики за редактирование брошюры Шишмарева о Веселовском, а С. С. Мокульский и А. К. Дживелегов вскоре пополняют ряды космополитов...

15 марта 1949 г., в самый разгар борьбы с космополитизмом, свое отношение к оппонентам, выступавшим на защите диссертации Бахтина, высказал заместитель председателя ВАКа (металлург по своей специальности) А. М. Самарин: «К оценке их можно поставить вполне знак минус, ссылаться на них не следует»[231]. Досталось на заседании не только оппонентам, но и самой работе Бахтина. «Я считаю, что мы должны отклонить. Работа явно космополитического характера»[232], — заявил другой заместитель председателя ВАКа, химик-нефтяник и будущий вице-президент АН СССР А. В. Топчиев, а А. М. Самарин даже задался следующим вопросом: «В общем порядке надо проверить — подходит ли она к кандидатской диссертации»[233]. В резолюции этого заседания ВАКа отмечалось, что «диссертант совершенно игнорирует глубокое идейное содержание произведений великого русского реалиста и национальное значение Гоголя»[234].

21 мая 1949 г. на заседании пленума ВАКа, в присутствии диссертанта, член ВАКа, декан филологического факультета МГУ профессор Н. С. Чемоданов отмечал:

«В то же время в диссертации имеются страницы с очень грубыми идеологическими ошибками. Например, автор диссертации ссылается на высокий авторитет Веселовского; говорит о влиянии Рабле на Гоголя. Все это показало нам, что работа Бахтина не выдерживает критики в настоящее время в свете решений партии по идеологическим вопросам. Но в то же время ясно, что ошибки, имеющиеся в работе Бахтина, легко устранимы и не составляют лейтмотива в этой работе»[235].

Но после переработки диссертации ее окончательно похоронил референт ВАКа профессор филологического факультета МГУ Р. М. Самарин — тот самый, который прославился обличением космополитов и усилиями которого из Московского университета были изгнаны А. А. Аникст, Л. Е. Пинский и другие евреи. Он резюмировал свой разгромный отзыв на диссертацию Бахтина следующими словами:

«Я считаю невозможным рассматривать ее как диссертацию, дающую ее автору право называться доктором филологических наук, так как в ней имеются серьезные методологические недостатки и ошибки, в основном сводящиеся к тому, что М. М. Бахтин формалистически подходит к вопросу о творческом методе Рабле, пренебрегает конкретными историческими условиями его развития — условиями народно-освободительных движений во Франции XVI века, условиями формирования французской нации,

[230] *Николаев В.* Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения // Культура и жизнь. М., 1947. № 32. 20 ноября. С. 3.

[231] *Паньков Н. А.* «Рабле есть Рабле...». С. 64.

[232] Там же. С. 66.

[233] Там же.

[234] Там же. С. 67.

[235] Там же. С. 71–72.

условиями идеологической (в том числе и литературной) борьбы, участником которой был Рабле»[236].

Однако в случае с Бахтиным, несмотря на всю кажущуюся абсурдность ситуации, отклонение ходатайства о докторской степени явно предусматривалось в качестве одного из вариантов развития событий — голосование 7 против 6 на Ученом совете ИМЛИ не должно было предвещать легкой победы. А поскольку время неумолимо работало против Бахтина — идеологическая обстановка с 1946 по 1951 г. изменилась кардинально, — то отказ ВАКа присудить ему степень доктора выглядит в контексте эпохи очевидным и рядовым событием. Бахтин в итоге получил именно ту ученую степень, соискателем которой он первоначально являлся. Как ни парадоксально, но (особенно с учетом отзыва Р. М. Самарина) присуждение в конце концов М. М. Бахтину степени кандидата филологических наук не является само собой разумеющимся обстоятельством — повернись дело несколько иначе, и ему было бы отказано даже в этом.

Намного более печальные сюжеты в деятельности ВАКа связаны с кассированием результатов защит диссертаций; это обычно ставило крест на всей работе диссертанта. И если в отношении Бахтина докторская степень рассматривалась в качестве справедливого, но все-таки награждения, то во многих других случаях авторы диссертаций лишались всех возможных плодов своих изнурительных трудов — повторно защищать диссертацию по прежней теме возбранялось, как и ныне. Причем, как можно проследить по приводимым ниже документам, к филологическим диссертациям, защищаемым в Ленинградском университете, относились всё более настороженно. Это началось с того времени, как А. А. Вознесенский был переведен в Москву. До этого момента ВАК опасался унижать достоинство Ученого совета вуза, которым руководит брат члена Политбюро. А с начала весны 1949 г., когда последовали аресты по «ленинградскому делу» и университет был разгромлен, диссертации, защищенные в ЛГУ, рассматривались в ВАК с особой «тщательностью», и очень большое их число не было утверждено.

Приведем несколько примеров.

26 июня 1947 г. на заседании Ученого совета филологического факультета ЛГУ успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Пролегомены к Эдде» известный московский лингвист Энвер Макаев (1916–2004). Защитив в 1940 г. в Москве кандидатскую диссертацию «Семантика падежей готского языка», он был признан одним из самых одаренных германистов. Впечатляет даже состав его оппонентов на защите докторской диссертации в 1947 г.: В. М. Жирмунский, А. А. Смирнов и М. И. Стеблин-Каменский[237].

Красочный портрет Э. Макаева 40-х гг. рисует Н. Е. Семпер:

«Энвер Ахмедович Макаев, кандидат филологических наук, необозримо разносторонний, изысканно одетый молодой ученый, знавший двадцать языков, готовил в то время докторскую диссертацию "Prolegomena ad Edda" и читал доклады по связанным с ней темам. С ним у меня давно установились чисто товарищеские отношения, мы часто непринужденно общались и купались в морях всемирной культуры: не было такой страны, эпохи, книги, о которой Энвер не мог бы захватывающе интересно и художественно рассказать.

---

[236] Там же. С. 82–83.

[237] Вечерний Ленинград. Л., 1947. № 138. 15 июня. С. 4. Диссертант в объявлении о защите ошибочно указан как «Э. А. Макаров».

В ноябре 1944 года он позвал меня на свой доклад “О великанах в скандинавском эпосе” в мою альма-матер — Институт иностранных языков. Полагая, что это будет небезынтересно и С.Д. [Кржижановскому], я пригласила его тоже. <...> Отлично смонтированный доклад Энвера был насыщен неожиданными сравнениями и примерами на древнеисландском языке; он хорошо знал кеннинги скальдов и приводил их в тексте, попутно объясняя. На вечере присутствовали профессора и аспиранты, несколько студентов. Последовало обсуждение. С.Д. задавал вопросы и выступил с очень положительной оценкой доклада»[238].

Кроме иных придирок, которые могла вызвать в ВАКе диссертация Макаева, весьма уязвимой оказалась биография соискателя — его отец Ахмет Макаев был предводителем дворянства Таврической губернии. 24 февраля 1949 г. экспертная комиссия ВАКа по западной филологии рассмотрела диссертацию и вынесла ей обвинительный приговор:

«В работе “Пролегомены к ‘Эдде’ ” диссертантом проявлено большое трудолюбие, использован большой материал, имеются отдельные интересные наблюдения с точки зрения анализа памятника. Однако наряду с указанными положительными сторонами тов. Макаевым в диссертации допущены грубые ошибки; так, в диссертации в качестве авторитетных указаний приводятся высказывания старых буржуазно-либеральных литературоведов, недостаточно решительно показан характер филологии современного Запада. Неправильна и порочна оценка, данная тов. Макаевым Э.А. работам Мунро-Чадвика, выдвигающего нематериалистическую историко-культурную конструкцию.

Тов. Макаев Э.А. недостаточное внимание уделяет вопросам социального определения Эдды, ее классового характера. Диссертация тов. Макаева Э.А. не соответствует требованиям, предъявляемым к докторской диссертации, и указывает на неовладение ее автором марксистско-ленинской методологией. Исходя из этого, экспертная комиссия по западной филологии считает необходимым просить пленум ВАК отменить решение Ученого совета ЛГУ о присуждении тов. Макаеву Э.А. ученой степени доктора филологических наук»[239].

Только в 1964 г. в Институте языкознания АН СССР Энвер Макаев смог защитить докторскую диссертацию в форме научного доклада по опубликованным работам под общим названием «Вопросы сравнительно-исторической морфологии и фонологии германских языков», что было не столько защитой, сколько признанием его заслуг. Впрочем, далеко не все обладали терпением и упорством, необходимым для повторных защит; а многие попросту не дожили до этого.

Но если отмена ВАКом решения о защите диссертации Макаева была для ленинградской филологии не столь болезненным фактом (он ведь был москвичом), то история с докторской степенью следующего персонажа расставила все точки над i.

Одним из тех, кто, защитив диссертацию, так и не стал доктором филологических наук, оказался известный ленинградский литературовед, племянник

---

[238] *Семпер Н.* Человек из Небытия: Воспоминания о С.Д. Кржижановском, 1942–1949 // *Кржижановский С.* Возвращение Мюнхгаузена: Повести. Новеллы. Л., 1990. С. 556.

[239] *Паньков Н.А.* «Рабле есть Рабле...» С. 130.

Н. Е. Семпер также вспоминает, что вместе с неутверждением диссертации «из-за отсутствия в ней марксистского анализа» был отменен цикл лекций Э. Макаева в Ленинграде, а также его научная поездка на датский о. Борнхольм (см.: *Семпер-Соколова Н. Е.* Портреты и пейзажи: Частные воспоминания о XX веке. М., 2007. С. 298–299).

профессора С. А. Венгерова, пушкиновед и литератор Александр Леонидович Слонимский (1884–1964). 26 февраля 1948 г. он триумфально защитил на заседании Ученого совета филологического факультета ЛГУ диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Народные основы в поэзии Пушкина». Первоначально название было сформулировано как «Народный элемент в поэзии Пушкина», но было скорректировано в соответствии с текущим политическим моментом. Как заметил 17 февраля 1948 г. Н. И. Мордовченко[240] в письме к Ю. Г. Оксману[241], «диссертант будет, вероятно, изумлен, узнав о таком изменении темы его работы»[242]. Тезисы были отпечатаны уже с новым, политически актуальным заглавием.

Защита прошла блестяще: все отзывы на диссертацию были положительными — их дали профессора Г. А. Гуковский, Б. В. Томашевский и Б. М. Эйхенбаум, а также С. М. Бонди и В. М. Жирмунский. Решение Ученым советом было принято единогласно.

О защите этой диссертации 10 марта 1948 г. писал Ю. Г. Оксману профессор М. К. Азадовский:

> «Диссертация А. Л. Слонимского прошла внешне блестяще. Его очень фетировали. Все подчеркивали, что, по существу, это только формальность, ибо давным-давно А[лександр] Л[еонидович] заслужил право на докторское звание. А Гуковский даже говорил стоя, подчеркнув, что иначе он не может возражать человеку, первая работа которого появилась в том году, когда он — Гуковский — родился, — тем самым он (по его словам) хотел бы подчеркнуть и свое уважение к его трудам.
>
> Словом, все было очень парадно, но, между нами, сама диссертация — невероятно сумбурна. Две основных темы доказываются: “Сказки” Пушкина ни в коем случае не идут из фольклора. Белинский — Азадовский оба совершают одинаковую ошибку. Белинский говорит, что Пушкин подражает фольклору и делает это скверно; Азадовский говорит то же самое, но считает, что Пушкин выполнил это блестяще. В этом вся разница: исходные же позиции их одинаковы. Между тем, Пушкин шел собственным путем, нимало не думая о фольклоре и всяких народных сказках, — это его собственная творческая линия.
>
> Это один тезис. А другой — заключается в том, что “Евг[ений] Онегин” не из Байрона, не из какого-либо иного источника, а... из народной песни. Другими словами, “Сказки” не из фольклора, а “Онегин” — из фольклора. Каждый тезис — хорош сам по себе, но оба вместе как будто противоречат друг другу, а если и не друг другу, то общему здравому смыслу. Я, правда, чуть-чуть утрирую, но только слегка, чтоб подчеркнуть основную мысль.
>
> Но все такие вещи имеют неожиданный резонанс. Я слышал целый ряд отзывов — восхищений перед новой постановкой вопроса об Онегине, которая, де, глубоко вдвигает роман в народную жизнь, связывает с народными корнями etc. Кое-кто усмотрел

---

240 Мордовченко Николай Иванович (1904–1951) — доктор филологических наук (1948 г., тема — «Русская критика первой четверти XIX в.»), доцент кафедры истории русской литературы (с сентября 1949 г. — профессор).

241 Оксман Юлиан Григорьевич (1895–1970) — литературовед, текстолог, профессор Петроградского университета (1923 г.); помощник директора Пушкинского Дома, в 1936 г. репрессирован, с 1947 г. профессор СГУ.

242 Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 56. Отметим, что в цитируемом письме Н. И. Мордовченко допускает искажение в заглавии диссертации — «Народный элемент в творчестве Пушкина», тогда как авторское заглавие «Народный элемент в поэзии Пушкина»; в газете оно было изменено на «Народные основы в поэзии Пушкина» (Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 36. 13 февраля. С. 4), так тема была указана и в тезисах.

> в этой диссертации прямой и замечательный ответ на новые требования к литературоведению»[243].

ВАК отдал диссертацию на отзыв референтам Н. М. Онуфриеву и Д. Д. Благому, которые по прошествии времени представили свои отзывы. Их точка зрения резко отличалась от мнения ленинградских профессоров.

Кроме того, что Н. М. Онуфриев был автором популярных книжек о Гоголе, кандидатом филологических наук и до мая 1941 г. — директором Тамбовского пединститута, он являлся сотрудником аппарата ЦК ВКП(б) (и вскоре был назначен заведующим сектором центральных издательств Отдела художественной литературы и искусства ЦК). Будучи политически грамотным референтом, он увидел в диссертации много идеологических ошибок и дал резко отрицательный отзыв, недоумевая, почему вообще такая порочная работа могла быть рассмотрена Ученым советом ЛГУ в качестве докторской диссертации. Мало того, что «автор очень часто в качестве исходного начала творческого замысла у поэта выдвигает не его общественные взгляды и жизненные наблюдения, а узко литературные побуждения»[244], он еще и разрешает вопрос о литературных заимствованиях великого русского поэта из иностранных источников «в обычном для формалистов и последователей А. Веселовского стиле»[245]. К тому же Н. М. Онуфриев еще в 1947 г. выступал против формализма в методике исследования Г. А. Гуковского, являвшегося одним из официальных оппонентов[246].

Отзыв Д. Д. Благого, конечно, не был столь циничен, но крайне осторожен — склоняя голову перед большой работой Слонимского, он обращает внимание на ошибочность некоторых положений, в особенности теорий о пушкинских заимствованиях из иностранных источников. Такую позицию Благого легко понять: как раз в момент написания им отзыва на диссертацию Слонимского в «Комсомольской правде» появилась статья «В плену отживших схем и традиций», целиком посвященная его учебнику «История русской литературы XVIII века». Автор статьи В. И. Борщуков писал:

> «В основе курса проф[ессора] Благого лежит антимарксистская, идеалистическая концепция. Автор излагает историю литературы с надклассовых, объективистских позиций и ошибочно оценивает творчество отдельных выдающихся писателей XVIII века. Проф[ессор] Благой отрицает самостоятельность и оригинальность русской литературы XVIII века и явно преувеличивает роль иноземных влияний. Преклоняясь перед "столпами" университетской "науки" — Александром и Алексеем Веселовскими, Н. С. Тихонравовым и другими, проф[ессор] Благой остается в плену порочных "академических" концепций и обветшалых схем. Груз старых "традиций" мешает ему с правильных марксистско-ленинских позиций освещать сложные проблемы русской литературы XVIII века»[247].

---

[243] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 55.

[244] *Сонин А. С.* Указ. соч. С. 32.

[245] Там же.

[246] В своей рецензии на сборник материалов о Некрасове Н. М. Онуфриев особенно высказывается о статье Г. А. Гуковского «Некрасов и Тютчев», в которой делается вывод о влиянии поэзии Некрасова на лирику Тютчева: «Ошибочность выводов, сделанных Г. А. Гуковским, проистекает из примененного им порочного метода формального сопоставления текстов, без глубокого и всестороннего анализа творчества поэтов» (*Онуфриев Н. М.* [Рецензия на кн.]: Н. А. Некрасов. Статьи, материалы, рефераты, сообщения // Советская книга. М., 1947. № 11. С. 109).

[247] *Борщуков В.* В плену отживших схем и традиций // Комсомольская правда. М., 1948. № 274. 19 ноября. С. 3.

Экспертная комиссия ВАКа сочла доводы референтов убедительными, предложила отклонить ходатайство о присуждении докторской степени и направила дело на пленум ВАКа, куда вызван был и сам диссертант. Заседание состоялось 1 октября 1949 г. (т.е. более чем через полтора года после защиты). После кратких доводов самого Слонимского выступил представитель экспертной комиссии ВАКа профессор МГУ Н. А. Глаголев (принимавший участие в дискуссии о Веселовском на страницах «Октября»). В его словах содержится и отношение столичной филологии к раздавленному к тому времени филологическому факультету ЛГУ:

> «Я считаю, что вопрос имеет большое принципиальное значение. Многие представители полагали, что вопросы методологии не имеют большого значения — важна эрудиция, представление большого материала, считается, что этого достаточно для присуждения степени доктора. Но из года в год мы замечаем, что диссертации, проходившие в ленинградских вузах, вызывали очень много возражений методологического порядка. Это понятно: оппонентами выступали такие люди, как Гуковский, Томашевский, Эйхенбаум. Все это — профессора, имеющие очень серьезные извращения в вопросах методологии. Поэтому экспертная комиссия не могла отнестись доверчиво к этим отзывам и считала, что нужно подойти очень внимательно к изучению диссертации товарища Слонимского при наличии хвалебных отзывов Гуковского, Эйхенбаума...
>
> Речь идет о том, что диссертация вызывает сомнение относительно разрешения вопроса основного, принципиального, имеющего решающее значение. Я имею в виду вопрос народности <...>. Автор не берет проблему в духе современности, он не раскрывает этой проблемы в духе ее развития, а без этого невозможно решение проблемы, тем более у Пушкина. Соискатель, мне кажется, неправильно обходит вопрос о предъявлении ему обвинения в наличии формалистических приемов, формалистического подхода в решении ряда вопросов о взаимодействии русской и западноевропейской литературы. Речь идет о том, что товарищем Слонимским допущен прямой компаративизм, когда берется сказка Пушкина и сопоставляется со сказкой Вольтера. Это типичный компаративизм, это не мелочь, это вопрос большого принципиального значения, так как вопросу о заимствовании уделено очень много внимания в работе Слонимского о Пушкине»[248].

Председатель ВАКа, министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов под занавес сам обратился к Слонимскому:

> «Вы должны понять следующее. Вы взяли очень важную тему о народности поэзии Пушкина, вы ее рассматриваете после той борьбы на идеологическом фронте, которая проводилась за принципы социалистического реализма против принципов буржуазного формализма. Была разоблачена школа Веселовского с ее буржуазными толкованиями. Я должен сказать, что мы разбирали вопрос о Ленинграде на Коллегии (МВО СССР. — *П.Д.*), и на литературном факультете вскрыта целая группа профессоров, которая пропагандировала теорию Веселовского. И они же давали отзывы»[249].

Поскольку рассмотрение этой диссертации казалось для ВАКа неким серьезным прецедентом, особенно учитывая ленинградскую политическую ситуацию, то рассмотрению в ВАКе диссертации Слонимского была посвящена заметка в журнале «Вестник высшей школы», которая завершалась словами:

---

[248] *Сонин А. С.* Указ. соч. С. 32–33.

[249] Там же. С. 33.

> «При рассмотрении диссертации А.Л. Слонимского в Высшей аттестационной комиссии было обращено внимание на то, что официальные оппоненты профессора Г.А. Гуковский, Б.В. Томашевский и Б.М. Эйхенбаум, автор отзыва о диссертации профессор С.М. Бонди и неофициальный оппонент профессор В.М. Жирмунский дали весьма положительную оценку работы и прошли мимо содержащихся в ней серьезных методологических ошибок. Такое же отношение проявили совет филологического факультета Ленинградского университета, где состоялась защита диссертации, а также совет университета: в обоих случаях было принято единогласное постановление ходатайствовать перед ВАК об утверждении соискателя в ученой степени доктора филологических наук. Пленум Высшей аттестационной комиссии признал, что представленная А.Л. Слонимским работа не отвечает требованиям, предъявляемым к докторской диссертации. Автору предложено переработать диссертацию в соответствии с указаниями экспертной комиссии и референтов ВАК и представить в исправленном виде к повторной защите»[250].

А.Л. Слонимский не пошел по унизительному и бесплодному пути (которым пришлось пройти Бахтину), оставшись кандидатом наук. В Ленинграде же сформировалось ошибочное мнение, что виновником был Д.Д. Благой. Профессор М.К. Азадовский писал в ноябре 1950 г. Ю.Г. Оксману:

> «...Дать отзыв о допущении к защите и дать отзыв контрольный — разные вещи. Вот так Д.Д. Благой с легким сердцем "угробил" А[лександра] Л[еонидови]ча Слонимского <...>. Боюсь я этой Э[кспертной] К[омиссии] <...>. Там воссел Благой. А в состав ее введены такие ученые и светлые личности, как, напр[имер], В.И. Чичеров»[251].

Не менее красноречива и отмена решения Ученого совета филологического факультета ЛГУ о присуждении степени кандидата филологических наук Г.Я. Чечельницкой (1916–1995). 6 мая 1948 г. она защитила диссертацию на тему «Русская литература в творчестве Р.М. Рильке», которую начала писать в 1940 г. под руководством В.М. Жирмунского; оппонентами на защите выступали В.М. Жирмунский и Б.М. Эйхенбаум[252], официальным научным руководителем была М.Л. Тронская. Серьезным помощником, если не вдохновителем, в написании этой диссертационной работы была О.М. Фрейденберг, она рекомендовала Г.Я. Чечельницкую Б.Л. Пастернаку, у которого та неоднократно бывала во время приездов в Москву (в том числе в июне 1945 г.)[253].

---

[250] Отмена решения Совета об утверждении в ученой степени/В Высшей аттестационной комиссии // Вестник высшей школы. М., 1949. № 11. Ноябрь. С. 49.

Вскоре диссертация была раскритикована в прессе; ср.: «Охота за параллелями и сопоставлениями, которые затушевывают гениальные, смелые, новаторские черты пушкинского творчества, составляет главный пафос работы» (*Василенок С., Серегин И.* Против крохоборчества и лжеакадемизма // Литературная газета. М., 1949. № 95. 26 ноября. С. 3).

[251] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 153.

[252] Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 95. 22 апреля. С. 4.

[253] «Гитель Яковлевна Чечельницкая писала диссертацию о русских связях Р.М. Рильке. О.М. Фрейденберг посоветовала ей обратиться с расспросами к Пастернаку о его участии в переписке Рильке с Цветаевой в 1926 году. Начавшаяся кампания по борьбе с космополитизмом не дала Чечельницкой возможности закончить работу» (*[Пастернак Б.Л.]* Пожизненная привязанность: Переписка с О.М. Фрейденберг / Сост. Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернак. М., 2000. С. 406. Примеч. к письму от 21 июня 1945 г.). В 1945 г. тема диссертации звучала иначе: «Поздний немецкий экспрессионистский роман»; 23 марта А.А. Вознесенский ходатайствовал перед Наркомпросом РСФСР о командировке Г.Я. Чечельницкой в Москву для работы в библиотеке ИМЛИ

Отзывы были положительными, работа бесспорной, голосование — убедительным (20 членов Ученого совета филологического факультета ЛГУ проголосовали за присуждение, лишь с одним голосом против); референты ВАКа сочли эту работу удовлетворяющей всем требованиям. Казалось бы, вопрос решен. Но 15 октября 1949 года, уже после того, как ВАК выписал Г. Я. Чечельницкой диплом кандидата филологических наук, в «Литературной газете» выходит статья критика А. М. Лейтеса[254] «Антинаучные измышления под видом диссертаций». В этом пасквиле он разносит в пух и прах несколько недавно защищенных диссертаций, в том числе и работу Г. Я. Чечельницкой:

> «...Возмущение вызывает диссертация Г. Чечельницкой "Русская литература в творчестве Р. М. Рильке". Кто такой Рильке? Безапелляционный сторонник "искусства для искусства", крайний мистик и реакционер в поэзии. Но нескрываемым обожанием этого ретроградного немецкого писателя начала XX века пронизана вся диссертация.
>
> В свое время Горький в статье "О пользе грамотности" зло высмеял Рильке. Когда у Рильке, рассказывает Горький, спросили, что он думает о творчестве Питера Альтенберга, Рильке сказал: "Кажется, я с ним однажды завтракал в Пратере". Такой "методологии" примерно придерживается и Чечельницкая, разрабатывая свою тему. Она преимущественно интересуется, с кем и когда встречался Рильке во время своих двух поездок по России. Она дотошно выясняет, какие книги он покупал. Наконец, она раскапывает счетоводные тетради редактора журнала "Северный вестник", чтобы обнаружить бухгалтерскую запись за март 1897 года, из которой явствует, что Рильке получил за свой рассказ гонорар в размере 22 рублей 87 копеек. Восторженной диссертантке эта запись доставляет немало радостей. Ведь запись приводит ее к открытию, что журнал первым приобрел рассказ молодого Рильке, опубликованный "Северным вестником" на "несколько месяцев раньше, чем в немецком издании". Подумаешь, какая честь для русского журнала получить приоритет на рассказ Рильке! И вот такого рода низкопоклонством перед каждой мелочью, связанной с реакционным поэтом, проникнута вся диссертация.
>
> Какие же связи между великой русской литературой и творчеством Рильке устанавливает автор диссертации? Умиленно цитируя признание Рильке: "Мое сердце и мой дух с самого детства были устремлены к космополитизму", — она этими космополитическими настроениями писателя объясняет его поездки в Россию и во Францию. Из материалов, которые приводятся в самой диссертации, явствует, что Рильке интересовали в царской России ее отсталые черты. Творчество Горького он отвергал, пьесы Чехова не любил, а стихи Пушкина — по решительному утверждению самой Чечельницкой — на него не оказали никакого влияния. Казалось бы, кропотливое нагромождение всех примеров, цитат должно было бы привести диссертантку к одному-единственному выводу: между передовой русской литературой и Рильке нет ничего общего. Но, желая хоть чем-нибудь оправдать свою многолетнюю кропотливую возню над Рильке, она

и ГБЛ сроком с 25 марта по 20 апреля 1945 г., разрешение на которую было получено (ГА РФ. Ф. 2306 (Наркомпрос РСФСР). Оп. 70. Д. 4345. Л. 264).

[254] Лейтес Александр Михайлович (1899–1976) — литературовед и критик; в послевоенные годы, переехав с Украины в Москву, вошел в редколлегию «Нового мира», выступал с лекциями. Одно из наиболее актуальных его выступлений было издано в 1947 г. в качестве агитброшюры (*Лейтес А. М.* Литература современного американского империализма: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1947). Но в 1949 г. национальность положила конец его карьере — он был разоблачен как безродный космополит.

делает столь же глубокомысленный, сколь и неожиданный вывод: «Обращение Рильке к русской литературе... сделало его предшественником и учителем экспрессионистов".

И за такой реакционный, антинаучный вздор Чечельницкая получила звание советского ученого, кандидата филологических наук!»[255]

ВАК не может не реагировать: 20 января 1950 г. диссертация берется на контроль, начинается новое рецензирование, референт ВАКа Р. М. Самарин выносит смертный приговор:

«Работа Чечельницкой настолько слаба, ошибочна и неполна, что она не может рассматриваться как кандидатская диссертация. Неудачна сама тема диссертации, т. к. Рильке, при всем своем бесспорном таланте, остался как поэт в пределах австро-немецкой декадентской литературы. Самая тема работы т. Чечельницкой не плодотворна, не может привести автора к ценным выводам, выполнение этой работы ничем не обогатило советскую науку. Да и исследователь, работавший над нею, ничему не выучился на этой теме...»[256]

7 июля 1951 г. ВАК отменяет решение Ученого совета ЛГУ и лишает Г. Я. Чечельницкую кандидатской степени; первая в России капитальная работа о творчестве Рильке изымается из ГБЛ и Научной библиотеки ЛГУ и уничтожается; преподававшую в Казанском университете Г. Я. Чечельницкую увольняют «в связи с сокращением штатов».

Необходимо отдать дань мужеству Гители Яковлевны, которая впоследствии, в 1958 г., защитила в ЛГУ кандидатскую диссертацию на тему «Политическая проблематика драматургии Шиллера первого периода творчества ("Против тиранов!")», а вскоре после защиты, в 1959 г., вышла монография Чечельницкой о Шиллере.

Также не была утверждена ВАКом кандидатская диссертация М. А. Шнеерсон[257], ученицы Г. А. Гуковского, на тему «Фольклор в творчестве Пушкина», защищенная на филологическом факультете Ленинградского университета 24 июня 1948 г. (официальные оппоненты Г. А. Гуковский и Н. И. Мордовченко)[258]. Диссертация поступила в ВАК именно в то время, когда все диссертации по филологии, защищенные в Ленинградском университете, рассматривались с пристрастием; да и ко времени рассмотрения

---

[255] *Лейтес А.* Антинаучные измышления под видом диссертаций // Литературная газета. М., 1949. № 83. 15 октября. С. 3.

[256] ГА РФ. Ф. 9506 (ВАК при СМ СССР). Оп. 1. Д. 652. Л. 750.

[257] Шнеерсон Мария Анатольевна (1916–2008), литературовед, критик и публицист. Приведем воспоминание Е. Я. Ленсу: «Мария Анатольевна Шнеерсон — моя ближайшая подруга по университету, Григорий Александрович был научным руководителем ее второй кандидатской диссертации на тему из области фольклорных традиций в творчестве А. С. Пушкина. Первая диссертация М. А. была посвящена творчеству Ф. И. Тютчева. Но ко времени защиты этот писатель был внесен в "проскрипционные" списки» (Письма Г. А. Гуковского Е. Я. Ленсу / Новые материалы о Гуковском // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 44. С. 178).

В 1949 г. она была принята Ленинградский областной институт усовершенствования учителей, где проработала 25 лет и стала автором многих учебников и учебных пособий. Эмигрировав в 1978 г. в США, прославилась как литературный критик и публицист, особенно благодаря напечатанной в 1984 г. издательством «Посев» книге «Александр Солженицын: Очерки творчества». (см.: *Мирич А.* Мария Шнеерсон // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. Т. V. С. 122–130).

Оговоримся, что в различных источниках датой рождения М. А. Шнеерсон указаны 1913, 1915 и 1916 гг.; точная дата («26.06.1916., Петроград») почерпнута нами из публ.: *Никитин Е. Н.* Авторы «Литературного наследства» // Библиография. М., 2009. № 3. С. 152.

[258] Дата защиты и оппоненты указаны в газете: Вечерний Ленинград. Л., 1948. № 137. 12 июня. С. 4.

имя Гуковского воспринималось уже отнюдь не как положительная характеристика. Крест на кандидатской степени поставили заключения диссертанта о заимствованиях Пушкина, что было воспринято в качестве клеветы на русского гения.

Отдельно об этих выводах М. А. Шнеерсон было сказано в разгромной статье Г. А. Пелисова «О фольклорных основах “Сказок” А. С. Пушкина», напечатанной в журнале «Советская этнография», где автор неоднократно упоминает Марию Александровну в мужском роде:

> «Есть несколько исследований, которые на значительном и убедительном материале раскрывают работу Пушкина над освоением русской народной поэзии. Таковы статьи проф[ессора] Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, М. А. Шнеерсона [sic!]. Но вот что удивительно: эти авторы в заключении делают выводы, прямо противоположные всему, что ими до этого доказывалось, выводы об иностранных заимствованиях. “Черпая сюжеты для своих сказок из сборника братьев Гримм, из ‘Тысячи и одной ночи’, из русской сказочной традиции, Пушкин отбирает те сюжеты, которые имеют варианты в международном фольклоре — с одной стороны, у которых есть параллели среди русских сказок — с другой” (М. А. Шнеерсон)»[259].

Несмотря на сдержанность цитаты, общий тон статьи был вызывающим; по поводу этой публикации М. К. Азадовский писал Ю. Г. Оксману:

> «А читали очередную фальшивку и гнусь, которую так заботливо и услужливо опубликовал Чичеров в “Сов[етской] Этн[ографии]”? Имею в виду статью о “Сказках Пушкина”. Что делать — опять молчать, как при всех предыдущих фальсификациях и клеветнических выпадах...»[260]

В результате М. А. Шнеерсон вынуждена была написать новую диссертацию, также по фольклористике — «Фольклор в творчестве М. Горького, 1892–1917», которую защитила в 1954 г. в ЛГПИ имени А. И. Герцена. Особенно стоит отметить, что для придания актуальности диссертационной работе она уже ранее была вынуждена сменить тему — первоначально она писала диссертацию о Ф. И. Тютчеве[261], но перемена Тютчева на Пушкина все равно не уберегла ее.

---

[259] *Пелисов Г. А.* О фольклорных основах «Сказок» А. С. Пушкина // Советская этнография. [М.], 1950. [Кн.] 4. [Октябрь–декабрь]. С. 95–96.

[260] Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 162.

Поскольку имя автора статьи было совершенно неизвестно в среде ленинградских фольклористов и вообще филологов, а упоминаемая статья — единственная зарегистрированная работа такого автора в области фольклора, то высказывались мнения о том, что Г. А. Пелисов — это псевдоним (Там же. С. 164). Однако это вполне реальная фигура, правда, незнакомая с ленинградской филологией лично (о чем свидетельствует и упоминание о М. А. Шнеерсон в мужском роде). Георгий Александрович Пелисов (1917–?), литературовед, специалист по советской литературе, окончил МИФЛИ, член ВКП(б). В 1948 г. он присутствовал на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами литературы в Министерстве просвещения как старший преподаватель кафедры литературы Елецкого пединститута; в материалах совещания указывается, что он работал в то время над кандидатской диссертацией на тему «Развитие очерка как литературного жанра» (ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство Просвещения РСФСР). Оп. 71. Д. 7519. Л. 61). Затем он оказался в Москве, где занимался изучением творчества советского писателя П. А. Павленко (еще при жизни последнего), а в 1952 г. защитил в МГПИ имени В. И. Ленина кандидатскую диссертацию по теме «Творческий путь П. А. Павленко». Впоследствии работал над составлением школьных учебников и хрестоматий (многократно переиздавались его учебники по литературе для молдавских школ).

[261] 17 мая 1946 г. на заседании кафедры русской литературы ЛГУ она выступила с докладом «“Творчество раннего Тютчева” (глава из диссертации)» (см.: Научная жизнь Филологического факультета в первом полугодии 1946 г. // Научный бюллетень Ленинградского государственного

Достойно особого упоминания то обстоятельство, что глава экспертной комиссии ВАКа по филологическим наукам профессор Н. Ф. Бельчиков, который без осечек проводил идеологическую линию партии в процессе проверки диссертаций, в 1949 г. стал директором Пушкинского Дома и проявил на этом посту все свои «лучшие» качества, отравив жизнь многим, передав бразды правления экспертной комиссией Д. Д. Благому.

Как можно видеть из приведенных примеров, ВАК занимал в системе идеологического контроля вполне определенное место, оказываясь еще одним, причем достаточно серьезным, препятствием для научной мысли. Аффилированность ВАКа с Министерством высшего образования СССР лишь увеличивала силу его воздействия на высшую школу — ошибочные решения ученых советов вузов вменялись в вину их руководителям. Именно поэтому все тяжелее становилась подготовка диссертаций, а число аспирантов, закончивших аспирантуру, сдавших кандидатские экзамены, но не подготовивших к защите саму диссертацию, неуклонно росло.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ЛГУ ДО АВГУСТА 1946 ГОДА

> «Чрезвычайно интересной, с точки зрения истории науки, задачей было бы показать, сколь плодотворно влияли друг на друга различные по научным позициям, но равно блистательные по таланту и эрудиции ученые-филологи, которых судьба с неповторимой щедростью собрала в 1930–1940 гг. в стенах Ленинградского университета»[262], — писал в 1973 г. Ю. М. Лотман в статье об О. М. Фрейденберг.

К сожалению, настоящая книга посвящена влиянию иного толка, но по силе воздействия, действительно, поистине выдающемуся...

«История Ленинградского университета» так описывает интересующий нас период:

> «Послевоенный период развития языковедческой и литературоведческой наук в университете характеризуется значительным подъемом теоретического уровня всей исследовательской работы. Научные сотрудники факультета идейно росли и закалялись в борьбе с различными антимарксистскими теориями, с проявлениями буржуазной идеологии. Развитие научной критики создавало благоприятные предпосылки для движения вперед»[263].

Вернувшийся в Ленинград из Саратова в мае–июне 1944 г. университет авральными темпами разворачивал свою деятельность, занимался ремонтом и приведением в порядок факультетских помещений. Этим были заняты все — от профессоров до студентов (справедливо сказать — студенток, так как мужчин было очень мало). Каникулы были отменены. Кроме бесконечных трудовых повинностей на студентов и преподавателей ложилась и так называемая общественная нагрузка:

> «В 1944–1945 гг. громадное значение имела лекторская, пропагандистская работа в районах Ленинградской области, только что освобожденных от немецкой оккупации. По путевкам университетского лектория профессора и студенты ехали с лекциями,

---

ордена Ленина университета. Л., 1947. № 18. С. 55). В обсуждении доклада принимал участие Б. М. Эйхенбаум (*Тоддес Е. А.* Б. М. Эйхенбаум в 30–50-е годы. С. 643).

[262] *Лотман Ю. М.* О. М. Фрейденберг как исследователь культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 308: Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973. С. 485.

[263] История Ленинградского университета, 1819–1969: Очерки. Л., 1969. С. 443.

докладами в поднимающиеся из небытия колхозы, предприятия, школы, больницы, ремесленные училища»[264].

Такой лекционно-пропагандистской нагрузкой невозможно было манкировать, а потому студентам непосредственно для учебы, а преподавателям для подготовки лекций и научной работы оставалось совсем немного времени. Нервозную обстановку на факультете подогревало ужасающее бытовое положение и проблемы с продовольствием. Но идеологических гонений на университетскую профессуру не наблюдалось — за Вознесенским университет себя чувствовал как за каменной стеной, — однако тяжелое бытовое и материальное положение способствовало развертыванию серьезных интриг внутри самого факультета.

Александр Павлович Рифтин (1900–1945), декан филологического факультета с начала 1941 г.[265], «работал в ЛГУ в самые трудные месяцы блокады, затем организовывал эвакуацию факультета и сам выехал с Университетом в Саратов»[266]. Он с 1939 г. заведовал кафедрой ближневосточных и африканских языков, которая была упразднена в эвакуации в марте 1943 г. В Саратове в ходе подковерных боев А. П. Рифтин в сентябре 1942 г. оказался заменен на посту декана факультета Г. А. Гуковским[267]. Такое обхождение уязвило Рифтина, и он с радостью перешел в состав формируемого в феврале 1944 г. отдельного Восточного факультета ЛГУ; стал там заведующим кафедрой ассириологии и гебраистики, продолжив чтение курсов шумерского и аккадского языков, введения в языкознание и прочих дисциплин[268].

Но профессор Г. А. Гуковский не смог долго продержаться в должности декана. Жена М. П. Алексеева описывает сложившуюся тогда ситуацию следующим образом:

> «Сначала Вознесенский снял с деканства Рифтина и поставил Гр. Гуковского. Теперь же, порассорившись со всеми и развалив всю работу факультета, Гуковский подал в отставку и она, кажется, принята. Вообще, атмосфера на факультете не очень приятная. Очень приятно держатся Эйхенбаум, Балухатый и Пропп, с которыми мы главным образом и общаемся»[269].

---

[264] *Редина А.* Суровые и светлые годы филфака... // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета / Сост. И. С. Лутовинова. СПб., 2002. С. 37.

[265] 9 января 1941 г. было подписано распоряжение № 9 по Управлению по делам университетов и научно-исследовательских институтов Наркомпроса РСФСР: «Утвердить Рифтина Александра Павловича в должности декана филологического факультета Ленинградского государственного университета» (ГА РФ. Ф. 2306 (Наркомпрос РСФСР). Оп. 70. Д. 3928. Л. 59).

[266] Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета, 1941–1945. СПб., 1995. Вып. 1. С. 245.

[267] Этому способствовало то обстоятельство, что брат Г. А. Гуковского, Матвей Александрович, был тогда проректором при А. А. Вознесенском.

О. М. Фрейденберг более категорична: «Рифтина ректор снял с деканства в Саратове в грубейшей форме. Его оклеветал и спихнул Гришка Гуковский, который сам сел на его место. Рифтин был сильно травмирован» (*Фрейденберг О. М.* Записки).

[268] *Решетов А. М.* Востоковедение на филфаке в 1937–1944 гг. // Материалы XXXII Международной филологической конференции. Вып. 5: Секция истории филологического факультета. СПб., 2003. С. 36–37.

[269] ПФА РАН. Ф. 1081 (Б. Г. Реизов). Оп. 3. Д. 251. Л. 7. Письмо Н. В. Алексеевой к жене Б. Г. Реизова Т. Л. Лапиной от 25 января 1943 г.

Если Г. А. Гуковский сам оставил пост декана, то его брат, Матвей Александрович, историк-медиевист, крупнейший специалист по итальянскому Возрождению, который, будучи помощником ректора по аспирантуре, почти всю войну был одновременно и исполняющим обязанности

В это время Г.А. Гуковский совместно с В.Е. Евгеньевым-Максимовым[270] подготовил к печати брошюру агитационного характера «Любовь к Родине в русской классической литературе», изданную под грифом ЛГУ[271]. (Первоначально книга называлась «Патриотические мотивы в русской художественной литературе», но затем заглавие было изменено[272].) Перу Григория Александровича в этой работе принадлежат главы «XVIII век», «Радищев», «Поэты-декабристы», «Пушкин» и «Лермонтов». В действительности книга эта представляла собой переработку написанных Г.А. Гуковским и В.Е. Евгеньевым-Максимовым статей для цикла «Советские патриоты», публиковавшихся в саратовской газете «Коммунист»[273].

Несмотря на ненаучный патриотический пафос всех без исключения глав этой книги, а также изрядное обращение (особенно Евгеньева-Максимова) к политическим классикам, в том числе одному здравствующему, некоторые пассажи этой книги, казалось бы, совершенно однозначной, могли по окончании войны быть расценены как низкопоклоннические. К примеру, разбирая оду «Вольность», Гуковский пишет:

> «Каждый гражданин-воин, отстаивая свою свободу, свою родину, теперь еще более любимую им, будет сражаться, не жалея сил и жизни, сражаться сознательно, не так, как сражаются его противники, “рать зверства”, войско рабов зверской тирании. Каждый боец свободной страны будет сознательно подчиняться дисциплине, будет инициативен, будет непобедим, как непобедимыми оказались ополчения американской революции, возглавленные Джорджем Вашингтоном, первым президентом Соединенных Штатов Северной Америки <...>. В конце оды Радищев, горячо приветствуя войну

проректора ЛГУ по учебной работе (де-факто был вторым человеком после Вознесенского), не был утвержден на своем посту по причине национальности и в декабре 1944 г. был заменен физиологом профессором М.И. Виноградовым, который не имел проблем по этой части. Что касается самого М.А. Гуковского, то он, обладая бесспорным даром историка культуры и науки, не отказывался и от административных перспектив, что, несомненно, влияло на свойства личности. Репрессированный хранитель Эрмитажа М.Ф. Косинский замечал: «О [М.А.] Гуковском приходится сказать, что этот юркий маленький человек обладал характером цепким, но подленьким. Его брат, Григорий Александрович, преподаватель литературного отделения Высших государственных курсов искусствоведения (а впоследствии — Ленинградского университета), был полной противоположностью Матвею Александровичу. Он блестяще вел свой курс, и студенты других отделений приходили слушать его» (*Косинский М.Ф.* Первая половина века: Воспоминания. Париж, 1995. С. 370).

[270] Евгеньев-Максимов Владислав Евгеньевич (настоящая фамилия Максимов; 1883–1955) — профессор кафедры русской литературы, доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории журналистики (1945–1951), по совместительству хранитель Музея Н.А. Некрасова, который входил в структуру Пушкинского Дома.

[271] *Гуковский Гр., Евгеньев-Максимов В.* Любовь к Родине в русской классической литературе. Саратов, 1943. (Подписано в печать 21 апреля 1943 г.)

[272] «Саратовское областное издательство выпустило недавно брошюру В.Е. Евгеньева-Максимова «Н.Г. Чернышевский как великий патриот земли русской» и готовит к изданию его книгу «Патриотические мотивы в русской художественной литературе», написанную в соавторстве с проф[ессором] Г.А. Гуковским» (40-летие деятельности проф. В.Е. Евгеньева-Максимова // Коммунист. Саратов, 1942. № 283. 2 декабря. С. 4).

[273] *Гуковский Г.А.* Александр Николаевич Радищев / Великие патриоты // Коммунист. Саратов, 1942. № 145. 21 июня. С. 3; *Евгеньев-Максимов В.Е.* Н.Г. Чернышевский / Великие патриоты // Там же. № 161. 10 июля. С. 3; *Гуковский Г.А.* А.С. Пушкин / Великие патриоты // Там же. № 175. 26 июля. С. 4; *Евгеньев-Максимов В.Е.* Н.А. Некрасов / Великие патриоты // Там же. № 183. 5 августа. С. 4.

за освобождение североамериканского народа, приведшую к установлению государства США, выражает уверенность, что русский народ тоже поднимет восстание и, победив, устроит свою жизнь на началах свободы и счастья»[274].

В марте 1943 г. на пост декана филологического факультета был назначен и, вследствие отсутствия проблем с пятым пунктом, быстро утвержден в Москве заведующий сектором новейшей русской литературы Пушкинского Дома С.Д. Балухатый[275]. Г.А. Гуковский же с 1944 г., по совместительству с работой в эвакуированном ЛГУ, стал проректором Саратовского университета при назначенном туда А.А. Вознесенском[276]. (Поскольку А.А. Вознесенский был утвержден и ректором СГУ, то многие ленинградцы преподавали одновременно в двух вузах, а некоторые даже перешли в его штат[277]; любопытно, что в каждом из подчиненных ему университетов проректором служил один из братьев Гуковских.) Оговоримся, что А.А. Вознесенский не оставлял профессорам выбора, притом запрещал им уезжать из Саратова в Казань, Алма-Ату и позднее в Москву[278].

«С началом Великой Отечественной войны основной темой работы литературоведческих кафедр стала проблема патриотизма, героизма и мужества в освещении литературы. С.Д. Балухатым был опубликован ряд статей, в которых он выступил как пламенный патриот Родины и талантливый публицист»[279].

Кроме разнообразных, хотя и однонаправленных статей, в 1942 г. была издана агитационная книжка о Горьком «Великий сын великого народа»[280]. С.Д. Балухатый, еще до войны занимавший пост профорга Пушкинского Дома, активно совмещал свою административную должность на факультете с общественной работой: состоял членом Саратовского бюро Антифашистского комитета, выступал с лекциями в воинских частях

---

[274] *Гуковский Гр., Евгеньев-Максимов В.* Указ. соч. С. 34.

[275] Балухатый Сергей Дмитриевич (1893–1945) — литературовед; родился в Феодосии, в 1912 г. с отличием окончил Таганрогскую гимназию, в том же году поступил на словесное отделение Историко-филологического факультета Петербургского университета; первые два года изучал изобразительное искусство под руководством Д.В. Айналова и О.Ф. Вальдгауера, затем увлекся литературой и по ходатайству В.Н. Перетца и А.А. Шахматова после окончания университета (1916) был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1918–1922 гг. жил и работал в Самаре, с 1923 г. в ГИИИ — действительным членом, профессором и до 1930 г. деканом словесного отделения; с 1926 г. сотрудник Толстовского музея АН, после его закрытия, с 1930 г., сотрудник Пушкинского Дома (старший ученый специалист, зав. отделом новой русской литературы), в 1935 г. ему присвоена степень доктора филологических наук без защиты диссертации, в 1940 г. утвержден профессором ЛГУ; специалист по творчеству М. Горького и А.П. Чехова.

«Вот уж серая тоска и бездарность!» — охарактеризовал С.Д. Балухатого в 1944 г. категоричный Ю.Г. Оксман (Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 31). Вероятно, если бы Ю.Г. Оксман увидел те многостраничные доносы, которые в 1920-е гг. С.Д. Балухатый направлял в Москву на своих коллег, характеристика была бы еще более звучной.

[276] Г.А. Гуковский занимал должность проректора СГУ с июня 1944 по июнь 1946 г. (ПФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. Д. 683. Л. 8 об.).

[277] Михаил Павлович Алексеев, например, был в 1942–1944 гг. профессором и заведующим кафедрой всеобщей литературы историко-филологического факультета Саратовского университета.

[278] В.Ф. Шишмарев писал 9 мая 1943 г. по этому поводу И.И. Мещанинову: «Вам достоверно известно, что из Саратова никого не пустит Вознесенский» (ПФА РАН. Ф. 969 (И.И. Мещанинов). Оп. 1. Д. 577. Л. 42 об. – 43).

[279] Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета. С. 25.

[280] *Балухатый С.Д.* Великий сын великого народа: К 50-летию со дня появления М. Горького в литературе, 1892–1942. Саратов, 1942.

и госпиталях... Он же, являясь уполномоченным Института литературы АН СССР, руководил работой его сотрудников, эвакуированных в Саратов, — в основном профессоров филологического факультета. На академических выборах 29 сентября 1943 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Однако, занимая пост декана филологического факультета, он чувствовал себя лишним. 19 марта 1944 г., перед реэвакуацией ЛГУ, он писал В. А. Мануйлову[281]:

> «Ленинградский Университет имеет слишком много забот, да и случайный я в нем человек, хотя и оказался на посту высоком — им обо мне заботиться не интересно. (Я договорился с ректором, что по возвращении в Ленинград слаживаю [sic!] с себя деканские полномочия и целиком вновь возвращаюсь на работу в Академию, где как член-корреспондент я уже имею дополнительные ответственные поручения)»[282].

Так и случилось — С. Д. Балухатый по возвращении в Ленинград оставил пост декана, уступив его 16 января 1945 г.[283] профессору Михаилу Павловичу Алексееву (1896–1981)[284]. На этом месте, в силу эрудированности, действительных знаний и достаточно мягкого характера, он устраивал многих. Однако административная ноша в условиях сталинского времени неизбежно оставляла нравственную печать на несущих ее: необходимость принимать и подтверждать «нужные» решения, неминуемое соглашательство пагубно сказывались на личности любого, обнажая и обостряя отрицательные черты характера[285]. Но, несомненно, М. П. Алексеев был одним из лучших деканов факультета всего послевоенного периода, и относительно сдержанная идеологическая активность на факультете в 1945–1946 гг. — во многом его заслуга.

В Ленинграде деятельность университета де-факто началась 14 сентября 1944 г. В этот день состоялось первое по возвращении из эвакуации заседание Ученого совета ЛГУ, оно прошло в Петровском зале. Основным было выступление ректора, а главным обсуждавшимся событием (кроме начала 1944/45 учебного года, назначенного на 2 октября) — проведение Юбилейной научной сессии, посвященной 125-летию университета. Хотя юбилей был с помпой отпразднован уже в Саратове, Вознесенский решил отметить его таким же образом и в Ленинграде.

Сессия открылась 20 ноября 1944 г. пленарным заседанием, на котором в своем вступительном слове А. А. Вознесенский очертил славный путь университета за 125 лет. Работа сессии продолжалась 18 дней и торжественно была окончена пленарным

---

[281] Мануйлов Виктор Андроникович (1903–1987) — литературовед, исследователь творчества М. Ю. Лермонтова. В Пушкинском Доме с 26 июня 1941 г., с 12 июля 1942 г. — ответственный хранитель фондов и уполномоченный дирекции института в Ленинграде (когда коллектив находился в эвакуации). Оставаясь всю войну в Ленинграде, много сделал для сохранения имущества Пушкинского Дома; вел большую общественную работу — выступал с лекциями в госпиталях и воинских частях, в 1942 г. по заданию Политуправления КБФ им написано шесть историй подводных лодок дивизиона КБФ (ПФА РАН. Разр. IV. Оп. 26. Д. 20. Л. 135).

[282] ЦГАЛИ СПб. Ф. 440 (В. А. Мануйлов). Оп. 2. Д. 496. Л. 7–7 об.

[283] ГА РФ. Ф. 2306 (Наркомпрос РСФСР). Оп. 69. Д. 3375. Л. 139.

[284] Утвержден М. П. Алексеев на этом посту был позднее: Бюро ВО РК ВКП(б) приняло соответствующее постановление только 26 апреля 1946 г. (Протокол № 68, п. 49).

[285] М. К. Азадовский писал в сердцах Ю. Г. Оксману в начале 1954 г.: «Вы как-то писали мне, что о многом хотите поговорить “по душам” с Мих[аилом] Павл[ови]чем! Ах, дорогой мой Юлиан Григорьевич, не о чем и не с кем разговаривать. Именно “души”-то в нем и не осталось — он даже к дружеским чувствам неспособен» (Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. С. 346).

заседанием 8 декабря. Всего было проведено шесть пленарных и 76 секционных заседаний, а общее число докладов на них достигло 216. Масштаб сессии был столь необычен для военного времени, что Вознесенский был вынужден несколько поумерить размах мероприятия: ректорат ЛГУ отказал многим иногородним в выступлении на Юбилейной сессии «вследствие необходимости сохранить за сессией характер творческого отчета Ленинградского университета, не превращая ее в подобие всероссийского научного съезда»[286].

В секции филологических наук на сессии было прочитано 16 докладов, причем, что удивительно, не прозвучало ни одного доклада с явной идеологической подоплекой. Аполитичность, если так можно выразиться, вообще сделала Юбилейную сессию уникальной для постэвакуационного периода ЛГУ: превалировала научная проблематика даже в традиционно идеологизированных областях науки — философии и истории. Было прочитано всего по одному откровенно агитационному докладу; больше прочих были наполнены этим лишь доклады секции юридических наук. Проректор ЛГУ по научной работе географ С. В. Калесник даже попенял им: «К числу недостатков сессии надлежит отнести не вполне удачный подбор тематики по некоторым секциям (в частности, философских наук) и отсутствие докладов из кафедры основ марксизма-ленинизма»[287].

Кроме Юбилейной сессии, в ноябре 1944 г. в университете с помпой прошло «собрание научных работников, посвященное докладу тов. Сталина о 27 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», где кроме ректора, сделавшего основной доклад, выступили еще несколько профессоров, среди которых было особенно отмечено выступление заведующего кафедрой русской литературы Б. М. Эйхенбаума; в конце «собрание единодушно приняло текст письма товарищу Сталину, в котором ученые университета взяли на себя конкретные обязательства, могущие способствовать движению науки вперед»[288].

Также в конце 1944 г. началось награждение работников университета медалью «За оборону Ленинграда». Первое вручение — наиболее торжественное — состоялось 21 октября 1944 г.; наградой были отмечены более 100 сотрудников ЛГУ во главе с А. А. Вознесенским; среди филологов — В. Е. Евгеньев-Максимов, А. П. Рифтин, И. М. Тронский... В начале декабря награждали «второй поток», награждения производились и в дальнейшем.

Отношение к этой медали (да и к наградам вообще) среди профессоров факультета было различным.

М. К. Азадовский писал из Иркутска И. Я. Айзенштоку:

> «...Поздравляю Вас с медалью за оборону Ленинграда. Вот где я Вам завидую! Право! Вот награда, которую я хотел бы иметь, — право на которую я уже потерял, но которую, по существу, я вполне заслужил за время моего домартовского пребывания в городе. <...> Могу с гордостью сказать, что в эти дни <...> наш дом, моя семья были для многих источником бодрости. К нам приходили, чтоб почерпнуть силы, чтоб напиться из бодрящих

---

[286] *Калесник С. В.* Краткий отчет о Юбилейной научной сессии Ленинградского университета // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1945. № 3. С. 5.

[287] Там же. С. 16.

[288] *Левит Б.* Слово вождя — закон нашей жизни // Ленинградский университет. Л., 1944. № 13. 20 ноября. С. 1.

источников. У меня было и достаточно сил, чтоб работать. С наслаждением вспоминаю ночные часы дежурств в Институте, бессонные напролет ночи...»[289]

О. М. Фрейденберг, проведшая всю войну безвыездно в Ленинграде, испытывала иные настроения:

> «Когда университет вернулся из эвакуации, всем покинувшим осажденный город были выданы медали "За оборону Ленинграда". Я, конечно, медали не получила и в душе радовалась, так как она была связана для меня с проклятыми воспоминаниями о проклятом городе. Но виселицы и ордена — основа всякого азиатского режима, и недаром мама (Анна Осиповна Фрейденберг, в девичестве Пастернак (1860–1944). — *П.Д.*) называла Сталина Хозроем[290]. Бляхи мы обязаны получать — массовые ордена и медали (почесть, но без выделения личности!). <...> Через три года увидели по спискам, что у меня нет "За оборону Ленинграда", и велели пойти в участок получить ее. Я так и не пошла»[291].

Поголовное награждение ученых орденами и медалями началось несколько позднее — 17 ноября 1949 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении работников науки орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную работу», где устанавливалась система награждения работников науки, высшей школы и руководящих работников вузов и научно-исследовательских учреждений[292].

Начала работу и партийная организация факультета: на традиционном октябрьском отчетно-выборном собрании парторгом была избрана Н. В. Спижарская, которая затем была утверждена и первым заместителем секретаря парткома ЛГУ[293]. Не отставал и комсомол; одним из наиболее любопытных собраний этого учебного года стало новогоднее комсомольское собрание, посвященное советской поэзии — теме, которая вскоре станет политически актуальной: «Комсомольцы факультета очень живо обсудили вопрос о советской поэзии в дни войны. На собрание пришло очень много несоюзной молодежи (т. е. не членов ВЛКСМ. — *П.Д.*), пришли аспиранты и профессора. С глубоким вниманием выслушала аудитория, заполнившая актовый зал,

---

[289] Из писем М. К. Азадовского (1941–1954). С. 228. М. К. Азадовский был награжден этой медалью в 1945 г.

[290] Хосрой I Ануширван (531–579) — персидский царь, знаменитый завоеватель, возвысивший государство Сасанидов; был убит собственным сыном. Воевал на Юге и Востоке, общеизвестны его столкновения с Византией (истребил большое число христиан, завоевал и разграбил Антиохию). Ломоносов в трагедии «Тамира и Селим» ставит его в один ряд с великими восточными завоевателями, вкладывая в уста Мамая, который восхваляет себя перед Тамирой, слова: «Превысил славою Чингиса и Хозроя / И прадеда в себе Батыя воскресил» (*Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 329).

[291] *Фрейденберг О.* Будет ли московский Нюрнберг? С. 162.

[292] Подробнее см.: О награждении работников науки орденами и медалями за выслугу лет и безупречную работу: Приказ Министра высшего образования СССР № 1490 от 22 ноября 1949 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1949. № 11. Ноябрь. С. 1–2; О порядке представления работников науки к награждению орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную работу: Приказ Министра высшего образования СССР № 1148 от 8 июля 1950 г. // Там же. 1950. № 7. Июль. С. 1–2; Инструкция о порядке представления работников науки к награждению орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную работу: (Утверждена Президиумом Верховного Совета СССР 20 июня 1950 г.) // Там же. С. 2–4.

[293] Спижарская Надежда Васильевна (1911–1990) — старший преподаватель, и.о. заведующего кафедрой немецкого языка (с 20 февраля 1948 г.), впоследствии заведующая кафедрой (до 1980 г.). кандидат филологических наук (1954 г., тема — «Вопросы литературы в рабочей печати Германии в восьмидесятые годы XIX века»), доцент.

доклад аспиранта III курса Г. П. Макогоненко»[294]. В прениях к докладу Макогоненко выступили одни из самых активных в общественной работе профессоров филологического факультета тех лет В. Е. Евгеньев-Максимов и П. Н. Берков (заведующий аспирантурой факультета).

Рубеж 1944—1945 гг. был омрачен смертями трех знаменитых на факультете профессоров: 26 декабря в Москве во время операции скончался академик Л. В. Щерба — 29 декабря 1944 г. в актовом зале филологического факультета состоялось траурное заседание. 2 февраля 1945 г. умер бывший декан А. П. Рифтин — прощание было организовано в том же актовом зале[295]. А 2 апреля после длительной болезни умирает еще один бывший декан — С. Д. Балухатый; похороны Балухатого, который с января 1945 г., передав пост декана М. П. Алексееву, стал заведовать кафедрой истории русской литературы, состоялись 5 апреля. Они были организованы с большим размахом — в том же актовом зале факультета, где совсем недавно Балухатый говорил траурные речи по Щербе и Рифтину, теперь его самого провожали в последний путь своими речами профессора А. А. Вознесенский, И. Ю. Крачковский, В. М. Жирмунский, М. П. Алексеев, Б. М. Эйхенбаум... Последний вскоре был назначен заведующим кафедрой истории русской литературы.

Но жизнь университета шла своим чередом: ректор постоянно придумывал грандиозные мероприятия. В апреле 1945 г. таким событием стала юбилейная Ленинская сессия, посвященная 75-летию со дня рождения вождя мирового пролетариата. Продолжалась она целую неделю: кроме основного пленарного заседания с докладом Вознесенского в последующие дни прошли еще шесть заседаний. Заключительное, 28 апреля, было отдано филологам:

> «Заседание открылось докладом проф[ессора] Л. А. Плоткина “Ленин и русская литература”. Докладчик подчеркнул роль русской литературы в формировании идеологии В. И. Ленина, остановился на его борьбе за русскую литературу и отметил признание им ее мирового значения, связи с революцией, художественной реалистической силы.
>
> Проф[ессор] Б. С. Мейлах (Институт литературы Акад[емии] наук) в докладе “Ленин и наука о литературе” говорил об освоении советским литературоведением великого наследия Ленина и на ряде конкретных примеров показал, к каким плодотворным выводам, позволяющим пересмотреть важнейшие явления истории русской и мировой литературы, приводит последовательное изучение ленинских трудов.
>
> Проф[ессор] Б. М. Эйхенбаум в докладе “Ленин о Толстом” указал на органическую связь статей Ленина о Толстом с его работами 1908—1911 гг., в частности с учением о соотношении стихийности и сознательности в революционном движении (брошюра “Что делать?”).

---

[294] *Тойбин И., Миленковская Х.* Комсомольское собрание на филфаке // Ленинградский университет. Л., 1945. № 1. 4 января. С. 4.

[295] «9 февраля. Сегодня была гражданская панихида по А. П. Рифтине <...>. В Актовом зале филфака, совершенно холодном, совершенно грязном, заплеванном, ободранном, толпились филфаковцы при желтом свете нескольких запыленных лампочек и на радиоле прокручивали 2—3 траурных пластинки. Радиола стояла у самого гроба, под знаменем, и в промежутках между пластинками честно шипела и сипела. Это была такая дикая, такая ужасающая картина, что я бежал в великом смятении из зала» (*Болдырев А. Н.* Осадная запись: (Блокадный дневник) / Подгот. к печати В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский. СПб., 1998. С. 340—341).

Доц[ент] Р. А. Будагов в докладе "Ленин и языкознание"[296], характеризуя В. И. Ленина как тонкого знатока русского языка и блестящего стилиста, указал на интерес Ленина к теоретическим вопросам языкознания и, в частности, к развитию русской политической терминологии»[297].

«17 апреля состоялась организованная парторганизацией и местным комитетом филологического факультета лекция проф[ессора] П. Н. Беркова "Героизм советского народа в дни Великой Отечественной войны в отражении художественной литературы".

Указав, что в процессе развития мировой литературы понятие "герой" претерпевало изменения от противоположения героя массам (античность, классицизм, романтизм) к изображению его в качестве носителя лучших свойств массы (Л. Толстой, М. Горький), докладчик остановился на крупнейших явлениях современной советской литературы, раскрывающих коллективный героизм нашего народа ("Народ бессмертен" В. Гроссмана, "Непокоренные" Б. Горбатова, "Русские люди" К. Симонова)»[298].

2 мая 1945 г. состоялось неожиданное собрание в актовом зале университета: в этот день Юрий Левитан прочитал по радио сообщение Совинформбюро о взятии Берлина, заканчивающееся словами: «Настал долгожданный день победы!» Несмотря на достаточно поздний час, многие студенты и преподаватели стали стекаться в университет, был открыт актовый зал и проведен стихийный митинг. Газета «Ленинградский университет» отметила и самое запоминающееся выступление — оно принадлежало профессору филологического факультета М. К. Азадовскому и заканчивалось словами: «Слава доблестной Красной Армии, слава ее замечательным руководителям, слава ее великому вождю!»[299]

Отзвуком Юбилейной сессии Академии наук СССР (15 июня — 3 июля 1945 г.) прозвучало юбилейное заседание на филологическом факультете, посвященное 100-летию со дня рождения одного из столпов русской филологической науки академика А. Н. Веселовского, состоявшееся 30 июля 1945 г. Ученик и душеприказчик Веселовского — член-корреспондент Академии наук, директор Института мировой литературы имени А. М. Горького, профессор ЛГУ В. Ф. Шишмарев выступил на заседании с обстоятельным докладом «Веселовский и русская литература». Роли Веселовского в истории русской науки вообще и Ленинградского университета в частности придавалось такое большое значение, что вскоре — в 1946 г. — этот доклад будет издан под редакцией М. П. Алексеева отдельной брошюрой, ставшей причиной многих невзгод советской филологии.

Наряду с заслугами А. Н. Веселовского в области изучения западных литератур В. Ф. Шишмарев подчеркивал в итоговой части доклада значение Веселовского именно как русского ученого и русского человека:

«Сам он любил русский язык, внимательно относился к живой народной речи; он обладал богатым словарем. Будучи предельно точен в языке, А. Н. Веселовский был

[296] В кратком обзоре сессии в университетской газете этот доклад назван «Ленин и вопросы учения о языке». См.: Ленинская сессия // Ленинградский университет. Л., 1945. № 13. 13 апреля. С. 1.

[297] *Берков П. Н.* Научная жизнь филологического факультета // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1945. № 5. С. 49.

[298] Филологический факультет: (Хроника научной жизни) // Там же. Л., 1945. № 4. С. 49.

[299] *Азадовский М. К.* Событие величайшего мирового значения: Из речи на митинге // Ленинградский университет. Л., 1945. № 16. 5 мая.

мастером характеристики. Он был ученым-художником, и его работа была одушевленным трудом. А. Н. Веселовский вырос на Пушкине и Гоголе и был современником гоголевского периода русской литературы. Он был свидетелем того, как интерес к народности привел к изучению народной словесности. Ему были близки интересы передового общества с их социалистическими тенденциями. Его можно назвать богатырем работы по исследованию русской литературы, но эти же занятия русской литературой помогли ему лучше понять явления западной литературы.

А. Н. Веселовский — русский человек с характерными чертами русского человека: с ясным умом, огромным терпением, стремлением к постижению истоков изучаемого явления»[300].

17 сентября 1945 г. начался первый послевоенный учебный год. Коллектив университета насчитывал около 7 тыс. человек, из которых 5 тыс. составляли студенты, 860 научных работников, 250 профессоров и докторов наук, 42 действительных члена и члена-корреспондента Академии наук, 9 лауреатов Сталинской премии, 10 заслуженных деятелей науки, 114 орденоносцев...[301]

Для подведения итогов деятельности Ленинградского университета за 1945 г. с 16 по 30 ноября была проведена большая университетская научная сессия, приуроченная к 125-летию со дня рождения Ф. Энгельса и 40-летию со дня смерти И. М. Сеченова. За тринадцать дней работы сессии было проведено три пленарных и 93 секционных заседания, на которых было сделано 223 доклада, а на заседаниях в общей сложности присутствовало более 9 тыс. человек[302].

Со вступительным словом 16 ноября в актовом зале университета выступил А. А. Вознесенский, своим активным участием в работе сессии почтил университет президент Академии наук СССР С. И. Вавилов (в своих докладах он затронул проблемы атомного ядра, явления флюоресценции в растворах и межмолекулярный резонанс). Филологическим наукам был посвящен доклад профессора В. М. Жирмунского «Проблема сравнительного изучения народного эпоса» (30 ноября 1945 г.). А среди секционных заседаний филологические науки оказалась наиболее представительными, и заседания секции даже были разделены на несколько подсекций — русской филологии, западной литературы, романо-германской филологии, русской литературы, фольклора. На заседаниях секций было прочитано 19 докладов, из которых только один («Энгельс как языковед» В. М. Жирмунского) выходил на идеологический уровень, что было обусловлено названием сессии[303].

---

[300] *Берков П. Н.* Научная жизнь филологического факультета. С. 48.

[301] *Вознесенский А. А.* Ленинградский университет на новом этапе // Ленинградский университет. Л., 1945. № 36. 28 сентября. С. 1.

[302] Университетская научная сессия 1945 г. // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1946. № 8. С. 44–46.

[303] Печатная программа дает перечень зачитанных докладов, в том числе: 17 ноября (большой актовый зал факультета) — Б. В. Томашевский «Пушкин и южные славяне», А. А. Смирнов «Искусство Шекспира»; 19 ноября (малый актовый зал) — О. М. Фрейденберг «Происхождение литературной интриги», С. Я. Лурье «Демокрит и Лукреций»; 21 ноября (там же) — М. Л. Тронская «Стерн и Юм», Б. Г. Реизов «Проблема исторического романа у французских романтиков»; 22 ноября (большой актовый зал) — А. С. Орлов «Сказания о смутном времени XVII века», И. П. Еремин «Поэтический стиль Симеона Полоцкого», П. Н. Берков «Завещание Панина и «Недоросль» Фонвизина»; 24 ноября (малый актовый зал) — В. М. Жирмунский «Энгельс как языковед», В. В. Виноградов «Слово и значение как объект историко-лексикологического

Постепенно филологический факультет приходил в себя после военных потрясений, М. П. Алексеев вживался в административное кресло. Образ «отца студентов» А. А. Вознесенского[304] переходил и на его подчиненных — деканы факультетов вольно или невольно подражали ректору.

Заведующий кафедрой русской литературы Б. М. Эйхенбаум пишет в январе 1946 г. в дневнике:

> «[25 января 1946 г.] Вчера выступал на Ученом совете факультета с отчетом о работе кафедры за первое полугодие. Товарищи остались довольны. М. П. Алексеев произносил нравоучительные речи — и я его за это пощипал. Он объявил себя в конце концов "робким учеником" (Вознесенского?)[305] — и это вызвало иронический смех, которого он, по-видимому, не понял. Его не уважают. <...>
>
> 26 [января 1946 г.] Вчера — долгий разговор с М. П. [Алексеевым]. Оправдывал нравоучительный тон своих речей присутствием "ревизоров". Поза человека, которому приходится нести тяжелое бремя без надежды на признание, понимание и пр. Морально очень маленький человек»[306].

М. П. Алексееву можно только посочувствовать: близкие отношения с А. А. Вознесенским не позволили ему отказаться от поста декана, и он одним из первых ощутил новые веяния, не имея сил противостоять им. Стремительно видоизменялся и состав студентов и аспирантов: при зачислении в университет анкетные данные играли все большую роль. Особенно остро это замечали помнившие довоенные времена:

> «Я с удивлением взглянул на окружающих и увидел, что это совсем не те люди, с которыми я учился в университете до войны. Раньше все были в основном питерские мальчики и девочки, набитые стихами, цитатами из романов и статей, прошедшие студии Дворца пионеров и различных литературных кружков, завсегдатаи лектория на Литейном, эрмитажных курсов и театральных обсуждений. Сейчас вокруг меня сидели робкие, помятые войной люди или шустрые провинциалы, надеющиеся не так на свои таланты и знания, как на несокрушимость своих анкет»[307], — вспоминал Д. М. Молдавский[308] о кандидатах в аспирантуру, пришедших на прием к А. А. Вознесенскому.

изучения», Толстой И. И. «Наблюдения в области греческого фольклора»; 26 ноября (аудитория № 31) — В. Е. Евгеньев-Максимов «"Три стороны света" Н. А. Некрасова», И. Г. Ямпольский «Курочкин как переводчик Беранже»; 28 ноября (аудитория № 31) — М. К. Азадовский «Фольклор в концепциях "западников" (Грановский)», Н. И. Мордовченко «Белинский об Иване Грозном»; в тот же день (малый актовый зал) — М. П. Алексеев «К истории понятия "английская литература"» (Программа научной сессии Ленинградского университета. Л., 1945).

[304] Такому отношению к ректору посвящена статья бывшей студентки и активной университетской общественницы 40-х гг. Л. Л. Эльяшовой (*Эльяшова Л.* «Папа» Вознесенский // Нева. СПб., 1998. № 10. С. 147–159).

[305] Так в публикации.

[306] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 183.

[307] *Молдавский Д. М.* Сквозь линзы времени // Воспоминания о М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 133–134.

[308] Молдавский Дмитрий Миронович (1921–1987) — литературовед (специалист по советской литературе), критик, фольклорист, поэт; в 1939 г. поступил в ЛГУ, в 1944 г. окончил пединститут в Сталинабаде; после войны аспирант М. К. Азадовского в ЛГУ (отчислен 31 октября 1948 г.); диссертацию защитил в 1954 г. в ЛГПИ имени А. И. Герцена (тема — «Маяковский и русское устно-поэтическое творчество (в первые послереволюционные годы)»). Занимая с 1962 г. долгое время должность главного редактора Второго творческого объединения киностудии «Ленфильм», запомнился в качестве одного из самых жестких идеологических цензоров.

Но, несмотря на всю тягость положения М. П. Алексеева (он не был прирожденным «общественником»), увы... Предстояли выборы в Академию наук СССР, и пост декана филологического факультета обозначал еще и серьезную поддержку ректора и руководства ЛГУ на академических выборах. М. П. Алексеев оказался заложником собственных амбиций.

5 марта 1946 г. университет посетил министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов:

«Вчера, — пишет Б. М. Эйхенбаум, — просидел больше четырех часов в кабинете Вознесенского — ждали С. В. Кафтанова, который приехал вместо 12 ч. в начале третьего. Черный великан с тихим, глухим голосом. Разговор шел об улучшении работы в Университете, о научной работе и пр. Толку получилось мало...»[309]

И хотя толку из разговора было мало, основной причиной приезда министра было повышение заработной платы, о чем Борис Михайлович узнал 9 марта:

«Вчера на собрании в Унив[ерсит]ете Вознесенский сообщил о новых "жалованьях" (это слово вернулось). Выходит, что я буду получать 6000 руб., 450 — прод[овольственный] лимит и 4000 — промтоварный лимит»[310].

Несмотря на окончание войны и относительное улучшение ситуации с продовольствием, все больше ощущалась склочная обстановка на факультете. Различные группировки, во все времена сопровождающие существование науки (особенно это касается наук общественных), в условиях экономических сложностей окрепли и вели себя ожесточенно. Это отражалось в диспутах на защитах диссертаций, на допущении лишь определенного круга лиц к возможности печататься в университетских изданиях и т. д. Наиболее вольготное положение заняли профессора и доценты, которых О. М. Фрейденберг называла «блатчиками» (к этой группе она относила ядро кафедр истории русской и западноевропейской литератур). Они держались вместе и пользовались покровительством декана и, пока еще, лояльностью парткома факультета...

29 июня 1946 г. О. М. Фрейденберг писала Б. Л. Пастернаку:

«Дорогой Боря! Прости меня, что я не отвечаю на твое доброе письмо. Я разварилась от жары, склок и внутреннего омертвения. Через несколько дней закончится учебный год, состоявший не так из академических занятий, как из выпутывания из силков, в которые меня загоняли мои товарищи — доносчики и интриганы типа Толстого. Перед глазами горит фраза из "Чайки": «Вы, рутинеры, захватили первенство в искусстве и считаете законным и настоящим лишь то, что делаете вы сами, а остальное вы гнетете и душите!"»[311]

11 октября: «Сердце я излечила сахаром. Летом болела радикулитом, закончившимся ишиасом. Не выезжала. Не работала. Волосы, после цинги, лезут; зрение повреждено. Мозг оскудел. Когда-то бесплодие было коротким эпизодом, теперь эпизодичны просветы мысли. Печататься нельзя. Ученики подражают и утрируют. В августе я задумала оставить кафедру и перейти на полставки. Зимы ужасают меня. Я, однако, не ушла.

---

[309] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 7 об. – 8.

[310] Там же. Л. 8.

[311] *[Пастернак Б. Л.]* Пожизненная привязанность: Переписка с О. М. Фрейденберг. С. 283. Следует делать некоторую скидку на категоричность Ольги Михайловны в личностных характеристиках — ее отношение к И. И. Толстому не всегда было столь однозначным.

Меня затягивает небытие, я боюсь этого. Под влиянием друзей, я снова привязала себя к грузу, чтоб не отлететь. Весной терзали меня зело, пили из меня лимитную кровь: пошли защиты моих учениц, а этого не прощают. Я вела себя решительно и спокойно, и после провала в совете факультета диссертантки прошли в совете университета. Занимаюсь, очень бесплодно, греческой лирикой, полной шарад. И дело нейдет, и перспектив опубликованья нет, и голова плохая. Читаю много. Чтоб оглушить себя, набрала часов. Конечно, никто не может так читать греческую литературу, как я, потому что все главное прошло у меня исследованиями, и я вот уже два месяца верчу одну Илиаду, и конца не видно»[312].

Защиты диссертаций с наступлением мирного времени сами стали ареной серьезных боевых действий. В первой половине 1946 г. на филологическом факультете было защищено шесть кандидатских диссертаций[313], из которых 16 мая состоялась защита двух диссертаций по кафедре классической филологии. Первая — Б.Л. Галеркиной на тему «Агон в структуре греческой трагедии» (оппоненты — Б. В. Казанский и М. Е. Сергеенко, научный руководитель — О. М. Фрейденберг). Вторая — ученица Ольги Михайловны довоенной поры Н. В. Вулих на тему «Поэзия Катулла: (Интерпретации и стилистические наблюдения)» (оппоненты — С. Я. Лурье и Я. М. Боровский, научный руководитель — И. М. Тронский). Возможно, Ольга Михайловна говорит и о нелегкой защите другой своей ученицы — С. В. Поляковой на тему «Семантика образности античного исторического эпоса (5 в. до н. э. — 1 в. н. э.)»[314], состоявшуюся годом ранее — 10 июля 1945 г. Кроме того, не без сложностей происходило 24 февраля 1946 г. обсуждение на кафедре доклада ее бывшей ученицы, перешедшей к И. И. Толстому, ассистента кафедры Н.А. Чистяковой, на тему «Гомеровская парадигма»[315].

Как мы писали выше, несмотря на огромные трудности защит и для научных руководителей, и для самих диссертантов, положительные решения Ученого совета не всегда символизировали окончательную победу: диссертация Б. Л. Галеркиной, утвержденная ВАКом и принесшая ей диплом кандидата наук, была осенью 1948 г. неожиданно отправлена на повторное рецензирование, после чего ВАК отменил решение Ученого совета ЛГУ о присуждении ей кандидатской степени[316], и Берте Львовне пришлось защищать в 1953 г. новую — «Лукиан в борьбе с языческими религиозными течениями II века н. э. (“Любитель лжи” и “Александр”)».

Все сложнее было печататься: причем плотиной филологической мысли в университете, как мы сказали выше, была в то время клановость, которая разъедала факультет. Когда в 1946 г. наконец вышла небольшая книжка И. П. Еремина о «Повести временных лет»[317], О. М. Фрейденберг записала:

«Работа Еремина вышла отдельной книжкой, а моя “Интрига” и по сей день похоронена в столе Беркова. Я глубоко страдала. Ничего нельзя было напечатать. Даже жалкие

---

[312] *[Пастернак Б.Л.]* Пожизненная привязанность. С. 289–290.

[313] См. их перечень: Научная жизнь Филологического факультета в первом полугодии 1946 г. С. 53–54.

[314] Краткое описание этой защиты см.: *Берков П. Н.* Научная жизнь филологического факультета. С. 48.

[315] Научная жизнь Филологического факультета в первом полугодии 1946 г. С. 55.

[316] Рассмотрение вопроса в ВАКе об утверждении диссертации продолжалось три года. Постановлением ВАКа от 12 марта 1949 г. решение Ученого совета ЛГУ было отменено.

[317] *Еремин И. П.* «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946.

> Бюллетени заполнялись Алексеевым, Берковым и Реизовым[318], тремя тесными друзьями и кумами, цепко поддерживавшими друг друга. Если что и печаталось мое, то уже как памятник мысли. Давно все было растащено, изжито, застарено»[319].

Сложную обстановку на факультете отмечал и Б. М. Эйхенбаум:

> «В субботу 22-го [июля] тяжелое неприятное заседание факультета: отчет о работе кафедры классической филологии (О. М. Фрейденберг). М. П. Алексеев вел себя совершенно неприлично, беспринципно — науськанный разными людьми. Впал опять в нравоучительный тон, довел разговор до сплетен. О. М. вела себя с большим достоинством, но было жалко ее — тем более, что против нее очень глупо говорил И. И. Толстой. Да, у нас есть Алексеев большой (китаист) и Алексеев маленький. Как он кокетничает, ломается, изображает "государственного человека" — ужасно»[320].

Кафедру классической филологии Б. М. Эйхенбаум после защит 16 мая отмечал особо:

> «...Защиты диссертаций по античной литературе: Галеркиной (по греч[еской] трагедии) и Вулих (Катулл). Профессора передрались. У них там на [классическом] отделении что-то неладно»[321].

Вместе с тем в университете происходили серьезные преобразования, являющиеся плодами масштабной деятельности ректора Вознесенского и стремления руководства страны «догнать и перегнать» иностранную науку. Еще 18 февраля 1944 г. было подписано постановление правительства № 178 «Об утверждении Положения о научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений»; само Положение начиналось словами:

> «1. Основными задачами научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений являются:
>
> а) подготовка в высших учебных заведениях научно-преподавательского состава "смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки" (Сталин);
>
> б) наиболее полное привлечение профессорско-преподавательских кадров к выполнению научно-исследовательских работ, способствующих развитию народного хозяйства, укреплению обороны страны и дальнейшему прогрессу науки и культуры в Советском Союзе;
>
> в) повышение научной квалификации профессорско-преподавательских кадров;
>
> г) практическое ознакомление учащихся высшей школы с постановкой и разрешением научных и технических проблем и привлечение наиболее способных из них к выполнению научных исследований»[322].

Постановлением СНК СССР от 2 марта 1946 г. в составе Ленинградского университета были образованы четыре научно-исследовательских института — философии,

---

[318] Реизов (Реизьян) Борис Георгиевич (1902–1981) — профессор кафедры истории зарубежных литератур, доктор филологических наук; впоследствии декан филологического факультета (1963–1968), член-корреспондент АН СССР (1970).

[319] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[320] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 189.

[321] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 11.

[322] Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1944. № 4. 3 апреля. С. 98.

экономики и права; восточный; исторический; филологический[323]. В действительности работать Филологический НИИ стал только с 1948 г.[324]

Образование Научно-исследовательского филологического института еще больше способствовало сращиванию филологического факультета и учреждений Академии наук, поскольку это соответствовало утвержденному Совнаркомом СССР положению:

> «Высшие учебные заведения проводят научные исследования в тесном контакте с учреждениями Академии наук СССР <...> путем согласования планов научно-исследовательских работ, организации совместных научных исследований, проведения совместных научных конференций и совещаний»[325].

Свою точку зрения на организацию Филологического НИИ изложила О. М. Фрейденберг:

> «Теперь Алексеев директор Филологического института, а Берков заведующий литературным сектором. Этот институт — надстройка над факультетом. Кафедры ведут прежнюю работу на прежних правах, но у них появился еще ряд начальников. Дело в том, что декан не может “следить” за научной работой, требующей отдельного местного гестапо. Дирекция нового института выполняет эту “особую” функцию»[326].

Кроме того, свою охранительную функцию со всей ответственностью нес и Ленинградский горком ВКП(б) — идеологическая цензура активизировалась. 11 марта 1946 г. Б. М. Эйхенбаум записал:

> «Вчера у меня был Е. М. Кузнецов — принес мне гранки статьи о драматургии Лермонтова, совершенно исковерканные Горкомом. В таком виде печатать нельзя. Всюду выброшено все, что говорится о соотношении Л[ермонто]ва с европейской литературой — Шиллер, Шеллинг, Байрон и пр. На последней гранке сделана следующая замечательная надпись, обращенная к редакции Сборника Инст[иту]та Театра и музыки: “Ред! Из статьи следует, что французский романтизм породили немцы, а Лермонтова “Юная Франция”. Ergo: не будь немцев — не видать бы нам Лермонтова! Здорово! Все это надо убрать и дописать хоть два абзаца о русском Лермонтове с его антикрепостническим пафосом!” Придется отказаться от печатания этой работы. <...> Кузнецов говорит, что надпись сделана С. С. Даниловым...»[327]

Б. М. Эйхенбаум вынужден был переделать статью в соответствии с новыми идеологическими требованиями:

> «Сегодня, — пишет он 22 марта, — кончил тяжелую операцию над гранками статьи о драматургии Лермонтова — после разговоров с Е. М. Кузнецовым и С. С. Дани-

---

[323] История Ленинградского университета, 1819–1969. С. 393.

[324] Как пишет М. П. Алексеев в служебной записке 1949 г. в партбюро факультета, Институт был создан в 1946 г., начал формироваться в 1947 г., а к работе приступил в январе 1948 г. (Докладная записка о состоянии работы Филологического института, 9 мая 1949 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Л. 160–180)).

[325] Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1944. № 4. 3 апреля. С. 99.

[326] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[327] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 8. Кузнецов Евгений Михайлович (1900–1958) — историк, театровед, художественный руководитель Ленинградского цирка; Данилов Сергей Сергеевич (1901–1959) — театровед, доктор искусствоведения.

ловым, который мерзок своей убогостью и страхом. Статья получилась просто другой: я выключил весь западный материал и оставил только картину внутренней логики»[328].

Несмотря на относительную прагматичность этой дневниковой записи, просматривается безысходность подобных ситуаций, когда отказ от требуемых исправлений не только вел к изъятию статьи из сборника, но и свидетельствовал о политической неблагонадежности автора.

То же можно сказать и об общественной работе — отказаться было невозможно:

«19 го позвонил А. А. Вознесенский и предложил мне выступить на заседании Ученого Совета унив[ерсите]та 24-го с каким-нибудь докладом. Я предложил — "Статьи Ленина о Толстом". Придется читать»[329], — записал Б. М. Эйхенбаум 21 июня 1946 г.

Весной 1946 г. до факультета докатилось столь любимое ректором «выстреливание приемами»: с помпой стали отмечаться юбилеи профессоров. 25 апреля 1946 г. А. А. Вознесенский подписал приказ о поздравлении профессора А. А. Смирнова[330] по случаю 35-летия научной и педагогической деятельности в университете. И хотя Смирнов был известным в университете профессором (и многолетним членом сборной команды ЛГУ по шахматам[331]), его скромный юбилей намного переплюнули другие торжества.

В июне 1946 г. филологический факультет чествовал своего декана — отмечалось 50-летие со дня рождения и 30-летие научной деятельности профессора М. П. Алексеева. А. А. Вознесенский, сам того не подозревая, придал этому юбилею государственное значение — 14 мая 1946 г. он письменно ходатайствовал перед министром просвещения РСФСР А. Г. Калашниковым о разрешении израсходовать на это мероприятие 14 тыс. руб. (из них 11 тыс. руб. предназначались на «товарищеский ужин на 55 чел.»[332]). Поскольку А. Г. Калашников не рискнул решать это на свое усмотрение, он направил 6 июня официальное письмо председателю Совета министров РСФСР М. И. Родионову[333], который решил дело одним телефонным звонком.

Юбилей был отмечен с помпой. 8 июня 1946 г. состоялось торжественное заседание Ученого совета в актовом зале филологического факультета.

«Доклад о научном пути юбиляра сделал П. Н. Берков. Он обрисовал облик М. П. Алексеева как ученого с исключительно широкими интересами, со смелыми и постоянными исканиями, с изящным и тонким вкусом, с блестящим литературным стилем. Ученый, литератор, музыковед, педагог, общественный деятель и декан крупнейшего факультета — таков М. П. Алексеев. Юбиляра тепло приветствовали:

---

[328] Там же. Л. 9.

[329] Там же. Л. 14. Частично опубликовано: *Тоддес Е. А.* Б. М. Эйхенбаум в 30–50-е годы. С. 658.

[330] Смирнов Александр Александрович (1883–1962) — профессор филологического факультета, доктор филологических наук (степень присвоена без защиты диссертации); выдающийся специалист в области западноевропейской литературы, переводчик, критик, поэт. Окончил романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета (1907), в студенческие годы сотрудничал с З. Н. Гиппиус, публиковал стихи и критические заметки. Создатель русской кельтологической школы, первый переводчик ирландских саг на русский с языка оригинала; исследователь творчества Шекспира.

[331] Он в том числе является автором книги: *Смирнов А. А.* Красота в шахматной партии: Статьи и собрание 30 красивейших партий, игранных за последние 5 лет, с подробным комментарием и 52 диаграммами. Л., 1925.

[332] ГА РФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 70. Д. 5007. Л. 52.

[333] Там же. Л. 51.

ректор университета проф[ессор] А. А. Вознесенский, академики И. Ю. Крачковский и В. М. Алексеев, представители всех кафедр филологического факультета, студенчества и аспирантуры, а также руководители других факультетов.

Затем с приветствиями выступили профессора и научные сотрудники Института литературы Академии наук СССР, Московского университета, Педагогического института им. Герцена, Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Института иностранных языков, Педагогического института имени Покровского и других научных и учебных учреждений нашей страны. Все выступавшие характеризовали М. П. Алексеева как выдающегося русского ученого, замечательного педагога, прекрасного руководителя факультета. На посту декана филологического факультета М. П. Алексеев показал себя отличным организатором научной и учебной работы факультета.

На имя юбиляра пришли многочисленные телеграфные приветствия и поздравления со всех концов нашей родины. Председатель Василеостровского райсовета депутатов трудящихся вручил М. П. Алексееву медаль “За оборону Ленинграда”»[334].

Речь П. Н. Беркова, заместителя декана филологического факультета[335], заканчивалась словами:

«Было время, когда высшей похвалой для ученого нашей страны было присвоение ему эпитета “европейский”. В наши дни мы видим иное. Советская культура, унаследовавшая лучшие достижения старой русской культуры и одухотворенная великим учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, создала новый тип ученого-общественника, и теперь для передовых ученых Запада является идеалом быть подобным советским ученым, и в этом перевороте взглядов не последнюю роль сыграла научная деятельность нашего юбиляра»[336].

После торжественного заседания избранные переместились в Дом ученых, где состоялся торжественный банкет, также открытый тостом ректора.

РЕКТОР А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Подобно тому как советская история второй половины 40-х гг. немыслима без личности главы государства, так и история событий в Ленинградском университете не может быть осмыслена без фигуры ректора ЛГУ. Как Сталин и СССР, так и Вознесенский и ЛГУ представляли собой целостные и характерные сочетания. Перефразируя известную цитату, можно сказать, что Вознесенский сам был Ленинградским университетом. Именно этим объясняется то, что впоследствии, с падением и расстрелом Вознесенского, был разгромлен и университет.

Александр Алексеевич Вознесенский (1898–1950) родился в с. Теплое, Чернского уезда, Тульской губернии в семье служащего, имеющего звание личного почетного гражданина[337]. Александр был старшим ребенком в семье; после него родились еще

[334] *Смирнов А. А., Реизов Б. Г.* Профессор М. П. Алексеев // Вестник Ленинградского университета. Л., 1946. № 3. Октябрь. С. 122.

[335] П. Н. Берков заступил на пост заместителя декана 16 января 1945 г., в один день с назначением деканом М. П. Алексеева (ГА РФ. Ф. 2306 (Наркомпрос РСФСР). Оп. 69. Д. 3375. Л. 139).

[336] Тридцать лет научной деятельности: Чествование профессора М. П. Алексеева // Ленинградский университет. Л., 1946. № 23. 15 июня. С. 2.

[337] Оговоримся, что хотя местом рождения А. А. Вознесенского традиционно считается

трое — Мария, Николай и Валентина. Необходимость дать детям начальное образование побудила родителей перебраться в уездный город Чернь, где отец устроился приказчиком на лесной склад. По окончании сельской школы А. А. Вознесенский был зачислен в духовное училище, где проучился до апреля 1917 г. В том же году он поступил в Петроградский историко-филологический институт, в 1921 г. вошедший в состав ФОН Петроградского университета, который А. А. Вознесенский и окончил в 1923 г. Еще в бытность студентом Вознесенский принимал активное участие в политической жизни: в 1918 и 1920 гг. он избирался депутатом VI и VII Созывов Петроградского Совета, состоял уполномоченным Наркомпроса в Педагогическом институте, в 1922–1924 гг. являлся секретарем президиума ФОН университета и с того времени всегда входил в администрацию университета. Также он был занят и педагогической деятельностью — сперва в средней, а с 1923 г., по окончании университета, в высшей школе, отдавая все силы изучению и преподаванию политэкономии; в 1925 г. он был утвержден в звании доцента, а с 1930 по 1931 г. руководил кафедрой советского права в должности профессора. Не совсем понятно, почему он долго не вступал в партию (брат Николай Алексеевич вступил в РКП(б) в 1919 г.), особенно с учетом его вовлеченности в общественную работу, но в апреле 1927 г. Александр Алексеевич становится членом ВКП(б). А. А. Вознесенский одновременно преподавал во многих ленинградских вузах: был доцентом политэкономии в ЛГУ, в Академии художеств (1923–1924 гг.), преподавал политэкономию в Коммунистическом политико-просветительском Институте имени Н. К. Крупской (с 1925 по 1931 г., профессор политэкономии); состоял доцентом политэкономии и заведующим сектором социально-экономических наук в Восточном институте (с 1924 по 1929 г.; руководил всем социально-экономическим циклом); преподавателем политэкономии в Военно-морской академии (с 1925 г., в должности начальника кафедры политэкономии), в Ленинградском ИКП (с 1930 г., в должности заведующего кафедрой), с 1933 г. — профессор политэкономии ЛИФЛИ. 23 октября 1935 г. президиум Комакадемии при ЦИК СССР присвоил ему ученую степень кандидата экономических наук без защиты диссертации[338], а в 1937 г. ВАК утвердил его в звании профессора. А. А. Вознесенский приложил много сил для совершенствования политэкономии как научной дисциплины, участвовал в создании учебных пособий, «осуществлял большую пропагандистско-лекционную работу по внедрению в широкие круги советского народа марксистско-ленинской экономической теории, коммунистического мировоззрения, непоколебимой убежденности, страстной веры в дело строительства социализма и коммунизма в нашей стране»[339].

Талант А. А. Вознесенского как пропагандиста и лектора принес ему популярность в сфере образования, а всё укрепляющееся положение его младшего брата Николая в руководстве Ленинграда, а затем и страны послужило одной из причин его выдающегося административного роста. В 1939 г. Вознесенский основал и возглавил в рамках исторического факультета ЛГУ первое в стране отделение политэкономии, которое

с. Теплое, однако он сам в 1931 г., предоставляя личные сведения в Комитет учета и изучения научных сил АН СССР, указал местом своего рождения село Подмалиново Тульской губернии (Наука и научные работники Ленинграда. Л., 1934. С. 70).

[338] ПФА РАН. Ф. 225 (ЛОКА при ЦИК СССР). Оп. 4-а. Д. 85. Л. 11.

[339] Жизнь, научная и общественно-политическая деятельность А. А. Вознесенского // *Вознесенский А. А.* Избранные экономические сочинения (1923–1941 гг.). М., 1985. С. 6.

в следующем году было преобразовано в самостоятельный факультет Ленинградского университета. 22 ноября 1940 г. Наркомпрос РСФСР утвердил А.А. Вознесенского деканом экономического факультета ЛГУ[340] с сохранением должности профессора кафедры политэкономии (даже впоследствии, став ректором, он не оставил работы на этой кафедре).

С началом Великой Отечественной войны статус А.А. Вознесенского кардинально изменился — он был назначен ректором Ленинградского университета[341] и вошел в состав бюро Василеостровского райкома ВКП(б).

Его предшественник, П.В. Золотухин[342], возглавлявший ЛГУ с октября 1939 г. в звании директора, еще 14 июня 1941 г. решением бюро Ленинградского обкома ВКП(б),

[340] ГА РФ. Ф. 2306 (Наркомпрос РСФСР). Оп. 70. Д. 3928. Л. 19. (Распоряжение по Управлению по делам университетов и научно-исследовательских институтов Наркомпроса РСФСР № 40 от 22 ноября 1940 г.: «Утвердить кандидата экономических наук, профессора Вознесенского Александра Алексеевича в должности декана экономического факультета Ленинградского государственного университета».)

[341] Имеется три различные даты его назначения: в Летописи ЛГУ указано 2 июля (*Соболев Г. Л., Тихонов И. Л., Тишкин Г.А.* 275 лет: Санкт-Петербургский университет: Летопись 1724–1999. СПб., 1999. С. 322); Бюро Ленинградского горкома ВКП(б) утвердило его в этой должности 4 июля («Утвердить т. Вознесенского А.А. ректором Ленинградского государственного университета. Внести на утверждение ЦК ВКП (б)» // ЦГАИПД СПб. Ф. 25 (ЛГК ВКП (б)). Оп. 2. Д. 3777. Л. 4 (Протокол № 46, п. 2 г — решен опросом членов горкома 4 июля 1941 г.)); а 11 июля, после утверждения в ЦК, приказ о его назначении подписал нарком просвещения РСФСР В.П. Потемкин, поскольку до лета 1946 г. ЛГУ находился в непосредственном ведении Наркомпроса («Назначить тов. Вознесенского Александра Алексеевича ректором Ленинградского Государственного Университета» // ГА РФ. Ф. 2306 (Наркомпрос РСФСР). Оп. 70. Д. 3943. Л. 133 (Приказ № 750-л от 11 июля 1941 г.)).

[342] Золотухин Петр Васильевич (1897–1968) — специалист по политэкономии, родился в с. Нижний Мамон Павловского уезда Воронежской губернии. Член ВКП(б) с 1925 г., преподавать начал с 1930 г. в ЛГПИ имени А.И. Герцена, где вскоре возглавил общеэкономическое отделение института. Руководил Ленинградским университетом в звании директора в 1939–1941 гг. С июня 1941 г. — редактор газеты «Ленинградская правда». В начале войны играл заметную роль в проведении идеологической линии: «Ленинградский обком и горком партии 30 июня [1941 г.] создали специальную “тройку” для руководства идеологической, организационно-пропагандистской работой. В нее вошли секретарь обкома ВКП(б) К.И. Домокурова, секретарь горкома ВКП(б) Н.Д. Шумилов и редактор “Ленинградской правды” П.В. Золотухин» (*Базовский В.Н., Шумилов Н.Д.* Самое дорогое. С. 68). В 1943 г. он переводится в Москву: 14 сентября И.В. Сталин и Я.Е. Чадаев подписали постановление СНК СССР № 990 «Утвердить т. Золотухина Петра Васильевича заместителем Председателя Комитета по делам высшей школы при Совнаркоме СССР» (Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1943. № 13. 17 ноября. С. 226). Они же 23 июня 1944 г. подписали Постановление СНК СССР № 757 об освобождении его от должности «в связи с переходом его на другую работу» (Там же. М., 1944. № 8. 3 августа. С. 126). Этой работой стала должность заместителя народного комиссара просвещения РСФСР, в которой он проработал год. После постановления СНК СССР от 6 июня 1945 г. «Об организации Советской военной администрации по управлению Советской зоной оккупации в Германии» назначен во главе Отдела народного образования СВАГ и находился в Берлине в течение трех лет, с 10 августа 1945 г. по 20 июля 1948 г. (*Филипповых Д.Н.* Краткие биографии руководящего состава СВАГ // Советская военная администрация в Германии, 1945–1949: Справочник. М., 2009. С. 822); по возвращении из Берлина назначен директором МГПИ имени В.И. Ленина (приказом МВО СССР от 26 июня [sic!] 1948 г. См.: Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 8. Август. С. 8). На этом посту П.В. Золотухина 20 апреля 1950 г. сменил Д.А. Поликарпов.

заседавшим под председательством А. А. Жданова, был утвержден редактором «Ленинградской правды»[343].

Личность нового ректора не была характерной для того времени. «Персона брата»[344], пребывавшего в высшем руководстве страны, давала ему ту независимость, которой были напрочь лишены остальные его коллеги, даже более высокого ранга. Амбиции же А. А. Вознесенского, сильно превосходившие по своим масштабам ректорское кресло, также способствовали его карьерному росту. Ректорство Вознесенского, даже с учетом тяжелейшей экономической и политической обстановки 1940-х гг., стало временем подлинного расцвета Ленинградского университета[345].

Особенно стоит отметить тот факт, что Вознесенский, возглавляя университет, понимал, что главная его ценность — университетская профессура[346]. После войны это достояние ломали и сверху и снизу, но Александр Алексеевич, надо отдать ему должное,

---

[343] Протокол заседания бюро Ленинградского обкома ВКП(б) № 40 от 14 июня 1941, п. 2: «О редакторе газеты "Ленинградская Правда" — Утвердить т. Золотухина П. В.» (ЦГАИПД СПб. Ф. 24 (Ленинградский ОК ВКП(б)). Оп. 2. Д. 4821). Кроме того, за полгода до этого П. В. Золотухина уже пытались перевести с поста директора ЛГУ на другую должность: 12 декабря 1940 г. бюро ГК приняло постановление «Об утверждении т. Золотухина П. В. директором Ленинградских Ленинских курсов при ЦК ВКП(б)» (Протокол № 23 заседания бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 12 декабря 1940, п. 2), но 5 февраля 1941 г. бюро ГК отменило это решение (Протокол № 29 заседания бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 5 февраля 1941, п. 21 г // ЦГАИПД СПб. Ф. 25 (ЛГК ВКП(б). Оп. 2. Д. 3621. Л. 8).

[344] О таком именовании А. А. Вознесенского пишет и И. З. Серман: «"Персона брата" — назвал ректора наш покойный друг, А. Г. Левинтон» (*Серман И.* Григорий Гуковский (1902–1950) // Синтаксис: Публицистика. Критика. Полемика. Париж, 1982. [Вып.] 10. С. 211).

[345] Несмотря на то что А. А. Вознесенский формально не имел возможности официально обращаться к брату за помощью в решении множества проблем университета, он понимал, что все просьбы, направляемые им в Наркомпрос РСФСР, будут пересылаться в Госплан при СНК СССР к Н. А. Вознесенскому или в СНК РСФСР к А. Н. Косыгину, а впоследствии к М. И. Родионову, чем ректор нередко пользовался. Благодаря покровительству этих лиц были приняты многие важные для ЛГУ правительственные решения: постановление СНК СССР № 692 от 7 июня 1944 г. «О мероприятиях по укреплению Ленинградского ордена Ленина государственного университета» (за подписью В. М. Молотова), продублированное 9 июля 1944 г. постановлением СНК РСФСР № 537 (за подписью А. Н. Косыгина, которому ректор подавал впоследствии отчеты о выполнении постановления); постановление СНК СССР № 454 от 11 марта 1945 г. «О мероприятиях по восстановлению зданий и укреплению материальной базы Ленинградского ордена Ленина государственного университета» (за подписью В. М. Молотова); 8 июня 1945 г. по просьбе А. А. Вознесенского нарком просвещения В. П. Потемкин просил у председателя Госплана при СНК СССР Н. А. Вознесенского выделения стройматериалов для ЛГУ (ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 4345. Л. 47) — материалы были выделены, а 1-му секретарю обкома и горкома ВКП(б) П.С. Попкову нарком послал телеграмму с требованием «о воздействии на Ленгражданстрой» (Там же. Л. 57); 23 апреля 1945 г. А. А. Вознесенский послал наркому Просвещения В. П. Потемкину ходатайство о выделении 50 тыс. руб. в иностранной валюте на приобретение заграничной литературы для Научной библиотеки ЛГУ имени А. М. Горького (Там же. Л. 88), о чем Наркомпрос официально ходатайствовал перед заместителем председателя СНК СССР В. М. Молотовым (Там же. Л. 86) и т. д.

[346] Р. Ш. Ганелин приводит в своих воспоминаниях следующий эпизод, относящийся к 1947 г.: «После блестящего доклада музыковеда Л. А. Энтелиса Вознесенский спросил [декана исторического факультета ЛГУ В. В.] Мавродина: «Почему Энтелис не работает на искусствоведческом отделении исторического факультета?» Мавродин объяснил, что там занимаются только изобразительными видами искусства. "Меня это не интересует,— ответил Вознесенский,— если в городе есть человек такой высокой одаренности, он должен быть профессором нашего университета"» (*Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. С. 50).

сопротивлялся до последнего, и в ЦК, и в Министерстве, и в обкоме, райкоме, парткоме ЛГУ, отстаивая своих профессоров.

Будучи человеком неоднозначным, Вознесенский производил на современников различное впечатление, чему отчасти способствовали и специфические черты его характера (семейная страсть к аккуратности и четкости, семейная же склонность к грубости, приобретенное высоким положением барство и т. д.).

> «Вознесенский довольно давно работал в университете, но профессора естественных факультетов сталкивались с ним редко, его специальностью была политэкономия. Незадолго до войны Вознесенский получил звание профессора и стал деканом экономического факультета. Главное достоинство Вознесенского заключалось в том, что он приходился родным братом Николаю Алексеевичу Вознесенскому — председателю Госплана и кандидату в члены Политбюро ВКП(б). Фамилия брата постоянно попадалась в газетах при всех официальных перечнях представителей партии и правительства — тех перечнях, которые начинались именем Сталина. Этого было достаточно, чтобы и на ректора Вознесенского падал ореол власти. Он входил в состав Ленинградского горкома партии, мог встречаться и говорить с наиболее ответственными людьми. Сам он отличался большой энергией и очень большой самоуверенностью»[347], — писал профессор-физик С. Э. Фриш.

Он же вспоминал о блокадных днях:

> «Я пошел к нашему ректору Вознесенскому. Вознесенский, пользуясь своими связями, находился в явно лучшем положении, чем другие университетские работники. Хотя он тоже похудел, но дистрофии у него не замечалось: он выглядел по-прежнему крепким, бодрым человеком. Вознесенский не только не скрывал своего привилегированного положения, но с какой-то примитивной наивностью гордился им. Он, например, охотно подчеркивал, что, несмотря на все трудности, сохранил в своем личном пользовании машину. Каждый день он уезжал на этой машине, давая окружающим понять, что едет в Смольный по важным и неотложным делам. На самом деле он ездил обедать в закрытую столовую горкома.
>
> Я сказал ему:
>
> — У меня лежит племянник шестнадцати лет. Если ему не оказать существенной помощи, он погибнет. Помогите мне.
>
> Сперва Вознесенский разразился довольно длинной тирадой о том, что не надо впадать в пессимизм, что положение города скоро улучшится... Потом он прибавил:
>
> — Я попробую что-нибудь сделать. Зайдите завтра.
>
> На следующий день он сказал:
>
> — Мне удалось получить место для вашего племянника в детской больнице при Педиатрическом институте. Говорят, это сейчас лучшая детская больница. Я распорядился, чтобы шофер отвез вашего племянника туда на моей машине»[348].

Помог Вознесенский и В. Я. Проппу, о чем вспоминает О. Н. Гречина:

> «Мы тогда жаловались ему (В. Я. Проппу. — *П. Д.*) на бесцеремонность и грубость ректора А. А. Вознесенского. Он всегда останавливал нас: "О нем я могу говорить с благодарностью — он спас меня от смерти!" Действительно, в июле 1941 года Пропп получил из милиции повестку: в 24 часа явиться, имея запас вещей и продуктов. Это была срочная высылка из Ленинграда всех немцев. Владимир Яковлевич пошел к ректору

---

[347] *Фриш С. Э.* Сквозь призму времени. С. 269.
[348] Там же. С. 269–270.

с этой повесткой, и тот быстро освободил его от явки, которая, конечно, грозила бы гибелью и Владимиру Яковлевичу, и его семье.

Никто так не жалел Вознесенского, как Владимир Яковлевич, когда вслед за братом, Н. А. Вознесенским, был расстрелян и А. А.»[349].

Причем помощь Проппу Вознесенский оказывал и в дальнейшем, как в 1942 г. в эвакуации, так и по возвращении Ленинград в 1944 г.[350]

Также многократно помогал Вознесенский профессору Б. М. Эйхенбауму:

«В январе 1942 года положение в семье было настолько трудным, что я, — пишет Б. М. Эйхенбаум, — несомненно, погиб бы, если бы вдруг не получил от университета (по распоряжению А. А. Вознесенского) паек. В феврале я получил его вторично и таким образом дотянул до марта, до эвакуации. У меня была сильнейшая дистрофия, но умственная работа продолжалась с прежним напряжением»[351].

Борис Михайлович написал ректору письмо, в котором благодарил А. А. Вознесенского «не только от всего сердца, но и от всего желудка»[352]. Когда же ректор узнал, что при переезде пропали все вещи профессора (там было и самое ценное — рабочие рукописи книги о Толстом), он написал письмо в Саратовский горсовет, где говорилось:

«У профессора ЛГУ Б. М. Эйхенбаума при переезде через Ладожское озеро был утерян чемодан со всеми носильными вещами. Убедительно прошу оказать профессору срочную помощь»[353].

Вознесенский пытался помогать Б. М. Эйхенбауму и после войны.

Однако помощь оставшимся в блокадном городе профессорам стоит воспринимать и как вынужденный шаг — ведь сам ректор, не желая прекращать учебный процесс, в 1941 г. всеми силами сопротивлялся эвакуации профессуры, чем из-за собственных амбиций подписал многим подчиненным смертный приговор: к тому времени, когда в 1942 г. профессорско-преподавательский состав ЛГУ был все-таки эвакуирован в Саратов, многие умерли от голода.

Ольга Борисовна Эйхенбаум вспоминает прибытие ленинградского поезда в Саратов в 1942 г.:

«И вот мы подъехали к конечному пункту нашего путешествия — к Саратову. Я проснулась оттого, что мы стоим. Обедать не приглашали. Тишина, все спят. Какой-то шум, голоса, шаги приближаются к нашему вагону. Внезапно рывком открылась дверь, на пороге выросла высокая фигура, держа в поднятой руке фонарь.

— Все живы? Больных нет? Здравствуйте, дорогие! — это был голос Вознесенского — ректора Ленинградского университета. Поднялся шум, все встали, кто-то пробрался к Вознесенскому и стал целовать его.

— Ну ладно — все в порядке! Иду дальше, — быстро сказал он, пряча глаза от света фонаря, — он плакал. Многие плакали, благо было еще темно»[354].

---

[349] *Гречина О. Н.* Человек другой цивилизации // Неизвестный В. Я. Пропп. СПб., 2002. С. 464.

[350] *Мартынова А. Н.* Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб., 2006. С. 180.

[351] *Эльяшова Л.* «Папа» Вознесенский. С. 150.

[352] *Гинзбург Л. Я.* Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. М., 2011. С. 146.

[353] Там же.

[354] *Эйхенбаум О. Б.* Я вспоминаю... // Звезда. СПб., 1998. № 2. С. 79.

В Саратове Вознесенский был уже на положении высшего руководства — перед ним склоняло голову областное и городское начальство.

> «Занятия со студентами велись в здании Саратовского университета. Ректор же помещался отдельно, в первом этаже "России". В самой большой комнате, где когда-то находилась закусочная, Александр Алексеевич Вознесенский устроил свой ректорский кабинет. <...>
>
> Вознесенский, надо отдать ему справедливость, с большой активностью пытался наладить новую жизнь всего нашего коллектива. Не стесняясь, он использовал свои служебные и партийные связи. Он добился в Москве своего назначения по совместительству ректором Саратовского университета, полагая, что это упростит отношения между администрациями обоих вузов. Но, к сожалению, его деятельность во многом носила беспорядочный характер, а стиль его работы производил неприятное впечатление. Он любил, что называется, пустить пыль в глаза, похвастаться и выдвинуть на первый план свою персону. Умея хорошо говорить, он охотно выступал перед студентами и сотрудниками. В каждом таком выступлении он неизменно отмечал свою большую роль в "спасении" Ленинградского университета и в налаживании его работы в трудных условиях эвакуации. Он не забывал и похвастаться своей высокой научной эрудицией в политэкономии. В действительности Вознесенский был малообразованным и малокультурным человеком. Он считал, что лучшее средство поддерживать свой авторитет — это всегда изображать из себя начальство, никогда не давая себе "унизиться" до общего уровня с остальными. Так, он не поселился вместе со всеми, но занял большой номер в лучшей гостинице города, где жили наиболее ответственные работники, эвакуированные из занятых немцами областей. Он никогда не столовался вместе со всеми, но заставлял приносить себе еду из кухни в ректорский кабинет. Вокруг него быстро собрались люди, любящие подхалимничать, и сменяющие друг друга фаворитки»[355].

То обстоятельство, что ректор обладал значительным административным весом, давало дополнительные преференции и профессуре[356]. Недаром резкая критика Г. А. Гуковского в «Правде» была нейтрализована Вознесенским одним звонком и больше не повторялась. Университет был государством в государстве (тоталитарным государством в тоталитарном государстве), но имел возможность развиваться, повышать уровень научной и педагогической работы. Сам ректор регулярно выступал с докладами[357].

---

[355] *Фриш С. Э.* Указ. соч. С. 287–288.

[356] Супруга М. П. Алексеева Нина Владимировна писала из Саратова жене Б. Г. Реизова Тамаре Леонидовне Лапиной 23 ноября 1942 г.: «Живем мы только сегодняшним днем и мечтаем о возвращении в Ленинград. Правда, ректор наш старается обеспечить нас минимальными требованиями человеческой жизни: с трудом, но добился электрического света для нашей гостиницы (который бывает, правда, не всегда); достал уголь для отопления дома, путем каких-то обменов на жилплощадь и обслуживание нашими сотрудниками госпиталей (на днях, вероятно, будут топить); получает небольшую дотацию в виде масла и сахара» (ПФА РАН. Ф. 1081 (Б. Г. Реизов). Оп. 3. Д. 251. Л. 1–1 об.).

[357] В числе его выступлений отметим: 23 апреля 1943 г. — инструктивный доклад в парткабинете Саратовского горкома ВКП(б) на тему «Первое мая — день смотра боевых сил рабочего класса, борющегося против немецко-фашистских захватчиков» (Коммунист. Саратов. 1943. № 86. 21 апреля. С. 4); 6 мая 1943 г. — доклад «Карл Маркс — человек, ученый», сделанный на юбилейном вечере, посвященном 125-летию со дня рождения Карла Маркса (Там же. № 95. 5 мая. С. 4); 10 июня 1943 г. — доклад на тему «В. И. Ленин и И. В. Сталин — великие корифеи науки» в рамках научной сессии, посвященной истории русской науки (Там же. № 120. 9 июня. С. 4) и т. д.

Когда с переездом в Саратов университетские профессора начали оживленную переписку с коллегами в других городах, то одной из главных новостей были рассказы о почти курортной, если так можно выразиться, жизни в Ташкенте, куда в 1941 г. были эвакуированы институты Академии наук СССР, Союз советских писателей СССР и некоторые другие учреждения.

М. К. Азадовский, эвакуированный из блокированного Ленинграда через Москву в Иркутск, писал 16 июля 1942 г. П. И. Лебедеву-Полянскому, находившемуся в Москве:

> «Общее впечатление таково, что, пожалуй, лучше всего живут в Ташкенте и, пожалуй, лучше всего там работают. По крайней мере, письма В. М. Жирмунского дышат неистощимой энергией; он уже успел изучить узбекский язык, сейчас изучает арабский и иранский; редактирует ряд изданий по узбекскому эпосу и продолжает работать над своей большой статьей»[358].

Такие слухи привели к тому, что, ожидая прихода осени 1942 г., многие ленинградские профессора-филологи собрались перебираться в теплые края. Однако и в этом случае ректор не позволил этим планам осуществиться. 22 ноября М. К. Азадовский писал П. И. Лебедеву-Полянскому из Иркутска: «Саратовцы очень хотели уехать в Ташкент, но ректор Унив[ерситет]а категорически отказался отпустить их»[359].

Ко времени саратовской эвакуации относится и празднование юбилея Ленинградского университета:

> «Раньше, чем двинуться в обратный путь, Вознесенский решил отпраздновать 125-летие университета. Сто двадцать пять лет — дата не слишком юбилейная, но Александр Алексеевич добился в Москве разрешения ее отметить.
>
> К празднованию готовились долго, много заседали в комиссиях и подкомиссиях. Начали с юбилейных научных сессий по разным специальностям. Приехали гости, ряд академиков, в их числе профессор университета Евгений Викторович Тарле <...>.
>
> Правительственным указом университет был награжден орденом Ленина; награды получили и многие сотрудники. Вознесенский, сидевший на председательском месте, расплывался в улыбках; на лацкане его пиджака сиял новенький, только что привезенный из Москвы орден»[360].

24 февраля 1944 г. в Саратовском театре имени Н. Г. Чернышевского состоялось торжественное заседание по случаю 125-летия Ленинградского университета, где основной доклад на тему «125 лет Петербургского — Ленинградского университета» сделал А. А. Вознесенский. «Дружными аплодисментами встречают участники собрания предложение послать приветственную телеграмму руководителю ленинградских большевиков тов. А. А. Жданову»[361].

Отъезд коллектива Ленинградского университета состоялся в июне 1944 г. 14-го числа в главном зале Саратова — театре имени Чернышевского — это событие было отмечено торжественным заседанием:

> «На сцене — известная всей России гордая игла Адмиралтейства — символ непокоренного, никогда не сдавшегося врагу Ленинграда. А подле нее — фигура товарища Сталина с протянутой вперед рукой. В президиуме — ученые, чьи имена знает вся

---

[358] Архив РАН. Ф. 597 (П. И. Лебедев-Полянский). Оп. 4. Д. 1. Л. 6.

[359] Там же. Л. 11 об.

[360] *Фриш С. Э.* Указ. соч. С. 303.

[361] Торжественное заседание, посвященное 125-летию Ленинградского университета // Коммунист. Саратов, 1944. № 39. 25 февраля. С. 4.

страна, руководящие работники области и города, представители саратовской интеллигенции...»[362]

По возвращении в Ленинград положение Вознесенского в городе также оказалось много выгоднее прежнего. А. А. Жданов, являвшийся секретарем ЦК и всегда стоявший выше всего руководства города, был переведен в Москву, затем в Москву был переведен и А. А. Кузнецов. Оставшиеся в городе руководители были Вознесенскому по сути ровней — все понимали, что младший брат ректора является заместителем Сталина по государственным вопросам. Такая обстановка также сказалась на поведении ректора — в послевоенные годы Вознесенский был полноправным, единоличным хозяином университета:

«Вознесенский распоясался. Студенты стали рабами, верней — рабынями, т. к. юноши были убиты во имя жизни Сталина. Начинали изредка стекаться счастливцы, но двух типов: разжиревшие армейские “политработники” и юноши без ног, без рук, слепые, изувеченные...<...>

В такой обстановке Вознесенский нашел себя. Он командовал, писал приказы, “отчислял” — но не от работы, конечно, а от продовольственных карточек, от жалованья. Это было незаконно. Но что значил закон для Вознесенского? Он назывался “персона брата” и “не по блату, а по брату”.

Из Саратова он приехал главнокомандующим. Профессора трепетали его. Он каждого мог оскорбить безнаказанно. Разнузданный, наглый, крикливый, этот держиморда любил пускать пыль в глаза и на всех перекрестках орать о “чести Университета”. <...>

Ему льстили эти же профессора. Подхалимствовали. Они распространяли молву, что он “незаменим”, что Университету он приносит огромную пользу.

Чинопочитание нашей “демократии” носило такой характер, какой возможен только в полицейской, мертвой стране. С академиками и членами-корреспондентами носились. Им все было позволено. Доктора наук третировались. В такой государственной и академической системе наши университетские нравы считались образцовыми. Вознесенский был украшен высшим орденом»[363].

«Он не слушался Москвы: он сильней министра! Плевать он хотел на какого-то там министра! Его брат — “славный соратник великого Сталина”, член “полит-бюро”»[364].

Общеизвестно пристрастие Вознесенского к ковровым дорожкам (проистекавшее, по-видимому, от простого происхождения). Такая прихоть казалась особенно нелепой в ленинградской нищенской обстановке.

«Вероятно, — вспоминала Л. Я. Гинзбург, — только на фоне военных ассоциаций возможен ректор Вознесенский, который кричит на студентов, если они перед ним не успели вскочить или снять шапку. К нему как-то пришла на прием (наниматься) преподавательница французского языка. В кабинете у него лежала дорожка. Она прошла мимо дорожки. Вознесенский сказал: “Вернитесь и пройдите по дорожке”. Она вернулась и прошла по дорожке»[365].

О ковре замечает и поступавший в аспирантуру Д. М. Молдавский:

---

[362] В родной Ленинград!: На проводах Ленинградского ордена Ленина университета // Там же. № 118. 16 июня. С. 3.

[363] *Фрейденберг О. М.* Записки. Запись этого мемуара датирована 19 июня 1947 г.

[364] Там же.

[365] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. С. 179.

«Всех, подавших заявления, принимал ректор университета А. А. Вознесенский, брат того знаменитого Н. А. Вознесенского, члена Политбюро. Ректора в обиходе называли "персона брата" и все без исключения относились к нему уважительно; он был человек знающий и справедливый. Нас собрали в его приемной. Ректор задерживался. Наконец он, седовласый человек в великолепном по тем временам синем пальто, появился с круглым перевязанным пакетом вроде арбуза. Я прошептал сидящему рядом со мной парню: "Сейчас закусим". Сосед криво ухмыльнулся. Секретарша сказала, обращаясь ко всем нам: "В кабинете лежит ковер. Обязательно ступайте на него, а не обходите... Не будьте провинциалами..."»[366].

Необычные для того времени деловые качества Вознесенского на посту ректора отмечали представители других вузов. Профессор-славист Московского университета С. Б. Бернштейн, встречавшийся с Вознесенским в 1947 г. в Москве, записал в дневнике:

«За час беседы с Вознесенским получил известное представление об этом человеке. Конечно, нашему Галкину (ректору МГУ. — *П. Д.*) до него далеко. Чувствуется размах, хватка, инициатива. И по уровню культуры стоит повыше нашего Ильи Саввича. Что-то в нем есть от предпринимателя старой дореволюционной России. Именно такие люди прежде выходили в миллионеры. Конечно, ему легче руководить, так как за спиной тень могучего брата»[367].

Вознесенский не только «командовал» в университете на бытовом уровне — он мог иметь собственное мнение о науке, порой даже не соответствующее официальным установкам; тот же С. Б. Бернштейн пишет: «Я не раз замечал, что Вознесенский не жалует марристов»[368]. Возможно, конечно, что причиной такого отношения Вознесенского к наследникам Марра было не столько владение теорией языкознания, сколько амбиции наместника Марра на земле — Героя Социалистического Труда академика Мещанинова, который блистал на научном небосклоне послевоенного Ленинграда.

Также Вознесенский был явно не в восторге от проводившегося директивно из столицы антисемитского курса; он понимал, что такие пристрастия отрицательно влияют не только на университет, но и в целом на науку. Полонистка Дора Борисовна Кацнельсон так описывает свое поступление в аспирантуру осенью 1946 г.:

«Это было еще время, когда ректором был известный профессор-экономист А. А. Вознесенский, ценивший мнение ученых и учитывающий их рекомендации. <...> Вступительные экзамены я сдала на "отлично". <...> Когда моя кандидатура оказалась неутвержденной в Москве, в октябре 1946 года меня вызвал ректор и около десяти минут беседовал со мной. Сказал, что едет в Москву хлопотать об утверждении меня и нескольких других лиц еврейской национальности, стал расспрашивать о моих научных интересах и планах. Я без колебаний ответила то, что в душе уже решила под влиянием Марка Константиновича [Азадовского]: заниматься изучением художественного фольклоризма в польской поэзии XIX века. На столе у профессора лежала открытая папка, которую он, по-видимому, должен был взять с собой в Москву. Беседуя со мной, А. А. Вознесенский перелистывал бумаги, среди них я увидела написанные от руки рекомендации профессоров Азадовского и То'машевского. Вскоре ректор

[366] *Молдавский Д. М.* Сквозь линзы времени. С. 133.
[367] *Бернштейн С. Б.* Указ. соч. С. 94. Запись от 2 февраля 1947 г.
[368] Там же. С. 114. Запись от 28 октября 1947 г.

привез утверждение, и я, став аспиранткой кафедры славянской филологии, провела в Ленинградском университете три года (1946–1949)»[369].

Не столь радостно закончилась история, поведанная деканом физического факультета С. Э. Фришем:

> «Политические события, захватившие страну, не могли пройти мимо университета. Первым проявился еврейский вопрос. Для многих из нас, очень далеких от мысли, что в Советском Союзе могут воскреснуть антисемитские настроения,— это казалось неожиданным и чудовищным. Я помню, как в университет вернулся Ефим Евсеевич Гельман, бывший моим помощником по деканату в предвоенные годы. Осенью 1941 года он ушел добровольцем в армию и работал затем всю войну переводчиком в воинских частях. В первые месяцы демобилизации он явился ко мне, не успев еще снять офицерскую шинель. Мы встретились с ним очень дружески. Я предложил ему снова стать заместителем декана. Он согласился.
>
> Через несколько дней я пошел к Вознесенскому с просьбой подписать приказ о его назначении. Вознесенский начал сперва издалека, спрашивал, что представляет собой Гельман, справится ли он с работой. Потом, когда я продолжал настаивать, с раздражением воскликнул:
>
> — Слушайте, у вас на факультете и так много людей с нерусскими фамилиями, а вы мне подсовываете еще какого-то Гельмана!
>
> Я не удержался и спросил:
>
> — Разве в университете введена процентная норма?
>
> — Норма, не норма,— успокаиваясь, ответил Вознесенский,— но вы представить себе не можете, как на меня жмут, требуя борьбы за чистоту кадров.
>
> “Чистота кадров” — эти два слова, приобретших для многих роковое значение, приходилось слышать на каждом шагу. Они мешали зачислить в штат человека с нерусской фамилией, восстановить на работу прежнего сотрудника, если он имел несчастье побывать в плену или оказаться на оккупированной территории. Работа декана стала сложной и неприятной. Добиться утверждения Гельмана на административную должность мне не удалось»[370].

---

[369] *Кацнельсон Д. Б.* Незабываемый учитель // Воспоминания о М. К. Азадовском. С. 154–155. Как ни парадоксально, ей даже удалось защитить в 1952 г. в ЛГУ диссертацию по теме «Адам Мицкевич и народное творчество»; это было редким явлением в те годы.

[370] *Фриш С. Э.* Указ. соч. С. 366.

Отдельно стоит сказать о том, что вышедшие посмертно мемуары С. Э. Фриша не остались без критических откликов; в числе оппонентов оказался и сын ректора Л. А. Вознесенский, который писал: «Правда, нашелся человек, профессор Фриш, который в своих воспоминаниях попросту оклеветал университет и его людей, включая ректора, что вызвало возмущение тех, кто на своих плечах вынес тяготы войны и послевоенной разрухи. Надо полагать, предчувствуя такую реакцию, он не решился опубликовать эту работу при жизни и распорядился предать ее гласности лишь через четверть века после своей смерти. Так вот, автор пишет о том, как Александр Алексеевич всячески помогал ему в трудные и даже критические моменты жизни, за что, кажется, можно быть только благодарным. Действительно, продолжая преподавать в университете, он в течение многих лет встречался с друзьями отца в дни его рождения, участвовал, не колеблясь, в посвященных ему глубоко уважительных публикациях, но... в то же самое время писал свои воспоминания с диаметрально противоположными оценками и характеристиками. Видимо, проблема совести для него не существовала. А причина столь негативной позиции состояла в том, как это вполне отчетливо просматривается в книге, что ректор, назначив его в годы войны деканом факультета, не позволил ему бежать из Ленинграда, когда фашистские войска приступили к городу, и тем “обрек” автора будущих воспоминаний (вместе с собой, всем руководством и коллек-

СЛАВЯНЕ ВСЕХ СТРАН — ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Деятельность А. А. Вознесенского на посту ректора принимала всё бóльшие масштабы: он уже не ограничивался рамками университета. Именно после войны он начинает и свою внешнеполитическую деятельность, оказавшись вовлеченным в чрезвычайно актуальный в середине 40-х гг. славянский вопрос.

Начало так называемому славянскому движению было положено 10–11 августа 1941 г., когда в Москве состоялся первый Всеславянский митинг. «Митинг был созван инициативной группой находившихся в СССР славянских общественных деятелей. В обращении митинга излагалась демократическая платформа славянского единства, ставшая основой всей деятельности Всеславянского комитета»[371].

Весной 1942 г., после разгрома немцев под Москвой, 4–5 апреля в столице состоялся второй Всеславянский митинг, после чего Славянский комитет СССР начал активную деятельность — налаживал международные связи (в том числе со славянскими организациями в США и Великобритании), организовывал вечера и торжественные заседания, способствовал формированию национальных славянских воинских частей.

Милован Джилас, входивший в 1940-х гг. в руководство Коммунистической партии Югославии и посетивший Москву весной 1944 г., вспоминал:

> «Всеславянский комитет, созданный во время войны, первым начал устраивать для нас банкеты и приемы. Но любому, а не только коммунисту бросилась бы в глаза его искусственность и незначительность. Он был вывеской и служил лишь пропаганде, но даже в этом качестве его роль была ограниченной. Цели его тоже не были вполне ясны: в комитет входили главным образом коммунисты из славянских стран — эмигранты в Москве; идеи всеславянской солидарности были им совершенно чужды. Все

тивом университета, поскольку существовало решение властей о неэвакуации этого вуза) на муки блокады... Просмотрев книгу и получив письма-протесты от ознакомившихся с нею бывших универсантов — блокадников, я направил вместе с этими документами соответствующее письмо в выпустившее ее издательство, директор которого принес извинения за публикацию непроверенных фактов и ложных суждений. Здесь же рассказываю об этой ложке дегтя, полагая, что раз она существует, моя обязанность, истины ради, упомянуть о таком крайне редком для литературы об Александре Алексеевиче выпаде против него» (*Вознесенский Л. А.* Истины ради. М., 2004. С. 65). Приведенное суждение Вознесенского-сына по поводу неверной характеристики отца кажется нам субъективным, а приводимые здесь мысли из не опубликованных пока воспоминаний О. М. Фрейденберг позволяют сравнить сдержанные характеристики С. Э. Фриша с филиппиками Ольги Михайловны. Также в данном случае следует упомянуть, как выражается Л. А. Вознесенский, «истины ради», и о том, что автор приведенной выше отповеди позволял себе печатно выражаться и более крепко, без всяких оглядок; а как наиболее яркий пример приведем характеристику, данную им Б. Н. Ельцину: «...Эта пьянь, по стечению обстоятельств ставшая Президентом России и самым наглядным символом ее беспредельного национального падения...» (Там же. С. 519). Нам неприятно цитировать эти строки, но они как ничто другое демонстрируют одну из характерных черт семейства Вознесенских, унаследованную автором от своего отца — ректора Ленинградского университета.

Стоит здесь сказать, что на фоне всех остальных представителей семьи, верно служивших режиму, серьезно выделялся младший сын А. А. Вознесенского — Эрнест Александрович Вознесенский (1931–1997), профессор и заведующий кафедрой финансов Ленинградского финансово-экономического института. После 1954 г., когда он был освобожден из Воркутлага, он со временем стал известным экономистом, причем не скрывал своего отношения к происходящему, трезво оценивая противоречия не только финансовой, но и общественно-политической системы СССР.

[371] Восьмой пленум Всеславянского комитета // Славяне. М., 1944. № 9. С. 38.

без слов понимали, что должны оживить нечто давно отошедшее в прошлое и хотя бы парализовать антисоветские панславянские течения, если уж не удается сгруппировать славян вокруг России как коммунистической страны. Руководили комитетом мелкие люди. Председатель генерал Гундоров[372] был преждевременно состарившимся, узким во взглядах человеком, с ним невозможно было серьезно говорить даже по вопросам показной славянской солидарности. Секретарь комитета [В. В.] Мочалов обладал большим авторитетом, так как был близок к органам госбезопасности, — при склонности к бахвальству ему это плохо удавалось скрывать. И Гундоров, и Мочалов были офицерами Красной Армии, обнаружившими свою непригодность на фронте, — у обоих чувствовалась скрытая подавленность людей, пониженных в должности и назначенных на чуждую им работу. Только секретарь Назарова, щербатая и чересчур любезная, проявляла что-то напоминавшее любовь к славянам и сочувствие к их страданиям, несмотря на то что и ее деятельность — как выяснилось уже потом в Югославии -- направлялась органами советской разведки.

Во Всеславянском комитете много ели, больше пили, а больше всего — говорили. Длинные и пустые застольные речи были по содержанию примерно такими же, как в царские времена, а по форме, конечно, менее красивыми. По правде сказать, меня уже тогда удивляло отсутствие каких бы то ни было свежих всеславянских идей.

Соответствующим было и здание комитета — подражание барокко или чему-то в этом роде посреди современного города. Комитет был детищем временной, мелкой и небескорыстной политики. Чтобы читатель меня правильно понял, добавлю: хотя многое мне было ясно уже тогда, я нисколько не удивлялся или ужасался. То, что комитет был послушным орудием советского правительства для влияния на отсталые слои славян вне Советского Союза, что его работники были связаны с тайными и открытыми представителями власти, — все это меня вовсе не смущало. Меня удивляла лишь его слабость и несерьезность...»[373]

С разгромом фашизма важность Славянского комитета оказалась едва ли не большей, нежели в военные годы, особенно с учетом того обстоятельства, что в 1943 г. был распущен Коминтерн, а его наследник Коминформ был организован при участии А. А. Жданова только в 1947 году; т. е. славянское движение, руководство которым осуществлялось в ЦК ВКП(б), оказалось в эти несколько лет ключевой структурой внешнеполитической пропаганды Советского Союза.

Именно «славянский вопрос» позволил ректору ЛГУ сделать шаг в политику. Начало было положено летом 1946 г., когда в Ленинградском университете была проведена

---

[372] Гундоров Александр Семенович (1895–1973) — до революции рабочий Обуховского завода, с 1915 г. член РСДРП; участник Октябрьской революции (командир отряда Красной гвардии). С 1918 г. в РККА, участник Гражданской войны; в 1920 г. окончил Военно-инженерные курсы, в 1923 г. — Высшие педагогические курсы, в 1927 г. — Курсы по усовершенствованию комсостава, Академические курсы при Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева, где впоследствии преподавал (с 1937 г. — начальник Академии). В 1940 г. получил звание генерал-лейтенанта инженерных войск, в 1941 г. начальник инженерной службы Московского фронта ПВО, заместитель генерала-инспектора инженерных войск РККА. С 1942 г. — председатель Всеславянского комитета СССР, в 1947–1962 гг. председатель Славянского комитета СССР, член Советского комитета защиты мира, заместитель председателя Международной федерации борцов Сопротивления.

[373] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. С. 25–26.

первая послевоенная сессия по славяноведению. По словам М. П. Алексеева, «по своему составу и задачам, которые были решены и намечены на будущее, научная сессия 1946 г. фактически имела значение первого послевоенного всеславянского съезда ученых»[374].

Вдохновителем и организатором триумфально завершившейся сессии стал А. А. Вознесенский: обладая чутьем к политической конъюнктуре, он не мог обойти своим вниманием навязываемую руководством страны идею единения славянских народов, которая, зародившись в годы войны, в первые послевоенные годы взращивалась Сталиным в качестве противовеса бывшим союзникам СССР по антигитлеровской коалиции.

> «Славяне объединяются не для агрессии и захватов чужих земель, а лишь для того, чтобы отстоять свою свободу и честь, свою национальную независимость. Единство славян никому не угрожает, кто думает о мире и безопасности; оно, это единство, наоборот, создает все условия для длительного и прочного мира. Единство славян является краеугольным камнем и непременным условием международного мира»[375].

Поскольку подобные мероприятия должны были проводиться с разрешения правительства, то 7 января 1946 г. А. А. Вознесенский написал официальное письмо наркому просвещения РСФСР В. П. Потемкину, в котором просил разрешения на проведение в марте 1946 г. научной сессии по славяноведению и выделения на ее организацию 100 тыс. рублей[376]. Заместитель наркома А. Г. Калашников направил 7 февраля официальное предложение в Совнарком РСФСР на имя заместителя председателя В. П. Пронина[377]. Только после утверждения правительством РСФСР этого мероприятия началась его подготовка. Серьезную помощь в организации сессии оказал находившийся в Москве академик Н. С. Державин[378].

Поддержка правительства вкупе с выдающимися организаторскими способностями ректора ЛГУ превратили научную сессию по славяноведению в международный форум. Недаром, резюмируя значение этой сессии, президент Сербской академии наук А. Белич сказал, что «сессия, кроме громадного научного интереса, символизировала собою открытие новой эпохи во взаимоотношениях и связях ученых славянских народов»[379].

В начале мая были разосланы сотни пригласительных билетов (не все, однако, смогли приехать, поскольку основные события сессии совпадали с экзаменами в вузах). Предварительная работа сессии началась уже в середине июня 1946 г. «К 15 июня в Ле-

---

374 *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И.* Первая послевоенная научная сессия по славяноведению // Советское славяноведение. М., 1977. № 1. С. 96.

375 *Константинов Ф.* Значение единства славянских народов в борьбе за мир // Славяне. М., 1946. № 8/9. С. 21.

376 ГА РФ. Ф. 2306 (Наркомпрос РСФСР). Оп. 70. Д. 5007. Л. 187.

377 Там же. Л. 186.

378 В послевоенные годы Н. С. Державин больше жил в Москве, нежели в Ленинграде (в столице за ним был закреплен персональный автомобиль марки «Рено» и 301-й номер в гостинице «Москва»). Когда с 1 ноября 1945 г. по 28 апреля 1946 г. Н. С. Державин находился в санатории АН СССР «Узкое», то 19 февраля 1946 г. к нему приехал А. А. Вознесенский, о чем Н. С. Державин записал в дневнике: «Договорились: славянскую конференцию при Ленингр[адском] Униве рс[итете] устраивать 15 июня, пригласить славянских ученых и возможно большее количество советских славяноведов. Вознес[енский] поделился со мною положением вопроса об улучшении матер[иального] положения научных работников» (ПФА РАН. Ф. 827 (Н. С. Державин). Оп. 2. Д. 62. Л. 37 об.).

379 *Белич А.* Совещание по славяноведению в Ленинградском университете // Славяне. М., 1946. № 8/9. С. 29.

нинград съехались для участия в сессии ученые из различных городов: Москвы, Харькова, Риги, Тарту и т. д., и на следующий день начата была предварительная работа»[380]. На этом заседании, состоявшемся в актовом зале филологического факультета, с докладом «Балканская экспедиция Академии наук СССР в 1946 г.» выступил приехавший из Москвы известный этнограф и фольклорист, профессор Московского университета П. Г. Богатырев. Кроме основной темы профессор коснулся и перспектив международного сотрудничества, на которое тогда возлагалось много надежд:

> «В своем докладе он рассказал о результатах поездки с научными целями группы советских ученых (этнографов, историков и археологов) в Болгарию, Югославию и Румынию, организованной в 1946 г., поделился своими впечатлениями от посещения научных центров этих стран, рассказал о большом внимании, которое всюду встречала к себе делегация советских ученых, о новейших трудах по истории, этнографии и фольклоре славян, вышедших в свет в этих странах, и наметил перспективы дальнейшего научного сближения между советскими и зарубежными славистами»[381].

Но основные события научной сессии развернулись в конце июня 1946 г.:

> «29 июня в Ленинград для участия в работе сессии прибыла группа иностранных ученых и зарубежных гостей. В числе прибывших находились: чрезвычайный и полномочный посол Федеративной народной республики Югославии господин В. Попович, чрезвычайный полномочный посол Чехословацкой республики г-н И. Горак[382] с супругой, посланник Болгарии г-н Н. Николов с супругой, советник посольства Польши г-н Г. Вольпе, второй секретарь посольства Федеративной народной республики Югославии г-н С. Кошутич, президент Сербской Академии Наук проф[ессор] г-н А. Белич, ректор Краковского университета проф[ессор] г-н Т. Лер-Сплавинский, проф[ессор] Пражского университета и ученый секретарь Чешской Академии Наук г-н Б. Гавранек, проф[ессор] Пражского университета г-н Ф. Вольман, проф[ессор] Люблянского университета г-н Ф. Рамовш»[383].

На вокзале прибывших встречали ректор университета профессор А. А. Вознесенский, декан филологического факультета профессор М. П. Алексеев, профессора М. К. Азадовский, А. А. Смирнов, Б. М. Эйхенбаум и др.[384]

Вечером того же дня, в субботу 29 июня, в большом актовом зале, который с трудом вместил более чем 800 человек желающих, состоялось торжественное открытие сессии. Со вступительным словом выступил А. А. Вознесенский:

> «Свободолюбивые славянские народы в течение многих веков демонстрировали свое единство. Великая Отечественная война еще сильнее сплотила славян в их борьбе с заклятым врагом — немецкими захватчиками. Наша доблестная Красная Армия сыграла решающую роль в освобождении братских славянских народов и открыла возможность для дальнейшего культурного сближения славянских стран, мирно развивающихся на новых демократических основах»[385].

---

[380] *М. А. [Алексеев М. П.]* Научная сессия по славяноведению // Вестник Ленинградского университета. Л., 1946. № 2. Сентябрь. С. 132.

[381] Там же.

[382] Отдельно стоит упомянуть о том, что Иржи Горак был еще и известным фольклористом, который впоследствии стал членом Чехословацкой академии наук; его с особенной теплотой встречал М. К. Азадовский.

[383] *М. А. [Алексеев М. П.]* Научная сессия по славяноведению. С. 132.

[384] Научная сессия славяноведов // Вечерний Ленинград. Л., 1946. № 152. 30 июня. С. 1.

[385] *М. А. [Алексеев М. П.]* Научная сессия по славяноведению. С. 132.

С первым научным докладом «Чехи и словаки в свете этнографических данных» выступил член-корреспондент Академии наук СССР, профессор ЛГУ Д. К. Зеленин. Вечером 1 июля 1946 г. состоялось второе пленарное заседание, где Александр Белич выступил с докладом «О частях речи» (на русском языке); затем на трибуну поднялся профессор Ленинградского университета академик Е. В. Тарле — его доклад назывался «Русские на Средиземном море и южные славяне» и был посвящен эпизодам из истории взаимоотношений Российской империи и южнославянских народов во второй половине XVIII — начале XIX в. Более ранний период истории вопроса был описан в докладе «Петр I и южные славяне» профессора ЛГУ А. В. Предтеченского.

2 июля утренняя программа была посвящена заседаниям по секциям западнославянской и южнославянской филологии, а вечером на пленарном заседании было заслушано несколько выступлений, центральным из которых стал доклад заведующего кафедрой русского языка Ленинградского университета и одновременно декана филологического факультета Московского университета, профессора В. В. Виноградова «Проблемы изучения литературного языка».

> «Утром 3 июля все участники сессии — представители посольств славянских стран, зарубежные и советские ученые — на длительном заседании под председательством ректора Ленинградского университета продолжили обсуждение перспектив дальнейшей совместной работы над проблемами славистики и разработали резолюцию совещания.
>
> Несмотря на напряженность работы сессии, первоначально намеченная повестка заседаний не была исчерпана, что отчасти объясняется включением в программу работ сессии не предусмотренных заранее докладов приехавших зарубежных ученых. Хотя ряд предложенных докладов не был оглашен, но некоторые из иностранных гостей, в частности представители посольств, должны были возвращаться в Москву по неотложным делам вечером 3 июля, а все остальные должны были покинуть Ленинград на следующий день. В связи с этим присутствующие были ознакомлены с тезисами не прочтенных докладов. <...>
>
> Вечером 3 июля ректор Ленинградского университета проф[ессор] А. А. Вознесенский дал в честь иностранных гостей обед, на котором присутствовали иностранные и советские гости, а также ученые Ленинграда»[386].

Заключительный день научной сессии прошел под председательством декана филологического факультета профессора М. П. Алексеева. Участники прослушали прочитанный на русском языке доклад ученого секретаря Чешской академии наук Богуслава Гавранека «О балканском языковом союзе», но наибольшее внимание опять привлек доклад В. В. Виноградова «Учение Потебни о стадиальности развития синтаксического строя в славянских языках», где профессор выступил с критическим разбором теории А. А. Потебни о закономерности синтаксического строя славянских языков. После прений сессия закончила свою работу.

> «Закрывая сессию и подводя итог ее работе, проф[ессор] М. П. Алексеев поблагодарил всех ее участников за дружные усилия в разрешении поставленных научных задач, огласил принятые сессией решения и выразил надежду, что пятидневная совместная работа ученых славянских стран будет иметь серьезное значение не только для развития славистики как науки, но и для укрепления дружественных отношений между учеными братских славянских стран»[387].

---

[386] Там же. С. 133–143.

[387] Там же. С. 136.

В принятой резолюции была выражена большая надежда ученых на международное научное сотрудничество:

> «Считать желательным созыв ежегодных научных конференций ученых славянских стран для обсуждения вопросов славяноведения (лингвистики, истории славянских народов, истории литературы, этнографии, археологии, фольклора)»[388]; «считать желательным для более глубокого, систематического изучения различных славянских языков, литератур, истории и т. д. направлять на более или менее длительные сроки студентов одних славянских стран в университетские центры других славянских стран»[389] и т. п.

Но надеждам ученых не суждено было оправдаться: через полтора месяца ЦК ВКП(б) начнет активное наступление на «идеологическом фронте», а в дальнейшем международные связи не будут ни расширяться, ни поощряться. Правда, ректор А. А. Вознесенский пытался всеми силами продвигать свое детище — осенью 1947 г. руководство страны с его подачи приняло решение о проведении в Москве международного съезда славистов. 28 октября С. Б. Бернштейн записал в дневнике:

> «Вознесенский сообщил, что состоялось решение о проведении очередного съезда славистов в Москве. Установлен срок (15–21 апреля 1948 г.). Он показал мне список Оргкомитета по подготовке съезда. Почетным председателем утвержден академик Державин, председателем — Вознесенский, заместителями председателя утверждены Булаховский, Виноградов, Обнорский, Белецкий, Еголин, Гудзий»[390].

Но подготовить в срок московский съезд славистов не удалось. «Славянский фронт» испытывал серьезные потрясения — началось активное развитие советско-югославского конфликта, и было совершенно не до съезда славистов. Первоначально было решено отложить его проведение на июнь 1948 г., но к тому времени положение еще более осложнилось: началось противостояние с Югославией, в результате чего Союз коммунистов Югославии был исключен из состава Информбюро коммунистических и рабочих партий (29 июня в «Правде» было напечатано постановление Информационного бюро «О положении в Коммунистической партии Югославии»)[391].

Прямым следствием сессии 1946 г. стали итоги академических выборов. Во многом благодаря триумфальному участию В. В. Виноградова в работе сессии по славяноведению, что одновременно демонстрировало и реабилитацию ученого в глазах руководства страны, опальный профессор 30 ноября был избран действительным членом Академии наук СССР, минуя звание члена-корреспондента; декан же филологического факультета ЛГУ М. П. Алексеев обрел звание члена-корреспондента АН СССР. Несомненно, что их избрание — во многом заслуга А. А. Вознесенского.

---

[388] *М. А. [Алексеев М. П.]* Научная сессия по славяноведению. С. 132.

[389] Там же. С. 137.

[390] *Бернштейн С. Б.* Указ. соч. С. 114.

[391] Лишь после смерти Сталина советско-югославские отношения выправились, а визит Н. С. Хрущева в Югославию в мае 1955 г. окончательно восстановил их. Именно тогда было намечено проведение в Белграде международного совещания славистов, которое состоялось 15–21 сентября 1955 г. Фактически на этом совещании в Белграде были реставрированы замыслы А. А. Вознесенского — достигнута договоренность о возобновлении съездов славистов, а для их проведения был образован Международный комитет славистов. В составе делегации советских славистов на Белградском съезде 1955 г. были и активные участники Ленинградской научной сессии по славяноведению 1946 г. В. В. Виноградов и М. П. Алексеев.

Для самого Александра Алексеевича с блеском проведенное мероприятие открывало новые перспективы, особенно учитывая характеристику действующего руководителя Славянского комитета СССР А. С. Гундорова — исполнительного и безынициативного (а потому бессменного на своем посту). Но осенью 1946 г. А. С. Гундоров показался руководству страны не вполне соответствующим новым задачам, возлагаемым на комитет. Именно поэтому было решено усилить состав Славянского комитета более энергичным и уважаемым деятелем, и руководство страны сделало ставку на А. А. Вознесенского. Несмотря на возражения Н. А. Вознесенского, Александр Алексеевич был введен в состав Всеславянского комитета, а в декабре того же года стал одним из руководителей советской делегации на Славянском конгрессе в Белграде, где был избран вице-председателем Общеславянского комитета. Это избрание А. А. Вознесенского на важный внешнеполитический пост, прошедшее при явной поддержке со стороны А. А. Жданова, открыло ректору ЛГУ дверь в большую политику.

> «Славянский конгресс, как и другие мероприятия, проводимые различными демократическими организациями, призван укрепить еще больше симпатии широких народных масс всех стран мира к героическим славянским народам. Он поможет рассеять ложь и клевету, распространяемую мировой реакцией о тех народах, которые ценой огромных усилий и жертв разорвали цепи зависимости от иностранных империалистов и свергли в славянских странах власть их фашиствующих лакеев. Конгресс покажет, что дружба, сложившаяся между славянскими народами во время военной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, направлена не против других народов, а против поджигателей новых войн. Конгресс послужит дальнейшему сплочению славянских народов в их борьбе за мир, свободу и демократическое процветание человечества. <...>
>
> Международная реакция уже подняла вой по поводу решения созвать Конгресс, она кричит о “славянском блоке”, о новой угрозе миру, якобы возникающей из дружбы славянских народов. Но этот провокационный вой реакции натолкнулся на дружный отпор славян, истых поборников мира и демократии»[392].

Ректору ЛГУ Вознесенскому выпала честь возглавить ряды «истых поборников». Причем роль А. А. Вознесенского на этом форуме, участников которого своей телеграммой приветствовал глава Советского государства И. В. Сталин, действительно была велика: кроме активного участия в организационных мероприятиях, А. А. Вознесенскому было доверено выступление на конгрессе с заключительным докладом[393].

Присутствовавший на конгрессе Милован Джилас вспоминал в 1961 г.:

> «Со старшим Вознесенским у меня были очень интересные дискуссии во время Всеславянского съезда в Белграде зимой 1946 года. Мы с ним сошлись на том, что официально признанная теория “социалистического реализма” является узкой и односторонней. Еще более единодушно мы считали, что в социализме, вернее коммунизме, после создания новых социалистических стран замечаются новые явления и что

---

[392] *Гундоров А.* К первому послевоенному Славянскому конгрессу // Славяне. М., 1946. № 7/8. С. 15–16.

[393] *[Вознесенский А. А.]* Ленинизм — высшее достижение мировой культуры: Речь ректора Ленинградского университета Александра Вознесенского // Славяне. М., 1947. № 2. С. 34–35. Также см.: *Вознесенский А.* Итоги первого послевоенного Славянского конгресса // Славяне. М., 1947. № 1. С. 27.

в капитализме есть перемены, еще теоретически не изученные. Вероятно, и его красивая умная голова пала в безумных чистках»[394].

В Ленинград Вознесенский возвращался уже в новом качестве; 28 декабря 1946 г. новостная лента Ленинградского отделения ТАСС сообщала:

«В Ленинград из поездки в Югославию и Болгарию возвратился ректор Ленинградского университета профессор А. А. Вознесенский, избранный недавно на Славянском конгрессе в Белграде вице-председателем Общеславянского комитета <...>.

Советская делегация, участвовавшая в конгрессе, была принята маршалом Тито.

На обратном пути из Югославии в СССР мы посетили Софию и были приняты премьер-министром Болгарии Георгием Димитровым.

В Софийском университете состоялся прием советских ученых и общественных деятелей. Во время беседы с ректором был затронут вопрос об установлении более тесного контакта между двумя университетами — Софийским и Ленинградским»[395].

Вслед за Славянским конгрессом началась реорганизация Всеславянского комитета СССР. В марте 1947 г. в Москве прошло собрание актива славянских деятелей, которое явилось, по сути, учредительным собранием Славянского комитета СССР:

«Среди участников собрания были академики, крупнейшие советские ученые, художники, писатели и журналисты, государственные деятели, депутаты Верховного Совета Союза ССР, офицеры и генералы Советской Армии, представители советских женщин, молодежи, рабочих, колхозников, интеллигенции, а также русской православной церкви»[396].

Стоит также отметить, что кроме имен, публиковавшихся в прессе, на этом форуме присутствовали многочисленные сотрудники аппарата ЦК ВКП(б) и видные чиновники — А. М. Еголин, Г. Ф. Александров, Т. Д. Лысенко, М. Б. Храпченко, С. В. Кафтанов, С. А. Лозовский и т. д.[397]

«Актив славянских деятелей Советского Союза выразил уверенность в том, что свободолюбивые славянские народы оправдают надежды товарища Сталина: они сыграют столь же выдающуюся роль в борьбе за ликвидацию остатков фашизма, за мир и демократию, какую они сыграли в разгроме гитлеровской Германии. <...>

Разоблачать поджигателей войны, срывать их коварные замыслы и планы, сплачивать силы демократии и прогресса, борющиеся за мир и безопасность, — в этом видят славянские деятели Советского Союза одну из своих главных задач»[398].

Новыми задачами было продиктовано решение руководства страны о реформировании Всеславянского комитета, что и было оформлено как решение заседания славянского актива:

«Одним из значительных явлений в послевоенном славянском движении явился Славянский конгресс в Белграде, на котором был избран Общеславянский комитет. В связи с этим возникла необходимость наметить новые пути славянского движения СССР, вытекающие из решений Конгресса, и реорганизовать Всеславянский комитет в Москве — в Славянский комитет СССР.

---

[394] *Джилас М.* Указ. соч. С. 108.

[395] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 76. Л. 146–147 («На славянском конгрессе в Белграде: Беседа с вице-председателем Общеславянского комитета проф. А. А. Вознесенским»).

[396] К итогам славянского актива в Москве // Славяне. М., 1947. № 3. С. 3.

[397] Список присутствующих приложен при стенограмме: ГА РФ. Ф. 6646 (Славянский комитет СССР). Оп. 1. Д. 132. Л. 95–100 (всего перечислено 148 человек).

[398] К итогам славянского актива в Москве. С. 4.

Обсуждению этих вопросов и было посвящено собрание актива славянских деятелей СССР, состоявшееся в Москве 27 марта нынешнего года. Это собрание виднейших представителей общественности, науки и техники, литературы и искусства трех советских республик: РСФСР, Украины и Белоруссии, — несомненно, останется знаменательной вехой в истории славянского движения.

В празднично убранном зале встретились: академик Александр Палладин, писатель Николай Тихонов, прославленный горняк Алексей Семиволос, ректор Ленинградского университета профессор Александр Вознесенский, дважды Герой Советского Союза, прославленный полководец партизанской войны Сидор Ковпак, видный работник культуры и просвещения, депутат Верховного Совета РСФСР Мария Сарычева, писатели Якуб Колас, Максим Рыльский, Александр Корнейчук, президент Белорусской Академии наук Антон Жебрак и многие другие»[399].

«Слово получает вице-председатель Общеславянского комитета Александр Вознесенский:

— Основным содержанием нового славянского движения, — говорит оратор, — является укрепление и развитие дружбы славянских народов, братской солидарности в совместной борьбе против сил реакции, за подлинную демократию, за прочный и демократический мир.

Значительную часть своей речи Александр Вознесенский посвятил организации изучения проблем славяноведения, предложил объединить усилия различных научных организаций, работающих в этой области. Очень серьезное значение, по мнению оратора, будет иметь обмен научными работниками между Советским Союзом и другими славянскими странами. Следует чаще посылать крупнейших советских ученых в славянские страны для выступлений с лекциями и докладами о достижениях науки в СССР»[400].

«Затем собрание избрало Славянский комитет СССР. В состав его единогласно были избраны следующие виднейшие деятели славянского движения: А. С. Гундоров, А. А. Вознесенский, М. Т. Иовчук, Л. С. Баранов, М. Б. Храпченко, С. В. Кафтанов, В. С. Кеменов, Б. Д. Греков, Н. С. Державин, В. И. Пичета, Н. С. Тихонов, А. В. Степанов, В. В. Вишневский, В. В. Мочалов, Ф. И. Толбухин, И. Н. Берсенев, митрополит Николай Крутицкий, М. В. Сарычева, А. В. Палладин, А. Е. Корнейчук, А. Н. Шелепин, С. А. Ковпак, А. И. Семиволос, С. В. Стефаник, И. Д. Петрушак, Якуб Колас (К. М. Мицкевич), Л. П. Александровская, П. В. Саевич, В. А. Парахневич и В. И. Козлов.

Так же единодушно собрание избрало президиум Славянского комитета, в который вошли А. С. Гундоров, А. А. Вознесенский, А. В. Палладин, Якуб Колас (К. М. Мицкевич), В. В. Мочалов, Б. Д. Греков, С. А. Ковпак, А. Е. Корнейчук, Л. С. Баранов, Л. П. Александровская и П. В. Саевич.

Собрание избрало председателем Славянского комитета А. С. Гундорова, вице-председателями А. А. Вознесенского, А. В. Палладина, Якуба Коласа (К. М. Мицкевича) и ответственным секретарем Комитета В. В. Мочалова.

С огромным воодушевлением собрание обратилось с приветствием к великому другу славянских народов — товарищу Сталину»[401].

Избрание Вознесенского как в состав Славянского комитета, так и в его руководящие органы было заранее спланировано Ждановым, согласовавшим это со своим непо-

[399] *Антонов Вал.* Собрание славянских деятелей Советского Союза // Славяне. М., 1947. № 3. С. 7.
[400] Там же. С. 11.
[401] Там же. С. 12.

средственным начальником. Иллюстрацией отлаженного партийно-государственного механизма является письмо Славянского комитета СССР от 7 марта 1947 г., направленное министру высшего образования СССР С. В. Кафтанову:

> «Только лично.
>
> Многоуважаемый Сергей Васильевич!
>
> Решением руководящих инстанций, Вы намечаетесь в состав членов Славянского комитета СССР. Собрание актива славянских деятелей СССР состоится 27 марта с. г. в 12.00 в здании Славянского комитета СССР, Кропоткина 10. <...> Желательно было бы иметь Ваше выступление в таком плане: <...>»[402].

Вознесенскому-старшему А. А. Жданов готовил в работе Славянского комитета СССР ключевую роль. Несомненно, после смерти А. С. Щербакова он начал выращивать из ректора Ленинградского университета очередного партийного идеолога. И вся работа Вознесенского в Славянском комитете сводилась к очевидному — ведению сугубо идеологической работы. Председательствуя 27 марта 1947 г. на Собрании славянских деятелей СССР, он заявил:

> «Когда мы говорим об укреплении дружественных культурных и политических связей с славянскими народами, мы всегда должны исходить из следующего требования: укреплять дружбу со славянскими народами на высоком идейном уровне. Можно чувствовать себя и вести себя среди славян просто славянином, а можно (и должно!) чувствовать себя славянином-марксистом, советским человеком. Быть марксистом, ленинцем среди славян, а не беспартийным, аполитичным славянином — вот что требуется от нас»[403].

Затем А. А. Вознесенский начал продвигать идею созыва в Москве международного конгресса ученых-славяноведов. 30 января 1948 г. в Москве состоялся пленум Славянского комитета СССР, на котором А. А. Вознесенский присутствовал уже в ранге министра просвещения РСФСР. После доклада А. С. Гундорова и последовавших прений слово было предоставлено и бывшему ректору Ленинградского университета, который сообщил о ходе подготовки конгресса[404]. Несмотря на бурную активность А. А. Вознесенского, дата созыва конгресса постоянно переносилась.

25–28 февраля 1948 г. в Праге состоялся пленум Общеславянского комитета, в рамках которого 25–26 февраля заседал Оргкомитет по созыву конгресса ученых-славяноведов, но А. А. Вознесенский в Чехословакию не поехал:

> «Ввиду того, что председатель Оргкомитета по созыву Конгресса профессор А. А. Вознесенский не мог принять участия в заседаниях Комитета, председательствовал профессор Московского и Белорусского университетов (и одновременно секретарь ЦК КП(б) Белоруссии по пропаганде. — *П.Д.*) М. Т. Иовчук»[405].

2 апреля 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление № 63/17 «Об общеславянском Конгрессе ученых-славяноведов». Сроки открытия конгресса вновь отодвигались:

[402] ГА РФ. Ф. 6646 (Славянский комитет СССР). Оп. 1. Д. 132. Л. 121.

[403] *Беляева В. И., Гундоров А. С.* Видный деятель славянского движения // Ученый-коммунист: К 75-летию со дня рождения А. А. Вознесенского. Л., 1973. С. 128.

[404] Третий пленум Славянского комитета СССР / Хроника // Славяне. М., 1948. № 2. С. 62.

[405] Накануне Конгресса ученых-славяноведов / Хроника // Славяне. М., 1948. № 3. С. 60.

«В связи с тем, что доклады большинства делегатов Общеславянского Конгресса ученых-славяноведов получены из-за границы с большим запозданием, и в целях лучшей подготовки к Конгрессу перенести срок открытия Конгресса на 18 июня 1948 года»[406].

Интересны обстоятельства, в которых готовилось это постановление Политбюро. Для этого А. А. Жданов собрал 27 марта 1948 г. у себя в приемной небольшое совещание. Вел его сам Андрей Александрович, присутствовали сотрудники ЦК ВКП(б) М. А. Суслов и Д. Т. Шепилов, министр просвещения РСФСР А. А. Вознесенский, министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов, председатель Славянского комитета СССР генерал-лейтенант А. С. Гундоров, вице-президент Академии наук СССР В. П. Волгин и директор Института славяноведения АН СССР П. Н. Третьяков.

Судя по стенограмме беседы, Вознесенский чувствовал себя на совещании довольно свободно, хотя и не осознавал четко наметившегося советского изоляционистского курса:

«ЖДАНОВ: Теперь о том, кого пригласить на конгресс. Я думаю, что из США и Англии не надо никого приглашать, пусть эти ученые обуздают сначала своих правителей и заслужат честь быть приглашенными Советским Союзом. По-моему, не нужно никого приглашать и из Франции.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ: Будет как-то неловко...

ЖДАНОВ: Пусть чувствуют неловкость они во Франции из-за того, что их не приглашают. Пора нам перестать испытывать неловкость перед иностранцами, пусть будет им неловко за то, что Советский Союз их не пригласил за их поведение»[407].

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ПОСЛЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ 1946 ГОДА

Новый учебный год начинался 2 сентября 1946 г. В этом году Ленинградский университет впервые достиг численности 10 тыс. человек; он насчитывал двенадцать факультетов — математико-механический, физический, химический, биологический, геолого-почвенный, географический, политико-экономический, исторический, восточный, юридический, филологический и философский. В составе ЛГУ насчитывалось (с учетом вновь образованных) 13 научно-исследовательских институтов, число факультетских кафедр достигло 140.

Накануне учебного года ЦК ВКП(б) принял три постановления по идеологическим вопросам, ключевым из которых как для советской культуры, так и для ленинградской филологии стало постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г.

Идеология, и без того въевшаяся в мозг каждого гражданина Страны Советов, инъектировалась в огромных дозах в разум преподавателей и студентов, отравляя и парализуя его. Как чертополох, в университете стало всходить новое поколение «актива», борющегося за чистоту советской науки.

На собрание 16 августа в Смольном, где А. А. Жданов выступал с докладом, были приглашены и университетские профессора:

---

406 Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б), 1922–1952. С. 368.

407 РГАСПИ. Ф. 77 (Жданов А. А.). Оп. 1. Д. 990. Л. 7.

«В Смольном присутствовало 9 руководящих профессоров [филологического] факультета, и, таким образом, еще до начала учебного года значительная часть профессорско-преподавательского коллектива была через их посредство информирована о постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа и о комментариях, данных этому постановлению тов. Ждановым»[408].

Член Правления ЛО ССП и заведующий кафедрой русской литературы ЛГУ профессор Б. М. Эйхенбаум не только ощущал приближение идеологического урагана, но уже был задет его предтечей: за неделю до общегородского собрания, 10 августа, в газете «Культура и жизнь» появилась статья небезызвестного ему Н. Н. Маслина[409] по поводу неудовлетворительного ведения журнала «Звезда», в которой был упомянут и Борис Михайлович:

«В “Трибуне писателя” опубликована статья Б. Эйхенбаума “Поговорим о нашем ремесле” (№ 2, 1945 г.). Высказав правильную мысль о том, что “в наше время наука может существовать и развиваться в той мере, в какой она жизненно необходима”, автор статьи утверждает далее, что критика как самостоятельный вид литературного творчества не существует и не должна существовать, что ею успешно могут заниматься только либо историки литературы, либо писатели. <...> Рассуждения Б. Эйхенбаума ничего, кроме вреда, не могут принести литературе»[410].

Бориса Михайловича начали «прорабатывать»: потянулась череда обсуждений и собраний в различных местах его работы (ССП, Пушкинский Дом, университет...). С горечью размышляя о предстоящем, Эйхенбаум записал в дневнике:

«Надо полагать, что теперь будет собрание (и не одно) в Союзе, где опять все это будет обсуждаться и где будет произведена церемония исключения Зощенки и Ахматовой из Союза. Возможно, что там придется не только голосовать, но и выступать. Задача! Если придется, надо сказать исторически (Лесков) — с точки зрения вопроса о стихийности и сознательности в искусстве. Но трудно! Голосовать за исключение я не могу — надо тогда сказать, что Лен[инградское] отд[еле]ние (или, во всяком случае, правление) должно выйти из Союза. Что делать — не знаю. Надо прямо сказать, что я не считаю государственным преступлением, если не соглашусь с оценкой ЦК отдельных писателей или произведений, и что я считаю Зощенко и Ахматову крупнейшими русскими писателями»[411].

---

[408] *Берков П. Н., Мордовченко Н. И.* Обсуждение постановлений ЦК ВКП(б) на филологическом факультете // Вестник Ленинградского университета. Л., 1946. № 3. Октябрь. С. 140.

[409] Маслин Николай Никифорович (1909–?) — литературовед. Родился в Казанской губернии, в 1927–1930 гг. учился в Казанском пединституте, с 1930 г. сотрудник обкома ВЛКСМ и зам. редактора областной газеты «На штурм». В 1931 г. направлен в Ленинград в аспирантуру ЛО ГАИС, где учился до 1934 г., затем до 1941 г. состоял научным сотрудником. Член ВКП(б) с 1937 г., с мая 1939 г. по июнь 1941 г. — главный редактор Ленгослитиздата. С июля 1941 г. по декабрь 1945 г. — редактор дивизионных и армейских газет (в 1945 г. — редактор газеты «Фронтовик» 3-й Ударной армии, в звании майора, окончил войну в Берлине). С января 1946 г. — в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б): с января по ноябрь 1946 г. — заведующий сектором, с ноября 1946 г. по ноябрь 1947 г. — заместитель заведующего отделом художественной литературы, с декабря 1947 г. по июль 1948 г. — заведующий. После реорганизации Управления пропаганды и агитации ЦК в июле 1948 г. в Отдел до декабря 1950 г. был заведующим сектором художественной литературы. В 1946–1950 гг. член редколлегии и редактор отдела литературы и литературной критики газеты «Культура и жизнь». В 1950 г. уволен из аппарата ЦК за «аполитичность, беспринципность, бездушность и бюрократизм», пополнив собой научный потенциал ИМЛИ, где занял место старшего научного сотрудника сектора советской литературы.

[410] *Маслин Н.* О литературном журнале «Звезда». С. 4.

[411] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 190.

19 августа, в понедельник, состоялось заседание правления ЛО ССП.

Это уже было типичное проработочное собрание — распространенное и действенное средство советской власти, повсеместно применяемое в послевоенные годы. С помощью таких собраний и заседаний поодиночке и небольшими группами было проработано — читай: растоптано — неисчислимое множество обычных, в абсолютном большинстве невинных людей.

Ефим Григорьевич Эткинд, прошедший через такие жернова несколько позже, так унифицированно описывает это мероприятие:

> «Проработка — это “исправление” личности посредством коллектива. Это заранее подготовленное собрание, участники которого выступают с разоблачительной критикой; цель такой критики — вывести на чистую воду порочность той или иной теории, научной школы, художественного или нравственного принципа, заставить свою жертву принять требования собрания, то есть “исправиться”. Цель проработки — отнюдь не выяснение истины, это не дискуссия. От дискуссии проработка отличается неравноправием участников: объект ее изначально неправ; он может сопротивляться, но едва ли кто-нибудь его поддержит, то есть тем самым “поставит себя вне коллектива”. Проработка и задумана как разоблачение личности коллективом, как перевоспитание личности или изгнание ее; в известные периоды нашей истории, например до войны, преобладал первый вариант, в другие — второй. <...>
>
> Все проработки велись по трафарету, выработался устойчивый ритуал: сначала выступал с докладом секретарь партийной организации или специальный уполномоченный партийного бюро, затем следовали выступления нескольких, казалось бы, доброхотов, на самом деле заранее натасканных ораторов, между которыми темы были распределены и которые старались не повторять друг друга. Особенно ценились неожиданности, которые ошеломляли жертву и парализовывали ее: какой-нибудь убийственный довод из частного письма, написанного когда-то самою жертвой и теперь предъявляемого и жертве, и собранию; какой-нибудь нечаянный свидетель, который, скажем, сообщает о пораженческих высказываниях жертвы в период немецкого наступления; какой-нибудь близкий товарищ, или ученик, или — еще лучше — бывшая жена вдруг поднимается на трибуну, — жертва бледнеет; глядишь, она сникла и умолкла. Все перечисленные украшения придают проработке блеск, неотразимость и праздничность. Если проработка прошла буднично — она не удалась. Зрители должны испытывать восторг от унижения жертвы, и главное — от театральных эффектов, способствующих такому унижению. Поэтому желательно еще одно существенное условие для проработки, университетской или писательской: жертва должна быть по возможности личностью популярной, а еще лучше — знаменитой. Топтание прославленной жертвы доставляет сладострастное наслаждение»[412].

Эпоха Сталина была такова, что парализующий страх овладевал всеми. Когда человек был поставлен перед необходимостью отправиться на подобное проработочное мероприятие, он должен был выступить в какой-то роли.

Действо проработочного заседания можно уподобить итальянской комедии дель арте — даже некоторые отступления отдельных персонажей от канвы сценария всегда укладываются в канонические рамки нескольких характерных ролей.

В случае проработок выбор своей возможной роли был прост, поскольку особенного богатства этого выбора не имелось (лишь некоторые особо совестливые испытывали

[412] *Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. С. 133–135.

муки). Чаще роль была выбрана заранее, но иногда она могла меняться в процессе светопреставления — бывало, что нахлынувшие эмоции вдруг перечеркивали заранее выбранное решение. Такая перемена могла прийти от желания мести — ведь наконец-то можно было безболезненно, даже с выгодой для себя, выплеснуть накопившуюся злобу или зависть; иногда это мог быть страх — когда человек был не в силах пойти против воли всего зала, поскольку за всяким противодействием системе неминуемо следовала суровая кара.

Можно, подобно комедии масок, разделить участников проработок послевоенных лет на несколько основных видов — ролей. Для главной партийно-государственной силы в таких ордалиях отводилось три основные роли. Первая — это роль докладчика, который разнузданно или сдержанно, но цинично и профессионально распинал жертву (жертв) проработки в своем докладе или вводном слове; он мог быть даже участливым, скорбя о столь низком падении своего товарища. Вторая — роль «попугая», который развивал тезисы основного оратора в отдельно взятом сегменте или относительно конкретного человека, иногда он мог употребить даже бранное слово (в этом случае сидевший в президиуме основной докладчик, соблюдая видимость приличия, просил воздержаться от брани и выступать «по существу»). Третья и последняя роль в этой группе персонажей — группа поддержки — всякого рода партийный и комсомольский актив и т. п.; они были нетерпимыми сторонниками «правды», «гласом народа» и создавали в нужных местах овации или изрыгали возгласы негодования. Они же следили за тем, чтобы сидящие рядом не позволяли себе лишнего. Для членов ВКП(б) последняя роль часто была обязательной, поскольку они, добровольно или вынужденно вступив в ряды партии большевиков, подчинялись Уставу ВКП(б), то есть были обязаны «соблюдать строжайшую партийную дисциплину, активно участвовать в политической жизни партии и страны, проводить на практике политику партии и решения партийных органов»[413].

---

[413] Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): (Принят единогласно XVIII съездом ВКП(б)). М., 1946. С. 4.

Вступали в ВКП(б) почти всегда добровольно; исключение составляли лишь некоторые из вступивших в партию на фронте, поскольку отказаться от такой «чести» иногда не представлялось возможным, да и атмосфера на фронте была совершенно иной, нежели в тылу. Профессор Академии художеств, хранитель Эрмитажа Н. Н. Никулин (1923–2009) приводит в своих воспоминаниях рассказ о том, как это происходило:

«Нас было шестьдесят семь. Рота. Утром мы штурмовали ту высоту. Она была невелика, но, по-видимому, имела стратегическое значение, ибо много месяцев наше и немецкое начальство старалось захватить ее. Непрерывные обстрелы и бомбежки срыли всю растительность и даже метра полтора-два почвы на ее вершине. После войны на этом месте долго ничего не росло и несколько лет стоял стойкий трупный запах. Земля была смешана с осколками металла, разбитого оружия, гильзами, тряпками от разорванной одежды, человеческими костями...

Как это нам удалось, не знаю, но в середине дня мы оказались в забитых трупами ямах на гребне высоты. Вечером пришла смена, и роту отправили в тыл. Теперь нас было двадцать шесть. После ужина, едва не засыпая от усталости, мы слушали полковника, специально приехавшего из политуправления армии. Благоухая коньячным ароматом, он обратился к нам: “Геррои! Взяли, наконец, эту высоту!! Да мы вас за это в ВКПб без кандидатского стажа!!! Геррои! Урррa!!!” Потом нас стали записывать в ВКПб.

— А я не хочу... — робко вымолвил я.

— Как не хочешь? Мы же тебя без кандидатского стажа в ВКПб.

— Я не смогу...

— Как не сможешь? Мы же тебя без кандидатского стажа в ВКПб?!

— Я не сумею...

— Как не сумеешь!? Ведь мы же тебя без кандидатского...

Для людей, которые не участвовали активно в линчевании своих коллег, большого выбора также не предоставлялось.

Первая роль, наиболее типичная и распространенная,— роль статиста — «Когда вместе со всеми ты скажешь — да! И вместе со всеми — нет!». Она характеризовала основную функцию, отведенную партией советскому человеку, человеку той эпохи — ни в коем случае не подлому, а просто согбенному под гнетом власти Советов, видавшему аресты и смерти близких и при этом стремившемуся как можно меньше испачкаться в невинной крови своих товарищей. Роль эта была такова: прийти на собрание/заседание, не выступать, молча проголосовать «как все», после чего с болью в сердце отправиться домой — туда, куда в случае его отказа проголосовать «как все» он мог бы в один прекрасный день и не вернуться.

Вторая роль — требующая большой смелости — манкирование таким собранием. Это было опасно по нескольким причинам. Во-первых, пропуск собрания (а причина была очевидна) мог повлечь последствия по всем возможным линиям, а подчас и присоединение к кругу ошельмованных: ведь пропуск собрания без причины — это вызов коллективу. Кроме того, подобный поступок уязвлял всех пришедших — как вынужденных испытывать муки обычных статистов, так и организаторов. Во-вторых, такие собрания традиционно назначались в рабочее время, и пропуск его грозил серьезной ответственностью: прогулы в те времена могли легко закончиться передачей дела в суд. Чаще всего пропуск подобных публичных вакханалий случался по причине физического состояния, но этим могли отмахнуться только люди в возрасте и действительно нездоровые, имевшие официальный бюллетень (листок о нетрудоспособности). То есть пропуск проработочного заседания в ту эпоху уже был, несомненно, актом гражданского мужества.

Третья роль — еще более опасна. Выступавший в такой роли человек обычно имеет авторитет, от него ждут обличительной речи, настаивают, уговаривают, требуют, заставляют выступить. Он выходит на трибуну, ему внимает зал, но... Вдруг он начинает говорить совершенно не то, что он должен был сказать по заранее написанному в партбюро сценарию. Либо он, соглашаясь с собранием, начинает уповать на положительные свойства обвиняемых и говорить об их заслугах... Либо его выступление кажется смелым, он выстреливает громкими клокочущими фразами, негодует, но заведомо стреляет мимо поставленной цели — он критикует не присутствующих, а давно умерших людей[414].

На лице политрука было искреннее изумление, понять меня он был не в состоянии. Зато все понял вездесущий лейтенант из СМЕРШа:

— Кто тут не хочет?!! Фамилия?!! Имя?! Год рождения?!! — он вытянул из сумки большой блокнот и сделал в нем заметку. Лицо его было железным, в глазах сверкала решимость:

— Завтра утром разберемся! — заявил он.

Вскоре все уснули. Я же метался в тоске и не мог сомкнуть глаз, несмотря на усталость: “Не для меня взойдет завтра солнышко! Быть мне японским шпионом или агентом гестапо! Прощай, жизнь молодая!”... Но человек предполагает, а Бог располагает: под утро немцы опять взяли высоту, а днем мы опять полезли на ее склоны. Добрались, однако, лишь до середины ската... На следующую ночь роту отвели, и было нас теперь всего шестеро. Остальные остались лежать на высоте, и с ними лейтенант из СМЕРШа, вместе со своим большим блокнотом. И посейчас он там, а я, хоть и порченый, хоть убогий, жив еще. И беспартийный. Бог милосерден» (*Никулин Н. Н.* Воспоминания о войне. 2-е изд. СПб., 2008. С. 94–95).

[414] Несколько известных случаев наблюдались в 1949 г.: филолог Г. П. Макогоненко критиковал Ж.-Ж. Руссо, историк Н. М. Дружинин — П. Я. Чаадаева и т. д.

Четвертая роль — неординарная, поскольку лишь единицы смогли сыграть ее. Она состоит в том, чтобы выйти на трибуну и в ответ на ожидание зала, который готов услышать либо покаяние, либо отповедь, начать выступать против происходящего, не соглашаться с основным докладчиком, выражать собственное мнение, не совпадающее с основным... Таким смельчакам либо вообще не давали криками закончить свое выступление, либо «закапывали» сразу же по сошествии с трибуны. Подобное выступление гарантировало то, что следующее собрание будет посвящено уже этому человеку. Единственный пример такого выступления, который мы можем вспомнить, — речь Н. Н. Пунина в октябре 1946 г. Гибель его в советском концлагере является логическим следствием подобных актов мужества. Прямая зависимость будущего от настоящего была предельно очевидна для современников: «Такова сила и безошибочность действия этого механизма, что иначе поступать нельзя; то есть можно, но тогда это равносильно отказу от социального бытия, иногда от физического»[415].

Уместно привести здесь мысль Л. Я. Гинзбург:

> «При Николае I (особенно в пору «мрачного семилетия») люди правительственного аппарата подразделялись на мерзавцев, полумерзавцев и полупорядочных. Мерзавцы помощью мракобесия продвигались выше и душили также и по собственной инициативе. Полумерзавцы мракобесием удерживались на своих местах и душили по приказанию. Полупорядочные от полумерзавцев отличались тем, что приказать им можно было почти все, но не все без исключения. Для некоторых надобностей их не употребляли. Что же делали порядочные? — они не принимали участия. У них были имения, и они имели эту возможность»[416].

Советская власть не предоставила порядочным возможности уклониться от участия в вакханалиях; им нужно было выбирать — присоединиться к одной из трех групп или самим стать жертвой. Иного выхода не было. Адский круг, пронизанный парализующим страхом, был для людей сталинской эпохи суровой реальностью.

> «Мне, — вспоминала О. М. Фрейденберг, — Б. (С. Г. Бархударов[417]. — *П. Д.*) говаривал: “Не осуждайте людей. Особенно советских”. Он хотел сказать, что они поставлены в такое положение, в котором им, для спасенья жизни, приходится прибегать к любым средствам»[418].

Именно по этой причине необходимо сделать очень важную в контексте нашего повествования оговорку:

В абсолютном большинстве случаев участники событий — и те, кто выступал в качестве свидетелей со стороны обвинения, и те, кто признавал несуществующие вины и унизительно каялся, — все они делали это вынужденно. Все эти слова произносились под пыткой, поскольку участники событий — все до единого — были вздернуты на дыбу эпохи.

И многие персонажи этой книги никогда бы не «прославились» как проработчики, а скорее стали бы серьезными учеными, но вся советская система провоцировала людей на такое поведение, и мало кто находил в себе силы противостоять или хотя бы

---

[415] *Гинзбург Л. Я.* Проходящие характеры... С. 207.

[416] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки... С. 208. Запись 1957 г.

[417] Бархударов Степан Григорьевич (1894–1983) — языковед, заведующий кафедрой русского языка (назначен 1 октября 1947 г. вместо В. В. Виноградова), профессор, член-корреспондент АН СССР (1946). Согласно личному заявлению (по настоянию партбюро факультета) освобожден от должности заведующего кафедрой с 1 июня 1948 г. В 1939–1940 гг. был деканом факультета.

[418] *Фрейденберг О.* Будет ли московский Нюрнберг? С. 161.

осмыслить происходящее: сталинизм унавоживал научную почву своей идеологией настолько, что в такой среде могли развиваться лишь те силы и страсти, которые бы работали для укрепления тоталитарного режима.

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ КАК ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

Итак, 19 августа 1946 г. на заседании правления Ленинградского отделения Союза советских писателей СССР состоялось обсуждение литературной деятельности Зощенко и Ахматовой, целью какового было исключение осужденных постановлением ЦК писателей из рядов ССП. Из литературоведов в состав правления кроме Б. М. Эйхенбаума входил и преподававший в университете исследователь творчества А. А. Блока, также специалист по русской литературе XVIII века, В. Н. Орлов. Всего на этом заседании правления присутствовало 17 человек.

Председательствовал А. А. Прокофьев, присутствовал и новый редактор «Звезды» А. М. Еголин. Первым пунктом повестки дня собрания «О литературной деятельности М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой» был вопрос о выводе Зощенко и Ахматовой из всех выборных органов Ленинградского отделения ССП.

В. Н. Орлов отмечал:

> «Особая ответственность в данном случае возлагается на тех, кто печатал Анну Ахматову и выдвигал на первый план советской литературной жизни. <...> Конечно, Анна Ахматова в качестве члена правления и одного из руководителей ленинградской литературной организации — явление странное. Удивительно, что это не приходило нам в голову!»[419]

Диссонансом общему строю звучало наполненное сомнением выступление Б. М. Эйхенбаума:

> «Я единственный седой человек, связанный с далеким прошлым, и для вас не будет неожиданностью то, что мне не так легко и просто отказаться от впечатлений и мыслей, которые связаны с именем Анны Андреевны Ахматовой, через влияние которой я прошел. Было бы ложью с моей стороны сказать, что неделю тому назад я думал так, а сейчас думаю иначе. Я пришел послушать заседание правления в состоянии человека, который должен многое продумать в собственных вопросах в отношении к данным писателям.
>
> Исходя из этого, я хочу сказать, что то, что я понял за эти дни, относится к историческим фактам, то, что мы слышали в резолюции ЦК, должно быть воспринято как факт объективного значения, который нужно понять. Это настолько крупный факт в жизни нашего союза, что основное понятие его в политической основе. Понять в обыкновенной политической жизни — это простить, в исторической понять — это “согласиться”, до конца бросить исторический свет на те явления, которые не совсем были поняты. Политический смысл того, что сказано в резолюции ЦК, стал всем ясен на том заседании и в позднейшие дни, которые были отданы на то, чтобы разобраться во всем этом.
>
> После окончания войны, в той стадии, в которой мы находимся, многое из того, что во время войны звучало как лозунг, теперь с этими лозунгами покончено, сейчас

[419] Заседание правления Ленинградского отделения Союза Советских Писателей от 19 августа 1946 г.: (Фрагмент стенограммы) // Петербургский журнал. Л., 1993. № 1/2. С. 36.

выдвигаются задачи и лозунги совсем другие. Это прежде всего надо понять, и в этом смысле мне ясно, что в отношении к таким явлениям, как М. Зощенко и А. Ахматова — должен быть поворот. Это резкая черта. То, что во время войны в какой-то степени было созвучно у Анны Андреевны Ахматовой, это порождало надежды, что в дальнейшем может измениться, то сегодня звучит в политическом свете вне времени или несвоевременно. Поэтому я считаю, что предложение Александра Андреевича (Прокофьева. — *П.Д.*) для меня в политическом значении абсолютно ясно. В остальных отношениях — для меня это большая и мучительная работа над самим собой, и в чисто литературном отношении еще не все абсолютно ясно»[420].

Безусловно, такое выступление не удовлетворило присутствующих, и Бориса Михайловича сразу попытались урезонить. Это сделал один из ленинградских активистов, ответственный секретарь Правления ЛО ССП и работник ленинградского горкома ВКП(б) Т.А. Кожемякин — противник печатания «Поэмы без героя», преподаватель политэкономии и будущий кандидат экономических наук, которому в тот момент было необходимо еще и «отрабатывать» провинность — не без его участия Ленинградский горком ввел 26 июня М.М. Зощенко в редколлегию «Звезды», после чего его непосредственный начальник И.М. Широков был уволен из горкома. Кожемякин, высказавшись по сути обсуждения, половину своего выступления посвятил университетскому профессору:

«...Я хочу остановиться на выступлении т. Эйхенбаума. Мне кажется, что Борису Михайловичу, как одному из авторитетнейших литературоведов и критиков г. Ленинграда, ведущему кафедру литературы в очень авторитетном учреждении, надлежало бы выступить более резко и более отчетливо, чтобы мы могли понять — каких взглядов придерживается Борис Михайлович, а сказано было туманно: да, я согласен, да, это надо! Да вы не можете не согласиться! Вы же понимающий человек! Решение ЦК поддержано всеми писателями, единодушно одобрено на заседании, где Вы были, и вы не можете не согласиться, потому что тогда Вы становитесь в позу не только защитника этих людей, произведения которых чужды советской литературе, а Вам, как члену правления, наиболее авторитетному литературоведу (наши литературоведы на вас смотрят!) не мешало бы выступить на том заседании (и Вас об этом просили), а сегодня Вы говорите, что Вам "не все ясно"! Что Вам не ясно? Мистицизм, упадничество, пессимизм в произведениях Ахматовой? Разве Вам не ясна клевета на советских людей, враждебность литературы Зощенко? Непонятно! Не является ли эта "неясность" для Бориса Михайловича результатом отрыва от советской литературы и от ленинградской, в частности? Я лично, как член правления, хотел бы услышать четкое, ясное заявление Бориса Михайловича о том, что ему неясно и почему такая неясность существует, тогда как всем все ясно...»[421]

После Т.А. Кожемякина, в полном согласии с собственной фамилией начавшего «критику» Бориса Михайловича, слово пытался взять А.М. Еголин, но председательствующий А.А. Прокофьев сразу перешел к обсуждению резолюции и формальному голосованию.

Кроме выведения фигурантов постановления из состава правления Ленинградского отделения ССП, отдельный пункт принятой единогласно резолюции гласил: «Вынести на общее собрание членов Союза советских писателей г. Ленинграда вопрос о дальнейшем пребывании Зощенко М.М. и Ахматовой А.А. в Союзе советских писателей»[422].

---

420 Заседание правления Ленинградского отделения Союза Советских Писателей от 19 августа 1946 г. С. 37.

421 Там же. С. 38–39.

422 Там же. С. 40.

Б. М. Эйхенбаум оказался на перепутье: выступление на заседании правления ясно продемонстрировало идеологическую несостоятельность его позиции и предопределило грядущие удары политической критики. С другой стороны, Борис Михайлович не смог выйти полностью чистым: он был вынужден проголосовать за резолюцию, что терзало его совесть («Об А. А. сведения печальные: плохо с сердцем, совсем одна. Я не могу пойти после того, как принимал участие в голосовании»[423]). Следует сказать, что, если бы он отказался одобрить резолюцию, он был бы раздавлен намного раньше 1949 г.

На следующий день после заседания Борис Михайлович записал в дневнике:

> «...Было обсуждение <...>. Мне тоже пришлось: я сказал о политической стороне постановления, а о литер[атурной] стороне вопроса сказал: “Было бы никому не нужной ложью, если бы я сказал, что мне легко принять то, что сказано об Ахматовой и Зощенко” и т. д. Это звучало некоторым отличием от вполне подлых речей [Н. Л.] Брауна, [Н. Н.] Никитина и прочих. На меня обрушился было секретарь [Т. А.] Кожемякин, но не успел он кончить, как Прокофьев, не дав ни секунды времени, объявил голосование резолюции. Это было неспроста, а специально для того, чтобы не давать хода дальнейшему обсуждению моей речи. Интересно, что после моей речи Еголин подходил к Прокофьеву и шептался с ним — не о том ли, чтобы не обсуждать меня? Характерно, что в своем дальнейшем выступлении (о “Звезде” и перестройке работы Союза) Еголин, подробно остановившийся не только на беллетристике “Звезды”, но и на статьях ([П. П.] Громова, Т. [Ю.] Хмельницкой), не сказал ни слова о моих»[424].

По-видимому, позиция Кожемякина оказалась тогда недостаточно «принципиальной», и 12 октября на первом заседании избранного 10 октября нового состава президиума ЛО ССП «для усиления» присутствовали уже секретарь горкома Я. Ф. Капустин, заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации горкома С. И. Аввакумов, а также приехавший из Москвы член секретариата ССП Борис Горбатов[425].

Невольно возникает вопрос: почему/зачем Борис Михайлович вообще пошел на заседание правления? Ведь это собрание можно было и пропустить (как, собственно, и поступили О. М. Форш, Е. С. Добин, М. Л. Лозинский...). Свет на обстоятельства проливают воспоминания его дочери Ольги Борисовны:

> «Мама умоляла папу не ходить на то страшное собрание: “Скажи, что ты болен. Ты достаточно пожилой человек, чтоб не ходить туда”. Но папа сказал: “Я не имею права не пойти на эту казнь. Все идут, а я буду сидеть дома?” Он мучительно просидел ночь за столом, придумывая, как ему выступить... И он выступил, назвал Анну Андреевну Ахматову полным именем, а не какими-то подлыми словами. Так же сказал и о Зощенко. Показав на свои седины, сказал, что не может говорить иначе и что он понимает: это — политическое дело. После его выступления представитель из Москвы (А. М. Еголин. — *П.Д.*) хотел взять слово — ему не понравилось вступление Эйхенбаума, но Прокофьев, который был тогда главой Ленинградского отделения Союза писателей, тут же, сразу, собрание закрыл — не дал ему слова. И все-таки

---

[423] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 191.

[424] Там же. С. 190.

[425] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2187. Л. 41. Он был командирован в Ленинград для разъяснения постановления Секретариатом ССП СССР.

надо было голосовать за исключение Зощенко и Ахматовой — и он голосовал, хотя для него это была казнь»[426].

На следующий день, 20 августа, в газетах «Культура и жизнь» и «Ленинградская правда» было напечатано постановление ЦК, а 21-го числа оно было оглашено в «Правде» и прочитано по Всесоюзному радио. Поток гневных статей, заседаний и обсуждений захлестнул страну.

Очень показателен тот факт, что в Ленинграде нескончаемое газетное заушательство было начато именно литературоведом. 4 сентября в «Ленинградской правде» была напечатана статья «Пошлость и клевета под маской литературы»[427], посвященная постановлению ЦК и, по большей части, одному из его фигурантов Михаилу Зощенко. Автором статьи был профессор филологического факультета ЛГУ, заместитель директора Пушкинского Дома Л. А. Плоткин[428].

---

[426] Из воспоминаний О. Б. Эйхенбаум // *Эйхенбаум Б. М.* «Мой временник»...: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2001. С. 636–637.

[427] *Плоткин Л.* Пошлость и клевета под маской литературы // Ленинградская правда. Л., 1946. № 208. 4 сентября. С. 2.

[428] Плоткин Лев Абрамович (1905–1978) — литературовед, критик; член ВКП(б) с 1939 г. Родился в Гомеле, в 1925–1930 гг. работал в газетах Гомеля («Набат молодежи», в 1925–1926 гг. заведовал литературным отделом; «Полесская правда», редактор в 1926–1927 гг.) и Воронежа («Коммуна», заведующий отделом, 1927–1930 гг.). В 1926 г. окончил школу, в 1927 г. поступил на литературное отделение педагогического факультета Воронежского университета. По окончании, в 1930 г., был оставлен в аспирантуре и в 1933 г. защитил диссертацию. Справочник ИРЛИ указывает, что темой этой диссертации была «Писарев как литературный критик» (Научные сотрудники Пушкинского Дома, 1905–2005 // Пушкинский Дом: Материалы к истории, 1905–2005. СПб., 2005. С. 506), однако сам Лев Абрамович определяет в автобиографии ее иначе: «Из истории эстетических учений 60-х гг.» (ГА РФ (ЦХСФ, г. Ялуторовск Тюменской обл.). Ф. 9506 (ВАК при СМ СССР). Оп. 12. Д. 286. Л. 27). Кроме того, изначально тема была другой: «Серьезно стал заниматься аспирантурой с 1930 года. Первоначально мною была выбрана тема “Творчество Достоевского”, но, увидя, что ее в три года нельзя выполнить, отказался от нее» (ЦГАИПД СПб. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 161. Л. 53. 27 ноября 1936 г.). Одновременно с работой доцента Воронежского пединститута Л. А. Плоткин участвовал в 1934 г. в работе I съезда советских писателей в качестве делегата от Центрально-Черноземной области, после чего организовывал Воронежское отделение ССП. В начале 1935 г. зачислен в докторантуру Пушкинского Дома, принимал активное участие в общественной работе института и был принят кандидатом в члены ВКП(б); с 1937 г. — заведующий редакционно-издательским сектором, с 1938 г. — заместитель директора. С октября 1939 г. по декабрь 1941 г. — директор 1-го ЛГПИИЯ, с 24 июня 1941 г. — опять заместитель директора ИЛИ, в ноябре вместе с Институтом эвакуирован в Казань, где 29 июля 1943 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Писарев и общественно-литературная борьба 60-х годов» (оппонентов было четверо — А. М. Деборин, Н. С. Державин, В. А. Десницкий и П. И. Лебедев-Полянский, степень присуждена единогласно), на защите выступал профессор А. А. Вознесенский, бывший в тот момент в Казани. С декабря 1946 г. — профессор. С ноября 1942 г. по декабрь 1946 г. по совместительству работал ученым секретарем РИСО АН СССР. Одной из наиболее известных научных работ Л. А. Плоткина довоенного времени стала статья «Сталин» для Литературной энциклопедии (не была опубликована, но многократно обсуждалась).

В качестве портрета Л. А. Плоткина довоенного периода приведем выдержку из его выступления на заседании бюро ВО РК ВКП(б) 28 июня 1937 г., где в тот день было принято постановление «О состоянии работы в Институте литературы Академии наук СССР»: «Недостатком в работе нашего Института является то, что он до сих пор еще не является общесоюзным учреждением, не является авторитетом всесоюзного масштаба литературоведческого центра. Почему это происходит. Помимо вредительства врагов народа и прочего, этот недостаток вытекает из особенностей

Обстановка в университете также не предвещала ничего хорошего. 26 августа Б. М. Эйхенбаум после каникул вышел на работу в университет:

«...Был первый раз в Университете, видел М. П. Алексеева, говорил о делах. Там кутерьма и хаос. Вознесенский в Москве, а М. П. подал заявление об уходе с деканства и ничем по-настоящему не интересуется, кроме своих личных дел. Положение с учебными делами трудное»[429].

Вернувшись из Москвы, ректор начал учебный год с обсуждения задач, поставленных партией:

«4 сентября, ректор университета, профессор А. А. Вознесенский, на объединенном заседании кафедры русской литературы и кафедры западных литератур сделал обстоятельный доклад о постановлениях ЦК ВКП(б) от 14 и 26 августа и о вытекающих из них указаниях для перестройки работы филологического факультета. Особенно отметил проф[ессор] Вознесенский необходимость внимания к преподаванию советской литературы, борьбе с низкопоклонством перед Западом, решительного отказа от идеализации деятелей прошлого, необходимость преодоления приятельской атмосферы на кафедрах. В прениях по докладу ректора приняли участие профессора М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, В. Е. Евгеньев-Максимов и др. Одним из важнейших практических решений этого совещания было постановление о детальном обсуждении и реализации выводов из появившихся за это время постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии, на заседаниях кафедр и скорейшее внедрение в работу факультета указаний ректора»[430].

Б. М. Эйхенбаум записал в дневнике:

«Было собрание у ректора с его речью, обращенной к русской и западной кафедрам. Все, как полагается чиновнику, — я записал по пунктам. Упоминал обо мне — в связи с вопросом о формализме и о работе русской кафедры. Я сказал несколько слов — в том числе о том, что теперь во главе кафедры надо бы поставить другого человека. От одного товарища слышал, что в Москве мое имя фигурирует в связи с выступлением на заседании правления — возможны некоторые выводы»[431].

На следующий день, 5 сентября, состоялось грандиозное собрание научных работников университета. Присутствовало более тысячи человек. Профессорам торжественно

наших кадров. В чем их особенность. Жирмунский, Десницкий, Пиксанов, Эйхенбаум имеют большие знания, но они имеют очень отдаленное отношение к марксизму, к боевой литературе, к политической работе у нас в стране. И вот эти люди накладывали особый отпечаток на всю работу Института. Отсюда: крохоборчество, отказ от больших монографий, прохождение мимо больших литературно-политических кампаний, развертываемых в нашей стране. Отсюда традиция старой Академии Наук, которая пыталась быть как можно дальше от злободневности и дальше XVI-го века не шла. Нужно поставить вопрос о привлечении к работе Института кадров партийных литературоведов и критиков, которые находятся большей частью в Москве. Привлечь — это не значит взять в штат на полный оклад. Можно привлечь врага народа [Д. П.] Мирского из Москвы, Франца [Петровича] Шиллера, почему не привлечь [В. Я.] Кирпотина, [М. М.] Розенталя, [И. С.] Новича, насыщенных боевым духом? Привлечь их к работе Института, призывать на заседания, собрания. Это влило бы живую струю в ту казенную атмосферу, которая царит в нашем институте» (ЦГАИПД СПб. Ф. 2109. Оп. 2. Д. 168. Л. 9–10).

[429] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 191.

[430] *Берков П. Н., Мордовченко Н. И.* Указ. соч. С. 140–141. Неясно, почему в начале это мероприятие названо заседанием, а в конце — совещанием; по сути, это было совещание сотрудников упомянутых кафедр у ректора ЛГУ.

[431] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 191.

вручали университетские значки, работали кинокамеры[432], программную речь держал А. А. Вознесенский. Обстановка была накалена, и не только из-за теплой погоды (стоял сухой, безоблачный осенний день, было около 20°С)[433], но и из-за происходящего.

Сперва прошла торжественная часть, о которой новостная лента ЛенТАСС сообщала:

> «5 сентября в Ленинградском университете состоялось вручение нагрудных университетских знаков, утвержденных Указом Президиума Верховного Совета СССР. Знаки были вручены группе лиц, окончивших Университет в период с 1918 по 1946 год.
>
> Первыми получают университетский знак декан филологического факультета проф[ессор] М. П. Алексеев, ректор университета проф[ессор] А. А. Вознесенский, проректор по научной работе проф[ессор] С. В. Калесник, декан механико-математического факультета проф[ессор] К. Ф. Огородников, астроном проф[ессор] В. В. Шаронов и другие.
>
> Затем знаки были вручены группе бывших студентов, окончивших университет в этом году.
>
> Проф[ессор] Алексеев и аспирант Волынкин в своих выступлениях подчеркнули значение университетского знака, как символа непрерывного совершенствования знаний людьми, окончившими советские университеты»[434].

В данном мероприятии опять профессора филологического факультета оказываются выделены на общем фоне: первым, кому был вручен знак, стал декан профессор М. П. Алексеев, но, кроме того, ректор получил знак из рук еще одного приближенного к нему профессора — будущего академика В. В. Виноградова[435].

После торжественной части с речью о постановлении ЦК и текущем моменте выступил А. А. Вознесенский.

О. М. Фрейденберг записала по поводу этого собрания:

> «Новый учебный год начался собранием всех преподавателей, которых поучал и напутствовал ректор. Такие собрания проходили в “строго обязательном порядке”, посредством грозных приказов, почти кулаков. Всех переписывали, проверяли, докладывали списки ректору. Я впервые пошла на такой “акт”. Ждали напутствий и жаждали: в августе вышло знаменитое по открытому полицейскому цинизму постановление ЦК о “Звезде” и “Ленинграде”. Оно вышло перед приходом ко мне Б. (С. Г. Бархударова. — *П.Д.*), который был, помню, поражен тем, что мы показали на весь мир, что искусство создается у нас по прямой указке регулирующего органа.
>
> Уже внизу висели распоряжения не пропускать в зал в верхнем платье и в “головных уборах”: ответственность ректор возлагал на... пожарную охрану.
>
> Меня не пропускали. Я была в костюме и в летней широкой шляпе. Снять шляпку я соглашалась только вместе с юбкой. Охранник убежденно мне сказал: “Все равно ректор снимет с вас шляпу, вам же хуже будет — стыдно”.

---

[432] В этот день Ленинградская студия кинохроники снимала в сюжет «Вручение университетских значков» (оператор Г. Трофимов) для «Ленинградского киножурнала» (№ 26, сентябрь 1946 г., режиссер М. Л. Левков; РГАКФД, инв. № 14513). Кадр из этого сюжета воспроизводится в настоящем издании.

[433] Погода на завтра // Вечерний Ленинград. Л., 1946. № 208. 4 сентября. С. 1.

[434] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 68. Л. 52–53 («Вручение университетских знаков»).

[435] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2183. Л. 77. Последние известия, Ленинградский выпуск, 5 сентября 1946 г. (21:45–21:59): «Профессор Виноградов вручает университетский знак ректору Университета профессору Вознесенскому». Это последнее предложение в новости о вручении знаков было вычеркнуто редактором и в эфир не пошло.

Зал был полон блестящей гарцующей публики. Это было время оглядки на "культуру", на заграницу; от нас требовали, чтоб мы не смели быть плохо одетыми. Горели огни, было торжественно и "грозно". Перепуганные ученые женщины сидели без шляп. Стояла густая "атмосфера" тщеславия. Я сохранила рядом с собой место для Тронского, но он молча улыбнулся и занял место подальше от меня. Я очутилась с Иоффе[436].

Каково же было наше изумленье и разочарованье, когда появился ректор, борец за галстухи и манжеты, в русской рубашке под пиджаком, с "расхристанным" воротом. Это символизировало перемену политического курса и поворот идеологии в сторону "великого русского народа", прочь от "низкопоклонства" перед Западом.

Первое, что сказал ректор, это о ремонте университетского коридора. Затем он пригрозил профессорам, чтоб они помнили это и не пачкали коридора.

— Не пи́сать у стен! — пояснила я соседям, и они согласились со мной.

Затем пошли вещи более существенные. Ректор заговорил о постановлении ЦК, о дипломатической войне, о противопоставлении двух миров, заграницы и СССР. У него была такая фраза: "К сожалению, многие из советских людей увидели заграницу. Это заставило их ослепиться показной культурой. Мы теперь должны разоблачить этих людей, тщательная осторожность в отношении всего, что идет в печать".

Я думала: "Господи, да какой же это позор! И не стыдно публично говорить! Ректору перед профессурой!"

Вечер оказался мучительный. Десятки киноаппаратов стали ослеплять нас невыносимо ярким светом. Образовалась духота, от которой становилось дурно.

Я боялась потерять сознание. Комната была затемнена и наглухо закрыта "по приказу". Пот лился ручьем, билось сердце и стучало. Это снимали ректора.

Но не так ли мы все были заперты, и задыхались, и невыносимый, никому не нужный световой мяч резал нам глаза, чтоб запечатлевать величие фигляров и палачей?

Итак, какое бедствие у державы: некоторые граждане, посланные самим государством грабить чужие земли, пробрались за границу! Какая катастрофа! Кто-то вырвался из Союза и увидел, как живут люди за тюремной стеной.

Сталин лопался. Было ясно, что тех, кто увидел заграницу, начнут преследовать, изолировать, держать вдали от незараженных советских граждан. Так и пошло. Их мучили, ссылали, не принимали на работу. Дезинфекция пошла, однако, и другим путем. Начали бить по голове. Было объявлено самым грозным образом, что заграница есть зло, а мы — добро. Постановление ЦК в беззастенчивой форме напоминало писакам, что они — агенты тайной полиции, которые обязаны слушаться начальства и создавать "высокохудожественные произведения", иначе им дадут подзатыльник»[437].

Ситуация на факультете осложнилась: активисты разъясняли постановление, информаторы доносили о том, что не все еще «определились». Недаром парторг филологического факультета, преподаватель немецкого языка А. И. Редина[438] в своем докладе «О росте парторганизации и воспитании молодых коммунистов», сделанном 23 сентября 1946 г. на закрытом партсобрании факультета, где присутствовало 94 чело-

---

[436] Иоффе Иеремия Исаевич (1891—1947) — доктор искусствоведения, профессор и заведующий отделением истории искусств исторического факультета ЛГУ.

[437] *Фрейденберг О.* Будет ли московский Нюрнберг? С. 149—151.

[438] Редина Антонина Ивановна (1913—2000) — старший преподаватель кафедры немецкого языка, парторг факультета, впоследствии — заместитель декана (1948—1950).

века — 64 члена ВКП(б) и 29 кандидатов, обратила особое внимание на вопиющее обстоятельство: «Все ли студенты поняли постановление ЦК партии о журналах “Звезда” и “Ленинград”? Нет! И я заявляю это со всей ответственностью»[439]. Особенное внимание коммунистов вызвал тот факт, что некоторые из студентов факультета поддерживают отношения с осужденной постановлением А. А. Ахматовой — навещают ее дома, приносят цветы: «Цветы Ахматовой студентки приносили до постановления ЦК или после? — Цветы приносили до постановления, а навещали после»[440].

Брожение по поводу постановления ЦК о литературных журналах продолжалось. Основные шишки падали на седую голову Б. М. Эйхенбаума. С момента первого упоминания об Эйхенбауме в статье Н. Маслина в «Культуре и жизни» от 10 августа Борис Михайлович стал основной целью критики и в Пушкинском Доме, и на факультете, и даже в прессе.

6 сентября состоялось открытое собрание парторганизации Ленинградского университета, на котором обсуждалось постановление ЦК. Ленинградское отделение ТАСС сообщало в ленте новостей:

> «На собрании коммунистов Ленинградского университета, посвященном постановлению ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград”, с докладом выступил проф[ессор] Вознесенский.
>
> Докладчик указал на ряд существенных недостатков в политическом воспитании студенчества.
>
> В стенах университета формируются взгляды людей, призванных в будущем стать воспитателями молодежи в духе марксистско-ленинского литературоведения. Об этом зачастую забывают некоторые профессора и преподаватели, особенно филологического факультета. Сюда все еще проникают чуждые влияния: эстетство, враждебные нам идейки “искусства для искусства” и т. д.
>
> На серьезные упущения и промахи в идеологической работе указывали также выступившие в прениях проф[ессор] [М. В.] Серебряков, доцент [З. Н.] Мелещенко, кандидат юридических наук [Р. Л.] Бобров, аспирант кафедры русского языка [Б. С.] Локшина и другие.
>
> Они подчеркивали, что на ряде факультетов критика до сих пор ведется боязливо, с учетом приятельских отношений. Нет большевистской принципиальности. Все это вредит делу, мешает развертыванию научной и учебной работы с необходимой глубиной и размахом»[441].

Б. С. Локшина говорила о положении на факультете:

> «В своем докладе т. Вознесенский большое внимание уделил нашему факультету; в сущности — это правильно, так как указания в области литературы, сделанные ЦК партии, в первую очередь касаются нашего факультета. Мы должны бороться с декадентством Анны Ахматовой, с пошляками [sic!] Зощенко! Но нам это сделать очень трудно. <...>
>
> Грешили мы и тем, что преклонялись перед авторитетами. Были у нас на факультете встречи с многими писателями и поэтами, после которых они всегда говорили, что эти встречи им многое дали, так как наша молодежь выдвигала требования, попросту

[439] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 129. Л. 37 об.
[440] Там же. Л. 34.
[441] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 68. Л. 106–107 («За большевистскую идейность в научной работе: Коммунисты — научные работники обсуждают постановление ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград”»).

указывала на их недостатки. Наряду с встречами нужными, каемся всенародно, были у нас "творческие" встречи с Анной Ахматовой. Правда, одна. Отнеслись к ней с уважением, как к обломку старой культуры, молодежь не бурно реагировала на ее высказывания, на выступление. В своей массе молодежь у нас здоровая и не может поддаться влиянию пессимизма Ахматовой»[442].

Этого вопроса коснулась и заместитель парторга университета Н. В. Спижарская[443]:

«Многие из нас читали Зощенко и Ахматову и поправок не сделали. Мы забываем, что корни всего этого лежали в группе "Серапионовых братьев", которые считали, что поэт может быть гражданином, а может и не быть. Такая беспринципность, такой взгляд конечно не может быть присущ нашим советским писателям. Предоставление трибуны Анне Ахматовой также странно, как если бы мы стали печатать Мережковского, Сологуба и других. Если бы наша литература пошла за Зощенко и Ахматовой — мы пришли бы к варварству»[444].

Именно «боязливость» критики нашла отражение в статье «Критика вполголоса» в университетской газете, но и этого полголоса хватило, чтобы прозвучало имя Эйхенбаума:

«С докладом выступил ректор Университета профессор А. А. Вознесенский. Докладчик, дав основательную критику фальшивых произведений Зощенко, Ахматовой и самих авторов, совершенно не остановился на недостатках идеологической работы в Университете. Он упомянул только о профессоре Б. М. Эйхенбауме, о котором уже говорилось в печати, не привел ни одного конкретного примера из практики филологического и других факультетов. В этой части доклад т. Вознесенского был не самокритичным. Так и остались невскрытыми до конца коренные причины отставания идеологической работы некоторых кафедр и факультетов»[445].

Впрочем, даже в статье доцента С. А. Маситина «За высокую идейность университетских кадров»[446], напечатанной в университетской газете, не были забыты ошибки Эйхенбаума (со ссылкой на статью Маслина в «Культуре и жизни»).

---

[442] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 117. Л. 29 об. – 30.

[443] Спижарская Надежда Васильевна (1911–1990) — доцент филологического факультета, заведующая кафедрой немецкого языка, заместитель секретаря парткома ЛГУ.

[444] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 117. Л. 31.

[445] Критика вполголоса // Ленинградский университет. Л., 1946. № 32. 14 сентября. С. 2.

Интересен факт, что в ноябре статьей с точно таким же заголовком было удостоено отчетно-выборное партийное собрание филологического факультета Московского университета; статья завершалась словами: «Слабая самокритика и критика на партсобрании говорит о том, что с этим вопросом в партийной организации филологического факультета вообще дело обстоит неблагополучно» (*Евгеньев З.* Критика вполголоса: С отчетно-выборного партийного собрания филологического факультета // Московский университет. М., 1946. № 37, 29 ноября. С. 2).

[446] *Маситин С.* За высокую идейность университетских кадров // Ленинградский университет. Л., 1946. № 31. 7 сентября. С. 1. Отдельного упоминания заслуживает и автор — Сергей Алексеевич Маситин (1900–?), один из первых комсомольских активистов города: в 1918 г. был секретарем Социалистического союза рабочей молодежи 1-го городского района Петрограда, делегат от Петрограда на съезде рабочей и крестьянской молодежи в Москве в октябре 1918 г., первый председатель Петрогубкома комсомола и кандидат в члены ЦК РКСМ. Работал в газете «Красный Балтийский флот», затем поступил в ЛГУ на факультет советского права, стал первым редактором университетской газеты ЛГУ, пилотный номер которой вышел 7 ноября 1927 г. Впоследствии кандидат юридических наук, доцент юридического факультета ЛГУ, заведующий ка-

В эти же дни состоялось расширенное — так называемое кустовое — партсобрание ленинградских академических учреждений. ЛенТАСС сообщал 9 сентября:

«Ленинградские институты и другие учреждения Академии наук СССР ведут многообразную работу. Они решают проблемы большого научно-практического значения. Особое место занимает Институт литературы, призванный быть на передовых позициях идеологического фронта.

Каков же идейно-политический уровень деятельности институтов? Каково качество их научной продукции? Как идет воспитание молодых научных кадров? Все эти вопросы широко обсуждались на кустовом собрании коммунистов академических учреждений, посвященном постановлению ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград".

Докладчик проф[ессор] Плоткин подчеркнул исключительное значение этого постановления. Он отметил недостаточную идеологическую вооруженность научных работников, в том числе коммунистов. Это привело, в частности, к тому, что сотрудники Института литературы не только совершенно не подвергли критике пасквили Зощенко и чуждое советской литературе "творчество" Ахматовой, но даже расхваливали их на страницах газет и журналов. Политическую близорукость проявили критики И. Эвентов и В. Орлов, поднимавшие на щит безыдейные, пошлые "произведения". Опыт показал, что по существу не расстался со своими формалистскими взглядами проф[ессор] Б. Эйхенбаум.

Серьезные ошибки имеют место и в работе других научных коллективов.

По докладу развернулись оживленные прения.

— Нельзя больше мириться с тем, — сказал доктор филологических наук тов. Мейлах, — что Институт литературы не занимается вопросами современной литературы.

Теоретический уровень литературоведения очень невысок, мало выпускается учебников, а издаваемые нередко содержат грубейшие политические ошибки»[447].

8 сентября в «Ленинградской правде» была напечатана статья Т. К. Трифоновой «Об ошибках ленинградских критиков», где она дала свою оценку и поведению Б. М. Эйхенбаума:

«Критик-коммунист Е. Добин[448] в своих восхвалениях Ахматовой не отставал от поэта Сергея Спасского, поэта в достаточной мере аполитичного и эстетствующего, или от Б. М. Эйхенбаума, оставшегося в оценке ахматовской поэзии на своих старых формалистических позициях»[449].

В тот день Борис Михайлович записал в дневнике:

«Сегодня в "Лен[инградской] правде" статья дуры Трифоновой[450] о критиках; упомянуто и мое имя в связи с Ахматовой, а в другом месте — явный намек на мою статью

федрой государственного права. Был активистом и лектором, особенной популярностью пользовалась его лекция «И. В. Сталин — творец самой демократической конституции в мире», которая была дважды опубликована отдельными изданиями.

[447] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 68. Л. 103–104 («За большевистскую идейность в научной работе: Коммунисты — научные работники обсуждают постановление ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград"»).

[448] Добин Ефим Семенович (1901–1977) — критик и литературовед, член РКП(б) с 1919 г.

[449] *Трифонова Т.* Об ошибках ленинградских критиков // Ленинградская правда. Л., 1946. № 211. 8 сентября. С. 3.

[450] Стоит отметить, что профессор Б. М. Эйхенбаум был неплохо знаком с «дурой Трифоновой» — Тамарой Казимировной Трифоновой (1904–1962), родной сестрой писательницы В. К. Кетлинской, поскольку тогда они были еще и соседями по «писательской надстройке» на канале Грибоедова, 9: Б. М. Эйхенбаум жил в 48-й квартире, а Т. К. Трифонова в 53-й

"Поговорим о нашем ремесле" ("теорийка"), которую не так давно та же Трифонова называла на собрании в Союзе «блестящей». Вот чудно, если Трифонова станет главой критиков в Ленинграде! В том же № объявлен в лектории горкома цикл лекций о сов[етской] литературе и критике: Еголин, Плоткин, М. Лифшиц и Друзин. Прелесть! Интересно, до чего докатимся в этом новом погроме»[451].

Нападки на Б. М. Эйхенбаума, который готовился отметить в октябре свой 60-летний юбилей, побуждали его махнуть рукой на последствия и просить отставки с должности заведующего кафедрой в университете:

«11 [сентября]. В газете "Лен[инградский] университет" — передовая статья, в кот. о нашем фак [ульте]те, о нашей кафедре и обо мне (опять формализм!). Я думаю подать сегодня заявление об освобождении от кафедры, но Алексеев против. Вознесенский напакостил и улетел отдыхать в Гагры. <...>

12 [сентября]. Вчера звонил заместителю ректора С. В. Калеснику по поводу статьи в газете — он считает, что не надо обращать внимания. Посмотрим, что будет на комсомольском собрании. <...>

14 [сентября]. Вчера было комсомольское собрание филфака, совершенно спокойное и формальное. Ничего неприятного ни по адресу кафедры, ни по моему личному адресу не было (записано в книжечке). По поводу основного доклада Деркача[452] (в кот[ором] по необходимости было и обо мне) поступила забавная анонимная записка: "Какое право имеет этот молокосос, личность, как видно, невысокая, критиковать нашего уважаемого профессора Б. М.Э.? Многие студенты — не поклонники Эйхенбаума". Были и другие любопытные записки. Я не выступал. Плохо (фальшиво и скучно) выступал Д. Е. Максимов. Ищет популярности»[453].

«18 сентября состоялось заседание кафедры западноевропейских литератур, на котором зав[едующий] кафедрой проф[ессор] В. М. Жирмунский сделал доклад "О задачах кафедры в связи с постановлением ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград". В этом докладе проф[ессор] Жирмунский указал на основополагающее значение постановления ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград» для всей работы на идеологическом фронте, и в особенности в области литературы, критики и литературоведения.

Для выполнения ответственных задач, возложенных на членов кафедры, как на работников идеологического фронта, необходимо повысить уровень марксистско-ленинской подготовки членов кафедры, повысить методологический уровень научной

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 372 (ЛО Литфонда СССР). Оп. 1. Д. 11. Л. 26–26 об.). Как пишет в своем дневнике К. И. Чуковский, Т. К. Трифонова была привлечена «в качестве лжеэксперта» при осуждении театрального критика С. Д. Дрейдена, арестованного в Ленинграде в декабре 1949 г. (*Чуковский К. И.* Указ. соч. С. 187).

В послевоенные годы Т. К. Трифонова выступала со статьями вполне определенной направленности — «Люди, идущие к коммунизму» (Звезда. Л., 1948. № 12. С. 177–185); «Черты великой эпохи» (Звезда. Л., 1949. № 11. С. 150–159) и т. п.; с подобными по проблематике текстами она выступала и на Ленинградском радио. 14 марта 1949 г., например, в эфире прозвучала ее статья «Художественная литература в помощь пропагандисту» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 3163. Л. 43–55 (21:00–21:24)).

[451] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 193.

[452] Деркач Самуил Самуилович (1906–1986) — преподаватель кафедры истории русской литературы, с марта 1947 г. заместитель секретаря парткома ЛГУ; кандидат филологических наук (1949 г., тема — «Валериан Николаевич Майков», защищена 2 февраля). Весной 1949 г. арестован и осужден как троцкист, освобожден в 1956 г., впоследствии преподавал в ЛГУ.

[453] Там же. С. 193–194.

и учебной работы. В качестве основных недостатков литературоведческой работы, порою дающих себя знать и на кафедре, проф[ессор] Жирмунский отметил узкую, эмпирическую фактографию, идеализацию идеологического прошлого, препятствующую правильной критической оценке литературного наследия запада; недостаточное внимание, уделяемое изучению и преподаванию новейшей и современной литературы, в частности зарубежной, — критике и разоблачению упадочных и реакционных течений современной художественной литературы и западного литературоведения. Далее докладчик изложил конкретные задачи кафедры в области преподавательской и научной работы и подготовки кадров.

По докладу развернулись оживленные прения, в которых приняли участие: проф[ессор] А.А. Смирнов, проф[ессор] М.П. Алексеев, проф[ессор] Б.Г. Реизов, доц[ент] М.Л. Тронская, доц[ент] Б.Я. Гейман и др. Приняты решения о пересмотре программ по истории западноевропейских литератур, в первую очередь — разделов о новой и новейшей западной литературе. Рекомендовано для повышения научного уровня преподавания усилить руководство старших членов кафедры работой молодых преподавателей и практиковать повседневную деловую проверку заведующим кафедрой хода преподавательской работы. Решено также усилить разработку проблем влияния русской и советской литературы на западную, а также систематически ставить на заседаниях кафедры обсуждение ряда критических обзоров о новейших трудах по советскому и зарубежному литературоведению»[454].

Профессора кафедры истории русской литературы прошли в последнюю неделю сентября через несколько собраний: 23 сентября — заседание кафедры на факультете, 25 сентября — большое собрание в Пушкинском Доме, 26 сентября — заседание Ученого совета филологического факультета. Это был настоящий марафон, причем университетская профессура (имея в виду литературоведов) должна была в обязательном порядке присутствовать на всех мероприятиях. «Надо иметь бешеное здоровье и железные нервы», — писал об этой горячей неделе Б.М. Эйхенбаум[455].

И такой перечень отнюдь не исчерпывает всех состоявшихся заседаний. 23 сентября, к примеру, состоялось еще и партсобрание филологического факультета. Парторг факультета А.И. Редина особенно отметила в своем выступлении:

«Работа с профессорско-преподавательским составом была поставлена из рук вон плохо. Партийное бюро предоставило самотеку этот важнейший участок работы. Партийная организация не оказывала никакого влияния на коллектив профессоров и преподавателей. Это сказалось на научной деятельности кафедр, особенно литературоведческих, которые оказались в отрыве от актуальных проблем советской литературы»[456].

Были и недовольные работой партбюро. Студент Л.Р. Клецкий, будущий преподаватель кафедры истории ВКП(б) ЛГПИ имени А.И. Герцена, «говорил о том, что партбюро до сих пор еще очень мало сделало по разъяснению постановления ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград”. Вместе с тем он отметил, что на факультете имеются эстетствующие и декадентствующие студенты, преклоняющиеся перед культурой Запада»[457].

---

[454] *Берков П.Н., Мордовченко Н.И.* Указ. соч. С. 141.

[455] *Эйхенбаум Б.М.* Дневник 1946 года. С. 194.

[456] *Журавлев И.* Все еще перестраиваются: На собрании коммунистов филологического факультета // Ленинградский университет. Л., 1946. № 34. 28 сентября. С. 2.

[457] Там же.

Ситуация на филологическом факультете довольно показательна: постоянно находились активисты, настаивавшие на том, что критика недостаточна, и стремились проявить себя. Партбюро вынуждено было сперва мириться с такими выдвиженцами, а затем уже сами выдвиженцы взяли руководство парторганизацией в свои руки.

Статья, появившаяся в газете «Ленинградский университет» после партсобрания, отражала взгляды одного из представителей этого нарождающегося поколения; она была озаглавлена «Все еще перестраиваются»[458]. Но не только активные студенты мечтали вцепиться в горло своим преподавателям и однокашникам: подобная борьба, когда, пользуясь новым витком идеологической активности, сводились личные счеты или достигались очередные этапы карьерного роста, с не меньшим успехом использовалась и преподавателями.

В тот же день, 23 сентября, состоялось заседание кафедры истории русской литературы, посвященное обсуждению постановления ЦК. Проводил его заведующий кафедрой профессор Б. М. Эйхенбаум.

> «В развернувшихся прениях приняли участие присутствовавший на заседании декан филологического факультета профессор М. П. Алексеев, члены кафедры — проф[ессор] В. Е. Евгеньев-Максимов, проф[ессор] Б. М. Эйхенбаум, проф[ессор] П. Н. Берков, проф[ессор] Л. А. Плоткин, проф[ессор] Г. А. Бялый, доц[ент] И. Г. Ямпольский, доц[ент] Н. И. Мордовченко, асс[истент] Г. П. Макогоненко, асп[ирант] С. С. Деркач и др. Выступавшие отметили, что в работе кафедры были недостатки и ошибки, которые должны быть исправлены в кратчайший срок. Главным недостатком являлась слабая постановка изучения и преподавания советской литературы; на кафедре не был достаточно силен дух критики и самокритики; кафедра мало занималась обсуждением собственной педагогической работы, вследствие чего многие упущения оставались незамеченными. Большинство из выступавших подчеркивало, что первый долг кафедры и ее членов заключается в том, чтобы основательно разъяснить смысл постановления ЦК ВКП(б) студенческой молодежи не только филологического факультета, но и других факультетов университета. В этой связи был затронут вопрос о неудовлетворительном состоянии воспитательной работы со студентами, особенно младших курсов, и разобщенности студентов и преподавателей. Отмечалось, что среди студентов необходимо повседневно развивать интерес к советской литературе, а также к теории и методологии литературной науки. Некоторые из выступавших указывали, что, хотя в преподавании русской литературы кафедра всегда уделяла большое внимание освещению революционно-демократического литературного наследия (Белинский, Чернышевский, Некрасов и др.), что, несомненно, является положительным фактом, но внимание к советской литературе, особенно за последние годы, очень ослабело. Между тем необходимо не только всячески укрепить курс советской литературы, но и усилить связь всей научной и учебной работы кафедры с современной литературой. Говорилось также, что часть общего курса истории русской литературы, посвященная символизму и другим упадочным течениям, в настоящее время непропорционально велика, нуждается в сокращении и решительном пересмотре. Выступавшие отмечали также отсутствие единого методологического подхода в читаемых членами кафедры курсах и не изжитые еще тенденции к идеализации явлений прошлого, элементы ложного академизма и бесстрастия.

[458] Там же.

Кафедра русской литературы приняла решение пересмотреть и обсудить все программы читаемых курсов, как общих, так и специальных, еще раз вернуться к пересмотру тем семинарских и дипломных работ, увеличить число аспирантских диссертаций по советской литературе»[459].

На следующий день Борис Михайлович поместил в своем дневнике некоторые мысли о произошедшем:

«Вчера был трудный день — такого давно не было. С утра работал, но с трудом — отвлечено внимание. Написал очень мало. Потом заседание кафедры в присутствии корреспондентов из "Лен[инградской] правды". Ужасно вел себя Евгеньев-Максимов — совершенно подлый старик, всеми средствами добывающий себе блага. Навалился на меня со скверными речами и намеками, явно решив заработать на мне во мнении "прессы". Изображал из себя моего идейного врага, произносил театральные речи — черт знает что! Люди дошли до ужасного морального разложения. В "Лен [инградской] правде" будет, вероятно, заметка или статья, где будут превозносить его и говорить о "неблагополучии" на кафедре. Все это он сделал, конечно, нарочно и сознательно. Алексеев тоже ужасен своей трусостью, политиканством, лакейством. Изображает дело в таком виде, что надо факультет разгромить (что он и собирается сделать в речи на ученом совете 26-го), чтобы его "спасти"; а вообще предрекает, что от факультета останется мокрое место. Хорош декан! — Завтра ученый совет в инст[иту]те с речью Плоткина. Выступать ли мне? Они все (Вознесенский, Плоткин, Евгеньев-Максимов) твердят о моем особом "авторитете" и "влиянии". Им это поперек горла, п[отому] ч[то] их не уважают. Если мне выступать, то по общему вопросу о литературоведении. Можно ли и правильно ли понимать постановления ЦК и речь Жданова как научное "разоружение"? Очевидно, нет. Дело в том, чтобы повысить принципиальную, идейную сторону работы. Работы военных лет были антиисторическими или а-историческими — почти лубок и иконопись. А ведь все дело в том, что история — за нас, нам нечего бояться истории и незачем ее фальсифицировать. Надо бы сказать о своей работе над статьями Ленина о Толстом — правильно ли, что она не появляется в печати и что Институт совершенно равнодушен к ней? Плоткин выступает на партийном собрании Акад[емии] наук и говорит о том, что я не отошел от формализма — на основании чего? Вот в таком роде. А если потребуют, чтобы я сказал по вопросу о Зощенке и Ахматовой? Тогда сказать, что вот в этом вопросе я должен покаяться: не все мне ясно. Если бы поэзия Ахматовой была просто "безыдейной", нечего было бы с ней бороться; если бы творчество Зощенки было бы просто "пошлым", не могло бы оно существовать 25 лет и встречать признание у Горького. Очевидно другое: оба они оказались сейчас политически (объективно, а не субъективно) вредными — Ахматова трагическим тоном своей лирики, Зощенко ироническим тоном своих вещей. Трагизм и ирония — не в духе нашего времени, нашей политики. В этом весь смысл. Надо было нанести резкий, грубый удар, чтобы показать нашим врагам, что ни Зощенко, ни Ахматова не отражают действительных основ советской жизни, что пользоваться ими в этом направлении недопустимо. Вынесенный им приговор имеет чисто политическое значение. Прибавить еще: на деле руководители Инст[иту]та не помогают работе, а мешают ей. Слова Плоткина обо мне (в "Веч[ернем] Лен[инграде]")[460] дискредитируют меня как научного работника

[459] *Берков П. Н., Мордовченко Н. И.* Указ. соч. С. 141–142.

[460] Речь об упоминании выступления Л. А. Плоткина, в котором он констатировал: «Время показало, что по существу не расстался со своими формалистическими взглядами проф[ессор]

и педагога? Правильно ли это? Они сваливают "самокритику" на нас, чтобы самим остаться чистыми. Сказал ли Плоткин о том, что 7 августа (на Блоковском вечере) он сочинял проект литературных вечеров в Институте, первым из которых должен был быть вечер Ахматовой, а вторым вечер Зощенки?»[461]

25 сентября состоялось заседание Ученого совета Института литературы Академии наук СССР, на котором обсуждалось постановление ЦК и выслушанный всеми доклад Жданова. Еще за несколько дней до Ученого совета, 21 сентября, Б. М. Эйхенбаум поговорил с Л. А. Плоткиным:

«Он "дружески" предложил мне выступить с некоторым "самобичеванием". Я сказал, что не занимаюсь этим и не считаю нужным, п[отому] ч[то] мне не в чем каяться. Он нес совершенный бред — предлагал говорить о моих статьях в "Звезде", о формализме и "Серапионовых братьях". Я наотрез отказался. Какая мерзость! Им нужно иметь "виноватых", чтобы самим быть невинными. Как грустна наша жизнь. Спасение только в том, что это в то же время смешно. Так не может долго продолжаться»[462].

Заседание в Пушкинском Доме проходило с масштабом — желающих высказаться в прениях оказалось так много, что пришлось перенести окончание заседания на 9 октября. Но организаторы тогда еще не понимали, куда подует ветер. Даже Б. М. Эйхенбаум в своей записи от 26 сентября испытывает некоторые надежды... Именно поэтому, надо думать, и было отложено окончание прений, а также принятие резолюции. Приведем отзыв Б. М. Эйхенбаума:

«Заседание в Инст[иту]те было иным по духу, чем можно было ожидать — чувствуется некоторый перелом. Плоткин говорил по общим вопросам, без паники и ущемлений. Я выступал и отвечал на вопрос о формализме и Ахматовой. Сказал, что мои выступления об Ахматовой были, очевидно, политической ошибкой, но, как и другие, я не представлял себе тогда этого и думал, что важно указать на переход Ахматовой к военным и историческим темам. По поводу "формализма" я показал, как извратил Маслин (в газете "Культура и жизнь") мою статью "Поговорим о нашем ремесле", а ведь отсюда пошли все дальнейшие упреки. После заседания говорил с М. П. Алексеевым, который был поражен спокойным стилем — он дрожит и политиканствует. В Унив[ерси]тете все дело портят он со своей трусостью и глупая партчасть. Он будет сегодня произносить речь на Ученом совете — воображаю! Я думаю, что он настроил Ев[геньева]-Максимова против меня и организовал этот глупый и мерзкий "конфликт" на кафедре — в целях будто бы "спасения" кафедры и фак[ульте]та. Какой дурак — и какой мерзкий, вредный дурак!»[463].

Б. Эйхенбаум» (За большевистскую идейность в научной работе / Коммунисты — научные работники обсуждают постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Вечерний Ленинград. Л., 1946. № 214. 11 сентября. С. 1).

[461] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 195–196.

В архиве Б. М. Эйхенбаума также сохраняется листок с карандашным конспектом, несомненно, для выступления в Пушкинском Доме 25 сентября, озаглавленный «Если нужно будет говорить», где также упоминается об уровне науки: «Литературоведение за годы войны опускалось до лубка, было антиисторическим» и т. д. (ЦГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Д. 293. Л. 56а).

[462] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 194–195. По поводу Плоткина Эйхенбаум упоминает в записи от 19 сентября: «Сегодня я был в Унив[ерсите]те — тяжело! Когда вспомнишь зиму 1941/42 г., как вели себя эти самые люди (Мейлах, Плоткин) — мерзко. Верно, история угостит их еще» (Там же. С. 194).

[463] Там же. С. 196.

Довольно подробно картина заседания Ученого совета Пушкинского Дома 25 сентября и 9 октября была изложена в разделе «Хроника» в «Известиях Академии наук». Поскольку ко времени публикации этой заметки все оказалось уже предельно ясным — никаких послаблений не предвидится, — то и тон ее был несколько повышен:

> «Мы знаем, что некоторые из наших товарищей совершили грубейшие ошибки, на которые указывают постановления ЦК ВКП(б) и тов. А. А. Жданов.
>
> Кандидат филологических наук И. С. Эвентов выступил со статьей о Зощенко, восхваляя ту "объективность", с какой Зощенко критикует нашу действительность. На самом же деле это был злостный пасквиль.
>
> Кандидат филологический наук В. Н. Орлов выступил по радио с речью, посвященной поэзии Ахматовой, утверждая, что творчество Ахматовой является чуть ли не примером для всей нашей советской литературы.
>
> С лекциями и докладами о творчестве Ахматовой выступил доктор филологических наук Б. М. Эйхенбаум, автор вышедшей в свое время известной книги об Ахматовой.
>
> Ряд ошибок допустил Б. М. Эйхенбаум в своих последних работах о Лескове и Чехове. Эти ошибки должны быть осуждены со всей принципиальностью и прямотой»[464].
>
> В той же струе, как и основной докладчик, выступили Б. С. Мейлах и В. А. Десницкий[465]. Последний говорил резко, но не столько о коллегах, сколько о произведениях Всеволода Иванова:
>
> «В одном из них говорится о том, что когда на улицах Берлина еще свирепствовала артиллерийская канонада, лев, убежавший из Берлинского зоологического сада, приходит в советскую артиллерийскую часть, лакает вкусные щи, ворчит, что мало, и уходит. Что все это значит? Это неуважение к читателю и литературе вообще»[466].

Тон «отца Василия», как называли коллеги В. А. Десницкого, был перехвачен и заведующим аспирантурой Пушкинского Дома И. И. Векслером[467]. В духе сдержан-

[464] Обсуждение постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и доклада товарища А. А. Жданова в Институте литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР // Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка. М.; Л., 1946. Т. V. Вып. 6, ноябрь–декабрь. С. 515–516.

[465] Десницкий Василий Алексеевич (1878–1958) — литературовед, профессор кафедры русской литературы ЛГУ, доктор филологических наук, заведующий сектором новейшей русской литературы Пушкинского Дома.

[466] Там же. С. 516.

[467] Векслер Иван Иванович (1885–1954) — литературовед и критик; окончил Витебское городское училище (1903), в 1904 г., по окончании педагогических курсов работал до 1909 г. учителем Берзыгальского народного училища Режицкого уезда Витебской губернии; в 1912 г. окончил Виленский учительский институт, после чего преподавал в Могилевском городском училище, женской гимназии и на педагогических курсах. В 1914 г. мобилизован (служил в эвакопункте у письменных дел), в 1918 г. демобилизован и вернулся к педагогической работе, продвигаясь по административной лестнице: инструктор Могилевского уездного ОНО в должности заведующего подотделом социального воспитания (с 1918 по 1923 гг.), в 1923 г. переведен в Гомель в губернский ОНО, где был сперва инспектором, а потом заведующим подотделом социального воспитания; в 1925 г. переведен в Наркомпрос РСФСР, где занимался вопросами школьного воспитания и преподавания русского языка и стал автором многих педагогических пособий. В 1928 г., наряду с А. В. Луначарским, Н. К. Крупской, В. Ф. Перезерзевым и др., выступил с докладом на коференции преподавателей русского языка и литературы НКП, проходившей 23–27 января (см.: Еженедельник НКП РФСФР. М., 1928. № 15. 13 апреля. С. 16–18). В 1930 г. направлен в аспирантуру АН СССР, по окончании которой зачислен в Пушкинский Дом (1932); в 1934–1935 гг. заведующий литературным отделением и заместитель декана литературного факультета ЛИФЛИ; в 1934 г. вышла его книга

ной самокритики выступили ответственные за направления работы Пушкинского Дома В. М. Жирмунский (сектор западных литератур), М. К. Азадовский (сектор фольклора), В. П. Адрианова-Перетц (сектор древнерусской литературы).

Единственным, кто вынужден был оправдываться на этом Ученом совете, опять был Б. М. Эйхенбаум. Пока он кажется исключением, но пройдет не так много времени, и все перечисленные выше работники Пушкинского Дома займут места обвиняемых на заседаниях Ученого совета.

> «Л. А. Плоткин, — заявил далее Б. М. Эйхенбаум, — указал, что недавно я выступал несколько раз с лекциями об Ахматовой. Совершенно ясно, что это была с моей стороны политическая ошибка потому, что в тот момент я еще не представлял себе поэзии Ахматовой как явления политического. В этом отношении я был наивен. И мне казалось, что то, что писала Ахматова в военные и послевоенные годы, представляет собой значительный поворот в ее поэзии в сторону вопросов, связанных с русской историей, с выходом за пределы глубоко пессимистической поэзии, как было раньше. При этом я не учел того, что интонация этих новых стихов осталась трагической, а трагическая окраска и тон сейчас, в момент острого конфликта между нами и нашими врагами, политически вредны. В этом смысле я совершил политическую ошибку.
>
> Вот что мне хотелось бы сказать, чтобы было видно, что я понимаю свои ошибки последнего времени, очень существенные, совершенные в силу политической наивности, а не продиктованные злостным намерением»[468].

Волею случая Б. М. Эйхенбаум первым среди филологов оказался в горниле обесчещивающей идеологической машины. И никто не защищал его: таковы были выработанные годами правила, поскольку, начав его защиту, можно было моментально составить ему компанию.

На этом заседании в Институте литературы присутствовали и журналисты, а на следующий день Ленинградское отделение ТАСС передало сообщение, где отдельно, уже в который раз, упоминался Борис Михайлович:

> «Проф[ессор] Б. М. Эйхенбаум в своем выступлении признал политическую ошибочность своей прошлой оценки "творчества" Ахматовой, ее вредных упаднических стихов. Однако, ограничившись этим признанием, тов. Эйхенбаум не подверг критике свои ошибочные взгляды, вновь нашедшие отражения в его последних работах...»[469]

Вечером того же дня Борис Михайлович, широко известный среди интеллигенции Ленинграда, был ославлен и по Ленинградскому радио:

> «Профессор Эйхенбаум в своем выступлении признал политическую ошибочность своей прошлой оценки "творчества" Ахматовой. Однако, ограничившись этим

«И. С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов» (Л., 1934), написанная с позиций «вульгарного социологизма». В 1935 г. Президиум АН СССР присвоил ему степень кандидата филологических наук без защиты диссертации, в 1944 г., работая одновременно профессором в Среднеазиатском государственном университете (г. Алма-Ата), защитил там 28 декабря докторскую диссертацию на тему «Алексей Николаевич Толстой (жизненный и творческий путь)». Приказом Л. А. Плоткина от 12 февраля 1948 г. был назначен заведующим аспирантурой и докторантурой Пушкинского Дома. Со времени Февральской революции состоял в партии меньшевиков, вышел из нее в 1921 г.

[468] Там же. С. 518.

[469] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 69. Л. 139–140 («Боевые задачи советского литературоведения»).

признанием, товарищ Эйхенбаум не подверг критике свои ошибочные взгляды, нашедшие отражение в его последних работах»[470].

Поскольку об окончательном разгроме Б. М. Эйхенбаума распоряжения еще не поступало, то ему в университете оказывалась поддержка. Это были мелочи, но в будущем никто не дождется даже такого. Например, 13 сентября 1946 г., в отсутствие Вознесенского в Ленинграде, проректор ЛГУ С. В. Калесник даже подписал приказ, где было сказано:

«За большую общественную работу со школьниками в подготовке и проведении соревнований и олимпиад, получивших высокую оценку Гороно и Дирекции Дворца пионеров, объявлена благодарность проф[ессору] Б. М. Эйхенбауму»[471].

26 сентября 1946 г. состоялось заседание Ученого совета филологического факультета, которое прошло вполне академично:

«Оно целиком было посвящено обсуждению постановления ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград" и докладу А. А. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде. В своем вступительном слове "О задачах научной и учебной работы факультета в 1946–1947 учебном году" проф[ессор] М. П. Алексеев отметил, что постановления ЦК ВКП(б) О журналах "Звезда" и "Ленинград", "О репертуаре драматических театров и о мерах по его улучшению", "О кинофильме "Большая жизнь" имеют огромное теоретическое и практическое значение, они являются боевой программой дальнейшего развертывания и подъема всей идеологической работы в нашей стране. В этом смысле они прямо и косвенно относятся к научной и учебной работе на филологическом факультете. Подведя итоги всему тому, что в связи с указанными постановлениями говорилось на кафедральных заседаниях, докладчик призвал присутствовавших руководствоваться этими постановлениями в своей повседневной работе, продумать их глубоко и всесторонне применительно к своим специальностям и приступить к исправлению тех недостатков, которые имеются в работе филологического факультета. Важнейшие из этих недостатков — недооценка роли советской литературы в общей системе преподавания, элементы "техницизма" и "ремесленничества" в преподавании ряда литературоведческих дисциплин, малое внимание, уделявшееся преподавателями и научными работниками в борьбе с чуждыми советской литературе безыдейными и упадочническими произведениями зарубежных литератур.

В свете решений ЦК ВКП(б) многие участки научной и учебной работы филологического факультета требуют коренной перестройки.

В прениях по докладу высказались проф[ессор] В. Е. Евгеньев-Максимов, проф[ессор] В. М. Жирмунский, асс[истент] Н. С. Гринбаум, и др., указавшие на ряд недостатков в работе факультета и наметившие способы их ликвидации»[472].

Б. М. Эйхенбаум оставил свой отзыв и об этом заседании:

«26-го был Ученый совет фак[ульте]та — совершенно комический, прямо для Щедрина. М. П. Алексееву пришлось срочно переделывать всю речь (снять идею «разгрома» факультета для его (кого?) спасения). Вышло просто смешно и глупо. Бесконечно глуп

---

[470] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2185. Л. 87. Последние известия: Ленинградский выпуск, 26 сентября 1946 г. (21:45–21:59).

[471] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 1854 от 13 сентября 1946 г.

[472] *Берков П. Н., Мордовченко Н. И.* Указ. соч. С. 142.

был Ев[геньев]-Максимов — прямо из фарса. Потом несли всякую чепуху. Я говорил о “воспитании молодежи”»[473].

Но спокойный тон собраний не устраивал партийный комитет университета. Именно с этим стоит связать появление 29 сентября 1946 г. в главной городской газете — «Ленинградской правде» — статьи «О недостатках в подготовке кадров литературоведов: (Письмо с филологического факультета Ленинградского университета)». Ее авторы, члены партбюро преподаватель немецкого языка Антонина Редина и аспирант кафедры русской литературы Самуил Деркач, обращали внимание на неудовлетворительное положение дел на филологическом факультете:

«Следует сказать, что положение дела с преподаванием литературы в Ленинградском университете вызывает чувство серьезной тревоги. На кафедре русской литературы — ведущей кафедре филологического факультета — никто из ее основных работников не занимается изучением советского периода нашей литературы. Между тем советская литература — самая передовая и революционная — является могучим орудием советского государства в деле воспитания молодежи. <...>

Стремление уйти от животрепещущих проблем современности характерно и для кафедры западноевропейских литератур. Студенты западного отделения в большой степени оставляются безоружными перед лицом современной буржуазной идеологии. Они не воспитываются в духе наступления против современной буржуазной культуры, в духе воинственного противопоставления в состоянии распада, в духе воинственного противопоставления зарубежной литературе достижений нашей общественной мысли.

На филологическом факультете недостаточно пропагандируются революционно-демократические традиции русской литературы. <...> А. А. Жданов со всей силой подчеркнул великое значение традиций русской революционной демократии в воспитании нашей молодежи: “Лучшие представители российской демократической интеллигенции в условиях царского строя гибли за эти благородные высокие идеи, шли на каторгу, в ссылку. Как же можно забыть эти славные традиции?”

На филологическом факультете традиции нашей революционной демократии не только слабо культивируются среди студенчества, но порою и извращаются»[474].

В этой статье, против обыкновения, не был назван Эйхенбаум, хотя авторы и обратили внимание на тот факт, что факультет не борется «против дутого “авторитета” А. Ахматовой». В статье вводились уже новые имена — в критическом ракурсе показаны профессора филологического факультета П. Н. Берков, А. С. Долинин и Б. В. Томашевский. Тот факт, что широкая критика вдруг стала фокусироваться на одном Эйхенбауме, не казался в парткоме ЛГУ (а соответственно и горкоме ВКП(б), культивировавшем подобные статьи) положительным моментом; требовалась «широкая большевистская критика и самокритика».

Традиционно такие статьи в прессе должны были разбираться на кафедральных и факультетских собраниях. 2 октября в течение четырех часов (с 15 до 19) заседала кафедра истории русской литературы. Вел заседание кафедры ее заведующий профессор Б. М. Эйхенбаум, по долгу службы присутствовал С. С. Деркач, поскольку он был

[473] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 196.

[474] *Деркач С., Редина А.* О недостатках в подготовке кадров литературоведов: (Письмо с филологического факультета Ленинградского университета) // Ленинградская правда. Л., 1946. № 229. 29 сентября. С. 3.

аспирантом кафедры; Редина, формально к кафедре отношения не имевшая, предпочла не приходить.

«Мы, — писал в дневнике Б. М. Эйхенбаум, — огласили проект ответа на статью Рединой и Деркача в "Лен[инградской] правде". Кафедра единодушно одобрила, но выступил Деркач (Редина не явилась) — и понес свою чепуху. Картина ясная: они просчитались и запоздали со своей клеветой — и теперь Деркачу (как аспиранту) надо как-нибудь спасаться. Он пробовал всякие способы — и угрозу, и еще разную дрянь. Очень поддержал нас Плоткин — очевидно в партийных кругах произошел поворот — политика Алексеева, Деркача и нашей парторганизации провалилась. Говорят, что Алексеев подал решительное заявление об отставке; я пока не подаю — не хочу, чтобы оказалось, что я с ним в одной партии. Подам позднее, когда положение определится»[475].

Партком ЛГУ, в свою очередь, 2 октября также рассмотрел на своем заседании эту статью, пригласив парторга филологического факультета А. И. Редину:

«т. РЕДИНА. Положение на факультете очень напряженное. Дело в том, что наша профессура возражает против того, что именно мы, молодые работники, подписали статью. Вот если бы подписали "старики", тогда другое дело!

И положение создалось такое, что декан факультета тов. Алексеев подал заявление об отставке.

Прежде чем написать статью, мы беседовали с товарищами, беседовали с Алексеевым. И с тезисами по статье выступали и Деркач, и я на заседаниях кафедры и ученом совете.

Конечно, Алексеев и многие из молодых — Максимов молодой [Д. Е.], Мордовченко — согласны со статьей, но старики не согласны и считают, что это направлено против Алексеева.

Эйхенбаум, выступая на заседании Ученого совета, просто заявил, что он не согласен со статьей, что это неправильно. Но мы должны с ним считаться, так как на кафедре нет людей.

Я подняла вопрос о том, чтобы читали курс литературы Отечественной войны, так Эйхенбаум заявил, что нет свободной аудитории, читать негде. Разве это солидно? Он заявил, что свою идеологию он не переделает, что он какой есть — таким и останется. На это проф[ессор] Берков заявил, что не следует разводить теорию отцов и сыновей, что идеологию, конечно, можно переделать. Но выступление Эйхенбаума само по себе характерно.

И получается, что после статьи ряд людей решили подать в отставку. Томашевский, например, заявил, что он уйдет, что выносят сор из избы, и мотивирует тем, что это только филологи Университета такие прыткие, а вот в других институтах этим вопросом и не занимаются, работают себе спокойно.

Плоткин, который читает у нас русскую литературу, прямо заявил, что статья против Алексеева и будет ли он это терпеть. На это тов. Алексеев ответил, что ему, Плоткину, как чиновнику, конечно, очень приятно, что так получилось с университетом, а не с Институтом литературы!

На факультете настроение среди профессорско-преподавательского состава ненормально. Но студенты так не возмущаются, они понимают, что по существу статья правильна.

---

[475] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 196–197.

Мы многое сделали для того, чтобы выправить положение. На кафедрах русской, западной литератур провели обсуждение статьи. Мы на ученом совете также провели обсуждение. Но этого недостаточно, и нужно провести партсобрание по этому вопросу.

Нам нужно обновить кадры, сейчас разрешается вопрос с тов. Дементьевым[476] и тогда можно будет разрешить ряд вопросов.

Надо сказать, что на факультете паникерское настроение, и следует обязательно выправить это положение. И ответить в газету что сделано по факультету»[477].

Также на заседании выступила и профессор-коммунист О. К. Васильева-Шведе[478]:

«Я думаю, что у нас работа на факультете в связи с появлением статьи в газете не развалилась, но положение напряженное. У нас 125 коммунистов и только 5–6 из них занимаются научной работой. А этот факт говорит о том, что у нас трудно проводить работу. А Алексеев, хотя он и не коммунист, но всегда проводит работу так, как подобает коммунисту, ни одного вопроса не разрешил без согласования с парторганизацией. Я считаю, что если создалось такое настроение, то этому виной и то, что мы слишком резко выступали.

На кафедре русской литературы 11 профессоров и преподавателей, но все они у нас одной ногой, так как работают по совместительству. Значит, нам особенно трудно решать вопросы. Понятно, что положение создалось напряженное и люди, которые хотят нам худого, всячески сманивают Алексеева. А ведь он тоже человек! И этим нужно объяснить его подачу заявления. Правда, ему отказали. Но нам Алексеева надо к работе привлекать, а не отталкивать, как мы поступили. Алексеев болеет за факультет, он очень много сделал за это время. Когда я с ним беседовала, то просто заявила, что его поведение и еще части товарищей — это просто саботаж. И люди пользуются тем положением, что с кадрами очень трудно. Я согласна со статьей, но считаю, что слишком резко выступили и это создало определенные трудности на факультете»[479].

Самой неблагонадежной фигурой по-прежнему оставался Б. М. Эйхенбаум. Горком ВКП(б), раньше спокойно относившийся к его лекционной деятельности, выражал профессору недоверие. Об этом свидетельствует факт, отмеченный 6 октября 1946 г. в дневнике профессора:

«Вчера Гуковский говорил мне, что у него был Г. М. Кацеленбоген из лектория горкома и просил его прочитать в цикле лирики о Жуковском и о Лермонтове. Гуковский удивился, почему же о Лермонтове не я; Г. М. сказал, что я отказался — соврал. Хороши!»[480]

«Мероприятия» по поводу постановления ЦК ВКП(б) продолжались. 30 сентября «Последние известия» Ленинградского радио сообщили:

«Большой зал Ленинградского Дома Искусств сегодня переполнен. Здесь проходит общегородское собрание работников театра, писателей, драматургов и критиков.

---

[476] Отдельным пунктом постановления парткома был пункт о привлечении А. Г. Дементьева для работы в Университете: «Поставить вопрос перед ВО РК ВКП(б) и ГК ВКП(б) об отзыве тов. Дементьева из рядов РККА для работы в Университете» (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 2. Д. 120. Л. 34).

[477] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 120. Л. 33.

[478] Васильева-Шведе Ольга Константиновна (1896–1987) — кандидат филологических наук, профессор кафедры романской филологии.

[479] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 120. Л. 33 об.

[480] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 23.

> С докладом о постановлении ЦК ВКП(б) “О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению” выступил секретарь горкома ВКП(б) товарищ Капустин»[481].

Не без участия Я. Ф. Капустина прошло и двухдневное общее собрание ленинградских писателей, состоявшееся 9–10 октября 1946 г. и посвященное перевыборам правления Ленинградского отделения ССП.

> «С большим вниманием были выслушаны выступления члена Секретариата правления Союза советских писателей Б. Горбатова и представителя Ленинградского Горкома ВКП(б) С. И. Аввакумова, которые говорили о путях дальнейшей перестройки работы ленинградских литераторов. Избрано новое правление Ленинградского отделения Союза советских писателей в составе 25 человек. В работе собрания принял участие секретарь Горкома ВКП(б) тов. Я. Ф. Капустин»[482].

Это собрание было первым послевоенным общим официальным собранием ленинградской писательской организации, насчитывавшей тогда, как заметил Б. Горбатов, всего «270 писателей, меньше батальона...»[483].

В первый день, 9 октября, А. А. Прокофьев выступил с основным докладом, посвященным важнейшим задачам работы ленинградских писателей в свете постановления ЦК, после чего развернулись оживленные прения. Первым литературоведом, который поднялся на трибуну, был профессор филологического факультета Б. С. Мейлах, выступивший с характерной для этого оратора речью, которая заканчивалась словами:

> «У нас нет и не может быть никаких других задач, кроме общих задач совместной борьбы за дальнейшее развитие советской литературы, и несомненно, что коллектив писателей, в основном здоровый, преданный партии, полный творческих сил, справится с теми ответственными задачами, которые ставит перед нами решение Центрального Комитета партии»[484].

Выступления проходили в привычном ключе: критиковали М. М. Зощенко и А. А. Ахматову, но некоторые пошли еще дальше — В. К. Кетлинская и С. Д. Спасский особо остановились на идеологических просчетах О. Ф. Берггольц. Любопытен диалог, произошедший во время выступления прозаика М. Э. Козакова, который более чем сочувственно воспринял идею воспитательного воздействия на писателей, связав ее с утратами военных лет:

> «КОЗАКОВ: Средний возраст писателя десять лет тому назад был тоже 36 лет, а в 1946 г. средний возраст — 46 лет. Я не говорю о той талантливой молодежи, которая приходит, но она пришла не в той пропорции, чтобы заменить стариков. Стало быть, вопрос о кадрах — вопрос серьезный, и надо в нашем большом советском идеологическом хозяйстве, надо нам — Союзу писателей подходить к кадрам, я бы сказал, более чутко и заботливо. Бить каждого из нас, если он того заслужил!
>
> КАПУСТИН: Бить не требуется!
>
> КОЗАКОВ: Не надо бить? Но надо, по совету и указанию Иосифа Виссарионовича, как-то пестовать.

---

[481] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2185. Л. 144. Последние известия, 30 сентября 1946 г. (21:45–22:04).

[482] Там же. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 70. Л. 136 («Общее собрание ленинградских писателей»).

[483] Там же. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 23. Л. 91 об.

[484] Там же. Л. 42.

КАПУСТИН: Было сделано очень крутое предупреждение, и у ленинградцев есть силы и мы можем это сделать!»[485]

Желающих высказаться по докладу А. А. Прокофьева оказалось без малого 40 человек, а потому прения перенесли на второй день — утро 10 октября; к этому же времени совместными усилиями писательского и партийного руководства был подготовлен проект резолюции.

Героем второго дня, без всяких сомнений, стал Б. М. Эйхенбаум. Особенно резким оказалось выступление поэта А. Е. Решетова[486]: обрисовав ленинградскую атмосферу, он еще более настаивал на ленинградской специфике, и без того вполне всем очевидной:

«РЕШЕТОВ: В Москве вырос за время советской власти, даже не за все время, а за время пятилеток и войны, такой поэт, как Твардовский — это подлинный, большой настоящий советский поэт. Почему он вырос? Потому что рос не на традиции Георг[ия] Иванова, не на традициях акмеизма и символизма, а на традициях Некрасова. Этот поэт в Ленинграде при той обстановке, которая была, не чувствовал себя так хорошо, не чувствовал бы себя так...

(ПРОКОФЬЕВ: (перебивает) А что плохого в традициях Ленинграда?)

Это независимо от тебя и от нас. Какое влияние было в Ленинграде? Оно шло по разным линиям, от Петербурга, от ленинградской профессуры, уязвленной, такого авторитета, как Б. М. Эйхенбаум, линия которого не была линией на народность поэзии. Это сказывалось и в университете.

(КАЗАКОВ: А в чем сказалось влияние Эйхенбаума на поэзию?)

Борис Михайлович — авторитетный человек, он много работал в науке, он много и горячо проповедовал...

(КАЗАКОВ: Что и когда?)

Много и страстно занимался Ахматовой.

(С МЕСТА: Это было давно, в 20-е гг.)

Но почему же Борис Михайлович меньше занимался Маяковским? Почему внимание Бориса Михайловича не привлек Твардовский? Я случайно назвал имя Бориса Михайловича, я говорю о ленинградской литературной среде, которая себя засушила этой традицией...

(С МЕСТА: Какой традицией?)

Мы забывали великое народное наследие, ставшее достоянием народа, потому мы мельчили собственные возможности. В Ленинграде это сказалось наиболее ярко»[487].

После этого выступил заведующий отделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома ВКП(б) С. И. Аввакумов, который решил своим выступлением прекратить прения. Он еще раз попенял О. Ф. Берггольц, назвав ее выступление и оправдания неубедительными, а в заключение сказал:

«Ленинградский горком партии ждет от ленинградской писательской организации создания глубоко-идейных, высокохудожественных произведений, которыми и должны ответить ленинградские писатели на решение Центрального Комитета партии и тем

---

[485] Там же. Л. 65–65 об.

[486] Решетов Александр Ефимович (1909–1971) — поэт, член ВКП(б) с 1930 г., участник советско-финской войны, во время Великой Отечественной войны был военным корреспондентом, впоследствии входил в редколлегию журнала «Звезда».

[487] Там же. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 23. Л. 93–93 об.

самым оправдать то доверие, которое партия оказывает нашим писателям, которое оказывает нам товарищ Сталин!»[488]

Вечернее заседание открылось в 17 часов 30 минут чтением проекта резолюции. Этот текст взволновал аудиторию еще больше, нежели основной доклад, — все, кто оказался поименован в резолюции персонально, стремились оправдаться. Лишь Б. М. Эйхенбаум не желал брать слова, хотя он в тексте проекта резолюции был просто-таки восславлен:

«Крупнейшим недостатком Правления является то, что оно совершенно не занималось вопросами литературной критики. Члены Правления, представляющие критический фронт — Эйхенбаум, Орлов и Добин не только не направили работу критиков, но и сами допустили ряд серьезных ошибок.

Серьезные недостатки и ошибки имеются в работе ленинградских литературоведов. Литературоведы за последние годы ослабили внимание к вопросам марксистско-ленинской теории литературы, не занимались изучением современной литературы, отстранялись от разработки вопросов советской критики. На страницах "Звезды" нашли место неправильные утверждения о, якобы, вполне закономерном поглощении критики литературоведением (статья Б. Эйхенбаума "Поговорим о нашем ремесле"). Недостаточное внимание уделялось литературоведами разоблачению сущности реакционных, буржуазно-декадентских течений в литературе и других реакционных течений»[489].

Заканчивался проект резолюции так:

«Собрание единодушно заверяет Центральный Комитет ВКП(б), товарища Сталина в том, что ленинградские писатели сумеют в короткий срок преодолеть крупнейшие недостатки в своей работе и под руководством Ленинградской партийной организации найдут в себе силы и возможности для создания произведений, достойных великой сталинской эпохи»[490].

Первым, кто поднялся на трибуну после прочтения проекта резолюции, был литературовед В. Н. Орлов:

«Товарищи, собрание пожелало прекратить прения, о чем я могу только пожалеть, потому что собирался сказать о жизни союза и о допущенных мною ошибках, об оценке стихов Ахматовой более подробно. Сейчас вынужден ограничиться формальной справкой по поводу только что прочитанной резолюции, с просьбой к ней прислушаться.

Что касается меня — я, Эйхенбаум и Добин никогда не выступали по поводу Зощенко. Неся полную ответственность по поводу Ахматовой, я не могу согласиться, что по двум резолюциям мне приписывается то, чего я не совершал, то, чего не совершали Эйхенбаум и Добин. Потому прошу в таком ответственном документе, как резолюция, соблюдать полную точность. Это наше гражданское право настаивать, чтобы резолюция соответствовала делам»[491].

Многократное упоминание Б. М. Эйхенбаума в резолюции привлекло внимание М. Э. Козакова:

«КОЗАКОВ: Из-за тугоухости я не мог слышать, что было сказано об Эйхенбауме. Бориса Михайловича били два раза. Один раз по групповому делу — Друзин, Орлов и проч.; а второй раз за что? — просто не слышал. Можно ли узнать?

---

[488] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 23. Л. 100–100 об.
[489] Там же. Л. 114 об. – 115.
[490] Там же. Л. 117.
[491] Там же. Л. 106.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [П. И. Капица]: Говорили о статье "Гибель ремесла" («Поговорим о нашем ремесле». — *П.Д.*), на страницах которой нашли неправильные утверждения; якобы статья Эйхенбаума.

КОЗАКОВ: Эта статья не обсуждалась ни на заседании правления, ни в одной из секций. Прежде чем выносить наше заключение хотелось бы слышать критику о статье в пределах Союза Писателей, тем более, что, как мне известно, — жаль что нет Плоткина, — как будто этот вопрос стоял на обсуждении среди товарищей работающих в Изд. Лит. (ЛО Гослитиздата. — *П.Д.*).

ГОЛОС: Не стоял.

КАЗАКОВ: Вопрос был затронут в статье т. Маслина, но в Союзе Писателей этот вопрос не обсуждался, и, казалось бы, что прежде чем вот такую ответственную статью зафиксировать, надо было бы о ней сказать нам. Считаю, что в статье ничего порочащего идеологию советской литературы нет.

ГОРБАТОВ: Он пропагандирует поглощение критики литературоведением.

КОЗАКОВ: С моей точки зрения в этой статье этого нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [П. И. Капица]: Предлагаю уточнить.

ХОДОРЕНКО[492]: По поводу поправки Козакова. При обсуждении резолюции применять такой юридический подход — напрасно. Если статья не обсуждалась здесь, то ведь мы знаем, что она ставилась в ЦК, в центральном органе партии; давайте не ставить здесь. Это слишком юридически. В газете "Культура и жизнь" была статья, и те, кто читал ее, по существу не возражают, что критика этой статьи правильная.

---

[492] Ходоренко Виктор Антонович (1912–?) с августа 1941 г. по май 1942 г. исполнял обязанности начальника Радиокомитета, затем, с назначением И. М. Широкова на это место, стал его заместителем; до войны — комсомольский работник, один из сотрудников газеты «Смена».

Считаем необходимым поместить здесь характеристику В. А. Ходоренко, которую дал ему Г. П. Макогоненко: «Это человек для меня поначалу необычного, неожиданного склада. Была в нем какая-то солдатская, офицерская повадка (хотя он никогда не служил в армии): такая в нем была собранность, решительность, необыкновенная оперативность, мгновенность реакции. Но больше всего он меня покорил своей сердечностью, пониманием людей, доверием. Он много доброго, хорошего сделал для Радиокомитета, а значит, для радиовещания, а значит, для того, чтобы ленинградцы слушали и поистине чувствовали этот пульс радиовещания. Но я хочу сказать не столько о нем, сколько о моменте испытания его характера. Где-то в ноябре — не сразу, а только в ноябре — он был причислен соответствующими организациями к числу работников, наверное, среднего звена, которые питались в Смольном, в столовой номер двенадцать. Питание было там трехразовое. Ну, ходить три раза он не мог — и работа не позволяла, да и сил не было, а ездить было не на чем. Он ходил туда один раз, сам безумно отощавший к тому времени, ибо был на общем пайке. Наверное, дня три он все съедал, что там давали. И затем — испытание! Я помню, как он пришел в десять часов, вызвал меня и этого моего товарища и сказал: "Положение такое: я хожу туда, меня кормят, вот такое меню. Я не могу все это есть сам, не считаю возможным, тем более что я могу там есть хлеб. Мне запретили (это предупреждение всем!) выносить хлеб, но эти вещи можно". Вынимает из портфеля завернутые два куска сахара, две котлеты, гарнир, пирожок. "Вот у меня есть предложение: от себя лично давать — это унизительно. Вы руководите отделом. Давайте составим список, я каждый день буду что-то приносить, и мы будем выдавать одному сахар, другому то, третьему другое". <...> Думаю, что и чисто практически, материально, если представить себе наш паек (до весны большинство работников не имели даже рабочей карточки, а имели служащие, а это сто пятьдесят, а потом и сто двадцать пять граммов хлеба), получить в неделю кусок сахара, или котлетку, или две ложки хорошей каши — это такая помощь для организма, что ни с чем сравнить нельзя. Но какое огромное значение это имело нравственно, трудно даже передать!» (цит. по: *Адамович А. М., Гранин Д. А.* Блокадная книга: В 2 кн. М., 2005. Кн. 2. С. 188–189).

ДРУЗИН: Товарищи, я считаю этот пункт резолюции чрезвычайно важным, программным и принципиальным, потому что в этой статье Б. М. Эйхенбаума, которая, к сожалению, не подвергалась в Союзе советских писателей обсуждению и критике, утверждалось неправильное положение, которое приводит к ликвидации критики. Мы много говорили, что критика была в жалком состоянии. Такого рода статьи подводили базу под уничтожение критики. Такая формулировка о поглощении критики — это имеет принципиальный характер. Это была ошибка принципиального характера и ее отметить надо и правильно сделали товарищи из газеты "Культура и жизнь", что указали нам на это.

КОЗАКОВ: Тогда я прошу принять такое предложение: полностью процитировать характеристику, данную в газете "Культура и жизнь", что наряду с правильными положениями есть то-то и то-то.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [П. И. Капица]: Голосуем — оставить этот пункт или изменить. Кто за то чтобы оставить этот пункт в резолюции? Кто за то, чтобы изменить (2 чел.). Пункт остается как есть»[493].

Что же касается остальных литературоведов — членов ССП, то они приняли активное участие в формировании нового правления. В. Н. Орлов, штатный сотрудник Пушкинского Дома, предложил кандидатуру Л. А. Плоткина, которому и без того хватало общественной нагрузки:

«МЕЙЛАХ: Мне кажется, что т. Плоткин настолько занят работой в трех местах: он — заместитель директора Института литературы, профессор университета и ученый секретарь, так что едва ли сможет активно работать в правлении и только из этого предположения, я предлагаю снять его кандидатуру.

ОРЛОВ: Отвод был сделан прежде, чем было сказано "да". Я выдвинул кандидатуру т. Плоткина, потому что, к сведению всех литературных критиков, вопросы литературной теории в будущей жизни Союза будут занимать такое место и значение, что необходимо обеспечить в составе правления товарища, который бы мог нести на себе эту работу. В том списке, который был оглашен, за исключением т. Плоткина, я таких не вижу.

МЕЙЛАХ: Я должен вскрыть один секрет: когда т. Плоткин узнал, что его хотят выдвинуть, он просил меня сделать это заявление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [П. И. Капица]: Есть два предложения: одно — оставить в списке, другое — снять. Кто за то чтобы оставить? Кто за то, чтобы снять? (Кандидатура снимается)»[494].

Профессор М. К. Азадовский поддержал кандидатуру своей коллеги по фольклористике, детской писательницы И. В. Карнауховой, благодаря чему она была избрана в состав Правления:

«Надо сказать, что т. Карнаухова занимает заметное место в числе детских писателей. Кроме того, она дала целый ряд удачных и интересных книжек по фольклору, которые очень значительны и интересны с научной точки зрения, с точки зрения фольклора. Такова ее книжка "Сказки бабушки Арины". Не хочу задерживать вас, но надо сказать, что т. Карнаухова пользуется большим уважением не только в среде детских писателей, но и в среде фольклористов»[495].

---

[493] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП). Оп. 1. Д. 23. Л. 108–109.
[494] Там же. Л. 125–125 об.
[495] Там же. Л. 121 об.

Заключительным и наиболее торжественным моментом этого двухдневного общего собрания стало традиционное для подобных мероприятий принятие послания товарищу Сталину, текст которого был зачитан В. П. Друзиным. Кроме прочего, ленинградские писатели давали обещание вождю:

> «В докладе секретаря ЦК ВКП(б) товарища Жданова на собрании ленинградских писателей говорилось о долге писателей Ленинграда перед народом, о необходимости восстановить славные традиции ленинградской литературы и ленинградского идеологического фронта. Мы обещаем Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, что все свои творческие силы отдадим выполнению этого указания, что положим его в основу всей своей творческой работы и общественной деятельности»[496].

> «В Унив[ерсите]те, — пишет Б. М. Эйхенбаум, — продолжаются всякие волнения и разговоры. В понедельник (7 октября. — *П.Д.*) важное (м.б. решающее) совещание по поводу статьи Рединой и Деркача в "Лен[инградской] правде". Есть разговоры о том, что нападение на фак[ульте]т объясняется, с одной стороны, действиями врагов Вознесенского, а с другой — настроениями студенчества, которое ведет себя вызывающе.
>
> 11 октября. Сегодня в Унив[ерсите]те говорил с Деркачем (который скис), с Мордовченко, с Алексеевым — завтра заключительное совещание о факультете. Кажется, кончится мирно»[497].
>
> 13 октября. «Вчера вышло все очень забавно и в общем хорошо. В Институте мы освободились раньше и пошли вчетвером (Бялый, Томашевский, Мордовченко и я) в "буфет" на 1-й линии выпить водки — согреться (была очень холодная погода) и поднять настроение. Выпили по 150 гр. и явились в Унив[ерси]тет бойкими и веселыми. Совещание было в кабинете ректора под председательством [М. П.] Алексеева. Началось всяческое говорение, из которого выяснились довольно мирные настроения. Потом партчасть попробовала возражать против оговорки в заготовленной резолюции — о неточности сообщенных в печати фактов. Мы отстояли. Я говорил дважды — о кафедре вообще и об оговорке. Резолюция принята — и мы разошлись...»[498]

14 октября 1946 г. в главной газете страны выступил сам ректор университета профессор политэкономии А. А. Вознесенский. В статье, озаглавленной «Идейно закалять наше студенчество», вместе с указанием на некоторые недостатки подчеркивалось и большое значение Ленинградского университета. По-видимому, А. А. Вознесенский рассчитывал, что появление его статьи охладит пыл особенно ретивых пропагандистов постановлений ЦК ВКП(б).

Единственным факультетом, заслужившим порицание ректора, оказался филологический:

> «Надо признать, что в идеологической работе среди студентов нашего университета еще имеются серьезные недостатки, упущения. Нельзя считать нормальным положение, создавшееся на одном из ведущих факультетов — филологическом. Профессора и научные сотрудники этого факультета устранились от проблем современности, мало внимания уделяют разработке вопросов советского литературоведения. Это сказывается на характере курсовых студенческих работ, темы которых оторваны от жизни страны,

---

496 Там же. Л. 132.

497 *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 197.

498 Там же. С. 197–198.

а политический подход к материалу зачастую подменяется эстетской и формалистической оценкой, некоторые студенты филологического факультета до недавнего времени исповедовали гнилую аполитичную теорийку "искусства для искусства".

Вскрыты нездоровые явления на философском, историческом факультетах и особенно на искусствоведческом отделении университета. Здесь некоторые ученые придерживаются буржуазных представлений "об автономности литературы и искусства от политики".

Эти нездоровые настроения являются результатом серьезных недостатков партийно-политической работы в университете.

Администрация, партийная и комсомольская организации университета направляют все свои усилия, чтобы устранить эти недостатки, чтобы поднять идеологическую работу до требований, предъявляемой нашей партией.

Подготовить новые кадры нашей советской интеллигенции, высококвалифицированных специалистов, идейно закаленных бойцов за передовую науку, культуру и технику, такова задача, над решением которой упорно работает Ленинградский университет»[499].

Статья Вознесенского вселила оптимизм в Б. М. Эйхенбаума:

«Статья скудоумная и казенная, но с хитростью: надо думать, что это ход против врагов. Где он находится и где написал эту статью, не знаю. Характерно, что большая часть статьи написана, в сущности, в защиту Унив[ерсите]та — не о его недостатках, а о его заслугах и достижениях. Это неспроста. Он, верно, расправится со своими врагами — то-то будет зрелище! Щедрин, Щедрин!»[500]

Не бездействовали и другие средства массовой информации: дабы подчеркнуть актуальность деятельности кафедры истории русской литературы, 16 сентября Ленинградское радио сообщало в вечернем выпуске «Последних известий» о том, что "Профессор Ленинградского университета Берков закончил исследование "История журналистики 18-го века". Объем книги 26 листов. Она будет выпущена издательством Академии наук СССР»[501].

Но, несомненно, подобные новости тонули в круговороте новой идеологии.

18 октября в главном зале университета в рамках цикла «Великая историческая миссия нашей художественной литературы» состоялась лекция А. М. Еголина о задачах филологической науки. Появление статьи А. А. Вознесенского в «Правде», затем приезд заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. М. Еголина с лекцией в университет — это серьезные события, но было совершенно непонятно, куда они поведут. Что касается выступления последнего, то оно слушателям оптимизма не внушало:

«Вчера в актовом зале Университета слушал Еголина — ужасно. Сегодня в Инст[иту]те слушал доклад В. А. Десницкого о Горьком — ужасно! Не знаю, куда это все идет. Так работать нельзя. Ложь и духота невозможная»[502].

---

[499] *Вознесенский А. А.* Идейно закалять наше студенчество // Правда. М., 1946. № 245. 14 октября. С. 2.

[500] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 198.

[501] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2184. Л. 97. Последние известия: Ленинградский выпуск, 16 сентября 1946 г. (21:45–21:59).

[502] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 198.

Отношения Б. М. Эйхенбаума и В. А. Десницкого были не лучшими как минимум со времен ИЛЯЗВа. Ср. запись О. М. Фрейденберг о знаменитом диспуте 1927 г. с формалистами: «То,

Но обстановка все продолжала ухудшаться: 20 октября газета «Культура и жизнь» посвятила Борису Михайловичу статью сотрудника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Б.С. Рюрикова[503]. Заглавие напоминало приговор: «Вредная концепция профессора Б. Эйхенбаума». Приведем основные положения этого сочинения:

> «С ленинской любовью, с гордостью за достигнутое русским искусством должны подходить советские исследователи к великим произведениям отечественной литературы.
>
> И вот нам довелось прочитать исследование об одном из величайших произведений русской литературы. Мы говорим о работе проф[ессора] Б. Эйхенбаума "К вопросу об источниках Анны Карениной", опубликованной в "Ученых записках" Ленинградского государственного университета. <...>
>
> Ни малейшего представления о богатстве и многообразии русской жизни, отраженной в романе, не дает в своем исследовании Эйхенбаум. Самое значение романа он оценивает ложно, позволяя себе попросту игнорировать ленинские замечания об этом произведении. <...>
>
> <...> Эйхенбаум сообщает нам, что роман был создан не потому, что Л. Толстой был полон впечатлениями русской действительности,— а потому, что писатель прочел некоторые западные книжки и вдохновился ими.
>
> Оказывается, главным "источником" романа был реакционный немецкий философ Шопенгауэр и, в частности, его книга "Мир как воля и представление". <...>
>
> Эйхенбаум даже не подумал, насколько оскорбительно сопоставление имени гения русской литературы, великого гуманиста с именем западного философа, чьи книги

чему я оказалась свидетелем, взволновало меня в сильнейшей мере. Происходила какая-то дискуссия, выборы куда-то,— я не разбиралась во всем этом. Но одно было ясно: те, кому я готова была сочувствовать, вели себя грубо, хамски, жульнически, а те, с кем я не имела ничего общего (формалисты), выступали корректно, доказательно и научно. Главное единоборство шло между Эйхенбаумом, умно и прекрасно говорившим, и Десницким, за которого приходилось краснеть. Многочисленная аудитория была раскалена. И вдруг, в разгар битвы, Десницкий провел голосование: кто за формалистов, кто против. Вся картина была до того возмутительна по шантажу и грубым передержкам, что я в горячем возбужденье подняла руку за формалистов. Но тут произошло что-то совсем неожиданное. "Большинство против формалистов!" — объявил Десницкий, лживо, не произведя подсчета. — Заседание объявляю закрытым. Прошу всех, кроме выбранных, оставить зал» (цит. по: *Брагинская Н.В.* Siste viator!: Предисловие к докладу О.М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках» // Одиссей. Человек в истории. 1995: Представления о власти. М., 1995. С. 268–269).

[503] Рюриков Борис Сергеевич (1909–1969) — критик, литературовед, родственник Н.А. Добролюбова; член ВКП(б) с 1932 г., окончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута в 1932 г., затем преподавал там же, до 1940 г. работал в редакции газеты «Горьковская коммуна». Во время войны сотрудник фронтовой газеты «Сталинский удар», затем находился в группе советских оккупационных войск в Германии, после чего переведен на работу в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) — с 29 июля 1946 г. на должности консультанта, с 16 января 1948 г. заместитель заведующего отделом, 30 июля 1948 г. заведующий сектором искусства; 14 марта 1949 г. освобожден от должности «за покровительство критикам-космополитам». С 2 марта 1950 г. ответственный секретарь редакции «Литературной газеты», с 18 мая заместитель главного редактора, в 1953–1955 гг. главный редактор; затем опять работал в аппарате ЦК, где занимал должность заместителя заведующего отделом культуры. В 1958–1961 гг. жил в Праге, работая заведующим отделом науки редакции журнала «Проблемы мира и социализма»; в 1963–1969 гг. — главный редактор журнала «Иностранная литература»; в 1961 г. за монографию «О богатстве искусства: Марксизм-ленинизм о литературе и искусстве» в АОН при ЦК КПСС ему присвоена степень кандидата филологических наук.

проникнуты враждой к человеку. <...> Его мораль — это не мораль, это скотство, оскверняющее светлые и чистые человеческие чувства. <...>

Концепция Эйхенбаума основана на формалистском отрыве искусства от жизни, на позорном раболепии перед Западом, перед пораженной неизлечимой болезнью культурой гниющего и разлагающегося капитализма. Она проникнута неуважением к великой русской литературе и великому народу, создавшему ее»[504].

Удар был еще ощутимее оттого, что Б. М. Эйхенбаум совершенно его не ожидал. И ведь еще совсем недавно он не скрывал своей иронии по поводу этой новой партийной газеты.

26 октября Борис Михайлович записал в дневнике:

«Хроника за эту неделю: 21-го вечером я был у Е. Шварца (день рождения — 50 лет) и вернулся около 3 час[ов] ночи; 22-го встал поздно и с утра не заходил в кабинет; С. А. Френкель, очень грустная — посидела и спрашивает, читал ли я последний номер "Культуры и жизни"; оказалось, что у меня в кабинете лежит этот номер со статьей Б. Рюрикова. День провел ужасно — было плохо на сердце. Вечером съездил к П. Н. Беркову, который посоветовал мне снестись с А. А. Вознесенским. <...> Я позвонил М. П. Алексееву, который посоветовал мне то же самое и дал мне свидание 23-го в 3.30. Вознесенский принял меня очень сердечно и несколько раз сказал мне решительно, что моя профессура в Унив[ерсите]те остается "незыблемой". На мой вопрос, продолжать ли мне сейчас занятия, сказал — продолжать как ни в чем не бывало. На вопрос, как быть с кафедрой, сказал — "предоставляю это всецело вашему решению". Я подал заявление об освобождении меня от зав[едования] кафедрой. Пока все. Не хочется писать — волнуюсь»[505].

Заявление подано было в тот же день — 23 октября 1946 г.:

«Кафедра русской литературы филологического факультета требует в настоящих условиях большой организационной работы по перестройке. Вследствие крайней загруженности научной и педагогической работой, а также из-за плохого состояния здоровья я не могу уделить этой перестройке необходимое количество времени и сил. Обращаюсь поэтому к Вам с просьбой освободить меня от должности временно исполняющего обязанности заведующего кафедрой.

Проф[ессор] Б. М. Эйхенбаум»[506].

Оно тотчас же было подписано и проведено приказом А. А. Вознесенского об освобождении Б. М. Эйхенбаума от должности[507].

Борис Михайлович записал 28 октября в дневнике:

«С кафедрой, слава богу, покончил. Надо бы, в сущности, и с жизнью кончать. Довольно, устал. Осталось только любопытство: что еще придумает история и как посмеется?»[508]

Спустя год, в начале ноября 1947 г., Борис Михайлович написал по поводу статьи Рюрикова шутливое четверостишие для юбилейного банкета в Пушкинском Доме; совершенно ясно, что он отдавал себе отчет об одной из причин травли:

---

[504] *Рюриков Б.* Вредная концепция профессора Эйхенбаума // Культура и жизнь. М., 1946. № 12. 20 октября. С. 4.

[505] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 198–199.

[506] ОДО СПбГУ. Личные дела. Д. 1167. Л. 10.

[507] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 2208 от 23 октября 1946 г.

[508] *Чудакова М., Тоддес Е.* Страницы научной биографии Б. М. Эйхенбаума // Вопросы литературы. М., 1987. № 1. С. 158.

Решил принять я гордый вид —
Кто не богат, но родовит!
Что мне евреи-формалисты,
Когда я — Рюрикович истый![509]

К счастью, после этой статьи не последовало никаких серьезных оргвыводов. Вознесенский не давал силам «большевистской критики» близко подобраться к профессуре: ректор понимал, что, развернись поле политической брани в университете, одной из жертв может стать и он сам.

Сняв Эйхенбаума с должности исполняющего обязанности заведующего кафедрой истории русской литературы (сперва его временно заменял Н. И. Мордовченко, а вскоре был утвержден вернувшийся из Саратова Г. А. Гуковский[510], некогда уже ее возглавлявший), Вознесенский будто бы принял решительные меры и «навел порядок» на кафедре в соответствии с идеологическими требованиями.

29 октября Борис Михайлович записал в дневнике:

> «Пока я объявлен живым — идет реконструкция. Даны, очевидно, соответствующие распоряжения. Из Дома искусств мне позвонил В. М. Абрамкин, ведающий Унив[ерсите]том искусства и литературы — это было вчера: просил меня 4-го ноября прочитать там лекцию о Лермонтове. Я был удивлен и заколебался — просил отложить решение до сегодня. Сегодня я прямо спросил его, все ли согласовано, он ответил “да”и прибавил, что нечего об этом и разговаривать — я согласился. Сегодня же мне звонила из Унив[ерсите]та Марья Семеновна Лев и сказала, что завтра в 7 час. веч. я должен быть в горкоме у тов. Степанова по делу обследования преподавания литературы в Герценовском инст[иту]те (комиссия от Унив[ерсите]та). Меня еще беспокоит вопрос, какое впечатление произведет “там” моя статья о “Войне и мире”, только что появившаяся в “Трудах научной юбил[ейной] сессии ЛГУ”, и не будет ли нового скандала.
>
> Вчера на ученом совете Унив[ерсите]та (без Вознесенского, который улетел к славянам) ко мне подошел Е. В. Тарле и громко сказал, что он с огромным интересом

[509] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 43. Здесь же имеется и вариант третьей строчки: «Что мы отныне формалисты». Четверостишие опубликовано с ошибкой в кн.: *Кертис Дж.* Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература. СПб., 2004. С. 196–197 (публикатор принял помарки перед словом «истый» за букву «ч», откуда родилось ошибочное прочтение последней строки: «Когда я — Рюрикович чистый»). Еще один беловой вариант стихотворения см.: Там же. Л. 89 (со словом «истый» в последней строке).

[510] Г. А. Гуковский с военного времени несколько романтизировал Москву, которая с конца 1930-х гг. окончательно переняла у Ленинграда функции центра науки; 22 марта 1943 г. он писал из Саратова Л. В. Щербе: «В Москве я видел немало ленинградцев <...> и рад за Вас, что вы будете там же, так как в Москве идет настоящая работа, жизнь кипит, она интересна, содержательна» (ПФА РАН. Ф. 770 (Л. В. Щерба). Оп. 2. Д. 34. Л. 1). Именно поэтому он планировал после войны перебраться в Москву (он даже работал в 1946–1947 гг. совместителем в МГПИ), но эти планы не осуществились, и Г. А. Гуковский был вынужден вернуться в Ленинград (кроме ЛГУ он с 1 июля 1946 г. был восстановлен и в штате Пушкинского Дома), а на открывшуюся с его отъездом из Саратова вакансию вскоре рекомендовал освободившегося в конце 1946 г. из ИТЛ Ю. Г. Оксмана, который в апреле 1947 г. стал профессором Саратовского университета: «Отношения Ю. Г. Оксмана и Г. А. Гуковского были очень теплыми. Именно Г. А. Гуковский, уволившийся из Саратовского университета летом 1946 г., договорился о работе Ю. Г. Оксмана в Саратове (через тогдашнего ректора университета Петра Васильевича Голубкова)» (*Пугачев В. В., Динес В. А.* Историки, избравшие путь Галилея: Статьи, очерки: Посвящается 100-летию Ю. Г. Оксмана. Саратов, 1995. С. 19. Примеч. 18).

читает мою книгу о Толстом: "Благодарю Вас за то, что Вы ее написали", прибавил он и пожал мне руку.

Итак, попробую вернуться к работе: 1) по Институту — о Толстом и рукописи VIII тома («Истории русской литературы».— *П.Д.*), 2) по Университету — курс о Лермонтове и семинар по Толстому. Но неужели в газете "Культура и жизнь" не будет ни слова об этой "ошибке"? Интересно, как поступят с г[осподи]ном Рюриковым?»[511].

Словом, Б. М. Эйхенбаум призвал на помощь остатки оптимизма (а без него в то время нужно было только озаботиться поиском мыла и крепкой веревки) и продолжал работать. Конечно же, никаких оправданий в газете не последовало, и Рюриков продолжил свой славный путь партийного литературоведа и критика. Но, к счастью, не последовало и никаких оргвыводов.

30 октября на встрече с сотрудником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В. П. Степановым, будущим главным редактором газеты «Культура и жизнь», Эйхенбаума также уже не склоняли: «Вечером я был в Смольном на совещании у тов. Степанова (из ЦК) о преподавании литературы в ВУЗах — скучные разговоры казенного характера»[512].

11 ноября 1946 г. состоялось специальное заседание партбюро филологического факультета, на которое для доклада был приглашен исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории русской литературы Н. И. Мордовченко, а также некоторые аспиранты — члены ВКП(б). «Порядок дня: Доклад о научных работах проф[ессора] Эйхенбаума в связи со статьей Б. Рюрикова "Вредная концепция проф[ессора] Б. Эйхенбаума", напечатанной в газете "Культура и жизнь" от 20/Х- 46 г.»[513].

В своем докладе Николай Иванович не мог не критиковать Б. М. Эйхенбаума, но в основном коснулся в этом ракурсе его работ 20-х гг., завершив отчет перед партбюро оптимистически:

«Общая характеристика исследовательского пути проф[ессора] Б. М. Эйхенбаума: эволюция от формализма к общественно-историческому осознанию литературного процесса и к научной разработке общественно-исторических и политических проблем»[514].

Затем состоялось обсуждение:

«т. ХАВИН[515]. Как вы собирались поставить на кафедре обсуждение статьи Б. Рюрикова?

[Н. И. МОРДОВЧЕНКО] — На заседании кафедры будут обсуждаться работы членов кафедры, напечатанные в "Ученых записках", именно в связи со статьей Б. Рюрикова.

т. ХАВИН. Почему вы не хотите ставить на обсуждение именно эту статью?

[Н. И. МОРДОВЧЕНКО] — Я считаю, что цель статьи Б. Рюрикова значительно шире, чем работа проф[ессора] Эйхенбаума, так как она заставила пересмотреть всю нашу продукцию, и при обсуждении статей "Ученых записок" будет обсуждаться и статья проф[ессора] Эйхенбаума.

---

[511] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 199.

[512] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 26.

[513] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 147. Л. 72.

[514] Там же. Л. 72 об.

[515] Хавин Петр Яковлевич (1901–1967) — доцент, заведующий кафедрой советской печати, член партбюро факультета, штатный лектор Ленинградского горкома ВКП(б); в 1949 г. был назначен заместителем декана факультета, впоследствии — кандидат филологических наук (1964 г., тема — «Очерки русской стилистики», защищена по монографии).

т. ЛОКШИНА[516]. Были ли за последние годы теоретические историко-литературные работы проф[ессора] Эйхенбаума, подтверждающие его старые взгляды?

[Н. И. МОРДОВЧЕНКО] — Творческих деклараций за последние годы не было.

т. РЕДИНА. Проф[ессор] Эйхенбаум хотел писать статью в газету "Культура и жизнь", сделал ли он что-либо в этом направлении?

[Н. И. МОРДОВЧЕНКО] — Кажется, нет.

т. ХАВИН. Будет ли зафиксировано, что мероприятия на кафедре (пересмотр работ) проводятся в связи со статьей Б. Рюрикова?

[Н. И. МОРДОВЧЕНКО] — Да, заседание кафедры будет ответом на статью Б. Рюрикова. <...>

т. РЕДИНА (секретарь партбюро). Необходимо на кафедре принять решение и составить документ, в котором было бы сказано, что кафедра сделала с момента постановления ЦК партии и как кафедра откликнулась на статью в газете "Культура и жизнь"»[517].

В эти же дни Борис Михайлович решился просить аудиенцию у приехавшего в Ленинград А. М. Еголина[518]. 12 ноября он записал: «Звонил А. М. Еголину — он назначил 14-го в 3 часа. Тоска!»[519] На этой встрече, состоявшейся в результате только 17 ноября, Еголин даже позволил себе выразить профессору некоторую солидарность:

«Еголин был, конечно, равнодушен (что ему?), но сказал, что статья возмутила и его своим тоном и что он не допустил бы ее появления в газете, если бы был в это время в Москве. Александров, мол, философ и не имеет обо мне представления. Посоветовал написать Александрову письмо»[520].

Несомненно, кампания 1946 г. очень сильно повредила Б. М. Эйхенбауму. Особенно это было очевидно потому, что 4 октября 1946 г. ему исполнилось 60 лет: юбилей не был должным образом отмечен ни в Ленинградском университете, ни в Пушкинском Доме. Это легко объяснимо — слишком было опасно поднять на щит ошельмованного профессора. Особенно такое игнорирование юбилея Б. М. Эйхенбаума диссонировало с отмеченным с непривычной помпой юбилеем М. П. Алексеева — на то время ученого совершенно иного масштаба.

Кроме того, сотрудники Пушкинского Дома заранее возбудили ходатайство о присвоении Б. М. Эйхенбауму по случаю его юбилея почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР»; это было действительно почетным званием — в сентябре 1946 г. в Ленинградском университете их насчитывалось всего 12 человек (академиков и членов-корреспондентов было 44)[521]. Но на волне критики дело это заглохло (впоследствии ему пытались опять дать ход, но также безрезультатно).

---

[516] Локшина Белла Семеновна (1921–?) — аспирантка филологического факультета, член ВКП(б); весной 1948 г. арестована.

[517] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 147. Л. 73.

[518] Александр Михайлович Еголин, одновременно и профессор филологического факультета Московского университета, который 4 декабря 1946 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, удостоился от Б. М. Эйхенбаума в дневнике следующей характеристики: «Идиот Еголин (член-корреспондент АН или, как я выражаюсь, "еголинький член академика наук")» (РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 250. Л. 30 об.).

[519] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 27.

[520] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 200–201.

[521] Ленинградский университет. Л., 1946. № 30. 31 августа. С. 1.

Не только сам Б. М. Эйхенбаум не понимал того, что же происходит, но и студенты. Вопрос о том, как относиться к профессору в свете газетных статей, обсуждался осенью на заседании партбюро филологического факультета:

«20 октября в газете “Культура и жизнь” была помещена статья о профессоре Б. М. Эйхенбауме. В студенческих кулуарах пошли шепотки, разговоры и всяческие кривотолки. Коммунисты должны уметь объяснить студентам, но вот вопрос: могут ли они объяснить? Партбюро провело небольшую работу с комсомольским активом, чтобы ориентировать студентов, но ни один коммунист не пришел в партбюро, хотя не все правильно отнеслись к этой статье.

Статья действительно подводит итог нескольким годам работы проф[ессора] Эйхенбаума, когда он еще не освободился от своих старых ошибок. И эта работа относится к его прошлому периоду, периоду 36–38 годов, только опубликована в 1941 году. Но мы знаем, что в прошлом году на научной сессии проф[ессор] Эйхенбаум сделал очень хороший доклад, который назывался статьи Ленина о Толстом, был послан в Москву и был одобрен Еголиным, очень показательна его работа о Лескове. Сейчас он пишет научную работу о Толстом, где он пересматривает свои прошлые положения. Но знать путь проф[ессора] Эйхенбаума, конечно, нужно»[522].

Борис Михайлович вполне правильно уловил основные настроения — он «пока был объявлен живым». Но это облегчение оказалось для него малоощутимым: именно в это время он пережил еще одну личную трагедию. 3 октября он записал в дневнике: «Завтра мне 60 лет. У меня мог бы быть сын 32 лет (Витюшка) и 24 лет (Дима). Не вышло»[523]. 2 декабря его постигла еще одна утрата — от инфаркта миокарда неожиданно умерла жена: «Как буду жить без нее — не знаю»[524].

Травля Б. М. Эйхенбаума проводилась публично, что для послевоенного времени еще не стало обыденным. О. М. Фрейденберг пишет в дневнике:

«Возродились публичные поруганья. Первой жертвой стал Эйхенбаум. Его начали травить. Не было собрания, не было статьи, где бы не бесчестили старика, только что потерявшего единственного сына на фронте. Он держался превосходно, с достоинством, и за это его били еще больней. Но он ни разу не унизился, говорил в тактичной форме то, что думал — мягко, умно, с улыбкой, но твердо. Передавали его ученики, что человек он, по существу, нехороший; он всю жизнь не впускал [В. С.] Спиридонова в академическую среду, позже — на кафедру. Но он любил и понимал мысль, был европейцем, замечательно говорил — очень просто, тонко, глубоко культурно. Он был ученый и профессор.

Во время травли он внезапно лишился жены, с которой был очень близок. Он несколько дней не выходил. Но когда вышел — никто не заметил бы в нем никаких перемен»[525].

Таким образом, основная заслуга в свертывании травли Б. М. Эйхенбаума в конце 1946 г. принадлежит исключительно А. А. Вознесенскому. Пока он был ректором, да к тому же членом горкома ВКП(б) (ну и, самое главное, братом «арифмометра страны»),

[522] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 129. Л. 52.
[523] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 194.
[524] Там же. С. 201.
[525] *Фрейденберг О.* Будет ли московский Нюрнберг? С. 151.

он умело контролировал работу упоминавшейся Эйхенбаумом партчасти, которая находилась под присмотром и не шла ему наперекор; после ухода Вознесенского ситуация переменилась.

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что Вознесенский сам подобрал парторга в университет: с осени 1945 г. парторгом ЛГУ был Андрей Андреевич Андреев (1906–?). Он окончил геолого-почвенно-географический факультет ЛГУ, после чего был оставлен ассистентом на кафедре экономической географии. Во время войны он был направлен заведующим районным ОНО в Саратовскую область, а в 1944 г. Вознесенский способствовал его переводу в эвакуированный Ленинградский университет на должность помощника ректора. По возвращении университета из эвакуации А. А. Андреев возглавил отдел пропаганды и агитации Василеостровского райкома ВКП(б), а в 1945 г. с согласия Ленинградского горкома был избран парторгом ЛГУ. В 1948 г. он представил к защите написанную во время саратовской эвакуации диссертацию по теме «Историко-экономический очерк города Саратова»[526]. Тема диссертации также говорит о том, что в выборе своего «замполита» А. А. Вознесенский был достаточно мудрым.

НОНКОНФОРМИСТ Н. Н. ПУНИН

Временное ослабление нападок на Б. М. Эйхенбаума было связано прежде всего с тем, что волна обсуждений постановления ЦК временно пошла на спад. Но некоторую роль сыграло и то обстоятельство, что кроме Бориса Михайловича среди университетской профессуры нашелся другой человек, который — единственный — осмелился открыто высказать критическое мнение о постановлении. Это был профессор отделения истории искусств исторического факультета ЛГУ, одновременно профессор Академии художеств Н. Н. Пунин, приходившийся героине постановления А. А. Ахматовой бывшим мужем. Именно связь с Ахматовой, с одной стороны, и с Ленинградским университетом — с другой, делает Николая Николаевича достойным внимания в контексте нашего повествования.

Относительно постановления ЦК он не занял соглашательской, как большинство, или даже половинчатой, как Б. М. Эйхенбаум, позиции. Он был несгибаем: мог молчать, но когда начинал говорить, то не шел на компромисс. «И речь его была злая. Но злая в каком смысле? — Он был беспощаден, если ему что-то не нравилось...»[527] За это Пунина нещадно «критиковали», но до расправы тогда дело так и не дошло. Он был арестован только в 1949 г., оказавшись белой вороной среди множества гонимых отовсюду евреев. Отчего же так произошло?

---

[526] Первоначально А. А. Андреев планировал защищать ее в ЛГУ, но горком ВКП(б) рекомендовал ему защититься в другом вузе; в ноябре 1948 г. диссертация была представлена к защите в ЛГПИ имени А. И. Герцена, в типографии ЛГУ был отпечатан автореферат (*Андреев А. А.* Историко-экономический очерк города Саратова: Реферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., [1948]), а защита назначена на июнь 1949 г., но начало «ленинградского дела» повлекло повышенное внимание к соискателю — члену бюро ВО РК ВКП(б), а доносы профессора Н. А. Корнатовского в партийные органы привели к тому, что защита была отменена (ЦГАИПД СПб. Ф. 4 (ВО РК ВКП (б)). Оп. 5. Д. 578. Л. 124).

[527] *Томашевская З. Б.* Рассказ о Пунине // Петербург Ахматовой: семейные хроники: Зоя Борисовна Томашевская рассказывает. СПб., 2001. С. 79.

Оттого, что у Пунина появился личный «недоброжелатель» — председатель Ленинградского отделения Союза советских художников, будущий президент Академии художеств СССР Владимир Александрович Серов — одна из самых одиозных фигур советского искусства послевоенной эпохи. Конфликт Пунина и Серова начался задолго до постановления 1946 г., а в марте 1945 г. они схлестнулись уже открыто — на специальном обсуждении выставки ленинградских художников, где представляли два противоборствующих направления ленинградской художественной мысли. Выступавший на стороне Н. Н. Пунина художник В. М. Конашевич еще в 1943 г. довольно откровенно характеризовал стиль Серова и его коллег по направлению:

> «Они вовсе не художники. Их рассказ о любом событии (хотя бы о событиях Отечественной войны, которые нас так волнуют) ничего не прибавляет к газетному о нем рассказу <...>, т. к. они лишены живописного мировоззрения и живописной культуры, т. е. того единственного, что художника делает художником»[528].

Сам В. А. Серов в показаниях 1949 г. на Пунина в МГБ сообщал:

> «В апреле 1945 г. в Союзе художников Пунин Н. Н. читал доклад на тему: "Импрессионизм и картина" и здесь же утверждал: "Советское искусство отсталое искусство, а современное западноевропейское искусство, как, например, искусство Пикассо, а также искусство Западной Европы начала 20-го века, как искусство Сезанна и Ван Гога, является высшим достижением современной культуры". Как мне помнится, тогда же Пунин говорил, что он не понимает, что такое соцреализм, т. к. это, мол, неопределенное понятие»[529].

Тогда как точка зрения Серова была совершенно противоположной:

> «...Не адский труд Поля Сезанна должен нас увлекать и радовать, а Октябрьская революция! Рабочий класс, жизнь, юность страны — вот что должно увлекать! А вы хотите и грезите о натюрмортах в духе Сезанна...»[530]

Н. Н. Пунин ожесточенно выступил в апреле 1945 г. против укрепляющегося господства Владимира Серова и единомышленников в ленинградском искусстве на перевыборах руководства ленинградского отделения Союза советских художников, но не преуспел: «В. Серов переизбран председателем. Теперь он надолго укрепился. Дело совсем безнадежно — в ближайшее время искусству нет хода», — записал он тогда в дневнике[531]. Конечно, преуспел тогда не столько В. Серов, сколько представленное им в советском искусстве направление.

В тот момент Серов еще не мог ответить Пунину со всей силой: показательно, что в начале 1946 г. работы В. А. Серова, представленные на Сталинскую премию, не удовлетворили Всесоюзный комитет по делам искусств[532]. Но после постановлений ЦК расстановка сил сильно переменилась. Серов перестает работать над портретами участников обороны Ленинграда и переходит к глобальной проблематике — в 1947 г. он заканчивает полотно «В. И. Ленин провозглашает Советскую власть» и получает за нее в 1948 г. Сталинскую премию. С этого момента он постепенно возносится на художественный олимп соцреализма. Вместе с усилением своей власти он становится все более решительным борцом за чистоту советского искусства; одной из его жертв и становится профессор Н. Н. Пунин:

---

[528] Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко... С. 83.

[529] *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью: Дневники. Письма / Сост. Л. А. Зыкова. М., 2000. С. 423.

[530] Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко... С. 82.

[531] Там же. С. 83.

[532] Там же.

«В Союзе художников Пунин был вне закона, исключен, запрещен <...>. Председателем ленинградского Союза в те времена был известный мастер историко-революционного жанра Владимир Серов, впоследствии председатель Союза художников РСФСР и президент Академии художеств СССР. Я не готов обличать людей, которые были столько же агентами, сколько продуктами и жертвами системы, одно переходило в другое незаметно для самого персонажа и не всегда заметно для окружающих; оставим прокурорскую работу тем, кто ее любит. <...> Но не могу не сказать, что Владимир Серов был непревзойденным партийно-художественным душителем. Да, душителем, холуем, вельможей и гонителем, сломавшим многие судьбы — творческие и человеческие, и сделавшим все, что было в его силах и власти, — а было достаточно — чтобы подавлять любое живое дыхание в искусстве огромной страны. Сталинское время было для него, вероятно, счастливым...»[533]

Но это было несколько позднее: Серов возьмется за Пунина в 1949 г., когда Николай Николаевич 7 марта будет уволен из ЛГУ «как не обеспечивающий идейно-политического воспитания студенчества»[534], а 26 августа арестован. К 1949 г. у многих ленинградских профессоров были свои «недоброжелатели», информация которых в «органы» предшествовала их аресту.

21 и 22 октября 1946 г. на историческом факультете ЛГУ происходило открытое обсуждение постановления ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Именно здесь профессор Н. Н. Пунин повел себя совершенно исключительным образом. Газета «Ленинградский университет» отмечала:

«Глубоко ошибочным и вредным было выступление профессора Пунина.

Профессор Н. Н. Пунин своим выступлением обнаружил полное непонимание исторического значения и сущности постановления ЦК партии о журналах. Он допустил в своем выступлении клеветнические утверждения в отношении советского народа. Выступление проф [ессора] Пунина было воинствующим выступлением в защиту формализма, теории “искусства для искусства”, оно ярко продемонстрировало пример низкопоклонства перед западноевропейской культурой. Он осмелился утверждать, что русское искусство дает мало материалов для изучения вопроса о стилях в искусстве, пытался свести неудовлетворительную постановку преподавания к трудностям выработки терминологии. Выступление профессора Пунина встретило резкий отпор...»[535]

Пунина начали травить коллеги по факультету. Одним из основных линчевателей на историческом факультете ЛГУ, наряду с супругами-египтологами И. М. Лурье и М. Э. Матье[536], был и профессор М. К. Каргер[537], который стал автором статьи «Об идейных позициях профессора Пунина» в университетской газете[538]. В статье

[533] *Бернштейн Б. М.* О Пунине: Взгляд из аудитории // @ Альманах «Портфолио» (port-folio.org). 2004. Вып. 74. 17 июля.

[534] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 398 от 7 марта 1949 г.

[535] *Кедров С.* Усилить борьбу с безыдейностью и формализмом в науке: (На открытом собрании коммунистов исторического факультета) // Ленинградский университет. Л., 1946. № 38. 26 октября. С. 2.

[536] О политической активности этой супружеской пары также см.: *Косинский М. Ф.* Первая половина века. С. 345–346, 354–356.

[537] М. К. Каргер даже приезжал в Москву для выступления на собраниях по обличению своих коллег в ИИМК: см. *Формозов А. А.* Роль Н. Н. Воронина в защите памятников культуры России // Российская археология. М., 2004. № 2. С. 176.

[538] *Каргер М. К.* Об идейных позициях профессора Пунина // Ленинградский университет. Л., 1946. № 44. 17 декабря. С. 3.

не только осуждаются взгляды Н. Н. Пунина, но и высказывается удивление бездействием заведующего кафедрой всеобщей истории искусства И. И. Иоффе.

30 октября 1946 г. состоялось заседание парткома ЛГУ, на котором декан исторического факультета (и член парткома ЛГУ) В. В. Мавродин[539] отчитывался о работе искусствоведческого отделения. В прениях выступил и М. К. Каргер, который после нелестных слов в адрес И. И. Иоффе перешел к Н. Н. Пунину:

> «Профессора Пунина мы знаем 25 лет, всю жизнь он отдал искусству, он всегда открыто проповедует воинствующий формализм. Он никогда не будет мстить, как это делает Иоффе, надо ему отдать справедливость, но это не значит, что он полезный работник. О Пунине было сказано, что он "черный ворон формализма", и это правильно. И сейчас встал вопрос в Академии художеств о несовместимости его позиций со званием советского профессора. Ведь мы пробовали его перевоспитать, но ничего не получилось, и сейчас Союз художников предложил ему уйти в отставку, надо и нам иметь в виду это обстоятельство и сделать свои выводы.
>
> Пунин не стесняясь говорит, что он не признает советского искусства, что это не искусство. И представьте себе, Пунин находит на факультете себе поклонников, последователей, вот что возмутительно!»[540]

Член партбюро исторического факультета Г. В. Ефимов[541] добавил:

> «Пунин — не может быть руководителем на отделении. Я знаю, что им было брошено такое выражение в отношении ленинградских художников:
>
> — Пережили блокаду, переживем и это!
>
> Как же можно допустить руководить человека с такими взглядами?»[542]

Критика была подхвачена центральными газетами: «Советское искусство» 15 октября напечатало статью «О влиянии формализма и эстетизма в искусствознании»[543], в которой А. И. Михайлов в свете постановления ЦК резко критиковал ленинградцев Н. Н. Пунина и А. М. Эфроса.

Нужно в очередной раз отдать должное А. А. Вознесенскому, который пытался защитить опального профессора. 12 февраля 1947 г., когда партком ЛГУ проверял выполнение своих предыдущих решений по отделению истории искусств, он выступил в защиту Н. Н. Пунина:

> «В отношении проф[ессора] Пунина, я должен сказать следующее: его освободили от чтения двух основных методологических курсов, но оставили на отделении потому,

---

[539] Мавродин Владимир Васильевич (1908–1987) — доктор исторических наук, профессор исторического факультета ЛГУ, автор работ по истории Древней Руси и русской истории XVIII в. Впоследствии (1968) заслуженный деятель науки РСФСР. Член ВКП(б), многократно входил в состав парткома ЛГУ.

[540] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 120. Л. 54 об.

[541] Геронтий Валентинович Ефимов (1906–1980) — историк, востоковед, специалист по новейшей истории Китая, кандидат исторических наук (1939), доцент, преподавал на историческом и восточном факультетах, зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока, член ВКП(б) с 1944 г.; впоследствии декан восточного факультета (в 1949–1952 гг.), доктор исторических наук (1958), проректор ЛГУ (1961–1965).

[542] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 120. Л. 55.

[543] *Михайлов А. И.* О влиянии формализма и эстетизма в искусствознании // Советское искусство. М., 1946. № 44. 25 октября. С. 3. Будучи кандидатом искусствоведения и автором работ по истории искусства и архитектуры, А. И. Михайлов также является автором сочинения «О задачах изобразительного искусства в период развернутого строительства коммунизма» (М., 1961).

что другого такого специалиста нет. Проф[ессор] Пунин был у меня и сказал, что именно сейчас, когда его освободили от чтения основных курсов, он займется докторской диссертацией, и она будет написана такой, какой должна быть. Значит, человек не стоит на месте, он развивается, движется вперед, так какие же у нас основания к тому, чтобы изгонять его из Университета? Никаких! И Пунин остается в Университете, несмотря на то что есть решение и указано в газете на ошибки.

Кстати о газете. Надо помещать правильный, проверенный материал. А Каргер дал материал неправильный, те слова, которые были приписаны Пунину, были произнесены вовсе не им, и он правильно оскорбился. Надо проверять материал, а не безответственно помещать его в газете. Этим мы только дискредитируем газету»[544].

Сам В. А. Серов показал в 1949 г. на допросе по делу Пунина следующее:

«Осенью 46-го г. в Союзе художников Пунин сказал: "Хочет или не хочет наше правительство, но нашему искусству придется отчитываться перед современным западноевропейским искусством". Все выступления, в том числе и это, стенографировались, и Пунину дали стенограмму его выступления для правки. Пунин возвратил стенограмму в исправленном виде, и я обратил внимание на то, что указанная мною фраза была опубликована без исправления. В помещении Союза художников в этот момент находился проф[ессор] Исаков С. К.[545], которому я показал эту фразу из выступления Пунина Н. Н., Исаков обратился к Пунину, находящемуся в соседней комнате, и сказал ему, что такую фразу в стенограмме оставлять неуместно. Пунин Н. Н. прочел эту фразу, зачеркнул слово "правительство" и написал "правление". Я сказал Пунину, что на собрании он говорил о правительстве, что все это слышали, да и смысл этой фразы опровергает наличие в ней понятия правления, т. к. Правление Лен. Союза художников не может отчитываться за искусство всей страны»[546].

Непримиримая позиция Пунина, который, конечно, изначально был не в силах тягаться с мощью идеологической машины, была уникальна: он даже и не думал каяться. Именно поэтому в 1949 г. у его критиков открылось второе дыхание. В январе на общем собрании Академии художеств СССР только ленивый не называл имени Пунина в оскорбительном тоне.

В рамках антикосмополитической кампании Серов организовал масштабную травлю Пунина. 27 февраля 1949 г. ленинградский пейзажист болгарского происхождения Крум Стефанович Джаков выступил в «Ленинградской правде» со статьей «Формалисты и эстеты в роли критиков», большая часть которой была посвящена Н. Н. Пунину. Характеризуя «неприглядное кредо одного из столпов воинствующих критиков-эстетов, отрицающего национальное искусство, относящегося с барским пренебрежением к творчеству советских художников»[547], особенное внимание он уделил его преподавательской деятельности, отметив, что «вредная деятельность Н. Пунина особенно опасна еще и потому, что он до сих пор является профессором Ленинградского университета

[544] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 120. Л. 9.

[545] Исаков Сергей Константинович (1875–1953) — историк искусства, скульптор, критик, профессор отделения истории искусств ЛГУ и Академии художеств; член ВКП(б), один из активных коммунистов довоенного времени.

[546] *Пунин Н. Н.* Указ. соч. С. 422–423.

[547] *Джаков К.* Формалисты и эстеты в роли критиков // Ленинградская правда. Л., 1949. № 48. 27 февраля. С. 2.

и продолжает отравлять сознание молодежи пропагандой буржуазной эстетики и космополитизма»[548].

А 2 марта 1949 г. в газете «Вечерний Ленинград» со статьей «За дальнейший расцвет советского искусства» выступил и глава ленинградских художников. Он опять обрушился на Пунина:

> «У нас немало подлинных советских критиков, помогающих художникам в их творчестве, пропагандирующих лучшие достижения передового советского искусства. Однако в роли критиков выступают еще и люди, потерявшие честь и достоинство советского гражданина, раболепствующие перед уродливым, ущербным “творчеством” современных западноевропейских и американских художников.
>
> Особенно мерзко ведет себя один из главарей антипатриотических отщепенцев Пунин. Этот “критик и искусствовед” — яростный враг реалистического искусства. В первые годы революции он был идеологом так называемого “левого” искусства и с наглой развязностью утверждал, что реализм и бездарность — это равнозначащие понятия. Он обливал грязью великих русских художников и всячески пропагандировал футуристический и кубистский бред. Проповедник реакционной идейки “искусства для искусства”, утверждавший, что сама форма является содержанием произведения, Пунин охаивал лучшие работы передовых советских художников, издевался над методом социалистического реализма.
>
> Когда этот лжекритик говорит о советском искусстве, он высокомерен и нагл. Когда же речь заходит о современном искусстве Европы, он заискивающе сладок и восторжен. Размахивая как знаменем истлевшим формалистическим тряпьем, он выдает себя за поборника новаторства. Только предельное уродство, маразм и разложение приводят в восторг этого буржуазного эстета. <...> Успехи социалистического реализма вызывают в нем неприкрытую злобу. Всячески понося реалистические народные принципы, лежащие в основе советского искусства, презренный отщепенец Пунин чернит художников, которые посвящают свое творчество большим, жизненно важным темам, создают патриотические произведения, проникнутые чувством горячей любви к Родине»[549].

Необходимо подчеркнуть, что приведенный документ — это не случайно зафиксированная в протоколе площадная брань, а строки из общегородской газеты.

5 марта в газете «Советское искусство» профессору были посвящены и такие слова:

> «Н. Пунин также уже давно ведет подрывную работу в нашем искусстве. Этот матерый идеалист и проповедник космополитизма еще в 1919 г., прикрываясь маской лженоваторства, заявлял, что “реалисты и бездарность — синонимы”»[550].

Подобные тезисы в те месяцы повторялись во многих статьях[551].

После таких публикаций Ученому совету ЛГУ ничего не оставалось, кроме как вынести решение об исключении Н. Н. Пунина из числа университетских профессоров:

---

[548] *Джаков К.* Формалисты и эстеты в роли критиков. С. 2

[549] *Серов В.* За дальнейший расцвет советского искусства: До конца разгромить буржуазных космополитов в художественной критике // Вечерний Ленинград. Л., 1949. № 50. 2 марта. С. 3.

[550] *Сысоев П., Веймарн Б.* Против космополитизма в искусствознании // Советское искусство. М., 1949. № 10. 5 марта. С. 2.

[551] См.: *Герасимов А. М.* За боевую теорию изобразительных искусств // Советское искусство. М., 1949. № 2. 8 января. С. 2; До конца разоблачить антипатриотов и их охвостье: [На общегородском собрании критиков, драматургов и актива работников искусств в Ленинграде 17 февраля] // Советское искусство. М., 1949. № 8. 19 февраля. С. 3.

> «Это было следствием выступления партийной печати, разоблачившей подрывную деятельность антипатриотов в театральной и литературной критике и искусствоведении»[552].

26 августа 1949 г. Н. Н. Пунин был арестован, приговорен к 10 годам тюремного заключения и скончался 21 августа 1953 г. в больнице заполярного лагерного поселения Абезь в Коми АССР.

ЛЕКЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССУРЫ

Начавшаяся идеологическая кампания включила в свою работу все испытанные механизмы советской пропаганды и агитации; традиционной ее составляющей была лекционная работа. Именно поэтому вслед за августовским постановлением ЦК ВКП(б) резко активизируется лекционная активность партийных структур в области литературы. Для чтения лекций, проводившихся в лекториях горкома ВКП(б), Дома партактива горкома ВКП(б) и Ленинградского университета, привлекалась и университетская профессура. Косвенно более свободному доступу сотрудников ЛГУ в партийные лектории способствовал еще и тот факт, что родная сестра ректора М.А. Вознесенская продолжительное время заведовала лекторием Ленинградского горкома ВКП(б).

Кроме того, еще в Саратове лекторий ЛГУ показал свою отличную «боеспособность». «В общей сложности с апреля 1942 г. по январь 1944 г. лекторами университета прочтено свыше 4000 лекций, на которых присутствовало до 500000 слушателей»[553], — отчитывалась директор лектория, гражданская жена ректора Е. М. Косачевская. Большая часть лекций проводилась выездными лекторами на предприятиях, но 270 лекций, как отдельных тематических, так и входивших в специальные лекционные циклы, были проведены непосредственно в лектории университета.

Востребованная руководством лекционная работа моментально оголила давние противоречия среди профессуры, выделив карьеристов, многие из которых были давно известны. Лекторам представилась возможность не только заработать (поскольку выступления почти всегда оплачивались, что создавало лишнюю конкуренцию), но и публично определиться в сложившейся политической обстановке. Некоторые добровольно и беззастенчиво проводили линию партии (Л.А. Плоткин, В. Е. Евгеньев-Максимов, Б.С. Мейлах и им подобные); некоторые проявляли идеологическую лояльность, иные вообще не участвовали — либо по моральным соображениям, либо, что бывало даже чаще, по причине большой конкуренции.

Объявления о лекциях публиковала газета «Ленинградская правда»; и хотя некоторые лекции циклов не объявлялись заранее, даже этих сведений достаточно, чтобы составить представление.

До постановления ЦК ВКП(б) университетские филологи изредка читали лишь лекции для издательских работников или культпропов. К примеру, 1 августа 1946 г. в Доме партактива будущий декан филфака Р. А. Будагов прочел для работников печати лекцию «Проблемы культуры языка»[554].

---

[552] *Калмыкова К.* Плоды либерализма: Об искусствоведческом отделении университета // Вечерний Ленинград. Л., 1949. № 61. 14 марта. С. 3.

[553] *Косачевская Е.* 4000 лекций // Коммунист. Саратов, 1944. № 36. 20 февраля. С. 3.

[554] Ленинградская правда. Л., 1946. № 179. 1 августа. С. 4.

Но с выходом постановления все переменилось: в сентябре 1946 г. начинается бешеная лекционная активность.

11 сентября лекторий горкома объявил о цикле «Советская художественная литература и критика в современных условиях», состоявшем из шести лекций; предварительно был назван и состав лекторов — А. М. Еголин, Л. А. Плоткин, М. А. Лифшиц, В. П. Друзин; стоимость абонемента — 20 руб.[555] Вторая лекция — «Ленин и Сталин о задачах художественной литературы» — была прочитана А. М. Еголиным 25 сентября[556]. Пятая лекция — «Народность, идейность и патриотизм в русской литературе» — 16 октября прочитана им же[557].

26 сентября на заседании Ученого совета филологического факультета обсуждался вопрос лекционной пропаганды:

> «Принято решение силами профессоров факультета прочесть в лектории университета цикл лекций на тему "Великая историческая миссия нашей литературы".
>
> Отдельные лекции будут посвящены следующим вопросам:
>
> 1. Борьба большевистской партии за идейность литературы.
>
> 2. Борьба русских революционно-демократических критиков с теорией "искусство для искусства".
>
> 3. Писатели-демократы (Некрасов, Салтыков-Щедрин) о задачах литературы.
>
> 4. Марксистская критика конца XIX и начала XX веков в борьбе с декадентством.
>
> 5. Горький и его борьба с буржуазно-дворянскими упадочническими литературными течениями.
>
> 6. Маяковский — трибун идейного советского искусства.
>
> 7. Советская литература — учитель новой общечеловеческой морали.
>
> 8. Реакционные течения современной западной литературы в оценке передовой критической мысли.
>
> 9. Современная советская литература и ее влияние на западе.
>
> 10. Великая историческая миссия и роль советской литературы»[558].

28 сентября об этом решении сообщили «Последние известия» Ленинградского радио:

> «"Великая историческая миссия нашей художественной литературы" — так будет называться цикл лекций, организуемый лекторием Ленинградского университета. Он начнется 8-го октября лекцией профессора Плоткина — "Борьба большевистской партии за идейность литературы"»[559]

Цикл продолжался до ноября 1946 г.: 2) Н. И. Мордовченко — «Проблема "искусство для искусства" в освещении русских революционных критиков» (15 октября)[560]; 4). Л. А. Плоткин — «Марксистская критика конца XIX и начала XX веков в борьбе с декадентством» (29 октября)[561]; 5) В. А. Десницкий — «Горький в борьбе за идейность и партийность литературы в годы реакции» (10 ноября)[562]; 6) В. Е. Евгеньев-Максимов — «Маяковский — трибун идейного советского искусства» (19 ноября)[563].

---

[555] Ленинградская правда. Л., 1946. № 211. 8 сентября. С. 4.

[556] Там же. № 224. 24 сентября. С. 4.

[557] Там же. № 243. 16 октября. С. 4.

[558] *Берков П. Н., Мордовченко Н. И.* Указ. соч. С. 142.

[559] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2185. Л. 129. Последние известия: Ленинградский выпуск, 28 сентября 1946 года (21:45–21:59 и 21:45–22:00).

[560] Ленинградская правда. Л., 1946. № 242. 15 октября. С. 4.

[561] Там же. № 254. 29 октября. С. 4.

[562] Там же. № 263. 10 ноября. С. 4.

[563] Там же. № 279. 19 ноября. С. 4.

В сентябре 1946 г. усилил свою пропагандистскую деятельность Дом партактива Ленинградского горкома партии, где лекции по вопросам литературы вскоре стали важной частью работы.

Оказался вовлеченным в идеологическую работу и Дом искусств. Новостная лента ЛенТАСС сообщала:

> «14 октября, в Доме искусств имени К.С. Станиславского открылся университет литературы и искусства. В программе его — 60 лекций по вопросам истории и теории литературы, театра, музыки, изобразительного искусства, кино.
>
> Принято 500 слушателей. Занятия будут проходить раз в неделю — по понедельникам.
>
> В качестве лекторов привлечены виднейшие специалисты литературоведы и искусствоведы города.
>
> В первый день читали: проф[ессор] Л. Плоткин на тему “Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства” и проф[ессор] Г. Гуковский — “Русская литература XVIII века”»[564].

Действовал и верный помощник партии — комсомол:

> «Ленинградский горком ВЛКСМ организовал для комсомольского актива цикл лекций по современной советской литературе.
>
> Цикл открылся лекцией “Ленин и Сталин о художественной литературе”. В ближайшие дни состоятся лекции: профессора Десницкого “Горький — основоположник советской литературы” и профессора Городецкого[565] “Маяковский — талантливейший поэт советской эпохи”. Лекторы расскажут молодежи и творчестве Николая Островского, Алексея Толстого и Александра Фадеева»[566].

Городское лекционное бюро также шло в ногу с требованием времени:

> «Городское лекционное бюро организовало на предприятиях и в клубах лекции о лучших произведениях советских писателей, обзоры новинок советской литературы, лекции на тему “Великие идеи патриотизма” и “Великие русские писатели о своем народе”»[567].

Райком ВКП(б) не отставал: была мобилизована филологическая общественность:

> «Лекцией доктора филологических наук проф[ессора] Мейлаха “Ленин и Сталин о художественной литературе” начался лекционный курс о советской литературе, организованный Василеостровским райкомом ВКП(б) для интеллигенции района.
>
> Всего будет прочитано 16 лекций о творчестве Горького, Маяковского, Островского, Шолохова, Фадеева и других советских писателей. Лекторами приглашены профессора [К.Н.] Державин, [В.А.] Мануйлов и другие»[568].

В качестве еще одного мероприятия, целью которого была пропаганда постановления ЦК, стали «Горьковские чтения», открывшиеся 29 ноября в Большом зале филармонии:

> «Вчера начались Горьковские чтения для комсомольского актива города. Чтения организованы горкомом ВЛКСМ и проводятся совместно с Институтом литературы Академии наук СССР и Ленинградским отделением Союза советских писателей.

---

564 ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 70. Л. 176 («Университет литературы и искусства»).

565 Городецкий Борис Павлович (1896–1974) — литературовед, специалист по творчеству А.С. Пушкина, кандидат филологических наук, ученый секретарь ИЛИ АН, член ВКП(б); впоследствии — доктор (1951, тема — «Драматургия А.С. Пушкина»).

566 Там же. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2187. Л. 136. Последние известия: Ленинградский выпуск, 17 октября 1946 года (21:50–21:59).

567 Там же. Д. 2188. Л. 14. Последние известия: Ленинградский выпуск, 18 октября 1946 года (21:40–21:54).

568 Там же. Ф. 12. (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 70. Л. 264 («Лекции по литературе для интеллигенции»).

На 10 вечерах, в которых примут участие виднейшие литературоведы и писатели, комсомольский актив прослушает доклады о жизни и творчестве великого писателя. Важнейшие доклады будут повторены в домах культуры, а также в комсомольских организациях вузов и крупнейших промышленных предприятий города.

Первое чтение открыл кратким вступительным словом секретарь горкома ВЛКСМ тов. Кузьменко. Доклад о жизни и творчестве Максима Горького сделал проф[ессор] Городецкий. Проф[ессор] Десницкий выступил с воспоминаниями.

На ближайшем чтении проф[ессор] Десницкий расскажет комсомольцам об автобиографической трилогии Горького. С докладами "Ленин, Сталин и Горький" и "Горький и русская литература" выступят писатели Груздев и Фадеев»[569].

Университет также продолжал расширять свою просветительскую деятельность:

«Во многих аудиториях Ленинграда, в районах Ленинградской области, городах Прибалтики, в частях армии и флота выступали в течение 1946 года ученые по путевкам университетского лектория.

За год лекторий провел 1900 лекций — выездных и в стационаре. Их прослушало 155 тысяч человек.

Большой интерес у слушателей вызвали тематические циклы — "Великая историческая миссия нашей литературы", "Проблемы социалистического права", "Великие путешествия и открытия", лекции-концерты, посвященные корифеям русской музыки»[570].

Из лекций, не вошедших в циклы, стоит упомянуть следующие: В. А. Мануйлов — «Ленин и Сталин о задачах художественной литературы» (Дом партактива, 5 ноября); В. А. Десницкий — «Максим Горький — великий русский писатель, критик и публицист» (лекторий горкома, 5 октября)[571]; В. А. Мануйлов — «Советская литература — самая передовая идейная литература мира» (Дом партактива, 7 октября)[572]; Г. А. Гуковский — «Владимир Маяковский в борьбе с декадентской литературой» (лекторий горкома, 12 октября)[573]; Л. А. Плоткин — «Социалистический реализм в творчестве советских писателей» (лекторий горкома, 23 октября)[574].

Конечно, были и лекции «традиционного» литературоведческого плана — в середине октября лекторий горкома организовал цикл «Русская лирика», состоящий из восьми лекций[575]: 1) Г. А. Гуковский — «Жуковский» (26 ноября)[576]; 2) Б. В. Томашевский — «Пушкин» (2 ноября)[577]; 4) Б. Я. Бухштаб[578] — «Тютчев» (16 ноября)[579];

---

[569] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 73. Л. 248 («Горьковские чтения для молодежи»).
[570] Там же. Д. 76. Л. 80 («В университетском лектории»).
[571] Ленинградская правда. Л., 1946. № 233. 4 октября. С. 4.
[572] Там же. № 235. 6 октября. С. 4.
[573] Там же. № 239. 11 октября. С. 4.
[574] Там же. № 248. 22 октября. С. 4.
[575] Там же. № 246. 19 октября. С. 4.
[576] Там же. № 252. 26 октября. С. 4.
[577] Там же. № 258. 2 ноября. С. 4.
[578] Бухштаб Борис Яковлевич (1904–1985) — литературовед, текстолог, библиограф, автор литературных произведений, по материнской линии двоюродный брат Г. А. Гуковского; кандидат филологических наук (1938 г., без защиты диссертации), впоследствии доктор наук (1963 г., тема — «Русская поэзия 1840–1850 гг.»).
[579] Там же. № 267. 15 ноября. С. 4.

5) Г.А. Гуковский — «Некрасов» (23 ноября)[580]; 7) Г.А. Гуковский — «Владимир Маяковский» (7 декабря)[581].

По окончании цикла «Русская лирика» лекторий горкома с начала 1947 г. объявил цикл «Русская сатира» из семи лекций[582]: 1) Г.А. Гуковский — «Русская сатира XVIII века» (3 января)[583]; 2) Г.А. Гуковский — «Грибоедов» (12 января)[584]; 4) Н.В. Яковлев — «Салтыков-Щедрин» (1 февраля); 7) А.Г. Левинтон — «Советская сатира» (22 февраля)[585].

Из отдельных лекций отметим следующие: Г.А. Гуковский — «Русская литература XVIII века» (лекторий Университета литературы и искусства, 16 октября)[586]; Г.А. Бялый — «Салтыков-Щедрин» (там же, 24 декабря)[587]; Г.А. Бялый — «В.Г. Короленко», к 25-летию со дня смерти писателя (лекторий ЛГУ, 25 декабря)[588]; Н.И. Мордовченко — «Пушкин как журналист и редактор» (Дом партактива, 29 ноября)[589]; Г.А. Гуковский — «Великий русский поэт Н.А. Некрасов» (лекторий горкома, 8 декабря)[590].

В феврале 1947 г. лекторий горкома ВКП(б) объявил о предстоящем цикле «30 лет советской литературы», состоящем из восьми лекций[591]: 1) Г.А. Бялый — «Кризис реализма в русской литературе конца XIX и начала XX века» (1 марта)[592]; 2) Л.А. Плоткин — «Максим Горький — основоположник советской литературы» (22 марта)[593]; 3) Л.А. Плоткин — «Социалистический реализм, основные этапы его развития» (29 марта)[594]; 4) Е.И. Наумов[595] — «Русский человек в изображении советской художественной литературы» (5 апреля)[596]; Е.И. Наумов — «Маяковский и пути развития советской поэзии» (12 апреля)[597]; 6) И.И. Векслер — «Советский исторический роман» (19 апреля)[598]; 7) П.Н. Берков — лекцию «Расцвет художественной литературы народов СССР» (26 апреля)[599], которая первоначально называлась сдержаннее — «Проблемы изучения литературы народов СССР»[600]; 8) В.П. Друзин — «Политика партии в руководстве художественной литературой» (4 мая)[601].

---

[580] Там же. № 274. 23 ноября. С. 4.
[581] Там же. № 285. 7 декабря. С. 4.
[582] Там же. № 294. 18 декабря. С. 4.
[583] Там же. Л., 1947. № 2. 3 января. С. 4.
[584] Там же. № 8. 10 января. С. 4.
[585] Там же. № 43. 21 февраля. С. 4.
[586] Там же. Л., 1946. № 243, 16 октября. С. 4.
[587] Там же. № 299. 24 декабря. С. 4.
[588] Там же. № 300. 25 декабря. С. 4.
[589] Там же. № 279. 29 ноября. С. 4.
[590] Там же. № 285. 7 декабря. С. 4.
[591] Там же. Л., 1947. № 37. 13 февраля. С. 4.
[592] Там же. № 59. 1 марта. С. 4.
[593] Там же. № 67. 21 марта. С. 4.
[594] Там же. № 74. 29 марта. С. 4.
[595] Наумов Евгений Иванович (1909–1971) — литературовед, доцент кафедры советской литературы, член партбюро факультета, редактор университетской газеты; до войны — участник семинара Г.А. Гуковского.
[596] Там же. № 79. 4 апреля. С. 4.
[597] Там же. № 86. 12 апреля. С. 4.
[598] Там же. № 91. 18 апреля. С. 4.
[599] Там же. № 98. 26 апреля. С. 4.
[600] Там же. № 97. 25 апреля. С. 4.
[601] Там же. № 101. 30 апреля. С. 4.

В мае 1947 г. в лектории ЛГУ начался цикл лекций «Великие произведения русской классической литературы». 27 числа профессор Б. М. Эйхенбаум прочел вторую лекцию цикла — «“Демон” Лермонтова»[602], а 13 июня Н. И. Мордовченко прочел лекцию «Петербургские повести Гоголя»[603].

В октябре 1947 г. в лектории университета были объявлены циклы лекций к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Вводную лекцию «Октябрьская социалистическая революция — начало новой эры в истории человечества» прочитал ректор А. А. Вознесенский (7 октября)[604]. В рамках этого был организован цикл «Советская художественная литература за 30 лет»: 1) В. А. Десницкий — «Горький и советская литература» (8 октября)[605]; 2) И. И. Векслер — «[А. Н.] Толстой» (15 октября)[606]; 3) Г. А. Гуковский — «Маяковский» (22 октября)[607].

В лектории Дворца пионеров лекции для детей и юношества проводили Б. М. Эйхенбаум, отмеченный за это грамотой, а также М. П. Алексеев[608].

В 1947 г. в лекционном деле произошел заметный сдвиг: было основано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний; 22 мая начинает функционировать Ленинградское отделение общества во главе с профессором А. А. Вознесенским. С июня общество начинает проводить публичные лекции, причем уровень их подготовки и проведения выглядит более внушительно, нежели ставшие традиционными лекции в горкоме или университете. Чаще всего общество проводило лекции в Ленинградском доме ученых. Вторая лекция, проведенная в Ленинграде, «Максим Горький — основоположник литературы социалистического реализма», была прочитана Б. П. Городецким (30 июня)[609]. Отметим также и несколько других лекций: В. В. Мавродин — «Формирование русской нации» (7 июля)[610]; Л. А. Плоткин — «Партия и литература» (12 сентября)[611]; Г. А. Гуковский — «Пути развития советского романа» (16 октября)[612].

В конце ноября 1947 г. идеология ура-патриотизма, предвосхищая избиение А. Н. Веселовского, стала главенствующей. В ноябре Ленинградский горком ВКП(б) начал претворять указания руководства страны: лекторий горкома спешно организовывал беспрецедентный по масштабу лекционный курс «Величие русской науки, литературы и искусства», состоящий из трех циклов. Первый цикл — «Выдающиеся открытия русских ученых» (32 часа), второй — «Идейные основы русской литературы и ее мировое значение» (34 часа) и третий — «Национальное своеобразие русского искусства и его мировое значение» (36 часов). Цена абонемента на весь курс лекций составила 80 рублей,

[602] Ленинградская правда. Л., 1946. № 121. 27 мая. С. 4.
[603] Там же. № 136. 13 июня. С. 4.
[604] Там же. № 235. 7 октября. С. 4.
[605] Там же. № 236. 8 октября. С. 4.
[606] Там же. № 242. 15 октября. С. 4.
[607] Там же. № 242. 15 октября. С. 4.
[608] Там же. № 29. 5 февраля. С. 4.
[609] Там же. № 150. 29 июня. С. 4.
[610] Там же. № 155. 5 июля. С. 4.
Идея великодержавности, насаждаемая в то время, находила поддержку и у более уважаемых ученых: 5 сентября в конференц-зале Академии наук академик Е. В. Тарле прочитал лекцию «СССР — мировая держава» (Там же. № 208. 5 сентября. С. 4).
[611] Там же. № 214. 12 сентября. С. 4.
[612] Там же. № 243. 16 октября. С. 4.

а двухчасовая вводная лекция, назначенная на 28 ноября, называлась «О национальной гордости советского человека»[613]. Правда, такое большое мероприятие быстро подготовить не удалось, и начало курса было перенесено на 12 декабря[614].

В это же время, в ноябре 1947 г., начинается массированная пропаганда величия русского народа по радио. В качестве примера приведем цикл литературно-художественных передач ленинградского радиокомитета «Героическое прошлое русского народа в искусстве»[615].

Эволюцию идеологических требований в области лекционной пропаганды можно проследить по динамике работы лекционного бюро Ленгорисполкома, которое ведало как проведением общегородских лекций, так и организацией работы районных лекторских групп.

В отчете лекционного бюро за 1946 г. идеологическая линия лишь намечена:

> «С особой силой выдвигается вопрос о коммунистическом воспитании масс, борьбы с пережитками и влиянием враждебной нам идеологии. От роста коммунистической сознательности и культурного уровня советских людей зависит успех выполнения этой всемирно-исторической задачи. Лекционная работа является могучим средством в осуществлении этой задачи»[616].

В 1947 г. на лекционную пропаганду были возложены более серьезные задачи:

> «Лекционная пропаганда научных знаний, проводимая Лекционным бюро и районными лекторскими группами в текущем году, была подчинена задаче коммунистического воспитания трудящихся нашего города, которые встречали 30-ую годовщину Советского социалистического государства, в борьбе за досрочное выполнение второго года новой Сталинской пятилетки.
>
> Лекционная пропаганда была направлена на показ достижений нашей Родины за 30-летие своего существования. Лекции имели целью воспитать в советских людях бодрость духа, веру в свое дело, преданность Родине и умение преодолевать трудности.
>
> Лекционная пропаганда целеустремленно была подчинена интересам советского государства и руководствовалась жизненной основой советского строя — его политикой»[617].

В 1948 г. деятельность Городского лекционного бюро приобрела еще больший размах: общая численность слушателей лекций составила 1 440 308 человек, а общее число проведенных лекций — 14 047, из которых 1443 лекции были посвящены вопросам литературы. На заседаниях предметных методических секций для лекторов проводились инструктивно-методические доклады, в том числе на темы «Советская литература в послевоенный период» (доцент ЛГУ Е. И. Наумов) и «Против буржуазного либерализма в литературоведении» (доцент ЛГУ А. Г. Дементьев)[618]. Отчет Городского бюро за 1948 г. выглядит еще более внушительно:

> «Лекционная пропаганда научных знаний, проводимая Городским лекционным бюро, подчинена задачам коммунистического воспитания трудящихся нашего города,

---

613 Там же. № 265. 12 ноября. С. 4.

614 Там же. № 277. 27 ноября. С. 4.

615 Там же. № 273. 22 ноября. С. 4. (В этот день с 18:15 до 19:00 в программе объявлена вторая передача из этого цикла — «1812 год».)

616 ЦГАЛИ СПб. Ф. 366 (Городское лекционное бюро). Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

617 Там же. Д. 7. Л. 2.

618 Там же. Д. 11. Л. 19.

мобилизации их на борьбу за успешное выполнение третьего решающего года послевоенной Сталинской пятилетки.

Лекции имели целью воспитать в советских людях диалектико-материалистическое мировоззрение, благородные чувства горячего и животворного советского патриотизма, коммунистическое отношение к труду и общественной собственности, непоколебимую веру в торжество нашего великого дела, бодрость духа и умение по-большевистски преодолевать трудности.

Лекции отличались наступательным характером в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей. Они разоблачали реакционную роль растленной буржуазной "культуры" и "морали", боролись против низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной.

Лекционная пропаганда целеустремленно была подчинена интересам советского государства и руководствовалась политикой большевистской партии, как жизненной основой советского строя»[619].

В марте 1949 г. директор лектория Ленинградского горкома ВКП(б) И. К. Карпов, озвучив цифру посетителей лектория за 1948 г. (более 200 тыс. слушателей), сформулировал задачу возглавляемого им просветительского заведения:

«Вся наша работа подчинена пропаганде исторических постановлений Центрального Комитета партии, воспитанию в советских людях чувства безграничной любви к своей социалистической родине, разоблачению презренной идеологии прогнившего капиталистического мира»[620].

Естественно, что с такими установками и лекции на нейтральные темы были крайне тенденциозны. По крайней мере, еще до постановления 1946 г. некоторые выступления в Пушкинском Доме оказывались, по отзывам Б. М. Эйхенбаума, совершенно неудовлетворительными[621].

Проводимые научные конференции также все больше идеологизировались. Лишь по случайности еще оставалось место не для самых актуальных персонажей. Едва ли не последним такого рода событием 1946 г. стала двухдневная научная сессия, посвященная Лукрецию, закончившаяся 22 октября:

«В Ленинградском университете закончилась продолжавшаяся два дня научная сессия, посвященная двухтысячелетию со дня смерти выдающегося поэта и философа-материалиста древности, автора гениальной поэмы "О природе вещей" — Тита Лукреция Кара.

В работе сессии приняли участие филологи, историки, работники философского факультета, а также ряд институтов Академии наук СССР.

С докладом "Лукреций, как поэт" выступил член-корреспондент Академии наук проф[ессор] И. И. Толстой, доктор филологических наук И. М. Тронский сделал сообщение на тему "Вступление в поэме Лукреция". С большим интересом были выслушаны

---

[619] ЦГАЛИ СПб. Ф. 366 (Городское лекционное бюро). Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

[620] Там же. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 3163. Л. 158. Передача «Ленинградский лекторий»: 20 марта 1949 года (16:00–16:24).

[621] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 184–185. 14 февраля Б. М. записал: «Вчера в ИЛИ доклад И. З. Сермана "Проблема характера в 'Преступлении и наказании' Достоевского" — очень плохо, и не только научно неинтересно, сухо, безжизненно, схематично, но и морально нехорошо — с ненужными цитатами из Ленина, Маркса, Энгельса, без веры, без уважения к научной мысли, без любви. И в итоге — старые, школьные выводы. Я был раздражен и дал ему это понять».

также доклады проф[ессора] С. Я. Лурье “Джордано Бруно и Лукреций” и кандидата филологических наук Я. М. Боровского “Лукреций и Эпикур”»[622].

Но вскоре с подобной аполитичностью будет покончено.

БЕСПАРТИЙНЫЕ УЧЕНЫЕ ОБОГАЩАЮТСЯ ИДЕЙНО

В середине ноября 1946 г. в университете подошла к концу работа по составлению плана научных исследований, скорректированного с учетом идеологических событий последних месяцев. 12 ноября радио сообщало:

«В Ленинградском университете закончено составление пятилетнего плана научно-исследовательских работ. Около 150-ти важных научных проблем будут разрабатывать ученые двенадцати факультетов и тринадцати научно-исследовательских институтов Университета <...>.

Основная тема, которую будут разрабатывать филологи университета, — ведущая роль русской и советской литературы в мировом литературном процессе. Группа ученых-филологов под руководством академика Державина займется исследованием славяно-русских культурных связей в 19-м и 20-м веках»[623].

А 25 ноября на филологическом факультете состоялась теоретическая конференция, посвященная выходу первого тома сочинений Сталина, в которой обязали принять участие и беспартийных.

Б. М. Эйхенбаум пишет в дневнике:

«[25 ноября]. Вчера весь день читал Ленина и Сталина (I том) для выступления на “теоретической конференции” филфака. Я строю все на теме сознательности и стихийности. Это, в сущности, центральная проблема всей нашей жизни и истории. Государство, построенное на научной основе. Что при таком положении искусство? Вопрос, существующий со времен Платона.

[26 ноября]. Вчера выступил на партсобрании. Ничего. Открылось докладом П. Я. Хавина — как пастор. Все было тихо, дисциплинированно, аккуратно, прилично — и мертво. Что-то немецкое есть во всем этом — жутковато. Не слова, а камни. Серость, боязнь сказать что-нибудь свое, что-нибудь о жизни. Плохо дело! — Сегодня лекция о Лермонтове в Доме Кр[асной] Армии»[624].

Основным вопросом конференции было рассмотрение напечатанной в томе работы Сталина «Анархизм или социализм?». С докладом выступил заведующий кафедрой теории и практики советской печати, бессменный инструктор городских агитаторов, сотрудник лектория горкома ВКП(б), культпроп партбюро филологического факультета П. Я. Хавин, некогда, в 1920-х гг., участник семинария Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова по русской литературе XIX в.[625] Доклад назывался «Обоснование и защита товарищем Сталиным идеологических основ марксистско-ленинской

---

[622] ЦГАЛИ СПБ. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 71. Л. 102 («Сессия, посвященная Лукрецию»).

[623] Там же. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2191. Л. 23. Последние известия, 12 ноября 1946 года (08:45–08:59).

[624] *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года. С. 201.

[625] *Устинов Д.* Формализм и младоформалисты: Статья первая: Постановка проблемы // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 50. С. 313.

партии»[626]. Как было принято, на открытом собрании обязали присутствовать и преподавателей факультета, причем некоторые беспартийные профессора даже высказались по существу обсуждаемого вопроса — это были Р. А. Будагов, П. Н. Берков, Г. А. Бялый, Б. Г. Реизов, Б. М. Эйхенбаум, А. С. Долинин. Необычайная активность беспартийной профессуры даже была отмечена парторгом факультета А. И. Рединой на собрании общеуниверситетского партактива 20 января 1947 г.[627], а секретарь Василеостровского райкома ВКП(б) Г. М. Нестеров посвятил этому факту отдельный раздел в своей статье «Партийное руководство социалистическим соревнованием работников науки»:

> «Памятуя о том, что наукой всех наук является марксизм-ленинизм, партийные организации усилили внимание к идейной закалке научных работников. <...> Состоявшаяся на филологическом факультете Университета теоретическая конференция, посвященная работе И. В. Сталина “Анархизм или социализм?”, привлекла большую группу научных работников. На конференции выступили беспартийные профессора: Б. Г. Реизов, А. С. Долинин, П. Н. Берков и другие»[628].

Одним из последних пропагандистских акций уходящего 1946 г., в которую был вовлечен весь филологический факультет, стал юбилей Н. А. Некрасова — 4 декабря 1946 г. исполнялось 125 лет со дня его рождения. Этому событию придавалось большое идейно-политическое значение, его праздновала его вся страна: «Память Некрасова чествуется в дни, когда неиссякаемая энергия нашего народа-победителя обращена на строительство величественного здания народного счастья»[629].

Заблаговременно правительством был утвержден Всесоюзный комитет по проведению юбилея, куда вошел и наиболее авторитетный исследователь творчества Некрасова профессор филологического факультета В. Е. Евгеньев-Максимов.

Торжества состоялись сначала в Пушкинском Доме, затем в университете:

> «2 декабря в Институте литературы Академии наук СССР открылась научная сессия, посвященная 125-летию со дня рождения великого русского поэта Н. А. Некрасова. В ее работе принимают участие писатели, литературоведы, профессора университета и педагогических вузов.
>
> Сессию открыл заместитель директора Института литературы проф[ессор] Л. А. Плоткин:
>
> — Некрасовский юбилей,— сказал он,— праздник русской культуры. Этот юбилей приобретает особое значение в дни, когда большевистская партия с новой силой подчеркнула перед нами высокую идейность советской литературы и искусства. Одной из важных особенностей поэзии Некрасова была его борьба против “чистого искусства”.

---

[626] Открытое партийное собрание на филологическом факультете // Ленинградский университет. Л., 1946. № 43. 5 декабря. С. 2.

[627] *Спижарская Н.* На партактиве Университета // Там же. Л., 1947. № 5. 27 января. С. 3. В статье иначе указана тема доклада П. Я. Хавина: «Борьба товарища Сталина за обоснование и развитие идеологии основ большевистской партии». Фамилия автора статьи при публикации ошибочно указана как «Снижарская».

[628] *Нестеров Г. В.* Партийное руководство социалистическим соревнованием работников науки // Пропаганда и агитация. Л., 1947. № 24. 30 декабря. С. 30. В тексте статьи Б. Г. Реизов ошибочно назван Ремизовым.

[629] РГАКФД. Киножурнал «Новости дня», 1940. № 70. (Центральная студия документальных фильмов, г. Москва). Сюжет «Памяти великого поэта-демократа». Инв. № 5332.

Поэт предчувствовал гибель "дряхлого мира", основанного на зле и несправедливости, верил в силу и будущее русского народа.

Мы чествуем Некрасова как гениального художника, чьи традиции продолжает современная советская литература.

С докладом "Поэзия Некрасова в оценке русской критики" выступил старейший исследователь творчества поэта проф[ессор] В. Е. Евгеньев-Максимов.

Кандидат филологических наук Н. И. Мордовченко прочел одну из глав работы скончавшегося в дни блокады Ленинграда проф[ессора] В. В. Гиппиуса, посвященную влиянию поэзии Пушкина на творчество Некрасова»[630].

Второй, заключительный день научной сессии был менее политизирован:

«На заключительном заседании с докладом "Лирика Некрасова" выступил проф[ессор] Гуковский. Старшие научные сотрудники Института литературы Рейсер[631], Папковский и Бухштаб сделали сообщения о деятельности Некрасова в журналах "Отечественные записки", в Петербургском университете и др.

Закончившаяся сессия подвела итоги большой работы ленинградских литературоведов по изучению жизни и творчества великого русского поэта»[632].

4 декабря в Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина состоялся торжественный вечер:

«С докладом выступил профессор Евгеньев-Максимов. Он говорит о поэте-патриоте, воспевавшем горе народа, обличавшем эксплуататоров и тунеядцев. Некрасов много думал о счастливом будущем народа и верил в него. Он воспевал борьбу русских людей против иноземных захватчиков, воспевал труд. Николай Алексеевич является представителем политической поэзии, поэтом больших социальных тем, певцом бессмертия народа. Некрасов не только народный, но и всенародный поэт, заключает доклад проф[ессор] Евгеньев-Максимов»[633].

Ленинградский университет провел 6–7 декабря двухдневную научную сессию, проходившую в актовом зале филологического факультета. Открывал ее декан факультета М. П. Алексеев, а лавры в этот день доставались более профессору В. Е. Евгеньеву-Максимову, нежели самому Некрасову:

«С. В. Калесник от ректората университета поблагодарил проф[ессора] В. Е. Евгеньева-Максимова и отметил его выдающиеся заслуги по изучению жизни и творчества Некрасова на протяжении более чем сорока лет. О роли проф[ессора] Евгеньева-Максимова в создании науки о Некрасове сказал также проф[ессор] М. П. Алексеев. Собравшиеся долго и тепло приветствовали В. Е. Евгеньева-Максимова как выдающегося

---

[630] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12. (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 74. Л. 12–13 («Накануне 125-летия со дня рождения Н.А. Некрасова: Научная сессия в Институте литературы Академии наук СССР»). Сессия была отмечена и в выпуске «Последних известий» ленинградского радио: ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2193. Л. 15, 32. Последние известия: Ленинградский выпуск, 2 и 3 декабря 1946 г.

[631] Рейсер Соломон Абрамович (1905–1989) — литературовед, кандидат филологических наук; впоследствии доктор наук (1955 г.; тема — «Н.А. Добролюбов в 1836–1857 гг.: (Подготовка и становление литературной и общественно-политической деятельности)»).

[632] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12. (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 74. Л. 49–50 («На некрасовской сессии в Институте литературы»).

[633] Там же. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2193. Л. 48. Последние известия: Ленинградский выпуск, 4 декабря 1946 г. (21:46–21:59).

некрасоведа, в течение многих лет неутомимо насаждавшего некрасоведение в стенах Ленинградского университета»[634].

Мероприятия по случаю юбилея закончились 8 декабря. В этот день в актовом зале университета состоялся торжественный вечер, где главным событием было представление театральным кружком ЛГУ пьесы Н. А. Некрасова «Осенняя скука».

---

634 Научная сессия, посвященная 125-летию со дня рождения Н.А. Некрасова // Н.А. Некрасов: Статьи, материалы, рефераты, сообщения: (К 125-летию со дня рождения) / Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1947. № 16/17. С. 165.

Глава 4

1947 ГОД: ДИСКУССИИ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ

Год 30-летия советской власти яркими событиями в области филологических наук отмечен не был. Своим чередом шли нескончаемые совещания, партийные собрания и научные конференции, густо унавоженные идеологическими установками, а давление порой доходило до непереносимого. Идеологический смерч продолжал затягивать в свой круговорот все новых фигурантов из числа историков литературы, людей различной степени учености и научного веса. Маленькие радости доставались лишь идеологически выдержанным товарищам, но и они не были в безопасности — в любой момент могли пожертвовать и ими: предсказать, куда далее двинется смерч, было невозможно.

ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОЗАДАЧИЛИ

Вопрос преподавания советской литературы в педагогических вузах стал актуальным сразу после постановления ЦК о литературных журналах: сообщения с мест не могли обнадежить Министерство просвещения, поскольку дело обстояло из рук вон плохо:

> «Материалы обследования вузов дали основание коллегии Министерства просвещения сделать вывод о недостаточном внимании преподавателей к курсу советской литературы.
>
> Преподаватели литературы должны помочь государству, партии воспитывать нашу молодежь в духе идей коммунизма, развить у нее качества, свойственные лучшим советским людям, воспитать молодежь бодрой, не боящейся никаких трудностей, готовой отдать свои силы на благо родины, на дело построения коммунизма.
>
> Преподавание литературы должно быть поставлено так, чтобы оно увлекало молодежь, влияло на ее сознание и чувства, воспитывало в ней художественный вкус и обогащало язык»[1].

С 27 января по 1 февраля 1947 г. Министерство просвещения РСФСР провело совещание-семинар преподавателей советской литературы педагогических и учительских

---

[1] *Еголин А. М.* О задачах преподавания литературы в высших учебных заведениях // Советская литература: Материалы совещания-семинара преподавателей советской литературы педагогических институтов / Ред. А. И. Ревякин, И. М. Терехов. М., 1947. С. 19.

институтов, в котором приняло участие более 150 человек. «Главной целью созыва совещания было обсуждение основных проблем курса советской литературы на основе постановлений ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве и обмен опытом»[2]. Подробный обзор этого совещания был опубликован в журнале «Литература в школе»[3], а в конце 1947 г. часть материалов была издана отдельной книгой[4].

Главный доклад на этом совещании сделал заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), профессор филологического факультета МГУ, член-корреспондент Академии наук СССР А. М. Еголин. Несмотря на название — «Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства и задачи преподавания советской литературы», доклад его носил всеобъемлющий характер, указывая направление всей науке о литературе. Учитывая статус докладчика, присутствующим было очевидно, что он излагает точку зрения ЦК ВКП(б) на вопросы литературоведения, которая сформировалась к началу 1947 г. Пока она выглядела еще достаточно сдержанной:

> «Советское литературоведение, несмотря на многие ошибки, за 30 лет своего существования проделало огромную положительную работу, и по своему идейно-теоретическому и научному уровню оно стоит гораздо выше, чем дореволюционное литературоведение. Огромная работа проведена по научному изданию произведений классиков русской литературы, по публикации новых текстов и материалов. Советские литературоведы, преодолевая несостоятельность методов буржуазной науки, опираясь на передовую теорию Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, дали ряд ценных научных исследований, в частности по выяснению роли русской классической литературы в истории освободительного движения, а также роли, которую играет литература прошлого в современных условиях. Однако и в научно-исследовательской работе, и в преподавании литературы имеются еще серьезные недостатки.
>
> До сих пор еще и в научных работах, и в преподавании приходится встречаться с отголосками и рецидивами вульгарного социологизма. С другой стороны, плодотворному развитию литературной науки мешают ошибки и извращения другого рода, появившиеся в ряде работ за последнее время. Некоторые исследователи и преподаватели забывают, что советская наука является партийной, органически сочетающей объективность исследования с пафосом и страстью ученых, работающих на благо социализма, защищающих все, что способствовало и способствует прогрессивному движению вперед, и решительно отметающих всякие попытки исказить историю или приукрасить ее. В некоторых литературоведческих работах наблюдаются попытки затушевывать слабые, а подчас реакционные стороны деятельности того или иного писателя. Нередко рассматривают как пламенных патриотов родины писателей, патриотизм которых был очень ограниченным, а подчас и консервативным.
>
> Нужно не приукрашивать роль деятелей прошлого, но и не недооценивать их, а строго держаться тех исторических рамок, в которых они находились. Равным образом недопустимо отождествлять патриотизм русских людей прошлого в их борьбе с внешним врагом с советским патриотизмом. В советском патриотизме любовь к родине сочетается с защитой советского общественного строя, с защитой советского государства.

---

[2] *Челпанова О.* Совещание преподавателей советской литературы // Литература в школе. М., 1947. № 2. С. 77.

[3] Там же. С. 77–80.

[4] Советская литература: Материалы совещания-семинара... (Подписано в печать 8 декабря 1947 г.)

Задача советского литературоведа состоит в том, чтобы рассматривать творчество того или иного писателя в общественных связях, в обстановке конкретных социальных явлений. <...>

Тов. Еголин заслуженно упрекнул многих крупных советских литературоведов, которые ограничивают круг своих научных интересов исследованиями предшествующих периодов русской литературы и совершенно не занимаются вопросами истории и теории советской литературы.

Эти недостатки литературной науки влияют и на критику, теоретический уровень которой невысок, они сказываются и на уровне преподавания литературы в вузах и школах.

Основная задача советской литературной науки заключается в осознании качественного своеобразия советской литературы, отражающей всемирно-историческое значение Октябрьской революции, открывающей новый этап в художественном развитии человечества. <...>

Докладчик отмечает как серьезнейший недостаток преподавания то, что в практике работы наших педагогических высших учебных заведений революционно-демократическим писателям и критикам не уделяется должного внимания.

Одним из основных недостатков в преподавании курса советской литературы, как отметил тов. Еголин, является то, что развитие советской литературы нередко рассматривается как мирный, гладко протекающий процесс. Это глубоко ошибочно. Советская литература развивалась и крепла в борьбе с враждебными реакционными течениями — с эпигонами декадентства, символизма, с литературными группами “Серапионовы братья”, “Перевал” и т. п. Было бы ошибочно считать, что борьба с реакционными течениями является для нашей литературы уже пройденным этапом. <...>

Преподаватели литературы, заканчивает тов. Еголин свой доклад, должны помочь государству и партии воспитать нашу молодежь в духе идей коммунизма, развить качества, свойственные лучшим советским людям, воспитать молодежь бодрой и готовой отдать силы на благо родины. При изучении литературы прошлого в школе и вузе необходимо четко различать литературу, способствовавшую в свое время делу прогрессивного, общественного развития, насыщенную идеями освободительной борьбы, воспитывающую лучшие человеческие качества, от литературы, мешавшей прогрессивному развитию общества, литературы, тормозившей движение вперед, выражавшей идеологию господствующих собственнических классов»[5].

Вопросу о принципах построения курса советской литературы и его периодизации был посвящен доклад директора Гослитиздата, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и литературы ВПШ Александра Сергеевича Мясникова (1913–1982); в 1949 г. он станет членом редколлегии и заведующим Отделом литературы и искусства в журнале ЦК ВКП(б) «Большевик». А. С. Мясников традиционно был помощником А. М. Еголина, и его тезисы всегда дополняли и развивали тезисы последнего[6].

---

[5] *Челпанова О.* Совещание... С. 77–79.

[6] А. С. Мясников выступал с лекциями на темы литературоведения и в больших аудиториях; стенограмма одной из них была издана 100-тысячным тиражом. См.: *Мясников А. С.* За большевистскую партийность в литературоведении: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1948. 32 с. Особенно отметим тезис, мотивы которого, несомненно, прозвучал и в докладе А. С. Мясникова на этом совещании:

После прений, развернувшихся по докладам А. М. Еголина и А. С. Мясникова, на совещании выступил генеральный секретарь ССП СССР А. А. Фадеев. Он прочитал перед участниками совещания доклад «Задачи советской литературы», ставший программным[7]:

> «Останавливаясь на литературном наследии русской и западноевропейской классической литературы, тов. Фадеев указывает на принципиальное отличие критического реализма русской литературы от западноевропейской. Если для западноевропейского критического реализма было характерно изображение только “зла мира”, разрыва между небесной красотой мечты и безобразием реальной действительности, то в русской литературе этого почти не было. Русский критический реализм знал положительные образы, положительные характеры. Это объясняется тем, что она гораздо больше, чем западная литература, была связана с освободительным движением широких народных масс. <...>
>
> Охарактеризовав сложный путь борьбы с враждебными и чуждыми направлениями и течениями, который проделала советская литература, тов. Фадеев останавливается на ее всемирно-историческом значении.
>
> Мы хотим воспитывать в духе нашей новой, советской морали не только наше общество, но и все человечество. Если хотите, в этом и состоит гордость советской литературы, как нового мирового явления. Все лучшее, что создано за 30 лет существования советской власти, — это те произведения, где передовое, прогрессивное, лучшее, доброе начало советского человека показано во всю силу в борьбе этого начала со всеми трудностями, враждебными, чуждыми влияниями, пережитками капитализма»[8].

После выступления Фадеева с речью об основных этапах развития советской литературы выступил В. В. Ермилов, также были прочтены лекции о советской литературе: «Горький и советская литература» (Е. М. Тагер), «О лирическом герое Маяковского» (В. Д. Дувакин), «Творческий путь Алексея Толстого» (В. Р. Щербина), «Творчество Михаила Шолохова» (В. Я. Кирпотин), «Творчество Александра Фадеева» (Г. А. Бровман), «О некоторых чертах советской литературы в годы Великой Отечественной войны» (О. С. Резник), «Мировое значение советской литературы» (А. Исбах). В последний день были организованы встречи с А. А. Фадеевым, И. Г. Эренбургом, М. И. Алигер, В. М. Инбер и Ф. И. Панферовым.

Ранг участников совещания, особенно в части трибунов партийной идеологии — А. А. Фадеева, А. М. Еголина, В. В. Ермилова, — говорит о большом значении, которое придавал ему Центральный Комитет. Это совещание стало наиболее серьезным мероприятием Министерства просвещения РСФСР в 1947 г.

«Многие литературоведы заняты изучением лишь литературы прошлых веков и не исследуют советскую литературу, не разрабатывают проблем современной эстетики. Тов. Жданов, выступая на философской дискуссии, сказал, что некоторые философы из-за трусости не занимаются проблемами современной философии. Этот упрек в полной мере может быть отнесен и к литературоведам. Но напрасно думают некоторые литературоведы, что история литературы прошлого — тихая заводь» (*Мясников А. С.* Указ. соч. С. 19).

[7] Сокращенная и обработанная стенограмма доклада вошла в сборник материалов совещания. См.: *Фадеев А.* Задачи советской литературы // Советская литература: Материалы... С. 20–31. В 1956 г. А. А. Фадеев переработал текст и включил его в итоговый том своих статей (*Фадеев А.* За тридцать лет. С. 361–373). В таком виде текст выступления на совещании вошел во все последующие собрания сочинений А. А. Фадеева.

[8] *Челпанова О.* Совещание... С. 80.

Серьезным, но не единственным — ведь кроме литературы, к которой руководство страны проявляло такой большой интерес, на плечах Министерства просвещения лежала и ответственность за общий моральный облик подрастающего поколения. Именно для приведения этого облика в надлежащий вид министерство провело в апреле 1947 г. расширенное заседание коллегии, посвященное идейно-политическому воспитанию в школах Москвы и Ленинграда:

> «С первых дней учебных занятий стало ясно, что только наиболее подготовленная часть учителей правильно определила свои практические задачи по улучшению идейно-политического воспитания учащихся и успешно осуществляла их в процессе изучения школьных предметов и в порядке внеклассной и внешкольной работы с детьми. Часть учителей, не обладая необходимой политической и образовательной подготовкой, несколько односторонне, а порой и неправильно, осуществляла указания Центрального Комитета ВКП(б) об идейно-политическом воспитании и не использовала идейное содержание самой науки, прибегая в то же время к различного рода искусственным сравнениям и "увязкам" учебного материала с современностью, к различного рода искусственным и рискованным параллелям. Это обстоятельство показало, что для многих учителей, помимо общего разъяснения политического значения указанного выше постановления ЦК ВКП(б) ("О журналах 'Звезда' и 'Ленинград'. — *П.Д.*), требуется также предметный и наглядный показ, как практически осуществлять задачи идейно-политического воспитания учащихся в процессе обучения и путем всей системы внеклассной и внешкольной работы»[9].

Именно в связи с этим в середине марта министр посетил Ленинград. Вестник информации ЛенТАСС сообщал 20 марта:

> «Министр просвещения тов. А. Г. Калашников в течение нескольких дней знакомился в Ленинграде с тем, как школы города идейно воспитывают молодежь в духе задач, указанных Центральным Комитетом ВКП(б) в постановлениях по вопросам идеологической работы. <...>
>
> — Ленинградские учителя, — сказал тов. Калашников в беседе с корреспондентом ЛенТАСС, — показывают образцы педагогического мастерства и идейности в преподавании. Ответы учащихся говорят о том, что они понимают идеологическое содержание предмета, излагают свои знания обстоятельно, богатым языком...»[10]

В своем постановлении коллегия министерства констатировала и положение дел в школах двух городов:

> «Большинство учителей школ Москвы и Ленинграда, руководствуясь постановлениями ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы, сделали также и тот вывод, что для успешного осуществления задач в области воспитания учащихся учитель должен непрерывно повышать уровень своей идейно-политической подготовки, изучать марксистско-ленинскую теорию, совершенствоваться в области своего предмета и методов учебно-воспитательной работы.
>
> Усилился приток учителей в вечерние университеты марксизма-ленинизма, в партийные школы и лектории, заметно оживилась самообразовательная работа, созданы учительские кружки по изучению истории ВКП(б) и т. д.

---

[9] Идейно-политическое воспитание учащихся в школах Москвы и Ленинграда в 1946/47 учебном году: Материал заседания Коллегии Министерства просвещения РСФСР 17–19 апреля 1947 г. / Под ред. Г. Я. Арнаутова. М., 1947. С. 3–4.

[10] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 91. Л. 70 («Школа и идейное воспитание молодежи»).

Вместе с этим коллегия отмечает серьезные недостатки в постановке идейно-политического воспитания в отдельных школах Москвы и Ленинграда. Некоторые учителя ведут обучение на низком идейно-теоретическом уровне и не дают учащимся полноценных знаний, не ведут систематической воспитательной работы с ними. Эти учителя неудовлетворительно выполняют важнейшие требования советской педагогики о единстве обучения и воспитания, вследствие чего учащиеся, получая некоторые формальные знания, не приобретают системы взглядов и убеждений, являющихся основой коммунистического мировоззрения. Не выполняются в должной мере указания Ленина и Сталина о партийности науки, о том, что преподавание в советской школе не может быть оторвано от политики коммунистической партии и Советского государства.

Вследствие этого на уроках истории, литературы, географии нередко наблюдается отсутствие необходимого классового анализа исторических событий, допускается смешение разных исторических эпох, вульгарное социологизирование; критика буржуазного мира и разоблачение его идеологии осуществляется недостаточно»[11].

Несмотря на довольно активную работу Министерства просвещения, проводимую им частично вместе с АПН РСФСР, руководство Управления пропаганды и агитации ЦК было недовольно медленными темпами перестройки идеологической работы. Если, согласно указаниям ЦК, работники аппарата и провели ряд мероприятий, то собственной инициативы они почти не проявляли. Кроме того, не понимая всей остроты новой идеологической линии, они ожидали, что вслед за обсуждением постановления вновь наступит затишье.

Свидетельством таких настроений, по мнению работников ЦК, явились публикации в журнале «Литература в школе», издаваемом министерством. Даже после постановлений ЦК по идеологическим вопросам они сохранили свой аполитичный стиль. Профессор Л. И. Тимофеев, например, вместо публичного покаяния и проведения в жизнь новых партийных установок развернул с ведома министерства большую дискуссию о необходимости преподавания в школе теории литературы[12]. Напечатанная в дискуссионном порядке статья, «вызывающе аполитичная», нашла множество откликов, которые также были напечатаны в журнале[13]. Даже профессор Ленинградского университета Г. А. Гуковский, всегда участвовавший в разработке вопросов преподавания литературы в школе, в присланном отзыве на статью Тимофеева высказывался более «сознательно» и, вполне согласуясь с политической обстановкой, предостерегал от методологических ошибок:

«...Могут возникнуть вредные представления эстетского и формалистического характера о якобы самодовлеющей "красоте" и т. п. Между тем надо систематически

---

[11] Идейно-политическое воспитание учащихся в школах Москвы и Ленинграда в 1946/47 учебном году. С. 71–72.

[12] *Тимофеев Л. И.* О преподавании теории литературы в школе // Литература в школе. М., 1946. № 3/4. С. 81–84.

[13] Кроме этого, Тимофеев заложил против себя настоящую бомбу, которая сдетонирует весной 1948 г. Она кроется в предложении: «Мы вовсе не хотим этим опорочить развитие теоретической мысли прошлого. Работы классиков нашей литературоведческой мысли (Белинского, Чернышевского, Веселовского, Плеханова) не требуют в этом отношении каких-либо "рекомендаций"» (*Тимофеев Л. И.* Указ. соч. С. 82). С началом кампании против Веселовского здесь без труда была усмотрена крамола.

и последовательно внедрять в сознание учащихся ясное представление об идейности, как основе искусства, пронизывающей все подлинно-великое произведение, самый его стиль»[14].

Кроме того, перу Г. А. Гуковского принадлежит развернутая рецензия на первые четыре номера «Литературы в школе», которая была напечатана в журнале «Советская книга» в апреле 1947 г.[15] Тон профессора был временами довольно казенным:

> «Библиографический отдел журнала не производит впечатления боевого и принципиального участка работы. Подбор рецензируемых книг не лишен случайности. Рецензии бледноваты»[16].

Завершал Г. А. Гуковский словами:

> «Журнал стал интересным, он не боится дискуссий, поднимает живые, актуальные вопросы, показывает опыт лучших учителей и демонстрирует достижения советской методики. Но он не чужд еще существенных недостатков, в частности в отделе "Теория и история литературы", который редакции не удалось еще сделать целеустремленным, подчинить его единому замыслу и плану»[17].

Когда же Министерство просвещения пыталось самостоятельно выступить на политически актуальные темы, то неизбежно возникали последствия, которые показывали, что лучше было бы промолчать. Один из типичных примеров — передовая статья «Русская литература в оценке запада» в журнале «Литература в школе»[18], принадлежавшая перу автора учебников по литературе, постоянного консультанта министерства, сотрудника Учпедгиза и доцента МГПИ имени В. И. Ленина А. А. Зерчанинова.

Автор, настаивая на тезисе о «колоссальном» влиянии русской литературы на мировую и говоря о том, что ни одна литература не дала мировой литературе «такого ошеломляющего количества ослепительных имен», как русская литература, делает это с непростительными с точки зрения идеологии оговорками. Он постоянно сетует на то, что «влияние русской литературы на мировую — сложнейшая и мало изученная проблема, требующая усилий многих исследователей», что «вклад, внесенный русской литературой в мировую, еще недостаточно оценен и отечественной и зарубежной критикой» и т. п. По сути, бесконечные оговорки делают «правильные» выводы неубедительными.

Подобным же образом А. А. Зерчанинов начинает статью, критикуя своих коллег-литературоведов (причем, что любопытно, исключительно ленинградских):

> «Русское литературоведение многократно занималось вопросом о влиянии западноевропейской литературы на русскую и особенно интенсивно в последние семьдесят лет, со времени появления работы Алексея Веселовского "Западные влияния в новой русской литературе" (1883). По вопросу об иностранных влияниях создалась постепенно значительная литература. <...> Несколько позже стали появляться исследования формалистов. Среди них особенно следует отметить работы Б. М. Эйхенбаума ("К вопросу о западных влияниях в творчестве Лермонтова", "Л. Толстой"), В. М. Жирмунского

---

[14] *Гуковский Г. А.* [Мнение по дискуссионной статье Л. И. Тимофеева «О преподавании литературы в школе»] // Литература в школе. М., 1946. № 3/4. С. 87.

[15] *Гуковский Г. А.* О журнале для учителя-словесника: [Рецензия на журн.: Литература в школе. 1946. № 1, 2, 3/4)] // Советская книга. М., 1947. № 4. С. 82–89.

[16] Там же. С. 89.

[17] Там же.

[18] *Зерчанинов А. А.* Русская литература в оценке запада // Литература в школе. М., 1946. № 3/4. С. 1–15.

(«Байрон и Пушкин», «Гете в русской поэзии»), Б. В. Томашевского («Пушкин и французская литература») и т. п.

Увлечение проблемой влияний приводило русских литературоведов к спорным и весьма часто просто неверным, глубоко ошибочным выводам. В работах обычно чувствовалось стремление во что бы то ни стало отыскать в русской литературе следы западноевропейских влияний, доказать если не факт явного подражания, то по крайней мере заимствования мотивов, хотя речь могла идти по преимуществу лишь о совпадении мотивов, вызванном сходством социально-политических условий.

Тем не менее известной ценности работы русских литературоведов по вопросу об иностранных влияниях нельзя отрицать. Работы эти показали, что русская литература умно и внимательно присматривалась к достижениям и веяниям западноевропейской литературы»[19].

А. А. Зерчанинов, занимаясь составлением учебников по литературе, не понимал, что наступило время, которое не терпит оговорок. Именно поэтому на многочисленных совещаниях слово филологам давалось преимущественно на секционных заседаниях. На пленарных же организаторы старались не допускать никаких экспромтов и выпускали на трибуну, особенно для основных докладов, лишь проверенных ораторов. Выдающимся «мастером слова» был А. М. Еголин, который в любой аудитории выражал позицию ЦК. И если его можно в чем-либо обвинить, то уж точно не в дискуссионности.

НАЧАЛО ГОДА В ЛГУ

Ленинградскому университету 1947 год не сулил ничего радостного: 20 января состоялось заседание партактива ЛГУ, на котором выступил и заведующий кафедрой теории и практики советской печати П. Я. Хавин. Он был в курсе настроений Отдела пропаганды и агитации Ленинградского горкома:

«О вреде “комплиментарного” стиля критики, нашедшего место в Университете, и о крайне слабом использовании одного из основных методов большевистского воспитания — подлинной критике и самокритике наших недостатков, — говорил товарищ Хавин. <...>

Собрание партактива обязало партийный комитет и бюро факультетских парторганизаций устранить указанные недостатки и коренным образом улучшить состояние идейно-политической работы в Университете»[20].

Этот партактив был своего рода подготовкой к проходившему в начале февраля четырехдневному Совещанию руководителей кафедр общественных наук, в котором принимали участие представители Ленинграда, Ленинградской и прилежащих областей и даже Тартуского университета. На этом многодневном совещании работала специальная филологическая секция.

Совещание открылось докладом сотрудника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В. Е. Евграфова[21], а закрывал его заместитель министра высшего образования СССР А. М. Самарин.

---

[19] *Зерчанинов А. А.* Русская литература в оценке запада. С. 1.

[20] *Спижарская Н.* На партактиве Университета. С. 3.

[21] Евграфов Василий Евграфович (1908–1982) — впоследствии доктор философских наук, известный специалист по истории философии и один из соавторов биографии В. И. Ленина;

Наибольшее оживление вызвало выступление А. М. Еголина, который вел речь о задачах преподавания и воспитании студентов в вузах в свете решений ЦК ВКП(б)[22]. В прениях приняли участие литературоведы, в том числе и Б. М. Эйхенбаум[23].

В марте в ЛГУ прошла первая послевоенная партконференция, где партком ЛГУ отчитывался за свою работу с декабря 1945 г. по март 1947 г. Этот форум, на котором присутствовал секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) А. Д. Вербицкий, завершился 21 марта выборами нового состава парткома, куда вошел и С. С. Деркач — аспирант филологического факультета, зарекомендовавший себя в качестве активиста, не взирающего на авторитеты; по решению горкома он получил пост первого заместителя парторга ЛГУ[24]. Парторгом университета был переизбран А. А. Андреев.

в 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Мировоззрение великого русского революционного демократа Н. Г. Чернышевского», а буквально накануне совещания в журнале ЦК ВКП(б) «Большевик» был помещен его разбор недавно вышедшего третьего тома сочинений И. В. Сталина (*Евграфов В.* Третий том Сочинений И. В. Сталина // Большевик. М., 1947. № 1. Январь. С. 16–38).

[22] Совещание руководителей кафедр общественных наук // Ленинградский университет. Л., 1947. № 6. 8 февраля. С. 2.

[23] По-видимому, Борис Михайлович был вынужден не только присутствовать, но и участвовать в подобных мероприятиях — он пытался выжить в новых условиях.

[24] Избрание происходило по решению горкома ВКП(б), но против воли самого С. С. Деркача, о чем можно судить по протоколу заседания парткома ЛГУ, на котором присутствовали ректор университета и секретарь райкома Г. В. Нестеров:

«Обсуждение кандидатур:

т. ДЕРКАЧ. Я понимаю, что работа в партийном комитете — это почетная работа, но я категорически отказываюсь от работы первым заместителем секретаря парткома. Я отдал партийной работе не один, а пять лет; я шесть лет был в армии. Одиннадцать лет я отдал партии и родине, а теперь, когда я с трудом пришел в Университет, я думал только о научной, педагогической работе. Мне не легко было прожить год на 700 рублей, имея ребенка, но я шел на тяжести, только, чтобы закончить диссертацию, чтобы отдать себя научной работе. Мне сорок лет, в этом возрасте люди защищают уже докторскую диссертацию, я же буду защищать только кандидатскую. Я прошу учесть мою просьбу. Кроме того, я по состоянию здоровья могу работать только ограниченно, у меня порок сердца, я бы мог и в армии не служить, но служил. На филологическом факультете коммунистов преподавателей вовсе нет, я считаю, что на факультете буду более полезным, чем в парткоме.

т. НЕСТЕРОВ. Вы отходите от живой работы и хотите уйти в научную работу, в академизм. Это неправильно. Если вас избрали в партком, если доверяют большую партийную работу, то вы должны ее выполнить.

т. ДЕРКАЧ. Ваши настояния толкнут меня на шаг недисциплинированности, а я этого вовсе не хочу делать. Если бы я знал, что меня будут избирать заместителем секретаря, я бы не дал согласие на избрание меня в состав парткома.

т. НЕСТЕРОВ. Есть партийная дисциплина, которой мы обязаны подчиниться, вы это хорошо знаете.

т. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Я настаиваю на том, чтобы тов. Деркач был заместителем. Опыт партийной работы у него есть, он сейчас защищает диссертацию, значит, основное он выполнит, чтобы он был удовлетворен своей работой мы ему дадим часов 200, а не 700 на факультете, на чтение 200 часов он время найдет, а поработать на партийной работе, имея опыт, Деркач может и должен. <...> Если он не будет работать в парткоме, мне и в Министерстве будет труднее защищать его, если будут посылать на периферию. Я думаю, что год на партийной работе — это будет только на пользу тов. Деркачу и отказываться не следует.

т. ДЕРКАЧ. Я не против поехать в провинцию, там буду работать на научной и педагогической работе.

т. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Как можно так говорить! Вы здесь будете расти и в научном отношении, а там труднее. Не понимаю, что вы так отказываетесь, если вам будут созданы все условия?

На факультет после больших хлопот с нашей стороны вернулся тов. Дементьев, и он будет

С участием С. С. Деркача в работе парткома университета партийные органы связывали надежды на более активное продвижение идей августовского постановления ЦК. Представитель Ленинградского горкома ВКП(б) в своем выступлении «справедливо указала на то, что еще имеется ряд существенных недостатков в работе филологического факультета по реализации этого постановления и что об этом нужно было бы говорить больше»[25].

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В ВЕРХОВНОМ СОВЕТЕ

Еще в конце 1946 г. стартовала кампания к предстоящим 9 февраля выборам в Верховный Совет РСФСР. В силу все возраставшего идеологического давления она превосходила события выборов 1946 г. в Верховный Совет СССР. А для Ленинградского университета и его филологического факультета выборы 1947 г. имели во много раз большее значение, поскольку баллотировался один из профессоров факультета, Герой Социалистического Труда и дважды лауреат Сталинской премии академик И. И. Мещанинов. Еще до официального оглашения кандидатов ЛГУ оказался вовлечен в активную предвыборную деятельность:

> «Ленинградский университет направляет в подшефные районы области лекторов и пропагандистов. Они будут читать доклады и лекции об избирательном законе, о Конституции СССР и РСФСР, вести пропаганду естественнонаучных [sic!] знаний...» — сообщала 23 декабря новостная лента ЛенТАСС[26].

30 декабря были приведены и примерные цифры — «более тысячи агитаторов выделил Ленинградский университет»[27] для подготовки к выборам. Это без учета того, что в состав участковых избирательных комиссий были избраны делегаты из числа преподавателей и наиболее активных студентов.

> «2 января в Актовом зале Университета состоялось общее предвыборное собрание. Профессора, научные работники, студенты, рабочие и служащие пришли сюда по праву, представленному Сталинской Конституцией. Первое слово предоставляется заслуженному деятелю науки А. В. Венедиктову. Он предлагает выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета Республики Иосифа Виссарионовича Сталина. Раздаются громкие аплодисменты. Все встают. Долго гремит в зале овация в честь любимого вождя»[28].

там проводить работу. А если тов. Деркач думает, что на факультете будет работать по партийной линии, то ему работа предстоит не меньшая в парткоме, чем на факультете.

т. АНДРЕЕВ. Я за то, чтобы тов. Деркач был заместителем, он опыт партийной работы имеет; защищает диссертацию; почему бы не поработать? Я считаю, что нужно именно тов. Деркача избрать <...>.

т. ДЕРКАЧ. Я категорически отказываюсь от работы заместителем парткома» (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 2. Д. 187. Л. 37–37 об.). После этого обсуждения С. С. Деркач был единогласно избран первым заместителем парткома ЛГУ, бюро ВО РК 4 апреля утвердило это решение (Протокол № 132. П. 36).

[25] Решения партийной конференции — в основу работы парторганизации // Ленинградский университет. Л., 1947. № 12. 26 марта. С. 1.

[26] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 76. Л. 40.

[27] Там же. Л. 179.

[28] Ленинградский университет. Л., 1947. № 2. 6 января. С. 1.

Затем «яркую речь произносит член-корреспондент Академии наук СССР профессор М. П. Алексеев. Он горячо поддерживает кандидатуру Иосифа Виссарионовича Сталина»[29] и выдвигает второго кандидата:

«Всем известны слова товарища Сталина о передовой науке, науке, служащей народу, смело двигающей вперед все новое, ломающей старое. Именно эти слова внушают мне мысль назвать имя второго кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР, человека, хорошо известного всем присутствующим, Героя Социалистического Труда, дважды лауреата Сталинской премии, действительного члена Академии наук СССР, профессора нашего университета — Ивана Ивановича Мещанинова (аплодисменты)»[30].

3 января эту кандидатуру выдвинули и сотрудники Академии наук:

«На предвыборном собрании научных коллективов институтов русского языка и языка и мышления имени Марра Академии наук СССР первой выступила член-корреспондент Академии наук Е. С. Истрина.

— Я выдвигаю кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР, — сказала она, — лауреата Сталинской премии, Героя Социалистического Труда, академика Ивана Ивановича Мещанинова.

Выдающийся лингвист, академик Мещанинов успешно руководит работой Института языка и мышления. Широко известна и большая общественная деятельность И. И. Мещанинова. Верный сын советского народа, удостоенный многих правительственных наград, академик Мещанинов будет достойным представителем трудящихся Васильевского острова в Верховном Совете Российской Федерации.

Кандидатуру И. И. Мещанинова горячо поддержали выступившие на собрании академики В. Ф. Шишмарев, И. И. Толстой, член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Чернышев, доктор филологических наук С. Д. Кацнельсон и другие»[31].

На предвыборной встрече И. И. Мещанинова с избирателями в актовом зале Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, где собрались более 1200 человек, выступление академика предварял директор ленинградского отделения Института русского языка Академии наук, профессор ЛГУ С. Г. Бархударов, который не без помощи И. И. Мещанинова 4 декабря 1946 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Он не мог уклониться от роли агитатора ни как протеже И. И. Мещанинова, ни как член ВКП(б):

«Академик Иван Иванович Мещанинов, — говорит проф[ессор] Бархударов, — один из передовых ученых нашей страны, широк размах его научной деятельности. Он первоклассный филолог, замечательный лингвист.

От своего учителя, выдающегося ученого-революционера академика Н. Я. Марра, Иван Иванович Мещанинов унаследовал драгоценное качество: чувство нового. Каждая работа академика Мещанинова — яркая страница в марксистско-ленинском языкознании. <...>

---

[29] Василеостровский избирательный округ: (Лучших своих сынов и дочерей — славных патриотов Советской Родины выдвигает народ кандидатами в депутаты Верховного Совета РСФСР) // Вечерний Ленинград. Л., 1947. № 2. 3 января. С. 2.

[30] Ученый и неутомимый общественный деятель / Выступление профессора М. П. Алексеева // Ленинградский университет. Л., 1947. № 2. 6 января. С. 1.

[31] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 83. Л. 55 («Лучших представителей народа выдвигают ленинградцы кандидатами в депутаты Верховного Совета РСФСР: Выдающийся деятель науки»).

Корифей науки и славный патриот советской Родины, академик Мещанинов активно участвует в общественной жизни страны. <...> Нет сомнения, что наш кандидат, став депутатом Верховного Совета Российской Федерации, с честью оправдает доверие народа»[32].

В газетной публикации риторика Бархударова была несколько сглажена:

«...Я выражу общую мысль, если скажу, что все мы, как один, отдадим свои голоса за кандидата сталинского блока коммунистов и беспартийных — И. И. Мещанинова»[33].

В агитации за кандидатуру Мещанинова участвовали многие. Прежде всего, он сам выступал на предвыборных собраниях[34]. 28 января 1947 г. «Ленинградская правда» напечатала агитационную статью, подписанную академиками В. В. Струве, И. И. Толстым и В. Ф. Шишмаревым, а также членом-корреспондентом С. Г. Бархударовым[35]. Для университетской газеты статью «За кандидата Сталинского блока» написал языковед, заведующий кафедрой финно-угорской филологии Д. В. Бубрих[36], так же, как и все остальные (кроме В. В. Струве), обязанный И. И. Мещанинову званием, полученным на последних академических выборах. Всесоюзный киножурнал «Новости дня» посвятил академику отдельный сюжет[37].

7 февраля 1947 г. все было готово к голосованию. Вечерний выпуск «Последних известий» живописал:

«На Университетской набережной между белыми колоннами здания Академии наук СССР свешиваются четыре алых стяга. На них барельефы Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. По обе стороны колоннады — портреты кандидатов в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР товарища Лазутина и кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР — академика Мещанинова.

“Работники советской науки! Обогащайте науку и технику новыми исследованиями, изобретениями и открытиями!” — такая надпись на алом полотнище бросается в глаза на одном из зданий, возвышающемся на углу Большого проспекта и 9-й линии. С портретов смотрят знакомые лица ученых — Героев Социалистического Труда.

На зданиях по обе стороны Среднего проспекта привлекают внимание художественные панно, иллюстрирующие цифры Сталинской пятилетки. Эти панно мастерски выполнены студентами старших курсов Академии Художеств.

---

[32] Там же («Ученый, педагог, общественник: Встреча василеостровцев с кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР академиком Иваном Ивановичем Мещаниновым»).

[33] Единодушие: (На предвыборном совещании представителей трудящихся Василеостровского избирательного округа) // Вечерний Ленинград. Л., 1947. № 11. 13 января. С. 1.

[34] *[Мещанинов И. И.]* Из речи И. И. Мещанинова: (Предвыборное окружное совещание представителей трудящихся) // Ленинградская правда. Л., 1947. № 10. 12 января. С. 2.

[35] *Струве В. В., Толстой И. И., Шишмарев В. Ф., Бархударов С. Г.* Иван Иванович Мещанинов: (Наши кандидаты в депутаты Верховного Совета РСФСР) // Ленинградская правда. Л., 1947. № 22. 28 января. С. 2.

[36] *Бубрих Д.* За кандидата Сталинского блока // Ленинградский университет. Л., 1947. № 6. 8 февраля. С. 2.

Бубрих Дмитрий Васильевич (1890–1949) — лингвист, специалист в области финно-угроведения, член-корреспондент АН СССР (1946 г.).

[37] «Кандидаты сталинского блока коммунистов и беспартийных: академик И. И. Мещанинов» («Новости дня», Центральная студия документальных фильмов (Москва). 1947. № 7. Оператор сюжета — И. И. Беляков). РГАКФД. Инв. № 5631.

Вечером проспекты, улицы, площади вспыхнули яркими огнями. Светятся по-праздничному убранные агитпункты и здания, где 9 февраля будет проходить голосование»[38].

8 февраля, как и все предыдущие дни, Ленинградское радио постоянно вещало о предстоящем мероприятии. В дневном блоке радиопередач была передана и запись воззвания к избирателям от доверенного 41-го участка Василеостровского округа, кандидата филологических наук, ученика И. И. Мещанинова, специалиста по нанайскому языку В. А. Аврорина:

«Одна из основных особенностей нашей системы управления государством состоит в том, что оно строится на строго научных основаниях. Не случайно во главе Советского Правительства стоит величайший ученый, почетный член Всесоюзной Академии наук Иосиф Виссарионович Сталин. Не случайно в составе высших органов власти у нас имеется немало известных деятелей науки. <...>

Уже около десятка лет работаю я под непосредственным руководством Ивана Ивановича и близко знаю этого замечательного человека. Поэтому я с радостью принял на себя обязанности доверенного одного из избирательных участков Василеостровского округа и сегодня счастлив обратиться к василеостровцам с призывом — отдать свои голоса кандидату Сталинского блока коммунистов и беспартийных — непартийному большевику академику Ивану Ивановичу Мещанинову.

Академик Мещанинов может служить образцом новатора-ученого. Неутомимый исследователь, человек глубоких и разносторонних знаний, он сыграл большую роль в создании нового советского языкознания.

Свою огромную научно-теоретическую деятельность академик Мещанинов умело сочетает с практической работой по созданию письменности и литературы на языках многочисленных народов Советского Союза, помогает нашей Советской школе в деле обучения родному и другим языкам.

Более шестидесяти народов получили за годы советской власти письменность на родных языках. Роль Ивана Ивановича Мещанинова как организатора и научного руководителя этой большой научной работы — огромна.

Иван Иванович Мещанинов — талантливый педагог, любовно выращивающий молодые кадры лингвистов, учителей и других работников культурного фронта. Он смело и щедро передает свои богатые знания ученикам и товарищам по работе.

Академик Мещанинов — Герой Социалистического Труда, дважды удостоенный Сталинской премии, пользуется мировым признанием, как ученый. И при всем этом — он предельно скромный, поразительно трудолюбивый, необыкновенно отзывчивый и обаятельный человек, горячо любящий свою Родину, свой народ.

Наш кандидат без сомнения оправдает высокое доверие своих избирателей и будет достоин высокой чести вместе с великим Сталиным и под его руководством решать важнейшие вопросы жизни и дальнейшего процветания Российской Федерации — первой среди равных республик нашего могучего и прекрасного Советского Союза.

Товарищи избиратели Василеостровского округа!

Голосуйте за непартийного большевика, блестящего русского ученого, Ивана Ивановича Мещанинова»[39].

[38] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2510. Л. 105–106. Последние известия: Ленинградский выпуск, 7 февраля 1947 г. (21:49–22:03).

[39] Там же. Д. 2423. Л. 95–97.

Вовлеченность граждан в процесс выборов была почти абсолютной. Этому способствовала не только принудительно-обязательная явка на участки, но и введенное постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 12 декабря 1945 г. разрешение участковым избирательным комиссиям принимать волеизъявления граждан по месту жительства, используя «избирательный ящик уменьшенного размера». Это обстоятельство гарантировало, что если гражданин по каким-либо причинам не попал на избирательный участок, то в любом случае он будет участвовать в выборах — вечером к нему на дом придут с урной и бюллетенями[40].

Один из участков для голосования располагался непосредственно в здании филологического факультета:

> «На Васильевском острове в залах филологического факультета Университета собралось к началу голосования до 400 студентов. Каждый из них первым старался проголосовать за кандидата блока коммунистов и беспартийных академика И.И. Мещанинова. Этой чести удостоились три друга северянина: эскимос Г. Уйчахнаг с Чукотки, Л. Турутин-Нганасан с Таймырского полуострова и бурят С. Максанов. Приехавшие на учебу в Ленинград за тысячи километров, они с гордостью выполнили свой почетный гражданский долг»[41].

В день выборов Ленинградское радио пробудило ленинградцев в 5 часов 29 минут радиорепортажем «Ленинград утром»:

> «Сейчас пять часов 30 минут. Чуть-чуть угадывается далекий рассвет на востоке...
>
> Наш корреспондент только что вернулся с улицы. Ленинград просыпается. Во многих окнах — свет, в морозном воздухе светлый дымок топящихся печей. Грохочут первые трамваи. На проспектах и улицах уже видны пешеходы. Они спешат к ярко освещенным входам помещений для голосования. Это те, кто не хочет уступить почетного права проголосовать первыми.
>
> Огни. Флаги. Знакомые, любимые портреты. В праздничном одеянии, в праздничном настроении начинает Ленинград большой день родной новой России.
>
> Светлый день сегодня, праздник советской демократии, народовластья. Светлый день на всей советской земле. Мы посылаем сегодня в наш парламент лучших советских сестер и братьев, знатных, самых заслуженных наших граждан.
>
> Мы ждали этого дня, как ждут праздника. Выборы и есть праздник многомиллионной семьи народов, потому что нет в жизни человека ничего дороже свободы и потому что нет в мире человека свободней советского гражданина, полновластно управляющего своей судьбой и своим государством»[42].

Избирательные участки открывались в 6 часов утра. За 27 минут до начала голосования по радио прозвучало стихотворение:

Слишком медленно
Идут минуты...
Слишком долог
Этой ночи ход...
За тебя,

---

[40] Эта эффективная практика достижения стопроцентной явки избирателей использовалась в СССР до 1980-х гг.

[41] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 87. Л. 166 («В первый час»).

[42] Там же. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2424. Л. 2. Передача «Ленинград утром» в день выборов в Верховный Совет РСФСР, 9 февраля 1947 г. (05:29–05:32).

Мой город,
За твое бесстрашье,
Славой отзвеневший
Каждый день,
Нив и пашен
Опущу я нынче бюллетень!
...Я — за Сталина,
За сталинскую мудрость
Опущу сегодня
Бюллетень![43]

Без четверти семь утра Ленинградское радио передало репортаж «Ленинград начал голосовать»:

> «Свершается воля народа. Избирательными бюллетенями, сотнями тысяч и миллионами своих голосов утверждает в эти минуты народ Российской Федерации свои желания, свои мечты, свою дальнейшую дорогу.
>
> Голосование за кандидатов блока коммунистической партии и беспартийных — это голосование не только за людей, но и за идею, под знаменем которой мы живем и боремся вот уже скоро тридцать лет. Еще и еще раз присоединяет сегодня народ свою волю к воле коммунистической партии. Каждым бюллетенем, поданным за кандидата блока, советский избиратель говорит: — Веди нас, родная партия, по избранному нами пути к новым победам во имя великой цели: всенародного счастья и стального могущества нашей державы!
>
> Каждым бюллетенем, отданным сегодня сталинскому избирательному блоку, наш избиратель одобряет политику партии и выражает готовность верно следовать этой политике до полной ее победы, до полного ее торжества.
>
> Ленинград начал голосовать! Еще задолго до шести часов собрались избиратели на пунктах голосования. Наши корреспонденты сообщают из округов, что уже проголосовали многие тысячи ленинградцев»[44].

Важно отметить то обстоятельство, что утренние репортажи с мест событий проходили обязательную предварительную цензуру не перед выходом в эфир, как, например, «Последние известия», которые в некоторых случаях получали разрешение Ленгорлита даже по телефону, а были утверждены цензором накануне — 8 февраля.

Академик Мещанинов был избран в Верховный Совет РСФСР практически единогласно: участие в выборах и число проголосовавших за «сталинский блок коммунистов и беспартийных» никогда не опускалось ниже 99,5%. О выборах на Васильевском острове Ленинградское отделение ТАСС сообщало 26 февраля:

> «В зале революции Высшего военно-морского училища имени Фрунзе состоялось собрание актива Василеостровского района, посвященное итогам выборов в Верховный Совет РСФСР.
>
> Выборы в Василеостровском округе прошли в обстановке большого подъема, продемонстрировав большую политическую сознательность трудящихся, беспредельную любовь и преданность большевистской партии, великому Сталину.
>
> Сто процентов избирателей явились на пункты голосования и отдали свои бюллетени за кандидатов Сталинского блока коммунистов и беспартийных.

---

[43] Там же. Л. 3. То же.

[44] Там же. Л. 12. Передача «Ленинград начал голосовать» в день выборов в Верховный Совет РСФСР, 9 февраля 1947 г. (06:47–06:54).

3500 партийных и непартийных большевиков активно участвовало в предвыборной агитационно-пропагандистской работе. Доклады, беседы, лекции, встречи с кандидатами в депутаты посетило свыше 192 тысяч человек.

Докладчиками на избирательных участках выступали многочисленные представители интеллигенции района. Среди них академики А. П. Баранников, Л. С. Берг, В. В. Струве, члены-корреспонденты Академии наук СССР А. Ю. Якубовский, С. Д. Львов, профессора А. В. Предтеченский, В. В. Строганов и многие другие ученые»[45].

Первая сессия второго созыва Верховного Совета РСФСР открылась в Кремле 20 июня 1947 г. Секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, Председатель Верховного Совета РСФСР первого созыва, присутствовал на этом заседании в составе делегации членов Политбюро во главе с И. В. Сталиным — они приветствовали 752 вновь избранных депутатов.

«В числе избранных депутатов имеется большая группа видных деятелей советской науки. 14 депутатов Верховного Совета — академики, виднейшие ученые нашей страны, имена которых известны всему миру. 45 человек имеют ученые звания. Народ избрал их своими депутатами в Верховный Совет республики, и в этом еще раз проявились любовь и уважение народа к науке, к ученым»[46].

ОБСТАНОВКА НА ФАКУЛЬТЕТЕ

Заметно менялась сама ситуация на факультете: его накрывала волна арестов, которые шли не останавливаясь. Состояние перманентного стресса выбивало почву из-под ног в прямом смысле — всё большему числу преподавателей становилось физически плохо. Когда в ночь с 3 на 4 мая 1947 г. у профессора И. П. Еремина случился серьезный сердечный приступ, Б. М. Эйхенбаум записал в дневнике: «Инфаркт становится распространенной болезнью»[47].

Чтобы понять, какова была в тот момент атмосфера на филологическом факультете, приведем фрагмент из записок О. М. Фрейденберг, повествующий о судьбе будущего крупного филолога-классика Александра Иосифовича Зайцева (1926–2000):

«У меня был студент Зайцев, совершенно исключительный мальчик. С трех лет он начал учиться, прикованный к постели неизлечимой болезнью. С семи лет он приступил к работе над античными языками. Его отец был большевиками расстрелян, мать — врач — сослана. Он был единственным сыном.

Знания этого необыкновенного мальчика были феноменальны. Глубоко, по-настоящему образованный, он знал всю научную литературу на всех языках в области античности, Древнего Востока, всей основной культуры. Но его душой была философия, которую он возвел в примат своей жизни, — Платон был его идеалом. Выдержать теоретического спора с ним не мог ни один профессор. Я думаю, только Хона (И. Г. Франк-Каменецкий (1880–1937). — *П.Д.*) был бы в состоянии, — ординарных сил не хватало. Этот прозрачно-бледный юноша, с очками, с прямым взглядом, на каких-то слабых,

[45] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 89. Л. 44 («Закрепить успехи агитационно-массовой работы: На собрании актива Васильевского острова»).

[46] Заседания Верховного Совета РСФСР 2-го созыва, Первая сессия (20–26 июня 1947 г.): Стенографический отчет. [М.], 1947. С. 15.

[47] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 34 об.

спичкообразных ногах, в допотопном сюртуке, выделялся одним своим видом. Черты его характера поражали: он был "несгибаем", абсолютно упорен в поисках своего идеала, честен и прям до суровости, высок помыслами, необыкновенно чист. Но его внутренняя сила, целеустремленность с детства, непримиримое отношение ко всему, что он считал ложью и пороком, придавали его яростному и фанатичному к правде образу черты Савонаролы и воинствующего католика. Он верил в какого-то, сконструированного им самим, бога, но мистиком не был; идеалом его был Аполлоний Тианский, его учителем — Платон. Если Зайцев окончил школу и дошел до III курса Университета, то лишь благодаря своим феноменальным знаниям, способностям к торжествующей и моральной силе, которая чудесно проводила его сквозь советский жизненный застенок. Нужно сказать, разложившийся советский человек, насквозь лживый и растленный, вялый и опустошенный, не был борцом ни в коем смысле. Пока ему не приказывали, он не тащил в кутузку. Не все ли ему равно, Зайцев есть или нет. К тому же, никто не знал, что такое Аполлоний Тианский и надо доносить на него или нет.

Один раз увидев Зайцева, я перевела его со II курса на III. В три дня он сдал на пять все недостающие предметы. Занятия, которые я проводила на III курсе, стали для меня очень интересны. Я ожила. Я преобразилась. Воображенье взыграло, душа воспарила и увлеклась. Я мечтала все сделать для этого юноши, подать ему руку, взять к себе, поставить на ноги: вот, наконец, был человек, которому можно было все отдать, все свои умственные и матерьяльные возможности. Это был бы мне брат! Моральный облик юноши восхищал меня и отвечал мне больше, чем его научная мысль, значительно чуждая моей умственной душе. Ригоризм, маниакальность, непримиримость, чрезмерная дискурсивность суждений — этого я органически не переносила.

В то же время занятия с Зайцевым держали меня в таком напряженьи, что я буквально обливалась холодным потом. Соня (Софья Викторовна Полякова, ученица О. М. Фрейденберг. — *П.Д.*) его ненавидела! Он спорил, задавал убийственные вопросы, не устрашался отстаивать идеализм и показывать гносеологическую несостоятельность материализма, который знал лучше всех наших "диаматчиков". Но ведь отвечать ему прямо на поставленные вопросы я не могла! Из десяти студентов 4–5 обязательно были осведомителями, — всякие комсомольцы, партийцы, обиженные двоечники и т. д. Такой процент еще самый низкий!

Зайцева пронизывала любовь к ученью и к знанию. Он ел в жалкой студенческой харчевне, но забывая о еде, просиживая в библиотеках или посещая различные лекции, которые его интересовали, сверх кучи предметов обязательных, хоронивших под своей грудой мозг студентов. Он называл профессоров "святыми" и "богами". Так как он работал над Аполлонием, я дала ему в руководители Лурье.

В каждой любой стране мира такого мальчика выдвигали бы, гордились им. Из него вышел бы крупнейший ученый.

Однажды, по сдаче экзаменов на пять, Зайцев исчез. Его бросили в тюрьму. Он был опасен Сталину.

Детей арестовывали, как и стариков, без малейшей пощады. Школы и высшие учебные заведения кишели сыщиками и провокаторами.

Зайцев жил, конечно, в общежитии. Это был "трудный" юноша, честный, полный моральных правил. Нелегко было завладеть его доверием и настолько приблизить к себе, чтоб он согласился у меня жить. Я осторожно подходила к нему, стараясь вызвать его уважение. Но было еще далеко до того момента, когда я могла бы дружески с ним поговорить.

В комнате Зайцева поселили "юристов", заведомых агентов, которые вызывали его на политический разговор. Такую миссию поручали любому "надежному" студенту, а для юристов это было начало практики.

Зайцев был слишком горд, честен, прям, чист, чтоб вуалироваться. Его поймали и предали.

Нужно сказать правду, что образ мыслей не интересовал большевиков. Они сами не имели никакого образа мыслей. Но они нюхали, следили, выслеживали, ловили в арканы только исключительно за моральный облик. Никто не мог думать, что Мещаниновы и легион им подобных Вознесенских всех рангов и профессий разделяют несуществующую программу сталинизма. Была важна их "воля к повиновенью", изворотливость, амбивалентность моральная, "гибкость", которая позволяла бы через них осуществлять любые действия и мероприятия. А что в душе думали эти тысячи продажных людей, до этого полицейскому режиму не было ни малейшего дела. Они не были, советские гестаповцы, ни иезуитами, ни инквизиторами.

Моральный облик Зайцева делал его неприемлемым. Партийная организация употребляла усилия, чтоб завлечь его на тайную службу. Он имел невиданное обаяние в глазах честного студента. Он изобличал товарищей, и его открытая правдивость производила громадное впечатление. Значит, убить!

Это несчастье произошло в конце первого семестра 1946/47 года. Я узнала о нем много спустя, дома, в случайном разговоре со студенткой. Его предупреждала она, молила. Но он отвечал: "Я с радостью готов принять венец мученичества".

Сколько отвращенья, негодованья, горя клокотало в моей душе! Я не могла себе представить аудитории без Алика Зайцева, занятий уже не для него...

В моей преисподней появился еще один камень»[48].

Александр Иосифович был арестован 21 января 1947 г.[49], он был осужден по печально знаменитой статье 58–10 УК РСФСР («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти...»), но провел годы заключения не в лагере — вследствие своей неотступности А. И. Зайцев был признан невменяемым. Он был этапирован в Казанскую тюремную психиатрическую больницу НКВД СССР — первую в стране специальную тюремную психбольницу для «политических»[50], где провел семь страшных лет. «Ольга Михайловна помогала всячески, стремилась облегчить его судьбу, присоединяла положительные характеристики студенту к многочисленным прошениям родичей об облегчении его участи»[51].

После смерти Сталина, в 1954 г., А. И. Зайцев вернулся в Ленинград и продолжил обучение в университете, а впоследствии стал и профессором кафедры классической филологии. Но осенью того же 1954 г. он случайно встретился в театре с О. М. Фрейденберг, тогда уже не работавшей в ЛГУ. Как свидетельствуют слова Ольги Михайловны, моральный облик ее героя изменился: «Когда я его спросила, не помнит ли он меня, —

[48] *Фрейденберг О.* Будет ли московский Нюрнберг? С. 156–158.

[49] *Кащеев В. И.* Памяти Александра Иосифовича Зайцева // Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 136.

[50] Подробнее об этом медицинском заведении см.: *Подрабинек А.* Карательная медицина. Нью-Йорк, 1979; *Прокопенко А. С.* Безумная психиатрия: Секретные материалы о применении в СССР психиатрии в карательных целях. М., 1997.

[51] *Галеркина Б. Л.* Минувшее — сегодня. С. 397.

ответил, что меня не припоминает. <...> Забыть он меня не мог. Просто не хочет. Я ведь уже вышла в тираж. Кто я?»[52]...

26 марта 1947 г. в газете «Ленинградский университет» выступил Н. И. Мордовченко, который был поставлен заведующим кафедрой истории русской литературы (в качестве исполняющего обязанности, поскольку он не был доктором наук, что в 1947 г. еще имело значение). Заканчивая отчет о проделанной работе осторожной критикой, он рисовал перспективы кафедры:

> «Вскоре после опубликования постановления ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда”и “Ленинград” кафедра критически пересмотрела и внесла необходимые изменения в свои учебные программы, уделив особое внимание разделу литературы XX века. Были проведены специальные занятия в студенческих группах, разъяснявшие смысл постановления ЦК и содержание доклада А. А. Жданова <...>.
>
> За прошедшие полгода мы подняли роль критики и самокритики в нашей работе, но далеко не постоянно. Поворот к изучению советской литературы, сделанный кафедрой, необходимо закрепить, основательно и прочно поставить научную разработку истории советской литературы. От этого, между прочим, зависит и дело ее преподавания.
>
> К началу будущего учебного года нам нужно выработать план работы в области советской литературы, который предусматривал бы не эпизодические вопросы, как это было у нас до сих пор, а определенную очередность тем по степени их важности и научной актуальности. С этим началом плановости связаны и проблемы воспитания научных кадров в области советской литературы, которыми мы очень бедны и без которых не можем двигаться вперед»[53].

ТЕНЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ КРИТИКИ ПАЛА НА Г. А. ГУКОВСКОГО

Следующей мишенью «большевистской критики и самокритики» как на кафедре истории русской литературы ЛГУ, так и в Институте литературы АН СССР стал профессор Г. А. Гуковский. Основной причиной этого стала вышедшая в 1946 г. его книга «Пушкин и русские романтики», обсуждением которой занялись в Институте литературы на заседаниях Пушкинской комиссии.

Отношение к книге было неоднозначным не только с точки зрения идеологических коллизий. Например, Б. М. Эйхенбаум 7 апреля записал в дневнике:

> «Вчера весь день был отведен книге Гуковского о Пушкине — обсуждена в ИЛИ <...>. Вечером был в Доме кино (где Гуковский говорил вступительное слово к фильму, подражая стилю и манере конферансье, как в книге он часто подражает то Шкловскому, то Тынянову)»[54].

Если первое, предварительное обсуждение не предвещало ничего дурного, то второе, состоявшееся 12 апреля, настораживало. Описание этого собрания Б. М. Эйхенбаум также приводит:

---

[52] Там же. С. 396.

[53] *Мордовченко Н.* Под знаком критики и самокритики: (Итоги и перспективы работы кафедры русской литературы в 1946–1947 учебном году) // Ленинградский университет. Л., 1947. № 12. 26 марта. С. 2.

[54] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 31 об. – 32.

«13 [апреля]. Вчера было второе собрание Пушк[инской] комиссии о книге Гуковского, более откровенное: Десницкий, Азадовский, я, Векслер, Базанов, Городецкий. Гуковский отвечал, мы немного пикировались. Были, вообще, острые моменты. Решительно "отгородились" в этот раз от книги Мейлах (с места), Городецкий и Векслер, хотя говорили очень корректно, явно избегая конфликтов. Я боюсь, что дело будет иметь отклик и что, если надо, Гук[овско]го могут сильно ударить за некоторые места и страницы о классицизме и романтизме»[55].

Реакцией на критику, закончившуюся в 1950 г. трагической гибелью ученого, стало прекращение издания не только его работ, но и книг, выходивших под его редакцией. Не вышел и третий том сборника «XVIII век», о котором передавалось 7 марта 1947 г. в «Последних известиях»:

«Как сообщил нашему корреспонденту профессор Гуковский, в третьем томе сборника "18-й век", подготовляемом для печати в Институте литературы Академии наук СССР, будет опубликовано несколько неизвестных литературных материалов. В частности, будут напечатаны обнаруженные научным сотрудником Публичной библиотеки Бабинцевым[56] новые тексты великого русского баснописца Крылова. <...> В этом же номере сборника будут впервые опубликованы дипломатические письма выдающегося русского сатирика Кантемира в бытность его русским послом в Англии»[57].

В то же время профессор Б. М. Эйхенбаум, уже изрядно покалеченный критикой, не сдавался. 1 апреля 1947 г. он записал в дневнике:

«Утром решил и сделал еще одно дело: послал Сталину (в его библиотеку) рукопись о статьях Ленина. Надоело мне это наглое и безобразное отношение — решил сделать такое движение. Кто-нибудь прочтет. Сделал надпись — пусть, мол, будет в библиотеке Сталина. Все равно она в печати не появится — все боятся взять на себя ответственность. Интересно хоть так поспорить с судьбой»[58].

Но ответа не последовало.

СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Наиболее масштабным событием, состоявшимся в стенах Ленинградского университета весной 1947 г., стала студенческая научная конференция. С одной стороны, она должна была стать ответом университета на призывы главы государства превзойти иностранную науку, а с другой — была подготовительным мероприятием к грядущему 30-летию Великого Октября:

«Проходившая с 10-го марта по 3-е мая 1947 г. студенческая конференция Ленинградского государственного ордена Ленина университета на тему "Советская наука, литература и искусство в новой Сталинской пятилетке" способствовала значительной

[55] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 32.

[56] Бабинцев Серафим Матвеевич (1905–1992) — библиограф и литературовед, исследователь творчества И. А. Крылова; кандидат педагогических наук (1944 г., тема — «Иван Андреевич Крылов: Библиография его произведений на русском и других языках (1786–1941)», в 1937–1966 гг. сотрудник ГПБ.

[57] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2513. Л. 103. Последние известия, 7 марта 1947 г. (21:51–22:06). Третий том сборника вышел только в 1958 г., в ином виде и под редакцией П. Н. Беркова.

[58] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 30 об. – 31.

активизации студенческой научной работы. 130 докладов, заслушанных на секционных заседаниях научной части конференции, являются показателем дальнейшего развертывания студенческой научной работы в Университете.

Вторая часть конференции, посвященная вопросам литературы и искусства, положила начало организации большой и важной работы по привлечению внимания студентов к основным проблемам современной советской литературы и искусства, явилась первым шагом на пути установления тесных связей между творческими работниками и студенчеством. 276 студенческих докладов по различным вопросам литературы и искусства — свидетельствуют об огромном интересе студенчества к произведениям советской литературы и искусства»[59], — писал 8 мая 1947 г. А. А. Вознесенский в приказе по университету.

Для пленарных заседаний конференции были выбраны лучшие залы города:

«10 марта в Филармонии открылась вторая студенческая научная конференция Ленинградского университета, посвященная вопросам советской науки, литературы и искусства в новой сталинской пятилетке.

На торжественном заседании с докладом "Роль науки в социалистическом обществе" выступил ректор проф[ессор] А. А. Вознесенский. <...> Участники конференции с огромным подъемом приняли приветственное письмо товарищу Сталину»[60].

В этот же день вечером в эфире Ленинградского радио в цикле «Ученые у микрофона» прозвучала передача «Ленинградский ордена Ленина университет — навстречу годовщине Великого Октября». Начиналась передача словами диктора:

«Весь мир является сейчас свидетелем невиданной кипучей энергии, неиссякаемой инициативы, творческого подъема в труде миллионов масс рабочих, колхозников, интеллигенции нашей страны.

Они успешно претворяют в жизнь начертанную товарищем Сталиным программу дальнейшего укрепления могущества нашей родины, дальнейшего подъема ее хозяйства и культуры.

Советский народ готовится с честью встретить великую дату — 30-летие Октябрьской социалистической революции. <...>

В числе научных и вузовских коллективов нашего города первым поднял знамя социалистического соревнования навстречу Великой Октябрьской годовщине Ленинградский ордена Ленина государственный университет. Ему мы посвящаем сегодня нашу передачу»[61].

Выступление А. А. Вознесенского, записанное заранее на воск, начиналось словами:

«Товарищи! У советских людей давно вошло в обычай — отмечать знаменательные события и даты в жизни нашей родины новыми трудовыми подвигами. И коллектив Ленинградского университета так же воодушевлен стремлением ознаменовать великую годовщину Октября новыми успехами в области развития советской науки и культуры и подготовки высококвалифицированных кадров советской интеллигенции...»[62]

---

[59] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 738 от 8 мая 1947 г.

[60] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 90. Л. 157–158 («Научная конференция студентов Ленинградского университета»).

[61] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2556. Л. 125–126. Передача «Ленинградский ордена Ленина университет — навстречу годовщине Великого Октября» из цикла «Ученые у микрофона» (гл. редакция научно-просветительной пропаганды), 10 марта 1947 г. (20:44–21:07).

[62] Там же. Л. 127. То же.

Рассказав о традициях университета и его выдающемся значении на небосклоне науки и образования, ректор озвучил обязательства, принятые по случаю годовщины Октября:

«Мы обязались внедрить в производство не менее 15-ти законченных научных работ.

Ленинградский университет обязуется провести в 1947 году защиту не менее 15 докторских и 50 кандидатских диссертаций сотрудников Университета; выпустить из печати к 30-й годовщине Советской власти не менее 10-ти крупных научно-исследовательских работ и подготовить к печати не менее 60-ти крупных работ; подготовить к печати к этой знаменательной дате 15 фундаментальных курсов и учебников для высших учебных заведений; издать сборник “Ленинградский университет за 30 лет советской власти”, прочесть для трудящихся Ленинграда и области в 1947 году — 1500 лекций»[63].

В этот же день Ленинградское радио сообщило об открытии, подтверждающем актуальный тезис о мировом значении великой русской литературы:

«Член-корреспондент Академии наук СССР профессор Алексеев обнаружил неизвестный текст письма Александра Сергеевича Пушкина Джорджу Борро — видному английскому литератору и переводчику многих произведений русских писателей на английский язык, в том числе ряда произведений Пушкина...»[64]

(Неизвестно, что владело рукой цензора, но переданный текст был исправлен, поскольку первоначально вместо указания на личное открытие М. П. Алексеева было лишь сказано, что «профессор М. П. Алексеев сообщил нам, что обнаружен...»[65])

Первое секционное заседание университетской конференции было посвящено вопросам советской литературы, проходило оно на филологическом факультете при ближайшем участии преподавателей, студентов и аспирантов:

«На заседании, посвященном прозе, Ф. Абрамов дал в своем докладе глубокий и обстоятельный анализ важнейших литературных произведений 1946 года. Он сделал вывод о том, что наиболее удачными в советской литературе являются произведения, в которых герой рассматривается в неразрывной связи с коллективом, на боевом или трудовом посту преодолевающим трудности и в то же время имеет индивидуальный характер. Всем этим требованиям, как говорит докладчик, отвечают такие произведения, как “Спутники” В. Пановой, “Люди с чистой совестью” П. Вершигора, “Ветер с юга” Э. Грина.

Возник оживленный обмен мнениями по важнейшим вопросам советской литературы: каким способом в современной литературе раскрывается мировоззрение героя, могут ли у нас иметь место так называемые “вечные вопросы” и т.д. Особенно горячие выступления вызвал вопрос об идейном облике советского человека.

Выступления показали большую заинтересованность студентов советской литературой, знание материала, способность к самостоятельному анализу произведений.

Члены кафедры русской литературы приняли участие в работе конференции: профессор П. Н. Берков консультировал основных докладчиков, кандидат филологических наук Е. И. Наумов руководил конференцией во все время ее работы»[66].

---

[63] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2556. Л. 131. То же.

[64] Там же. Д. 2513. Л. 141. Последние известия: 10 марта 1947 г. (22:15–22:25).

[65] Там же. Этому письму посвящена публикация ученого. См.: *Алексеев М. П.* Письмо Пушкина к Джорджу Борро // Вестник Ленинградского университета. Л., 1949. № 6. С. 133–139.

[66] *Барзах Е., Левитан Л.* Обсуждаем произведения советских писателей: (Студенческая кон-

Ход студенческой конференции освещало и Ленинградское радио. 12 апреля «Последние известия» сообщали в вечернем выпуске:

«С большим успехом проходит студенческая конференция Ленинградского университета, посвященная советской науке, литературе и искусству в новой сталинской пятилетке.

В течение месяца на конференции выступили с докладами 300 студентов.

Сегодня в Большом зале консерватории началось обсуждение проблем советской литературы. Среди гостей — московские писатели, поэты, критики, журналисты.

После вступительного слова ректора университета профессора А. А. Вознесенского доклад о путях развития советской литературы сделал заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР товарищ Субоцкий. Задачам советской журналистики посвятил свое выступление товарищ Заславский»[67].

Участие писателей в университетских мероприятиях было закономерным — литераторы всегда шли рука об руку с исследователями литературы. В начале апреля в Доме писателя имени Маяковского прошла «Дискуссия о прозе», посвященная литературным произведениям, увидевшим свет в 1946 г., а точнее — осенью 1946 г., т. е. после постановления ЦК. Основной доклад «Современная тема в советской прозе 1946 года» прозвучал из уст Л. Д. Левина; он «вызвал оживленные прения и полемику по ряду выдвинутых в нем положений»[68], в которых принял участие и профессор М. К. Азадовский.

О МИРОВОМ ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

23 мая 1947 г. в конференц-зале Института литературы Академии наук начала работу двухдневная научная сессия, посвященная мировому значению русской литературы:

«Открывая сессию, член-корреспондент Академии наук СССР М. П. Алексеев отметил, что ее задача — содействовать научной разработке истории распространения русской литературы в различных странах Западной Европы и Америки и определить воздействие русской литературной мысли на зарубежную литературу на протяжении последних двух столетий»[69].

М. П. Алексеев также сообщил слушателям, что «уже во второй половине 19 века русская литература была признана как одна из богатейших и влиятельнейших в Европе. Такие выдающиеся русские писатели, как Тургенев, Толстой, Достоевский и другие, заслужили поистине мировую славу.

После Октябрьской социалистической революции мировая роль русской литературы особенно возросла. За последние десятилетия она интенсивно изучается во всем мире»[70].

ференция «Наука, литература, искусство в новой сталинской пятилетке») // Ленинградский университет. Л., 1947. № 14. 14 апреля. С. 4.

[67] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2517. Л. 50. Последние известия, 12 апр. 1947 г. (21:49–22:00).

[68] Ленинградская правда. Л., 1947. № 81. 6 апреля. С. 3.

[69] Научная сессия в Институте литературы // Ленинградская правда. Л., 1947. № 119. 24 мая. С. 3. В этот день на сессии был также заслушан доклад Г. А. Гуковского «Русская литература в Саксонии в середине XVIII века».

[70] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 97. Л. 40–41 («Мировое значение русской литературы: Научная сессия в Пушкинском Доме»).

«Сессия определила ближайшие задачи советских литературоведов в области изучения мировой роли русской литературы»[71].

Идеи мирового влияния русской литературы были близки ректору университета: А. А. Вознесенский добился организации в Ленинграде специальной секции, к работе которой привлек университетских ученых, в том числе и филологов:

«30 мая состоялось собрание ученых-славяноведов, посвященное созданию Ленинградской научной секции Славянского комитета СССР.

Вице-председатель Славянского комитета СССР проф[ессор] А. А. Вознесенский подробно ознакомил собравшихся с задачами секции. Перед ней широкое поле деятельности по разработке проблем истории, права, экономики и этнографии славянских народов, а также вопросов лингвистики, активному сотрудничеству в журнале "Славяне" и т. д. На очереди — подготовка ко второму Всеславянскому конгрессу, который намечено провести в мае—июне 1948 года.

В прениях приняли участие член-корреспондент Академии наук СССР Д. К. Зеленин, профессора В. В. Мавродин, В. А. Десницкий, М. И. Артамонов, А. В. Венедиктов и другие.

На собрании избрано бюро Ленинградской научной секции в составе членов-корреспондентов Академии наук СССР проф[ессора] М. П. Алексеева, Е. С. Истриной и проф[ессора] А. В. Предтеченского. Руководителем секции избран проф[ессор] М. П. Алексеев»[72].

Впрочем, идея мировой значимости русской литературы не мешала разработке традиционных для советских исследователей тем. Например, 2 июня 1947 г., в день годовщины смерти «всесоюзного старосты», в Пушкинском Доме состоялось открытое научное заседание на тему «Михаил Иванович Калинин и вопросы социалистической эстетики»[73].

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ НЕ ЗАБЫТ КРИТИКОЙ

К началу лета 1947 г. казалось, что гроза миновала. 29 мая на партсобрании Пушкинского Дома даже отмечалось, что Институт не только успешно справился с проведением в жизнь решений партии, но и не допустил перегибов:

«Тов. ПАПКОВСКИЙ[74] — В сложных условиях реализации решений ЦК наша парторганизация не допустила грубых политических ошибок, перегибов, которые имели место в других институтах и которые легко можно было допустить. Наиболее острый участок — Отдел новой русской литературы под руководством тов. Мейлаха — хорошо и быстро сумел перестроить свою работу. <...>

Тов. ПЛОТКИН — В свете решений ЦК ВКП(б) надо было повернуть всю работу Института и парторганизация с этой задачей справилась успешно, в то время как в других, родственных нам, организациях, как говорят, «наломали дров». РК ВКП(б) в этом вопросе нам много помог, подсказывал решения. В результате бережного отношения

[71] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 97. Л. 59. То же.

[72] Там же. Л. 172 («Собрание ученых-славяноведов»).

[73] Там же. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2524. Л. 14. Последние известия, 2 июня 1947 г. (21:45–21:58).

[74] Папковский Борис Васильевич (1908–1950) — литературовед, специалист по русской литературе XIX в., доктор филологических наук, профессор ЛГПИ имени А. И. Герцена; литературный критик.

к кадрам научных сотрудников, допустивших в своих работах и высказываниях ошибки, созданная деловая обстановка и сама атмосфера обсуждения позволила этим людям преодолеть "срывы" и на новом материале доказать, что ошибки эти ими осознаны и преодолены. Я имею в виду новую работу тов. Эвентова о Калинине, также работу В. Н. Орлова о Блоке, получившую высокую оценку. Также работает т. Эйхенбаум над материалом Толстого, где он по-новому ставит и разрешает вопросы. Главное звено в работе было определено правильно, и парторганизация его решила правильно»[75].

Но 21 июня 1947 г. в «Литературной газете» была напечатана статья Я. Каменского «Ложные параллели и порочные выводы», адресованная Б. М. Эйхенбауму как исследователю творчества Льва Толстого. Поскольку тон статьи легко прочитывается уже в заглавии, приведем лишь основные положения публикации:

«В работах Б. Эйхенбаума о Толстом есть немало интересных и новых материалов, характеризующих то идейное и литературное окружение, в котором развивалось творчество великого писателя. Но выводы, сделанные на основе этих материалов, редко бывали верными и удачными. Исследователю мстил не преодоленный им формализм. Несомненно, что за последние десятилетия Б. Эйхенбаум стремился уйти и действительно ушел из того замкнутого в самом себе изучения "литературного ряда", которое было характерно для начального периода работы формалистов.

Однако даже широко привлекая в своих работах о Толстом факты идейной жизни эпохи, Б. Эйхенбаум в этой новой для себя области зачастую по-прежнему пользовался старыми методами. <...>

В своих работах Б. Эйхенбаум исследует не совокупность взглядов того или иного писателя и мыслителя, не его мировоззрение в его классовой обусловленности, а вырванные из контекста и в таком виде удобные для произвольных сопоставлений фразы и обороты. Только таким путем Б. Эйхенбаум мог прийти к выводу о "совпадении мнений Прудона и Толстого о войне". Он сближал националистическую книгу Прудона, провозглашавшую: "Слава войне!", исполненную мелкобуржуазного восторженного преклонения перед военщиной, с гениальным романом Льва Толстого, проникнутым народными, гуманистическими идеалами.

Прошло более 15 лет с тех пор, как Б. Эйхенбаум создал легенду о влиянии Прудона на Толстого. К сожалению, исследователь продолжает применять прежние методы и сейчас. В "Трудах юбилейной научной сессии" Ленинградского университета, вышедших в 1945 году, напечатана статья Б. Эйхенбаума "Очередные проблемы изучения Л. Толстого", в которой автор допускает чудовищное сближение взглядов Льва Толстого со взглядами... Н. Я. Данилевского, махрового реакционера и националиста!»[76] и т. д.

Одновременно с выходом статьи Я. Каменского до Ленинграда дошел свежий номер журнала ЦК ВКП(б) «Большевик», в котором был напечатан обширный критический обзор «Об отношении к литературному наследию прошлого». Он принадлежал перу давнего «поклонника» Б. М. Эйхенбаума, критика и литературоведа, сотрудника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Б. С. Рюрикова.

Во введении маститый автор пишет:

«Известно, что русская буржуазия, враждебная народу, была враждебна и передовым традициям русской литературы и искусства. Ее собственной "традицией" стало

---

[75] ЦГАИПБ СПб. Ф. 3034 (Парторганизация ИРЛИ). Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

[76] *Каменский Я.* Ложные параллели и порочные выводы // Литературная газета. М., 1947. № 25. 21 июня. С. 2.

пресмыкательство перед западом, низкопоклонство перед западной культурой, перед реакционными, антидемократическими элементами этой культуры.

Советская наука, руководимая большевистской партией, по достоинству оценила великое значение культурного наследия прошлого. Ей чуждо пренебрежительное отношение к культурным ценностям, созданным лучшими представителями народа на протяжении истории. Однако и в наше время встречаются попытки принизить величие и самостоятельность русской литературы. Появлялись работы, в которых великий русский национальный поэт Пушкин представлен учеником западных писателей. В некоторых трудах по истории критики великие революционеры и мыслители Белинский и Чернышевский изображались как простые подражатели западных философов. Появлялись биографические очерки, в которых жизнь деятелей культуры рисовалась по-обывательски: авторы очерков проходили мимо основного содержания деятельности этих великих людей, уделяя главное внимание незначительным событиям их личной жизни.

Подобное отношение к наследию прошлого ничего общего не имеет с научным подходом к истории, находится в противоречии с требованиями правдивого освещения явлений прошлого»[77].

Для иллюстрации пренебрежительного отношения к наследию прошлого автор посвятил несколько страниц и работе Б. М. Эйхенбаума о Н. С. Лескове:

«Долг советского исследователя — отделять прогрессивное от реакционного, объективно подходить к явлениям прошлого. Историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать, учит товарищ Сталин. Искажение исторической правды способствует некритическому отношению к тому отсталому, консервативному в наследии прошлого, с чем боролись лучшие люди нашей Родины. Недопустимо, когда некоторые наши критики и литературоведы сбиваются на "объективистский" и либеральный тон.

В 1945 году отмечалось 50-летие со дня смерти Н. С. Лескова. Лесков — талантливый и своеобразный художник, большой мастер слова и знаток русского языка. Но в жизни писателя была полоса, когда он унизил свой талант участием в реакционной пропаганде против передовых людей эпохи, против революционеров. Признавая все значение последующей литературной деятельности Лескова, советский исследователь обязан четко и недвусмысленно сказать, что сущность тех романов и статей Лескова, которые направлены против "нигилистов", против революционных демократов, нам решительно враждебна, ибо это были клеветнические произведения, служившие крепостникам в их борьбе против демократии.

Проф[ессор] Б. Эйхенбаум выступил в связи с 50-летием со дня смерти со статьей "Н. С. Лесков" в журнале "Звезда" (№ 3 за 1945 год). Он начал с указания на необходимость "пересмотра старых суждений, оценок и схем". Но "новые взгляды", предлагаемые проф[ессором] Эйхенбаумом, оказываются очень и очень старыми. По сути дела они представляют собой попытку воскресить либеральную концепцию литературного развития. <...>

В статье Б. Эйхенбаума дело изображается таким образом, будто идеи Лескова в период, которого он сам потом стыдился, вовсе не были реакционными и якобы не было никаких враждебных столкновений между ним и лагерем революционной демократии. В статье Б. Эйхенбаума мы читаем, что Лесков был человеком, близким к народу и хорошо знавшим его; что Лесков, хотя и находился в оппозиции к передовым людям эпохи,

[77] *Рюриков Б.* Об отношении к литературному наследию прошлого: Критический обзор // Большевик. М., 1947. № 10. Май. С. 50.

однако, по мнению автора, "это была оппозиция, но вовсе не справа, а изнутри". Так, по сути дела, проф[ессор] Эйхенбаум изображает Лескова 60-х годов выразителем интересов народа. Против этого нельзя не возразить самым решительным образом. В 60-х годах выразителями интересов народа были Чернышевский, Добролюбов и другие революционные демократы...»[78]

Критика Б. С. Рюрикова кажется сдержанной по тону, поскольку «Большевик» был «теоретическим и политическим журналом ЦК ВКП(б)» и достаточно редко позволял себе шельмовать кого-либо. Он просто обозначал отношение власти к явлению или личности, предоставляя свободу действий партийной машине «на местах».

Дневник Б. М. Эйхенбаума доносит скупые сведения о происходившем:

«30 VI [1947]. В "Лит[ературной] газете" от 21 VI — невежественная и глупая статья какого-то Я. Каменского обо мне, по поводу статьи о "Войне и мире". Организованная травля. В "Большевике" Рюриков по вопросу о Лескове (теперь Лениздат побоится напечатать мою вступит[ельную] статью); сборник "Русские классики и театр" (ВТО) вышел без моей статьи о драматургии Лермонтова — побоялись. Интересно, как будет с моей статьей о Ленине в "Вестнике ЛГУ". Я становлюсь запрещенным автором. Невольно приходит мысль, что обо мне будут иначе писать лет через 25 — не раньше»[79].

«8 VII [1947]. Вчера ред[актор] Лениздата М. М. Смирнов сообщил мне по телефону, что статья моя о Лескове, по решению главной редакции, не пойдет — том выйдет без статьи. Сегодня я написал в редакцию, что новой работы для Лениздата делать не буду и что считаю договор на Лермонтова расторгнутым. Итак, статья о войне у Л. Толстого не пошла в "Трудах" Института, статья о драматургии Лермонтова в сборнике Инст[иту]та театра и музыки ("Русские классики и театр") не пошла (они даже не сочли нужным сообщить мне об этом), статья о Лескове в однотомнике не пошла. Чудно! Я становлюсь нецензурным автором»[80].

«[9 сентября 1947]. 7 го вечером был у меня П. Тимофеев — завтра держит экзамен в аспирантуру. Его вызвал к себе Деркач (партком), говорил с ним обо мне. Гадко! Они создают мне лишнюю рекламу среди студенчества. Есть опасность, что Шура Гаркави[81] не пройдет. Ужасно!»[82]

«[11 сентября 1947]. Сегодня заходил Шура Гаркави: выдержал экзамены отлично. Деркач вызывал его тоже — и тоже говорил с ним обо мне»[83].

---

[78] Там же. С. 58–60.

[79] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 71.

[80] Там же. Л. 71 об. – 72.

Интересно, что в год написания этой статьи Рюриковы взяли в качестве домработницы приехавшую в Москву на заработки Анну Андреевну Ерофееву — мать Венедикта Ерофеева; она работала в семье Рюриковых до 1949 г. (см.: Летопись жизни и творчества Венедикта Ерофеева // Живая Арктика: Историко-краеведческий альманах. Апатиты, 2005. № 1. С. 18).

[81] Гаркави Александр Миронович (1922–1980) — выпускник филологического факультета ЛГУ, племянник Ю. Н. Тынянова; был знаком с Б. М. Эйхенбаумом еще до университета, в годы учебы под его руководством занимался изучением творчества М. Ю. Лермонтова. Был принят в аспирантуру благодаря В. Е. Евгеньеву-Максимову, но условием было изучение Н. А. Некрасова; в 1951 г. защитил диссертацию на тему «Становление и развитие революционно-демократической поэзии Некрасова в 1840–1850-е годы: (Сборник 1856 г.)», после чего получил место в Калининградском пединституте (с 1967 г. — университет), где преподавал всю жизнь и долгое время руководил кафедрой русской и зарубежной литературы; когда он в 1965 г. защитил в ЛГУ докторскую диссертацию на тему «Борьба Н. А. Некрасова с цензурой и проблемы некрасовской текстологии», то стал первым доктором наук Калининградского пединститута.

[82] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 38.

[83] Там же.

НАЧАЛО ТРАВЛИ М. К. АЗАДОВСКОГО

Не успели на факультете обсудить статью о Б. М. Эйхенбауме, как спустя неделю, 29 июня 1947 г., та же «Литературная газета» печатает статью В. М. Сидельникова с не менее резким заголовком: «Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике». Но если Б. М. Эйхенбаума, как можно было видеть, не критиковал лишь ленивый, то статья Сидельникова вводит в круговорот событий новую жертву — профессора М. К. Азадовского. Причем ученый не только обвиняется в идеологических ошибках, но и связывается с героиней постановления ЦК А. А. Ахматовой, что делает обвинения еще более серьезными:

> «Наше народное творчество неразрывно связано с художественной литературой, музыкой, театральным искусством, оно входит в общий золотой фонд русского искусства.
>
> Но среди литературоведов были горе-теоретики, говорившие о том, что фольклор — это извращенная, опустившаяся, снизившаяся культура. Лучшие художественные образцы русского фольклора они возводили к западным источникам, весь наш былинный эпос приписывали влиянию “варяжских пришельцев”.
>
> Анна Ахматова, например, в своей статье “Последняя сказка Пушкина”, опубликованной в 1933 году в ленинградском журнале “Звезда”, возводя пушкинскую “Сказку о золотом петушке” к западноевропейскому источнику, обвиняет великого русского писателя в том, что он “простонародностью” снизил лексику и все персонажи западноевропейского источника. Может ли быть более яркий пример низкопоклонства перед иностранщиной! Лженаучную, в корне порочную “теорию” Ахматовой повторял на все лады ленинградский фольклорист М. Азадовский. Он возвел и другие сказки Пушкина к иностранным источникам, в частности к немецким. В ряде своих статей он пытается снизить значение Арины Родионовны для творчества Пушкина (статья “Арина Родионовна или бр[атья] Гримм?” в “Литературном Ленинграде”, статья “К истории сказки Пушкина ‘О рыбаке и рыбке’ ” в “Резце” и др.).
>
> Любовь Пушкина к русской народной сказке проф[ессор] Азадовский всецело приписывает влиянию сборников бр[атьев] Гримм и произведений американского писателя Вашингтона Ирвинга, следуя в этом рабски “доводам” Анны Ахматовой. Называя ошибочными взгляды исследователей, считавших “Сказку о рыбаке и рыбке” русским национальным произведением, проф[ессор] Азадовский утверждает, что “Сказка Пушкина совершенно чужда русской традиции, но примыкает всецело к традиции западноевропейской. Ближе всего она к сказке сборника бр[атьев] Гримм”. И дальше: “Из иностранных источников заимствован Пушкиным и ряд других его сказок”. Проф[ессор] Азадовский доказывает, что в основе сказки о мертвой царевне лежат также сказки братьев Гримм, что “Сказка о золотом петушке” является переработкой новеллы Ирвинга, что в основе “Сказки о царе Салтане” лежат самые разнообразные источники, как устные, так и книжные, как русские, так и западноевропейские.
>
> Возведение сказок Пушкина к иностранным источникам — вредная теория, требующая всяческого порицания и осуждения. Однако подобное преклонение перед западноевропейской культурой имеет место и в других работах проф[ессора] Азадовского...»[84].

Но все эти обвинения окажутся еще тяжелее после проходившего в эти дни XI пленума Союза советских писателей СССР, где Фадеев поднял на дыбу А. Н. Веселовского.

[84] *Сидельников В.* Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике. С. 3.

В. Я. ПРОПП — СЛЕДУЮЩИЙ

12 июля 1947 г. «Литературная газета» напечатала статью филолога С. Лазутина[85] «Реставрация оживших теорий», в которой к низкопоклонникам причислялся еще один профессор филологического факультета — Владимир Яковлевич Пропп:

> «...Советские фольклористы вскрыли несостоятельность утверждений формалистов, видящих в произведениях фольклора не определенное идейное содержание, а лишь деформацию отдельных поэтических формул и композиционных схем. <...> Однако отдельные фольклористы до сих пор с удивительной беспечностью относятся к фольклору и к судьбам своей науки и под маркой "научных трудов" иногда печатают всякого рода вредные домыслы.
>
> Так, Ленинградский университет в 1945 году вместе с рядом очень ценных и интересных работ издал путаные, формалистические и философски ошибочные "труды"фольклориста профессора В. Проппа — книгу "Исторические корни русской волшебной сказки" и статью "Специфика фольклора" ("Труды юбилейной научной сессии", Л., 1946). <...> В противоположность марксистскому пониманию историзма в науке, требующему рассмотрения явлений в их взаимосвязи, в их непрерывном движении, изменении и развитии, проф[ессор] Пропп механически разрывает понятия генетического и исторического изучения фольклора»[86] и т. д.

С появлением этой статьи относительному спокойствию В. Я. Проппа пришел конец: будучи хоть раз удостоенным нелестного внимания советской печати, нужно было долго отмываться...

Кроме того, масла в огонь добавляла и хвалебная рецензия на книгу В. Я. Проппа, принадлежавшая перу «попугая Веселовского» В. М. Жирмунского, напечатанная в майском номере журнала «Советская книга»[87], выходившего в издательстве ЦК ВКП(б) «Правда». Именно этой рецензии досталось в разгромной статье Б. И. Александрова[88], напечатанной в газете «Культура и жизнь» 10 декабря 1947 г.:

> «Откровенное восхваление традиций европейской буржуазной науки о фольклоре и своеобразный призыв следовать им находим мы в рецензии В. М. Жирмунского на книгу В. Я. Проппа "Исторические корни волшебной сказки" ("Советская книга" № 5). Научной базой современной фольклористики В. М. Жирмунский считает труды так называемой антропологической школы английских этнографов и фольклористов (Гартленда, Лэнга, Фрезера) и акад[емика] А. Н. Веселовского. Задачей советских фольклористов, с точки зрения Жирмунского, является доведение до конца дела, начатого англичанами и продолженного Веселовским. Жирмунский не понимает, что советская наука по-новому, принципиально иначе, чем буржуазная фольклористика, решает

---

[85] Лазутин Сергей Георгиевич (1918–1993) позднее сам станет известным советским фольклористом. Защитив кандидатскую диссертацию, он с 1949 г. работал в Воронежском университете, доктор филологических наук (1965 г., тема — «Русские народные песни во второй половине XIX — начале XX века»), профессор и заведующий кафедрой литературы и фольклора ВГУ, заслуженный деятель науки РСФСР.

[86] *Лазутин С.* Реставрация отживших теорий. С. 4.

[87] *Жирмунский В. М.* [Рецензия на кн.]: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки (1946) // Советская книга. М., 1947. № 5. С. 97–103.

[88] Александров Борис Иванович, кандидат филологических наук, специалист по методике преподавания русской литературы, занимался изучением творчества А. П. Чехова и Л. Н. Толстого.

проблемы народного творчества. Унижая нашу науку, он расточает похвалы книжкам Проппа, в которых тот полностью следует буржуазным теориям его иностранных предшественников.

В. Жирмунский вспоминает о книге Проппа "Морфология волшебной сказки", изданной в 1928 г. (кстати, при ближайшем содействии... В. М. Жирмунского). Критика этой книги, как типично формалистской, уже стала достоянием учебников по фольклору. Жирмунский пытается реабилитировать книгу и новую книгу Проппа "Исторические корни волшебной сказки", изданную Ленинградским университетом, рассматривает как естественное продолжение ее.

В. Пропп игнорирует живое многообразие фольклора, пренебрегает богатством его идейного содержания. В своей новой книге он пытается доказать, что единым "историческим корнем" всех замечательных народных сказок, поэтически выражавших великие идеалы творческого труда и борьбы народов, является обряд "инициации" (т.е. посвящения юноши родового строя, достигшего совершеннолетия). Пропп пытается доказать, что все сказки русского народа имеют свои корни в сказках народов Европы, что русские авторы поэтических народных сказок только повторяли мотивы немецких, французских и других сказок. Жалкая, убогая теория, основанная на неуважении к творческому богатству нашего народа!»[89]

Критика В.Я. Проппа была продолжена в конце декабря 1947 г. в журнале «Октябрь» в рамках так называемой дискуссии о Веселовском.

Позволим себе в качестве отступления привести мнение О.М. Фрейденберг о рецензии В.М. Жирмунского:

«Вчера я прочла статью о Проппе Жирмунского в "Советской книге". Наука, состоящая из одних рецензий!

Меня не может задеть ни человек, ни явление, которого я не уважаю: травля, нападки, публичное советское обвиненье; или то или иное поведение лиц вроде Мещанинова или Жирмунского, — людей завистливых, продажных и патологически тщеславных. Не они поражают меня, эти стоки советских академических нечистот. Но жизнь всегда меня поражает. Мой ум обобщает ничтожные явления, видя в них голос целой эпохи.

Жирмунский, который был мистиком, формалистом, вульгарным социологом, который десять лет агрессивно воевал с Марром и защищал самые реакционные и глупые западные теории; Жирмунский, бежавший во время войны от германистики, от великой немецкой культуры к нашим узбекам и казахам, Жирмунский — патриот и проповедник "братских национальных культур", в 1947 году, получая зарплату в институте Марра, не может не рыцарствовать с именем "палеонтология" на устах. Но у него трудная позиция. Он, в отличие от прочих, всегда "искренен", всегда "осознает" и "вдумчиво" учится новым ударам по голове. Он "конъюнктурщик" по призванию, от души. И потому ему остается одно: одевая платье Сидорова, говорить, что Сидорова на свете нет. <...>[90]

---

[89] *Александров Б.* «Академический» объективизм вместо научной критики: По страницам журнала «Советская книга» // Культура и жизнь. М., 1947. № 34 (53). 10 декабря. С. 4.

[90] Ср. оценку В.М. Жирмунского, данную ему бывшим коллегой по ИЛЯЗВу, выдающимся лингвистом Н.Н. Поппе (1897–1991): «Главное, что мне не нравилось в нем, то, что он слишком уж легко приемлет разные модные течения. Так, например, он был одним из первых примкнувших к Марровскому новому учению о языке. С такой же легкостью он от своей германистики перескочил на фольклор тюрков, не зная совершенно тюркских языков. Было бы полбеды, если бы он только писал, но он еще принимается критиковать других, не имея данных для этого,

Возможно, что где-нибудь и поместила бы грызню с Жирмунским. Но двадцать лет я терплю поношенья науки, чтоб только не осквернить свое перо политическими сталинскими чернилами. Когда прорабатывали Жирмунского и поручили мне выступленье против него, я, несмотря на “недопустимость” такого отказа, не пошла на подлость»[91].

О статьях В. Сидельникова, С. Лазутина, да и об обстановке на факультете перед началом нового учебного года писал профессор М. К. Азадовский:

«Теперешние рецензенты очень мало считаются с тем, что написано, и нимало [не] сумневаясь, приписывают автору все, что хотят. Вот пример: рецензия в “Литгазете” на книгу Проппа. Пропп писал о том, что фольклор “не отражает действительности непосредственно”, а более сложным путем. Боясь, чтоб его не поняли неправильно, он заставил слово непосредственно отпечатать чуть ни не аршинными знаками, — и все-таки невежественный мальчишка, который писал рецензию, упрекает его в том, что, по его мнению, ф[олькло]р не отражает действительности.

Из сплошных передержек, искажений, а порой и выдумок состоит статья Сидельникова обо мне. В ней нет ни одного слова правды; даже более того, обращено против меня все, что введено в науку мной и стало ее прочным достоянием после моих работ: место в фольклористике Добролюбова и Чернышевского, новое понимание фольклоризма Белинского, мысль о связи истории науки о фольклоре с историей общественного движения, — все это впервые установлено мной. Статья имеет настолько клеветнический и лживый характер, что вызвала общественный протест. Московские фольклористы написали коллективное письмо по этому поводу в редакцию “Лит[ературной] газ[еты]”, сообщив копию в ответственные и авторитетные организации. Я еще не знаю текста этого письма.

Статья Сид[ельнико]ва появилась во время моей болезни, и моими домашними и друзьями был устроен вокруг меня буквально “заговор молчания”. Я ознакомился с ней всего лишь несколько дней тому назад. <...> В то время, действительно, она подействовала бы на меня удручающе, а теперь... можно уже вполне отнестись спокойно и философски. Да и Вы сами понимаете, я не мог быть не затронут — все крупные и ведущие специалисты охамлены (Шишмарев, Эйхенбаум, Алексеев, Булаховский, Жирмунский, Гуковский и т. д.). — Вы знаете: раз дорога показана, всегда найдутся желающие по ней идти, — какой великолепный простор для сведения личных счетов! Самое скверное, что книга вышла как раз в эту пору. Наверное, рецензия Сидельникова разохотит выступить кой-кого из моих “друзей” <...>.

В провинции, конечно, резонанс таких выступлений очень значителен, — у нас это звучит не так. Мих[аил] Павл[ович] все время порывается уйти из деканов, — Вы же понимаете, как это мешает своей работе — теперь ректор был уже готов его отпустить, но встала опасность: как бы этот уход не был истолкован как снятие после речи Фадеева и статьи в «Лит[ературной] газ[ете]». Решили так: из деканов М[ихаил] П[авлович] в октябре уйдет, но получает назначение на пост директора филологического института при Унив[ерсите]те. Т. е. по новому положению это означает руководство всей научной деятельностью факультета, в том числе и аспирантурой, которая, кажется, целиком передается теперь

а главное — не имея никакого права на это» (цит. по: *Алпатов В. М.* Переписка Н. Н. Поппе с советскими востоковедами // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. М., 2000. Т. 59. № 5. С. 53; письмо к И. В. Стеблевой от 20 января 1969 г.).

[91] *Фрейденберг О. М.* Записки.

исследоват[ельски]м институтам при фак[ультет]ах. В нашем Унив[ерсите]те основано их теперь несколько: филологический, исторический, востоковедческий и т. д.

А на пост декана усиленно ищут кандидатов. Чуть ли не каждого умоляют. Одно время была надежда на Мещанинова, но Ив[ан] Ив[анович] — ныне член Правительства; потом шла речь о Бархударове. Думали о Пиксанове — но он тяжело болен. Сейчас прочно стоит кандидатура академика В. Ф. Шишмарева. Но едва ли он согласится — хотя еще и не дал окончательно отказа»[92].

Процитируем также описание факультета, относящееся к лету 1947 г., принадлежащее О. М. Фрейденберг, где она останавливается на трудностях при защитах диссертаций:

«Сперва я наивно думала, что только перед моими аспирантами "волчьи ямы". Но сейчас я уже "высококвалифицирована" по этой части.

Если людям не дают есть, они воруют. Если им платят гроши, они спекулируют и берут взятки. Если руководитель не может быть оппонентом своего ученика, то оппонент тайно становится новым руководителем этого чужого ученика, и, таким образом, все-таки в конечном счете руководитель (пусть и незаконный) выступает на защите в качестве оппонента. Иначе ведь и быть не может. Гони природу в дверь, она вылезет из-под пола. На фикции и лжи построен весь сталинизм.

Присмотревшись вокруг, я увидела, что все молодые люди в таком положении (за исключением тех кафедр, где круговой блат). Ими руководит одно лицо, а другое потом не принимает этой работы и заставляет вновь засесть и писать заново. Иногда переделывают по несколько раз. Годы длится эта позорная история! Так поступал с учениками Тронского Толстой: по пяти лет он мариновал этих людей, мучил, заставлял переделывать, зачеркивал, вновь требовал изменений, выматывал всю душу. И в конце концов отказывался быть оппонентом.

Но такова картина и на других кафедрах. Отказ от поручения факультета обычная история. Настаивать нельзя: тогда появится "разносный" отзыв. Обычно руководители, диссертанты и оппоненты держат в строгой тайне свое молчаливое соглашение. Чертово колесо — эти сталинские защиты. По очереди каждый диспутант становится на него, и тогда оно надолго вертится, мучает, прыгает, падает и встать никак не может. Его бросает во все стороны. И только тогда он встает на ноги, когда чья-то рука останавливает всю заводку разом.

Но с Проппом оказалось поучительно. Только что он забраковал диссертацию Оли[93], как его собственная диссертация оказалась забракованной в "Литературной газете". Нужно понять, что рецензий в обычном смысле у нас нет. Каждая рецензия исходит из директив тайной полиции, которая "под многими именами единая сущность", как говорит об Изиде Апулей. И это ничему не учит даже честных ученых. Они не хотят отдавать себе отчета, в каких условиях живут и работают люди. Сидя в общей камере, они не помогают друг другу, а разыгрывают из себя надзирателей и подражают тюремщикам»[94].

---

[92] Литературное наследство Сибири. С. 250–251. (Письмо М. К. Азадовского к Г. Ф. Кунгурову, Кавголово, 25 августа 1947 г.)

[93] Речь идет о диссертации ученицы О. М. Фрейденберг — Ольги Александровны Гутан (урожд. Красовской), которая только в 1967 г. смогла защитить в ЛГУ диссертацию на тему «Творчество Кратина».

[94] *Фрейденберг О. М.* Записки.

Замена декана филологического факультета, как и предполагали, все-таки состоялась. 9 октября 1947 г. ректор А. А. Вознесенский подписал приказ:

«АЛЕКСЕЕВА М. П. — профессора кафедры западноевропейской литературы, декана факультета, освободить от обязанностей декана факультета с 15/X — 1947 г., согласно личной просьбе, с оставлением в должности директора Филологического научно-исследовательского института. Отмечая большую и плодотворную работу М. П. Алексеева на посту декана Филологического факультета, объявляю ему благодарность с занесением в личное дело.

БУДАГОВА Р. А. — профессора кафедры романо-германской филологии, назначить с 15/X с. г. временно исполняющим обязанности декана филологического факультета с оплатой 50% его основного оклада»[95].

Рубен Александрович Будагов (1910—2001), лингвист-романист, оставался деканом филологического факультета до 1948 г. и был вполне нейтральной фигурой. О. М. Фрейденберг дала ему следующую характеристику:

«Деканом у нас был Будагов, человек еще молодой, сугубо корректный и красивый, порядочный, объективный. Но трусость парализовала его. Он дрожал перед начальством от ног до головы. У него не было ни организаторских, ни административных способностей, и никаким авторитетом он не пользовался даже у уборщиц. Секретарши пели о нем “мальчик резвый, кудрявый, красивый, не пора ли мужчиною стать?”. Этот человек возглавлял факультет»[96].

А. Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ РАЗВЕНЧАН, НО НЕ ВСЕ ЭТО ПОНЯЛИ

26 июня 1947 г. в вечернем выпуске «Последних известий» сообщалось:

«Завтра в Москву на пленум правления Союза советских писателей СССР выезжает делегация ленинградских писателей. В составе делегации поэт Александр Прокофьев, прозаик Михаил Слонимский, критик Валерий Друзин, драматург Леонид Браусевич. На пленуме с докладом “Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) о журналах ‘Звезда’ и ‘Ленинград’” выступит генеральный секретарь Союза советских писателей СССР Александр Фадеев»[97].

Суть этого выступления Фадеева изложена выше, при описании кампании по низложению А. Н. Веселовского. 1 июля состоялось заседание парткома ЛГУ, посвященное идейному воспитанию; на нем ректор А. А. Вознесенский поделился предчувствиями по поводу надвигающейся идеологической волны:

«Перед нами стоят очень большие задачи по идейному воспитанию кадров. Вы знаете, как партия относится к этим вопросам. Сейчас в “Культуре и жизни” и в докладе тов. Фадеева на пленуме говорится о наших филологах — Алексееве, Эйхенбауме, Шишмареве. Вы знаете, что их школа сейчас признана неправильной, а они ученики Веселовского. Значит, могут быть всевозможные непонимания, неправильные взгляды и нам нужно быть готовыми встретить их и правильно ориентировать товарищей.

---

[95] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 2334 от 9 октября 1947 г.

[96] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[97] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2526. Л. 54. Последние известия, 26 июня 1947 г. (21:45—21:52).

На факультете может начаться паника, совершенно ненужная и отражающаяся на работе»[98].

4 июля Б. М. Эйхенбаум записал в дневнике:

«Замечательное выступление Фадеева на пленуме. Александр Веселовский — дурак, а его ученики — попугаи. Вообще, № “Лит[ературной] газеты” от 29 июня — сплошной восторг. Кажется перехватили. Академия Наук завопит и Фадееву придется “вторично в третий раз” посторониться»[99].

Обращают на себя внимание постоянные надежды Бориса Михайловича на благополучный исход — им не суждено было сбыться.

Получив очередной номер «Литературной газеты», он записал 11 июля:

«До чего докатилась М. Шагинян! Какую детскую чушь несет Кирпотин! В заключ[ительном] слове Фадеев зацепил и меня — в одном ряду с Жирмунским и учениками Веселовского. Ничего не понимает и не знает — все валит в одну кучу. Надо иметь железные силы и нервы, чтобы работать в это дикое время, среди этого мракобесия, лакейства и подлости. До чего же это дойдет? Фадеевы и Рюриковы возглавят русскую литературу и русское литературоведение! Позор, позор, а мы можем только молчать. Так не может продолжаться, но ведь История идет десятилетиями, а мы живем секундами. Каждую секунду надо пережить»[100].

А пережить пришлось многое...

Исход дискуссии о Веселовском, развернутой журналом «Октябрь», был предрешен. Причем еще задолго до появления 11 марта 1948 г. в партийной газете «Культура и жизнь» статьи «Против буржуазного либерализма в литературоведении», поставившей жирную точку в этом вопросе.

В середине сентября 1947 г., совершенно без опозданий, вышла сентябрьская книжка журнала «Октябрь», где партийный литературовед и критик В.Я. Кирпотин выступил с объемной теоретической работой «Об отношении русской литературы и русской критики к капиталистическому Западу», которой журнал открывал «дискуссию» о наследии А. Н. Веселовского. Разбирая работы Алексея Веселовского, он переходит к поиску истоков низкопоклонства перед иностранщиной и в этой связи дает оценку идеям выдающегося его представителя — А. Н. Веселовского, побивая попутно В. Ф. Шишмарева, В. М. Жирмунского, В. В. Виноградова и пр. А для убедительности своей точки автор призывает в арбитры корифея всех наук, заранее исключая тем самым всякую дискуссионность. Заканчивает В. Я. Кирпотин свой эвр на мажорной ноте:

«Советское литературоведение и советская критика не только должны освободиться от всех следов бессмысленного и вредного низкопоклонства перед культурой капиталистического мира, пережитками идеологии свергнутых революцией классов — они должны стать воинствующей силой, успешно борющейся со всеми проявлениями империалистической реакции и буржуазного разложения, силой, разъясняющей миру новое слово советской литературы, советского искусства, советской культуры»[101].

[98] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 188. Л. 35 об.

[99] *Тоддес Е.А.* Б. М. Эйхенбаум в 30–50-е годы. С. 686–687.

[100] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 72–72 об. Опубликовано двумя частями. См.: *Тоддес Е.А.* Указ. соч. С. 686–687 (начало цитаты), 595 (конец цитаты).

[101] *Кирпотин В.* Об отношении русской литературы и русской критики к капиталистическому Западу // Октябрь. М., 1947. Кн. 9. Сентябрь. С. 183.

Примерно в это же время этот В.Я. Кирпотин был поддержан и одним из ведущих ленинградских литературоведов. 20 сентября 1947 г. со статьей «Александр Веселовский и его эпигоны» выступил в «Литературной газете» заместитель директора Института литературы АН СССР Л.А. Плоткин. Лев Абрамович сетовал:

> «...Некоторые наши ученые еще не до конца преодолели влияния буржуазных школ и направлений. К таким школам принадлежит сравнительно-историческая школа. В этой связи возникает вопрос и об Александре Веселовском. <...>
>
> Сравнительный метод приводил к чудовищным, по своему национальному самоунижению, антинародным и абсолютно несостоятельным, лживым концепциям развития русской литературы.
>
> Следуя этому методу, академик Перетц утверждал, что между легендой о блудном сыне и романом Тургенева "Отцы и дети" тоже нет никакой разницы. Позднее формалисты, доводя сравнительный метод до логического абсурда, заявляли, что, в сущности, нельзя говорить о различии между басней о Цапле и Журавле и "Евгением Онегиным".
>
> В наши дни проф[ессор] И. Нусинов в своей печально-известной книжке "Пушкин и мировая литература" пытается доказать, что "Шекспир... во многом предвосхищает Толстого. Его Клеопатра во многом созвучна Наташе Ростовой и Анне Карениной".
>
> То же насильственное и механическое сближение творчества русских писателей с западноевропейскими образцами мы встречаем в работах Л. Гроссмана, Б. Эйхенбаума и других»[102].

Не прибавил оптимизма и приезд в город руководства ССП СССР:

> «В Ленинград приехали генеральный секретарь Союза советских писателей А. Фадеев и заместитель генерального секретаря К. Симонов. 26 ноября состоится общее собрание ленинградских литераторов, на котором А. Фадеев выступит с докладом об основных задачах Союза писателей»[103].

На состоявшемся 26 ноября под председательством А. А. Прокофьева общем собрании ленинградских писателей генеральный секретарь правления ССП выступил с докладом «Вопросы Союза советских писателей». Добрую половину доклада он посвятил поставленной Центральным Комитетом ВКП(б) задаче — борьбе с пресмыкательством перед иностращиной и, в частности, поскольку на собрании присутствовал весь цвет ленинградского литературоведения, вопросу о А. Н. Веселовском.

Начав речь об этом выдающемся русском ученом, Фадеев перешел и на традиционное обвинение ленинградской науки в формализме:

> «Нельзя было не обратить внимания на то, что многие из профессоров старшего поколения, а через них и более молодого поколения, относятся совершенно апологетически к этой школе, что не соответствует марксистско-ленинской школе, а соответствует только этой школе, этой науке. А факт остается фактом, что, при всей величайшей эрудиции, работоспособности и талантливости Александра Веселовского, он не принадлежал к школе русских революционных демократов, он принадлежал к другой литературной школе, и напрасно некоторые старые профессора пытаются, опираясь на отдельные социологические положения у Веселовского, которые являются чрезвычайно общими, — пытаются совершенно ликвидировать ту кардинальную принципиальную грань, которая существует между его школой и школой революционных демократов.

---

[102] *Плоткин Л.* Александр Веселовский и его эпигоны. С. 4.

[103] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 109. Л. 98 («Приезд в Ленинград А. Фадеева и К. Симонова»).

Дело в том, что он был довольно вульгарным буржуазным позитивистом, а наши революционные демократы были революционерами-материалистами, как Чернышевский, поднимавшийся до диалектического понимания проблем материализма. Наши революционные демократы были глубоко национальной школой, которая выросла на почве революционного народного движения, и именно в силу того, что они выросли на дрожжах крестьянских революций, мы их называем революционными демократами — именно поэтому они были глубоко национальными, а Веселовский был выучеником другой школы, германо-романской литературной школы, хотя он, как человек, несомненно, очень крупного литературного дарования, превзошел многих и многих учителей в области этой школы, и, несомненно, ему принадлежит много догадок, которые марксистско думающий человек всегда может и должен использовать (поскольку мы являемся наследниками всего, что было создано), но мы не должны забывать, что эта наука зиждется на другой концепции. <...>

Все забывают в объяснении школы наших революционных демократов и школы Веселовского тот естественный факт, который состоит в том, что здесь должно быть применено то же самое, чем мы сейчас определяем всякую ценность нашей науки, то есть связь ее с политикой. Ведь еще Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Плеханов, Горький, Ленин — ведь это люди, у которых литературные их взгляды рождались на почве революции, на почве непосредственной связи с вопросами политики. А взгляды Веселовского — это были взгляды, типичные для либеральной науки. Они вырастали независимо от проблемы революции и проблемы политики. А что же может быть правильного в литературной науке, из которой исключено самое главное, то есть вопросы политической борьбы и вопросы революции?

Поэтому, когда мне приходится читать, что вот-де обижают Веселовского (к сожалению, это нигде не публикуется, а мы были бы готовы предоставить страницы наших журналов, но дело в том, что профессора до сих пор предпочитают всякие эпистолярные произведения — докладные записки, письма, вплоть до письма в ЦК, и т. п.), — когда мне приходится читать такие вещи, у меня всегда возникает вопрос: почему не поставить это так, чтобы дискуссия была широкая и открытая? Почему мы не видим в газетах и журналах статей на эту тему? Дискуссии происходят, но закрытые, в учебных заведениях, где ученые, литературоведы и критики с улыбкой глядят на меня, как на некоего "зачинателя" в этой области и "зачинателя", который не обладает необходимыми познаниями, человека невежественного в данной области, и вдруг приходит в голову, что да, с точки зрения литературоведов и критиков, быть может, я действительно являюсь невеждой, но суждение-то свое я могу иметь? И скажу прямо: конечно, я всего Веселовского не читал и читать не буду — просто по недостатку времени. Но все дело в том, что в этой постановке вопроса есть то самое главное и важное зерно, которое всегда и всюду должны мы искать. Как может быть иначе? Каким же образом можем мы, последователи марксистско-ленинской науки, не задумываться, что у нас, наряду со школой революционных демократов, существовала школа, которая не была продуктом нашего национального развития, которая не стояла на последовательных материалистических позициях своего времени, которая в смысле передовых позиций была не революционной, а была либеральной? И мы знаем, что очень многие стороны этого учения Веселовского были унаследованы формалистами. А кто, как не формалисты, были главными проводниками аполитической литературы на протяжении всего периода советской власти, на протяжении всей борьбы литературных взглядов? Во всей борьбе литературных взглядов, как бы сторонники формалистических тенденций

ни переползали с позиций формализма на марксистско-ленинские позиции (я не говорю о тех, кто, принадлежа к формализму, затем путем анализа и пересмотра своих взглядов, отказался от формалистических позиций и может перейти на марксистско-ленинские позиции), — но формализм, как течение, всячески приспособляющийся, интерпретирующийся по-разному, этот формализм вырос из худших традиций Веселовского, и потому мы должны сказать, что эти традиции являются глубоко не патриотической школой.

Как же мы можем не задуматься над тем, что никогда не приходило в голову, — что на протяжении целого ряда лет больше половины диссертаций защищалось только по темам западноевропейской литературы? Почему никто не задумывается, что и до сих пор многие лучшие достижения нашей русской литературной, русской национальной мысли объявляются просто пересаженными из Западной Европы?

Люди обвиняют меня, человека, который поставил этот вопрос, в невежестве, но умалчивают тот факт, над которым им, образованным людям, надо задуматься, — что этот антинациональный, антипатриотический характер целого ряда работ Веселовского прекрасно понимали такие революционные демократы, как Салтыков-Щедрин, что у него есть целая полемика с Веселовским, идущая по этой линии.

Следовательно, речь идет не о том, что пришли какие-то варвары, которые хотят изничтожить крупнейшего русского ученого. Все, что есть за ним крупного, остается, но что пора с точки зрения развития марксистско-ленинской науки, пора отказаться от этого ползания в хвосте того, что писали до него, лежать на засаленном тюфяке, а беспрерывно работать критической мысли не для ниспровержения исторических ценностей, когда они правильны, а для того, чтобы правильно исторически в них разобраться.

Если бы не было в этой школе последователя — Алексея Веселовского, если бы не было идиотического продолжения в худшем смысле школы Веселовского, — этот вопрос не приходилось бы ставить так остро, но его приходится ставить, потому что это еще не изжито в умах. Когда пришлось заняться историей, как долго приходилось толкаться, пока не преодолели взгляды Покровского, потому что большая категория людей сложилась под влиянием этих взглядов. Так и в литературоведении приходится возвращаться к прошлому и критически пересматривать с точки зрения новых задач.

Поэтому мне кажется, что неправильно ведут себя многие марксистско-ленинские ленинградские литераторы, которые из боязни прослыть невеждами или боясь, что их в ученой среде присоединят к варварам, они боятся (хотя это их обязанность) взять и пересмотреть очень многое из того, что писал Веселовский, очень серьезно, очень научно пересмотреть его апологетов от прошлых до нынешних — не коренится ли там начало многих очень существенных и вредных для нас теперь уклонов.

Мы не потому ведем борьбу с низкопоклонством, что мы отрицаем величайшие достижения других народов в общественном развитии, в развитии человеческой мысли, а наоборот, именно потому, что наше историческое прошлое и главное — наше настоящее, то есть мы сами являемся единственными наследниками всего передового, поэтому все передовое мы должны рассматривать с точки зрения наших передовых марксистско-ленинских взглядов.

Вот, собственно говоря, одна из задач, которой должна была бы особенно заняться ленинградская организация, особенно ее критики и литературоведы, потому что Ленинград всегда был цитаделью формализма»[104].

[104] Там же. Ф. 371 (ЛО ССП СССР). Оп. 1 (1947). Д. 31. Л. 11–15 об.

Такого поворота никто в зале не ожидал; это было обвинение не просто от главы советских писателей, это было обвинение от члена ЦК ВКП(б). И если наиболее прозорливые поняли, в чем дело, то некоторые решили выступить. Попросил слова и профессор В. М. Жирмунский, но перед ним успел записаться профессор В. А. Мануйлов. Приведем некоторые строки из его выступления, за которое он потом был многократно побиваем суровой партийной критикой:

«Мы живем настолько в ответственное и сложное время, когда каждый из литературоведов неизбежно должен в целом ряде случаев, в силу сложности обстановки, не всегда полной подготовленности ошибаться, все работники нашего идеологического фронта, мне кажется, не имеют только одного права: не имеют права не признавать тех недоумений, тех непониманий, которые его волнуют, его тревожат, которые мешают работать дальше.

Вот почему я, имея право и честь считать себя литератором, честным литературоведом, который может это высказать, я бы очень хотел, пользуясь такой драгоценной возможностью, сказать Александру Александровичу, что когда мне пришлось в "Литературной газете" прочесть его первое выступление по вопросу о Веселовском, о роли его в русском литературоведении, я испытал некоторое недоумение, и до сих пор для меня не все ясно. Сегодняшнее, очень четкое, очень обстоятельное выступление Александра Александровича мне не совсем все разъяснило.

Сначала одну маленькую справку: Вы, Александр Александрович, напрасно полагаете, что так легко и просто по этому важнейшему для нашего литературоведения, чрезвычайно решающему вопросу, так легко найти страницы для публикации. Когда меня этот вопрос очень взволновал и встревожил, я послал целый ряд вопросов в "Литературную газету" и не получил возможности ни эти вопросы опубликовать, ни даже ответы не получил от "Литературной газеты" <...>.

Я привык думать с малых лет, что Веселовский, как сказал Александр Александрович, — очень большой русский ученый, которым наша русская культура вправе гордиться. Я знаю, что Веселовского очень высоко ценят дружественные нам братские славянские народы; я знаю, что авторитет Веселовского очень велик на Западе, и мы можем только сетовать, что его мало там знают, потому что, если бы его знали лучше на Западе и его можно было широко показывать, как он того заслуживает, то его можно было бы во многом противопоставить западной науке, — именно западной науке.

Мне кажется, что наша советская литература не может отказываться с такой легкостью от этого большого наследия. Мне скажут, что от Веселовского не отказываются. Но если так выступает такой авторитетный человек, вождь нашей литературы, как Александр Александрович, то это приводит к тому, что некоторые опасливые и не очень умные люди спешно прячут Веселовского в университетских библиотеках, как это было в Минске и в других городах, а некоторые редакторы и работники нашей цензуры начинают вычеркивать цитаты из Веселовского. Если же это так, то мне думается, что мы не обогащаем нашу культуру, а обедняем свои возможности.

Нам не нужно отдавать Веселовского врагам (я говорю не о формалистах, потому что это люди заблуждающиеся и ошибающиеся, но не наши политические враги), — отдавать Веселовского политическим врагам нет надобности. Мне кажется, что следовало бы более серьезно, я бы сказал исследовательски, разобраться в вопросе о Веселовском. Мы не можем сетовать на то, что Александр Александрович, занятый очень большими, очень важными и нужными делами, не смог, как он сказал, прочесть все то, что хотелось бы

прочесть у Веселовского; мы глубоко верим, что Александр Александрович не прочитал многих работ не из небрежения к великому русскому ученому, а потому, что был занят целым рядом других дел; мы должны благодарить его за то, что он обратил внимание на Веселовского, хотя, благодаря, не должны все прощать, тогда многое можно было бы по-иному понять в историческом процессе нашей науки. За нашим литературоведением еще остается большой долг по-настоящему поднять эпистолярное наследие Веселовского, по-настоящему пересмотреть то, что было сказано; подойдя исследовательски, мы увидим, что кое-что было в пылу полемики не совсем так осознано. <...>

Я сейчас не могу занять время, предоставленное мне, подробным изложением целого ряда положений, которые, естественно, можно будет осветить в более узкой специальной литературоведческой обстановке, но я напомню: многим из присутствующих, вероятно, известна правильная хорошая работа М. П. Алексеева "Веселовский и западноевропейское литературоведение".

Веселовский был в выступлении Александра Александровича осудительно упомянут, но эта статья прошла, очевидно, мимо Александра Александровича. Жаль! Потому что, если бы Александр Александрович прочитал эту работу Алексеева, его отношение к Алексееву было бы иное, ибо заслуга Алексеева заключалась в том, что еще в 1938 г., задолго до того, как этот вопрос был поставлен, он приходит к выводам в своей статье, что Веселовский в мировую науку внес очень много, внес подлинный патриотический вклад в науку, что он своим универсализмом, широкими взглядами, глубиной своих историко-литературных взглядов во многом опередил мировую филологическую науку, что современная филологическая наука была бы не тем, чем стала, если бы не Веселовский.

Товарищи, конечно, Веселовский не был марксистом и было бы антимарксистски и внеисторически подтягивать и трактовать его как марксиста, но насыщенность историческим материалом его работ обнаруживает глубокое проникновение в общественную жизнь его эпохи. Если внимательно просмотреть те конкретные материалы, которые частью лежат в архивах Института Литературы и только в небольшой своей части опубликованы, мы увидим, что его высказывания в дружеских письмах дают богатейший материал для борьбы с низкопоклонством.

Именно Веселовский, правильно взятый в наши руки, позволяет, не делая из него марксиста (это было бы грубой ошибкой), показать, как многое можем мы по-новому сказать, используя наше богатейшее наследие.

Товарищи, ведь и Сеченов, и Павлов не были марксистами, но что бы сказали химики, если бы был поставлен вопрос о том, чтобы осудительно относиться к Менделееву. Мы знаем, насколько Менделеев был связан с русской и европейской буржуазией. Иначе и не могло быть! Мы знаем, что без Менделеева современная наша наука, вплоть до имеющих огромное значение оборонных открытий, которые делались в нашей стране, была бы невозможна.

Мы знаем, что Веселовский, естественно, в целом ряде высказываний очень далек...

(ФАДЕЕВ: — Как же можно сравнивать людей, работающих в области естественных наук, с людьми, работающими в области литературы!)

Я не физиолог, и люди, сведущие в физиологии, меня поправят, но я подозреваю, что, вероятно, и Иван Петрович Павлов не очень был осведомлен в "Диалектике природы" Энгельса. "Диалектика природы" Энгельса, книга, которую знает сейчас каждый студент, вероятно, для И. П. Павлова не была тем, чем нам хотелось бы, чтобы она была

для него. И тем не менее, это не значит, что работы И. П. Павлова в области физиологии мы можем как-то сбрасывать со счетов и недооценивать»[105] и т. д.

Выступление В. А. Мануйлова не было для Фадеева приятным, и генеральный секретарь, сославшись на занятость, покинул собрание, а записавшийся В. М. Жирмунский по этой причине рассудил не выходить на трибуну и сказал лишь несколько слов с места:

«...Я согласен с вашей установкой, и вопрос о Веселовском не является центральным, особенно поскольку Александр Александрович Фадеев ушел. Я хотел воспользоваться случаем, чтобы поспорить с Александром Александровичем по этому вопросу. Александр Александрович сказал, что ученые пишут записки, спорят на дискуссиях, тут был случай, чтобы с ним лично поговорить, но поскольку теперь этот случай отпал, я прошу меня извинить. А в университете будет дискуссия и вопросы, которые интересуют большинство, там будут, а тут их ставить нельзя, тем более что время ограничено и у нас есть другие очередные вопросы»[106].

Коммунисты оказались недовольны собранием — член партбюро ЛО ССП Г. И. Мирошниченко 15 января 1948 г. охарактеризовал его следующим образом:

«Недавний приезд А. Фадеева в Ленинград был большим событием. А что получилось? Позор. Из общего писательского собрания сделали комедию. Никакой серьезный разговор не состоялся — ни о Союзе, ни о литературе, ни о Веселовском»[107].

Пафос доклада А. А. Фадеева нашел свое отражение в состоявшемся 4 декабря 1947 г. в Пушкинском Доме заседании под громким названием «Против фальсификации классиков русской литературы», где литературоведы различных взглядов смогли «выпустить пар» своего научного патриотизма без всяких оглядок — направлено заседание было против иностранных ученых. То есть, не подвергая товарищей опасности, оказалось возможным попытаться подтвердить свою политическую благонадежность:

«В Институте литературы академии наук СССР состоялось научное заседание, посвященное критическому разбору книг современных иностранных авторов о русской литературе.

— Крупнейшие передовые писатели Европы и Америки, — сказал во вступительном слове проф[ессор] Мейлах, — признавали всемирное значение русской литературы и ее влияние на мировую культуру. Анатоль Франс, Ромэн Роллан, Анри Барбюс, Теодор Драйзер с восхищением говорили о величии русской литературы, о ее глубоком демократизме и гуманизме. В любви миллионов друзей Советского Союза к нашей культуре мы видим проявление единства всех прогрессивных сил мира в борьбе против реакции. Но в то же время не прекращается клевета буржуазных ученых на русскую литературу. Творчество русских классиков освещается в духе реакционной идеологии современного империализма.

Профессор Эйхенбаум подверг критике работу американского литературоведа Симонза об истории “Войны и мира”, напечатанную недавно в Нью-Йорке в литературном сборнике. Эта работа никакой оригинальной ценности не имеет, если не считать подсчета... заработка Толстого за шесть лет его работы над романом. Американский

---

[105] ЦГАЛИ СПб. Ф. 371 (ЛО ССП СССР). Оп. 1 (1947). Д. 31. Л. 24–29.
[106] Там же. Л. 43.
[107] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 2. Д. 1. Л. 10.

литературовед оставил в стороне вопрос о глубоком социальном смысле и историческом значении "Войны и мира". Тем самым от американского читателя скрыт подлинный смысл и идейная направленность романа.

Докторант Папковский говорил о клеветническом извращении философии Салтыкова-Щедрина, что нашло место в том же сборнике.

Доклад проф[ессора] Гуковского был посвящен вопросам классицизма в последних работах иностранных литературоведов. Характеризуя книгу Генри Пейера "Что такое классицизм", изданную во Франции, Гуковский показал ее реакционный характер. Извращая значение классицизма, Пейер характеризует это направление, как идеальную форму борьбы против всяческих элементов революционного протеста. Поэтому понятно, что Пейер совершенно не касается в своей работе русского классицизма, который характеризуется гражданским пониманием роли литературы и ненависти к тирании.

Обсуждение иностранных книг о русской литературе вызвало большой интерес у литературоведов и писателей Ленинграда»[108].

Десант руководителей ССП в Ленинград отражен в рассказе, записанном со слов Ю. М. Лотмана в 1992 г.:

«В начале кампании против Веселовского Фадеев и Симонов, оба высокие и стройные, появлялись на заседаниях Ученого совета филфака ЛГУ в одинаковых, полувоенного вида френчах, выходили вдвоем плечом к плечу к кафедре на сцене и произносили речи рокочущими голосами прибывших наводить порядок военных начальников. Однажды при этом имел место забавный эпизод. Один из подвергавшихся критике (кажется, если память мне не изменяет, это был В. Н. Орлов) елейным голосом с ехидством сказал о Фадееве и Симонове: "Наши идейные вожди нам справедливо указали..." Поразительно было, что Фадеев мгновенно сник, как проколотый шарик, и закричал фальцетом: "Нет-нет! Вождь у нас один — товарищ Сталин, других вождей у нас нет и быть не должно"»[109].

Но настоящая гроза до университета пока что не докатилась: на следующий день — 27 ноября — состоялось заседание партбюро филологического факультета, на котором заведующий кафедрой западноевропейских литератур В. М. Жирмунский отчитывался о перестройке работы кафедры в связи с постановлением ЦК ВКП(б). Кроме полного состава партбюро, на заседании присутствовали и члены кафедры, в том числе профессора М. П. Алексеев, А. А. Смирнов, Р. А. Будагов, Б. Г. Реизов. Многие наивно думали, что гроза миновала — доклад Виктора Максимовича был с критическими нотами, но оптимистическим. Выступавшие хвалили его за улучшение работы кафедры, причем даже члены партбюро. Дело в том, что за один день Ленинградский горком ВКП(б) просто не успел сделать соответствующих выводов по докладу А. А. Фадеева. Именно этим можно объяснить выступление А. Г. Дементьева:

«Мне очень понравился доклад [В. М. Жирмунского], главное — прямотой и принципиальностью, что совершенно необходимо для поднятия боевого тона на фак[ульте]те. Кафедра, безусловно, проводит большую работу и правильно понимает свои задачи. Очень приятно стремление Виктора Максимовича привлечь к работе на кафедре молодых специалистов. И мы должны поддержать кафедру. Расширять прием аспирантов

---

[108] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 110. Л. 84–86 («Против фальсификации классиков русской литературы»).

[109] *Лотман Ю. М.* Двойной портрет // *Егоров Б. Ф.* Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999. С. 345. Записано Т. Д. Кузовкиной. (Возможно, что речь идет о заседании в Доме писателя.)

на западное отделение. Привлекать молодежь на наш [западный] цикл — это не является низкопоклонством перед Западом. Мы можем перед лицом великих событий оказаться безоружными. Очень правильная задача — усиление внимания к изучению современной зап[адно]евр[опейской] литературы. Мне нравится, что В. М. Жирмунский хочет сам редактировать каждую работу, предназначенную для напечатания и даже обсуждения на кафедре. <...>

Вопрос о Веселовском. У нас нет серьезных расхождений, чтобы бить тревогу»[110].

Однако вскоре положение изменилось. В декабрьском номере журнала Министерства высшего образования СССР «Вестник высшей школы», вышедшем в первой половине месяца, свою позицию обозначили две ключевые фигуры советского высшего образования — ректор Московского университета и сам министр.

Ректор МГУ, профессор Илья Саввич Галкин — специалист по истории рабочего движения и европейской истории нового времени — выступил с большой программной статьей, озаглавленной «За боевую научную критику, против низкопоклонства в науке». Актуальному вопросу А. Н. Веселовского он также уделил место в своем выступлении:

«Советский патриотизм находит свое проявление в уничтожении пережитков старого в сознании людей, в частности, пережитков раболепия перед западно-буржуазной культурой и слепого восхищения тем, что сделано за границей.

Имеются ли факты низкопоклонства перед заграницей в среде научных работников высшей школы, в частности, среди ученых Московского университета? К великому сожалению, имеются. <...> Обратимся к положению дел у филологов и литературоведов университета. Все ли у них благополучно?

В докладе генерального секретаря Союза советских писателей тов. Фадеева перед нашими литературоведами, историками, теоретиками литературы поставлена задача — развивать, разрабатывать вопросы теории и истории марксистско-ленинского литературоведения. Поставлена также задача, вытекающая из решений ЦК ВКП(б), — создать такие книги, которые были бы достойны великой литературы советского народа. В этом — патриотический долг наших ученых. Вполне понятно, что исполнить свой долг ученые смогут лишь в том случае, если они будут смотреть вперед, а не назад, если они не станут канонизировать прошлое, домарксистское литературоведение. В этом суть того, что тов. Фадеев говорил и о школе Веселовского.

Акад [емик] А. Н. Веселовский — безусловно большой ученый, и вряд ли можно оспаривать его выдающуюся роль. Однако не следует забывать, что это ученый дореволюционного периода и что некритическое отношение к его трудам может принести только вред нашему литературоведению, может затормозить поступательное движение науки. Вполне понятно, что ленинский принцип критического отношения к наследию не делает исключения и для трудов акад[емика] Веселовского. <...>

Некоторые наши ученые-филологи усмотрели в постановке вопроса о критике Веселовского своего рода кощунство. Было даже высказано мнение, что, если не пересказывать Веселовского, надо закрыть курс теории литературы. Так говорить — значит забыть о том, что кроме Веселовского в наше время в области литературоведения прежде всего имеется большое наследство в виде революционно-демократических исследований, работ Ленина по вопросам литературы, работ Горького и ряда исследований наших, советских литературоведов»[111].

---

[110] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 217. Л. 46–46 об.

[111] *Галкин И. С.* За боевую научную критику, против низкопоклонства в науке. С. 14, 16–17.

Министр высшего образования С. В. Кафтанов, известный интеллектуал и любитель литературы[112], был более резок в своих оценках:

«Большим пороком являются все еще не изжитые элементы раболепия и низкопоклонства некоторых наших ученых перед буржуазной наукой и культурой.

Низкопоклонство перед всем зарубежным воспитывалось веками в среде интеллигенции правящими классами царской России, оно активно поддерживалось также господствующими классами иностранных государств, стремившихся духовно и экономически поработить царскую Россию.

Элементы низкопоклонства перед буржуазной наукой и культурой имеются и в среде некоторой части советской интеллигенции. <...>

Преклонение перед Западом в области литературоведения, а также театроведения во многом связано с формалистическими элементами теории А. Н. Веселовского и особенно его эпигонов, которые в своей литературной практике широко пользуются порочным методом сравнительного анализа.

Вместо того, чтобы искать в искусстве отражения жизни и самой жизнью объяснять мотивы искусства, эти горе-литературоведы предпочитают оставаться в пределах литературных сопоставлений и ищут сходные образы и мотивы в произведениях западноевропейских авторов. Эти сравнения сводятся к замаскированному утверждению, будто бы русская литература является подголоском литературы Запада. Естественно, что подобная теория кабинетного творчества не имеет ничего общего с творческим методом советской литературы — социалистическим реализмом.

Мы не отрицаем заслуг А. Н. Веселовского в развитии русской филологии, но мы должны критически отнестись к его наследству, понять ошибочность его методологии. Особо сильный огонь критики должен быть направлен против подражателей Веселовского, отражающих его ошибочные взгляды.

Руководствуясь антинаучным методом сравнительного анализа, формалисты доходят до того, что творчество Грибоедова они рассматривают как результат влияния Мольера, творчество Пушкина как результат влияния Вольтера, Парни, Байрона, Шелли, Вальтер Скотта и многих других западных писателей.

Губительное влияние формалистического метода в литературоведении полностью сказалось, например, на работе проф[ессора] Нусинова о творчестве Пушкина, которого он в своей путанной, противоречивой книге низвел до роли подражателя творчеству западноевропейских писателей.

Это неуважение к родной литературе, непонимание ее самостоятельных путей развития, ее самобытности приобретает иногда и другую форму. Последователи формалистического "сравнительного метода" берут творчество гениального русского писателя и сопоставляют его с творчеством второстепенных русских писателей той же эпохи, механистически подбирая параллели из творчества второстепенных писателей к произведениям великого мастера.

---

[112] С. В. Кафтанов был поклонником литературы. Известен стихотворный экспромт С. Я. Маршака на экземпляре переводов «Сонетов» Шекспира, подаренном министру: «Сергей Васильевич Кафтанов, / Старик Шекспир Вам шлет привет / Ему подобных великанов / У англосаксов нынче нет. / Он на потомков смотрит гневно, / Вы сами убедитесь в том / Когда с Галиною Сергевной / Вдвоем прочтете этот том» (*Гальперин И. Я.* Сущность стиха // Я думал, чувствовал, я жил: Воспоминания о Маршаке. М., 1988. С. 534). Речь, по-видимому, идет о первом (1948 г.) либо втором (1949 г.) издании «Сонетов» в переводе Маршака; в инскрипте автор обыгрывает тот факт, что С. В. Кафтанов сам внешне напоминал великана.

Так, проф[ессор] Эйхенбаум в своей работе о Лермонтове механистически подобрал параллели чуть ли не к каждой строчке лирики гениального Лермонтова из второстепенных поэтов лермонтовской эпохи. Великий Лермонтов в изображении Эйхенбаума стал выглядеть плагиатором, ловко обокравшим своих меньших собратьев.

Во всех приведенных случаях антипатриотическое отношение к русскому искусству и литературе связано с непониманием подлинной природы художественного произведения, с буржуазными теориями и методами исследования.

Рекорд низкопоклонства побил Леонид Гроссман в своей книге "Театр Тургенева". Известно, что Тургенев презирал искусство кабинетное, питавшееся другими искусствами, а не жизнью. И вот драматургию такого писателя Гроссман чуть ли не целиком сводит к западным образцам. "Историческая линия развития тургеневского театра, — пишет Гроссман, — идет от Байрона и Альфреда де Мюссе к Оффенбаху и Лекоку".

Таковы "перлы" книги Гроссмана, пронизанной низкопоклонством перед Западом и неуважением к родному искусству. Можем ли мы спокойно относиться к такого рода "обобщениям и выводам", которые принижают великих гениев нашего народа?

Нет сомнения в том, что подобное "творчество" найдет самое суровое осуждение со стороны нашей общественности. Мы должны восстановить историческую справедливость и поднять роль ваших величайших деятелей науки, техники, литературы и искусства как прошлого, так и настоящего.

Задача профессоров и преподавателей состоит в том, чтобы во всей полноте освещать в лекциях, учебниках, научных трудах великие достижения нашей русской культуры и на этих достижениях воспитывать у нашей молодежи великое чувство советского патриотизма.

Наша страна стоит во главе всего прогрессивного мира. Вступление СССР в полосу завершения строительства социализма и перехода к коммунизму означает новую ступень в повышении материального и культурного уровня народа.

Гарантией успеха дальнейшего движения вперед советской науки и техники и культуры является прежде всего то, что во главе культурного строительства, как и в области всего социалистического строительства, стоит величайший ученый нашего времени — товарищ Сталин.

Советский народ под руководством большевистской партии, под руководством своего великого вождя и учителя товарища Сталина уверенно идет по пути дальнейшего расцвета экономики, культуры и могущества нашей Родины, по пути к коммунизму»[113].

После такого выступления С. В. Кафтанова — министра высшего образования СССР, председателя ВАКа, кандидата в члены ЦК ВКП(б) и т. д. и т. п. — дальнейшая «дискуссия» была пустым делом. Но механизм ее, запущенный в августе, еще работал, и подписанный в печать 10 декабря двенадцатый номер журнала «Октябрь» вышел в конце месяца в свет. Он, кроме прочего, содержал четыре выступления о роли А. Н. Веселовского — они-то, если бы не предварялись приведенными выше заявлениями, как раз укладывались бы в рамки термина «дискуссия».

Первой шла статья академика В. Ф. Шишмарева «Александр Веселовский и его критики» — достаточно сдержанная и академичная, содержащая преимущественно опровержения печатных выступлений В. Я. Кирпотина. Заканчивал ее академик словами:

[113] *Кафтанов С. В.* Итоги развития высшей школы и ее задачи. С. 6, 10.

«Говоря о Веселовском, Горький называл его "наш знаменитый Александр Веселовский". Такие мысли побудили нашу Академию наук посвятить дате 100-летия со дня рождения замечательного русского ученого особое заседание и возобновить издание полного собрания его сочинений. Конечно, каждый понимает, что от Веселовского нельзя требовать того, чего он дать не мог. Но каждого читающего его и сейчас захватят широта охвата предлагаемого читателю материала, творящаяся как бы на его глазах работа над ним, горячий темперамент искателя истины, строгий учет фактов, вплоть до самых мелких, острая критика гипотез, выводов, оригинальное разрешение целого ряда труднейших и сложнейших историко-литературных вопросов, подлинный демократический пафос исследования и совершенно исключительное мастерство исторического анализа фактов, которые он видит перед собой во всей их живой многогранности и взаимосвязи. "Уважение к именам, освещенным славой, есть первый признак ума просвещенного", — говорил Пушкин»[114].

Еще более основательной кажется помещенная тут же статья В. Б. Шкловского «Александр Веселовский — историк и теоретик», где автор быстро, буквально хирургически отделяя А. Н. Веселовского от его родного брата Алексея (автора книги «Западное влияние в русской литературе»), сразу же обозначает свою точку зрения:

«Был ли Александр Веселовский низкопоклонником перед Западом, т. е. считал ли он, что западное искусство превосходит наше, что все корни нашего искусства идут оттуда и что наше искусство подражательно? Я думаю, что нет...»[115]

Изложив и обосновав ее, Виктор Борисович заканчивает свою статью словами:

«Настоящий спор о Веселовском — это спор об его философских позициях. Те упреки, которые сделаны А. Н. Веселовскому тов. А. Фадеевым, явно основаны на недоразумении. А. Веселовский был великим ученым, борющимся за осознание великой русской культуры и славянской культуры.

Многое в работе Веселовского можно отрицать, но от нее не надо отрекаться: она входит в наше наследство. Но на его примере мы видим, что нельзя создать великое литературоведение без великой философии»[116].

Выступления В. Ф. Шишмарева и В. Б. Шкловского, таким образом, вселяли надежду — один факт их выхода в свет был удивителен. Две другие статьи отражали противоположную точку зрения, но резкими их вряд ли можно назвать.

Статья Н. А. Глаголева[117] «К вопросу о концепции А. Н. Веселовского», хотя и была критической по отношению к академику, также никак не может быть отнесена к разряду "большевистской критики", особенно с учетом его похвал в адрес «попугаев Веселовского» («...В. М. Жирмунский в своей интересной и содержательной вступительной статье к "Исторической поэтике Веселовского"...»[118]) и т. д.

---

[114] *Шишмарев В. Ф.* Александр Веселовский и его критики // Октябрь. М., 1947. Кн. 12. Декабрь. С. 164.

[115] *Шкловский В.* Александр Веселовский — историк и теоретик // Октябрь. М., 1947. Кн. 12. Декабрь. С. 175.

[116] Там же. С. 182.

[117] Глаголев Николай Александрович (1896–1984) — литературовед, специалист по истории русской критики и русской литературе XIX в., основатель и первый руководитель кафедры русской литературы МОПИ имени Н. К. Крупской, с 1936 по 1941 г. одновременно был редактором журнала «Литература в школе», после войны профессор филологического факультета МГУ.

[118] *Глаголев Н.* К вопросу о концепции А. Н. Веселовского // Октябрь. М., 1947. Кн. 12. Декабрь. С. 182.

При этом даже собственно критические высказывания очень сдержанны:

«У А. Н. Веселовского в его историко-литературных взглядах иногда прорываются демократические тенденции, в частности в решении вопроса о роли великих людей и народных масс в истории. Так, например, в своей “Исторической поэтике” Веселовский писал: “Великие личности являлись теперь отблесками того или другого движения, приготовленного в массе, более яркими, смотря по степени сознательности, с какой они относились к нему, или по степени энергии, с какой помогали ему выражаться” (“Историческая поэтика”, цитируемое издание, стр. 44).

На эти формулировки Веселовского указывал еще в свое время В. М. Жирмунский. Однако эти мысли А. Н. Веселовского не дают еще оснований отождествлять его взгляды с точкой зрения Чернышевского и Добролюбова по вопросу о решающей роли народных масс во всех великих исторических движениях. Веселовский не занимался специально разработкой проблемы народа и народности литературы, но отдельные высказывания в его многочисленных трудах позволяют сделать определенный вывод, что он никогда не брал в основу решения этой проблемы момент отражения коренных интересов трудящихся масс и защиты их в художественном произведении в качестве решающего и главного критерия для оценки того или иного художественного произведения с точки зрения его действительной народности. Понятие народность литературы он чаще всего интерпретировал в бытовом или этнографическом плане.

Было бы неверным зачислять Веселовского в ряды сторонников реакции, искажая тем самым историческую перспективу и извращая идейную эволюцию самого Веселовского. <...>

Однако, необходимо решительно возражать против преувеличенной оценки исторического значения и характера демократических устремлений А. Н. Веселовского, против рассматривания их как прямого продолжения традиций великих русских шестидесятников.

Прогрессивные тенденции в трудах Веселовского всегда были ограничены рамками буржуазного либерализма, не выходили за пределы довольно умеренной и робкой либеральной критики буржуазно-помещичьего строя»[119].

И, даже начиная критиковать взгляды А. Н. Веселовского, Н. И. Глаголев не делает однозначных выводов:

«Историко-литературные взгляды А. Н. Веселовского отражают в себе основное противоречие, свойственное его методологическим принципам литературоведческого исследования. Веселовский, по-видимому, не придавал серьезного научного значения концепции русского литературного процесса, сложившейся в трудах Чернышевского и Добролюбова; по крайней мере, он никогда не ссылается на них и не цитирует их в этих вопросах. Собственной же законченной концепции русского литературного процесса Веселовский так и не создал, и то, что мы находим в его многочисленных трудах по древней, средневековой и новой русской литературе, отражает лишь попытку выяснить и определить некоторые ведущие закономерности литературного процесса. В этих воззрениях переплетаются идеалистические и материалистические тенденции, причем идеалистические тенденции занимают явно преобладающее положение»[120].

---

[119] *Глаголев Н.* К вопросу о концепции А. Н. Веселовского. С. 183.
[120] Там же. С. 185.

Наиболее резкой, да и то с натяжкой, риторикой в духе эпохи, отличалась статья И. Дмитракова[121] и М. Кузнецова[122] «Александр Веселовский и его последователи». Свое отношение к А. Н. Веселовскому они выражают без всяких сомнений:

> «Сколько исписано бумаги, дабы представить XVIII век русской литературы как бесталанное ученичество у западных образцов! И, наконец, как перечесть всю ту груду именитых и неименитых авторов, кои с величайшим усердием выводили Пушкина и Толстого, Лермонтова и Тургенева, Чехова и Щедрина, Маяковского и Чернышевского из различных западноевропейских образцов?!
>
> Сейчас мы можем твердо сказать, что научные итоги всех подобного рода “школ” и “школок” ничтожны, но политический резонанс их писаний получает сейчас особое, враждебное нашей культуре и народу звучание. Поэтому полное разоблачение всей антинаучности и вздорности подобных теорий — задача первостепенной важности.
>
> “Мертвый хватает живого” — нам думается, в этой формуле вся соль спора об Александре Веселовском — спора, который ведется сейчас в нашей прессе, на кафедрах литературы университетов и институтов. Именно к Александру Веселовскому восходят проявляющиеся в отдельных работах наших советских литературоведов элементы низкопоклонства перед культурой буржуазного Запада. И речь как раз идет о том, чтобы пересмотреть наследство этого, без сомнения, крупнейшего русского ученого, выявить до конца все то, что в нем имеется, и ошибочное и реакционное, что продолжает, однако, произрастать в книгах и статьях некоторых ныне здравствующих его учеников.
>
> Бесспорно, что Александр Веселовский был на голову выше современных ему западноевропейских буржуазных литературоведов; широко известна редкая эрудиция русского ученого, бесспорны его значительный талант исследователя, его неутомимая научная работоспособность. Но ведь все это ни в какой мере еще не делает Веселовского прямым предшественником советского литературоведения. А ведь именно так стараются представить дело и академик В. Шишмарев, и профессор В. Жирмунский, и профессор Г. Поспелов, и некоторые другие советские литературоведы. Академик А. С. Орлов так-таки прямо и призывал наших исследователей двигаться вперед, опираясь на Веселовского с девиацией на марксизм. В. Я. Кирпотин в своей статье “Об отношении рус-

---

[121] Дмитраков Иван Прокофьевич (1912–?) — кандидат филологических наук (сперва аспирант ИМЛИ, затем переведен в аспирантуру АОН при ЦК ВКП(б)), с 1950 г. заведующий сектором устного народного творчества ИРЛИ (направлен ЦК ВКП(б) в ИРЛИ для усиления), в 1954–1955 гг. старший научный сотрудник сектора. В дальнейшем работал учителем русского языка и литературы (в 1957 г. — в Пушкинской детской трудовой колонии, расформированной в том же году после бунта воспитанников).

И. П. Дмитраков был знаком с В. Ф. Шишмаревым лично со времен аспирантуры в ИМЛИ. Узнав о том, что Владимир Федорович в конце 1947 г. слег от травли, в которой активное участие принимал и сам И. П. Дмитраков, он решил подбодрить академика. Приведем строки из письма И. П. Дмитракова к В. Ф. Шишмареву от 31 декабря 1947 г.: «Знаю, твердо знаю: Ваши знания, Ваша работа очень нужна [sic!] нашей Родине. Мужайтесь: мелочи жизни мешают, тревожат и отравляют нам немало минут. <...> Статья Ваша в “Октябре” № 12 — благородная. Я не с каждой ее фразой согласен. Но как бы то ни было, это честная работа. В ней слышу принципиальность, мужество. Будьте здоровы, дорогой!» (ПФА РАН. Ф. 896 (В. Ф. Шишмарев). Оп. 1. Д. 187. Л. 1).

[122] Кузнецов Михаил Матвеевич (1914–1980) — литературовед, критик, киновед; специалист по советской литературе, автор книг о творчестве К. И. Федина и Ю. С. Крымова, член Комиссии по критике и теории литературы ССП, сотрудник ИМЛИ имени Горького. В 1950-х гг. был заместителем главного редактора «Литературной газеты».

ской литературы и русской критики к капиталистическому Западу" правильно подверг критике эти высказывания, доказав их научную несостоятельность»[123].

Но даже такая позиция несколько «смазывается»:

«...Между учением Веселовского и марксизмом лежит непроходимая пропасть. Конечно, не следует упрощать дело и видеть в Веселовском только последовательного идеалиста и метафизика. Этот выдающийся русский ученый был очень противоречив, во многих местах он высказывает интереснейшие догадки, подчас становится и на стихийно-материалистические позиции. Этим объясняется и тот факт, что академику Шишмареву и профессору Жирмунскому в их статьях без особого труда удалось набрать достаточное количество цитат, чтобы придать Веселовскому "околомарксистский" вид. Но если мы берем наследие Веселовского в целом, выделяем в нем ведущую тенденцию, то должны отчетливо сказать, что она остается далекой марксизму, она ведет (и с годами все больше и больше) к идеализму, объективизму. Значит, заранее обречены на неудачу всякие попытки двигаться вперед, "опираясь на Веселовского, с девиацией на марксизм".

Значит ли это, что Александр Веселовский должен быть полностью сдан в архив? Нет, не значит ни в какой мере! Мы не отказываемся от наследства Веселовского, оно законно принадлежит нам. Но нужно уметь пользоваться им с марксистских позиций, как В. И. Ленин учил материалистически читать Гегеля. Только тогда мы можем определить истинные научные масштабы работ Веселовского, можем взять тогда из его наследства то, что действительно поможет двигать нашу науку вперед.

Важность этого пересмотра наследия Веселовского определяется прежде всего тем, что отзвуки его идей еще слышны в книгах и статьях некоторых советских литературоведов. Одно из наиболее ярких тому доказательств — вышедшая недавно книга профессора В. Я. Проппа "Исторические корни волшебной сказки", в которой автор использует метод оперирования абстрактными схемами Веселовского»[124].

И после упоминания работы В. Я. Проппа авторы добрую треть своей обширной работы посвящают критике его монографии. С профессором Ленинградского университета партийные литературоведы расправляются без особых церемоний, уже не испытывая особенного стеснения:

«Проблемы, затронутые В. Я. Проппом, еще не решены нашей фольклористикой. Тем обиднее была неудача советского ученого-фольклориста, неудача, обусловленная порочными методологическими установками автора.

Казалось бы, работа В. Я. Проппа должна была бы разоблачить антинаучность "теорий" буржуазных ученых, вскрыть философию сказки, показать обусловленность сказки конкретными условиями социальной жизни народа. Однако ничего этого нет в разбираемой книге.

Уже первая глава книги, озаглавленная "Предпосылки", заставляет насторожиться. Хотя здесь и поминаются имена Маркса и Энгельса, но, по сути дела, речь идет отнюдь не о марксистских, а о собственных пропповских предпосылках»[125].

Перечисляя свои претензии, авторы погружаются в область методологии, находя ее порочные корни:

---

[123] *Дмитраков И., Кузнецов М.* Александр Веселовский и его последователи // Октябрь. М., 1947. Кн. 12. Декабрь. С. 167.

[124] Там же. С. 170.

[125] Там же. С. 171.

«Плохую услугу окажет В.Я. Проппу тот, кто будет говорить о частных ошибках, а не о порочности его основных исходных положений. Все эти частные заблуждения обусловлены тем, что исследование толчется в заколдованном кругу: обряд — сказка. А нужно было выйти за пределы этого круга. Надо объяснить сказку из определенных условий социальной жизни, раскрыть в ней исторически обусловленные идеалы трудового народа, выявить тенденцию стихийно-материалистического мышления масс, показать ее социальную функцию. Таким только и мыслится подлинно научное исследование о сказке.

Спору нет, нельзя отрицать начисто связь между сказкой и обрядом, эта связь, несомненно, была, но не ею одной определялись содержание и форма сказки. Пропп же, замкнувшись в изолированном ряду формальных сопоставлений, повторяет старую ошибку Александра Веселовского, который тоже, беря литературный факт, в конечном счете не мог проникнуть в его сущность, не мог раскрыть его во всех связях и взаимозависимостях.

От Александра Веселовского у В. Проппа и метафизическое представление о развитии сказки. <...> То положение, которое можно было вывести из работ Александра Веселовского — "идеи тленны, формы вечны" — господствует фактически и в книге В.Я. Проппа. Именно этим можно и нужно объяснить тот факт, что исследование В.Я. Проппа ведется только по формальному принципу, блуждает в дебрях схоластических, абстрактных сопоставлений и аналогий.

Буржуазный объективизм, то есть неумение выделить ведущую, прогрессивную тенденцию развития и с этой точки зрения осветить весь процесс, заводит В.Я. Проппа в тупик. Он идет на поводу у буржуазных ученых-идеалистов типа Фрезера, Тэйлора, Фробениуса, Вундта и других, представлявших людей доклассового общества какими-то мистиками, философствующими идеалистами, некими Иммануилами Кантами в звериных шкурах.

Немарксистский подход в разрешении национального вопроса приводит В.Я. Проппа в лагерь буржуазного космополитизма. В результате русская народная сказка объясняется не конкретно историческими особенностями нашего народа, а выводится из самых отдаленных и во времени и в пространстве зарубежных образцов. Достойно удивления то рвение, с которым В.Я. Пропп старается буквально вытравить национальные черты в русских сказках, сводя всё к мифу и обряду зарубежных народов. Так, русское гостеприимство, отраженное в сказке, оказывается, означает ритуал похорон из египетской "Книги мертвых". Даже говоря об эпизоде, когда баба-яга кричит: "Фу-фу, русским духом пахнет!", — Пропп прилагает массу усилий и комбинаторских способностей, чтобы доказать, что это не русский дух, а запах живого человека вообще, попавшего в царство мертвых. Научные результаты подобных конструкций ничтожны, но зато политический вред подобных отрицаний национальной оригинальности русской сказки очевиден.

Книга В.Я. Проппа наглядным образом свидетельствует о неизбежности тупика, в который заведет исследователя пребывание на ложных, антимарксистских исходных позициях. Не "опираясь на Веселовского с девиацией на марксизм", а только полностью, до конца, освободившись от старых, ошибочных, уже давно отвергнутых ходом истории и науки установок, только целиком утвердившись, как марксист, как представитель самого передового, подлинно научного мировоззрения, может ученый успешно двигать науку вперед.

Наша большевистская партия и лично товарищ Сталин с особой остротой поставили вопрос о повышении уровня всей нашей идеологической работы. Советские ученые

призваны народом и партией смело двигать вперед науку, завоевывая новые и новые ее области, должны бесстрашно давать отпор всем нападкам и наскокам со стороны лагеря буржуазных империалистов, беспощадно разоблачать лживость и антинаучность буржуазных фальсификаторов науки.

Все это в полной мере относится и к литературоведению. Все области истории и теории литературы — это боевой фронт, где мы даем беспощадный бой всем силам реакции, всему отсталому, тормозящему дальнейшее развитие науки»[126].

Такой сильный удар по В. Я. Проппу был особенно неожиданным — ведь даже В. М. Жирмунскому, «попугаю Веселовского», практически не досталось в этой дискуссии в «Октябре». Для Владимира Яковлевича такая отповедь влекла серьезные последствия. Обвинение же в пособничестве лагерю «буржуазного космополитизма» лишь в начале 1949 г. приобретет характер приговора.

Сравнение выступлений И. С. Галкина и С. В. Кафтанова с четырьмя статьями из журнала «Октябрь» демонстрирует диссонанс. Но жизнь вносила свои коррективы — на многочисленных собраниях в Ленинградском университете и Пушкинском Доме покойного академика начали избивать. А приведенная в статье И. Дмитракова и М. Кузнецова поговорка «Мертвый хватает живого»[127] пошла в жизнь: начали оскорбляться его ученики и вольные или невольные последователи.

О. М. Фрейденберг описала эту обстановку следующим образом:

«Нельзя ни о чем ни говорить, ни писать. Всякая мысль задушена. <...> Запрещается и русское классическое искусство, и классическая русская наука. Агент, официально именуемый руководителем Союза писателей, Фадеев, недавно выступил с большой речью, где он "проработал" в площадных выражениях А. Н. Веселовского ("раба романо-германской школы", "псевдо-ученого", "основоположника низкопоклонства перед заграницей"). Идет опять волна публичного опозоривания видных ученых. Когда знаешь, что это старики с трясущейся головой, с урологическими старческими болезнями, полуживые люди, от которых жены скрывают такую "критику", — впечатление получается еще более тяжелое. Сейчас публично опозорили, не пощадив площадных выражений, старого почтенного Шишмарева, больного Азадовского, немолодого и честного Проппа. Ждем дальнейшего. Сталин из года в год держит в напряженьи. Из года в год идет новая волна чисток, проработок, арестов, ссылок, травли. Человека давят всевозможными способами, физическими и психическими»[128].

ОСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Уже летом 1947 г. в ЛГУ наступали видимые перемены, даже темы сочинений на вступительных экзаменах в университет были скорректированы в соответствии с политическим курсом. Если сравнить темы, которые давались до постановления ЦК, летом 1946 г., с темами 1947 г., то можно видеть эту разницу.

[126] *Дмитраков И., Кузнецов М.* Александр Веселовский и его последователи. С. 173.

[127] Думается, что аудитория 1947 г. хорошо знала это выражение: его часто цитировали как фразу Карла Маркса из предисловия к первому, 1867 г., изданию «Капитала»; оно было приведено по-французски («Le mort saisit le vif!») с русским переводом и представляет собой французскую поговорку.

[128] *Фрейденберг О.* Будет ли московский Нюрнберг? С. 155.

Если в 1946 г. новостная лента ЛенТАСС сообщала:

«Вчера, 1 августа, в старинных аудиториях университета будущие студенты писали работы по литературе. Им были предложены разнообразные темы: "Идейный смысл и художественные особенности поэмы Пушкина 'Медный всадник'"», "Отечественная война 1812 года в изображении Льва Толстого", сочинения на строки великих поэтов: "Мне жизнь скучна, когда горения нет" — Лермонтова, — "Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс" — Маяковского и другие»[129], —

то в 1947 г. тот же источник информирует:

«Не без волнения переступает молодежь порог старинного здания университета. В 9 утра в аудиториях воцаряется тишина. На столе перед педагогом сложены экзаменационные листки. Идет экзамен по литературе. Предложены на выбор три темы: "Ломоносов — первый русский университет" (А. С. Пушкин), 'Комсомольцы в годы Гражданской войны — по роману Николая Островского 'Как закалялась сталь' и в годы Великой Отечественной войны — по роману Александра Фадеева 'Молодая Гвардия'", "Искусство не может отделять себя от судьбы народа" (А. А. Жданов)»[130].

А с первых чисел октября 1947 г. началось осеннее обострение идеологической работы, связанное как с наступлением нового учебного года, так и с грядущим празднованием 30-летия советской власти. Шло оно в русле кампании против пресмыкательства перед заграницей, рука об руку с набирающей обороты кампании против А. Н. Веселовского.

Для приведения в надлежащий идеологический тонус профессорско-преподавательского состава ленинградских вузов в город прибыл заместитель министра высшего образования СССР, ученый-металлург, член-корреспондент Академии наук СССР, будущий академик А. М. Самарин, под руководством которого 6 октября прошло совещание работников вузов.

«В актовом зале Инженерно-строительного института состоялось общегородское совещание актива руководящих и научных работников вузов. <...> Подробно остановившись на успехах советской высшей школы, докладчик подчеркнул необходимость дальнейшего повышения качества подготовки кадров. Вузы должны обеспечить обучение всесторонне образованных советских специалистов. Особое внимание в докладе было уделено идейно-политическому воспитанию студенчества, воспитанию его в духе советского патриотизма, беспредельной преданности Родине.

— Каждый преподаватель высшей школы является воспитателем молодежи, — сказал докладчик. — Прошлое и настоящее нашего народа-победителя обязывают работников вузов быть активными борцами за честь отечественной науки.

— К сожалению, — отмечает тов. Самарин, — в среде советской интеллигенции есть еще люди, которые роняют свое национальное достоинство, раболепствуют перед иностранщиной, принижают в лекциях и учебных пособиях роль и значение научных открытий, сделанных выдающимися сынами нашего народа.

Кафедра вуза — это трибуна, с которой должны звучать слова правды о достижениях русской и советской науки, об успехах социалистической промышленности, сельского хозяйства. Пусть с этой же трибуны звучит и гневное обличение буржуазной псевдонауки, находящейся на службе у империалистов»[131].

---

[129] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 66. Л. 11 («Начались приемные экзамены в вузах»).

[130] Там же. Д. 100. Л. 18–19 («Вчера в Университете: Начались приемные экзамены в вузах»).

[131] Там же. Д. 104. Л. 103–104 («Высоко держать знамя советской науки: На общегородском совещании актива работников вузов»).

Незадолго перед этим, 3 и 4 октября, прошло масштабное собрание в университете, посвященное задачам идеологической работы. Явка была обязательной: присутствовало около полутора тысяч человек, в президиуме, кроме членов ректората, парткома, ведущих профессоров и представителя Василеостровского райкома ВКП(б), восседал и секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде И. Г. Стожилов[132].

> «Два дня продолжалось собрание работников Ленинградского университета, посвященное ближайшим задачам научной деятельности этого крупнейшего вуза страны. С докладом выступил ректор проф[ессор] А. А. Вознесенский»[133].

Как свидетельствует дневниковая запись Б. М. Эйхенбаума[134], ректор выступил в первый день.

А в день окончания мероприятия вечерний выпуск «Последних известий» Ленинградского радио сообщал жителям города:

> «Сегодня закрылась двухдневная конференция научных работников и аспирантов Ленинградского университета. В ней приняло участие более 1500 представителей советской интеллигенции, деятелей науки, руководителей и воспитателей студенческой молодежи.
>
> С докладом о задачах научных работников выступил ректор Университета профессор Вознесенский. Особое внимание докладчик уделил вопросам идеологического содержания научной, учебной и воспитательной работы. Ленинградский университет является одним из крупнейших высших учебных заведений страны. Здесь работают выдающиеся ученые Советского Союза. Профессор Вознесенский призвал университетских деятелей выше поднимать авторитет советской науки, проявлять большую политическую страстность во всей научной и учебной работе, беспощадно искоренять всяческие проявления низкопоклонства перед иностранщиной. Он подчеркнул также необходимость дальнейшего расширения научного творчества и укрепления связей советской науки с практическими потребностями народного хозяйства.
>
> В прениях по докладу профессора Вознесенского выступили: академик Струве, члены-корреспонденты Академии наук СССР Жирмунский и Насонов, заслуженный деятель науки Серебряков, профессора Щукарев, Штейн и другие»[135].

Подробное описание доклада ректора предлагала читателям университетская газета:

> «С большим докладом выступил ректор Университета проф[ессор] А. А. Вознесенский. Коротко охарактеризовав успехи и недостатки прошлого учебного года, он отметил значительное расширение научной, учебно-педагогической и просветительной деятельности Университета.

---

[132] Иван Гаврилович Стожилов уделял большое внимание университету: 18–19 июля 1947 г. проходил пленум Ленинградского горкома ВКП(б), на котором отдельно рассматривались вопросы высшего образования. На этом пленуме И. Г. Стожилов «подчеркивает необходимость резкого улучшения преподавания гуманитарных дисциплин в ленинградских вузах. Эту же мысль высказывает на пленуме ректор Ленинградского университета профессор А. А. Вознесенский» (Пленум Ленинградского городского комитета ВКП(б) // Ленинградская правда. Л., 1947. № 169. 22 июля. С. 2).

[133] ЦГАЛИ СПб. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 104. Л. 98 («Выше уровень идейной работы: На собрании в Ленинградском университете»).

[134] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 40.

[135] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2537. Л. 86. Последние известия, 4 октября 1947 г. (21:45–22:00).

Три основные функции выполняют профессора и преподаватели: научную работу, учебно-педагогическую и воспитание студенческой молодежи. Основным фактором, определяющим успешность их выполнения, является идеологическое содержание, идейная направленность всей нашей работы, сущностью которых является советский патриотизм, материалистическое мировоззрение и методология материалистической диалектики.

Наша задача — воспитание всего советского народа, особенно молодежи, в духе советского патриотизма и марксистско-ленинского мировоззрения. Все эти обстоятельства предъявляют к нам, научным работникам, ряд специфических требований, важнейшим из которых является непримиримая борьба с низкопоклонством, раболепием перед буржуазией, культурой и наукой, перед всякой иностранщиной, перед заграницей. Это — дурная, застарелая болезнь, которая мешает воспитанию всего народа нашей страны в духе советского патриотизма, которое несовместимо с достоинством советского человека, с нашей национальной гордостью. Низкопоклонство перед буржуазной культурой является одним из самых вредных, самых опасных пережитков капитализма, мешающих строительству коммунизма и укреплению мощи нашей страны. Корни этого явления уходят в прошлое, когда господствующие классы России не верили в силу русского народа, говорили о его неполноценности, пренебрежительно относились к достижениям русских ученых, которые часто лишались своего приоритета в крупнейших научных открытиях.

К сожалению, есть и теперь у нас отдельные люди, проявляющие подобострастие ко всему заграничному. Низкопоклонство проявляется, прежде всего, в вопросах истории. Забвение, замалчивание крупнейших завоеваний русской науки и культуры, склонность рассматривать их как отражение западноевропейской культуры — вот факты низкопоклонства. Элементы подобных явлений имеют место в Университете. В одном из номеров “Ученых Записок” филологического факультета, в томе, который должен был быть выпущен, помещена статья профессора Б. Г. Реизова “О драматической трилогии А. К. Толстого”. Она производит удручающее впечатление. Автор подробно разбирает произведение Толстого, и все его старания направлены на то, чтобы показать, что у Толстого нет ничего оригинального. Как будто автор статьи задался специальной целью — опорочить русского писателя, доказать его неоригинальность, его подражание западным образцам.

За последнее время в литературоведческих кругах много говорят об Александре Веселовском. Он — крупнейший ученый-философ досоветского периода и является одним из тех людей, имена которых украшают прошлое нашего Университета. Но нельзя его модернизировать, думать, что Веселовский во всем своем творчестве созвучен тем высоким требованиям, которые предъявляет советская эпоха. Несомненно, многое в методах Веселовского было неправильно и ненаучно. Отрицательные стороны его концепции и метода довлеют над некоторыми из наших литературоведов, и они, сами того не замечая, допускают низкопоклонство перед буржуазной литературой.

Одной из форм низкопоклонства является манера некоторых авторов или лекторов приводить бесчисленные цитаты из произведений буржуазных писателей — без всякой на то необходимости, даже нередко совершенно второстепенные авторы, журналы цитируются, что называется, “вдоль и поперек”. Застарелая болезнь низкопоклонства и раболепия сказывается и в стремлении некоторых наших ученых напечатать свои статьи прежде всего в заграничных журналах. И нужно видеть, как действует

на них упоминание хотя бы в самой незначительной заметке в заграничном журнале. До сих пор некоторые воспринимают это как самую высокую похвалу. Иногда встречается в нашей среде и преувеличение роли культуры и языка того или иного народа. На одном из заседаний Ученого совета уважаемый член совета, академик, проводил ту мысль, что у нас можно предложить студентам изучать один язык, именно английский, а это потому-де, что это язык мировой культуры и что ему предстоит ведущая роль в ее развитии.

— Мы вовсе не собираемся отдавать нашего революционного первенства другим народам, мы вовсе не полагаем, что русский язык имеет или будет иметь меньшее значение в истории развития человеческой культуры, чем английский язык, — заявил профессор А. А. Вознесенский под громкие аплодисменты присутствующих»[136].

Чтобы понять, какого рода было это собрание, приведем выдержку из записок О. М. Фрейденберг:

«Не так давно Вознесенский собрал всех преподавателей и аспирантов 12-ти факультетов. Нас заставили явиться под расписку. В фойе стояли 12 столов, за которыми переписывали всех присутствующих. <...> Два часа говорил Вознесенский. Он бичевал людей, называя их по фамилиям. За "низкопоклонство перед иностранщиной", которое выражалось в том, что цитировался заграничный писатель или ученый. Из гроба был поднят А. Н. Веселовский — его "прорабатывали". Жирмунский, узнавший от Марьи Лазаревны [Тронской], что выступление Фадеева осуждено-де Сталиным, заступился за Веселовского, а затем один партиец, Дементьев[137], зачитал ранние цитаты из Жирмунского, в которых Жирмунский ругает Веселовского за все то, за что сегодня хвалит.

Два дня длилась "конференция". Я сидела и слушала. Какое огромное и блестящее собрание, — весь цвет научной мысли, — какие огромные усилия, и для чего же? Чтоб измыслить способы задушения этой самой научной мысли. Страх, ужас перед тем, как бы не проскользнула где-нибудь мысль. Ректор давал указания, как "предусмотреть", "не допустить", "вовремя учуять" и т. д.»[138].

Естественно, что и Пушкинский Дом попал в круговорот этих событий — из Москвы специально приехал директор Института литературы академик П. И. Лебедев-Полянский, чтобы за полгода до своей смерти расставить все точки над i в деле истории литературы. Б. М. Эйхенбаум записал тогда:

«Было собрание с речью Лебедева-Полянского о «низкопоклонстве» («наплевать на Мольера» — точные слова) и смехотворными выступлениями после нее»[139].

31 октября ректор ЛГУ А. А. Вознесенский подписал приказ, которым поздравил всех с 30-летием Советской власти. Этот приказ представляет нам во всей красе Вознесенского-оратора, а также передает пафос эпохи:

«30 лет назад под руководством большевистской партии, во главе с великими вождями Лениным и Сталиным русский революционный рабочий класс ниспроверг

---

[136] Против низкопоклонства перед буржуазной наукой // Ленинградский университет. Л., 1947. № 32. 16 октября. С. 3.

[137] Именно в это время начинается выход на проработочную сцену доцента филологического факультета и сотрудника Ленинградского горкома ВКП(б) Александра Григорьевича Дементьева — одного из трех палачей ленинградской литературной науки в 1949 г.

[138] *Фрейденберг О. М.* Записки.

[139] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 41 об. Запись за 22 октября, описанное событие относится к перерыву в дневниковых записях Б. М. Эйхенбаума, т. е. между 13 и 22 октября 1947 г.

капиталистический строй, уничтожив власть помещиков и капиталистов в нашей стране. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в мировой истории, положила начало эпохе перехода человечества к коммунистическому Обществу.

За 30 лет Советской власти наша страна превратилась в передовую индустриальную и колхозную державу, страну дружбы народов, она стала оплотом мира и безопасности народов, надеждой всего прогрессивного человечества.

Союз Советских Социалистических Республик явился первым в истории человечества государством, в котором социализм из мечты превратился в действительность. Этим исключительным успехом наша страна обязана тому, что наша партия и наш народ вооружены самой передовой революционной теорией — учением Ленина и Сталина.

Наша передовая социалистическая система обеспечила невиданный расцвет науки и культуры. Наука стала верно служить своему великому народу.

В беспримерных боях Великой Отечественной войны сказались все преимущества нашей социалистической общественной системы, советского государственного строя. Своей титанической борьбой советский народ спас человечество от ига фашизма. И теперь Советский Союз продолжает стоять на страже мира и безопасности, демократии и свободы, гуманизма и равноправия народов. Разоблачая поджигателей войны, борясь против империализма, Советский Союз завоевал горячие симпатии миллионов людей во всем мире.

Воодушевленные великой целью — построения коммунистического общества в нашей стране, народы Советского Союза с патриотическим подъемом восстанавливают своим героическим трудом народное хозяйство, создают новые заводы и фабрики, развивают сельское хозяйство и транспорт.

Вместе со всем советским народом участвует в строительстве социалистической родины многотысячный коллектив Ленинградского Университета, настойчиво решая задачи развития советской науки и культуры и подготовки кадров высококвалифицированных специалистов.

За 30 лет Советской власти наш Университет превратился в один из крупнейших центров научной мысли и дал советской стране 28 тысяч специалистов, пополнивших ряды славной советской интеллигенции. В стенах Университета рождалась советская оптика, создавался советский синтетический каучук, ковалось новое учение о языке. Университет по праву гордится именами многих и многих своих питомцев и ученых.

Овладевая высотами марксистско-ленинской науки, применяя марксистско-ленинскую методологию во всех отраслях науки, профессора и преподаватели, аспиранты и студенты нашего Университета ставят своей целью — вместе со всеми советскими учеными — еще выше поднять знамя советской науки, превзойти достижения зарубежной науки, способствуя дальнейшему расцвету нашей великой и любимой Родины.

Поздравляю профессоров, преподавателей, аспирантов, студентов, рабочих и служащих Университета с торжественным праздником 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции и призываю всех членов нашего университетского коллектива к борьбе за новые трудовые успехи на благо нашего социалистического отечества.

Пусть крепнет и процветает наша великая и могучая Советская Родина!

Да здравствует наш великий и мудрый вождь и учитель — товарищ Сталин!»[140]

Проходившая с 3 по 22 ноября 1947 г. IV годичная научная сессия университета была приурочена как раз к 30-летию Октября. За это время было заслушано более

[140] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 2501 от 31 октября 1947 г.

220 докладов, отразивших достижения советской науки[141]. Заседания научной сессии посетили более 9 тыс. слушателей[142].

25 ноября в газете «Ленинградский университет» появилась статья студента филологического факультета Л. М. Аринштейна «Успехи советской филологии», посвященная докладам на университетской сессии:

> «Оживленно проходят секционные заседания филологии. Докладчики не столько говорят об успехах советской филологии за 30 лет, сколько демонстрируют этот факт высоким качеством своих докладов. Глубокая научность, смелость и оригинальность творческой мысли, любовь к своему делу отмечают ряд докладов, сделанных на отделении литературоведения. Неудивительно поэтому, что такие доклады вызывают массу вопросов, оживленные прения.
>
> Острую полемику вызвал ряд положений доклада профессора Г. А. Гуковского "Петербургские повести Гоголя". Профессор В. Е. Евгеньев-Максимов оспаривал утверждение Гуковского, что "Мертвые души" являются единственной русской поэмой XIX века, поскольку в этой поэме в сущности нет ни одного положительного народного образа. Отстаивая свою точку зрения, проф[ессор] Гуковский указал, что преобладание положительного не обязательно следует исчислять количеством положительных персонажей. В то время как отрицательные образы русских помещиков очерчены совершенно конкретно, положительный образ выражен Гоголем в субъективно-лирическом плане. Этот лирический образ, исполненный веры в силу и в будущее русского народа, пронизывает всю поэму и очерчивается в образе тройки — символе России для Гоголя. Этот образ гораздо шире и значительней отрицательных образов "Мертвых душ", что дает возможность рассматривать уже одну 1-ю часть как законченную эпическую поэму в широком понимании этого слова.
>
> Еще больше споров вызвал вопрос о социальном месте Гоголя в русской литературе. Отбросив абстрактную формулу "Гоголь — народный русский писатель", проф[ессор] Гуковский продолжал: "Но кого мы в праве называть народом в России 40-х годов? — Массу крепостных крестьян. Следовательно, Гоголь объективно был на стороне крепостного крестьянства. Очевидно, что Гоголь художественно адекватен Белинскому, позиция которого, как защитника интересов крестьянства, не вызывает сомнений. Почему же мы должны отказать Гоголю в звании крестьянского писателя?"
>
> Обмен мнений по вопросу о соотношении мировоззрения и произведений писателя возник после интересного доклада профессора Б. Г. Реизова "Проблемы французского реализма"[143]. Профессор Реизов указывал на нелогичность утверждений, что писатель

---

[141] ЦГАЛИ СПБ. Ф. 12 (ЛенТАСС). Оп. 2. Д. 109. Л. 18 («220 научных докладов»).

[142] Ленинградская правда. Л., 1947. № 274. 23 ноября. С. 4.

[143] Позволим себе привести здесь строки из письма Б. Г. Реизова 1954 г. в газету «Правда», в котором он подробно характеризует понятие «реализм» в литературоведении тех лет: «Просмотрев подряд несколько десятков статей, посвященных даже самым различным писателям классической зарубежной литературы, мы обнаружим, что подавляющее большинство этих статей построено по одному образцу. Аспирантам, которым на кандидатских экзаменах приходится характеризовать "литературу вопроса", трудно дифференцировать одну статью от другой, так как эти статьи необычайно схожи. Кажется, будто литературовед задает всем авторам одни и те же вопросы и сам же на них отвечает по одному и тому же шаблону. Кажется, что литературоведу все ясно еще до начала исследования: остается только "заполнить анкету", и статья готова. Вот эти ответы: автор — реалист, он пользовался реалистическим методом, он создал типы, у него есть отрицательные и положительные герои. "Отрицательные" герои — это представители реакционных классов, преимущественно буржуазии, положительные герои — представители народа. Однако, несмотря на это, писатель был буржуазно ограничен (если это первая половина XIX века)

воплощает в художественных образах нечто, не соответствующее его мировоззрению. Профессор В. М. Жирмунский, напомнив известные высказывания Энгельса о Бальзаке и Ленина о Толстом, указал, что возможны определенные расхождения между субъективным мировоззрением писателя и тем, что объективно заключается в созданных им образах. Пример этому — полнейшее несоответствие философии и художественных образов в романе Л. Толстого "Война и мир".

Хочется упомянуть об очень интересном докладе проф[ессора] Б. М. Эйхенбаума "О советской текстологии". Докладчик рассказал, как советские текстологи очищают истинное слово писателя от погрешностей последующих изданий, от исправлений цензуры, а порой освобождают замысел писателя от вынужденного самоограничения, необходимого в условиях царской цензуры. Благодаря упорному и кропотливому труду советских текстологов, читатель может быть уверен в правильности текста, а литературовед может спокойно оперировать мельчайшими деталями. А ведь в дореволюционной России, как и на современном буржуазном Западе, этой науки не существовало. Какова же может быть действительная научная ценность многочисленных исследований буржуазных ученых? В частности, на этот вопрос дает ясный ответ прекрасный доклад проф[ессора] А. А. Смирнова "Изучение западной литературы в СССР". Он показал, как далеко шагнула советская филология, вооруженная диалектикой марксизма, в деле изучения классиков мировой литературы. В то же время на родине Шекспира, Бальзака и Сервантеса литературоведы в основном занимаются изучением подробностей личной жизни великих писателей, желая угодить низменным вкусам буржуазного читателя, или создают тенденциозные псевдонаучные исследования по заказу своих хозяев»[144].

Эта в общем-то положительная по тону статья не вполне отражала действительного накала страстей на сессии. 18 ноября профессор Б. М. Эйхенбаум записал в дневнике:

«Нахожусь в таком взвинченном состоянии, что не могу как следует работать, как будто должно что-то случиться. Тяжелое впечатление от заседаний сессии — у всех нервы в каком-то исступленном состоянии, все производят впечатление полунормальных — за одних стыдно (Пиксанов! Евгеньев–Максимов!!), за других страшно и больно (Томашевский, Гуковский). Вчера после моего доклада о советской текстологии товарищи устроили овацию — Гуковский произнес целую речь»[145].

или (если это вторая половина XIX века) — на нем сказались следы упадка критического реализма. Между его мировоззрением и творчеством было противоречие. Мировоззрение было реакционным, порочным или ошибочным, но он творил вопреки своему мировоззрению и преодолевал свои собственные взгляды и эстетические теории, хотя до конца преодолеть их не мог. Изложив эти мысли, литературовед "обобщает", говоря, что Бальзак был лучше изучаемого писателя. Таков шаблон, по которому написаны десятки статей о Диккенсе, Гюго, Теккерее, Мопассане, Золя и т.д. Существует штамп и для писателей XX века, для писателей современных <...>. Шаблон, торжествующий в таких статьях, несомненно методологически порочен. Из понятия "реализм" он делает литературное направление, к которому причисляются все писатели всех стран и всех литературных направлений от Радищева и Пушкина до Диккенса и Мопассана, от романтика Гюго до натуралиста Золя. Почему Бальзак, Гюго, Гете, Шекспир создали прекрасные произведения? Потому, ответит литературовед, что они были "реалистами". "Реализм" оказывается какой-то благодатью, которая нисходит на писателя, вопреки всему на свете,— его эпохе, его мировоззрению, его политическим и эстетическим взглядам» (ПФА РАН. Ф. 1081 (Б. Г. Реизов). Оп. 3. Д. 44. Л. 4–6).

[144] *Аринштейн Л.* Успехи советской филологии // Ленинградский университет. Л., 1947. № 36. 25 ноября. С. 2.

[145] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 45.

Профессора вынужденно меняли тематику своих исследований. Юбилейная сессия демонстрировала эту тенденцию:

> «Алексеев, который был англистом, а потом стал американистом, спешно сделался русистом. Но на сессии он уже выступает в качестве специалиста по русскому языку. Это, как Жирмунский, балаганный трансформатор. Я их называю Аркадием Райкиным, по имени этого быстро переодевающегося эстрадного трансформатора-юмориста»[146], — писала О. М. Фрейденберг.

Наиболее серьезные изменения начались в конце осени. 24 ноября ректор А. А. Вознесенский подписал приказ № 2655 по Ленинградскому университету. Он был посвящен вопросам идеологической работы:

> «Основным требованием, определяющим успешность научной, учебной и воспитательной деятельности профессорско-преподавательского состава университета, является идеологическое содержание, идейная направленность всей работы. Сущностью же этого идеологического содержания и идейной направленности является советский патриотизм, материалистическое, марксистско-ленинское мировоззрение, методология материалистической диалектики.
>
> Идейная направленность всей работы профессорско-преподавательского состава и всех общественных организаций университета приобретает особенное значение в современный период, когда советский народ в героическом труде осуществляет великое строительство коммунистического общества, когда, с другой стороны, империалистическая реакция крупнейших капиталистических стран развертывает интенсивную деятельность, направленную против Советского Союза. В этих условиях от всех научных работников университета требуется не только глубокое овладение своей научной специальностью и марксистско-ленинской теорией, но и решительная борьба с буржуазной идеологией, острая критика и разоблачение этой идеологии, борьба с раболепием и низкопоклонством перед буржуазной культурой и наукой, правильная оценка исторической роли русской и советской науки и культуры.
>
> К сожалению, как это уже отмечалось университетской общественностью и в советской печати, не все работники университета до конца понимают всю важность этих требований. Некоторые профессора и преподаватели в своей научной, учебной и воспитательной работе недостаточно критически относятся к буржуазной науке, забывают о завоеваниях русской и советской науки и культуры, без всяких исторических и научных оснований объявляют те или иные успехи русской культуры, как результат заимствования иноземной культуры. Некоторые опубликованные университетскими научными сотрудниками работы страдают объективизмом, аполитичностью, содержат идеологические ошибки, что объясняется не только недостаточной идеологической вооруженностью некоторых научных работников, применением неправильной, антинаучной методологии, но и забвением отдельными научными работниками их патриотического долга, а также слабым развитием в среде университетских научных работников критики и самокритики. Научные работы перед их публикацией редко подвергаются глубокому и всестороннему обсуждению на кафедрах и на заседаниях ученых советов, а некоторые редакционные коллегии факуль-

[146] *Фрейденберг О. М.* Записки.

тетов проявляют иногда недостаточное внимание и безответственность, подписывая к печати недоброкачественные работы.

Все подобные отрицательные явления, даже если бы они представляли собою единичные случаи, не могут быть терпимы в нашем коллективе.

Для устранения указанных недостатков и для дальнейшего улучшения научной, учебной, воспитательной и научно-просветительской работы университета, приказываю:

1. Проводить на всех факультетах и кафедрах решительную борьбу с фактами низкопоклонства и раболепия перед буржуазной наукой и культурой со стороны отдельных ученых, организуя общественное осуждение подобных фактов.

2. На всех факультетах критически пересмотреть все учебные программы, независимо от того, кем они составлены, добиваясь в них единства методологических установок, правильной оценки роли русских и советских ученых, отражения достижений русской и советской науки, защиты научного приоритета русских и советских ученых, устранения каких бы то ни было элементов низкопоклонства и раболепия перед буржуазной наукой и культурой, перед всякой иностранщиной.

Итоги пересмотра программ обсуждать на Ученых Советах факультетов. После этого полный текст программ, с внесенными в них изменениями и в пригодном для типографского размещения виде, сдать через деканов проректору по учебной работе до 15 января 1948 года.

3. Ввести в общие курсы, читаемые на факультетах, разделы, посвященные развитию соответствующей отрасли науки в России и Советском Союзе, характеристике роли русской и советской науки и культуры в развитии мировой культуры.

4. Всем кафедрам критически пересмотреть в срок до 6 февраля 1948 г. учебники и руководства, рекомендуемые в учебных программах нашего университета. Вместе с тем обязать преподавателей, рекомендующих тот или иной учебник или учебное пособие, указывать студентам на имеющиеся в учебнике принципиальные, методологические, идеологические и фактические ошибки, — если только учебник вообще может быть рекомендован. Рецензии на действующие учебники и руководства, с указанием имеющихся в них ошибок, после обсуждения этих рецензий на заседаниях кафедр или ученых советов, представить мне.

5. Критически пересмотреть в срок до 1 мая 1948 года научную продукцию университетских ученых за последние годы и итоги такого пересмотра подробно обсудить на заседаниях кафедр и факультетских ученых советов. Деканам и директорам научно-исследовательских институтов — представить мне план реализаций настоящего пункта приказа.

6. До 1 января 1948 г. обсудить на кафедрах и, в необходимых случаях, на заседаниях ученых советов научные работы, представленные к печати до издания настоящего приказа.

7. Обязать кафедры обсуждать работы научных сотрудников университета до представления этих работ к печати, подвергая их принципиальной товарищеской критике, добиваясь устранения в них всех неправильных положений, идеологических и фактических ошибок. Обязать научную часть университета и редакционные коллегии всех университетских изданий не принимать книги и статьи к печати, если они не были подвергнуты обсуждению на кафедрах.

8. При составлении плана научно-исследовательских работ на 1948 год добиваться разработки учеными университета крупных научных вопросов, являющихся наиболее

актуальными в научно-теоретическом или практическом отношении, поощряя комплексный и коллективный метод изучения и разрешения научных вопросов.

9. В срок до 1 января 1948 г. пересмотреть всю тематику диссертаций, дипломных работ, студенческих научных кружков с точки зрения приближения ее к современным задачам развития советских научных школ, обобщения практики социалистического строительства, борьбы с реакционной буржуазной наукой, культурой и идеологией.

10. Обратить внимание на научных работников университета, выступающих официальными оппонентами на защитах диссертаций, на необходимость еще более тщательного анализа фактического содержания, методологических основ и идеологической направленности рецензируемых работ. Обязать деканов факультетов контролировать качество представляемых официальными оппонентами рецензий.

11. Проректору по научной работе профессору С. В. Калеснику представить мне на утверждение состав редакционных коллегий по всем факультетам (институтам). Собрать внимание редакционных коллегий на их исключительную ответственность за качество представляемых ими к изданию работ; рекомендовать редакционным коллегиям усилить внимание к подбору ответственных редакторов и рецензентов и к оценке идеологического содержания подготавливаемых к печати работ.

12. Обеспечить тщательный контроль за публикуемыми важными работами и выносимыми на научные конференции докладами с точки зрения сохранения государственной тайны.

13. Всем заведующим кафедрами добиваться всестороннего улучшения качества читаемых лекций и проводимых практических занятий, осуществляя систематический контроль и обсуждение лекций и занятий на кафедрах, уделяя особенное внимание вопросам идеологического содержания всех звеньев учебного процесса.

14. С целью усиления идеологической работы среди научных работников университета:

а) широко практиковать дискуссии по научным вопросам; в частности, в ближайшее время (до 1-го января 1948 г.) провести дискуссии по следующим темам:

"Проблемы советского литературоведения" (включая вопросы, связанные с отношением к наследию Александра Веселовского) — на филологическом факультете;

"О программах по общей биологии, генетике и дарвинизму" — на биологическом факультете;

"О роли личности в истории" — на историческом и философском факультетах (совместно);

б) обсудить на всех факультетах итоги философской дискуссии по книге Г. Ф. Александрова (в срок — до 6 февраля 1948 г.);

в) принять меры по привлечению в вечерний университет марксизма-ленинизма еще большего числа научных работников университета;

г) продолжать систематически проводить теоретические конференции по работам Ленина и Сталина.

15. Поставить в Лектории университета, а также на отдельных факультетах циклы лекций, посвященные истории развития русской и советской науки и техники. Проректору по научно-просветительской работе профессору Ю. И. Полянскому[147] представить мне до 1 декабря с. г. план таких лекций.

[147] Полянский Юрий (Георгий) Иванович (1904–1993) — протозоолог, доктор биологических наук, профессор биологического факультета ЛГУ, проректор ЛГУ, участник войны. После

16. Лекторию Университета обратить пристальное внимание на идейную направленность читаемых научными сотрудниками университета научно-популярных лекций.

17. На ученых советах всех факультетов вновь обсудить вопрос о роли профессорско-преподавательского состава в идейном, политическом и культурном воспитании студенчества, — в срок до 6 февраля 1948 года»[148].

Такой приказ был пострашнее дискуссий в центральной прессе — в университете начались проработки, парторганизация все больше оттесняла руководство кафедр и даже факультетов, принуждая перестраивать научную работу и учебный процесс. Обзор этих мероприятий осени 1947 г. дан в статье руководителя парторганизации Ленинградского университета А. А. Андреева и заведующего кафедрой новой истории восточного факультета Г. В. Ефимова, опубликованной в декабрьской книжке журнала Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) «Пропаганда и агитация». Филологическому факультету посвящены следующие строки:

«На филологическом факультете всё еще до конца не изжиты попытки истолковать явления русской литературы как результат влияния западноевропейской литературы, недостаточно пропагандируется борьба Белинского, Чернышевского и Добролюбова против низкопоклонства перед западной буржуазной культурой.

Парторганизация филологического факультета, в связи с постановлением ЦК ВКП(б) о работе журналов "Звезда" и "Ленинград", проделала большую работу, организовав ряд собраний научных работников, где были подвергнуты критике ошибки в работах отдельных профессоров факультета. Однако эти дискуссии и собрания носят еще эпизодический характер. На факультете еще не создан порядок, когда каждая работа подвергается широкому товарищескому обсуждению. Только этим можно объяснить такие факты, как появление брошюры академика В. Ф. Шишмарева об Александре Веселовском, справедливо раскритикованной в выступлении А. А. Фадеева, статьи проф[ессора] Б. Г. Реизова "О драматической трилогии А. К. Толстого", в которой автор как бы задался целью показать, что у А. К. Толстого нет ничего оригинального, все заимствовано. <...>

Нельзя было дальше терпеть подобное положение вещей. Все эти вопросы были обсуждены на партийном собрании. Была принята развернутая программа действий. Ректор издал специальный приказ, обязывающий кафедры всех факультетов пересмотреть все программы курсов и отразить в них и в читаемых курсах достижения русской и советской науки»[149].

О том, как проходили "обсуждения" деятельности трех профессоров филологического факультета, можно судить по отзыву О. М. Фрейденберг:

августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. обвинен в менделизме-морганизме, уволен из ЛГУ, лишен кафедры в ЛГПИ, был вынужден уехать на три года в Заполярье заведующим лабораторией зоологии и паразитологии Мурманской биологической станции, где работал до осени 1951 г.; затем преподавал в Институте физической культуры имени П. Ф. Лесгафта, в ЛГУ смог вернуться только в 1953 г. Впоследствии член-корреспондент АН СССР (1979), РАН (1991).

[148] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. 1947. Ноябрь. Л. 77–86. Публикуется текст в окончательной редакции.

[149] *Андреев А. А., Ефимов Г. В.* Идеологическая работа среди научных работников Ленинградского государственного университета // Пропаганда и агитация: Журнал Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б), Л., 1947. № 23. 15 декабря. С. 31–32.

«В назначенный день собрался полный зал партийцев. “Проверяли” меня, Проппа и Долинина, трех подозрительных (по-видимому) профессоров. Доклад делал партийный калиф на час, а мы — содоклады по 10 минут. Все было плоско, убого, элементарно. Но дернула меня нелегкая сказать, что антагонизм формы и содержания при социализме исчезает. Вдруг выскочил Берков, заявив, что это неверно. В зале стояла угрожающая затаенность. “Вот шкурник и перестраховщик!” — думала я. — “Товарища топить, беспартийного, чтоб показать свою ортодоксию!” Зал ждал сигнала. Один за другим начали лягать меня. Уже надо мной нагнетались политические тучи. Я была “выявлена”. Тогда я рассердилась на этих моллюсков, встала вторично. Ждали покаяния, но я сказала: “Как угодно, но я вынуждена настаивать. Вы смешиваете антагонизм с отставанием». Потом партийный “судия” стал раздавать всем нам “отметки”. И что же? Оказалось, что Берков и все нападавшие были неправы и “допустили политическую ошибку”, а я “учуяла близость истины”. Так я была спасена от травли и крупных политических последствий, благодаря одному слову “отставание”. Все партийцы наперебой пожимали мне руки и заискивали во мне, — даже мои изобличители.

А в это же самое время к нашей дворничихе Нюре, безграмотной и темной, приходила агентша НКВД и спрашивала Нюру, нет ли у меня связей с заграницей <...>. Всю ночь я не спала. Мой мозг сверлило: где, в каком государстве спрашивают о профессоре у дворника, не шпион ли этот профессор, которому вверено образование молодежи? Где, в какой стране, государство наводит справки важнейшего значения о своих ученых — у дворника»[150].

Кроме того, что профессора и работники кафедр должны были отчитываться перед своими партийными коллегами, они писали и отчеты для вышестоящих инстанций. О. М. Фрейденберг упоминает о том, что подобные отчеты делались в том числе и для высшего партийного учебного заведения, основанного 2 октября 1946 г. — АОН при ЦК ВКП(б):

«Был создан специальный журнал для травли отдельного человека, “Культура и жизнь”. <...> Затем организовали Академию общественных знаний, специальное гестапо по науке. В самом деле, а кто же будет устраивать слежку и душить произносящих лекции? <...> И вот, предметом занятий “отделов” и “секций” этой Академии оказалась не сама наука, не сама специальность, а преподавание специальности, занятия наукой кафедрами вузов. По крайней мере, в деканат пришла циркулярная бумага со штампом Академии о сведениях по кафедре классической филологии: кто читает на кафедре, что читают, как читают, где печатаются, с точным указанием органа, года, тома, страницы.

Наша политическая система создала хорошую традицию: обвиняемый сам предоставляет следственным властям все улики против себя, с точным указанием документации. Утаит что-либо, пострадает еще больше»[151].

ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ ОБСУЖДАЮТ ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦК ПО «ДЕЛУ КР»

30 июля 1947 г. бюро Ленинградского горкома ВКП(б) приняло постановление «О проведении партийных собраний в научно-исследовательских институтах по обсуждению закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина».

[150] *Фрейденберг О. М.* Записки.
[151] *Фрейденберг О.* Будет ли московский Нюрнберг? С. 153–154.

К 10 сентября, как свидетельствует отчет горкома в ЦК ВКП(б), было проведено 95 таких «чтений»[152].

17 сентября очередь дошла до Института литературы Академии наук СССР:

> «Большинство собраний по обсуждению закрытого письма проходило по стандартному сценарию. Обычно собрание продолжалось два дня. Первый день открывался вступительным словом секретаря соответствующего парткома, который затем целиком зачитывал брошюру. Не следующий день собравшиеся задавали вопросы и выражали свое мнение о деле»[153].

Но поскольку парторганизация Пушкинского Дома была не настолько велика, то собрание удалось ограничить одним днем. Письмо зачитал инструктор райкома ВКП(б), Представители авангарда советского литературоведения сразу поняли основной смысл «Закрытого письма ЦК», что отразилось в их выступлениях. Приведем некоторые:

> «ГОРОДЕЦКИЙ Б. П. — Огромной важности вопросы, поставленные ЦК ВКП(б) в своем закрытом письме о деле профессоров Роскина и Ключевой — сказал в своем выступлении Б. П. Городецкий — имеют самое прямое и непосредственное отношение ко всей исследовательской и пропагандистской работе на фронте советской науки, ко всему советскому литературоведению в целом, к деятельности нашего института и к научно-исследовательской работе каждого из нас. Эти вопросы продолжают и развивают ту же мудрую политическую линию, какую партия наметила в известных постановлениях ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве и в докладе тов. А. А. Жданова о литературных журналах "Звезда" и "Ленинград". Особенно большое значение поставленные ЦК ВКП(б) вопросы — о нашем отношении к западной культуре и о выявлении и утверждении истинного мирового значения русской национальной и советской социалистической литератур — имеют в плане постановки и разрешения целого ряда проблем, относящихся к области изучения великого наследия русской классической литературы. В свете этого необходимо указать на те важнейшие и первоочередные задачи, которые встают перед советским пушкиноведением. Несмотря на большую работу, проделанную советским пушкиноведением в деле изучения наследия Пушкина, здесь предстоит еще огромная работа, направленная на очищение имени и творчества величайшего русского поэта от той наносной шелухи, которая накопилась более чем за сто лет изучения наследия Пушкина и которая еще до сих пор мешает до конца оценить ту роль, какую сыграл Пушкин в деле становления и расцвета русской национальной культуры. Ложные методологические установки части старого дореволюционного пушкиноведения, обусловленные, с одной стороны, явной недооценкой русской национальной культуры и, с другой стороны, некритическим преклонением перед западной культурой, — привели к тому, что целый ряд исследователей прошлого только и занимались тем, что выискивали в творчестве величайшего русского поэта следы западных литературных влияний, даже и в тех случаях, где их явно не было и не могло быть, раздергивая тем самым Пушкина буквально на кусочки и соотнося каждый кусочек к тому или иному западному "источнику"»[154].
>
> «МЕЙЛАХ Б. С. — Письмо Центрального Комитета ВКП(б) имеет колоссальное общегосударственное значение. В этом письме глубоко вскрыт политический смысл низкопоклонства перед западом и анализируются исторические и социальные

[152] *Кременцов Н. Л.* В поисках лекарства против рака: Дело «КР». СПб., 2004. С. 164.
[153] Там же.
[154] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034. Оп. 1. Д. 6. Л. 43–44.

корни вредного, неправильного, антипатриотического понимания вопроса о взаимоотношении русской и западной культур. Это письмо подчеркивает, что проблема патриотизма имеет сейчас огромное значение. Нельзя забывать о том, что борьба двух миров — социализма и капитализма — в настоящее время принимает все более и более острые формы.

В литературоведении имеется немало фактов, свидетельствующих о том, что преклонение перед западной буржуазной культурой, непонимание подлинной всемирной роли русской культуры и науки имеет место. В этой связи характерна статья Белецкого "Русская наука о литературах Запада", игнорирующая проблему двух классовых культур внутри каждой культуры. Автор одной из главных заслуг русской культуры считает то, что она шагала в ногу с западной. Нет в этой статье партийного, классового анализа[155].

Мы должны сделать все выводы из письма ЦК ВКП(б) и решительно вытравить из литературоведения такого рода, как у Белецкого, подход к рассмотрению русской и зарубежной культур.

Мы должны продолжать критику наших сотрудников, которую мы развернули в прошлом году, после решений ЦК партии о литературе, при разборе извращений в работах Эйхенбаума, Гуковского и других наших сотрудников. Тогда мы посвятили ряд заседаний критическому разбору книг и статей сотрудников и эта критика была нужной и полезной. Мы не должны понимать зачитанное нам письмо ЦК как призыв к кратковременной кампании. Речь идет о глубокой перестройке нашей науки и о систематической критике извращений, которые содержатся во многих работах [как] дореволюционных, так и последнего времени.

Необходимо, чтобы патриотический подход к вопросам культуры пронизывал отношение ко всем, без исключения, областям нашей деятельности. Приведу частный пример. До последнего времени книги, издаваемые в Академии, имели контртитул на иностранном языке, и такое же резюме. Но спрашивается — почему зарубежные книги не имеют резюме на русском языке?

Отсутствием анализа классовых корней также объясняется зачастую низкопоклонство перед западом в литературоведении. Когда, например, Гуковский в книге о Пушкине стирает принципиальную разницу между Пушкиным, романтизм которого имеет русские корни, и Жуковским, эстетика которого выросла на почве немецкого идеализма, то он игнорирует также и социальное различие мировоззрения Пушкина и Жуковского. <...>

Литература о Пушкине засорена низкопоклонством, нужно подвергнуть ее критике. Нужно еще раз внимательно обсудить работы о Пушкине, подобно тому, как мы недавно обсудили книгу о нем Гуковского.

Самобытность, оригинальность русской культуры нужно раскрывать не общими фразами, а путем глубокого анализа. Наконец, нужно разоблачать писания зарубежных литературоведов, извращающих русских классиков. Наш отдел уже начал подготовку к критическому публичному разбору вышедших за последнее время иностранных книг о русской литературе. Наш отдел новой русской литературы готовит ряд заседаний,

---

[155] За эту статью А. И. Белецкий был побиваем многократно. В 1950 г. заместитель заведующего кафедрой теории и истории литературы АОН при ЦК ВКП(б) В. В. Новиков (1916–2005, в 1984 г. избран членом-корреспондентом АН СССР) направил секретарю ЦК М. А. Суслову письмо, в котором подробно разобрал статью этого «типичного буржуазного ученого», а проверявший В. С. Кружков написал в своем заключении: «Сообщаемые т. Новиковым данные о грубых ошибках и извращениях, содержащихся в работах т. Белецкого, полностью подтверждаются» (Сталин и космополитизм. С. 578–586).

на которых будут подвергнуты резкой критике книги о русских писателях, вышедшие недавно в Англии, Франции и Америке, искажающие великую русскую культуру. Несомненно, что задачи, выдвигаемые в письме ЦК ВКП(б), должны быть реализованы в постоянной повседневной практике нашей работы»[156].

«БУШМИН [А. С.] — Тов. Бушмин в своем выступлении отметил, что иногда наши литературоведы в своих печатных и устных выступлениях прибегают к нарочитому усложнению формы выражения, к излишнему перенасыщению языка иностранными словами. Можно сказать, что такие литературоведы объективно следуют худшей манере иностранных ученых, например, немецких, которые аристократизмом формы изложения стремились отгородить науку от народа.

Уместно вспомнить руководящие указания великого Ленина. Он выступал против засорения русского языка иностранщиной. Говоря о могучем русском языке, Ленин упомянул имена Тургенева, Добролюбова, Чернышевского, отличавшихся прозрачностью своего стиля.

Ленин и Сталин, говоря о самых сложных формах и самых научных вопросах, всегда умели облечь это в форму, доступную миллионам.

Наши ученые литературоведы должны следовать лучшим традициям русского языка, должны следовать примеру Ленина и Сталина, должны учиться писать о самом нужном для народа и в самых доступных для народа формах»[157].

«ПЛОТКИН Л. А. — Письмо ЦК ВКП(б) имеет огромное значение для решения важнейших проблем нашей литературоведческой науки — сказал в своем выступлении Л. А. Плоткин. — Если прямых антипатриотических поступков, вроде поступков Роскина и Клюевой, у нас в институте не было, то в насаждении вредных тенденций — низкопоклонства — литературоведение повинно в немалой степени. Возьмите старое литературоведение. Главный смысл своей работы старые ученые видели в том, чтобы обязательно выяснить, у кого на Западе учился тот или иной классик. <...>

И неудивительно, что в прошлом могли появляться такие книги, как "Западное влияние в русской литературе" Алексея Веселовского, сплошь построенная на восхвалении запада и принижении всей русской литературы. Такие концепции восходят к одному методологическому источнику. Этот источник — компаративизм, сравнительно-историческая школа.

Советское литературоведение немало сделало для раскрытия величия и самобытности русской литературы. Но еще недавно у некоторых наших литературоведов мы встречали некритическое пользование методологией компаративизма с ее буржуазным космополитизмом и идеей безнационального существования литературы. Это относится к Эйхенбауму, Алексееву, Томашевскому.

Нам надо, опираясь на учение Ленина и Сталина о национальной культуре, решительней бороться с методологией компаративизма. Особое внимание следует уделить проблеме исторического своеобразия русской литературы. Нашим секторам надо подробно обсудить книги, вышедшие недавно и подготовленные к печати и особенно книги Проппа, Азадовского — под углом зрения указаний ЦК ВКП(б)»[158].

«ПАПКОВСКИЙ Б. В. — В условиях нашего института, — сказал Б. В. Папковский, — необходимо вести борьбу с тенденциями низкопоклонства перед иностранщиной

[156] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (парторганизация ИЛИ АН СССР). Оп. 1. Д. 6. Л. 44–45.
[157] Там же. Л. 45–46.
[158] Там же. Л. 46–47.

путем подъема уровня всей идеологической работы нашей парторганизации. Необходимо неустанно воспитывать всех научных сотрудников института в духе боевого, воинствующего советского литературоведения. Нужно, во-первых, развернуть критику современного реакционного буржуазного литературоведения на Западе и в Америке. Во-вторых, разоблачать остатки формализма и сравнительно-исторической школы в работах некоторых наших ученых. Известно, что эти реакционные направления в литературоведении были в значительной мере привнесены с запада. В-третьих, серьезно заняться разработкой проблем своеобразия и национальных особенностей русской литературы в свете учения Ленина — Сталина.

В письме ЦК ВКП(б) отмечается, что в институте, где работали Роскин и Клюева, была плохо поставлена партийно-политическая работа. Из письма ЦК ВКП(б) нам нужно сделать главный и основной вывод о том, что требуется обратить самое серьезное внимание на всемерное усиление в стенах института политико-воспитательной работы. Теоретические конференции по работам классиков марксизма-ленинизма, и, в первую голову, по сталинским трудам, входящим в собрание сочинений И. В. Сталина; доклады и лекции по вопросам международного положения СССР и по отдельным проблемам марксистско-ленинской теории; организация широкого обсуждения материалов философской дискуссии — вот некоторые из форм политической работы, которые мы должны применить в ближайшее время»[159].

Естественно, что инструктора райкома Е. В. Александрова удовлетворила столь здравая оценка литературоведами партийного документа:

«Обсуждение письма ЦК ВКП(б) в вашей парторганизации прошло на высоком идейно-политическом уровне.

Нам нельзя забывать, что наша страна находится в капиталистическом окружении и к нам всегда будут пытаться засылать шпионов. Поэтому где бы мы ни работали, об этом надо помнить, что вражеская разведка может втянуть нас в то или иное дело. Надо проявлять бдительность, осторожность в личных общениях и передаче материалов»[160].

Принятая единогласно резолюция начиналась следующими словами:

«Заслушав и обсудив закрытое письмо Центрального Комитета ВКП(б) по делу Роскина и Клюевой, партийное собрание Института Литературы считает его выдающимся партийным документом, связанным с вопросами идеологической работы. Решение ЦК ВКП(б) имеет прямое отношение и к работникам советской литературы и литературной науки»[161].

Представитель Василеостровского райкома ВКП(б) не зря завел речь о шпионах, поскольку главным следствием «дела КР» стало подписание 9 июня 1947 г. указа Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и утрату документов, содержащих государственную тайну», опубликованного 16 июня в «Ведомостях Верховного Совета СССР». Месяц спустя «Ленинградская правда» посвятила разбору этого указа статью «Свято хранить государственную тайну»:

«Бдительно охранять завоеванный мир и созидательный труд советского народа — одна из боевых и важнейших наших задач. <...> Нужно помнить, что с окончанием войны подрывная деятельность иностранных разведок ни в какой мере не ослабляется.

---

[159] ЦГАИПД СПб. Ф. 3034 (парторганизация ИЛИ АН СССР). Оп. 1. Д. 6. Л. 47.
[160] Там же.
[161] Там же. Л. 48.

Известно, что даже буржуазные государства, являющиеся однотипными по своему характеру, постоянно засылают друг к другу шпионов, диверсантов, террористов и убийц. Еще более активно действуют капиталистические разведки против советской страны, всячески пытаясь подорвать ее военную и экономическую мощь.

Вот почему в современных условиях требуется максимальное повышение революционной бдительности. Исключительно важное значение для обеспечения безопасности нашей страны имеет строжайшее соблюдение каждым советским человеком государственной тайны»[162].

Постепенно эти настроения распространились повсеместно, и в конце 1947 г. уже министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов отмечал:

«Среди некоторой части научных работников высших учебных заведений еще не изжито низкопоклонство перед иностранными учеными, имеет место игнорирование приоритета русских ученых. Еще не изжито у отдельных работников высшей школы стремление опубликовывать свои работы за границей, чем наносится ущерб интересам советской науки»[163].

Именно по этой причине, как упоминает в своих записках О. М. Фрейденберг, сильно затруднился доступ к иностранным печатным изданиям:

«Иоанн Грозный — наш политический идеал. Петр Великий попал в крамольники, поскольку прорубил окно в Европу. Оживлен полицейский панславизм. Да что! Это держат в секрете, но этой зимой (1947/48 гг. — *П.Д.*) появилось тайное распоряжение не выдавать работникам науки никакой заграничной научной литературы, даже старой. Были составлены тайные списки, кому выдавать можно (например, западникам, классикам), но фамилии попавших тщательно "проверялись". Затем нас секретно "инструктировали", что иностранной литературой нужно пользоваться только отрицательно: разоблачать, полемизировать и т. д.»[164]

26 сентября собрание по закрытому письму ЦК было проведено в Доме писателя имени Маяковского. В этот день на собрании парторганизации ЛО ССП присутствовало 63 писателя-коммуниста и 9 кандидатов, а также заведующий отделом печати горкома ВКП(б) В. П. Друзин и представитель райкома. Партсобрание продолжалось почти четыре часа:

«После зачтения текста закрытого письма тов. Ершов дополняет это письмо, рассказывая о низкопоклонстве ученых Клюевой и Роскина, приводит факты, свидетельствующие о том, что Клюева и Роскин отдали в Америку рукопись своей книги о своих 15-летних изысканиях в области борьбы с заболеванием — раком, одной из тяжелейших и губительнейших болезней. Этот их позорный поступок дал в руки американских монополистов ценнейшее советское изобретение, лишив тем самым Советский Союз приоритета. Тов. Ершов призывает писателей-коммунистов обсудить письмо ЦК ВКП(б) и вскрыть в своих выступлениях факты низкопоклонства еще имеющиеся среди писателей»[165].

---

[162] *Диульский А.* Свято хранить государственную тайну // Ленинградская правда. Л., 1947. № 165. 17 июля. С. 2.

[163] О мероприятиях по улучшению научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях: Приказ Министра высшего образования СССР № 1794 от 3 декабря 1947 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1948. № 1. Январь. С. 4.

[164] *Фрейденберг О.* Будет ли московский Нюрнберг? С. 154.

[165] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 1. Д. 24. Л. 47.

«Друзин (зав. сектором печати Горкома ВКП (б)) говорит о тяжком преступлении ученых Клюевой и Роскина, которые унизили достоинство советских людей и продали свою честь за мелкие подачки американских разведчиков; прельстившись комплиментами и похвалами Клюева и Роскин не постеснялись послать в Америку рукопись своей книги для издания. Советское изобретение уплыло за границу, стало достоянием американских капиталистов, которые теперь извлекут все выгоды из него и запатентуют как изобретение американское»[166].

Выступления писателей-коммунистов (Л. Т. Браусевича, В. К. Кетлинской, А. Г. Розена, Д. А. Щеглова и др.) были громкими, но без переходов на личности; из выступавших лишь Е. И. Катерли упомянула одного из литературоведов, отметив, что «Эйхенбаум принизил значение Толстого»[167].

Но когда И. Г. Колтунов прочитал проект заготовленной заранее резолюции, раздались предложения почтить в ней поименно некоторых историков литературы. Уточнения были внесены в проект резолюции единогласно. Но пока фамилии были упомянуты лишь в преамбуле, а не в резолютивной части:

«Заслушав и обсудив закрытое письмо ЦК ВКП(б) по делу профессоров Клюевой и Роскина собрание парторганизации Лен[инградского] отделения Союза советских писателей осуждает антигосударственный и антипатриотический поступок профессоров Клюевой и Роскина и одобряет решение суда чести при Министерстве здравоохранения.

Партийное собрание отмечает огромное политическое значение этого письма в деле борьбы против низкопоклонства перед растленной буржуазной культурой, имеющего место среди отсталой части интеллигенции в деле дальнейшего укрепления советского патриотизма. Исключительно велико значение этого письма и для советской литературы, в частности, — для ее ленинградского отряда. Оно мобилизует писателей-коммунистов на борьбу за окончательное преодоление в литературе безыдейности, беспринципности, аполитичности.

Еще в докладе о журналах "Звезда" и "Ленинград" товарищ А. А. Жданов призывал ленинградских литераторов к тому, чтобы вытравить низкопоклонство перед мещанско-буржуазной литературой запада в ленинградских журналах. Письмо ЦК ВКП(б) по делу профессоров Клюевой и Роскина вновь подчеркивает огромные задачи, стоящие перед работниками идеологического фронта, указывает на ответственность каждого советского интеллигента, советского литератора, перед своим народом, государством, партией.

Отмеченные печатью за последнее время проявления низкопоклонства перед западом в работах ленинградских литературоведов Б. М. Эйхенбаума, М. П. Алексеева, М. К. Азадовского, Проппа, Шишмарева, некоторые произведения писателей Ягдфельда[168], Гора[169], Острова[170] свидетельствуют о том, что предстоит еще упорная борьба

---

[166] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 1. Д. 24. Л. 48.

[167] Там же. Л. 52.

[168] Ягдфельд Григорий Борисович (1908–1992) — детский писатель, драматург и сценарист; его пьеса «Дорога времени» была упомянута в постановлении 1946 г., а стенограмма заседания Оргбюро ЦК от 9 августа 1946 г. фиксирует неоднократные выпады И. В. Сталина в адрес писателя.

[169] Гор Геннадий Самойлович (1907–1981) — поэт и прозаик, выпускник литературного отделения факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ; «отмечен» постановлением 1946 г. за повесть «Дом на Моховой»; с начала 1960-х гг. перешел к жанру фантастики, в котором получил значительную известность.

[170] Остров Дмитрий Константинович (наст. ф. Островсаблин; 1906–1971) — прозаик. В 1935 г. арестован, осужден по ст. 58–10 и сослан на три года в Красноярский край; также

за ликвидацию всяких извращений в этой области, а также в деле повышения идейного уровня всех других отрядов нашей литературы.

Исходя из этого партийное собрание ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. В целях реализации задач, сформулированных в письме ЦК, усилить политико-воспитательную работу среди писателей путем организации для них семинаров и теоретических конференций, организации лекций и докладов, разоблачающих упадок и разложение буржуазной культуры, убожество буржуазной мысли и утверждающих превосходство марксистско-ленинской идеологии над буржуазной, превосходства нашей советской культуры над буржуазной.

2. Работу всех секций Союза построить на основе дальнейшего развертывания критики и самокритики, борьбы против низкопоклонства перед заграницей, против безыдейности. При обсуждении творческих планов и отчетов писателей, особое внимание обращать на разработку ими тем советского патриотизма и на разоблачение буржуазных теорий расового превосходства и господства, распространяемых американскими и английскими империалистами, на борьбу со всеми проявлениями буржуазной идеологии.

3. Предложить партийной части редакции журнала “Звезда” обеспечить систематическое отражение этих тем и проблем на страницах журнала.

4. Включить в план бюро пропаганды художественной литературы доклады и литературные вечера на темы о советском патриотизме в нашей литературе и о распаде и разложении литературы капиталистических стран.

5. При разработке издательских планов на 1948 г. обеспечить выдвижение, в первую очередь, тем, показывающих превосходство советской демократии над антинародной буржуазной демократией и величия и доблести советских людей.

6. Предложить секции переводчиков подготовить серию докладов для писателей и интеллигенции Ленинграда о разложении современной буржуазной литературы»[171].

Собрание парторганизации Ленинградского университета по поводу Закрытого письма ЦК было проведено 24 сентября в актовом зале Ленинградского краснознаменного военно-политического училища имени Ф. Энгельса на Съездовской линии; письмо зачитал секретарь Василеостровского райкома Г. В. Нестеров, председательствовал на собрании 1-й заместитель секретаря парткома ЛГУ С. С. Деркач[172].

ПУШКИНСКИЙ ДОМ ВСТРЕЧАЕТ 30-ЛЕТИЕ ОКТЯБРЯ

Пушкинский Дом не мог стоять в стороне от всесоюзных торжеств: с 15 октября по 5 ноября 1947 г. там проходила Юбилейная научная сессия. На сессии было запланировано чтение 30 докладов, из которых газета «Вечерний Ленинград» анонсировала следующие: «Историческое значение советской литературы» академика П. И. Лебедева-Полянского, «Партия и литература» Л. А. Плоткина, «В. И. Ленин и традиции советской

упомянут в постановлении 1946 г., впоследствии обвинялся в «подражании реакционному писателю Хемингуэю», в 1949 г. был причислен к писателям-космополитам.

[171] ЦГАИПД СПб. Ф. 2960 (Парторганизация ЛО ССП). Оп. 1. Д. 24. Л. 62–64.

[172] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 188. Л. 43, 52. Протокол этого партсобрания до сих пор недоступен для исследователей.

литературы» Б. С. Мейлаха, «Народные певцы советской эпохи» члена-корреспондента Академии наук В. М. Жирмунского и «Изучение жизни и творчества А. М. Горького за 30 лет» В. А. Десницкого[173].

25 октября Ленинградское радио сообщало об одном из важнейших заседаний:

«В Пушкинском Доме проходит юбилейная научная сессия Института литературы Академии наук Союза ССР, посвященная 30-летию Великого Октября.

Сегодня на заседании Сектора новейшей русской литературы с докладом на тему "Иосиф Виссарионович Сталин и традиции русской революционной поэзии" выступил кандидат филологических наук Эвентов.

Опубликованные за последнее время сочинения товарища Сталина подчеркивают значение, которое Иосиф Виссарионович на разных этапах своей деятельности придавал революционной поэзии. Исполнение революционных песен было характерной чертой митингов и демонстраций, организатором которых в 1900–1901 годах являлся товарищ Сталин. К песенному фольклору обращался Иосиф Виссарионович и в своей публицистической деятельности. Товарищ Сталин видел в песне средство выражения революционных настроений масс. Отдельные произведения революционно-демократической поэзии он включал в свой политический арсенал, вводил в прокламации и листовки, освещал их ярким светом большевистской мысли. Высказывания Иосифа Виссарионовича о революционной поэзии представляют большой научный интерес для исследователей русского революционного фольклора»[174].

Завершалась Юбилейная сессия заседанием Ученого совета Института литературы (4–5 ноября), кульминацией которого стал торжественный вечер 5 ноября, где с докладом об историческом значении советской литературы выступил московский гость — директор Пушкинского Дома академик П. И. Лебедев-Полянский. После заседания был устроен торжественный банкет.

Еще заранее Б. М. Эйхенбаум, как любитель стихотворных экспромтов, подготовил несколько дружеских куплетов, адресованных коллегам[175]. Однако благостное настроение присутствующих было омрачено выступлениями ораторов, прозвучавшими перед банкетом — в официальной части. Спустя два дня Б. М. Эйхенбаум запишет в дневнике:

«5-го вечер в Институте. Ужасный доклад Жирмунского о Казахских акынах — со слюнями, с низкопоклонством, с газетными фразами:

Наслушался я ныне об акыне:
Уж так и быть — акыном стану ныне!»[176]

ОСУЖДЕНИЕ АКАДЕМИКА В. В. ВИНОГРАДОВА

Хотя настоящая работа посвящена преимущественно проблемам идеологического воздействия на литературоведение (политическая история советского языкозна-

[173] Юбилейная научная сессия литературоведов: (В Пушкинском Доме) // Вечерний Ленинград. Л., 1947. № 242. 15 октября. С. 3.

[174] ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Ленрадиокомитет). Оп. 2. Д. 2539. Л. 86. Последние известия, 25 октября 1947 г. (21:43–21:59).

[175] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 42 об. (на В. А. Десницкого); Л. 43–43 об. (на Г. А. Бялого); Л. 43 об. (на В. М. Жирмунского).

[176] Там же. Л. 44.

ния интересующего периода рассмотрена В. М. Алпатовым[177]), мы не можем обойти вниманием кампанию против академика В. В. Виноградова, работы которого находятся на пересечении языкознания и литературоведения, а личность его является ключевой для советской филологической науки.

В 1947 г. в Ленинграде тиражом 75 тыс. экземпляров вышел фундаментальный труд В. В. Виноградова «Русский язык»[178]. Большой тираж объяснялся тем, что книга была рекомендована в качестве пособия для вузов страны. Вскоре Ученый совет Московского университета, под грифом которого была издана книга, удостоил автора премии имени М. В. Ломоносова.

Однако успех этой фундаментальной работы вскоре был развенчан. 29 ноября 1947 г. «Литературная газета» поместила статью двух соратников, бывших конструктивистов Б. Н. Агапова и К. Л. Зелинского под вполне однозначным заглавием «Нет, это — не русский язык!».

Чтобы дать представление о ее содержании, приведем выдержки из нее:

> «Мы беремся утверждать, что книгу проф[ессора] Виноградова, которая называется “Русский язык”, не смогут прочесть целиком не только рядовые русские читатели, но и сами профессора (кроме разве узких специалистов-лингвистов). Она написана таким заумным языком, что целые страницы ее понять просто невозможно. Во всяком случае, для чтения этой работы о русском языке должен быть издан специальный словарь иностранных слов. А ведь книга издана массовым тиражом в семьдесят пять тысяч и рекомендована для студенчества Министерством высшего образования СССР. К книге В. Виноградова полностью относятся слова, когда-то сказанные Лениным: “Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить ‘дефекты’, когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?..”»[179].

Особый слог, вообще свойственный ленинградским формалистам, в среде которых произошло становление В. В. Виноградова как ученого, был лишь мелочью:

> «За языковой одеждой с иностранного плеча у проф[ессора] Виноградова, к сожалению, кроется и нечто худшее. С трудом продираясь к смыслу сквозь частокол иностранных слов, большей частью употребляемых без всякой необходимости, сквозь перекрученные “академические” фразы, читатель начинает отмечать и вообще необыкновенное почтение профессора Виноградова ко всему иностранному и необъяснимую его заботу о том, чтобы доказать первенство иностранных ученых перед русскими даже в самых малозначительных случаях»[180].

Но авторы не остановились на обвинении его в низкопоклонстве; они уличили В. В. Виноградова в ущербном толковании языка классиков иного полета:

> «Можно привести из книги Виноградова множество примеров поразительно неуклюжего, глухого к живому смыслу слов обращения с цитатами из русских писателей, классических и современных. Но особенно возмущает читателя то, как проф[ессор]

---

[177] *Алпатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.

[178] *Виноградов В. В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове) / Утверждено Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для высших учебных заведений. М.; Л., 1947. Отпечатано в Ленинграде.

[179] *Агапов Б., Зелинский К.* Нет, это — не русский язык!: О книге проф. В. Виноградова // Литературная газета. М., 1947. № 59. 29 ноября. С. 3.

[180] Там же.

Виноградов толкует "грамматические" примеры, почерпнутые из произведений Ленина и Сталина»[181].

Завершал статью следующий возглас:

«Книгу же проф[ессора] Виноградова с ее преклонением перед иностранщиной и лжеакадемической тарабарщиной мы не можем считать русской книгой о русском языке!»[182]

Выход в свет такой статьи не мог произойти спонтанно. Виктор Владимирович Виноградов — декан филологического факультета МГУ, профессор Ленинградского университета, действительный член Академии наук СССР. Титул академика давал в те годы значительные преференции, среди которых был и некоторый иммунитет от критики. Но в данном случае не помогло и звание академика (авторы не случайно не упоминают об этом, называя его только профессором, здесь они следуют примеру А. А. Фадеева, который именно таким же образом критиковал «профессора В. Ф. Шишмарева»). Место публикации статьи — «Литературная газета», а также суть обвинений, главное из которых — низкопоклонство, вкупе с безапелляционностью ругательного текста создают впечатление, что статья была санкционирована (если не инспирирована) тем же А. А. Фадеевым. Кроме того, эта статья косвенно ударяла по позициям Министерства высшего образования СССР во главе с С. В. Кафтановым, рекомендовавшим книгу в качестве учебника.

Любая подобная статья традиционно порождала цепочку мероприятий — от обсуждений до откровенных проработок. Не избежал этой череды событий и академик Виноградов. Статья была обсуждена на филологическом факультете МГУ и Институте русского языка АН СССР[183].

Отношение к В. В. Виноградову, в основном в силу его личных качеств, в Ленинграде было довольно неприязненным; особенно это проявилось после переезда Виктора Владимировича в Москву и избрания в 1946 г. академиком (при поддержке А. А. Вознесенского, а также благодаря И. И. Мещанинову и Н. С. Державину, минуя звание члена-корреспондента)[184].

---

[181] *Агапов Б., Зелинский К.* Нет, это — не русский язык!: О книге проф. В. Виноградова // Литературная газета. М., 1947. № 59. 29 ноября. С. 3.

[182] Там же.

[183] После волны проработок наступило некоторое затишье, но меньше чем через год, после августовской сессии ВАСХНИЛ, они продолжились с новой, сокрушительной силой; в результате травли В. В. Виноградов был вынужден в сентябре 1948 г. оставить пост декана филологического факультета МГУ, а приказом от 14 сентября 1948 г. он был уволен с должности профессора кафедры русского языка ЛГУ.

Тогда же В. В. Виноградов признавался виновником печального положения, сложившегося на филологическом факультете МГУ: «Отсутствие учебников, вскрывающих с партийных позиций идеалистические теории как в лингвистике, так и в литературоведении, вредит делу воспитания студентов-филологов <...>. Ответственность за подобное положение на филологическом факультете ложится, прежде всего, на деканат и его бывшего руководителя академика Виноградова» (*Матвеев К.* Нам нужны марксистские учебники: Когда ученые филологического факультета выполнят свой долг? // Московский университет. М., 1948. № 39. 23 октября. С. 4).

[184] См.: *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. С. 359–360 (В. В. Виноградов обозначен криптонимом «В-в»); подобная точка зрения сформировалась и в Москве — см.: *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти. С. 107, 172, 189.

Но высочайший профессиональный уровень В. В. Виноградова, его фундаментальные труды на стыке литературоведения и языкознания сделали его к середине 40-х гг. ведущим специалистом в стране в области русского литературного языка. И если свойства личности В. В. Виноградова могут быть предметом дискуссии, то его научные достоинства кажутся неоспоримыми.

Но когда вслед за Москвой очередь прорабатывать В. В. Виноградова дошла и до Ленинграда, особенной бойни не вышло, хотя градус критики тут был выше московского.

Организатором проработки В. В. Виноградова в Ленинграде стал Ф. П. Филин, который, по примеру философской дискуссии по книге Г. Ф. Александрова, инициировал проведение в Ленинграде дискуссии по книге В. В. Виноградова. Именно подготовке предстоящей двухдневной дискуссии было посвящено 19 декабря собрание парторганизации Института языка и мышления имени Н. Я. Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР, партячейки которых в то время были объединены в одну парторганизацию.

Основной доклад делал член партбюро ИЯМа Ф. П. Филин:

> «Методологические установки В. В. Виноградова, данные им в предисловии, совершенно чужды маркс[изму]-ленинизму. Это же относится ко всей книге, хотя она и имеет большую научную ценность.
>
> Докладчик отмечает также, что акад[емик] Виноградов предпочитает иностранных лингвистов русским, что особенно проявляется в ссылках, тщательно указывающих работы иностранных ученых, и небрежно русских. Отчетливо выступает методологическая беспринципность ак[адемика] Виноградова также в подборе иллюстративного материала»[185].

Хотя «вопросов к докладчику не было», несколько лингвистов-коммунистов выступили в прениях:

> «С. Г. БАРХУДАРОВ — отмечает, что его оценка книги В. В. Виноградова “Русский язык” совпадает с той оценкой, которую дал ей в своем докладе Ф. П. Филин. Но его смущает, что из доклада не совсем ясно, в каком направлении пойдет подготовляемая по этой книге дискуссия. А это необходимо знать заранее, т. к. в связи с этим надо переоценить работу всех секторов Института русского языка <...>. Таким образом, предстоящая дискуссия должна привести к пересмотру и перестройке работы Института русского языка»[186].
>
> «С. Д. КАЦНЕЛЬСОН — считает, что дело обстоит гораздо серьезнее и глубже, чем представил в своем докладе Ф. П. Филин. Опасность не только в открытом выступлении противников нового учения о языке (Петерсон, Реформатский и др.). Самое опасное — это самоуспокоенность, застойность в наших рядах, стремление любой ценой избежать острых углов. Эта застойность выражается в том, что у нас вырождается обсуждение. В этом смысле мы сами себе враги...»[187]
>
> «А. В. ДЕСНИЦКАЯ[188] — Согласна с замечаниями, относящимися к работе института в целом, но считает, что не следует отклоняться от главной задачи — обсуждения работы В. В. Виноградова, которая занимает огромное место в нашей науке. Предстоящая дискуссия должна явиться началом, после которого должно пойти все более полное и углубленное обсуждение волнующих нас вопросов»[189].

---

[185] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 1. Д. 8. Л. 59.

[186] Там же.

[187] Там же. Л. 60.

[188] Десницкая Агния Васильевна (1912–1992) — лингвист, дочь В. А. Десницкого, ученица В. М. Жирмунского, профессор кафедры общего языкознания, доктор филологических наук; впоследствии член-корреспондент АН СССР (1964).

[189] Там же.

> Развернуто обвинив В. В. Виноградова в формализме, «А. В. Десницкая указывает, что критикуя акад[емика] Виноградова по мелочам, мы снижаем значение нашей критики. Наша критика должна быть глубже, должна дать понять ак[адемику] Виноградову, что ему надо идти в ногу с советской наукой»[190].

Завершил обсуждение ученый секретарь ИЯМа О. П. Суник:

> «Агапов и Зелинский правильно поставили вопросы, хотя и не являясь специалистами-лингвистами, но они не довели их до конца. Это уже наша задача»[191].

Двухдневная дискуссия по обсуждению книги В. В. Виноградова проводилась Институтом языка и мышления имени Н. Я. Марра и ЛО Института русского языка также совместно, 23—24 декабря, в малом конференц-зале Академии наук на Университетской набережной[192]. Открыл дискуссию мэтр советского языкознания академик И. И. Мещанинов, который «отметил большие достижения советского языкознания, но подчеркнул, что в работах наших языковедов допущены серьезные ошибки. И. И. Мещанинов призвал собравшихся отнестись к обсуждению книги академика В. В. Виноградова критически и говорить о недостатках в работах языковедов полным голосом»[193].

Но даже И. И. Мещанинов, который, прикрывшись учением Н. Я. Марра, сделал языкознание заповедником, защищенным от идеологических бурь, не мог долго сдерживать то огромное давление, которое оказывала идеология на все стороны жизни советского общества[194]. Ограничиваясь общими фразами, И. И. Мещанинов старался по мере сил сохранить собственное лицо (осенью 1948 г., после сессии ВАСХНИЛ, он уже не сможет этого сделать), а непосредственно проработку доверял тем, кто не считал нужным разбираться в средствах. В области языкознания в 40-х гг. наиболее прославились два погромщика: Георгий Петрович Сердюченко в Москве и Федот Петрович Филин в Ленинграде. В Ленинградском университете амбиции Ф. П. Филина несколько сдерживались, что объяснялось критическим отношением к последователям учения Марра со стороны ректора ЛГУ А. А. Вознесенского[195]. Но в Академии наук Ф. П. Филин вел

---

[190] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 1. Д. 8. Л. 61.

[191] Там же. Л. 62.

[192] Стенограмма — ПФА РАН. Ф. 790 (ЛО ИРЯЗ). Оп. 1. Д. 20. Л. 1—125.

[193] О книге В. В. Виноградова «Русский язык»: На дискуссии языковедов // Ленинградская правда. Л., 1947. № 302. 27 декабря. С. 3.

[194] Тот же профессор С. Б. Бернштейн в 1944 г. дал в своем дневнике академику следующую характеристику: «Поразительная фигура в нашем языкознании Иван Иванович Мещанинов. Пышный цветок старого бюрократического Петербурга. Старая карьеристская школа помогла в новых условиях. После революции удачно использовал имя академика Марра. <...> В конце 20-х годов становится лучшим комментатором теорий Марра, о которых получить представление из первоисточников чрезвычайно трудно и сложно. В 1932 г. в числе кандидатов в академики в газете "Известия" была опубликована фамилия Мещанинова. Это вызвало негодование во многих коллективах лингвистов в разных городах. В Академию наук были направлены отрицательные отзывы из различных учреждений. <...> Но победил всесильный в те годы Марр. Большинство академиков проголосовало за этого ставленника основателя яфетической теории. После смерти Марра в конце 1934 г. в языкознании он занимает его место, но руководит вяло и бесцветно. В Президиуме считается удобным академиком, который беспрекословно и пунктуально будет выполнять все решения руководства. Сказывается старая петербургская выучка. Избирается академиком-секретарем. Недавно торжественно отмечалось его 60-летие. Получает высший орден. Сталинский лауреат. Человек замкнутый и, кажется, лишенный страстей. Но это только кажется. Страсти его — честолюбие и водка. Ничего другого нет, даже женщин» (*Бернштейн С. Б.* Указ. соч. С. 42. Запись от 25 апреля 1944 г.).

[195] Когда в Москве в конце 1947 г. готовился конгресс славяноведов и обсуждался состав

себя более свободно — позиции марристов в Ленинграде, благодаря И. И. Мещанинову, были много сильнее московских.

Выступление Ф. П. Филина на обсуждении книги В. В. Виноградова было еще более резким, нежели на предварительном партсобрании:

> «На большом конкретном материале Ф. П. Филин показал, что книга В. В. Виноградова в своей теоретической основе далека от марксизма-ленинизма. В. В. Виноградов стоит на позициях идеалистического "социологического" направления в языкознании, игнорирует достижения передовой советской лингвистики — нового учения о языке, совершенно не использует неисчерпаемое идейное богатство, содержащееся в трудах классиков марксизма-ленинизма»[196].

Вслед за Ф. П. Филиным на трибуну поднялся член-корреспондент Украинской академии наук, профессор филологического факультета Б. А. Ларин[197]:

> «С яркой речью выступил проф[ессор] Б. А. Ларин. По мнению Б. А. Ларина, книга В. В. Виноградова в значительной своей части представляет "пасьянс чужих мнений и цитат, который подменяет настоящее исследование"»[198].

После этого выступили еще несколько ораторов, отметивших допущенные в книге ошибки. Но обсуждение все же не стало единодушным — лингвисты еще не привыкли к публичным поруганиям. Оказанное ими сопротивление выглядело вызывающе:

> «Так, например, член-корреспондент Академии наук В. Чернышев, заявивший, что статья Б. Агапова и К. Зелинского "написана вполне обоснованно, хотя в ней нет ни одного научного довода против книги Виноградова" (?!), пытался затем убедить собравшихся, что "большинство ученых занято разработкой чисто научных задач и у них нет времени следить за новой методологией". Не менее странно прозвучало и заявление В. Чернышева о том, что "надо оказывать снисхождение работам невысокой политической ценности, поскольку эти работы являются научными" (!).
>
> Такое же недоумение вызвали высказывания члена-корреспондента Академии наук Е. Истриной, утверждавшей, что в книге В. Виноградова имеются лишь "отдельные недочеты", которые заключаются в том, что в освещении теоретических проблем автор... "впадает в идеализм". Итак, идеализм в теоретической концепции, по мнению Е. Истриной, это всего только "отдельные недочеты"... А член-корреспондент Академии наук С. Бархударов, защищая книгу Виноградова, объявил достоинством этой книги "уважение к научной традиции, которое у Виноградова возрастает по мере того, как он стареет".
>
> Нелепые, идейно-порочные выступления, попытки протащить старую буржуазную теорийку "чистой" науки, якобы независимой от политики и задач современности, не встретили надлежащего отпора среди присутствующих. Это свидетельствует о не изжитой еще до сих пор в среде языковедов атмосфере благодушия, гнилого

секретариата, то «была попытка протащить в секретариат Сердюченко, но Вознесенский решительно отверг эту кандидатуру. "Этот специалист по кавказским языкам нам не нужен",— сказал Вознесенский. Я не раз замечал, что Вознесенский не жалует марристов» (*Бернштейн С. Б.* Указ. соч. С. 114. Запись от 28 октября 1947 г.).

[196] О книге В. В. Виноградова «Русский язык». С. 3.

[197] Ларин Борис Александрович (1893–1964) — лингвист, доктор филологических наук, член-корреспондент Украинской АН (1946), академик Литовской АН (1949), заведующий кафедрой русского языка (1948–1951), в 1954–1958 и 1960–1963 гг. декан факультета.

[198] Там же.

либерализма и терпимости по отношению к враждебным советской науке "теориям" и "концепциям"»[199].

Газета «Ленинградская правда», также освещавшая обсуждение, недоумевала:

«Все эти и подобные им антинаучные заявления не могут не вызвать протеста советской научной общественности. Можно ли мириться с тем положением, что есть еще у нас такие лингвисты, которые рассматривают себя как "государство в государстве", что исторические решения ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии, философская дискуссия, многочисленные статьи о задачах советских ученых — все это прошло мимо них, не коснувшись своим освежающим ветром их отсталых представлений о роли и значении советской науки»[200].

Сопротивление, оказанное университетскими лингвистами на этом проработочном собрании, не прошло им даром. 17 апреля 1948 г. состоялось расширенное заседание партбюро факультета, посвященное работе кафедры русского языка и ее заведующего С. Г. Бархударова, где был подвергнут серьезной критике как его доклад, так и работа кафедры. Несмотря на попытки некоторых коллег защитить его, партбюро отметило «оторванность работы кафедры от задач современности, отсутствие должной борьбы за боевую партийную советскую науку». Приведем слова члена партбюро П. Я. Хавина:

«Доклад Степана Григорьевича меня совершенно не удовлетворил, т. к. не чувствовалось отчета коммуниста перед партбюро. Из доклада т. Бархударова выпало основное: какое место кафедра занимает в общей работе — выработке коммунистического мировоззрения у студентов. Можно ли сказать, что кафедра русского яз[ыка] "выстрадала" свое место в деле воспитания коммунистического мировоззрения? Нет, нельзя. Тихая заводь, академическая точность. <...> Я хочу сказать о Вас, Степан Григорьевич, как о коммунисте. Когда Вас выбрали членом-корреспондентом Академии наук, я очень гордился. Все эти вопросы мы выстрадали. У нас было парт. собрание, Вас там не было. С Ученого совета Степан Григорьевич ушел. Мне кажется, Степан Григорьевич, Вы не нуждаетесь в тех комплиментах, которые Вам были высказаны, а более ценно то, что я Вам сказал. Есть общество по распространению научных знаний. Там читают лекции об истории русского языка? Не нужно ждать, когда к Вам придут. Идите сами. Народ недоволен русистами. Инертность нашей кафедры — часть общей инертности по этому вопросу. Безусловно партбюро, и горком партии, и ЦК будут заниматься этим вопросом»[201].

Претензии партбюро были отражены в резолюции:

«...Кафедра и ее заведующий С. Г. Бархударов при обсуждении книги академика В. Виноградова "Русский язык" не осудили с должной решительностью содержащихся в ней методологических ошибок, заняли по отношению к ней половинчатую и недостаточно определенную позицию и не провели должной разъяснительной работы по этому поводу среди студенчества.

Весьма показательным является тот факт, что во время обсуждения на факультете статьи в "Культуре и жизни" "Против буржуазного либерализма в литературоведении" заведующий кафедрой коммунист проф[ессор] Бархударов счел возможным уклониться от этого обсуждения и не выступил по вопросам работы кафедры ни на партийном собрании, ни на Ученом совете факультета»[202].

---

[199] Против аполитичности и гнилого либерализма // Литературная газета. М., 1948. № 2. 7 января. С. 3.

[200] О книге В. В. Виноградова «Русский язык». С. 3.

[201] ЦГАИПД СПб. Ф. 984 (Парторганизация ЛГУ). Оп. 2. Д. 217. Л. 113 об. – 114.

[202] Там же. Л. 122.

В результате Степан Григорьевич, сменивший 1 октября 1947 г. В. В. Виноградова в должности заведующего кафедрой русского языка[203], вынужден был подать заявление об уходе и был 1 июня 1948 г. заменен более удобным Б. А. Лариным[204].

Причем и Борис Андреевич также не избежал некоторых гонений — в 1949 г. его подвергли «суровой большевистской критике» за космополитизм и часто поминали вместе с В. М. Жирмунским, но до оргвыводов в его отношении дело не дошло: в конце года из списка гонимых «почему-то исчез Б. А. Ларин»[205]. Ответ прост — для того, чтобы быть сурово гонимым в 1949 г., Б. А. Ларину недоставало важного пункта — пятого.

Что же касается книги В. В. Виноградова, то в конце 1947 г. масштабной дискуссии о ней не получилось. И хотя А. В. Десницкая, отчитываясь о работе парторганизации ИЯМа в 1947 г., отмечала, что «обсуждение книги Виноградова имело для нас тем большее значение, что до того дискуссии, проведенные в МГУ и в других научных учреждениях, не дали требуемых результатов»[206], замысел Ф. П. Филина все-таки не осуществился.

Дискуссия по книге В. В. Виноградова не смогла даже приблизиться по масштабам к философской дискуссии — она не была в должной мере поддержана ЦК[207], тем самым не была лишена слова оппозиция марровцам. Попытка еще одной проработки под видом «подведения итогов дискуссии» — открытое партсобрание филологического факультета МГУ 30 и 31 января 1948 г.[208], на котором выступил и сам В. В. Виноградов, — также прошла достаточно сдержанно. Но осенью 1948 г., после сессии ВАСХНИЛ, оппозиция будет сломлена, и в языкознании (вплоть до личного вмешательства И. В. Сталина) установится «аракчеевский режим» сторонников так называемого нового учения о языке.

ДИСКУССИЯ «ЗАДАЧИ СОВЕТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ»

Квинтэссенцией идеологических мероприятий всего 1947 г. стала масштабная дискуссия о литературоведении, состоявшаяся 17–19 декабря:

> «Два дня продолжалась дискуссия, организованная Филологическим научно-исследовательским институтом Университета совместно с Институтом литературы Академии наук на тему “Задачи советского литературоведения”. Доклад профессора

---

[203] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 2335 от 9 октября 1947 г. В приказе сказано, что освобождение В. В. Виноградова от должности заведующего кафедрой с 1 октября производится «согласно личной просьбе».

[204] ОДО СПбГУ. Приказы ректора. № 1068 от 8 июня 1948 г. Б. А. Ларин назначался исполняющим обязанности до окончания конкурса, но уже при назначении результат был заранее известен.

[205] *Алпатов В. М.* Указ. соч. С. 165.

[206] ЦГАИПД СПб. Ф. 3035 (Парторганизация ИЯМ и ЛО ИРЯЗ АН СССР). Оп. 2. Д. 2. Л. 12.

[207] Точка зрения руководства страны на языкознание не будет сформирована вплоть до 1950 г. Когда 6 января 1947 г. близкий к аппарату ЦК заместитель директора Московского филиала ИЯМа Г. П. Сердюченко выступал в Ленинграде на заседании партбюро ИЯМа с сообщением о работе филиала, ленинградцы интересовались и настроениями в ЦК относительно языкознания: [Вопрос]: КАЦНЕЛЬСОН: Были ли указания общего порядка со стороны руководящих органов? — [Ответ]: СЕРДЮЧЕНКО: Особой теоретической линии нет» (Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 4).

[208] *Вершинин А.* Обсуждение книги академика В. В. Виноградова «Русский язык» в Московском университете // Вестник Московского университета. М., 1948. № 4. С. 147–155.

Л. А. Плоткина вызвал оживленные прения, в которых приняли участие как крупнейшие литературоведы, так и молодые ученые»[209].

Обстановка была напряженная; Б. М. Эйхенбаум записал:

«Ужасные статьи в "Лит[ературной] газете" и в "Культуре и жизни" (о В. В. Виноградове, В. Я. Проппе, Жирмунском и др.). В среду 17 го — дурацкая "дискуссия" о литературоведении со вступительным словом Л. А. Плоткина. Я думаю, что не буду выступать: не хочу быть ни подлецом, ни дураком»[210].

«20 [декабря.] Вчера, после колебаний, выступил на дискуссии по литературоведению против А. Г. Дементьева (по вопросу о ругательских статьях в газетах) и "наговорил". Вероятно обложат. Странно внимателен и нежен со мной Б. С. Мейлах»[211].

В силу принципиального значения, которое имела эта дискуссия, — она, по сути, знаменовала победу нового поколения литературоведов над старым, и партийность в литературоведении вытесняла «дурные традиции академизма» из этой науки, — становилось все более очевидным, что всякое сдерживание «большевистской критики и самокритики» подходит к концу. О высоком уровне мероприятия говорит и то обстоятельство, что открывал ее своим вступительным словом А. А. Вознесенский.

Ход дискуссии восстанавливается по нескольким печатным источникам. Первым в газете «Ленинградская правда» выступил ее участник — работник Ленинградского горкома ВКП(б), доцент филологического факультета А. Г. Дементьев:

«Как и следовало ожидать, дискуссия подтвердила, что одним из главных недостатков советского литературоведения является некритическое, аполитичное и объективистское отношение некоторых наших ученых к буржуазному, домарксистскому, академическому литературоведению; стирание принципиальных различий между ним и марксистско-ленинским литературоведением; непонимание того очевидного факта, что советское литературоведение представляет собой совершенно новый этап в развитии литературной науки и сложилось в жестокой борьбе со всеми буржуазными школами.

Как на характерный и довольно типичный факт подобного отношения к буржуазному, дореволюционному литературоведению многие выступавшие на дискуссии справедливо указывали на изданный в 1946 году 107-й выпуск "Ученых записок" Московского университета. В помещенных в этом сборнике статьях члена Академии наук УССР А. Белецкого и профессора Д. Благого без единого слова критики преподносятся не только такой ученый, как А. Веселовский, но даже Стороженко и Кирпичников. От них ведут Благой и Белецкий советское литературоведение, "забывая" сказать

---

[209] Дискуссия у филологов // Ленинградский университет. Л., 1947. № 42. 24 декабря. С. 4.

[210] РГАЛИ. Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум). Оп. 1. Д. 248. Л. 46 об. Частично опубл.: *Тоддес Е. А.* Указ. соч. С. 687.

[211] Там же.

Причину необычного поведения Б. С. Мейлаха объясняет запись от 29 декабря: «Третьего дня был в Доме писателя на обсуждении книги Б. С. Мейлаха "Ленин и русская литература" (выставлена на Сталинскую премию) и выступал. В этой же комнате я читал в прошлом году свою работу "Статьи Ленина о Толстом". О ней никто не вспоминал, как будто ее и не было. Такова моя участь — молчание» (Там же). Положение профессора Б. С. Мейлаха вообще сильно упрочилось к концу 1947 г. Кроме выдвижения его книги на Сталинскую премию (которую он в 1948 г. и получит), Борис Соломонович в начале декабря при «расширении состава Правления» ЛО ССП вместе с О. Ф. Берггольц, В. К. Кетлинской и еще одним претендентом на Сталинскую премию прозаиком Э. Грином был кооптирован в новый состав правления ЛО ССП (Литературный дневник // Вечерний Ленинград. Л., 1947. № 285. 7 декабря. С. 3).

о традициях великих деятелей русской революционной демократии — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, о роли и значении в развитии литературной науки марксистско-ленинской теории.

Среди филологов Ленинграда это неправильное отношение к домарксистскому литературоведению особенно яркое выражение нашло в чрезмерном восхвалении и возвеличении Александра Веселовского и его научных достижений. Апологетическая брошюра академика Шишмарева о Веселовском, изданная Ленинградским университетом, приобрела печальную известность. В книге по истории Ленинградского университета Веселовский назван "гениальным создателем многих основ современного научного литературоведения". Профессор В. Жирмунский в одной из статей утверждал, что задача советского литературоведения — поднять знамя, выпавшее из рук великого ученого Веселовского, и продолжать начатую им работу.

К сожалению, выступления некоторых ученых Ленинградского университета показали, что они еще не сделали для себя должных выводов на ряд постановлений ЦК ВКП(б) об идеологической работе из философской дискуссии и продолжают попрежнему односторонне, некритически относиться к наследию Веселовского. Профессор В. Жирмунский, заявив, что он неповинен в апологетическом отношении к Веселовскому, с энергией, достойной лучшего применения, изъяснялся в любви к нему и доказывал его заслуги. Профессор М. Алексеев, утверждая, что он и по сей день остается при своем старом мнении о Веселовском, не счел нужным отнестись самокритично к тому факту, что он является редактором ошибочной брошюры акад[емика] Шишмарева о Веселовском. Профессор М. Азадовский защищал Веселовского под флагом возвеличения русской науки, как будто бы кто-нибудь когда-либо сомневался в том, что русский ученый Веселовский был на голову выше европейских филологов.

Однако защита Веселовского провалилась. Профессора Л. Плоткин и Б. Мейлах, доцент В. Друзин и другие выступавшие филологи убедительно показали в различных аспектах, что в работах Веселовского содержатся не только формалистические тенденции, но и теоретические предпосылки для того низкопоклонства перед буржуазным Западом и его культурой, примеры которого до сих пор встречаются в некоторых работах советских литературоведов.

Нельзя без возмущения читать в уже упоминавшейся статье Д. Благого похвалы советским литературоведам за то, что они успешно показали, "что в основе таких бесспорно народных, в высшей степени проникнутых 'русским духом' произведений Пушкина, как, скажем, его сказки, лежат не национально-русские, а иноземные источники"... Эта же не заслуга, а ошибка советских литературоведов, не достижение советской науки, а псевдонаучные измышления! И хотят этого или не хотят некоторые филологи — их преклонение перед Веселовским мешает им последовательно бороться с низкопоклонством перед Западом в литературной науке, потому что именно сравнительный метод Веселовского ведет к преувеличению роли и значения литературных влияний и заимствований, к чисто формальным сопоставлениям аналогичных "странствующих сюжетов", к вредным представлениям о литературе, как о явлении безнациональном, космополитическом, к тем идеям, с которыми неразрывно связано низкопоклонство перед Западом в литературоведении.

О том, куда могут привести любовь к литературным аналогиям и сопоставлениям и космополитическое представление о литературе, можно судить по недавно вышедшей из печати книге профессора В. Проппа "Исторические корни волшебной сказки". Книга

эта подверглась на дискуссии заслуженной критике. Профессора Проппа осуждали за то, что в своей работе он лишил русскую сказку и национальных, и социальных, и художественных особенностей.

Профессор В. Пропп и сам признал справедливость многих критических замечаний, сделанных по адресу его книги в печати, но не удержался от высокомерных выпадов против осмелившихся критиковать его “недоучившихся аспирантов”.

Отрицательную реакцию со стороны ряда филологов вызвало выступление проф[ессора] Б. Эйхенбаума, который просто отмахнулся от критики, заявив, что она носит скорее эмоциональный, чем интеллектуальный характер и даже мешает его творческой работе. Профессор Б. Эйхенбаум не понял, что критика ошибок советских ученых (в том числе и его ошибок) носит глубоко принципиальный характер и означает борьбу за партийность в науке, за повышение ее идейного уровня, борьбу за преодоление вредных традиций аполитизма и низкопоклонства перед Западом, что без такой критики и самокритики не может существовать и развиваться советское литературоведение.

Дискуссия в Ленинградском университете не только помогла уяснить состояние советского литературоведения, вскрыть его недостатки и ошибки, но и дала возможность очень широко и ясно сформулировать основные задачи советского литературоведения,

Покончить с дурными традициями академизма, с “профессорским квазиобъективизмом” (Жданов), с ложными представлениями о существовании надклассовой и наднациональной “чистой науки”; бороться за развитие боевой партийной науки; всецело руководствующейся интересами советского народа и государства, — так определяли главную задачу советского литературоведения участники дискуссии.

Надо направить главные усилия литературоведов не на библиографию и текстологию, не на исследование литературных влияний и заимствований, не на создание абстрактных схем или эмпирические ”разыскания”, а на раскрытие идейно-политического, философского и морального смысла и значения художественных произведений. Надо, говорили профессора Г. Гуковский и Л. Плоткин, как можно шире и лучше использовать сокровища художественного слова для развития социалистического сознания нашего народа, чтобы помочь учителям литературы успешнее выполнять благородное дело воспитания нашей молодежи в духе советского патриотизма и коммунизма.

Полное одобрение филологов вызвало выступление профессора Б. Мейлаха, который, справедливо осуждая ученых, отказывающихся от классового анализа литературных явлений, призывал литературоведов смелее браться за разработку больших вопросов теории литературы и марксистско-ленинской эстетики. Проф[ессор] Б. Мейлах считает, что дальнейший подъем советского литературоведения требует перестройки системы преподавания теории литературы и эстетики, а также изучения и исследования теоретических проблем литературоведения.

Неотложной задачей литературоведения является усиление изучения советской художественной литературы и проблем социалистического реализма. Нельзя больше мириться с совершенно неудовлетворительной разработкой истории и теории советской литературы. Доцент Е. Наумов, резко критикуя единственный учебник по истории советской литературы, написанный профессором Тимофеевым, за бесстрастие, серость и многочисленные ошибки, правильно настаивал на том, чтобы литературоведы создали ряд монографий о творцах советской литературы и подлинно научную историю советской литературы.

Ответственной задачей литературоведения является изучение эстетики и литературно-критического наследия великих представителей революционной демократии — Белинского, Чернышевского, Добролюбова. По мнению многих участников дискуссии, это изучение поможет литературоведам теснее связать свою работу с жизнью и до конца преодолеть существовавшее в дореволюционное время ненормальное разделение на академическую науку и литературную критику, на ученых и журналистов.

Наконец, прямой долг наших литературоведов — одного из важнейших отрядов работников советского идеологического фронта — заключается в том, чтобы вести активную наступательную борьбу со всеми проявлениями чуждой советскому народу идеологии, где бы она ни встретилась. Необходима глубокая критика культурного и литературного распада, который характерен для современного буржуазного Запада и империалистической Америки.

Дискуссия литературоведов в Ленинградском университете, несомненно, окажет весьма положительное влияние на развитие литературной науки в Ленинграде. Она будет способствовать развитию критики и самокритики в среде филологов и даст сильный толчок принципиальному открытому обсуждению их научных работ»[212].

Газета «Ленинградский университет» представила свое ви́дение, подробно изложив тезисы выступлений участников. Приведем некоторые:

«Профессор В. Я. Пропп значительную часть своего выступления посвящает показу того, какое место в старой науке о фольклоре занимало низкопоклонство перед западноевропейскими буржуазными теориями. Останавливаясь на работах Веселовского, В. Я. Пропп говорит: "С общей идейной направленностью Веселовского нам не по пути". Проф[ессор] Пропп не удовлетворен той критикой, которой подверглась его книга, посвященная изучению волшебной сказки. Он считает эту критику несерьезной и во многом основанной на недоразумениях и путанице. Все же он признает, что критика заставила его многое передумать заново и понять такие свои ошибки, как недостаточное изучение русской сказки как национального явления. <...>

Профессор М. П. Алексеев, напомнив о своих прежних статьях о Веселовском, говорит о том, что он всегда понимал не только положительные стороны учения Веселовского, но и его ошибки, а потому не считает нужным сейчас как бы то ни было менять свое мнение об этом ученом. Проф[ессор] Алексеев говорит о неуместности обидно-юмористического тона в критических статьях о наших ученых. Он подчеркивает необходимость и в дальнейшем устраивать подробные дискуссии, что должно способствовать движению нашей науки вперед.

Профессор Г. А. Гуковский говорит об огромном превосходстве советской литературной науки перед наукой буржуазной Европы. Но, вместе с тем, мы отстаем от тех задач, которые ставит перед нами советская действительность. Нужно как можно шире и лучше использовать сокровища художественного слова для развития социалистического сознания нашего народа, чтобы помочь учителям литературы успешнее выполнить благородное дело воспитания нашей молодежи в духе советского патриотизма и коммунизма.

В ходе дискуссии обнаружилось, что ряд ученых до сего времени не сделал для себя надлежащих выводов из той справедливой критики, которой подверглись в печати их работы. В. М. Жирмунский и М. К. Азадовский вновь выступили с апологией Веселовского.

---

[212] *Дементьев А.* За партийность науки о литературе: (К итогам литературоведческой дискуссии в Ленинградском государственном университете) // Ленинградская правда. Л., 1947. № 304. 30 декабря. С. 3.

Профессор В. М. Жирмунский считает, что А. Веселовский вовсе не является основоположником низкопоклонства перед Западом в нашем литературоведении. Он указывает на демократические тенденции в работах Веселовского. Веселовский несомненно стоит на голову выше современной ему западноевропейской науки. Он вовлек в орбиту своего изучения богатейшую культуру стран Востока, отвергая "европоцентризм", до сих пор бытующий в реакционной науке Запада.

Профессор М. К. Азадовский посвятил свое выступление защите русской филологической школы 60-х годов и ее крупнейшего представителя А. Веселовского. "Речь идет, — говорит проф[ессор] Азадовский, — о защите чести и достоинства русской науки".

Странное впечатление произвело выступление проф[ессора] Б. М. Эйхенбаума, который пытался совсем отмахнуться от критики и самокритики.

Профессор Б. М. Эйхенбаум отказался принять обвинение в бесстрастности, в том, что профессора филологического факультета не всегда достаточно раскрывают морально-политические идеи писателей. "Коллектив филологического факультета редкий, — говорит проф[ессор] Эйхенбаум. — Он заслуживает поддержки и ободрения, а не обвинения". Проф[ессор] Эйхенбаум говорит о том, что он сейчас так увлечен научной работой, что не чувствует потребности в самокритике.

В своем заключительном слове проф[ессор] Л. А. Плоткин останавливается на ряде вопросов, затронутых в дискуссии. Он резко полемизирует с проф[ессором] Б. М. Эйхенбаумом, определившим ход дискуссии как "эмоциональный". На дискуссии был поднят ряд вопросов большой идейно-политической и методологической важности.

Некоторые выступавшие старались укрыться от критики и самокритики словами о том, что наша наука о литературе сейчас находится на подъеме. Несомненно, это так. Но мы находимся на подъеме по сравнению с наукой прошлого или с наукой буржуазной Европы. Однако по сравнению с задачами, которые ставит перед нами народ, мы отстаем, и этого нельзя замалчивать. Веселовского надо сравнивать не только с западными учеными, современником которых он был, но и с представителями прогрессивных, революционных теорий. Проф[ессор] Плоткин напоминает о том, что Веселовский был современником Чернышевского, Плеханова, однако его учение не выдерживает никакого сравнения с достижениями этих замечательных ученых и тем более с величественными завоеваниями теории Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина»[213].

Этой дискуссией в действительности вся дискуссионность в филологии и закончилась. 1948 г. уже не будет годом диспутов, а станет годом проработок и началом откровенных погромов. Казалось, что и без всяких дальнейших продолжений уже все уничтожено:

«Как обезличены советские люди! Они ничем не интересуются. <...> Все боятся. Политика представляется всем надоевшей брехней. Я смотрю на таких честных людей и ученых, как Пропп, Бялый, Еремин. Что это за люди! Это мертвецы. О ком я ни думаю, ни у кого я не могу найти живой мысли. Ее нет, живости. Нет живых умов»[214], — писала О. М. Фрейденберг.

---

[213] За партийность литературоведения: О состоянии и задачах советского литературоведения. Против идеализации Ф. М. Достоевского // Ленинградский университет. Л., 1948. № 3. 21 января. С. 3–4.

[214] *Фрейденберг О. М.* Записки.

Выступление И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа. Москва, 9 февраля 1946 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов выступает с докладом, посвященным годовщине Великого Октября. Москва, Большой театр Союза ССР, 6 ноября 1946 г. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

Секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов в президиуме партконференции. Ленинград, Таврический дворец, 1940-е гг. (© ЦГАКФФД СПб)

Секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов выступает на предвыборном собрании Володарского избирательного округа. Ленинград, Володарский Дом культуры, 6 февраля 1946 г. Фото — Г.И. Чертов. (© ЦГАКФФД СПб)

Секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, август 1946 г. (© РГАКФД)

И.В. Сталин и «ленинградцы» на торжественно-траурном заседании, посвященном 23-й годовщине смерти В.И. Ленина. Москва, Большой театр Союза ССР, 21 января 1947 г. Кадр кинохроники. Слева направо: А.А. Кузнецов, А.Н. Косыгин, И.В. Сталин, Н.А. Вознесенский. (© РГАКФД)

Празднование 1-го Мая в Ленинграде. Ленинград, 1 мая 1947 г. Фотооткрытка 1947 г. Слева направо: П.С. Попков, А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, Я.Ф. Капустин. Фото — Э. Хайкин. (© ЦГАКФФД СПб)

Члены Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов и Н.А. Вознесенский во время авиационного праздника. Москва, Тушинский аэродром, 25 июля 1948 г. Фото — Г. Петров. (© РГАКФД)

Члены Политбюро ЦК ВКП(б) следуют в траурной процессии за телом А.А. Жданова из Дома Союзов на Красную площадь. Москва, 2 сентября 1948 г. Слева направо: В.С. Абакумов (в военной форме), Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, В.М. Молотов, И.В.Сталин (на первом плане), К.Е. Ворошилов (позади), А.А. Кузнецов (вдали), Н.А. Вознесенский, Н.М. Шверник и др. (© РГАКФД)

Секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков на трибуне мавзолея Ленина. Москва, 1 мая 1949 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) В.М. Андрианов выступает с речью на торжественном заседании, посвященном 70-летию И.В. Сталина. Ленинград, Академический театр им. С.М. Кирова, 21 декабря 1949 г. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

Секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) В.М. Андрианов (слева), секретарь горкома Н.А. Николаев и др. на траурном митинге, посвященном памяти Г. Димитрова. Ленинград, Дворцовая площадь, 2 июля 1949 г. Фото — А. Михайлов. (© РГАКФД)

Избранный академиком Г.Ф. Александров выступает с докладом «О советской демократии» на ноябрьской сессии АН СССР. Москва, Дом ученых, 4 декабря 1946 г. (© ПФА РАН)

Председатель ВКВШ при СНК СССР С.В. Кафтанов вручает Г.Ф. Александрову почетный знак лауреата Сталинской премии. Москва, 1946 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Профессор МГУ историк А.М. Панкратова за работой. Москва, 1945 г. Фото — А. Соловьев. (© РГАКФД)

Здание ЦК ВКП(б). Москва, 1940-е гг. (© РГАКФД)

Вид стола президиума совещания в ЦК ВКП(б) с редакторами краевых, областных и республиканских газет. Москва, Старая площадь, 1936 г. Именно в этом зале 14 августа 1946 г. состоялось заседание Оргбюро ЦК ВКП(б). (© РГАКФД)

Общий вид зала совещания в ЦК ВКП(б) с редакторами краевых, областных и республиканских газет. Москва, Старая площадь, 1936 г. Долго сохранялся полностью этот интерьер — отдельные столы в шахматном порядке, за которыми сидели и представители делегации Ленинграда 14 августа 1946 г. (© РГАКФД)

Депутат Верховного Совета РСФСР профессор Н.Г. Клюева в лаборатории. Москва, 18 января 1947 г. Фото — Д.Г. Шоломович. (© РГАКФД)

Участники заседания Ученого совета МГУ поздравляют Г.И. Роскина (слева) с получением Ломоносовской премии. Москва, МГУ, 4 мая 1947 г. Фото — Э.Н. Евзерихин. (© РГАКФД)

Фасад здания Президиума АН СССР, в котором открыл свои двери избирательный участок для сотрудников Академии наук. Москва, 10 февраля 1946 г. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

Сцена торжественного заседания, посвященного 800-летию Москвы. Ленинград, Академический театр им. С.М. Кирова, 6 сентября 1947 г. Фото — А. Михайлов. (© ЦГАКФФД СПб)

Открытие общего собрания действительных членов Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний; звучит гимн Союза ССР. Москва, Большой театр, 7 июля 1947 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Президент АН СССР С.И. Вавилов открывает I съезд Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний; слева — академик М.Б. Митин. Москва, Дом ученых, 26 января 1948 г. Фото — Л. Великжанин. (© РГАКФД)

Д.Т. Шепилов — главный редактор центрального органа ЦК ВКП(б) «Правда». Москва, 1953 г. (© РГАКФД)

«Беспачпортный бродяга» — карикатура К.С. Елисеева на обложке журнала «Крокодил». 20 марта 1949 г.

Вид здания Президиума Академии наук СССР. Москва, Нескучное, ок. 1940 г. (© РГАКФД)

Академия наук СССР голосует за избрание В.М. Молотова почетным академиком АН СССР. Москва, 29 ноября 1946. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

ПРОТОКОЛ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

г.Москва 29 ноября 1946 года

Выборы почетных академиков.

Президент Академии Наук СССР академик С.И.Вавилов, выражая волю всех членов Академии Наук, вносит предложение об избрании В.М.Молотова почетным академиком Академии Наук СССР. В.М.Молотов - виднейший политический и государственный деятель, активный строитель социалистического государства, обогативший своими теоретическими трудами марксистско-ленинскую науку об обществе, государстве и международных отношениях.

Академик С.И.Вавилов предоставляет слово вице-президенту Академии Наук СССР академику В.П.Волгину, охарактеризовавшему роль и значение В.М.Молотова в развитии марксистско-ленинской науки.

Постановление Общего Собрания Академии Наук СССР:

За выдающиеся заслуги в развитии марксистско-ленинской науки об обществе, государстве и международных отношениях, за исключительные заслуги в деле строительства и укрепления Советского государства Общее Собрание Академии Наук СССР единогласно постановляет:

Избрать Вячеслава Михайловича Молотова почетным академиком Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик.

Первый лист протокола Общего собрания АН СССР от 29 ноября 1946 г., на котором В.М. Молотов был единогласно избран почетным академиком. (© ПФА РАН)

Автомобили участников Юбилейной сессии Академии наук СССР перед гостиницей «Астория». Ленинград, июнь 1945 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Участники Юбилейной сессии АН СССР — президент Французской Академии наук Морис Кольери (слева) и славист, иностранный член АН СССР Андре Мазон у входа на выставку «Героическая оборона Ленинграда». Ленинград, Соляной переулок, 15 июня 1945 г. Фото — В.Г. Федосеев. (© ЦГАКФФД СПб)

Ленинградские писатели обсуждают постановление ЦК ВКП(б) о литературных журналах; на трибуне член секретариата ССП СССР Б. Горбатов. Ленинград, Дом писателя, 10 октября 1946 г. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

А.А. Прокофьев выступает с докладом на собрании ленинградских писателей, посвященном постановлению ЦК ВКП(б) о литературных журналах. Ленинград, Дом писателя, 9 октября 1946 г. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

На расширенном заседании Правления ЛО ССП совместно с активом писателей Ленинграда, посвященном выдвижению Н.С. Тихонова в Верховный Совет СССР. Ленинград, декабрь 1945 г.
Кадры кинохроники:
1. А.А. Ахматова и Г.П. Макогоненко. (© РГАКФД)

2. М.М. Зощенко и Б.М. Эйхенбаум (на заднем плане). (© РГАКФД)

3. О.Ф. Берггольц. (© РГАКФД)

Обложка «ничтожной книжонки», ставшей причиной кампании против А.Н. Веселовского.

А.А. Фадеев выступает на заседании пленума Правления ССП СССР с докладом «О некоторых причинах отставания советской драматургии». Москва, 18 декабря 1948 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Президиум XII пленума Союза советских писателей СССР. Слева направо: А. Софронов, Н. Тихонов, А. Фадеев, К. Симонов, А. Корнейчук. Москва, 26 января 1950 г. Фото — В. Савостьянов. (© РГАКФД)

Президиум заседания пленума правления ССП СССР. Слева направо: Б. Горбатов, А. Корнейчук, В. Вишневский, Н. Тихонов, во втором ряду слева — К. Симонов. Москва, 18 декабря 1948 г. (© РГАКФД)

А.А. Фадеев выступает с докладом «Советская литература после постановления ЦК ВКП(б)...» на XI пленуме ССП СССР. В левой руке — книга И.М. Нусинова «Пушкин и мировая литература». Москва, 26 июня 1947 г. Фото — В. Савостьянов. (© РГАКФД)

Профессор И.М. Нусинов. 1945 г.

А.М. Еголин выступает на сессии АН СССР с обличением антисоветской деятельности норвежского филолога Олафа Брока. Ленинград, 10 января 1949 г. (© ПФА РАН)

Главный редактор «Литературной газеты» В.В. Ермилов. Москва, 1947 г. Фото — Е.П. Ряпасов. (© РГАКФД)

Профессор В.Я. Кирпотин. Москва, 1944 г. Фото — М.С. Наппельбаум. (© РГАКФД)

Министр высшего образования СССР С.В. Кафтанов голосует на выборах в Верховный Совет РСФСР. Москва, 9 февраля 1947 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Министр высшего образования СССР С.В. Кафтанов и академик Н.С. Державин со студентами — сталинскими стипендиатами. Москва, ЦПКиО им. Горького, 1946 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета РСФСР академик И.И. Мещанинов. 1947 г. (© ПФА РАН)

Президиум торжественного заседания, посвященного 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Выступает И.И. Мещанинов, слева от него — Н.Ф. Бельчиков, В.М. Андрианов. Ленинград, Академический театр им. С.М. Кирова, 6 июня 1949 г. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

Институт русской литературы АН СССР. 1950 г. Фото — Г. Савин. (© ЦГАКФФД СПб)

Вид на филологический факультет ЛГУ (бывший дворец Петра II) с купола Исаакиевского собора. 1950 г. Фото — М.А. Величко. (© ЦГАКФФД СПб)

Панорама Университетской набережной. Середина 1940-х гг. (© ЦГАКФФД СПб)

Фасад ЛГУ, украшенный флагами союзных держав во время митинга в честь соединения войск 1-го Украинского фронта с войсками союзников. 28 апреля 1945 г. Фото — В.Г. Федосеев. (© ЦГАКФФД СПб)

Колонна трудящихся на первомайской демонстрации перед зданием Ленсовета. 1 мая 1949 г. Фото — Л.И. Портер. (© ЦГАКФФД СПб)

Колонна ЛГУ на первомайской демонстрации 1947 года. Фото — Н.П. Янов. (© ЦГАКФФД СПб)

Ректор А.А. Вознесенский у входа в Ленинградский университет. 1944 г. Фото — В.Г. Федосеев. (© РГАКФД)

Ректор А.А. Вознесенский выступает на Юбилейной сессии, посвященной 125-летию ЛГУ. Ленинград, Большой зал Филармонии, 20 ноября 1944 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Ректор А.А. Вознесенский встречает гостей научной сессии ЛГУ по славяноведению. В центре — А.А. Вознесенский и А. Белич. Ленинград, Московский вокзал, 29 июня 1946 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Вице-президент Общеславянского комитета А.А. Вознесенский, председатель Славянского комитета СССР А.Н. Гундоров и член Славянского комитета СССР, председатель Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата митрополит Николай (Ярушевич) за беседой. Москва, 31 марта 1947 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Участники и гости научной сессии ЛГУ по славяноведению на балконе Ленинградского Дома ученых (И. Горак, А.А. Вознесенский, Е.В. Тарле, И.А. Орбели и др.). Июль 1946 г. Фото — В.И. Капустин. (© ЦГАКФФД СПб)

Встреча гостей научной сессии ЛГУ по славяноведению. Профессор М.К. Азадовский приветствует фольклориста, посла Чехословацкой республики в СССР Иржи Горака; на заднем плане — А.А. Вознесенский, слева по краю — профессор Б. Гавранек, справа по краю — А. Белич. Ленинград, Московский вокзал, 29 июня 1946 г. Фото — ТАСС. (© РГАКФД)

Президиум научной сессии ЛГУ по славяноведению. А.А. Вознесенский, М.П. Алексеев, В.В. Виноградов и др. Ленинград, ЛГУ, июль 1946 г. Фото — В.И. Капустин. (© РГАКФД)

Работа научной сессии ЛГУ по славяноведению. Внизу слева направо: М.К. Азадовский, Б.М. Эйхенбаум, В.А. Десницкий. Ленинград, июль 1946 г. Фото — В.И. Капустин. (© РГАКФД)

Фольклористы в гостях у Азадовских. Слева направо: сидят — М.К. Азадовский, П.Г. Богатырев, В.М. Жирмунский, Л.В. Азадовская; стоят — А.В. Позднеев, Т.А. Шуб, Э.В. Померанцева, А.М. Астахова, В.Ю. Крупянская, В.Я. Пропп. Ленинград, 29 января 1947 г. (© С.И. Панов)

Ректор А.А. Вознесенский вручает декану филологического факультета М.П. Алексееву знак об окончании Ленинградского университета. Ленинград, 5 сентября 1946 г. Кадр кинохроники. (© РГАКФД)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Петр Александрович Дружинин

ИДЕОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

Ленинград, 1940-е годы
Документальное исследование

Т. 1

Дизайнер
С. Тихонов

Редактор
О. Ивченко

Корректоры
Н. Поселягин, М. Смирнова

Компьютерная верстка
В. Фролова

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК- 005-93, том 2
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http: //www.nlobooks.ru

Формат 70 x 100/16
Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 37. Тираж 1000. Заказ №4520.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»,
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

• Киоск в кафе «АртАкадемия» — Берсеневская набережная, 6, стр. 1
• Книжный магазин в кафе «МАРТ» — ул. Петровка, 25 (здание Московского музея современного искусства)

в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

• На складе нашего издательства — Лиговский пр., 27/7, (812) 275-05-21
• «Академическая литература» — Менделеевская линия, 5 (в здании Истфака СПбГУ), (812) 328-96-91
• «Академкнига» — Литейный пр., 57, (812) 230-13-28
• «Борхес» — Невский пр., 32-34 (дворик у Римско-католического собора Святой Екатерины), (921) 655-64-04
• «Буквально» — ул. Малая Садовая, 1, (812) 315-42-10
• Галерея «Новый музей современного искусства» — 6-я линия ВО, 29, (812) 323-50-90
• Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1
• Киоск в Доме Кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)
• «Классное чтение» — 6-я линия ВО, 15, (812) 328-62-13
• «Книги и Кофе» — наб. Макарова, 10 (кафе-клуб при Центре современной литературы и искусства), (812) 328-67-08
• «КнигиПодарки» — ул. Колокольная, 10, (812) 715-33-07
• «Книжная лавка» — в фойе Академии Художеств, Университетская наб., 17
• «Книжный Окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), (812) 323-85-84
• «Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), (812) 328-95-11
• Книжные салоны при Российской национальной библиотеке — Садовая ул., 20; Московский пр., 165, (812) 310-44-87
• Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13, (812) 232-33-07
• «Подписные издания» — Литейный пр., 57, (812) 273-50-53
• «Порядок слов» — Наб. реки Фонтанки, 15 (812) 310-50-36
• «Проектор» — Лиговский пр., 74 (Лофт-проект «Этажи», 4 этаж), (911) 935-27-31
• «Ретро» — Стенд № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской, пр. Обуховской обороны, 105
• «Санкт-Петербургский Дом Книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28, (812) 448-23-57
• «Университетская лавка» — 7 линия ВО, 38 (во дворе), (812) 325-15-43
• «Фонотека» — ул. Марата, 28, (812) 712-30-13
• Bookstore «Все свободны» — Волынский пер., 4 или наб. Мойки, 28 (второй двор, код 489), (911) 977-40-47

в ЕКАТЕРИНБУРГЕ:

• «Дом книги» — ул. Антона Валека, 12, (343) 253-50-10

в КРАСНОЯРСКЕ:

• «Русское слово» — ул. Ленина, 28, (3912) 27-13-60

в НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ:

• «Дирижабль» — ул. Б. Покровская, 46, (8312) 31-64-71

в НОВОСИБИРСКЕ:

• Литературный магазин «КапиталЪ» — ул. Горького, 78, (383) 223-69-73
• Магазин «BOOK-LOOK» — Красный пр., 29/1, 2 этаж, (383) 362-18-24;
— Ильича, 6 (у фонтана), (383) 217-44-30

в ПЕРМИ:

• «Пиотровский» — ул. Луначарского, 51а, (342) 243-03-51

в ЯРОСЛАВЛЕ:

• Книжная лавка гуманитарной литературы — ул.Свердлова, 9, (4852) 72-57-96

в МИНСКЕ:

• ИП Людоговский Александр Сергеевич — ул. Козлова, 3
• ООО «МЕТ» — ул. Киселева, 20, 1 этаж, +375 (17) 284-36-21

в СТОКГОЛЬМЕ:

• Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32, Stockholm, 08-651-1147

в ХЕЛЬСИНКИ:

• «Ruslania Books Oy» — Bulevardi, 7, 00120, Helsinki, Finland, +358 9 272-70-70

в КИЕВЕ:

• ООО «АВР» — +38 (044) 273-64-07
• Книжный рынок «Петровка» — ул. Вербовая, 23, Павел Швед, +38 (068) 358-00-84
• Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин» (http://lavkababuin.com/) — ул. Верхний Вал, 40 (оф. 7, код #423), +38 (044) 537-22-43; +38 (050) 444-84-02
• Интернет-магазин «Librabook» (http://www.librabook.com.ua/) (044) 383-20-95; (093) 204-33-66; icq 570-251-870, info@librabook.com.ua

Книга П.А. Дружинина посвящена наиболее драматическим событиям истории гуманитарной науки XX века. 1940-е годы стали не просто годами несбывшихся надежд народа-победителя; они стали вторым дыханием сталинизма, годами идеологического удушья, временем абсолютного и окончательного подчинения общественных наук диктату тоталитаризма. Одной из самых знаменитых жертв стала школа науки о литературе филологического факультета Ленинградского университета. Механизмы, которые привели к этой трагедии, были неодинаковы по своей природе, и лишь по случайному стечению исторических обстоятельств деструктивные силы устремились именно против нее. На основании многочисленных, как опубликованных, так и ранее неизвестных источников автор показывает, как наступала сталинская идеология на советскую науку, выявляет политические и экономические составляющие и, не ограничиваясь филологией, воссоздает впечатляющую картину воздействия тоталитаризма на гуманитарную мысль.

ISBN 978-5-86793-982-3

